

ОКТАБРЬ 2014

26.10.14 14-20

Итак, я всё же начинаю, черт побери! И заранее говорю вам всем, оперские мрази, ублюдки, недочеловеки – будь то Чертанов, мразотный, гнойный опер, приставленный лично ко мне, или сам Черников, начальник оперчасти, или другие такие же черти, мрази-опера, оперское отребье: если когда-нибудь вы отберете у меня эти записки, отшмонаете, вытащите из баула, из тумбочки или из кармана, или их отшмонают другие «мусора» и принесут вам, и вы будете их читать, – знайте же, что с каждой их страницы и из каждой строчки я плюю в ваши поганые хари! И жду с нетерпением того момента, когда сохнет Путин и – вдруг да изменится всё же что-то в этой проклятой стране: тогда мы вас не на колени уже ставить будем, как «беркутовцев» в Киеве прошлой зимой, – нет, мы будем вас сразу расстреливать, пачками, тысячами, всех вас, служак-«силовики» в погонах любого цвета, а еще лучше – сжигать живьем в печах!..

...Шесть шагов в длину, три в ширину. Напротив двери, под потолком – маленькое оконце, прорубленное в глубокой нише, да еще изнутри забранное громадным решетчатым коробом из стальных полос, так что к нему вообще никак не подобрешься. Под ним – большая, из двух толстенных труб, батарея, выкрашенная в темно-синий цвет. Того же цвета – по правой стене дощатые нары в два яруса, на день пристегиваемые к стене крюком на железной палке, пропущенной через стену прямо из коридора, и дальняк; по левой – крохотный столик у стены, две табуретки рядом с ним – одна близко, так что можно сесть за стол, а вторая далеко, есть, сидя на ней, было бы очень неудобно, – и синий же, еще меньше размером, столик у входа – под вечный, обязательный в таких местах жестяной бак для питьевой воды, громоздкий, нелепый и ненужный. Кроме двери, еще вторая дверь в виде решетки, с отверстием на месте «кормушки»; над ней – новейшая энергосберегающая, круглосуточно светящая лампочка, вставленная в этакий полуэллипс из железных прутьев.

Это – камера №3 в местном ШИЗО. Я сижу в ней уже третий раз за те два месяца и четыре дня, как приехал в этот лагерь. Первый раз – с 8 по 23 сентября – за то, что якобы грубо и на «ты» разговаривал с кем-то из представителей администрации (что, конечно же, абсолютная, вопиющая ложь). Вторую «пятнашку» – с 1 по 16 октября – и десять суток сейчас, с 22 октября по 1 ноября – за хозработы (ст.106 УИК РФ). Пресловутые хозработы, пресловутая 106-я статья, которую тут уж не требовали подписывать при заезде (говорят, и нигде уже не требуют), но за которую тут реально сажают

в ШИЗО. Да, действительно на хозработы я оба раза не ходил, причем второй раз – уже зная, что с вероятностью 99% меня за это опять посадят сюда. Но – помимо того, что я фактически инвалид и уже давно не гоюсь ни для какой физической работы, даже легкой, – слишком здорово было бы для этого мразотного государства, чтобы оно меня раз за разом ни за что сажало, а я бы после этого на него еще и вкалывал!..

Теперь – 10 суток вместо изначально, на их «комиссии», мне объявленных 15-ти, и – в СУС на девять месяцев. 10 вместо 15-ти, думаю, дали только потому, что тогда в СУС – как раз 1-го ноября, и до 1-го августа 2015. Впрочем, еще задолго до того, думаю, я вернусь опять сюда, в эту же «тройку» – отсиживать здесь если не очередную «пятнашку» ШИЗО, то полгода ПКТ, не меньше, а потом – и год ПКТ...

Да и черт с ним, будь что будет!.. Пока эти мрази сильнее, увы, и деваться мне некуда. В боку болит опять, хотя вроде чуть послабее, чем те две «пятнашки». Маюсь целый день, живу по заведенному еще в первый раз распорядку: завтрак – шмон – обед – ужин – матрас. Самое тяжелое – что 16 часов нельзя лечь, конечно, шконка пристегнута к стене (нары, точнее). Сажу на табуретке, опираясь спиной на стену, или из последних сил броду туда-сюда, от двери к окну и обратно. Тяжко это физически; иногда к вечеру ощущаешь себя полностью вымотанным, разбитым, буквально полумертвым, как будто вагоны разгружал весь день. Вообще, я понял уже: если тот срок был мне в основном тяжел морально, гнусен до отвращения, то этот будет в основном, видимо, тяжел физически. Им не согнуть меня, я это знаю, да и им говорил уже не раз, что лучше вдохну, чем буду им подчиняться, чем встану – фигурально – перед ними на колени. Им не взять меня ничем, но – увы, с инвалидностью де-факто физически все эти испытания очень тяжелы мне...

Жрать дают то же, что и в столовой, ту же бурду. Если что-нибудь получше – картошка тушеная, например, или макароны – «с курой», как пишут в здешнем столовском меню, – то это не «с курой», а «со шкурой от курицы» и с костями (от нее же). Всё делается, типа, с курятиной, но реально – это одни кости, раздробленные кусочками, и шкура, мяса почти совсем нет. Если тушенка – это жалкие два-три тоненьких волоконца от нее, вот и всё. Порции крохотные – один маленький черпачок. Плюс, разумеется, кислая черняга утром и вечером, а в обед – хлеб чуть посветлее, не черный, а серый, но такой же кислый. Серый этот я хоть как-то ем, чернягу – никак вообще, плюс – не завтракаю, т.к. здесь завтраки, кроме съедобных, но крайне редких пшенки и риса, – это всё та же сечка, перловка, овсянка, а также «каша ячневая», которая здесь отдельно от сечки. То есть, фактически

питание у меня получается двухразовое всего, и ничего дополнительно купить сходить – здесь, разумеется, нельзя, хотя деньги у меня есть и в интернет-магазине, и в обычном. В результате – боюсь, скоро просто-напросто не смогу уже таскать ноги...

Здесь хорошо думать, размышлять, философствовать, вспоминать свою жизнь и анализировать ее. Времени полно, никто не мешает. Увы, выводы в основном неутешительные... Со всех остальных мыслей и тем сбиваюсь почему-то всё время на Маню. На последней короткой свиданке мать сказала мне, что, по словам Данилы (которому мать звонила по моей просьбе), Маня за границей. Вот так!. Уехала-таки... Ну да, конечно, я сам ей писал об этом, просил срочно уезжать, пока до нее не добрались, требовал, настаивал, передавал через других... Но она – когда вообще достаивала ответом – неизменно отвечала, что, пока я сижу, она никуда не уедет и собирается, наоборот, ездить ко мне на свидания. И вот всё же уехала... Молодец, конечно; теперь я хоть спокоен за нее, что не сцапают, как меня и Крюкова. Но – как же ее клятвы, наша мистическая связь, и т.д. и т.п.? Вспоминать ли мне еще об этом, как о самом сокровенном, или забыть навсегда? Увы, предчувствие подсказывает, что мы не увидимся больше; я не знаю, что думает и чувствует она, на мое августовское (из карантина) письмо она не ответила, а позвонить Даниле и поподробнее расспросить его я отсюда не могу. Но сердце подсказывает, что связь наша с Маней разорвана и больше не существует, – по крайней мере, в первую секунду извести о ее отъезде я воспринял именно так. Эх, Маня, Маня!.. Мне будет тебя не хватать... Всё, чего я хочу теперь, – чтобы она из своего далека как-нибудь все же прислала мне весточку и подтвердила этот разрыв, отпустила бы мою душу из плена. На большее я не претендую.

НОЯБРЬ 2014

6.11.14., 7-53

Ну что ж, я не начинаю уже, а продолжаю, начало ведь было уже где-то положено, – где-то там, в ШИЗО, или где там еще, отдельное начало после того, как они забрали 10-го июня всё предыдущее тюремное у матери. Собственно, начало ли, продолжение, – ничего не меняется, всё одно и то же, хоть там, хоть здесь, что в тот раз, что в этот...

Вот он и СУС, ожидаемый, заранее известный, понятный с самой выгрузки на платформу Всесвятская (не зря же был он, тот вопрос в ночи...). Двух месяцев хватило, ровно, день в день... А вчера, – о-о, вчера был день, богатый событиями!.. С утра приходил шмон, всех ненадолго – на полчаса где-то – выгоняли наверх, на второй этаж, где шконки. Блокнот свой я брал с собой, его не отобрали (ур-р-ра!!), и вообще ничего из тумбочек не пропало (а баул-то – в каптерке, там же, наверху). Зато вечером эти мрази украли мои сигареты! Там, на шконках уже, перед сном – смотрю вдруг, один дьявол с хитрой рожей разносит по проходнякам сигареты без пачек, перевязанные черными нитками, – у меня, думаю, у одного во всем лагере были такие: тут, оказалось, принимают их невскрытыми блоками, а я-то просил мать вынуть из пачек, как требовали в Буреполоме, и заодно обмотать. Потом – лежу, прикрыв глаза, еще поверх одеяла, – этот же дьявол подходит ко мне и дает футболку, черную, – ему, говорит, она велика, а мне как раз. Я еще спросил: тебе что-то надо за нее? – нет-нет, что ты, мол, – отвечает. Ну да, понятно, он уже взял... Лежали они в моем клетчатом бауле для продуктов (в нем в сентябре мать привозила передачу), который при заезде сюда, в СУС, не пропустил шмонавший меня «мусор»: мол, м.б., через тебя кто-то затыгивает лишние, неположенные продукты в СУС, а тут, мол, «строгие условия» (ну да, строгие до того, что с голоду надо помереть, на одной баланде сидя), – мол, придет отрядник, заберешь у него. Тогда как раз начались «праздники», их «день народного паскудства» 4 ноября, 2-е и 3-е тоже были выходными, а привели меня сюда из ШИЗО вечером 1-го (отрядника же нет до сих пор). Так и остался баул со жратвой и сигаретами в кабинете отрядника, а кабинет этот, как я понял, стоит там незапертый. Завхоз (восторженный фанат Путина и «мощи и величия России», не раз уже говоривший мне в бывших поначалу дискуссиях, что, мол, мне мало дали и меня вообще повесить надо было; юный идиот с промытыми мозгами, короче) и дневальный (лет 50, и тоже абсолютно ничего хорошего, судя по роже) сидят там, вместе с постоянно дежурящим в СУСе «мусором», – и нет сомнения, что пакет с сигаретами из моего баула украли и передал

сюда, в секцию, кто-то из них. Я просил обоих притащить мне как-нибудь незаметно что-то из моей жратвы оттуда, – нет, отказываются, говорят, мол, нельзя. А оказывается – вполне себе можно. И вот сейчас, утром, спускаюсь сверху вниз, в дневное это проклятое мое обиталище – и, смотрю, тот же самый вчерашний сучонок стоит в том конце, дальнем, где обычно сидят самые тут бластные, и потрошит мой пакет с сигаретами, – конечно же, я его сразу узнал. Вытаскивает из него сигареты и прямо так, с нитками, несет и раскладывает по столам. Для вас, мрази, мать мне их везла сюда, за 1000 км, сутки на поезде ехать, ага!.. Обнаружили – и тут же украли, присвоили себе, даже не подумав, что это, так, на минуточку, вообще-то чужое, что это кража, крысятничество, воровство, – да, впрочем, они и сидят – многие – именно за воровство, что с них после этого спрашивать и какой порядочности от них ждать?.. Да, и там же, вместе с моим пакетом сигарет, смотрю, лежит и большая круглая пачка с коржами для торта – три штуки, – они тут из таких коржей постоянно, с помощью сгущенки, маргарина и пр. делают торты и раздают по кусочку в честь выхода их соратничков из ШИЗО. Тоже – узнали, что есть (мне это положили на 7-м, когда уносили вещи оттуда) – и ничтоже сумняшеся, просто так, бесхитростно присвоили...

Сжечь вас всех, мрази, сжечь в печах всех, всю вашу проклятую страну, все эти миллионы быдла, ворья, наркоманов и алкашей, эту е...ную Россию, страну свиней, ее населяющих!!! За это в том числе, за мой срок ни за что, за мои сигареты, ими украденные, и за все зло, которое принесли эти свиньи за сотни лет соседним народам! Ядерными бомбами вас, ублюдков, закидать, на каждый ваш крупный город – ядерную бомбу, чтобы вас выжгло тут, – вот что было бы для вас единственно справедливым!..

А меньшим тут не обойтись, ибо внутри этой системы, по ее законам и правилам, сделать нельзя ничего. Ну, могу я сказать отряднику, что его помощники украли мои сигареты, три блока четыре пачки, могу даже узнать и привести ему их точную стоимость, могу пообещать жалобу с воли на этот факт. И что? Абсолютно ничего не поможет, – что он, новые эти три блока четыре пачки купит за свой счет, что ли? Нет, ясное дело...

Да и вообще, муторно и тоскливо это всё, и действительно – кончена жизнь, прошла, миновала, это уже ясно... Три пачки этой самой «Явы золотой» отдал я еще на 7-м бараке за бирки (ненужные теперь), а еще три – за стирку вещей, на что, в общем-то, изначально сигареты тут и были мне нужны. Но – «обиженных» тут, с СУСе, всего трое, стирает из них всего один, и то – стирает местным бластным; а мне – два раза я его спрашивал – он сперва сказал «посмотрим», а сегодня – лишь отрицательно покачал

головой. Что ж, курить у него есть, раз он тут один стирает, а мне теперь и нечего ему дать за стирку, если б даже он согласился...

Проклятая мразь, страна свиней, ублюдков и мрази, будь ты проклята навеки! За Украину, за Грузию, за Ичкерия – и за страдания твоих внутренних диссидентов по тюрьмам и лагерям!.. Смерть, смерть, смерть проклятой вонючей России!!!

А в боку левом болит всё сильнее, уже даже почти с самого утра (вот сейчас, 8-32, когда пишу это). Записался на сегодня к терапевту, – и он, и хирург, и еще кто-то из местных эскулапов приходят, оказывается, прямо сюда, в СУС. Но – уже обращался ведь, бесполезно это, не помогают никакие даваемые ими лекарства, да и точного диагноза ведь нет, а чтобы его установить – надо ехать на «девятку».

Да, как ни жалко – а прошла жизнь, прошла. Все пути, все двери – закрыты...

Надо, значит, самому стирать себе вещи, раз этот старый ублюдок не хочет. Где, как, – непонятно. Горячая вода – только в бане, тазиков нет, даже хозяйственного мыла у меня нет... А уродец-завхоз вчера, подходя оттуда, из мусорского кабинета, с той стороны к решетке (входу в секцию), пил кофе, – тоже, видимо, мой, из моего продуктового баула...

16-50

Только успел утром дописать (точнее, переписать) предыдущее, – приперся опять шмон! Второй день подряд, и это тут – норма... Очкастая мразь Черников, начальник местной оперчасти, тут же прицепился ко мне – где, мол, у меня «куртка х/б» (роба), т.к. я пошел наверх в спортивной куртке, в которой хожу в бараке, и на обратном пути сообщил, что уже написал на меня рапорт. Плевал я на твои рапорты, сука! – и в ответ я посоветовал ему дать мне за это еще 15 суток, но он сказал, что на 15 это не тянет. Ничего, и после десяти тут уже вполне можно в ближайшее время уехать в ПКТ, я именно этого от них и жду...

10.11.14., 16-30

Неделя всего в СУСе – и вот оно уже и ПКТ!.. Четвертый день уже... 7-го, после обеда, вызвали вместе с еще четверьмя с СУСа на «крестины» прямо сюда, в здание ШИЗО, – и тут я получил аж четыре месяца ПКТ, больше всех! Еще один блатной – тот, что за отсутствием «смотрящего» встречал меня в СУСе 1-го ноября, получил два месяца ПКТ – за то, что с тем же самым Черниковым, ублюдком очкастым, грубо разговаривал во время того же самого шмона 6-го ноября в СУСе. А я – именно за эту самую спортивную куртку, за отсутствие робы на шмоне – получил четыре! Лихо!.. Стараются эти мрази, свиньи в погонах, ничего не скажешь, – усердно отрабатывают

полученное задание. Держать меня в полной изоляции, в одиночной камере, чтобы и не звонил на волю, и не писал ничего в обход цензуры, – вот как я понимаю это их задание от ФСБ. И что уж послужило ему причиной – «третье дело» ли мое, где у меня алиби, или же вообще всё, что я сумел сказать этим сроком из тюрьги, или мое последнее слово в их «суде», или всё это вместе, – остаётся только гадать...

А тут, в той же самой, уже родной :) для меня крохотной «тройке», между тем, не так уж и плохо. :) Лечь нельзя, спина сильно болит от этого, да жрать всё время охота с их пустой баланды с куриными костями, – вот главные беды. Зато – тепло (в отличие от их СУСа, черт бы его побрал!..) и нет уголовников ближе, чем за стенкой. :) На второй тут день, 8-го, принесли с утра из СУСа мой баул с вещами; но баул со жратвой, остатками сентябрьской передачи – так и не принесли. Вместе с баулом пришел и отрядник 13-го, тот самый, кого я неделю так ждал, но на мои просьбы принять меня для разговора, передаваемые через «мусоров», даже не подумал откликнуться – мол, «когда освободится», тогда... Сегодня я тоже пытался его залучить, но тоже безрезультатно. Таким образом, даже имея деньги на счету и право их тратить в ПКТ – я вот уже четвертый день опять-таки продолжаю сидеть тут на одной баланде!.. :(((А остатки моей передачи, без сомнения, уголовники в СУСе просто разделят между собой и сожрут, пользуясь моим длительным отсутствием, если уже не сожрали, как только я ушел...

Взял из вещевого баула конверты, ручки, бумагу А-4, общие тетради, из телогрейки – свой блокнот. Вчера с обеда до отбоя, с коротким перерывом на ужин, писал письма – Майсуряну, Вере, Герасимову, Игорю Шесткову в Берлин и некоему незнакомому мне питерцу, армянину, судя по имени и фамилии, чье письмо с вопросами – чем мне можно помочь? есть ли ограничения на передачи? какие книги нужны? – я успел получить еще утром 7-го в СУСе, вместе с майсуряновским письмом. Библиотекарь-зэк вчера, как обычно тут по воскресеньям, разносил (Е)ПКТ-шникам книги, я взял сразу четыре, но утром я еще дочитывал свою, найденную в СУСе и оттуда захваченную, а с обеда – опять писал письма. :) На этот раз, правда, всего два: большое, подробное – матери, плюс маленькое – Люде Евстифеевой, захотелось почему-то ей опять написать, как полтора года назад из «Медведкова». Все-таки она – одна из лучших людей, кого я знал в жизни, и дружеское общение с ней меня бы здесь очень поддержало...

Тепло, светло, мухи не кусают... Можно жить... :))) Да, уголовников нет, это великое дело!.. :) Пусть маринуют меня месяцами и годами в этой одиночке, морят голодом, мордуют как хотят, – я не сдамся! Не сдамся, не встану на

колени, не попрошу у них, вырождков в погонах и в штатском, прощения и не изменю своего главного убеждения: эта страна, совершившая столько чудовищных преступлений, не имеет права на существование и должна быть уничтожена вместе со всеми населяющими ее рабами и быдлом! На том стою и стоять буду! И если всё же еще доведется выйти отсюда, если доживу до мая 2019 – сделаю всё, что в моих силах, чтобы эта проклятая страна, это преступное государство РФ было опрокинуто, уничтожено дотла, полностью, и навсегда стерто с карты мира...

Еще же немецкий язык тут можно учить – не зря, значит, вез я с собой учебник, еще летом в «Медведково» закинутый мне Геной Строгановым! :) Подрабинек в своем ПКТ изучал английский – из этого примера Гена и исходил – а я в своем буду учить (точнее, повторять) немецкий! Сегодня, думаю, уже не возьмусь, – дело идет к ужину, под вечер я вообще тут порядком устаю, – можно бы завтра с утра, если б не эти проклятые шмоны в 10 утра (ко мне, правда, сегодня не заходили, вламывались позавчера). Что ж, после шмона, или после обеда можно будет, наконец, взяться, а м.б. – все-таки и сегодня вечером еще, ибо три часа между ужином и отбоем занять тут бывает совершенно нечем. Есть, правда, книги, но их надо беречь, чтобы на дольше хватило... :))

Ждать Рому и Глеба – вот самое главное и важное, что мне тут остается делать. Ждать Рому и Глеба... Обещали в тот раз быть или уже в середине ноября – если потом Глеб до Н.г. уедет на заработки – или в конце, если не уедет...

11.11.14., 18-41

Ну что ж, вот и день прошел. Точнее, почти прошел... О чем, казалось бы, можно писать в дневнике, сидя в одиночке? О том, был или не был утром, как обычно, шмон (сегодня, кажется, они вообще не приходили). О том, что было на обед и на ужин (весь день давали всё съедобное, кроме – как обычно – завтрака, а вот сейчас, в ужин, дали опять, как пару раз уже в СУСе, пол-луковицы, – это для меня с голодухи настоящий праздник, это обещает после отбоя такое пиршество из лука (еще и на завтра его останется) с хлебом, что я даже не стал выкидывать вечернюю пайку, горбушку кислой черняги, которую из-за кислоты обычно не ем, но с луком – пойдет и она!..) О том, какую книгу читаю сейчас, – библиотечный «Аэропорт» Хейли. О том, что сегодня наконец-то начал заниматься немецким по привезенному – как нельзя кстати Гена, ссылаясь на ПКТ-шный опыт Подрабинека начала 80-х, мне его достал! – из Москвы еще учебнику. Прошел там два урока сразу, – в первом упражнения только устные, на правильное чтение дифтонгов, согласных и пр.; во втором – уже письменные, простенькие пока что.

Насколько люто, помню, ненавидел я в школьные годы письменные упражнения по любым предметам, – настолько же рад тому, что эти немецкие упражнения есть у меня сейчас. Когда пишешь, лучше запоминаешь и усваиваешь, это я постиг давно, поэтому сегодня писал даже то, что можно было бы впрямь делать и устно. Жаль только, что ручки быстро кончаются, не напасешься, да и тетрадки в 96 листов – такой же, как вот эта – мне ненадолго хватит: на обложке учебника написано, что в нем... 1000 (!!) упражнений. Ну, а главное – проходит время, пролетает незаметно, пока занимаешься. Вот только в груди слева всё болит и болит, когда пишешь долго на коленях, никак оптимальную позу не мог сегодня подобрать. Черт его знает, окажусь ли я когда-нибудь в Германии, доживу ли, пригодится ли мне этот немецкий, но сейчас он для меня, безусловно – подарок судьбы!..

Завтра уже 12-е – число, начиная с которого Глеб, уезжая в прошлый раз, сказал мне ждать их с Ромой в ноябре...

Проклятая эта страна, мразь Россия, должна быть уничтожена полностью, тотально и навеки, вместе со всем быдлом и рабами, ее населяющими!!

12.11.14., 15-50

Открылась дверь камеры в третьем часу дня – я думал, к врачу (просил меня утром записать). А «мусор» говорит: «К вам приехали, пойдете». Иду, думая, что это Рома и Глеб – только что же так поздно – они же в 11 обычно уже приходят!.. Вижу – лица незнакомые, двое, думал – опять гэбуха какая-нибудь, или что-то в этом роде. А это оказался... Исаев, председатель местной ОНК, о котором я и думать не думал, и ждать не ждал, и с ним еще один – молодой сотрудник.

Что ж, спасибо, что приехал, поговорили мы с ним конфиденциально, присутствовавший вначале Чертанов соизволил уйти. Исаев, как уже и говорили мне Глеб и Рома про всю эту их ОНК, оказался очень умеренным и осторожным, – впрочем, другого я и не ждал. Рассказал я ему о том, как оформляли мне все эти ШИЗО и ПКТ, как спрашивали про эти «строгие условия», едва выгрузив из «столыпина» на Всесвятской, и т.д. Он мне сказал, что не верит (не цитирую; не помню, как точно он выразился), что местной администрации дано задание меня прессовать; а если, мол, моя позиция – принципиально отказываться от «хозработ» и других их «требований» – то до конца срока и буду я сидеть в закрытых помещениях. По всем его этим осторожным разговорам – ну точь в точь такой правозащитник, о каких писала Вера в одной из своих последних статей обо мне, присланных Майсуряном: «Правозащитники, насколько я могла

убедиться, не одобряют такого вот бойкота и неповиновения, уверяют, что чрезвычайно трудно упрямым и несговорчивых людей защищать. Негоже, считают они, открыто выказывать презрение лагерному руководству. Неправильно отказываться отмечаться, если высочайше велено ходить и расписываться в журнале. По закону выходит, что начальнички-то в своем праве что-то такое велеть». Ну прямо как про Исаева написано, ей-богу! :)))

Сказал я ему, что общественной кампании в защиту придаю гораздо больше значения, чем любым обжалованиям в их «судах». Он сказал, что у них есть свой сайт, где они могут упомянуть мою позицию (отрицание хозработ и т.п.), есть и бумажная газета, но денег осталось всего на два номера. Сказал – споря с моим утверждением, что Система едина – что это, мол, государство одно, а «суд», ФСИН и пр. – это, мол, разные системы. (Ага, ага, как же!..) Сказал, что говорил и с Алехиной («Pussy Riot»), когда она сидела тут на 28-й, но она, мол, «очень эпатажный человек», – ну, а ты, родной, уж больно скромный и законопослушный, – и я подозреваю, что мнение о нем Алехиной было близко к моему нынешнему. Сказал также – в ответ на мое упоминание о прошлогоднем позорном шабаше Алексеевой и Ко в Кремле, куда они по приглашению Путина явились и пили с ним вино в честь Дня прав человека, – что пить вино с Путиным – нет, а вот для «конструктивного диалога» с ним – пошел бы тоже в Кремль. Ну это уж полный позор просто – тьфу, а не правозащитник. Впрочем, Бабушкин в Москве не лучше, не говоря уж об Алексеевой...

Какой итог и результат вынес Исаев из этой встречи со мной, что он будет делать – я так и не понял. В общем-то, ни о чем, по сути, был разговор. Главные итоги для меня – что он вообще приехал, вызвал меня, проявил ко мне интерес, – это как бы еще одно, в кучу ко всем другим, напоминание для здешнего начальства, что совсем уж втихую, молча и тайно сгноить меня тут не удастся. Ну и – он обещал сообщить обо мне Марголиной, местному официальному «омбудсмену», к которой мать и Вера хотели обратиться, но всё никак не могли найти на нее выход. Ну и – самая большая польза вообще от всех этих ОНК везде и всегда – он сам предложил позвонить матери и спросил, что передать. Я кратко изложил (про письмо, отданное сегодня утром, про свиданку в апреле, если еще ее разрешат, ну и вообще про это ПКТ...). Спасибо и на том, как говорится...

Вернулся оттуда, спросил закрывавшего меня в камеру «мусора» про врача, – врач был, но меня, оказывается, не было в списке к нему на прием, хотя идиота баландера я сегодня в завтрак, как положено, просил меня записать. Остается надеяться, что запишут на завтра – а завтра еще и баня, так что день будет не скучный... :)

Между прочим, Исаев очень удивился, прямо был поражен, услышав от меня под конец, что Глеб в тот раз брал у меня интервью на диктофон. :) Сразу видно, кто настоящий правозащитник, а кто – барахло, балласт, если не сказать – коллаборант с Системой..

19-18

Неожиданно, уже после ужина, опять приперся мразоид Чертанов, местный тощий опер, бывший вначале и с Исаевым, опять выдернул меня из камеры – как выяснилось, принес-таки мне наконец-то герасимовское письмо, что не отдал еще 22 октября и на которое я, между прочим, уже ответить успел. :) Но перед этим, как всегда, попытался провести со мной некую воспитательно-душеспасительную беседу. Вновь задал свой любимый (глумливый, разумеется, хоть и задается спокойным тоном) вопрос: мол, ну как вам тут? – Отвратительно, как у вас везде! – ответил я и постарался свести все разговоры к минимуму. Сказал ему, что прекрасно понимаю: им дано задание гнобить меня, держать в изоляции, в камере, – вот они и гнобят, и держат. Он в ответ начал мне свою вечную песню, что, мол, не надо нарушать режим, а их очкастого выблядка Черникова, нач. оперчасти, тогда, при шмоне 6-го ноября в СУСе, я, оказывается, по их официальной версии, ОСКОРБИЛ! – подумать только!!! – тем, что на его придирки ответил ему, что, мол, давайте еще 15 суток!

Нет, мрази, выродки, блядво в погонах и камуфляже, – только убивать вас, всех, без разбора, убивать, мочить, лично, своими руками, выкашивать из пулеметов, живьем сжигать в крематориях!! О-о, с каким наслаждением я занялся бы этим лично, если б только представилась малейшая возможность!..

А Герасимов, как я и думал, ничего особенно важного не пишет, – письмо датировано, между прочим, еще аж 1-м октября! Пишет, что его вызывали в ФСБ и там три часа допрашивали по «третьему делу» о Мане, Маглеванной и Агафонове, – но при этом думает, что «еще одно дело» против меня только ХОТЯТ возбудить, не подозревая, видимо, что оно возбуждено еще 4-го апреля. Вот что значит не читать рассылки!.. :) Пишет, что Маня в Киеве и хочет просить там убежища. И – единственное хоть слегка приятное – пишет еще, что (в сентябре, видимо, не позже) Нестеренко дал ссылку на мою «статью о русском народе» – т.е., видимо, всё же на «Открытое письмо москалям» – с комментарием: «Стомахин отжигает". :))))))

13.1.14., 21-27

Была баня утром. Перестирал, наконец, все вещи – те, что отказался этот козел «обиженный» в СУСе, плюс снятое сегодня. Хотя стирал я, сидя на столике для мыльниц и пр. в бане и не особо много старался тратить усилий

– но позвоночник, вверху, между лопатками, болеть начал почти сразу же – и болел долго, чудовищно весь день, болит и сейчас. Делать руками я не могу вообще ничего – сидя ли, стоя, лежа, – тотчас начинается эта тупая боль в спине. Немного забылся только когда читал, закончил – опять... А когда после обеда и занятий немецким, в полном уже изнеможении, всё же лег не пол, минут на 15 всего (и тут же провалился в дрему какую-то, пока не разбудил один из постоянных тут резких звонков в коридоре, – так, увы, убедился, что проклятая камера в углу, над дальняком, таки работает – и на монитор ее порой действительно смотрят. Какое-то предчувствие заставило меня быстро встать; да еще я думал, что звонок – это, м.б., врач пришел, к которому я уже два дня пытаюсь записаться, просить таблетки от болей в боку. Но за этим звонком в дверь последовал телефонный – они тоже тут постоянно – и почти сразу «мусор», заглянув в «глазок», спросил, что это у меня тут «валяется на полу». :) Идиот, он, должно быть, не понял, ЧТО ему сказали по телефону, – что на полу валяюсь я сам... (Кстати, за это они могут дать и 15 суток ШИЗО, если засекут, или же – с них станется – сразу год ЕПКТ...).

А к врачу так и не повели уже второй день...

14.11.14., 10-20

Суки, мрази, паскудные тупые выблядки!.. Был сейчас шмон в камере, – первый раз с 8-го ноября зашли и ко мне. Всё перевернули, мрази, недочеловеки, листали даже мой блокнот, – я успел посреди процесса мельком заглянуть в камеру, а то эти животные в камуфляже, стоящие в коридоре, пытались заставить меня силой (!) стоять лицом к стене и держать руки за спиной. Какой-то жеребец из них, высоченный, с отвратной тупой харей, недочеловек, быдло быдлом, – я поворачиваюсь от стены обратно, лицом в коридор, а он меня, ублюдок, разворачивает обратно. Не так уж я и слаб пока что, можно было и побороться с ним, но... Не новых 15 суток я боюсь, сидеть-то всё равно в этой же камере, а... Хорошо, что ничего хоть не забрали...

Нет, мрази, вас – только сжигать в печах живьем!!! Всех, до единого, без всякой жалости – в ПЕЧЬ!!!

10-45

А нет, забыл! Кое-что всё же забрали – казенные наволочку (в карантине, в первую ночь еще выданную, – последнее, что у меня оставалось от той ночи... :) и казенную же простыню, которую один из уголовников в СУСе дал мне, забрав у того православнутаго дебила из Мытищ, – а на ней и написано было «Мытищи» большими буквами. Ничего, понадобится мне все это нескоро – в лучшем случае в марте...

19-50

Сегодня наконец-то – с третьей попытки – вызвали к врачу, и – как это ни поразительно, вопреки моим ожиданиям – принесли сперва карту с лицевым счетом и список продуктов из местного магазина, а потом, еще до ужина – и сами продукты. Заведует отовариванием (Е)ПКТ-шников в ларьке местный баландер. Что есть теперь хоть какая-то дополнительная жратва – это хорошо, но дальше встает неразрешимая, на первый взгляд, задача: ежедневно просить – и получать!! – у местных охранников кипятков для лапши б/п и – пока есть консервы – возможность их открыть... :(

15.11.14., 5-40

Почти не спал этой ночью из-за мразей «мусоров», как дежуривших здесь, так и прочих. Прибежали, открыли наружную дверь, я проснулся, вскочил, думал – подъем... Оказалось – время пол-одиннадцатого ночи, а им, видимо, позвонили из их долбанной «надзорки», или откуда там еще, – увидев в видеокамеру, что у меня темно. Впервые с 6-го, что ли, октября, однако, – за месяц с лишним... Потребовали убрать – я убрал. [Примечание 2020 г.: собственную робу, которую, еще отбывая в этой камере ШИЗО, начал, ложась спать, вешать на выступающую вокруг лампочки железную решетку, дабы в камере было потемнее.] Ушли – повесил снова. Через минуту – телефонный звонок, прибегают опять вдвоем, открывают на сей раз «кормушку» и опять требуют убрать. Попрепирался с ними немного, убрал, они ушли, ворча. Через две-три минуты повесил опять – но больше они до утра уже не приходили, звонили им уже явно не по поводу меня. Тем не менее – больше трех часов после этого провалялся я без сна, в отчаянии, думал уже – всё, пропала ночь, хорошо, что хоть часок вначале успел поспать... Да еще и постоянная какофония за дверью не способствовала засыпанию, – бешеные звонки в дверь и телефонные (даже ночью), вопли и скандалы эзков, орущих и долбящих в двери камер: кто требовал срочно врача и лекарство, кто – новое одеяло (казенное), кто – еще чего-то, и долгие, нудные беседы «мусоров», выяснявших с ними отношения... Однако ближе к утру все-таки заснул – судя по тому, что опять, как и всегда, снилась какая-то чушь...

Однако же... Невозможность лечь 16 часов в сутки, боли в позвоночнике и в поджелудочной (? – даже несмотря на вчерашний пензитал), отсутствие реальной медпомощи, голодный паек баланды (несмотря на их убогий «магазин» на 1000 р.), а теперь еще и невозможность нормально спать ночью (если так пойдет и дальше – чего, я все же очень надеюсь, не будет), – всё это в сумме означает, что, похоже, долго я тут действительно не выдержу... :(

И еще, дополнительный фактор: очень тошно и тоскливо без писем. Мне

их, конечно, просто не отдадут, они есть. . Чувство одиночества и заброшенности...

16.11.14., 16-12

Сегодня впервые с моего приезда в этот лагерь на обед дали фирменное блюдо ФСИН России – борщ из гнилой свеклы, столь хорошо знакомое мне по Буреполуму и тюрьмам. Не то чтобы совсем уж гнилой, но всё же... запах соответствующий. Шмон перед обедом был, как всегда, но ко мне не заходил. Библиотекарь-зэк принес сейчас «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна, «Принца и нищего» и «Приключения Гекльберри Финна», не читанные с далекого детства...

Тоска... Очень нервирует и напрягает отсутствие писем, – точнее, письма-то, конечно, какие-нибудь да есть, мне их просто не несут. Отсутствие всяких вестей из дома, от близких и друзей, всякого контакта с ними, – вот что морально тяжелее всего здесь, в этой одиночке, где нет такой моральной тяжести, как круглосуточное присутствие уголовников. Скучаю по матери (какой бы она ни была), по Вере, по Лене Маглеванной... А завтра ведь еще и день рождения у Мани! Ну что ж, с днем рождения, кошка моя дорогая! Не знаю уж, существует ли еще эта мистическая связь между нами, или нет; мне, конечно, хотелось бы, чтобы она сохранилась, чтобы мы с тобой еще встретились в этой жизни, – только, боюсь, не судьба...

Да, жизнь прошла, прошла окончательно и бесповоротно, и это обиднее всего. Миновала... Служил-служил, а ничего не выслужил... Обиднее всего будет умирать никем, как никем родился, – и единственным человеком, кому я могу это откровенно и без ложного оптимизма написать отсюда, оказался Игорь Шестков, писатель в Берлине, приславший мне летом свою книжку. Но, во-первых, далеко не факт, что это мое письмо вообще ему отправят, во-вторых же – не факт, что он ответит на него, даже получив. В одиночке, в каменном мешке, в этих пыточных условиях, – разве это жизнь? Жрать почти нечего, 16 часов нельзя лечь... Но и за сроком этим, если я доживу до его конца, – тоже абсолютно ничего хорошего меня не ждет, ничего такого, ради чего стоило бы стремиться дожить. Пустота... Все двери закрыты, это абсолютно ясно уже сейчас. Проклятая эта страна, исковеркавшая, изуродовавшая мою жизнь... А Рома с Глебом так пока что и не едут... :(((

17.11.14., 16-23

Одиночка!.. Смогу ли я когда-нибудь забыть ее, если мне суждено дожить до конца нынешнего срока?..

Утром произошло поразительное событие. Тот, от кого я меньше всего ожидал (называть тут не буду, чтобы не подводить), сообщил мне вдруг, что

у матери моей «всё хорошо» и что «адвокаты» приедут ко мне после 20-го. То бишь, Рома с Глебом, конечно, – с Глебом, так и не поехавшим, видимо, на заработки. Всё утро настроение у меня было от этого сообщения праздничное, – как мало надо человеку для счастья!.. Но откуда же, однако, он узнал, этот добрый вестник? Спрашивать у него я по понятным причинам не стал – и полдня ломал голову над этой загадкой, строя более или менее правдоподобные версии.

Здесь уже вечер, а в Киеве еще только полвторого, разгар дня. С днем рождения, кошка моя дорогая!..

Из купленных в магазине трех рулетов остается у меня еще один, но я не хочу попусту тянуть время: давя в себе инстинктивное отвращение, набираюсь решимости, чтобы вечером, в начале девятого, попросить наконец у местной дежурной охраны кипятка – для лапши – и открыть консервную банку. Увы, отказ, причем в грубой, хамской и унижительной форме, более чем вероятен... :(((

20-50

Ну да, все самые отвратные мои предположения подтвердились полностью. Когда я спросил первый раз про кипяток – первый спрошенный «мусор», мразь, ответил: а где, мол, я его возьму? – и стал нагло отрицать наличие у них чайника. Пообещал, что, мол, сейчас подойдет баландер – и, типа, проблема решится. Потом – жду-жду, никакого баландера, – стучу снова, а тут как раз они начали уже раздавать матрасы, что-то больно рано сегодня! – дык открыли мою дверь и стоят аж трое. Самый Главный Дежурный сперва сурово выговорил мне, что, мол, это всё надо делать в ужин, потом таки милостиво разрешил первому – своему подчиненному – принести мне кипяток (тот принес и наливал из чайника, разумеется, наличие которого только что отрицал). Когда же я спросил и про банку шпрот, можно ли ее открыть – Самый Главный Дежурный еще суровее заявил мне, что это делает только баландер, открывалка у него в тележке (на которой он возит баланду), сам этот Главный туда, естественно, не полезет, а баландер уже ушел (хотя обычно бывает до отбоя и даже позже). И вообще – «это вам не в ресторане!». Да уж, более чем не в ресторане, – даже в Буреполуме и даже в самые критические моменты, коих там было немало, нормально поужинать у меня получалось всегда, а тут... :(((таким образом, как я и предвидел, «право» тратить в их ПКТ аж целую тысячу рублей на магазин превращается без розетки, ножа и открывалки в полную фикцию. Надо унижаться перед баландером, просить его подойти ко мне с кипятком и открывалкой где-то перед отбоем, и еще захочет ли он, а если захочет, то не забудет ли за эти два-три часа, – ужин-то здесь в основном бывает в

полшестого!.. А вместе с казенным ужином, увы и ах, мне свой не нужен, смысл именно в том, чтобы, съев эту каплю казенной картошки, макарон или овсянки и закономерно проголодавшись до отбоя, поужинать нормально перед самым отбоем, а то и после него...

18.11.14., 5-45

Проклятая страна... Мразь... Ненавижу ее!.. На каждый крупный город здесь сбросил бы по ядерной бомбе, не задумываясь!..

В Буреполоме весь мой самый элементарный быт, включая еду и сон, зависел от окружающих уголовников, а здесь, в пермской одиночке, – от «мусоров», этих тупых, бессмысленных свиней. Вчерашние события, как и события одной из недавних ночей, только подтверждают это. И вот за это одно, за все эти мои муки и унижения, тогдашние и нынешние, я бы сжег в печах, ни секунды не колеблясь, и тех, и других, и вс. эту вашу проклятую Россию!!!...

19.11.14., 21-30

Безумный выдался день... Приперся после (?) обеда со свитой какой-то убудок – вроде бы подполковник Терентьев, как он соизволил – после моих настояний – мне представиться. Животное е...чее!.. Из Перми приехал, не здешний, не зоновский, – я сразу так и понял. Вошел в камеру и стал докапываться до меня. То почему я ему сразу не назвался, то – «где нагрудный знак?» (впервые услышал, что в ПКТ бывают свои, ПКТ-шные бирки, но позже мне их, целых две штуки, уже и принесли), почему сумка стоит в камере? – и его подручные убудки в форме сумку со всеми вещами, даже не открывая, тотчас и унесли. Кульминация наступила, когда на внутренней стороне камеры на той стене, где дверь (и из нее, соответственно, их не видно) он увидел надписи: над дверью – «КаРФаген должен быть разрушен!», а справа от двери – «Смерть империи!», «Смерть всем свиньям в погонах!» и «Свободу политзаключенным!». Про свиней в погонах эта свинья в погонах аж вслух прочитала и даже комментировать что-то пробовала, – было видно, что лозунг попал в точку!.. :) Написал я их, конечно, не сегодня, и даже вообще не в ПКТ, а еще в последний день последнего ШИЗО, желая посмотреть, сохранятся ли они к моему следующему заезду в «тройку» – и как скоро этот заезд произойдет... Свинья в погонах Терентьев тут же позвала дежурного «мусора», велела ему надписи зафиксировать на видеорегиистратор, на меня составить материал «за порчу имущества» (вот и повод через день-два впаять мне уже ЕПКТ на целый год! :), а сами надписи, когда я пойду на прогулку, уничтожить. Но это чмо не знает, что на прогулки я не хожу... :)

Вместо унесенной сумки зато это животное велело доставить мне

тумбочку (которых официально нет в наличии, так что другие ПКТ-шники, дольше, чем я, тут сидящие, не могут получить). В ответ же на мои слова, что в сумке продукты – выблядок подполковник Терентьев сообщил, что по их «правилам» продукты тоже должны храниться на складе (в каптерке, то бишь, в ВЕЩЕВОЙ!) и мне, мол, их будут выдавать. Кто???!! Когда???!! Тут никого ни о чем невозможно допроситься, целыми днями надо долбиться в двери и орать, чтобы и более необходимые вещи получить... Бред собачий, короче...

Я это и раньше знал по опыту, а сегодня убедился еще раз, очень ярко и наглядно, остальные полдня стуча в дверь и прося отвести в каптерку в надежде как-то забрать обратно свою сумку или хоть вещи из нее. Черта с два! Не я один – вся «кича» и «БУР» долбятся в двери, кто зачем, но «мусора» обычно отвечают: «подождите», «я занят», «у меня обед» и т.д., а в редких случаях, когда все же подходят и выслушивают – то откладывают до ужина, до отбоя и пр., то говорят, что без «дежурного» вывести не могут, и т.п. В общем, легче умереть, чем допроситься здесь хоть чего-то...

Всё же мне смутно пообещали отвести в каптерку в отбой. Выхожу за матрасом – ба-а, да тут тумбочка стоит, возле моей двери, и матрас лежит прямо на ней!.. Сделали-таки, откопали где-то – на 4-м бараке, судя по обязательной тут на всех вещах инвентарной наклейке. Затащил я тумбочку, а в каптерку меня эти мрази все равно так и не повели – один из них, закончив отбой, сам мне принес и отдал в «кормушку» мои бумаги, ручки и прочие мелкие вещи; а жратва – упорно, упрямый убудок, придерживается указаний своего мразотного начальства – так и останется в каптерке и будет мне якобы «выдаваться». Завтра баня, за баннным пакетом надо идти в каптерку – и как-то постараться выцарапать оттуда хоть часть своей еды. Хотя – всё равно: ведь банку баландер, по его словам, открыть может не позже ужина (где-то 17-30, а нужна она будет в девять вечера). а давать в восемь или в полдевятого вечера кипятка для лапши эти мрази тоже никак не хотят... :(((

Вчера вечером тоже было любопытное происшествие – узнал я наконец-то, откуда дошли вдруг до меня вести от матери. Оказалось, сработали указания, которые я ей давал из СУСа буквально в последние часы моего там пребывания, 7-го ноября, перед закрытием в ПКТ. Поэтому не только она, но, по словам этого источника, и Лена Морозова оказалась с ним на связи, – ну что ж, это не помешает. Источник сам, правда, со своей заботливостью и сердечностью ни малейшего доверия у меня не вызывает, – достаточно глянуть на рожу, на ней всё написано крупными буквами, и ясно, что ни о чем, кроме как поживиться чужими деньгами и пр., такое существо думать

не может, судя уже по слишком горячему интересу к моему счету в здешнем интернет-магазине с первой же секунды, как он о нем (от меня) узнало... [Примечание 2020 г.: «источником» был тот блатной из СУСа, которого на два месяца в ПКТ посадили в один день со мной. Естественно, в ПКТ он взял с собой свою «симку», с которой я, будучи еще в СУСе, звонил первый раз матери и просил ее мне тоже туда звонить.] Так что остается лишь гадать – разводка это по его собственной инициативе (и вроде бы уже приличную сумму, обещанную мне, мать отдала ему даже без моего ведома), или же провокация местной оперчасти...

21.11.14., 6-57

М-да, выпросить у этих ублюдков «мусоров» кипяток для лапши оказывается и впрямь задачей почти непосильной, а уж унижительной настолько за пределами, что, колотя вчера вечером в дверь в пятый раз по этому поводу, я думал уже отказаться на будущее совсем от таких попыток, – черт с ним, что осталось от этого последнего ПКТ-шного магазина еще 17 пачек, как-никак это 340 рублей, – черт с ней, с этой лапшой, пусть лежит до лучших времен, благо она не портится... А забрать ее всю в камеру, как и все пять купленных вместе с ней консервных банок, этот же пучеглазый ублюдок – «младший инспектор», или как они тут называются, – так и не дал. Сумку мою из камеры позавчера отволокли, оказывается, не в каптерку, как я думал, а в их «дежурку» или «надзорку», как она там у них называется, черт их знает, сдохнуть бы им всем поскорее, кто в этой «надзорке» сидит! – и, когда только повели меня в баню, пришлось отдельно тащиться за ней туда. Смена была уже другая, не та, при которой сумку у меня забирали, но всё равно – это же юное пучеглазое чмо в камуфляже, увидев, что я забрал с собой лапшу, да еще имел глупость ему сказать, что там консервы, – бдительно потащило меня с пакетом в эту их «надзорку», достало всё из пакета, перещупало ручонками каждый пакетик лапши, развернуло мокрые полотенца (из бани), посоветалось со своим непосредственным начальником, сидящим здесь же, и – хотя начальник-то говорил, мол, «50 на 50», все равно разрешило мне взять с собой этой лапши не половину, а только четыре пачки, а банок – только две из пяти. Остальное же пришлось отнести обратно в каптерку, достать вновь из большого баула маленький, положить опять еду в него, – и теперь она, можно сказать, недоступна еще на неделю, до следующей бани, ибо стучать столько раз и просить с такой настырностью, чтобы добиться от этих недочеловеков вывода в каптерку раньше, у меня, конечно же, не хватит душевных сил, мне это унижительно и противно до омерзения, – впрочем, как и любое общение с ними вообще...

Нет, мрази, только в печь вас всех, кто носит форму, погоны любого

«силового ведомства» и служит этому государству в любом звании и должности! Уничтожать вас всех, без жалости, раздумий им колебания, – вы не люди и права на жизнь не имеете по определению, априори! НАДО БРАТЬ В РУКИ ОРУЖИЕ И ФИЗИЧЕСКИ УНИЧТОЖАТЬ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ!

Самое грустное – что так и нет писем, ни единого, с самого 7-го ноября, уже целых две недели. Чувство потерянности, оторванности от того мира, к которому я принадлежу, от этого круга – диссидентского, или как его еще назвать, да и просто – от близких мне людей. Один среди чужих, более того – среди мрази... Жду с нетерпением Рому и Глеба, ибо обещанное «после 20-го» сегодня как раз и наступило...

22.11.14., 13-12

На удивление быстро вчера допросился у них кипятка – аж с первого раза!.. Невероятно просто; но – это, конечно же, не значит ничего и вовсе не доказывает, что «мусора» – не мразь. Утром таки вывели еще и в каптерку, забрал там почти все остатки своего скудного продовольствия (кроме пяти пачек лапши). В магазин баландер вчера не успел, так что отказ на мое заявление – о трате еще одной тысячи, не истраченной в сентябре-октябре, придет только в понедельник (а в отказе я не сомневаюсь ни секунды. Сегодня просить кипятка не буду, – смена дежурит такая, что выйдет только себе дороже...

Скука, тоска, пустота... Дюма (библиотечного) только что дочитал, а братья за Гаррисона (тоже библиотечного) не хочется. Надо бы доделать немецкие упражнения, но тоже неохота (впрочем, до конца дня я, разумеется, осилю их). Жизнь прошла, и ничего уже нельзя с этим поделать, и не думать об этом тоже нельзя... Будущего нет, увы, – ближайшим моим будущим являются четыре с половиной ближайших года в этой камере (если только не вывезут еще на крытую), а потом – ничего, пустота... Как так вышло, кто сломал, исковеркал мою жизнь, – я искал ответа на этот вопрос прошлым сроком, в Буреполоме, ищу его и сейчас, но по-прежнему не нахожу...

Да, по дороге в каптерку выяснил утром у мусоров», что лекарство мне на сегодня не принесли не просто так: оказывается, врач тут выписывает из всего на неделю, и вчера эта неделя истекла. А чтобы выписать еще на неделю, надо опять записываться к этому врачу на прием (что, знаю по опыту, тоже далеко не так просто). Счастье еще, что после недели регулярного приема панкреатина в боку этом левом, где начало болеть тут, в ШИЗО, еще в сентябре, сейчас почти не болит.

23.11.14., 19-27

«Нету кипятка», – ответил мне сейчас «мусор» на мою – повторную уже – просьбу. Ну что ж, нету так нету, съедим открытые уже консервы и с хлебом, оставленным специально на такой случай с обеда. И будем точно знать, что право тратить 1000 рублей на продукты для содержащихся в ПКТ – это фикция и профанация, такая же, как и всё у этих русских свиней...

Очередное унижение...

24.11.14., 19-20

Вот и прошел понедельник. Баландер Вова ходил в магазин (вместо пятницы, когда он не успел – и сейчас на мой вопрос ответил, что меня не отоварили, – так я и думал! Хотя в их же, ублюдков, собственном УИKe, в части 3 статьи 88, четко и ясно сказано, что деньги, не истраченные в текущем месяце, можно тратить в последующие. Об этом именно я и просил, – нет, отказали, мрази!.. Баландер сказал, что на само мое заявление они наложили отказную резолюцию, и обещал его (заявление) принести, – что ж, посмотрим...

Библиотекарь-зэк, носящий для ПКТ/ЕПКТ каждое воскресенье книги, вчера по неизвестной причине не появился, то бишь – оставил без чтения на всю неделю. Дочитываю Гарри Гаррисона, что он принес мне в самый первый раз, в первое мое ПКТ-шное воскресенье; и хорошо, что есть того же Гаррисона еще одна книжка, захваченная еще из СУСа, – но на всю неделю этого, конечно, не хватит.

Ребята так и не приехали пока что, хотя уже в разгаре это самое «после 20-го», обещанное с их слов матерью. Письма так и не несут никакие, равно как не несут и журнал, что обещал мне выписать Глеб, – первый ноябрьский номер должен был выйти еще 10-го ноября, ему уже давно пора быть здесь. Собственно, я и не сомневаюсь, что он уже здесь, – лежит в оперчасти, ага. Как и письма (только от Майсурына их должно быть минимум два, если уже не три).

В общем, полный облом во всем. Тоска смертная – сидеть здесь в полной, тотальной изоляции, без единой весточки от близких и друзей, без информации, – как в склепе, словом, как в настоящем гробу. Закатали, суки!.. Мрази, всех бы вас перестрелял бы своими руками, ублюдки путинские, тупые свиньи, недочеловеки из ФСИНа, выполняющие явный и четкий приказ других, главных в этой вонючей стране недочеловеков – из ФСБ, причем не пермского, а московского. Явный, заранее, еще до моего приезда сюда (вспомнить только визиты всей этой нечисти ко мне на пересылку, на 29-ю в Перми) отданный приказ именно на тотальную изоляцию, одиночное заключение, – чтобы ни позвонить не мог никуда, ни написать ничего помимо их цензуры. Похоже, это отголоски «третьего

дела», по которому они так и не смогли мне ничего предъявить – алиби-с! – но, похоже, моя тюремная активность на них произвела сильное впечатление, отсюда и такой приказ – дабы на корню пресечь любую подобную активность в лагере...

Единственная радость :))) за весь день – в ужин вдруг дали тот самый «гигиенический набор», о котором я за три месяца на этой грёбаной зоне уже несколько раз безрезультатно спрашивал. И – самый смак! – в боку запаянного пакетика с этим набором проделана большая, грубая дыра – и оттуда бдительно изъят набор из шести одноразовых бритвенных станков, традиционно именуемых тут «хозяйскими», – отвратительного качества, не сбрывающих буквально вообще ничего...

25.11.14., 5-30

Сейчас, в подъем, опять докопались эти ублюдки «мусора». Сперва я – не первый уже раз по утрам и вечерам – слышу, как один из них наговаривает в свой видеорегистратор: «25.11.2014 года, мероприятие подъем, Стомахин», – то бишь, перед каждым открытием моей двери в подъем или отбой они включают видеосъемку, чего не делают относительно других камер; ищут, мрази, следят за каждым шагом, вынюхивают, ищут повода впаять 15 суток ШИЗО или же сразу, еще в ПКТ, дать год ЕПКТ, видимо. Ничем другим эту усиленную видеосъемку объяснить я не могу.

Так вот, открывается дверь, стоят два ублюдка в форме – помоложе, тот, что отпирал дверь, и постарше – его начальник с видеорегистратором. Я уже несу под мышкой свернутый матрас – и вдруг молодой говорит мне: «Куртку х/б, мол, оденьте». Куртка эта лежит тут же, на табуретке, я обычно одевал ее, когда они закрывали уже дверь, и за 56 суток по совокупности в ШИЗО и ПКТ ни разу это не вызвало у «мусоров» никаких вопросов или нареканий. А тут, видите ли, я должен бросить матрас и зачем-то срочно натягивать эту «куртку х/б». Разумеется, я не стал этого делать, – а молодой внутреннюю решетку не отпирает, ждет, когда я одену. Я сел обратно на нары, еще не поднятые, – мол, если вам не надо, я могу матрас и не сдавать. Эти животные пообъясняли мне что-то такое через решетку насчет того, что я им, якобы, что-то «должен» и даже «обязан» (ага, щаззз, размечтались!.. :))))), я, как обычно, ответил, что ничего не обязан и не должен никому, держат здесь насильно ни за что – и еще какие-то обязанности пытаются навесить. Старший из недочеловеков в форме пытался, как обычно, отмазаться, что, мол, это не мы держим; сказал еще, что это – сдача матраса утром – это, оказывается, еще и проверка (!), и я, мол, должен (ага, щаззз!) быть в робе – и под конец спросил, буду ли я писать объяснение. Я отказался, как обычно, они открыли решетку – и я выкинул

матрас в коридор.

Вот он, отличнейший повод впясть завтра же или 15 суток ШИЗО, или – скорее – сразу год ЕПКТ. Но мне, честно говоря, глубоко плевать. В случае ШИЗО – ну что они, вынесут тумбочку, заберут на две недели все ручки, бумагу, конверты, тетради, эту ставшую ненужной уже лапшу? Да и гори оно всё огнём, перетерплю как-нибудь! А в случае ЕПКТ я и вообще ничего не теряю, т.к. – и я это знаю – мне в любом случае и при любом раскладе сидеть в этой самой камере еще четыре с половиной года...

26.11.14., 8-01

Получил вчера наконец-то письмецо – от Виктора Корба и, вложенное в тот же конверт, от Ольги Исаевой, как она и обещала. Но – не просто так получил, а – лишь благодаря тому, что пришел ко мне после обеда некий сотрудник аппарата Марголиной, пермского официального «омбудсмена». Фамилия сотрудника этого была, кажется, Шевченко; приехал он, по его словам, как член краевой комиссии по помилованию, но ходил и общался просто с зэками в ШИЗО и ПКТ; а ко мне зайти, как он сказал, его попросила сама Марголина, получившая-таки наконец и обращение моей матери, и еще каких-то, мне не известных (!), людей.

Сперва поговорили мы с ним на пороге моей камеры, он записал с визитки телефоны Ромы и Глеба, про которых я сказал, что они постоянно ездят ко мне, но сейчас, т.к. их давно уже нет, возникло подозрение, что их не пускают. Потом он вывел меня в местную «дежурку», дал бланк обращения к Марголиной, сказал, что на мое обращение они обязательно пришлют мне письменный ответ, – и я на этом бланке изложил основные проблемы, начиная с того, что администрация зоны явно выполняет заказ по содержанию меня в камере, в полной изоляции, и до того, что в отношении меня нарушена часть 3 статьи 88 их же УИКа (не дали потратить дополнительную 1000 р. на продукты). О письмах, которых нет уже, считай, месяц, тоже написал, как упоминал о них и раньше, еще при устном разговоре в дверях камеры.

Под конец дал я этому Шевченко телефоны матери и попросил позвонить ей, сказать, что я жив и относительно здоров. Он пообещал – и сказал, что хотел меня и сам об этом спросить, – видимо, обращение матери произвело на них там, в аппарате Марголиной, впечатление. Поговорили еще немного под конец о моем здоровье, о том, как и почему забрали все лекарства в августе на 29-й; он говорил что-то про то, что сейчас все медсанчасти в лагерях должны заново получать разрешение (или лицензию?) на медицинскую деятельность; я привел ему также примеры того, что начальству зоны, несомненно, дали приказ меня гнобить,

рассказал об угрозах оперов, приехавших на 29-ю, и о странном вопросе про «строгие условия» уже на станции Всесвятская... После этого мы попрощались, и я пошел к себе в камеру.

До ужина читал я данные им брошюрки, изданные все тем же аппаратом Марголиной, – юридические и пр. советы для освобождающихся, а другая – о порядке обжалования судебных решений (по сути, просто кусок из УПК). И вот – в ужин я только что съел картошку и хотел приняться за традиционный кусок селедки, – открывается вдруг дверь, и этот мразоид с квадратной мордой, оказавшийся замом начальника оперчасти (это он первым вызывал меня в оперчасть «знакомиться», еще из карантина, но тогда я его квадратную харю почему-то не запомнил), несет и вскрывает, стоя за решеткой, большой конверт, А-4. Точнее, прежде, чем вскрыть, он сказал, что письмо из Омска, и спросил, от кого, – и я сразу же ответил, что от Корба. Письмо было заказное, а от заказных писем, вскрываемых только в присутствии адресата, они почему-то забирают конверты, неведомо, почему. Тем не менее, пока он не унес конверт, я потребовал показать мне штемпеля – и, разумеется, оказалось, что письмо, вынутое из ящика в Омске (точнее сданное на почту) 9-го ноября, было на Всесвятской уже 14-го – и 11 дней, до 25-го, просто валялось у них, в то время как я тосковал и сходил с ума в ожидании писем. Но ублюдок этот квадратномордый, когда я предъявил ему этот вопиющий факт, с неподражаемой наглостью заявил мне: «НУ И ЧТО?!!»...

В самих письмах не было ничего особенного. Ольга Исаева написала, что они с мужем уже въехали в новую квартиру в Тбилиси, только что, видимо, построенную (до этого она писала, что в строительство жилого комплекса, ведущееся вроде бы Кахой Бендукидзе, они вложили деньги) и что на сайте МФФ было поздравление мне с днем рождения! Жаль, не прислала она это поздравление, я попросил в следующий раз прислать, – но когда он будет, следующий раз!.. И Ольга, и Виктор пишут, что ни через какую «народную связь» (электронный сервис связи) мне написать не смогли, т.к. там нет ИК-10, а есть только ИК-35. Что ж, жаль... Приложил Корб еще и статью Зеличенко, упоминающую уже мои злоключения на зоне, вплоть до девяти месяцев СУСа, и помещенную в блоге Зеличенко на «Эхе Москвы» 2-го ноября.

Остаток вечера оказался занят у меня писанием ответов Корбу и Ольге Исаевой, – сразу же по получении письма, как обычно. К отбою как раз успел :) – и сегодня по подъему отдал. А кипяток так и не стал у них вчера просить, – и унижительно, и некогда, – и последнюю банку ларьковских консервов, сайру, съел после отбоя с остатками обеденной пайки серого хлеба.

10-35

Опять был только что шмон – впервые с 14 ноября, кажись. Целая толпа этих вырожденков, недочеловеков, мерзких ублюдков в камуфляжной форме. В мою крохотную камеру набилось их аж четверо. (Да, забыл: я слышал, как им сказали, что сегодня они шмонают ПКТ, и с меня они как раз начали, благо я первый от входа.) Шмонали долго, тщательно, светили фонариками, перевернули всё вверх дном, ящик из тумбочки вытащили и так и бросили сверху; писчую бумагу и конверты вытащили из пакетов – и тоже так и бросили, обратно не стали класть, разумеется. Слава богу, хоть не забрали ничего. Ублюдки, мрази, чтоб вы все сдохли, своими руками бы вас всех перестрелял!..

А ребята, между тем, так и не едут... :((((

17-42

Какой-то полнейший сюр, ей-богу!.. Проехали сейчас мимо с тележкой – и не дали мне ужин! Стучал два раза, подходило какое-то чмо к «глазку» и обещало, что, мол, сейчас-сейчас дадут, на обратном пути, и т.д. – даже не пытаюсь объяснить, почему же сразу-то не дали, как давали всегда. М.б., потому, что не оказалось под рукой регистратора, на который они теперь по три раза в день пишут получение мной баланды, а также и матраса? Перед открытием «кормушки» гнусавыми голосами диктуют на регистратор дату и мою фамилию, – откуда я, собственно, и знаю об этом новшестве; других фамилий никаких не называют. Мрази, мрази, мрази!.. «Кормежка» сегодня, правда, обещает быть долгой: перед ее началом эти мрази как раз под моей дверью обсуждали, куда рассадить и когда кормить вновь прибывших в ШИЗО; их несколько часов обычно рассаживают по камерам, так что ужин в эти дни (обычно по средам, как сегодня) сильно задерживается, либо проходит в два этапа. Тем не менее, рассаживать еще не начали, приветственных криков новосёлов «кича, БУР, здорово!!!» не слышно пока; им ужинать еще не скоро, а ПКТ, я так понял, уже поужинало... кроме меня!.. :) Хотя их баланда – полное дерьмо, и не из-за нее я так переживаю, а – подика, получи у них хотя бы свое, положенное, стопроцентно обязанное даваться, – что уж там говорить о каких-то дополнительных услугах, о каких-то излишествах, вроде кипятка по вечерам!..

18-17

Ужин таки выдали, на обратном пути (когда тележка уже собирает грязные тарелки), торжественно продиктовав дату, номер камеры, мою фамилию и название «мероприятия ужин», торжественно записав процесс получения мною тарелки, кружки и куска хлеба на видео. Бред какой-то... Сюр... Интересно, будет ли так же завтра утром с завтраком, – чтобы я опять

получал его последним, на обратном пути?..

Еще интереснее, приедут ли все-таки завтра ребята...

21-17

Теперь эти мрази со своей рассадкой суточников по камерам задерживают и отбой, даже не думают опускать шконки и давать матрасы, и когда дадут – неизвестно... Отрывают время от официально положенного мне сна, и так очень короткого. Устал я за день страшно, голова болит, глаза слипаются, невыносимо хочется лечь и забыться сном...

27.11.14., 10-25

Опять устроили сейчас в камере шмон, суки, мрази, ублюдки, вырожденки!.. Правда, набилось их сюда меньше, шмонали быстрее и не с такой интенсивностью, как вчера. Однако – про их разговорам за дверью перед началом шмона – похоже, что персонально меня шмонать эти вонючие недочеловеки теперь будут каждый день... :((((

12-10

«Осужденный Стомахин пищу в полном объеме получает»!.. Нет, ей-богу, это просто какой-то цирк, какой-то фестиваль идиотов и кретинив!.. Прошел шмон, заступила на сутки другая смена – и вот уже не один, а целых два идиота в камуфляжной форме стоят возле тележки с баландой, и тот из них, у кого видеореги́стратор, не только так же, как и все они, перед открытием «кормушки» диктует на него дату, мою фамилию и номер камеры, – но и говорит туда же, на это бессмертное видео, и вышеприведенную фразу, когда «кормушка» уже закрылась. Это что-то новенькое, до сих пор таких откровений не было. Должно быть, эти конченные кретины, включая и местную оперчасть, по заданию которой это всё и делается, напрягли всю свою полицейскую фантазию. Господи, до чего же они тупы, глупы и нелепы, эти кретины из ФСИНа!.. Боятся, что кто-то на воле сообщит, что я держу голодовку, и заранее готовят видеоопровержение, что ли? Но за что здесь держать голодовку – уж не за возвращение ли в общество уголовников? Смешно, дико и нелепо... Чем-то это напоминает описания Елены Георгиевны Боннэр в «Постскриптуме», как ее и Сахарова в Горьком регулярно, годами, снимали тайком скрытой камерой, – с той только разницей, что тут всё делается вполне открыто и «по закону»...

И всё же, какими бы идиотами, какими бы нелепыми, до комизма, упырями ни были бы эти ФСИН-овские недочеловеки, – их надо убивать, и только убивать, массово, решительно, без всякой пощады и без всякой жалости! Их, чекистов, ментов, прокуроров, «судей», словом – представителей любых «силовых структур» путинщины, без исключения.

И если бы население России было народом, а не сбродом, быдлом и биомассой – то оно занялось бы этим уже давно, и активно, и уже победило бы, и никакого Путина уже давно бы не было... Убивать мразей, тупых насильников и палачей, отобравших у тебя свободу – это единственный для этого русского пьяного быдла шанс спасти свою честь и отстоять свое право именоваться народом, а не сбродом. Увы, шанс совершенно несбыточный, совершенно явно уже потерянный и безнадежный, – зачем генетическим рабам и алкашам свобода?.. И как им убивать «мусоров», когда они их боятся как огня, до дрожи в коленках?..

А ребята, между тем, так и не едут, их нет и сегодня. Я уже не просто нервничаю – буквально схожу с ума. Где же они? Что же могло случиться? Даст бог, оба будут живы, здоровы и на свободе, – тогда они ДОЛЖНЫ приехать, они же обещали!.. Но – их нет как нет, вот уже целую неделю после обещанного 20-го, и нигде ничего нельзя узнать, ни с кем и никак нельзя из этой одиночки связаться и спросить... :(((

28.11.14., 14-30

Слава богу, вчера ребята все-таки приехали, зря я так уж дико нервничал. Причем – впервые приехали тогда, когда я их уже и ждать перестал, – после обеда, в три часа дня а не в 11 утра, как раньше. Вести привезли они, конечно, ужасные, дикие, чудовищные – о «т.д.» [Примечание 2020 г.: видимо, «третьем деле»]; я-то ничего тут не знал, так что это стало для меня не просто ударом – шоком. Но и хороших вестей тоже немного, но все же привезли: дошли мои письма Вере и Майсурияну, написанные здесь, в ПКТ уже, 9-го ноября и отправленные 10-го. А до матери вроде бы, как я понял со слов Глеба, дошло и мое еще октябрьское письмо – то, где я писал про платяную щетку (Глеб ее и упомянул), которую одну мне только и отдали из всей сентябрьской бандероли от матери. Получила ли она тоже ноябрьское мое письмо – неизвестно, его я ей отправлял на день позже, но – по идее должна была бы. Жаль, если столь большое и подробное мое письмо к ней пропадет...

В остальном же – тоже ничего особо хорошего. С теми, с кем по моей просьбе обещал, Глеб пока не связался и не поговорил – нет времени. :(Говорят оба, что политические дела сейчас пошли валом, и хотя они в основном ездят с этим по Уралу, не дальше, – зашиваются, времени совсем нет. Правда, дело какого-то психически больного уклониста от армии – формально не политическое, но Глеб, бывший в нем общественным защитником наряду с назначенным адвокатом, с него прямо уехал ко мне, даже не дождался оглашения приговора.

Подписал я доверенность некоему адвокату, кого они знают с Ромой, на

то, чтобы он написал от моего имени жалобу в ЕСПЧ, ибо Трепашкин, конечно же, так ее и не написал. Гениальная идея возникла – Глеб привез мне уже отпечатанные доверенности на имя матери, Веры и Лены М. – но уже сегодня дежурный «мусор» вернул мне их, т.к. и.о. начальника отряда, которому их надо отдать, нет – и, по словам дежурного «мусора» уже из следующей смены, не будет до 30-го, до воскресенья. Да и в воскресенье – едва ли он соизволит меня принять, так что, боюсь, не пришлось бы записываться на вторник на прием к и.о. мрази Гасанова [Примечание 2020 г.: тогдашний начальник ИК-10, убранный в первой половине 2015 г.] – и там, у него в кабинете в штабе, ибо на прием под конвоем водят туда, произносить «доклад»!.. :) А другая опасность – что он и по написанному заявлению может не вызывать, вторник за вторником, просто игнорировать тебя, – на подобное, помню, жаловался кто-то в СУСе.

Написал по совету обоих ребят и заявление в Чусовской «суд», дабы обжалование моих ШИЗО и профучетов, предпринятое Ромой, проходило с моим участием. Рома говорит, что это гражданский процесс, так что «суд», по их же словам, не вправе вывозить меня к себе (сидеть там в КПЗ – это не дай бог!..), а должен будет сам приехать сюда, в зону, благодаря чему ребята и в «суде» поучаствуют (что для них обязательно), и со мной повидаются. Но куда вероятнее, говорит Рома, что «суд» пошлет меня с моим заявлением подальше и будет рассматривать всё у себя в Чусовом без меня.

Этот «суд» – скорее всего, единственный мой шанс увидаться с ними в декабре, а то – сказали, что постараются приехать, но не обещают, слишком много дел, «судов» и т.д.

Сегодня в обед «мусор» отдал мне ОДНО простое письмо – от Петра Ткалича, написанное 20-го и полученное в лагере 25 ноября. Ткалич мое предыдущее ему письмо получил, слава богу. Но – где же остальные письма, которых с 7 ноября должна была накопиться целая куча, и прежде всего – где два, а то и три письма с распечатками от Майсурияна?! Тишина, и некого спросить, все перекалдывают ответственность друг на друга и всем плевать... :(((((((

ДЕКАБРЬ 2014

1.12.14., 7-02

Какой был день вчера! На фоне моей жалкой, убогой, пустой здесь жизнишки – просто грандиозный!.. Целых два больших положительных события произошли.

Первое – после обеда и.о. начальника (13-го?) отряда, какое-то не виданное еще мной чмо в камуфляже, принес-таки письма! Целых семь (!!)-штук! И – из них самым старым оказалось сентябрьское, еще 30.9.14, ровно два месяца назад, проверенное цензурой письмо Веры – то самое, которое она везла еще на длительную свиданку в сентябре, дописывала в поезде (это в самом письме говорится). Суки, не могли два месяца отдать!.. Потом – письма от Лены Маглеванной, не дождавшейся моего ответа на предыдущее (которое мне накануне написания этого, 29 октября, только вручили в ШИЗО) и от Максима Ефимова, к сожалению, без обратного адреса. И – охренеть просто, какая наглость!! – на обоих этих письмах извне РФ было рукой цензора написано: «При переписке требуется разрешение»! Это впервые за два моих срока, в которые много раз слал и получал я от Лены простые письма в конвертах – и ни разу никаких разрешений не требовалось. Навороты местной оперчасти?.. Было еще письмо от матери, от 9-10 ноября, где она пишет, что мое ей письмо от 20 октября отправили только 31-го! Суки, небось, ждали местного гэбульника, чтобы показать ему. Остальные – менее значительные, от каких-то неизвестных мне людей, вроде как знающих меня лично или виртуально; в одном конверте от парня из Зеленограда – почему-то две открытки «Росузника» от двух разных женщин, вроде как виртуально знающих меня, а также активно общающихся с Верой и ссылающихся на нее. Поразительно, но ни одного письма от Майсурия за весь ноябрь! Не пропускают, что ли, эти мрази его распечатки?.. В ответ я написал одно большое письмо Вере, попросив ее всем – знакомым и незнакомым – сообщить, что я получил их письма и когда писал им сам уже после отправки ими этих писем, а также попытаться узнать, что с майсуриановскими письмами, – спросить его самого, писал ли он мне в ноябре.

Второе – забирая тарелки после ужина, баландер совершенно неожиданно вдруг вручил мне через «кормушку» целую кучу приятных вещей: пачку сахара, начатую (?), два шоколадно-карамельных батончика, рулет и половинку брикета ветчины, завернутую в лист с разгаданными кроссвордами. На мой вопрос – откуда это счастье? – он ответил, что это вот от того самого типа, про которого Лена М. [Примечание 2020г.: Морозова]

интересовалась, не подментован ли он. М.б., и не подментован, но – не зря, едва только услышав, что у меня есть деньги в интернет-магазине, он так настойчиво и неоднократно спрашивал номер счета, который в итоге от той же Лены и узнал. Хорошо, конечно, получить в ПКТ неожиданно продукты, но – плохо то, что это, видимо, мизер по сравнению с тем, сколько всего они там (вдвоем сидят) накупили за мои денежки для себя, в первую очередь, конечно же, сигарет. Пришла даже мысль, как бы они не израсходовали за этот один раз ВСЕ деньги с моего счета в этом интернет-магазине. А проверить это отсюда трудно, – ну написал я Вере, чтобы она попросила Лену это узнать, но – когда это еще будет, когда еще они сообщат мне, да и дойдет ли до Веры вообще мое письмо!.. Одновременно знаю теперь, что «трубу» у этого чма не забрали, несмотря на сообщенные им мне «неприятности».

Ну и – ночь выдалась очень «веселой», то бишь грустной. Поспать спокойно мне эти мрази «мусора» опять не дали. Просыпаюсь – свет горит, роба моя валяется на полу. Время – 10 минут 11-го, кажись. Сажусь на нарах, через полминуты «мусор» заглядывает в «глазок». Вроде я не слышал, чтобы открывалась дверь – как же, думаю, упала роба, почему? Не мог понять, а утром узнал: эта тварь, оказывается, залезла на какую-то (приставную?) лестницу – и столкнула ее извне, из коридора! Только я повесил опять – слышу, уже не телефон звонит, а по рации этому чму докладывает другое, бдительное чмо, сидящее где-то (в штабе?) за монитором. Я убрал, лег – эта, здешняя тварь опять пялится в «глазок». И так несколько раз!.. Накрылся с головой одеялом – и свет проходит, и жарко, никак не могу уснуть. А надо сказать, что этот ублюдок – и.о. «начальника отряда» – вместе с письмами принес днем и некую квитанцию, что мои одеяло и открывалка, присланные в октябре матерью, приняты на хранение на склад. Письма и это вместе – явно ощущается действие моей недавней жалобы на имя Марголиной, где я упоминал и то и другое. Вечером я оценил степень их цинизма: вместо прежнего – старого, драного, обтрепанного со всех сторон казенного одеяла, под которым я спал до сих пор, сунули мне в матрас такое же – серое, полушерстяное, очень узкое – но новенькое, чуть ли не только что с фабрики! Мол, свое не отдают, а чтобы я не мог пожаловаться, что сплю под рваниной, – на тебе новое казенное! Лицемеры... И вот под этим-то новым одеялом я задыхался и обливался потом с час, наверное, – чтобы хоть как-то уменьшить освещенность, сильно мешающую спать. Потом встал, с горя попробовал еще раз – но нет, та бдительная мразота, похоже, решила сидеть и тарашиться в монитор всю ночь напролет, следя за мной. Слышу, сигналит здешней дежурной мрази уже не по рации, а по телефону, как

раньше. Та подходит к двери, пялится в «глазок» и угрожает мне... отправкой в ШИЗО! :)))))) Как будто это ШИЗО не будет в этой же самой камере, как уже три раза было!.. Я не стал ничего отвечать, попытался найти под одеялом все же какой-то баланс между темнотой и прохладой – и, с большим трудом, с перерывами, но всё же на какое-то время уснул.

Сижу, пишу всё это.. А вообще, утро у меня здесь – трудное время, как всегда и везде... До самого шмона всё хожу, размышляю, говорю сам с собой, всё пытаюсь понять: как же это так вышло, что жизнь прошла – и ни впереди, ни позади – ничего, пустота, тупик, как вышло, что все пути и двери – закрыты,.. :(((

10-45

Шмон был сегодня почему-то на час раньше – уже в начале 10-го, а не 11-го, как обычно. (Ко мне, к счастью, не зашли, шмонали ШИЗО.) «Какой-то вздор, какой-то бред...» Сегодня 1-е декабря, – м.б., с декабря у них поменялся порядок и теперь все шмоны будут в девять утра? Неплохо бы, кстати, – меньше его ждать с утра; но всё же – как-то неожиданно это всё. А вчера, в воскресенье, уже второе воскресенье подряд, не было библиотеки. Вроде («мусора» говорят) – из-за очередной комиссии: какой-то оперской (вроде бы) начальничек из Перми шлялся тут по камерам после обеда. Вроде бы обещали библиотеку сегодня, но в это как-то совсем не верится... Сплошной бред, маразм, мрак, нелепое, бессмысленное мое здесь существование...

2.12.14., 9-53

Да, теперь шмоны на час раньше, – сегодня они опять приходили в начале 10-го, ушли вот только недавно. Что ж, оно и к лучшему, – меньше ждать...

Вот и жизнь прошла... :(((

3.12.14., 5-25

Конечно же, никакой и.о. начальника не вызвал меня вчера. «Мусора» между собой говорили, что он должен прийти, упомянули даже один раз мою фамилию, но – увы... Как заверить теперь эти чертовы доверенности – неизвестно. Разве что – придет он сегодня сюда на «крестины» (как раз среда); но, боюсь, если меня туда вызовут – то не по моему заявлению, а чтобы впаять еще суток 15 ШИЗО, а то и сразу – ЕПКТ...

В ужин принесли вдруг опять письма – от Майсурия, тоже пролежавшее тут больше полмесяца, но не отданное почему-то в прошлый заход; от Ольги, жены Петра Ткалича, с подробностями этой их бесконечной истории про хищения миллиардов с рефтинской птицефабрики, где она была когда-то главбухом, и с подробностями обыска у них в мае 2013 по делу об

«экстремизме» в дневниках Петра в интернете; ну и – большой конверт от матери, без письма почему-то, но с 11-ю чистыми конвертами внутри. Очень хорошо, – значит, она получила мое ноябрьское письмо, где я просил об этом (правда, просил я 20 конвертов, а не 11). Московский штемпель на нем – 24-е ноября.

Майсурияновское письмо, похоже, принесли вчера только потому, что в письме Вере, отданном позавчера утром, я упоминал, что от него нет писем, и просил связаться с ним, узнать. Тогда это вдвойне хорошо, – значит, вчера ушло и письмо к Вере. Сам Майсуриян в присланном очередном «Свободном слове» откровенно хвалит и славит... «ватников», сравнивая их с санкюлотами и пр. (ну, ему не впервой писать подобный бред), а также радуется... закрытию – официально «временному» – Макдоналдса на Пушкине в Москве, плюс еще нескольких где-то там же. Я и не знал об этом. Мрази, ублюдки, они наступают по всему фронту, давят, где только могут; Майсуриян прав в том, что «Макдоналдс» на Пушкине – это символ, и символом было его открытие в январе 90 г., хоть и оценивает этот символ, конечно же, негативно. Я оцениваю его целиком позитивно, я всегда любил есть в «Макдоналдсе», и мне невыносимо тошно и мерзко от этой новости. Трусливые, конформистские эти западники, меркели, олланды и обамы, целующиеся до сих пор с Путиным и ведущие с ним переговоры, конечно же, никогда не посмеют бомбить Москву так, как они бомбили Белград – пускай даже точно, по заранее составленному списку стратегических объектов, – а ведь пора уже, давным-давно пора бомбить, и меньшим тут не обойтись!..

Еще пишет Майсуриян о Жене Фрумкине, которого я мельком упоминал в первом письме к нему отсюда, – и пишет ужасы: что у Жени что-то с сосудами ног, какая-то болезнь, так что ноги ему вроде бы вообще хотели отрезать, но, слава богу, не стали; но что даже по квартире передвигается он с трудом. Вот уж – мало было туберкулеза, так еще и это, непонятно с чего и откуда... Ко мне все равно этим сроком он ездить бы уже не стал, даже будь он полностью здоров, – но мне, вот уж парадокс, теперь и не нужно: передачи, которые тем сроком он таскал мне каждый месяц, теперь «положены» лишь два раза в год... :)

После ужина – из того же источника, что и 30 ноября – принесли вдруг пакет с конфетами, довольно большой. Как и всегда и везде тут, конфеты – большие, с орехами внутри, жесткие до безумия, до полной неугрызимости, я сам в жизни бы себе такие не купил. Но – тут выбирать не приходится. С тоскливым ужасом думаю о том, за какой срок эти твари, дорвавшиеся до моих денег в интернет-магазине, потратят их все и сколько блоков сигарет

и всего прочего они уже успели себе закупить за мой счет... :((((

11-05

Опять был шмон в камере – да еще какой!.. На сей раз эти ублюдки пришли не в девять, и даже не в десять, а где-то пол-одиннадцатого, – черт их разберет, мразей, каждый день у них всё по-разному!.. Меня – впервые за всё время, с сентября – шмонали не прямо у камеры, а повели в какую-то их специальную шмоналку, со столами и крючьями для одежды, – этапку, наверное, – которая, оказывается, у них тут есть, по моей стороне коридора, первая дверь от входа. Слава богу, раздеваться до трусов, как обычно шмонали в Буреполоме, тут не пришлось, – велели только снять робу, один прощупал ее, а второй в это время – мои карманы. Ничего не нашли. :) Вернувшись в коридор, еще долго стоял и, украдкой заглядывая в камеру, наблюдал, как два здоровенных ублюдка в камуфляже наводят в ней погром: один, как обычно, шарил длинным стальным прутом в щели в полу, у окна, а второй тем временем отодвигал от стены тумбочку и усердно рылся в ней. Долго стоял и читал мой блокнот, я уж думал – сейчас заберет; но нет – запрещенные мысли этим скотам ФСИН-овским, слава богу, не подвластны, по их части только «запрещенные предметы». :))) Не забрали в итоге ничего, но погром получился полный а на полу, у той самой щели, валялась, когда я зашел, большая куча вытащенного из-под полу мусора – в основном пустых сигаретных пачек и фильтров от сигарет. Хорошо, что я тут же начал громко возмущаться, – удалось-таки заставить того из этих ублюдков, кто закрывал за мной дверь, принести пакет, чтобы было куда все это сгрести; хотя, по совести, сгрести эту помойку тоже должны были бы они, т.к. именно они ее и создали. По пути из шмоналки увидел надпись: «Вещевой склад ЕПКТ», – он, оказывается, тут отдельно от ПКТ, просто какой-то забраный железной сеткой (или чем там? Не помню точно.) закуток в углу, где горой, до потолка почти, один на другой сложены баулы. Отдельно от ПКТ, значит, хранят вещи. Мне это, увы, еще предстоит, – сидеть-то, возможно (даже скорее всего) я и в ЕПКТ буду в этой же «тройке», а вот за вещами ходить тогда придется уже в другую сторону...

Оба последних раза они и нары в моей камере опускают-поднимают, – как будто за ними можно всерьез что-то спрятать. Бдительные, суки!.. :) Кстати, из всей той вонючей биомассы, что проводила сегодня здесь шмон (не только у меня, а вообще), большинство харь было мне незнакомо, хотя обычно я их уже знаю в их рыла (лицами это не назовешь, нет!..). Может быть, приезжие откуда-нибудь с других зон, которых тут рядом достаточно?

Какой-то мелкий их начальник, тоже незнакомый, специально

вызванный из «надзорки», влез в камеру – и потом, вылезая, задавал мне вопросы про надписи на стене. :) Отвечать ему я отказался, немедленных оргвыводов, как ни странно, не последовало – но, без сомнения, еще последуют в скором будущем...

НЕДОЧЕЛОВЕКИ В КАМУФЛЯЖНОЙ ФОРМЕ, ВАС НАДО МОЧИТЬ!!

11-58

Нет, – говорят, что все эти ублюдки – мусора, шмонавшие ШИЗО и ПКТ – были здешние, а вот наверх, в СУС, пошел ОМОН; и что вообще этот шмон – внеплановый, т.к. прибыло какое-то начальственное чмо из Перми, из управления. Вот, должно быть, почему они и приперлись сегодня так поздно.

4.12.14., 12-33

Всё вышло так, как я предполагал и боялся, даже еще хуже. Этот ублюдок, юный недочеловек с исключительно порочной харей, сообщил мне сегодня, проходя мимо, что действительно израсходовал с моего счета в здешнем интернет-магазине ВСЕ деньги! Все десять тысяч, охренеть!.. Из них мне он «загнал» жратвы – в основном сладостей – едва где-то тысячи на полторы, ну самое большее на две (нет, на две там точно не было). И что теперь делать, непонятно. Если даже попросить положить еще – первое, что приходит в голову – то эта сука всё равно будет их тратить на себя и своих, таких же, будь она здесь или там, где она будет уже скоро. Там она вообще будет их с легкой душой тратить ТОЛЬКО на себя, без моего не только контроля, но и ведома. А мне эти деньги нужны позарез, – как-никак, будь я на бараке, а не в СУСах и ПКТ, именно на них я собирался здесь жить. Правда, будет это еще очень нескоро, если вообще будет; до тех пор – что деньгам лежать просто так, без дела, еще пропадут, глядишь; и мне всё же хоть немного, да перепало. Но всё в моей душе категорически восстает против того, чтобы мои деньги тратила на свое вонючее курево такая вот отъявленная, издали отчетливо по роже узнаваемая нечисть и мразь, типичный недочеловек!..

Да, банда других недочеловеков, в камуфляже, сегодня пришла шмонать опять в девять часов.

13-57

Плохо не то, что мне плохо сейчас, в тюрьме, а – то, что я точно знаю: плохо будет и потом, на воле, если я доживу до конца этого срока. Никакого вознаграждения, никакой компенсации, ни малейшей, за все пережитые мучения – не предвидится, нечего и мечтать. Страдать, страдать, страдать, мучиться, мучиться, мучиться долгие годы, беспросветно и беспрерывно, а потом, в конце, – сдохнуть. Вот и всё; вот, как говорится, и вся твоя жизнь, до

самого конца. Непонятно только, на кой черт она – такая – нужна, какой смысл мучиться, зная всё наперед... :(((

5.12.14., 5-56

Очередная нелепая беда, на сей раз чисто бытовая. Сдохла вчера, ночью уже, молния на моих старых джинсах, – единственных брюках, в которых я ходил тут с самого приезда в августе. Есть еще спортивные, фасона такого, что за форменные никак не сойдут, в них не походишь, и еще одни спортивные, что могли бы сойти, – потому их и забрали еще при заезде, при первом самом шмоне. Больше никаких брюк нет, ходить абсолютно не в чем. А теперь еще эта молния!.. :(((Ее вставляли в ателье, куда мать носила эти мои старые джинсы в 2012 г., когда сам я уже ходил в других, помню. Прослужила, увы, недолго, – при постоянной носке всего-то три с половиной месяца. А самое главное, самое неприятное, – что тут этой беде абсолютно нечем помочь. :(Другой молнии, чтобы вшить в брюки, у меня нет; взять ее негде не только в ПКТ, но и в СУСе, где мне предстоит еще сидеть с 7 марта до 1 декабря 2015. На обычном бараке что-нибудь можно было бы найти, придумать и т.д, но здесь – хрен!.. Наконец, с обычного барака можно было бы хоть сходить в эту чертову каптерку – склад обмундирования – и попытаться получить казенные брюки, которые при заезде в зону я не получил: не было моего размера, потому-то мне и оставили эти джинсы. Но сейчас я так сильно похудел на их баланде в ШИЗО И ПКТ, что размер вполне мог бы найтись; однако же – ни из СУСа, ни из ПКТ никто и ни за какие коврижки тебя туда не поведет. Единственная надежда – что какие-нибудь брюки привезет мать в апреле, если всё-таки приедет на свиданку (и если еще ее пустят). А до тех пор – проблема носит принципиально неразрешимый характер; придется ходить так, с драной молнией на штанах, и вид мой здесь станет еще более жалким и убогим, чем был...

Между тем, температура на улице уже несколько дней держится за 30 градусов мороза. Окошко с моей стороны, и так плохонькое, треснутое, покрылось толстым слоем инея, с него жутко дует, близко нельзя подойти, – и в камере, несмотря на в полную силу топящуюся батарею, стало довольно-таки ощутимо холодно, – до того, что временами ни мой «теплек» (белье), ни надетый на него казенный свитер из 30% шерсти, уже не помогают, – а ведь еще недавно в таком одеянии мне было тут невыносимо жарко...

19-20

С огромным трудом, после ожиданий, стуков в дверь и просьб, выцарапал-таки у этих ублюдков-«мусоров» свой сегодняшний жалкий

магазин: два батона колбасы (небольших), четыре рулета, четыре банки шпрот и маленькую пачечку печенья, – на 1000 р. не очень-то разгуляешься. Так еще, на самом-то деле, и не выцарапал полностью: оказывается, два рулета и все шпроты они отнесли «на каптерку» и кинули где-то там (но не в мой баул, разумеется, т.к. они его не знают, а неизвестно вообще, куда): как же, мол, банки – низ-з-зя в камеру, ДАЖЕ ЗАКРЫТЫЕ!! По замыслу этой совершенно е...нудой мрази, которая объясняла мне всё это через «глазок», баландер, оказывается, во время раздачи пищи, должен по моей просьбе – бросить раздачу, пойти в каптерку, найти там мою банку, открыть ее и принести мне содержимое в тарелке. Нет, ну не больные, а?! По-моему, все они здесь совершенно е...нутые выродки и мрази, генетические отбросы цивилизации, а по вот этому, который придумал отправлять баландера в каптерку, просто-напросто психушка плачет. Но самая большая проблема – это СЕГОДНЯ, пока дежурит эта смена, попасть в каптерку и хотя бы найти, куда они там бросили мою жратву, положить в свой баул, потому что завтрашняя смена ничего этого, конечно же, знать не будет – и еда пропадет. Е...нутая эта мразь вести меня в каптерку сейчас же – разумеется, отказалась и посоветовала обратиться с этим в отбой (к тем, кто будет его проводить). На 125% могу уже и сейчас сказать, что в отбой меня туда тоже никто не поведет, – в отбой все заняты отбоем, и продолжается это долго, а ночь короткая, всего восемь часов, а мне надо спать, а не ждать полночи этих вонючих ублюдков с их каптеркой. Так что как же выцарапать своё, чтобы оно не пропало – неизвестно, и боюсь, что задача это неразрешимая...

Между тем, нет писем ни от матери, ни от Веры, кроме того, когда мать в начале ноября отвечала на мое октябрьское. Черт его знает, – скорее всего, опять не отдадут, конечно, и ничего сделать, и ничего даже узнать нельзя... :((Тут нет уголовников ближе, чем в соседней камере, и омерзение к ним не мучает и не давит меня с первой же минуты пробуждения утром так, как мучило и давило в Буреполоме. Не так сильно – но тут мучает и давит другое: чувство отъединенности, оторванности от близких и друзей, чувство разлуки с ними и тоска по ним. Ни писем, ни известий, ничего, а если и отдадут письма, так после месяца или двух валяния по оперским кабинетам... Тоска, пустота, одиночество и заброшенность, – это неизбывное чувство, хотя умом я и понимаю, что ребята думают обо мне, и регулярно (увы, очень редко) получаю этому подтверждения. Всё кончено, жизнь прошла, ты заперт в каменном мешке, из которого тебе не выбраться, и впереди – ничего, пустота... В тот раз не было у меня в душе этой абсолютной безнадеги, казалось, что там, за сроком, есть еще какая-то перспектива, какое-то будущее, и от этого было все-таки легче, а теперь... В

37 лет, три года назад, жизнь, можно сказать, оборвалась, – незаметно, тихо, но бесповоротно и навсегда, и ничего уже нельзя с этим поделать... :((((

6.12.14., 10-10

Ублюдок этот – раскосый мусоренок с какой-то чувашской, что ли, рожей – так забегался сегодня утром со своим подъемом и выводом меня в каптерку, что забыл поднять здесь, в камере, нары! :)))))) Я глазам не поверил, когда увидел, и радостно решил, что хоть один день смогу сегодня полежать по-человечески, если только не зайдет ко мне шмон. Ага, как же, полежал!.. :)) Шмон не зашел, но вскоре после его ухода, вот только что, едва я лег, подложив, как всегда днем, под голову стопку книг, – открывается дверь, на пороге стоит это чувашское (?) отродье, а за ним – еще одно, еще гораздо более косоглазое, узбекский какой-то чурбан в форме, – и первый говорит мне: «Нары поднимаем!». Ну да, бдительное чмо, сидящее в их ублюдском штабе за монитором, увидело меня в камеру – и тотчас же доложило... Будьте вы прокляты, ублюдки, паскудные, мерзкие выродки и суки – ВСЕ сотрудники ФСИН РФ!!!

Именно это чувашское (?) мусорское чмо и водило меня утром, в подъем, в каптерку. В отбой вчера – открывается дверь (брать матрас), на пороге стоит тот, второй косоглазый чурбан – и квадратная оперская харя, тот самый замначальника оперчасти, с ним; и, держа нацеленный на меня видеорегистратор, эта мразь с квадратной харей говорит мне: завтра, мол, утром пойдете и возьмете, что вам надо! Я так и думал... И, мрази хитрые, ведь опять сделали как тогда, с сумкой: остатки моей жратвы в пакете – не в каптерку отнесли, а повесили в коридоре на вешалку, хорош бы я был, ища их, как дурак, в каптерке!..

8.12.14., 6-17

ЗаклЮчить пари с самим собой :))) о том, что это животное (баландер) опять не запишет меня к врачу, хотя только что, в завтрак, я его об этом ясно попросил... Так уже здесь бывало, что по два-три дня не записывали и не мог попасть на прием, хотя каждый день говорил и ему, и «мусорам».

Отдал в подъем и заявление №2 на имя (которого не знаю! :) и.о. начальника – чтобы вызвал и взял заверить доверенности на мать, Веру и Лену, привезенные Глебом. Будет это не раньше, чем завтра после обеда, но – я уверен, что и второе заявление он проигнорирует. Увы, их сила тут – в самом простом игноре, глухом молчании, хамском неответании и нереагировании ни на что, когда ты сам заперт в камере и ничего не можешь им сделать...

Сегодня великий праздник – День распада СССР, окончательного и бесповоротного. Практически единственная дата в году, которую я согласен

праздновать, как-то торжественно отмечать (ну, 22-е июня еще...). Да, были великие времена в этой гнусной расейской истории, великие надежды, – и вот чем всё кончилось... :(((Когда же наконец и эта проклятая Россия, свинская империя, страна ублюдков и мрази, тоже распадется на части вслед за Совком? Очень бы хотелось дожить до этого, – хотя особых надежд на то, что доживу, увы, нет...

Вчера впервые за три недели приходил библиотекарь (зэк), принес две книги (барахло).

12-50

Некто Лобанов, зовут, кажется, Игорь... Когда 25 ноября приезжал Шевченко, представитель Марголиной, он мне говорил, что этот Лобанов (и еще какой-то, тоже неизвестный мне человек) написал обращение к Марголиной в мою защиту, даже показывал мне распечатку электронного письма с этим обращением. Сказал, что вроде бы этот Лобанов из Питера. И вот сегодня, вскоре после шмона (ко мне, слава богу, не зашли), открывается дверь – и некий незнакомый мне «мусор», пожилой, маленького роста, в очках (представился, но фамилию я не запомнил) говорит мне, что этот самый Лобанов просит мои личные данные, заявление его на этот счет лежит в Пермском ГУФСИНе – и оттуда спрашивают, согласен ли я с передачей данных, если же согласен – надо написать об этом заявление.

Что ж, пошел в их «надзорку» и написал. Я не знаю, кто этот Лобанов, но, видимо, человек старается мне помочь, сделать всё, что в его силах, – редчайший случай по нынешним временам. Видимо, рассказ о моих мытарствах в лагере не оставил его равнодушным. Что ж, спасибо, я очень признателен и не буду ему мешать в этом, наоборот – постараюсь помочь всем, чем смогу...

19-00

Сводили-таки сегодня к врачу. Выписал он мне панкреатин на неделю, предварительно заставив не только опять лечь – и мял мне опять живот – но и показать ему зачем-то руки до локтей. Пари я, выходит, проиграл самому себе... :)))

20-00

Приходил опять этот Чуков, и.о. отрядника 13-го (?). Писем мне не принес, – а носить их должен именно он. Это самое худшее здесь – когда нет писем, нет никаких вестей от родных и близких, и так – месяцами... В XXI веке ждать с замиранием сердца бумажного письма вообще странно, – на дворе ведь век интернета, сотовой связи, спутниковых телесистем и пр. – а уж когда их еще и сознательно, заведомо не несут неделями и месяцами... :(((

Ничего уже не будет, всё кончено. Прошла жизнь... :(((Не трудно, а легко

и радостно было бы сидеть в этом ПКТ, не знал бы я тут никакого горя – если бы только была хоть какая-то надежда, хоть какая-нибудь перспектива на дальнейшую жизнь. Если б не это, еще три года назад, еще на воле пришедшее вдруг четкое понимание, что – всё, тупик, конечная станция; что отныне ни в чем и никогда уже не будет мне удачи, что в жизни теперь уже точно не будет счастья; что жизнь – кончена, осталось, по сути, лишь уныло доживать свой никчемный век... :(((((((

9.12.14., 11-15

Опять был шмон, но не такой погромный, как в прошлый раз, поумереннее. Выходу в коридор – а там за притолоку моей камеры заткнуто письмо от Майсүряна!! Я тотчас схватил его, конечно. Вот суки – вместо того, чтобы отдать мне его, заткнули за притолоку, так что неизвестно, сколько времени оно бы там проторчало, если бы не шмон... Но – нет по-прежнему писем от матери и от Веры, это чрезвычайно меня угнетает и удручает.

Незадолго до шмона опять разбушевался сосед напротив (наискось, – тут специально так сделано, что двери камер не точно против друг друга), по его же собственным словам, психически неуравновешенный, лежавший в психушке. Неадекват, короче. Тоже ПКТ, видимо, у него, – сидит тут уже давно. Так он, добиваясь чего-то от дежурных «мусоров», разошелся так, что выбил «кормушку»!!! :) Во время шмона она валялась на полу в коридоре, а сейчас ее приваривают, – за дверью уже час сверкает и сыпет снопами искр сварочный аппарат...

10.12.14., 7-10

Это ужас, настоящий кошмар!.. Это то, чего я боялся больше всего... Вчера после обеда вывели-таки меня к начальнику по моему заявлению (заверить доверенности матери, Вере и Лене М.), – Гасанов, оказалось, уже вышел из отпуска и принимает в своем кабинете в штабе, сюда прийти и не подумал. И первое, что он мне сказал, как только я вошел к нему в кабинет, – что завтра (т.е. в ночь с 11 на 12-е декабря) меня увозят этапом в Москву на «следственные действия»!..

Как мне ни хотелось этого избежать – а придется ехать, мучиться, страдать... Опять тюрьма в Москве, «Лефортово», скорее всего на этот раз, с его тотальной, глухой изоляцией, или же – опять уголовники в камере, если не «Лефортово», и назойливая проблема уборки камеры... Опять проклятый, жуткий кировский централ, где туалетную бумагу и мыло, которые берешь с собой в камеру, тут же, при тебе, режут на части, а вообще – кроме самого минимума, брать почти ничего из вещей в камеру не дают, не дают днем ни лежать, ни даже сидеть на шконке, и т.д. – все эти ужасы еще свежи в моей памяти с августа, когда я провел на этом центреале жутких

три дня... И т.д., и т.п... Если и не через Киров повезут сейчас ТУДА, в Москву, – то уж непременно тем же путем обратно, в марте или апреле. Тащить вещи, которых правда, сейчас чуть поменьше, чем было летом, – кое-что пропало в лагере, например мое московское одеяло, а телогрейка сейчас будет на мне, а не в бауле, – но всё равно, со сломанной спиной – и тащить тяжелый баул, – это пытка!.. В общем, боюсь, поездочка в оба конца будет еще страшнее, чем была летом в один...

Идти навстречу своей судьбе? Да, конечно, надо идти ей навстречу, бояться не надо. Что ни делается – всё к лучшему? Это мудрая пословица, но всё равно... Всем этим я пытаюсь сейчас утешать и подбадривать себя, но выходит как-то не очень... Ужас этапа заслоняет собой еще больший ужас – при мысли, что там, в Москве, запросто могут сейчас намотать еще срок, несмотря на алиби, отсутствие показаний и всё прочее. Отъезд послезавтра в три часа ночи, – т.е., даже поспать нормально не получится...

Вчера же, перед самым этим походом к Гасанову, принесли кучу писем, в том числе и свежие, – видимо, знали уже, что меня увозят. От Майсүряна два – №80 и 81, от Людэ Евстифеевой, от Ткалича и от какой-то незнакомой женщины из Саратовской области. Так что, отвечая трем первым, я успел упомянуть, что меня увозят, – если этап затянется, м.б., они успеют сообщить матери и друзьям, что я уже должен быть в Москве?

16-48

Увозят, оказывается, не следующей ночью, а прямо этой, сегодняшней! Днем опять приезжали гэбульники, официально сообщили мне об этапе, а вот только что – и уточнил, что ночь именно эта – «мусор» с «продаттестатом». Сказал, что полтора суток ехать столыпиним, – это, видимо, опять на 29-ю в Пермь, на ТПП.

Намотают еще срок... :(((((((

19-10

17 декабря в «суде» Чусового состоится заседание по жалобе Ромы Качанова от моего имени – обжалование ШИЗО, профучетов и пр. Но я еду не туда... Приносили сейчас расписаться на извещении об этом «суде», а еще раньше – расписаться за все принесенные мне со склада вещи: одеяло, открывалку, летние ботинки и пр. Охренеть! Как будто освобождаюсь, – всё вдруг решили отдать с собой, джинсовая куртка, а которой я летом ехал сюда, сейчас мне уж точно не нужна, но – куда ее девать? Оставить тут – пропадет... Одеяло, конечно, пригодится и на этапе, и в Москве. Но – лишний вес, а сумок уже будет две; правда, вторая – со жратвой и казенным сухпайком, вместо того драного пакета, в котором вез я всё это сюда в августе. Но всё равно – путешествие будет аховое, тяжелейшее, и если

только меня не посадят в «Лефортово» ли в одиночку на «Матроске»/ Бутырке, – то, уже предвижу, мразь в камере тоже будет страшная, вроде той что уже была в 2013... Страшное что-то предстоит, да и добавка срока – скорее всего, и как я ни бодрюсь, ни подбадриваю сам себя, ни стараюсь увидеть в происходящем что-то хорошее, мол, «что ни делается – всё к лучшему», – на душе ужас и смертная тоска, жить не хочется совершенно, хочется умереть... Опять дорога через Пермь (ТПП на 29-й) и Киров, туда и обратно, – о нет, лучше смерть!.. :((((

31.12.2014, после обеда

Вот и Новый год... Увы, счастливым он не будет, gluckliches Neues Jahr не получится... Сбылись, наоборот, все самые худшие предчувствия и предсказания...

Я пишу это в Москве, на «пятерке», в 01-й камере (сборке). Семь лет, подумать только, ждали меня «нули» – и дождались-таки, когда я уже и думать о них забыл!.. Помню, как в 2006-07, тем сроком, после рассказов Зураба Зассеева, зимовавшего в 04-й, кажется, и поднявшегося летом, через час-два после меня, в 509-ю, я всё боялся панически туда попасть. Четырехместные, крохотные, сырые, по стенам вода течет, а у Зураба всю зиму еще и стекла в окне не было... Но сейчас «нули» двухместные, в них тепло и вообще относительно нормально, хотя для двоих и ощутимо тесно, конечно...

Шесть дней всего занял этап до Москвы – а не 17, как летом в ту сторону, в лагерь. Выезжал из лагеря – ушлые ээки, сунув в руки мне мешок с «насушным» (для них насушным, разумеется, – чай, конфеты и даже курево мне!.. :), сказали, что, мол, еду я в СИЗО-3 г. Москвы – видимо, уже разузнали где-то, у нарядчика, м.б.. Я-то обрадовался: и тому, что уже с самого начала этапа знаю, куда именно еду, и – что не в «Лефортово». На «тройке» – Пресненской тюрьме – еще не бывал, – вот, думаю, заодно и посмотрю ее. :) Но оказался опять на «пятерке» – в «Воднике», как теперь это СИЗО само себя называет. :)

Конечно, тяжело, мучительно, унижительно было заволакивать тяжеленный, неподъемный баул с тряпьем (а второй – полегче – на этот раз был со жратвой и сухпайками, вместо летних драных пакетов) на пермскую ТПП на 29-й, по лестнице вверх в кировский централ и т.д. Унижения, унижения, сколько вас еще предстоит мне в жизни?.. Но на 29-й, на ТПП, в 18-й камере, один (!) пробыл я на сей раз меньше суток, а не девять дней, как в тот раз! Вечером заселился – а назавтра, едва успел пообедать, уже повезли дальше (через шмоны то и другое, разумеется). Полтора суток зато опять, как и летом, ехали (стояли) от лагеря до этой 29-й. В Кирове, на жутком

тамошнем СИЗО-1, провел меньше двух суток. Опять дали постельный режим (давление было 180х120, хотя башка в тот день и не болела). Уже зная, как тут шмонают, я еще перед началом шмона заявил о своих претензиях по прошлому разу, начал активно спорить с тем из ублюдков в форме, кто назвался старшим по обыскам, – и в результате туалетную бумагу и мыло, несомые с собой в камеру, мне таки удалось спасти от уничтожения (разлома на мелкие кусочки и разреза ножом). Зато эти мрази на сей раз отобрали у меня все теплые вещи, не только свои, но даже казенный ФСИН-овский свитер, выданный в лагере, и обрядили меня в найденную в бауле лагерную робу с биркой (искали от нее и штаны, но на нашли, т.к. я их не получал :) – и только потому вернули мне утепленные спортивные штаны, в которых я ехал из лагеря); отобрали, ублюдки, даже палку, чего в тот раз все-таки не было, – и даже казенные их «врачи», даже выписав уже постельный режим, палку так и не вернули, – мол, в камеру ее всё равно брать нельзя, а ходить тебе особо некуда, от прогулки, строго обязательной для всех на этом гнусном централье, они меня тоже освободили...

Единственное хорошее было – что в последнем «столыпине», от Кирова до Москвы, меня и еще некоторых, кто сел вместе со мной, так и не прошмонали, хотя всех, кто садился позже, шмонали в обязательном порядке. Ехали сутки – и только под самый конец, незадолго до высадки, а в Москву везли всего-то трех человек, остальные сошли во Владимире, – какой-то их конвойный начальничек сообщил мне, что у меня на деле вместо 3-го СИЗО написано 5-е. Я, впрочем, расстроился не сильно.

Диво началось дальше: на «пятерке» посадили в общую камеру, 206-ю, и я просидел там неделю!.. Конечно, поначалу-то хорошо: сразу же дал знать своим, что меня привезли. Но вот дальше – сидеть с этими животными... :(Одно из них, азербайджанская мразь, командовавшая там всем, но при этом официально не официально не «смотрящий» за «хатой», «смотрящим» там числился кто-то другой, – с первого же вечера начала вымогать с меня 30 тысяч! Мол, ты приехал, позвонил утром, вечером уже электронное письмо пришло, – «мусора» поймут, что тут есть телефон, придут и заберут. При мне, впрочем, за эту неделю, предновогоднюю, было два шмона – и не только не забрали, но появился там откуда-то и второй телефон, а ведро браги, которое эти мрази запихнули именно под мою шконку, «мусора» даже не заметили – и ублюдки следующей ночью уже гнали из него самогон, несмотря на то, что на пятом централье официально запрещены кипятильники...

На эту брагу они пустили весь мой сахар, что был в первом же магазине, сделанном матерью назавтра после моего прибытия 18-го декабря. 17-го, в

тот же день, уже принесли небольшой заказ, сделанный в тот же день по интернету Леной Морозовой, – потрясающая скорость, особенно если вспомнить, сколько приходилось ждать именно интернет-заказы в «Медведкове». Из этого маленького заказа я еще сумел кое-что убрать в свою сумку для продуктов. Но азербайджанское животное (мой ровесник, кстати, но выглядит старше, как и я), очень недовольное этим, фактически отобрало у меня на завтра заказ матери. Слова оно при этом говорило такие: сперва – мы тут так живем, у нас такие правила, всё кладем в общую кучу (мол, хочешь, не хочешь – клади, «мы тут так живем!»); а потом – мол, положи всё в общий холодильник (там был и холодильник), НЕ ПОЗОРЬ МЕНЯ! :) Можно подумать, что эта образина – мне отец, или старший брат, или еще как-то за меня отвечает... Слегка растерявшись от такой беспардонной наглости, я положил всё или в их холодильник, или рядом с ним, – точнее, носил и раскладывал всё мое тоже один из них. В результате конфеты «Маска», целый пакет, пропали сразу и навсегда, больше я их не видел (азербот что получше, припрятывал у себя под шконкой, да и остальные тоже, а вовсе не пихали ВСЁ в общую кучу, – так они разводили только меня), мой сахар-рафинад пошел на их брагу, мой пакетный (100 шт.) чай и 500 г. кофе достались им и остались у них, когда я переезжал оттуда; с особенным же удовольствием они жрали из холодильника мои вареные яйца и колбасу, кто спрашивая разрешения, а кто и нет – и не было за эту неделю в 206-й случая, чтобы я полез вечером в их холодильник за колбасой, СВОЕЙ колбасой себе на ужин – и эта колбаса не была бы уже вскрыта и частью сожрана...

Короче, 23-го после обеда пришла Каретникова вместе с Сорокиным, вывела меня оттуда поговорить – и я под ее присмотром написал тотчас сопровождавшему ее «мусору» заявление, чтобы меня посадили одного. Надо сказать, что с самого утра того же дня, 23-го декабря, азербайджанская мразь стала усиленно просить «продольных» «мусоров», чтобы ее вывели к режимнику или еще кому из начальства – и почти сразу откровенно сказала мне, что это затем, чтобы убрать из камеры меняю. Я и не сомневался в этом. :) Обоснование при этом у данного животного (нельзя, нельзя так оскорблять животных!..) было поистине изумительное: «Потому что ты не с нами и не с ними, ты на своей волне!» :))) Я знаю еще с того срока, что эти мрази безошибочно чувствуют во мне чужака – и инстинктивно ненавидят, – и вот лучшее доказательство! Впрочем, была и более прозаическая причина: всю неделю эта обезьяна спрашивала, намекала, вымогала и так и этак – и накануне вечером я окончательно и бесповоротно дал ей понять, что никакие 30 тысяч она с меня не получит. Она же, вымогая для себя, на

карточку, маскировала это тем, что, мол, деньги нужны на какие-то общие нужды на телефон и т.п. – и, слыша, как я говорил один раз с матерью по телефону, ворчала, что, мол, что ты (я) всё решаешь свои личные проблемы, ты решаешь общие (т.е. дай ей 30 тысяч рублей), а на какой-то мой вопрос, не то возражение – возмущенно воскликнула: «Ты что, ДЛЯ СЕБЯ ЖИВЕШЬ, что ли???!»: :))))))

Короче, перевели 23-го после отбоя в эти «нули», но не одного, как я просил, а – взяли последнее из этих животных, захавшее туда, в 206-ю, на следующий день после меня. Компания очень гнусная, в камере очень тесно и неудобно, не жизнь тут с ним, а мученье, да еще и кормить тоже приходится (но хоть одного, а не ораву, как там...). Главная же беда – на первом этаже идет ремонт, причем неотреставрированным остался именно этот конец коридора; так что, по всем слухам, выселение всех «нулей» для ремонта камер – лишь вопрос времени. Обещали вроде вообще до Н.г., но пока нас не выселили; зато вот только что, минут 20 назад, из конца коридора прошла целая вереница эков, – не иначе, они под самый Н.г. выселили 1-ю сборку, ту самую, где в 2007 я просидел два месяца и откуда уехал на этап...

Но быт в тюряге этой – еще не самое худшее, как отсутствие (с отъезда из 206-й) связи. Мразь Вешкин, ФСБ-шный следак, 25-го декабря так предъявил мне обвинение по 205.2, ч.1, по волгоградскому заявлению 2013 г. Не смогли они больше никого обвинить, в «постановлении о привлечении в качестве обвиняемого» сказано, что я передал заявление из тюрьмы «неизвестному лицу» и, кажется, даже «неизвестным способом»!.. :) Алиби у меня железное – СИЗО, как-никак, поэтому того, кто реально вешал, они искали очень усердно, аж – как выяснилось из майсуряновских распечаток с «Граней», пришедших вчера – таскали накануне моего приезда в Москву, 16-го, на допрос Мишу Вербицкого, моего (теперь) горячего сторонника и основателя LJR. Но он, разумеется, и не мог знать, кто там у меня что вешал, а IP, как он сказал следаку, у них на сервере не сохраняются.

Так что – по делу я опять один, это намного лучше, чем группа. Но – вопреки очевидной нелепости обвинять человека с таким алиби, само предъявление обвинения автоматически означает новый срок, точнее – солидную добавку к старому. Их «суды» – уж точно не то место, где им (ФСБ, тем паче) откажут проштамповать их обвинения, какой бы бред там ни был написан. Так что – от двух до пяти, но пять – это вряд ли, дабы не нарушать уж совсем грубо приличий; а ведь та самая «десятка», начиная с ноября 2012 года, которую я тогда, первые месяцы после ареста, предчувствовал, и боялся, и сходил с ума от столь жуткой перспективы, – вот она в итоге, после

третьего приговора в 2015, как раз и вырисовывается на горизонте опять... :(((
Адвокат при предъявлении «обвинения» был их, казенный, а у адвоката Сидоркиной из «Агоры», которую нашли мне ребята и которую я вообще не знаю и до сих пор не видел даже, – у нее эта мразь Вешкин, видите ли, не принял ордер, ссылаясь на отсутствие начальства. Потом, на следующей неделе, он, видимо, ордер все-таки принял, Сидоркина эта в понедельник, 29-го, приходила после обеда ко мне сюда – но меня, видимо, так долго вели, что она не дождалась, ушла! :(((Говорят, торопилась на какой-то поезд. За оба срока – со мной такое первый раз. Думал, м.б., придет хоть 30-го, ведь все-таки еще полноценный рабочий день, даже не короткий, но – нет. Теперь, видимо, не раньше 12-го – первый рабочий день после их «праздников»... :(((
Мразь Вешкин назначил мне очередную психиатрическую экспертизу – собственно, как я понял, мы сейчас только ее и ждем, а потом – закрытие дела и «суд». Сказал, что экспертиза будет в Кащенко (больница им. Алексеева), ехать надо будет именно туда, а не на Бутырку, как в марте 2013-го. Почитал я, пока ждали казенного адвоката, и другие «экспертизы» которые Вешкин успел по этому делу состряпать с помощью своих штатных (казенных) «экспертов». Их там оказалось всего две, ход мысли глупый и незатейливый: сперва почерковедческая, которая сравнивает почерк моих дневников, изъятых 10.6.14 у матери, с моим заявлением Хореву, начальнику медведковской тюрьмы, и делает вывод, что почерк идентичен, дневники написаны мной. «Установив» этот факт и от него отталкиваясь, Вешкин дальше проводит «автороведческую» «экспертизу» – и та, хоть и с оговорками, что ее выводы лишь предположительны, по тождеству слов, оценок и выражений по поводу волгоградских взрывов в дневнике и в заявлении определяет, что и то и другое написано одним человеком (то бишь мной). Вот, собственно, и всё, что у них есть, вся их линия «обвинения». Как именно я мог, сидя в СИЗО, совершить «ПУБЛИЧНОЕ оправдание терроризма», т.е. разместить текст в блоге, – на это ответа нет и не предвидится; между тем, смысл 205.2 – именно в публичности, а не в том, что кто-то кому-то что-то передал в руки или шепнул на ухо. У них ничего против меня нет – и, однако же, у меня теперь есть еще минимум три года срока, если не пять! Вот такой вот грустный парадокс... :(((Так что будь он проклят, новый, наступающий 2015-й год!!! Кроме добавки к сроку, он может, разумеется, принести еще кучу унижений и неприятностей, а вот хорошего – заведомо ничего...
Куча электронных писем от всех друзей и даже от незнакомых людей, едва сюда приехал. Игорь Шестков в Берлине, задумавший издать сборник моих писем – и сейчас по его просьбе ребята их набирают и шлют ему, всего

оказалось 12 моих корреспондентов!.. :) И – самое важное событие всей этой переписки – наконец-то письмо от Мани, электронное. Не думал и не ждал уже... Обрадовался очень. Письмо из Киева, на чистом украинском – впрочем, уверен, не ее, а Google-переводчика, о чем и задал ей прямой вопрос. Но ни на этот, ни на куда более важные вопросы (о нашей мистической связи, есть ли она еще) – пока что нет ответов, нет второго письма. Только: «Міцно тисну лапу. Тримайся, друже» в конце, да подпись: «М.А.». Что-то изменилось: опять она стала писать о себе в женском роде. Что ж, слава богу, независимо от ее грядущего ответа на мой главный вопрос...

Кончена, кончена жизнь... Будущего нет. Срок впереди, – вот сегодня было бы уже 1599 дней, если бы не грядущая прибавка к сроку. Теперь, видимо, мне освободиться уже не в 45 лет, а минимум в 48, – если, конечно, доживу... Будь трижды проклята эта гнусная страна, заслуживающая только одного – безжалостной ядерной бомбы на каждый свой крупный город!! И как безумно жаль, что на этот Н.г. я не могу преподнести «дорогим россиянам» этого давно заслуженного ими ядерного, огненного подарка!.. :(

12 дней предстоит теперь проклятых «праздников», пустых, глухих и мертвых, хотя вроде бы 5-е и 6-е должны быть рабочими днями. И – в эти же «праздники» могут перевести из «нулей», несмотря на всю глухоту... :(

А доверенности из Перми, от мрази Гасанова, на имя своё, матери и Лены Морозовой – Вера так и не получила... :(((

ЯНВАРЬ 2015

1.1.15., утро (после проверки)

Посидели вчера – хоть и без времени, без радио, выключаемого в отбой – до 12-ти ночи, встретили Н.г., съели с чаем торт «Наполеон» Черемушкинского хлебокомбината, очень хороший, для тюрьмы – так прямо роскошный (спасибо заказавшей его Лене Морозовой! – мать просто не догадалась бы заказать такое) – и в два часа ночи, как сказал сейчас «мусор» на проверке, мы уже спали!.. :) Проверка, кстати, была по карточкам – и карточки, как и в «Медведкове» были, у первоходов белые, у второходов – зеленые...

Но остроты проблемы всё это мирное празднование, весь этот новогодний покой (не переселяют пока из камеры) снять, конечно, не могут. Проблема в том, что жизнь прошла, что перспектив никаких, ничего впереди нет, кроме тюрьмы, зоны и тюрьмы в зоне, – и что жить, при таком раскладе, собственно, незачем... Во второй половине января, очевидно, надо уже ожидать «экспертизу» в Кащенко...

3.1.15., утро (после завтрака)

Проклятая страна... С утра – ужасная, невыносимая тоска, как всегда, впрочем. Как уже много лет. «А прошлое кажется сном...» Была эта жизнь, а – зачем? Какой был во всем этом смысл? Оказаться опять в тюрьме, без всякой перспективы, кроме продления срока? Какой, в самом деле, был смысл в 40 годах этих мытарств? Вот он – итог? Я чувствую себя жертвенным бараном, увы. Хочешь не хочешь, понимаешь всё или нет – увы, жертвоприношение неизбежно, ты обречен... Смысла не было никакого, да и не может быть. Смерть всё равно неизбежна, и хотелось бы только поменьше мучений на пути к ней. А мне – мне предстоит теперь, уже после лагеря, опять эти жуткие, трясушие до одури поездки на автозаках в «суд» и обратно, многочасовые, до ночи, сидения на сборках... И – ничего больше, ничего такого, ради чего стоило бы жить... :(((

4.1.15., 10-й час утра (до проверки)

Увы, ничто не связывает меня больше с этой жизнью. Всё кончено... Я хочу умереть, но не могу. :(((

после проверки

Зачем идти по дороге, заведомо не ведущей никуда? Одно дело, если ты рассчитываешь, что она приведет тебя к цели, позволит, например, подняться на вершину самой высокой горы. Другое – если уже заведомо известно, что никуда, кроме обрыва, края пропасти, эта дорога не ведет. Зачем тогда и всё путешествие, не лучше ли прервать его сразу, как узнал

это?..

Похоже, что сдирать матрасы вместе с простынями и одеялами, полностью переворачивать все постели в камере – традиционная манера утренних проверок в этой проклятой тюрьме. Сейчас вот перевернули всё опять, мрази, ублюдки, тупые вонючие ФСИН-овские свиньи!

5.1.15., утро (до проверки)

Проклятая страна!.. Как же я ее ненавижу... Проклятая эта камера, где даже нельзя свободно ... из-за этого ... (соседа). Собственно, это и называется мучением – вот такая вот «жизнь», вот такие вот условия в тюрьме (да и в большой камере они были не легче, а пожалуй, что и еще тяжелее). Мучение, страдание, постоянное унижение человеческого достоинства – самое упоминание о котором тут, в России, звучит дико...

Проклятая страна... Проклятая моя жизнь, нелепая и бессмысленная... Хронический неудачник... Наматывают сейчас, по весне, еще один срок – и всё за слова. Будет как раз та самая, изначально мною ожидавшаяся, еще в 2012, «десятка»... :(((

Утром вчера какой-то местный идиот включил в радиотрансляцию по тюрьме вместо «Русского радио», игравшего до того, некую англоязычную радиостанцию, хоть и российскую, – «MoscowFM». Ни времени, ни новостей теперь, уже второй день, – точнее, они есть, но по-английски. В вечернюю проверку вчера все «нули» просили сменить канал, «мусора» вроде обещали позвонить и сказать, – и всё равно с утра сегодня опять этот английский...

6.1.15., вечер (до проверки)

Жизнь прошла. Ужас будет идти по нарастающей...

7.1.15., 11-й час утра (после проверки)

От общения с этим животным здесь – глупеешь! В этом-то весь ужас, не сразу и замечаемый; пытаюсь подстраиваться под его уровень понимания, объясняя или рассказывая что-то, – и вдруг чувствую отвращение к самому себе, идиотизм этих своих речей!.. Вот чем оно чревато – то народничество, которое так пропагандирует Майсурян...

Праздничек, мать его!.. На улице уже второй день холодина, градусов 20 мороза, и даже за 20; окно в камере поверх решетки (не плоской, коробом, как любят эти подонки для пущей предосторожности делать) пришлось обмотать парой сложенных вдвое простыней, чтобы поменьше дуло. Сегодня уже вроде чуть теплее, а вчера вечером был вообще дикий холод. Путин и Медведев поздравляют всех с рождеством... :))) По радио передают, что Путин встречал «рождество» где-то в сельской церкви в Воронежской области. Представляю живо, сколько ФСО-шников туда нагнали, как перекрыли все подъезды, всю местность, что там вообще творилось, в селе

этом... Балаганное сучье скотство – как совершенно справедливо назвал еще в конце 2013 это их «православное рождество» Антоша Ручкин (и с тех пор так и не пишет, тоже хорош...). Праздничек пьяного быдла, предводительствуемого фюрером с 80+% рейтинга... Мрази, будьте вы все прокляты, с вашим Путиным и всем вашим мразотным быдлогосударством!..

Да, жизнь прошла, будущего нет... Единственное будущее – прибавка к сроку, 22-й какой-нибудь год вместо нынешнего (пока еще) 19-го. А м.б., и 24-й, не удивлюсь... И отправка обратно – туда, где минус 20 – это, считай, оттепель, а нормальная температура зимой – это минус 30, не меньше, и при этом проверка – на улице, а в/из столовки выпускают только всей толпой... Впрочем, в СУС и ПКТ баланду привозят, проверки в СУСе тоже внутри, так что, м.б., обморожений удастся избежать... :))

Будущего нет, жизнь прошла безвозвратно, впереди – тупик... Думаю, в чем ездить на эти «суды», когда они начнутся, – предполагаю, что в марте где-то, еще будет снег и холод приличный, как минимум по утрам/вечерам. А ездить, видимо, придется в старых летних мокасинах, привезенных из лагеря: я категорически не хочу, чтобы там, в «суде», из моих лагерных казенных ботинок опять вытаскивали шнурки, а потом, перед подъемом в зал и посадкой в обратную машину, их пришлось бы вставлять.

Проклятая страна... Ненавижу, ненавижу, НЕ-НА-ВИ-ЖУ ее!!!

8.1.15., 9-й час утра (до проверки)

Вот и прошла жизнь... Как тоскливо, невыносимо здесь по утрам!.. Впрочем, не только здесь, – утро вообще тяжелое время для меня, всегда и везде, в любой тюрьме – и не только в тюрьме...

Вчера под вечер пришли вдруг забавные мысли в голову: что я могу здесь написать о том, о другом, о чем давно собирался, благо времени полно... :))) Но – дело не только в канале на волю, а – зачем? Уж без чего без чего, а без моих текстов мир точно проживет... :)) Всё бессмысленно, всё потеряло ценность – потому что жизнь кончена...

И именно поэтому случиться может всё, что угодно, – я ничему не удивлюсь. Вот сейчас пройдут «праздники» – и вполне могут засадить в карцер за отказ от дежурства, скажем. Или – «экспертиза» психиатрическая может вдруг, вопреки всем предыдущим, признать невменяемым – и засадят в больницу, причем на тот же срок, до того же самого 2022 года... Ну, или, например, скажут, что не могут определить, нужна, мол, стационарная экспертиза – и придется со всем барахлом ехать в институт Сербского... Тем более, что этим мразям – ФСБ – попали летом в руки мои медведковские дневники, которые по линии карательной психиатрии, безусловно, очень

легко и заманчиво использовать. Да, жизнь кончена, а вообще вся жизнь в этой стране – сплошной сюр, так что ожидать и впрямь можно чего угодно...

Во Франции вчера было нападение исламистов на редакцию сатирического журнала.

8-й час вечера (после проверки)

Во Франции вакханалия, стрельба митинги, погромы мечетей. Исламисты вчера убили 12 человек в редакции сатирического журнала, публиковавшего карикатуры на пророка Мухаммеда, сегодня стреляли по полиции где-то на шоссе, в стране объявлен траур, французы в ответ нападают на мечети, бросают туда гранаты (ну как не вспомнить январь 2006 г., Копцева, синагогу на Большой Бронной – и мою статью по этому поводу, до сих пор иногда цитируемую!.. :) . Я-то всегда был сторонником свободы слова и карикатур на Мухаммеда, – плохо только то, что соболезнования французам высказывает Путин, и все – и западные, и восточные вожди – дружным хором клеймят и «решительно осуждают» то, что именуется у них «терроризмом» (любимый жупел Путина еще с 1999 г., со взрыва на Гурьянова). Один я, должно быть, во всем мире категорически отказываюсь осуждать «терроризм», несмотря даже на то, что и арабские/африканские исламисты во Франции – для меня враги, и расстрелять внезапно журналистов в – наверняка – неохраняемой до того дня редакции – не бог весть какой подвиг для вооруженных людей, пользующихся преимуществом внезапности. Но – русские в России не способны и на такое, особенно русские прогрессивных либеральных взглядов. Не могу себе представить нападение либералов с автоматами на редакцию «Комсомольской правды», допустим, – а стоило, очень стоило бы!!.. :)))

Ну и – самая смешная хохма на закуску – РСН по «Русскому радио» сегодня сообщила, что Ходорковский призвал в ответ на французские нападения публиковать карикатуры на пророка Мухаммеда (как можно шире и всех, видимо) – а Рамзан Кадыров в ответ на это объявил его своим личным врагом и стал угрожать расправой даже в Германии, где Ходорковский находится со времени освобождения. Что ж – остается пожалеть, что РСН не обратилась бы, по всей видимости, за комментарием по французским событиям ко мне, будь я даже на свободе (хотя вот к Люзакову же они обращались по поводу смерти Новодворской!..), я бы тоже сказал, что считаю необходимым как можно более широкое и массовое высмеивание ВСЕХ исламских «святынь», а не одного только пророка Мухаммеда. И – хоть мне и не равняться по значению с Ходорковским, и мне он никто (сторонник аншлюса Крыма, точнее), да и – мой комментарий Кадыров, скорее всего, вообще не заметил бы, – но все же я здесь, на

возможное будущее (вдруг да опубликуется дневник, когда еще будет жив Кадыров!..) отвечу ему тут – тоже заголовком той своей старой, тоже скандальчик небольшой вызвавшей, статьи 2006 г., чуть-чуть переделанным: «Рамзан Кадыров, иди на ...!».

9.1.15., 9-й час утра (до проверки)

Этот ублюдок в камере, как и тот, в Медведкове, в 525, последний, – ворует у меня кофе, да еще и сгущенку, как я только что выяснил. Не когда меня выводят (сейчас «праздники») – так ночью, когда я сплю, а эта мразь как раз не спит, ведет ночной образ жизни. И упаковка с кофе вот уже второй день – открыта, хотя я плотно закрываю; и новая, не тронутая еще пачка сгущенки – вчера только ее поставил в эту половинку шкафчика, – сейчас вот, с утра посмотрел – уже открыта!..

2-й час дня (после обеда)

А вообще, это вот существо – оно и есть типичный образчик того, чем населена страна, классический образчик быдлосовка-москаля (родом с Урала, скажем), голодранца-халявщика. Своего нет ничего и никогда, единственный способ добыть что-либо (в лагерях/тюрьмах) – обыграть в карты, ну а со мной же не сыграешь. :) Потому-то это чмо не только крадет у меня кофе и сгущенку (другой способ, более простой), когда я сплю или вышел к адвокату, – но и моего майонеза, выставленного на стол как бы для всех, кладет себе в суп ну ОЧЕНЬ много, гораздо больше, чем это реально надо, едва не полпачки за один раз. Ну да, разумеется, майонез-то – для него, этого животного – халявный, чего ж его экономить, чего не положить побольше!.. А потом, чуть подумав – кладет себе этого же майонеза, тоже достаточно много, и в капусту (второе блюдо), где он уж точно ВООБЩЕ не нужен!..

12.1.15., 8-й час вечера (после проверки)

Прошли проклятые «праздники». Сегодня – первый рабочий день. Но – всё тихо: ни писем ни от кого, ни адвокатши, ни магазина, ни свиданки. Для магазина и свиданки, впрочем, еще рано, – не раньше завтра; но вот отсутствие писем очень нервирует и настораживает. Хотя, впрочем – из такого количества людей не мог же вообще НИКТО не написать; скорее, письма просто не носили сегодня. Есть надежда на завтра.

Жратва почти вся кончилась. Если что (не дай бог!) – баланда тут в основном съедобная, но сидеть на одной баланде, конечно же, тоскливо...

Проклятая страна!!! Будь она проклята, проклята, проклята!!! КАК ЖЕ я ее ненавижу!!! Иметь мужество ненавидеть ее, воевать с ней словом, не бояться ее – и ничего, абсолютно ничего не мочь сделать с ней в реале!.. :(((Уж я не мальчик, не неопит, не начинающий графоман (как верно заметил

в 2012 г. после моего ареста Алек Эпштейн); мало кто вообще здесь, из современников, по крайней мере, решался сказать столько же, пусть и другими словами. Новодворская и Нестеренко – вот и все, кто приходит на память. Широпаев присоединился уже намного позже. И что же? Лера – в могиле (сильно присмирив перед тем), Нестеренко – в Америке; я – один, оставшийся в России, – в тюрьме. «Жизнь прошла, осталась только биография». :(((Эту проклятую страну и впрямь надо взрывать каждый день и в каждом ее городе, – хотя бы уже за одно то, что она сделала со мной!.. Тем паче, что эти мрази в погонах и пиджаках не карикатуры на Мухаммеда рисуют – а убивают мусульман тысячами, десятками и сотнями тысяч, оккупируют их землю, взрывают их дома... Пусть же ваши вокзалы, метро, школы, больницы, магазины в ответ взрывают каждый день, – вот единственное, чего я могу вам пожелать, мрази, ублюдки, тупые русские свиньи!.. Жаль только, что сам я из тюрьмы ничем и никак не могу уже повлиять на эти процессы, никак не могу помочь вам всем, мразям, сдохнуть поскорее... Увы, жизнь моя кончена – и на вашей могилке уже не доведется мне сплясать, русские мрази, а так хотелось...

Совершенно непонятно, что на самом деле происходит в Донбассе, по Русской (свинской :) службе новостей этого не определить. Ясно одно: Луганск и Донецк так и не взяты, и взять их, видимо, мешают европейцы (французы и немцы), пляшущие в «нормандском формате» под путинско-лавровскую дудку. Это полный позор!!!

Зато другая новость сегодня прямо-таки поразила. Непотопляемому Навальному, оказывается, таки успели еще до Н.г.вынести приговор, а писали-то, что он отложен до 15 января! Когда ж они успели, если уже официально было назначено на 15-е, – непонятно. И – что бы вы думали?! – Навальному опять 3,5 года условно, уже второй раз!! – а вот брату его 3,5 года реального срока! М-да, непотопляемость этого персонажа, официального вождя «российской оппозиции» и уже как бы официального кандидата №1 от нее в президенты – говорит о многом...

Пустота, тоска, безнадега... Тоска. Тюрьма... Жизнь действительно прошла, чего уж там...

14.1.15., 3-й час дня (после обеда)

Итак, кратенько события последних двух дней. Вчера после обеда пришла наконец эта адвокат Сидоркина. С первого взгляда она мне очень понравилась, приятная женщина, не то что Бородин в 2012-м... Хорошо говорит; была, оказывается, уже у матери, – аж домой заезжала, нашла время!.. Много говорила о медицинских проблемах, может попросить знакомого профессора-эксперта в Питере проанализировать мои

медицинские документы (если их выдадут из 20-й ГKB и из тюрьмы по доверенности); но пытаться отправить меня на Матроску не надо, это я ей сказал сразу, – тем более, что она и сама знала уже, какие тупые, никчемные справки там выдают.

Мрачную новость принесла она, правда, тоже: арестован Рафис Кашапов в Челнах! Вроде бы по 282-й, за какие-то старые публикации – по словам его жены, которая, как говорит Сидоркина, не очень-то сильна в этой юриспруденции. Взяли, сказала, перед самым новым годом, когда он прилетел откуда-то из-за границы, – с отдыха? Или с лечения? Не помню уже...

Поговорили очень хорошо, сидели довольно долго. Вернулся в камеру – уже принесли и отдали магазин, заказанный накануне (это очень хорошо, что тут отдают без меня, не как в «Медведкове»), и письмо Веры, электронное. Странно, что только от одной Веры, я –то ждал целую пачку, от всех друзей разом...

Проходит какое-то время, я сижу читаю (приходила и библиотекарша, принесла мне Аксенова) – и вдруг эта животиная, соседка по камере, устраивает мне этакий мини-скандалчик: почему, мол, я даже (!) не мою раковину, которая, оказывается, уже стала черной?! :))) О-о, думаю, и впрямь всё повторяется на свете!.. 408-я, 525-я, – теперь вот здесь, в 01-й, только централ другой... И еще, как все они обычно (по себе меряя), говорит мне это чмо: я, мол, тебе в карты не проиграл. Типа, не должен он один всё мыть, – как будто я его, ублюдка, заставляю!.. Пошел, потер губкой эту раковину, чтобы только эта тварь слегка успокоилась; сам в это время, пока тер, умирал от внутреннего хохота. Да, всё повторяется, а животные эти – неисправимы; чистюли уголовные, абсолютно бессмысленные внутри, но лощеные и идеально чистенькие снаружи...

Слава богу, пол подмело и помыло это чмо само, не стало больше скандалить и заставлять меня (да и мыть, гнуть спину – я все равно бы не стал). А сегодня, сразу после проверки – заказали эту мразь с вещами!!! :) Какое счастье!.. Заказали к 13-00, вывели уже позже, во втором часу, после обеда – но зато сказали «на этап», подтвердив тем самым ее догадки, что везут на Матроску, на больничку, – что-то в снимках флюорографических показалось местным врачам подозрительным, а туберкулезом это животное однажды уже болело, – м.б., опять? Желая ему от всей души: сдохни, мразь!!!

И есть за что желать, кстати. Ублюдочная, вонючая мразь, типичное русское быдло и отребье – халявщики, привыкшие всегда жить за чужой счет. Магазин мой вчера без меня именно это чмо и получало – и что же?

Утром, еще перед проверкой, как обычно, заварило чай, предложило мне, я согласился – и оно, фактически, потребовало к чаю мой рулет, один из полученных вчера! Наглая гнида!.. Хорошо, я согласился, съели этот рулет на двоих. Потом, когда собиралось на этап, открыло шкафчик с той стороны, где лежит сгущенка – и говорит: дай-ка мне с собой пачку сгущенки, ты, мол, зажиточный... Может, и зажиточный, да только не для таких нищобродов-уголовников, как ты, мразь!.. И вот – финальный аккорд: едва его вывели – я полез, как обычно теперь, проверить целостность кофе и новоприобретенной сгущенки – и точно: опять ночью брала, животиная, мой кофе, не смогла до конца закрыть пачку (по этому-то я и определяю), а из вчера полученной сгущенки одна пачка уже вскрыта и уполовинена!.. Ублюдок, чтобы ты окошел в лагере!..

Сижу пока один, наслаждаюсь этим – но, увы, с грустью понимаю, что уже скоро сюда закинут еще какую-нибудь нечисть, одного не оставят... :(((

18.1.15., 10-й час утра (до проверки)

15-го утром, перед проверкой, выдернули вдруг «по сезону» – я сразу понял, что это на психэкспертизу, но почему не в шесть утра, как в 2013 г.?

Дошел до выхода из тюрьги – стоит мразь Вешкин, следователь, и говорит, что повезет меня он. Сует мне наручники, предлагает надеть, я отказываюсь. (Этакий лощеный, красивый с виду молодой человек – и такую гадость в кармане носит!.. :) Выходим с ним на двор тюрьмы – там стоит их машина («Шкода», как потом я заметил), в ней – спереди сидят еще двое. Вот это да! – решили сами отвезти, на иномарке, обалдеть!.. Ну что ж, деваться всё равно некуда, а такая поездка всё же приятнее, чем в железном ящике мусорской «газели», и видно из окон, где едешь, и всё это происходит быстрее – вот и с шести утра не пришлось сидеть, ждать мусорской конвой, и приедем наверняка быстрее, чем в марте 13-го (во втором часу ночи тогда подняли в камеру).

Мразь Вешкин сел сзади рядом со мной, наручники все же пришлось надеть – и поехали. По третьему кольцу, посмотрел заодно Москву, не виденную с 2012 г. Это хваленое Москва-сити, стеклянные башни на берегу Москвы-реки. Уродство, конечно, и убожество; в любом Сингапуре или Малайзии такая архитектура выглядит куда органичнее, чем здесь; но – Москву в архитектурном смысле испортить уже нельзя, так как никакого своего архитектурного стиля у нее нет и никогда не было, сплошная эклектика, мешанина старинных зданий с советскими панельными домами и таким вот стеклом. Кроме отвращения, этот город, хоть и родной, у меня ничего не вызывает...

Приехали в Кащенко (теперь больница им. Алексеева), совсем не в тот,

кстати, корпус, куда менты возили меня в мае 2013 г. Сперва долго сидел я в машине, потом повели внутрь. Там было полно народу, пришлось довольно долго ждать. Врачиха оказалась та же самая старая бабка, что и в 2013 оба раза; меня она прекрасно помнила – и сразу же спросила, почему, мол, мы с вами опять встречаемся? Я сказал, что уж точно не по моей инициативе. Мол, вам уже приговор вынесли, в вы все равно не успокаиваетесь. А может, говорю, это хорошо, – не успокаиваться? Это высказывание она тут же записала себе на листочек, говоря при этом, что, мол, стену головой не пробьешь, – я все же надеюсь, что они признают меня здоровым, не будут уж противоречить своим собственным заключениям 2013 года; но нежелание успокаиваться даже в тюрьме – это, конечно, у них аргумент против меня. :)) По ходу разговора подошла другая врачиха, помоложе, которая тоже была и в 2013 г. – и тоже стала меня укорять, причем исходя строго из того, что написано в уголовном деле, ни малейших сомнений во всем, что там написано, у этой публики никогда не возникает.

Это была, так сказать, собственно психиатрическая экспертиза, а потом был еще психолог с карточками и тестами – исключить один нетипичный предмет из ряда, где остальные три – типичные, разложить картинки по группам, запомнить и повторить десять слов, как было и в институте Сербского в 2006 г. (я сразу сказал ему, что проходил тогда этот тест, что память у меня плохая; потом из десяти слов назвал только семь – и он не стал больше мучить меня этим тестом). Сказал под конец, что заключение будет в течение двух недель, как обычно.

Поехали обратно. Доехали быстрее, чем туда, как и бывает обычно. Когда при заезде в тюрьму ФСБ-шники сдавали все «запреты», я увидел, что всего-то у них, взявшихся конвоировать меня, был при себе один-единственный пистолет Макарова на троих. Где-то полчетвертого дня был уже «дома». А пока ждали в больнице психолога – мразь Вешкин уже стал спрашивать меня, сколько, мол, заняло у меня в тот раз ознакомление с делом. Ну да, сейчас придет результат псих. экспертизы – и всё, можно знакомиться с делом, закрывать его – и дальше «суд»...

В камере уже сидел в это время новый сокамерничек, приведенный накануне в вечернюю проверку, чего я и боялся. Попав сюда, он сперва начал барабанить в дверь, орать, скандалить и угрожать, что сейчас «вскроется», если его не выведут отсюда немедленно. Его таки сводили к дежурному оперу, который объяснил ему, что, в отличие от 2001 года, когда этот тип тоже тут сидел, в «нулях» теперь сидят не «пидорасы» и не «шерсть» – этого слова дурачок-новоприбывший, правда, не употребил, но именно так в «Медведкове» называли тех, кто «скрывается» или «гасится» в

отдельных камерах, как он, по-моему, сказал.

Ломился-ломился отсюда, но после похода к оперу тотчас остыл и остался. Я ему еще дал «хозяйский» станок, чтобы было чем «вскрывать». :) Всего два дня, как заехал с воли, 111-я, часть 1-я – ударил такого же, как и сам, криминального типа ножом за то, что тот спер у пырнувшего телефон. Пять последних лет не сидел, а до этого – с малолетки, много раз, куча 162-х, 105-х, 111-х и т.д. Весь синий, самая заметная татуировка – на шее, ее ничем не скрыть, да и на ладонях тоже. 32 года. Этакая «гроза района» (Ангарская ул., Ховрино), алкаш и наркоман, всегда готовый бить и резать любого по поводу и без повода, и в то же время – примерный семьянин, отец двух маленьких дочерей. :) Два абсолютно не совпадающих ампула, – типа, един в двух лицах. Животное, конечно, тупое, невежественное и бессмысленное; книжки читать не любит, зато любит и поддерживает «воровской закон». :) Смысла нет, одна агрессия и нелепые попытки судить об окружающем мире по опыту тюрьмы, лагеря и отношений в криминальных кругах Северного округа Москвы. :) В отношении меня агрессии вроде пока не проявляет (но это пока! :) ; вчера с прихода из бани (где-то после обеда) и до после отбоя, часов до 11-ти, грузил меня историями из жизни своей, своих криминальных друзей по району и по лагерю, своей жены, тещи и бабки с дедом своей жены, как он жил у них в поселке Ивановской области, делал водопровод, газ, пахал огород, ездил работать в Москву, и т.д. и т.п. Полдня этого грузилова, даже больше, – я думал, что сойду с ума, устал так, как будто разгружал вагоны...

Еще живописная подробность – у него оказалась язва желудка и панкреатит (мое будущее), и первые дни ему становилось плохо после еды, начинались жуткие боли. МНЕ приходилось – т.к. сам он не мог, ясное дело – колотить изо всех сил в дверь, чтобы ему вызвали врача. Думал, что его с такими болями заберут отсюда в больницу, хоть на ту же «Матросскую тишину», хотя и понятно было, что одного меня все равно не оставят (ему это опер в тот первый вечер так и сказал, что одного меня тут оставлять нельзя), – но фиг там, надавали ему кучу таблеток, он стал их пить – и боли после каждого приема пищи если и не прошли, то стали намного слабее. Что ж, жаль, – жаль, что не забрали его отсюда и что такой вот синей с головы до ног «грозе района» тут не дадут умереть, хотя ничего другого она не заслуживает и пользы от нее никакой нет, а есть только вред нормальным людям. Власть сажает такую шантрапу в тюрьму, но – вот парадокс! – при этом она является в духовном, ценностном мировоззренческом отношении ИХ властью, плотью от плоти такого вот своего электората, обычно, впрочем, не ходящего на их «выборы». :) Самым

наглядным, бесспорным и явным связующим их с властью звеном, их бесспорной общей почвой является... Что? Правильно, гомофобия! Быдло и криминальное отребье на улицах и в квартирах злобно ругает «пидорасов», которыми именует любого, кто им не нравится, – власть торжественно принимает законы о запрете «гомопропаганды» и т.п...

Так что – эта мразь не умирает от язвы, а вылечивается таблетками, цветет и пахнет, мечтает побыстрее закрыть дело и осудиться – и грузит меня рассказами о своих родственничках и друзьях. Слава богу, претензий по поводу уборки камеры и кормления его моими продуктами (хотя с язвой-то ему надо соблюдать строгую диету! :))) пока не предъявляет, но – это еще, безусловно, впереди... :))))))

20.1.15., 10-й час утра (до проверки)

Прошла жизнь, прошла... Ничего не осталось... Ничего, кроме постоянного ожидания беды, какого-то ужаса... Вчера не пришла мать на свиданку, я ждал с утра, был как раз понедельник. То ли не дали ей разрешения, то ли не привезли, черт его знает... Сейчас – только и осталось ожидание того, что начнут ремонт в «нулях» – и придется опять со всем бараклом тащиться куда-то, уживаться на новом месте с каким-то новым быдлом...

Соседушка же, животина уголовная, всё мечтает добраться до опера – и уговорить его, чтобы «поднял» животину обратно на корпус, но увидеть опера никак не удастся (а уговорить и подавно не удастся, скорее всего). Пьет тем временем прописанные ему желудочные таблетки. Поначалу, в первые дни, он сам говорил, было среди них и слабительное; сейчас – не знаю, есть оно или нет, но, во всяком случае, мою туалетную бумагу эта животина тратит ударными темпами, по несколько раз в день, и я прямо не знаю, что делать. Ну да, хорошо, что есть у меня еще два рулона в запасе, – это я привез те самые три из четырех, что покупал в лагере, в интернет-магазине, еще в начале сентября 2014 года, до первого ШИЗО. Хорошо, что они есть, но – не своё ведь не жалко, эта или другая такая же тварь легко и быстро изведет и их, а пополнения пока что не предвидится. Я не знаю даже, приезжала мать вообще вчера в тюрьму, делать заказ, или нет, это можно узнать только ближе к вечеру, когда начнут разносить магазин.

Лена Маглеванная написала, что книжки моих писем Шестков пока что выпустил только пробный тираж, 14-15 экземпляров. От Лены, от Веры, от Гены были вчера письма – главная радость вчерашнего дня, – а от Мани так и нет ничего, кроме того единственного декабрьского письма...

1-й час дня (до обеда)

Да, еще же забавно получилось у НИХ с карикатурами этими,

французскими, всполошившими недавно опять весь мир. Узнал вчера частью из писем Веры и Гены, частью – и по радио. Пишут, что за стояние на Манежке, у памятника Жукову, с плакатом Je suis Charlie, как стояли во всем мире, – людям давали здесь сутки (административный арест!). Причем – стояли-то, естественно, люди, и впрямь настроенные либерально, за свободу слова. Путинская же государственная мразь, – посылая в Париж на миллионное траурное шествие под лозунгами Je suis Charlie и карикатурами на «пророка» делегацию с министром Лаврушкой во главе, другой рукой сажало в Москве за тот же самый лозунг людей; плюс – Кадыров, верный кавказский холуй, устроил в Грозном – тоже, как передавали, миллионное, но это вранье, конечно – шествие ПРОТИВ КАРИКАТУР, – т.е., получается, и в защиту исламистских убийц, стрелявших в редакции журнала!! Не было же сказано, что шествие И ПРОТИВ ТЕРРОРА, или как-нибудь так... Выражая французам лицемерные соболезнования и осуждая «исламский терроризм», войной с которым еще так недавно оправдывали ими же устроенный геноцид в Чечне, – все эти ублюдки в погонах и в штатском не стесняются тут же делать и политический гешефт на крови убитых художников: устами бандитов типа Кадырова обвинять Запад в «оскорблении ислама» (того самого ислама, за соблюдение норм которого русские по сей день похищают и убивают мусульман на Кавказе, пытаются и сажают – в Татарстане и Башкортостане!..), разжигают и под этим предлогом очередную волну слепой ненависти к Западу как таковому, огульно, – на сей раз особенно среди рабских, оскотиненных, растлѐнных русским колониальным владычеством «мусульман» татарских, башкирских, дагестанских, да и чеченских... Свой вклад в это смятение умов: мол, убийства – это плохо, мы вроде как жертвам сочувствуем, но карикатуры – это оскорбление ислама (т.е. еще хуже убийств?) – внесли и так называемые «духовные управления мусульман», которых не было почему-то ни у пророка Мухаммеда, ни – с его времен и донныне – ни у каких других мусульман, кроме мусульманских по рождению рабов Российской империи со времен Екатерины, где они специально были придуманы для всяких таких вот случаев: дабы профанировать ислам, тотально контролировать религиозную жизнь мусульман – и подавлять ее во всех тех случаях, когда устремления верующих оказались бы враждебны или хоть просто недостаточно верноподданны колониаторскому русскому государству...

24.1.15., утро (после проверки)

Ничего не происходит. Тоска. Небольшой «плановый» шмончик сейчас прошел, совмещенный с проверкой – и с задушевными беседами с

«мусорами», пока они шмонают, а я сижу и смотрю на них. Особо, впрочем, не рылись, как и предыдущий раз; а душевные беседы эти тут с ними тоже уже не впервой. Особенность «нулей», черт их побери!.. :)

Тоска ужасная. Ну, постоянное ожидание, что закажут «с вещами», что начнут в «нулях» ремонт – и нас выселят, – это само собой. Это не главное, хоть и неприятно этого ждать. Но ведь – жизнь-то прошла!!. Прошла – и, можно сказать, не состоялась, не сбылась. Никаких результатов... Не сбылась, – особенно отчетливо это понимаешь, стараясь написать свою автобиографию для книжки Шесткова. Ольга Исаева написала мне тут, что он все-таки хочет автобиографию – хоть я и просил меня от этой повинности освободить. Странно – в 2009-м (?) году, когда Паша Люзаков делал первую книжку обо мне, сборник (получившийся просто ужасным!) – я тоже писал для нее автобиографию, и, помнится, такого чувства не было, наоборот – я даже второй, расширенный ее вариант, по-моему, тогда написал, но Паша уже сверстал книжку с первым вариантом – и переделывать отказался. Ну да, тем сроком была еще у меня надежда на какое-то будущее, на то, что я еще кому-то пригожусь, найду себе нишу в этой жизни, буду радостно заниматься любимым делом... Не было такого ощущения тупика, безысходности, конечной уже станции в жизни, как сейчас...

В баню, непонятно с чего, водили вдруг в четверг – вместо обычной субботы. А вот сейчас, в субботу, после проверки объявили было опять баню – и отбой: нет горячей воды! Со вчерашнего вечера еще ее нет. Сказали – м.б., завтра выведут (я не пойду, мне и четверговой было достаточно). М.б., потому в четверг и водили, что знали про отключение горячей воды в субботу? Короче, обычная расейская неразбериха; так и не понятно, когда же теперь всё-таки у «нулей» баня – по четвергам или по субботам?..

Соседушка мой, ежевечернее плотно забивающий мне голову рассказами о своих знакомых, родственниках, друзьях, подельниках и пр., вроде бы перестал так активно мотать мою бумагу, – а тут как раз мать прислала новую (заказала в ларьке); судя по этому и еще по некоторым мелочам – мое новогоднее письмо, отданное 11-го вечером, до нее таки дошло. А сокамерничек этот – пока не устраивает никаких традиционных скандалов/истерик насчет уборки и не ворует (вроде бы, не заметил пока) мои продукты, – явно предпочтительнее предыдущего; на сам он изо всех сил рвется отсюда обратно наверх...

Башка болит с утра; две таблетки цитрамона помогли что-то плохо и ненадолго.

Вся эта путинская официальная мразь уже начинает бить в свои там-

тамы и приглашать к себе лидеров западных стран на свое близящееся «70-летие победы»...

26.1.15., утро (после завтрака)

Понедельник. Придет ли сегодня хоть кто-нибудь? Адвокат, или мать на свиданку... Принесут ли письма? Вроде должны. Что ж, жду.

Вот я и остался у разбитого корыта, если быть честным с самим собой. Пошла насмарку, ненужной и никчемной оказалась вся прожитая жизнь... Жизнь без счастья, без надежды, без смысла, без перспектив... Всё кончено, впереди – только тюрьма, лагерь, добавка срока... Никого и ничего, никакого смысла. Книжка Игоря Шесткова, если даже она и выйдет, далеко-далеко, увы, не искупит мне этих мучений, этой бессмыслицы. Всегда шел прямым путем, не лукавил, не кривил душой, делал только то, что действительно было интересно, – и вот результат... Почему же он такой, этот результат, такой безнадежный? Черт его знает... Полный тупик... Должна, должна ведь быть у человека хоть какая-то отдушина, хоть что-то, что у него хорошо, надежно и бесспорно среди всего ужаса окружающей жизни!.. Должно быть что-нибудь, за что можно уцепиться, к чему прилепиться душой. Или к кому... А у меня – сколько ни ищу – никого и ничего. Пустота. Тоска. Безнадега. Пустая, бессмысленная, абсолютно зря прожитая жизнь – и ничего в итоге, и никак не хочет она, проклятая, кончатся!.. А у меня уже нет сил тащить на своем горбу это бремя...

28.1.15., 11-й час утра (после проверки)

Приходила-таки позавчера, после обеда, адвокат Сидоркина, но пробыла на этот раз не очень долго – торопилась ехать в ФСБ, к мразоте Вешкину, у которого ходатайствовала получить документы по моему «третьему делу». Вели меня оттуда обратно в камеру, – на лестнице, у входа в переход между корпусами, стояла толпа эзков, двое прицепились ко мне с расспросами – что да как, да откуда, да какая статья, терпеть не могу этого досужего их любопытства, – один внезапно оказался чеченцем, читавшим мои статьи на КЦ и даже слышавшим уже, что мне хотят намотать еще срок! Пожал мне руку и обещал всяческую поддержку. :) Приятно, конечно, было, что и говорить. В «Медведкове», на сборке, ожидая выезда в «суд», тоже прошлой весной оказался один парень с высшим образованием, читавший мои статьи, но был он русский – и где именно читал, я так и не понял (или он не помнил и сам?..).

Вчера перед ужином приходили Каретникова и Сорокин, – ОНК. Посоветовали, если уж я так хочу сидеть один, написать заявление на БМ [Примечание 2020 г.: безопасное место]; но – не постоянно ведь это БМ, а только на какой-то срок, да и куда еще посадят... На БМ писать я не стану, а

так – бывший при них ДПНК подтвердил мне, что одного меня держать они «не имеют права», или как-то так. Еще неприятнее из подтвержденного им – в ответ на мой вопрос – что да, когда закончится ремонт на сборках по той стороне – начнется здесь и нас таки выселят из «нулей». Придется опять со всем неподъемным барахлом (коего больше, чем рук) таскаться по лестницам и коридорам...

Только ушли Каретникова и Сорокин – буквально через пять минут идет ко мне цензорша, несет письмо от Корба – и сообщает через дверь, что книжка с моими письмами (шестковская книжка, из тех 15-ти предварительно им напечатанных и разосланных экземпляров) пришла – но им, мол, запрещено выдавать книги! Какой облом, просто с ума сойти!.. СУКИ!!! Сказала, мол, напишите заявление начальнику (типа, отдадут, если он разрешит), я написал, отдал на вечерней проверке, но – уже понятно, что толку не будет, как не будет и вообще никакого ответа на это заявление, лишь одно глухое молчание...

Сразу после вечерней проверки нас догнал шмон. :) Дело в том, что ОНК пришла как раз в тот момент, когда дежурные «мусора» шмонали «нули» – и была уже в соседней камере, я ждал их к нам. Тут-то Каретникова с Сорокиным и сорвали их планы – и я уж думал, что обойдемся мы на этот раз как-нибудь без шмона; но вот – хрен!... :)) Меня вывели, закрыли на сборку, а потом сокамерничек рассказал, что рыжий дурачок-«мусор», выделяющийся даже тут на общем фоне своим агрессивным идиотизмом, хотел забрать у меня пену для бритья, оставленную мне его же коллегой, шмонавшим меня при заезде. Но – станки тот забрал, так что пена мне не нужна, я вот уже почти два месяца обрастаю опять бородой. :)

ФЕВРАЛЬ 2015

1.2.15., утро (12-й час, после проверки)

Воскресенье. Февраль. Ничего не происходит все последние дни, – ни хорошего, ни плохого. Но предчувствие говорит, что, м.б., уже завтра явится мразь Вешкин с результатами психэкспертизы. А там уж – знакомство с делом, закрытие его и «суд»...

Как же это всё-таки так вышло, что жизнь прошла – а я упустил ее, так и не добился ничего, потратил зря все эти годы? Хотя альтернативы у меня не было, я ничем не пожертвовал, а все-таки – зря... :(((Кто я теперь? Зэк. «Радикальный публицист» на сайте «Грани», который чуть ли не единственный пишет обо мне – но это все равно ни на что не влияет, ни на мою судьбу, ни на общественное мнение обо мне, ибо сайт «Грани» официально заблокирован и его читает сейчас очень мало народу, да и раньше, до блокирования, тягаться аудиторией с телевидением он всё равно не мог. Всё было зря, раз окончилось ничем, и ничего уже не изменишь, хоть башку об стену разбей, – ничего нельзя сделать. Те, кто мог бы мне чем-то помочь – не хотят, а те, кто хотел бы – не могут. А всё, что мог делать я один, я уже делал – но это очень мало, увы. Как же это всё-таки так вышло? Ищу ответ на этот вопрос уже сколько лет, с 2011 как минимум – и всё не могу его найти... Да, ребята, вот и жизнь прошла, представляете?!?! Прошла... И на душе пустота, и будущее мрачно и смутно, и никаких перспектив, ни личных, ни общественных, ни профессиональных, ни политических, – ни-ка-ких!!!

Боже, это просто не описать словами, насколько омерзительно это ощущение: я просто невероятно, чудовищно глупею, общаясь с соседушкой-уголовничком, навязанным мне сюда в качестве сокамерника потому лишь, что начальство, видите ли, боится оставлять меня в камере одного. Это существо из тех, кого людьми я никогда не считал, – животное, недочеловек классического образца, абсолютно невежественный и живущий лишь эмоциями, а не разумом, не умеющий владеть своими чувствами и держать себя в узде, – причем о подобных ситуациях из своей жизни на воле и в лагере он ежедневно рассказывает мне сам, тут-то он со мной (пока!) ведет себя вполне спокойно. И вообще – как полный идиот, каковым и является, рассказывает о себе кучу такого, чего умный человек никогда бы о себе говорить не стал, дабы не позориться. М.б., конечно, часть своих походов он и выдумывает, русским это бахвальство очень свойственно, – но тогда опять же, по его идиотизму, выдумки эти клонятся не к пользе его, а совсем наоборот. Я стал анализировать: по всем его

рассказам, наколкам, судимостям по 162-й, и т.д. и т.п. – ясно, что это просто агрессивный отморозок, стоящий вне культуры, бросающийся на людей по поводу и без повода, а уж когда он хочет отнять у них их добро – так обязательно! И, по-видимому, хотя на меня он (пока!) не бросается – я в разговоре с ним невольно, инстинктивно беру тон классического интеллигента, на которого напала такая вот классическая уличная шпана, – сверхпредупредительный тон, ставящий целью – только не разозлить агрессора еще больше, только бы любой ценой успеть удержать его руку, уже занесенную для удара! Жалкое положение, конечно, – напоминает судьбу политических в сталинских лагерях 30-х годов, где господствовали блатные, Солженицын очень ярко это описывает. Конечно, тут всё это не буквально, агрессии ко мне оно не проявляет – но я всё равно о ней ни на секунду, пока оно тут, в камере, не могу забыть – и потому-то, должно быть, и говорю с ним так... ну не то что подобострастно, но стараясь не спорить и не злить, не раздражать, демонстрировать понятливость (хотя мне абсолютно не нужны все эти его бесконечные рассказы о его семье, прошлой жизни, детстве, лагерях и т.д. и т.п.) – и оттого и делаюсь так противен сам себе, говоря с ним, и такое от этих бесед ощущение, что я глупею, находясь даже вынужденно в подобной компании... :(((

А жизнь-то прошла, черт ее побери!.. Да, прошла, и поезд мой ушел, и его уже не догнать... :(

2.2.15., вечер (после ужина)

Интуиция обманула меня, черт бы ее побрал. Мразь Вешкин приперся сегодня с утра – и сообщил, что хотел приехать еще 30-го января, в пятницу, когда я с утра тоже его ждал, – но, как я понял, было слишком много народу. Привез он, как я и думал, заключение психэкспертизы, – признан я здоровым, слава богу! Постановление о создании группы (!) следователей по моему делу, – и это в момент официального закрытия следствия!.. Еще раз перепредъявил мне то же самое обвинение, но с уточненными формулировками, – в частности, по итогам шмона у меня в камере 10.6.2014 придумал, что я якобы передал некую «тетрадь» с инкриминируемым текстом. :))) Ну и всё – послезавтра уже начинается знакомство с делом, а где-то в марте – «суд».

Узнал от Сидоркиной, что ФСБ арестовала в Вязьме женщину, мать семерых детей – Светлану Давыдову – за то, что в апреле 2014 она позвонила из дома в украинское посольство и сообщила, что ГРУ-шная часть рядом с ее домом опустела, а по разговорам солдат оттуда – их всех в штатском через Москву отправляют в «командировку», т.е. – в Украину. Предъявили Давыдовой ст. 275 – государственная измена, от 12 до 20 лет.

Пришло перед ужином письмо от Мани. Лучше бы она его не писала... Столько я ждал, больше месяца... На мои вопросы в прошлом письме, как всегда, никакого ответа, зато пишет, что теперь она живет с Генной Логвиненко. Вот тебе и мистическая связь... :(((

Сучье чмо в камере пожирает мой майонез так же активно, как и предыдущее (да как бы еще и предыдущее не надумали, привезя с «Матроски», сунуть ОПЯТЬ сюда!). А беру сегодня к кофе послеобеденному пачку сгущенки, начатую вчера, – и там вместо полпачки совсем чуть-чуть! Всё повторяется!.. :(((Стоит эту живность оставить одну в камере, или спать лечь, – как они начинают сгущенку воровать...

3.2.15., 12-й час утра (после проверки)

Плохо спал эту ночь, всё просыпался. Наверное, из-за этого известия, – хотя и было время привыкнуть, что всё кончено, это уже не новость, – но всё равно... М-да, жизнь полна сюрпризов, никто не может знать ее наперед, – как писала мне в «Медведково» Лена Маглеванная, – да только сюрпризы все, как на подбор, мрачные, грустные. Маня, «третье дело», этап в Москву... М-да, кончена жизнь, и хочется подвести итоги – а итогов-то нет!.. Ни семьи, ни карьеры, ни денег, ни книг, ни здоровья, ни возможностей, ни перспектив... Все сюрпризы не просто грустные – по сути это сюрпризы-проблемы. Помню, как подспудно именно мысль о Мане удерживала меня тогда, 10 июля 2013, когда я весь день сидел один в камере, от суицида, – мысль о том, что вот есть теперь у меня Маня, моя вторая половинка, она меня любит и возможно еще какое-то для меня будущее, – с ней... Она, как потом выяснилось, именно в то утро, 10 июля, повесила громадный баннер за мое освобождение на Казанском соборе – и мне это показалось мистическим совпадением, проявлением нашей мистической связи, хоть ни в какую мистику я и не верю, – что именно о ней я думал в то утро, а она вешала этот баннер обо мне. Ясно тогда было, что это всё не случайно, не просто так, я долго жил с этой мыслью. И вот – итог, финал, разрешение этой интриги. Вот оно – загадочное, таинственное, манящее, покрытое дымкой будущее, ставшее наконец настоящим. И не только с Маней так и с тем июльским утром 2013 г. – так у меня во всем. Мне 41-й год – и вот оно, то неясное, таинственное, загадочное, манящее будущее моих школьных лет, 84-го, 85-го, 86-го годов... Оно стало наконец настоящим – хмурым, серым, абсолютно безнадежным и беспросветным. Тюрьма, лагерь, первый, второй, третий срок... Абсолютная пустота, отсутствие всяких перспектив. Жизнь, кончившаяся в 37 лет... А в любви, вопреки известной песне из «Белого солнца пустыни», не повезло мне так же, как и во всем остальном, вот что поразительнее и забавнее всего. Обманула песенка-то... :)))

5.2.15., 11-й час утра (после проверки)

И опять чутьё не обмануло меня: мразь Вешкин и впрямь решил приходить каждый день! Был вчера с утра, меня выдернули из камеры в девять часов, – и сегодня обещал быть в два часа дня...

Читать это дело омерзительно. Они допросили кучу свидетелей – опера «пятерок» на «Медведково», чтобы проучить характеристику на меня (фамилия опера оказалась Силивонец), каких-то церковных деятелей, которые радостно доносили на Мишу А. – в связи с той историей, когда за содержимое его блога его выперли из аппарата патриархии, где он работал, и еще фиг знает кого. Явственно копали под него – чтобы посадить в том числе и за его блог, за его взгляды. Слава богу, что это им не удалось. Вешкин, мразь, под соусом того, что он, мол, даст-таки матери свиданку, надумал вдруг «без протокола», наедине, спрашивать меня, как там всё было на самом деле – с Бородиным и пр. То, что мать не дала-таки на Бородина показаний, обломала планы мрази Вешкина – его, видимо, страшно злит, он всячески пытается восполнить этот пробел в своем следствии – и это же, в припадке откровенности, назвал истинной причиной того, почему он не дает матери свиданку. Понимает, видимо, мразь, что всё его обвинение в ПУБЛИЧНЫХ «призывах» против меня, сидевшего в СИЗО, – это бред и туфта, и, возможно, опасается, что даже в таком «суде», какие только и есть в этой стране, подобное обвинение может не прокатить (хотя оно прокатит, конечно).

Попала, наконец-то, ко мне и книжка моих писем, сделанная Шестковым, «минус первый» сигнальный вариант. Еле пронес его – сперва хотели отобрать на выходе со следственного корпуса, точнее, «мусор» уже отнял, положил куда-то – но я схватил снова и высказал жесткое намерение больше не отдавать. Привели на корпус – а тут в «нулях» Каретникова, вот уж не ожидал! И с ней – вместо Сорокина – какой-то неизвестный мне хмырь, хамски со мной разговаривавший и потом, на мой вопрос, сказавший, что он представитель Красного Креста. Завели нас в шмоналку, поговорили мы там – в присутствии кучи начальничков – и они опять пошли со мной к «нулям», желая обойти их все. И – рыжее чмо, дежуривший вчера тут «мусор», начинает перед входом в камеру меня шмонать, находит в кармане книжку – и отдает ее ДПНСИ, сопровождавшему Каретникову! И тот начинает ее листать – мол, мы проверим, откуда она, посмотрим видеоархив (камеры в кабинете, где я читал дело), и т.д., и т.п. Короче, забрал и унес, сука, причем прямо на глазах у Каретниковой. Был я весьма ощутимо расстроен этим, – не успел всю прочесть, пока сидел на следственном, ждал вывода «домой», только

просмотрел, ну и несколько всего лишь писем прочел.

Но заботливая Каретникова и для моего соседа, язвенника, пробила уже визит к врачу, которого не допросишься. Он пошел, а когда вернулся – несет мне эту книгу!! Вот уж было мне радости!.. :))) Оказалось, ее где-то здесь и положили, около «нулей», не стали забирать, смотреть видеоархив и т.д. Думаю, это влияние Каретниковой на здешних «мусоров» – ну что ж, спасибо ей за это!

Книжка мне больше всего понравилась своей полиграфией, качество коей очень высоко. Письма к десяти адресатам, включая самого Шесткова, набитые, увы, с кучей опечаток, незакрытых скобок и т.п. Стихи, пара статей, в том числе некролог Новодворской, последнее слово на прошлом «суде», в апреле 2014, кусок из «Буреполомского дневника» – почему-то просто взят кусок за декабрь 2010 г., ничего не выбрано поинтереснее, просто один месяц целиком. И – четыре небольших текста обо мне, в том числе – Ковача из Челябинска, вот уж кто знает меня меньше всех, но – рассылку-то он читает, вот и вызвался написать; ну да, правильно, писать надо побольше и обо всем, чтобы фамилия упоминалась как можно чаще и шире... :)))

6.2.15., день (после обеда)

Как ни удивительно это, – не пришла эта мразь Вешкин, ни вчера не пришла, ни сегодня (а завтра – уже суббота)! Долго, мучительно ждал я его вчера после обеда, нервничал, тосковал, переживал – о том, что жизнь прошла и впереди ничего нет, как всегда. Очень тяжела эта мысль, если в нее вдуматься как следует. Пришли зато вчера журналы и газеты от Лены М. – и от нее же письмо, и еще от Маглеванной, и она же письмо Шесткова мне переправила. Одно я не понял: Шестков пишет, что уже разослал книжку свою (мою) и по крупнейшим библиотекам мира, и Буковскому, и т.д. – а между тем, книга еще не до конца скомпонована, мою автобиографию он пока так и не получил, вставил туда еще свой текст обо мне – которого нет в моем экземпляре; а обращение мое к читателям поставил, оказывается, в конец, т.к. книжка уже была сверстана. Тоска, отчаяние, сознание полной пустоты и бесперспективности жизни, да еще и опасность, что переведут куда-нибудь (вчера наших соседей из 02 поменяли на двух других). И сквозь это всё, вопреки и на фоне – я читаю присланную прессу, вычитываю опечатки из книжки – и радуюсь в душе, что теперь еще и два выходных пройдут уж точно без мрази Вешкина...

11.2.15., 7-й час утра (до завтрака)

Позавчера, 9-го, перевели-таки нас вдвоем из 01... в 02! А тех, кто был в 02, – в 01...

Услышав «собирайтесь с вещами», перенервничал я, конечно, страшно, как и всегда. Стал требовать опера, принявшего это решение, – иначе, мол, не пойду никуда, да и всё. Быстренько вывели к оперу. Он сообщил, что сейчас нас в 02, а вообще – да, собирается недели через две-три «поднять» меня в общую «хату» – и долго, упорно выпытывал, почему я в нее не хочу. Я не стал вдаваться в подробности, но сказал, что требую, чтобы держали меня одного. Он сообщил, что есть какая-то одиночная камера на том корпусе, где карцера, – м.б., поговорив с начальством, посадит меня туда. Но – вчера приходила библиотечарша, принесла книги, я спросил ее, носит ли она их в ту «хату» – она сказала, что не носит и что вообще камера очень плохая, мне туда не надо ни в коем случае. Мол, там очень жарко, в карцерах все время орут, и т.д. Бог с ним, что орут, но я стал вдруг сомневаться: а магазин и почту туда носят, или тоже нет? Без этого я совсем не смогу тут прожить, хотя и без книг, конечно, тяжело. Теперь вот абсолютно не знаю, что делать, – ни туда, ни в общую камеру не хочу категорически. Остается только просить Каретникову опять зайти и помочь как-то решить этот вопрос, – хотя она, конечно, тоже не горит желанием мне помогать...

Вчера на полчаса всего привели меня к Сидоркиной, адвокату, уже в пять минут шестого, под конец дня. Она сказала, что ее вызывали в ФСБ, песочили, что я медленно знакомлюсь с делом, а также что она пронесла мне книжку (Шесткова) – и теперь у нее на входе в тюрьму отобрали даже сумку, оставили лишь очки, бумагу и ручку, – она говорит, что вот так пускают адвокатов в «Лефортово». Начали выгонять, когда кончилось время, – и «мусору», который командовал мне выходить, я как-то слишком резко ответил, не выдержали нервы, натянутые всё последнее время как канаты (из-за этих переездов и пр.). Он созвал всю свою козлу в камуфляже, и они, вдоволь наглумившись надо мной, заставили-таки в одном из пустых следственных кабинетов раздеться до трусов, – типа, усиленный шмон, их, ублюдков, традиционное и излюбленное наказание. Да еще эта мразь, с которой все началось, пообещала и рапорт на меня написать – могут за эту ерунду еще и в карцер закрыть теперь, с них станется. Но – тогда я тотчас объявляю сухую голодовку, я уже решил. Сперва раздеваться я не хотел, – ублюдок в камуфляже сказал на это, что, мол, пока не разденешься, в камеру не пойдешь. А когда я изъявил готовность заночевать прямо в этом кабинете, – он заявил, что меня разденут силой, если я не хочу сам. :)))

Вместо Вешкина вчера приходила другая мразь – его напарник по «следственной группе», я переписал часть протоколов в тетрадь. Допросили они в лагере и сучонка-быдлячонка Гусева, того самого, кто в «Медведкове» сидел со мной вдвоем в Новый год, да и потом тоже. Это существо, алкаш и

наркоман с явной задержкой развития, ничтоже сумняшеся заявило следаку, что, мол, у меня «неадекватная психика», я, мол, постоянно «оправдывал терроризм»; а главное – что меня взбесило больше всего – что он, мол, видел (!) у меня «выдержки» из той «статьи», что мне сейчас инкриминируется!.. Хотя он бы не смог их увидеть, даже если бы в мое отсутствие лазил в мою сумку, – так много бумаг там было, не говоря уже – увидеть, ЧТО я пишу. Плюс – эта мразь сообщила, что, мол, уходя к адвокату, я брал с собой свои записи, а возвращался уже без них, – как будто это чмо в карманы ко мне заглядывало!.. В общем, типичное это животное, алкаш, наркоман, даун, по приказу любого начальства выдающий любую брехню, которую от него потребуют. Типичный русский, короче.

Но и далеко не типичный Герасимов тоже наплел там порядочно, – не знаю уж, с какого перепугу чекистам вздумалось допросить и его. Никого не сдал, правда, – но скорее потому, что не знал ничего существенного, стоял сам далеко в стороне от всех процессов, связанных со мной, живет в СПб, общался со мной только письмами, и то редко. Тем не менее, наговорил и порассказывал им много такого, о чем они и не спрашивали.

Существо в камере, переведенное из 01 вместе со мной, продолжает, пока меня выводят, таскать мою жратву. Конфеты, в частности, – как ни приду, пакетик с конфетами уже почти пустой. Из сумки вчера сперло банки две тушенки, не меньше (для переезда я всю жратву набил в сумку, а в 02 шкафчик для еды оказался такой крохотный – нечего и думать разместить все мои припасы в нем, и я оставил их в сумке под шконкой, тушенку в том числе). Мразь эта лазит и в сумку, очевидно; а уж случайно доставшуюся ему мою лапшу и рулеты (я, не зная, куда переводят, сперва хотел их оставить – и он, разумеется, тотчас подхватил) жрет с удовольствием – от семи пачек лапши вчера осталось только пять...

В общем, тупик, куда ни кинь – везде клин. Черная полоса, тянущаяся с 2004 года... (А то и вообще с 1981, с 1-го класса.) Что делать, куда деваться – неизвестно... :(((Хочу умереть, ни никак не могу...

12.2.15., день (после обеда)

Мразь Вешкин и его напарник по «следственной группе» ходят каждый день, всё торопят мое «знакомство с делом». Вчера мразь Вешкин притащил «вещественные доказательства» – изъятые у меня опером Силивонцем 10.6.14 в «Медведкове» блокнот и тетрадь со стихами, плюс – медведковский дневник, изъятый в тот же день на обыске дома. Была Сидоркина, которой я еще в прошлую встречу с ней наедине говорил – без всякой надежды – не попытается ли она как-нибудь выцарапать этот дневник у ФСБ. Она тут и спросила у мрази Вешкина, уничтожат ли его после «суда» – и он, сама

любезность, предложил ей: пусть тот ее помощник, что приезжал фотографировать дело, приедет перефотографирует и дневник. Очень круто, радостно и неожиданно – если дневник за более чем год вернется ко мне когда-нибудь (если доживу до освобождения) хотя бы в виде фотографий его страниц... Плюс – пообещал дать сразу две свиданки матери (чтобы их забрал у него тот же помощник, – и сегодня мразь Вешкин сообщил, что два разрешения он вчера помощнику Сидоркиной выдал; теоретически – уже сегодня, совсем скоро, могут и выдернуть меня на свиданку). Сидоркина же – еще когда заезжала ко мне на полчаса позавчера вечером – придумала, чтобы я знакомился с делом по 50 страниц в день – и за это расписывался, т.к. раньше я, разумеется, этого не делал. Цифра 50 мрази Вешкину очень не понравилась, он хотел до 20-го февраля ознакомление закончить, а то, мол, ему придется везти меня в «суд» и брать под стражу, – но я вовсе не обещал ему читать в день больше 50-ти, как он упрашивал, а лишь сказал «посмотрим». Всё равно, в самом лучшем случае дольше конца февраля протянуть это «знакомство с делом» не получится.

Другая оглушительная новость вчера – на вопрос Сидоркиной, какой «суд» будет меня «судить» (она, как и я, предполагала, что Бабушкинский, т.к. «Медведково» территориально относится к нему) – мразь Вешкин ответил: «Военный»! И впрямь – Сидоркина тотчас вспомнила, что, оказывается (я не знал), прошлым летом ОНИ приняли закон, которым все 205-е статьи передаются из гражданских «судов» в военные, и этот закон вступает в силу с 1 января 2015 г. То-то мне Майсурян писал, что Романова, мол, будут «судить» или в Москве, или в Ростове, несмотря на то, что «преступление» он совершил в Нижнем и сам оттуда, а я не мог понять, почему... В общем, еще один яркий штрих в картину безумия этой страны. В историю болезни, точнее говоря. «И вся история страны – история болезни» (Высоцкий). Что ж, хорошего ничего я и не ждал никогда ни от каких их «судов», хоть военных, хоть гражданских (в стране, где нет граждан, а есть лишь одни рабы...). Просто еще более повышается вероятность, что дадут мне все пять лет, максимум по 205.2 ч.1 – и сидеть мне аж до мая 2024 г. – если, конечно, я доживу...

13.2.15., день (после обеда)

Мразь Вешкин сегодня при мне звонил из следственного кабинета матери и Сидоркиной, – озаботился, видите ли, когда мать приедет ко мне на свиданку. Как я и предполагал, она ему ответила, что приедет в понедельник, 16-го. Под это дело мразь Вешкин – ну прямо ну прямо сама доброта и любезность! – даже согласился на мое предложение – чтобы в понедельник он не приезжал вовсе, а свиданка была бы у меня с утра, а не

после обеда, как он сперва предлагал. Прочли первый том.

Сейчас, совсем недавно, из 01-й сборки опять одного (молодого) «заказали» и увели куда-то с вещами. Я страшно нервничаю по поводу предстоящего вскоре неизбежно и мне переезда – неведомо куда...

15.2.15., 11-й час утра (после проверки)

Воскресенье. Никаких новостей пока (состоится ли завтра свиданка с матерью, – первая с октября 2014 г.?). Только – как и всегда – дикая тоска, невыносимая, мучительная, злая. Жизнь кончена, она лежит в руинах, будущего нет, впереди – пустота... Невыносима эта мысль – что жил зря, так ничего и не нажил, никем не стал, а теперь уже нет надежды наверстать упущенное; единственная перспектива то ли на семь, то ли на девять лет – тюрьма, лагерь, неволя... За что, за что мне это?!?! Где я совершил ошибку, в чем провинился, за что обречен мучиться всю жизнь?.. Нет ответа, и выхода тоже нет, одни лишь эти бесконечные мытарства, а за ними – смерть, и никакой награды за всё пережитое, никакой надежды. И Маня вот тоже – обманула!.. Пустая, никчемная, неудавшаяся жизнь, которая мне не нужна, тяжела и невыносима – но у меня нет даже мужества прекратить ее, прервать эту цепь мучений... Пустое, бессмысленное, жалкое существование; до самого конца суждено мне сидеть у разбитого корыта. Жаль, что зря жил, а еще больше жаль, что сейчас уже не дано мне ничего исправить, как ни старайся...

16.2.15., 13-03

Была свиданка, да. С десяти утра, два часа. Главные новости: уехали в Украину Крюков, выпущенный два месяца назад из тюрьмы «до суда» после шести месяцев отсидки, и Шехтман, которого, оказывается, опять похищали из дома, заявляли ему, что он в розыске (?!), инкриминировали ему уже «государственную измену» (?!?) – и отпустили опять, из «суда», но, насколько это уразумела мать, не под подписку уже, а под домашний арест. Браслет, видимо, не успели ему надеть, или как уж удалось ему ускользнуть, не совсем понятно. Короче, оба они сейчас хотя бы в относительной безопасности. И то, что я могу интерпретировать эту ситуацию лестным для себя образом: мол, их выпускают – значит, не боятся, не считают опасными, а меня держат и наматывают всё новые срока – значит, боятся и считают опасным, – ничуть меня не утешает. Они – хоть и не дома, но всё же на воле, в человеческих условиях, у них есть какие-никакие, но всё же перспективы в жизни. У меня же нет ничего, кроме тюрьмы и лагеря – и в качестве настоящего, и в качестве будущего, и ничего другого, никаких перспектив. Жизнь кончена, осталось пустое доживание...

Сидоркина, по словам матери, придет ко мне только в четверг, хотя

обещала – завтра, во вторник. :(((Ну вот... :(((Придется мне завтра бодаться с мразью Вешкиным одному, – он будет долбить, чтобы я прочел побольше, раз он любезно согласился сегодня не приезжать вообще. С Каретниковой мать говорила вчера – она говорит, что ремонт «нулей» вроде как не должны начинать до конца квартала (т.е. до конца марта?). Но сама она – сука, появится только на следующей неделе!! :((Тогда как она позарез нужна мне сегодня, т.к. переселение меня куда-то из «нулей» может быть не связано ни с каким ремонтом – и может случиться хоть сегодня (тьфу-тьфу-тьфу, не дай бог!..).

19.2.15., 17-04 (до ужина)

Наконец-то вспомнили о моем сокамерничке – вывезли его сегодня в 15 часов «по сезону», а то он всё переживал, что его следачка о нем забыла, второй месяц не появляется, не закрывает дело. Повезли, должно быть, в «суд», на продление ареста. Перед самым выездом получил он и магазин, вместе со мной, а дня три назад – передачу; родственнички наконец вспомнили о нем – и он тоже стал с удовольствием лопать не только колбасу как я, но и домашнее, не покупное сало...

Мразь Вешкин ходит каждый день, носит второй том дела. Вчера я закончил в 12-40, он отметил это время в графике ознакомления с делом, – и только в 16-15 зашел наконец в камеру. Всё это время провел на ногах – стоял и ходил туда-сюда – в отстойнике у выхода со следственного корпуса. Думал, что мрази-«мусора», работающие там и чувствующие мою к ним (ко всем, не только к этим) ненависть, специально решили меня там продержат подольше, – я ведь говорил одному из них в ответ на его утренние поторапливания при выходе из камеры: мне спешить некуда, у меня сроку впереди еще много... Что ж, много – жди на ногах, в отстойнике! Что было делать? Не просить же их отвести быстрее «домой», не умолять же, не унижаться же перед ними, мразями... Ждал. Ноги уже болели, сломанная правая – деревянная, как всегда; и особенно ясно понял я тогда, и об этом только и думал там, что судьба моя – страдать, «мучиться зазря», как пишет Латынина, причем – понимая, что это именно «зазря»... Да, такая вот судьба – мучиться, страдать, терпеть столько, сколько получится, а там уж... Стоять на опухших, больных и болящих ногах столько, сколько они будут меня держать... Я думал – продержат до шести вечера, когда кончается там, на «следствии», вся работа, но вот – вывели всё же раньше...

Вот такая вот судьба – страдать, бессмысленно и безнадежно страдать, мучиться, без всякой, даже малейшей надежды на вознаграждение... Я очень хорошо понимаю это – только вот сделать ничего не могу... Вчера пришло очередное письмо от Корба, где он в п.1 – «О поддержке» – у него всё

письмо, как и всегда, по пунктам, и каждый пункт с заголовком – пишет, что поддержки мне в связи с предстоящим вскоре новым судилищем нет никакой, все его предложения на эту тему в рассылках встречены молчанием, у всех апатия... Ничего, короче, никакой кампании в защиту – впрочем, я понял это уже очень давно, еще перед тем «судом»... Затем – в пункте «О депрессии», кажется – он сообщает мне, что мое ощущение полной бессмысленности и никчемности моей жизни вызвано... моим бездельем, и предлагает мне писать тут побольше, пробовать себя в разных жанрах, включая пьесы :) , учиться рисовать :))))), учить языки и т.д. Все эти советы и откровение о моем безделье как причине Корб предваряет фразой типа «Можешь на меня обижаться...».

Пришла сегодня и Сидоркина, адвокат. Мразь Вешкин, закончив со мной пораньше, любезно вызвался подвезти ее на своей машине в Красногорск, где в 14 ч. у нее было какое-то дело в местном «суде». Мне же поставил условие: если завтра я дочитаю второй том (больше 100 стр. еще), то он позволит матери моей прийти во вторник на свиданку с утра, т.е. – не будет с утра приезжать сам, чтобы не совпасть с ней. Приедет ли он во вторник после обеда, или же не приедет вообще, как в прошлый понедельник – я так и не понял (но скорее второе). Дочитаю ли я завтра, будет ли у меня такое желание – я пока не знаю и сам. Понедельник следующий – будет 23-е февраля, их великий праздничек «зачистника отечества». Впрочем, самое неприятное, что может быть, – это что матери придется ждать меня на свиданку с полдесятого утра часов до двух дня, только лишь...

22.2.15., утро (до завтрака)

Первая годовщина украинской Революции. Великий день. Я поздравляю с ним себя и всех достойных людей в этом мире. Пожалуй, это единственная дата, которую можно будет отмечать как настоящий праздник – наряду с 8-м декабря...

Позавчера вместо мрази Вешкина приходил знакомить меня с делом мразь Баранов – опер центра «Э», тот самый, что приходил 10 июня прошлого года вместе с мразью Вешкиным шмонать квартиру матери. После того, как я закончил читать, этот дурачок попытался еще вдруг подъехать ко мне на кривой козе – «без протокола» выпросить что-то такое про Мишу Агафонова. Я даже разговаривать с ним не стал; тогда он попытался спрашивать что-то такое «идеологическое» – про акцию Веры на Лубянке с флагами Ичкерии, Украины и Молдовы (мол, как они совмещаются), про евреев и «Правый сектор» (с подачи путинской лживой пропаганды по ТВ, которую они сами сочиняют – и сами же ей верят; я сказал ему, что считаю себя членом «Правого сектора»), почему я так

отношусь к русским (как заслужили, так и отношусь), и т.д. Самое же поразительное было дальше. В 12 уже закончили, в камеру меня отвели довольно быстро, поел, попил кофе, сижу читаю. Вдруг – опять заказывают «налегке», уже четвертый час времени! Иду в полном недоумении, кто бы это мог быть. М.б., думаю, Рома Качанов таки приехал – и зашел ко мне?.. Прихожу – и обалдеваю: опять сидит за столом эта мразь Баранов! Оказалось... главное – что я не выполнил «договоренность» с мразью Вешкиным, т.е. его односторонний (я-то ничего не обещал) «наказ» мне: дочитать в тот день, 20-го, второй том дела, оставил около 50-ти страниц на следующий раз. Мразь Баранов, выйдя от меня, позвонил мрази Вешкину, доложил о результатах – и тот велел ему идти ко мне снова и, типа, заставить дочитать!! :))) И мразь Баранов еще мне же и пожаловался: мол, ему пришлось снова целую очередь высидеть!..

Ну а так, в целом – на душе тоска, тоска и тоска... Даже такое радостное событие, как повторное, неожиданное обретение заново моего медведковского дневника – промелькнуло лишь маленьким светлым пятнышком и быстро пропало, забылось, перестало радовать. Тоска местного, локального масштаба: ожидание неизбежного переселения в другую камеру, мучительного этого опять таскания по централу со всеми вещами, с баулами и матрасом; и тоска глобальная: почему же так нелепо всё вышло, почему не удалась, не сложилась моя жизнь – и теперь впереди у меня только лагеря, лагеря, лагеря – на долгие годы?.. Ну пусть не пять лет добавят, пусть «всего» три, три с половиной, – значит, до 22-го года... 48, а то и все 50 будет мне, если доживу и выйду, если потом не намотают еще за что-нибудь... Ну да, 50 – это, конечно, еще не поздно для политической карьеры, но только ведь ее не будет, я же знаю!.. :))) Карьера никакая мне не светит, ни в каком возрасте и ни после каких сроков. А для обычной жизни, в том числе личной – увы, будет поздно, да, собственно, поздно уже и сейчас, хоть завтра меня выпусти. Жизнь прошла, поезд мой ушел – и теперь мне поздно всё, к сожалению... :(((

Еще одно тому свидетельство: шел позавчера первый раз со следствия в камеру – и увидел того самого чеченца, который еще не так давно, услышав мою фамилию, жал мне руку и говорил, что читал меня на КЦ. Я сразу его узнал – и он, ясное дело, не мог меня не узнать, тем паче, я с палкой. Да и этот мразоид конвойный, пока шли, фамилию мою называл то и дело, всё торопил меня и других (мол, «даже Стомахин быстрее тебя идет!»). Чеченец не мог не слышать. И что же? Не подумал даже поздороваться, как будто не видел меня... :) :((Не дорого, как выяснилось, стоит их признание и «любовь»...

14-00

А украинская революция таки увязла, забуксовала – не в войне с москалями даже, а вот в этих гнусных «минских соглашениях», повешенных Украине как гири на ноги. Вместо того, чтобы срочно, любой ценой, взять Луганск и Донецк, – перемирие, отвод тяжелых вооружений... :(

Тем сроком у меня была все-таки надежда, что все тогдашние мои страдания – не зря, что они отольются в некий мой «моральный капитал», благодаря которому я наконец-то займу подобающее место среди коллег, в своем кругу, в сообществе. Но – этого не произошло, и теперь такой надежды у меня уже нет. Теперь я знаю, что все мои мучения – напрасны, впереди нет ничего хорошего, поезд мой ушел, все двери закрыты. Жизнь прошла...

Завтрашний «день зачистника отечества» уместнее всего было бы переименовать в День Оккупанта.

25.2.15., утро (после завтрака)

Утром вчера была свиданка с матерью, после обеда (когда я и не ждал) – приперся мразоид-следователь из ФСБ, зам. мрази Вешкина по «группе следователей», притащил мне уже третий том дела. Из него я узнал, в частности, что телефон Миши Агафонова эти мрази прослушивали какое-то время еще с конца 2013 г., хотя никакого «третьего дела» еще в помине не было, – а разрешающее эту прослушку постановление «судьи» Мосгор«суда» датировано летом 2014. У ублюдка-«мусора», водящего тут «на следствие» и «со следствия» всю дорогу туда и обратно моя фамилия буквально не сходила с языка, особенно на обратном пути, после того, как он вымаринивал меня, как обычно, больше часа в запертом кабинете. Уж он мою фамилию и пел, и говорил все время другим зэкам: мол, не торопитесь, ждем Стомахина, и «о жизни» поговорить со мной пытался, как только развел всех остальных и остался со мной наедине (на «копейках» еще, прямо сразу же). Ничего этого ему не удалось :) – говорить я с ним не стал, как и все они, он вызывает у меня глубочайшее отвращение; единственное, чего бы я хотел – это лично, своими руками, пристрелить его, а еще лучше – засунуть собственноручно в печь крематория живьем...

Сокамерничек же мой, по его рассказам, на вчерашней проверке крупно поругался тут, чуть не до драки, с местной врачихой, которая не хотела брать у него заявление (а накануне вечером дежурный «мусор» тоже это заявление ему отдал, – мол, с утра на проверке отдашь ей самой) и вообще лечить, – мол, как она заявила, «тебе тут никто ничего не обязан», или как-то так. Концлагерная медицина, мрази, которые держат здесь насильно – и при этом уверены, что зэкам они ничего не обязаны... По-прежнему я

мучительно ощущаю, что глупею от общения с этим существом в камере (а оно грузит меня бесконечными историями из своей жизни постоянно, каждый вечер), так что его мне тоже не жалко...

И вот – сейчас, как наступит девять утра, опять мне переться «на следствие», читать дело. Правда, обещала прийти Сидоркина. По-прежнему, как и каждое утро здесь, у меня невыносимая тоска. По-прежнему нет никаких перспектив, кроме еще долгих лет лагерей, и по-прежнему я ясно понимаю, что жизнь моя кончена...

26.2.15., утро (после завтрака)

Сидоркину вчера мы ждали аж до 12-ти часов, что-то очень долго она ехала; я, прочитав свои 50 страниц, хотел уже было уйти. Зато и проговорили мы с ней после ухода мрази Вешкина больше двух часов – она всё задавала мне вопросы какого-то общего характера, про то, что и почему я писал, так что в ответ я излагал ей свою позицию о том, что народничество в России мертво окончательно (в ответ на ее фразу о том, что, мол, надо идти просвещать народ) и что интеллигенция должна организоваться против него – согласно старому лозунгу Новодворской «Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны». Ни о чем конкретном – например, как попытаться организовать все же какую-то общественную кампанию по мне в преддверии третьего процесса, с кем об этом поговорить и т.д. – речь почти что не шла, разве что так, случайно, мимоходом я упоминал что-то такое, пытаюсь навести на это разговор. Но что никакой кампании нет и не будет, это уже абсолютно ясно. Потом еще, как всегда, больше часа продержали меня эти мрази «мусора» в пустом кабинете прежде, чем вести на корпус, – в результате я попал в камеру уже в пятом часу и едва успел съесть холодный обед и помыть посуду, как привезли ужин...

Сегодня, вот сейчас, через час где-то (радио молчит времени я не знаю), мне предстоит идти туда опять. Походы эти каждое утро невыносимы, но я не стараюсь быстрее с ними покончить, потому что вскоре за ними начнется нечто гораздо более невыносимое: поездки в «суд» на проклятом трясучем автозаке, с возвращением «домой» уже после отбоя...

28.2.15., утро (после завтрака)

Даже эта чудовищная боль, отчаяние и тоска, мучающие меня вот уже второй срок каждое утро – как-то притупились последнее время. На сильные переживания уже просто не осталось душевных сил. Всё там – в душе – мертво, всё перегорело. Я знаю, что я на том свете, в загробном мире, что выхода из него нет; что я не освобожусь раньше 50 лет, скорее всего, а тогда – собственно, незачем уже и освободиться. Всё тогда уже будет поздно... Знаю, что жизнь прошла, окончательно и бесповоротно, и впереди

– только мытарства, боль, отчаяние и – разочарования вскоре после возникновения любой самой хиленькой надежды на что-то хорошее (как вот было с шестковской книжкой)...

Радио не работает уже третий день, – сломалось где-то, «обрыв линии», как сказал еще позавчера на мой вопрос баландер. Мучительно это – сидеть без времени, спрашивать его на вечерней проверке у «мусоров», определять наступление отбоя по «дорожным» стукам в стены. Магазин, который мать заказывала 24-го, во вторник, сразу после свиданки, – так и не принесли! Сегодня уже суббота, в понедельник она уже поедет сюда заказывать новый, – и только в понедельник теперь, дай бог, принесут тот!.. Хорошо, что были еще семь банок тушенки и сколько-то лапши б/п – вот на такие случаи хранимый н/з, пришлось опять прибегнуть к нему вчера – и еще два дня минимум, сегодня и завтра, жрать на ужин, перед сном, эту тушенку с лапшой, пока принесут магазин...

Сидоркина приезжала вчера к 12, как и обещала, но – пробыла на этот раз мало, всего до часу. Разговоры с ней стали для меня тут некой отдушиной среди всего этого ужаса. Как будто она посланец из мира живых в мой загробный мир – и, когда я рассказываю ей что-то о себе, отвечаю на ее вопросы, – возникает иллюзия, что я тоже – опять – живой, Правда, после ее ухода быстро гаснет. Каретникова, по ее словам, так и не пришла на истекшей неделе потому, что не нашла напарника, с кем идти сюда. Грустно; но куда хуже другое – что и визит ее, когда он состоится, тоже едва ли принесет желаемые результаты (хоть какие-то гарантии моего переселения в мало-мальски приемлемые условия, а не в общую камеру). Из «друзей» по рассылке и «КЗС» почти никто не пишет, зато пришло два письма от Майсурия за два дня – но, увы, малосодержательных. Вера же (которая тоже не пишет), по словам матери на свиданке, считает, что меня повезут сидеть уже не в тот лагерь, из которого привезли.

От третьего тома дела мне осталось дочитать около 50 страниц в понедельник, 2-го марта. Потом – четвертый том, в котором, по словам Сидоркиной, меньше 250 страниц. В любом случае, первая мартовская неделя – конец знакомства с делом, а к концу марта уже начнется «суд»... :(((

Да, еще пару мелочей забыл. Починил наконец вчера молнию на старых джинсах, сдохшую еще в ПКТ, – о-о, это не мелочь, это великое событие!.. В этих исправленных штанах теперь я смело могу отправляться на любые этапы и в любые лагеря, ничего мне не страшно (грустно улыбающийся смайлик)... И – принесли наконец ответ из Кирова, на мое обращение к тамошнему «уполномоченному по правам человека», написанное еще в 206-й, в первые дни после приезда в Москву. Что ж – эксперимент с этим

«уполномоченными» исчерпан, ничего другого я от них и не ждал. Сперва – пермская Марголина, просто переславшая жалобы матери и мою – в УФСИН и «прокурору по надзору»; теперь вот – Киров... Ответ пришел от зам. нач. местного УФСИНа, куда кировский «омбудсмен» уже раньше сообщал мне, что переслал мое обращение. И этот зам. нач. пишет, что, согласно статье такой-то «закона об обращениях граждан», мое обращение оставлено без ответа, а также – предупреждает меня о недопустимости «злоупотребления правом» в виде «писания оскорбления в адрес сотрудников УИС». :)))))) Не помню точно, – кажется, где-то ближе к концу обращения я один раз назвал кировских «мусоров» подонками. Таковы они и есть, – но их начальник в официальном ответе грозит мне за это «дисциплинарной или административной ответственностью»... (грустная улыбка).

МАРТ 2015

2.3.15., утро (после завтрака)

Утро. Весна... Опять та же дикая тоска... Жизнь кончена, впереди – только ужасы лагеря, издевательства, голод, холод, болезни... По старому приговору мне осталось сидеть всего 4 года и 2,5 месяца. Сколько будет по новому? Плюс еще 3 года? 3,5?.. Меньшим тут не обойдется. Лучшие годы жизни я проведу в лагерях, а потом, когда (если) выйду, – будет мне уже под 50, и не нужен я буду никому, в первую очередь самому себе...

Страшно нервничаю опять, как бы не перевели, не переселили куда из этой камеры. Боже, до чего же это унижительно – нервничать по такому ничтожному поводу!.. Однако – три недели, обещанные мне опером в разговоре 9 февраля, когда он зачем-то перевел нас из 01 в 02, прошли. А вчера – сокамерничек сказал, что видел и слышал, идя с прогулки, как опер (не знаю, тот же, или другой) стоял тут и совещался с «мусорами», кого куда перекинуть – согласно тяжести статей вроде бы. На вечерней проверке эти дебилы и стали спрашивать, что там у меня за статья и – тяжелая ли. Сейчас, попозже, мне опять переться «на работу» – читать дело, дочитывать третий том, – и вполне может оказаться, что я приду оттуда днем – а 02-ю сборку уже «заказали с вещами», и не дозваться, не добиться даже узнать, кто именно (из оперов) «заказал» и куда. Если честно, этого я боюсь здесь больше всего. Опять придется скандалить, отказываться идти и требовать этого (решившего перевести) опера, а от него – чтобы в общую и не думал меня сажать... Но – господи, до чего же это унижительно и тошно – тратить свою жизнь на такие вот мысли, страхи, расчеты... Впрочем – моя жизнь прошла, и такое вот ее наполнение сейчас – наглядное тому свидетельство...

Убили Немцова вечером 27 февраля, расстреляли где-то на мосту возле Кремля. Я был сперва совершенно поражен этой новостью. Лучше бы меня убили как его – чем сидеть годами в лагерях, среди уголовников... Никакого сожаления о Немцове у меня нет, – он был одним из главных в той тусовке лжеоппозиции, профанаторов и обманщиков оппозиционно настроенных людей, одним из сторонников отстранения от власти лично Путина и сохранения Системы в целом, которых я терпеть не мог с очень давних пор. Убили же его, скорее всего, те полностью отмороженные патриоты-имперцы, которых разбудил год назад аншлюс Крыма – и которые, зная, что Немцов возглавляет вообще КАКУЮ-ТО оппозицию Путину, не отличали его позицию, смиреннейшую и верноподданнейшую, от моей...

12-й час дня (после проверки)

«Короткий день» получился у меня сегодня. Мразь Вешкин уже и не

пытался давать мне читать четвертый том, хоть и захватил его с собой; а третий – 50 страниц оставалось – я дочитал уже к 10-30. После чего повезло еще раз: тот мразоид-«мусор», что водит туда-оттуда и всё пытался по дороге говорить со мной «о жизни» – забрал очень быстро меня одного из отстойника и привел на первый этаж, в 02-ю сборку.

Что ж, сегодня понедельник – и я с замиранием жду, не «закажут» ли после обеда (обычно в такое время это бывает) «с вещами». Очень нервничаю по этому поводу. А если не «закажут» – что ж, где-то часов с четырех жду писем – и тоже страшно нервничаю, будут ли они хоть от кого-нибудь...

4.3.15., 9-й час утра

Наконец-то пришла вчера после обеда Каретникова. Как я и предполагал, толку от ее визита не оказалось никакого. Про то, что меня хотят переселить куда-то, она и слушать не стала, оборвав меня своей любимой фразой – что, мол, давайте будем решать проблемы по мере их поступления. И еще – что она, дескать, не может заставить руководство тюрьмы кровью подписать обязательство не переводить меня никуда. Вроде как ей тут еще раньше пообещали, что до конца квартала меня переводить не будут, – и всё, больше она ничего сделать не может (или не хочет). То есть, вот когда переведут в ужас какой-нибудь, или опять в общую камеру, – вот тогда она придет и поможет (правда, с последнего моего разговора с опером о переселении, 9 февраля, я почти месяц ее ждал и передавал просьбы зайти... Вот помучаюсь в общей камере, с быдлом, месяцок – тогда всё ОК, Каретникова придет на помощь...). Резко отреагировала она также и на мой вопрос о Немцове – его как раз вчера хоронили, – точнее, на мой вопрос о версиях (ее версия – это политическое убийство, но это-то ясно и так, весь вопрос в заказчиках) и слова о том, что вряд ли заказчик – Путин, т.к. Путину Немцов явно не мешал. Более того, был весьма полезен как крупный специалист по выпуску всего протестного пара в свисток, – но последнее я высказать Каретниковой не успел. Она резко заявила, что, мол, это ее товарищ, так что она обсуждать его, дорогого покойничка, со мной не хочет. :)) Что ж, ее дело, – но, увы, визит ее вчера не принес мне ни малейшего удовлетворения, то есть – оказался практически бесполезен.

Самое гнусное – писем не было ни вчера, ни позавчера. От Ольги Исаевой (на вчера) уже неделю нет писем, от Лены Маглеванной – уже две недели... :((Не пишет и Вера... :((

Проклятая жизнь. Проклятая страна, – все мои мучения только за то, что родился здесь... Россию надо уничтожить, сжечь дотла ядерным огнем до состояния выжженной пустыни, – это мое непоколебимое мнение, на

котором я буду стоять твердо, пока жив. Мразь Россия за все мои здесь мучения должна быть полностью стерта с лица Земли вместе со всем населяющим ее быдлом!..

5.3.15., 8-й час утра (после завтрака)

Закрыв вчера дело; Сидоркина уговорила-таки меня, а то сам я думал еще и на сегодня оставить себе читать последние 65 страниц четвертого тома. В том числе – гнусное заявление этого ублюдка Бородина, моего бывшего адвоката, в котором он без всякого принуждения, без всяких допросов доносит на меня, что я просил его принести мне то телефон, то таблетки для суицида, то еще что-то, а он, мол, мне героически во всем этом отказывал. Мразь какая!.. Сидоркина и то сказала, что если б не уважение к Трепашкину – она бы написала на Бородина заявление в Адвокатскую палату... И вот – ждали больше часа мразь Вешкина (сперва приехал другой следак), он по уговору с Сидоркиной привез два бланка свиданок, подписала ему Сидоркина 217-ю; и теперь – остается ждать «суда». Она считает, что не раньше апреля, я – что в 20-х числах марта; ублюдок и мразь Вешкин сообщил, что мне предстоит еще раз увидеть его – он, мол, лично привезет мне обвинительное заключение, хотя обычно его всем присылают по почте. Остается ждать и нервничать – не позже начала апреля, видимо, все же придется переезжать из «нулей», только вот – куда... «На работу», слава богу, теперь ходить каждое утро уже не придется...

Мать сегодня едет на кладбище, это уж непременно. Бабушке исполнилось бы сегодня 95 лет.

Проклятая страна!.. Я сжег бы ее всю, полностью, тотально, без всякой жалости!.. Уничтожение этой мрази России по-прежнему остается главной целью моей жизни. Достижимой ли, – это другой вопрос...

Письма вчера принесли... от Землинского и Мкртчяна! От тех, от кого я жду, по-прежнему нет ни слова... Впрочем, цензорша сказала, что она два дня болела, потому и не носила письма, и что вчерашние – это вроде как еще не все...

7.3.15., 9-05

Утро... Дикая, невыносимая тоска, – впрочем, как и всегда по утрам... Невыносимо, невыносимо, невыносимо!.. Как это жутко – что жизнь уже прошла, что будущего нет, что единственное будущее – это срок, бесконечные тюрьмы и лагеря, еще лет на семь, на девять... если я доживу до их окончания. Пустота, отсутствие всяких замыслов и планов, сразу же упирающихся в невозможность их реализации. Тотальное одиночество... Друзей тоже нет, а точнее – они никакие не друзья, ведь я ни в чем не могу на них положиться... От Ольги Исаевой еще было на днях письмоцо –

короткое и прохладное, впрочем, как у нее всегда, – а вот от Лены Маглеванной третью неделю ничего нет, даже ответа на мое недавнее... Тоска, дикая тоска и пустота... Пусто в душе... Если доживу – под 50 уже мне будет, и что? Какие перспективы? Да никаких. Ни личных, ни общественных (в этом-то концлагере!..), надо уезжать – но кто ж меня выпустит, и тут тоже не устроишься никуда. Полный тупик...

Выходные, будь они прокляты, «праздники». Завтра – 8-е марта. Вчера принесли магазин за понедельник-вторник, – мать опять набрала колбасы и ветчины выше крыши, а хлеба взяла всего одну пачку, до следующего магазина мне опять не хватает, а тут дают хлеб уже три дня – черный, каменный по степени жесткости, кирпич, которым легко можно убить...

Как же это всё так вышло? Который год, еще с того срока, я ищу ответ, но не нахожу его, – а ситуация всё усугубляется. Как это получилось, что я, не жалея сил, карабкался на вершину – а оказался в яме? Что стремился быть лучшим – и ныне считаюсь среди «своих» изгоем, которого никто не хочет защищать? Впрочем, Сидоркина говорила (и мать вчера написала в письме, ибо весь разговор, оказывается, происходил при ней, у нас дома), что неделю назад, 28-го февраля, ей позвонил Гефтер – с подачи Веры, как она думает – и хотел с ней встретиться, поговорить. Впрочем, состоится ли эта беседа или нет – неизвестно, а если и состоится – не приведет, скорее всего, ни к чему...

Дебил сосед по камере целыми днями, а особенно по вечерам, грузит и грузит меня подробными рассказами обо всех своих родственниках, друзьях, соседях по дому, солагерниках, вспоминает тысячи историй из эпохи всех своих прошлых сроков. Изнывая без «общения» в большой «хате», куда он прямо рвется отсюда, к толпе такого же уголовного быдла, как он сам, – «общается» часами со мной, забивает голову всей этой хренью, утомляя этим страшно. Не дает читать своей болтовней, если я в это время читаю, – ему плевать!.. Я изнываю целыми вечерами, голова пухнет от его бреда...

8.3.15., 2-й час дня (после обеда)

«Заказали» в обед с вещами – и вот только что вывели эту животину – соседку по камере. В «праздник», когда, я надеялся, всё будет спокойно... На душе горько, тошно, тревожно, – и жизнь прошла, слишком уж рано, слишком быстро прошла; и кого-то сейчас, под вечер, еще взамен убывшего приведут... Тут ведь все перемены – к худшему... Та животина была – бандит, вор, грабитель, мразь, нечисть, живущая – сама мне говорила – по их воровскому «закону», но – ко мне относилась более-менее нормально, спокойно, без агрессии, даже вроде бы с каким-то подобием уважения (насколько оно у таких существ вообще возможно по отношению к таким,

как я, не из их круга...). Каким-то будет следующий, сегодня к вечеру? Будет так же, как все они, красть у меня кофе, сгущенку, конфеты, а м.б. – и колбасу; будет так же выжирать мой майонез – втрое больше, чем надо в суп, раз он халявный; а м.б. – будет, как и большинство этих мразей (исключая вот этого последнего, только что уехавшего), скандалить из-за уборки...

Господи, почему же так всё вышло?! Почему в такой глухой тупик зашла моя жизнь?! Будь проклята ты, мразь Россия!..

9.3.15., 2-й час дня (после обеда)

Не успели вчера увести того – через 15 минут уже привели другого. Чеченец, 55 лет, две недели как уехал этапом в Мелехово (ИК-6 Владимирской обл.), там местные «мусора» по заданию его СКР-овских следователей из Москвы его пытали и били, выбивая показания на каких-то подельников, находящихся в Арабских Эмиратах. Пытали так, да еще и «опусканием» грозили, что он дал показания, и его привезли опять в Москву, сразу с этапа – сюда, в 02. Т.е. – понадобилось для него тут место, потому-то и убрали того уголовного сучонка, да еще в «праздник». А этот, чеченец – в войнах не участвовал и никакого отношения не имел, как я понял; занимался на воле каким-то бизнесом, коммерческим посредничеством, и т.п. Дружит и с какими-то депутатами Совфеда, и с ворами, и с «мусорами», и (как он говорит) с артистами известными, и – опять же, с его слов – знает правозащитную тусовку, Светову, Льва Пономарева, даже вроде бы был лично знаком с Боннэр (где-то в больнице, говорит, с его матерью вместе она лежала, – хотя – была ли Боннэр в 2001 вообще в России?). Уже сидит четвертый год, 105-я через 30-ю, вроде бы находил и отправлял на дело исполнителя заказного убийства в 2011 г. – женщину, у которой его подельники украли из банковской ячейки 20 млн. (!) евро, а чтобы скрыть это преступление, решили хозяйку денег убить (бред какой-то). Деньги хозяйка предназначала для организации какого-то контракта по поставке газа из России в Украину, ее разводили, что будут по этому поводу переговоры с участием чиновников правительства России и Украины, и, судя по приговору (он сам мне вчера дал прочесть свой приговор), мой нынешний сосед и звонил ей, выдавая себя за чиновника российского правительства. Сам он, впрочем, все это отрицает. Сроку 12 лет (через 30-ю, т.к. убийство не состоялось – пистолет дал осечку, жертва успела сбежать), сперва год с лишним – на «Матроске», на знаменитом тамошнем «лефортовском» корпусе (говорит, что в одной камере с ним был Борис Миронов, нацист и бывший министр печати в 1994 г., хотя – я впервые слышу, чтобы Миронов-старший вообще сидел в тюрьме), потом перевезли

на «пятерку», сидел и в «нулях», и на «тройках», и на «четверках» – в 408-й, где «смотрел» какое-то время и «за хатой», и даже за всем корпусом (этажом). Плохо себя чувствует, отходит постепенно от пыток и битья в лагере. Жуть, короче. Разделся вчера – ни одной наколки нет, судимость вообще первая, так что я вообще не понял, как это его, первохода, посадили ко мне (м.б., ошибка и завтра уже уберут). Сам, похоже, тип не криминальный, хотя и дружил с криминальными и всяческому криминалу, конечно же, не чужд (мне вот не предлагали ни за какими «хатами» «смотреть»).

В общем, тот прежний, конечно, был попроще, с этим сидеть будет тяжелее намного. Пока он вполне дружелюбен, но это пока... Привез с собой кучу жратвы (там, в лагере, успели ему передать, здесь, конечно, тоже будут постоянные передачи, магазины и пр. – а куда всё это класть? Угощал меня тут колбасой, чаем, пряниками, яблоками. Но у меня его угощать моей колбасой нет ни малейшего желания. Спросил у меня сам фамилию – и оказалось, что обо мне он тоже слышал! (Интересно, где?) Что-то про мое участие в «КЦ», – ну да, все чеченцы, кто меня вообще знает, знают меня именно по КЦ. Мне это, конечно, приятно, но, боюсь, его уважение ко мне не будет ему препятствием для возникновения всех тех бытовых проблем (уборка, открывание окна и пр.), которые обычно возникают в камерах с такой вот публикой...

Завтра, во вторник, после «праздников», должна прийти на свиданку мать. Придет ли?..

11.3.15., 4-й час дня (после обеда)

25 лет независимости Литвы сегодня, – с 11 марта 1990 года...

Была вчера свиданка с матерью. Десять утра – а свиданки все нет и нет, хотя разрешения на нее были тогда даны при мне. Пришел как раз перед десятью тот «мусорок», что водит на свиданки, – «заказал» соседа из 03. Нервничаю, психую, места себе не нахожу. Наконец, перед 12-ю – приходит, «заказывает» меня. Оказалось – мать потом рассказала – мразь Вешкин выдать-то разрешение выдал, а номера и даты на них не поставил, – ну и мать не пустила. Она уже пошла жратву мне заказала, хотела уезжать – как вдруг вспомнила, что у нее в блокноте записан телефон этой мрази Вешкина, позвонила – и он ей сказал, какой номер вписать в бумагу. При этом – вот уж подлинно мразь и подонок – ни слова не сказал ей, что сам уже едет сюда же, в тюрьму, а то и уже приехал. Доводят меня до административного корпуса, где на свиданку надо спускаться вниз по лестнице, на первый этаж, а на следствие – подниматься на четвертый, на один лестничный марш всего. Уже хотел спускаться – как вдруг оттуда,

сверху, выскакивает тот идиот, что водил на чтение дела весь февраль и всё хотел поговорить со мной «о жизни» – и кричит свиданочному выводному, чтобы срочно, сейчас же завел меня наверх. Я сразу всё понял: он заводит – и точно, там в дверях с улицы стоит мразь Вешкин! Привез мне «обвинительное заключение», как и обещал, лично – и, как я и думал, в первый же день после «праздников»! А прокурор его, как там сказано, подписал еще аж 6-го!.. Хорошо, что потом дежурный по тому этажу отвел меня одного вниз, на свиданку, а то – тот выводной ушел, дверь закрыл, один бы я хрен попал...

Итак, «суд» может начаться уже 17-го – через неделю после вручения мне их пакостной бумажонки с «обвинением». Свидание с матерью, как обычно, тоже удовольствия не доставило. По ее словам (потом это подтвердилось из письма Лены Маглеванной), идиот и псих Шестков наотрез отказался дальше заниматься моей книжкой, им же придуманной, и теперь – деньги на нее вроде как есть (хотя еще, увы, не все), а где и как ее печатать – неизвестно. Он, как пишет Лена, повесил ее в сети в виде файла .pdf – и, мол, печатайте дальше сами. Придется ей, бедной Лене, единственному надежному человеку из моих знакомых, заниматься еще и этим – искать какую-нибудь типографию в Финляндии. Впрочем, я уже практически потерял надежду, что хоть какой-то мало-мальски заметный тираж ее будет когда-либо напечатан, не говоря уж – доставлен в Россию.

В остальном впечатление от рассказов матери еще омерзительнее. По ее словам, вся тусовка моих «друзей» и «защитников» в России просто парализованы страхом – и от страха всё уверяют ее, что, мол, книжка эта – «экстремистская», и провезти-то ее в Россию все равно не дадут, и презентацию провести – тоже (хотя кто может запретить презентацию в Сахаровском центре, кроме его же администрации?) – в общем, настолько перепуганы возможностью попасть под репрессии, что и делать ничего не хотят, и мать убеждают в тотальной безнадежности любой работы по мне, по книжке... Хвалёная Вера, которую я такой героиней считал, – по рассказам матери, как осиновый лист дрожит от страха. А по словам самой Веры, Гена Строганов, тоже героем и борцом мне казавшийся еще год назад – не пишет мне сознательно, просто не хочет писать, и всё – потому что тоже боится за себя. На акции уже давно ни на какие не ходит (про это он мне сам еще перед новым годом писал), бросил всё. активно учит немецкий язык – и собирается сваливать. Что ж, пусть едет, в этом ничего предосудительного нет, но – тут замаравшие себя трусостью бывшие диссиденты должны тут же и быть ставимы к позорному столбу, – и я это сделаю, если только мне суждено дожить лет через девять до возможности опубликовать этот

дневник. И уж совсем без всякой пощады должен быть к этому столбу приколочен – гвоздями, и как можно скорее – подонок Герасимов, мой бывший питерский «ближайший единомышленник». Я, кажись, уже тут писал, когда знакомился с делом, что он, правда, никого не сдал, но показания о моих взглядах дал подробнейшие, рассказал даже то, о чем его и не спрашивали, аж за 20 (!) лет моего с ним с ним общения, хотя я его всего-то с 2011 знаю, – это вместо того, чтобы вообще отказаться давать на своего друга/коллегу чекистам какие-либо показания, как единственно только и можно/нужно было поступить достойно. И вот итог: Герасимов в моем «обвинении» значит как свидетель обвинения, подлежащий вызову в «суд». Учитывая расстояние между Москвой и Питером – надеюсь, у него хватит достоинства хотя бы на то, чтобы не ходить...

13.3.15., 9-й час утра (до проверки)

Вызвали вчера в пятом часу вдруг «налегке». Я думал – адвокат, а оказалось – комиссия! Не мог угадать, за что же это; оказалось – за отказ от дежурства! Конкретно за 8-е марта, когда я, якобы, еще и в грубой форме отказался, – суют мне постановление на пять суток карцера! Подписанное Кимом – наконец-то я посмотрел вблизи на эту мразь, фамилию которой помню с 2006 года, с первой еще отсидки здесь, – тогда он был просто опером, а сейчас – зам. начальника и, как написано в постановлении, и.о. начальника. Именно он, значит, всю церемонию вчера и вел, – и если не знать по фамилии, что он кореец, то никогда не скажешь, внешность почти совсем не корейская. Чтоб ты сдох, мразь!..

Понимая, что комиссия – это 100% карцер, хорошо, что успел я, пока сидел в кабинете и ждал вызова, написать им заявление на сухую голодовку с момента водворения. Как только они мне начали про карцер – вырвал из тетрадки и отдал. Ким пытался обмануть, что, мол, потом, там, внизу, отдадите, зарегистрируете как положено, и т.д.; еще какой-то ублюдок в погонах говорил, что это, мол, ребячество, – но, тем не менее, заявление осталось у них, я его не забрал – и надеюсь, что они оценили серьезность моих намерений. Что ж, пять суток сухой голодовки, – надеюсь, я выдержу, а впрочем – какая разница? Мне не хочется тут выжить, – перспектив же все равно у меня никаких, одни мучения. Впрочем, когда соседу по камере, три года уже на этой тюрьме просидевшему, я рассказал всю эту историю – он сказал, что на первый раз могут и не посадить, первый раз они, бывает, дают карцер «условно». Что ж, дай бог...

14.3.15., утро (после завтрака)

Бред какой-то... «Заказали» вчера днем «налегке», повели вместе со всеми. Я был уверен, что это адвокат, она же обещала в пятницу быть... А этот

мразёныш-«мусор», что водит обычно «налегке», вдруг с последнего этажа спускает меня вниз, на предпоследний, где кабинеты оперов. И там один из них чего-то хочет от меня. Ничего хорошего я не ждал, но оказалась глупость: к нему пришла бумага, что еще 24.12.14 некто (фамилия там была перевернута, но я сразу понял, что это Надир – тот самый, друг и собутыльник Гилярова) [примечание 2020 г.: Надир Фатяхетдинов, последнее время фигурирующий в интернете под псевдонимом Надир Фатов] звонил в 02 и сказал, что на этой тюрьме, в камере, зэки отобрали у меня передачу! Ну да, как раз на следующий день после тогдашнего визита Каретниковой, которой я сказал, что все мои продукты сжирает это быдло. Она, видимо, написала об этом в своем ЖЖ, – и Надир ничего умнее не придумал, как в 02 на эту тему позвонить; кстати, бумаги оттуда шли два с половиной месяца, – вот она, реальная скорость работы системы, если и на самом деле что-то случится, понадобится их вмешательство... Короче, под диктовку этого опера я написал объяснение, что об этом звонке в 02 мне ничего не известно и никто у меня ничего не отбирал. А поскольку опер был тот самый, с которым мы 9 февраля говорили о том, где я буду дальше сидеть, и он мне сам про этот разговор напомнил, – я спросил его и об этом. Он сказал, что всё же решил посадить меня в ту одиночку, возле карцеров, сказал, что библиотекарь можно попросить носить туда книги, и т.п. Но на мой вопрос: когда? – сказал, что уже числа 20-го!.. Мне так скоро совсем не хотелось переезжать, – еле уговорил его подождать, пока реально в «нулях» начнется ремонт, – а м.б., и не уговорил ни хрена, м.б.. 20-го и впрямь «закажут» с вещами... :(

Пришли вечером письма – от Антоши Ручкина наконец-то, он получил бумажное письмо, почти месяц шедшее – и тотчас ответил; это для меня большая радость, но, боюсь, хватит его ненадолго. Тем паче, что, как он пишет, работает он сей час там, в Польше, дальнобойщиком, а при разъездах особо-то не попишешь. И от Лены Маглеванной письмецо, где она пишет, что она прошлое мое письмо к ней кинула в рассылку – и все обиделись. Не совсем понятно только, за Шесткова обиделись, или за себя, когда я там упоминал, как они все, по рассказам матери, напуганы. Тошно от того, что я не могу, как и когда хочу, поговорить со всеми этими людьми, объяснить что-то, попросить не обижаться, вообще – облегчить душу. Нет ни связи, ничего нет – только редкие эти письма, ожидаемые как манна небесная... А Сидоркина, кстати, вчера так и не пришла, и я гадаю – почему, и когда же теперь...

По-прежнему невыносимо тошно, как и всегда по утрам. Хорошо хоть, скоро буду сидеть один, без «советского народа», по словам Ольги Исаевой.

Тоска страшная; сердце как будто зажато железными клещами. Нет никакой надежды ни на что хорошее, на хоть какой-то просвет в судьбе, хотя подбодрить меня письмами пытаются и Антоша, и Ткалич (вчера и от него пришло), и Вера... Нет надежды, что хоть когда-то кончится этот срок, осталось четыре и два – и сейчас намотают еще, будет в итоге не то семь, не то девять... От этой мысли, от этой безнадеги и безысходности хочется выть и биться головой об стену... Жизнь прошла, – прошла бездарно и кончилась бездарно, и никакого просвета, ничего, кроме тюрьмы, нет впереди; и некому даже об этом рассказать, не от кого ждать сочувствия и поддержки. Вокруг холод и одиночество, а в душе – безнадега и смертная тоска...

15.3.15., день (после обеда)

Ничего пока не происходит. Соседушка нынешний, чеченец, кормит меня из полученной им передачи курдючным салом (много слышал, а вот попробовать довелось впервые) и колбасой – и грузит часами своей этой бедой, подробностями того, как его три дня пытали Мелехове, выбивая показания и явки с повинной. Я особо не сопротивляюсь этим загрузам, т.к. чужая беда отвлекает от собственной, на время заглушает мои горькие мысли о том, что жизнь, увы, кончена и о том, что же теперь мне-то делать с этой грядущей добавкой срока. Соседушка, слава богу, попался хоть состоятельный, с родственниками, не нищевод, – кормит меня, а не ворует мои майонез, конфеты, кофе и пр., как делали предыдущие. По его словам, он не только родственник Дудаеву (в Чечне все друг другу родственники, да и вообще на Кавказе, так что в это я еще могу как-то поверить), не только был свободно вхож к нему, близко знал Гамсахурдиа, а сейчас – отставного министра ГБ саакашвилиевских времен Хабурдзания, живущего в Москве, но и – знал и знает кучу русских писателей, артистов и т.д., начиная с Б.Акунина (не совсем русского, ну да ладно). В это я уже не верю совершенно, но – опровергнуть, понятное дело, не могу, поэтому молчу. По крайней мере, знают/помнят ли его Закаев и Алла Дудаева, попросить Лену Маглеванную узнать не так уж сложно. Учитывая, что воевать он и его братья не воевали, а скорее относились к криминалу, чеченскому, или московскому, или московскому в Чечне, – едва ли...

Что же меня ждет? Чего я боюсь? Ну, не то что «боюсь», конечно... «Суда» и намотки срока я не боюсь, мне просто тошно от одной этой мысли; четыре и два осталось по нынешнему приговору. Если не будет матери – я буду там, в лагере, голодать (хотя в СУСе и ПКТ и так голодаешь, 1000 р. в месяц на магазин – это ничто). Те, кого можно было бы просить помочь – уже все уехали, а тех, кто не уехал, – без толку, я чувствую, просить (ну, м.б., Веру еще как-то можно, но – одна, без матери, не знаю, захочет ли она ездить и

помогать). Мани теперь нет, а если б и была – тоже едва ли... Что будет раньше – переезд из «нулей» в другую камеру (дай бог, чтобы одиночку!), или же «суд»? Не знаю. Как не знаю, придет ли все-таки мать завтра на свиданку, или отложит из-за шофера до послезавтра, как и хотела. Не знаю, когда придет теперь адвокат... Жизнь зашла в полный тупик – и чувство ужаса не проходит у меня вот уже почти три с половиной года, как я это понял (ну, три-то точно). Жизнь кончена... По утрам я просыпаюсь – и лежу в полной прострации, в диком, паническом ужасе перед тотальной безвыходностью всей этой ситуации, – добавка к сроку и полное исчезновение каких бы то ни было жизненных перспектив...

16.3.15., день (до обеда)

Была сейчас свиданка с матерью, последняя на черт знает сколько времени вперед. Почти не ругались с ней, что даже удивительно. :) Попали в ту же кабинку, что и в тот раз – и опять у нее всю свиданку выпадал провод из трубки. Говорит, что должна на этой неделе прийти опять Каретникова, – ну, дай бог. Говорит, что Вера, конечно, трусит – но при этом не любит, чтобы ее в этой трусости уличали. :) (Перебирал по ходу свиданки – кроме их с Леной, никого вообще в Москве не осталось, кого можно было бы о чем-то попросить, кто понимает и может что-то делать. Остальные все уехали, – да их и было-то... :(В общем, нет особых новостей. :(Только в последние уже минуты свиданки дозвонился ей вдруг на мобильник... мразь Абоев! Сказал, в какой день (послезавтра?) можно приехать, забрать мой мобильник.

8-й час вечера (после ужина)

Чеченца неожиданно забрали на «спецы» (тот корпус, где в 2006-07 сидел я, на тот же первый этаж). Сижу пока один, жду, кого же сюда поселят. Недолго, видимо, и мне тут, в «нулях», осталось, – но, видимо, кражи кофе, стуженки, конфет и пр. еще какое-то время будут... :(((

Еще – большое письмо от Корба, целая выволочка мне, после попавшего в рассылку моего письма Лене Маглеванной (а м.б., и Вере), в котором я посетовал на трусость моих российских «защитников» и полное бездействие их хваленного комитета. Да, и про Шесткова я там резко высказался, – это-то, видимо, Корба и всех их в рассылке возмутило больше всего... :))))))

17.3.15., 8-й час утра (после завтрака)

Господи, какое же это счастье, какой кайф, – после ухода чеченца они вчера так никого и не привели сюда! Ночевал один, сейчас тоже сижу один. Но – или сегодня таки приведут сюда, или же – выселят меня. Очень нервничаю по этому поводу, – м.б., потому и не стали сюда никого загонять, что уже сегодня запланировали выселить отсюда меня?..

9-й час вечера (после проверки)

Какой кайф, о боже!.. Или, точнее, хоть что-то хорошее. Никого так и не подсадили ко мне, вот уже вторые сутки сижу один. Не выселяют и не подсаждают пока, хотя весь день сильно нервничал по этому поводу. После обеда приходила Светлана, адвокат, пропустил из-за этого ужин, но о традиционной здесь по вечерам капусте не стоит жалеть. :) Доел в обед оставленное чеченцем вчера баранье курдючное сало (копченое, из халяльного магазина). Вот, можно сказать, и приобщился к кавказской мусульманской культуре. :) Сегодня ровно три месяца, как я на этой тюрьме.

18.3.15., 2-й час дня (после обеда)

Поторопился, как всегда, дурак, рано обрадовался вчера... Вечером, в отбой как раз, уже привели какого-то, – опять с 206-й камеры, там прямо как инкубатор соседей для меня. :) Молодой, всего 29 лет; воровал по кассам в магазинах деньги, или что-то такое, насколько я понял. Повадками и манерой говорить напоминает мне Василевича немного. С мешком кофе, – хоть, по крайней мере, кофе не будет, как все прежние, красть у меня...

Да, прошла жизнь, увы, прошла, как это ни грустно. Не вышла, не задалась, и вот – печальный итог. Тюрьма, срок, лагерь... И вот только за одно это, за такую мою судьбу в этой стране, за все эти лагеря, тюрьмы, этапы, проверки, ШИЗО, ПКТ... – я всю, всю эту страну со всем ее тупым пьяным быдлонаселением сжег бы, испепелил живьем, без всякой жалости уничтожил бы ее всю, до состояния мертвой выжженной пустыни!!...

19.3.15., день (до обеда)

Боже, какое быдло, какое бессмысленное, тупое животное!! Кусок говорящей биомассы (дерьма), еще хуже того, «ангарского» – хотя, казалось бы, куда уж хуже!.. Очень ругал вчера «Pussy Riot» (с упоминанием «мечети» :)), хотя говорит, что сам неверующий. Сообщил мне, после моих кратких разъяснений, что я сижу «по собственной глупости», что ему любая политика абсолютно до фонаря, но потом активно пытался – вчера и сегодня – выспросить у меня мои политические взгляды, – естественно, на доступном ему уровне. Спрашивал о моем отношении к Путину, Жирику, партии «Яблоко», Ленину, Троцкому (! – вычитал где-то, сидя тем сроком в лагере, фамилию), что значит слово «оппозиция» (верно ли он его понимает) и чем отличались левые эсеры (!) от правых (!!). Да, про Миронова, вождя нынешних «эсеров», сегодня тоже спросил, а вчера вечером – именно про тех, исторических, – где уж услышал про них?.. Про Новодворскую не слышал вообще. Возмущенно-тревожно-подозрительным тоном спрашивал меня (после моего ответа в защиту «Pussy Riot»), уж не «хожу» ли я с «этими», которые требуют узаконить однополые браки, и произнес речь

о том, какой это будет ужас, если их узаконить: «пидорасы», мол, тогда будут «сосаться» прямо на улицах, на виду у детей (! :) и по всем телеканалам откроют программы с – до словосочетания «пропаганда гомосексуализма» он не договорился, для него это слишком сложно, но видно было, что: а) имел в виду именно эту страшилку; б) навеяна она телевидением, официозной пропагандой, хотя, как и всё это быдло, влияние на себя телевизора категорически отрицал. Вообще, толкнул целую речь о том, как это ненормально, ужасно и недопустимо – «пидорасы», и что хотя вообще он настроен к режиму отрицательно :)))))) – но против «пидорасов» он режим и Путина поддерживает.

Что, собственно, и требовалось доказать. Еще один яркий представитель того бессмысленного быдла, которым на 99% населена эта страна, которое и не дает тут жизни нормальным людям, порождает путинных и сталиных и для которого главный, мистический враг и главное воплощение абсолютного, вселенского зла – это «пидорасы». В печь, в печь однозначно всех таких; а имя им – легион, их – десятки и сотни миллионов...

С тоской жду, что не сегодня, так завтра «закажут» «с вещами» и погонят куда-то через шмон. Как тошно зависеть тут во всех простейших бытовых мелочах от всей этой мрази и подонков – что в камуфляже, что в спортивных костюмах... И сколько, сколько лет таких мытарств еще предстоит, учитывая грядущую добавку к сроку, сколько я смогу еще вытерпеть всё это тотальное дерьмо вокруг меня, а главное – ДЛЯ ЧЕГО это терпеть?..

20.3.15., день (после обеда)

Тупое это животное пошло сейчас на прогулку – и ему на выходе сказали, что, мол, когда придет с прогулки – пусть собирает вещи. Опять, значит, сюда кого-то нового, новое какое-то быдло. Это, по крайней мере, было хуже, чем позапрошое (ангарское), просидевшее со мной дольше всех. Не зря, значит, я нервничал насчет 20-го числа – после того, как опер тогда, 13-го, назвал мне его. Но, слава богу, пока эта беда коснулась не меня. Хорошо бы еще хоть сутки посидеть тут одному...

21.3.15., 1-й час дня (после обеда)

Принесли вчера днем сообщение: на 23-е, то бишь, послезавтра, понедельник, назначено уже предварительное слушание в военном «суде». Правильно, значит, я угадал – процесс начинается уже в конце марта, а не в середине апреля, как думала Сидоркина.

Загоняли сюда вчера перед ужином на одну ночь какую-то блатную кабардинскую мразь из карцера, на два года моложе меня, и сегодня на утренней проверке, слава богу, уже «заказали» обратно в карцер, через

некоторое время и забрали туда, сейчас опять сижу один. А это, вчерашнее блатное быдло, – мразь мразью, нечисть нечистью, в печи лично бы сжег. Весь из себя такой блатной, сидел в 509 (где когда-то, в 2006-07, сидел и я) с вором в законе (каким-то грузином) и сам предан всему «воровскому» прямо до безумия, сразу видно, что это в его никчемной жизнишке – главная тема. Сидит за вымогательство в особо крупных размерах. Как только зашел в камеру – тотчас спросил, всё ли у меня «ровно по жизни» :)))) (тьфу, мразь, как же я ненавижу этот их поганый жаргон!..), а чуть попозже, едва познакомившись – как я отношусь к «воровскому». Перестрелял бы вас всех, мразей уголовных, – вот как!.. Весь вечер это быдло провело в высокоумных беседах со мной о политике, демонстрируя типичный для самых продвинутых из блатных интеллектуальный уровень, – чуть-чуть выше среднего. О цене на нефть, росте/падении доллара и евро, о политике США, Украины, США и России в Украине, о том, что «мир поделен между Россией, США и Китаем», и прочий бред. Когда же я уже поужинал и лег, но еще не спал, а он, наоборот, встал и уже успел пообщаться с каким-то своим приятелем из 106-й камеры, прямо над нами, которого долго не поднимали после «суда», – он вдруг начал спрашивать меня, не был ли я на какой-нибудь должности тем сроком, и уверять, что, мол, у меня какие-то странные повадки, и он, мол, может мне прямо сейчас объяснить, чем именно они странные. :) Но я от его разъяснений отказался (точнее, просто не проявил интереса), т.к. свои отличия от всего этого блатного быдла очень хорошо знаю и сам. :) Эта же мразота, безусловно, как и все они, судит об окружающих по себе и своим блатным друзьям. Я допускаю, что моя «странность» пришла ей в голову, когда она, пообщавшись со 106-й, выяснила, что я с ними не общался, хотя долго уже тут сижу (о чем мне с этой верхней швалью общаться? – да еще и лазить для этого на второй ярус шконки...). Но все же предполагаю, что более всего «странным» и неприятным во мне кабардинской животине показалось другое: что я, когда ел на ужин колбасу, и она это видела, – не предложил ей разделить со мной трапезу!.. :)))

Так что сейчас опять сижу один, жду, какое еще уголовное быдло сюда посадят, – и морально готовлюсь к «суду». Хочу померить тонкие шерстяные носки – ехать надо в летних мокалинах, т.к. из лагерных ботинок там непременно вынут шнурки – и записать на бумагу последнее слово...

Вечер (до ужина)

Недолго я сидел один. Привели назад того же горластого дебила, которого забирали отсюда только вчера днем, перед приходом кабардинской

нечисти. Этот – тоже нечисть, та самая, которая мои краткие рассказы о том, за что я сижу, резюмировала тоже кратко: что я на воле «х...ней занимался». Еще эта громогласная мразь обожает перекрикиваться с соседями в соседних «нулях», причем орать не просто через дверь, а в решетку над дверью (в отдушину, точнее), для чего взгромождается постоянно на стол, топчется там ногами в носках – а я по вечерам на этом самом столе раскладываю еду для ужина. Хорошо, пока еще есть что подстелить... Это быдло переночевало одну ночь в 206-й, откуда его сюда и спускали на днях, и вот – опять сюда... :(((

22.3.15., день (после обеда)

Чего я хочу, куда иду? Жизнь кончена, но всё же?.. Я не добился ничего в жизни, у меня нет ни родных, ни (настоящих) друзей, ни привязанностей... Пустота как итог жизненного пути... Но мой путь был прям, и я горжусь этим. Я ничем не пожертвовал, я делал то единственное, что хотел и мог, что было мне интересно. Как же это всё так вышло? С того срока еще я ищу ответа на этот вопрос – и не нахожу его. Завтра «суд»... Пустота и духовная свобода – даже в тюрьме. Но компенсация за эту свободу – полное бессилие в реальном мире. Теперь, из своего жизненного опыта, я знаю, что как бы мне лично ни сочувствовали, сколько бы ни было радикальнейших свобододобовцев в интернете, – создать из них партию или какую-либо дееспособную организацию в реале – мне не удастся никогда. Будь то на подъёме движения или на спаде, при всеобщем запутинском вое в 2000-м ли, в 2014-м, или в эпоху Болотной, – всё равно это невозможно, не получается и не получится никогда. У других, на куда менее радикальных принципах – м.б., но не у меня. То есть – миссия невыполнима, то, что я считал важной частью своего предназначения, не может быть выполнено. И с другими его частями – не лучше... Полный тупик, глухая стена – вот и всё, чем ответила жизнь на мои юношеские стремления повлиять здесь, в этой стране, хоть на что-нибудь. Ну и тюремной решеткой еще, конечно. А теперь – всё бессмысленно, нет даже смысла пробовать что-то заново, даже если я доживу... То, ради чего я жил, оказалось нереализуемым, и главный вопрос – зачем жить теперь, поняв это?..

24.3.15., 8-й час утра (после завтрака)

Какой кошмарной была вчера эта поездка в «суд», о боже, и – завтра предстоит еще одна такая же, вот что самое страшное!.. С соседом вместе – его возили в Тушинский «суд» на апелляцию и скинули два месяца – вышли из камеры где-то около девяти утра и вместе же вернулись, одной машиной – в камеру зашли уже в 11-м часу вечера; и это еще нас первыми прошмонали и сразу же отвели в камеру!.. Из «суда» я выехал где-то в шесть

вечера – и несколько часов, минимум два с лишним, стояли в Мосгор«суде», в цокольном этаже, несколько раз пересаживаясь из одной машины в другую. Это был настоящий кошмар – и это будет так КАДЖЫЙ раз, ибо в военный «суд» ехал с тюрьмы я один, – как же еще везти назад, если не через Мосгор!..

Дико разболелась в «суде» голова, просто невыносимо, но – лекарства я заранее решил не брать, ибо их все равно там отберут. Воду в бутылках, расческу (у меня – и потеряли ее, вернули потом, после долгих поисков, не мою!), о таблетках нечего и говорить, – порядки там не намного мягче, чем в Мосгор«суде». Тупые, злобные, хамящие «мусора» – и какая-то косоглазая азиатская рода (таджикская?) без формы, но активно участвующая в шмоне. «Суд» в старинном этом особняке – двухэтажном всего лишь, но большом, квадратном, с большим внутренним двором, где и выгружают из автозак. Шикарный ремонт внутри, через каждый метр – видеоканеры, все двери открываются только прикладыванием пластиковой карточки. Типичное русское палаческое, карательное учреждение, этакий fatum, отделанный на громадные нефтяные деньги еще до нынешнего кризиса. Попасть сюда – значит сломать себе судьбу, получить срок, неизбежно и неотклонимо. Стальные клещи, из которых не вырваться...

Как и собирался, говорить с «судьей» я не стал ни о чем, включая первоначальное название фамилии и пр. Лены, жаль, сначала не было; ее и Веру я увидел, только выйдя из зала. Лена подтвердила, чтобы мы ее заявляли как защитницу, но как теперь это делать, неизвестно. Адвокат заявила ходатайство о возврате дела прокурору и об исключении «доказательств» (экспертизы лингвистическая, автороведческая и акт осмотра прошлого уголовного дела), «судья» долго мурыжил ее, чтобы она назвала ему, какие точно нормы УПК нарушены, – ну да, играл в объективность. Все равно откажет, чего там долго мусолить!.. Сам «судья» – Гринёв, сплошная «Капитанская дочка»! :)) – оказался помягче, поспокойней, чем я ожидал, – не столь величав и суров, явно уступает Ковалевскому, – но мы же знаем, что мразь они все, вне зависимости от личных качеств, и решение по моему делу выносят вообще не они, они его только озвучивают после спектакля «суда»... И вот тут-то молоденький прокурор заявил, что на это дело его направили только в пятницу после обеда (а вчера был понедельник), он не успел изучить дело, для изучения ходатайств адвоката ему тоже нужно время – и он просит отложить заседание. И они, при согласии адвоката, назначили на 25-е, на завтра уже, – и, значит, весь кошмар с поездками и стоянием в Мосгоре уже завтра повторится, – когда от одного раза надо отходить и отдыхать неделю!..

Поездочка эта вчерашняя вымотала страшно, просто чудовищно, гораздо хуже, чем поездки в Бутырский «суд» год назад. Еще одна беда – с одеждой: сидеть там часами в автозаке, да еще вечером – холодно, ноги страшно мерзнут в летних мокасынах (одел их, чтобы не отбирали шнурки, это страшно унижительно). Порадовался, что надел свитер, теллагу, вторые носки, – но в «суде», особенно с утра, когда в зал било солнце, во всем этом (даже без теллаги) страшно жарко. Обычная весенняя проблема – днем жара, вечером холод...

И вот уже завтра – опять... :(((Ощущение тупых клещей, сжавших твоё сердце. Не вырваться... Тупая обреченность, неотклонимость, неотвратимость этого ада, в который тебя спихивают, сбрасывают, низвергают через эти идеально чистенькие, бюрократически аккуратные и прибранные казенные залы всех этих «судов». Мясорубка, которая перемелет твои кости, нервы, сердце, душу – и получившийся кровавый фарш выплюнет вниз, прямо в лагерь, прямо в камеру ПКТ, а ту самую «тройку»... Взорвать, подогнав грузовик тротила; безжалостно разбить, сломать (zerstören) весь этот отлаженный, идеально работающий механизм, всю их гигантскую безжалостную госмашину, – это единственное, что можно с ней сделать, ибо слова, просьбы, ходатайства и пр. – она не воспринимает вообще, отклоняя в автоматическом, механически-бездушном порядке. Только разбить и сломать ее – но, увы, тут, в этой проклятой стране, разбивать ее и ломать просто-напросто некому, вокруг – одно покорное, трусливое, рабское быдло...

Вот как мой соседка, например. До поездки два последних дня он упорно пытался через зарешеченную отдушину над дверью камеры «словиться», наладить «дорогу» с молодым парнем из 01, нашим соседом, чтобы забрать переданную туда из 04 колбасу (кусочек из передачи в 04), да и вообще – от скуки, ибо молодой, кровь бурлит, мозга нет, заняться нечем... В 01-й еще моложе парень, всего 20 лет, но всё же поинтеллигентнее, – в институте каком-то учился. Мусора, естественно, «спалили» эту их «дорогу», два дня писали на них обоих «рапорта», из 01-й вчера, он сообщил, вызывали на комиссию и дали семь суток карцера. А эта, здесь, в 02, мразь – ради чего я и вспомнил всю эту историю – увлеченно топталась на столе, лоя выплюнутый из 01 воланчик с ниткой весь позавчерашний, накануне поездки, вечер; топталась долго, упоённо, самозабвенно, так и не освободив стол мне для еды, хотя я долго ждал и пару раз спрашивал, – и в результате, не ждать же его всю ночь, пришлось мне ужинать на своем бауле, разложив на нем кое-как масло, колбасу и хлеб, – было страшно неудобно, но при этом я хот сидел на шконке, а не стоял. Вот оно – то, на что обрекают меня их

«суды», вся эта проклятая их система: на то что самые твои простейшие бытовые интересы, как еда и сон, будут зависеть от всякой уголовной мрази, которой на твое присутствие и твои нужды просто наплевать; ты не сможешь поесть нормально, потому что они под свою «дорогу» заняли стол (а то и просто под игры), и не сможешь заснуть под их бешеные крики тому же соседу в дверь или в окно...

9-й час утра (до проверки)

Почему я вдруг стал искать контакта, общения, возобновления былого задушевного общения, точнее, с Леной – уже после того, как фактически решил поругаться с ней хоть насмерть, хоть до открытой вражды? Одиночество, видимо, – увы, оно наваливается и здесь, одиночество, пустота на душе, понимание, что ведь по сути-то – нет у меня никого, никого близкого, с кем мог бы я откровенно говорить о себе... Особенно после предательства Мани. Да, можно пережить срок, выдержать всё это, все бесконечные шмоны, окружение наглых, бессмысленных уголовников – и выжить. Можно, да. Выжить, вернуться в родной город, – но главный итог скажется не в первый день, а чуть позже. Дело в том, что это будешь уже не ты, а другой человек. Тебя, прежнего, молодого и задорного, которому моря было по колено и здоровья хватало на целый день пешей ходьбы – сожрут без остатка эти лагеря, пересылки, шмоны, сечка, унижения, уголовники... Другой, другой, совсем иной человек вернется под твоим именем и фамилией – а где же будешь в это время прежний ты? Нигде, увы... :((Весь седой, с палкой, хромой, спина сломана, зубов нет (почти)... Впрочем, не в физическом смысле, а в духовном, – эти изменения еще Солженицын описывал в «Круге первом», на собственном опыте. Другой человек вернется – и ЧТО в нем останется от прежнего тебя?.. И эти ежедневные унижения, эту духовную смерть, когда не думаешь уже о неволе, о рабстве, о своей поломанной, искалеченной судьбе, повседневными эковскими заботами только и занята голова, – он тоже там описывал: как ухватить в обед с подноса горбушку, а не серединку; как в очередную баню получить не рваное и не маленькое белье... Сейчас – заботы другие, но сам смысл ситуации – тот же. Когда-нибудь всё это кончится, это всё не навечно; когда-нибудь же и Путин сдохнет (то-то будет праздник!..) – так пытался я внушать себе вчера, сидя в автозаке в Мосгор«суде» и тупо смотря в пол. Да, когда-то всё кончится, и можно будет очнуться, встряхнуться, посмотреть, насколько же это остался все-таки ты, а насколько – уже другой человек. Но в основном уже другой, конечно: никогда в прежней жизни не представил бы я, что можно испытывать такую эмоциональную зависимость от того, едем мы – или всё ещё стоим в этом проклятом Мосгоре; едем, или хотя бы

пересаживаемся в другую машину, т.е. скоро всё же поедем, – эмоциональный подъем, надежда, радость, почти счастье; стоим – тупое отчаяние, тоска, безнадега... Заставить человека так страстно переживать по столь ничтожным (со стороны глядя) поводам – это и значит духовно искалечить, сломать его, как всегда калечит и ломает тюрьма...

26.3.15., утро (до проверки)

Вчера катали и мариновали еще дольше, чем в первое заседание. В военном этом «суде» был я вообще один, больше никого! В начале четвертого меня забрали оттуда и – нет бы сразу в тюрьму! – отвезли в Мосгор«суд», где посадили в боксик (для тех, кто там судится), там я и проторчал не то до шести, не то до семи часов; потом еще в машине, конечно же, посидел, поехали далеко не сразу – всё ждали кого-то... Главная же интрига оказалась в том, что мразь «судья» Гринев, зачитывая свое «постановление» об отказе Сидоркиной во всех ее ходатайствах (кто бы сомневался!..), сказал, что следующее, уже открытое заседание – 30 марта в 11 утра. А когда мне в боксик принесли это постановление на бумаге – там написано, что 31-го! Стучу, зову конвойного «мусора», он говорит: за, «судья» ошибся, когда читал, реально заседание 31-го. И я не знаю, в курсе ли этого адвокат, а через нее – и все остальные! Она ведь ушла одновременно со мной из зала, дали ли ей потом эту бумажку с 31-м? Нервничал изрядно на эту тему, пока не приехали в тюрьму (ведь м.б., это и с умыслом сделано: все придут 30-го, проезды зря – и 31-го уже может прийти меньше народу). Хорошо, что опять прошмонали меня первым и сразу же отвели в камеру – успел я написать Лене Маглеванной электронное письмо, «мусор» его забрал, когда гасил на ночь свет; есть шанс, что уже сегодня Лена его получит и всем вовремя сообщит.

Когда меня привели со шмона – этот же «мусор» сказал моему демону-соседушке, чтобы завтра (т.е. сегодня) к девяти утра собирался на этап. Странно как-то – два дня всего, как «приговор» вступил в силу, еще ни «законки» он не получил, ни апелляционного решения, – уже поехал. Тем не менее, я очень рад, что этого хамского, тупого, агрессивного быдла больше, даст бог, никогда в жизни не увижу. Однако – тут таких 99%, в этой проклятой стране, и нет никаких оснований надеяться, что следующий, кого сюда сегодня посадят, будет лучше, тоньше, умнее, интеллигентнее, толерантнее и не будет, как все они, очарован и околдован всем «воровским»... Пока сижу один, пишу это; чай попить, слава богу, успел, пока еще соседушка собирался.

Да, Лену заявить в общественные защитники вчера опять не получилось – тот же мразь Гринев, на первом заседании сам спрашивавший, есть ли еще

какие-либо технические вопросы, вчера, когда Сидоркина начала зачитывать ходатайство о Лене, прервал ее и заявил, что, мол, это рассмотрим уже на заседании по существу. 99%, что он откажет. В тот раз с Санниковой – было просто чудо...

Кончается март – и я опять нервничаю, когда и куда меня переведут из «нулей» со всем бараклом... :(

27.3.15., день (до обеда)

Полный бред и кошмар, короче. Хуже еще не было... :(Целый день вчера кайфовал – сидел один. Вечером, уже после отбоя, привели эту нечисть – 25-летний азербайджанец из 206-й, тот самый, рядом с которым я спал там неделю в декабре, на соседней шконке. Обезьяна обезьяной, абсолютно бессмысленный говорящий кусок дерьма, как и все они, – но при этом порусски говорящий как раз плохо, я с трудом его понимаю. Смысла в нем нет совсем, а энергии – хоть отбавляй, девать ее некуда, прёт и бьёт ключом, – и вот эта обезьяна от скуки начинает колобродить тут по камере. С утра, после проверки, затеял тут «уборку», в ходе которой чуть не всю камеру перевернул вверх дном, переставил по-своему все миски и тарелки в столе, губки для посуды на умывальнике, часть моих продуктов в шкафчике, и т.д. и т.п. Вымыл пол, высыпав в ведро изрядно моего порошка и, разумеется, открыв окно (а на улице как раз похолодание). Молился вчера ночью, пока я пил перед сном чай – и мне, уже допив, пришлось, разумеется, ждать, когда эта обезьяна домолится и докланяется своему аллаху. Короче, если в ближайшем будущем его не уберут отсюда, я имею все шансы сойти с ума... В соседней камере – слышу – шмон, поэтому приходится побыстрее заканчивать.

28.3.15., день (после обеда)

Вот это оно и есть, настоящее страдание, – сидеть в одном помещении с такой вот обезьяной, бессмысленной черножопой мразью. Вспоминаю Буреполом... Вчера весь вечер эта мразь пыталась отбить и отломать здоровенную железную пластину, приваренную к батарее под самым потолком, дабы заделать пробитую в потолке дыру на второй этаж. Об этом же – совместном отбивании сверху и снизу – сговаривалась по-азербайджански со своим подельником, сидящим там, наверху, в 106-й. Вырвала из стены железную полку, приделанную над умывальником – это серьезное упущение местных «мусоров», что ее так легко оказалось вырвать, ибо тяжелой этой полкой можно пробивать не только стены, но и головы – и ею пыталась отбить приваренную железку. Слава богу, быстро убедилась, что это невозможно, бросила эту затею, полку воткнула на место. Зато когда я лег уже спать – этого выbledка неудержимо потянуло на «общуху» с

соседями, больше часа оно орало во весь голос, стоя у двери, на очень плохом русском с ужасным акцентом объясняя им уголовно-блатные премудрости, «понятия» (хотя само это слово не употреблялось), то, можно ли расписываться за дежурства, заворачивать матрас на проверку, и т.п. Всё, всё повторяется... Господи, за что же мне всё это?! Орало это черножопое чмо так громко, что абсолютно не помогали даже беруши; секунды тишины наступали лишь тогда, когда говорили соседние камеры – их я, к счастью, не слышал. Думал, не смогу вообще заснуть этой ночью, спал лишь короткими урывками, кое-как. Легла, наконец, спать эта мразь в камере – так начали колотить по батарее сверху, в 106-й, стараясь, видимо, отбить сварку между этажами со своей стороны. Но, похоже, вскоре также поняли бесперспективность этого, перестали. Потом эта мразь в шесть утра, после гимна, встала молиться. Не помню, тогда ли, или еще до отхода ко сну – но это 100% именно она сломала ночью слив в умывальнике: как они тут советуют друг другу, выдернула шланг слива и пыталась орать в него, звать кого-то сверху (безрезультатно, естественно). Видимо, выдернула шланг из-под самой раковины, а не из дыры в полу; когда я встал и мыл после завтрака руки – слив уже протекал, чего не было вчера вечером. Про сантехника уже несколько раз сказали «мусорам», но – без толку...

Вдобавок – обнаружил утром, что один из четырех батончиков финского сервелата, последний, с февраля еще лежавший в моей продуктовой сумке, таки испортился: обертка лопнула по всей длине, в щели появилась плесень. Нормального хлеба осталось только на сегодня, – если даже мать и заказала на этой неделе еще, то получу я только на следующей. На обед был фирменный ФСИН-овский «борщ» из гнилой свеклы и чуть-чуть мяса в... перловке, которую пришлось выбросить (т.е., я остался без обеда).

29.3.15., 1-й час дня (после обеда)

Черножопая гнида только что схватила из шкафчика и с поразительной наглостью вскрыла и стала жрать мой – как я думал – завтрашний завтрак: кондитерские рулетики с вареной сгущенкой, купленные матерью в последний «магазин». Ей, этой мрази, видишь ли, просто не с чем оказалось пить чай после обеда – и она ничтоже сумняшеся схватила моё, поскольку у себя там, в «больших хатах», привыкла, что можно хватать всё, что лежит в «общем» холодильнике. Такое со мной – чтобы просто, не спрашивая, хватали и жрали моё – по-моему, последний (и чуть ли не единственный за этот срок раз) было в «Медведкове» в декабре 2013 – да и то долговязая мордовская мразь при мне это делать не решалась, а только когда я уехал в «суд». Думаю теперь, как же быть, когда мать наконец закажет что-то еще (вчера магазин таки носили, уже ближе к вечеру, но мне хлеб, который я ее

просил заказать в «суде» 25-го, не принесли. Не заказала, или хлеба не было?.. Хлеб у меня кончился, сегодня придется ужинать тушенкой с лапшой.). Видимо, всё или почти всё придется убирать в сумку, потому что эта обезьяна, воспитанная в таком блажном коммунизме, первобытно убеждена, что всё, что лежит в шкафу, – это для нее. С завтраками, таким образом, можно будет попрощаться, – она будет сжирать их за чаем после обеда или после ужина. Самое же отвратительное – что 31-го, когда я опять уеду в «суд», эта мразь вполне может влезть и в мой продуктовый баул и разграбить его...

30.3.15., 2-й час дня (после обеда)

Вчера так и пронервничал весь день с этой черножопой бесхвостой макакой, не было даже времени подумать о будущем, о том, что жизнь кончена... Обезьяна не только сожрала все мои пять рулетиков, но и – съев всю свою сгущенку, очень агрессивно искала вечером в шкафчике мою (оставшиеся от кофе полпачки, которые видела там накануне). Не нашла... :))) Но – она и впрямь свято уверена, что всё моё, что лежит в шкафчике, ей можно брать, даже не спрашивая. Предыдущие, которые только КРАЛИ кофе и сгущенку, на фоне этой кажутся ангелами... Хлеб мне так и не принесли – и когда бесхвостая нечисть увидела, что я ем на ужин ТУШЕНКУ – ее, видимо, [запись оборвана]

6-й час вечера (после ужина)

Не дали дописать – эту черножопую тварь вдруг вернули с прогулки, едва ушла. Типа, лишили прогулки, что ли? – за то, что постоянно орет тут, переговаривается с соседями и вообще беснуется. Короче, увидев тушенку, это чмо начало жаловаться на меня соседям, с которыми постоянно говорит через дверь, – мол, от меня нет пользы, мне хорошо со своим баулом :)) , без «людей» (уголовников), без «общухи» :))) , и т.д. И – уже стало угрожать этак невнятно, не мне даже, а этим же соседям говоря, что, мол, мы тут долго вдвоем жить не сможем, ибо она – обезьяна верующая (читает намазы и коран, что не мешало ей на воле воровать), а я ни в каких богов не верю – об этом она меня несколько раз подробно выспрашивала. И в то же время мне она толкала такую версию, что, мол, у нее едет крыша – и этим, а конкретно опасностью для меня, она хочет обосновать требование, чтобы ее, эту обезьяну, «подняли» отсюда. Бред, конечно, и не поймешь, чего тут больше – хитрости или идиотской наивности. Впрочем, обезьяны – они хитрые. И вот – как настаёт часа четыре дня, вылежавшись, выдыхнувшись, эта тварь начинает колобродить и бесноваться – истошно что-то орать, колотить со всей силы в дверь кружками, мисками (всё жестяное), палкой для окна, и т.д. и т.п. Вопит – и мне спокойно говорит то же самое – что у нее «идет

крыша». Косит, конечно, я это вижу четко. Но – я вынужден всё это терпеть, все эти крики, стуки, истерики, сидеть в одной крохотной камере с бесноватой обезьяной. За что, за что мне это, господи?! :(((Как, впрочем, терпеть и постоянные, весь день, до глубокой ночи, то и дело открывания окна (хорошо еще, телевизора нет... :)) Все повторяется.), и регулярные замечания мне, что, мол, я «жадный» :))) , и предупреждения, что, мол, бог меня еще накажет (ну да, за то, что не хочу кормить эту мразь своей тушенкой и сгущенкой :)))).

Единственным событием, внесшим в эту обезьянью тоску хоть какое-то разнообразие, был шмон-погром сегодня сразу после утренней проверки, – точнее, сперва в 03, а потом у нас. Я остался в камере – смотреть. Вперлись эти мрази аж строем, чего до сих пор я в «нулях» не видел, бывало не больше двух. Пришел шмонать даже тот косоглазый азиат, что водит здесь обычно на прогулку. Устроили настоящий погром, вспороли мою подушку (и вытащили оттуда какую-то короткую веревку), полностью вытащили всё барахло из моего вещевого баула, в том числе – все письма и бумаги с обоих торцов, и, совсем уж охренев, – все письма из пакетов, в которых они были собраны, тоже вытащили и перебрали чуть не по одному, мрази! Своими руками я перестрелял бы всех этих ФСИН-овских выблядков в камуфляже, а еще лучше – живьем сжег бы их в печи... Но – пока на это нет сил, приходится терпеть... :(((

А завтра придется опять терпеть и наглый шмон в «суде», опять мне завтра туда ехать, опять сидеть до ночи по автозакам и боксикам... Мрази, проклятое это свинское государство, я бы и впрямь на него тучу ядерных бомб сбросил. За одну только эту свою исковерканную жизнь – никого бы здесь не пожалел!.. И – особенно отвратительно, что нет писем, вот сейчас носила цензорша, в 01 и 04 принесла, а мне – нет. :(((Обе Лены, Вера, Гена, Корб, Ольга Исаева – никто, никто не пишет, никому из них (ну, м.б., кроме Лены Маглевой) я не нужен на хрен...

АПРЕЛЬ 2015

1.4.15., 13-00

И вот – о-о, какое счастье!.. Черножопую обезьяну вот только что «заказали с вещами» – и тотчас же увели, «мусор» ждал ее прямо у открытой двери. За несколько минут до этого так же точно, в спешном порядке, увели кого-то и из 03-й сборки. Может быть, это в карцер. А может быть – это и начало давно уже, с декабря, ожидаемой мною раскидки «нулей». Поскольку обещанный мне через Каретникову срок – не раскидают до конца квартала – прошел. Сегодня уже 1-е апреля, второй квартал...

А вчерашняя поездка в «суд» была тяжелейшей, хуже, чем две предыдущих. Хотя к машине вывели уже только в девять утра, когда она пришла, на этом льготы закончились. Хотя нет, – в «суде» были другие «мусора», чем в тот раз, и они меня НЕ РАЗДЕВАЛИ!!! Снял я телогрейку, они велели вынуть, как обычно, всё из карманов и снять ботинки. И – всё!!! Прозвонили металлоискателем, и только. Просто поразительно – особенно на фоне прошлого раза.

Во всем «суде» опять был я один. Первым сюрпризом стала «коллегия из трех «судей»». Да, эти мрази решили «судить» меня втроем. Три ворона в черных мантиях, мать их!.. Особенно один был омерзителен, – здоровенный лось, судя по харе – какой-нибудь бывший спецназовец, ему бы кирпичи об башку ломать, а не людей «судить»...

А как они гнали процесс! Весь день, с перерывом на обед где-то на час двадцать, плюс три или четыре десятиминутных перерыва! «Обвинение» свое прокурор прочел за пять минут – и тут же они начали допрос явившихся свидетелей! С самого начала, как меня завели в большой зал, с кучей скамеек для публики, – все уже сидели там (а я-то высматривал их издали в коридоре, как в Бутырском «суде»!.. :) , и среди них – мразь Силивонец, медведковский опер с пятого тамошнего «корпуса». Думал, уж никогда эту поганую харю не увижу – а вот пришлось... :(((Ну, мать моя – конечно, тоже свидетель, ее, к счастью, и допросили первой. А почти перед началом заседания в зал влетел незнакомый мне человек – небольшого росточка, пожилой уже, с седоватой бородой, как и у меня; махнул мне приветственно рукой и уселся на первый ряд, где сидели мать и мразь Силивонец. Я его знать не знаю; мало ли – думаю – новых активистов пришло в тусовку, пока я сижу уже 28 месяцев...

И вдруг, когда уже пришли «судьи» и свидетелей начали, как всегда, выгонять из зала, называют фамилию «Вербицкий» – и этот человек встает и выходит! Елки зеленые, это ж Миша Вербицкий! Человек, не только все

последние годы, еще и в 2011-12, писавший обо мне в превосходных степенях, но и – по словам Агафонова в каком-то письме – публично в интернете извинявшийся за какие-то свои ругательные слова обо мне еще лет десять назад, в середине 2000-х. Наконец-то я хоть посмотрел на него живьем! Пока он говорил со свидетельской трибуны, я всё пытался докричаться до него полупшепотом сквозь прорезь в аквариуме – спросить, получил ли он мое письмо, еще февральское – но он не слышал. После своего выступления он остался в зале, но после большого перерыва его уже не было. Вообще, изначально было народу мало, а после перерыва осталось совсем мало, и то я знал не всех. Из ушедших знал еще Кавказского, а из оставшихся – Веру, Рудыка, Надира... и всё, хотя лица некоторых других были знакомы еще по прошлому процессу. А, еще был Бачинский с «Каспарова.ру» и досидел, по-моему, до конца.

Было тяжело, тошно и тоскливо. Было ясно, что жизнь прошла, что никакого просвета нет, впереди – одно сплошное, тотальное дерьмо – и было, в общем-то, всё равно уже, что со мной будет. Голова временами болела ужасно, иногда – почти проходила. Очень долго ехали из военного «суда» в Измайловский, потом – в Мосгор, очень долго торчали там в машинах, переходя из одной в другую. Когда меня прошмонали в тюрьме – не первым, как раньше, но всё же одним из первых – и сразу отвели в камеру, было уже без чего-то 12 ночи. Письма, сказала мне азербайджанская обезьяна, для меня были, но он ответил цензорше, что я на «суде» – и она ушла, не оставив мне писем. Магазин, успела сказать мать в «суде», она поедет делать только сегодня, 1-го.

Что ж, закончился целый очередной этап в жизни, озаменованный этой обезьяной. Даст бог, не увижу ее больше. С замиранием сердца жду сейчас, какую новую тварь закинут сюда сегодня, будет ли она лучше или хуже предыдущей. Следующий «суд» – 7-го, но Сидоркина еще выцарапала из них это 7-е – после того, как они уже было назначили 3-е, через два дня всего! Суки!! Торопятся... В понедельник, 6-го, так совпало, должны теперь прийти и мать на свиданку (с утра), и адвокат (после обеда), если не будет никаких накладок.

3.4.15., утро (после завтрака)

На сей раз загнали сюда животину совсем другого рода – казахскую. Совсем не блатную, о нет. Ужас совершенно другого рода. Абсолютно бессмысленная, тупая, жуткая никчемная нечисть, быдло быдлом; если только можно придумать ярчайшую иллюстрацию к этому слову, то – вот она. Сидит всего несколько дней по 158-й, восьмая ходка уже. Крал по магазинам типа «Ашан», к тому же, судя по его оговоркам – не один, а

группой. Когда-то и по барсеткам тоже «работал». Говорит, что избил менты при аресте, но вряд ли все странности можно объяснить одним этим. Здоровенный, тяжелый казах, на три года старше меня. По-русски говорит без акцента, но – когда начинает что-то бормотать, каждый раз приходится переспрашивать, настолько невнятно он бормочет. Весь какой-то заторможенный, замедленный; слезая с верхней шконки, несколько раз с разбегу пролетал тут по всей камере, а на утренней проверке вчера – пролетел так, что аж сорвал всю почти занавеску с туалета. Воду закрывает так, что почти каждый раз остается струя, не может нормально закрыть (а слезать с верхотуры и идти второй раз закрывать – нет, это ему тяжело, залезает туда тоже еле-еле). Свои миски, бутылку с заваренным чаем и пр. барахло каждый раз расставляет по всему столу – и так и оставит, нет бы как-то прибрать, навести порядок хоть элементарный. И т.д. и т.п. Полная противоположность той, азербайджанской обезьяне, – не орет ничего соседям, не ходит гулять, не интересуется порядком в камере, целыми днями лежит на шконке и читает мои библиотечные книжки (все сразу). Сука такая, читает по ночам, не ложится вовремя спать, заснет уж когда заснет, то под утро, то днем, – и мне пришлось отказаться от завешивания ночника на ночь, теперь он шпарит вовсю. Мог бы вчера завесить, пока эта тварь дрыхла, но уж не стал – меньше конфликтов с ней, меньше разговоров (тем паче, жалуется, что зрение плохое). Долго ныла и страдала, попав сюда, что нет телевизора (представляю по Медведкову-2013, как бы я спал, если бы он здесь был!). И – того, что эта тварь есть быдло быдлом, просто бессмысленный кусок биомассы, на мой взгляд, совершенно не отменяет то, что она любит побормотать что-то и о политике, слушая новости, обсудить услышанное (будь то иранская проблема или убийство Немцова), любит читать книжки и даже читала Виктора Суворова, и т.д. и т.п. Настолько – при всём этом – бессмысленных и тупых тварей, как этот нынешний казахский соседка по камере, мне редко доводилось видеть. Сидеть с ним вместе – мУка, не такая, как была с черножопой обезьяной, но – не намного легче, увы.

Быдло, быдло, быдло... Опять эта мразь – вставала на завтрак, сожрала кашу – не закрыла за собой кран и оставила бутылку из-под чая посреди стола... Все они рабы, потомственные, генетические рабы (как бы ни спорил с этим опять Миша Агафонов с его дурацкими примерами про квадраты и пр.) – что русские, что покоренные ими народы, все эти казахи, узбеки, таджики, азербайджанцы... Рабы, бессмысленные куски мяса, а в головах – пустота. Животные, по сути... Азиаты... рабы – вековые – сперва своих

феодалов, а потом сразу – русских. Поэтому-то украинцы создали УПА, воевали с москалями до середины 50-х, да и сейчас – устроили у себя революцию⁴ литовцы, латыши, эстонцы – все сопротивлялись, стреляли в чекистов тогда же, в 50-е, боролись в перестройку, и сейчас они – в НАТО. А у казахов – на днях по радио в новостях было – опять торжественно «избран» президентом Назарбаев, правящий – там же, в новостях, отметили – страной уже 25 лет. А чего бы и не править рабами 25 лет, раз они не сопротивляются? Правильно про этих азиатов писала Новодворская, что они свободы не достойны (не дословно привожу, но как-то так) и весь вопрос – кто именно будет ими владеть; лучше бы – англичане, но уж никак не Москва. И правильно она еще в 1993 году писала – мол, а Татарстану независимость на что, точнее, ЗА что, раз он за нее не борется?.. Рабы, рабы, кругом одни рабы – что русская мразь, что азиатская, нормальных практически (и даже совершенно) нет... :(((А у русских влияние Орды и Византии, вместе создавших их государственность, видно прямо невооруженным глазом. Их карательный аппарат, все эти менты, ОМОНЫ, спецназы и пр. – действуют с чисто ордынской жестокостью, это явная и очевидная «ордынская традиция», как писала та же Лера. Изуверская палочная, пыточная жестокость азиатов. А вот их дипломатия, например, их МИД, с иезуитской хитростью навязывающий украинцам «минские соглашения», вообще, опирающийся на любую туфту, самими же москалями и придуманную, лишь бы только хапнуть чужое, – это уже традиция византийская. Самим же, собственным междусобойчиком в Думе принять какой -нибудь безобразный, безумный, запредельно хамский закон – и потом постоянно ссылаться на него, как на некое высшее торжество справедливости, на нечто незыблемое, на одну из первооснов мироздания, как будто и впрямь «всё действительно разумно», а любой принятый этой мразью закон уже имеет право на существование и по нему и впрямь все теперь обязаны жить, – вот он, типичный ордынско-византийский стиль этой мрази!.. Свои законы и правила они навязывают мне без обсуждения, без вопросов, без возражений, в директивном порядке, а за отказ их соблюдать (а я ведь вовсе не обязан соблюдать то, что мне навязано грубой силой) – карают годами тюрьмы...

4.4.15., утро (до проверки)

Дикая тоска по утрам... Пустота, обреченность... Я еще хожу, говорю, дышу, ем, читаю, двигаюсь, мыслю... но всё это ни к чему. Всё это – никуда, потому что будущего нет, впереди – тупик. Есть только автозак с решетками, стеклянный «аквариум» в военном «суде», есть срок, который скоро уже мне намотают там, есть этап до Кирова, а оттуда – до Перми; есть

СУС и барак с толпой гнусных уголовников там и там; лучшее, что ждет меня в моем будущем – это голодная одиночная камера №3 в лагерном ШИЗО/ПКТ.

А больше нет ничего, увы. Нет будущего... Да, когда-нибудь всё это пройдет, кончится. Если, конечно, я доживу. Кончится тюрьма, лагерь, уголовники вокруг, кончится срок. И только. Но ничего хорошего всё равно не начнется. Покой и воля... Будет ли он, покой? Да и с волей в этой стране явная напряженка. Едва ли выпустят, а жить здесь – значит так и сидеть до конца дней. Ничего, увы, не ждет хорошего впереди, это ясно уже сейчас. Никаких радостных и приятных сюрпризов. Последним таким сюрпризом, видимо, была Маня, еще в 2011 г. Но после ее предательства – больше надежд ни на что хорошее не осталось. Всё бессмысленно, жить дальше незачем, незачем абсолютно. Но и умереть я, увы, не могу... Дикая тоска... Еще два дня – и опять ехать в «суд», кататься весь день...

вечер (после проверки)

Итак, эта казахская косоглазая чума пьет мой кофе из моей железной кружки. Из моей – потому, что своя у нее какая-то плохая, неотмываемо грязная внутри; ничтоже сумняшеся просто взяла мою. Кофе не ворует (пока!), просит – но просит уже второй день!.. Хорошо, что, кроме одной начатой пачки Nescafe Gold, есть еще много Nescafe classic, который накупила зимой мать и который заметно хуже на вкус. Животина косоглазая, с трудомдвигающаяся и плохо, неразборчиво говорящая, тем временем тоже мается, страдает от здешнего сидения, говорит, что крыша тоже едет. Правда, хоть не молится, как та азербайджанская обезьяна, и не орет ничего соседям, а читает тут библиотечные книжки. Однако – книжек ей мало, очень ноет, стонет и жалуется; то мечтает о телевизоре, то просит у «мусоров» шахматы... ;)

5.4.15., 10-й час утра (до проверки)

Проклятая страна!!! Проклятая, проклятая страна!!!... Каждое утро, просыпаясь тут, в тюрьме, я всем своим нутром ощущаю, до какой же невыносимой степени я ненавижу эту страну, искалечившую мою жизнь. Сжег бы ее ядерным огнем, ни на секунду не задумываясь!.. Но – увы, ничего не могу я им сделать, всем этим мразям, чекистам, мусорам, «судьям», прокурорам и всей прочей мрази. Приходится терпеть, сидеть, кататься автозаками, тратить годы жизни... Увы, никаких перспектив нет. Всё это еще надолго... Не знаю, доживу ли я до того дня, когда всё это закончится, когда сдохнет их Путин... Самое грустно – если даже и доживу, это уже буду не я. :(Старый, больной, сам у себя вызывающий отвращение, – такой я буду себе уже не нужен (да, собственно, не нужен уже и сейчас). А

лучшие годы, когда еще был молодой задор, когда еще я мог нравиться себе и строить какие-то планы на будущее – отобрала у меня тюрьма и Путин...

8.4.15., 8-й час утра (после завтрака)

Проклятая страна!!!... Был вчера весь день в «суде», приехал только пол-одиннадцатого вечера – и вот сегодня, сейчас надо ехать опять!.. Как Сидоркина ни пыталась, как ни ссылалась, что у нее сегодня другой «суд» – всё равно эта мразь в черной мантии ей – и мне! – назначила на сегодня. Выматывают эти поездки страшно... Вчера у них там прошли все оставшиеся свидетели, кроме Бородина (который в отпуске, вне Москвы), Сидякина (эта мразь в Казани, как сообщил его помощник Склянчук, тоже допрошенный как свидетель) и Герасимова, который, оказывается, уже с начала января – в Польше. Вот так вот, – все разъехались, вся наша прежняя тусовка; а в Москве – мучительно думал и перебирал вчера весь день – не осталось уж и вовсе никого; звонить, если и будет, допустим, в лагере телефон, мне, кроме матери, фактически некому...

И вот сегодня – ехать слушать последнего оставшегося свидетеля: сучонка-быдлячонка Гусева, сидевшего со мной той зимой, 2013-14, в камере «Медведкова». Он, оказывается, сейчас в псковском СИЗО, привезен туда из лагеря, и допрашивать его будут посредством телеконференции, – по скайпу, короче. Надеждам на то, что его привезут в Москву – и, пока будут везти, дело немного замедлится, – не суждено было сбыться.

Зато вчера возникла другая неожиданность – м.б., и приятная. Изучая в виде «вещественных доказательств» мой медведковский дневник, ублюдох прокурор что-то вдруг забеспокоился, полез что-то лично там читать (и – по рожке было видно – явно не ожидал, что там так мелко!.. :) – и вылез затем с ходатайством: провести почерковедческую экспертизу еще каких-то двух страниц из дневника. Как сказала мне потом Сидоркина, они вроде бы в своем «следствии» дали маху: не проэкспертировали эту страницу, а на нее ссылаются. Дотошно соблюдают все формальности, мрази – при том, что срок мой им уже, 100% уверен, спущен сверху, из ЧКГБ. Ходатайство, разумеется, удовлетворили, почерковедческую экспертизу назначили – и теперь вся надежда, что хоть какое-то время на нее потребуются – и на это время перестанут туда возить, хоть какой-то перерыв в их гнусном процессе. Да, забыл еще написать, что и все эксперты пришли вчера тоже – психолог, авторовед – даже оба, но второго решили не допрашивать – и даже почерковедша, которую, видимо, вызвал прокурор, заметив вот эту оплошность «следствия» с почерковедческой экспертизой.

Не ел, не пил вчера весь день, – аж конвойные «мусора» удивлялись в «суде», как это я весь день без воды. Приехал – слава богу, полный заказ

жратвы от матери уже лежал на шконке, ждал меня. Поганая косоглазая казахская тварь, кажись, ничего из него не сожрала – но так же, как и все прежние, ничтоже сумняшеся берет каждый день из моей упаковки, стоящей в шкафчике, кофе, – я это безошибочно вижу по тому, что застежку пакетика она, как и все прежние, тоже не закрывает, они, по-видимому, органически неспособны ее закрыть. Слава богу, что пачка маленькая и кофе – Nescafe classic, а не Gold. А Gold, кстати, мать, хоть я и просил, не купила.

Ненавижу, ненавижу всю эту проклятую страну!! Сжег бы ее ядерным огнем без всякой жалости!!!

9.4.15., 9-й час утра (после завтрака)

Какая там к черту передышка!.. Эти мрази гонят, как бешеные! Я обалдел вчера, когда после допроса быдлячонка Гусева «судья» объявил уже «представление доказательств защиты», а на пятницу, после заслушивания свидетелей защиты, – уже прения!.. Был просто шок, – и если бы Сидоркина не настояла, что явку свидетелей защиты ей еще надо обеспечить, да и со мной переговорить в СИЗО, – он бы, сука такая, назначил бы все это на сегодня. Привезли вчера поздно, – по дороге заезжали в Лефортовский «суд», потом в тюрьму «Лефортово»; доехали уже оттуда до Мосгора – и оттуда вдруг, не заезжая, рванули в Таганский «суд», забирать там целую толпу народу. В результате в камеру я вошел в 11 вечера. Да еще – пока не забыл – сцепился с ублюдками, конвойными «мусорами» во время шмона: они, видите ли, хотели, чтобы я одну руку, без палки, держал за спиной; я отказался и сунул ее в карман – в результате у них началась истерика, они надели мне сзади наручники, – правда, надо было меня шмонать, а для этого мне раздеваться, так что их быстро сняли. Один из них, самый злобный, всё орал на меня матом – видимо, надеялся оскорбить :))) – и я едва сдерживался, чтобы не ответить ему тем же. С каким удовольствием я сжег бы всех этих ублюдков, в форме и без формы, живьем в крематории!..

Мать не приехала вчера, – видимо, была без сил после целого дня «суда» накануне. Сучонок-быдлячонок проявил себя при допросе как абсолютное животное, кусок бессмысленной биомассы – и это ясно видели все собравшиеся зрители. Начиная с того, каким голосом и в какой манере он говорил (без мата, правда) – и кончая его заявлением, что, мол, таких людей, как я, он «не любит», потому что они, мол, пишут всякую чушь в интернете. :))) Главным его откровением, оцененным публикой, стало то, что, оказывается, когда в конце февраля или начале марта 2014 г. я был на «суде», он по просьбе мрази опера Силивонца брал из моей сумки мой красный блокнот (позже изъятый и сейчас фигурирующий на «суде» как

«вещественное доказательство») и носил его Силивонцу для прочтения. То-то я тогда, помню, заметил, что блокнот лежит не так, как я обычно его кладу!.. Ублюдки... Еще, по словам быдлячонка, мразь опер дал ему почитать и мое обвинение – откуда тот, собственно, и узнал, что я пишу «всякую чушь в интернете». Правда, про стратегию и тактику оппозиции это чмо из моих цитат ничего, как выяснилось, не запомнило, а только что-то про «чеченцев» и «взорвать»... :)))

Итак, сухой остаток. Сегодня Сидоркина обещала прийти – после всех своих «судов» – но едва ли она успеет, а если и успеет – едва ли мы успеем нормально поговорить. Какая-то женщина-эксперт подготовила ей «рецензию» на ФСБ-шную «автороведческую экспертизу» и должна с ней завтра выступать. Как свидетеля защиты, характеризующего меня как личность и публициста, она решила просить выступить Григорьянца, о существовании которого, как я понимаю, впервые узнала от меня, – причем, насколько я понял, вчера, когда она его заявляла на завтра как свидетеля, она с ним еще вообще не говорила ни разу. Хорошо, если он окажется в Москве и будет чувствовать себя нормально для поездки в «суд», – ну а если нет?! Ну и – вчера при ней было экспертное заключение врача из питерской медицинской академии о моем состоянии здоровья, – единственное имеющееся «доказательство защиты» – и я был весьма поражен, что ни прокурор, ни «судья» не возражали против его приобщения к делу. В общем же и целом – вся программа «доказательств защиты» выглядит не просто жалко, а совершенно ничтожно, – ради таких результатов можно было и не стараться, да и вообще адвокатов не нанимать, – зачем?. Всё равно от защиты ровно ничего не зависит. И – вопреки словам Сидоркиной, я уверен, что и прения в пятницу этот «суд» успеет устроить, хотя и назначил начало заседания на 14-00! Григорьянец, скорее всего, не придет. Надо переписать сегодня набело последнее слово – оно, увы, получилось не очень удачным, хуже, чем в тот раз. Не исключено, что завтра будет уже и приговор, в крайнем случае – в понедельник, 13-го. Меньше, чем на пять лет, я не рассчитываю. В сумме будет еще девять до конца...

11.4.15., утро (до проверки)

О-о, какая вчера была битва в этом проклятом «суде»!.. Сперва выступил в качестве свидетеля защиты Григорьянец. Нес какую-то пургу о том, что я на самом деле настоящий русский патриот, защитник конституции России (в смысле – прописанной там свободы слова), но в то же время – что я, типа, призываю всё делать как наше государство (т.е. в смысле его беззакония), но только с обратным знаком; а также – правду почти что – что у меня были считанные единицы читателей – и он их всех знает лично (и террористом

никто из них, начитавшись меня, не стал). Выдумал, что мы с ним знакомы аж 30 (!) лет – ну да, с моих 11-ти, ага! :) И что последние 20 (!) лет мы с ним не общаемся из-за того, что я все время сижу. Преувеличения, конечно, глобальные; на самом деле, я его знаю 15 лет, но никак не 30. Прокурор тут же стал его спрашивать, не слышал ли он от меня за эти 30 лет призывов к совершению терактов или их оправдания, на что Сергей Иванович ответить поначалу затруднился. «Судья» тоже стал его спрашивать что-то, а когда тот хотел, как обычно, рассказать что-то из своего жизненного опыта, – не давая ему отклоняться от узкой темы моих «призывов» и «оправдания». В общем, несмотря на всё уважение к Григорьянцу, ветерану диссидентского движения еще СССР, зрелище было довольно жалкое.

Затем мразота-прокурор приобщил к делу и зачитал свеженькие, апрельские уже, характеристику на меня из СИЗО-5 (негативную, разумеется, с упоминанием выговоров и выписанных пяти суток карцера, но без упоминания, ЗА ЧТО именно всё это выписано) и медицинскую справку оттуда (-сюда) же – о том, что в настоящее время состояние моего здоровья удовлетворительное, в санчасть я тут не обращался, заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, у меня нет. Ну да, скорый и ожидаемый ответ на то экспертное заключение о моем здоровье, что адвокат принесла и они приобщили к делу всего-то за два дня до того, 8-го числа. Быстро работают, ничего не скажешь!.. :))

Еще зачем-то зачитал прокурор из дела справки о том, кто и по каким числам делал мне на «Медведкове» передачи, кто и когда приходил ко мне (мать, Бородин и Санникова). Потом они хотели допросить меня, но у них не получилось – я отказался. :) На этом свое так называемое «судебное следствие» они объявили законченным – и тут-то началось самое интересное.

В принципе, еще 8-го эта мразь «судья» говорил, что, мол, на следующий раз уже готовьтесь к прениям. Сидоркина накануне вечером, 9-го, заходила-таки ко мне в тюрьму – и говорила, что ночью будет к ним готовиться. Но тут оказалось, что ночью ей стало плохо – и подготовиться она не смогла. Она ходатайствует об отсрочке до 15-го апреля для подготовки – мразь «судья» в ответ дает ей один час (!) на подготовку прямо здесь и сейчас, в «суде», причем наедине со мной, для согласования позиций, – но конвойные «мусора» и не думают ни запустить ее ко мне в «аквариум», ни – тем более – спустить нас вдвоем в ту камеру, где меня держат до и в перерывах «суда». Единственное, что она может – это подвинуть стул, сесть и общаться со мной через прорезь в «аквариуме», как обычно. Я сижу довольно долго, а два этих ублюдка – конвойные «мусора» – изнывают меня

охранять и все время спрашивают Сидоркину, не нужен ли я ей – тогда, мол, они меня уведут (а мое мнение на сей счет их вообще не интересует). В конце концов, когда она написала еще одно ходатайство о переносе прений на 15-е, дала мне его прочесть, – она соглашается, меня уводят, но буквально через пять-десять минут уже ведут обратно, – отпущенный час прошел.

Я поддерживаю это ее ходатайство, как она и просила (и как ни противно мне хоть что-то говорить в рамках этого судилища, которое я не признаю в принципе). Но мразь «судья» издевается: он опять постановляет «удовлетворить частично» и дает ей на подготовку еще два часа! А времени уже пять вечера, – т.е., до семи. Мы с ней обсуждаем, решится ли эта мразь создать прецедент абсолютного – даже на нынешнем фоне – беззакония, то бишь заслушать сейчас прокурора – и вынести приговор, вообще проигнорировав выступление или невыступление защиты в прениях. Решаемся поставить этот смелый эксперимент – всё равно ведь на приговор никакие прения не повлияют, – и меня уводят на сей раз быстрее, чем в прошлый.

Лежал там в камере, не спал, размышлял о том, как всё это вышло, почему так сложилась жизнь, и что теперь со мной будет, и как выжить в лагере, в проклятом этом СУСе, ведь уже скоро, скоро туда!.. и как там быть со стиркой вещей, там это для меня самая большая проблема... И не заметил, как прошли час сорок, повели меня опять наверх. И – услышав новое, более расширенное, с бОльшим набором обоснований, причин, а также с упоминанием о давлении «суда» на защиту в виде неадачи времени на подготовку, на нарушение тем самым права на защиту, – мразь Гринев, этот проклятый «судья», сдался-таки! :) и назначил прения не на 15-е даже, как мы просили, а на 17-е – через неделю, в следующую пятницу. Целая неделя отдыха теперь!.. :)

И – какая-то мистика чисел: получится, что опять, как и ровно за год до того, буду я 17-го апреля произносить последнее слово!.. Жаль, что так получилось с Верой и Леной; надеюсь, они все же придут (попросить придется через кого-то). тем паче, что в тот же день, как подтвердила Сидоркина, видимо, под вечер будет уже и приговор...

Вернулся в камеру опять в 11 ночи. Целый день – т.е., сутки, с прошлого вечера – не ел инчего и не пил. Каким блаженством был сладкий чай с конфетами после всех этих мытарств!..

А тут, в камере, так и сидит до сих пор эта казахская тупая нечисть; позавчера ее возили на психэкспертизу – и одновременно закрывать дело. Т.е., скоро осудится и уедет; интересно, досидит ли до тех пор со мной – и досижу ли я сам в этой камере, не выселят ли все-таки всех из «нулей», ибо

ремонт подбирается к нам все ближе...

Как заехала сюда эта косоглазая нечисть – я ни разу, увы, не завешивал пакетом ночник, чтобы было потемнее, как делал неукоснительно почти два месяца до того: она, эта нечисть, видите ли, читает по ночам, не спится ей, и при этом жалуется на зрение, так что ясно, что если завесить, то она начнет, то она начнет вопить и скандалить. Тот-то, «ангарский», недочеловек читал и при завешенной лампе... Вообще, глядя здесь на всех этих азиатов – узбеков, таджиков, казахов и пр. – ясно понимаешь: они пригодны быть лишь рабами, прислугой и пр. – и то еще придется пороть каждый день, чтобы не воровали, не ленились, не мошенничали и т.д. К нормальной, свободной жизни, со всеми гражданскими и политическими правами и с полной ответственностью за себя и за все свои действия – этот сброд непригоден абсолютно. Дать им права – значит запланировать себе диктатуру даже не путинского, а каримовско-назарбаевского образца после первых же выборов. Глядя на эту тупую, бессмысленную азиатскую биомассу (только не думайте, что русская лучше!), поневоле представляешь себе, каким преступным и безумным бредом в свое время многим добропорядочным американцам должно было казаться освобождение негров-рабов, – ведь те в массе своей были точно такими же тупыми, наглыми, грубыми, бессмысленными, примитивными и дикими, как и эти вот азиаты, теперь я понимаю это совершенно отчетливо. Да, права была Новодворская: права и свободы даваться должны лишь достойным, заслужившим, завоевавшим их в битвах, – а никак не на халяву, иначе понизится общий уровень человечества...

12.4.15., вечер (до ужина)

Томительная, невыносимая тоска, что утром, что вечером. Неопишуемые тучи комаров в камере. Уже настоящая весна, окно весь день открыто – и не холодно. Это лучшее время в году – середина апреля, вторая его половина. Вот уже третий раз – только за этот срок – я провожу ее в тюрьме... Тоска невыносимая, ясное осознание того, что всё бессмысленно, что жизнь прошла... Идет недельная передышка, данная мне «судом» перед прениями – и приговором, по всей видимости, уже в следующую пятницу, 17-го. Что будет, когда они неизбежно добавят мне еще несколько лет сроку? Как это пережить? Как дожить до конца всех мытарств? Да и надо ли доживать? Нет, не надо, ибо и после срока ничего хорошего не будет. Надо поскорее умереть, но я никак не могу решиться. :(Эти глупейшие мысли – что я теперь хоть что-то значу в этой стране, поскольку уже нет Новодворской и ее ноша теперь на моих плечах, – всё это абсолютно идиотские фантазии, бред. Для миллионов быдла, населяющих эту страну, ничего не значила и

она, особенно – при Путине. А для мизерной горсточки интеллигенции, оппозиции и пр., кто обо мне хотя бы слышал, – ну да, Лерочку они любили, умилялись над ней, хоть и не воспринимали никогда всерьез (лучший пример – тон, каким всегда говорит об этой любви Санникова), а меня они открыто ненавидят. Да, ученики, переросшие своих учителей, ни у кого никаких теплых чувств не вызывают, не говоря уж о самих учителях...

Западу следовало бы предпринять все доступные ему меры, дабы и в самом деле отобрать у взбесившейся свиньи России всё её ядерное оружие, вырвать когти и клыки у этого медведя-людоеда. Следовало бы затем провести бомбардировки, как в Сербии, дабы вынудить Путина вернуть Крым, убрать свои банды из Восточной Украины и затем уйти в отставку самому. Хотя бы в отставку – если уж они не могут добраться до него, как до Саддама и Каддафи, ни отправить в Гаагу, как Милошевича. Ходорковский в этом уже году (?) в интервью «The New Times» говорил, что до сих пор Запад всего лишь на 2%, не больше, использовал в ходе экономических санкций против Руси свои возможности. Как заставить этих тупых, инертных, трусливых сытых тварей, особенно в Берлине и Париже, включить остальные 98%?! Неизвестно... :(((Вот если бы Путин и его режим вдруг пали бы и им на смену пришел кто-то хоть на словах «либеральный», – Берлин и Париж тотчас признали бы и поддержали!.. Но пока у власти Путин и мы, знакомые и не знакомые, по тюрьмам, – эти трусливые суки будут поддерживать его ради своей пресловутой «стабильности», будут произносить мантры о том, что, мол, не стоит усиливать и продлевать изоляцию России... Мрази, это вы виноваты, что я в тюрьме!.. Русские свиньи пышно празднуют сейчас 70-летие своего захвата Берлина и капитуляции Германии; жаль, что французская тема тут за 200 лет уже изрядно подзабыта, – потому что не надо думать, что сейчас, в 2015-м, москали не мечтают снова въехать на танках и в Берлин, и в Париж, что они откажутся, если им представится такая возможность. Ей-богу, изнасилование русскими свиньями еще двух миллионов немок сегодня стоило бы начать с Ангелы Меркель, – это будет ей русский ответ на «нормандский формат» и на самую готовность встречаться с упырем после захвата им Крыма! Да и французов, видимо, стоило бы подвергнуть участи поляков, украинцев, чеченцев, дабы на своей шкуре прочувствовали тоже этот «нормандский формат». Трусливые мрази!.. Ненавижу!..

Русско-свинская пропаганда тем временем и на внутреннем фронте делает успехи. Теперь во всех СМИ, когда рубль повышается по отношению к доллару, стандартно говорят о «падении доллара» на столько-то копеек или рублей. Психологическая компенсация, так сказать. И очень забавно

было, когда прокурор читал позавчера в «суде» заголовки и первые строчки всего, что на момент распечатывания было на моем блоге. В строке «Россия как стареющая шлюха» он слово «шлюха» пропустил, сказал просто: «Россия как стареющая» [не дописано].

14.4.15., день (после обеда)

С утра сегодня была свиданка с матерью. Никаких особых новостей она не принесла, кроме того, что эта богатая иностранная знакомая Веры, оказывается, накупила где-то в Европе и уже и передала матери кучу вещей для меня, о которых я совсем не просил, – каких-то рубашек, курток, брюки, жилетку и даже пару итальянских мокасин!.. (Мокасины, пожалуй, там самое ценное, но неизвестно, дотяну ли я до воли, чтобы их там носить.)

Вчера, в понедельник, не было ни одного письма; будут ли сегодня – тоже не факт. Кроме Маглеванной и этого Землинского, виденного на последнем «суде», никто уже особо и не пишет. Ну, Майсурян еще, и то достаточно редко. Никому не нужен!..

Тоска страшная, невыносимая. Этот новый «суд» и грядущий на днях уже новый приговор буквально подкосили меня. Конечно, и это не п/ж, всё кончается когда-нибудь, но... Как это пережить? Как выжить все эти годы в окружении одного сплошного, тотального дерьма?.. Да еще и без еды... Жизнь кончена, ничего уже не будет удаваться, сплошной тупик, все двери закрыты... Как это вышло, что жизнь уже прошла – а я ничего не успел? И как жить дальше, и надо ли это вообще – жить? И как умереть, если не хватает мужества?..

17.4.15., день (после обеда)

Бред какой-то... Не повезли меня сегодня в «суд», хоть и были назначены прения. Ждал-ждал с утра, – ничего... На проверке сказали, что машина (везти в Мосгор«суд»? По крайней мере, я так понял) еще не приходила, – 11 было почти; но вот, кажись, пришла – мы вот сейчас, сразу после проверки, тебя и заберем. Жду – опять не забрали. В обед «мусор» спросил: что, мол, так и не повезли? Я в ответ спросил его, как там и что – он говорит: я, мол, звонил (куда?), там ответили, что теперь уже вряд ли. И вот – уже полдня прошло, я в камере. Сюрприз-то приятный, что и говорить; только вот – как мне теперь узнать, на какой день назначены прения? Впрочем, сегодня пятница – и почти нет сомнений в том, что их назначат теперь на понедельник, 20-е апреля.

19.4.15., утро (после завтрака)

Опять тюремное утро... Опять эта дикая, невыносимая, невыразимая тоска – по своей нелепой, несложившейся жизни, по дурацкой этой, безрадостной судьбе, predetermined заранее, раз и навсегда, до самого

конца... Ничего нельзя поделывать, никак изменить эту судьбу... Догадаться заранее было нетрудно (всё же ведь predetermined): «суд» и впрямь назначили на понедельник, 20-е, на завтра, то бишь, – об этом мне сказал «мусор» еще вчера, раздавая завтрак. Тупорылое казахское чмо-сокамерничек тоже едет – в мировой «суд», по 158 ч.1, в особом порядке, – украл, как я вычитал из его обвинения, в магазине пять батончиков копченой колбасы для перепродажи. Приедет уже со сроком. И еще один, молодой парень из 01-й сборки, по 162-й, тоже едет на первое заседание. Три человека из восьми, населяющих «нули». А жаль, и весьма: собираться в «суд», когда соседка спит, гораздо легче, чем когда он тоже собирается...

Я, м.б., с этим казахом глупею чуть меньше, чем с теми, предыдущими, когда приходится разговаривать с ним. Он, возможно, чуть более начитан, – но всё равно, как и все они, даже с 18-ю уже отсиженными годами, очарован всем «воровским», свято блюдет кастовую систему, презирает «пидорасов» и злобно ругается ими (на комаров!! :) , с придыханием произносит «мужики», и т.д. Типичное тупое уголовное быдло, продукт этой самой кастовой системы, мразь, гордо рассказывающая мне о былой романтике 90-х – как она успешно обворовывала чужие квартиры в родном Казахстане...

В одном только эта чума оказалась права. Послушав мои рассказы о том, что приехал я за добавкой к сроку, за что вообще сижу и т.п. – она была поражена, как жестоко со мной обошлись, и высказала мне это. В такой формулировке, м.б., мне самому это раньше не приходило в голову. Да, обошлось со мной это государство жестоко, люто, безжалостно. Хотя, с другой стороны, это и честь, конечно. Но абсолютно ясно, что без указаний сверху такие сроки мне даваться не могли бы, не районные «судьи» это решали. Первый процесс, в 2006, был на фоне недавнего тогда процесса лимоновцев-«декабристов», ныне уже забытого. Самый большой срок там был, по-моему, парню, дополнительно обвиненному в нападении на конвой в «суде» – плюс еще год, в сумме 4,5, кажется. Групповое, громкое (даже супергромкое) дело, лимоновцы – главные, решительные, организованные враги режима... От 2,5 до 3,5, одному только – 4,5. Мне – одиночке, за мизерный по масштабам самиздат – сразу 5!.. Сейчас тоже – организаторам (!) якобы «массовых беспорядков» на Болотной, Удальцову и Развозжаеву, по 4,5. Мне – только за слова в интернете – 6,5!!! Не могло это быть без приказа сверху, без принятого где-то там решения – сломать, замучить, максимально нагрузить сроками, чтобы не вышел вообще живым... Сейчас вот – завтра, послезавтра – еще один срок, не маленький, сразу ясно, если и не все пять лет, то уж никак не меньше 3,5, до 2022 года,

если уж не до самого 2024-го.

Что ж, деваться некуда, даже самый простой выход – умереть самому, вопреки их срокам – для меня закрыт почему-то, не хватает решимости. Но – пусть никто и не удивляется, что я считаю это государство абсолютно преступным, не имеющим вообще права на существование и подлежащим тотальному уничтожению. У меня есть для такого вывода серьезнейшие основания, и дай бог, чтобы до конца жизни мне представилась хоть какая-то, хоть малейшая возможность лично повлиять на судьбу этого государства, – уж я его тоже не пожалею, можете не сомневаться!..

22.4.15., утро (после завтрака)

Ну что ж, съездил позавчера в этот мразотный «суд» в последний раз, слава богу. Вынесли-таки мне «приговор»: добавили полгода к прошлогоднему приговору (сегодня как раз ему ровно год), было 6,5, стало семь лет ровно. Прокурор запросил четыре года, из которых к 6,5 добавить год; «судья» дал три, из них добавил шесть месяцев. Гораздо меньше, чем я рассчитывал, – что ж, и то хорошо. Я еще, когда прокурор объявил свой срок, сперва понял так, что он просит 3,5 из нового срока добавить к четырем оставшимся, т.е., с учетом отсиденного выходит как раз десять лет – как я тоже все время ждал. Что ж, почаше бы так ошибаться!..

Последнее слово тоже пришлось отстаивать с боем. Как я и боялся, предоставили мне слово – без микрофона, квакая, мол, погромче из этого аквариума, ничего, услышат. А микрофоны, мол – в маленьком зале – настроены так, что работают только если идет видеозапись процесса, иначе они не работают. А в большом зале, где они работают и так – идет другой процесс, с присяжными. Скандал: я хочу произнести последнее слово, но только с усилением, а они говорят, что микрофоны не работают; вывести же меня из аквариума запрещает мусорской конвой. После того, как я несколько раз в резкой форме потребовал от этой мрази «судьи» прекратить издевательство и дать мне возможность говорить так, чтобы было слышно, – он заявил, что дает моему адвокату (!) десять (!! минут, чтобы та уладила вопрос со звукоусилением, причем как именно она сможет это сделать, не имея никакой власти над «мусорами», приставами и пр. – не сказал. Пока сидели, ходили, препирались, пока она писала ходатайство о том, чтобы включить видеозапись, – секретарь «суда» принес распоряжение ментам перевести меня в другой зал. Я-то думал, там микрофоны работают, а оказалось – там в аквариуме не одно, а множество отверстий, больших, в несколько рядов, плюс сам зал маленький, слышно должно быть хорошо. Скамеек тоже, правда, мало, так что весь народ разместился с трудом. Но произнес я всё, что хотел, записали меня на диктофоны беспрепятственно,

а пока ждали после этого (больше часа) зачитания «приговора» – как мне потом сказала адвокат, корреспондент «Граней» успела мое последнее слово расшифровать и повесить в Сеть.

184 дня добавили мне, суки. Не очень много, можно пережить. Хотя – и их я всё равно сжёл бы живьём, перестрелял бы своими руками – всех, кто раскручивал это дело, вёл следствие, конвоировал меня и «судил»... Смерть России!!!

день (после обеда)

Казахскую чуму только что заказали с вещами и увели. Добился все-таки, дописался, – вчера только его дергали к операм по поводу его заявлений, написанных еще в первые дни после заезда сюда: всё рвался переехать отсюда, всё писал... Теперь вот сиди, жди, какую опять очередную чуму, очарованную «воровским» и пр., сюда посадят... Будь всё проклято... Хотя, к счастью, теперь, после добавления всего полугода к сроку, жизнь уже не кажется мне такой абсолютно беспросветной, как до этого (но всё равно она кончена, разумеется, безвозвратно кончена, ибо перспектив на воле у меня и в ноябре 2019 нет никаких, как не было в мае). Сиди, жди, знакомься, приноравливайся, и опять будет орать соседям, не давать спать, налаживать «дороги», ломать железяку на потолке, сходить тут с ума и не давать жизни мне... Хорошо, что хоть книг библиотекаря нанесли в последние дни целую кипу. Магазин тоже что-то не несут, хотя мать вчера приезжала, заказывала – и хотела ВСЕ мои вещи забрать, – робу, казенный свитер, ремень и пр.; хорошо, что каптерщик-зэк пришел ко мне, спросил – и я запретил ей всё это отдавать.

Тоска, всё равно тоска. Смешно: опять для отсчета дней до конца у меня цифра 1783 дня (год захвата Крыма и Грузии) – именно столько мне оставалось 30 июня 2014. А теперь – столько, выходит, было 31 декабря 2014. Вот они, лишние полгода... :(((Тоска...

24.4.15., утро (после завтрака)

Посадили ко мне очередного бандита, увы. Какая-то банда, убили кого-то из своих, проходят по статье «похищение человека», по 162, и т.п. Этот – 1978 г., сидит больше полжизни. Поразил меня тем, что отец его, оказывается, РНЕ-шник, да еще откуда-то из верхушки, и сам он, в возрасте 15 лет участвовал в защите БД в 1993 г., а отец его был с Баркашовым внутри БД. Весь такой роскошный, с дорогущими дезодорантами и пр. парфюмерией, с кучей надушенных платков, салфеток и т.д. Рассказывал, как сидел на «Матроске» с айфоном и пр. Недавно женился, в тюрьме уже. Имеет срок три года по 158-й, уже второй или третий раз приезжает сюда из лагеря, из Курска – теперь вот судиться за похищение, убийство и т.д. Целый

здоровенный пакет сигарет и большой мешок кофе, – слава богу, хоть кофе мой не надо ему красть. Батон колбасы еще и здоровенный круг сыра, – сыр пока не вскрыт, а от колбасы за вчерашний день почти ничего не осталось. Бланду, видите ли, его величество не едят или стараются не есть, ждут, когда ему тут магазин закажут. Но пока – колбасу он жрет с моим кетчупом и майонезом, от которых тут же мало что остается, – не так давно начатая пачка кетчупа у него тут же кончилась, сейчас уже и в следующей мало что осталось (вот для кого их так много зимой купила мать! :) , майонез тоже улетает со свистом. Но – колбасу с мои м кетчупом и майонезом это чмо полдня жрало без хлеба, а тут увидело, что я ужинаю колбасой с сандвичным хлебом. Улеглось оно раньше меня – то вроде спало, то среди ночи читало книжку (ночник я так и не занавешиваю, разбирает всех этих мразей читать по ночам). Сплю я плохо, всё время просыпаюсь, и в одно из пробуждений – смотрю, оно шуршит там чем-то у стола. Присмотрелся – а эта мразь, оказывается, достала мой сегодня как раз начатый пакет с хлебом, открыла – и достает оттуда кусок!.. Кетчуп и майонез, разумеется, тоже тут, как же без них. Но – их хоть прилично еще имеется, слава богу; а вот если чмо начнет жрать мой хлеб, которого много не бывает, всегда считанные кусочки на считанное количество ужинов, то это будет настоящая беда... А если ему и закажут что-нибудь, то всё это будет некуда класть – своим кругом сыра и здоровой банкой кофе он уже занял в местном крохотном шкафчике почти всю нижнюю полку. Сожрет свою колбасу (осталось чуть-чуть) – видимо, начнет жрать мою, для ужинов.

Полдня оно вчера дрыхло – а потом я чуть не умер от многочасовых разговоров с ним, привязалось то со своими рассказами про Матроску и пр., то с вопросами. Сегодня, боюсь, будет так же. А вообще – страшно нервничаю, конечно, насчет грядущего переезда. Позавчера, пока после ухода казаха с вещами сидел до ночи один, пришли вдруг, совершенно неожиданно, Каретникова и Сорокин, и Каретникова сразу сказала мне, что, по информации от начальства тюрьмы, переезжать заставят уже на следующей неделе (сегодня пятница). Вроде она говорила обо мне с начальником, вроде он ее заверил, что в большую камеру я не попаду, – но всё равно нервы у меня на этой почве расходились совсем. Надо работать, писать что-то, пока еще есть тут такая возможность, но – никак не могу взяться, сосредоточиться, постоянно всплывает из глубин души этот ужас перед будущими бытовыми проблемами. Да еще этот уродец, новый сокамерничек, «обрадовал» вчера, – говорит, что, по его наблюдениям, привезенные из лагеря и заново осужденные теперь отправляются не в свой прежний лагерь, а в какой-то другой, в другую область...

Боже, боже, как же я ненавижу эту проклятую страну!!! С каким бы наслаждением я сжег ее всю, дотла, со всем этим двуногим генетическим мусором, ее населяющим!..

25.4.15., 9-й час утра

Этого демона только что забрали с вещами, – сказали ему, что «на другой изолятор». На Матроску опять, скорее всего, или на тамошний корпус 99/1, как он сам думает. Вроде ночью, хоть и не спал, но хлеб мой он не сжирал больше (сейчас проверю). Что ж, ждем следующего...

Нет, похоже, эта мразь таки сожрала еще кусок сандвичного хлеба – этой ночью, а м.б., еще и прошлой. Вместо шести кусков, которые мне были бы как раз на два ужина, там только пять... :(((

11-й час вечера (после отбоя)

Так и не посадили пока никого, целый день сижу тут один. Какой кайф!.. Не дай бог, сейчас вот вдруг приведут... Без уголовных мразей рядом – это уже счастье, даже несмотря на то, что ты в тюрьме. Радио выключили, а свет так и не идут гасить. Кончилась суббота – а на следующей неделе, скорее всего, придется куда-то переезжать из «нулей»...

26.4.15., 7-й час вечера (после ужина)

После обеда, еще и двух не было – «заказали» всех с вещами, сказали – тут будет ремонт. Вот оно – то, чего я так долго ждал... В ответ я сказал «заказавшей» меня тетке, чтобы позвала своё начальство – я, мол, должен знать, куда переводят, раз она не знает. Я слышал потом, как в коридоре начальник смены называл мою фамилию и 02. Что ж, вскоре он увел всех из 01 и 03, а 04 еще со вчерашнего дня стояла пустая, а за мной – не идет и не идут. Ужин приехал без чего-то шесть, приходит с ним та же тетка, спрашиваю ее – говорит: вот будет проверка, у них всё и узнаете, куда вас поведут, или, м.б., вообще не поведут. Что ж, хорошо бы, чтоб оставили меня тут одного (второго так и не посадили ко мне), но это вряд ли...

И вот, быстро собрав барахло в сумки, все эти часы, до ужина, то ходил я туда-сюда, то сидел на шконке, отбиваясь от комаров, и рефлексировал, как всегда в таких вот переломных ситуациях. Всё вспоминал Буреполом – как после перевода в сентябре 2010 с 11-го барака на 8-й весь вечер сидел на дворе 8-го и тоже размышлял о жизни своей. Было мне тогда и тяжелее, чем сейчас, и легче. Страшно было попадать на 8-й барак, к тамошним мразям, и это вполне оправдалось, – но не было тогда у меня этого чувства, что жизнь кончена, что и на воле ничего хорошего меня уже не ждет. Всё спрашиваю себя, всё пытаюсь понять, как же это так вышло, что вот жил, боролся, искал единомышленников, коллег, любимых – и вот не нужен

никому, никого не можешь искренне назвать близким человеком (ну, кроме, м.б., одного человека, но он за границей, в Финляндии), и есть острая потребность исповедаться, рассказать о вот этой своей тоске, об этих бесплодных поисках, – и некому...

* * *

Ну вот, прошла проверка. И впрямь, оставили меня пока в 02-й. Какое счастье! :) Сказали, что, мол, завтра мою судьбу будет решать начальник, а то пока не знают, куда меня деть. И – прав оказался не помню кто (кто-то из эков), говоривший, что тут, видимо, ломают внутренние стены. Точно: начальник смены сейчас сказал, что хотят из четырех маленьких камер сделать две большие, то есть сломать внутренние стены между 01-02 и 03-04. И – оказалось с его слов, что «заказали» меня, только чтобы перевести из 02 в 03; но – тут же, на месте, посоветовавшись, решили они, что ни к чему меня туда переводить – все равно завтра, скорее всего, съезжать из «нулей». Так что – ночью я по-прежнему в 02, сижу тут минимум до завтрашней утренней проверки. Ловлю комаров, которых тут дикое количество.

Но, в общем-то, давно мне ясно, что от вот именно такого, как сегодня, самокопания и самоедства, от приступов этой жуткой душевной боли, в предвидении ли ужасов тюрьмы или абсолютной пустоты на воле – от этого, видимо, и седой я весь, уже не один год, в возрасте еще не так чтобы старом, в 40-то лет... Почему это всё так вышло, всё-таки? Почему я оказался в этой жизни настолько никому не нужен? Перебираешь друзей и знакомых – и понимаешь, что не нужен ты им, или, по крайней мере, не можешь на них вполне положиться... Куча фамилий в памяти – но я не хочу их тут приводить. Еще с чеченской войны, и нынешние, кого считал я дорогими друзьями, и даже – кто любил меня (но таких всего-то – одно имя, ничего теперь уже не значащее, ушедшее, ставшее горьким, суровым прошлым...). Никого нет у меня в результате прожитой жизни, никаких достижений, никаких результатов, ни уважения от коллег, ни наград, ни чести; одна лишь вот эта маленькая книжечка писем, изданная не по моей инициативе и не мной составленная... Тошно, и не хочется жить дальше, но – ничего поделать я не могу, даже прервать свою жизнь. Лишь жить дальше – в этой пустоте, в вакууме, без всякой надежды на что-то хорошее, на то, что есть в жизни хоть какая-то перспектива, кроме срока... Заплакать бы, но нет слез, как нет и любого хоть мало-мальски разумного объяснения, почему всё так вышло, почему прожитая жизнь не принесла ничего из того, что она приносит обычным людям. Я хронический неудачник – вот единственное приходящее в голову объяснение. И бороться с этим нельзя, и ничего нельзя сделать; и хоть перспектив всё равно нет – но каждый день тюрьмы

уменьшает еще сильнее и так не существующие шансы успеть добиться в жизни хоть чего-нибудь... :(((

* * *

Нет, все-таки не оставили в 02-й, – приперся опер по фамилии Сальников и сказал переходить пока в 03-ю, а завтра, мол, решат. Спрашивал, не хочу ли я на общий корпус, в карцер (это именно он мне тогда, еще в феврале, впервые про какую-то камеру рядом с карцерами и говорил), пугал, что, мол, тут же будет ремонт, грязь, пыль, шум... Но я не хочу никуда, да и ремонт мне нипочем. Типа, между 01 и 02 будут сносить стену (?) сначала, а между 03 и 04 – потом; опер, по крайней мере, сказал мне, что 03-я будет ремонтироваться в последнюю очередь. Что ж, очень бы хотелось, чтобы оставили меня тут, в 03-й, но я почти уверен, что не оставят... Ждем завтра.

27.4.15., утро (после завтрака)

Самое омерзительное, однако, было еще впереди. Всю эту ночь я так и не смог заснуть – не дали комары! Их тут такие же тучи, полчища, как и в 02, да и во всех «нулях», – но прежде со мной всё же такого не случалось. А тут... Пищат и пищат всю ночь над ухом, и всю ночь я машу руками, отбиваясь от них, – какой уж тут сон... Обидно до смерти... Так и не смог уснуть, лежал с плотно закрытыми глазами в темноте. Скорее всего, из 03 сейчас, после проверки, выселят, и где буду ночевать следующую ночь – неизвестно. М.б., в карцере, про который этот Сальников вчера упоминал... Главное, чтобы не вместе с уголовниками...

* * *

Проверка прошла. Я все еще в 03. Но лысый «мусор» сказал, что сегодня вопрос по мне будет решаться и, скорее всего (на 99%, уверен я), решится в смысле переезда если не на общий корпус, то в карцер «на общих основаниях», т.е. с опущенной шконкой. Но – как я и думал – лысый подтвердил, что розеток в карцере нет, даже и на «общих основаниях». Т.е. – ни чаю попить, ни лапшу с тушенкой себе приготовить... И ничего с этим сделать нельзя, некуда им меня больше сажать одного, и вообще – плевать им на меня. Вот это и называется – страдать за свои убеждения, это и есть страдание...

29.4.15., утро (до проверки)

Вот и кончился период «нулей», четыре с лишним месяца. Вчера после ужина перевели все-таки из 03-й в карцер. Посадили в обычную карцерную камеру, совсем крохотную. Потом здоровяк-«мусор», пришедший на отбой, пообещал, что, мол, завтра (сегодня) освободится камера побольше – двухместная; видимо, это и есть их б/м, – и меня переселят туда. Что ж, ждем-с. Нары мне, как и обещали, оставили опущенными на день, вещи все

не препятствовали взять с собой в камеру. Но – это и все привилегии, больше тут ничего не добьются. Особенно подкосило меня, что нет розеток, – а я-то, дурак, специально из «нулей» чайник с собой притащил, мне там никто и не препятствовал его забрать (и, к счастью, не через шмон повели). Еще – повезло, что тут на ночь гасят свет и включают ночник, – вот чего так не хватало пермскому ШИЗО! Но на мое предложение накинуть провод на этот ночник – толстый «мусор» отозвался скептически, сказал, что надо спросить у дежурного, но вообще тут так не делают. У какого дежурного – я не знаю; возможно, у того, омерзительного, который вчера дежурил на первом этаже общего корпуса, отправлял меня в карцер, а сегодня приперся сюда на подъем, заглянул ко мне – и сам удивился, зачем это он мою дверь открывает; сидевший со мной в 02 казах очень метко прозвал этого тупого урода Толстолобиком. Спрашивать я у него ничего не стал, – забыл, да если б даже и не забыл, все равно его ответ абсолютно ясен мне заранее. М.б., сможет чем-то помочь в этом смысле Каретникова, когда (если) она придет (обещала ведь через неделю, а была последний раз 22-го), но и то вряд ли. Вообще, дико представить себе, что в этот ад, где из своих клеток постоянно вопят какие-то животные, все как один – с диким акцентом, происхождением от Армении до Африки (негр, виденный мною прежде, тоже здесь), – что сюда не то что Каретникова с Сорокиным придут, а – цензорша, несущая мне почту, или – еще невероятней – «мусор», заказывающий «налегке» (к адвокату)...

...Эта жуткая, крохотная камера – еще один тупик, в который уперлась моя жизнь...

30.4.15., 6-й час вечера (после ужина)

Письма, увы, так и не принесли, – таков он, главный грустный итог всей этой пред«праздничной» недели. С 23-го числа, когда были два последних электронных – от Мкртчяна и Лены Маглеванной, – глухая тишина, что в «нулях», что уже здесь, в карцере. Что же это может быть? То ли им (цензуре) оперчасть приказала не носить мне вообще почту, – но это всё-таки маловероятно (меня-то не вызывали). То ли, м.б., опять сдох их сайт «ФСИН-письмо», – это вероятнее, но где же тогда письма бумажные, от матери, например? Изоляция получается практически полная – и у меня возникает порой такое отчасти мистическое ощущение, что теперь никаких писем не будет уже никогда, что я на дне глубокого, глухого колодца. По сути, так-то оно и есть... А еще – мелькает мысль: м.б., мне просто за эту неделю никто ничего не написал? Простое и естественное объяснение... Я, конечно, не верю в это, но... кто их, черт возьми, знает, моих друзей?..

А так, в остальном... Ну, переселили-таки вчера в камеру побольше, – ту

самую, б/м (хотя на двери ее написано «ШИЗО»), о которой впервые сказал мне этот опер Сальников еще 9 февраля, в день нелепого переезда из 01 в 02. Да, камера побольше (двухместная), есть где походить, – и то счастье. Розеток, конечно, тоже никаких нет, окно не открывается, – но после дикой духоты того крохотного карцера мне тут временами бывает скорее прохладно.

Переезд этот сопровождался трагикомическими обстоятельствами, да и вообще, весь вчерашний день было «весело». В десять тут, оказывается, тоже проверка, как и по всей тюрьме, – надо выйти из камеры и представиться. Я выходил еще из 2-й (крохотной) камеры. Вскоре после проверки все эти уголовные мрази, сидящие в карцере, в основном мрази кавказские (один – 19-летний армянин, явный идиот, памятный мне еще по 03, где он неделю, что ли, пробыл зимой, когда мы сидели в 01, клянчил все время у «мусоров» сигареты и называл их при этом «брат»; тут он был громче и визгливее всех; сегодня утром его «подняли» из карцера), как-то пронюхали, что во 2-й «киче» кто-то есть, спросили у сменявшейся как раз в это время дежурной тетки, сажавшей меня туда накануне вечером, – она подтвердила. Тут как раз одного из этих крикунов – грузина, судя по постоянно проскакивавшему обращению «биджо» – запихнули зачем-то в 1-й карцер, – и он, уже возмущенный тем, что я молчу, грозно сказал, заходя туда: «Ну, сейчас я с ним пообщаюсь!».

Однако пообщаться не получилось. :)) Это животное тут же начало колотить в стену и орать: «Второй карцер!! Подтянись!!! Подтянись на голос!!!» – и т.п. чушь, снedaемое любопытством узнать, кто же я такой и из какой «хаты»: «может, там шерсть сидит, может, там пидорас сидит!!!» – так объяснял он чуть позже новому дежурному «мусору» свое буйное любопытство. Но узнать не получалось: я молчал и не «подтягивался». :) Я твердо решил молчать.

Опыт, годы, жизнь... Никакими словами не описать того лютого отвращения, которое они все внушали мне одними только своими голосами – с той самой секунды, как накануне вечером я первый раз вошел в этот карцер, сопровождаемый несущими мои баулы хозотрядовцами, – и тотчас услышал, как какая-то гнусавая мразь с кавказским акцентом из своей камеры орет: «Кто заехал?!?!». Естественно, отвечать ей я не стал. Голоса эти у меня теперь уже, когда пошла, считай, третья «ходка», не только, как и всегда, вызывали непреодолимое омерзение к их обладателям – говорящим кускам дерьма, напрочь лишенным интеллекта и умеющим только зариться на чужое добро, воровать и грабить, – но и полное отсутствие желания даже хотя бы вид делать, что я поддерживаю какие-либо их

«традиции» и признаю, даже вынужденно, хоть какие-то их «понятия» (начинающиеся, естественно, с разделения на касты). Первым сроком, здесь же, на «пятерке» – я еще как-то старался делать такой вид, чтобы они не докапывались, – естественно, подавляя в себе внутреннее отвращение. В «Медведкове» вел себя естественно, никого не трогал, никому ничего плохого не делал – но они находили, до чего докопаться, вот именно до того, что я «не проявляю интереса» к их блатным делам, они и докапывались. (Да и здесь уже, в декабре, в 206-й, одна постоянно молящаяся мусульманская мразь тоже до этого докопалась, – мол, не интересуюсь их делами, мне на х... не нужны.)

Но уж теперь – всё!! Теперь даже малейший вид делать, что они для меня – люди, что я хоть как-то наладить с ними отношения всё же пытаюсь, мне было непереносимо омерзительно. Особенно – учитывая, что в отдельной камере они меня, скорее всего, не достанут, – ведь не для того же я, черт побери, добивался этой отдельной камеры, чтобы из нее любезничать с быдлом!..

Короче, я молчал, а животное за стеной колотило в стену, бесновалось, материлось, вопило мне какие-то угрозы за то, что я его «игнорирую», и т.д. :) Весь остальной хор кавказских уголовных недочеловеков яростно поддерживал его, звал меня на «общуху» и возмущался тем, что я «сухарюсь». Грузинский дебил за стеной привел «мусору» вышеописанные свои тревоги насчет «шерсти» и «пидораса» – и заявил, что есть ничего не будет (а кроме баланды, ему тут никто ничего и не предложит), пока не узнает, кто я такой. :) Я собрался было посмеяться в душе над этой животиной – но тут за дверью отчетливо услышал свою фамилию.

Оказалось, пришел выводной – вести меня к адвокату. Светлана все же пришла, хоть и на два дня позже. Не совсем меня еще тут забыли, значит. Рассказала, между прочим, что накануне вместе с Верой (но, правда, порознь приехав) была у моей матери. После ее ухода я просидел в том же кабинете времени больше, чем общался с ней; наконец, вместе с еще каким-то типом, вида тоже кавказского или среднеазиатского, нас повели в карцер.

Там, естественно, слыша звук открывшейся двери, опять заорали: «Кто заехал?» – и он ответил, сказал, что идет со свиданки. Повели его в этот вот большой – 5-й карцер, где сейчас сижу я. Раз со свиданки – значит, тоже на «общих основаниях», в карцере никакие свиданки не положены. Я спросил «мусора» насчет вчерашнего обещания перевести меня в камеру побольше, – он сказал, что вот этого, с кем я пришел, сейчас как раз поднимут, а меня – на его место.

Я не помню уже, с чего именно после моего прихода от адвоката

разгорелся снова утихший было скандал насчет «этого во 2-м карцере» . Но – тема вдруг ожила опять, и мой недолгий спутник тут же им меня описал, по крайней мере, с виду. На вопрос: «Он русский?» – ответил что-то вроде: «По ходу, нет». :))) Кто-то, не помню, кто, высказал такую версию (а еще они где-то, м.б., у «мусора», уже выяснили-таки, что я «со сборки» – где, слава богу, не сидели ни «шерсть», ни «пидорас» :)))): это человек в годах, он первоход, сразу со сборки закрыли, вишь, в карцер – видно, отказался от чего-то, чего «мусора» от него хотели, – и он от «всего этого» «далекий». :))) Не дословно, но примерно так; а «далекий» я, по этой их извинительной версии, от их правила – непременно представляться всей блатной кодле, как только попадаешь в любое новое место, где эта кодла присутствует.

Апофеоз визга и гвалта наступил, когда я стал переносить свои вещи из 2-й камеры в 5-ю. Они всем хором истошно вопили, спрашивая меня, кто я и откуда – и негодуя, что я не отвечаю. :) Один, в 4-й, что ли, мимо чьей двери я всё время ходил, орал остальным, что видит только мою голову (какая-то щель в двери, хотя вообще двери тут плотные, без щелей и дырок), просил «мусоров» открыть ему «кормушку», чтобы он на меня посмотрел – и громогласно, возмущенно жаловался остальной шантрапе, слыша мои шаги и дыхание: ну надо же, вот прямо мимо ходит, совсем рядом, а не отвечает! :))))

Я переехал, вой и гвалт постепенно улегся, – эти недоумки ведь концентрировать надолго внимание на чем-то одном не способны по определению, потому-то они и учиться не могут. Обед я пропустил, но, помня вопли насчет «ничего не буду есть, пока не узнаю» – не удивился, когда в ужин баландер, прокричав кому-то другому еще в коридоре: «Картошка, рыба, салат!» – и забрав у меня оставленную утром железную миску, сунул мне в руку что-то маленькое, мягкое и теплое в полиэтилене – и тотчас захлопнул «кормушку».

Это оказался сверток, точнее, полиэтиленовый пакет, внутри которого, связанные концами в один общий узел, лежали еще три пакета. В одном из них была рыбина – скумбрия, которую тут дают на ужин последние дни; в другом – капля, не больше чайной ложки, здешнего капустно-гнилосекольного салата (в «нулях» его давали нам на двоих полный пластиковый контейнер); в третьем – небольшой черпачок плохого на вкус, темного и комковатого картофельного – вроде как – пюре.

Я с трудом, но всё же развязал все узлы на пакетах, съел всё это счастье. Несмотря на неожиданность и законно удивление – я, в общем-то, понимал смысл этого сюрприза; не знал только в первый момент, как реагировать. И мое понимание не замедлило подтвердиться.

Когда баландер заглянул чуть позже опять – за казенной же ложкой, тоже оставленной у меня с утра, я спросил его, что это был за прикол такой, с пакетиками. Он, как я и думал, сказал, что это ему «мужики» (или «пацаны»? Не помню.), мол, сказали кормить меня отдельно – и с ужасом в голосе сказал: мол, а то, представляешь, они все откажутся есть? И дал добрый совет: ты, мол, объясни им, что ты со сборки (а не... откуда? :).

То бишь, в обед, когда меня не было, они дали ему такие указания – не класть мне баланду из общего бачка, чего они всегда, традиционно требуют лишь в отношении «пидорасов». Когда совсем недавно я писал об этом – думал ли я, что через считанные дни мне придется испытать эти сегрегационные меры на себе самом? Хотя – и это еще, возможно, не конец. Так или иначе, мыслят эти мрази везде и всегда, во всех городах и тюрьмах, абсолютно стандартно, по шаблону. Встречая не такого, как они, нетипичного, не похожего на них, не лезущего в прокрустово ложе их «понятий» человека, – они первым делом начинают дотошно выяснять, с кем он раньше сидел. Не с «пидорасами» ли, упаси бог?! Или, м.б., с «шерстью»? Эти их попытки объяснить сложное через простое, непонятное через хорошо известное (ТОЛЬКО И известное, добавим, ибо, кроме выдуманных ими «пидорасов» и «шерсти», известно им о жизни очень немного) совершенно уморительны, если учесть, что любой их «пидорас», если только снять с него это мерзкое клеймо, по всем своим, так сказать, «культурным кодам» и представлениям о жизни не отличается от них, «порядочных арестантов» :), абсолютно ничем – тогда как я от тех и других, как единого целого, отличаюсь прямо-таки фундаментально. Ну, и во-вторых, встречая непонятного, несогласного и т.д., которого всё же почему-то нельзя просто отправить в «петушатник» – они традиционно стремятся наказать его через еду, через баланду. Мне это было уже знакомо по Буреполому, где в 2009 шныри блатных перестали носить мне в столовой баланду на второй же день после того, как я в лицо одному из блатных назвал их кастовую систему мерзостью. Тут – случай немного другой, я просто отказался общаться с ними и удостоверить их, что со мной можно есть из одного бачка! :)) Но – реакция типичная; а через две точки, как известно, уже можно провести прямую.

Так или иначе, на его советы объяснить что-то там «пацанам» я объяснил весьма суровым тоном :) самому баландеру, молоденькому пацану, лет 20 с небольшим, что за такую работу можно и в лагерь уехать с этой баланды, ибо я буду жаловаться, если он еще раз принесет мне что-то подобное. С нетерпением ждал, какая будет реакция, но от утренней овсянки пришлось отказаться, я же ее не ем. :) В обед и ужин – он хватал мои тарелки, закрывал

«кормушку» и куда-то с ними убегал. :) Не знаю уж, где он оставлял тележку, – м.б., у самого выхода, где она из камер не просматривается, и знают ли «пацаны», что он всё же кладет мне из бачка? А м.б., он и не из бачка кладет, а отдельно в чем-то приносит и уже здесь мне наливает, чтобы не осквернять бачки? :))) С этой полоумной публикой можно ждать всего...

МАЙ 2015

1.5.15., вечер (после ужина)

В обед сегодня – это ясно было слышно по звуку катящейся тележки, грохоту бачков и открываемых «кормушек» – баландер притащил мне баланду последнему, уже объехав с тележкой все камеры. Именно так поступают часто и во многих местах с «обиженными», если не держат для них отдельных бачков (впрочем, и из отдельных вряд ли им кладут раньше остальных). В ужин, правда, он, по-моему, пришел ко мне раньше, не к самому последнему, но – не поручусь. Да и то – носить рыбины на тарелках по камерам – это не то что возить бачок с баландой, тут бачку не грозит оскверниться... :)))

День был отвратительный, этот проклятый коммунацкий «праздничек» 1-го мая. С самого подъёма оказалось, что нет воды, причем только у меня в камере – было слышно, как она шумит, когда включают в других; да и – легко представить, какой хай подняло бы всё это быдло, если бы выключили у всех!.. Хорошо, что я не стал ждать с этим вопросом к «мусорам» до самой проверки, как хотел вначале, – хотел исключительно потому, что начать громко стучать и звать – обезьяны в соседних клетках непременно заинтересуются, кто это стучит, из какого карцера, кто там сидит – и опять поднимут гвалт и начнут задавать вопросы... Тем паче, что вчера вечером, сразу после отбоя, «заехал» сюда и местный тюремный «(д)ложенец», – я сперва, памятуя местные традиции 2007 года, думал, что он явился просто поболтать с зэками – и уж не по мою ли душу, после того, как парочка обезьян, так и не выяснив, кто я такой, вчера же отсюда «поднялась». Но нет – оказалось, что ему тоже выписали 15 суток карцера. При нем орать, стучать, обращать на себя внимание мне совсем не хотелось (хотя обычно утром, после завтрака, вся эта мразота спит). Но – слыша, что дежурный «мусор» и выводной на прогулку ходят и разговаривают рядом с моей дверью, все же начал негромко стучать. Сперва заглянул «прогульщик», потом – дежурный, я спросил, почему нет воды, – он отошел на пару секунд, открыл там где-то у себя какой-то кран – и, заглянув снова, спросил, пошла вода или нет. Пошла, да, – секундное дело, а я ждал часа три, да еще хотел ждать до проверки. А она оказалась сегодня не в 11-м часу, как обычно, а – аж в первом!.. Перед самым обедом, короче. Пока ее ждали – дежурный уже начал водить в местный душ. Двое блатных аристократов отказались – попозже, мол, – и вышло так, что первым в душ пошел я.

Душ оказался жутким, хуже – я не помню, видел ли вообще где-нибудь за все годы. Каморка размером со стандартную туалетную кабинку (в такой же

по соседству, видимо, и впрямь туалет), а в ней, на ? ее размера – такая низкая стоячая «ванна», только не железная, а кафельная, со щербатой деревянной решеткой внутри (одной перекладки, ближе к краю, нет, и если зазеваться – нога проваливается туда), жутким допотопным железным разбрызгивателем, торчащим криво – так, что одну сторону твоего тела он неизбежно поливает, пока ты намыливаешься, а отойти от него некуда) и обтягивающей всё это счастье столь же жуткой и древней полиэтиленовой занавеской на кольцах, как бывает в квартирах. Ни крючков для одежды, ни полочки для мыла, ничего... На внутренней стороне дверной решетки есть, правда, очень узенькая полочка – я на нее поставил пакет, больше было некуда, – но если задвинуть занавеску, то она недоступна, а если не задвигать, то вся снятая одежда, пакет и пр. намокнут. Чтобы, помывшись, одеваться, между «ванной» и дверью остается совсем крохотное пространство, буквально щель, о скамейках и речи не идет; брюки, как их ни держи и ни поддегивай, при надевании неизбежно макаются концами штанин в воду на полу. В общем, душ в пермском (всесвятском) СУСе, где я был в ноябре 2014 только один раз и который показался мне ужасным, по сравнению с этим московским (!) просто роскошен...

По дороге оттуда, на проверку, а заключительный аккорд – через открытую «кормушку» во время ужина – стал спрашивать у дежурных «мусоров», как же тут все-таки отдать одежду в стирку (ибо все равно же в камере нет ни ведра, ни горячей воды, ни даже розетки). Итог оказался не просто неутешительным, а каким-то бредовым. Берут, оказывается, личные шмотки зэков стирать... за деньги! Ну да ладно, пусть, – у меня есть на счету приличная сумма. Но – дальнейшие бюрократические проволочки уже понятны: пишешь заявление, чтобы с твоего счета сняли некую сумму (из расчета – столько-то рублей за кг тряпья); как и на любую другую ерунду, это заявление надо еще подписать у начальника СИЗО; затем зэкам-стирщикам, как приблизительно объяснила мне в ужин дежурящая сейчас тетка (не та, что в день моего заезда), зэкам-стирщикам приносят уже квитанцию, что их работа оплачена на такую-то сумму – и вот только тогда они могут прийти ко мне и взять вещи!.. А поскольку сейчас «праздники» и начальника нет, – возможно, это растянется даже дольше, чем до следующей бани. Ну хорошо, тряпья у меня хватит на месяца полтора-два, но... «отдых» после «суда» в ожидании этапа, и так отравленный у меня отсутствием чая и кофе, теперь будет отравлен еще и заботами, как отдать тряпье в стирку... :(

Каретникова так и не идет, Писем не будет, конечно, и после «праздников», о них надо вообще забыть. Да и самому писать тут едва ли

есть смысл: в карцере – я в первый же вечер спросил – письма отдают в подъем или в отбой, когда идет раздача/сбор матрасов. Но у меня-то матрас есть, поэтому мою дверь ни утром, ни вечером даже не открывают, только на проверку. А на проверке, понятное дело, письмо никто не возьмет, потому что его положено отдавать в отбой или в подъем. И в «кормушку» его тут тоже не просунуть, щелей нет. Так что – сплошной облом...

5.5.15., 10-51

Торжественная процедура тщательного, до ног (с приседанием ощупывающего) ощупывания всего тела з/к на проверке. Там, в «нулях», надо было расписываться за дежурство, тут – только назвать ФИО, но при этом сам ДПНСИ (как только что) или просто дежурный по карцеру тебя ощупывает, приседая, – карманы, ноги и т.д. Отвращение эта их манера вызывает не меньшее, чем дежурство. Просто плюнуть в их тупые хари охота. Как и – манера обязательно, зайдя ко мне в камеру на проверку, перевернуть весь матрас, закинуть его иногда с обеих сторон, иногда – с одной, но уж при этом обязательно размотать телогрейку, в свернутом виде лежащую у меня под подушкой, чтобы было повыше спать. Каждый день, без единого исключения, за проведенную здесь уже неделю мне приходится после их проверок заново укладывать и налаживать свою постель.

Первый рабочий день в ходе их «праздников». За сами «праздники» ничего не происходило. Этой ночью я дико замерз, хотя и лег в трикотажном «тепляке», – ночи пока еще холодные, где-то +6° всего, ночью говорили; да и вообще, весна выдалась холодная. Предыдущую ночь – от отчаяния – попробовал было укрыться все же их «одеялом» – новым, выданным – после неоднократных жалоб – лишь при содействии Каретниковой (до этого была вообще рваная тряпка, а не одеяло). Увы, как я и думал, толку из этого не вышло. Как и всё у них, это «одеяло» мне слишком узко, я никак не могу им укрыться полностью, лежа на животе, – на один бок натягиваешь, с другого слезает... К тому же, подушка и телогрейка под ней, лежа не на этом «одеяле», а просто на матрасе, съезжают от каждого моего движения к краю – и падают на пол – гораздо быстрее, чем когда едут по «одеялу». Короче, маразм... Два с лишним года я не мучился со съезжающей со шконки подушкой, – с тех пор, как на «Медведкове» еще переехал из 408 в 525. С тех пор для подушки всегда был какой-то упор. А, нет, соггу, – не было его еще и в «тройке» в пермском ШИЗО-ПКТ, больше двух месяцев...

Интересно, догадается ли мать приехать, заказать что-нибудь из жратвы сегодня в местном магазине. Если да – еще интереснее, получу ли я этот

заказ до 9-го числа. Впрочем, ответ на этот вопрос уже содержится в самом же вопросе...

По радио всё мусолят «новость», что Ангела Меркель, не захотевшая приехать на «парад победы» (е...чей вашей победы!..), тем не менее, едет в Москву 10-го, чтобы возложить венок к скотомогильнику «неизвестного солдата» и, разумеется, встретиться с Путиным. Старая сука, мразь, шлюха, что ты тут забыла?! Что ты всё едешь сюда, мразь?! Или он к тебе... Будьте вы прокляты оба, выродки... Но главная интрига обозначилась только что. До этого, утром, сообщили, что Меркель, кроме Путина, намерена встретиться еще и с российской «опозицией». По давней привычке и интересу к теме я задумался, кто у них теперь катит за «опозицию», в каком составе ее верхушка будет позвана на аудиенцию. После смерти Немцова кто у них остался из самых, так сказать, «верхних бояр»? Касьянов, бывший премьер, да Рыжков, лидер крупнейшей «опозиционной» партии; ну, и от «правозащитников» – старая карга Алексеева, если только она еще жива... И вдруг в следующем выпуске новостей говорят, что, мол, представители «опозиции» опровергли эти сведения и сообщили, что ни на какие встречи с Меркель их никто не приглашал. И – кто же конкретно оказался «представителем оппозиции», на которого ссылалась «Русская служба новостей»? Гудков!!! :))) «Бывший депутат Госдумы», как называли его по радио, и, конечно же, бывший КГБ-шник! :))) Вот, оказывается, кого я не учел и кто у них теперь в лидерах и в спикерах. Позвали бы – наверняка бы пошла именно эта ГБ-шная мразь...

6.5.15., 11-00 (после проверки)

Общупала меня сейчас опять эта жирная, здоровенная мразь, хряк, мордорот – нынешний ДПНСИ, боров тупорылый, аж присел, животное. Ух, мразота тупорылая, с каким наслаждением я сжег бы тебя живьем в крематории, прямо лично, своими руками засунул бы в печь!.. Я ничего не прощу вам, мрази, тупые путинские ублюдки, скотское быдло, мерзкие русские свиньи в погонах и без, и по-прежнему, как и в Буреполоме, как уже много лет, я живу одним желанием, одной заветной мечтой: убивать вас, мочить, уничтожать, истреблять, лично, своими руками, – расстреливать, сжигать в печах, травить газом, растворять в кислоте, по-всякому, любыми способами истреблять вас всех – прежде всего тех, кто носит форму и служит в «силовых структурах», но и все остальные, «гражданские», ничем не лучше и точно так подлежат тотальному уничтожению. Я сказал это в открытую еще десять лет назад в некрологе Масхадову – и с тех пор жизнь только подтверждала раз за разом это мое мнение. Россия должна быть уничтожена, истреблена начисто, тотально, без всякой жалости, ибо права

на существование она уже давно не имеет, – и реализовано это может быть только через тотальное истребление всего ее госаппарата, личного состава всех «силовых структур» и «правоохранительных органов» – ну и через утилизацию той биомассы, пьяной швали, слизи и нечисти, которыми населены эти 17 млн. км?. Другого пути нет.

Писем, конечно же, вчера не принесли. Их не принесут, похоже, уже никогда. Спрашивать о них у «мусоров» абсолютно бесполезно, я уже убедился, даже у ДПНСИ, который вроде какая-никакая власть тут, в тюрьме, а уж такого борова-ДПНСИ, как сегодня (причем борова не только с виду, НТО и умственно, – это ясно написано на его роже) – бесполезно втройне. Принесли зато вчера магазин, – слава богу, мать жива и вчера приезжала его делать; опять, правда, ни колбасы, ни хлеба – явно не весь заказ; но получу ли я до конца праздников колбасу, или придется ужинать сладкими пирогами и кексами, – неизвестно... :(((

В общем, ничего нового. Вчера прочел последнюю из трех книг (детектив), захваченных еще из «нулей». Теперь делать тут совсем нечего, – только размышлять. Вспоминать прошлое и в 1001-й раз пытаться понять, почему всё так вышло. Жизнь кончена, это ясно. 1655 дней осталось мне на сегодня, с учетом добавленных недавно шести месяцев. Даже если я доживу до ноября 2019. до освобождения – а что потом? Мне элементарно будет не на что жить – даже если считать, что я не сяду больше, что явная фантастика, а буду жить на воле. Дома жить я не смогу, а больше – негде. Ни работы, ни денег, ни – возможности их получить, даже если бы работа вдруг и нашлась (список Росфинмониторинга. Но кто и на какую работу меня возьмет – с такой биографией, описанной прямо в Википедии?..). Надо уезжать, и – единственный вариант – жить где-то в Европе на пособие; но кто меня выпустит отсюда? Навешают всяких надзоров – и новый срок обеспечен автоматически просто за их несоблюдение (а я ни ходить отмечаться, ни жить по прописке, конечно же, не буду). Вот такая вот незадача и безнадега; куда ни кинь – везде клин. Умереть бы прямо сейчас, но – не могу... :((

3-й час дня (после обеда)

А жирный наглый боров ДПНСИ, между тем, в два часа вдруг приперся опять – персонально ко мне! В руках он держал мое заявление о стирке вещей, отданное еще 1 мая, и в нем цифра «10» кг белья, стирку которого я просил оплатить с моего лицевого счета, было замазано белилами, а внизу красным написано: «Укажите количество стирки!». Оказывается, писать и оплачивать надо не белье в килограммах, а количество стирок, т.е. в разгах, так сказать!.. :) Бред какой-то... Сказал написать новое заявление, а на этом

написать «Ознакомлен», и он вечером всё это заберет. Тут уж я не удержался, спросил у него и про цензуру, он ответил, что (цензорши, хотя он их так не назвал, просто «они») сегодня с утра были, он их видел. Я попросил узнать, есть ли почта на мое имя и вечером мне сказать. Вот весело будет, если окажется, что на мое имя с 24 апреля (последние письма принесли мне 23-го) ничего нет!..

7.5.15., 9-й час вечера

Жирный боров-ДПНСИ вчера в отбой сказал мне на мой вопрос, что в цензуре он спрашивал, что почта на мое имя есть (еще бы!..), но... Короче, почту не принесли и сегодня. И еще он сказал вчера, что четыре дня (с начала последней апрельской недели до 1 мая) «они» были на больничном, как я и слышал уже тут, в карцере, раньше. Но не «они», а «она», видимо, т.к. цензорша, как я тоже тут уже слышал, тут осталась всего одна (да и вряд ли бы «заболели» две сразу, хотя понятно, что эта «болезнь» – просто желание прибавить несколько дней к «праздникам»).

Сегодня принесли мое вчерашнее заявление – уже второе – о съёме со счёта денег на стирку. За пять стирок сняли 325 рублей – значит, они по 65 рублей. Ну ладно, недорого, – хотя коммерческими этими услугами я вынужден пользоваться только потому, что в их проклятом карцере нет ни розеток, ни горячей воды, ни даже тазика. Самое интересное –м когда же теперь все-таки придут брать вещи в стирку: завтра как раз банный день – пятница – и более чем уместно было бы забрать у меня всё в стирку вечером, когда меняют и постельное белье.

Еще один сюрприз – смешной и грустный одновременно – притащила вчера вечером спецчасть. А именно – еще пять исков от прокурора СВАО в Останкинский «суд» о признании еще пяти моих текстов «экстремистскими». :) Ну что ж, пускай, – чем бы дитя ни тешилось... Но – оказалось, что это не те пять текстов, иски по которым приносили еще совсем недавно, в «нулях» еще, в начале 20-х чисел апреля. Быстро они, однако! – это были уже другие пять, хотя «суд» по тем, помню, был назначен на май – и едва ли успел уже состояться (вот не помню точно числа, увы). Тот раз мне запомнилось, что они заносят в «экстремистский» свой список несчастную «Программу национальной революции», написанную в 2000-м и по которой тогда же было заведено уголовное дело (самое первое у меня). А сейчас – нет, уже нет «Программы...», а зато есть «Хирургия и терапия по-французски», забытый мной самим текст 2005 о происходивших тогда первых бурных арабо-негритянских погромах в Париже и по всей Франции – и весь «экстремизм» там относится исключительно к французским арабам и неграм, которых рекомендуется выселить из Франции вон. Но

прокурора СВАО г. Москвы, по-видимому, волнует и их судьба :), потому что этот текст он тоже требует от своего «суда» признать «экстремистским» и запретить. Фамилия прокурора – С.А.Соснин, а «судьи», которая 18-го мая будет удовлетворять эти его просьбы, – Шокурова. Л.В. Привожу их для истории и – очень бы хотелось все-таки надеяться – для будущей люстрации, а м.б. – и санации (из пистолета в голову). Та же Шокурова, по моему, рассматривала такие же иски по шести моим статьям и в прошлом июне, о чем мне на медведковскую тюрьму тоже приносили эти гнусные бумажки от прокурора, а потом и ее «решения». Принцип их, о котором я тогда только догадывался, теперь стал совершенно ясен, они даже не скрывают: к каждому иску прикладывают постановление мрази Абоева о возбуждении уголовного дела 10.7.12., постановление о назначении им экспертизы (в котором приведена – на несколько страниц – распечатка всего списка моих текстов на тот момент с «Сопrotивления» – и куски «выводов» «экспертов» из их «заключения», в том числе кусок по данному конкретному – для каждого иска – тексту. То бишь, летом 2014 я только догадывался, а сейчас они подтвердили: да, они намерены внести в свой «федеральный список экстремистских материалов» ВСЕ мои тексты, с 1998 по 2012, в которых сраный их «ГУП «ЦИАТ»» нашел летом-осенью 2012 хоть одно «экстремистское» слово!.. :)))) Смешно и грустно одновременно, – потому что этих текстов там СОТНИ, уж всяко больше 100, а м.б. – и больше 200, не знаю точно, и даже порциями по пять, по шесть текстов зараз – довольно долго им придется еще проводить эти гнусные «судебные» спектакли и тем самым давать новые информационные поводы обо мне... :)

Насколько зашкаливает цинизм этой системы, в которой все «ветви власти» слились воедино, под одно вполне военное по безопасности командование из единого центра, четко видно из повесток в «суд», присланных вместе с этими прокурорскими исками. В тот раз, в «нулях» еще, повесток почему-то не было; были они последний раз в июне 2014, шесть штук. Сейчас пять. И если, как я хорошо помню, те шесть повесток – на одно и то же число, в один и тот же кабинет, к одной и той же «судье», разумеется – различались по времени, указанном в каждой из них, на полчаса, то нынешние – всего на пять минут! Простамповать запрет целых пяти моих «экстремистских» :) текстов предполагается всего лишь за 20 минут – с 15-00 до 15-20...

9.5.15., 9-й час утра (до проверки)

Очередной мраздник... Мрази бьют в литавры, празднуют свою вонючую «победу». Мать наверняка будет в 10 утра смотреть их «парад» (парад уродов), она всегда это любила. Страна мрази и быдла, ублюдков и нечисти,

как же я всё, все тут ненавижу, нет адекватных слов, чтобы достойно выразить эту ненависть!.. Без малейшей жалости я сжег бы эту страну, всю, полностью, со всем ее быдлонаселением, выжег бы «от Москвы до самых до окраин», превратил бы в выжженную пустыню – за всё, что эти выблядки тут сделали только со мной одним (и этого вполне достаточно для возмездия), не говоря уж об их гнусной «победе» в 45-м и обо всем зле, которое они принесли миру за века существования своей империи. Ненавижу, ненавижу вас, русские мрази!!!...

Дикая тоска все эти дни, – дикая, неопиcуемая, невыразимая, страшная, с самого утра, с первых минут пробуждения – и до ночи. Всё о том же, да, ничего нового. О том, что жизнь прошла, и перспектив никаких нет, абсолютно никаких, и изменить, исправить – уже ничего нельзя, увы. О том, что сколько ни боролся, ни предлагал идей, ни искал соратников, – ничего так и не достиг, ни в смысле той борьбы, которой отдал жизнь (но тут хоть на объективные обстоятельства еще как-то можно списать, – путинщина, диктатура, быдло как источник и законодатель вкусов и направлений...), ни в личном смысле, ни в смысле признания моих заслуг людьми, чье мнение для меня важно (а соратники оказались трусами – и сбежали при первой же возможности, а некоторые еще и показания давали на меня), ни в смысле денег, которых по итогам сорока лет жизни у меня нет ни гроша – и, доживи я до освобождения, жить будет не на что; и т.д. и т.п. Полный крах и тупик. Мразь торжествует по всей линии, празднует свои «победы» – а я опять проиграл. Я неудачник, увы, хоть и понял это слишком поздно, только попав в 2006 г. первый раз в тюрьму. Я неудачник, такова уж моя судьба, и исправить ее нельзя, и что вдруг повезет, что случится что-то хорошее – ждать напрасно. Жить, собственно, незачем, ничего такого, ради чего стоило бы жить, уже не будет; естественнее всего было бы умереть, не мучиться зря дальше, – но и умереть я не могу, увы... :((((((

Вещи в стирку вчера, естественно, так и не взяли – хотя перед отбоем, я слышал, кто-то пришел и говорил тут дежурному «мусору»: «Стомахин... Надо взять у него вещи...». Спросил у дневального, который в отбой менял казенное постельное белье, – он ничего, естественно, не знает про это. Деньги мои они радостно сняли – а услугу, уже оплаченную, по их понятиям предоставлять вовсе и не обязательно. По своей морали ни ФСИН, ни вообще это государство ничем не отличаются от уголовников; повадки у тех и других одинаковые.

Письма, естественно, тоже вчера не принесли. Всю следующую неделю их тоже не будет, числа минимум до 15-го, я предчувствую. Вот нет писем третью неделю – и уже совсем не уверен я, пишет ли мне вообще кто-

нибудь, нужен ли я «друзьям» и вообще хоть кому-нибудь, кроме матери, на этой земле...

Четыре с половиной года ужаса мне еще предстоит, и я не знаю, как их пережить, а главное – зачем...

7-й час вечера (после ужина)

А шабаш победобесия-то сегодня развернулся вовсю, вовсю, судя даже по «Русскому радио» (других-то источников информации у меня нет). Сперва – безумный «парад», самый, как они говорили, масштабный за все 70 лет. Вспомнилось, что ведь в 1987 году коммунисты тоже невероятно помпезно отмечали 70-летие своего режима – и через четыре года их режим (по крайней мере, в привычной всем за эти 70 лет форме) исчез... Дай бог, чтобы этот принцип сработал и здесь, чтобы через десять лет, к 80-летию «великой победы», ни Путина, ни его режима уже не было в живых.

А потом – еще интереснее: акция «бессмертный полк»! :) Сперва говорили, что 150 тысяч быдла (видимо, специально отобранного, из бюджетных организаций, мобилизованного строгим приказом начальства, как они собирали громадные запутинские митинги в 2012-м, – а как еще загнать быдло на эту показуху в выходной, дачный день?..) пройдут по Красной площади с портретами своих предков – вояк II Мировой. Но потом сказали, что вышло аж 300 (!) тысяч, причем возглавил шествие лично Путин с портретом своего папаша. Интересно, охранники вокруг шли с портретами, или нет? :) Но вообще – не только смешно, но и грустно, конечно. Официально говорят, что, мол, первый раз этот «Бессмертный полк» придумали три года назад в Томске – типа, самодеятельность – а теперь вот его подхватила вся страна. Ну да, еще один гениальный шаг в оболванивании и духовном контроле – не силой, не усилиями ФСБ, а слюнями и соплями по поводу «героических» родственничков, которые, как известно, «есть в каждой семье». Не заставлять, а подвесить морковку перед носом, чтобы шли сами, добровольно. Не только культ самой «победы», духовно связывающий этот режим с совком, но и – сантименты лично каждому, мол, и мой (пра)дед тоже воевал... Этакая объединяющая быдло в единую толпу каша, клейстер этакий дешевый, – все, мол, чтут «победу», в которой поучаствовали и их дедушки; а склеенную этим клейстером воедино толпу, конечно, вести за собой удобнее, чем несклеенную и идущую вразброд. Дать простую, нехитрую идеологию, взывающую преимущественно к низшим, животным чувствам (захватить чужие страны и насиловать там чужих женщин, – но об этом, впрочем, вслух, конечно, не говорится; как, среди всего истошно-визгливого «почтения» к «ветеранам», ни звука не слышно и о том, как в начале 50-х

всех тогда еще молодых «ветеранов»-калек, без рук и ног, сгребли отовсюду, чтобы не портили вид, и загнали навечно, подыхать, на Валаам и куда там еще...) – и быдло охотно пойдет за этой морковкой, куда надо вождам, и позволит собой управлять. Но при этом – и смех и грех! :) – получается с этими портретными шествиями какой-то культ предков, вполне себе языческий, – интересно, куда смотрит РПЦ? :))) Вообще, сколько ни пытаются эти мрази изображать из себя настоящих христиан, обличая, допустим, Pussy Riot или меня :) – а не выходит, и быдло плохо на эту приманку клюет, всё равно сносит их с подвластным им быдлом в какую-то советчину, вполне себе языческую – будь то культ предков-«ветеранов», или «вечные огни», еще, жаль, не обоссанные :)), или не закопанный по сей день Ленин...

Тюрьма, на удивление, «праздничек» практически не отмечала – по крайней мере, карцер. «Праздничный» обед – суп из гнилой свеклы и картошки, который я вылил в унитаз, плюс – картошка, типа тушеная и типа с мясом (попался один кусок, с жуткими жилами, я выбросил его). Картошку тут обычно дают на ужин, так что мне было страшно интересно – чем же «порадуют» вечером. И угадал: дали жидкий горох с «вискасом» (мелко молотое соевое мясо), кусочек рыбы (той, плохой, что давали раньше, – бывшая последнее время на ужины скумбрия, видимо, как раз кончилась:), плюс – опять мелко резаные зеленые маринованные помидоры, которые есть нельзя и которые одно время вроде давать перестали. «Поздравили», в общем... Что ж, какой «праздничек» – такое и питание.

Еще впереди «салют» в десять вечера. Больше всего жаль, конечно, что я сижу в тюрьме, не могу лично ничего сделать, никак даже просто отношение публично высказать к их шабашу победобесия, к их «ветеранам», ко всем морковкам, привешенным перед носами быдла, и т.п. Мне бы этого очень хотелось, ибо омерзение к их «победе» и ко всему, что с ней связано, ко всей их пропагандистской лжи и умолчаниям, меня буквально душит. Очень жаль, что я никак не мог сегодня испортить им «праздничек» лично – и еще больше жаль, что этого не сделал никто другой. Потому что – ну да, человек пять с украинским флагом на улице, тут же арестованных, конечно, можно в новостях и не упоминать. Но вот такую вещь, как, допустим, взрыв в Москве, даже небольшой, даже простой взрыв мусорной урны – не заметить, думаю было бы даже им, этой лживой мрази, трудно...

А вчера – вспомнил вдруг – новостью дня было у них вынесение приговора этой несчастной Евгении Васильевой из Минобороны. Просили ей условный срок, дали реальный, пять лет, в которые зачли 2,5 года

домашнего ареста. Надели в зале «суда» наручники и увезли на «шестерку». «Русская служба новостей» по этому поводу взяла комментарии у Лимонова (!), Проханова, Пучкова (Гоблина), Холмогорова и пр. – и все были счастливы, радовались, что дали реальный срок, не условный. Мрази... Типа, расхищала она какую-то там собственность Минобороны, бюджетные деньги, мошенничала с квартирами для вояк... «Народная» собственность, ага – у ворот которой стоят обычно часовые и к которой никого из «народа», не из полковников и генералов, даже близко не подпустят...

Опять же, жаль, что я в тюрьме, – на воле я непременно взялся бы защищать эту Васильеву. В список политзэков, конечно, вносить бы не стал, но – что-нибудь в ее защиту написал бы непременно. Конечно, она мне никто – чиновница Минобороны, часть режима в недавнем еще прошлом, – что мне, казалось бы, ее защищать? Но – всё дело дает хороший повод еще раз вслух сказать, что России армия не нужна **ВООБЩЕ**, армию тут надо просто распустить, а Минобороны ликвидировать. И поэтому – для меня распродавать собственность Минобороны и красть его бюджетные деньги – не только не преступление, а совсем наоборот! :)) Пусть хоть всё там распродадут и разворуют – чем меньше у них останется, чем в итоге беднее станет их министерство, чем менее обеспеченной и боеспособной будет их оккупационная, карательная, бандитская армия, – тем лучше!!! :))) Так что – с чистой совестью – свободу Евгении Васильевой!

P.S. Вещи в стирку взять, конечно, и не подумали.

10.5.15., 6-й час вечера (после ужина)

Сегодня случилось-таки то, чего я так сильно опасался и всеми силами хотел избежать: блатная армянская животиночка из соседнего (№4) карцера заинтересовалась мной. Не знаю уж, с чего, – м.б., кто-то ее надоумил, спросил, кто там в 5-м, или еще что, – но только вскоре после проверки она начала вопить: «Пятый! Пятый!! Пятый карцер!!». Пришлось ответить, чтобы не накалять атмосферу до того, как было в прошлый раз. Эта армянская нечисть, как и большинство других, ныне тут сидящих, заехала сюда уже после меня, того скандала в конце апреля не видела и о нем не знает, – думаю, участвуй она в нем тогда, ее бы от ярости и возмущения инфаркт бы хватил!.. :)))))) И вот – я отозвался, и это чмо принялось выяснять, кто я и откуда (где на этом центральном сидел раньше), но моего ответа «в нулях» не поняло – стало быть, о «нулях» не знает и там не было (а м.б., вообще на этой тюрьме первый раз). Я нарочно отвечал, не очень напрягая голос, – ей было меня плохо слышно, хоть камеры и рядом; к тому же, ее душило возмущение, что я, как все они выражаются, «сухарюсь». :))

Меня это их выражение просто умиляет каждый раз, как я его слышу: «сухариться» – это не сушить сухари и даже не питаться сухарями, как кто-то мог бы подумать. Нет, «сухариться» – это у них означает «скрываться», «прятаться» или – в данном случае – просто тихо сидеть, молчать, не объявляя громко о себе, как все они привыкли и требуют от других. Короче, причем тут сухари – совершенно непонятно, но по тому, насколько идиотский (на 100%) этот их уголовный жаргон, ясно видно, какие идиоты его придумали и какие пользуются им сейчас.

В общем, поспрашивав меня немного и ни хрена не поняв моих ответов, :) армянская блатная животиночка командовала мне крайне начальственным тоном подойти вплотную к двери (хотя я и так стоял у самой двери) и вроде как прослушать ее лекцию о том, что, дескать, когда заезжаешь, надо... ну, наверное, она имела в виду: представляться, сообщать о себе всю подноготную всем желающим, вставать тут, в карцере, на их блатной учет, и т.д. :) И было уже начала читать мне эту лекцию, но – не знаю, что ей помешало: то ли заботы о «первом» и «втором» для братьев-уголовников одолели, то ли – животиночка в принципе уже немолодая и не очень здоровая, вызывала себе тут врача, м.б., силенки подвели, устала орать и негодовать :) – но только она через пару минут буркнула кому-то на его вопрос нечто вроде: «ну и пускай там сухарятся» (именно так, во множественном числе :) – и занялась текущими делами.

А текущие ее тут дела – это как раз пресловутые «первое» и «второе», распределение этого (?) среди зэков карцера – ну, и увещевания их периодически, чтобы они этот обед заказывали себе вовремя и все сразу, не молчали бы, если у кого-то чего-то нет, и т.д.

Я сперва не мог понять, но потом, когда эти крики начали повторяться изо дня в день, сообразил, что речь идет, конечно, не об обеде. :) Наиболее популярный тут запрос – «первое»; ну, а ЧТО уголовному зэку нужно в самую первую очередь? Я понял так, что «первое» – это сигареты (потому что его иногда упоминали тут в штуках), ну, а «второе» – видимо, спички (их и просят реже). Стало быть, несмотря на то, что по условиям всех тюремных и лагерных карцеров курение в них запрещено по умолчанию, – тут курево в карцер кто-то вполне открыто приносит (то ли «мусора», то ли баландер, не знаю, но оно тут не переводится) и вполне открыто раздает по камерам. Пока эта блатная армянская животиночка тут сидит – она, я слышал, каждый день подзывает к себе дежурящих тут «мусоров» и просит передать кому-то (не называя вслух, что именно), а те, хоть и нехотя, ссылаясь, что висит камера, а после отбоя и вообще нельзя «кормушки» открывать, камера это тоже видит – но берут и передают. Баландер, вне всякого сомнения,

передает тоже, этот блатным отказать не посмеет ни в чем. «По баланде», либо «по матрасам» – а матрасы на ночь по камерам тут раскладывает дневальный-зэк, он тоже не откажет. Курево присутствует постоянно, зэки то и дело, не скрываясь дежурного (-ой) «мусора», орут: «Сделайте, по возможности, «первое» на 7-ю (или 8-ю, 9-ю, 10-ю и т.д.)!». То бишь, что мы видим? Что одно из важнейших воспитательных воздействий карцера на уголовников – лишение курева – тут, в московском СИЗО-5, профанировано и де-факто отменено. Пользуясь любимым уголовниками жаргоном, карцер «греется» и в нем процветает «черный ход». Администрация тюрьмы знает об этом, ибо не знать просто не может, и без ее разрешения тут никакие сигареты бы не приносились и не раздавались, – но фактически потакает уголовникам, закрывает на всё глаза. Я этим, конечно, заниматься не буду – по многим причинам, да и вообще это надо делать с воли – но такую администрацию стоило бы скормить ее непосредственному начальству, доведя эти факты до него, а главное – широко опубликовав их для всеобщего сведения.

11.5.15., 1-й час дня (после обеда)

Последний день проклятых «праздников», будь они трижды неладны!.. Тоска, горькая, мучительная тоска заполняет тут мои дни, – тем паче, что больше заполнить их всё равно нечем, нечего даже почитать, разве что слушать песни по радио... Да, неудачная у меня была жизнь, – пустая, тоскливая, безрадостная, счастья я почти не видел. Да что там «почти», не видел вообще, кроме двух-трех отдельных моментов – в 1997-м и в 2003-м, и всё... Тоска... Вот уже 7,5 лет в тюрьме... Впереди же совсем ничего хорошего, еще 4,5 года ужаса по лагерям, а там, дальше – вообще пустота... Теперь вот – еще новый ужас, еще одно мрачное тоскливое предчувствие, омрачающее мои дни и ночи: уже два человека сказали мне тут, что вот таких, как я, отправленных в лагерь по «спецнаряду», а потом возвращенных и «осужденных» еще раз, ФСИН теперь отправляет не в тот же самый лагерь, откуда привезли, точнее – даже не в ту же область а в другую!.. А я-то надеялся, что хоть тут будущее мое известно, определено... Теперь же – снова, как и прошлым летом, открывают мне свои объятия Киров, Саратов, Омск, Красноярск, Башкирия... и из-за этих мыслей, предчувствия этого ужаса я не могу спать. Вот только Соликамск отпал – из прошлогодних моих страхов – да во Владимир, скорее всего, не отправят: слишком близко для «спецнаряда»...

Зато вот теперь, с завтрашнего дня, мне есть чего ждать, придется опять вздрагивать каждый раз от звука открывающейся входной двери в карцер. Кончились «праздники» – и вот он, полный набор моих радостных

ожиданий и предвкушений: должны (могут) прийти мать на свиданку, Каретникова (правда, она-то могла и в «праздники», но – не соизволила), Сидоркина; должны, наконец, забрать в оплаченную уже стирку мои вещи, принести (наконец! – если, конечно, их принесут вообще когда-нибудь) письма и магазин. Письма, конечно, важнее магазина, но – не знаю уж, как там у матери со свиданкой, дали ли ей разрешение; но если она завтра (во вторник) не приедет заказать мне магазин и завтра же, самое позднее – послезавтра не принесут хоть часть этого заказа, то мне нечего будет жрать, кроме баланды.

Вот такие вот дела, – а я-то чуть не молился, чтобы не попасть больше в эту пермскую «132-ю бригаду», в этот гнусный СУС, где пробыл неделю всего лишь в ноябре. Точнее, я понимал, что по возвращении в этот лагерь, если приеду туда до 1.12.15 (а это несомненно, – кто и зачем станет держать меня в Москве до декабря?), попаду именно и неизбежно в этот самый СУС, и от одной этой мысли мне было тошно. А теперь, пожалуй, еще станешь мечтать и просить судьбу, чтобы отправили опять туда, в этот же лагерь и в этот самый СУС, черт с ним, – если альтернативой оказывается Киров, или Башкирия, или Омск... :((((

12.5.15., 18-00

Итак, я почти во всём угадал. Принесли перед ужином только магазин (не весь, как обычно), – значит, мать приезжала сегодня с утра, всё с ней в порядке, слава богу. В остальном же – опять ни писем, ни вещи в стирку, ни свиданки (значит, не дали ей разрешения), ни Сидоркиной, ни Каретниковой. Впрочем, Сидоркина, скорее всего, улетела в Ростов, – она еще в последний свой приход говорила, что там начинается процесс Сенцова (? – не помню уже, так ли пишется фамилия, совсем память отшибло...) и пр., который, скорее всего, будет идти пару недель непрерывно, так что ей придется жить там. Очень жаль... Каретникова, обещавшая 20 апреля прийти «через недельку», тоже не показывается, – я уже и забывать стал, что хотел попросить ее добиться, чтобы мне сюда закинули удлинитель; не думаю уже ни о чае, ни о кофе, которых две недели как лишен, – ситуация с письмами, да и общая тоска по поводу моего положения и отсутствия перспектив заняли все мысли... Резкая пропажа почты с 24.4. до сих пор может косвенно свидетельствовать о каком-нибудь новом уголовном деле, – не очень, конечно, вероятно, но исключать нельзя ничего. Уже и «праздники» прошли – и всё равно упорно не несут... Сижу, обдумываю: написать ли заявление начальнику оперчасти, в чьем подчинении находится цензура, с требованием выдать письма, или сразу объявить сухую голодовку; написать это заявление сегодня вечером,

отдать в отбой, или же завтра, – т.е. дать им еще один шанс. Но – и завтра не принесут, это уже понятно. :(Бог с ними, завтра утром спрошу еще раз на проверке, а вечером – напишу.

Баландер в ужин сегодня сунул мне не одну копченую рыбину (скумбрию, – она, как выяснилось, всё же ещё не кончилась, слава богу!), а сразу пять!! Картохи и резаных зеленых помидоров – полные миски, с краями. В обед – полную миску овсянки (какая гадость! – но я, увы, этим сроком уже приучился есть и ее, густо замешивая с майонезом – для вкуса). В том, что он накладывает мне последнему, после всех, есть, оказывается, и своя хорошая сторона: он скидывает мне, видимо, все остатки, чтобы не тащить их обратно, – иначе откуда бы вдруг пять рыбин? Непонятно другое: почему чаще он всё-таки даёт по одной рыбёшке, и то какой-то жалкой, завалющейся, маленькой, и по чуть-чуть всего остального? Неужели у него так всё рассчитано по порциям, что обычно ничего не остаётся?..

8-й час вечера

Да, вот оно, подтверждение моего ясного, озарением снизошедшего на меня понимания, что жизнь кончена и отныне все сюрпризы в жизни будут только грустные, хорошего ждать не приходится. Фактическое перекрытие мне вдруг переписки на этой тюрьме и стало как раз таким вот неприятным и грустным сюрпризом, абсолютно, надо признаться, неожиданным. А сколько их еще предстоит – за оставшиеся мне 1651 день срока; а сколько – потом, если вдруг я доживу до воли... Начиная с того, что негде будут жить и не будут выпускать из страны, – впрочем, сюрпризом-то как раз ни то, ни другое не будет, я это всё предвижу уже сейчас... :(((

14.5.15., 9-й час утра (до проверки) Вчера всё то же самое – ни стирки, ни писем, никто не приходил. Отдал в отбой заявление о письмах на имя начальника оперчасти, но – что толку?.. Принесли, правда, остатки магазина – две сырокопченых колбасы, две махоньких баночки паштета и – две банки тушенки, которая, во-первых, не нужна, т.к. нет кипятка, во-вторых же – наверняка соевая, сделана где-то в Ульяновске, а не на Микояне. Остального же – на четыре ужина мне, а потом, еще два или три дня, до следующего магазина, ЧТО я буду есть – неизвестно...

15.5.15., 9-й час вечера

Вот и прорвало ее, всю эту безумную, жуткую, долгую, тоскливую информационную блокаду буквально в два дня!.. Вчера утром – ждал проверки – вдруг дежурная «мусорша» открыла «кормушку», заглянула ко мне и сказала: «У вас сейчас свидание». Оказалось, матери только накануне привезли разрешение, во вторник его еще не было. Поговорили с матерью, я сказал ей, что по непонятной причине не несут письма, и попросил

позвонить Маглеванной и про это сообщить, чтобы она написала в рассылку. И тут, после обеда, часа в четыре или чуть позже – опять открывается «кормушка» и цензорша протягивает мне большой толстый конверт со словами: «Вот все ваши письма» (или как-то так). Оказалось – вопреки моим ожиданиям, сработало с первого же раза мое заявление начальнику оперчасти, – она мне его тоже принесла с просьбой написать на нем, что все письма получены (здешняя манера, и не только по поводу писем, – на «Медведкове» такого не было). А причина, по которой она не несла, а я столько нервничал, оказалась совсем банальной: увидела где-то там, где они отмечают перемещение эков из камеры в камеру, что я теперь в карцере, но – почему-то не увидела там же, что я в карцере на общих основаниях, т.е. мне можно носить письма. Т.е. – если я бы не написал этого заявления, я бы так и ждал писем до второго пришествия; а если бы такую же невнимательность проявила и магазинщица – мне было бы элементарно нечего есть здесь. (Мать, кстати, после свиданки заказала еще колбасы и масла, их принесли в тот же день, так что теперь я продержусь до следующего раза.)

Письма были и от Лены Маглеванной, и от Корба, и от Орлеаны, и от Мкртчяна, и от Майсуряна сразу две штуки, и от матери. Поразила меня и возмутила до глубины души новость, сразу и Корбом, и Майсуряном сообщенная – что 27 апреля Королевская прокуратура Англии предъявила Буковскому обвинение в хранении и изготовлении (?) каких-то пяти «непристойных» изображений с детьми. Хранении в компьютере, подразумевается. Сразу возникла мысль, не рука ли это Москвы, уж больно такое обвинение неожиданно и нелепо, а комп, кто-то написал в майсуряновских распечатках, стоит в доме Буковского на первом этаже, где ходят все, кому не лень. Ну и – еще больше, наверное, возмутило то, что в Англии, оказывается, запрещены даже хранение и просмотр таких изображений (а не должно быть никаких вообще запретов ни на их распространение, ни на изготовление, не говоря уж о хранении и просмотре!), – как не преминул ехидно написать Майсурян, даже в путинской России пока еще такого нет, не говоря уж про его любимый СССР. Бред какой-то... Заодно где-то там же, в распечатках, мелькнуло, что сам Буковский в очень плохом состоянии, делали ему недавно какую-то операцию, на суд по делу Литвиненко возили его на санитарной машине, и т.д...

Вместе с цензоршей вчера пришла – тоже неожиданно – и библиотечарша, где уж она узнала, где я!.. Обещала принести мне книги – и спрашивала, какие именно. Свои три прочитанные я ей отдал. Сегодня,

правда, она не появилась... М.б., в понедельник.

Ну и – мать на свиданке сказала, что Сидоркина, м.б., придет завтра (сегодня). Пятница, короткий день, и я раньше обеда вообще не ждал, если вообще ждал. :) Повели в этот их жуткий «душ», где у меня мыло то и дело падало на дно ванны, под деревянную решетку, и я еле-еле мог его достать. Было уже к часу дня, как раз – как я и думал – пока я торчал в бане, привезли обед. Мне его, слава богу, положили, я пришел, съел эту дрянь, едва успел помыть посуду, только хотел развесить сушиться сырые банные полотенца – как вдруг заказывают «налегке» Сидоркина таки пришла! И, против обыкновения, ждать меня в кабинете ей пришлось всего час, а не три и не четыре, как обычно.

Вот так вот. То не было ничего, а то всё сразу. Причем ребята, спасибо им, волновались, куда я делся, Сидоркина сказала, что звонили ей на этих днях и Лена Маглеванная, и Гена Строганов, таки получивший мое письмо. Но сам, увы, мне не ответил...

Если бы еще и розетку мне сюда, чтобы можно было пить чай и кофе – так удовольствию моему не было бы границ. :) Смешная мысль пришла в голову: за два срока это, наверное, лучший период, никогда не было такого! :) Главный кайф – что я один в камере, что нет рядом этого тупого уголовного быдла, этих АУЕшников и прочей нечисти. Какое же это счастье! Была бы постоянная переписка, посещения, новости, и продлилось бы это подольше (а, чувствую, уже скоро оно закончится, скоро на этап... :(((), продукты из магазина – и чего еще желать? :) Кроме освобождения и отмищения ИМ всем, конечно, чтобы своими руками засовывать их в пылающую крематорскую печь... Глупо этому радоваться, но и в тюрьме может быть в смысле комфорта не так уж плохо – и вот это у меня, наверное, пик, лучше уже не будет...

Одно только омрачает эту чистую и светлую радость. :) Эти мрази так и не пришли взять в стирку мои вещи! До сих пор... Один банный день прошел, второй, третий, и каждое утро на проверке каждый новый ДПНСИ обещает, что «узнает», сегодняшней даже фамилию записал... Мрази, короче, ублюдки! Будьте вы прокляты, тупые русские мусорские и прочие свиньи!...

17.5.15., 10-й час утра (до проверки)

Эти два дня – прорыва информационной блокады – была какая-то почти эйфория, а теперь опять всё вернулось на свои места, – тоска, пустота и бессмысленность этого существования, а особенно – существования в тюрьме... На улице холод и дождик уже несколько дней, ночью сегодня я опять замерз, но спортивную куртку не достал с вечера – ночью уж совсем неохота было за ней лезть, так и спал замершим под утро. Письмо (написал

вчера матери) отдать тут проблема – ведь ни в подъем, ни в отбой мою дверь не открывают (кроме одного-единственного ДПНСИ, который в свое дежурство при отбое открывает и спрашивает, всё ли нормально), то есть – как погасят вечером свет, надо стучать, чтобы подошли, открыли и забрали. Жрать на ужин сегодня, можно сказать, уже нечего – две крохотные баночки этого паштета остались, и еще неизвестно, съедобный ли он...

Сегодня день рождения покойной Лерочки, юбилей – 65 лет... Родственников, кроме матери, нет – интересно соберутся ли где-нибудь друзья, отметить и помянуть ее. А м.б., даже в редакции New Times, – по совести, это самое подходящее место...

Тоска. Безнадега. Тоскливый ужас перед будущим, перед тем, что меня ждет в ближайшее время. А ждет – этап, неизвестно куда причем, и – куда бы ни привезли – не сомневаюсь, что теперь уже не на бараке, а в СУСе сосуществование с мерзкими уголовными тварями, тупым гомофобным быдлом, и там от них ни на улицу не выйти, ни прилечь весь день, ничего... Тоскливый ужас еще на 4,5 года, на 1646 дней еще, и – поневоле – та же всё время мысль: зачем мне эти мучения, ради чего продолжать жить, когда ровно ничего хорошего впереди уж точно не ждет?..

18.5.15., 6-й час вечера (после ужина)

Понедельник. День, считай, прошел. И опять всё то же самое, опять всё глухо, как в танке. Ни писем, ни книг, ни вещей в стирку. Ни Каретниковой, будь она неладна! И проклятая библиотечка тоже: ну зачем, на кой черт было в прошлый четверг приходить, обещать, обнадеживать?.. А с письмами – я схожу тут совсем с ума, мне стало казаться, что это какая-то мистика с письмами. И что я зря так наивно обрадовался в тот раз, когда она принесла их целую пачку – и, главное, пообещала, что больше таких задержек не будет. Однако же вот – в пятницу я отправил ответы (точнее, она должна была их отправить), прошло еще три дня – и что же? Неужели ни Маглеванная, ни Ольга Исаева мне еще не написали? Ни Мкртчян... Да и от Майсурия могло бы быть и еще письмецо, последнее-то – 92-е – датировано еще 1-м мая... Что мне остается? Терпеливо ждать всю неделю, а если опять ничего не будет – вечером в воскресенье отдать еще одно заявление на имя начальника оперчасти. Тоскливо, тягостно – но ничего не поделаешь...

Только успел это всё написать – а тут и письма принесли. :)))))) От Ольги Исаевой, в частности, и от Землинского очередное...

Вот так оно бывает, да. :) Это – маленькая, но радость, а всё остальное –

увы, тоска. Начиная с истории со стиркой – и кончая близящимся этапом.

19.5.15., вечер (после ужина)

Отвратительные новости. Одна вроде бы хорошая: сегодня после обеда приходила наконец Каретникова. Но результаты?! Ну да, тотчас после ее ухода наконец-то взяли в стирку вещи. НО: пришедший их брать хозотрядовский стирщик сказал, что нижнее белье они не стирают; всё, кроме нижнего белья. То бишь: трусы и носки за две недели пришлось мне сейчас стирать самому, хозяйственным мылом (хорошо, хоть оно есть) под краном, под холодной водой. Преодолевая тотчас же давшую о себе знать боль в спине... Отдал в итоге лишь джинсы и две майки. Да еще и – он же сказал мне, что оплачено у меня все-таки не за пять стирок, а за пять кг вещей, как мне и говорили сначала – и когда эти пять кг исчерпаются, опять, значит, придется писать заявление, чтобы сняли еще деньги со счета – и опять, видимо, ждать две недели...

Насчет же удлинителя – Каретникова тотчас заволновалась, как, мол, я себе это представляю: провод будет протянут по коридору, сотрудники будут ходить, спотыкаться об него и ломать себе ноги! Такое ощущение все-таки, что она защищает права чьи угодно – сотрудников ли тюрьмы, или уголовников, желающих смотреть телевизор по ночам – но только не мои... В итоге отнеслась к идее с удлинителем с сомнением, сказала, что поговорит с начальством, но ничего не обещает. Ясно, что не дадут никакого удлинителя...

Самое же паршивое – она на мой вопрос сказала, что матери моей сегодня не дозвонилась, – и не принесли магазин, который мать должна была сегодня же приехать и заказать!.. :(То есть, не то что часть, как обычно, а вообще ничего не принесли!.. И непонятно: это просто проблема доставки (т.е. проблема магазина), или же мать и не приезжала. И если не приезжала – то жива ли она вообще и что с ней. И в обоих этих случаях непонятно, ЧТО мне есть сегодня на ужин. Лежит полно лапши б/п и тушенки – но нет кипятка, а просить у дежурной «мусорши», да еще и после отбоя – ну уж нет, это будет себе дороже! (Пользуясь приходом ОНК и местного начальства, когда они уходили и она запирала за ними дверь, попросил, – в первый раз с 28 апреля попил дневной кофе...) Хлеб пайковый с маслом, как и вчера, только масла осталось уже не на три куска хлеба, а от силы на два... Что делать – непонятно; именно тогда, когда ничего нет, мне обычно больше всего и хочется жрать. И – еще непонятнее – как узнать, что там с матерью и будет ли магазин хотя бы завтра...

«Зеленый шатер» Улицкой Каретникова мне принесла, отдала как раз вовремя подошедшей библиотекарьше – и та через час принесла его мне уже

с библиотечными штампами. Насчет ножниц для стрижки – с Каретниковой и с присутствующим при ее визите «мусорским» начальством сошлись мы в том, что их тут – в карцере – нет, но начальство обещало, что может прислать человека с машинкой для стрижки (что мне не нужно, – еще ждут меня в лагере четыре с лишним года этих стрижек машинками). Да и всё равно зеркала в камере нет, даже если б были ножницы, – есть только в душе, но оно там крохотное, очень неудобное, да и отрезанные волосы там девать некуда...

В общем, не визит Каретниковой, а слезы, как и всегда. Вечно она раздраженная, нервная, куда-то торопящаяся, с двумя большими сумками в руках... Такое, чтобы нечем было поужинать, да еще притом, что сумка забита тушенкой и лапшой, у меня тут, в Москве в этот раз, на «пятерке» то бишь, впервые... :(((

Писем тоже сегодня нет. Куда провалились Майсурян и Лена Маглеванная, непонятно.

20.5.15., 7-й час вечера (после ужина)

День прошел. Магазин так и не принесли. Я в шоке, в отчаянии, сказать, что я нервничаю страшно – значит ничего не сказать. Принесли сейчас одно письмо – от Мкртчяна, без всяких неприятных известий, но распечатанное еще вчера вечером. Сука этот «мусор», дежурящий в карцере, как раз куда-то исчез – некому было открыть «кормушку», цензорша просто оставила письмо снаружи и ушла – а я-то хотел отдать ей, пользуясь случаем, и исходящую почту, чтобы вечером, в отбой, не стучать в дверь. Жрать мне нечего совсем; пришлось оставить на вечер эту несчастную рыбку – скумбрию, к счастью, хоть целую, а не как вчера – даваемую в казенный ужин. Ну, и хлеб придется есть с чем-нибудь – с кетчупом, скорее всего, благо его много и он очень хороший, с аджикой. И так тошно, жить не хочется, а тут еще и это – голод, неизвестность...

Мкртчян приводит в письме информацию от Старого Абрамыча из его ЖЖ: что, оказывается, Буковский только из СМИ узнал, что ему хотят предъявить обвинение в «непристойных изображениях», никаких обысков у него дома не было; но он лечится, причем состояние его настолько тяжелое, что комментировать скандал и разоблачать провокаторов он пока что не мог просто из-за болезни, госпитализации и т.п.

21.5.15., 11-й час утра (после проверки)

Здесь кошмар, конечно. Эта камера – их карцерные VIP-апартаменты :) – она ледяная! Радио с утра говорит, что на улице уже – наконец-то – плюс 20°, а я как одел вчера на ночь шерстяные зимние носки, которые зашивал еще в пермском ШИЗО спичкой – так и не могу их снять. Сижу – и чуть-чуть

ноги мерзнут даже в них. Снял утром спортивную куртку – и верхняя часть тела, несмотря на «тепьяк» (белье), мерзнет просто ужасно.

А кипятка нет, согреться нечем. Смешной этот русский идиотизм: чайник даже у меня есть – а розеток в карцере нет. Судя по тому, что никто на этот счет мне ничего даже не говорит, – Каретникова тоже пробить удлинитель не смогла. :(В результате – в сумке у меня лежит с десяток банок тушенки и полно лапши б/п, а ужинал я вчера вот этой вот рыбиной казенной, да еще двумя пайками казенного хлеба – освободил от корок, разрезал мякиш вдоль, два бутерброда сделал с кетчупом, два – с майонезом (гораздо вкуснее, не кетчупа у меня много, а майонеза мало). До чего я докатился, боже!.. Боюсь подумать, как я протяну еще 4,5 года, если с матерью что, если не будет постоянной поддержки от нее. Ребята, при всем желании, столько, сколько надо, собирать не смогут, а главное – не смогут с той регулярностью, как мне надо, что-то подкидывать, чтобы можно было жить... Кошмар, короче... Магазин так и не несут, и спросить не у кого. Мкртчян если и ответит, в лучшем случае я получу его письмо завтра вечером. Проклятая, проклятейшая страна!..

18-00

И еще день прошел. И снова – ничего, ни хрена... Даже писем нет... Тетка в форме – дежурная по карцеру – которую я в обед (через открытую «кормушку») просил позвонить в магазин, узнать, был ли мне заказ во вторник (19-го), в ужин на мое напоминание ответила, что не дозвонилась, там то занято, то никто не подходит. Обещала позвонить завтра с утра. Что ж... Отчаяние, ужас, тоска – все эти слова бессильны, чтобы описать мое состояние: дурацкая эта рациональная привычка – всегда просчитывать заранее самые худшие варианты... Приучаю себя к мысли, что мать уже всё, а на друзей тоже особой надежды нет – сколько соберут, да кто приедет, да когда... так что до конца срока, еще 4,5, так и придется на одной баланде... :(

22.5.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Ну что ж, куча событий... :) Утром на проверке эта же дежурная по карцеру, уже сдающая свой пост, сказала мне, что всё же дозвонилась в магазин. Оказался какой-то бред: моя фамилия в заказе была написана неправильно (?), поэтому они заказ расформировали! Но, слава богу, сам-то заказ все-таки был, т.е. – мать приезжала, с ней всё нормально. У меня огромная гора с плеч свалилась!.. То, что до следующего вторника (минимум; а то и дольше, пока следующий заказ принесут) придется еще четыре дня голодать, жрать хлеб с килькой и прочую ерунду, – это уж черт с ним! Главное, что жива...

В баню сегодня не пошел – с утра порадовали вестью, что там только

холодная вода, горячую отключили. Причем даже не сказали – на один день отключили, как уже здесь бывало, или же это уже плановое летнее отключение дней на десять, на две недели. Баня и так тут совершенно отвратительная, в карцере, так еще и холодной водой в ней мыться!.. Хотя какие-то уголовнички все же ходили (м.б., не все, не знаю).

Ну и наконец – то же самый жирный омерзительный боров ДПНСИ принес после обеда ответ начальника тюрьмы на мое вчерашнее заявление с просьбой разрешить мне удлинитель в камеру. И на заявлении написал, и устно через ДПНСИ передал: выдавать мне кипятик три раза в день; а удлинитель – низ-з-зя, причем даже без объяснения причин. Мрази, ублюдки, недочеловеки, тупое быдло в погонах, всех вас в печь, всех без исключения!.. Пользуясь случаем, у девчонки, дежурящей тут сегодня, я и попросил кипятку (хоть не пришлось стучать в дверь и звать ее) – и второй раз за три недели «жизни» в этом карцере выпил послеобеденного кофе со сгущенкой.

Вечером принесли письма, в том числе от Ткалича, про которого я как раз вспоминал, что он что-то давно не пишет. От Лены Маглеванной – но того письма, где я спрашивал позавчера про мать, она, оказывается, еще не получила, отвечала 21-го мая на мое письмо от 14-го, – странно, почему так поздно. А от Мкртчяна, которому я тоже позавчера писал про мать, просил срочно ответить и ждал сегодня ответа – вообще ничего не пришло. Не получил – или решил, что торопиться ему некуда?

23.5.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Сегодня под вечер, после ужина уже, вся эта уголовная нечисть тут, в карцере, и русская, и кавказская, опять взбеленилась и разбушевалась. Поводом послужило неординарное событие: сюда, в карцер, да еще соседний со мной (№4) спустили вдруг парня из хозотряда. Сперва он некоторое время не отвечал на обращенные к нему призывные вопли: «Четвертая кича!! Четве-о-ортая ки-и-ча-а-а!!!» – но потом все же ответил, причем вполне достойно, именно так, как и надо отвечать этому визгливому блатному быдлу: «Ну, чего надо?!! Говори!!». Тут же выяснилось, что он из хозотряда, а посажен сюда, как он сказал, «за связь». И началось!..

Супер-пурер-блатная 18-летняя азербайджанская обезьяна, сидящая прямо напротив меня, в 8-й, и визжащая тут постоянно больше всех, без умолку (не могу уже дождаться 29-го, когда ее уберут), и про «воровское» и пр. в том числе – сперва начала вопить, что, мол, тут сидят «порядочные арестанты», а он, мол, нам не ровня, такой-сякой, «козел» – и вообще, мол, уберите его отсюда! Потом этой юной мразоте удалось как-то даже добиться, что ее вывели (!) к оперу по этому вопросу (обычно опер приходит

сюда сам, если его долго и упорно звать). Пришла, сообщила, что опер пообещал убрать «козла» в понедельник, до тех пор, мол, пусть посидит. Обезьяна азербайджанская настаивала, чтобы убрали сейчас же. Опер попросил подождать час – он, мол, за это время поднимется к... тут было названо какое-то неразборчивое имя. И только вот сейчас, из их (этих уголовных мразей) обычного буйного послеотбойного обсуждения всех проблем я уразумел: это имя – армянское – имя нового «положенца», возникшего после того, как старого вывезли – прямо отсюда, из карцера, не так давно – почему-то на «Медведково». Главное – примечательно очень, что опер, оказывается, не к кому-нибудь, а к «положенцу» идет решать вопрос, кому где сидеть! Хорош опер, да и вообще – хорошо начальство тюрьмы, открыто пляшущее под дудку блатных! А еще – по этому имени (называть тут я не хочу, чтобы не рекламировать и не увековечивать всякую мразь) я вспомнил: очевидно, это тот самый молодой армянин, лет 30, м.б., 35, который как-то раз ездил со мной в одной машине на «суд», говорил еще мне, что, мол, он меня с моей палкой не раз уже видел на лестнице, ждущим отвода к адвокату, в щель в двери своей 112-й «хаты»; а другим он там, в машине, рассказывал, помню, как он «героически» боролся у себя на «копейках», чтобы «пидорасам», спущенным на «копейки» с «двоек» на время ремонта там, наливали баланду не из того же бачка, что и всем остальным, а из отдельного. Мразь, короче, обычная блатная уголовная мразь с мозгами, полностью вывихнутыми на почве гомофобии и кастовой системы. Уехала одна мразь – теперь здесь всем рулит другая такая же, и опера бегают с ней советоваться...

Обсуждение в карцере после отбоя было бурным, были произнесены через дверь пламенные речи с обычными призывами «интересоваться», «общаться», объяснять всё новичкам, спланиваться воедино, не провоцировать «мусоров», не ставить под удар «положение», которое «налаживали другие люди, которые раньше здесь сидели», и т.д. и т.п. – в общем, набор обычной уголовно-блатной демагогии. «Положение» же это один из ораторов обрисовал предельно четко, выразил, наконец, в чем оно для них конкретно состоит: мол, «бывало, мы тут сидели по 15 и по 20 суток и без «первого», и без «второго», и без «третьего!»...» :)))))) «Третьим» – я наконец услышал на днях – они именуют «чиркаш», т.е. ту часть спичечного коробка, об которую зажигают спички. Откуда всё это «положение» сейчас берется, тоже стало предельно ясно: дневальный карцера, придя на отбой – раскладывает матрасы у камер – громко ответил азербайджанской обезьяне на ее домогательства: «Я принес три пачки», – распределяйте, мол, сами как хотите. Он открыто носит сюда курево, строго

во всех карцерах запрещенное, от дежурных теток его даже и не прячут (наоборот, их же всё время просят его передать из камеры в камеру, и они носят!), только от ДПНСИ на проверке, – и вот это-то безобразие и называется у них (произносимым с придыханием) словом «положение» и охраняется как главная святыня...

Что же до бедолаги из хозотряда – то кто-то, как я и думал, вспомнил тотчас и меня. :) Мол, было уже – заехал тут один, молчал, «сухарился» – и сказали баландеру, чтобы ему еду давал последним (и в свою посуду, естественно, – хорошо еще, что я ее захватил с собой, а не сдал, как мне предлагали; но плохо, что мне ее самому приходится и мыть, а не отдавать назад баландеру). Какая-то одна мразь из них всех сидит тут уже второй раз за короткое время – и прошлой «пятнашкой» меня и застала, остальные все новые (еще бы, им больше 15 суток не дают, а я сижу уже 25). Так же решено было сделать и с этим бедолагой из хозотряда – не бузить, не требовать его убрать, дабы не пострадало священное сигаретно-спичечное «положение», а вместо того – сказать завтра утром баландеру, чтобы ему тоже наливал после всех, или даже вообще – я не понял этот их бред точно – приносил ему отдельно. Как и в чем он будет носить отдельно – загадка; как и – есть ли у «козла» своя посуда и где ее взять, если нет. Но – самое неприятное то, что он теперь – на свои 15 суток – мне вроде как конкурент. :))) : если баландер будет класть мне жратву после не только всего карцера, но и этого «козла» – боюсь, мне уж вообще ничего там, в бачках, оставаться не будет... :)))

* * *

Кстати, не знаю уж, у кого из охранителей «положения» промелькнула в дискуссиях после отбоя эта мысль, в корне противоречащая самим основам их мерзкой кастовой системы, – но кто-то из них вдруг очень разумно сказал (кажется, азербайджанской молодой обезьяне, оравшей, что она, мол, не будет ничего брать у баландера, пока «козла» не уберут из карцера): ты, мол, из рук баландера каждый день пищу берешь, а посадят его самого сюда, в карцер – ты есть не будешь, пока он здесь? (Не цитирую, но смысл был такой.)

25.5.15., 1-й час дня (после обеда)

На завтрак – гречка, на обед – сечка... :) Правда, в сечку намешали нарубленную кусочками сосиску. Я ее повыковыривал, но до того, чтобы жрать сечку, слава богу, еще не опустился, удержался. Хватит и рубежа «перловка», позорно сданного в голодном пермском ШИЗО в том году... Но, как и в Перми, весь день тут нормальной пищи не дают: если завтрак ничего, то на обед – дрянь (как сегодня), или на ужин. Вчера дали – к селедке и картошке, намешанной с «вискасом» – отвратительную полугнилую

шинкованную вареную свеклу, вперемешку с кожурой. Идиот баландер, заглянув ко мне в «кормушку» и перечисляя мне, как обычно, состав ужина, сказал: «капуста»...

Тоска ужасная, дикая, с самого утра. Как всегда, впрочем, по утрам. Ясное понимание того, что жизнь прошла, безвозвратно прошла; что впереди нет ничего, ради чего стоило бы жить дальше, а только один ужас, ужас и ужас... Ближайшим ужасом, судя по всему, будет этап и лагерь – если это, как я думаю, окажется уже другой лагерь, не пермский. А это, скорее всего, так и будет. Предчувствие говорит мне, что это будет такой ужас, перед которым всё, что я видел до сих пор, и тем сроком, и этим, окажется просто детским утренником...

27.5.15., 2-й час дня (после обеда)

Принесли, слава богу, вчера новый магазин, теперь хоть не голодаю тут. Принесли письма – от матери, Майсурия – наконец-то!! – Орлеаны и Веры, а от Маглеванной почему-то до сих пор нет. Под вечер таки докопалась опять до меня какая-то блатная мразь, таджикская или узбекская, не знаю, несколько дней назад заехавшая, со всеми тут говорящая очень начальственным тоном :) и решившая лично выяснить, кто же это там сидит в «пятой киче». Я ответил, сказал имя и возраст, но слышно ей меня было, как всегда, плохо (не орать же мне, в самом деле :) – и мразь быстро отстала. :) Но разочаровал магазин – колбаса опять только сырокопченая, причем большими батонами.

около 5-ти вечера (после ужина)

Еще одно крупное событие вдруг произошло. :) Приходил сейчас, около часа назад, раввин. :) Впервые за два года – с 10 июля 2013, на «Медведкове» тогда еще (и, естественно, сам раввин – другой). Подействовало, значит, то, что в последний визит ко мне Каретниковой я попросил ее поговорить обо мне с Гуревичем, и она как раз сказала, что через пару дней увидит его на каком-то совещании по линии ОНК, записала для памяти – и, слава богу :) , не забыла, сказала, и он согласился и меня в своем ФЕОРовском списке восстановил. И вот – неделя прошла – уже живое свидетельство, что она ему сказала.

Опять было то же, что и на «Медведкове» – молитвы, только еще красочнее: одел он на меня не только кипу и тфилин (на руку примотал, а на голову, под кипу, по-моему, просто положил), но и – этакое белое пончо :) из тонкой ткани, одеваемое через дыру для головы. Поэтому я его и называю «пончо» :) , а у них, если не путаю, именно... нет, не помню точно, как называется, а то, что хотел написать – вспомнил, что это не оно. И молитвы, даже на иврите, дал он мне читать по молитвеннику – в русской

транслитерации, с ударениями, но все равно – первый-то раз надо произносить это медленно, тщательно и вдумчиво, а он как-то быстро задал мне темп, некогда было ждать. Впрочем, сказал, что можно и не особо вслух, и я бормотал тихонько – не особо стараясь прочитывать всё точно, с пятого на десятое. Это лучше, чем в «Медведкове» – тот просто говорил со слуха повторять за ним на иврите. Тут же, сегодня, часть молитв была и по-русски, тоже по книге.

Конечно, представить себя во всем этом несуразном одеянии, стоящим и бормочущим всю эту чушь – молитвы богу, в которого я абсолютно не верю – мне дико смешно самому. И ГБ-шный насквозь этот ФЕОР если для чего-то вообще и нужен мне, то не для молитв, конечно. Мерзость из мерзости, совкизм, победобесие, жополизство Путину – но, увы, по меркам пермского ПКТ, где мне пришлось побывать, посылочка от них с медом, изюмом (как тем сроком слали мне они же в Буреполом), да даже просто с мацой – была бы просто счастьем, по тамошней-то голодухе... А сейчас еще неизвестно, куда завезут, в какие условия посадят, какая там будет «килишованная посуда», и т.д. и т.п. Правда, тем сроком Лебедев из Рыбинска, дай бог ему здоровья, сообщил им обо мне, когда я уже был в лагере, – раввины не приезжали, а вот посылки были иногда. :) (Забыл, кстати, написать, что их газета и журнал ежемесячный в пермском ПКТ тоже были бы отнюдь не лишними.) Сейчас же – и в 2013, и в 2015 – я в Москве, отследят ли они, куда меня увезут, чтобы опекать и там, – я не знаю, а надо мне именно это – там, а не здесь. Что ж, надо будет как-то постараться дать о себе знать – или опять через Каретникову, что маловероятно, или, м.б., в следующий раз спросить у этого раввина (он обещал приходить где-то раз в две недели) почтовый адрес Гуревича, чтобы уже оттуда опять писать ему самому – м.б., дойдет...

28.5.15., 1-й час дня (после обеда)

В общем-то, на постоянно мучающий меня вопрос – почему же это всё так вышло? – нет другого ответа, кроме того, который еще в 2006, в этой же самой тюрьме, я случайно, интуитивно нащупал и сформулировал как-то однажды в письме к Санниковой: потому, что я – неудачник. Другого объяснения нет, а это – подтверждается тем, что не повезло мне ни в чем: ни в том деле, которому я посвятил свою жизнь, ни в жизни личной, – практически одинаково, в равной степени. «...повезет в любви» – из песни Верещагина – тоже не сбылось касательно меня. Если бы проблемой было только мое изгойство среди «коллег по цеху» (не всех, кстати, но – большинства, причем – ведущих), – я бы еще мог поверить, что дело тут в каких-то моих собственных ошибках (сколько лет их ищущу, уже почти десять, с первого ареста, – и не нахожу). Но когда – ни тут и ни там, куда ни

кинь – везде клин, – тут уже ясно, что дело не в личных ошибках что это, грубо говоря, Судьба. Я – неудачник, и этим всё сказано, и исправить это нельзя. Скорее бы сдохнуть!..

9-й час вечера

Писем опять нет. Нет надежды, нет жизни, нет ничего... Глухой тупик... Боже, если б только кто знал, как я ненавижу эту проклятую страну, исковеркавшую мою жизнь, обрекающую меня на мучения!.. Я бы сжег, уничтожил, стер с лица земли ее всю, без остатка, за эти годы и за это вот тоскливое, безнадежное, окончательное понимание, что все кончено, жизни нет!.. То, что обычно люди чувствуют, освободившись из тюрьмы – что они никому там, на воле, не нужны, глубокое разочарование в этой воле, – я сполна ощущаю уже сейчас. Доживу, допустим, – и что? Некуда будет идти, не к кому... Даже дома своего у меня теперь нет... Господи, как же люто, смертельно, невыразимо словами я ИХ всех ненавижу!!!...

29.5.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Ни мать, не Сидоркина так и не пришли. Завтра суббота. Второе свидание за май, значит, так и пропало, в июне его никто восстановить не даст. Банный день – но вода опять холодная, опять я не пошел. На ужин опять была кислая ошпаренная кипятком капуста, да и ужины здесь варварски рано – в пятом часу.

Принесли, слава богу, письма – от Дарьи Костроминой, корреспондента «Граней», освещавшей мой последний процесс, и от Майсурия, №94 – тоже с распечатками по процессу. Там оказался и тот материал, что, по словам Сидоркиной, готовил ее знакомый журналист, недавно устроившийся в The New Times. Материал о нескольких осужденных по 205.2, как он и обещал. Вот только опубликован он оказался вовсе не в New Times, а на сайте Кашина, да еще с доменом kashin.guru, который я до сих пор ни разу не видел и даже не слышал. Вот так, а Сидоркина-то мне говорила, что, мол, он для NT готовит материал. Хотя, вполне возможно, он и предлагал его сначала в NT...

Ушла сегодня наконец-то из карцера эта 18-летняя азербайджанская обезьяна. Сразу стало легче дышать! :) А вчера, после отбоя, эти уголовные мрази здесь сумели-таки разговаривать моего соседа-хозотрядника из 4-й камеры, того самого, с которым яростно отказывались есть из общих мисок, – и он, прекрасно зная об этом, согласился с ними разговаривать... Оказалось, сидит он не за телефон, как я подумал из его слов «а связь» в первый день, а – «за связь с женским отрядом» (действительно, есть тут такой, работают и девки по хозяйству), точнее, за проникновение туда. Когда же стали спрашивать – оказалось, что сам из Питера, а сидел, пока

не пошел в хозотряд, в 507 – т.е., на спецу. Как его – иногороднего, да еще с таким делом, что держали на спецу – взяли в хозотряд, – загадка. Обычно туда берут, во всяком случае, только местных.

30.5.15., 3-й час дня (после обеда)

Давление, что ли, разыгралось с утра, точнее, еще с ночи, – тупая боль и тяжесть в башке, но не слева, как обычно, а в затылке скорее. И не то что в глазах уж совсем темно, но – что-то такое есть, у меня еще в Буреполоме в январе 2010 так было, первый раз тогда. После обеда пришлось просто лечь и лежать, то ли просто закрыв глаза, то ли и впрямь засыпая моментами – сам не разберу – пока отпустило. Не то чтобы совсем прошло давление, но стало полегче, симптомы эти тяжелые вроде исчезли. А тут еще на проверке тот самый жирный мерзкий боров ДПНСИ докопался: мол, почему не убираешься в камере, грязно, вишь, ему показалось! Мразь такая, свинья вонючая в камуфляже, надо тебе – сам возьми да уберись, все равно зря живешь, только небо коптишь... А их, этих мразей всяких, на проверку, как всегда, приходит целая толпа, и тут же стоящая врачиха (точнее, фельдшерница, конечно), сука, моложе меня, небось, – вдруг стала тоже борову поддакивать, тоже делать мне замечание про эту уборку, да еще и на «ты»! Меня это почему-то, не знаю, почему, взбесило больше всего – вроде я с ней вместе свиней не пас; когда медпомощь нужна кому-то, так в этой проклятой тюрьме не допросишься, не дозовешься, а и придет – никакой помощи от нее; а тут она, сучка эта, вместо того, чтоб свою работу нормально делать, мне замечания еще делать надумала, мразь!.. До сих пор жалею, что не ответил им всем так, как они заслуживают, даже без использования мата. Хотя – тут, в карцере, этим легче, чем где-то еще, в другом месте, добиться, что нары мои начнут по утрам поднимать, матрас отбирать, а вещи и магазинную жратву тоже вынесут... :)))

Таким образом, последние два дня, вчера и позавчера, настроение у меня было отвратительное, запредельно мерзкое – просто от осознания, что жизнь прошла а я в ней так ничего и не добился, и никого у меня нет, и никаких перспектив, ничего нет впереди такого, ради чего стоило бы жить; ближайшая перспектива – этап и шмон в Кирове. Слегка лишь отвлекли меня вчера вечером от этой тоски письма, особенно – майсурияновские распечатки. А сегодня из-за давления этого не было с утра даже сил ни о чем таком и думать в 1000-й раз, – о том, что жизнь прошла и перспектив нет... Хотя – их ведь действительно нет. Стал думать утром о том, что, вот, допустим, я доживу до конца срока, выберусь из этой проклятой страны, попробую там, в Европе, найти людей, которые так же ненавидят эту страну, как и я, которые тоже от нее пострадали, и т.д. Кстати, самые первые, кого и

искать не надо, – МФФ И Антоша; плюс еще чеченцев множество, и т.д. Ну так вот: постараться бы вместе с этими людьми организовать какую-то реальную борьбу против России, ну, скажем, какие-то взрывы в городах, самое простое. Я уж не говорю о такой сказке, такой хрустальной мечте, как – отобрать у москалей Петербург, помочь ему отделиться и провозгласить независимую республику; при том человеческом (точнее, биологическом) материале, которым он сейчас населен, это чистая фантастика. Но даже и просто взрывы: нужны деньги, нужны исполнители в России (где их взять, тем паче на расстоянии? Через читаемый ФСБ интернет вербовать?), плюс – это всегда возможность неприятностей с местными властями. Захочет ли, согласится ли на это МФФ или еще кто-то? Увы, едва ли... :(Конечно, проще устраивать фотовыставки создавать сайты – и ощущать, что ты борешься с империей зла... :(((То бишь – не будет мне удачи и здесь, в главном деле моей жизни – борьбе с этой проклятой свинской империей, – потому что я неудачник... :((((

ИЮНЬ 2015

1.6.15., 9-й час утра (до проверки)

Понедельник. Лето. Тоска... Жуткие, тоскливые предчувствия, постоянное ожидание беды еще худшей (я ведь и так уже третий год в беде). М.б., сегодня принесут бумагу, что рассмотрение в Верховном «суде» уже назначено... Хотя – не было бумаги, что дело отправлено туда (но ее может и не быть); не было и полного варианта жалобы Сидоркиной, и реакции на нее прокурора... Я накручиваю себя, конечно, но – ожидание грядущего, близкого ужаса не оставляет меня. Ужас этапа, а потом – еще худший ужас в лагере... Проклятая страна!.. До чего же я ее ненавижу, – нет слов, чтобы достойно описать эту ненависть... Четыре года и пять с половиной месяцев еще... Это не 20 лет, конечно, не 15, не п/ж, но всё равно – ужас, ужас, предчувствие чего-то страшного, чего не выразить словами. Проклятая страна, она отняла у меня всё, исковеркала всю мою жизнь, и я не знаю такой казни, которая была бы для нее и для населяющего ее быдла слишком жестокой, – за мои страдания...

18-00

Опять – ни писем, ни свиданки, ни адвоката, ни магазина... День прошел впустую. Пришла только какая-то поганая бумажка из пермского краевого «суда». Заказывать еду мать, видимо, сегодня опять не поехала, – раз, она говорила, машина приходит сюда по вторникам, то и она, скорее всего, решила ездить по вторникам, а не по понедельникам, как я просил. Страшно подумать, что со мной будет, если магазин не принесут и завтра – и опять придется так же дико нервничать, как недавно, в 20-х числах мая... Колбаса еще есть дня на три-четыре, масло практически уже кончилось. А самое паршивое – что кончилась жизнь, кончились надежды хотя на какое-то будущее...И Маглеванная так и не пишет, теперь про мать, если что, и узнать-то не у кого будет, – с того самого раза, с 21 мая, она так и не написала мне ни одной строчки, не знаю уж, почему, куда делась; и Мкртчян на просьбу (20-го) позвонить матери и узнать даже не ответил... :(((

Опять стал я плохо спать, – не могу заснуть никак, вчера ворочался часов, наверное, до двух ночи (по ощущениям). Тоска, отчаяние, пустота, бессмыслица, постоянное ожидание какой-то новой беды... Лучше бы мне умереть... И жаловаться бесполезно, никто ничем не поможет, да обычно никто и не отвечает на эти мои произвольные жалобы. Та же Лена Маглеванная, та же Вера... Надежда Банчик тоже вряд ли что-то ответит по теме, если мое письмо и дойдет (дошло) до нее. Да и что тут, в самом деле, можно ответить?.. Те, кто хорошо ко мне относится, кто и хотел бы помочь,

– не могут, от них ничего не зависит. А те, кто мог бы, – не хотят... Так вот и получается, что старался всегда быть во всем лучшим – и за это-то теперь в меня кидают камни, не хотят защищать, и, просидев уже 7,5 лет, получив уже три приговора чисто за слова – я по-прежнему никто, как был никем в ранней юности. «Радикальный публицист» – и только...

2.6.15., 6-й час вечера (после ужина)

Проклятая страна...

Сегодня утром – уже пробило по радио 10 и я сказал себе: ну всё, свиданки нет и сегодня – вдруг, минут в пять 11-го, открывается дверь – и за ней, кроме дежурной надзирательницы, стоит тот низенький, плотный, приземистый лысый «мусор», что водит на свиданки!

Свиданка состоялась-таки. Оказалось, что мать не знает о том, что ее заказ от 19-го мая мне не принесли, – Лена Маглеванная, хоть и получила мое письмо об этом, но ей не сказала; сообщила только, что фамилию перепутали, а что из-за этого заказ не принесли и я неделю жрал один хлеб – не сказала. И деньги, конечно – семь тысяч – матери никто не вернул.

Еще сказала она, что вчера, в понедельник, пыталась-таки попасть ко мне на свиданку, но... Короче, ей позвонил секретарь из военного «суда», сказал, что разрешение готово, можно за ним приехать. А Сидоркина была в этот день вроде бы где-то не в Москве, так что матери пришлось срочно ехать самой, – хорошо, что есть машина с шофером (хоть и платным), а не на метро. Приехала, взяла, сразу поехала в тюрьму, ждала еще здесь довольно долго – и ее завернули: оказалось, что на разрешении нет печати! Как всегда, она не посмотрела, когда брала бумагу... Рванула сразу же на той же машине обратно в «суд», поставила печать – а ко мне уже сегодня...

И вот вчера – пока ждала, видимо – она еще успела зайти тут в магазин, дать своей знакомой, которая там работает, пять тысяч, – а заказывать, плюс требовать назад свои семь тысяч, должна была уже сегодня, после свиданки. Самое неприятное, что она мне сегодня сообщила, – на ее вопрос тот же самый секретарь «суда» сказал ей, что дело мое они отправят в Верховный «суд» уже 5-го июня. Этап в бездну неумолимо приближается... Еще сказала, что Лена Маглеванная по телефону еще в пятницу (29-го) (!!) обещала ей, что она мне напишет.

И вот – итоги дня. Странные какие-то итоги, бредовые. Писем так и не несут, хотя уж сегодня-то я их крепко ждал, был уверен, что они просто-таки должны быть. Понедельник, вчера, – еще ладно, но вторник!.. Нету писем. А магазин – вот только что магазинщица притащила... четыре пачки нарезанного сыра! И всё!!.. На мои вопросы, естественно, отвечала, что ничего не знает, что было в накладной – то и принесла, и высказала

предположение, что, м.б., мать больше ничего и не заказала. Ну, разве что в том случае, если в приехавшей сегодня машине ничего не было, кроме сыра... В общем, бред какой-то...

Ну хорошо, если не принесут ничего жрать и завтра – колбасы мне хватит до субботы, м.б., до воскресенья. Следующий заказ опять во вторник. День или два опять сидеть на хлебе и кильке (если еще она будет)... Смешно, наверное, что я так забочусь и волнуюсь об этом – о грубом, бренном, земном пропитании, вместо того, чтобы жить духом, идеями, книгами... Но – что поделать; бывает, что жрать хочется по вечерам, перед отбоем, ужасно, без нормального ужина никак не заснуть. Впрочем, по моим наблюдениям, уголовники заботятся о своем куреве гораздо сильнее, чем я о еде, чуть ли не ради одного курева, чтобы его «загонять» и «разгонять» из одних камер в другие, поддерживают свою еженощную «дорогу»...

С ужасом прикидываю, сколько будет весить сумка с продуктами – впридачу к вещевой – на этапе. Два с половиной кг одной тушенки (десять банок; но бросать ее здесь, как бросил в том года в «Медведкове», я не хочу); плюс – два кг сахара; лапша, кофе, чай, две-три пачки кетчупа. Вдруг и колбаса останется на день этапа – придется брать и ее.

3.6.15., 6-й час вечера (после ужина)

Магазин таки принесли сегодня утром. Как объяснила мне магазинщица, которую еще вчера я изумленно спрашивал, где же всё прочее, кроме сыра, – сыр мать оплатила утром (не мать, а ее знакомая в магазине, скорее всего), а за всё остальное платеж прошел только вечером. После свиданки, в первом часу, она заказывала... Бред какой-то, короче.

С письмами же бред еще больший. Их так и нет. Сейчас, при раздаче ужина, спонтанно спросил вдруг сегодняшнюю дежурную (молодую девчонку), не может ли она позвонить в цензуру и узнать, где письма. Никак не ожидал, – но она легко согласилась. Едва успел поесть – открыла «кормушку» и сказала, что писем для меня никаких нет.

Вот так номер!.. Что же, значит, ни Лена Маглеванная, ни Орлеана, ни Мкртчян, не говоря уж о Крюкове или только недавно ставшей моей корреспонденткой Костроминой, не могут мне написать? Где же вы, друзья?!. :(((С 21 мая ничего нет от Лены, и даже отсутствием денег на карте не могу я объяснить эту задержку: раньше-то всё-таки возобновлялись как-то деньги, и не столько времени это занимало... Если она собиралась куда-то уезжать – тоже обычно меня предупреждала заранее. В общем, открытие далеко не радостное, – с 29-го мая, значит, мне никто еще ничего и не написал. :(((Вот так, значит, я им всем нужен... :(((

Принесли зато днем возражения прокурора на апелляционную жалобу

Сидоркиной, отправленную 1 июня. А ее более полную жалобу, которую она обещала написать после знакомства с протоколами «судебных» заседаний, не принесли до сих пор. Видимо, она так и не написала – а они, устав ждать, решили 5-го июня отправить в Верховный «суд» ту, что есть. Это очень плохо. На то, что жалобу удовлетворят, я, разумеется, и не надеялся, а просто – этап всё ближе и ближе. Этап в ужас...

4.6.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Принесли наконец-то сегодня письма. Конечно, цензорша вчера соврала: коротенькое электронное письмо Лены Маглеванной (и впрямь у нее кончались деньги на карте; как только появились – она написала) датировано 1-м июня, а распечатано – 3-го (вчера) около часу дня. То есть, вчера вечером оно уже лежало распечатанное, но сука цензорша его не принесла. Два письма от Землинского со штампом местной почты от 2 июня – тоже, видимо, вчера уже были...

Лена же 2-го июня написала еще одно письмо, побольше, сообщив в нем потрясающую новость: у нее уже пять кошек! :)) Подробностей она никаких не привела, я задал вопрос, жду ответа. А вот с сайтом моим она, похоже, напортачила. :(Прислала, как я и просил, скрин первой страницы – почему-то его правая сторона распечаталась тут не вся, только края ближе к фотке, но и по этому краю я вдруг понял, что нижние ссылки с левой стороны («Стихи» и ниже) теперь почему-то торчат на правой, а правые – идут ниже их через заметный промежуток. Она, конечно, слева навешала много лишнего (шестковскую книжку, которую я просил засунуть в «Письма и обращения», слова «ненапечатанная брошюра» и пр.), но ведь я точно помню, что первая страница сайта поделена на три вертикальных колонки, которые по высоте никак не ограничены, вешай сколько хочешь – всё должно просто уходить вниз. Бред какой-то!.. Да еще и понял-то я это поздно, когда уже письмо было написано, даже для P.S. оставалось всего на пару строчек места. Что ж, если моя догадка подтвердится – будем разбираться и убирать лишнее...

Землинский тоже написал потрясающие новости. Главные – вышел наконец из психушки на Столбовой Ян Мавлевич, с 1997 (!) там сидевший. А американцы в Ираке (Сирии?) убили одного из вождей ИГИЛ – сидевшего в лагере в Мордовии чеченца, позже переведенного в лагерь в Чечню и оттуда бежавшего. Фамилию Землинский не называет (я задал вопрос в ответном письме), но, похоже, это младший брат того самого чеченца Сигаури, с которым я сидел здесь, на этой тюрьме, в 02-й сборке, неделю с 8 по 15 марта! Потому что именно такую биографию младшего брата он мне и рассказывал – и про Мордовию, и про побег (перевод в Чечню вроде бы

старший брат и пробил, да и с побегом, по-моему, помог, – уже не помню, утверждал ли он это как реальный факт или как версию ФСБ, которое немало его потаскало насчет брата, когда тот занял крупный пост в ИГИЛ). Ну и так, по мелочи: что украинцы взяли двух пленных из бригады спецназа ГРУ и показали интервью с ними на весь мир, а Москва тут же от них отреклась и заявила, что они уже уволены из армии (т.е., типа, поехали в Украину как частные лица); что каких-то бандитских главарей сепаратистов на востоке Украины не так давно ликвидировали, похоже, путинские спецназовцы, хоть и приписывали это официально украинцам, и т.д. Новости в целом радостные. :) Грустная только одна: Кара-Мурза-младший, по словам Землинского, живший в Англии и друживший с Буковским (хотя для меня он скорее человек из тусовки Немцова, чем Буковского), госпитализирован – почему-то в Москве – с диагнозом «почечная недостаточность», находится в очень тяжелом состоянии, ему вроде бы делают диализ – и многие сочли это явным покушением со стороны ФСБ, «терактом». Впрочем, и про неожиданное ухудшение здоровья Буковского в апреле, как раз совпавшее со странным наездом по поводу «недопустимых изображений детей», многие на воле, как я понял из писем, думали и думают так же...

5.6.15., 8-й час вечера

Ну вот, баня была наконец-то. Горячую воду дали. Писем, конечно же, не было: хорошенького понемножку. Дежурит по карцеру такой омерзительный хмырь, что кипяток для кофе я и не пытался даже у него просить. Пустота... Тоска дикая. Жизнь прошла, и скоро этап, и вокруг опять будут уголовники... С такой тоской не живут на свете, с ней нельзя и нечем жить, и я очень хотел бы умереть, явно уже исчерпав свою миссию на этом свете.. Умереть никем, как никем родился 41 год назад, ибо звание «радикальный публицист» мне, увы, недостаточно. Очень хотел бы умереть, но, к сожалению, никак не могу решиться...

9.6.15., 10-й час утра (до проверки)

Ну что ж. Приходила вчера наконец-то Сидоркина, мой адвокат, без четырех дней месяц (!) мною ожидаемая. Сказала, что в Верховный «суд» вряд ли дело отправили из военного уже 5-го, как обещали, ибо они всегда говорят одно, а делают другое. Что ж, дай бог. Но – боюсь, что всё же отправили... Принесла она еще и новости, с непривычки показавшиеся мне оглушительными: позавчера (в воскресенье) в Омске задержан Корб (!) – за распространение каких-то «экстремистских» материалов, – что уж такое он там раздавал?! И вроде бы – на вчерашний день, когда мы с ней говорили об этом, Корб еще находился в ментовке. :(Еще громкая (для меня) новость –

Саакашвили, оказывается, назначен не то мэром Одессы, не то – даже скорее – губернатором Одесской области. Что ж, дай ему бог, он и на этом посту, как и на любом другом, будет полезен Украине и всем нам; но – мне, ей же богу, казалось, что Миша достоин большего и способен на большее, да и не только мне. Был советником правительства; Сидоркина говорит, что Яценюк предлагал ему свой пост премьера, но Миша отказался и предпочел Одессу. Что ж, дай ему бог!.. Еще выяснилось, что на этих днях во Франции умер в возрасте 77 лет Леонид Плющ, знаменитый украинский диссидент, книжку которого «На карнавале истории» еще в 2004 присылал мне из Вены Дубров. Я и не знал, собственно, что Плющ до сих пор был жив.

А так, в остальном – ничего нового и хорошего. Разве что – кучу книг принесла мне вчера местная библиотечка, как раз пока я был у адвоката. Часть – из моего списка, часть – из «списка ДС для внеклассного чтения» Новодворской. Можно теперь топить свою боль и тоску, постоянно меня одолевающую тоску по зря прожитой жизни – в книгах. Только бы мне хватило времени прочесть их все до близкого уже этапа...

10.6.15., около 3-х ч. дня

Только что приходил опять раввин, – точно, ровно две недели прошло, как он и говорил тогда. Сказал, что Гуревич меня помнит, вручил от него гостинец – пачку баранок «челночок», пачку халвы и коробку мацы. :) Эх, мне бы тогда, в пермском прошлогоднем ПКТ, это счастье...

Весь день молчит радио, даже время не узнать. Дежурит по карцеру какая-то новая тетка, раньше не видел ее. Хорошо, что среагировала (не сразу, потом) на кнопку, принесла мне кипятку для кофе. Заодно попросил ее позвонить в магазин, видя, что не несут и не несут заказ, а мать еще вчера, во вторник, должна была приехать, заказать. И – вот тебе, пожалуйста: дежурной ответили, что на меня не было заказа! Как гром среди ясного неба... Что же там опять с матерью, что должно было случиться, чтобы она вообще не приехала?! Жива ли она там? Или, м.б., просто возник очередной напруг с машиной?.. Честно говоря, у меня просто нет уже душевных сил, чтобы опять начать нервничать и психовать по поводу нее так, как тогда, в мае, когда они расформировали заказ. Даже если в этот раз и еще больше поводов для беспокойства... А скотина раввин – я как раз перед его приходом о нем тоже думал как об одном из вариантов связи с волей, узнав, что мать не приезжала, – так вот, скотина раввин отказался ей позвонить!.. :(((Сказал, что на это ему нужно какое-то разрешение от Гуревича (?!). Всё, всё деградирует, кругом одно дерьмо, – тот раввин, что приходил ко мне (уже после Гуревича) в «Медведково», от таких просьб не отказывался, хотя, если не путаю, я всего один раз о чем-то подобном просил. То есть, до

следующего вторника, когда (если) мать сама придет на свиданку, или хоть магазин закажет, я узнать ничего не смогу и буду психовать... Остается еще Каретникова, которая не чаще раза в месяц ходит и с 19 мая уже не была, – но едва ли она придет именно вот сейчас, когда она больше всего нужна... Кстати, забыл написать в тот раз: Сидоркина позавчера сказала, что накануне ее визита, т.е. 7-го, приходил сюда Бабушкин, разбирался, в частности, с отвратной местной жратвой (уже вовсю пошла традиционная летом сушеная картошка, на вкус мерзопакостная). Потом он где-то в интернете это опубликовал, откуда, собственно, Сидоркина и узнала; но – ко мне-то, тварь такая, даже и не подумал зайти, хотя бы на пять минут.

В общем, некого ждать, нельзя ничего узнать, не к кому даже обратиться. Гена, между прочим, так и не ответил на то мое отчаянное письмо, еще апрельское, и вообще не пишет. Вера напишет еще неведомо когда теперь, т.к. последнее ее письмо было сравнительно недавно. А скоро уже этап... Не к кому, абсолютно не к кому обратиться, никого близкого я себе не нажил за всю-то жизнь, ни одного человека... :(((

13.6.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Всё та же тишина. Неизвестность... Никто не приходил (я всё ждал – м.б., ОНК...), ничего так и не выяснилось про мать. Жива, не жива... Будь всё проклято!.. И так тошно, пропала, бессмысленно кончилась жизнь, – так тут еще это!.. Доедаю по вечерам, перед сном, копченую колбасу, – ее хватит еще до середины будущей недели. Читаю целые дни напролет, из запасов местной библиотеки – по списку Новодворской «для внеклассного чтения» и по своему собственному. Запоем, лишь иногда с короткими перерывами – в которые, отрываясь от книги, сразу же начинаю сходить с ума от неизвестности, тоски и ужаса перед близким будущим. Как там мать? А послезавтра – кончатся выходные – пойдет уже совсем короткий отсчет: до апелляции в Верховном «суде» и до этапа...

15.6.15., 6-й час вечера (после ужина)

Обалдеть, просто с ума сойти! – сегодня весь (!) день было относительно приличное питание! Утром – гречка, в обед – рыбный суп из консервов и макароны с сосисками – кажется, даже не соевыми!! Сейчас, в ужин – картошка (нормальная, не сушеная, – визит Бабушкина таки подействовал, очевидно :) с килькой в томате (ее, как всегда, сука баландер положил совсем каплю). И – никакой гнилой свеклы и вонючей капусты, не говоря уж – весь день – о сечке. Повторяю, это редчайший за два моих срока, уникальный случай: весь день (!) баланду можно было есть!..

Ну, а в остальном... Писем нет, конечно, – т.е., м.б., и есть, но толстуха цензорша не несет. Ждет, когда побольше накопится... Вчера написал

паническое послание Лене Маглеванной, отдал в отбой прямо в руки ДПНСИ. И – завтра воистину решающий день. И в смысле писем: что-то в них будет (если сами они будут, конечно). И – принесут ли после обеда уже завтрашний заказ. Ну ладно, одну неделю она еще могла пропустить, раз я передал, что колбасы мне хватит; но уж завтра... С виду, м.б., уже не так заметно, как в тот вторник и среду – но все равно, я по-прежнему схожу с ума от ужаса и тревоги...

16.6.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Ну вот всё и узналось! Приходила сегодня на свиданку мать, – слава богу, жива! Оказалось, она БЫЛА 9-го, заказала всё – но там в компьютере опять случился какой-то сбой, причем не 9-го, а 11-го вроде бы, – почему не принесли ДО сбоя, 9-го или 10-го, непонятно. Говорит, заходила утром к знакомой своей в магазине, – к той косяками идут и жалуются, никому заказы не принесли. Непонятно было: то ли все же принесут уже на этой неделе заказ за прошлую, то ли – заказывать всё заново. По крайней мере, кое-что дозаказать к прошлому заказу я мать попросил. И вот – не знаю уж, как она там договорилась с магазинщицей, но – ничего сегодня не принесли, вообще ничего! Если бы не свиданка – я и про сегодняшний приезд матери не знал бы вообще сошел бы с ума от ужаса... Колбаса есть еще на три раза (допишу – и буду сейчас ее есть :), а вот хлеб кончился вчера. Пока не принесут заказ – бутерброды придется жрать с казенным хлебом, которого может и не хватить.

Да, большая радость – пока и не ждал, читал «Гарри Поттера», – целая пачка писем! :) От Лены Маглеванной и от Землинского – аж по две штуки, а всего – семь! :))

17.6.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Магазин таки принесли сегодня. Дочитал «Поттера». Постепенно отхожу от этой безумной недели неизвестности и ужаса. Возвращается память, способность размышлять – и проклинать эту страну, по-прежнему бессильно проклинать. Всё бесполезно, жизнь кончена, перспектив нет и скоро этап. Друзей тоже почти что нет, а те, кто и есть – за границей. Всё бессмысленно... Быдло орет, перекрикивается из своих камер. Какой-то то ли один, то ли два табасаранца одновременно тут вдруг оказались (вчера, кажется?) – по 205-й. Тот, который это сегодня говорил, сказал, что у него еще и 222-я. Спустили их сюда откуда-то с «троек» или с «четверок» – значит, первоходы. Дагестанские моджахеды? :) По голосу, по всем разговорам – обычный уголовник, ничем от уголовников не отличающийся, и если бы он не сказал про 205-ю – я бы в жизни не подумал...

Тоска, пустота, бессмыслица... Четыре и пять еще осталось... За что?

Проклятая мразь Россия!.. Умирать никем, как родился никем, – вот что мне предстоит...

Почитал тут вчера присланные мне распечатки Пионтковского и Илларионова. Друг другу они противоречат. И. предрекает «заговор генералов» (Иванов, Шойгу, Лавров и пр.) якобы с ведома самого Путина, – он, типа, отдаст им всю власть, а сам отойдет от дел и будет жить себе спокойненько. По-моему, это бред. П. же говорит, что сейчас, в конце июня, возможно мощное наступление москалей в Донбассе (впрочем, И. тоже это предрекает) – но что, мол, Запад жестко предупредил Путина, что последствия любых там наступлений для него могут быть катастрофическими – и Путин сейчас стоит перед дилеммой, решиться или нет – но оба варианта, наступление или продолжение затишья, всё равно ведут его к концу, вопрос только в скорости этого процесса. Что ж, дай бог...

19.6.15., день (до ужина)

Сутки уже играет проклятое радио «Весна FM», – время узнать совершенно невозможно: по проклятой «Весне» его не говорят...

Приходили сейчас Каретникова и Сорокин, ОНК, которых я уже сам думал, как бы поторопить ко мне зайти. Спросил (попросил, точнее) про эти несчастные деньги на стирку, которые должны были списать с моего счета, но – неведомо, когда спишут и когда хоть что-то можно будет в эту стирку отдать...

Самое главное, что сообщила Каретникова: мать, оказывается, просила ее мне передать, что апелляция у меня будет – Каретникова сказала, что точно не помнит – не то 13 июля, н [запись оборвана]

Прервался на кофе (наконец-то дождался кипятка!) – и всё сбилось! Пришла спецчасть, принесла мне официальное извещение: апелляция у мне назначена на 23-е июля, а не на 13-е и не на 26-е, как не могла точно вспомнить дату Каретникова. Что ж, не так плохо, как я думал: еще месяц с лишним, а если Сидоркиной удастся уйти в отпуск хотя бы недельки на две – можно затянуть и до начала августа. Дай-то бог, спешить мне абсолютно некуда.

Принесли письма. Главное – но мельком, в P.S. – известие: Нестеренко ответил мне очень грубо. :) Что ж, удивительно, что вообще ответил, я, по чести, не ожидал. И жаль, что пока не прислали мне этот ответ, очень любопытно взглянуть.

20.6.15., утро (до проверки)

М-да, бурный был вчера вечерок... :) ОНК, назначение апелляции, письма, инфа об ответе Нестеренки, «список экстремистских материалов» (прислал

наконец-то Майсурян) и т.д. Список я за вечер – сам не ожидал – успел просмотреть весь, но меня что-то в нем оказалось мало – всего-то 19 пунктов. :) Не только за это лето тексты 11 штук, но и за прошлое, тоже 10 или 11, еще на «Медведково» мне присылаемые – не включены до сих пор почему-то; общее число «моих» пунктов, таким образом, осталось неизвестным. :) Должно быть их не меньше 30-ти, скорее даже больше.

Приходил неожиданно вот только что парень из хозотряда – брать вещи в платную стирку. Т.е., деньги таки до них дошли, слава богу, вчерашний визит Каретниковой сократил все эти бюрократические проволочки.

Итак, еще месяц официально я в Москве. С помощью Сидоркиной, м.б., и до начала августа просижу, до рассмотрения апелляции, а там – пока «законка», пока этап – м.б., и в самом деле до осени, до сентября, как мне предсказывал сосед по боксику в военном «суде» в день приговора. Что ж, дай бог... Как ни тошно в тюрьме вообще – но всё же в Москве и свидания, и письма, и магазин, и адвокат, и возможность работать какая-никакая. При мысли о лагере делается совсем тошно. А еще тошнее – когда порой приходят вдруг такие бодрые, brave мысли, с примерами из жизни других людей прошлых и нынешних, что вот, мол, в 2019, когда освобожусь, еще всего-то 45 лет мне будет, еще не так много, и силы же еще какие-то останутся, и наверняка будут еще большие события, в которых мне наконец-то доведется сыграть свою роль, не просто стоять статистом в толпе на площади, и что серьезная роль и приходит чаще уже после 45, в зрелые годы, а не в юные, и что всё еще у меня впереди, и какой-то смысл в моей жизни может найтись, оказаться... но через минуту, очнувшись, я ясно понимаю, что и в 45, и в 50, и в 60, если я до них доживу, – не будет ничего, никакой моей заметной роли ни в чем, никогда. Увы, не судьба...

Спросил вчера у Каретниковой и Сорокина про украинские дела, про это ожидавшееся москальское наступление. Говорят, пока всё тихо.

утро (после проверки)

Живность в погонах сейчас на проверке была очень недовольна, что я с утра не отдал вещи в стирку. Вот уж – не знаешь, где найдешь, где потеряешь... :) Даже заставили расписаться в журнале, что, мол, отказался. Я и в журнал пытался вписать, что не «отказался», а всего лишь просил зайти за вещами 26-го, в следующую пятницу, но там почти уже некуда было это вписывать; и объяснял на словах. Очевидно, хорошо гоняет их Каретникова, только после ее прихода эти мрази шевелиться начинают!.. :))) Мрази, в печках вас всех сжечь, ублюдков мусорских!.. Да, ничего не добиться тут, в этой стране, словами, да и не с кем тут говорить! Только через кровь и насилие можно прийти... нет, не к власти, и не к освобождению этой страны

от диктатуры, ибо диктатуру она несет в себе, диктатура ей имманентна, – а лишь к ее тотальному уничтожению, вместе со всей населяющей ее нечистью. Только тотальная зачистка, истребление, освобождение мира от этой мерзости... В «списке экстремистских материалов» вчера нашел: запрещен видеоролик, в котором депутат Рады Ирина Фарион призывает на марше УПА: уничтожить Москву! Не только москалей в Украине, но и Москву как таковую. Правильно, Ирина! Так держать! Жаль, ролик этот мне удастся посмотреть еще не скоро, не раньше ноября 2019-го... А «моих» пунктов – сегодня утром еще раз пересматривал список – там не 19, а 20: вчера один пункт в списке-то отметил, а вот выписать отдельно – забыл..

22.6.15., 10-й час утра (до проверки)

Понедельник. 1610 дней мне осталось, ровно 230 недель, – посчитал сегодня с самого утра, пока «досыпал».

Прошла жизнь, кончилась, была, да вся вышла... По-прежнему мне тошно, невыносимо, тоскливо до безумия, до волчьего – в голос – воя по утрам, когда просыпаюсь, когда у них «подъем», – хоть и не вижу я вот уже почти два месяца (без недели) по утрам ни одной уголовной рожи рядом с собой, слава богу... Конечно, и на воле, если я до нее доживу, и за границей, если удастся туда вырваться, тоже, без всякого сомнения, будет мне так же тошно по утрам, – жизнь-то всё равно уже прошла, и нет у меня никого, не нажил ни одного близкого человека себе, и нет денег на жизнь, и никаких перспектив тоже нет, – но всё равно, пока я в тюрьме, я душой рвусь на эту волю, даже такую вот – одинокую, пустую и бесперспективную, рвусь каждое утро и мечтаю о ней, просыпаясь здесь, в тюрьме...

22-е июня сегодня – у них «день памяти и скорби», а у меня, можно сказать, праздничек, – как же, последний раз хоть кому-то, хоть нацистам, удалось вторгнуться на их территорию и маленько сбить с них спесь. :) Не нацисты мне дороги, не из-за Гитлера я это праздную, а – праздную я то, как они в этот самый день, и в последующие, всё лето, спешно, срочно, теряя бумаги из своих архивов, драпали, эти красные мрази, убийцы целых народов, из захваченных ими Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии, и т.д. Эти дни, эти месяцы могли изменить судьбу не только, допустим, Украины, где тотчас, как ушли советы, был провозглашен Акт 30.6.41, но и самой России. Увы, оказалось – не судьба: страна рабов доблестно отстояла и защитила свое рабство и теперь помпезно отмечает годовщину его спасения каждый год как главный общенациональный праздник...

23.6.15., около 11 утра (после проверки)

Опять сейчас эта жирная тупая мразь, боров – ДПНСИ – докопалась: когда, мол, будете убираться в камере? Хотя только вчера специально брал

веник, подмел тут, как мог, – в случае чего вчерашняя дежурная подтвердит, она же на проверке тут тоже присутствует. Так она, мразь такая, говорит: мол, да, веник брали, а что вы там с ним делали – я не знаю... Ну не сука, а?.. А боров, выходя из камеры, говорит: мол, полы (в камере у меня) не мыли уже черт знает сколько. Типа, не помыть ли мне еще полы (раньше он только подметать требовал)? А кто-то, нестеренки там всякие в своих америках, еще пеняет мне – мол, почему я хочу всю эту падаль вместе с их детишками и прочими семействами уничтожить? Мол. это негуманно, дети не виноваты, и т.п. Гуманисты хреновы!.. Да я всю вот эту мразь в погонах, всю эту госслужащую нечисть, будь то ФСИН, ФСБ, МВД, прокуратура и пр. и пр. – не просто с детьми, а и с внуками, у кого есть, сжег бы, своими руками перестрелял бы всё это отродье, выкорчевал бы их поганое семя... Нет уж, ребяташки, прощать и забывать я никому ничего не намерен, и за то, как вы исковеркали, изломали всю мою жизнь, лишили меня свободы, покоя и счастья, обездолили – я, дай только мне бог такую возможность, уничтожить вас буду тысячами, миллионами, с детьми, с внуками, со всей родней, до седьмого колена!.. Да только вот беда – едва ли судьба до конца жизни предоставит мне такую возможность... :(((((((((((

12-й час дня (после обеда)

А что на второе сегодня будет перловка, я УГАДАЛ!!! :)))) Сказал про себя, пока ждал обеда, что сегодня, наверное, на обед перловка, – не каждый же день макароны, да и я обычно жду худшего, – и вот, НА тебе!.. :))) Жидкая перловая размазня, в которой варилась курица – и остались микроскопические, тоненькие волоконца. Я вылил ее, конечно, в унитаз, я не ем эту дрянь – перловку, а особенно в жиже.

6-й час вечера (после ужина)

Итак – что ж? Ни писем, ни адвоката, ни магазина, ни библиотеки, ни лекарств, Сегодня вторник, мать должна была приехать, заказать магазин. Ну ладно, м.б., его завтра принесут, как было и на той неделе – в среду, на следующий день. Главное – чтобы не было опять так, как между 9-м и 16-м, чтобы мне не пришлось опять тут сходиться с ума от неизвестности. Письма – наверняка сегодня уже распечатаны (электронные), но эта мразь цензорша не несет их, как теперь обычно. Лекарства мать приезжала передавать мне еще в пятницу, 19-го, и Каретникова, в тот же день у меня бывшая, сказала мне про это (да и на свиданке 16-го мы об этом говорили). Т.е., похоже, у нее просто не приняли ничего, как много раз бывало на «Медведкове», поэтому ничего и не несут. Библиотekarшу дежурные второй уже день не могут застать, – почему-то с утра, в районе 12-ти, когда я их прошу туда (в библиотеку) позвонить, ее нет в тюрьме, хотя – никто вроде не говорит, что

она в отпуске и ее нет вообще, а вот именно в это время почему-то. Таким образом, сижу опять без чтения, т.к. всё, что она мне приносила (ну, кроме одной ерунды), уже прочел. Ну, а про адвоката и говорить нечего, тут всё и так понятно. Дай бог, чтобы хоть в пятницу – короткий день – под вечер, как обычно, чтобы хоть полчаса успеть поговорить...

В общем, пустой день, да еще и испорченный с самого утра этой мразью боровом, взвинтившим мне нервы своей уборкой. Отчаяние, дикая тоска, отвращение и омерзение к такой жизни, к себе самому, жалкому неудачнику, к будущему – и ближайшим четырем годам пяти месяцам, и вообще. Просто жжет внутри, давит и душит, настолько невыносимо это отвращение, эта тоска... Кофе опять сегодня попить не удалось :))) , – на кнопку никто не отзывался, «кормушку» никто не открывал, а стучать и звать – ну уж нет... Хотя – один раз «кормушка» сегодня открывалась, но поздно – уже вот-вот должен был быть ужин. Спецчасть притащила вдруг из Останкинского «суда» бумажки о признании двух моих текстов «экстремистскими», от 2 июня... но хохма в том, что иск от прокурора на это самое 2-е июня мне присылали – не помню точно – не то пять, не то шесть! А решения – всего по двум текстам!! Где же остальные?! Ведь не может же быть, чтобы остальные НЕ признали «экстремистскими», чтобы «суд» отказал прокурору!! :))) Да если б даже и отказал – это тоже следовало бы оформить отдельным решением. Остается ждать, что прочие три или четыре их поганых бумажонки потом пришлют отдельно – и удивляться, почему не отправили сразу.

До такой степени мне мерзко и невыносимо, прямо не знаю, что делать, как это выдержать. Один, один, я совсем один – и всё это ерунда, все друзья, все липовые комитеты в мою защиту, никак не защищающие. Никому не нужен, и не будет матери 0 не к кому будет обратиться. Да и эта сучка – не хочу даже имени называть, – всё думаю о ней, хотя она того абсолютно не стоит. Бросила – ну и бросила, уехала – и уехала, потеря небольшая, умом я это понимаю на все 100%, но всё равно – меня это сильно подкосило, нельзя не признать. Никого, теперь уже совсем никого у меня нет...

24.6.15., утро (до проверки)

У...бок баландер сегодня опять в утреннюю (завтрачную) пшенку успел таки кинуть ложку сахару, еще до того, как я – думал, он привык уже, что мне не надо класть сахар – успел его остановить. Ну да, все эти уголовные животные жрут каши исключительно сладкие, как в детском саду, – вот он и мне, по въевшейся привычке... Кашу я без сожалений выкинул в унитаз, туда же вылил и казенный чай – его, видите ли, по утрам надо еще и мешать, т.к. приносят его несладкий, а «положенную» ложку сахару –

обычно – кладут в кашу. Лег потом опять, заснул – что-то снилось, видимо, и кончился сон тем, что в лагере я искал свои вещи (баул) – и как-то ухитрился сломать палку, правда, почему-то деревянную.

Как же я ненавижу эту проклятую страну, если бы кто-нибудь знал!.. Ненавижу, ненавижу НЕ-НА-ВИ-ЖУ эту мразь Россию!..

Итак :))) (увы, чисто иронический смайлик не знаю, как поставить), сегодня я жду: писем, адвоката, раввина, магазин, библиотеку (вчера в отбой эта надзирательница, открыв дверь, сообщила мне, что она ее таки видела – и та вроде сегодня обещала зайти). Лекарств уже не жду – их явно не пропустили вообще... Что ж, вечером подведем итоги – чего ждал и чего дождался...

вечер (после ужина)

Вот и день прошел... Опять весь день «Весна ФМ», даже время не узнать... Принесли сегодня только магазин перед обедом, больше – ничего!.. Я абсолютно поражен этим – удивительнее всего, что не пришел раввин, не таким уж пунктуальным оказался, как я о нем думал. Он мне на хрен не нужен, конечно, но – плохо то, что теперь он может припереться в любой день, надо будет после обеда всё время быть начеку. А самое болезненное – что нет опять писем, хотя последний раз они были в пятницу, а сегодня уже среда!.. Не несет, мразь, жирная сука, ждет, когда накопятся, распечатает – и они валяются там у нее... А если даже позвонить ей, спросить – опять скажет, что для меня ничего нет, как уже было однажды... :(((Библиотекарша тоже не появилась, а уж про Сидоркину – и говорить, нечего, я и не ждал...

А вот с дневным кофе сегодня получилось интересно. Попил-таки. :)) Я про себя это называл «уроком смирения» – смирения и покорности судьбе: звуковой сигнал от кнопки в камере отключен, на нажатия ее дежурная «мусорша» не реагирует, никто не приходит ко мне – ни библиотекарша, ни спецчасть, ни раввин – чтобы попросить кипятка, когда они будет закрывать после них дверь либо «кормушку»; ну а стучать и звать я принципиально не хочу (живность в других камерах, услышав, что это я, может прицепиться), – и в результате я остаюсь без кофе. Вчера, собственно, так и было; да и сегодня – время подходило уже к четырем часам, и я смирился, что, значит, и сегодня я без кофе, что поделать. Когда она пару раз проходила мимо моей двери, можно было легонько постучать, но – я упустил момент и не стал. Смирился...

И вдруг – дежурная тетка подходит (я слышу, ибо стою все время перед дверью), открывает «кормушку» и спрашивает, даже не что я вообще хочу, а... не надо ли мне кипяточку!! :))) Видимо, запомнила с прошлых своих

дежурств, когда я в это время у нее и просил, и чайник – для себя – только что вскипятила (он уже был готов, когда она подошла), и вот, заодно... :) Вот так я и попил сегодня кофе, не каждый день теперь, без розетки, мне это удастся. Получилось прямо по Булгакову: ничего не просите, сами предложат и сами всё дадут. Такой вот урок смирения...

26.6.15., утро (до проверки)

Ну что ж, вот и случилось вчера сразу всё: с утра пришла Сидоркина, сразу после ужина (я еще и доесть не успел) – раввин, а когда он уже сложил всю свою религиозную сбрюю и собирался уходить – принесли письма, четыре штуки.

Больше всего – чуть не до слез – меня расстроило и выбило из колеи письмо Лены Маглеванной, которая – не знаю уж, почему – прислала только картинку – скрин первой страницы моего сайта, – а текст... то ли забыла, то ли это какой-то глюк системы, то ли вина цензуры (но это вряд ли), только текста в письме не было вообще!.. Страшно расстроился, – надо было неделю ждать этого письма, чтобы получить пустое – и неделю теперь ждать следующего!.. :(((Раньше-то теперь не принесут, – сука эта жирная, цензорша, по одному их сюда не носит... Бланк ответа Лена приложила, я написал ей о своем недоумении и расстройстве, – да, этот случай ясно показал, насколько я завишу от ее писем. Если и есть у меня друзья, то, видимо, одна Лена, остальным так или иначе на меня плевать...

Мкртчян прислал из ЖЖ Нестеренко его ответ на мой текст о нем. Каков подлец оказался и как низко пал, – пишет, что, мол, там, где Стомахин сейчас находится, принято «отвечать за базар»! Индивидуалист и либерал Нестеренко, перешедший на блатную феню, – язык уголовников, путинцев и коммунистов (а уголовники – это и есть стихийные коммунисты)!.. Просто позор!.. Пишет, что, мол, это гнилой довод Стомахина и его защитников – что от слов ничего не сделается, никто ими не вдохновится, – а вот он-то сам, дескать, Нестеренко – о-о, вот он реально готов убить хоть Путина, хоть всех «крымнашистов», коммунистов и т.д.! Каков герой, а?! :) При этом, хоть и из США пишет, но в словах «убить Путина» фамилию «Путин» прямо не пишет: или «П.», или «п-н». Геро-ой, что и говорить, смельчак!.. :) Посадить не посадят, но аккаунт в ЖЖ заморозить могут. Да и то сказать – при его-то мнимой готовности к политическим убийствам – за 37 лет жизни в России на него даже плохонького уголовного дела по 282-й, за слова, и то не было заведено, не говоря уж о таких ужасах, как 105-я, 205-я или 277-я. И, должно быть, именно личная готовность к политической борьбе и к убийствам коммунистов, которых он убивал в своих стихах, и погнала его в Америку... Подлец, короче.

Проверка прервала мои записи. Ну вот, а Майсурян всё продолжает свои явно неудачные попытки иронизировать. Мол, апрельское сообщение в сети Соломинского (Старый Абрамыч из СПб) об истории с Буковским – это письмо в стиле 30-х годов, что, мол, доблестные органы ни в чем не виноваты, и 58-я статья тоже вне критики, разве что за излишнюю мягкость, а виноваты, мол, какие-то враги, пробравшиеся в органы. Чуть ведь пишет, а когда я в ответ – еще в мае – спросил, есть ли у него сомнения, что обвинения Буковскому и вся эта история – чистая провокация, – он во вчерашнем письме разошелся и развеселился еще больше! :) Уже не только 37-й год, но и инквизицию, сжигавшую ведьм, припомнил. Конечно, сравнивая нынешнюю всемирную – и на Западе тоже – борьбу с «педофилией» с инквизицией, 1937-м годом и пр., он прав, – но я-то имел в виду совсем другое. Закон законом, он – мерзость, конечно; но – если кто-то из русских агентов специально подсунил эти фотки в компьютер Буковскому, чтобы иметь материал для доноса на него в полицию, – разве этот факт не есть чистейшая провокация? Как и – разве в 1937 г. абсолютно ложный донос, скажем, соседа по коммуналке, о шпионаже или намерении «убить товарища Сталина», высосанный из пальца, чтобы занять освободившуюся комнату – не есть провокация, совершенно независимо от количества таких доносов в стране, отношения к ним власти, кампании массового террора и т.д.? И вот – невероятно, но факт! – чтобы разжевать Майсуряну эти элементарнейшие вещи, мне пришлось вчера писать ему еще одно письмо!.. :((

Порадовало только одно в его распечатках: хвост моего текста про Нестеренко, а внизу ссылка: ipvnews.net – «Свобода слова» MFF! Значит, Мельникофф повесил мою полемику с Нестеренко у себя, хотя я никак не ожидал этого; да и Нестеренко ведь – в каком-то смысле его, MFF, человек, – по крайней мере, на «Свободе слова» в 2011-12 имел отдельную рубрику, да и с выездом в США ему ведь именно MFF помог!.. Но – повесил, счел этот текст достойным своего сайта; что ж, спасибо. В какой-то мере это послужило мне компенсацией за хамство самого Нестеренко, хотя, конечно – я не кисейная барышня, расстраиваться от хамства единомышленников в политических дебатах. :) Хотел было сперва, прочитав его хамство, написать еще один – короткий – ответ ему, в том духе, как написал тут, выше; но потом раздумал, – много чести ему...

А тут как раз еще одна свеженькая политическая новость подоспела. Пошли какие-то оптимистические разговоры о желательности досрочных

президентских «выборов» – и «Яблоко» как раз выдвинуло кандидатом Явлинского, с программой, в которой аннексия Крыма так и называется – аннексией. Поразительно просто, как он и на это решились, – после речей Явлинского о том, что «России объявлена война» осенью 1999-го, после чекистских взрывов домов (я эту его речугу публиковал году в 2003 в «РП», так что она должна была для истории сохраниться), после его поддержки нападения на Грузию в 2008-м, и вдруг – они против «крымнашизма». Видимо, решили собрать голоса таких вот, как я, радикальных противников режима, заманив их на эти «выборы». И Сергей Адамович Ковалев в интервью «Новой» так и говорит – мол, Явлинский, конечно, не победит Путина, но имеет шансы стать вторым, собрать все голоса оппозиции, надо его поддержать, чтобы, типа, всем показать, что нас тоже много и мы – сила. (Не цитирую, но смысл такой.) Типа, устроить «смотри наших сил», как раньше говорили. И ради этого – зная, что победить нет даже надежды – легитимизировать мерзкую спецоперацию путинцев под названием «выборы» своим участием в ней, натянуть чекистам явку – единственное, что, в отличие от подсчета голосов, им не полностью подвластно, помочь им пустить еще раз пыль в глаза Западу – и всё для того, чтобы в итоге узнать, что единый кандидат от «оппозиции» Явлинский пришел в финишу не вторым, а, скажем, предпоследним – пятым или шестым... Нет уж, Сергей Адамович, при всем моем уважении в Вам и Вашей биографии – «не купите нас на эту туфту!». Никаких единых кандидатов; чекистским спецоперациям – только бойкот и то презрение, которого они заслуживают! А то ишь – «Яблоко»-то как удачно выскочило под эти внезапные разговоры о «досрочных выборах»: главный аргумент у них – мол, вот, мы выдвинули Явлинского – и ТЕПЕРЬ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ ЕСТЬ ПЕРСОНАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА!.. :) Ишь, хитрецы, думают поймать и одурачить противников путинщины своей прекраснотушной болтовней, заманить на еще один круг: Россия сохраняется как государство, в ней начинается новая перестройка и либеральные реформы... с тем же результатом, что и в 2000 году, только на этот раз еще быстрее...

1-й час дня (после обеда)

А Нестеренко-то – забыл написать – не удостоился ни разу даже того, чтобы хоть один его стих или статья попали в «список экстремистских материалов». Я бы знал, – не зря я столько лет боготворил его и следил за каждой его новой строчкой; но – как раз позавчера я тут в последний раз внимательно проштудировал список, присланный Майсуряном, – нашел там еще один свой :) пункт, а вот Нестеренко там нет совершенно точно! Конечно, как автор своих старых стихов, с начала 90-х еще, он остается

великим поэтом, без всяких шуток и сомнений, да и нынешние, американские его стихи вовсе не плохи. И однако же – трепло он дешевое, жалкий тип, скатившийся до уголовной фени и уголовных «понятий»...

Началась, между прочим, жара. По радио говорят, что на улице сегодня всего-то 26°, а между тем – подвигаешься ли немного, поешь горячего супчика или попьешь горячего кофе (вчера опять я его не пил, не смог подать сигнал дежурному «мусору») – и весь мокрый. :(((Стал умываться холодной водой, как прошлым летом в «Медведкове». Но, в отличие от «Медведкова», окно-то здесь, в карцере, не открывается. Да и открой его – толку не будет, конечно, если на улице жара и безветрие. Но – оно не открывается. В мае, когда тут была холодрыга, я думал, что и в летнюю жару тут не будет особо жарко, – ан нет, ошибся. Все 33 удовольствия тут, – и жара, и холод, и голод, и тоска, и одиночество, и бессмысленность жизни... Да, одиночество – вот главная беда, опять я вспомнил о нем – как в юности, 20 лет назад... Не только личное одиночество, и не только родственное, хотя кроме матери и нет у меня никого, – а, самое худшее, еще и одиночество политическое. Есть друзья, которые жалеют меня, помогают, хорошо в целом относятся, но – они не мои единомышленники, увы. Просто друзья. И тех-то – раз-два и обчелся. А единомышленники, пусть и не абсолютные, но всё же – вот как Нестеренко, или MFF, –они мне не друзья почему-то. Глупо, ужасно глупо. И – это еще одно доказательство того, что я всего лишь хронический, безнадежный неудачник...

Раввин подарил мне вчера традиционно роскошный ФЕОР-овский настенный календарь – с октября 2014 по сентябрь 2015, на еврейский год – и кипу. Календарь я повесил на стену, а вот с кипой не знаю, что делать. Скорее всего, уезжая на этап, оставлю здесь, – зачем мне она и зачем еще лишний интерес и расспросы «мусоров» на шмонах...

11-й час вечера (после отбоя)

Чудеса-то какие творятся!.. :))) Сегодня цензорша принесла мне еще одно письмо от Лены Маглеванной, плюс – обещанный вчера Мкртчяном чистый бланк. Слава богу, Лена на все мои вопросы ответила, даже адрес Шведовского узнала у него и прислала мне; а почему и зачем было вчерашнее пустое письмо с картинкой – ни слова. Что ж, Лене я, как и всегда, очень благодарен, она – настоящий друг; а чудо – это то, что цензорша принесла мне это письмо, сегодня утром распечатанное, сегодня же, а не в понедельник!... (Сегодня пятница, забыл сразу написать.) Одно письмо и один чистый бланк – и ради этого она второй день подряд спускалась ко мне в карцер по лестнице!.. :) Мне подумалось – не иначе, она в моем вчерашнем ответе Лене, на ее пустое письмо, прочла, что я Лену

предупреждал: даже если твое следующее письмо придет сюда в понедельник – мне его принесут не раньше среды. Неужели цензорша прочла – и устыдилась, и решила доказать, что она не такая? :))) Едва ли, конечно; скорее всего, просто случайность.

Сходил сегодня в баню, попил кофе благодаря этому :) – попросил кипятка, заходя в камеру после бани. Сейчас вот, после отбоя, забрали вещи в платную стирку. Красота, а не жизнь! :) Правда, жарко, душно. Днем, до бани еще, хоть умывался холодной водой, а сейчас на ночь опять отключили воду – хорошо хоть, предупредили заранее, набрал два литра в пакеты из-под сока, чтобы после ужина, после жирной колбасы, помыть руки.

А тут, в карцере, началась между тем та-а-акая веселуха!.. Снова спустили сюда юную, 19 лет, азербайджанскую обезьянку, – все два месяца, что я здесь, ее поднимают на пару дней – и спускают обратно. Завсегдатай, мать его!.. А сейчас еще и армянскую обезьяну чуть постарше – 1989 г.р. – опять привели сюда. Ту самую, которую я впервые услышал еще зимой, в «нулях» – я был, по-моему, в 01, а она в 03; только заехала с воли, целыми днями долбилась в дверь, клянчила у «мусоров» сигареты и называла их при этом «брат». :) Потом, когда меня в конце апреля переселили в карцер, она уже была здесь – и в том концерте, что эти мрази устроили мне утром 29-го апреля, когда им страшно хотелось, но не получалось :) узнать, кто я такой, играла одну из первых скрипок. Правда, через пару дней ушла – и вот до сих пор ее не было, почти целых два месяца!.. :)

И вот она снова здесь – и, можно сказать, только ее одну и слышно. С азербайджанским представителем того же подвида приматов :) они явно уже давно знакомы, быстро спелись, обычно «общаются» «по-братски» (как тут всё), но сегодня вдруг с чего-то стали ругаться. Вообще же, армянская обезьяна дает фору азербайджанской. :) Она гораздо хуже говорит по-русски, не всегда и разберешь; плюс – по голосу и манере говорить похоже, что это даун, что там, по меньшей мере, явная задержка умственного развития. Просидев первый раз полгода в тюрьме, он уже блатной, всю командует всеми – и эками, и дежурными «мусорами», и если что-то не по нему, кто-то ему что-то возражает и т.п. – не слушая, начинает истошно орать, как попугай, повторяя одно и то же. Абсолютно бессмысленная мразь, короче, кусок биомассы, единственное правильное назначение которого в жизни – стать сырьем для удобрений, для сельского хозяйства. Вместо этого оно тут командует такими же, как оно само, тварями. Хоть оно и первоход, вместе не посадят – но я с ужасом думаю, что было бы, если бы, приехав сюда, я попал в общую камеру с такой вот любящей командовать

животиной. Это было бы еще в сто раз хуже того, на что я реально натолкнулся в 206-й, и итог мог быть непредсказуемым.

Не знаю, сколько суток дали этому существу, но уверен: сидя тут, оно еще успеет докопаться до меня. Пока, когда оно проводит тут переключку всех камер и называет 5-ю, ему сразу говорят, что я никогда не отвечаю. Пока оно каждый раз было занято чем-то другим и не цеплялось к этому, но – рано или поздно прицепится. Представляю себе бешенство и ярость этой твари, если я не буду ей отвечать, и еще больше – если отвечу и с кажу ей всё, что я о ней думаю. :) Пока же у них тут другая забота: посадили вчера в 13-ю, что ли, какого-то «шерстяного», как они выражаются. Вчера азербайджанская обезьяна орала, чтобы, мол, баландер дал ему отдельные тарелку, ложку и пр., кормил бы его после всех, и т.п. А сегодня уже армянская обезьяна вопила на этого бедолагу: мол, почему ты заходишь в баню?! Во как: пусть не моется, лишь бы не пользовался одной с ними баней! Мрази, ублюдки, выродки, отребье, нечисть – как их еще назвать, всю эту уголовную мразоту и слизь?.. Не знаю уж, что они понимают под словом «шерсть», но ясно, что этого им совершенно достаточно, чтобы тех, кого они в эту «шерсть» зачислили, точно так же как и в «пидорасы», просто и откровенно не считать за людей...

Да, забыл, сегодня же еще одну шикарную новость передали, даже по «Радио Дача» :))) ее озвучили: сдох Примаков! Старая чекистская мразь, бывшая в 1999 г. премьером тогдашнего коммунистического правительства; для спасения от кого Березовский с Дьяченко и пр. и выдвинули тогда во власть Путина; тот самый, что перед операцией США в 2003 против Ирака вывез из Ирака оружие массового поражения – и до сих пор вся левая, пророссийская и прочая мразь в мире верещит, что, мол, США всех обманули, ОМП у Хусейна не было... Да, ему под 86 было, а Путину всего 63; еще, боюсь, долго ждать, пока и эта мразь сдохнет. А той, сегодня сдохшей – туда и дорога. Плюю на его могилу на Новодевичьем, как сказали, кладбище.

27.6.15., 10-й час утра (до проверки)

Все эти вчерашние радости закончились очень печально: я не спал всю ночь! Точнее, сперва вроде бы заснул совсем ненадолго, м.б., на полчаса; проснулся – и не мог понять, где я и что со мной: почему у меня так отчаянно, зверски чешутся руки, ноги, плечи и вообще ВСЁ. Постепенно все же понял: комары! Меня одолели буквально полчища комаров – почти как тогда, весной, в «нулях», и хоть я и убил их днем довольно много – это была сущая капля в море по сравнению с тем, сколько их атаковало меня ночью!

Искусали, пока чуть-чуть все же спал, – и уж больше не дали мне заснуть до утра! :(Повязка на глаза из казенного вафельного полотенца так мне мешала, что я снял ее – и до утра, заслышав очередное жужжание над ухом, открывал глаза, под утро уже совсем слипающиеся, и пытался разглядеть и поймать очередную тварь. Да, вот так: глаза слипались, а заснуть так и не удалось. Часа в четыре утра началась сильная гроза, ливень, гром – и активность комаров сразу упала, их стало атаковать меня заметно меньше. Потом дождь вроде прошел, а совсем уж на исходе ночи припустил опять, еще сильнее. И сейчас тоже за окном льет вовсю. Утром оказалось, что моя висющаяся на окне джинсовая куртка опять отсырела настолько, что местами покрылась самой настоящей плесенью.

Не из-за одних комаров, конечно, я не спал, – еще мешала нога. Та самая проклятая сломанная правая нога, то самое, с самого 2006 г., как сломал, омерзительное свербенье и жжение с правой – наружной – стороны ступни, под мизинцем. Всегда оно было противно, всегда мешало расслабиться (хотя и некаждый раз возникало, когда я ложился), но сегодня что-то особенно сильно. Попробовал терпеть это неприятнейшее ощущение, не борясь с ним, – но тут свербение переросло уже именно в жжение; а бороться как? – посильнее потереть это место обо что-нибудь, хоть об другую ногу, – тогда оно на несколько секунд опускает.

Мучился-мучился, встал, взял баландный чай, снова лег, опять обмотал голову полотенцем, чтобы верхний свет не мешал, – и вот уж тут, провалявшись часа два, вроде бы наконец-то заснул – тоже ненадолго, правда. Сужу по тому, что снилась мне, как обычно, какая-то ерунда: я еду в Чебоксары, там меня ведут в цирк, и т.п. чушь, – но, раз снилось, значит, я все-таки спал...

Жду сейчас проверку. ДПНСИ сегодня Боров, жирная мразь, – и опять наверняка будет докапываться насчет уборки. 1605 дней мне осталось. Проклятая, проклятейшая страна!.. Когда же, наконец, всё это кончится, все мои мучения и мытарства?!...

12-й час дня (после проверки)

Одиночество, одиночество... Не к кому прилепиться душой, нет у меня опоры духовной, а она ведь еще важнее, чем материальная... Продукты мне заказывают, а вот понять меня – некому, понять и поддержать морально (но не как мать, конечно – пустыми формальными ободрениями). Личное одиночество – оно опять со мной после этого крупнейшего облома, после саморазоблачения этой лживой сучки, которую я так долго считал своей половинкой и духовной опорой. И одиночество идейное, духовное – я опираюсь на некую идею, или комплекс идей, если угодно, но – у меня

совершенно нет в этом последователей, я один с этой идеей. Она верная, я ни на секунду не сомневаюсь в ней, но – я один... :(((Одиночество личное и идейное – они ведь связаны; сегодняшней бессонной ночью, уже под утро, пришло вдруг в голову: это ведь тоже гегелевская триада, – тезис, антитезис, синтез! То личное одиночество, которое было изначально, 20 лет назад, которое я тогда так активно пытался преодолеть, – это тезис. Та идейная работа, которую я – на чистой сублимации, да-да, ибо личное одиночество преодолено так и не было – делал в 2000-е, – это антитезис. А нынешний итог, одиночество и личное, и идейное, оба – глухие и полные, да еще в тюрьме и без всяких уже перспектив на дальнейшую жизнь, – это синтез. Не добился, то бишь, ничего ни здесь, ни там, только в 95-м и 96-м – это было еще только начало пути, было много всяких надежд и перспектив, а сейчас их нет, потому что это, то, что сейчас, – это конец пути. Круг замкнулся. Жизнь прожита зря.

Если я доживу – я повешу и этот дневник в интернет, как буреполомский. Но вот это, то, что я сейчас пишу, – насколько это жгуче для меня, насколько мне кажется это всё написанным огненными письменами в моей душе, – настолько же равнодушно, поверхностно, со скукой будет тогда читать и воспринимать всё это моё мучительное тюремное самокопание читатель, не знакомый даже со мной лично. :(Да и может ли быть иначе? Разве это всё – переходы от надежды к отчаянию, пик усилий и поисков – и их крушение на твоих глазах, крах надежд и сплошную, безнадежную, беспросветную тьму будущего, – разве это можно объяснить кому-нибудь постороннему? Нет, это можно только прочувствовать на себе самом, в своей душе, в течение четверти века, как я. И счастливы те – существоглупые, по Стругацким, или просто бессмысленные куски биомассы вроде моих соседей по карцеру – у кого не бывает таких душевных мук просто за отсутствием души...

8-й час вечера

Куртка плесневеет прямо на глазах, в течение дня, висит под окном, вся сырая. Хорошо хоть, что есть щетка для одежды хоть и плохонькая, китайская. Комаров не убавляется, – похоже, вторая веселая ночь без сна мне обеспечена. Нога, кстати, тоже не перестает дико свербеть там, под мизинцем, – сейчас лежал, прочувствовал это на все 100. Когда я слышу омерзительный гнусавый голосок армянской обезьяны, в бешенстве орущей на дежурную (загонял ее сегодня так, что она – молодая девчонка, лет 25 – сама под вечер стала орать на него), у меня каждый раз возникает одно и то же желание. Там над дверями всех камер, довольно высоко, есть зарешеченные отдушины в коридор, в одной из них торчит лампа ночника. Так вот, слушая вопли черножопой мрази, я каждый раз ясно представляю

себе сцену: взять баллон побольше с каким-нибудь нервно-паралитическим или слезоточивым газом – и лучше не банальной «черемухой», а что-нибудь серьезное, типа зарина времен первой мировой войны – и через шланг залить ему туда, в эту отдушину! Чтобы камера наполнилась – и это отродье корчилося бы там от боли, истошно вопя, кашляя и задыхаясь! Какой это был бы кайф – наблюдать за корчами этой мрази через «глазок»!.. Да и всем прочим, начиная с азербайджанской обезьяны, было бы совсем не вредно провести такую же процедуру...

Испытания закаляют волю, характер, укрепляют мужество, меняют человека в сторону большей выносливости и опытности, это бесспорно. Только вот произносящие эти банальности обычно не уточняют: а потом, когда наконец испытания кончатся, этот выкованный, закаленный, укреплено-мужественный и т.п. – он находит себе какое-то применение в этой жизни, или нет? Находит ли практическое поле деятельности для этих своих новых героических, суперменских свойств и качеств? Или, когда наконец всё прошло, он – уже дряхлый старик, ни на что не способная и никому не нужная больная развалина? Впрочем, и старики тоже бывают разные – и жизнь у них, при равных исходных данных, складывается по-разному. Одному – внимают десятки и сотни тысяч, как, например, 85-летнему бывшему политэзку Сергею Адамовичу Ковалеву, в интервью «Новой газете» предлагающему опять Явлинского в президенты России. Другому – внимают разве что пара-тройка друзей и собутыльников на скамейке возле подъезда...

Тошно мне ужасно, невыносимо, и легче не становится, хоть время идет, вот уже только на этой тюрьме я седьмой месяц. Но в том-то и дело, что идет оно – в никуда, в то будущее, которого нет. Не от тюрьмы даже так тошно, и не от грядущего этапа даже, а – именно от осознания, что нет у меня будущего, что все эти мои мучения – зазря, никакой компенсации мне за них не будет, что я упустил свой шанс, зря прожил жизнь, а теперь – уже поздно, поезд ушел, ничего исправить в будущем, после тюрьмы, уже будет нельзя, и нового шанса мне никто не предоставит. С такими мыслями лучше всего было бы просто умереть, не мучиться; но – я по-прежнему никак не могу решиться... :(((Я настолько жалок, что противен самому себе...

28.6.15., около 5 вечера (после ужина)

Сегодняшнюю ночь хотя бы спал, так что с утра настроение было чуть лучше, чем обычно. Но всё равно тошно, конечно... У мразей-уголовничков в карцере в карцере идут разборки: вчера тот, из 13-го, кого они называют «шерстяным», на ночные (после отбоя) докапывания этих кавказо-азиатских блатных здешних начальничков отвечал недостаточно

(по их мнению) униженно, недостаточно покорно и рабски, какие-то зачатки чувства собственного достоинства проскальзывали в его ответах. Главный здесь на сегодня начальник, какой-то азиат, судя по имени, как раз рядом со мной, в 4-й, сидящий, орал на него в ярости: «ты что, попутал, что ли?!», «знай свое место!..», ты, мол, должен вскакивать и быстро отвечать, когда тебя зовут (а тот как раз не сразу им на их вопли в 12-м часу ночи ответил), – и велел не давать ему сигареты, избить его, если кто встретит (но это, если честно, вряд ли :) , а вот сейчас, в ужин, орал на баландера: велел ему кормить бедолагу из 13-й последним, а тот всего лишь просил блатного «обосновать» это решение, объяснить, почему именно он должен того кормить последним, когда, как известно, «последними кормят пидоров». Азиатская блатная мразь в ярости вопила на баландера: «Ты что, умнее меня?!». Мол, раз Я тебе сказал один раз – ты так и должен делать, не задавая больше никаких вопросов; баландер же в ответ ссылаясь на местного «положенца», с которым, оказывается, уже успел эту «ситуацию» обсудить – и не получил никаких указаний ни про сигареты (которые ведь тоже раздает баландер), ни по поводу кормежки после всех. Баландер, как обычно и бывает, полагал мнение «положенца» всей тюрьмы выше и важнее – на что главная азиатская мразь и та, вчерашняя, армянская, вопили ему – мол, откуда «положенец» может знать, что и как тут, на «киче», делается, тут, мол, решает сама «кича». Не знаю уж, к чему они в итоге пришли, – недослушал, и так-то слушал через силу, подавляя отвращение и (со смехом) представляя, Что бы сделалось с этим моим азиатом-соседушкой, если бы вот такой вопрос – «ты что, умнее меня?!» – он задал мне – и я бы ему тут же, на автомате, ответил: «Да, конечно, умнее, м намного!!». :)))

Интересно, кстати, что, хотя скандал начался вчера в 12-м часу ночи – но баландер, по его же словам, чуть ли не вчера же о нем и узнал, уже успел пообщаться с верховносмотрящей за централом обезьяной (тоже армянской, кстати), и т.д. Хотя сегодня весь день, до ужина, в карцере эта тема, насколько я мог слышать, еще не всплывала. Кто же это его, баландера, просвещает настолько оперативно, интересно бы узнать...

* * *

А, вспомнил ещё. Сейчас, в ужин, когда баландер спрашивал: ПОЧЕМУ не давать сигарет этому из 13-й, – блатной азиатский начальник отрезал: «он не заслужил сигареты!». Вот так вот... У них тут сигареты в карцере, видите ли, ЗАСЛУЖИВАЮТ. Видимо, это и есть их хваленое «положение»... Боже, какое счастье, что я не курю!..

29.6.15., утро (до проверки)

Опять сегодня этот ублюдок баландер засыпал мне всю гречку сахаром на завтрак! Мразь тупая!.. И еще оправдывался: мол, очень громко играет радио, я вас не слышал, – я каждый раз специально, давая миску, говорю ему: сахар не клади!! – хотя это уже не первый и не второй раз, давно уже можно было бы привыкнуть и усвоить, что постоянный житель 5-й камеры не ест на завтрак каши с сахаром. Возникло полное ощущение, что он сделал это нарочно, прекрасно слыша, что я сказал не класть, – хотя я еще ведь не говорил ему, что эти засахаренные каши я просто-напросто выкидываю, а не ем. Эх, как мне хотелось в ту секунду прямо через «кормушку» надеть ему эту миску со сладкой гречкой на голову!.. Сдержался. :(Гречку, разумеется, пришлось вылить в унитаз и завтракать сыром, – хорошо еще, что он был...

Между прочим, позавчера вечером в глобальных поучениях кого-то из здешних блатных обезьян – как надо себя вести в карцере, чтобы сохранить и упрочить «положение» – мелькнула фраза о том, что, мол, перед проверкой надо прятать не только «первое», «второе» и «третье», но и те кубики, что дает баландер. Из этого (и еще каких-то уточнений к нему) я с изумлением понял, что баландер раздает им здесь еще, оказывается, и бульонные кубики, – не запрещенные, конечно, как сигареты, но всё же в тюремном казенном рационе явно не предусмотренные. М.б., не так давно начали их давать? – потому что за два месяца сидения в карцере я услышал про них первый раз – и уж конечно, не было и речи, чтобы их хоть раз дали мне!..

Кончается июнь. Скоро середина года – через день буквально – и середина лета. 1603 дня мне осталось. Будь она проклята, ваша свинская Россия, страна мрази и быдла, ублюдков и тупых свиней!.. С каким удовольствием я сбросил бы на нее ядерные бомбы, по одной на каждый областной город!!! Начала бы, безусловно, с Кирова, куда этап мне предстоит уже скоро, – чтобы знать на весь остаток жизни, что проклятый Кировский централ не ждет меня уже НИКОГДА!..

6-й час вечера (после ужина)

Понедельник. Писем, конечно же, нет. Есть зато решение Останкинского «суда» Москвы от 8 июня – о признании «экстремистским» еще одного моего текста десятилетней давности. Опять непонятно, почему бумажку прислали только одну, когда на это 8-е июня заявлялось ходатайств прокурора то ли пять, то ли шесть штук. Отказать же ему не могли... И опять – 300 р. пошлины...

Сегодня ровно два месяца, как я сижу в этой камере, в карцере. Достижение, конечно, небольшое – на фоне почти 17 месяцев в 525, на

«Медведкове», в 2013-14. Тоска весь день, тоска душит и не отпускает... Собственно, вот оно – страдание; это ведь тоже страдание – знать, что жизнь твоя прошла зря, что ничего уже нельзя исправить, что с какого-то момента ни в чем нет – и уже не будет тебе удачи, что все двери закрыты... Еще 1603 дня, 4 г. и 4,5 месяца, а потом – что? Жалкое прозябание, или опять тюрьма?.. Кто же так исковеркал, испоганил, изломал всю мою жизнь, кто обрек меня на эти мучения, кто лишил всего – счастья, любви, радости, смысла жизни, права на удачу, на свой собственный путь – на вершину, а не в яму?.. Кто же? Как найти этого виновного – и как исправить всё сделанное им зло?

Увы, исправить, по всей видимости, уже не удастся. Хорошее знание жизни на пятом десятке лет не дает надеяться на это; к тому же – своей интуиции я привык верить. Помню, как году в 2009-м, в 2010-м, в Буреполоме, на длительных свиданках я, наивный глупец, втолковывал матери – и сам в это верил свято – что, мол, пережитые страдания отложатся, пойдут мне в актив в виде «морального капитала» – права на уважение и почтительное внимание молодежи (судил я, конечно, по молодому себе, лет за 15 до того), на то, что меня будут слушать, если я захочу что-то сказать, – не страна, конечно, будет слушать, но хотя бы «оппозиционная» тусовка, или – шире, предел мечтаний! – интеллигенция... Увы, освободившись в 2011, я быстренько понял свою ошибку, понял цену, понял цену моему «моральному авторитету». Хоть сколько отсиди, хоть подохни там, в лагерях, за убеждения, – ты для них «фрик», городской сумасшедший, и только, если твои убеждения хоть на волосок отличаются от их убеждений, и неважно, отличаются в целях – или только в методах, как у меня. И еще больше мне дали понять, какой у меня в их глазах «авторитет», когда я снова сел – а они все промолчали, и молчат до сих пор, и ни в списки «Мемориала» меня не включили, никуда...

Так что – увы, вот он, «моральный авторитет», о котором я думал так уверенно, как о будущем непреложном факте. Нет уж, коли ты неудачник – то не переломить тебе этой своей судьбы никакими страданиями, никакими потерями, и ни на какие компенсации нет смысла и надеяться...

Ну, а кто виноват в этих моих мучениях, кто так исковеркал мою жизнь, – о-о, я ищу ответ на этот вопрос уже минимум девять лет, с первых дней своего первого ареста в 2006-м. На этой тюрьме и на «Медведкове», в Буреполоме и в Перми, – везде и всегда, все эти долгие годы я думаю об этом, ищу ответ на этот мучительный вопрос – но так пока и не нашел...

30.6.15., утро (до проверки)

Вчера был совершенно кошмарный, чудовищный день, – увы, не первый уже такой. Зашкаливала дикая тоска, отчаяние, сознание своего бессилия,

того, что жизнь действительно прошла – и прошла она зря, и ничего изменить уже нельзя... Так, наверное, можно и свихнуться, если думать только об этом, неотступно, с утра и до вечера. А м.б., я и сошел с ума уже давно, только не замечаю этого?..

Сегодня с утра настроение вроде бы чуть получше, хотя, конечно, объективные данные точно те же самые, ничуть не изменились: перспектив как не было, так и нет. Что ж, выход один: если выживу – уехать, уехать во что бы то ни стало – и хоть остаток жизни прожить на воле и в хотя бы относительном комфорте. А уж там получится ли как-то отомстить этим русским мразям, как-то повлиять на решимость Запада разобраться наконец с ними по-настоящему, будь то ядерный удар по ним, или решительное изъятие их ядерного оружия, как предлагал еще Кох, или что-то другое, – ну что ж, я сделаю для этого всё от меня зависящее, чтобы это случилось, и уж никто меня не упрекнет, что я уехал – и всё забыл, всё простил ИМ и живу только личной жизнью...

Прошла половина этого года, 2015-го. Всё ближе этот рубеж – 23-е июля, уже назначенная апелляция; и я в душе, вопреки всей логике и всем обещаниям Сидоркиной, боюсь, что это – рубеж последний, а после него уже всё, конец спокойной жизни. Дорога на Киров... :(((Это будет, видимо, что-то страшное, ибо заметил я (суеверие, конечно, глупость, но...), что нечетные года в заключении выдаются у меня особенно тяжелыми, мучительными, хуже в целом, тяжелее, чем четные. А тем не менее, пока, кроме поездок в военный «суд», особо тяжелых испытаний в 2015-м еще не было. Значит, всё это ждет меня в конце года – на этапе и в лагере... :((((

вечер (после ужина)

Писем, конечно же, нет. Перед ужином хотел срезать торчащие сзади волосы – и довольно сильно порезал «мойкой» большой палец левой руки, пошла кровь. Будь она проклята, эта страна, где стричься приходится не ножницами, а черт знает чем!.. Днем, правда, неожиданно принесли заказ из магазина – прямо сегодняшней, мать с утра приезжала. Но – черт ее возьми, она опять заказала колбасы меньше, чем нужно – так, что мне хватит лишь до следующего понедельника, а во вторник, если не принесут вот так же, как сегодня, прямо в день заказа, то мне вечером вторника уже нечего будет есть...

Весь день, с утра, по радио, проклятый «Восток FM», заунывные эти азиатские мелодии, но это бы еще ладно; главное – эти суки по своему азиатскому радио не говорят даже время, не говоря уж о новостях. А другое радио будет, по всей видимости, не раньше, чем заступит завтра эта молодая крашенная дура, работающая в смене жирного борова.

Ненавижу эту проклятую страну! Сжег бы ее ядерным огнем, вместе с биомассой!..

Письма все-таки принесли. От Лены Маглеванной, Ольги Исаевой и от Мкртчяна. Вроде ничего особенного, но – боже, какое счастье получать эти письма!..

ИЮЛЬ 2015

1.7.15., утро (до проверки)

Вчера ночью, после отбоя уже, была тут трагикомическая история. :) Быдло в карцерах, против обыкновения, поговорило немного – и заткнулось, даже песен не пело, как обычно. :) Я уже почти заканчивал ужинать – когда прорезалась вдруг эта гнусавая армянская обезьяна: мол, чего вы молчите, не общаетесь? Общайтесь, а то так скучно! (Скучно, видите ли, ей, мрази!..) И стала, по своему обыкновению, проводить переключку всех карцеров, обращаясь к каждому по номеру – всего лишь с вопросами типа «как ты?», ничего другого мрази ни от кого нужно не было. Я уже понял, что меня ждет – и не ошибся. Вот она – пресловутая большевистская всеобщая грамотность, будь она проклята, – научили обезьяну цифрам, счету до 14-ти, а я страдай...

Проорав несколько раз: «Пятый! Пятый!!! Пятая кича!!!!» (гнусаво до невозможности и с омерзительным акцентом), получив тут же при этом разъяснения от других, что я не отвечаю, не разговариваю и т.д. – она гнусаво спросила: ты умер там, ара, да? (как-то так) – и перешла к следующему: «Короче, шестая кича!».

Но это было еще не всё. Закончив переключку, тварь вернулась ко мне. :))) Поорав еще: «Пятая кича!! Пятая кича!!!» – и не получив ответа, начала звать дежурную надзирательницу, чтобы та подошла к ее 2-й «киче». Понимая, что это может значить, я вовремя успел кое-как лечь на нары, правда, довольно нелепо расставив руки, чтобы ничего не запачкать, т.к. руки были абсолютно жирными от колбасы.

И точно: армянская макака стала прямо требовать от тетки-дежурной, чтобы та позвала меня. – Сам зови. – Я зову, он не откликается. (Тоже не дословно, но как-то так.) – Он отдыхает (на их жаргоне это значит – спит; а дежурная, слава богу, видела меня лежащим на нарах еще сразу после отбоя, когда я, как обычно, лег полежать до ужина – и как раз она заглянула). Короче, армянская мразь, ничего не желая слушать, оголтело, напористо требовала, чтобы дежурная открыла мою «кормушку», разбудила меня – и позвала бы на разговор с обезьяной. :) Но, слава богу, та оказалась порядочной – да, наверное, и понимала, что не зря я не общаюсь со всей этой мразью, что они мне на ... не нужны. Она еще раз заглянула в «глазок» (я лежал), повторила всей блатной кодле несколько раз: «Он отдыхает», – и больше в этом цирке не участвовала.

И тогда гнусавая, дауническая блатная армянская обезьяна произнесла мой приговор. :))) Страшно злая и раздосадованная, что не удалось

«довести» до меня всю их блатную премудрость про «людское» и «воровское», узнать, кто я такой, за что сижу, и устроить мне про «людское-воровское» экзамен, как сразу после отбоя они тут устроили его какому-то узбекскому новичку, свежепущенному в карцер, – армянская обезьяна произнесла обо мне:

– Короче, заморозить его... Ни сигарет, ничего... :)))

Правда, сказано это было тоном каким-то не совсем уверенным. Должно быть, в головенке этой твари возникло-таки воспоминание о том, что, когда эта армянская обезьяна все свои семь суток (уже почти прошедшие) спрашивала тут каждый день, кому нужно «первое», – «пятая кича» вроде как ни разу не просила себе этого самого «первого». Так что вполне может оказаться, что сигареты «ему» и не нужны, так что «заморозить» его не получится. :))))

2.7.15., 10-й час вечера (до отбоя)

«Пятый кича, ты зае...л тихо-тихо сидеть, ничего не говорить!!!» – орет мне блатная армянская обезьяна. :))) Она третий день не оставляет попыток до меня докричаться, она уже в бешенстве, в ярости и изрыгает по моему адресу самые страшные проклятия (на сексуальные темы, конечно), какие только знает. :))) Азербайджанскую обезьяну сегодня таки подняли наверх – еще денька на два; а эту оставили, хотя тоже должны были сегодня поднимать: оказалось, добавили ей еще трое суток за плохое поведение. Трое суток еще мучений для меня... :(

Пять писем сразу принесли вчера от Землинского, одно – от матери. У матери – жуткая новость: ходила по совету Сидоркиной к врачам – и нашли доброкачественную опухоль! То бишь, рак... :((Я в таком же шоке, в каком была она после получения этого известия. Хорошо еще, что доброкачественная, – м.б., есть всё-таки надежда вылечить. Дай-то бог, не знаю... Ужас какой-то, мрак... И так одни ужасы вокруг – еще и это...

Ночью опять почти не спал из-за комаров, не мог заснуть. Но потом, к утру уже, вроде все-таки вырубился, что-то вроде начало сниться. Встал с тяжелой, мутной головой, естественно, как и всегда после бессонной ночи. А тут еще – надо писать ответ матери и Землинскому. Матери-то я написал быстро, еще до проверки, один лист всего, а вот с Землинским – возился с проверкой и аж до четырех часов дня, перечитывая все эти его пять писем и отвечая на то из них, что было достойно ответа. Главная новость – книги Мизеса и Хайека, которые я просил (не все – только 8 из 20), он таки купил, точнее – заказал в интернете на адрес матери – и мать в своем письме

подтвердила, что их ей курьер доставил. Самая большая проблема теперь – передать их мне в лагерь, заставить тамошнее начальство их принять. Да вот еще небольшая, локальная проблемка прямо сейчас – отдать в отбой эти два письма...

Ровно 1600 дней мне осталось сегодня. Ровно пять месяцев, как прервалась переписка с...

3.7.15., 7-й час вечера (после ужина)

Целый день – какая-то суета, беготня, паника, истерика... Проверка сегодня почему-то была в 12 – уже и пообедали, и в баню я успел сходить (пятница, банный день). Потом – местные блатные (в том числе гнусавая армянская свинья и еще один азиат) ругались с банщиком – мрачным, неприятным «мусором», приходящим в карцер специально, чтобы водить в баню (бред какой-то – как будто дежурный один не может). Кто-то пошел в баню, как я понял, без робы, а м.б., вообще только в трусах, банщик прицепился, что, мол, надень робу, и в дальнейшей перебранке (я-то сам не слышал, но со слов блатных) пообещал, что он «заморозит» карцер, т.е. перекроет поступление сюда сигарет, тут это самая страшная угроза. Армянская свинья бесновалась и орала на банщика яростно, как никогда. :) Потом в 14-ю привели какого-то хмыря «на общих основаниях», как и меня, – сразу возникло опасение, не выселили бы меня из этой камеры. Хмырь оказался из 507, а до этого – 509, со спеца, где и я сидел в 2006-07. После ужина вдруг началась паника, крики блатных: «Что случилось?!» – и оказалось, что, вроде бы, этот вновь прибывший «вскрылся». Когда «мусора» и врач ушли, блатные начальнички докричались до него – он рассказал, что ему уже под 50, сам из Махачкалы, он на голодовке (потому-то, видимо, и посадили в карцер), голодовка за то, чтобы отправили на этап, а то уже полтора года (вроде бы, – слышно мне было плохо), как осудился, и всё не увозят. Из всего этого понял я, что, похоже, видел этого хмыря, когда зимой-весной сидел в «нулях», ходил на следственный корпус, стоял потом со всеми в отстойнике, – не только видел не раз, но и разговаривал с ним как-то раз довольно долго. Тут, между собой, блатные начальнички называли этого типа «бродяга», – это высокое звание!.. :))) Если это тот самый, с кем я тогда общался в отстойнике, – насколько он приятный и интеллигентный с виду, настолько же нечисть изнутри, когда слушаешь всю его биографию, всё это преклонение перед ворами (его друзьями) и «воровским», его похвальбу про тюремно-лагерные подвиги (в общем-то, это у них у всех, криминально-воровской, много раз уже сидящей нечисти) – как он куда-то пришел/приехал – и сразу же «разморозил» одно, другое, третье, наладил «дорогу» на спецу, и т.д. и т.п. Мразь и нечисть, которую только в печь, – но

вот сейчас, узнав и обсудив, что он на голодовке, местные «авторитеты» (гнусавый армяшка прежде всего, – о, он полон энтузиазма!.. :) сговариваются «поддержать нашего брата» и тоже всем карцером объявить голодовку. Некоторые уже поддержали, но кто-то охладил их пыл – вроде бы для этого требуется писать заявление. Тотальную переключку вроде бы еще не делали и «пятый кича!! Пятый кича-а-а!!!» не орали. :))) Излишне и говорить, что я и не отвечу гнусавой черножопой мрази на ее вопли (ее вроде бы должны убрать 5-го – жду не дожусь!), и не собираюсь проводить за блатных животных никаких голодовок. Да и остальные, думаю, не сподобятся, больше выпендриваются. Плохо будет только в том случае, если они решат «за всех», т.е. и за меня тоже, и это решение объявят баландеру, так что он не будет вообще открывать «кормушку» и что-то давать. Но – голодовки-то они обычно держат мокрые, на сухую – у них кишка тонка, а чай утром-вечером и компот в обед мокрой голодовке не противоречат, так что – надеюсь, приедет и даст.

И, наконец, еще до вскрытия «бродяги», баландер, придя с ужином, принес новость, что приехал очередной генерал с проверкой – ну ясно, может нагряться в карцер! – и что-то такое говорил, я не слышал за радио, успел ухватить лишь конец фразы, когда подошел к двери и радио выключил – что, мол, всех раскидают по другим централам. Не знаю уж, что это за бредовые планы, но очень надеюсь, что ни до каких раскидок я тут уже не досижу. Меньше трех недель осталось до апелляции...

4.7.15., утро (после проверки)

Четвертое Июля, День Независимости США. Великий праздник. Каждый год я один, втихомолку, отмечаю его – в тюрьме наедине лишь со своим дневником, еще в буреполомских времен. Я поздравляю Америку с ее праздником, с днем ее рождения – и искренне желаю ей победы над всеми врагами – её и свободы. Ибо это одно и то же: Америка – подлинная родина свободы, пример того, как должен жить истинно свободный народ, сознающий в полной мере свое человеческое достоинство.

А у нас... Точнее, «у них» – у этих русских мразей и быдла, что держат меня в плену... Страшно думать о будущем, но и не думать я никак не могу. Может ли быть что-нибудь более мучительное физически и унижительное морально, чем ледяным летним (!) утром, когда солнце еще только восходит, – торчать во дворе лагерного карантина, дрожа, околевая от холода, не зная, как согреться хоть чуть-чуть – пока там, в карантине, убираются, метут и моют полы? (При том, что на бараках-то убираются дважды в день, никого при этом на улицу не выгоняя, – но в том-то самая соль, самый глубинный смысл карантина, чтобы как можно сильнее

поглумиться надо вновь прибывшими, создать им на эти 10-12-14 дней круглосуточный максимальный дискомфорт во всем.) Может быть – лежать ночью в постели и не мочь уснуть из-за работающего всю телевизор, показывающего «кино»? Это тоже бывало со мной, последний раз – в 13-м году, на «Медведкове», пока Каретникова не принесла мне беруши. Или же – околевать от холода в камере лагерного ШИЗО, как было в первые дни в пермском лагере, той осенью?.. Не знаю, что – но знаю, что может быть и хуже, это – мной лично пережитое и описанное – еще не предел... И это худшее ждет меня уже скоро, после апелляции 23-го, после отсрочки ее недели на две, вряд ли больше... За что, господи, за что?! За что мне всё это? И как жить, понимая, что нет ничего впереди, кроме этих мучений?..

5.7.15., утро (после проверки)

Воскресенье. Того блатного голодовщика, забыл написать, забрали из карцера еще позавчера, в тот же вечер, что и привели, так что всеобщая голодовка в его поддержку отпала сама собой. :) Меня же теперь эти животные, тут сидящие, если упоминают в разговорах между собой, то называют «сухарь»: мол, «в пятой сидит сухарь». :)))) Воистину, пути лингвистики и словообразования у уголовников темны и непостижимы... А уродцы из хозотряда, стирщики из бани – на этот раз даже не подумали спросить у меня вещи в платную стирку, как в две прошлые бани. Хорошо, что на этот раз мне и не было особо-то надо: одна майка всего, чего ее одну отдавать, можно в следующий раз отдать сразу две, – но, увы, рассчитывать на их предупредительность и порядочность в штатном режиме, на то, что они будут сами спрашивать, не приходится, – их опять надо будет отлавливать во время смены казенного постельного белья, в пятницу вечером, напоминать и спрашивать...

Тоска ужасная, невыносимая, неотступная, постоянная... Пожалуй, никогда еще за всю жизнь не был я в таком безвыходном тупике, как сейчас. Вся жизнь, 40 с лишним лет, – насмарку, всё зря!.. И в юности, когда личные проблемы (уже тогда! – и ведь так и вышло...) казались непреодолимыми – я все равно пытался что-то делать, бороться, не складывать рук, не сдаваться... И потом, в более взрослые годы, всегда и во всем – старался я бороться и не сдаваться, любые проблемы решать активно, не жалея сил, тщательно продумывая каждый свой шаг... Но даже я ничего не могу придумать тут, сейчас – в ситуации, когда вся жизнь оказалась зря, в никуда; когда нельзя будет оставаться в этой стране ни дня после (если) освобождения – и нельзя будет уехать, не выпустят; когда тошно будет опять перешагнуть родной порог, за которым прошла вся жизнь, – но в то же время и деваться, кроме как домой, в Москве будет абсолютно некуда;

эта ситуация, когда о нескорой еще (и неверной, гипотетической) воле я думаю с ужасом не меньшим, чем о близком этапе и кировском центре, – представляется мне абсолютно безвыходной и нерешаемой...

Интересно, будет ли во вторник, послезавтра, свиданка с матерью?..

вечер (после ужина)

Этого томления духа, увы, не описать мне никакими словами... Мучительная, зыбкая и вязкая неизбежность... Не болезненная, спокойная, тихая – пока! – но пахнущая темным ужасом будущих мучений, тоской и отчаянием. Наверное, так ощущает себя баран, понимающий, что его отделили от стада и заперли, чтобы вскоре зарезать...

6.7.15., утро (до подъема)

Опять не спал всю ночь, – не смог уснуть!.. :(((Уже ни комары не мешали (их практически не было слышно), ни нога, ничего, всё было тихо, спокойно, как надо, – и ни в одном глазу!.. :(Не задремал даже ни на минутку за всю ночь. Зверски чесались, правда, искусанные комарьем руки и ноги, так что постоянно приходилось чесать их. Слышал, как молодая дежурная сучка раз десять заглядывала в «глазок». Опять весь день буду как вареный – днем полноценно заснуть мне так и не удастся, даже сидя в одиночке, когда никто не мешает.

Что ж, это еще раз подтверждает: отныне у меня всё будет плохо и только плохо. И очень плохо... Неудачник, одно слово... Вспоминается мне фраза Буковского, еще тем моим сроком: что, мол, ночь темнее всего кажется перед рассветом. Что ж, для кого-то – может быть. А для меня, судя по всему (и по сегодняшнему тоже), этот рассвет не наступит уже никогда... :(((

2-й час дня (до обеда)

Обед почему-то сегодня задерживается – вот уже на два часа, между прочим. Сижу, действительно, как зомби, не соображаю ничего. Спать после подъема, завтрака и проверки, конечно же, не получилось, хотя в обычные дни я иногда еще засыпал после завтрака ненадолго. Сижу, жду, когда же наконец рассветет, раз уже ночь стала настолько, настолько мрачной и непроглядной :))) – но, конечно же, понимаю, что ничего не будет, ничего хорошего со мной уже не может случиться... Сейчас, в обед, когда его наконец принесут и откроют мне «кормушку», хочу попросить дежурную тетку позвонить в библиотеку, вызвать библиотекаря, которая не появлялась уже месяц, – но знаю, что если она даже и позвонит – библиотекаря все равно не застанет, та не придет, – пытались уже звонить и эта вертухайка, и другие, – и все без толку. А потом – еще стоит (точнее, будет стоять после обеда) тяжелая задача получить кипяток для кофе (м.б., поможет в моем невыспанном состоянии), точнее – подать дежурной

сигнал о себе чтобы она подошла...

5-й час вечера (до ужина)

Сказал всё в обед этой рыжей дуре, но – толку-то?.. Про веник, который я для отвода глаз тоже просил, она через 15 минут, когда я случайно нажал кнопку – и она прибежала, она уже не помнила.

Тем удивительнее, что вот только что, когда уже начал я это писать, библиотекаря так пришла!.. :) Надавала мне всякого барахла, но главное – я ей отдал свой очередной список. Сказала, что в отпуск идет в конце июля. Ну что ж, м.б., и принесет что-нибудь.

Писем, ясное дело, нет. Хотя бы завтра были, но тоже не факт. Надеюсь, если цензорша их сегодня только распечатает, то завтра уж принесет. А в остальном... Вот уж попал я – так попал! – пришла сегодня неожиданная, простая и грустная мысль. На семь лет – да уж, знатное попадалово... :(Засадили, мрази, в тюрьму на семь лет за слова.. :(

10-й час вечера (до отбоя)

Как ни удивительно, но письма все же принесли сегодня. Лена Маглеванная пишет, что у нее в коробке с шестковскими книжками (67 штук еще) поселилась злющая сиамская кошка, взятая Леной за 100 евро на время отпуска хозяев. Я, конечно, написал Лене, чтобы срочно она эти книги оттуда убрала, завтра она это получит... но, боюсь, к тому моменту большинство книг уже потеряет товарный вид навсегда... :(((

Письмо от Ольги Исаевой и – от Мкртчяна, который наконец-то прислал мне адрес Григорьянца. Написал я тотчас Сергею Иванычу. Что ж, толку, конечно, не будет, ничего он не сделает, но, хоть, м.б., ответит (хотя не факт тоже, конечно). К тому же, в отличие от Гарды и МFF, его я знаю лично, все-таки легче общаться.

7.7.15., утро (до проверки)

Ну что ж, ночь не кончилась, даже краешек неба не посветлел... Возникшее у меня прошлой бессонной ночью предчувствие, что с ближайшей почтой придет что-то такое неожиданное и потрясающее, что перевернет всю мою жизнь, – разумеется, не сбылось. Да и с чего бы?.. Ничего и ни от кого, ни из каких городов и стран, ни от близких, ни от дальних, ни от прежних, ни от нынешних знакомых... Разве только адрес Григорьянца, но уж это-то мою жизнь не перевернет, можно не сомневаться... Сегодня уже седьмое. :(Числа опасно и неотвратимо приближаются к 23-му, а там... Ну, еще две недели от силы, и – этап, шмоны, неподъемные баулы, которые и тащить нет сил, и выбросить жалко... 1595 дней мне еще осталось, – казалось бы, ничего особенного, четыре года и четыре с половиной месяца, не п/ж все-таки... Да, можно пережить срок,

если знаешь, ЧТО там, за ним, что там у тебя вообще есть какое-то будущее, какие-то перспективы в жизни. Увы, это не мой случай...

Свиданки пока что нет и – видимо, не будет сегодня вообще.

20-01

Свиданки так и не было. Принесли зато перед самым ужином сегодняшней магазин, – слава богу, мать приезжала, заказала его, значит, с ней всё нормально. Проверка почему-то опять сегодня была очень поздно, уже после обеда (впрочем, обед здесь очень ранний, в 12-м часу уже). После ужина библиотекаря принесла часть книг из моего списка, вчера ей отданного, – далеко не все, что я просил, но хоть что-то. Кофе, правда, сегодня попить не удалось, – этот ленивый тюфяк дежурный, наверняка алкаш, на все просьбы уголовников отвечающий: «Потом!» или «Попозже!», – на кнопку никак не реагировал, а других способов привлечь его внимание нет, стучать и звать я не хочу, да если и позвать – он опять, как уже было: «Давай по баланде!». Зато весь день играет радио «Дача», хоть знаю время. Вот такие дела. Всё хорошо. :)))))) А до 23-го остается все меньше времени, а этап всё ближе, и ужасы ждут меня...

8.7.15., 21-01

Приходил сегодня раввин, как я и думал. Только успел в тот раз попросить – он уже мне принес сегодня тору, шикарное двуязычное издание ФЕОР-овского издательства «Книжники». Интересно полистать, подержать в руках то, что до сих пор видел и знал только как часть христианской библии. Но, к сожалению, издание отнюдь не карманное, как я просил, а очень толстое (под 1000 стр.), большое и тяжелое, так что от том, чтобы взять его с собой в лагерь, как я думал взять карманное, не может быть и речи! Еще – раввин подтвердил тот адрес ФЕОР (на ул. Образцова), что я выписал еще в тот его приход с календаря, – и я тут же написал письмо Гуревичу. Что ж, будем надеяться, хоть это письмо дойдет, а раввин обещал потом узнать, дошло оно или нет. М.б., пришлют мне чего-нибудь сладкого и в лагерь, в очередное голодное ПКТ...

И – написал я наконец-то еще раз письмо Банчик, вместо недошедшего майского. Сидоркина на мой вопрос ответила, что отдала то письмо Морозовой – и я теперь уверен, что та не отправила его нарочно, как до этого и мою статью Маглеванной. Вот тварь, а!..

Блатные мрази вот уже второй день беснуются и наезжают на баландера – почему, мол, он вчера перепутал миски 6-й и 7-й камер (естественно, пронумерованные, как и все прочие). А в 6-й сейчас сидит кто-то из «нелюдской хаты» – и вот из-за этого-то истерика. Кормить его требуют тоже после всех, баландер протестует. В пылу возмущения вчера прозвучало

даже выражение «людские шлёнки»!. Идиоты, конченные идиоты и мразь!..

9.7.15., около 11 вечера (после отбоя)

Характерная красочная деталь из жизни здешней блатной «АУЕ-шной» нечисти. Последнее время стало так: после отбоя и ухода ДПНСИ кто-нибудь из этих блатных заводил из своей камеры спрашивает дежурного вертухая: «Дежурный, ДПНСИ ушел?». И только после того, как тот подтвердит, что ушел, – раздаётся бешеный вопль: «АУЕ, кича!!!». :))) Или еще что-нибудь, типа «жизнь ворами!». Как ни забавно – но при все своем «героизме» и блатной «удали» начинать вопить это всё при ДПНСИ они опасаются... :)

Приходила сегодня мать на свиданку. Повели меня уже заметно после 10 утра, привели – все остальные уже сидели в кабинках, было уже, наверное, половина 11-го. На мой вопрос – почему меня привели так поздно – тот же маленький лысый крепыш, что водил тут все эти месяцы на свиданку и которого не было только в прошлый раз (отпуск, наверное), ответил что-то несуразное: ждали, мол, пока пришлют факсом подтверждение из Верховного «суда». Мать потом пояснила мне этот бред: оказывается, у них не было данных, что мое дело уже находится в Верховном «суде» – и потому даже разрешение оттуда на свиданку этого бдительного лысого не убедило – позвонили в Верховный «суд» и ждали оттуда бумагу факсом... Дикий бред, т.к. еще 19-го июня присланная мне оттуда через спецчасть бумага, что слушание назначено на 23 июля, без сомнения, вторым экземпляром была послана администрации СИЗО и осела в моем личном деле. Да и при предыдущих двух «судах», когда дело отправлялось в Мосгор«суд», – никаких дополнительных этому подтверждений оттуда ни разу не требовали (в 2007 на этой же тюрьме после приговора первой инстанции матери полгода разрешения на свиданки вообще выдавал начальник тюрьмы).

Прошло всё относительно нормально, без ругани. Письмо мое так еще и не дошло. Хорошо, что своей недавно найденной доброкачественной опухолью мать оказалась все же не так подавлена и убита, как я того опасался. Хотя, м.б., я и ошибаюсь, принимая желаемое за действительное...

11.7.15., 6-й час вечера (после ужина)

Проклятая страна, ублюдочная эта мразь Россия, как же я ее ненавижу! Всех, всё это быдлонаселение, 140 млн., или сколько их там, этих вонючих русских клопов, вместе с азиатскими гастарбайтерами, – всех, всех их сжег бы в печах живьем, выбомбил бы ядерными бомбами, чтобы тут осталась пустыня!..

Суббота. Тишина. Тоска. У ублюдка, широкомордого быдляка, явного алкаша, дежурящего сегодня по карцеру, где-то после полчетвертого наконец-то попросил кипятка для кофе, когда он наконец обратил внимание на мои стуки в дверь, подошел (я же не стучу громко, а только слегка, когда он проходит мимо, чтобы не привлекать внимание блатной сволочи). Он ответил: «Сейчас!» – и пошел ставить чайник, слышно было, как наливал воду. Я удивился, что все так просто на сей раз, насыпал в кружку кофе, стал ждать. И точно! – жду-жду, а его с чайником всё нет и нет, а время идет уже к ужину, уже четыре, а ужин – в начале (!) пятого. Думаю: забыл, видимо, уже так у этого урода бывало. Типаж такой, что – только на конюшне пороть, типичный деревенский русский мужик, криворукий, безмозглый, но хитрый и вороватый; мразь, из-за которой и все беды у всех нормальных людей в этой стране уже минимум 100 лет...

Но вот – узнал, видимо, что баландер на подходе, заглядывает ко мне в «глазок» – и говорит: мол, возьми сейчас с баландой, а то у меня была проверка, «кормушки» на сигнализации, я раньше не мог...

Ага, ублюдок, сейчас, разбежался – кофе со сгущенкой я буду пить под вашу капусту, горох и вареную рыбу!.. Врет – и не краснеет, мразь: и проверка, если и была, то еще задолго до моей просьбы о кипятке ушла (да, блатные, когда уже она ушла, что-то спрашивали у него про проверку); и «кормушки» не на сигнализации, это давняя байка для дураков, когда надо – их и после отбоя спокойно открывают; и кипяток – не что-то запретное, чтобы не открыть ради него ДНЕМ даже и под сигнализацией, если б она и впрямь была, «кормушку». Ведь именно этот мордастый ублюдок уже говорил мне как-то, когда первый раз я у него попросил кипятка: мол, давай по баланде! Фантастически ленивая скотина, – то ли лень было мне нести и наливать, то ли просто забыл, – так и так, всё равно свёл к тому, что нальёт только «по баланде», не раньше. Разумеется, в ужин я отказался брать. А ублюдок баландёр так торопился раздать всю баланду, что даже чай мне забыл налить, захлопнул «кормушку» – я и слова сказать не успел. Ну да – всё, что ни делается, всё к лучшему! :) – избавлен на сегодняшний вечер оказался от необходимости пить эту их бурду, запил «ужин» соком.

Да, насколько фантастически ленивая и лживая тварь этот сегодняшний быдлодежурный: в обед просил я у него веник – и он единственный из всех смен здесь, кто не дал мне даже веник! Начал плести, что, мол, даст, если он (веник) будет; а на мой изумленный вопрос – куда ж он делся?! – сказал, что, мол, его уборщик забирает с собой. Это явная, наглая, глупая ложь: все другие дежурные приносили мне его по первой просьбе, никто никуда веник не забирает, он постоянно стоит в коридоре карцера. Но этой мрази,

видимо, лень даже веник мне принести...

Вот такие вот дела. Ерунда, конечно, и не такие бывали в жизни потери; и 12 отнятых по тюрьмам и лагерям лет жизни, в общем-то, тоже не стоит жалеть, и я их и не жалею. Всё равно в итоге всё оказалось бессмысленно, вся жизнь – в никуда, что на воле, что в тюрьме. Неудачник, что тут еще сказать... А только вот – вспоминается мне все время вопрос Михилевича в один из наших с ним первых разговоров весной 2011, когда я освободился и подключил наконец интернет. Он за эти годы успел подружиться с «русскими националистами» (у животных, как известно, нет национальности) и что-то им говорил обо мне, о желательности защиты ими меня, наверное. А они, как я догадываюсь, только тыкали ему в ответ каждый раз в нос цитатой из некролога Масхадову – про «убивать русских». И вот Михилевич, едва я появился, стал спешно выяснять у меня этот вопрос – надеясь ответ преподнести своим этим друзьям и доказать им, как они неправы. И тут же спросил что-то такое – типа, готов ли ты убивать русских детей.

Мне не нацисты эти свинобыдляцкие, мне сам Михилевич еще нужен был тогда – в основном для технических вопросов, связанных с сервером marsho. И, если не путаю детали, только по этой причине я не ответил ему прямо, открыто, в лицо, а задал какой-то контрвопрос, что ли, или, по крайней мере, достаточно мягко, чтобы он потом мой ответ (я видел) мог, торжествуя, показывать им. Зато вот сейчас, уже больше четырех лет прошло, – меня так и тянет во всеуслышание громко заявить: да, с детишек русского быдла я бы начал, всех их, без различия пола и возраста, – за ноги, башкой об угол – и в печь! Или из пулемета по детскому садику, из крупнокалиберного, – какой кайф!! Детишек, будущую смену, молодую поросль русского быдла, сволоты и мрази, не имеющей вообще права на существование – уничтожал бы лично и в первую очередь!! А вот таких ее родителей, как население этой тюрьмы, нечисть и блатную, и «мусорскую» – уже во вторую, пусть сперва посмотрят на гибель своих детишек!..

12.7.15., утро (после проверки)

Башка с утра как свинцом налита, вместо привычной боли в левой половине – жуткая тяжесть во всей голове, преимущественно – в затылке. Давление, видимо...

«Мусора», уголовники, вся эта мерзость и гнусь, вся эта проклятая страна со всем, что в ней есть, – о, как я ненавижу ее!!! Куда же мне от нее деваться, как вырваться?.. Увы вырваться, видимо, не получится ни в ближайшей перспективе, ни в более отдаленной. Четыре и четыре еще... а потом – совсем беспросветная безнадега, ни дома, ни денег, ни здоровья, ни занятия

по душе...

Убивать, убивать, убивать!!! Всю эту мразь, и взрослых, и детишек, и русских, и азиатов, и всю ассимилированную местную сволочь, от евреев до удмуртов, тоже не отличающихся от русских ничем, а наипаче – образом мыслей, – я бы их всех, всех заколбасил бы без всякой жалости, сжег бы в печах!.. Нечисть, только зря коптящая небо и бременящая землю; мерзкая, гнусная биомасса, подлежащая тотальной утилизации. Из-за этой-то нечисти я и сижу в тюрьме, она неизбежно и неискупимо виновата передо мной за мою. Поломанную жизнь. Но – бодливой корове бог рог не дает, вот и всё. Ничего, ровно ничего я не могу им всем сделать – и не смогу никогда. :(((Остается только выбирать из реальных, практически осуществимых вариантов, раз тотальная утилизация быдла на 1/7 суши пока неосуществима. Самый реальный – это уехать, когда кончится срок, и хоть остаток жизни дожить где-то на Западе, в безопасности и комфорте, на пособии (если мне, конечно, его дадут).

Вот это-то, собственно, и означает, что жизнь кончена. Именно тот факт, что сделать я ничего уже в этой жизни не смогу, от меня ровно ничего не зависит в этом мире. Человеку хочется чувствовать себя значительным, да, такова уж людская психология, – но изучал ли кто-нибудь вопрос, ЧТО происходит с человеком, когда он окончательно и бесповоротно убеждается, что о всякой своей значительности он может забыть навсегда, что от него ровно ничего не зависит, он – пустое место, и единственная ему награда от жизни за всю прожитую им жизнь – тот факт, что он, собственно, еще жив?.. Я ненавижу и проклиная эту страну – и свою жизнь в ней!..

12-й час ночи (после отбоя)

О том, что меня в апреле, во время приговора, упоминал The New Times, все «друзья» из корбовской рассылки, очевидно, мне просто ввали. Видимо, решили, так сказать, «подбодрить», прознав, что я сказал Сидоркиной: для меня бы это много значило, послужило бы предвестием каких-то перемен, если б меня стали там упоминать. Ложь во спасение... :(((На днях в последнем своем письме Майсурян – в ответ на мой вопрос – привел список упоминаний обо мне на сайте этого паршивого журнальчика. Неожиданно там упоминается мой арест в ноябре 2012 и взятие под стражу «судом» до 9.12.12. – самое первое. Но – полный текст сообщения доступен только для подписчиков, Майсуряну доступны были лишь короткие анонсы. А остальное оттуда – упоминания в старых статьях Новодворской, еще до ее окончательного отказа весной 2008. (Сегодня как раз первая годовщина ее смерти.) Короче, лгали мне в глаза, брехуны во спасение... М.б., Маглеванную попрошу поискать в рассылке, реальное было упоминание – или так,

выдумка...

13.7.15., вечер (после ужина)

Понедельник. Писем нет, конечно же. Последний раз они были в пятницу – и теперь, думаю не раньше среды. (К тому же Лена Маглеванная вчера как раз выехала в Германию – и сегодня ей, скорее всего, не до писем.) Опять болела с утра башка, несмотря даже на кофе, прошла – вроде бы – только от двух таблеток цитрамона. Так можно сожрать все таблетки, хотя их и прибавилось недавно. Радио целый день играет – проклятый «Восток FM», так что даже время не узнать, – только когда кто-нибудь спрашивает у дежурного.

Ничего нового нет, писать, собственно, не о чем. Жизнь кончена, никакого будущего нет... Я писал здесь об этом уже тысячу раз; но проблема в том, что я просто не могу писать о чем-то другом, и думать о чем-то другом не могу, понимая, что моя жизнь кончена, что у меня нет никакого будущего. Всё идёт своим чередом, земля крутится, лето сменяет зиму, играет музыка, и только я – покойник, живой покойник, и всё это вот так же через некоторое (короткое) время будет уже без меня... Не сумею никак, вообще никак реализовать себя в жизни, ничего не добиться за 41 год ее – ведь это абсолютно то же самое, что и быть покойником, или не жить вообще, или призрачно жить в тюрьме, сознавая, что ты уже мертвец... Примириться с этим невозможно – так же, как невозможно и изменить это положение. Мертвая страна, в которой я боролся за свободу фактически в одиночку, затеяв эту борьбу не в том месте и не в то время, – и не добившись в ней абсолютно ничего, в отличие от тех, кто был постарше, в более зрелом возрасте застал перестройку – и добился хоть чего-то, хоть на время... А отсутствие всяких результатов за 41 год жизни и в области жизни личной – неоспоримо свидетельствует, что неудачи в области общественной не случайны, не только мрачной обстановкой в стране вызваны, а – что дело во мне, что я неудачник... Собственно, тут не о чем долго и говорить, а тем более писать. Всё ясно и четко: не можешь жить – умри, чего зря мучиться... Но и умереть я почему-то не могу до сих пор... :((

Когда только начал писать всё это – принесли вдруг еще одно решение Останкинского «суда» от 8 июня (больше месяца уже!) о признании еще одного моего текста «экстремистским». Раньше их приносили сразу пачками, а теперь почему-то шлют по одной, что от 8-го июня, что от 2-го, и т.д. Что-то это должно значить, но вот что именно – не знаю...

14.7.15., около 5 вечера (после ужина)

Вторник. Пустой день. Ни писем, ни магазина, ни адвоката, ни даже (пока, по крайней мере) возврата вещей из платной стирки. Ну, про письма

я и не сомневался, что – не раньше среды (да еще будут ли и в среду!..). Адвокат – в Ростове, наверное, на «крымском» процессе, тоже ничего удивительного. Но самое главное – магазин! Сегодня мать должна была приехать и заказать; приносят его обычно (последние месяцы) в тот же день – и вот: ни хрена!.. Если не будет и завтра – что ж, опять придется начинать психовать, сходиться с ума от неизвестности: как там мать, приезжала ли она заказывать, жива ли... Каждый месяц тут у меня эти приступы паники из-за магазина: был в мае, был в июне, в июле вот еще не было. Что ж, пора!.. Придется опять писать (в четверг вечером) Лене Маглеванной, она сейчас в Кёльне – и неизвестно, напишет ли мне сама до четверга... Жратвы, т.е. колбасы и хлеба (но без масла, увы – масло вчера кончилось), хватит мне до субботы.

Тоска, боже, какая тоска и пустота на душе! Ждать, как баран смерти, всяческих ужасов, унижений, позора, мерзостей и на этапе, и в лагере – и абсолютно ничего не мочь сделать, чтобы их предотвратить!.. Тупое отчаяние охватывает при мысли об этой абсолютной предрешенности, что в лагере, где не может уже быть ничего мягче СУСа, что во всей, в общем-то, последующей жизни. Всё понимаешь, а вот сделать ничего не можешь, как это ни грустно, – даже покончить с собой... Тоска и пустота...

Написал утром (после здешнего в 11-30 обеда) письмо журналистке Ольге Романовой, абсолютно бесполезное; а вот сейчас, вечером, только что – стишок в восемь строчек. Вот какая я офигенно «творческая личность»!.. :)))) (злой, сардонический смех). Стишок о безнадеге этой жизни родился после того, как долго, чуть не час, ходил по камере из угла в угол, по диагонали, и проклинал всю свою неудавшуюся жизнь вообще – и всех этих тварей и сучек, которые меня отвергли или которым я не понравился, в частности. Таковых набралось – за всю мою жизнь, как раз ровно 20 лет, с 1995 года – 11 штук. От всей души пожелал всем им, мразям, сдохнуть от рака матки или чего-нибудь подобного, предварительно пережив смерть своих детей, у кого они есть! Вот так-то!.. Нет уж, христианского милосердия и прощения не ждите, мрази, – недаром я не христианин... На самом деле, без шуток – реальное зло взяло, как вспомнил всё это подробно, в деталях, за все 20 лет – поездки, беготню, психозы, нервы, неудачи, тотальную эмоциональную зависимость от некоторых из этих блядей... Ровно ничего приятного нет в этих воспоминаниях, а особенно – в тюрьме и на фоне ясного понимания, что жизнь кончена, что ничего уже не будет, что всё, что не сбылось до сих пор, уже точно не сбудется... Вот так, и только так, из подлинного страдания рождается подлинная, настоящая культура, настоящее искусство, и стихи в

том числе. Куда там Нестеренко – вечному зрителю со стороны, сперва хоть в непосредственной близости, а последние пять лет – из такой дали, как Америка. Какие, к черту, стихи он там может написать!.. :)))

Нет, я ошибся: их было на самом деле 12, этих тварей, а не 11. Символические какие числа: 12 тварей за 20 лет... Пусть сдохнут все!!!

15.7.15., вечер (после ужина)

Принесли сегодня наконец-то магазин – вечером, после ужина, когда я уже и ждать перестал. Слава богу, мать, значит, приезжала, всё нормально с ней. Принесли и письма – и эта мразь сегодняшней быдляр-дежурный, даже не подумал открыть «кормушку», чтобы цензорша мне их отдала!.. Она просто воткнула их снаружи в ручку двери, – хорошо, что я услышал ее слова: «Оставляю письма для Стомахина!» – а то бы и не знал ничего. Сперва подумал, что, м.б., дежурного нет, она это дневальному сказала. Сижу, читаю, жду звука открывания входной двери, что означает приход этого дурака... вдруг кто-то из уголовников его окликает, – он, оказывается, преспокойно сидит себе на своем месте!.. Вот мразь!.. Я был в полном шоке. Пробовал стучать – громко – кулаком в дверь, – даже не слышит, ноль реакции. Среагировал только, когда кто-то пришел, или что уж там, не знаю, – и он пошел назад от входной двери мимо меня. Впрочем, пока пытался стучать и ходил вне себя от ярости по камере, – что-то мне подсказывало, что так уж психовать и нервничать, как и слишком яростно стучать, не стоит: среди писем нет ничего важного. Два от Землинского, от Исаевой и от Мкртчяна, – загадал я. И что же? Он отдал мне их (точнее, сука, даже подать не хотел, мне самому пришлось высовывать за ними руку в «кормушку», – чего боится эта тварь, никак не могу понять...) – и там оказалось одно от Землинского (из которого ясно, что моих последних писем он не получил) и... от Ткалича! То бишь, то, что наименее мне нужно!.. А электронных нет вообще ни от кого, от Ольги Исаевой даже, хотя ей уже давно бы пора мне написать... Не обмануло предчувствие...

Пока они там обсуждали с дневальным (?) мой магазин (козел этот – дежурный – сообщил мне через дверь, что мне тут принесли и поставили две коробки, но отдавать их мне он не будет, пока не придет магазинщица, – боится, сука, ответственности :), мелькнуло что-то и про принесенные из платной стирки мои вещи. Наконец-то – на третий день!.. И вот, когда он отдавал мне письма, я спросил его и про эти вещи. Так оказалось – тот, кто их принес (дневальный? Или уж не знаю, кто...), отдаст их мне только в отбой, а до тех пор они лежат где-то у него, этот «мусор» (дежурный) сам их мне отдать не может. Страна идиотов!..

У ублюдков в карцере сегодня праздник – днем привели и посадили в 6-ю «на общих основаниях» трансгендерную девчонку, 30 лет, из Дагестана (вот уж для Дагестана это нетипично!). Еще пару дней назад мой сосед из 4-й, жизнерадостный молодой русский идиот, с гоготом сообщал всем, что, как ему рассказал баландер, на первой сборке сидит – в полном одиночестве – «мужик с сиськами». Сатанинское ржание идиотов сопровождало эту новость, и вот...

Короче, они набросились на нее, как с цепи сорвавшись, перебивая друг друга, со своими расспросами, со своей пошлятиной и похабщиной, и не отстают вот до сих пор, больше полдня уже (хотя напор слегка поослаб, конечно). Выпытали всё – и что заплатила она за операцию по смене пола 700 тысяч, и как имя-фамилия, и где живет и т.д. и т.п. Да, и что, если я не путаю, она уже восемь лет как пол сменила, – черт возьми, кем надо быть, чтобы после операции за восемь лет не сменить документы!.. Конечно, ее надо было бы на женский централ, но – видимо, еще и в лагерь отправят в мужской...

Под эту сурдинку животные-уголовнички пытались разговорить и меня. :)) И продолжают вот до сих пор... начали вдруг опять, пока я пишу вот это. Соседушка, радостный идиот, колотит обеими руками мне в стенку, выродки зовут меня по имени, всячески его хамски и глумливо искажая, ржут, гогочут, призывают меня истошными голосами... короче, вакханалия. Девчонки этой, согласной с ними разговаривать, им мало... :)) Да, ей они все орали, что, мол, в пятницу тут баня – и что она должна пойти в баню вместе с ними. Хамье и быдло. Но – призывы их к «Боре» и даже к «Бориске» :))) не достигают целей, увы, – какой облом!.. :)))) Они уже только что пытались – в который раз – выспросить у тупого дежурного «мусора», «что у него [меня] за беда»; прознав, что сегодня мне принесли магазин, орали с гоготом: «Боря, сделай грев киче!» и т.д. Эх, ребята, жаль, что нет у меня тут цианистого калия, – ей-богу, не пожалел бы всей своей жратвы, раздал бы вам, – ешьте и подышайте!.. :)))) Для некоторых идиотиков стало подлинным откровением, что у меня на пятой «киче» – аж два шконаря!..))) Идиотизм этот можно описывать долго, но – зачем? Плохо одно – что нет никакой возможности истребить всю эту мразь, а значит – придется мне еще 1597 дней как-то существовать среди нее...

Особенно обидно, что ни от Маглеванной нет писем, ни от Ольги, ни от Веры (ей, видите ли, не о чем мне писать!..), ни от Антоши Ручкина – он уже мое июньское письмо, думаю, получил. Гарда, наверное, тоже. М.б., и Шведовский уже... Понятно, что всё это без толку, что все мои письма – для очистки совести... но уж Антоша, называвший себя моим другом, мог бы и

ответить... А самое обидное, конечно, – это то, что жизнь прошла и всё бесполезно, увы...

Да, принесли еще одно решение Останкинского «суда» от 8 июня. :)

16.7.15., 11-й час вечера (после отбоя)

Как хорошо, когда есть интуиция! :) Вчера, когда под вечер все-таки принесли магазин, я сразу подумал, что, наверное, назавтра (т.е. сегодня) придет и адвокат. И она таки пришла! :) Причем пришла с утра, что нетипично, и вывели меня к ней исключительно рано – в момент раздачи обеда, т.е. где-то 20-30 минут 12-го. Я даже не успел съесть макароны. В полпервого она уже ушла, а в час дня я был в камере.

«Порадовала» она меня версией, что по ее заявлению о болезни отложить апелляцию в Верховном «суде» могут... на неделю! В тот раз она говорила все-таки, что две; а сам я, исходя из сроков поступления туда дела и даты его рассмотрения, хотел бы и сейчас отсрочки в месяц. Но... увы! Я и сам уже чувствую приближение этого ужаса, называемого «этап» и «лагерь»... :(Будет что-то очень страшное, предчувствия меня редко обманывают. И – уже скоро: в августе, несомненно, придется-таки ехать. Отсрочка не будет долгой, увы... Хорошо хоть – вчера по радио сказали, что жары ни в июле, ни в августе уже не стоит ожидать. Сейчас где-то немного за 20 обычная t° на улице. Я с ужасом вспоминаю сутки в дикой, изматывающей, непереносимой духоте, когда везли из Москвы в Киров, 6-7 августа 14 г.

У животных, сидящих тут, в карцере, новое развлечение. Когда кто-нибудь (скорее всего, кто-то из хозотряда, ибо у «мусоров»-то есть ключи) стучит во входную дверь карцера –какой-то гнусавый, омерзительный голос с азиатским акцентом каждый раз орет: «Ключ под ковриком!!!». Недочеловекам, видимо, кажется, что это очень смешно...

Девчонку эту трансгендерную – вчерашнюю сенсацию карцера – вчера же отсюда и забрали, сразу после отбоя. Причем никто не знает, куда. А вот сейчас, перед отбоем, у кого-то из этих мразей был показательный диалог с дневальным, раскладывающим матрасы перед камерами. Шестая камера, откуда ее вчера забрали, пока стоит пустая – и кто-то из блатных обезьян озабоченно говорил дневальному: «Ты же сам понимаешь, что матрас [в шестой] надо менять!». Дневальный же уверял, что «она» была со своим матрасом, а выдаваемый здесь на ночь не брала. Уголовники спорили с этим, говоря, что уходила она без матраса (они все, разумеется, выставили хари из вентиляционных отдушин в коридор, чтобы на нее посмотреть).

«Матрас надо менять», говорите? А ПОЧЕМУ, СОБСТВЕННО?!!

18.7.15., день (после обеда)

Обычно давление повышенное, утром проснулся – уже болела башка (не

сильно, к счастью), а после обеда вдруг навалилась какая-то слабость, бессилие, как бывает обычно при пониженном давлении. Летом такое часто случается от жары, но сейчас-то как раз жары нет – радио говорит, что около 20°, как хорошо!.. Выпил кофе, как обычно, – стало лучше. Значит, и впрямь перепады давления, то высокое, то низкое...

Вчера опять были письма, – целая пачка, пять штук! Счастье!! :))) От Крюкова и от Корба, – наконец-то!.. Оба, правда, пишут мало и ничего такого особенного. Крюков спрашивает, можно ли называть меня на «ты». :) Можно, конечно. Пишет, что провели недавно в Киеве пикет в защиту Кашапова – и шлет фотку оттуда, где он с плакатом «Путин – палач!» стоит ногами на российском флаге. Жаль, и я не могу пока на нем ногами постоять... От Землинского только одно письмо, с кучей вздора (всё спорит со мной об атеизме, дарвинизме и пр.), но мимоходом – совершенно убийственная новость: умер Андрей Налетов, памятный мне по антивоенным пикетам начала 2000-х, когда он работал у Пономарева и готовил для этих пикетов листовки и пр. Землинский, увы, не приводит подробностей – от чего ж умер Налетов – т.к. не знает, был ли я с ним знаком и интересно ли мне это. Я попросил сообщить, конечно. И еще одну безумную новость он приводит: Андрей Бабицкий, знаменитый лет 15 назад журналист радио «Свобода», начинавший в 90-е еще у Григорьянца в «Гласности», которого в 2000 г. похищали в Чечне, было очень много шума, потом в 2005 он опубликовал интервью с Басаевым, – тоже был страшный скандал... Так вот, оказывается, этот Бабицкий теперь – «крымнашист», переехал жить в Донецк, собирается там делать для промосковских бандитов телевидение; а со «Свободы» его, оказывается, еще в 2014 уволили за «крымнашизм»... Охренеть!.. И это почти одновременно, выходит, с Муждабаевым, который бросил здесь пост зам. главреда «МК», хотя его-то никто не преследовал и не гнал, – и уехал в Киев. Вот когда помянешь нехорошими, матерными словами эту суку Карамьяна, которого еще 12, 13, 14 лет назад просил я не раз меня с Муждабаевым познакомиться, потому что он уверял, что, мол, Муждабаев, тогда ведший в «МК» отдел городской жизни, – мой полный единомышленник...

А так, в целом... 23-е всё ближе и ближе, а за ним вскоре – этап... Что-то страшное грядет... И по-прежнему сжимается у меня сердце от тоски, ужаса и отчаяния каждое утро, когда в камере включается свет... Жизнь прошла, и теперь единственная реальная для меня награда за все пережитые мучения – это просто остаться живым, выйти из лагерных ворот в ноябре 19-го своими ногами... Но – это-то как раз мне и не нужно, бессильно доживать свой век, ни на что в этом мире не имея возможности повлиять, я не хочу.

Даже если и удастся уехать, – в Германию, в Финляндию, куда там еще... Как пронзительно сформулировал это Солженицын: «Милое благополучие! Зачем – ты, если – ничего, кроме тебя?..».

вечер (после ужина)

Самое горькое – это не только (не то что) не исполнить своего предназначения в жизни, но за всю жизнь так и не понять: в чем же, собственно, оно заключалось...

19.7.15., 4-й час дня (после обеда)

Баландер сегодня притащил обед вместо привычных 11-30 – в три часа дня! На вопрос ответил, что был на свиданке (короткой, естественно). Интересно, во сколько будет теперь ужин? :) По здешнему обычному расписанию, он должен быть уже через полтора часа, в полпятого...

А между тем целых шесть животных – половина карцера фактически, особенно если не считать меня – сегодня «поднимаются». Они, разумеется, ждут этого не дождутся, но вот уже к четверем дня время – а всё никак. :) Между тем, вчера тут уже было обсуждение – и гнусавой дагестанской обезьяне, сидящей напротив меня, в 8-й (и потому активно за мной подглядывающей) было дано задание: составить список вновь прибывших (когда их «спустят» в освободившиеся камеры) с фамилиями, статьями, местами жительства и всеми прочими анкетными данными. Мразь, уголовная слизь эта по лагерям и тюрьмам, я уже знаю, ничуть не возражает, чтобы, кроме канцелярии администрации тюрьмы/лагеря, их еще точно так же подробно (ну разве что без фотографий!.. :) записывала и ставила на учет блатная канцелярия... Зачем это надо? Спрашивать их бесполезно – типа, нужно, и всё! – но все знают, что главной, хотя и негласной, целью этих списков (особенно с тех пор, как возникла мобильная связь) является отслеживание, чтобы в этой их омерзительной кастовой системе каждый держался своей касты (т.е. низшей касты, конечно, ибо из высших-то в низшую никто добровольно не переходит), и разоблачение тех, кто это правило нарушает, кто не хочет носить какое-либо клеймо, наложенное на него блатными, допустим, в тюрьме за 1000 км от лагеря, или вообще прошлым сроком, и т.д. И хоть у тех идиотов, с которыми сидел я в «Медведкове», телефона не было (а в 408-й – и был, да только кому звонить-то через шесть лет? :) – но видя, что я «не такой», не похож на них, не придерживаюсь их рабско-коллективистской морали, и т.д. – тут же, инстинктивно, кидались выпытывать у меня: где, а главное, С КЕМ я сидел прошлый срок!.. Идиоты, ей-богу, идиоты!.. :))))))

Пока писал, эту уголовную живность вывели-таки из карцера «подниматься». Посмотрим, через сколько начнут «спускать» новых...

Восхитительно!.. :)))) Ужин принесли в обычное время – не было и пяти часов! Пока переварится обед, никто, разумеется, ждать не стал... :))

Между обедом и ужином попросил я кипятку для кофе у старого мразида, который в карцере прежде не дежурил, а знаком мне еще по общему корпусу, – поразительно смахивает на Корчинского: седая голова и черные усы. Он сказал: «Сейчас», – и, разумеется, не дал ничего. Просто забыл... Вот тебе и кофе...

Каретникова тоже – так и не пришла, хотя матери моей обещала, что – на этой неделе (как раз кончается воскресенье).

Боже, какая тоска... 1583 дня мне осталось... Вот и жизнь прошла... :(((

Мрази свежезаезжающие и мрази, уже сидящие в карцере, болтают, вспоминают между делом тут трансгендерную девчонку, недавно здесь бывшую, и называют ее в разговоре... как? – ну конечно же «пидор»!!! :))) «Ты в курсе, сюда пидор заехал?» – и т. П. Ублюдки, недочеловеки, животные, мразь... В их мире, «где разум – на мели», всё очень просто: любой трансгендер – это просто-напросто «пидор»... Выжечь бы напалмом всю эту биомассу!..

20.7.15., 9-01

Удавиться бы с тоски... Но, увы, удавиться мне не на чем, веревки у меня нет, да и ни одна веревка меня не выдержит... А вот заточенное металлическое лезвие у меня есть, и даже не одно, и разрезать себе шею от уха до уха я мог бы легко и просто... Не помню – кажется, справа находится какая-то артерия, через которую вся кровь уходит за минуту, так что никакая «скорая» не успевает доехать... Кто-то из уголовников рассказывал об этом, еще в «Медведкове», кажись... О, с каким наслаждением я представляю себе эту картину: дежурная тетка, допустим, через час после отбоя заглядывает в «глазок» – и видит, что меня в кадре нет (допустим, я в туалете), но весь пол как раз перед входной дверью и «глазком» залит кровью, просачивающейся из-под двери туалета... Какой поднимется переполох, как они забегают, захлопают дверями!.. :))) Я искренне хотел бы именно так закончить свое почти уже трехмесячное пребывание в этом «VIP»-карцере №5 – и не могу даже назвать по имени, ЧТО же именно мешало мне это сделать. Страх? Пустые надежды? Может быть...

Сегодня ровно два года и восемь месяцев, как я сижу. Впереди еще четыре и четыре, и просвета нет никакого...

2-й час дня (после обеда)

А некоторые «мусора», когда их просишь: «Дайте кипяток!» – в ответ

спрашивают: «Тебе горячий?». Идиоты, как будто бывает холодный кипяток, или хотя бы какой-то НЕ горячий!.. Но кофе, слава богу, сегодня все-таки удалось попить. :)

21.7.15., вечер (после ужина)

Была утром свиданка с матерью. Писем тоже нет, от Маглеванной – с 10 июля (мать говорит, ей Лена тоже не звонит), от Ольги Исаевой – с 6-го... Магазин, который мать должна была заказать после свиданки, тоже не принесли, – значит, завтра, не раньше. Ничего важного мать на свиданке не сказала.

Послезавтра, значит, рассмотрят... Отложат на недельку... Боже, как же люто я ненавижу эту страну, закатавшую меня в тюрьму исключительно за высказанное личное мнение, – это никакими словами не описать!.. Я стер бы московский Кремль в порошок, в мелкую кирпичную пыль, если б была возможность. И не только Кремль, а ВСЁ тут...

К моему изумлению, вчера ночью, после отбоя, была полная тишина!! Никто не орал: «Кича, ае!!!», не разговаривал, как обычно, до часу ночи и позже, не пел песен и т.д. Полная, абсолютная тишина! Впервые за почти три месяца, что я сижу в карцере. Чем это объясняется? Черт его знает; вчера ДПНСИ – причем как раз тот, которого они больше всего не любят, т.к. он с ними строг – «черный» :) после отбоя долго, с полчаса, наверное, не уходил из карцера, а при ДПНСИ они не орут, – специально спрашивают сперва у дежурных: «Мы одни?» – и лишь после этого начинается всё «ае». Он долго не уходил, время от времени были слышны разговоры из его рации. Потом, когда ушел – опять тишина. Я прямо ушам не верил. М.б., пока ждали его ухода, они все заснули? :) Не знаю, но другое объяснение трудно придумать.

А между тем вчера привели опять сюда юную (19) азербайджанскую обезьянку, что уже была тут при мне то ли два, то ли три раза. Я и ждал, что она будет полночи орать громче всех. Сегодня ее вместе с еще одной – армянской, постарше – водили вечером на комиссию. Я как раз ел казенный ужин (кстати, уже свежая картошка, еще июль не кончился, – и более-менее неплохая), когда их привели назад – и азербайджанское чмо, проходя мимо моей двери, ударило в нее несколько раз и проорало: «Эй, сухарь!!». :))))

Я сжег бы их в печах всех, начиная с Путина, кончая всеми 140+ млн. населения этой страны, за мою исковерканную жизнь!.. Мне так тошно, что этого не передать никакими словами, особенно по утрам... Месть, беспощадная месть, никакой жалости и пощады! Будьте вы все прокляты, мерзкие твари, и всё ваше вонючее болото по имени Россия!.. Будьте все прокляты, 140 млн., и сдохните в муках!!!!!!

22.7.15., 10-й час утра (до проверки)

22-е... Завтра, завтра уже меня убьют... гильотинируют... Во всяком случае, ощущения именно такие. Безотчетный и непреодолимый ужас... Да, из беспредельного страдания рождается лишь беспредельная ненависть, и ничего больше, это естественно; но эта ненависть, увы, тоже не находит себе выхода. Да, я бы стер Кремль за всё. что они со мной УЖЕ сделали, в пыль – да только не могу этого сделать; а сколько же они еще ужасов сделают со мной, – на этапе и в лагере!..

Увы, для выживания там вещей нужно много, да и еда какая-то на этапе нужна – а тащить я ничего не могу. Вот что значит инвалидность! – даже стоять долго не могу, не говоря уж – переть две здоровенные сумки, если на всем пути следования этапа «воронки» и столыпины не будут не будут подгоняться друг к другу и совмещаться дверь в дверь... Придумал вот – взять с собой пачку баранок «челночок», что приносит мне в каждое посещение от щедрот Гуревича и всего ФЕОРа раввин. До этого я съедал баранки, они, кстати, хорошие, ванильные, – но тут вдруг подумал, что они как раз идеальны будут в Кирове, при тамошней вечной принудительной голодовке по причине «килишованной посуды». Кипятильники и свою кружку там пропускают в камеру, чай им сахар тоже, – что ж, буду по вечерам, перед сном, пить чай с баранками (если только их в первый же вечер не сожрут все, весь пакет, эти идиоты, добровольные гомофобы-голодовщики...).

Состояние дикого, беспросветного отчаяния и ужаса перед будущим... Помню, такое бывало у меня в Буреполоме, после длительных свиданок, перед возвращением в барак, особенно в 2008-09 гг. Только бы еще не надумали в этом проклятом «суде» вызвать меня завтра на «телевизор»...

Не знаю, просто не знаю, КАК я выдерживаю всё это... Психическое напряжение всё растёт или, по крайней мере, не спадает. Я абсолютно ни о чём не могу думать, кроме того, что же со мной будет, куда меня увезут – и когда же всё это кончится... Нашел какую-то паршивую библиотечную книжонку – но читать толком тоже не могу. Сейчас уже, наверное, часа четыре или пятый, скоро ужин (проклятый «Восток ФМ» играет весь день, время не узнать), но писем так и нет. Видимо, эта проклятая цензорша ушла в отпуск и писем теперь не будет до сентября, так, что ли? А до сентября здесь, скорее всего, уже не будет меня, так что если мне ответят Григорьянц или Шведовский, то я их ответов не получу... Впрочем, вряд ли они ответят. Вот такие, в общем-то, дела. «Вот и жизнь прошла!..» и «Когда же всё кончится?..» – это то, что я повторяю постоянно, чуть ли не поминутно, про

себя или вслух... Человек с менее крепкой психикой, наверное, уже сошел бы с ума на моем месте, от одной лишь тоски и безысходности, а я еще держусь...

Время только еще 15-50, сказала сейчас кому-то дежурная тетка...

вечер (после ужина)

А нервничал-то я, выходит, не зря. Великая это вещь – интуиция, и всегда надо ей доверять... Выдернули в пятом уже часу «налегке» – ясно, что не за приятными сюрпризами. Я думал – или комиссия дисциплинарная, или опер...

А это оказалась адвокат Сидоркина, которую я сегодня абсолютно не ждал, – она обещала быть на следующей неделе. И она меня «обрадовала» тем, что она не смогла сделать, как собиралась на завтра – взять справку о болезни. Я-то думал, что достаточно просто ее ходатайства, ан нет – оказывается, нужна еще и справка, и тот, кто ей обещал эту справку, уехал на похороны, приедет только в конце недели, да и тогда уже задним числом дать ей справку не сможет.

И никаких других ходов тоже она придумать не может – там, оказывается, на всё требуют документальные подтверждения...

То бишь, завтра она поедет в Верховный «суд» – и завтра же мой приговор вступает в силу. И уже в начале августа – этап... Наверное, опять пятого, как в том году...

Сказать, что я в шоке от этой новости – значит, ничего не сказать. Как обухом по голове... Ни месяца, ни даже недели отсрочки, – всё в срок... Ждет меня что-то воистину страшное, я это чувствую...

Вернулся в камеру – писем так и не было... :(Из газет – последняя новость: Саакашвили назначил своим вице-губернатором в Одессе... Марию Гайдар! Дурак, нашел кого!.. Он бы еще Яшина назначил... Боюсь, Маша Гайдар предана России – пусть даже и мифической «России без Путина» – гораздо сильнее, чем это допустимо для крупного чиновника воюющей с Россией Украины...

23.7.15., день (после обеда)

Водили всё-таки с утра на «телевизор», мрази, хоть я и просил апелляцию рассмотреть без меня. Наблюдал всю комедию лично; не только в прениях выступать предлагали (ага, метать бисер перед свиньями!..), но даже последнее слово. Я отказался – к таким вещам надо готовиться, а я вообще не собирался на этот «телевизор», да и из СМИ – один «Каспаров.ру». Пришла, правда, Вера, чего я никак не ожидал. –

Что ж, итог – тот, что и планировалось, никаких изменений. «Без изменений». Вот и кончена история с «третьим делом», кончены все

отсрочки – и уже, скорее всего, на днях – в лагерь. В небытие. До самого 2019 г. Сидоркина всю следующую неделю будет в Ростове на «крымском деле», сейчас же, в ближайшее время (август?), начинают «судить» и Надежду Савченко. Из менее известных – Романов и Кашапов, у обоих сейчас «суды», у Романова вроде бы (со слов Сидоркиной вчера) уже были прения, ожидается приговор. Строганов Гена, по ее же словам, уехал в Нижний – поддерживать Романова. То бишь, если и остались еще в этой проклятой стране совестливые люди, кому не безразличны политзаключенные, – так им будет сейчас, кем из политзэков заниматься и кроме меня. К Савченко вообще мировое внимание будет приковано: она же депутат украинского парламента и делегат ПАСЕ. А я... я буду гнить себе в лагере, пермском, или сибирском, или саратовском (опять пророчество?!), я же не депутат и не делегат... :(((

Короче, жизнь кончена. Ни утешиться нечем, ни прилепиться душой к чему-то, что они не в силах отнять, что поддерживало бы и грело в любом ужасе, в лагерном аду, – увы, не к чему, нет у меня никого и ничего. И даже сказать об этом, даже просто в жилетку поплакаться – мне некому, увы... ((((((

24.7.15., утро (после проверки)

Все-таки были вчера письма и магазин, слава богу! В том числе и письмо от Гедроица, из Латвии, – два года с лишним не писал, зараза, а говорит, будто мое ответное письмо с просьбой прислать адрес Veidemane не получил тогда. Ну-ну... Меня самого хвалит (прочел шестковскую книжку), но критикует «либерализм», который, по его словам, я проповедую. Типа, для больших стран, типа России, либерализм хорош, как лекарство от шовинизма, а для маленьких, типа Латвии, нужна «национальная диктатура» (впрочем, он и большим советует не просто либерализм, а именно «либеральную диктатуру» :). А самое главное – не говорит, что он конкретно понимает под либерализмом. Еще письмо от Ольги Исаевой наконец-то, от Землинского – и от Веры!

Вере и Ольге ответил вчера, Гедроицу – сейчас вот успел написать, до проверки. Сегодня же еще проклятая баня, и Светлана (адвокат) обещала прийти, и, как назло, день короткий (пятница). Не знаю, как всё это сегодня успею, и успею ли... А там... «Законка» вполне может прийти уже в понедельник, а во вторник – на этап... Счёт пошел буквально на дни. В выходные, как назло, намечается до 30° – похоже, жара этим летом всё же будет, и будет она именно тогда, когда мне ехать на этап... Всё время представляю себе этот ужас, по опыту прошлого года, – как я, пыхтя, волоку по узкому проходу столыпина неподъемный баул, а он цепляется ха всё и не

идёт; как я изнемогаю от духоты, весь абсолютно мокрый, обмахиваясь измочаленной уже тетрадкой... В общем, черный ужас, страдание, кошмар... Жизнь, увы, кончена, осталось одно только это страдание, и чем дальше – тем страшнее... :(((

вечер (после ужина)

Света, увы, так и не пришла – точнее, видимо, не успела попасть, день короткий, а народу много. Теперь – неизвестно, когда, и – успеет ли вообще до этапа. Тоска и отъединенность от своих...

Зато второй день подряд цензорша принесла почту, чего я никак не ожидал. Два письма от Мкртчяна (одно – электронное) и два – от Землинского. Увы, Землинский сообщает вести далеко не радостные – с ЖЖ Илларионова подробности о том, как США все-таки предали Украину – разменяли ее на поддержку Путиным их борьбы с ИГИЛ в Сирии. Нет, какие все-таки мрази, а?! Обама этот, договорившийся с Путиным по Ирану – и уже опять Путиным восхваляемый, несмотря на недавние поношения США... Твари... Реально предательство выразилось в том, что Нуланд, Меркель и пр. продавили изменения в конституции Украины насчет «особого статуса» Лугандонии. Порошенко заставили внести их в Раду, хотя изначально его предложения по изменению конституции никакого «особого статуса» не содержали. Теперь вся надежда – на то, что депутаты их не примут, но при массивном американском давлении это крайне маловероятно.

Итак, очередное предательство Запада (вопреки оптимистичнейшим прогнозам Пионтковского, которые в июне слал мне тот же Землинский). Предали Чечню, теперь предали Украину... :((Мрази!.. Подонки... Кровавая Русня и бандит Путин во главе ее держатся только этими бесконечными предательствами Запада...

11-й час вечера (после отбоя)

Зачем же я все-таки живу? Зачем я нужен на свете – и кому? Никак не могу я найти ответ на этот вопрос... Перечитал сейчас старый стих Емелина «После суицида», присланный Мкртчяном. Как будто обо мне... о моей давней и несбыточной мечте... Да, бывает и так в жизни, что суицид становится несбыточной мечтой... :(Как я дошел до всего этого, черт возьми? Никак не могу понять... Как так вышло, что вот не добился ничего – и уже старость, и здоровья больше нет, и ничего уже не светит, и нет никого рядом – за всю-то жизнь не нажил себе ни одного близкого человека?.. «Занимаюсь самокопанием», – как написал я вчера в письме Вере; да только вот – так и не откопал ничего, за три с лишним года, еще с воли... Не один я, конечно, такой – и Емелин, и Губерман тоже страдали, это по их стихам

видно, когда вдруг понимали, что уже старость, что жизнь прошла... Они, правда, еще пили, это сильно ускоряет старость и пр., но я-то не пью. И в тюрьме, по-моему, я просидел уже больше, чем Губерман в свое время... Куда же, куда же всё делось, куда ушла молодость, сила, задор, 2000-й год, когда, помню, летом я яростно и весело воевал в молдавской фидошной эхе с быдлосовками, «ватниками» по-нынешнему, бесил их – и было от этого так весело и бодро на душе, и энергии молодой было море, а надежд и планов – вагон и маленькая тележка, и было ощущение, что всё еще впереди, что всё только начинается... И как раз тогда Новодворская звонила мне сама, в это лето, и довольно часто – а мне было 26 лет, но она уже извинилась передо мной публично за необоснованный наезд, и вот – звонила, очень дружески разговаривала...

Куда же, черт побери, всё это ушло, и когда? Когда вдруг выросла эта стена, когда стало ясно, что будущего нет? В 2011-м, когда встретили – молчанием, глухой враждебностью, безразличием и цитаткой? Навязшей в зубах цитаткой, – как будто в ней не чистая правда сказана!.. Или в 2012 уже, весной, в апреле, когда стало ясно, что «нас», по сути, и нет – «мы» не повлияли вообще никак на «болотную волну», там заправляли нацисты – и их подстилки из «либералов», типа Немцова/Рыжкова/Касьянова? Или когда (тоже в 2012, как раз весной) перестала идти газета – и ясно стало, что, кроме меня, она никому не нужна?..

И ведь правда, правда оказалась: с тех пор – ни одной хорошей новости, полный тупик... Арест, два срока, сучка... Это – только самые крупные. Но нет и мелких хороших новостей; нет ничего. Полная, тотальная безнадега... Тот самый случай, когда жить дальше абсолютно незачем, ибо умерли последние надежды, и суицид – это разумное избавление себя от дальнейших мучений. Но – и тут облом: это ж надо дожить, это ж надо попасть в такой идиотский переплет, чтобы и суицид оказался недоступной роскошью!..

Будь она проклята, моя непутевая жизнь, и эта страна, где мне довелось родиться, чтобы пожизненно мучиться и страдать, и весь мир!.. Много хотел, да мало сумел, много амбиций – да мало амуниции... Есть старики, которых под оркестр и салют хоронят на Новодевичьем, но мне это точно не грозит: и на пороге небытия, превращения в бессмысленный кусок мяса – я останавливаюсь и с тоской, с недоумением спрашиваю себя: зачем же я жил?..

25.7.15., 10-й час вечера (до отбоя)

Суббота прошла, – совершенно пустая и – как бы не последняя в этой тюрьме и в Москве. Только днем приходил жирный, мордатый

хозотрядовский стирщик из бани – взял у меня в платную стирку вещи и журил: мол, не надо им напоминать брать вещи через начальство на проверке; ДПНСИ, мол, говорит режимнику (зам. нач. по режиму?) – и попадает всем, – и стирщикам, и даже дежурящей сегодня блондинистой дуре-«мусорше» (это уж она сама присовокупила). Но ДПНСИ – жирный боров – никому не говорит, а просто – стоявший вместе с ним на проверке «мусор» в фуражке, с очень знакомой рожей, не раз сопровождавший Каретникову и в других ситуациях виденный мною за семь месяцев в этой тюрьме, – это, похоже, и был зам по режиму. Сказал-то я про стирку борову, а заинтересовался и стал расспрашивать этот, в фуражке, пока боров поперся в мою камеру. Раньше я говорил и борову, и др. – никаких неприятностей у стирщиков не было, они по несколько дней могли о моей платной стирке и не вспоминать, – а тут, вишь ты, забежали!.. :))) Жирный мерзкий стирщик говорил сдержанно, но произнес, между прочим, такую фразу – что-то типа «лучше поддерживать с нами добрые отношения», дословно не помню, но намек явно угрожающий...

Как электричеством ударило вчера, когда в присланных Мкртчяном распечатках стихов Емелина обнаружил я хорошо знакомое, когда-то наизусть памятное, но уже лет десять не вспоминавшееся «После суицида». И сразу слезы из глаз!.. Да, это обо всех нас, обо всех таких, как я – старых суицидниках без единой попытки... И горько, и сладко это читать и повторять про себя: «Никто главы не сыплет пеплом, никто волос в тоске не рвет...». Емелин – это не Нестеренко, конечно, и в рифмах есть небольшие огрехи; но – так написать можно, только пережив это самому. Нестеренко в тюрьме не был, да и о суициде, я подозреваю, не задумывался, у него только «заметки натуралиста», чисто умозрительные; а тут – живая боль, и моя в том числе... До сих пор еще не решил окончательно: не написать ли Емелину письмо (переслать через Мкртчяна) про то, как меня пронзило это через десять лет вспомненное стихотворение из украденной когда-то его книжки. Да только не знаю – надо ли ему это :) , не будет ли это, все эти излияния, выглядеть глупо. Еще сутки есть – решить. Стих же этот пока что переписал себе в блокнот – пускай будет со мной везде...

26.7.15., утро (до проверки)

Страх... Это подлое, гнусное, мерзкое чувство... Но, увы, именно оно владеет мною, я не могу скрывать этого от самого себя. И когда я просыпаюсь перед подъёмом, когда зажигается свет и начинается грохот и лязг дверей в коридоре, голоса и звон ключей, – мое сердце сжимает страх. Страх перед будущим. Перед тем будущим, в которое меня скоро отправят – и там уже нельзя будет после подъема и завтрака вот так, как здесь, лечь

повалиться еще на часок. Там шконку будут пристегивать на день, матрас забирать – а м.б., просто выгонять всех их помещения со шконками и запирают его. Там будут, м.б., утренние выбеги на холод – на зарядку или проверку (но под крышей-то вряд ли, конечно). Там будут унижения, жуткие туалеты, голод, холод, окружение быдла (в этом смысле ПКТ – лучший вариант, в камере один и на улицу утром бежать не надо). Тамм нельзя будет вовремя (а м.б., и вообще) получить таблетку, если болит голова, – а болит она у меня сейчас часто, почти каждый день. Там будут долгожданным, мучительным счастьем письма от друзей, наконец-то выцарапанные, наконец-то принесенные, после многих напоминаний – и лишь затем, чтобы, как потом выяснится, мои ответы на них всё равно не дошли в Москву, «потерялись» по дороге...

И еще много всякой мерзости будет. И неизвестно, как там стирать вещи крупнее трусов... Будет медленное, мучительное умирание по их точно рассчитанным «правилам внутреннего распорядка», любой комиссии они всегда смогут отчитаться, что я всё, что мне положено УИКом и правилами, получаю, – да только вот выжить на этом их казенном содержании – нереально... И всё это мне – только за слова, за мнения... Я бы не отказался умереть, мне уже давно опостылела эта жизнь, ничего хорошего она мне не обещает и после срока... Но – умереть сразу, без мучений; а то, что мне предстоит – это еще четыре года и четыре месяца медленного, мучительного умирания...

«Законка», увы, может быть уже завтра, послезавтра – вторник – этап в Киров...

вечер (до отбоя)

Странно, что так и нет до сих пор раввина – уже гораздо больше двух недель. М.б.. опять ему дана (тем же Гуревичем) команда исчезнуть – еще на два годика?.. Впрочем, мне это уже безразлично, его баранки и халва меня всё равно не спасут ни в лагере, ни здесь...

Каретниковой, кстати, тоже так и нет с 19-го июня...

Я совершенно измотан, измочален этим ожиданием этапа, ужасов, которые должны со мной произойти. С утра до вечера думаю только об этом, по кругу, непрерывно, пока не засну (иной раз действительно засыпаешь, лежа и сходя тут с ума от мыслей и ожиданий – тем паче, что все книги уже давно прочитаны и заняться нечем). Стихи тоже больше не пишутся... Да и ночью я не отдыхаю от всего этого, от жутких мыслей и ожиданий, – стоит проснуться еще до подъема, и всё тут же вспоминается вновь – и понеслось, на весь наступивший день... Не зря говорят, что если «ожидание большой удачи слаще иногда самой удачи», то ожидание смерти

– хуже самой смерти...

Я совершенно один в этом мире. Емелину я так и не написал.

27.7.15., около 11 вечера (после отбоя)

Грозы и ливни весь день – и утром, и вечером, до сих пор... «Законку» пока не принесли. В обед пришли неожиданно Каретникова и Сорокин. Об этапе, как я просил в тот раз, Каретникова, конечно же, ничего не узнавала. Поговорили о том о сем, они ушли, а я, уже съев казенный обед, вдруг вспомнил: я же ей не сказал самое главное – про заявление о справке на лекарства, которую так и не дали!..

Хорошо, что они все это время еще были здесь, в карцере, у кого-то. Видимо, этот голодовщик из 11-го карцера, знакомый мне еще по 206-й камере в декабре того года, зазвал их к себе, когда Каретникова, как обычно, громко спрашивала в коридоре, не нужны ли кому правозащитники. Хотя вот ему-то как раз ОНК точно ничем не поможет: он голодает уже больше 15 дней (голодовка мокрая, конечно) по причине того, что «суд» впаял ему за тяжкий разбой (162 ч.4), похищение человека (ст. 126) и при этом еще и особо опасный рецидив 12 лет особого режима. Мне-то ясно, что тут не поможет ни голодовка, ни вообще что-либо, – можно в знак протеста умереть, но заставить их отменить приговор и дать меньше – нельзя. Однако этот парень голодает, сидит в 11-м карцере на общих основаниях; когда меня 23-го водили на «телевизор» – его вывели сор мной (оказалось, к нему приехал прокурор по надзору и уговаривал снять голодовку, и почему-то не в камеру к нему пришел, а вызвал в следственный кабинет; туда и обратно нас вели вместе и мы перебросились по пути несколькими фразами.

У него ли была Каретникова, или не у него, но, когда, услышав ее голос в коридоре, я стал стучать в дверь, – дежурная тетка подошла и сказала, что они еще тут; я попросил позвать их еще раз ко мне. Выслушав про заявление, спросила у бывшего с ней начальника с омерзительной харей (видимо, зам. нач. тюрьмы, как обычно) карцерный журнал; он поискал там – конечно же, моего заявления от 20.7. там нет. Сказала мне Каретникова, что надо писать его вечером заново – и, отдав, требовать росписи за него в журнале. Я так и сделал. (Плюс – еще одно, на съем еще денег за платную стирку вещей: вдруг все же еще сколько-то просижусь здесь, не так скоро уеду – а там осталось всего за 1 кг, мне сегодня сообщил стирщик, отдавая выстиранное). Журила и выговаривала мне: мол, под ее руководством даже уголовники учатся требовать журнал и в нем расписываться за заявления, а я, мол, не потребовал. Я уж, видя ее, как обычно, на взводе, не стал объяснять ей истинную причину, почему я тогда (вполне сознательно, кстати) пренебрег журналом. У уголовников может быть всё в ажуре,

несмотря на сидение в тюрьме. У меня же постоянно такое настроение, что не хочется жить, всё уже безразлично, тупая апатия ко всему... Если ясно, что жизнь прошла и жить дальше незачем, – до журналов ли, до заявлений ли тут?.. Но объяснять это Каретниковой я не стал, все равно она едва ли поняла бы меня...

28.7.15., 8-й час вечера (после ужина)

«Законку» пока так и не принесли. Письма и магазин – тоже. (Сегодня вторник, мать должна была приехать заказать.) Раввин не приходил. Я совершенно измотан и измочален за день этим ожиданием «законки», а потом – этапа (а м.б., и сразу этапа, без «законки», так тоже бывает), морально измучен страшно, чуть-чуть оживаю только после шести часов, когда становится ясно, что, по крайней мере, «законку» сегодня уже не принесут – спецчасть после шести не работает. Даже о письмах забыл горевать, как когда-то, месяц или два назад. Почти целый день лежу, иногда слегка задремываю на несколько минут. Лишь изредка встаю походить туда-сюда по камере, – на долгое хождение, как еще год назад в 525, на «Медведкове», увы, уже нет сил. По радио передают, что всего-то около 25° максимум за окном; сейчас, вечером, опять прошла мощная гроза с ливнем. Тем не менее, в камере духота, стоит мне только подвигаться, поделаться что-нибудь, – как я весь абсолютно мокрый, пот ручьями течет, приходится подолгу обмахиваться, чтобы хоть как-то остыть и обсохнуть. Вечерами, когда режу и чищу себе на ужин колбасу – взмокаю так, как будто с головой в пруд нырял, приходится идти, брать казенное полотенце и утираться, хотя руки жутко жирные...

Положил сегодня в кофе последние полпачки сгущенки. Если мать забудет купить еще, как я ей еще неделю назад говорил на свиданке, – то всё, днями проходящих мимо моей камеры теток-вертухаек можно будет больше не караулить, чтобы постучать им и попросить кипятка...

Каретникова сказала вчера, что мать получила мое письмо, отданное 19-го, перед свиданкой, – точнее, я понял, что получила, поскольку Каретникова начала со мной разговор с сурового выговора: чтобы я не смел писать матери ничего такого, что ее расстраивает. На мое возражение, что мне, в сущности, некому это больше и высказать – посоветовала говорить друзьям; а на мои слова, что друзьям это абсолютно не нужно и безразлично – возразила, что, мол, нет, она читает рассылку – и видит, что друзья за меня беспокоятся...

Ну-ну. :) Рассылку она читает только одну, и почти пустую, мертвую – люзаковскую, на корбовскую она ведь не подписана. Вот, думаю, письма от друзей уже точно должны быть, тем паче – известие об апелляции прошло;

но – жирная сука цензорша не несет... :(Ясно, что мать перед приходом Каретниковой ко мне говорила с ней по телефону – и жаловалась на огорчение от моего письма; было бы гораздо лучше, если бы она его Каретниковой прямо процитировала...

Ничего там, собственно, такого уж страшного и огорчительного не было, – не больше, чем всегда. Но... это, собственно, тот случай, когда, объясняя что-либо другому, лучше понимаешь и сам. Я написал ей то, что пришло мне в голову, пока я писал это письмо; меня как осенило! Оказывается, неправ я был, когда писал раньше, что, мол, все эти мои мучения – напрасные, что абсолютно никакой награды или воздаяния не за них не последует. Вдруг до меня дошло, что одно-то вознаграждение всё-таки может быть: жизнь!!! То бишь, если ты, пройдя все эти испытания, пронесясь волоком через все буруны и пороги на реке твоей жизни, все-таки останешься жив, хоть потрепанный, покалеченный, кое-как уцелевший, но все-таки, все-таки живой!!! – вот это и будет твоя награда, главная и единственная!. :)))) (Не знаю, как смайликами изобразить здесь сардонический, злорадный смех.) Да, сама жизнь, все-таки сохраненная, и возможность хоть остаток ее прожить на воле, в хотя бы относительных покое и комфорте, а главное – по своему усмотрению, а не по воле начальства официального или блатного, – вот это и есть твоя награда! Для тех, разумеется, кто согласится признать ее таковой – и ею удовольствоваться. И – само же собой разумеется, что я к таким не принадлежу и если даже уцелею – жизнь, по выражению Новодворской, «брошенная как плевок», не будет мне нужна сама по себе – без мести ИМ всем и за всё, мести яростной, страшной и беспощадной!..

29.7.15., около 6 вечера (после ужина)

Чуть-чуть мне полегче сегодня, морально и физически. Чуть меньше, м.б., лежал, побольше ходил. «Законку» вроде не несут пока (если прямо вот сейчас, в оставшееся до шести часов время...). Мучительное предчувствие подсказывает мне, что ее принесут завтра – как раз неделя пройдет с апелляции...

Письма так и не несут – тоже, и это вызывает уже опять ярость, как и раньше. Лена Маглеванная должна то ли уже вчера, то ли сегодня должна была вернуться из Кельна домой, в Хельсинки. Хоть бы написала мне побыстрее, ответила на мои два письма...

Принесли зато магазин. Хоть я и говорил матери, что в ожидании скорого этапа не надо набирать много, чтобы не оставлять здесь или не тащить с собой неподъемный баул, но – она превзошла сама себя. «Поручи дураку богу молиться...» Взяла всего три батончика копченой колбасы, – вместе с

теми двумя, что у меня еще были, мне этого хватит до воскресенья (сегодня среда). Если в следующий понедельник меня не увезут и я буду ночевать здесь – ужинать мне будет нечем... (Ну разве песочный пирог оставить, что обычно я ем на завтрак.)

Раввин упорно не идет... Похоже, не видать мне в зоне ФЕОРовских посылок со сладостями, мацой и пр.... :))))

Упорно вспоминается всё время 95-й год. Господи, неужели 20 лет прошло?! Не верится... Летом отдыхали с матерью под Ржевом, на турбазе, что ли; потом, а августе, первый раз на теплоходе в Питер (с питанием в матросской столовой!..) Я был на этих отдыхах сам не свой, по известной, навеки памятной мне причине, – ну, как сейчас примерно, только сейчас мне ясно, что всё уже позади, а тогда – я ждал и не мог дожидаться и понять, начнется ли оно когда-нибудь, будет ли вообще... Личная жизнь так и не наладилась, а вот работа, «политика», журналистика – пошли вперед; фактически с этой осени и начался тот мой активный период, единственный в жизни, ни до, ни после которого ничего уже не было и не будет, – те самые мои 1996-2006, лучшие, единственно осмысленные (хотя и горькие, и тоскливые, отнюдь не счастьем наполненные) годы моей жизни. Реально еще с осени 1995-го можно их считать – и до весны 2006, до самого первого ареста... 20 лет прошло... Сын (или дочь) мог бы уже быть совсем взрослый...

30.7.15., 9-й час утра (до проверки)

Вчера опять привели и посадили в карцер двух черножопых обезьян, уже мне знакомых: дагестанскую (но это бы еще ладно), а уже ночью, после отбоя – армянскую, самую бесноватую, истошно верещащую и бьющуюся, если что не по ней. Жаль... Последние мои дни (а м.б., недели) тут будут омрачены ее очередными истериками и визгами: «Пя-а-а-та-а-я ки-и-и-ича-а-а-а!!!». :))) Мне предстоит жестокая атака...

Что ж, сегодня я продолжу сходить с ума тут, в камере, ожидая «законки», а потом и (а м.б, и до) этапа. Иногда возникает искушение описать тут, в дневнике, подробно все ощущения, все фазы, все шаги, приближающие меня к этому безумию. Но – и не уверен я, что это будет потом кому-нибудь интересно, даже мне самому; да и – обычная лень мешает. Лень вставать, доставать тетрадку, ручку, да к тому же, пока пишешь – отвлекаешься, а тут как раз может вдруг хлопнуть дверь – и это за мной...

Короче говоря, ровно ничего хорошего нет ни вокруг, ни впереди, нигде и никогда. Весь мир стал для меня тюрьмой – и навсегда, просвета не видно. Иногда приходит утешительная мысль, что ведь покончить с собой я смогу и после освобождения (если до него доживу) – достать пистолет или

нажраться таблеток. Выходит, что это вроде как и есть та светлая цель, ради которой одной только и стоит стремиться к освобождению. :)))) Умереть на воле, раз уж это никак не удастся сделать в тюрьме... Хорошенькая цель... но она с беспощадной ясностью показывает, насколько деградировала моя жизнь, как будто какая-то проказа ее разъела. И теперь-то ясно, что и все мои ранние проблемы – не были случайностью, чем-то временным и само собой проходящим. Нет, как видим, все это в итоге отлилось в такой ужас, что смерть даже из тюрьмы кажется привлекательной альтернативой. К полностью не сложившейся и не удавшейся жизни, короче говоря; к разбитому корыту в 41 год...

Интересно, будут ли хоть сегодня письма?..

5-й час вечера (до ужина)

Опять ничего... Добрая вертухайка сегодня аж сама открыла «кормушку», спросила, почему я сегодня не пью кофе. А она-то всё ждет от меня сигнала или стука в дверь, реагирует на все звуки, думая, что это я. Пришлось объяснять ей про сгущенку. Эх, как все-таки мать подвела, кофе сейчас был бы как раз кстати, в моем-то чудовищно угнетенном состоянии духа...

Потом уже я нажал ей кнопку звукового сигнала (только у нее он и работает, остальные смены его отключают) – попросил позвонить в цензуру, спросить про письма. Она пришла, сказала: никто не берет трубку, значит [цензорша] на корпусах. Но я это уже и так понял. Носит она где-то с четырех – и карцер первый у нее по дороге (а в карцере письма – одному мне). Потом – бывшая малолетка, и где-то к пяти она приходила зимой-весной к нам на первый этаж общего корпуса, в «нули». Раз ее в начале пятого нет – значит, она пошла на те корпуса, мимо карцера. Сука, где же письма?!... С той пятницы их нет, а уже четверг. От Майсуряна, от матери, от Маглеванной, Исаевой, Мкртчяна, Землинского – должны быть, но ничего не несут. Хоть башкой об стену бейся – ничего не изменишь.

А завтра, как назло, еще проклятая баня. Сохнет здесь всё по двое суток, от полотенец до стиранных трусов, в этом проклятом карцере... Почему-то чудится мне, что, по закону подлости, опять, как и в том году, повезут на этап прямо из бани, не дав ничего просушить. М.б., даже и не в Пермь повезут, еще куда-то, но – обязательно что-то сырое придется везти с собой... В общем, после 23-го июля я просто медленно схожу тут с ума...

11-й час вечера (после отбоя)

Письма всё-таки принесли, когда я уже и не ждал. Два от Землинского (правда, вложенное им открытое письмо Протасова к какому-то поляку на английском языке не пропустили (именно потому, что на английском), от Лены Маглеванной, от Ольги и от Мкртчяна – с обещанным им мне

рассказом Нестеренко «Глотка» (рассказ потрясающий и жуткий, только что я его дочитал). Вот, значит, как полезно отчаиваться насмерть и говорить себе, что все окончательно пропало. :))

Армянскую обезьяну возили сегодня куда-то, весь день ее не было, вернулась только вечером. Просто умора, другой такой цирковой обезьяны не встретишь даже здесь, в этом зверинце!.. :))) Только вернувшись, она тотчас же устроила ту перекличку всех камер, которую ей не удалось полноценно сделать вчера и сегодня утром. На не ответивших ей 4-й и 5-й :) «кичах» она не очень долго задержалась – и продолжала выкликать все номера дальше по порядку (кто ж тебя, сука, цифрам научил, убить бы его!..). И вот – самый хохот (он действительно раздался, но не столь всеобщий, как мог бы): дойдя до цифры «9», эта животина успела-таки два-три раза проорать «Девятый кича! Девятый кича!!» – забыв, что в девятой «киче» сидит... она сама!!! :))))))))))

АВГУСТ 2015

1.8.15., 2-й час дня (после обеда)

Суббота. «Законки» вчера тоже не было. Зато принесли опять письма – я и не ждал!.. Обалдеть! – две недели подряд в четверг и пятницу, два дня подряд. Специально копит, что ли?.. От матери, от Мкртчяна (с чьим-то шикарным высказыванием в фейсбуке Витухновской :)))), а самое неожиданное – от Санниковой!! Думал, она меня вообще больше знать не хочет, но – нет... Пишет, что получила наконец-то диплом юриста, закончив в июне свой заочный саратовский юрфак; сейчас работает стажером у Трепашкина, а через год-два рассчитывает уже стать адвокатом.

Второе высшее образование в 56 лет!.. Ну что ж, молодец, конечно, сколько надо было сил потратить, чтобы этого добиться... В остальном же ее письмо – избитые и привычные уже мне проповеди любви, добра, всей этой вечной ее умиленности и прекрасноты, невзирая на всё то зло, что творится в мире вокруг и пытаюсь его просто не замечать. Проповеди для слабоумных, о чем я ей прямо так и написал – что даун, в 30 лет пускающий пузыри и гукающий, как младенец, и есть ее абсолютный и окончательный идеал человека с абсолютно чистой душой, не подверженной никакому злу и жесточенности, с которой она так борется во мне!..

День выходной, но радоваться нечему: на этап могут выдернуть и сегодня, без всякой «законки», такое уже бывало...

8-й час вечера (после ужина)

Решил, дурак, опять постричь «мойкой» волосы сзади, на затылке – и порезал всю шею, слева и справа царапины, – ничего особенного, но одно из белых вафельных казенных полотенец – всё в крови. Не дай бог увидят на проверке, – прицепятся ведь... «Мойка» заметно затупилась за эти три месяца, что я ею пользуюсь (еще с того корпуса принес), но я не стал выламывать другую, – из казенных станков они ведь ржавеют от малейшего попадания воды, а эта – хорошая, из импортного станка, нержавеющей. Главное же – что, в отличие от того корпуса, ножницы здесь эти мрази не дают вообще, так что постричься здесь нормальным, цивилизованным способом – практически невозможно. Заодно и палец на левой руке (тот самый! :) тоже слегка порезал... Ничего, увы, теперь у меня не идет хорошо...

Завтра полгода ровно, как не пишет сучка. Предала меня, мразь, и тем подкосила окончательно... Но кусок моей души она всё же забрала с собой, это несомненно.

2.8.15., 6-й час вечера (после ужина)

Воскресенье. Абсолютно пустой день. Лежу, хожу, схожу с ума. После

обеда некоторое время лежал и грезил наяву, фантазировал, как в далеком раннем детстве, о вещах несбыточных, – например, где мне приятно было бы жить в Москве, в каком из мест и домов, издавна знакомых мне по моим скитаниям по городу еще 90-х годов...

А эти все, значит, так и не отозвались на мои письма, – все, кому я писал с мая месяца из этой камеры, даже самые лучшие, в чьем ответе был практически уверен... Шведовский, Григорьянц, Антоша, MFF, Гарда, Ольга Романова, Гуревич... Ну, от Гарды, Романовой и Гуревича, понятно, я ответов и не ждал, смешно даже говорить... но уж от Шведовского-то ждал точно!.. М-да, а чего ты хотел? – ты же с 2012 в курсе, что теперь будут в жизни одни лишь разочарования и потери... Вот они и есть – абсолютно во всем, без исключений. Просто – ты неудачник... Санникова, которая абсолютно не нужна, – написала сама, а те, кто нужен – хрен там, особенно из-за границы. М-да, антошиной «дружбы» тоже ненадолго хватило; на февральское мое письмо он еще ответил, а сейчас – хрен... И Григорьянц тоже – хоть он и гордится (как он утверждал на «суде») знакомством со мной. Гордится, а ответить на письмо – фигурки...

* * *

В 2013-м раввин пришел последний раз 10 июля, в 2015-м – 8-го июля. И всё!! :))) Больше он не появится, это уже ясно, нечего и ждать. Три раза для виду его отправил этот Гуревич – и достаточно. Как, кстати, если не ошибаюсь, и в 2013-м на «Медведкове» – уже после визита самого Гуревича – другой раввин, рыжебородый, вызвал меня где-то два или три раза, не больше. Fatum. :) Так что, увы, воспользоваться в лагере, в ПКТ, на голодной диете, мацой и прочими халявными лакомствами этих подчеккистских хасидов, как я рассчитывал, – не получится...

4.8.15., 1-й час дня (до обеда)

Была сейчас свиданка с матерью, как я и надеялся. Без сомнения, последняя, – она вчера по телефону узнавала в тюрьме, прибыла ли «законка», и ей сказали, что именно вчера, в понедельник, она и пришла. Мне ее принесут, видимо, сегодня вечером (вчера спецчасть заходила сюда аж полседьмого вечера, да и всё последнее время так). Еще несколько дней, от силы неделя – и поехал...

Что ж, видно, подходят сроки. Подходят – на новые муки... «Сейчас должно предписанное сбыться»... То, чего я так боялся, о чем так дико нервничал еще на подходе, еще до 23-го, до апелляции, – вот оно, у дверей... :(((Ужас настолько мрачный и чудовищный – страшнее и хуже у меня, наверное, не было еще предчувствий. Сюда ехал – так не паниковал, а сейчас... Дал бы бог сдохнуть, только сразу и безболезненно, – и ничего мне

больше не нужно...

5-й час вечера (до ужина)

Поразительно, но раввин таки сегодня приходил! :))) Вот так полезно бывает отчаяться в чем-то!.. Пришел, принес – от Гуревича, как он сказал – книжку какого-то израильского раввина (крутой бред о силе веры и молитвы, которые решают абсолютно все проблемы в жизни верующего, – якобы, конечно) и – тот же «гостинец». Только баранки уже не ванильные, а простые, и – судя по тому, что все те же козинаки вошли в набор, Гуревич мое письмо не получил – или же не счел нужным заменить для меня козинаки чем-то помягче. Сам же этот раввин не знал, получил ли Гуревич мое письмо, и обещал узнать – но, думаю, больше я его уже не увижу.

Какого-то начальничка, постоянно с этим раввином приходящего и торчащего в камере во время церемонии, я, пользуясь случаем, спросил, когда и куда меня повезут, но он, конечно же, «не знал». :) Сказал только, что «законку» должны принести мне – и от дня ее приноса надо отсчитать десять дней, – и я вспомнил: ну да, на «Медведкове» в том году тоже так говорили, а увезли на 11-й день. Если отсчитать от сегодня (ее еще не принесли, но могут – после шести, а еще нет и пяти), то это будет 14-е, пятница, – черт, опять прямо из бани ехать на этап!.. Но тогда это, выходит, не в Киров, если – как я предполагаю по поездкам прошлого года – туда поезд по средам утром. А в общем, конечно, понятно, что гадать абсолютно бесполезно, что любую подлость и пакость, какую они только по своему «закону» могут мне сделать, – они обязательно сделают, и противопоставить им нечего, кроме силы оружия, которого – увы – тоже нет. Ведь, собственно, упорно скрывать и не говорить, куда они отправят, пока не довезут до места высадки, – это и есть уже с их стороны первая подлость и пакость, предписанная их инструкциями...

5.8.15., 9-й час утра (до проверки)

Короче, вчера был бурный день. :) Около шести вечера пришла-таки ко мне спецчасть. Принесла решение Верховного «суда» и – такую маленькую бумажонку с вопросом: был ли я «судим» раньше, и если да – то где отбывал «наказание». Эти бумажки мне уже встречались раньше – их обычно приносят вместе с «законкой», во всяком случае, они ясно свидетельствуют о близости этапа. Но самой «законки», как в том году, где ясно было бы сказано, что с такого-то числа приговор вступил в силу, – не принесла. И я теперь нахожусь в легком недоумении – будет ли еще и «законка» как таковая, или же десять дней надо отсчитывать от этой вчерашней бумажки. Но, конечно, для простоты – считаю, что ничего уже не будет, отсчет пошел, да и эти-то десять дней я едва ли тут полностью просижу, это ведь чистая

условность.

И – к моему изумлению, принесли вчера толстую пачку писем, – а я-то ждал их не раньше четверга, как обычно!.. :) Что ж, радость, хоть и небольшая. Отвечал на них, как обычно, весь вечер, почти до отбоя, и еще на сегодня осталось, вот прямо сейчас займусь.

6.8.15., 11-й час вечера (после отбоя)

К моему изумлению, вместо Каретниковой, смутно обещавшей прийти и на этой неделе, пришла от ОНК... Светова! С той же бабушкой, что обычно их всех сопровождает. Вот, значит, заодно и познакомились мы со Световой, впервые почти за три года.

Я рассказал ей свои на сегодня главные проблемы с тюрьмой: не дают справку на лекарства и неизвестно, где деньги с лицевого счета, что клала мать. Насчет денег – она посоветовала написать заявление, запросить сведения о состоянии счета, – я так и сделал, сейчас, в отбой, отдал заявление, сказал про журнал – но расписаться мне его эта белокурая молодая крыса-вертухайка так и не несет. Насчет же лекарств – где-то через час, уже в самый ужин, Светова пришла опять – и привела с собой врача. Он быстренько объяснил мне, как я и думал, что такую справку, как мне надо, он мне не даст. Я-то брал за образец ту, что мне на ВСЕ мои лекарства выдали в пермской ИК-10 и подтвердили на пересылке ИК-29. Именно на все. Этот же хмырь мне заявил, что, мол, перед этапом меня будет осматривать врач (сколько езжу этапами – сроду врач не осматривал, да и других, по-моему, тоже) – и он-то и решит, на какие два-три жизненно важных (!) лекарства мне дать справку. Остальные – хрен. Да и – где-то читал я этим сроком, что этапный конвой только для сердечников делает исключение – оставляет им лекарства в столыпине, а то вдруг приступ! Вот, видимо, это и имеется в виду под «жизненно важными» лекарствами; а на все мои попытки объяснить, что для меня они все жизненно важные и что обезболивающие тоже могут понадобиться в любой момент – да плевал он! Здесь не отберут, но и справку не дадут – и опять заберут на какой-нибудь пересылке (м.б., опять на той же 29-й). Правда, есть та, старая справка на часть лекарств, но – только на часть, плюс – уже прошлогодняя, могут ее не признать.

Не ждал, а тут сюрприз приятный – два письма, от Ольги Исаевой и Мкртчяна. Одно из них было распечатано еще вчера днем, но не принесено – и, честно говоря, слава богу, мне вчера и так на целый день хватило работы – отвечать на письма.

Уморительна и умилительна эта религиозная книжечка, что принес мне раввин якобы от Гуревича. «Сад веры», типа «практическое руководство к жизни». Израильская, автор – какой-то израильский раввин родом из

Марокко. Простые и немудрящие рецепты: верьте в бога, в то, что он вас любит и ведет, что все испытания, что он на вас насылает, – для вас благо, не ропщите, молитесь, а если не исполняется – значит, мало молились, давайте еще! Если вас притесняет начальство, менты, любые люди – они только «жезл в руке бога», не злитесь на них, ведь бог-то вам плохого желать не может, так думать – это страшное оскорбление для бога. И т.д. и т.п. То есть: не бунтуйте, ничего в своей земной жизни изменить не пытайтесь, ни с какими врагами не боритесь – они лишь орудия «всеблагото» бога, а земная жизнь вообще не важна, временна, стремитесь лишь к божьей награде на том свете... То самое, в точности, о чем Маркс писал: «Религия есть опиум народа». Заставить раба быть всегда довольным, т.к. всё, что с ним происходит – это «божья воля», чтобы не роптали и не бунтовали, а заодно ими и управлять от имени «бога» легче. Мерзость из мерзости, короче – но так откровенно и в лоб изложенное я это не читал давно. Ч-У-У-дные откровения вроде: «без веры жизнь, в конце которой каждого ожидает западня смерти, лишена всякого смысла», – ну так она его и лишена, в самом деле, а ваша «вера» – это лишь иллюзия смысла, совсем уж для дураков! Ничего не делать, чтобы изменить жизнь, а только молиться и верить, что она, мол, такая по божьей воле – а значит, и так хороша. Божья воля на всё, а сам человек – никто. Вздорная и идиотская книжонка, короче.

Адвокат так и не пришла сегодня. И, боюсь, до этапа уже так и не придет.

7.8.15., 4-й час дня (после обеда)

На улице сегодня до 26°, в воскресенье, кажись (т.е., послезавтра), обещают до 31°. Как ехать – так жара, будь она проклята!.. 26° – вроде не так много, а последние дни на улице было еще меньше, но в камере эти дни – духотища, кошмар!.. Не то что я что-то делаю, хожу, нагибаюсь, режу колбасу, – нет, часто бывает, что просто сижу неподвижно на кровати (нарах), ничегошеньки не делаю – и вдруг ясно ощущаю, как весь лоб и шея покрываются потом.

около 10 вечера (отбой)

Принесли письмо от Лены Маглеванной – и это прервало мои записи. А в общем-то, писать особо и не о чем. Да, упариваюсь и взмокаю от малейшего движения (колбаса, перестилка одеяла на шконке), а иногда и без него. Даже вот сейчас, к ночи, когда на улице вроде должно холодать. В платную стирку вещи вот сейчас опять так и не взяли, – опять пришел вместо стирщиков дневальный и сказал: а я ничего не знаю. Успею ли отдать до этапа, а если отдав – успею ли забрать, – совершенно непонятно и очень сомнительно.

Днем, в обед, некоторые уголовнички накинулись тут на блатную армянскую обезьяну: оказывается, у нее какой-то «мусор» нашел в камере

пустую сигаретную пачку, сказал: слишком много, мол, курят и даже не прячут! – и «заморозил кичу», т.е. перекрыл вообще принос сюда курева. Обезьяна с визгом отбивалась и орала, что это не из-за нее, по-русски ее почти нельзя было понять. Потом кто-то из них, вернувшись от адвоката, передал всем привет от одного какого-то суперблатного, очень важной персоны, чье чеченское имя я не раз уже тут слышал. Так этот блатной всем передал «привет», а этой блатной обезьяне – «спасибо», которое, видимо, надо было понимать с точностью до наоборот. Одновременно в обед армянскую обезьяну тут песочили еще и за то, что она исключительно хамски, визгливо, скандально, а при малейшем ей противоречии – «через х...й» разговаривает с дежурными тетками, они все скандалят с ней, в ответ на ее хамство посылая ее туда же, куда она лихо посылает их. Слушать это – одна умора, что вчера, что сегодня, но, похоже, наконец-то не выдержали даже прочие уголовнички. «Х...ли ты орешь постоянно?!» – сказал ей один из них.

Жизнь прошла. Точнее, жизнь мою они сломали, окончательно и бесповоротно. Некуда мне будет идти, даже если я доживу до воли. Скоро этап – в ужас, в никуда, в смерть...

На письма мои так никто и не ответил – ни из России, ни из-за границы. Единственное неожиданное письмо за всё последнее время было от Санниковой...

8.8.15., 2-й час дня (после обеда)

Я уже не строю планов на будущее. У меня нет будущего. Я как кит, выброшенный на песок: в воде нет его быстрее и сильнее, но то – в воде... Именно так (про кита) я написал Вере в последнем письме.

Духота по-прежнему, мокрый, как мышь, от каждого движения. Дежурит сегодня эта тупая быдложивотина, у которой даже кипятку для кофе попросить нельзя – дает исключительно «по баланде». Делать абсолютно нечего, как и читать (а бредятину о «вере» я бросил, не дойдя и до середины: не могу, противно...). Остается лежать, размышлять, философствовать, вспоминать свою жизнь, обмахиваясь пластиковой папочкой с газетой... Мне не бывает скучно, но – здесь это великое благо, не всегда ценимое: что можно днем лежать! В ПКТ сидение на табуретке было настолько мучительно, что порой ноющая спина заглушала или вовсе отключала все мысли... И еще предстоит немало такого же – и еще хуже!! – за эти оставшиеся четыре с хвостиком года...

9.8.15., 8-й час вечера (после ужина)

Простудился конкретно, – насморк, чихаю жутко, по несколько раз... Где уж сумел? – никуда не выходя, при неоткрывающемся окне и т.д.?.

Простудиться и заболеть к этапу – как раз самое то, учитывая, что по болезни они меня, конечно, не оставят и на один лишний день. Счастье еще, что кашля и температуры пока нет.

Написал утром письмо Мкртчяну, совершенно ненужное, полное рефлексии и злой обиды на судьбу. Ну, Мкртчян-то, хоть, вероятно, ответит, в отличие от Шведовского, Григорьянца, Антоши и пр. – он-то пишет мне регулярно. Не удалась жизнь – и ничего теперь не исправить никакими письмами, хоть с ответом, хоть без. Вчера вечером пришла мне эта мысль – написать ему – как реакция на его хвalebную мне фразу в последнем электронном письме – и, можно сказать, весь вечер вчера и всё утро я раздумывал – писать или нет. Но всё же решил написать – не только для него, но и чтоб себя чем-то занять, три листа за два часа. :))

22-00

Забыл еще написать: идиоты в камерах сегодня и в обед, и в ужин были дико озабочены проблемой: все ли их «шлэнки» (миски) раздаются баландером по камерам согласно написанным на мисках номерам (пронумеровали их, по-моему, уже при мне). Долго и тщательно выясняли и про кружки (они у эков постоянно в камерах), ложки и пр. – все ли соответствует номерам. Выяснилось, кстати, что и «мои» миска или кружка (не помню), т.е. с цифрой «5» – уже у кого-то, т.к. я ими не пользуюсь. Гомофобные и «шерстофобные» (чистый хлопок! :)) идиоты активно требовали от баландера, чтобы он заново пронумеровал им все «шлэнки» и кружки. В ужин пришел баландер (хотя, м.б., говорил с ними и не он, а дневальный – не знаю, но обычно в это время приходит баландер, дневальный – позже) и пообещал, что завтра здесь будет новый баландер (опять!..) – и новая посуда, ВСЯ вообще совершенно новая – и заново же пронумерованная!.. :))))))

Можно подумать, что это у них как в сказке – «не пей – козленочком станешь!». Как будто в кого-то превратятся, еще хуже, чем есть, :))) станут, если из «не той» посуды поедят...

10.8.15., утро (до проверки)

Опять не спал всю ночь (за исключением, м.б., всего нескольких минут в районе четырех утра). Была такая дикая духота, что пришлось снять футболку – и всё равно не помогло. Ни в одном глазу... Сейчас, после завтрака, попросил вертухайку погасить весь свет, в том числе и ночник, опять снял майку, лег – и немного подремал, судя по тому, что снились какие-то сны – о котках. :) Стало чуть полегче, но все равно тяжело.

М-да, здоровья остается всё меньше и меньше... Сколько-то его останется к концу 19-го?.. Полное отсутствие сна без всякой причины (нервы?),

бессонница в тюрьме – паршивый признак. А что там будет дальше... Пока лежал без сна – всё грезилось мне мои будущие ПКТ и ЕПКТ, камеры, где на 16 часов в сутки поднимаются нары – и что хочешь, то и делай, особенно если еще и пол там сделают кафельный, как вот в этой камере у меня – а сидеть в таких условиях надо полгода, год, а потом – еще... Что же от меня останется через четыре года? И зачем? Такая жизнь на фиг не нужна, самым лучшим было бы поскорее умереть, но вот – не берет меня смерть... :(((

7-й час вечера (после ужина)

Пустой день. Почти весь его я провалялся. Тошно, настроение ужасное. Читать не тянет, да и нечего – или бредятину «Сад веры», или же «Житие протопопа Аввакума», присланное Землинским (распечатка очень мелким шрифтом). И то и другое – муть...

Жара всё-таки попёрла, будь она проклята. По радио сказали, что всю неделю (сегодня только понедельник) будет под 30°, похолодание – только на выходных. Закон подлости: как этап – так жара, всё лето её не было...

Тишина. Не заказывают пока, но – могут уже завтра вечером, если опять в Пермь. Или же – ждать еще «законку», которую мне так и не принесли, и уже после нее – еще десять дней? Эта неизвестность, неопределенность и постоянное, в любую минуту, ощущение беды – изматывают страшно, особенно в сочетании с жарой, духотой, с тем, что не спал ночь... Даже пишу сию минуту вот сейчас – и то мокрый, как мышь, а уж что было со мной вчера, пока чистил и резал колбасу на ужин – страшно сказать. Как будто из реки вылез. И сегодня будет то же самое, без сомнения. Колбаса, кстати, сегодня последняя, как и на два бутерброда всего масло; если завтра мать не закажет, или же мне вовремя не принесут – ужинать завтра будет нечем...

Писем, конечно же, нет. До четверга? Ждал, что, м.б., придет Сидоркина, обещанная матерью (на свиданке) еще на той неделе, – но нет и ее. Занята на «крымском процессе» в Ростове... Боюсь, так и не увидимся уже до самого конца 2019 года...

11.8.15., около 11 вечера (после отбоя)

Никуда сегодня не повезли. Жратву тоже никакую не принесли, заказывала мать сегодня или нет – неизвестно. Сейчас придется есть столовский хлеб с майонезом и кетчупом, больше ничего нет. Точнее, конечно, есть тушенка и лапша б/п, но – второй раз за день просить у надзирательницы кипятка мне совсем не улыбается, да еще когда в карцере повышенная активность блатных черножопых обезьян (уже час активно переговариваются, ржут – и если я начну стучать ей и объяснять про кипяток, непременно услышат и прицепятся).

Зато принесли неожиданно письма. От Ольги Исаевой, от Мкртчяна, от

Землинского – и неожиданно от Шведовского! Все-таки приятно, что он оказался лучше, чем я о нем думал, ответил-таки – хотя и понятно, что ответил он только после того (и потому), как Лена Маглеванная по моей недавней просьбе спросила его, получил ли он мое письмо. В начале письма он извиняется, что долго не отвечал. Пишет, что редактор Портала-Credo.ru очень мне сочувствует и поддерживает, ему, оказывается, нравилась «РП» и т.д. Довольно неожиданно и приятно. Спрашивает даже, не могут ли они вдвоем с этим редактором посетить меня, есть ли ограничения на свиданки. :)) Обещает также поговорить обо мне с Тэросавой, но – при личной встрече, а увидит его только в ноябре... в Непале! Пишет, что российскую визу Тэросаве опять аннулировали, еще в апреле 2012 г., вскоре после нашей с ним последней встречи в феврале 2012 в Сахаровском центре.

12.8.15., около 12 часов дня (проверка)

Сильно болит поясница эти дни – и лежа, и сидя, а вставать из лежачего положения – вообще адская боль!.. Вот оно, счастье-то, – как раз к этапу эти боли, чтобы два баула было тащить совсем уж весело...

Пока писал вчера письмо Шведовскому – и взмок весь, как обычно, и дико разболелась башка. Принял две таблетки цитрамона – не помогло, пришлось позже еще две нурофена. Чего их, в самом деле, жалеть-то, – всё равно ведь на этапе или в лагере отберут...

Физическое состояние мое паршивое, но это ничто по сравнению с состоянием душевным. Полная внутренняя опустошенность, выпотрошенность, запредельная моральная измотанность этими почти уже тремя годами плена... Если даже вообразить невозможное – что меня освободят уже завтра, – все равно, непонятно, как мне жить дальше, а главное – зачем, ради кого и чего...

21-00

Приходила неожиданно вечером Каретникова с еще какой-то теткой – солидной, не обычной бабушкой. С матерью моей она говорила сегодня, но та про магазин ей ничего не сказала. А между тем, жратву так и не принесли, есть совсем нечего, и даже майонеза, которого когда-то был, казалось, вагон, ныне осталась одна начатая (уже меньше половины) и одна целая пачка.

Спросил я ее – на этот раз не забыл! – про идею снятия меня тюремным начальством с профучета по побегу. Как и ожидал я, она – между делом – сказала, что случаев снятия с учета по заявлению через шесть месяцев почти нет, но однако же горячо рекомендовала мне такое заявление написать. «Правовая борьба» – как она сформулировала свой основной и любимый метод «правозащиты», Эх, был бы от этой «правовой борьбы» еще и толк!..

Но – что ж, если досижу до завтрашнего вечера и если ДПНСИ будет «черный», который в отбой всегда открывает мою дверь, – напишу и отдам ему.

Болят спина очень сильно, почти весь день (почти до прихода ОНК) лежал. Каретникова посоветовала от этой боли в спине пить обезболивающие, как делает она (хотя у нее-то не перелом...), чего я обычно не делаю, зная, что это не поможет. Но вот – принял сейчас таблетку темпалгина (чего их жалеть, все равно отберут!..) – и, конечно же, ни фига, всё равно чувствую боль, разве что, м.б., чуть послабее.

Бессмыслица, тоска, пустота. Затянувшаяся агония... Жизнь прошла, смысл происходящего со мной потерян абсолютно. Не помню, как там дословно у Губермана, но всё в моей жизни настолько рухнуло и умерло, что – себя я и впрямь воспринимаю как будущий свой труп, пока еще способный ходить и дышать. Я настолько остался у разбитого корыта в 41 год, настолько глухо и нет никаких надежд на будущее, что – собственно, я и не человек уже, ибо у человека будущее есть. Я – просто ходячий труп...

ОКТАБРЬ 2015

23.10.15., 5-45

Вчера приезжала Сидоркина, которую, если честно, я уже и не ждал, – думал, что Глеб с Ромой, когда «мусор» задолго еще до обеда сказал мне, что, мол, приехал адвокат – и чтобы я был готов. Повели же сразу после обеда – опять сюда, в кабинетик через одну 5-ю камеру от меня – и благодаря этому предупреждению я, слава богу, успел убрать самое для меня ценное, чтобы не таскать с собой.

Привел ее – и меня заводил в кабинет – мразь Безукладников, – и первое, с чего началась наша встреча, – с того, что он меня заставил сесть в железную клетку, там, в кабинете, стоящую! Действительно, редкостный ублюдок!.. Из всех приездов ко мне адвокатов и в том году, и в этом, – это первый раз, что засунули в клетку; Глеб еще в том году, помню, как-то писал: мол, к счастью, в клетку Бориса не сажают и мы можем разговаривать нормально.

Что ж, дал Свете все поручения, что хотел тут дать Глебу, в том числе и для передачи части их самому Глебу. Он, оказывается, вчера же, перед ее приходом ко мне, приходом ко мне, прислал ей СМС-ку: мол, 27-го, как собирались, они приехать не смогут. А когда же они смогут – не уточнил; в общем, вот тебе и «раз в месяц»... Теперь приедут не раньше ноября, это ясно, а это уже выходит раз в два месяца, а не в один...

Еще важное – передала Сидоркина от матери, что та ходила со своим вновь полученным диагнозом к онкологу – оказалось, что онкологии у нее все-таки нет, а есть что-то другое, – пульмонология, что ли, или как-то так, я в точности не запомнил. Что ж, и то хорошо, я очень надеялся, что всё-таки это не онкология...

А книжку шестковскую эти подонки, шмонавшие Свету, в том числе и Безукладников, так и не дали ей пронести, – отобрали и заперли в сейф. Но сами на эту книжку, она говорит, очень дивились, пялились, да и вообще – были шокированы тем, что аж из самой Москвы приехал адвокат, – и, говорит, решили, что это неспроста, что что-то против них готовится... :))))))

В общем, посидели, поговорили, но – больших свершений я от визита Светы не жду, в отличие от приезда Глеба и Ромы. Ну, напишет сообщение, как я тут и что, про все мои ШИЗО, ПКТ и СУСы и их причины (если таковые вообще есть) – и то хорошо; дай бог, «Грани» это опубликуют, народ будет знать. Но – всё равно, как сидеть еще четыре полных года, да еще на скудном питании, на одной баланде, непонятно. Кстати, сказала Сидоркина, что по пути она у мрази Безукладникова спрашивала про здешний магазин – и он сказал, что, оказывается, теперь можно писать заявления каждую пятницу

– и тратить по 1000 р. в неделю, а не в месяц, как было раньше. Но всё равно – суки, даже 7200, как в СУСе, не сделали в месяц, только 4000 [на самом деле 5000. – прим 2020 г]; а интернет-магазином, по его словам, тут, в ПКТ, нельзя пользоваться вообще. Мрази, ублюдки!..

Самое же забавное – что эти недочеловеки в камуфляже на этой неделе так и не повели меня в баню!! Ни во вторник (ШИЗО-шный день), ни вчера, в четверг (ПКТ-шный день), хотя ясно, что если сейчас у меня 15 суток, так должны были еще во вторник сводить. Я нарочно не спрашивал у них ничего, не напоминал, – хотел посмотреть, как они сами поступят, без напоминаний. И вот – посмотрел... :)) То ли дружно забыли обо мне все смены (особенно вторничная), то ли им от начальства было такое указание, – не повели!.. :)) Хотя предоставлять экам – всем! – раз в неделю баню они обязаны. Не то чтобы я так уж страдал от того, что не повели, не настолько уж я здесь, в камере, пачкаюсь и потею, но любопытен сам факт, а еще больше – его причины. Надо пометить в блокноте числа – и в дальнейшем Света и Рома могут этот факт использовать для жалоб на действия асламовской администрации.

Еще, кстати, сказала Света, что Асламов, оказывается, сейчас в отпуске, а замещает его Губаль, – вот почему, оказывается, именно это чмо выписывало мне 15 суток...

Сегодня проснулся последний раз за ночь – ровно в четыре утра – с довольно сильной зубной болью. :(((С того дня, как зуб заболел тут первый раз и я об этом написал – больше он не давал о себе знать, я уж и забыл было о нем... А оказалось – он еще о себе напомнит, и не раз; а кеторол недоступен, заперт в сейфе медкабинета, без записки к «врачу» (маленькому пермскому Менгеле, других здесь не держат) его не получить. Полежал еще час, походил туда-сюда по камере после подъема, вот сейчас пишу, внимание отвлечено, – вроде не болит, м.б., чувствуется совсем чуть-чуть. Но всё равно – это беда, и беда грозная, еще много мучений от этого зуба, боюсь, мне предстоит тут вытерпеть... :((((

13-14

Слава богу, на обед опять дали такой же хлеб, как раньше, – серый, ближе к белому. Ужин мне обеспечен! :)))

17-25

Неожиданно приехали из пермской ОНК, вызвали меня. Сказали, что их председатель (Исаев) в курсе моих дел, следит за ситуацией, за что именно я в ПКТ (я рассказал) и просит отксерить и привезти ему постановление об отправке в ПКТ, – мол, не возражаю ли я. Я не возражал, конечно. Рассказал заодно, что и ШИЗО навесили мне поверх ПКТ. Мать, когда я еще был в СУСе,

говорила мне, что она этому Исаеву звонила, но он сказал, что, мол, я сам виноват, я же злостный нарушитель, не соблюдаю режим. Мать очень нехорошими словами ругала тогда Исаева; а сейчас, когда я спросил, писал ли ему кто-нибудь в этом году обо мне, то толстая тетка в розовом (как она сказала, спец в области защиты религиозных прав и свобод) ответила, что обращалась мать, а больше – она не знает.

Мразь Безукладников, когда открылась дверь камеры и он сказал мне одеваться, идти на беседу с правозащитниками, тут же добавил при этом, что, мол, надо здороваться (с ним при его появлении, имелось, видимо, в виду) – и тотчас же спросил, буду ли я писать объяснение о том, почему не поздоровался с ним. :)) Во как!.. На всё, по любому, самому ничтожному поводу у этих мразей первым делом – «писать объяснение»! Я отказался его писать, естественно. Много чести тебе, дылда ты тупорылая, ублюдок сиволапый, тупое животное, чтобы я здоровался с тобой, мразь! От всей души желаю тебе сдохнуть поскорее и смертью как можно более мучительной!..

24.10.15., 9-38

Сегодня опять приперлись эти суки со шмоном, вои только что. Перерыли на этот раз всё – пакеты на батарее и на вешалке, книги, тумбочку, рылись в папке и в блокноте. К счастью, ничего не забрали. Перед началом (а с меня прямо и начали, как пришли) я слышал, как дежурный по ШИЗО «мусор» говорил им шмонать ПКТ – и меня в частности; так что, видимо, несмотря на 15 суток, я всё равно у них числюсь по ПКТ, а не по ШИЗО.

17-40

...И опять я угадал!! :))) Действительно, блин, «пророк»... На ужин сейчас вот, только что, принесли... ну да, перловку, о которой я как раз думал за час или за два до этого: что, мол, если на ужин – да перловка?.. :) С чем-то, типа исчезающе малых следов тушенки, по-моему, – короче, «с мясом». Боже, ну и вонь шла от нее!.. Я вывалил ее, конечно, в туалет, выбросил туда же и кислую чернягу («хлеб»), выпил чай... Вот и поужинал... :))) А завтра на завтрак – предчувствую уже – будет тоже какая-нибудь дрянь, вроде этой же перловки, ибо пшенка была сегодня. Вот и позавтракаю... :)))

Господи, господи, как же я ИХ всех ненавижу, если б кто знал!.. Всех их, всех, – и «мусоров», и уголовников, и тупое пьяное быдло на «воле» (большой зоне), порождающее и тех, и других; всю эту нечисть, мразь, отребье, говно по имени Россия, – как же я их ненавижу, какой лютой, жгучей ненавистью!.. Проклятая, проклятейшая страна, чтоб ты провалилась в тартарары со всею населяющей тебя мразью!!! О, с каким

удовольствием, с каким наслаждением и сладострастием я сбрасывал бы на них атомные бомбы, на каждый их город, расстреливал бы их, топил в воде, сжигал в печах, растворял в кислоте, – всю эту русскую мразь, нечисть, погань, быдло и отребье, начиная вот хотя бы с местных «представителей администрации» этой проклятой зоны!.. О-о, они бы у меня помучились перед смертью, выблядки, недочеловеки, мерзкие выродки, за все эти вонючие ужины и завтраки, за все мои СУСы, ШИЗО и ПКТ, за всю, за всю мою безнадежно поломанную, исковерканную жизнь!..

25.10.15., 6-34

...И опять угадал!!!!!! :))))))))))) На завтрак сейчас опять была перловка!!!... :))))))))))))))

9-25

И опять был шмон!! – вот только что. Ничего не забрали, правда; но – и тут угадал: теперь заходить ко мне со шмоном эти выблядки будут каждый день, каждый день!..

Да, вот так и предстоит прожить тут еще четыре года: без жратвы, но со шмонами... Будь она проклята, эта жизнь – и эта гнусная, мерзкая страна!!

20-50

Ничего не сделаешь со всей этой мразью, – только в печах ее сжигать, действительно... Просил сейчас, по отбою, отвести в каптерку, – думал взять там пожрать, консервы те же и сандвичный хлеб, а то от голода уже подыхаю. Спрашивают – что хотите взять?? – всё им скажи, этим мразям, заранее. Про жратву не стал, смешно, – начал сперва про бумаги, т.к. свои московские черновики тоже хотел там поискать. Так нет, не соизволили, не разрешили!.. «Сейчас у вас изолятор...», – мол, письменные принадлежности выдаются только на время писания заявлений. А уж о еде и говорить нечего, всё ясно заранее... Суки, мразь, говорящие куски дерьма в форме!.. А завтра – опять шмон...

Если ни во вторник, ни в четверг опять не будет бани, или если – скорее – будет, но взять пожрать опять не дадут, – значит, ждать до вечера третьего ноября, раньше и смысла нет пытаться. А там – считанные дни – и опять ШИЗО навесят, еще 15 суток кислого хлеба на ужин. А когда кончатся хлеб (увы, черный) и консервы, оставшиеся от передачи Веры и Феликса, – вообще непонятно, чем питаться. Такая вот проза жизни... Если только магазин – но в нем ничего нет. Хорошо хоть, он вечером в пятницу, – до ближайших «крестин» в понедельник можно успеть что-то съесть.

Хорошо хоть духовной пищи в избытке. :) Библиотекарь таки принес и отдал мне сегодня днем «Новую газету», сразу штук семь номеров, да плюс еще и книги, – и вот я сидел, читал газеты весь вечер, с трех часов дня до

отбоя в девять вечера...

27.10.15., 15-48

Утро началось с того, что в подъем сцепился с этой белобрысой тупой мразью в форме, дылдой, дежурившей со вчера. Это чмо, когда я выносил (хотел вынести) матрас, опять докопалось до «куртки х/б», – всё брось и надевай ее, ага!.. Я кинул матрас обратно и лег, пока они – вдвоем еще с каким-то начальничком – не открыли решетку так, без «куртки х/б». Потом слышал, как это белобрысое чмо говорило, что напишет на меня рапорт. Сижу, гадаю теперь, – когда же меня теперь на «крестины», прямо сейчас (под дверью орут уже, собираются, хотя сегодня вторник, или же когда кончится эта «пятнашка». Ну что ж, кончится эта – навесят новую, а м.б. – и заранее навесят, с них станется. Но только – самое смешное – эта нечисть ведь дежурит тут каждые четыре дня – и каждый раз я буду делать так же, как сегодня, если она будет опять докапываться до «куртки х/б». Посмотрим, кто кого переупрямит... :)))

Говорил белобрысый дурак про рапорт на меня уже после шмона, а шмон сегодня почему-то пришел и начался не в девять-начале десятого, как обычно, а где-то без 20 минут 11!.. Я уж было «рассупонился» [т.е. вынул все спрятанные под одеждой «запреты» и убрал по местам. – прим. 2020 г.] , успокоился, расслабился :) – был шмон, не был, не понял, но не важно, раз по времени он уже должен закончиться, 11-й час уже. И тут – слышу после одного из звонков во входную дверь голос дневального, – что это, мол, «смена» идет!!! Т.е., идет шмонать, как каждый день. И никаких объяснений – почему так поздно, не всегда ди теперь так будет (не дай бог!!). Шмонали вроде бы ШИЗО и ПКТ, но ко мне, слава богу, не зашли.

Потом повели в баню – по ШИЗО-шному все-таки варианту, во вторник, без напоминаний. Там случилась очередная идиотская житейская катастрофа, абсолютно неожиданная. Стал бриться, нажал на кнопку баллона с пеной, старого, еще на «Медведково» мне в 14-м году переданного, – и вдруг оказалось, что между железным корпусом баллона и пластмассовой верхушкой (где кнопка) откуда-то возникла большая щель – и из нее пена полезла прямо потоком, а не из прорезей на кнопке, как раньше. Я уж думал, она сейчас и вылезет вся, хотел уж выбросить баллон (а там еще немало оставалось, – бреюсь я ведь редко и только в лагере). Но, слава богу, вся не вылезла; однако ясно, что и в следующий раз при малейшем нажатии в эту щель выйдут гораздо больше, чем надо, так что скоро этому баллону хана. Хорошо, что есть в бауле еще один, запасной, – но я теперь уже боюсь, как бы такая же беда, пока он там лежит столько времени, не случилась и с ним...

Тошно, горько, мрачно, уё...щно. 1483 дня еще. Вчера вдруг с необыкновенной ясностью представил, как я освобожусь, вернусь домой, в свою бибировскую квартирку, и буду опять сидеть на том же древнем, ободранном моем кресле-кровати, лежать на том же диване, ходить к метро по тем же дворам, мимо тех же домов, школ, автостоянок... То есть – всё прошло, как будто и не было ничего.. Отстрадал – возвратился домой, опять туда же, на то же гноище, на круги своя. Это просто эпизод твоей личной биографии, твои личные – потерянные – 12 лет жизни, и никого, никого в мире больше это не касается. И никак жизнь твоя после этих 12 лет измениться не должна, – с чего бы это ей меняться? – и никого твоя судьба не волнует, и как-либо вознаграждать тебя за пережитое тоже никто не собирается, отнюдь. Твое личное, частное дело, – как будто за кражу отсидел... Всем плевать!.. Нет уж, кроме всех прочих причин (надзор, менты и пр.) – из-за одного только вот этого ни за что – лучше сдохнуть! – не стану я, если доживу до 2019, опять жить в этой квартире. Там каждую минуту каждая вещь будет напоминать мне о прошлом – и о том, что меня судьба не намерена никак за пережитые страдания вознаграждать, как вознаграждала других...

28.10.15., 14-24

Ну и мрази, ну и ублюдки, просто слов нет!.. Выродки, недочеловеки... Ждал сейчас «крестин» за вчерашнее, но тут вышло другое. Опер Чертанов – мразь, гнида, вонючий недоносок, упырь плешивый – явился «знакомить с актами». Оказывается, эти суки не пропустили целых четыре письма ко мне, о чем составили акты. Два письма от Майсуряна – видимо, №102 и 103 – за то, что там были цитаты из моих же (!!) текстов и стихов, в том числе «Убивать, убивать, убивать!» :) . От Лены Маглеванной – там якобы было что-то на украинском (которым сама она не владеет, так что явно цитировала кого-то), – ублюдок Чертанов сказал, что это письмо они отправили в УФСИН для перевода, кретины!.. И – письмо то Гедроица из Латвии, ответ мне, – там оказалась какая-то листовка, свастика, фото сожжения российского флага и т.п. Фото, м.б., из Киева, за 24-е августа, а м.б., и из Риги, – точно понять по их кратким сведениям я, конечно, не смог. Первый протокол – о майсуряновском письме – я подписывать отказался, и эта вонючая гнида Чертанов со вторым не хотела меня знакомить, раз я не подписываю, – еле рассмотрел из его рук. Мрази, ублюдки, русские свиньи – в погонах и без, – наступит ли наконец в моей жизни такой счастливый момент, когда я смогу лично, своими руками убивать вас?!...

31.10.15., 5-25

Вот и прошел День политзаключенного в СССР, еще вчера. Всё было тихо,

спокойно, даже шмонать утром «смена», по-моему, так и не приходила. 1479 дней мне сегодня осталось.

Самое грустное – что наступила та полная изоляции, которой я боялся. Письма так и не несут, упорно. Последний раз они были 12-го – та майорша, психологичка, принесла пачку. Сегодня – вот уже 31-е, почти три недели нет писем – и хоть башку об стену разбей, ничего не добьешься!.. Часть писем эти мрази не пропустили, майсуряновские – вроде отправили назад (я точно так и не понял, а уточнить эта мразь Чертанов не захотела), так что Майсурян хоть знать будет, что я их не получил. А письма Землинского, который пишет мне чуть не каждый день, и еще месяц назад отправленное письмо матери, и др. – их просто не несут, и всё тут! Мразь Безукладников, который должен их приносить, бывает здесь каждый день, я постоянно слышу, как в коридоре к нему обращаются, называя его «Саньч». Но – спрашивать бесполезно: каждый раз, как меня куда-нибудь выводят и я встречаю его в коридоре – я спрашиваю его, но он отговаривается, что не знает, не захватил и т.п. Сделать ничего нельзя. Упреки в том, что мне так редко пишут Вера, Корб или Мкртчян, уже выветрились, испарились из моей души: если бы они и каждый день мне писали – всё равно бы я здесь не получал этих писем, или, в крайнем случае, получал бы потом сразу целую пачку... Света, адвокат, сказала мне, когда была здесь, что и Акименков, который вроде как стал работать у нее помощником, тоже написал мне, – не очень в это верится, но проверить теперь нельзя из-за всех этих ублюдков безукладниковых и пр. Что делать – совершенно непонятно, ситуация безвыходная. Полная, тотальная блокада... И прямо до слез жалко этих непропущенных майсуряновских писем, – в них, очевидно, были фотки и описания той киевской акции по мне 24.8.15, на которой участники держали плакат «Смерть России!» , но непонятно, был ли хоть один плакат «Свободу Стомахину!». Я так хотел увидеть эти фотки, узнать породности (в частности, какие именно мои стихи там читали) – и вот, на тебе!.. Суки, мрази, недочеловеки, ублюдки ФСИН-овские, будьте вы прокляты!..

И ребята так и не едут, никаких вестей от них... :(((

19-10

А зуб, между тем, так и болит, регулярно, – вечером (вот сейчас) , утром, ночами, когда я просыпаюсь... Болит пока что не очень сильно, терпимо – я могу переносить эту боль, сознание она не затуманивает, – пока! Но что будет дальше, сколько это продлится и во что может вылиться – я по-прежнему боюсь даже думать.

Днем, слава богу, пока еще он не болит, – я читаю, жду шмона, размышляю о своей неудавшейся жизни, – всё это отвлекает меня от зубной

боли, она забывается и проходит. Сегодня, например, было два события, – во-первых, шмон, но опять легкий, ничего не забрали, в тумбочку, к счастью, даже не заглядывали. Потом, перед самым обедом, опять выдержала меня та же самая майорша-психолог, что 12-го приносила мне письма. На этот раз писем не было, но она меня о них расспросила, я ей высказал свое возмущение – и что не несут, и что часть писем не пропустили. Она что-то даже записала – пообещала, что в понедельник (сегодня суббота) зайдет в цензуру, возьмет письма и принесет мне. Нисколько не сомневаюсь, что это пустой треп и она ничего не принесет.

Говорили мы с ней в предбаннике ШИЗО-ПКТ-шной бани, где поставили для «мусоров» стол и стулья, пока в их «дежурке» напротив идет ремонт. Само по себе сидеть там и говорить с ней, в этом узком, тесном предбанничке, было довольно забавно. И – не зря сходил: случайно взглянул на часы, повешенные там, раньше висевшие в прежней «дежурке», а буквально через минуту-другую (говорили с майоршей мы в этот раз недолго) – вернувшись в камеру – на свои. Оказалось, мои таки отстали минут на 15-20, что я подозревал уже давно, с неделю где-то, но не хотел верить. Теперь убедился – и пришлось-таки поставить их на четверть часа вперед.

НОЯБРЬ 2015

1.11.15., 10-25

Только что опять был шмон (ну да, каждые субботу и воскресенье, что в ту неделю, что в эту). На сей раз эти недочеловеки в форме оказались бдительными, – перевернули буквально всё вверх дном, вывалили всё из всех пакетов, из тумбочки, сунули свой нос в каждую щель. Забрали, ублюдки, и лекарства (от головной боли и от ноги, – те, что еще в СУСе мне выдали, и привезенные Верой с Феликсом книги, и свитер, что привезла Света. Мрази, не могу даже описать, как я их ненавижу, с каким наслаждением я убивал бы их и собственноручно свеживал бы их вонючие туши!.. Залить пол в камере и в коридоре сантиметров на пять их кровью, – вот чего хочется больше всего...

Чудовищное, жгучее, непереносимое чувство унижения...

16-15

Воскресенье, но библиотекарь не пришел, газеты мне опять не принес. А м.б., и пришел, да ко мне его не пустили, – как же, у меня ведь ШИЗО, а в ШИЗО книги – низ-з-зя!.. Суки... Опять, значит, в следующий раз – шесть газет сразу, за две недели... если он их принесет хотя бы в следующий раз.

Вещи мои, отобранные при шмоне, так и валяются, видимо, в коридоре на ящике. «Мусор» из новой смены, мразь такая, в обед посмотрел их, сказал, что, мол, надо в каптерку, мне вернуть не соизволил; ну, а в каптерку – как всегда: «когда придет оперативник – тогда пойдем». А когда он придет – неизвестно, да и тогда, скорее всего, не поведут. Так и будет всё валяться в коридоре, пока не пропадет куда-нибудь без следа... Лекарства обещали отдать после того, как придет врач и, типа, подтвердит, что мне можно иметь эти лекарства (а когда он их дал и в карту записал – это как бы не считается, им еще раз надо проверить!..); но – сегодня воскресенье, какой врач?! С лекарствами тоже можно проститься навсегда...

Сижу, лежу на столе – и всё размышляю о своей нелепой жизни. Что мне в этой жизни осталось? Только одно такое вот говно, – четыре года еще в лагере, а потом и на воле не лучше, если я до воли доживу. Прошла жизнь, не вернуть, – и никаких результатов, и никого нет, даже близких, пустота, – и только вокруг, впереди и позади – одно сплошное говно... Будь она проклята, эта страна, сломавшая мою жизнь!..

17-58

Оперативник так и не пришел. :)) Вещи так и валяются. На ужине дежурящий сегодня недоносок в камуфляже сказал мне, что «доктор» («Менгеле нашего времени», как их называл Сахаров) таки приходил, мои

лекарства теперь у него, чтобы их получить назад – надо записываться завтра к нему на прием! Я так и знал, когда утром эти твари говорили: мол, «подтвердит назначение – отдадим». Записываться к нему я не буду даже пытаться, – себе дороже, я это знаю по опыту 2014 г. То говорят, что записали – и не вызывают, то еще что-нибудь, да и «доктора» здесь – быдло быдлом, очень далекие от гуманных идеалов своей профессии. Так что заболит теперь башка – у меня не будет вообще ничего, чтобы унять боль; да, собственно, и черт с ним!.. Мне уже наплевать, что со мной будет: снявши голову, по волосам не плачут. Чем скорее сдохну – тем лучше, м.б., избегну всего того, что ждет меня после срока... Про книги же – этот недоносек в форме свято уверен почему-то, что небиблиотечные книги здесь читать нельзя!.. :))) Жалует царь, да не жалует псарь, получается: начальник принял эти книги у Веры с Феликсом, замполит принес их мне и вручил под расписку, а вот это мелкое чмо, дежурящее по ШИЗО, – не разрешает... Когда я упомянул про замполита и расписку – оное чмо изъявило желание с ней ознакомиться. То бишь, никаких «правил» и «законов», на которые они все так любят ссылаться, на самом деле здесь нет: любая самая последняя и ничтожная мразь не только трактует их как захочет, но и легко устанавливает свои собственные. Врач или начальство выдали – а мелкое низовое чмо своей властью взяло – и отняло, и запретило, и ничегошеньки невозможно этому чму доказать, ничегошеньки нельзя тут от него добиться...

А зато на ужин – опять фирменное блюдо этой проклятой, блядской «десятки» – «УХА»!!! То бишь гнусное варево с перловкой – и мириадами рыбных костей в ней... Давно не было этой пакости, больше месяца, наверное, но вот – как раз с 1-го ноября – опять... Теперь, значит, даже недавний размолотый через мясорубку вареный рыбный фарш – тоже говно, конечно, но на фоне «ухи» просто сказочное лакомство – который давали вместе с кашей, но тут, в ШИЗО – в отдельную тарелку, благодаря чему его можно было оставлять на вечер, после отбоя, – тоже станет сказочным, недоступным воспоминанием...

Никого у меня не осталось. Жизнь прошла, будущего нет. Как смириться с этим – и как жить дальше?..

2.11.15., 6-50

Вчера этот дежурный ублюдок (о, какая мразь! Какая тощая, отвратная гнида!..) так и не вывел меня в каптерку. Обещал в отбой, что вот только отбой закончит – и через 15 минут выведет. Я ждал гораздо дольше, чем 15 минут, стучал в дверь много раз – никакого эффекта. В результате лег спать почти в десять вечера, решив, что с утра не отдам ему матрас, пока не

выведет, сука такая. А какие-то мрази, несмотря на то, что уже ночь, 11 часов почти – начали стучать вовсю: у них ремонт (в «дежурке») продолжается и ночью. Пришлось воткнуть беруши; ворочался полночи, думал – так и не засну уже. Проспал сколько-то, но очень мало, кое-как, еще четырех не было – уже не мог больше заснуть...

Эта дежурная гнида явилась сейчас – и говорит, что она, мол, забыла (!) вчера после отбоя меня вывести. Как можно «забыть», когда тебе стучат в дверь, я не могу понять... Выхожу из камеры – новый сюрприз: эти ублюдки, еще вчера, не только убрали мою палку в свой железный ящик (на котором мои вещи и валялись), но и ЗАПЕРЛИ его на замок! И это чмо говорит мне: мол, ключ – у помощника, а помощник сейчас делает подъем где-то там (в СУСе, наверху, видимо), – ну, до каптерки-то, мол, мы дойдем, да? Суки такие, ублюдки!.. Не то чтобы без палки я не дошел бы до каптерки, это правда, – но сам факт!.. Заперли, а ключ где-то там, у кого-то... и вроде как мне самому в каптерку надо, я заинтересован туда поскорее попасть – и обходись без палки; раз обошелся, другой, третий – а там они и вообще задевают ее куда-нибудь, и сиди еще четыре года без нее... Суки, мразь, ублюдки...

Прихожу в каптерку – там нет света, видимо, лампочку выкрутили куда-нибудь еще, их тут вечно не хватает. Ройся в темноте в своих баулах, как хочешь... Вещи-то я положил, а вот взять консервы эта мразь мне бдительно не дала, это она разглядела и в темноте, что я кладу банки в карманы. Нет, мол, низ-з-зя, у вас ШИЗО, и т.п. – в общем, обычная песня. А кончится ШИЗО – будут говорить просто, что низ-з-зя банки в камеру; кроме одной смены, по-моему, тут это низ-з-зя у всех остальных. По-прежнему ужинаю одним кислым хлебом – а консервов еще банок десять так и лежат, еще с 21 сентября... Всё в точности как я писал тогда Майсуряну, а он опубликовал у себя в ЖЖ: если даже есть у тебя еда и нужные вещи – их всё равно надо навсегда сдать в каптерку, и обратно из каптерки их взять уже нельзя, так что всё равно, что они есть, что нет – пользоваться ими ты всё равно не можешь...

Проклятые свиньи, мразь, ублюдки, тупое, скотское москальское (пермское в данном случае) быдло, – как же я вас всех, всех ненавижу!!! Мечтаю убивать вас всех своими руками!..

3.11.15., 5-45

Эта майорша-психологичка принесла-таки мне вчера утром письма, чего я никак не ожидал. Вот праздник-то у меня был!.. :) Сразу 11 штук! – шесть (!) от Землинского, два от Майсуряна (в том числе распечатка обещанной им повести Стругацких; №103 и №105 – отдали, а 102 и 104 – конфискованы

суками из оперчасти); от матери, от Феликса (пишет, что начал читать мой «Буреполомский дневник», но идет у него тяжело, слишком уж мрачное чтение), от Веры наконец-то – но опять в основном с новостями, устаревшими уже, – письмо еще 7 октября написано. Сидел до самого отбоя, писал ответы – Землинскому, Майсуряну, Феликсу, Вере; плюс – отправил вчера и письмо Исаеву, главе местной ОНК. Безнадёжно это совершенно – ему писать, просить помощи против лагерного начальства насчет писем и книг; но – хватаешься за любую соломинку в моем положении...

Пока писал – после обеда вдруг выдернули на прием к врачу. Причем сам я не записывался, – видимо, дежуривший вчера «мусор» после разговора в темной каптерке решил записать меня туда сам. :) Что ж, врач предсказуемо сообщил, что не может дать мне с собой лекарства, а может только выдавать мне таблетки по утрам на день – как для курсового приема; хотя в том-то и дело, что обезболивающие нужны, когда что-то болит, а в другое время – они не нужны. Нет, – ссылается на какие-то приказы начальства, советует записаться на прием к Иванову (нач. санчасти), к Губалю, – мол, если они разрешат, то он выдаст. Но они ни за что не разрешат, в том-то всё и дело. Уже с утра сегодня не сильно, но стучало в левой половине башки – а нуروفена-то теперь нет, что хочешь, то и делай... И зуб опять болел всё утро, пока лежал в постели, – но про кеторол для зуба не стал я вчера даже заикаться, всё и так ясно со здешней концлагерной «медициной»...

К отбою обнаружилось еще одно неприятное: часы опять отстали, причем на целый час! Я думал – начало девятого где-то, а оказалось – уже отбой! Почему – не могу понять; тряс я их, что ли, вчера мало, будучи весь день занят писанием писем. А радио нет, узнать время негде. Впрочем, в «надзорке» здешней уже заканчивают ремонт, всё покрасили, и вчера там таки включали ненадолго радио, тестировали, – т.е., его там все-таки восстановили. Даст бог, будет работать; я с изумлением подумал – неужели это из-за того, что в последнем письме матери я написал: мол, если уж так хочешь жаловаться в ГУФСИН – напиши жалобу на то, что тут нет радио, хотя должно быть в каждой камере?! :))

19-22

Зуб так и болит, – начал опять к вечеру, а когда ложусь (на стол), то болит еще сильнее. Беда с ним... Пока еще боль терпимая, но всё равно – сейчас болит уже явно сильнее, чем две недели назад, когда он только начал. Ко всем моим мучениям – еще и это, как будто специально, черт возьми! Судьба...

ШИЗО мое наконец-то сегодня кончилось. Пришли, официально проинформировали об этом, хотели, чтобы я подписал какую-то бумагу, – я

не стал. Я же – вечный отказник, неподписант, штрафник, как написала Вера в отчете на «Гранях» о сентябрьской поездке ко мне. :))

В баню опять так и не повели. Ну ладно, ШИЗО кончилось (сегодня как раз вторник, ШИЗО-шный банный день), – поведут ли в четверг, когда баня у ПКТ? Тоже что-то сомневаюсь. Остатки консервов в каптерке пока так и остаются для меня недоступными. Более-менее нормальная смена, которая, по крайней мере, никогда не пыталась отнимать у меня банки, потому что их якобы низ-з-зя держать в камере, заступает завтра, но – в каптерку просто так, без бани, не попасть, а в четверг их уже не будет. А завтра, в среду, вполне могут уже навесить на меня и новые 15 суток ШИЗО, благо «рапорт» лежит еще с 27-го октября...

4.11.15., 12-50

Итак, начал очередной марафон – добиться попадания в каптерку! За консервами!!! :))) Посмотрим, сколько он продолжится... Сейчас сделал первый шаг: собирали тарелки с обеда – спросил у «мусора», без всякой, впрочем, надежды. Косоглазая мразь ответила, как обычно: «Сейчас ответственный придет...» – мол, тогда. Какой уж «ответственный» – не знаю; м.б., начальник ее по смене, – они тут всегда дежурят по двое, из которых один – как бы начальник, а второй – подчиненный. Если так, то, придя, этот «ответственный», конечно, скажет: когда оперативник придет; без него, мол, нельзя. О-о, я знаю эту их канитель, все их ответы наперед знаю, не первый уж раз... И вот – бег наперегонки, да еще с препятствиями: кто раньше успеет, – я ли добраться до заветных консервов Лены Маглеванной, или же очередная «пятнашка» – сшибить меня с этой дистанции!.. :))) А возникнуть она, очередная, может и вот прямо сегодня, через час-другой, и завтра, и еще послезавтра, поскольку «рапорт» на меня написан 27-го и действителен до 6-го ноября (десять суток). Впрочем, не удивлюсь, если они посадят на 15 суток и после 6-го, – когда их «закон» работает в пользу з/к, он очень легко и непринужденно игнорируется. Новых «рапортов» пока нет, но – за ними не заржавеет...

С обедом сегодня эти мрази просто превзошли сами себя. В супе (макаронном) – тонна мелкого «вискаса»; я повыбирал картошку, остальное вылил. Во втором – капуста с водой и жалкими, исчезающе малыми следами тушенки – тоже «вискас», но, слава богу, поменьше, можно выкидывать его с ложки – и есть. Хлеб – серый (заметно серее, чем еще месяц назад), кислый, отвратный настолько, что даже корку от него (горбушка) я не стал есть, как обычно после обеда, – мякиш (кислятина!) оставил себе на ужин, а корку выбросил, – уж больно она неаппетитная. Т.е. – фактически я остался сегодня без обеда; черпачок капусты с водой – это не

обед... А на завтраки, вот уже второй день – опять любимая сечка, куда ж без нее!.. :) Больше месяца не было...

5.11.15., 5-40

Нет, вчера новой «пятнашки» еще не навесили, – но это, м.б., просто потому, что «крестин» вчера вообще не было. Всё ещё впереди... Про каптерку спрашивал в обед, ужин и отбой – и вот, уже после отбоя, меня таки повели в нее! :) Сел уже было ужинать – хлебом и оставшимся от казенного ужина «салатом» из резаных маринованных помидоров, – думал, что, как и недавно хмырь из другой смены, забудут и не поведут. Однако пришли, вывели, и я даже взял всё, что хотел, практически ничего не забыл, что для меня редкость. :) Косоглазый этот татаро-башкирский начальничек, правда, в отличие от прошлых разов, вдруг заявил, что, мол, все пустые банки – а я взял четыре штуки из оставшихся девяти – я должен ему отдать уже завтра (т.е. сегодня) утром. Совсем с ума спятил, кретин тупой, надел форму – так и упивается здесь своей властью, навязывает всякий бред! Ведь банки эти я брал на четыре дня, на ужины. Слава богу, другой косоглазый татаро-башкир, его помощничек, сейчас, открыв дверь на подъем, про банки мне ничего не сказал – и, надеюсь, в завтрак тоже не скажет.

По идее, сегодня должны вести в баню, ПКТ-шный день. А палка моя так и стоит запертая в их новом железном ящике, вчера мне ее так и не дали...

27 лет как умерла бабушка. Целая жизнь уже прошла с того памятного дня. Вот оно – будущее, которое тогда невозможно было даже представить...

6.11.15., 10-42

За вчера и сегодня – нашествие. :) Вчера – наконец-то ребята (Глеб и Рома). Сегодня, вот только что – прокурор из Кизеловской прокуратуры по надзору, по заявлению матери (проверку, он сказал, проводит краевая прокуратура). Взял с меня объяснения, но заранее ясно, что всё это – туфта, опять ответят, что всё законно.

А с ребятами вышло вчера всё хорошо, кроме одного: идя к ним, засветил-таки я свое главное сокровище – die Uhr. :) [Наручные часы. – прим. 2020 г.] Думал, что в баню поведут – и держал, дурак, в кармане, а этим мразям – Чертанову и дежурившему тут «мусору» – вздумалось проверить меня металлоискателем.

Поговорили с ребятами – в комнате работал некий аппарат, подключенный к компьютеру, Глеб сразу же сказал, что это прослушка (запись), так что местами – шепотом на ухо. Выводил уже другой опер – тот, что встречал меня с этапа. [Если не путаю, этого опера звали Руслан Пьянков. – прим. 2020 г.] Но сука Чертанов таки успел и ему сказать. Устроили тут

спектакль – мол, отдай. Хрен вам, суки! Притащили свои «ПВР» – мол, запрещено («кроме тюрем»). А т.к. здесь точно не тюрьма, а «колония», а «колонии» и «тюрьмы» в УИКе – это совершенно разные понятия и описаны в разных статьях, то и – идите на ...! В ответ этот опер и еще человека три-четыре устроили в камере шмон с металлоискателями, но ничего не нашли. :) Хотели отнять консервные банки, но этот опер велел их оставить. А вот от личного «досмотра» (прозвона) я отказался, и они – поразительно!! – не стали настаивать! Опер только спросил: объяснение писать будете? – я, как всегда, отказался. И они ушли, ушли ни с чем!!! – то, что хотели у меня отобрать, так и не отобрали, и с тех пор, уже больше половины суток – не делали пока никаких новых попыток!

Но – за отказ от «личного досмотра» – после обеда жду свеженькие 15 суток! :))) Могут, конечно, и на той неделе; в выходные-то уж вряд ли (сегодня пятница). Тот «рапорт», от 27-го, пока так и не прозвучал, сегодня – последний день его действия. Но вот уже готов свеженький... :))) Ничего особенно страшного нет в этих «пятнашках», тем более – если не переезжать в другую камеру; просто – опять сидеть на одной баланде и кислом хлебе (ведь даже остатки шоколадных конфет из передачи могут отобрать, суки!), опять всё запрещено, ничего нельзя, опять каждое утро шмон (вчера и сегодня не заходили, – в ПКТ они всё же шмонают реже, а ШИЗО – каждый день). Четыре года и 12 дней осталось, в сумме – 1473 дня, четыре года, выпавших из жизни... Какая тоска, боже, какая тоска!...

7.11.15., 10-39

Суббота. Опять был шмон, только что. Забрали эти суки... что бы вы думали?! :) Пакет с кофе, невскрытый даже, бесполезно так и стоявший у меня в тумбочке со дня заезда в ПКТ. Виденный до этого уже десятком шмонов, из которых ни один не счел нужным его забрать! Но – нашлись суки до того бдительные, ищейки с нюхом настолько обостренным, что и бедный пакет с кофе пришлось прямо сразу отнести в каптерку и положить в баул. Хорошо хоть, не бросили его валяться в коридоре на ящике, как свитер и книги в тот раз.

Странно, но вчера новую «пятнашку» мне не выписали. Скорее всего, выпишут в понедельник. Значит, предстоит шмон еще завтра утром, а в понедельник, очень надеюсь, могут не зайти («крестины» же только после обеда, а шмон – в девять утра). Попыток отобрать главное сокровище :) тоже пока никто не делал, и это удивляет больше всего.

1472 дня осталось. Ненавижу, ненавижу, ненавижу всей душой, самой лютой ненавистью, какая только бывает, ненавижу их всех – и эту мразь в погонах, чекистскую, ФСИН-овскую, и покорное им тупое быдло, вознесшее

плешивого хорька на вершину власти уже на 15 лет; и эту гнусную, омерзительную страну, где только таких и возносят, где живет быдло, фашисты (латентные и явные), гомофобская мразь, нечисть, слякоть!.. О, даст ли мне судьба когда-нибудь возможность сполна отплатить им всем, всей этой мразотной быдлостране, за все мои нынешние мучения и унижения?!!

9.11.15., 6-49

Вчера утром, на подъеме, «мусор», которого раньше я тут ни разу не видел, забыл :) запереть на день нары, когда я их поднял. Я бросил в коридор матрас, он запер дверь и ушел, – бывает же такая удача!.. :))) И шмон, вопреки моим опасениям, не заходил, – валяйся хоть целый день.

Но я полежал на этих нарах совсем немного, – сперва до шмона, потом, чуть больше полутора часов, после обеда. Потом принесли наконец-то «Новую газету» (было воскресенье) – и до отбоя, как обычно, читал ее.

В самом сведем номере, от 30 октября, как раз день политзаключенного, поразило и возмутило до глубины души, и сейчас, когда пишу, не могу еще успокоиться... Мне еще Сидоркина, когда приезжала, говорила, что младшего Навального – Олега – тоже, как и меня, 19-го октября отправили в ШИЗО на 15 суток. И вот – 30-го в «НоГе» уже письмо директору ФСИН и генпрокурору в его защиту! Боже, кого там только нет среди подписантов!.. Алексиевич (теперь Нобелевский лауреат), Войнович, Улицкая, Шендерович, Макаревич («Машина времени»), Буковский, Ахеджакова, Вероника Долина, Борис Акунин, Толоконникова, Алехина, Пархоменко, Шлосберг, Яшин, Светова, Мариэтта Чудакова... Куча знаменитостей, артистов, писателей, музыкантов, журналистов, что-то 74, что ли, подписи знаменитостей – и еще, по словам редакции, больше восьми тысяч подписей на сайте газеты...

Суки какие, а?! Прямо блевать охота!.. Мрази!.. Вот это оперативность! – 19-го закрыли в ШИЗО, 30-го уже письмо с подписями звезд и нобелевских лауреатов публикуется!.. И говорится в этом письме, что, мол, бедненького-несчастненького Навального-младшего просто жутко прессуют в его ИК-5 Орловской области: он не [пропуск строки] снято по «суду». А у меня ни одного не снято, и сроку у меня вдвое больше, чем у него, и сижу я уже не год с хвостиком, как Навальный, а три, а в совокупности – уже восемь лет, и не по уголовной статье («Мошенничество»), а по политическим, за слова, – и из всех этих знаменитых подписантов меня за эти восемь лет защищали только Буковский и Яков Кротов, да Светова заходила один раз в тюрьму!.. Ему, видите ли, навесили ШИЗО с переводом в СУС – и тем самым сорвали длительную свиданку с женой и детьми, – а у меня не только СУС уже год, с

1.11.14, но и ПКТ уже второй раз, и никаких длительных свиданок мне в нем не положено, да и в СУСе – только одна длительная в год, а не две, как у Навального на общем режиме... – и однако же все эти шендеровичи и макаревичи, ахеджаковы и чудаковы, рыжовы и кашины за меня подписываться и моим положением в лагере возмущаться не спешат (а Яшин еще в 2006 г. сказал, что вместо пяти лет посадил бы меня на 15)!.. И еще в письме говорится, что родня Навального-младшего уверена: в ШИЗО его закрыли за то, что 19-го же октября в «The New Times» вышла его статья, согласно заключенному с редакцией официальному авторскому договору. Вот как!.. В «The New Times», где не то что меня печатать, а где самое имя мое – табу, печатаются статьи младшего Навального, о котором, по-моему, никто не слышал, что он публицист или журналист – в отличие от меня!.. Да и жены и детей, которые могли бы приезжать на длительные свиданки, у меня нет, а престарелая мать не в состоянии ездить физически... Но моя судьба всю эту свору знаменитостей абсолютно не волнует, большинство их обо мне и не слышало; а вот Навальный, хотя бы даже младший брат ТОГО, – о-о, это фигура, за него сразу, буквально за какую-то неделю, куча подписей, в том числе и звезд экрана и литературы; его и в журналисты тотчас же производят, он статьи печатает; а свистни только – и за него, как за его братца, один день (!) всего проведенного в тюрьме, выйдет тотчас несанкционированная толпа на Манежную и на площади других городов, несмотря ни на какие запреты ментов, ОМОН и пр.!.. С такой поддержкой, да еще с таким сроком, когда осталось всего два с чем-то года, – чего бы, в самом деле, не сидеть!.. Особенно когда считаешься «политическим» только за саму фамилию, за брата, так сказать, а не за какие-то собственные политические действия...

В общем-то, меня не удивляет уже всё это, не впервой, – просто противно... Кто наибольший мерзавец из них из всех, – братец ли его, или редакция «Новой газеты», или кто уж там собирал эти подписи, – не знаю. Знаю только, что редакция ни одной строчки не посвятила ни одному из моих процессов, – ни в 2006, ни в 2014, ни в 2015... Подонки и лицемеры, защищающие только тех, кого защищать и выгодно, и безопасно, и плюющие на того, кто жизнь свою отдал борьбе за вашу же, в том числе, свободу, – будьте вы прокляты!..

12-05

Вместо супа – мутная, с неприятным запахом вода, в которой плавают две-три разваренных макаронины, три-четыре кусочка картошки – и целая тонна мелко крошеного «вискаса». На второе – немного тушеной капусты с водой и вроде как курицей – из которой 90 %, как обычно, – это

шкура и мелко раздробленные кости. Уже несколько недель, как была картошка на обеды и ужины сменилась капустой. Интересно, что жрут сейчас блатные в СУСе, что готовит им на ужины их шнырь, – неужели греет на огромной сковороде эту вот капусту с обеда? !. :) Да, а вместо хлеба – опять кислая черняга, вот уже третий день... Да еще и плохо пропеченная, сырая внутри.

Таким образом, немного капусты и совсем капля курятины – вот и весь мой обед. На завтрак была перловка, я ее выбросил, конечно. Ужин, предвижу, будет не лучше. Банки, что взял в последний раз из каптерки, доел вчера; там лежат еще пять штук, но попасть туда пока что нереально. То бишь, сегодня на ужин после отбоя у меня нет совсем ничего, кроме кислой черняги, которую я, конечно же, не буду есть, – выкину и лягу спать голодный. Всё равно ведь, – ну, доем те последние пять банок, а что потом? Всё равно тот же голод, та же черняга... Завхоз в пятницу так и не подошел, хотя я просил позвать его ко мне, – то бишь, о магазине тут говорить просто не с кем, даже если считать, что магазин не пустой. Передача еще не скоро. ФЕОР-овцы тоже не торопятся ничего слать, даже мацу... Так что – придется буквально голодать, чего я и боялся так сильно еще в 2013, в «Медведкове», но не потому, что все меня забыли, а – потому что СУС и ПКТ, на что я тогда не рассчитывал и чего не предвидел. Если сегодня не повесят 15 суток за 5-е, за тот шмон в камере, – в ужин и в отбой попробую спросить о каптерке, но – смена очень мерзкая, надежды мало. А если 15 суток – то я на такой кормежке весьма заметно отощаю уже к их концу. Забавно, но даже приносы чая и каких-никаких конфет от блатных из 15-й камеры закончились; и к Новому году тоже ничего ниоткуда не предвидится, даже попы РПЦ здесь не ходят и ничего не раздают, как в Москве; и начальство зоны тоже, видимо, ничего не добавляет к обычной баланде ради «праздничка», как бывало в Буреполоме. В общем, четыре года сплошной голодухи еще предстоит, так что – неизвестно, буду ли я к концу 2019 г. в силах вообще таскать ноги...

18-45

Я всё угадал точно :)) – в начале четвертого дня мрази выдернули меня все-таки на свою «дисциплинарную комиссию», ублюдок Губаль прочел бумажонку про «пятого ноября» - о том самом моем отказе от личного шмона – и, ни о чем даже не спрашивая, дал очередные 15 суток. :)

Слава богу, мразь Безукладников уже не пытался даже переселять меня в другую камеру, – сразу велел своему подручному оставить здесь. Выносить из камеры они тоже ничего не стали, поверив мне на слово, что я ничего и не заносил с прошлого ШИЗО. Да и в самом ведь деле, кроме пачки чистой

бумаги, чистых конвертов и бутылки «Fairgy» – ничего. Консервы уже съел вчера. Осталось немного конфет, начатая пачка сэндвичного хлеба (давно просроченного), бульонные кубики (давно и непоправимо отсыревшие) да немного бульонного порошка в пачке, привезенного еще из Москвы. Правда, теперь каждый день тут будут шмоны – и даже эти скромные остатки пищи могут забрать, увы. :(Но на сегодня и [пропуск строки] было о ней [«ухе»] полушутя подумал незадолго до ужина, – и пожалуйста, вот она! Я выловил из этих помоев немного рыбы (жаль, что так мало, а ведь иной раз этой рыбы бывала полная тарелка!..), выбрал кости – и придется жрать эту дрянь на ужин, да еще попробовать макать мякиш кислой черняги в бульонный порошок, – м.б., хоть так она станет чуть менее кислой?..

Вот такие вот дела. Тоска сегодня почти весь день, еще задолго до «крестин». Самое обидное – что жизнь прошла, что всё вот так вот глупо получилось. Прошла жизнь, и нет никаких результатов, никаких надежд; ни впереди, ни позади – ничего... Вот оно, то будущее, которое так манило, такой романтической дымкой было овеяно в мои школьные годы, – увы, вот оно, наступило, сбылось!.. Восемь лет уже отсидено, и еще четыре предстоит, а что потом – вообще лучше не думать. Одиночество, бесприютность, голод, нищета... Надо выбираться из этой проклятой страны, а как?.. А пока что – четыре года унижений, голода и мук предстоят.

А между тем, с этой новой «пятнашкой» срок окончания моего нынешнего ПКТ отодвинулся уже на целый месяц – с 9 апреля как раз до «праздничка» 9 мая. Конечно, спешить мне некуда, впереди еще четыре года, но всё же... В том году хоть не было во время ПКТ еще и ШИЗО, как не было и суки Губалья; а теперь, похоже, я не буду и впрямь вылезать из «вечных штрафников», – и ни передач, ни магазина, ни библиотеки...

А наволочка – казенная – на казенной же подушке, выдаваемой мне на ночь, между прочим, не стирана еще ни разу за весь этот месяц, что я здесь, в камере. Она похожа уже черт знает на что. Похоже, что ШИЗО-шникам они вообще не стирают постельное белье, ну, а в ПКТ я долго не удерживаюсь – и потому на момент сдачи тряпья в стирку никак не попадаю... :)))

21-06

А в отбой эти ублюдки всё-таки явились со шмоном!.. :))) Падлы, мразь... Хотели сперва унести тумбочку, но – она привинчена к полу, облом!.. :) Ублюдок в погонах полез в нее, заставил унести в каптерку чай в пакетиках, мне давно не нужный (сперва кофе, а теперь и чай... :)))) и Fairgy, которая, по его мнению мне абсолютно не нужна. А главное – конфеты тоже отшмонал, ублюдок! Я положил их в банный пакет и очень надеюсь завтра (баня у ШИЗО) вернуть. Но, увы, сегодня мне даже нечем будет заесть эту

отвратительную чернягу и рыбу... :((Мрази, ублюдки, проклятое свинское государство!.. Как же я вас всех, всех ненавижу!!! Когда же наконец я смогу убивать вас, недочеловеков, своими руками?!

11.11.15., 5-42

Вчера был удачный день. :) Шмона утром, похоже, не было вообще. Верхний свет в камере весь день не включали. После того времени, когда обычно бывает шмон, вдруг открывается моя дверь, – оказалось, это мразь Безукладников принес мне письма!!! Сработало, видимо, то, что в недавнем «внеочередном» письме к Землинскому я написал, что рассказал об их диких задержках с письмами приезжавшему прокурору. :))) Сразу притащил, сука!..

Письма были от Санниковой, от Ткалича, который уже в конце приписал, что у него погиб сын; три – от Землинского, самое важное – от Григорьянца, уже второе, т.к. первое не дошло, а он, как оказалось, пишет их от руки, а не на компе. Но, увы, ничего особо важного в этом письме не было. А еще один письмо – от Мкртчяна – этот ублюдок мне не отдал: Мкртчян, в своем репертуаре, прислал распечатку большого какого-то диалога Навального с Кашиным, кажется, нашумевшего, как я слышал, на воле еще летом, – так этот мразоид Безукладников не решился мне эту распечатку просто отдать, забрал ее себе для изучения. :))) Трусливая мразь... Пообещал вроде бы отдать сегодня, но – я уже знаю, как верить их словам...

На два письма я как раз успел ответить между обедом и баней, еще на два – уже после бани. В баню ходил тоже удачно, – конфеты разделил на две части, распихал по брючным карманам; хотя карманы и оттопыривались, но проверять их, к счастью, никто не полез. :) Но зато – в бане этой (опять пустили в ход ту, что рядом, а свои столы и стулья из нее убрали, ибо «надзорка» или «дежурка», как ее там, уже отремонтирована) не оказалось ни одного тазика для стирки; а в той, другой бане, в последний раз, когда я там был, их было целых три штуки. То бишь, отсюда один, что всегда стоял здесь, тоже уволок туда. Стучал, просил, чтобы принесли тазик, – хрен там!.. Отвечают, суки: у вас, мол, ШИЗО, не положено, ШИЗО стирается без тазиков!.. Ах вы ублюдки!!! Нововведение очередное, – еще до недавних пор тазик всегда стоял в этой бане, будь ты хоть в ШИЗО, хоть в ПКТ... А теперь, похоже, они ШИЗО водят в эту баню, а ПКТ – в ту, потому там и тазики: одного хмыря, сидящего здесь уже с тех пор, что и я заехал (месяц), повели прямо передо мной; когда я брал палку из ящика – его палки там не было; т.е. – он был в той, другой бане. Суки, что творят...

Пришлось стирать без тазика, еле-еле, кое-как, преодолевая сразу же возникшую боль в спине. Побрился, – баллон с пеной для бритья на этот раз

работал почти нормально, пена не вылезала откуда не надо, как в тот раз; но – при нажатии всё равно чувствовалось, что баллон разгерметизирован, что оттуда еще может опять хлынуть пена. Как это он смог разгерметизироваться, я до сих пор не могу понять...

15-35

Мразь Безукладников приходил вот только что, – не зря я ждал с утра. :) Но – увы, как я и думал, письмо Мкртчяна с распечатками (диалог Кашина с Навальным) он мне не принес, – сказал, что оно у мрази Чертанова. Взятая, сука, не за свое дело (носить мне заказные письма, т.к. обычно их носят опера) – и то не смог довести до конца.

Зато он велел мне взять всю «литературу», что есть в камере, с ней повел в свою свежеремонтированную «дежурку» (или «надзорку») – и стал все эти библиотечные книги переписывать на листок, а дежурного «мусора» послал порыться у меня в тумбочке – нет ли чего еще. Тот приволок газеты, письма и папку с бумагами, из которой я достал УИК, – его он тоже записал. На мой вопрос – зачем это понадобилось – сказал, что это он переписывает у всех, не только у меня; это, мол, воспитательное мероприятие – проверить, что эски читают и чем вообще занимаются, – мол, требует управление. Не верю ни единому его слову. Просто уже не знают, суки, чем бы еще ущемить, уесть, притеснить... Слава богу, этот долговязый скот ничего не забрал у меня, но в папку с бумагами сунул свой нос, порылся в ней. Теперь можно ждать, что и папку они вскоре попытаются отобрать...

На обед продолжают давать всё ту же омерзительную кислую чернягу, уже несколько дней, вместо того хотя бы серого хлеба, что был раньше. Я ем ее на ужин [пропуск строки] еще из Москвы. Приправы пока еще довольно много – но что будет, когда и она кончится? Есть будет нечего совсем, ложиться спать придется голодным. Куриный порошок хоть как-то заглушает гнусный кислый вкус черняги, а в натуральном виде ее есть – нет уж, я не смогу, даже не буду себя заставлять, настолько это унижительно. В каптерке лежат последние пять консервных банок, а больше – нет ничего, никаких ресурсов... ФЕОР-овцы тоже ничего что-то не шлют, хотя с получения письма Йонатана завтра как раз исполняется месяц, – и я с грустью думаю, что, очевидно, под предлогом ШИЗО мне не отдадут и их посылку, даже если они и пришлют что-то...

12.11.15., 18-53

Опять был утром шмон, но ничего не взяли. Пакет на батарее весь перерыли, а в тумбочку, по-моему, даже не заглядывали. Незадолго до этого шмона дежурный «мусор» принес письмо Мкртчяна, переданное мразью Безукладниковым. Решили-таки, суки, отдать, не мурожить, – ну что ж, и

на том спасибо...

Тот же «мусор» утром, в подъем, опять забыл пристегнуть к стене нары, уже было хотел запереть дверь – но я, дурак, стал их поднимать, он заметил – и пристегнул. Впрочем, зашедший шмон всё равно бы их так не оставил, жалеть не о чем.

Кроме завтрака (перловка), жратва была сегодня более-менее, но на ужин опять ничего нет, кроме кислой черняги с приправой. :(((Тоска ужасная, на душе тошно, непереносимо, – и от такого питания, и от предстоящих четырех лет, и от отсутствия всяческих перспектив в жизни. Что ни говори, а жизнь-то прошла, это факт!.. :(((Кончено всё, нет ничего впереди, никаких надежд... Переживаю, как там мать, – от всех были письма, а от нее со 2-го октября – ничего, хотя на мое письмо ей от 18.10.15 уже мог бы успеть прийти сюда ответ... И от Акименкова ничего нет, – значит, обманула меня Света, что он мне написал... :(((

14.11.15., 12-48

Грандиозное событие в моей убогой, мелкой, серой, ничтожной здесь «жизни»: сейчас на обед опять дали серый хлеб вместо мерзкой кислой черняги! Ур-р-ра!!! :))) Ужин мне, значит, обеспечен даже без приправы, хотя этот серый хлеб тоже заметно кисловат, когда его разжуешь. Но теперь уже я уверен, что серый – ненадолго, в виде исключения, а постоянным «блюдом» к обеду теперь будет черняга.

Суббота. Шмон, к счастью, не зашел ко мне, впервые за три или четыре последних субботы. С окна страшно дует, – на улице, видимо, ветер и мороз. Верхний свет утром позабыли включить, – так гораздо уютнее. Сажу, читаю, размышляю, иногда хожу туда-сюда по камере – и тоже размышляю. Жизнь кончена, да, но тело-то еще живо, увы, – проклятое брэнное тело, и избавиться от него никак не удастся и всё время у него какие-то потребности, то жрать, то спать... Жизни нет – но всё равно надо думать, как жить дальше, если я дотяну до ноября 19-го, куда деваться, как не попасть им в лапы снова (и уже не то что за тексты, а гораздо проще: за несоблюдение их же «надзора», соблюдать который я, конечно же, и не подумую). Надо какое-то жильё в Москве на первое время после возвращения – и какую-то возможность выезда из страны, а ни того, ни другого нет. И с выездом вопрос куда труднее, чем с жильем. Ну, можно, конечно, уйти по шпалам в Украину, если только дорога теперь не перекрыта, – и, видимо, так и придется сделать, – но что я буду делать в Украине? Жить у Мани? :) Нет, это не вариант; а более цивилизованных вариантов выезда – нет совсем. И – хотя времени еще достаточно, искать бы их да искать, рыть носом землю, – но через местную цензуру и оперчасть

слать письма глупо, они не только читают сами, но и, скорее всего, отсылают прямиком в ФСБ – и при этом не факт, что отправляют мои письма адресатам. Последние мысли на эту тему – попробовать задействовать для этого какие-то еврейские каналы, м.б., написать Пупко – но нет даже ее адреса. Ни Ривкин, ни этот Йонатан из ФЕОРа – не пишут, молчат... Дело – швах, выбраться из этой проклятой страны даже после срока, несмотря на все лихорадочно перебираемые в голове варианты, представляется мне пока что делом невозможным...

15.11.15., 5-45

Адски болел зуб, из-за этого не спал почти всю ночь. Начал болеть еще с вечера, но не так чтобы прямо смертельно. Когда я ел после отбоя хлеб – от этого он вроде как прошел вообще. Но стоило лечь – начал снова... И раньше у меня обычно бывало именно так: лежишь – сильнее болит, встаешь – меньше. Промаялся где-то до 11-ти, потом вроде заснул – до часу ночи. И после этого – всё, тотальная зубная боль!.. Хотя, м.б., на некоторое время еще и задрёмывал, не мог точно определить, но всё же – вряд ли. Проворочался без сна до самого подъема. И сейчас болит, причем довольно сильно; но за день-то, я надеюсь, всё же утихнет. Вопрос – что делать, если и следующую ночь будет то же самое. Днем тут не поспишь на столе (да даже и на нарах без матраса, – сейчас вот «мусор» опять забыл их пристегнуть), а ночью – боль... И лекарства недоступны...

Словом – вот оно, то страдание, тот ад, которого я больше всего боялся. Вот что значит – страдать... Маяться в тюрьме бессонницей от зубной боли, без всякой «медпомощи» – и без всякой надежды, что пройдет само, как тогда – в 2007-м, в 2009-м, в 2013-м... Что делать – просто не знаю. Единственный вариант – если следующую ночь будет так же болеть – попробовать в понедельник все же записаться к врачу, взять у него кеторол. Но – едва ли это получится: не запишут! Или ШИЗО-шникам врач не положен, или же баландер забудет записать. Да если и не забудет: ну возьму я пару таблеток, приму их, ночь просплю, а на следующую – опять? И что тогда делать?..

18-00

Зуб ныл еще довольно сильно до самого обеда, сразу же после которого совсем прошел (прошел именно от того, что я стал есть, в том числе и на ту сторону; но – выиграл, конечно, напоследок адской болью от горячего супа). О, какое это было блаженство!! – пять часов он не болел вообще и можно было ДУМАТЬ; ко мне вернулась ясность мысли. Как же было хорошо эти пять часов!.. – и вот сейчас, как раз точно с ужина, активно разбалливается опять. Снова мне предстоит бессонная ночь, я с ужасом думаю об этом...

Если обед был хорош (относительно, конечно), весь съедобен и без «вискаса», то на ужин – сечка, увы; пришлось ее выбросить. Воскресенье, но ни газет, ни кн

Как раз как начал писать, что ни газет, ни книг, не принесли – тотчас же открылась «кормушка» и библиотекарь именно их и принес. :)))

17.11.15., 5-40

Опять болел полночи зуб, и в прошлую ночь, сука, тоже. Он теперь не болит с вечера, когда я ужинаю и ложусь, – он, сука, начинает болеть где-то часа в три, после того, как я уже второй раз проснусь и встану. Хоть до этого я, к счастью, успеваю поспать, но – раньше я традиционно не спал последний час перед подъемом, с четырех, а теперь – уже два часа, с трех. :(Боль была не такой адской, как в ту, позапрошлую ночь, но всё же довольно чувствительной. Встал сейчас – вроде болеть сразу стало меньше, можно уже что-то делать и не обращать на боль внимания.

Вчера перед обедом опять принесли мне письма, – видимо, подействовало обращение к прокурору, стали раз в неделю носить. :)) Всего четыре письма: два от Землинского, от матери и от Майсуряна – №107, а где же №106 – абсолютно неизвестно, никаких объяснений: то ли опять не пропустили, то ли не дошло еще, как тогда, в Москве, №99. Пишет Майсурян – на мой еще сентябрьский вопрос – о том, как после убийства Немцова в феврале разругались Деревянкин и Люзаков: первый написал на смерть Немцова заметку, где не о политике писал, а называл его «боровом», «жеребцом», говорил, что завалили его, мол, перед очередной случкой с элитной проституткой, и т.п. Люзаков эту заметку тотчас снял из ЖЖ-сообщества ДС и забанил Деревянкина – а тот в ответ моментально расплевался и хлопнул дверью, так что, похоже, как пишет Люзаков, заметка о Немцове была просто предлогом для давно задуманного разрыва. Мать же – написала мне 26 октября письмо сама, так и не получив еще мое, от 18.10; написала вскоре после визита Светы ко мне (22-го) – и, конечно же, со слов Светы, пишет там в истерическом тоне всякий бред: типа, ты должен обязательно лечь в больницу и получить инвалидность. Ага, щас, размечталась!.. Дадут мне тут инвалидность, как же, держи карман шире! Да даже если бы и дали – максимум третью группу, а на что она мне? В ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ запрещено сажать только с первой группой, согласно их УИКу, и на хозработы гонять – тоже.

И вот на этот бред ей отвечал, да и вообще письма писал вчера полдня, да еще написал через Майсуряна письмецо Лене Маглеванной. Зуб не болел совсем, и я блаженствовал. :) Зато другая беда. Уже несколько дней в камере страшный холод, просто кошмар какой-то – с окна дует ледяной ветер.

Конечно, окошко ведь в одно стекло, и то треснутое, да и рама к стенам примыкает неплотно, щели невооруженным глазом видно. Замерзаю тут страшно. Видимо, как ветер на улице подымается – так и в камере этой начинается мороз. В «тепляке» от белья, в казенном «свитере» (30% шерсти всего), в шерстяных носках лежу с головой под одеялом – и мне вовсе не жарко, нормально, хотя раньше, до этого ветра с окна, я там в двух одежках упаривался и задыхался, снимал свитер на ночь. Даже ноги в теплых кальсонах стали вчера мерзнуть – это уже всё, финиш, дальше ехать некуда!.. Вот когда пригодился бы тот свитер от Горильской, что привезла Света, – но, увы, он же еще 1-го ноября был отшмонан у меня из камеры и лежит с тех пор в бауле, в каптерке. Что ж, сегодня как раз баня, так что если они, эти мрази, опять не забудут меня повести – постараюсь его забрать оттуда в баню, а там уж надену на себя. Т.к. он длинный, куда длиннее «тепняка» и казенного «свитера» – придется его носить под ними, заправленным в брюки...

7-05

А зуб всё продолжает болеть, ныть довольно ощутимо, даже после завтрака. Жидкую сечку я вылил – и доедал вчерашний «салат» из зеленых маринованных помидоров с кислой чернягой, – помидоры отлично заглушают ее мерзкий вкус.

Я продолжаю, продолжаю здесь мучиться зазря, – с зубом, со сроком, с бессмыслицей всего, что со мной происходит все эти годы. Мучиться зазря... Как ни странно, осознание этого дает мне даже какое-то парадоксальное облегчение, – видимо, в том смысле, что всё, дно достигнуто, дальше падать уже некуда. Всё самое худшее, что могло со мной случиться, – случилось. (Еще более глубокое дно – это психушка вместо лагеря, но хоть этой судьбы, слава богу, я избежал...). Всплытия, правда, не предвидится, но – дно достигнуто... Если только в тюрьму крытую еще отсюда отправят, но – не факт...

Сегодня день рождения у Мани. Что ж, поздравляю тебя, кошка моя дорогая, раз ты меня всё еще любишь! И прости, что я в этом усомнился...

17-27

Зуб болел, тише или сильнее, весь день. Сейчас, после горячего ужина, совсем прошел, – о, какое блаженство! Но – предстоит еще ночь...

В баню повели, вопреки моим ожиданиям, не перед ужином, а перед обедом. А к вечеру, часам к четверем, началось нашествие. Сперва – опер из ГУФСИНа, по фамилии Дулов, и с ним еще какой-то мрачный хмырь. Дулов этот сказал, что мы с ним уже не раз виделись, но я-то эти хари не запоминаю. Показал мне жалобу матери в ГУФСИН – это, видимо, был как

бы формальный повод для вызова. Спросил, хочу [пропуск строки] меня засовывали в СУС, про провокации тамошнего завхоза; и т.п. По ходу этой беседы я вроде вспомнил этого Дулова лучше; да-да, именно он еще в том году, на 29-й, всё говорил, что, мол, меня надо будет в лагере защищать от уголовников(я так сразу и понял, что сами сперва их натравят – а потом будут «защищать»). Сказал, что два изъятых цензурой письма ко мне – от Гедроица и Маглеванной – они отправили в ФСБ с вопросом, можно ли передать их мне. :))) Очень интересовался, почему у меня и у чеченца, сидящего здесь же по 205-й, один адвокат (да, Рома в последний приезд остался после меня говорить еще и с этим чеченцем; мне же, к моему изумлению, сказал, что чеченца этого ему поручила... Пупко!..). И – пытался опять закидывать удочку, почему, мол, мой адвокат и все мои друзья, кто меня поддерживает, не напишут в ГУФСИН коллективное письмо о том, чтобы меня перевели поближе к дому, в другую область. :))) Т.е., я так понял, что им очень хочется выпихнуть меня со своей территории и избавиться от головной боли – но по своей инициативе они этого сделать не могут. Дай бог, чтобы и в самом деле не могли – и не пришлось бы мне больше, до самого конца срока, опять ездить этапами...

Выводил меня к этим операм Баяндин, квадратная харя, – и опять сегодня та же смена, что была 5-го, в день приезда Глеба и Ромы. Опять этот мразотный белобрысый маленький «мусор» тщательно прозвонил меня со всех сторон, даже со спины, металлоискателем. А на утренних ежедневных шмонах его не бывает, – похоже, опера носят его с собой, так, что ли?.. Слава богу, на сей раз ничего ценного у меня при себе не было. :)))

После этого разговора, вопреки всему моему жизненному опыту, зуб у меня как раз и разболелся сильнее всего, хотя, вернувшись, я был этим разговором еще весь поглощен и некоторое время ходил туда-сюда по камере. В таких случаях о зубе обычно забываешь – и он проходит, а тут всё наоборот.

Прошло, м.б., полчаса, не больше, – опять открывается дверь, опять тот же белобрысый – и начальственная харя уже другая, не Баяндин. Опять, говорят, с вами хотят поговорить!.. Иду в полном недоумении. Кабинет, оказывается, всё ещё занят, – ведут в ШИЗО-шную каптерку. Я уже, в общем-то, догадался. Сидит хмырь в штатском. Спрашиваю – ну точно, ФСБ!.. :))) Но не тот, что был в том году, и – один, а те всегда были вдвоем. Говорит, мол, хочет со мной просто побеседовать, на личные темы. :) Я отказался, разумеется, наотрез.

Забыл сказать, что из бани я притащил сегодня свитер и две банки – предположительно кальмаров. Кто бы мог на воле подумать, какие вещи

можно в зоне притаскивать из бани!.. :)) Самое смешное – принес свитер, надел, – а холод, тот жуткий ветер с окна, который был несколько дней и даже еще сегодня утром, пропал! :))) Не то чтобы жарко стало, но всё же потеплее, слава богу. Но свитер я, конечно, оставляю.

Пока писал это всё – новое дело: приходит другой дежурный «мусор» – и спрашивает, буду ли я под протокол (!) разговаривать с тем, кто ко мне сегодня приезжал! :) Из расспросов я с трудом понял, что это интересуется ФСБ-шник. С ума сойти, какая настойчивость!.. :)))

Так вот, когда меня от этого ФСБ-шника вели назад, я спросил начальничка, можно ли вызвать врача, чтобы дал мне таблетку (кеторол). Он вроде пообещал. Сейчас вот этот, мерзкий хмырь, что заглядывал насчет протокола, – спросил я и его; он говорит, что никто врачу, конечно, не звонил. Я с этой же просьбой обратился и к нему, – тоже обещал. Ждем-с... :) Ясно, что ничего не будет, никакого врача. А между тем, пока пишу, воздействие горячего ужина прошло – и зуб опять начинает ныть. Еще одна бессонная ночь впереди...

18.11.15., 7-06

Короче, вчера в отбой дежурный мерзкий «мусор» вручил мне таблетки, завернутые в бумажку, как здесь обычно дают. Т.е., этот их «врач» (фельдшер) приходил, но не удостоил даже меня личной встречей, а вместо моих лекарств дал мне что-то свое. Что же? Разворачиваю бумажку – там внутри написано: «Стомахину от зуба». Ага, значит, тот, первый начальничек, что водил меня к ФСБ-шнику, всё-таки озаботился, сообщил врачу, – потому что про зуб я говорил только ему. А лежат в бумажке... две таблетки анальгина!! О, суки!..

Между тем, зуб у меня к отбою полностью прошел, пока я ужинал и ложился спать, он совсем не болел, к моему восторгу. Заснул я быстро. Проснулся – было начало второго, минут пять или десять. Зуб в это время еще не болел; но – так быстро я заснуть уже не мог, и где-то к полвторого он уже начал болеть! Сперва не сильно, потихоньку, – но я, наученный горьким опытом, тут же встал и принял эти две таблетки анальгина, единственную свою надежду.

И что же? Они вообще не подействовали!!! Еще минут через 15-20 начался уже кошмар, – настоящая, сильная боль, как и в прошлую ночь. Я встал и начал ходить по камере туда-сюда, но и это не помогало. Вставал и ложился несколько раз. Подумать только, те несчастные восемь часов, на которые только и дают здесь матрас и опускают нары, – я вынужден тратить на то же хождение по камере, что и днем, ибо от боли не могу заснуть! Вот они – настоящие-то мучения зазря, вот оно – дно, глубже которого опускаться уже

некуда, ситуация, хуже которой просто не может быть: впереди четыре года сидения в камере – и ты не можешь спать от зубной боли, которая длится уже месяц – и неизвестно, когда закончится...

[Пропуск строки со временем]

начинается у меня от зуба острое колотье в подбородок (тоже весьма болезненное) – признак того, что боль проходит; вечером, к отбою, она проходила именно так. Я обрадовался, конечно, но... Раз десять, не меньше, вроде бы проходило на одну-две минуты – и снова начинало адски болеть. Я ходил туда-сюда, лежать с такой болью было просто невыносимо. Наконец, почувствовав, что вроде бы прошло основательно, лег. Больше и впрямь не болело, колотье тоже вскоре перестало. Но на часах было уже полчетвертого. Мучения мои длились два часа; а время тут по ночам летит очень быстро – и я знал, что до пяти, до подъема, уже не засну. Повалялся, действительно, в блаженном состоянии (не болит!!!), но не спал. После подъема лег на столе – и действительно заснул, что бывает со мной крайне редко, т.к. спать там очень неудобно, голове жестко на книгах, и т.д. Сужу по тому, что видел много всякой диковинной ерунды во сне, – значит, спал. Завтрак (перловку и яйцо) привезли только около семи утра. А я хоть немножко наверстал потерянное, ибо с этими ночными концертами выходило у меня, что вот уже второй день я сплю всего лишь по три часа в сутки... :(((

Остался мне, между тем, 1461 день. Сейчас зуб тоже не болит, но какие-то самые отдаленные признаки нового обострения уже проскальзывают. К врачу за кеторолом я так и не записался опять, – надо будет завтра с утра, если ночь опять будет такая же.

Между прочим, этот вчерашний опер, Дулов, когда я предложил ему, чтобы меня просто выпустили в лагерь, на 7-й барак, где я был вначале, сказал нечто вроде (дословно, увы, я не помню): вы думаете, это наша инициатива – держать вас в ПКТ? На что я ему откровенно ответил: я думаю, что это инициатива ФСБ. На что он мне (тоже не дословно, но по смыслу) вполне удовлетворенно (моей догадливостью) сказал: ну вот, а что ж вы на нас-то жалуетесь? Вы на них и жалуйтесь. Хотя это очевидная глупость и отмазка, – на их телефонные звонки лагерному и ФСИНовскому начальству куда жаловаться и как? А письменных приказов держать меня в камере ФСБ же не дает и не может давать! – но, тем не менее, вполне ясно и недвусмысленно признал роль ФСБ в моем здесь пребывании и мучениях. Не только лагерь, но и оперотдел ФСИН в Перми контактируют с местной ФСБ, да и письма мои, Дулов сам сказал, они послали туда же; проще говоря, оперотдел ГУФСИН – просто «шестерки» местной ФСБ и работают у нее на подхвате.

19.11.15., 17-40

Приходил не так давно, перед ужином, опять ублюдок Чертанов. Повод опять тот же: притащил мне очередной «акт» о том, что очередное письмо Майсуряна изъято и... отправлено в ГУФСИН. Нафига? – я так и не понял, – типа, узнать, можно ли мне вручать письмо с такой «крамолой», как карикатуры на Путина в связи с Сирией и т.п., как сказал сперва сам этот худосочный недоносок Чертанов, а потом я прочел и в «акте». А ГУФСИН, как уже было с письмами Маглеванной и Гедроица, перешлет их в ФСБ. Суки, короче, мрази, с которыми не разговаривать – а стрелять в упор!.. Я, правда, не отказал себе в удовольствии, услышав, как это чмо произносит с таким почтением, чуть ли не с придыханием: «карикатуры на ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА», – сказать ему: «Мочить надо вашего президента!! Своими руками я застрелил бы вашего президента! Он мразь (или я сказал: «бандит»? Не помню уже...) и ублюдок, ваш президент!!!» Сказано всё это было с чувством, но – спокойно и негромко, без крика, без экзальтации. Мразь Чертанов, услышав такое, явно занервничал, заволновался, забормотал что-то насчет того, что он – представитель администрации... :))) И быстренько позвал дежурного по ШИЗО «мусора», приказав ему включить висящий у того на погоне регистратор. :))

В общем, переписка наша с Майсуряном явно накрывается медным тазом. Это страшно жаль, но – видимо, сделать ничего нельзя. Объявлять за эти письма голодовку, как я сделал в 2013 г. в Москве, видимо, не имеет смысла: и сами письма уже не в лагере (102 и 104, как сказала мразь Чертанов в тот раз, отправлены Майсуряну назад, а это было, как я понял из сопоставления дат, отсутствующее у меня 106-е, и оно тоже уже не в лагере), и принудительное кормление, «право» этих ублюдков на которое прямо прописано в из УИКа, я думаю, тут вполне реально... Подписывать «акт» я отказался, конечно же.

Вот и разменял я сегодня четыре года. 19 ноября 2019 мне домой (если я доживу).

Спросил ублюдка Чертанова и насчет посланной мне матерью еще в октябре бандероли (узнал из ее недавнего письма). Он ничего про бандероль не знал, но обещал узнать. Мне бы сейчас она была очень кстати: мать послала всё, что я просил еще для СУСа, где есть розетки и кипятилок, в том числе: пачку кофе (максимум 150 г.) и почти на весь остальной вес (2 кг., кроме шерстяных носков и щипчиков для ногтей, тоже мне страшно необходимых) – сгущенку в пластиковых пачках, как в тюремных магазинах Москвы. Думал я пить в СУСе свой любимый послеобеденный кофе со сгущенкой, получать удовольствие; но теперь дело куда важнее, – не

об удовольствии, а о жизни. За неимением ничего другого, со сгущенкой можно прекрасно есть на ужин этот мерзкий кислый хлеб, как серый, так, наверное, даже и черный, – и его кислый вкус будет полностью заглушаться. И сгущенки при этом должно быть много – пачек, думаю, десять, не меньше. Так что – это был бы просто подарок судьбы, если только мрази в форме отдадут мне все-таки эту бандероль. Да, собственно, тут-то как раз отлично понимаешь и чувствуешь, как, в сущности, мало надо человеку для счастья. Вот на ужин сейчас была картошка с морковкой, вполне съедобная, и в отдельной тарелке, да еще почти полной, – серая молотая рыба, здешнее фирменное блюдо. Конечно, рыбу я переложил в свою посуду и оставил на свой ужин, – и это почти уже счастье, ей-богу: знать, что ужин и сытая ночь на сегодня обеспечены...

Зуб совсем не болит, эту ночь я спал очень хорошо. Но всё же, если при еде на него попадает горячее – еще немного чувствуется. Вроде и прошел, не болит, но всё же ещё не совсем...

21.11.15., 9-45

Суббота. Опять был сейчас шмон, – ну как же без него; только одну прошлую субботу они и пропустили почему-то. Ничего не забрали и в тумбочку, слава богу, даже не лазили, только в пакет на батарее.

Вчера на ужин была сечка, по-моему, вообще даже без всяких признаков мяса, которые обычно хоть как-то имитируются на ужин. На завтрак не нужно имитировать, в завтрак никакого мяса не положено, – и утром сегодня опять была просто сечка. :)) И кислая черняга, разумеется. Я пообедал вчера между полдвенадцатого и 12-ю дня; затем поел только уже после отбоя, в девять вечера, этой самой черняги с приправой, делающей ее хоть сколько-то съедобной, плюс – две конфеты (но скоро они закончатся). Следующий прием пищи – сегодня в обед, не раньше 11-30, и дай еще бог, чтобы этот обед весь можно было съесть, чтобы в супе не было «вискаса» и т.д. (Да, забыл: на обед вчера опять вместо серого хлеба дали чернягу.)

Таким образом, ситуация вернулась к первым неделям моего здесь (в этом году) пребывания, еще в СУСе: фактически я ел здесь один раз в день, в обед. И то лишь потому, что в обед дают два блюда, первое и второе, и из них хоть одно-то уж должно оказаться съедобным...

Зуб пока что не болит, хотя – вчера в обед очень больно, но недолго (к счастью) среагировал на горячий суп.

Чутье подсказывает мне, что ни от Йонатана (ФЕОР), ни от Лагутенко не стоит ждать никаких писем, а от первого – и никаких посылок. Все промолчат, всем наплевать. Придется, видимо, в основном рассчитывать на Феликса, дай ему бог здоровья, – и пока сижу, и особенно если доживу до

освобождения.

16-35

Вспомнил, от кого еще ни в коем случае не стоит ждать ответа на мои письма, и даже глупо и смешно было бы его ждать. От Исаева, председателя пермской ОНК, и от Ривкина – если вообще мое письмо к нему дойдет в его Израиль. Ответов не будет, нечего и надеяться, – я на х... никому не нужен...

22.11.15., 17-11

Ну суки!!! Ну и мрази же, – мрази, ублюдки, суки, поганое вонючее отребье, недоноски и выблядки!!! Подохните, твари, мучительной смертью!.. Эти выблядки теперь уже вообще не делают даже вид, что дают на ужин нечто с мясом, хоть с каким-то намеком на что-то более сытное, нежели просто каша! Черпачок жидкой пустой пшенки – и черняга, – вот и весь сегодняшний ужин; чистая, пустая каша, какую до сих пор давали только на завтрак. Но вот – позавчера – такая же пустая, совсем без ничего, сечка. Я ее вылил, но меня поразило именно это: отсутствие всяких даже малейших следов какого-либо мяса или курятины. Не то что мне в тарелку не попало, а – ясно сразу было, что ничего такого и не клали в кашу. Вчера – к такой же жидкой картошке на ужин – все-таки была эта серая молотая рыба; мне повезло – баландер дал ее мне целую тарелку, т.к. далеко не все берут – и она, видимо, остается. Я с удовольствием поужинал ею после отбоя, обошелся хоть один день без черняги... И вот сейчас – извольте: один черпачок пустой жидкой пшенки без ничего – на 13 часов, с пяти вечера – и до шести утра, когда самое раннее бывает завтрак. Слова тут бессильны, даже самый отборный мат, – тут яростно хочется просто забить руками, ногами, ломом, арматурой забить насмерть того из администрации лагеря, кто составляет эти меню; а лучше – всю администрацию в полном составе: молотить мощными, упругими ударами, не давая им встать, ломая ребра и раскраивая черепа, до тех пор, пока эти ублюдки не околеют в конвульсиях тут же, на полу, в луже собственной крови!.. За мой постоянный голод – и это вам, сукам, еще слишком мягкое наказание, можно было бы и к двум машинам привязать, чтобы вас напололам разорвало каждого...

Пустое, долгое, ненужное воскресенье. Шмон утром не зашел, слава богу. Ходил, лежал на столе, ждал обеда, потом ужина. Газеты (и книги) так и не принесли. Попробовал читать, но невыносимо было, – такой бред эта русская классика, мать ее!.. Просто блевать от нее тянет. Мечтал, по обыкновению, о чем-то, фантазировал, представлял себе, – КАК, например, могло бы у меня всё сложиться на воле после ноября 2019 года, какие, в частности, книги я мог бы издать, и еще написать новые, если б нашелся издатель... Ага, как же, МОГЛО БЫ!.. Но не будет, сука, не надейся и не трави

душу попусту! Облом-с... Мечтать, как говорится, не вредно... А на ужин у меня сегодня – опять кислая мерзкая черняга с приправой, да хорошо – осталось яичко с завтрака, не съел его тогда же, утром, хотя и остался опять без завтрака, – сечку и чернягу выбросил в «дальняк», пил только чай...

23.11.15., 12-12

Понедельник. Письма опять не несут, – ненадолго же их хватило, этих мразей безукладниковых и прочих, – на две недели всего... И опять черняга на обед, и опять совершенно мизерное количество второго (картошка с тушенкой) и пустые – одна вода – щи на первое, и опять всё то же самое, всё та же тоска... Из хорошего только шмон не заходил сегодня, да забыли опять с утра включить верхний свет и пристегнуть нары к стене. :)

А газеты вчера вечером таки принесли, уже после ужина. Идиотизм и неудобство в том, что даже три номера (за одну неделю) я не успеваю с этого времени до отбоя подробно просмотреть, не говоря уж – прочесть полностью; приходится оставлять часть на утро.

Между прочим, главная тема одного из номеров, от 16.11. – бойня в Париже 13.11., когда исламисты устроили сразу в нескольких местах города взрывы (и погибли при этом сами, т.е. использовали тактику смертников) и стрельбу по толпе, в результате погибло 129, что ли, человек. Вот уж действительно, приголубливали у себя арабских и африканских эмигрантов в безумных количествах – вот и получайте, идиоты, так вам и надо!.. Но я не к тому. Среди кучи жалостливых и слезливых материалов по этому поводу, пропагандирующих неременное единение России и Европы в борьбе с «терроризмом» (а Крым простить, ага!..) попала и подборка комментариев русских кавалеров французских орденов, в том числе Почетного легиона. И тут я с изумлением обнаружил, что у нас, оказывается, не только старая карга Алексеева, не гнушающаяся целоваться с Путиным «правозащитница», но и Ганнушкина – обе кавалерши ордена Почетного легиона! Я был в таком шоке от этой новости, что, как говорится, тут же выпал в осадок!

ЗА ЧТО???!!! За что этим двум старым мымрам французский орден?!?! Кто мне объяснит?! Что они такого выдающегося сделали для Франции за всю свою жизнь? Алексеева – та хоть гражданка США (еще б можно было понять, если бы орден был американский) и участница диссидентского движения в 60-70-е, «Хронику» перепечатывала. Но – пострадать не пострадала, в 1977 уехала в США. Ганнушкина же не только не пострадала, не повидала тюрем и лагерей, как я сейчас, но и ни в чем таком вообще не участвовала, ее фамилия ни в каких источниках по советскому диссидентскому движению не упоминается. За что же ей-то французский орден, – за помощь

французским беженцам времен наполеоновских войн, что ли?!?! Только это и остается предположить, т.к. только и исключительно помощью беженцам она и известна со всем этим своим комитетом «Гражданское содействие», которому, как говорится в том же номере газеты, как раз сейчас вот исполнилось 25 лет (с 1990, значит). Я бы еще понял, если бы она оказалась кавалером таджикского ордена, или узбекского, или даже чеченского («Честь нации», – такого же, каким Закаев наградила МФФ), согласно принадлежности большинства клиентов ее комитета. Но французский?!.

У Леры, значит, был литовский (но хоть понятно, за что), Подрабинеку давали польский, у этих двух старых клуш – французские ордена... Надо ли говорить, что я просидел в тюрьме уже гораздо больше, чем Подрабинек и Лера вместе взятые, причем за деятельность, носящую сугубо общественный характер, направленную на спасение Запада, в том числе и всех вышеперечисленных стран, от русской угрозы; причем – не сдаюсь и в тюрьме, продолжаю писать, бороться, получать новые судимости за это, произносить радикальные «последние слова», которые не стыдно опубликовать и в которых нет ни слова о пощаде, – и при всём этом, при 12 годах политических сроков, из которых восемь уже отсидено, при 25 годах общего политического стажа, 21-м – журналистского, и т.д. и т.п. – мне не светят никогда, до самого конца жизни, никакие ордена (ни также и другие отличия, – премии, почетные звания, медали и пр.) никаких стран – ни великих, ни малых, ни реальных, ни даже мифических...

24.11.15., 17-55

Вторник. Против всех моих ожиданий, в баню повели сегодня, в день окончания ШИЗО. Но обрадовался я рано. Это быдлотатарское блядво, мразь, два косоглазых ублюдка моложе меня – «татарская смена» – в баню-то повели (старший из них, точнее, спросил сначала, в четверг ли я пойду, – и я настоял, что сегодня), дали даже забрать из каптерки шоколад, сахар, средство для мытья посуды... а вот оставшиеся три консервных банки младший из этих ублюдков забрать мне не дал!.. Сука такая, а?!.. Живьем бы с тебя, выблядок сучий косоглазый, шкуру твою содрал и в крематорий, в печь бы тебя засунул!.. Уперся, мразоид, как скала, – нет и нет, не пущу, в камеру банки нельзя; в крайнем случае – обещал, ЕСЛИ РАЗРЕШАТ, вывести в отбой, когда будет опер или ДПНК, или они оба, я не понял. (Зато наконец-то выяснил, что «дежурным» они здесь называют всё-таки именно ДПНК, а не кого-либо другого.) То бишь – вы поняли?? – не то что банки взять мне разрешат все эти отбойный начальнички, а еще только вывести меня за ними в каптерку этой мусорятине косоглазой разрешат!.. А если не разрешат – что тогда? Так, значит, я и буду есть на ужины кислую чернягу, пока не

кончится приправа? Впрочем, трех банок в любом случае хватит не больше, чем на три дня. М.б., если бы старший из этих косых ублюдков, который выводил меня в баню, вел бы и обратно, он бы и разрешил, – раньше всегда разрешал, по крайней мере. Но повел младший ублюдок, а старший, оказалось, пошел с баландером, – пока мы спорили в каптерке, уже начался ужин. На ужин сегодня дали мне опять серую молотую рыбу (правда, не полную миску, как в тот раз, а только половину), так что, даже если я сегодня в отбой и не отвоюю банки, черняга мне, по крайней мере, не грозит. :)

А вчера, незадолго до ужина уже, приперся вдруг этот белобрысый опер, что шмонал меня, ища часы, а потом написал донос, за который дали последнюю «пятнашку». Открыл дверь – и повел меня к психологичке, той самой косоглазой майорше, что и всегда, начальнице психологической службы. Почему-то на сей раз сидела она в том кабинете, куда водят обычно на встречу с адвокатами и пр. Поговорили мы с ней неплохо, довольно долго, – она, видимо, уже привыкла и оценила такое вот неформальное общение со мной. :)) Но главное не в этом, – главное в тех письмах, которые она опять мне захватила, за что я был ей искренне благодарен). От матери (она наконец-то получила мое); два от Майсурия – №108 и 109, – он получил обратно №№102 и 104, не пропущенные ко мне, и сами письма свои оттуда, молодец, прислал мне заново, в 108-м и 109-м, с соответствующими пояснениями. Потом, письмо от Гудзенко, которого я как раз на днях вспоминал и думал: не написать ли ему. И – совершенно неожиданно, что поразило меня больше всего – две открытки от Шесткова из Германии!! Вот уж от кого я не ждал, – думал, что он разобиделся и после той моей заметки против него писать мне уже не будет. Нет – написал вполне приветливо, поздравляет с Новым годом, хотя открытки отправлены еще 26.10., да и вчера еще до Н.г. месяц с лишним оставался. Что ж, молодец, послал заблаговременно, зная местную почту. Вчера еще я успел до отбоя ответить Гудзенко и отдать письмо, а уже сегодня с самого утра, как встал – всем остальным.

25.11.15., 5-20

Ну конечно же, эти мрази не дали мне вчера и в отбой забрать мои банки! Рядом со старшим быдлотатариним стоял какой-то неизвестный молодой хмырь – видимо, опер, – который сразу же подключился к разговору и долго, тупо, нудно мне повторял их обычный «порядок» – что, мол, нужно из банки сразу всё вываливать, а саму ее забирать, и только на этом условии, мол, он согласен вести меня сейчас в каптерку. Ага, если я там беру три банки на три дня – значит, мне надо сразу же вскрыть все три, всё из них выложить – и пусть стоит, тухнет, да?! Полоумные ублюдки!.. Собственно,

если действовать по их логике – получается, что за каждой очередной банкой я должен ходить в их каптерку КАЖДЫЙ ДЕНЬ (точнее, вечер) – и сразу же вскрывать ее... О, когда же вас, мрази, уже можно наконец будет резать, жечь, мочить, топить, расстреливать вместе с семьями и детишками за всё вот это, когда же, наконец, НАЧНЕТСЯ?!... Ублюдки вонючие, суки, тупые, рабски служащие своим тупым инструкциям нелюди, с каким наслаждением я лично, своими руками выпустил бы из ваших туш всю кровь – и купался бы в ней!.. В каптерку, короче, мы так и не пошли – и теперь уже ясно, что единственная смена, пропускавшая мне банки в камеру – вот эта вот, быдлотатарская – тоже теперь уже не будет этого делать. Остались всего три банки – но их никак не забрать... Лежал в кровати – и вчера вечером, после этого разговора, и сегодня утром – и мысленно разрабатывал план их похищения в случае, если в четверг опять поведут в баню. Боже, до чего я здесь дошел, о чем я вынужден думать, – как украсть собственную же еду и незаметно пронести в камеру, чтобы поесть хоть что-то, кроме кислой черняги, на ужин!.. Боже, да есть ли такое наказание, такая самая изощренная пытка для этих выблядков в камуфляжной форме, которая оказалась бы для них слишком, чересчур жестокой за всё вот это, за все мои здесь унижения и страдания?! Мстить, люто мстить им, мразям, детей их малолетних кромсать на куски на их глазах!.. А в баню, между тем, в четверг могут и не повести, – я не знаю точно, делают ли эти ублюдки какие-либо отметки для следующих смен, кто ходил в баню, а кто нет, но не исключаю такой возможности.

Отдал сейчас, с утра, и заявление на имя начальника – требую, чтобы мне выдали бандероль, посланную Верой. Посмотрим, какой результат это возымеет...

26.11.15., 17-48

Пшенка на завтрак (вот уже три дня), пшенка на обед (сегодня). А в нее отдельно добавлена ложечка тушенки (странной, волокнистой, какую здесь все время дают; не такой, как продается в железных банках), сваренной почему-то отдельно и принесенной в отдельном маленьком железном бачке. Пшенка и тушенка. Вот и весь секрет... :)) На ужин – вот уже третий день эта серая молотая рыба, но почему-то ублюдок баландер стал давать мне ее уже не по полной миске, как одно время давал, а по половине, – тоже один маленький стандартный черпачок. Хотя половина уголовников эту рыбу вообще не берет и не ест, я это еще по СУСу знаю. Приходится ужинать этим черпачком, что поделать. Хорошо хоть, что не кислой чернягой... Вчера закончились конфеты «Маска» из сентябрьской передачи; сегодня начну после ужина грызть шоколад оттуда же. Как хорошо, что пошел во вторник

в баню и смог его занести из каптерки! А вот сегодня в б

19-12

Как удивительно мне везет!.. :))) Вот же судьба... :) Именно в ту самую секунду, когда я, съев ужин, начал уже писать, что, мол, в баню сегодня и не подумали повести – видно, знают, что я уже ходил во вторник, – в этот самый миг открылась дверь и здоровенный «мусор» – Шрек, как я его, пожалуй, буду звать – спросил, пойду ли я в баню!.. :))))

Так что с тремя последними банками всё получилось так, как я хотел. :) Сходил, помылся еще раз, постоял под душем. 1453 дня мне осталось, и все мысли – только об этом: почему всё так вышло, почему не удалась жизнь, как дотянуть на голодном пайке этот срок – и, главное, как жить дальше, уже после срока, зная, что впереди – тупик, глухая стена, что больше уже никогда и ни в чем не будет мне удачи, что никакие планы все равно не сбудутся... В бане ли, в камере, сидя, стоя, лёжа – все мысли всё равно только об этом. Дикая тоска... Жизнь прошла, пропала – а я так ничего и не добился в ней; а теперь уже поздно. В зеркало это банное противно смотреть на себя (хоть оно и маленькое, и местами какое-то мутное, не очень-то и посмотришь): похудел так, что брюхо висит чуть не до колен... Жизнь прошла...

Единственное (кроме банок) положительное событие дня, – точнее, полусобытие: утром, вскоре после шмона, упырь, мерзкий белобрысый ублюдок из вчерашней еще смены, вдруг подошел к двери, открыл «глазок» и сказал: мол, вам там идет бандероль, просили узнать, нет ли в ней медикаментов. Я ответил, что нет. Интересно, это совпадение, что уже через сутки после моего заявления на сей счет, отданного вчера в подъем, оказалось, что бандероль таки «идет» (с 15-го октября!! Она по любому уже с месяц как должна лежать здесь, в лагере!..) – или же его, заявления, прямое следствие? Мне кажется, что второе. :) И в бане, или чуть раньше, вдруг пришла мысль: только бы сгущенка в бандероли не оказалась в железных банках!! Опять их не будут давать в камеру, опять будет эта морока... а у матери ведь может хватить ума.

Вчера, где-то с четырех до пяти, после обеда, опять были тут «крестины». Меня, к счастью, на них не позвали. :) 14 человек с разных барачков, один знакомый мне ублюдок со 132-й. Кое-кто получил выговор, но из этих ли 14-ти, или помимо них, я так и не понял. Ужин задержался из-за этих «крестин», как сетовал баландер, на два часа.

27.11.15

Пятница. Обстановка какая-то нервная, тревожная, – ждут опять какую-то комиссию; эки-дневальные упоминали о ней еще утром. А сразу после

обеда открылась дверь – и один из них скотчем приклеил с ее внутренней стороны «обязанности дежурного», выдержку из их «ПВР», наклеенную на толстую картонку и одетую в полиэтилен. Ламинировать, как в московских тюрьмах, не догадались. :) Значит – будут ходить по камерам, это ясно, а на новые двери эту хрень до сих пор не успели еще наклеить – у меня, например, уже месяц и 11 дней, как я переехал сюда из «семерки» после ремонта. И буквально на днях – вчера, что ли? – вспоминал как-то, что на старых дверях висели эти бумажки... :))))

Ни звука не слышно не только про бандероль, но и, между прочим, про доверенности, которые Глеб сделал и привез в свой последний приезд, – на имя Веры, Феликса и Морозовой. Последней я сперва не хотел, но, подумав, на всякий случай вписал и ее имя в заявление. Но – памятью прошлого года недовольство ублюдка Гасанова, что я подписывал доверенности не в его присутствии, подписывать их не стал. Рома же сказал, что оставить сегодня же в канцелярии бланки самих доверенностей и мое заявление с просьбой их заверить он не успеет, так что из Екб пошлет сюда почтой. Прошло 22 дня, его письмо уже давно должно быть здесь, меня должны выдернуть подписать эти доверенности в присутствии начальника. Но – не зовут, из чего явствует, что их и не оформили, и не отослали. Всё точно так же, как и год назад, при мрази Гасанове, – тот тоже подписал их при мне и обещал отправить, но – Вера так и не получила. Глеб и Рома, видимо, проскочили просто чудом, а для остальных претендентов ФСИН и ФСБ воздвигли тут буквально железный заслон...

Зато приходил после обеда опер – тот самый, что вечером во вторник, после бани, не дал мне забрать банки из каптерки, сука такая!.. – и сказал, что ему нужны мои отпечатки пальцев для личного дела. Опять!.. Их же брали у меня тут год назад, тоже в ПКТ!! Не помню уже, как он сформулировал, но его слова побудили меня спросить: а если я откажусь, тогда что? – Ничего, – ответил он. И я отказался идти давать ему отпечатки. Судя по тому, что ритуальный вопрос про писание объяснений он не задал, – м.б., этот мой отказ даже не окажется в понедельник поводом для очередной «пятнашки» и выноса всей жратвы из тумбочки опять в каптерку. :))

Забыл еще вчера написать, как ночь с позавчера на вчера я спал тут в полной темноте. Когда брал матрас и, как обычно, сказал «мусору» погасить свет – он вдруг выключил обе лампы, т.е. и большую (дневную), и ночник. Не знаю уж, специально он это сделал или случайно, но по-моему – не видеть, что в камере стало абсолютно темно, пока еще не закрылась дверь, он не мог. Значит, сознательно погасил, что у них вообще-то строжайше «не

положено», – что ж, бывают и здесь такие редкие чудеса. Правда, есть эту серую молотую рыбу пришлось в темноте, и миску мыть – тоже, но зато отлично было лежать, не видя этого осточертевшего света.

«Мусора» кричали сейчас в коридоре, что сюда идет начальник. Что-то будет?..

16-30

Нет, это оказались всего лишь очередные «крестины», хотя за весь день этого слова тут никто ни разу не произнес. Вышло из употребления? :) По камерам никто не ходил.

Набрали опять с 9-го барака, м.б., еще с каких-то, да и из сидевших здесь (в ПКТ?) тоже, по-моему, выдергивали некоторых. Слава богу, меня опять не тронули, но – у меня предчувствие, что мне очередную «пятнашку» навесят в понедельник. Найдут за что... А вообще – какие суки, не прекращаются у них эти «крестины», через день идут – и всегда есть кого «крестить», всегда полно народу сидит в бане... Хотя – мне, конечно, не жалко уголовников, это не люди, это нечисть. И те и другие хороши, и тюремщики, и уголовники; и те и другие – мразь из мрази...

Интересно, отдадут ли всё-таки бандероль и что будет с доверенностями Вере и пр.?

28.11.15., 5-45

Вчера вместе с ужином (опять всего лишь одна пустая пшенка, обалдеть!..) принесли мне и пачку писем, – второй уже раз за эту неделю, тоже обалдеть!.. :) В понедельник отдавала майорша-психолог, в пятницу – еще... Пять писем от Землинского, одно – от Маглеванной (пересланное матерью), и – письмо от Вадика Лагутенко, что меня бесконечно обрадовало. Пишет, что о моей истории в общих чертах слышал, чем может – готов помочь. А я-то думал, что он не откликнется, – почаще бы так ошибаться!

Но остальные новости – очень мрачные, до сих пор не могу прийти в себя. Землинский пишет, что получил сразу три моих письма, позвонил моей матери насчет посылки мне книг – и она ему сказала, что посланная мне Верой бандероль вернулась! Вот суки, а?! Плакала моя сгущенка, на которую я так рассчитывал, плакали щипчики!.. Жрать мне теперь будет совсем нечего – остались к хлебу только две последние банки консервов и эта приправа, тоже не вечная. А с магазином – полная тишина... Что ж, вот и первое дело для Вадика, – я сразу написал ему, дал телефон матери, – м.б., она вышлет ему, а он привезет сюда и передаст лично? Что ж, посмотрим. Письма уйдут только послезавтра.

И еще мрачная, но вполне ожидаемая новость от того же Землинского: Петр Павленский в Бутырке за свою акцию с поджогом дверей ФСБ на

Лубянке. Требуется, чтобы ему переквалифицировали обвинение на 205-ю («терроризм»), а по какой его обвиняют сейчас – нигде не говорится. М.б., «хулиганство»? В общем, один из последних еще оставшихся в этой стране кристально честных, совестливых и мужественных людей попал в тюрьму. Павленский безусловный герой, я преклоняюсь перед ним, перед его мужеством и честностью, перед его самоотверженностью, но – увы, помочь ему отсюда я ничем не могу... :(((

12-43

Странный какой-то был утром шмон. Шмонали ПКТ, – галдели глухо там, в дальнем конце коридора. На обратном пути, как обычно, приперлись ко мне, открыли дверь, я вышел. Их было как-то необычно мало в коридоре – всего человека четыре. Один сказал другому что-то вроде: ну, [пропуск строки] сверху донизу, как обычно. Лениво, без усердия этак общупал. Стою дальше, жду – и вижу, что в камеру мою никто не заходит. Они вроде как позвали из «дежурки» этого младшего быдлотатарина (который там уже был, хотя на смену заступает только где-то через час-полтора после утреннего шмона), он вроде как, увидев меня, коротко сказал им что-то, или сделал какой-то отрицательный знак, – увы, я не заметил этого точно. Но фокус в том, что после этого мне велели заходить в камеру и заперли ее за мной – а шмона в ней так и не было, никто так и не зашел шмонать. «Шмон не шмон?» – записал я в блокноте, где обычно отмечаю все шмоны.

29.11.15., 17-36

Ну суки, ну падлы!.. У них вошло уже в обычай давать на ужин просто чистую пустую пшенку, как и на завтрак!.. Хорошо, конечно, что хотя бы пшенку, а не сечку, но... Раньше хоть вид делали, что дают в ужин что-то мясное, куриные кости или миллиграмм тушенки, а сейчас – хрен!! Молотую рыбу эту серую – и то не каждый день; вчера вот давали ее к жидкой картошке, а сегодня – одна пшенка... Типа, поешь на ужин кашки да черняжки – и живи, как хочешь, до завтрака, который будет через 12 часов минимум...

И еще. Бред просто какой-то, наваждение, – никак я не могу понять, как эти мои проклятые часы умудряются отставать то на десять минут, то сразу на сорок!.. Трясу ведь их постоянно, автоподзавожу; беру в руки – они всегда идут, я специально смотрю на движение секундной стрелки. И вот, на тебе: что-то, смотрю сейчас, ужин больно рано приехал – без десяти пять только. И вдруг прямо под моей дверью, «мусор» и баландер почти хором – явно отвечая на чей-то вопрос – говорят: «Полшестого!»... :(((

Павленский – герой, конечно, это безусловно. Я все время думаю о его последнем подвиге на Лубянке. Послать бы ему через кого-нибудь слова

поддержки и солидарности в тюрьму, но – пока не знаю, через кого, да и не факт, что здесь пропустят.

Однако же – хоть он и не ограничился одними словами, как я, – Павленского защищает, то бишь пишет о его деле, и «Новая газета», а не одни только «Грани», как обо мне. И «The New Times», думаю, тоже не сможет промолчать, хотя – ясно, что большого восторга он ни там, ни там не вызывает. Что ж, всё меняется, молодые приходят на смену старикам, и я так думаю, что теперь Павленский (который, мне кажется, моложе меня; точно я не знаю) станет таким символом радикального сопротивления вместо меня. Хотя – его и раньше, в 2013 еще, показывали по ТВ, хотя бы и по Рен-ТВ только; а для кого и когда был символом я?.. А обо мне, вспоминая его похвалы мне в том апрельском интервью на «Эхе», он знает почти наверняка от Мани, а не то что сам много меня читал. Как, впрочем, и я впервые его фамилию услышал от той же Мани. И – увы, но, несмотря на всё его хорошее отношение, я не могу быть ему благодарен за его идею – в том же интервью – считать мои тексты такими художественными произведениями, «стихами» и т.т., т.е – фактически выхолащивать и не брать всерьез.

Интересно, придет ли сегодня (воскресенье) библиотекарь с книгами и газетами?..

30.11.15., 5-25???

Что-то безумное происходит со временем, я абсолютно ничего не понимаю. Вчера в отбой оказалось, что я зря поставил часы на 40 минут вперед, – не может же отбой начинаться в 25 минут десятого, верно? Когда он обычно начинается от полдевятого до без 15 минут девять. Когда они дошли до этого конца коридора и дали мне наконец матрас, я поставил часы на 40 минут назад – и как раз вышло ровно девять вечера, как и должно быть.

А вот сейчас, в 3-20 ночи, я как раз собирался попытаться еще раз заснуть, – вдруг звонок на подъем!! Я не поверил сначала!.. Но нет, действительно, подъем, слышу – кричат уже своё: «Доброе утро, крыша!!». То бишь – за ночь часы у меня отстали уже не на сорок минут, а на час сорок, что ли? Ибо никакого другого объяснения всему этому подобрать невозможно. Сперва, еще вчера вечером, я думал, что, м.б., у этой безумной смены с часами что-то не то, они не вовремя проводят отбой и подъемы. Но нет – ведь и на отбой, и на подъем сюда, в ШИЗО, обязательно приходит ДПНК (или опер какой-нибудь, или оба сразу, не знаю уж, но кто-то из начальства), без него они не начинают. ДПНК же не может приходить на сорок минут позже или на час сорок раньше! В общем, полный бред, фантазмагория... И радио у

этих сук не работает, узнать время негде... :(((

12-02

Недолго же они, суки, продержались на сером хлебе – всего два или три дня, – и на обед опять черняга!.. Даже серая эта, почти столь же кислая мерзость – и то становится здесь роскошью...

Часы я поставил утром на час сорок вперед вроде правильно. Пришлось ориентироваться по рассвету, – я еще с того года помню, что светает тут в это время в девять утра, как раз перед шмоном. :) Как они могли так отстать за ночь – ума не приложу... а впрочем, что взять с дерьмовой подделки, ценою в три тысячи, под настоящий японский Orient?..

Нары опять утром не пристегнули. :) Но на душе так тошно, что даже лежать на них не хочется. Жизнь прошла... :(((А кроме того – часам к трем надо ждать, не выдернут ли на очередные «крестины», не навесят ли еще 15 суток, что-то давно не было... :)) Найдут, суки, за что, если захотят, не сомневайтесь. Ну хотя бы за мой недавний отказ катать пальцы...

По «либерально-оппозиционной», немцовско-навальновской «табели о рангах» я, похоже, не тяну не только на уровень Савченко (международный, как-никак), но и на уровень Павленского (чисто внутренний; и независимо от мнения обо мне самого Павленского), – судя по тому, что о них «Новая газета» пишет из номера в номер, а обо мне – молчит вглухую...

ДЕКАБРЬ 2015

1.12.15., 17-45

Похоже, я не тяну не только на уровень Савченко или Павленского, но даже и на уровень осужденного летом к п/ж нациста Ильи Горячева, – судя по тому, что и над ним «суд», каждое его заседание, освещался Верой Челищевой в «Новой газете» каждый раз, тогда как я ни на одном из своих трех процессов не удостоился не только репортажей, но даже и вообще упоминания, исключая только упоминание меня в августе 2013 Горбаневской, цензурировать которую они, видимо, не посмели... Хотя мои-то взгляды, за которые меня столько раз поливала дерьмом от имени «гражданского общества» Санникова (нет бы от своего! И где оно в этой варварской быдлостране – «гражданское»-то общество?..), уж наверно ему, «обществу» этому, да и «Новой газете», все-таки ближе, чем взгляды Горячева который не зря подчеркивал на «суде», что он еще много лет назад говорил и писал то самое, что сейчас (летом 2015) льется со всех телеэкранов...

А впереди у нас праздничек, памятная дата – 5 декабря, 50-летие первой свободной правозащитной демонстрации на Пушкинском (по нынешним понятиям – скорее пикета). Этаким хэппенинг не насилия... :) Припрутся все видные, еще коптящие небо ветераны «правозащитного движения», за 50 лет не добившегося ровным счетом ничего и никого толком не защитившего. Подрабинеки, кто еще? Не вспоминаются они мне что-то, эти еще живые ветераны. Нечисть вроде Льва Пономарева, конечно же, придет. Интересно, будет ли присутствовать старая карга Алексеева?..

Первое декабря. Вот и зима календарная. День прошел спокойно, пусто и тихо. На ужин опять была омерзительная «уха» с кучей рыбьих костей.

2.12.15., 5-38

Доел вчера вечером последнюю банку консервов, что покупала Лена Маглеванная (спасибо ей!). Теперь ужинать совсем нечем, кроме кислой черняги с приправой (пока та не кончится), да изредка – серой молотой столовской рыбы. Сгущенка, так мной ожидаемая, уехала назад в Москву – а вот ее-то как раз (к черняге) могло бы хватить надолго...

Что ж, всё одно к одному. Жизнь-то кончена; везти теперь не будет ни в чем и никогда, я давно это понял. Карьера моя не сложилась, и личная жизнь – не сложилась тоже. Это – основные составляющие жизни современного человека. А что же у меня сложилось-то, интересно, ЧТО у меня в жизни хорошо? ЧТО оправдывает вообще мое существование на земле? Увы, ничего...

10-41

После шмона (который ко мне, слава богу, не зашел) приперся опять тот же опер (Князев, или как там его?), что не давал мне в прошлый вторник взять банки, и с ним еще какой-то узкоглазый мелкий хмырь в форме – и докопались опять до этих отпечатков пальцев, которые я неделю назад отказался сделать. Узкоглазый уверял, что, мол, их заставляет спецчасть (она-то тут при чем?!) и что раз у меня сейчас новый приговор, то надо и пальцы катать заново. Опер в то же время – на мой вопрос – отрицал, что старые отпечатки выбрасываются; а я отлично помню, что откатывал здесь же год назад, в ноябре 14 г. Что ж, вывели в кабинет для встреч с адвокатами – и откатали; я не сопротивлялся, – черт с ними!..

3.12.15., 13-05

Новая вспышка паники в этой гнусной тюрьме: приехала некая «опер-группа» и сейчас пойдет сюда шмонать. (А м.б., и не пойдет, им и в лагере есть что шмонать.) А завтра, говорят, ожидают приезд генерала...

17-25

Нет, никто не приходил (по крайней мере, пока). Сводили в баню (четверг). При этом выяснилось, что сегодня смена – как раз белобрысого упыря, мрази. Значит – очень возможно – завтра в подъем: «Куртку х/б оденьте!» – мой отказ – и на завтрашних же пятничных «крестинах» – новые 15 суток, как раз до 19-го, когда останется ровно 3 года и 11 месяцев. :) А что, всё может быть; даже очень возможно. Второй «мусор» – ублюдок, которого я видел дежурившим осенью еще в СУСе, – говорил со мной тоже хамски и на «ты». Бесила его необходимость давать мне в баню палку, которую они теперь запирают в ящик, и он, приведя меня назад, все-таки прорычал, что, мол, в следующий раз лучше мне ее не давать... Тупое, хамское быдло; животное...

Кстати, зря я в СУСе думал, что «крестины» бывают тут в ОДИН из дней – понедельник, среда или пятница. Нет, они бывают тут во ВСЕ эти дни, три раза в неделю... :)))

4.12.15., 17-30

На ужин – капля (маленький черпачок, как обычно) капусты, имеющий такой цвет, что якобы она тушеная; с водой, разумеется. Больше – ничего, ни мяса, ни рыбы, ни хотя бы какой-нибудь их имитации, чего-то хотя бы отдаленно похожего. Выживай, как хочешь, на этом черпачке капусты 12 часов, даже 13, – до завтрака... А зато – всем, а не только на диету, как обычно, – молоко (белая вода, проще говоря, вообще без жирности, да и изначально не коровье, а порошковое). Только диетчикам-то – 350 грамм (целый мой стаканчик 0,33 л., в котором у меня стоит питьевая вода), а на «общак» – 150

г. (полстаканчика). То бишь, вместо мяса или рыбы решили напоить на ужин полстаканчиком белой водички... А на завтрак была опять сечка; я выкинул ее.

Я прекрасно понимаю, конечно, что глупо изо дня в день заполнять дневник этими убогими меню здешних завтраков и ужинов. Но что ж поделаться, если для меня это здесь и сейчас самая главная, насущная, жгучая проблема?! (Молоко я не взял, конечно, – я его с детства не пью.) С тех пор, как здесь, в камере, сделали большой стол, одна проблема отпала – с дикой усталостью и болям в спине под вечер; если плохо, можно лечь и лежать, как ни неудобно ногам на батарее. Да и – когда, как эти два дня, в основном целый день сидишь и читаешь, физически особо не устаешь, лежать не хочется. А вот с едой – это просто настоящая беда. Фактически за весь день более-менее нормальный один обед, но и его страшно мало; и в нем и на первое, и на второе – капуста, только во втором есть хоть немного мяса. В общем, фактически я голодаю здесь, и не знаю, что с этим делать. Знаю только, что даже когда будет положена передача 20 кг – ее мне всё равно не дадут тут есть: то ШИЗО, то банки нельзя в камеру, и т.д. и т.п. Насчет магазина же баландер на мой вопрос [пропуск строки] и в сентябре, когда я был в СУСе. Не знаю, по этой же причине о нем (магазине) ничего не слышно, никто не ходит туда, не собирает заявления, и т.д., или же по какой-то другой, – но, тем не менее, в отличие от прошлого года, сейчас тут нет для ПКТ даже и магазина. Выживать приходится на одной баланде, скудной и ужасной. В ноябре, когда под конец месяца на завтрак часто давали то пшенку, то яйца, а на вечер – молотую серую рыбу, – я съел, по моим подсчетам, 63% всей их баланды, включая сюда и хлеб, серый и черный. И это еще много! Сейчас, когда опять на завтрак поперли сечка и перловка, а яиц что-то не видать, – процент будет явно меньше...

Голодаю... Что ж поделаться, такова жизнь, такова моя несчастная судьба, нелепая и глупая. Я же неудачник... Разжевывая и давясь на ужин после отбоя кислым серым хлебом – буду сегодня, как уже делал, утешать себя мечтой о «Макдоналдсе» и мыслями о том, что какой бы я ни был неудачник, но уж эту-то маленькую мечту я смогу осуществить – пойти в «Макдоналдс», как только (если) освобожусь, и наестся там до отвала, где бы я ни оказался – в Екатеринбурге, в Москве, в Киеве... Счастье в виде бигтейсти, роллов и картошки по-деревенски еще предстоит, оно будет обязательно :) – а пока, чтобы выжить и до него дожить, надо набивать брюхо противным кислым серым хлебом. Впрочем, чтобы его заесть, у меня есть еще довольно много шоколада из сентябрьской передачи.

Декабрь только начался, но меня уже неудержимо тянет подводить

итоги уходящего года. Это, думаю, не последнее тут, в дневнике, подведение их за декабрь, – тем паче, что итогов-то почти нет, а поразмышлять о них хочется. Еще одна судимость и дополнительные полгода сроку, – вот главный итог, он же фактически единственный. Есть еще, правда, совсем мелкие, проходные, – что я прочел за 2015 столько-то книг, в том числе несколько тех, которые давно хотел прочесть; что я написал сколько-то текстов (очень немного) и стихов; что я потерял и вновь обрел Маню, если это можно считать обретением, – но они не в счет. Крупных и хоть сколько-то положительных итогов года – нет совсем. То, что привезли опять в тот же лагерь, а я столько месяцев в Москве нервничал, как дурак, что повезут в другой, – ну не благодарить же за это, в самом деле!.. Приятно было, что откликнулся Вадик Лагутенко, – стало быть, не такое я все-таки полное ничтожество, если и через почти 20 лет на мой зов откликается старый знакомый, к тому же знающий, что я далеко не его единомышленник. Приятно, слов нет, но на такое крупное событие, которое могло бы считаться «итогом года», – не тянет. То бишь – итогов года, кроме полугода добавки к сроку, нет, а положительных – нет вообще никаких. Этот год прошел впустую, без всякого смысла и пользы; он был украден, похищен, вырван насильственно и подло из моей жизни... :(((

5.12.15., 7-00

Ублюдок Шрек включил сегодня в подъем верхний свет, чего никогда раньше не делал. А я-то рассчитывал хоть эти выходные, сегодня и, м.б., завтра, провести при ночнике, в его неярком, умеренном свете, что мне гораздо приятнее яркого дневного!..

На завтрак, вместо ожидаемой сечки или перловки, дали гречку. Это вообще сенсация, нечто совершенно невероятное и небывалое!!! В отличие от московских тюрем, здесь, в лагере, гречки я не видел еще ни разу со дня приезда в августе 2014 г. Сперва, по виду, принял ее за сечку и хотел выкинуть, – спасло меня обоняние, когда, слегка усомнившись, догадался ее понюхать... :))

Ну, а сгущенка моя, которую я рассчитывал в ужины выдавливать на кислый черный или серый мякиш, дабы заглушить его кислоту, – как известно, уехала обратно в Москву. Удастся ли прислать ее сюда вновь, уже через Вадика Лагутенко, – неизвестно, и уж совсем маловероятно, чтобы это удалось успеть сделать до Нового года.

Вот так в жизни всегда – случается совсем не то, чего ждешь, на что рассчитываешь, в чем – по прошлому опыту – бываешь уже заранее уверен...

Только вот почему-то почти всегда неожиданности эти бывают мрачные, негативные, отрицательные. Хороших сюрпризов практически не

случается.

Иначе, – вот, например, я совершенно уверен, что просижу до ноября 2019, до самого конца срока, если не намотают еще; почему бы судьбе не опровергнуть эти мои ожидания, не выпустить меня раньше?..

Да нет. Куда там!.. Размечтался... :)) (Грустная улыбка, точнее, усмешка.)

Вспомнил сейчас, что предстоят повальные новогодние шмоны в лагере, – как всегда и во всех лагерях. Ищут в основном брагу и самогон, но гребут всё подряд. Интересно, как эти шмоны пройдут здесь, в ШИЗО/ПКТ/ЕПКТ, где и так каждый день шмон, а брагу и ставить не в чем, и сахара нет? Увы, испытать, КАК это пройдет здесь, на себе – мне почему-то абсолютно не хочется...

17-30

На ужин эти выблядки опять дали свою вонючую «уху». Эх, такое было искушение – выплеснуть одним махом в туалет всё это мерзкое хлёбово, когда только взял тарелку в руки...

Старший из быдлотатар (которые, кстати, дежурят только завтра!) принес днем бумажонку – расписаться: администрация ИК-10 уведомляет председателя пермской ОНК Исаева, что она отправляет ему мое «закрытое» письмо.

Но слово «закрытое» не смогло меня обмануть. А я-то, дурак, еще размышлял, ответит мне Исаев или нет!.. Это то самое запечатанное письмо, которое я написал ему и отдал «мусорам» еще 2-го ноября. Но на сегодняшней бумажонке стоит дата: 20-е ноября. Уже из этой даты ясно, что не так же просто оно провалялось в цензуре 18 дней. За эти 2,5 недели его не то что здешние, а, вполне возможно, пермские опера, несмотря на свой же УИК, вскрыли, прочли, скопировали, заклеили обратно – да так, что и надпись мою на обороте, ссылку на 91-ю статью их УИКа, не повредили. И отправили Исаеву, подчеркнув в сопроводительной бумажонке, что шлют именно «закрытое» письмо!! Какие суки, а?! Чтобы это понять, достаточно узнать про непонятные 18 дней отсрочки – и вспомнить Буреполом, где в 2009 г. отрядник Палыч при мне ножницами вскрывал запечатанный заказной конверт от Мани... и доставал из него письмо от Майсурия! Естественно, Исаев тоже не дурак – отвечать на письмо с провокационным предложением (переслать мне от имени ОНК изъятые цензурой майсуриановские письма), заведомо уже вскрытое и прочитанное операми... Суки, мрази, недочеловеки!..

Опять пришла за мерзким ужином старая мысль: написать заявление, что я объявил сухую голодовку с требованием немедленного освобождения. Но – увы, я знаю, что эти мрази все равно не освободят, а

будут кормить насильно, через шланг...

6.12.15., 6-35

На завтрак – сечка, ну и кислая черняга, как всегда. Выбросил, разумеется, и то и другое.

Быдлотатары, оказывается, все-таки вчера заступили на дежурство, вопреки моим расчетам. Младший из них вчера вечером выдавал матрасы, сегодня утром – собирал. Зажег свет, разумеется, ублюдок. Вот тебе и выходные при ночнике... Каждый раз, когда вижу этого косоглазого, лет 30, выродка, младшего быдлотатарина, – всё время теперь одна и та же мысль, точнее, картина в воображении: как я своими руками, прижав его, придавив всем своим весом к полу, перерезаю ему горло, – и какой бы это был КАЙФ!!!...

Писал уже тут, по-моему, что, собственно, это уже дно, практически достигнутый нижний предел. Без связи, почти и без писем; без свиданок; без нормальной еды, магазина и передач, – это уже дно, последняя степень... Но – почти каждый день ловлю себя на каком-то смутном, подспудном ощущении, будто чего-то жду. Не бытового: кормежки, писем, газет (как раз сегодня должны быть); тем паче – не шмона ежедневного. :) Нет, – подсознательно я, оказывается, жду чего-то хорошего, какого-то чуда, которое меня отсюда вызволит. Режим падет – и всех политзаключенных выпустят, как в 87-м, ага!.. :))) Понятно, что, оказавшись на таком дне, можно ждать разве что чуда; но всё же – я не ожидал от себя, что, вопреки разуму, у меня будут возникать еще такие чувства в душе. Умом же я прекрасно понимаю, что ждать бесполезно и нечего, чудес не бывает, а режим – о, он крепок и силен, он простоит еще долго!.. :(((Видимо, это то, о чем пишут в книжках, – то самое, неубиваемое в человеке, пока он жив: dum spiro spero; надежда умирает последней, и тому подобные банальности. И даже вполне рациональный разум, отягощенный к тому же жизненным опытом, ничего не может с ними поделать.

А опыт подсказывает (и не только мой личный), что до конца срока я тут, на «десятке», не просижу, – но не потому, что случится чудо и меня освободят, а потому, что куда-нибудь да вывезут обязательно: или на ЕПКТ, или на крытую, или просто – в другую область, так же вот просто сидеть срок, как давно мечтает меня выпихнуть отсюда пермский оперотдел. Увы, предчувствую, что как минимум один этап до конца срока еще совершенно неизбежен... :(((

А то, что не сложилась моя личная жизнь – подумал тут в который раз, – это еще наименьшая потеря. Я всё равно бы не смог ни с кем ужиться, я это прекрасно знаю. Даже и с самым близким человеком. И то, что в 45 лет уже

поздно и нельзя будет устроить свою личную жизнь – вовсе не повод горевать: не случайно ведь ее не удавалось устроить и в 25... Это просто судьба, а с судьбой не поспоришь. Гораздо хуже, что и ничего сделать, ничего сказать так, чтобы мир меня услышал и прислушался, я после (если) этого срока тоже уже не смогу. И не то что не успею, а – просто никто не будет слушать и обращать внимание, хоть до 80 лет доживи...

19-47

Тоска. Безнадёга. Бессмыслица и пустота... Жизнь прошла... Ничего не вернуть назад, а впереди тоже нет ничего. Тупик. Мой поезд ушел. Все двери – закрыты... И каждый день здесь – вот такая тоска...

Сука библиотекарь не приходил сегодня, ни газет, ни книг не принес. Значит – в следующее воскресенье притащит сразу шесть газет вместо сегодняшних трех, читай это старьё весь понедельник... Да и книг-то на будущую неделю непрочитанных уже почти что нет, нечем будет убивать тут время.

На ужин дали опять что-то новенькое: макароны, разваренные, как по тюрмам и лагерям обычно их всегда и готовят, до состояния каши, отвратительной клейкой массы. Это, конечно, лучше, чем «уха» – но, увы, без какой-нибудь приправы есть их невозможно, настолько противный вкус. Хорошо, что у меня еще остались бульонные кубики, привезенные летом из Москвы.

Жду всё по наивности какого-то чуда, что судьба меня вызовет вдруг отсюда, – об этом я уже писал. Но забыл еще одну смешную наивность: так же подсознательно, вопреки доводам рассудка, я жду еще и того, что судьба все-таки подбросит мне здесь какой-нибудь еды, хоть чего-нибудь, когда у меня уже кончится вообще всё – и кубики, и приправа, и шоколад, и хлебцы, – а м.б., даже еще и раньше, чем всё окончательно кончится. Во наивный дурак, а ?? :))))

9.12.15., 5-40

Вчера никак не мог уснуть – после полуночи только удалось – и проспал за ночь, наверное, всего часа два, не больше. Видимо, перевозбудился :) , читая свежую вечернюю почту – два письма от Землинского с вложенной в них разодранной пополам книжкой Бродского, и 110-е письмо от Майсуряна. Как я понял, он вложил в него тексты, не пропущенные ко мне ранее в 104-м письме, он уже писал, что там были в основном материалы, ругающие меня. :) Гвоздь же программы – громадная статья, опубликованная в журнале «Вопросы национализма» :) , полная ученых слов типа «нарратив» :) – и на полном серьезе доказывающая, что «руссофобию» как комплекс идей и понятий придумали в основном поляки

еще в 16-17 веках. :))) Очень забавно читать статью, где вся подробно описываемая, с цитатами, правда о Московии и москалях, об этом жутком Мордоре и населяющих его генетических рабах и варварах, вековечных врагах свободы, правда, веками известная Европе, – подается не как непреложная, опытом многих поколений проверенная истина, а как некая злобная «руссофобия». :)))) При этом о том, как москали резали и кроили Польшу, веками насильствовали ее, заливали кровью, вешали и тысячами ссылали поляков на смерть в Сибирь – в статье вообще не упоминается, как будто этого не было. А зато утверждается, что правда о вековечном рабстве, пьянстве, варварстве и прочих прелестях москалей – это, мол, «руссофобский миф», аналогичный [пропуск строки] вот гнусный бред и подтасовка – но кто-то ведь, читая, всему этому верит... :(((

Я удостоился чести быть в соответствующей рубрике статьи («русская руссофобия» :)) упомянутым (ссылки на несколько моих текстов 2012 г. в блоге на «тиффаретнике»), как и покойная Новодворская (старые тексты 1993-94, за которые ее в 90-е же пытались «судить») и знаменитый «Исход» Нестеренко.

Письма эти мне принес незадолго до ужина очередной «психолог» – на сей раз не прежняя тетка-майорша, а некий мужичок в штатском, немолодой, весьма сомнительного вида. Сперва пытался подсунуть мне некий тест – рисунок, – мол, с кем из изображенных на нем человечков я себя ассоциирую. Когда я сказал, что ни с кем, он сразу же завел разговор на политические темы – мол, за что я сижу, в чем именно заключается мой «экстремизм» и т.п. Мне-то не жалко рассказать, но по ходу разговора поперли сразу же не только тупые штампы из телепропаганды – мол, «развалили страну» (СССР), «Украину не возьмут в Европу» и т.п. – но и разговоры о том, что у него, мол, родственники живут во Львове и сам он знает украинский язык; и что якобы он объехал чуть не всю Европу, и даже... работал в «Газпроме»!.. :))) Что же ты тогда тут-то делаешь, психологом на зоне на полставки?! :))) (Про полставки он сказал, или как-то так, не помню точно.) Не вяжется это никак – из «Газпрома» уйти в зоноские психологи, или вообще куда-либо, даже имея психологическое образование (тоже по его информации). Короче, я слушал это чучело – и не верил ни единому слову, а быдлотатарин еще и торопил его все время, – что-то ему не терпелось идти делать, то ли ужин раздавать, то ли еще что, не знаю точно. Так мы с этим «психологом» и разошлись, ни к чему не придя. :))

Ну, а всегдашняя, имманентная здешняя мерзость – она тоже тут как тут, она никуда не девается. На завтрак вчера была перловка (выбросил), на ужин – опять мерзкая «уха». Уже дня три, если не больше, с окна опять

страшно дует, в камере холодина, я сижу в четырех слоях одежды (футболка, «тепьяк» и два свитера), ноги мерзнут даже в шерстяных носках – а батарея чуть-чуть теплая, еле греется. Вчера ШИЗО-шники днем долго вопили и ругались в бане – им, оказывается, среди дня отключили горячую воду, а у них как раз был банный день. Завтра он и у ПКТ-шников – и я боюсь, не случилось бы так же и со мной...

Да, забыл еще: Майсурян прислал вчера в письме наконец-то адреса Кирилла Подрабинека и Мананникова (про которого я уже и забыл, что просил его адрес) – и Подрабинеку я сразу же написал, задал вопрос про эту их «Новую ХТС», что она собой представляет. Между прочим, грустнее и удивительнее всего, что писем вчера оказалось всего три, а ни от кого больше из тех, от кого я жду, писем не было, – от Веры, Санниковой, Лагутенко, Григорьянца, Мкртчяна, Корба и пр...

18-53

На завтрак – сечка, на ужин – перловка (без ничего). То бишь, я поел сегодня только один раз – в обед, между 11-30- и 12-ю дня. Скучный, жалкий обед плюс корка от хлебной пайки, – и серой кислятинкой, мякишем от той же пайки, буду «ужинать» после отбоя. Боюсь, ее отчаянную кислоту не сможет заглушить даже мой весьма уже сильный голод... Не удивительно, если на таком питании я ближе к концу срока не смогу просто-напросто таскать ноги.

Чудовищно, сатанински болел днем язык, трущийся и ранящийся о зубы. Давно вроде этого не было – еще с тех пор, как болел у меня в ноябре зуб, – и вот опять... :((Разговаривать вообще не могу, – хорошо, что тут и не с кем. Да еще разболелась вечером голова, хоть и не очень сильно, – ясно, что поднялось давление; не столько даже боль, сколько такая чугунная тяжесть в голове и отдаются удары сердца. Но – мои московские таблетки недоступны, лежат, запертые в сейф, в нескольких метрах от меня, наискось через коридор...

Уже больше месяца прошло, а ребята всё никак не едут... :(((

10.12.15., 17-27

На завтра – сечка, и на ужин – сечка. :) Т.е., опять поел только один раз за день – в обед, да еще на вечер от него же осталась серая кислятинка. Ситуация с одноразовым питанием в день кажется мне катастрофической, но – увы – ничего поделать нельзя... :(

Написал днем два письма – Мананникову и (вдруг надумал) Наде Банчик в США. Уже третье письмо ей за этот год, причем абсолютно ясно, что не дойдет и оно. Просто Землинский неожиданно прислал конверты с марками для заграничных писем – вот я и решил написать, благо

возможность есть.

Сука баландер, видимо, заметил, что я выбрасываю сечку и споласкиваю тарелку водой, чтобы смыть остатки, – и решил поглумиться. Положил сейчас сечки своей вонючей аж два черпака – и говорит: вот, мол, этот человек (т.е. я) всё время говорит, что я ему мало кладу, вот положу ему побольше... А я говорил, м.б., один раз, от силы два. Ты бы, паскуда, в обед картошки – или хоть макарон, как сегодня – с мясом мне два черпака клал, а не сечки...

А м.б. – сейчас только подумал – это отголосок того, что я во всех письмах всем пишу, что с питанием здесь швах и что я голодаю? Нет, вряд ли...

Язык продолжает болеть, хотя и не так сильно.

11.12.15., 12-29

В баню вчера (четверг) так и не сводили: до вечера мылись там свежесажженные накануне блатные «суточки» (ШИЗО-шники). В полдевятого ублюдок-«мусор» заглянул в «глазок» и спросил: хватит ли мне полчаса, чтобы помыться? Ага, а еще постираться и побриться, сука ты такая!.. Получив отрицательный ответ, он пообещал сводить сегодня утром. Зная их манеры, я специально спросил: до завтрака или после? Он заверил: сразу с подъема! И конечно же, как и в прошлый раз, повели не «с подъема», а только в начале восьмого утра, когда уже начинали развозить завтрак.

Баландер опять наложил мне в завтрак полную тарелку сечки (я выбросил ее); [пропуск строки] положил на второе картошки с мясом вроде бы тоже побольше, чем клал обычно. Не так, как сечки, конечно, но на глаз – вроде бы несколько больше. Чудеса!.. :) Неужели и впрямь подействовали на этих мразей в погонах мои письма, где я всем пишу открытым текстом, что голодаю здесь, что с питанием здесь – швах, беда, катастрофа?! Ну и ну, если так... :) Но только что-то все-таки не верится; надо будет проследить за динамикой накладывания этих мясных вторых блюд хотя бы в течение дней трех-четырех.

С нетерпением жду ребят – Глеба с Ромой – а они всё не едут... :(((А ровно год назад в этот день я уже сидел в столыпине, везшем меня в Пермь; а дальше – в Москву...

12.12.15., 6-45

На завтрак – гречка, и – никаких двойных порций. Обычный жалкий черпачок, как и всегда. Много здесь могут дать – только несъедобного дерьма...

12-05

Нет, макарон с «мясом» (одна требуха) на обед – тоже один обычный

черпачок, как всегда. На доньшке... Медленная, подспудная, необъявленная голодовка, значит, продолжается...

14.12.15., 13-56 Начитался газет... Вчера библиотекарь принес шесть штук сразу, как я и боялся. Сказал, что в прошлое воскресенье его не было (где ж он был, интересно?..). Две прочел вчера до отбоя, остальные – сегодня с подъема. Вчера-то он принес уже после ужина, как теперь стал почему-то ходить. Сегодня – читал с подъема, с перерывом на обед. На завтрак перерыва не понадобилось – сечка. Да еще и пропускал многие не особенно актуальные материалы, – потом прочту, будет еще время...

Что ж... Захват Крыма, война в Донбассе, русские бомбежки в Сирии, взрыв русского самолета над Синаем, атаки исламистов на Париж 13 ноября, сбитый турецким истребителем российский бомбардировщик (браво, турки!! Молодцы!!! Давно бы так!..), протесты российских дальнобойщиков против «платона» (дорожный налог), взорванные (тоже давно надо было, еще в марте 2014!!) опоры ЛЭП из Украины в оккупированный Крым...

Нет, всё это – не только в шести номерах, конечно. Это – злоба дня, нынешнего и вчерашнего. Дальнобойщики, Турция, опоры ЛЭП... Крым-то оккупирован уже почти два года. :(((

И мерзкое, тошное чувство подступает каждый раз, когда читаешь эту свежую (по тюремно-лагерным меркам, – ну подумаешь, 2-3 недели задержки!..) прессу. Чувство собственного бессилия. Чувство, что живая жизнь, как река, бурлящим потоком проносится мимо тебя по этим страницам, – а ты сидишь тут, на берегу, и ничего не можешь сделать. Ни на что в этой жизни не можешь повлиять, ничего изменить....

И самое худшее – не только потому не можешь, что сидишь в тюрьме. Но и до тюрьмы не мог. И выйдешь – не сможешь тоже, это абсолютно ясно уже сейчас. Вроде не мальчишка уже, не зеленый юнец, есть свои идеи, достаточно яркие и радикальные, да и в политике, в оппозиции так или иначе – 25 лет, всю сознательную жизнь, и пишешь неплохо, журналистского стажа 21 год, и отсиджено уже за мысли и слова – восемь лет, а будет – 12, если доживешь...

И что?: Куда? – в «Новую газету», что ли, как освободишься, идти – проситься в обозреватели, чтобы иметь возможность хоть что-то сказать – и быть услышанным, хоть на что-то повлиять? :)))))) В ту «Новую», которая за три года срока упомянула меня мельком лишь один раз – и то потому, что не решилась кромсать маленькое интервью Горбаневской в августе 2013-го...

Суки! Подонки!.. Я столько всего мог бы сделать, столько взять на себя – в том числе и того, что они, м.б., и хотели бы озвучить сами – да бояться!.. Стать их официальным enfant terrible, этой страной «оппозиции», этих страных

«либералов», как я написал полтора месяца назад Санниковой (ответа нет до сих пор). Мог бы – но они не хотят!.. И не говорят прямо, что не хотят, просто – не замечают меня, делают вид, что меня нет. Я никому из них, «оппозиции» этой страной, не интересен, сколько бы ни отсидел. Освободишься – вернешься домой, в ту же квартиру, к той же жизни, что была и раньше, и до второго ареста, и еще до первого. Можешь писать в соцсетях и на своем сайте на [marsho](#) (10-15 посещений в день) что хочешь; можешь на свои деньги печатать любой самиздат – и лично, сам, его раздавать на их митингах (если тайно, под одеждой, его туда пронесешь); ты – частное лицо, за тебя никто не отвечает – но тебя никто и не поддерживает. Сел за слова – выкручивайся как хочешь, они ни при чем; освободился – вернулся к той же частной жизни, статус твой от 12 лет тюрьмы никак не изменился и не повысился, общественного, внимания, интереса к тебе – никакого (ну, у кого есть личный интерес – могут сами тебе лично в соцсетях и писать). Сиди опять на кухне, смотри в окно, вспоминай, как падал из него 15 лет назад... Нет уж – из-за одного этого только я не вернусь больше в ту квартиру, не говоря уж о надзоре и всём прочем!..

Что же делать, если привел бог родиться с таким характером и умом, со склонностью к большим, великим делам, с непреодолимым желанием в них участвовать, самому затевать их, а не только в газетах о них читать, – а возможности такой не предоставляет жизнь? Не знаю, что делать... Ничего тут не сделаешь... Отсюда и тоска – от ясного понимания, что ничего уже не будет у меня в этой жизни, никаких великих дел меня не ждет. Зато ясно понимаешь, что именно вот от этого – от безнадеги и полного отсутствия жизненных перспектив, т.е. понимания, что жизнь кончена, еще задолго до смерти, – и начинают на воле многие люди пить. Глушат водкой эту свою безнадегу и тоску, топят их в ней. У меня-то и этого выхода не будет, как не было его никогда, с юности, – и мне еще тяжелее...

Анатолий Найман, когда-то литературный секретарь Ахматовой в статейке о стрельбе 13.11.15 в Париже упоминает и Брейвика – ругая, разумеется, его последними словами. Мол, он-то еще хуже этих парижских исламистов. Но очень к месту его Найман тут вспомнил! Я-то давно уже думаю, что надо бы, видимо, поддержать (на словах, в душе, максимум – в интернете: большее-то от меня не зависит!.. :) это Исламское государство, так со всех сторон бомбимое, поливаемое – и одновременно упорно подозреваемое Землинским :) в том, что оно, мол, создано Лубянкой. Вот и найдена хорошая формула: не хотели поддержать Брейвика, который убивал ИХ, чтобы спасти всех ВАС (не только норвежцев, а вообще

европейцев), – пусть вас убивают исламисты из ИГИЛ! Пусть! Французов, несмотря на все это мировое нытье и вой, абсолютно не жалко: [пропуск строки] сюсюкали с ними, нянчились, облизывали их, даже когда они уже в 2005 погромы в Париже устраивали, – пусть они вас теперь убивают, поделом! Вот редакцию «Шарли Эбдо» – мне жалко, тут дело принципа, – свобода слова; а французов вообще, как таковых – не жалко! А уж глядя на то, как после этого расстрела они кинулись за помощью к Путину, как Олланд пробивал эту «антитеррористическую коалицию» с участием России против ИГИЛ (но вроде бы, как пишет «Новая», так и не убедил Обаму; и то хорошо), а Землинский еще мне пишет, что расстрел парижан исламистами – дело рук Лубянки, а выжившие жертвы туда же, на Лубянку, еще и за помощью ползут, – так пусть вас, идиотов, и мочат, так вам и надо, туда вам и дорога!!! Будь я на воле – написал бы всё это в интернете.

Ислам принимать я, конечно, не собираюсь. :)) Я атеист, либертарианец, сторонник прав человека. В том числе – права слушать громкую музыку; ходить в любой, самой открытой, одежде; есть всё, что хочешь; права рисовать и писать всё, что угодно – в том числе и любых пророков и аллахов; самое главное – права женщины самой выбирать себе партнера, из-за чего главным образом, по Ихлову, по его статье еще в сентябре 2001, и ненавидят исламисты современную западную цивилизацию.

Но – есть два соображения против. Два «НО». Или даже три. Я не считаю, что арабы, негры, турки, вообще люди с темной кожей должны жить в Европе на правах коренных европейцев. В 70-е их там было не так много – и это было еще терпимо. Сейчас же – должно быть введено четкое разделение: темнокожих – всех, даже с гражданством – вон; для своих же – сохраняются все права и свободы, как и прежде. Никакой диктатуры ради «безопасности», как в России с 1999-го, – и никаких чужаков, такие несовместимых, как выяснилось, с западной культурой и свободой.

Так вот, это первое «НО». Второе же – при всей антипатии к исламистам с их запретами и средневековой дикостью, – они враги моего врага, т.е. Путина и всей его чекистской банды. Исламисты, в конце концов, на своей, исламской, земле, – в Сирии и в Ираке. А Путин – здесь, у меня над головой, за спиной, вокруг. Я не люблю религии и ненавижу запреты, – но Путин – это те же запреты, то же варварство, дикость и «традиционные ценности», только в более хитрой, византийской, более изысканной и внешне красивой обманчивой упаковке. И это еще хуже исламистских казней за «выход из ислама» и т.п.! Я не хочу быть против исламистов вместе с Путиным, вот в чем всё дело!! А он, хитрец, как раз это и продвигает как основной сценарий, этим-то и хочет без мыла в жопу влезть: мол, против ИГИЛа вам без меня

всё равно не обойтись. Ну – тогда уж лучше ИГИЛ, и пусть он мочит этих дураков-парижан, расплодивших у себя без счета негров и арабов! И немцев заодно пусть мочит, радостно приветствовавших этой осенью на немецких вокзалах миллионные дикие орды чужаков – беженцев из Сирии, которых надо было еще на венгерской и сербской границах пулеметами встречать!! Короче, не нравился вам Брейвик – получайте ИГИЛ, поделом! Да еще и Путина впридачу, он и вашу Францию тоже объявит «родиной православия» и у вас тоже проведет «референдум» за то, чтобы вы стали субъектом РФ...

Враг моего врага – мой друг. Даже лимоновцев можно было бы в 2000-е по этой же формуле уважать, если б они были тогда посмелее, бросались бы в министров не майонезом, а гранатами. Гнусен средневековый исламизм – но Путин-то еще хуже, и нельзя быть против ИГИЛа вместе с Путиным! К тому же, статус «организации, запрещенной на территории РФ» чего-нибудь да стоит, – и если он есть сам по себе отличная рекомендация в случае с «Правым сектором», то почему всё должно быть так уж беспросветно плохо в случае с ИГИЛом? :)) Нет уж, будем поддерживать ИГИЛ, – это всё же лучше, чем лизать жопу Путину вместе с Олландом!..

В коридоре оживление, какая-то суета, беготня, голоса... Понедельник. Интересно, будут ли сегодня «крестины»? Мне осталось ровно 205 недель, 1435 дней...

17-47

Не было ни гроша, да вдруг алтын!.. :))) На ужин опять сечка, но к ней – и кусок жареной рыбы, и – салат из маринованных помидоров, который уже почти полтора месяца не давали! То-то пиршество!.. :)) С салатом я съел почти всю горбушку черного хлеба, данную на ужин, – странное дело, я всегда нюхаю этот хлеб, когда выбрасываю его, и всегда от него несет кислятиной; а тут – ни на запах, ни на вкус не кисло! Под конец и без помидоров, так, съем несколько кусочков, – жестко, но съедобно, не кисло, – что за чудеса?! Рыбу оставил себе на свой ужин после отбоя – с мякишем серой обеденной пайки. Больше чем на два бутерброда – по опыту прошлого раза – там вряд ли выйдет, но остальной мякиш можно будет доест с помидорами опять же. Да еще – скорее всего, их хватит и на утро, вместо утренней сечки тоже съесть с ними черную утреннюю пайку. Красота!.. :))

Да – резюмируя написанное днем – жальче и обиднее всего, что вот вроде не обделил бог и умом, и талантом, умением писать, да еще – писать грамотно; и характером тоже, – я же «сильный человек», как говорит здешняя майорша-психолог, я бы мог многое – и кровь в том числе, и большую кровь, если надо – взять на себя, я не боюсь, меня не будет потом

мучить совесть; и решителен, и умен, и талантлив в слове и в деле, и не трус, и биография боевая, – с 16 лет в политике, в оппозиции, 25 лет стажа уже, и отсижено восемь из 12-ти назначенных, и три судимости уже за политику эту, – а вот поди ж ты: никому на свете не нужно всё это; и реализовать себя, свои таланты, способности, мужество – мне до 41 года всё ещё не дано судьбой (и теперь-то уже не будет дано никогда, теперь это уже абсолютно ясно); и ничего-то, ничегошеньки от меня не зависит ни в стране этой проклятой, ни в мире, ни в моей собственной дурацкой жизни, – даже меню моего ужина... :(((((((А в обед появилась опять откуда-то в коридоре кошка Соня, еще в том году тут бывшая, – мяукала, люди звали ее «кыс-кыс». Я-то думал, истребили тут в этом году всех кошек – ан нет, Соня-то жива!.. :)))

16.12.15., 15-47

Выдернули вдруг, с полчаса назад, «получать посылку». Оказалось, мать прислала-таки книги, как ее просил от моего имени Землинский, – две штуки, Мизеса и Хайека. Конечно, «мусор» из КДС (почему-то вскрывал и в журнал записывал он) не отдал их мне, а забрал на проверку в оперчасть. Да еще пытался чесать мне какой-то бред, – мол, почта выпустила какое-то новое правило, по которому в бандероли можно класть только рукописи, фотографии и пр. – и поэтому, мол, всё прочее будет здесь класться на вещи! Явный бред: если что-то не соответствует почтовым правилам – то почта просто не примет и не пришлет; а если она УЖЕ прислала – зачем же изымать на вещи?! Пока писал обо всем этом письмо матери – поразмыслив, понял, что правило это, видимо, касается только бандеролей в КОНВЕРТАХ, – бандероль ведь весит от 100 г., и это действительно может быть конверт с бумагами (а с чем еще?) до двух кг. – и это вполне может быть коробка с колбасой или сгущенкой. :) Короче, ясно, что под любым предлогом хотят всё, что мне будет приходиться, или сразу отправлять назад, или изымать и класть «на вещи». Получу ли я эти книги до Н.г. – очень сомневаюсь. Да и письма опять не несут, вот уже вторая неделя сегодня пошла...

Возвращаюсь в камеру, «мусор» с лязгом открывает дверь – и что-то темное, похожее на комок пыли, опростелью бросается от нее в глубину помещения, под стол. Мышь!! Опять появились мыши, а ведь все два месяца, что я тут сижу, вроде не было их. Это еще что, крысы бы не вылезли как-нибудь из подпола и не начали тут бегать...

Неотвязная, мучительная тоска, день за днем, день за днем... И не о том, куда я попал, ЧТО вокруг меня (мерзость), не о том, что я голодаю тут, реально голодаю... Всё это можно вытерпеть – если б только знать, ради чего. Еще три года и 11 месяцев сидеть – а я всё думаю о том, куда же я поеду, к кому, если доживу до освобождения где буду жить, как, на что... Увы, этот

режим лишил меня и дома – теперь вот, а в первый срок не было у меня таких сомнений – и будущего, и вообще – всего... Будь проклята Россия!

17.12.15., 12-36

Получается, что во Франции жопу Путину лизут абсолютно все: и левые – в лице Олланда (участника продажи Путину Украины), и правые – в лице Саркози и Марин Ле Пен. Все, абсолютно все хотят дружить с Путиным; даже непонятно, есть ли вообще во Франции такие, кто против Путина. Что ж, дорогие лягушатники, за одну вот эту любовь к Путину – пусть вас мочат арабско-негритянские исламисты, которых вы сами же расплодили у себя в стране, холили их и лелеяли, сюсюкали с ними, кормили и поили их на халяву, так что громадные семьи с кучей детишек у вас там жили припеваючи на одни только детские пособия. Что ж, детишки подросли – и вот вам, получайте: Батаклан, стадион, кафешки на бульварах и т.п. Так вам и надо, идиотам! Естественный отбор: если нация нежизнеспособна – она должна сгинуть, уступить место более сильной. Вот и пусть вас мочат, стреляют эти арабы, раз вы теперь одновременно и арабо- и путинолюбы, двойные мазохисты. Времена мирабо, бриссо, дантонов, робеспьеров, наполеонов – у вас давно прошли, вы ничтожества, неспособные дать отпор (имея физическую возможность для этого, но не имея воли) – пусть вас мочат, пусть и впрямь из собора Парижской богоматери сделают мечеть. Туда вам и дорога! Надеюсь, англосаксы и скандинавы окажутся поумнее вас, глядя на ваш печальный пример...

На завтрак – сечка, на обед – перловка... Хотел было и эту мерзость выбросить, как только увидел, но – не хватило силы воли. Надо тренировать ее. И так уже я здесь почти ничего не жру, ем один раз в день, в обед... Всыпал в перловку половину растертого бульонного кубика – и с отвращением, давясь, все-таки съел... :((Даю себе слово, что эту дрянь я ел в последний раз!

Смены мразей в камуфляже сбились, перепутались; по моим подсчетам, Шрек должен был дежурить сегодня – на четвертый день после прошлого раза, – а он дежурил вчера, сегодня – уже быдлотатары. Ох, какой же лютой, смертельной ненавистью я ненавижу и их – этих конкретных косоглазых ублюдков – и вообще всю эту «мусорскую» нечисть, весь этот ФСИН, всех, кто в нем работает, по всей стране!! С каким бы наслаждением я резал бы им, связанным по рукам и ногам, глотки, кромсал бы их туши на куски топором, живьем бы засовывал в крематорий, топил в воде, выкалывал глаза, отрезал еще живым носы и уши!.. От желания кромсать и уничтожать их непременно лично, своими руками, а если ух будет много, тысячи, весь ФСИН, сколько их есть, – то взять автомат, – я содрогаюсь каждый раз, когда

вижу здесь этих гнусных тварей, ублюдков-недочеловеков в их камуфляжной форме, этих омерзительных блядых детей...

18.12.15., 5-33

Вчера в 17-00 мои часы показывали правильное время, пять вечера. А вот в 19-40 они уже каким-то образом успели отстать на 25 минут и показывали только 19-15. Как это происходит – уже не в первый раз – просто ума не приложу, тем более, что я постоянно трясу их, т.е. автоподзавожу, и остановиться на целых 25 минут они никак не могли. Тем сроком я почти три года носил такие же – и ни разу они не отставали больше чем на 2-3 минуты; а сейчас выходит, что я так берегу и прячу эту дурацкую железку, отстоял ее даже от оперов, 15 суток за нее получил – но доверять ее показаниям, быть всегда уверенным, что она показывает правильное время, – не могу!.. :(

Ночью, около трех часов, приехал этапом блатной армяшка-«бродяга», с которым я в августе полдня и ночь провел в одной камере на пересылке, на 29-й. Привели его в то же примерно время, что и меня тогда, в ночь на 28-е августа, – и он сам крикнул на весь коридор, что он приехал, – откуда я, собственно, и знаю. Оказывается, уезжал – видимо, на больничку, а куда еще? – и его тут не было; то-то, я смотрю, о нем давно ничего тут не слышно...

Проклятый быдлотатарин, которому я всё мечтаю перерезать глотку, со вчерашнего дня взял манеру, включая в камере верхний свет, выключать ночник, который до этого всегда горел. Экономию, что ли, наводят, суки?.. А я просидел вчера весь день, не зная толком, будет ли этот ночник работать к отбою – и не придется ли всю ночь спать с верхним светом, если не будет.

10-20

Почти сразу после шмона выдернули вдруг к мрази Баяндину (он приперся сюда). Отдал мне сперва ответ прокуратуры – непонятно, кому и на что; видимо, на жалобы матери – о том, что с медицинской помощью здесь, в лагере, у меня все нормально, осмотры проводятся регулярно, отказов в медпомощи не зафиксировано. :))) Ну конечно, кто бы сомневался... Потом стал вскрывать заказные письма. Удивила Вера – прислала бандеролью две книги: Станислава Божко (мужа Санниковой) и Полины Жеребцовой, о которых я и не просил ее, и вообще не знал. Полины – не дневники чеченские уже, а что-то художественное. Прочитав о ней сведения на последней странице обложки, я прямо ахнул: она уже, оказывается, и лауреат международной премии имени Януша Корчака, и финалист премии имени Сахарова «За журналистику как поступок»... А я по-прежнему никто, не лауреат и не финалист, а просто пустое место,

«радикальный публицист»... к моему удивлению, мразь Баяндин, просмотрев эти книги, мне их сразу отдал. Я спросил его о тех, позавчерашних – Мизесе и Хайеке, – он их, оказывается, еще даже не видел и о них не слышал. Затем – конверт от матери (но не ее рукой, по-моему), где были конверты и марки, но письма, по-моему, не было. Письмо и распечатки от Мкртчяна, включая две статьи Нестеренко; письмо от Санниковой, включающее календарик, марки и открытки, как обычно. Письма Мкртчяна вместе с распечатками и Санниковой он забрал, сказал, что отдаст цензорам, обещал сегодня же принести уже ими прочитанное, – в чем я, разумеется, категорически сомневаюсь: как в том, что он вообще придет и принесет, так и в том, что цензора пропустят распечатки, особенно статьи Нестеренко. Да, забыл: в санниковском письме были распечатки стихов, – ну, их-то пропустят...

Боже, какая тоска!.. Жизнь прошла, на воле она все идет, что-то происходит, люди выпускают новые книги, получают премии... а я всё так же никто!.. :(

15-52

Принес письма уже другой опер-мразоид – тот, что хотел 5 ноября отнять у меня часы. Санникова по сути письма мне и не написала, лишь короткую записку. Мкртчяновские распечатки все прошли, в том числе и две статьи Нестеренко, ура! Принес он и письмо от матери, и еще одно – от Землинского.

Но – два тяжелых удара! Первый – принес этот мразоид и новый «акт» об изъятии писем, на сей раз – уже моих. То последнее, третье уже за год недавнее письмо к Банчик, что я написал недавно, понимая, что оно едва ли пройдет, – не стали красть, как я думал, а изъяли официально. Причина – что я обращаюсь к Банчик с просьбой как-то выйти на Муждабаева в Киеве и просить его помочь «распространить информацию о деле Стомахина» (кажется, так), плюс – что я упомянул свой сайт stomahin.info в том смысле, что все тамошние материалы предназначены для издания в виде книг. И – письмо Землинскому, последнее, видимо. Там он ругал последними словами Айн Рэнд и написал такую глупость: мол, главная претензия к ней – что ее поклонником мог быть и Путин, начитавшись Айн Рэнд с подачи Илларионова. Я ему ответил: и что же в этом было бы плохого?! Путин тогда не мог бы быть президентом России, не мог бы захватывать чужие земли и проводить геноцид других народов, а м.б., даже сделал бы что-нибудь полезное. Насколько я помню, больше о Путине там ничего не говорилось. И вот – письмо изъято как задевающее «честь и достоинство президента России»...

Второй удар – еще болезненнее; но – моя догадка оказалась правильной. Один раз Лена Маглеванная ничего не получала, второй раз ничего не получала... А тут Землинский наконец-то сообразил, ЧТО именно я его просил посмотреть, зашел на «тиффаретник», – ну конечно же, там ничего не висит, ни текстов, ни стихов, с самого моего отъезда из Москвы!.. Суки какие бывают «друзья», а?! – брат, обещать, что отправят – и ни хрена не отправляют!.. Ибо Лене я пока еще верю, что это не ее саботаж... Но человека, который мне обещал всё ей переправить, я тоже долгие годы считал одним из своих лучших друзей, еще и от Мани его защищал, когда она его крыла... Сука такая!.. Обманул, подлец, и ведь будет теперь нагло всё отрицать, клясться, что он всё переслал, и т.д. и т.п... И поделаться с этим ничего нельзя, увы... :(((

Да еще пришло неожиданно глупое письмо от Поликовского из «Новой газеты», которому я писал по поводу его статьи сразу, как привезли сюда. Конечно же, он всё отрицает: и интеллигенция – не жертва, и «народ» – не одни стукачи, и Путина, мол, «народ» не выбирал, и вот блоковское имение в 1917 году «народ» сжег, а толстовскую «Ясную Поляну» ведь не сжег же, и т.д.и т.п. Типичный хлюпик, правозащитник-ненасильник, «и нашим и вашим за три копейки спляшем», «всем сестрам по серьгам». Ничтожество... Поразительно другое – что он вообще надумал-таки мне ответить и что, как он пишет, мое письмо, отправленное в конце августа, он получил в редакции только недавно – а его ответ мне датирован 9-м декабря.

Нет, но какая же мразь здешние чекисты – оперчасть – конфискующие письма – и какие же суки оказываются на деле некоторые «друзья»!!!!...

19.12.15., 12-12

Спал этой ночью очень плохо, от силы всего часа три. С вечера часа полтора-два никак не мог заснуть, да в три утра уже окончательно проснулся. Вот что значит – с вечера взвинченные нервы; и ничего тут нельзя с этим поделаться, и снотворных нет...

Лежал в четвертом часу утра без сна, на животе, лицом к камере – и, не помню уже, звук, что ли, какой-то услышал, – открыл глаза. И – засек на полу мышшь! Довольно крупная, почему-то почти – а то и совсем – черная (или это ночник ее так освещал?), сзади длинный хвост тащится... Я-то ее засек, а она меня – нет :))) (что я не сплю) – и некоторое время я мог беспрепятственно ею любоваться. :) Она, как оказалось, теперь, в отличие от 2014, вылезает из самого дальнего угла – под батареей, за скамейкой, на которой я обедаю. Вот уж не думал, что там есть какой-то лаз... И оттуда – конечно же, через всю камеру пробирается каждый раз к «дальняку», на котором от крошимой туда черняги остаются крошки. Очень юркая,

бесшумная, настороженно замирает – прислушивается. Пару раз всполошенно убегала в угол или же – пряталась где-то под тумбочкой, пережидала опасность (каждое мое малейшее шевеление она слышит, естественно), но потом возвращалась. Следил я за ней довольно долго, мне так долго и близко живую мышшь видеть за всю жизнь еще не приходилось, по-моему. В общем, симпатяжка. :) Очень жаль, что нельзя с ней познакомиться поближе, подержать в руках, погладить... Бойтся, глупая... :(((

Еще и психолог, косоглазая майорша эта, вызывала меня вчера вечером, до ужина. Воистину был день писем: отдала еще два от Землинского и одно – от Майсуряна! Спрашивала, как я отношусь к «терроризму» (ответил: поддерживаю обеими руками; хотя потом и уточнил, что «терроризм» – это всего лишь жупел) и – что лично мне плохого сделал Путин. «Сломал мне жизнь!» – ответил я, когда прошел первый шок от ее наглости. А что тут еще можно было сказать? Кажется, ссылку на то, что я уже восемь лет отсидел по милости Путина, она поняла. А самое уморительное было – она сказала, что, идя сюда с моими письмами, она СЛУЧАЙНО :) заглянула в одно из них, майсуряновское – и поняла, что какая-то фотография там – ну 100% фотошоп!! Я тотчас полез, потребовал показать – и она мне показала старую фотку, еще 2013, что ли, года, где в Питере на митинге Павленский и Серое Фиолетовое держат транспарант «Борис Стомахин прав во всем?». Вот их уровень: извне, из мира лояльного расейского быдла, этот мем кажется им – в виде фотки – фотошопом... :))))

Еще одну омерзительную новость узнал я затем из этого же майсуряновского письма, точнее – из распечатанных в нем постов Корба в соцсетях. Корб пишет: последнее время все «стомахинские» сайты на tarsho.net перестали открываться. Проблема видимо, в хостинге, но решить ее не получается, т.к. админ сервера тоже куда-то таинственно исчез...

Куда же мог исчезнуть кретин Михилевич? И что с сервером? Если он погибнет – это для меня почти катастрофа, ведь многие материалы висели там, лежали в моем компе, изъятом на обыске в 2012, а теперь, дай бог, остались в возвращенном из ФСБ ноутбуке, – но до него еще надо добраться, а до того – освободиться... И самое худшее – что отсюда все оставшиеся годы я эту проблему решить вообще никак не смогу, а после подтвердившегося вчера предательства того, кого я считал ближайшим другом – так тем более. Что делать – совершенно непонятно. Да и не воле – вряд ли я смогу один, без помощи Михилевича, запустить сервер на новом месте... :(((

20.12.15., 17-34 Воскресенье. Библиотекарь вдруг пришел сегодня, видимо,

опять в три часа дня, как

ходил раньше. Сужу я об этом только по воплям уголовного из какой-то камеры, требовавшего «нормальную» книгу вместо полученной, – ибо ко мне этот урод не зашел. Почему? ХЗ (бог весть). Если бы он принес мне, как обычно, газеты – думаю, зашел бы, ведь их надо отдать. А так я остался и без книг, и без газет; завтра дочитаю библиотечного Хайнлайна – и надо будет выцарапывать из оперчасти моих Хайека и Мизеса. А как выцарапывать? – я могу разве что заявление написать, что требую отдать... А через неделю опять, значит, сразу шесть газет – и опять их читать до посинения... :(

Пришло вчера в голову: т.к. санчасть забрала все мои лекарства, лишив меня этим всякой РЕАЛЬНОЙ медпомощи – то я могу написать заявление, в котором откажусь официально от любых их плановых осмотров (флюшка раз в полгода и т.п.). Я уже знаю, что именно для этого на ? и существует здесь санчасть, – а мне это не надо, с моими лекарствами я легко обойдусь и без нее. Ясно, что на заявление реакции не будет никакой – а вот когда в марте придут выдергивать меня на флюшку – я откажусь – будет страшный шум и скандал, будут тащить силой и могут легко навесить 15 суток. Впрочем, наплевать, – для меня это будет уже дело чести. Притащат силой в санчасть – я и там просто откажусь раздеваться и заходить в кабину аппарата, вот и всё. Уж тут заставить они не смогут.

А то, что они забрали одно письмо за «честь и достоинство» Путина, а второе – за обращение через Банчик к Муждабаеву, – это надо обнародовать! Толковый журналист сделал бы из этого сенсацию хотя бы на уровне «Граней» (выше-то мое имя – в любом случае табу, что бы со мной ни случилось). Взял бы комментарий и у Банчик, и у Муждабаева, да и для него это как раз был бы повод тоже обо мне написать; да и закона об охране «чести и достоинства в РФ нет, в отличие от позднего СССР, так что это вообще уже наглый произвол цензуры. Но... Кто будет этим заниматься? Мог бы – раньше – Глеб, но и раньше он был так занят, что ему было не до меня, кроме приезда раз в полтора-два месяца; а уж теперь, после того, что открылось, и готовящейся ссоры... короче, нечего и мечтать... :(

21.12.15., 6-04

Надо же, как меня подкузьмила весть от Корба о том, что умерли мои старые сайты на marsho.net! – до сих пор не могу прийти в себя. Если погибнут безвозвратно мои старые тексты с 1998 г. – можно сказать, погибну с ними и я. Чего я стою без этих старых текстов, которые никогда не будут изданы книгой? – все-таки, даже без книги, они – мое единственное достояние на этой земле, единственное свидетельство и результат прожитой жизни – хоть и никому не нужный результат. [Пропуск строки;

речь идет о том, что эти материалы все-таки сохранились на stomahin.info] висят, и Зянкович – это вам не Михилевич, это человек в 1000 раз надежнее и адекватнее; остается еще блог на «тифаретнике», где тексты только с 2010 г., мой возвращенный ФСБ ноутбук и та флешка дома, которую не нашли два обыска – в 2012 и 2014, – если только она не умерла сама по себе... Но все равно – чем больше мест, где хранится это нужное лишь мне старье, тем надежнее; ведь все-таки еще почти четыре года впереди; да и смогу ли я прийти домой и взять ноутбук и флешку – неизвестно... И вот – сайты на marsho (которые тоже в локальных версиях на июль 2012 лежат в том же ноутбуке), похоже, накрылись медным тазом как минимум на эти четыре года... :((Не просто удар, а такой удар, который разом ставит под сомнение весь смысл жизни – как уже прожитой, так и еще предстоящей...

Бред какой-то, но действительно – весь декабрь, оказывается, тут, в ШИЗО/ПКТ, работают уже не четыре смены, а только три, я наконец убедился. Через двое, значит, суток выходят, а не через трое, как всегда. Почему – не понимаю. Людей, что ли, не хватает? И из этих трех смен – две совершенно омерзительные: быдлотатары, а за ними – этот, как я его прозвал, белый (белобрысый) упырь Антон (гондон!) со своим столь же омерзительным напарником – одним или другим...

8-25

Прошло время – и вот я уже больше не жду подсознательно никаких чудес, – ни внезапного освобождения, ни какой-то вдруг еды с воли. (Хотя мать пишет, что ту возвращенную бандероль Вера послала мне сюда вновь. Но ее нет – и не будет, конечно; ее ни за что мне не отдадут.) Привык...

22.12.15., 18-27

«Крестины» опять – сегодня – во вторник (в любой день!), в три часа дня (в любое время!)... Раньше-то только понедельник, среда, пятница, а теперь – когда угодно... До трех, видимо, всё ШИЗО уже помылось в бане – и туда загнали, как обычно, «крещаемых», и других еще приводили и из камер, – ПКТ-шники или ШИЗО-шники, черт их разберет...

«Окрестили» и моего соседа из 5-й камеры. Уже много недель сидит он там (счастье хоть, что не пытается через «дальняк» общаться со мной!), а то даже говорят, что их там двое, – но слышно, по крайней мере, только одного. Псих психом, – постоянно долбит в двери, требует то «мусора» дежурного, то отрядника своего отряда, то здешнего – мразь Безукладникова, и т.д. То стучал и орал, чтобы ему какое-то заказное письмо принесли. Принесли – стал орать, стучать и звать отрядника, чтобы оформить какие-то документы, какую-то доверенность, – как я понял из разговора, собирается здесь жениться, но что-то с предыдущим разводом у него, что ли, не так

оформлено, черт его знает. Это было уже неделю назад. А так как чаще он долбить в двери начинает после отбоя – супер-пупер-блатные из ПКТ, видимо, этим были недовольны и каждый раз начинали орать и выяснять: «Какая хата стучит?!», «Какая хата кипишует?!», «Что случилось?!» и т.д. Он им обычно не отвечал, только про себя (мне тут слышно было, т.к. рядом) посылал спрашивающих подальше. Но вчера, т.к. дело было задолго до отбоя, никто не спал и все настойчиво выясняли, кто же стучит, – он ответил. Вскоре после этого из ближайших камер ШИЗО начали ему орать, что он всех тут задолбал, советовать постучать (в дверь) головой и т.п. Он в ярости начал отвечать, – и некоторое время я, стоя у двери, наслаждался перебранкой этих животных! :))) Странно, что ему никто всего этого не высказал раньше. В общем, все они хороши, но этот вот конкретно, соседка мой, – типичный, яркий пример недочеловека, не способного сдерживать свои эмоции и легко по любому поводу впадающего в ярость...

На завтрак – сечка, зато на ужин – к капусте – опять черпачок серой молотой рыбы. Черпачок маленький, конечно, но – черт возьми, для меня теперь и это – прямо-таки праздник живота, в моем оголодавшем состоянии...

И – так ко мне никто и не едет. А эта неделя – считай, последняя, на той – уже Новый год...

Да, вот и прошел 2015-й. Кроме третьей судимости, еще полгода сроку и жалкой – по тиражу в первую очередь, да и по составу тоже – шестковской книжки, ничего он мне не принес. Нет надобности подводить итоги, т.к. нет самих итогов. Предательство друзей, посылание на ... от любимых – всё это уже было в жизни; не сложилась ни личная жизнь, ни карьера... а что же сложилось-то? Тюрьма, – вот с ней у меня всё в порядке, уже восемь лет отсидено!.. :))) И вот – не осталось на будущее ровно никаких надежд, абсолютно никаких. Всё в прошлом... Освобожусь – идти некуда и не к кому, да и жить, в сущности, незачем. Да, собственно, и жизнь-то уже прошла...

А когда я сижу в камере, или лежу, что здесь, что в карцере на «пятерке» в Москве было так же – у меня то и дело возникает ощущение, что я в своей комнате, дома, а звуки и движение в коридоре – это мать из своей комнаты выходит в прихожую, говорит мне что-то, носит себе одеяло и пр. из коридора, как обычно она носила по вечерам, и т.д.

23.12.15., 17-40

Бесноватый соседка из «пятерки» устраивал концерты с бешеной стукотней в дверь и яростными матерными перебранками с другими камерами и вчера – весь вечер и начало ночи – и сегодня, часов с трех. Какому-то типу, оравшему ему оба дня в [пропуск строки] сильным

акцентом, он отвечал яростной матерщиной, преимущественно в женском роде, педалируя в основном одну тему: чего ты сюда приехала в Россию, валите к себе в горы, и т.д.

И вот – только что, во время ужина – похоже, наступила расплата. :) Голосок с акцентом, который я сперва принял за таджикский, – похоже, оказался-таки голосом того самого блатного армяшки-«бродяги», с которым я общался еще на 29-й в августе. Пока развозили ужин – вдруг слышу: в 5-й камере, не в коридоре, а именно в камере – этот самый голос с акцентом, сильно возбужденный, клекочущий, кроющий владельца камеры за матерщину – и звуки ударов при этом, причем – не руками или ногами, а каким-то предметом. Значит, пришел на разборку – и самое тут главное, самое яркое обстоятельство – что «мусора» его в чужую камеру пустили, хотя по их же правилам – делать этого не должны были ни при каких обстоятельствах!.. А т.к. физически он ничего особенного из себя не представляет – ясно, что пошел не один, а человека два-три, не меньше. Пустили, с ума сойти!.. Интересно, как к этому отнеслись бы в ГУФСИНе, если бы знали? Впрочем, ворон ворону глаз не выклюет... Ну да, всё сходится: и акцент, который вполне может быть и армянским, и то, что с ним пошел еще кто-то, – ну да, «бродяге»-то они подчиняются беспрекословно; и то, что пустили «мусора» – опять же, не «бродягу» бы скорее всего не пустили. Одним словом, симбиоз тех и других, как в Буреполоме...

На завтрак – сечка, и на ужин – сечка... На ужин дали, правда, еще черпачок серой молотой рыбы. Да еще с обеда остался серый мякиш от хлебной пайки. На обед – куриные кости в супе и в (подгнившей уже) свекле на второе. Вот, собственно, и вся моя еда за сегодняшний день... Видимо, завезли им опять курятину, – давно не было этих костей (а самой курятины там, как обычно, практически нет). А с сечкой – то же положение, что было в августе-сентябре, когда я только приехал из Москвы: два раза в день, на утро и на вечер. Пшенка, очевидно, кончилась, как кончилось и у меня всё, что хоть как-то могло, запиваемое столовским чаем, сойти за завтрак. Впрочем, вот уже второй раз чай, приносимый на утро абсолютно холодным, я выливаю, – еще эти помои не хватало в холодном виде пить!.. Что ж, остается ждать, пока им опять завезут пшенку – опять месяц-полтора можно будет ею завтракать...

24.12.15., 19-00

Наконец-то приезжали опять ребята. Говорят, что долго болели – грипп, что ли, обоих свалил, и не ехали – и сами больны, и меня пытались заразить...

Новости они привезли ужасные, чудовищные, я просто в шоке. В-первых, оказалось, что Михилевич исчез еще в июне – и с тех пор никто не может с ним связаться. Пропал... Потеря так-то, конечно, небольшая, но – без него никто не может выяснить, что с сервером. Вроде бы Лене М. он еще в 2014 давал какие-то полномочия на оплату, она вроде мне писала об этом. Но – я не уверен; договорились на том, что Г. спросит у нее, может ли она заплатить. Но он же – на мой вопрос – подтвердил, что компания-хостер, бывает, сносит совсем лежащие у нее и подолгу не оплачиваемые сайты... :(

Еще хуже новость – полный шок – что, оказывается, мой нетбук, возвращенный матери из ФСБ, пуст и чист, – всё с него там, в ФСБ, стерли!.. Причем информация эта – от этой трущейся возле матери твари, которую я все больше и больше подозреваю в работе не ФСБ. Оказалось, что посмотреть мой нетбук ее попросила мать – зачем, ума не приложу!!! – а та уже и пароль какой-то поставила, и вообще забрала мой нетбук к себе. Всё это крайне подозрительно, – с таким же успехом она могла всё там стереть и сама, пользуясь тем, что мать ничего в компьютерах не понимает.

Таким образом, моих старых сайтов – Соппротивление, РКО, Буреполом – и всех материалов РКО-шного периода, включая мою антиимперскую библиотечку чужих текстов – нет больше нигде. :(((Это страшный удар, даже при том, что мои личные тексты, стихи и дневник сохраняются пока на stomahin.info. А вдруг и он тоже накроется – что тогда?..

По поводу же моих просьб в тот раз к Г. – он клянется, что всё сделал; а за дальнейшее, мол, он не отвечает и не отслеживает. Так мы и не поругались, хотя на мои достаточно резкие вопросы и подозрения он был обижен, конечно. Приходится верить, что поделаешь, – хотя всё это, конечно, выглядит довольно неприятно и подозрительно, да и интриговать против меня есть кому – даже более чем... Но выбора у меня нет, увы...

Пришлось сказать ему про мой последний, наименее надежный ресурс – флешку, которая, по-моему, должна была сохраниться. Сперва думали, кого можно попросить в Москве, но – увы, никого уже не осталось, да еще с должным уровнем понимания в технике, все уехали... :(Тут Г. неожиданно вызвался ехать сам, – благо, мать в последнюю их встречу (два дня подряд, 24 и 25 ноября он заходил к ней в Москве) дала ему денег – теперь ехать есть на что. Где-то после «праздников» он решил, а потом уже, после 20-го января – ко мне. Очень хорошо, главное – чтобы не после 20-го февраля... И чтобы к этому приезду сюда он решил все эти вопросы с флешкой, с Леной и с оплатой моего старого сервера (тогда бы и флешка эта оказалась не нужна). А доверенности, оказывается, с того раза они так почтой сюда и не отправили – там оказались какие-то неточности с адресами и т.п.; я

переписал два экземпляра заявления заново, они, выходя, должны были оставить их и бланки в канцелярии – и после Н.г. опять жду, когда меня вызовут их подписывать. Если же нет, если за месяц, до следующего визита ребят ничего не будет – решено было вызвать из Чусового нотариуса, дабы он всё заверил быстро, сразу, на всех и без мороки.

Книги мои – Мизес и Хайек, присланные матерью – оказались, лежали там же, в кабинете, где мы разговаривали, на нижней полочке стола. Я, недолго думая, забрал их, не дожидаясь, когда кто-то меня вызовет и вручит. Косоглазый мелкий ублюдок-опер, который привел ребят, хотел было меня закрыть в железную клетку, стоящую в этом кабинете, – насилу мы втроем уговорили его, под тем предлогом, что мне надо будет писать документы, а для этого надо сидеть за столом (что, кстати, оказалось чистой правдой).

Меня ни на входе в кабинет, ни потом, когда закрывали в камеру, не шмонали на этот раз не то что металлоискателем, как в прошлый, но и вообще никак! Раз на раз не приходится... Зато ребят вышмонали тотально, ощупали руками (раздевать и заставляли снимать ботинки, правда, не стали). Отобрали всё, что они несли – и мне, и себе тоже: сочники с творогом (я ел их в тот раз – вкуснятина!), шоколадки, термос с чаем и т.д. Г. был этим сильно напуган, говорил еще со слов оперов (в тот еще раз слышанных) про эти письма мне из Латвии, изъятые у меня, про какую-то вроде бы мою фотку с прошлого (?) свидания, присланную начальнику зоны кем-то, распечатанную из фейсбука, что ли, в сопровождении ругательств в адрес начальника (?)... в общем, я толком не понял, а спрашивать не получалось, разговор всё время прыгал и сбивался на другое. Закончил же Г. сообщением, что, по его мнению, мне тут, в лагере, местные опера уже шьют новое дело. Что ж, м.б....

25.12.15., 12-57

Приезжал сейчас Исаев, председатель местной ОНК, вместе с одной из своих сотрудниц. Вызвал меня, поговорили – но одних нас, как в том году, на сей раз не оставили. Торчал в помещение дежурный «мусор», а председательствовал, так сказать, за столом, как я узнал (у него же спросил), начальник воспитательного отдела – давно уже, с того еще года, знакомая отвратная тощая харя...

Исаев сказал, что письмо мое получил – и – на мой вопрос – заверил, что следов вскрытия на нем не было. Что ж, придется и тут, как вчера – поверить, просто потому, что доказать обратное я не могу; хотя письмо перед отправкой в Пермь где-то и почему-то валялось целых 18 дней... Позже, по ходу разговора, не упоминая, о чем именно речь (моя просьба в

письме к нему об изъятых майсуряновских письмах), сказал, что просьбу мою выполнить не может, т.к. это будет против интересов ОНК в целом (не хочет свою команду подставлять, это ясно). А помимо этого – толку в нем и в его визитах никакого. Запасся перед встречей со мной выпиской обо всех моих входящих и исходящих письмах за четвертый квартал. Я посмотрел – все письма мои за границу тоже там значатся, хотя – на мой вопрос он подтвердил, что да – могут в журнале зарегистрировать, а на самом деле не отправить... Поговорили мы с ним и его коллегой еще и о лекарствах – причем они оба утверждают, что таки да – лекарства должны, тем более при камерной изоляции, находиться не у меня в камере, а где-то еще. Помощница его сказала, что должны быть врачебные обходы каждый день – и только так, из слов дежурного «мусора», вдруг выяснилось, что те два или три недавних открывания моей двери косоглазым врачом в красной куртке с эмблемой, как я понял, собственной медслужбы ФСИН (эскулапы в погонах, мать их!..) – это был, оказывается, врачебный обход!.. Охренеть!.. Но всё равно – был он два или три раза за те почти уже три месяца, что я здесь сижу.

В общем, поговорили и разошлись. Под конец, когда меня уже завели в камеру, они еще открыли дверь – и каким-то специальным прибором прямо с порога влажность, t°, освещенность и т.д. А когда, еще по ходу разговора, я сказал, какой чудовищный холод тут бывает летом, и спросил, что в этой ситуации делать, – этот начальник воспитательного отдела ответил – Исаеву, а не мне – что, мол, свитера же казенные у них (зэков) на лето никто не отбирает. Свитера, ага! – с 30% шерсти всего лишь, и в котором, да плюс поддев еще под него «тепляк» от нательного белья, я пять дней трясся и околевал тут в прошедшем августе, только приехав с этапа...

Забавно еще, что про наиболее острый тут для меня вопрос – питание – я никому не говорю, – ни этой майорше-психологу, регулярно меня расспрашивающей, ни вот Исаеву, а только в письмах пишу. Говорить – и забываю, да и ЧТО тут скажешь? Что сечку есть невозможно, тошнит? Твои проблемы, – другие же едят!.. Что порции мизерные? Всё выдается по нормам, как предписано великим и ужасным ФСИН-ом. У них на всё есть свой бюрократический ответ, а если финалом любой беседы становится простое запираение тебя обратно в камеру – то переспорить их ссылками на их же нормы, их же законы, вообще на любые СЛОВА, письменные или устные, становится просто абсолютно невозможно. Нет, дорогие «правозащитники», прошибить эту стену удастся не вашими жалобами в «суд», а только гранатометом и тротиловым эквивалентом! А самым успешным правозащитником в мире действительно был – пока был жив –

Шамиль Басаев!..

Пока они в открытую дверь замеряли освещенность, я спросил, как раз вовремя вспомнив, этого начальника-воспитателя про магазин. Первое, что он сказал: «Напишите заявление!», но на мои вопросы – о сумме в месяц и о стоимости продуктов – пообещал, что мне всё сообщит мразь Безукладников, «начальник ЕПКТ». По крайней мере, ясно, что сегодня – как раз пятница – магазина мне уже не видать, а следующие две будут «праздники» – 1-е и 8-е января. То есть, в лучшем случае – 15-го, больше чем через полмесяца. Тетка, бывшая с Исаевым, сказала, что, насколько она помнит, я по УИКу имею право тратить на магазин 0,5 МРОТ в месяц (а сколько сейчас МРОТ, я не знаю).

26.12.15., 6-48

Год заканчивается – и среди потерь, кроме добавленных в этом году еще шести месяцев неволи, надо, видимо, числить и все мои старые материалы – ну, вроде бы кроме публицистики – накрывшиеся вместе с сервером tarsho.net. Все документы, написанные мной до 2005 года и не попавшие в «РП» или на stomahin.info. Дай бог, чтобы Г. съездил и наладил-таки мою флешку, чтобы она оказалась жива и здорова; но – пока я в этом не уверен, все мои старые документы и материалы, начало пути – я могу считать погибшими... :(((

На завтрак опять сечка, неизменная сечка, как и вчера, и позавчера, и каждый день. Мерзкая, серая, вонючая, тошнотворная сечка... Смывая ее водой под краном из миски, я думаю: как земля носит тех, кто ее выдумал – и тех, кто решил, что ею можно день за днем кормить зэков в тюрьмах и лагерях?..

13-20

После обеда опять разморило, черт его знает, почему... Лег полежать [на стол, т.к. нары на день поднимаются. – прим 2020 г.] – и вроде как действительно заснул, судя по тому, что пошли какие-то видения, вроде снов... Точнее, задремывал и просыпался несколько раз, как-то так. Вдруг – щелчок; я успел вскочить, думал, что открывается дверь. А открылась – «кормушка», в которую заглянуло мерзкое быдлотатарское животное – и спросило меня, сплю ли я. Оказывается, в видеокамеру меня увидели – и тотчас сообщили. И под конец спросило еще: буду ли я писать объяснительную. То бишь – в понедельник «крестины» – опять навесят 15 суток, как раз на Новый год, это будет с 28 декабря по 12 января. Ну, суки!.. Вынесут весь шоколад, сколько его еще осталось (хотя не так уж много и осталось, в следующий же вторник – баня, м.б., смогу занести обратно). Ну ладно, мрази, – если впаяете «пятнашку», как-нибудь уж дотянусь – и

сломаю наконец вашу камеру, терять мне уже будет нечего...

17-37

Опять угадал! – как предчувствие какое-то прямо подсказало: на ужин была «уха»! Только позавчера она была, – похоже, эту дрянь стали давать тут через день. Минус еще одно «блюдо» в моем рационе – помимо сечки и перловки. Я выбрал оттуда немного рыбы – на вечер, на хлеб – и выплеснул эти помои в раковину.

Расходились нервы, еще до ужина все не мог найти себе места, – так разнервничался из-за этого косоглазого ублюдка и опять предстоящего ШИЗО! Месяц и четыре дня продержался, думал – уже всё, успокоились, отстали, больше не будет – и вот опять!.. Уже готовлюсь, прикидываю, куда ныкать шоколад, как потом заносить его обратно, – ведь опять всё вынесут, суки!.. Мрази, ублюдки, недочеловеки в форме, будьте вы прокляты!.. На носу новый год, – как раз на все их «празднички» и будет у меня ШИЗО, до 12-го... Так-то мне, конечно, всё равно, не в первый раз – и не в последний, – но всё равно противно и тошно до омерзения. И ничего-то я не могу сделать, никак и ничем не могу отомстить всем этим мразям, засадившим меня на 12 лет, держащим меня здесь, сломавшим мою жизнь... :(((((((1423 дня мне осталось.

Мечь – вот главный лозунг дня и девиз! Путину и его банде, всей этой проклятой стране надо достойно отомстить за всё, что она натворила даже только при нашей жизни, не касаясь сталинщины, – от Чечни, Грузии и Крыма до моих 12 лет лагерей, до дел Кашапова, Павленского, Сенцова, Савченко!.. Жалеть тут некого и нечего!.. Эта мразь Россия достойна только того, чтобы ее всю, со всем, ЧТО в ней есть, уничтожить тотально, выжечь напалмом, ликвидировать навсегда, без всяких шансов на восстановление и на какие-либо новые «реформы»...

27.12.15., 17-43

На завтрак – сечка, и на ужин – сечка (полную тарелку наложил вот сейчас, сука!..). То бишь, за сегодняшний день я поел только один раз – в обед.

Завтра – ШИЗО...

И – еще одна большая беда: опять начал ныть зуб, тот же самый, что и в октябре-ноябре. Пока ноет несильно, но уже больше, чем полдня. Сколько еще бессонных ночей предстоит?..

28.12.15., 6-30

Каждое утро надеюсь на чудо: вдруг на завтрак что-нибудь другое... И каждое утро – опять всё та же омерзительная, вонючая серая сечка...

Проклятые часы ночью опять отстали, сколько ни тряс их днем

[механические наручные часы с автоподзаводом, нелегально хранимые в камере вопреки запрету часов в тогдашних «правилах внутреннего распорядка», – прим 2020 г.], – да почти на два часа! Я это обнаружил, проснувшись, – как выяснилось, проспал подряд около четырех часов, чего практически никогда со мной не бывает. Но уж потом еще три часа, до подъема, не мог заснуть.

Ночью зуб не болел – так начал довольно сильно ныть сейчас, утром. Причем – не тот, нижний, что болел осенью и, по-моему, вчера тоже, а другой – верхний, над ним. Недаром осенью мне часто казалось, что болят сразу два зуба – снизу и сверху. Новая беда, короче – и новая бессонница впереди...

Вчера было воскресенье, но этот ублюдок библиотекарь даже не появлялся, – то бишь, я опять без газет и без библиотечных книг. А свои, если ШИЗО, сейчас отберут. Т.е., даже формально прописанные в их «законах» и разных ПВРах права – вроде права выписывать газеты и журналы – де-факто превращаются в фикцию. Право потратить деньги у тебя, безусловно, есть, – а вот будешь ли ты за эти деньги газету получать – большой вопрос. Да еще если хочешь получать ее регулярно и вовремя, а не пятикилограммовыми пачками сразу за целый месяц....

16-30

Ну конечно же, 15 суток, как я и ожидал! :) Я не стал застегиваться, представляться и т.п. – зашел и встал молча, – а эта мразь Асламов [начальник зоны. – прим. 2020 г.] даже не стал зачитывать, в чем я «обвиняюсь». Сказал только: «Я в следующий раз специальные средства применю» – и затем буркнул: «15 суток».

Что ж, «вынос тела», то бишь моих вещей, начнется, видимо, позже, – м.б., в отбой, как в тот раз. Не знаю, короче. Суки, мрази, ублюдки, всех бы вас, недочеловеков в камуфляже, сжег бы в печах своими руками!..

29.12.15., 6-35

Каким чудом уж вчера так повезло – просто не знаю... После ужина – видимо, рассадив по камерам всех прочих – явились: мразь Чертанов, опер, – и «мусор» из смены Шрека, тот же, что водил меня на «крестины». И этот последний говорит: мол, идти стричься, «досмотреть» вас – ну, и вынести всё лишнее из тумбочки. Я думал, только в отбой, а они – раньше... И тут я замечаю в руках у этого шрековского помощника металлоискатель.

Настроение у меня, конечно, тотчас же сильно упало. В тот раз, 9 ноября, когда рассаживанием по камерам руководил мразь Безукладников – никаких металлоискателей не было. Видимо, действительно, это – принадлежность оперчасти, и опера приносят их сюда с собой. А насчет

стрижки – так еще в субботу, когда только понял, что в понедельник ШИЗО, я иронически подумал: вот и постригусь заодно (оброс уже порядочно, с 9 октября не стригся). И точно!..

Короче, постригли; мразь Чертанов караулит меня в коридоре, у открытой двери каптерки ШИЗО, в которой стригут, а «мусор» – прямо в самой каптерке стоит, металлоискатель свой положил на полку, ждет. Я встаю после стрижки, хочу выходить – он его берет и начинает меня прозванивать. И тут – чудо! – металлоискатель не зазвонил! Не запищал, то бишь. Не знаю уж, почему, – м.б., был выключен. :)) Короче, произошло необъяснимое чудесное спасение [тех же самых моих часов. – прим. 2020 г.].

Но судьбу я за него благодарить не хочу, если честно. Это ведь не то чудо, которого мне по-настоящему бы хотелось: чтобы судьба подняла меня из ничтожества и безвестности, вызволила хотя бы из этой проклятой темницы, чтобы наконец-то наладилось так, как должно, моя жизнь. Нет – это просто среди окружающего меня тотального мрака и кошмара – в одном маленьком частном случае один конкретный кошмар сработал почему-то не до самого конца, дал какой-то сбой. Но в целом весь ужас, неперестающий этот ад вокруг – он остался, как был, и мне еще почти четыре года в нем... Так что – не стоит благодарности.

Возвращаюсь в камеру – мразь Чертанов говорит: выносим продукты питания. А у меня как раз хлеб с обеда серый лежит и рыба серая молотая с ужина стоит. Какие, – говорю, – хлеб? Видя, что я ничего выносить не собираюсь, он послал того помощника Шрека порыться у меня в тумбочке; тот заглянул в верхнюю, чуть пошарил в нижней – и не взял вообще ничего. Можно сказать, повезло еще раз... Теперь зато тройная вероятность шмона каждый день...

20-10

На ужин опять «уха». То есть опять – один прием пищи за день...

Это просто счастье, что вчера ничего не стали выносить! Повезло дважды, можно сказать. Я-то рассчитывал на сегодня, но сейчас, когда ходил в баню – эта быдлотатарская хитрая, въедливая мразь – младшая, та, что выключает по утрам ночник – проверила мой пакет, когда я достал его из сумки! Хорош бы я был... В прошлый раз – еще было ПКТ – они аж вдвоем (!) водили меня и доставать пакет, и класть. Ну да, это ведь в их смену я спорил тогда, еще в ноябре, сперва с этим младшим, а потом, в отбой, с опером – насчет консервов, которые они не дали мне тогда взять с собой; так что объяснение их бдительности можно найти. А сейчас – знают, что я в ШИЗО, вот и усиливают еще больше бдительность. Дай бог, чтобы так, а то, черт побери, закрадываются жуткие подозрения... Как-то всё это очень подозрительно

совпало по времени: и ШИЗО это без объяснений, и быдлотатарская дотошность... Я гоню от себя эти мысли: да ну, нет, не может быть, совершенно невероятно!.. Или, точнее, вероятность процентов десять, не больше... Но, увы, и дома тогда – тоже казалось невероятным, не хотелось даже думать... Похоже, вся эта канитель не кончится никогда... :(((

Я думал – тут только кошка Соня, а на лестнице сейчас бегал, играл прелестнейший котенок... :)

30.12.15., 18-55

Опять утром – сечка, вечером – «уха». Опять, значит, поел только один раз в день. Выловил из этой говноухи чуть-чуть рыбы, чуть-чуть картошки, а остальную муть вылил. Похоже, и завтра, и послезавтра, несмотря на близящийся «праздничек», меню будет не лучше. Дурная бесконечность, короче, – на ближайшие три и десять...

Да, новый год на носу – а они всё «крестят» и «крестят», суки! Третий (!) день подряд были сегодня «крестины». Да еще какой-то из этих мразей – дежурных сегодня «мусоров» – при рассадке «окрещенных» орал другому, что, мол, «говорят», кого-то хотят сажать в «тройку» (т.е. ко мне). Я перенервничал тут, услышав это, – но, слава богу, обошлось. Я даже представить не могу, что со мной будет, если сюда, в этот спичечный коробок, запихнут кого-то еще! Не то что при нем опять нельзя будет быть самим собой (а я этим очень дорожу), как нельзя было во всех камерах со всеми подонками, где за восемь лет довелось посидеть; но это и вообще будет ад, подлинный ад, в смысле не только моральном – можно будет за 15 суток тут рехнуться – но и чисто физическом...

Похоже, «подарков» никаких к их «празднику» не ожидается – хотя бы в том виде, как было в Буреполоме, где 31-го на ужин давали каждому жареный чебурек, а в 2010-11 дали даже эклер!.. Здесь – сечка и «уха»... И, подозреваю, на их «рождество» 7 января никакие попы – ни с подарками, ни без подарков – тут ходить тоже не будут. Не то чтобы они были мне нужны :) – нет, просто интересно, что перевесит – показуха, как обычно в московских тюрьмах, или тоталитарная суровость и простота нравов этого путинского ГУЛАГа...

31.12.15., 7-10

Вчера в отбой белообрый упырь [вертухай по имени Антон Михайлович Лезгин. – прим. 2020 г.] – давно его не было видно! – заставил-таки меня надеть «х/б», после чего, погасив по моей просьбе свет, не включил ночник (погашенный утром быдлотатаринном). О, какое блаженство!.. :) Заснул я довольно быстро – и спал аж до без 10 минут два. А проснувшись, обнаружил, что опять СИЛЬНО болит зуб, который накануне вроде бы

прошел уже окончательно. Ан нет! Не просто болит, а сильно болит, – и так он и болел, то сильнее, то почти проходя, все эти три часа до подъема, которые я, конечно же, провалялся уже без сна. Когда встал – он вроде прошел полностью, окончательно; но вот сейчас пишу – и чувствую, как он ноет тихонько... А все эти мрази в красных куртках – местные «врачи» (фельдшера-коновалы на самом деле), заходя каждый будний день со своими «обходами», всё принимают и спрашивают, чем пахнет в камере и почему, а про то, как мое здоровье, не вспоминают вообще...

Зато белокрысый упырь, явившийся и на подъем, «куртку х/б» уже заставлял меня одевать не стал. :))) Отучил я, значит, тогда, еще осенью, эту мразь, с одного раза отучил – когда он не открывал вторую дверь (решетку), пока я не надену «куртку х/б», а я в ответ просто бросил скрученный матрас обратно на нары – и улегся на него как на подушку. :) И впредь буду делать только так, если еще понадобится...

На завтрак опять сечка. Завтра, думаю, будет она же, – новогодняя! :) И новогодний утренний шмон с утра!..

18-05

На ужин – вместо «ухи»! :) – дали здоровый кусок жареной рыбы, – чуть не целую рыбку без головы; порцию вполне приличного холодного винегрета – и небольшую булочку, без начинки, естественно. По крайней мере, мой ужин после отбоя сегодня обеспечен: винегрет я съел сейчас, а остальное оставил. Не буреполомский чебурек, конечно, но – для меня и это уже целый пир, настолько я оголодал здесь...

Вообще, день сегодня выдался хороший. :) После шмона, который ко мне так и не зашел :) , – открылась «кормушка» и протянули мне два письма: от Майсуряна №112 и от Землинского. Вот уж чего не ожидал раньше конца «праздников» – так это писем; приятнейший сюрприз! Жаль, что всего лишь два... Пока прочел их (майсуряновские распечатки – несколько раз), пока написал после обеда Майсуряну большой ответ (увы, вряд ли есть смысл его отдавать раньше вечера 10 января), потом сел читать в том же письме Майсуряном мне присланную распечатку «Коня вороного» Савинкова, – вот уже и ужин. Вот уже и день прошел.

И хотя, безусловно, завтра в 9 утра – опять шмон, и весь 16-й, и 17-й, и 18-й, и почти весь 19-й год мне предстоит провести тут, в неволе, и жизнь моя поломана безвозвратно, и будущего нет, – а вот отчего-то чувствую я какое-то странное веселье на душе... Всё не будет хорошо, конечно, и завтра, думаю, к 9 утра это веселье уже пройдет, но сегодня... то ли оттого, что Новый год, то ли от того, что есть на вечер жратва, есть хорошая книга на сегодняшний вечер, от того, что мне приятно без конца перечитывать

майсуряновские распечатки... вдруг ощутил я на какое-то мгновение то, что бывает со мной крайне редко и чего сам я никогда не ожидаю от себя: веселье, хорошее вдруг почему-то настроение. Помню, раза два-три так бывало со мной и в Буреполоме, в этом аду, вопреки всему, – ближе уже, правда, к концу срока. И каждый раз я тогда, помню, иронически писал в дневнике: «Всё хорошо?»...

ЯНВАРЬ 2016

1.1.16., 7-05

Радостное мое настроение, не имевшее никаких оснований, вчера, конечно, продолжалось недолго. В рыбе этой, на ужин оказалось такое дикое количество костей, – чуть ли не час я выбирал их, прежде чем съесть. Сегодня – подъем задержался всего лишь минут на 20, и то – по разгильдяйству начальства, а не потому, что оно решило ради «праздничка» сделать его попозже, – хотя обычно 1 января в лагерях практикуется подъем на час позже. Завтрак привезли только в семь утра, – ну конечно, та же сечка! Праздничная... :))) Чай – холодный... В общем, всё та же привычная, тоскливая мерзость – что в «праздники», что в будни...

18-02

На обед дали суп С МЯСОМ (!), мясную котлетку (я оставил ее на свой ужин после отбоя) и картофельное пюре, вполне съедобное, совсем без комков. На ужин сейчас – яйцо (!), плов (!) с курицей (куча костей, конечно) и капустно-морковный салатик, очень вкусный. То бишь – ведь МОГУТ, суки, могут, когда захотят, готовить и кормить нормально! А тем не менее, только пройдут «праздники» – опять будут тотальные сечка (да на завтрак уже и сегодня она опять была!!) и «уха»...

Мякиш обеденной пайки, котлетка с обеда и яйцо – вот мой сегодняшний ужин. Можно разрезать котлетку (хотя она и довольно тоненькая, увы) вдоль надвое, а мякиш – на четыре части и устроить себе некое отдаленное подобие гамбургеров... :))

Забыл еще написать утром, что и вчера, 31-го декабря, тоже были «крестины»!! Только уже не здесь, а где-то еще, – видимо, в штабе. Сюда эки приходили уже «окрещенные», орали: «Кича, БУР, здорово были!!!» – и распределялись по камерам. Вот что значит ударная работа перед «праздником»: ЧЕТЫРЕ дня подряд эти суки распахивали и распахивали уголовников по ШИЗО за всякую ерунду (хотя те тоже не ангелы, конечно, мягко говоря). И 4-го, в первый рабочий понедельник между «праздниками», я абсолютно уверен, этот конвейер тотчас заработает снова...

2.1.16., 9-49

Все-таки явились сейчас, вышмонали, мрази, ублюдки, недочеловеки, сучьи выблядки!! В печь бы вас всех, нечисть камуфляжную, своими бы руками вас резал, жег, стрелял бы, была бы хоть малейшая возможность!.. Уже прошмонали – что-то очень быстро сегодня – ПКТ там, в дальнем конце коридора, слышу – возвращаются бандиты всей толпой мимо меня; прошли

уже туда, за решетку, в сторону их «дежурки» – и, слышу, кто-то из них кому-то оттуда издали орет: «Витя (или как-то еще по имени, не разобрал), «тройка» – ПКТ!!». И тут, у «дежурки», справа от меня, слышу после этого – один другому говорит: «Пошли шмонать «тройку»». Ублюдки! Все кишки выпустил бы своими руками каждому из вас!..

Внутри зашел только один, ничего не забрал, даже погрома, к счастью, не устроил. Второй шмонал меня на коридоре под пристальными взглядами еще двоих недочеловеков, заставил даже – редкое усердие – вынуть всё из карманов и пощупал руками вынутые мной пакеты. Суки, мразь, ненавижу!!! Вышло, с одной стороны, забавно, – они шмонали меня как ПКТ, про ШИЗО мое нынешнее, видать, не знали; а в ПКТ шоколад и приправа к еде не запрещены. :) Но с другой стороны – не заходили больше месяца, с 28 ноября, и вот – явились. Боюсь, что длительное мое везение в этом смысле закончилось – и теперь опять начнут навещать меня эти суки постоянно... :((((

3.1.16., 18-49

«Крестины» в воскресенье!.. В два часа дня!.. Не утерпели уж дожидаться понедельника... Впрочем, посмотрел календарик на 2016 – понедельник и вторник тоже с какого-то бодуна выходные, а зато среда и пятница – рабочие... Страна идиотов, – что тут еще сказать...

Завезли рис – и на завтрак была рисовая каша на молоке, абсолютно несоленая – и поэтому жуткая на вкус. Я-то ее ел молча, всё уже зная наперед – а наивные «суточники» один за другим требовали соли – и им баландер с «мусором», как обычно, отвечали, что соли нет. Ее здесь НИКОГДА, хронически нет – и как решить эту проблему, абсолютно непонятно. В то же время магазина, где ее можно было бы купить, де-факто тоже нет.

Схожу тут медленно с ума. Книги и газеты не несут (уже прошлогодние, разумеется, газеты): «мусор» ответил кому-то, что библиотека сегодня не работает. Она, в общем-то, и не должна как таковая по воскресеньям работать – но книги в СУС и ПКТ всегда тут носились именно по воскресеньям.

Читаю Мизеса – пока его еще не отобрали. Нот стоит поднять голову от книги – и тотчас же лезет в нее одно и то же: жизнь прошла, и ничего-то я в ней не добился, и перспектив никаких...

Самое тошное, мучительное, убийственное здесь – это монотонность, день за днем изматывающее, механическое повторение одного и того же. Вот звонок на подъём в пять утра. Вот ублюдок в камуфляже открыл дверь, включил свет; я выбросил матрас, поднял нары, он пристегнул их. С час

хождения туда-сюда по камере, размышлений (всё о том же); много раз за это хождение я про себя или вслух произношу сегодняшнюю цифру – сколько дней мне осталось. «Тысяча четыреста пятнадцать дней», – это было сегодня. Раз 10 или 20. Завтра будет уже 1414...

Потом завтрак, выброс черняги в «дальняк», отключение статистики питания на листочке, ожидание, пока заберут миску. Еще часа полтора-два между завтраком и шмоном, – пустых, ничем не занятых; тошно, ничего и не тянет делать. Если есть что-то важное (газеты или письма со вчера, например) – берусь читать; если совсем тяжело и тошно – ложусь. На спину; а ложиться набок и пытаться заснуть, как раньше – теперь уже поневоле опасаюсь, после этих 15 суток... Потом самое тягостное за день: около девяти утра, без пяти где-то – подготовка к шмону – и он, этот позорный, паскудный час, с 9 до 10 утра, когда стоишь у двери и вслушиваешься в галдёж и ржание этой банды ублюдков – шмонщиков в коридоре, пытаюсь понять, какую камеру они открыли/закрыли, слушаешь с замиранием сердца, как они идут всем стадом мимо и – не зайдут ли к тебе, не потопчутся ли не в камере, нет – в самой душе твоей своими грязными сапожищами, не пошарят ли в ней, как в тумбочке, своим погаными руками... А назавтра всё это по новой, и так – еще 1414 дней...

5.1.16., 5-25

Иногда, как сегодня, еще лежа в постели, не до конца проснувшись, я вспоминаю цифру, сколько мне еще тут осталось, весь этот чудовищный массив дней – 1413 на сегодня, – и мне делается страшно, по-настоящему жутко от того, какая это непредставимая толща, как это еще невероятно долго – фактически, никогда! – и дико, нелепо от самой мысли: ЧТО я вообще делаю здесь, в этой камере, за сутки езды поездом от дома?!. Впрочем, дома у меня теперь нет... :((

Пришла нелепая мысль. До сих пор, когда я писал этот дневник, сидя за столом, камера висела у меня сзади, наискось, высоко, под самым потолком, и могла видеть, ЧТО я пишу. Уж не знаю, обладает ли она достаточным разрешением и другими техническими возможностями, чтобы можно было увеличить изображение настолько, чтобы прочесть текст, учитывая, насколько он мелкий. Но, м.б., этим объясняется, почему в прошлый вторник косоглазая татарская мразь заглянула в мой банный пакет, когда я его только достал из баула. Я же писал тут про баню... Сегодня опять вторник, смена будет днем – быдло, белый упырь, самая отвратительная смена из трех, тут оставшихся. Посмотрим, заглянут они так же, как в тот раз косоглазый, или нет...

12-40

Между завтраком и шмоном лег на полчаса полежать, – а что еще делать? Уже встал, убрал книги (изголовье), – вдруг опять открывается «кормушка», опять заглядывает косоглазая мразь: «Почему спим?». Уже, значит, увидели, позвонили... Опять, видимо, на ближайших «крестинах» (завтра?) могут навесить еще 15 суток, почти до конца января будет, до 27-го. Но мне уже наплевать...

В баню повели неожиданно быстро после шмона, – в пол-одиннадцатого, что ли. Редкий случай; обычно-то – к вечеру. На обед опоздал, конечно, но потом принесли, когда уже раздали всем остальным.

Сидел сейчас, доедал хлебные корки с этого обеда, – и нахлынули вдруг 90-е, не знаю сам, почему. 1996-й год... 20 лет уже прошло, – просто не верится, с ума сойти!.. 96-й год, с этими безумными поездками в Петрозаводск и Питер, которыми он и запомнился в основном. С утренним июльским солнцем, всходящим над Невой, над огромной, плоской панорамой Питера, золотящим купол Исакия... 96-й год... И эти улицы, в Москве; Большая Академическая, – о, моя юность, где ты?! Гораздо роднее родной Мурановской, – все 90-е годы, с весны 93-го начиная, ходил я по ней, обычно – оттуда сюда, с «Сокола» или с «Октябрьского поля». Так прямо и увиделась эта картина: лето, жара, слепящее солнце; мать отдыхает в санатории, я в Москве один – и вот иду по улочке между «Соколом» и Красным Балтийцем (не помню название), чтобы к нему вот-вот и выйти, повернув налево и пройдя еще немного... Да, 90-е... Трудные, горькие, блаженные, навеки памятные... Годы моего формирования и взросления... Тяжелые были годы, а теперь вот – поди ж ты – кажется, что счастливые!.. Была свобода, был дом, были надежды... Было будущее. А теперь ничего этого нет – и уже не будет никогда (ну, кроме свободы, м.б.). 20 лет...

Вспомнил, с чего это всё всплыло вдруг в памяти. Смена сегодняшняя – уже наполовину в ином составе, чем прошлый раз. Белый упырь (начальник) – тот же («Х/б!»), а вот второй – уже другой. Тот огромного роста дебил с глупой харей, что уже дежурил тут осенью. По виду – какой-то угрофинн, похоже, не «русский» даже (хоть они тоже – татаро-мордва). И вот я подумал: «чудь белоглазая» (наверное, она такая вот и есть, не знаю) – и от слова «чудь» не только ведь озеро Чудское, но и город Чудово, да? – Чудово-Московское, Чудово-Новгородское и Чудово-Третье, – крупный ж/д узел; и вот на Третье-то и поворачивал в июне 1996-го поезд, в котором я, дурак, ехал первый раз в Петрозаводск... И вот – 20 лет прошло, и ничего не осталось...

7.1.15.

Такая лютая, смертельная, нечеловеческая, слепая ненависть и ярость в

душе, – о, боже, дашь ли ты мне когда-нибудь до конца моей жизни все-таки отведать ИХ крови?! Их всех – и ментов, и тюремщиков, и «судей» с прокурорами, и этого быдла, пафосно называемого тут «народом»?!. О, с каким наслаждением я собственными руками мочил бы их всех, давил, стрелял, резал, рубил на куски топором – и купался бы в их теплой крови!.. Всю эту проклятую страну сжег, уничтожил, обезлюдил бы!.. За то, что сломали мою жизнь, что засадили меня сюда на семь лет, лишили меня всего, – свободы, счастья, дома, радости в жизни!.. Суки, мрази!.. И еще за многое другое...

«Крестин» вчера не было. Видимо, будут завтра. Зато приходил – в среду вместо воскресенья! – библиотекарь, Сказал, что мои газеты за декабрь, мол, у завхоза и тот за них уже даже РАСПИСАЛСЯ! Но тут «мусор», открывший ему «кормушку», спросил, как называется газета – я сказал – и после этого библиотекарь тут же поменял версию и стал врать, что, мол, почта не работала (с чего бы это?) и потому газеты нет. И стоял, сучонок, не закрывал «кормушку», пока я из пяти на ходу отобранных книг две не вернул ему, – видите ли, в камеру почему-то можно «только три книги». На всё у них, у блядей сучьих, правила, на всё лимиты, – хотя про три книги они уж явно придумали сами, ни в каких их вонючих ПВР-ах ничего подобного не сказано (и вообще про книги там только сказано, что в ПКТ их можно выписывать с воли)...

13-45

А «праздничек»-то их грёбаный – сучье их «рождество» сегодняшнее – для них, чувствуется, вовсе и не праздничек. :) Ну да, не получается вбить религию в бошки тем, кто вырос без нее, в совке и пост-совке. Это ясно видно по сегодняшней кормежке, – не праздничная она, хе-хе! :))) Праздничная была 31 декабря в ужин да 1 января. А сегодня – съедобная, и только, а «праздника» никакого не чувствуется...

8.1.16., 6-47

На завтрак опять сечка. Всё, «праздники» кончились!.. :))))))))))))))

12-55

В общем, новая беда. Этим мразям привезли, видимо, «вискас», которого давненько не было. Вчера на ужин – гороховая размазня с «вискасом» (хотя накануне она же – в первый раз, что я здесь – была без него). А сегодня в обед – капуста с «вискасом» на второе. Хоть выбрасывай... Ел, выбирая пальцами из каждой ложки эту мелко крошенную дрянь. В общем, соединение утренней сечки с дневным и вечерним «вискасом» теперь может привести к полной для меня невозможности есть их поганую баланду...

9.1.16., 9-57

Вышмонали сейчас опять, ублюдки!.. Неделю назад только – и вот опять, а то весь декабрь вообще не заходили!.. Влез в камеру, правда, только один – и тумбочку даже не открывал, только пошарил в пакете с полотенцами. Да и то сказать – шмонали опять меня не как ШИЗО, хотя оно только 12-го у меня кончается, а как ПКТ! :)))))) Вот что значит – забыть написать на двери, что у меня ШИЗО!.. :)))

В подъем отдал дежурный «мусор» вдруг два письма от Землинского. Еще за середину декабря, с цензурными штампами от 22 и 23 декабря. То бишь – какие мрази, просто слов нет: 31-го декабря какая-то мразь (Безукладников?) принесла мне два письма – от Майсуряна и от Землинского со штампом (на последнем) 25 декабря. А эти два, проверенные еще на два-три дня раньше, – не захватила 31-го, сука, и они валялись в цензуре до 8-го!.. (Потому что их же не сегодня в пять утра принесли на подъем, а еще вчера, это ясно!) Но та сука, что их вчера принесла (Безукладников ли мразь, или майорша-«психолог», уж не знаю), и не подумала мне их отдать вчера же, и дежурившие здесь «мусора» за весь день тоже этого и не подумали сделать, а отдали только сегодня в подъем! В результате про то, что 15-го декабря Землинский звонил моей матери – и о том, ЧТО она ему сообщила – я узнал только 9-го января, почти через месяц. Вот и пиши сюда письма, обходишь без телефона!.. В печах бы сжег всю эту нечисть в камуфляже!..

На завтрак – вместо сечки – вонючая вареная перловка без ничего. Везет мне, как утопленнику!.. :) :(((На обед, «с мясом», я еще как-то, скрепя сердце, заставляю себя ее есть, – в основном ради «мяса». Но уж тут – выбросил в «дальняк» без малейших колебаний.

Вчера сидел читал весь день – и вдруг, около четырех часов дня, стало плохо с глазами. Вижу – чернота какая-то, на странице часть текста вдруг пропадает, приходится напрягать зрение. И явно это с левой стороны, левый глаз барахлит. Бросил читать, а оно – еще сильнее: хоть закрой глаза, хоть открой – перед левым глазом плавают какая-то чернота в воздухе, что-то в ней светится, контуры какие-то, вибрирует что-то как будто, пульсирует перед левым глазом, не дает четко, без помех, им видеть. Чуть попозже и голова начала болеть, но – не очень сильно и не слева, как обычно, а где-то посередине, чуть ли вообще не справа. Глаз же постепенно прошел, исчезло это вибрирование и чернота, вскоре всё нормализовалось. Я так понял, что, видимо, давление поднялось, в глазу, м.б., пульсация какая-то началась; т.е., не самого глаза это была проблема.

12-35

«Вискас» и в супе, и во втором (макаронны «с мясом»). Это просто катастрофа...

18-21

Опять такая же ерунда с левым глазом, как была на днях. Вот сейчас, после ужина, вдруг началось, ни с того, ни с сего. М-да, угробилось здоровье по тюрьмам... :((((

12.1.16., 12-37

«Праздники» закончились окончательно: в супе – сечка, «компот» – вообще без сахара (эти помои просто вылил). Не завтракал: перловка...

Два дня прошли пусто и никчемно. Кончилась сегодня моя предновогодняя «пятнашка», а новую вчера так и не навесили, слава богу. Да и вообще, «крестины» вчерашние были какие-то до изумления скромные и быстрые; закрыли, как я понял, всего трех человек (!), из которых одного привели и запихнули в камеру еще утром, до шмона, часов в восемь.

Да, пустые дни, – только вот позавчера, 10-го, тоже до шмона, тоже часов в восемь, стал вдруг вспоминать письмо этого Поликовского, обозревателя «Новой газеты», еще в конце декабря убранный в баул, – но оно короткое и я его помнил. Я, только приехав в лагерь, из карантина еще написал ему 29 августа насчет его статьи о «разрыве завета» народа с интеллигенцией, читанной еще в Москве. Он, что поразительно, мне ответил, хотя ему в редакции мое письмо, пришедшее в сентябре, отдали только в декабре (!!). Разумеется, он со мной несогласен насчет интеллигенции, народа, их взаимоотношений в 1917 г., в XX веке в целом – и сейчас. Мол, интеллигенция – не жертва, а народ – не морлоки. Ну конечно... И особенно царапнула вдруг, когда вспомнил позавчера, его фраза: мол, врач должен лечить всех больных, не отказывая никому, иначе это не врач (не цитирую, но смысл такой).

Ах ты, думаю, скотина! Естественно, не о чистой медицине речь, а о «врачах-общественниках», жертвенных интеллигентах, борцах за правду против злобной власти. А что ж, думаю, тогда ваша-то «Новая газета» не пишет о том, что я политзаключенный, сижу чисто за слова, за мнение, за критику власти?! Вашим-то, значит, «врачам», вроде Муратова (гл. ред.), позволено и отказывать, и капризничать: какой «больной» им подходит (нацист Илья Горячев, скажем), а какой нет...

И после шмона сел, написал Поликовскому большое письмо об этом. Абсолютно не факт, что его пропустит здешняя сучья цензура (помним случай с просьбой к Муждабаеву!), но... Расход – два листа А-4 и один конверт от Землинского (с им же наклеенными марками), а писал письмо я как раз от шмона до обеда, а после обеда еще довольно долго правил. Главным образом ради этого и писал: заняться чем-то, убить время. А уж

там пропустит цензура или нет, – а устыдить Поликовского, или переубедить, или получить от него ответ еще и на это письмо – я абсолютно не рассчитываю...

13.1.16., 7-00

Вызывала вчера днем эта майорша-«психолог». Долго сидели, разговаривали. Черт ее знает, что меня всё разбирает рассусоливать с ней, пускаться в откровенность. Дефицит общения, видимо, сказывается. :) К тому же – «мусорская» интеллектуалка, как-никак с высшим образованием, хоть и майорша. :) Ну да мне все равно терять уже нечего...

Вручила она мне опять письма. Поздравительная открытка к Н.г. – с Онежской ул., от Майсурияна, Люзакова и Любимцевой, – самодельная, где картинка со мной сидящим в клетке в зале «суда» в 2013 г. и говорящим: «Буду я еще ваши правила соблюдать, как же!». Рисовал Корб по фотке от мая 2013 г. Не карикатура, но забавно; массу удовольствия доставила мне эта открытка. Потом – письмо от матери от 4 января (она в тот день получила как раз первое из моих декабрьских писем, написанное после получения от нее книг Мизеса и Хайека; а второе, более важное, от 18-го декабря, еще не получила). Письмо от Гарды – вот это приятная неожиданность! Он, значит, получил мое еще октябрьское письмо – и в ответе спрашивает, как и чем именно СМИ типа «DDD» и «Neatkariga» могли бы мне помочь освободиться. Ну, написал ему, как я представляю себе роль СМИ и кампаний в защиту в целом, митингов у посольств и т.п., привел в пример освобождение четырех «болотников» и девчонок из «Pussy Riot» в декабре 2013 именно благодаря мощной кампании в защиту тех и других. Но – увы, ясно, что всё равно и после моих объяснений никакой мало-мальски заметной кампании в мою защиту в Латвии не начнется...

И еще было два письма от людей вовсе незнакомых: открытка к Н.г. из Тамбова, от женщины, чьи новогодние открытки мне и Олесинуву я помню еще по началу 2013 в «Медведкове», – видимо, активистка «оппозиции», поздравляющая всех политзэков регулярно. И еще какой-то уж вовсе мне не известный человек из Нижнего Новгорода, с письмом уж совсем непонятно о чем. Однако я ответил обоим, попросил написать поподробнее и о себе и о том, где именно в интернете откопали меня, и нет ли общих знакомых. Получилось четыре письма за вечер – и тут же, не откладывая дальше, я написал и то, еще с декабря обдумываемое заявление начальнику санчасти – об отказе до самого конца срока от всех их «флюшек» и прочих процедур, т.к. они забрали все мои лекарства. Отдал в отбой вместе с письмами. Что ж, посмотрим, что будет. Вероятнее всего – ничего пока не будет, до марта, когда, по моим прикидкам, они должны потащить меня на очередную

«флюшку» – а я откажусь, конечно...

13-40

Опять паника (как тогда, 3-го декабря): «опергруппа приехала!!». Бегают по коридору и кричат друг другу об этом. Чем это грозит, – шмоном? Скорее всего... :(((

17-49

«Опергруппа» оказалась не шмон-бригадой, а – каким-то начальством. Были там, по слухам, полковник и даже прокурор (в последнем, впрочем, я совсем не уверен), ходившие тут по камерам (не всем) под стандартные команды типа: «Встали, построились!». На шмон из камеры всех выгоняют (в московских СИЗО одного человека всё же оставляют, а тут – вообще всех), а если «Встали, построились!» – значит, начальство заходит в камеру и разговаривает с зэками там. В Москве, помню, когда от ОНК заходили ко мне Бабушкин или Каретникова – некоторые не по уму усердные дураки-вертухаи тоже перед их заходом командовали нам встать и построиться. :)

Шмона вроде бы не было, хотя на 100% не поручусь. Была долгая, несколько послеобеденных часов, возня, беготня, отпиранье и запиранье камер, хлопанье дверями. Оказалось, «опергруппа» плавно переходила уже в «крестины», сучьи именины. Каждый день!.. «Крестили» долго, вызывали по фамилиям (обычно – просто: «Следующий!») – и сейчас вот только дергают по одному из бани – расписываться, переодевать, стричь и рассаживать по камерам. А между тем время уже шесть часов, давно привезли ужин, который обычно дают тут полшестого, – то бишь, с этой рассадкой опять могут дать жрать только часов в восемь, как уже бывало не раз. Впрочем, здешняя жратва такова, что можно было бы не давать ее вовсе...

15.1.16., 5-50

Вчера опять случился большой почтовый день, а точнее – вечер. :) Часа в четыре вдруг просунули в «кормушку» толстенную пачку писем, – я аж оторопел. Принес их, видимо, мразь Безукладников – т.к., я слышал, он спрашивал у майорши-психолога, тоже пришедшей, не нужен ли я ей.

Итак – сразу пять писем Землинского, в которые по частям была вложена книга Солонина о WW2, – книгу мне прямо в цензуре собрали из этих кусочков и целиком засунули в один из конвертов :) Письмо от матери – неожиданно с фотографиями из коридоров «судов» надо мной в 2014-15. Два письма от Майсурияна – в том числе его пропавшее письмо №106 (о Стругацких). Ну, и еще – письма от Феликса и Веры (январское, а прошлогоднего, ноябрьского или декабрьского, – так и нет...). Да еще пока писал им ответы – дернули получать бандероль с книгами от Феликса, его

же собственными, как он и обещал. Но – забрали их в оперчасть, конечно. :((

Из этих писем узнал я неожиданно две хороших новости. Во-первых, «Открытая Россия» Ходорковского, какой-то их в рамках «ОР» совместный с Навальным фонд помощи политзэкам, согласились-таки и мне, наряду с другими политзэками, выделить 100 тысяч рублей материальной помощи. Приятно не то, что деньги, а – то, что наконец-то признали, прекратили делать вид, что меня нет. И вторая приятная новость – скажем так, то, что до Лены Маглеванной таки дошло то мое письмо без обратного адреса. Узналось, что оно дошло, только в самом конце декабря, – два месяца шло, тянулось всё это, обалдеть! Таким образом, Лена – вне подозрений, как и была; но, увы – это еще более усиливает мрачные подозрения в адрес Г. ...

Были и мрачные вчера новости. Пока писал ответы – повели и в баню. Так на обратном пути быдлосмена (не татары, а другая, которую я про себя так и называю: быдло) вдвоем водили меня класть пакет в баул – и один из этих ублюдков еще и обшмонал после этого мои карманы, сука! (Я был без робы – поэтому карманы он щупал брючные.) Хрен чего пронесешь, если понадобится! :(((Я всё нервничаю: неужели правда где-то утечка с дневником? Неужели через видеокамеру они его читают?! Или же это лишь дурацкая бдительность исполнителей? Ведь в прошлый раз, во вторник той недели, эта же смена меня водила в баню – так белобрысый упырь и назад вел один, да еще по телефону говорить побежал, оставил меня второму, который в это время сопровождал баландера с обедом...

Баландер тоже кретин тот еще. Опять положил мне вчера в ужин молотую рыбу и капусту в одну тарелку, – хоть вроде и отдельно, но часть перемешалась все равно. На мой вопрос – ответил, что, мол, он всем так кладет. Пришлось съесть сразу то и другое, а после отбоя – остаться без ужина (один хлеб). Сказал ему – пусть берет мою миску, если ему не хватает тарелок, – но главное, чтобы эти мои миски, когда навесят мне следующие 15 суток, не заметили в тумбочке и не заставили вынести...

И опять, черт побери, до 11-ти минимум не мог заснуть ночью, – так перевозбуждают эти письма; ворочался, только о них и думал. Кое-как заснул после 11-ти, потом еще просыпался; вообще, эту ночь спал мало и плохо, меньше пяти часов. За час с лишним до подъема уже не мог заснуть... :(((

20-10

На ужин – «уха», практически пустая. Вылил, конечно. На завтрак – чуть-чуть жидкой гречки. Фактически – это голод. Голодомор... Я голодаю в этой тюрьме, как и думал раньше: ни курева, ни чая, как уголовникам, мне не нужно, но кушать, увы, мне нужно...

Целый день читал этого Солонина, присланного вчера. Цифирь о танках и прочем вооружении в WW2 пропускал, конечно, – зачем она мне. А политических мест в книге не так уж много. В целом, пусть и с пропусками – прочел ее за день. Особого восторга, честно говоря, не испытал. При этом – редкий случай и редкий кайф! – весь день сидел при одном ночнике, без верхнего света: упырь утром забыл включить! :) Читать при ночнике не очень, а вот думать – самое оно...

По радио потрясающие новости: нефть Brent упала до 30 долларов, евро подскочил до 85 рублей, доллар – до 77-ми! Просто класс!!! Обновились минимумы и максимумы с декабря 2014 г. – как раз тогда меня привезли в Москву. Этого не будет, конечно, – но ничего бы я так не желал, как – чтобы это проклятое государство разорилось, обанкротилось и рухнуло, освободив меня и других политзэков из тюрем!..

17.1.16., 5-27

Вчера этот косоглазый быдлотатарский ублюдок заглядывал ко мне в «глазок» после обеда днем – типа, не «сплю» ли я, – и еще два раза ночью, уже вот второй ее половине, когда я, увы, уже не спал (в три часа проснулся второй раз – и уже не мог заснуть до подъема. :(((). Ночью – это что-то новенькое, раньше хотя бы по ночам эта смена не лезла сюда. Впрочем, еще днем я догадался: можно просто распялить на внутренней двери-решетке «куртку х/б» – и их великолепный тройной «глазок» с широким обзором сразу на три стороны окажется совершенно бесполезен. :)) И еще – я вдруг абсолютно отчетливо понял: это именно она, вот эта самая косоглазая быдлотатарская мразь, и написала на меня тогда, 26 декабря, донос о том, что я якобы «спал» на столе, и из-за ее доноса я и получил последние 15 суток! Недаром тогда она спросила: «Объяснение писать будете?» – а в другой раз, когда она, тоже по сигналу видеовидеовидения меня в видеокамеру мразей, открыла «кормушку» – а я в эту «кормушку» выглянул и таким образом явно не «спал», – она про «объяснение» не спросила, и вызова на «крестины» тоже не последовало. Да и из другой смены ублюдок, которому тоже как-то раз звякнули, что я «сплю», – тоже тогда прибежал, гавкнул в «кормушку», но ничего, видать, не написал – и ничего не последовало. Видимо, доносы пишут не те, кто видит меня в камеру и звонит сюда, – а именно здесь дежурящие вертухаи. И вот эта косоглазая тварь, настучав и посадив меня – теперь как ни в чем не бывало заглядывает, ходит тут, открывает мою дверь на подъем и отбой, смотрит мне в глаза... Ух, сука, выблядок сучий, мразь тупорылая, с каким наслаждением я перерезал бы тебе собственной рукой горло и выпустил бы из тебя все кишки!..

Баню тоже в последнее время они зажали очень неприятно. За последний

месяц, с конца декабря, две смены из имеющихся трех проверяли либо вынутый мной из баула пакет, либо мои карманы после убирания пакета обратно. Если в марте-апреле привезут мне опять передачу и в ней опять будут консервные банки, которые с такой заботой покупала мне в 2015 Лена Маглеванная – то пронести их, как осенью, через баню уже явно не удастся; а официально все эти суки их брать в камеру, кроме одного-единственного опера, запрещают. Да и этот опер еще может передумать; да и дежурит он не каждый день, на него еще надо попасть.

Думал, думал тут, что же делать с этой ситуацией. Ничего не надумывается. Иметь 25-30 банок консервов – и сидеть при этом на хлебе без ничего, потому что банки не дают в камеру, – унинительно и глупо, особенно учитывая воплощенную в них заботу Лены и то, какое расстояние они проделали (-ют) из Хельсинки до Всесвятской... Остается одно: объявить сухую голодовку с требованием: «прекратить препятствовать мне в пользовании продуктовой передачей, полученной из дома такого-то числа». Как-то так. Тяжко мне придется, конечно; тут и без голодовки-то тяжело, особенно когда 16 часов в сутки нельзя прилечь, а уж ослабленному – вообще будет тяжело... Но зато – требование стопроцентно реализуемое, зависящее исключительно от воли администрации, – того же Баяндина, начальника оперчасти, не начальника зоны даже. Что ж, завешу «глазок» робой, буду весь день лежать на столе, даже в баню не буду ходить (и сил не будет, и голодовка – сухая, а вода в бане – это большой соблазн...), и пусть будет что будет. Во всяком случае, оттащить меня в санчасть, если всё-таки надумают кормить насильственно, им будет не так-то легко, – сколько у меня хватит сил, буду сопротивляться, а в камере, думаю, они этого делать не будут (да и просто не смогут). Не знаю, что из всего этого выйдет (могут просто вынести последние передние зубы, засовывая шланг в рот), но – надо бороться, а то их глумление превосходит уже всякие пределы. Они просто соблюдают свои ублюдочные правила – а я из-за этого не могу нормально жить даже в тюрьме...

Между прочим – осматривал тут внимательно эту камеру в ее нынешнем виде, после ремонта, прикидывал, – тут можно было бы повеситься так, что никакое их видеонаблюдение не помогло бы. Решетка ночника над дверью приварена намертво – и камера ее и вообще эту сторону не видит. А ремень от сумки можно было бы взять при походе в баню – и обмотать так, чтобы они никогда его не нашли. И есть шанс, что уж этот-то ремень, предназначенный для таскания тяжестей в спортивной сумке, меня бы выдержал. Эх, если бы мне только решиться на это; если б было такое мужество – и не было обрывков глупых и заведомо несбыточных надежд,

лезущих в последний момент в голову!..

18.1.16., 18-15

Три раза в день дают кисель – не только в обед, как обычно, но и вместо чая утром и вечером. Совсем охренели, суки!.. Чего у них там не хватает, – сахара, чая, совести или мозгов? Выливаю, конечно, – я и дома-то кисели никогда не пил, не люблю эту крахмальную гущу, а уж здесь, да еще без сахара... На завтрак – перловка (вывалил), зато на ужин – рисовая каша; обед тоже в целом был съедобный, а вот запить это всё – абсолютно нечем...

Зато опять весь день, как и 15-го, просидел при одном ночнике, без верхнего света, – белобрысый упырь опять забыл его включить. :) Читал, правда, не так много, как 15-го. (Белобрысый упырь, сука, свет зажечь утром забывает – а когда я вчера днем постучал в дверь, чтобы пришедший библиотекарь подошел и ко мне, – так он не забыл спросить у напарника: «У Стомахина ШИЗО кончилось?». Библиотекарь, впрочем, был какой-то новый, работал первый день – и про мои газеты и журнал ничего даже не слышал. Зато – впервые здесь, в ПКТ, вижу такое! – аккуратно записал на бумажку все выбранные мной книги.) Какой кайф, когда эта проклятая верхняя лампа не слепит глаза!.. После обеда, дочитав уже одну вчерашнюю библиотечную книжку, что-то крепко задумался, разобрало меня опять, о возможности самому написать что-нибудь художественное, заняться, так сказать, вместо публицистики чистой литературой. :) Ведь пробовал уже дважды, – в 2004-м и в 2014-м. Описать что-нибудь – я еще могу; могу использовать всякие эпизоды и воспоминания из своей жизни, хотя, увы, не так их у меня много – ярких воспоминаний, годящихся для этого. Но вот чего нет абсолютно, сколько я ни думаю и ни ищу (уже далеко не первый раз), – это сюжета, замысла, связного представления – о чем, собственно, писать, в чем должно состоять действие в книге. А начинать что-либо делать без этого главного, цельного замысла – все равно, что ощупью, вслепую брести по незнакомой местности, – до первой канавы...

Но все равно, весь день настроение было какое-то спокойное, умиротворенное, что для меня совсем не характерно.

Осталось сегодня мне ровно 200 недель, 1400 дней, ровно три года и десять месяцев. Прошло ровно 30 недель с того дня в июне 2015, в Москве, когда я впервые сосчитал остающиеся мне недели...

20.1.16., 5-47

Вчера утром, после шмона, мразь Безукладников таки явился наконец, – спросил, буду ли я брать бандероль, пришедшую наложенным платежом (книги от Землинского, прямо из магазина), а заодно – и ЧТО в ней? Назвал сумму – 1459 р. – и в обед я уже отдал заявление о списании этих денег с

моего счета. На мой – наконец-то! – вопрос о магазине он сказал, как и Сидоркиной еще в октябре: 1000 р. каждую пятницу; пиши, мол, заявление – и всё. Но не ответил на вопрос, ходит ли вообще кто-нибудь в магазин с заявлениями ПКТ; а мне кажется, что нет. Что ж, сегодня среда, – напишу и отдам в пятницу утром, в подъем. Посмотрим, что будет. Если предчувствие меня не обманывает, то по поводу магазина мне опять придется иметь дело с той омерзительной гнидой с жуткой рожей, что была блатным «начальничком» в 132-й бригаде [т.е., в СУСе. – прим 2020 г.] в ноябре 2014, потом, тогда же, вместе со мной была посажена в ПКТ, промотала, сидя там, мои 10000 р. со счета в интернет-магазине, названивала прошлой зимой моей матери – а сейчас, в конце ноября где-то, вдруг, абсолютно для меня неожиданно, всплыла тут, в ШИЗО, в качестве дневального! «Переобулась» из блатных в «красные», как это называют уголовники. По роже издали видно, что это ярко выраженный недочеловек, дегенерат, произведение сильно пьющих родителей, – так что не дай бог, если магазин мой будет зависеть именно от этой твари!..

На второе в обед вчера дали капусту, в которой было – вопреки обыкновению – немного картошки, отдельные волокна тушенки – и целая тонна «вискаса»! Какие суки, чем кормят, а?! Картошку выбрал, а остальное выбросил, конечно. Зато на ужин, кроме кусочка жареной рыбы, дали наконец-то кусочек луковички – всего лишь четвертинку, на один раз только, но и это радует. С конца 2014 г. я не видел, чтобы тут давали лук, а с ним тоже можно делать на ужин отличные бутерброды, мерзкий кислый вкус хлеба он прекрасно заглушает.

Вечером майорша-«психолог» принесли еще два письма от Землинского – и посетовала, что уже превращается тут в почтальоншу. Хоть какая-то польза от тебя, старой суки!.. Землинский повторяет ту новость, что уже мне писал (что, типа, мое письмо без обратного адреса дошло до Лены М.) – но зато пишет, что сайт stomahin.info, мол, не обновляется уже много месяцев. Как одно совмещается с другим, что же там думает и делает Лена – для меня теперь загадка, над которой я ломаю себе голову, но разрешить ее не смогу еще долго, а без помощи Г. (на которую, увы, тоже не рассчитываю) – никогда.

Между тем, Землинский еще 8 января жалуется, что давно уже нет от меня писем. Я проверил свои записи – 18 декабря еще я писал ему, а он 8 января это письмо еще не получил, тогда как мать мое письмо от 16 декабря получила уже 4 января. Я уже не раз и не два замечал, как безумно долго – по месяцу и больше! – идут отсюда многие мои письма. Я лично вижу этому только одно объяснение: здешние мрази, видимо, посылают их (или

ксерокопии, или сканы) в свой ГУФСИН (а те, м.б. – в ФСБ) – и запрашивают, отправлять письмо или не отправлять. Отсюда и месячные задержки, тогда как последнее из вчерашних писем Землинского – я поразился! – судя по штемпелям, дошло сюда всего лишь за три дня!..

Итак, осталось мне уже «всего лишь» 1398 дней. Три года и десять месяцев. Тоска у меня страшная, невыносимая, непроходящая, и даже письма (не от Землинского, конечно) помогают ее заглушить лишь совсем ненадолго. Хорошо еще, что есть книги, – вчера весь день читал какого-то малоизвестного американского фантаста, принесенного в воскресенье библиотекой. Но всё равно – тошно, особенно по утрам, как и всегда, совершенно неописуемо. Жизнь прошла, ничего уже не будет в ней хорошего; я проиграл свою битву, свою жизнь, упустил свой шанс... Зачем жить, уже зная заранее, что будущее беспросветно, что и после срока мне некуда будет идти? Но и умереть я не могу, увы... :(((((((

7-07

Я хочу убивать их, этих мразей, недочеловеков в камуфляжной форме и погонах!! Убивать, убивать, убивать!!!

21.1.16., 15-05

Единственная хорошая новость, – просто шикарная: доллар на завтра – уже 86 рублей, евро – 94!!1 Нефть в последние дни – 27\$ за баррель! Когда же это проклятое государство наконец обанкротится и рухнет окончательно?!!!

18-00

Большая беда, – по моим здесь голодным меркам, разумеется. :(((Уже говорил этой мразоте один раз, – но вот только что на ужин ублюдох баландер опять положил мне вместе в одну тарелку – и уже не два, а три «блюда»!! :(((Капусту с водой (точнее, наоборот) – и туда же молотую серую рыбу (совсем каплю), а рядом – еще и резаные маринованные помидоры (не больше). Ё...ное ассорти!.. Плохо и то, что это всё вообще дают вместе, в один день; но еще хуже – что эта мразь теперь кладет всё в одну тарелку, хотя я в первый же раз, как он сложил капусту с рыбой в одну, просил впредь класть в разные – и сказал, что если не хватает тарелок (обычная их отговорка), то у меня есть во что положить. Сука, мразь, сечковоз ё...ный!..

То бишь – теперь с идиллией, когда на послеотбойный ужин я сперва макал хлеб в «сок» молотой рыбы, съедал с ним почти всю обеденную горбушку (мякиш), а потом съедал и сам рыбу, придется проститься. Я кое-как выгреб рыбу в одну свою посудину, помидоры – в другую, но «сок» того и другого, увы, влился в мерзкий «сок» капусты и пропал. С помидорами чуть легче – их можно класть на хлеб и без сока, хотя их сок позволяет спокойно есть чернягу, не чувствуя ее кислоты, да еще и на утро можно

оставить, к утренней черняге. Мразь е...чая!... Просить этого сечковоза я, конечно, больше не буду, – бесполезно; он не мог не помнить недавней моей просьбы, но игнорирует ее сознательно. . Только разорётся, поднимет хай, если я ещё раз скажу, – а делать будет всё равно по-своему. Вот она воочию, на живом примере, – интеллигентская беззащитность перед быдлом и зависимость от него!.. Чем еще три года и десять месяцев медленно дохнуть тут от голода – да лучше бы я сразу, прямо сейчас, послал бы их всех на ... , покончил бы с собой – и не мучился больше; да вот – будь ты проклято всё, не могу даже на это решиться!.. :((((

Сейчас напишу на завтра заявление про магазин. Посмотрим, что будет...

18-43

Давит, душит, жжет, мучает тоска, отчаяние, боль в душе. Такая тоска и боль, что – или самому хоть сейчас удавиться, или удавить кого-то из них, всех этих мразей, сломавших мою жизнь. И от того, что жрать нечего, что я вот уже пятый месяц медленно загибаюсь здесь от голода; и от того, что вот этого говна, этой говенной, не нужной мне «жизни» – еще три года десять месяцев впереди; и от того, что жизнь в целом не удалась, не сложилась, и нет никого, никаких перспектив, и сделать ничего нельзя... Тюрьма – это еще полбеда, если есть кто-то или что-то, для чего ты живешь, если есть надежда хоть на что-то хорошее, – там, в перспективе, после тюрьмы... А у меня нет перспектив, никто меня не ждет, кроме матери – да и та не факт, что дождется... Не состоялась жизнь, и ничего уже не исправишь... «Служил-служил, да ничего не выслужил»... В этом году будет вот уже 26 лет моему политическому стажу и 22 – журналистскому. А толку-то? Кто признал мои заслуги, кроме ФСБ и «судов»? Тоска, дикая и мучительная тоска. «Мы, оглядываясь, видим лишь руины...» Жизнь разрушена. Абсолютно никаких перспектив впереди. И я не перестаю мучительно думать: как же всё так вышло и почему?..

22.1.16., 12-20

Снова поднимается, взбаламучивается всё это в душе. Только было немного улёгшееся перед обедом, – бессильная ярость, ненависть, боль, отчаяние... Почему? Я и сам не знаю. Потому ли, что баландер, оказывается, тут уже новый, – точнее, старый: я вдруг вспомнил, что видел эту рожу в августе, когда сидел тут в карантине. Не помню вот, какой был вчера, новый или старый, – но в любом случае ясно, что на отдельные тарелки с молотой рыбой по вечерам мне теперь рассчитывать нечего. Или потому, что выдергивал сейчас мразь Безукладников в здешнюю «дежурку» (идя оттуда, я и увидел нового баландера с тележкой), – писать заявление на снятие со счета денег за бандероль от Землинского с книгами, плюс – доверенность на

какую-то здешнюю бабу, что пойдет на почту платить и получать. А заявление, что я писал во вторник по указанию той же мрази Безукладникова – неведомо куда делось, он его не видел, хотя смена была та самая, что и сегодня. Вот так: отдаешь заявление – и оно неизвестно куда девается!.. Хотя, впрочем, все равно та же мразь Безукладников во вторник сказала мне написать в нем неверную сумму – на сто с лишним рублей меньше, чем сегодня. Так что, м.б., и врет, что не видел...

А уродец из смены Шрека сегодня утром приволок мне в «кормушку» одно письмо от того же Землинского, прошедшее цензуру 20-го. Когда же я у мрази Безукладникова сейчас спросил о заказных письмах в цензуре – он спохватился, полез в ящик и спросил меня, получил ли я одно (простое, конечно) письмо вчера. Я сказал, что получил сегодня. То есть, отдать сразу, как принесли, им не судьба, – надо, чтобы хоть сутки, да провалялось здесь, в ПКТ... А Землинский в этом письме (от 13 уже января) по-прежнему пишет, что давно уже нет моих писем. То бишь, 13 января он еще не получил мое письмо от 18 декабря!! – куда же они, суки, на месяц почти девают письма, когда они отсюда в Москву идут максимум неделю?!. Будьте вы все прокляты, мрази!.. А книги эти, за которые деньги со счета, – конечно же, принесут, бандероль так же вскроют при мне – и книги унесут «на проверку» в оперчасть, как было и с книгами Шведовского, которых нет до сих пор... :(((

12-53

Да еще, как нарочно, хлеб попался сейчас на обед отвратительный – и это еще добавило желчи и горечи в настроение. Причем в буквальном смысле: темная, почти что горелая корка – она ведь на вкус горькая. А корка от обеденной пайки (горбушки, как правило, – там как раз корки много) составляет тут весьма значительную часть моего ежедневного обеденного меню, которое без этой корки было бы уж совсем скудным (а мякиш я оставляю на ужин после отбоя). Хоть, может, это и глупо – но, получив обед, я каждый раз осматриваю эту горбушку – и если она темная, то настроение и вправду портится: значит, предстоит жевать эту горечь – или же оставаться полуголодным. А на тележке баландера в обед – почти каждый день вижу – лежат между тем очень соблазнительные буханки – золотистые, практически белый хлеб, как давали на обед в 2014-м! Кому уж он их возит, не знаю, – диетчикам, м.б.? А я грызу с отвращением почти черную корку...

18-27

Ну что ж, хоть что-то хорошее наконец-то. Сработал-таки магазин. Пришел завхоз, которого я все не мог дозваться, принес ведомость и список.

Список еще более ничтожный, чем был в сентябре в СУСе; даже консервов нет. :((Сгущенка по 55 рублей, – на мой вопрос он сказал, что в железных банках, и я решил не брать: намучился уже с банками – и еще предстоит... Вафельных тортов заказал четыре – он принес три: вроде как уже кончились. Зато шоколадных конфет вместо одной пачки – две (и выходит на 50 р. дороже, – не 1000, а 1050 р.). И две плитки шоколада – но хорошего, горького; не Alpen Gold, как я боялся, с орешками или изюмом. Вот и вся тысяча. Еще были в списке: туалетная бумага, стиральный порошок и средство для мытья посуды (всё – знаю уже по опыту – очень плохого качества). И больше – ни хрена, хотя завхоз говорит, что завозы там бывают хорошие. Но – в понедельник; до пятницы, понятно, ничего не долеживает. Поразил же он меня тем, что на мой вопрос об интернет-магазине сказал, что интернет-магазин, оказывается, ликвидировали тут, в зоне, совсем! Не то что для ПКТ или СУСа, а вообще для всех! Не могу себе этого представить: а что же будут кушать блатные, с чем они будут пить чай?!! :) Невероятно просто.

В общем-то, купил одно сладкое; а его мне столько и не нужно. Конфеты – чебоксарские, попробовал – два разных вида; один получше, другой похуже, но по сравнению с «Маской», которую мне привозили в передаче, – ерунда, конечно. Торты длинные, без орешков, мягкие, видимо, их на три части вполне можно разрезать. Сперва хотел их есть на ужин – после обеденного мякиша и вместо шоколада. Но потом решил, что умнее, раз там какое-никакое тесто, какая-никакая сытость, есть их на завтрак, вместо сечки и перловки, – на ужин хоть хлеб есть, а на завтрак обычно вообще ничего. Конечно, хорошо, что теперь раз в неделю можно что-то брать на 1000 р. – столько сладкого мне не нужно, но завхоз вроде пообещал, что поговорит с продавщицей, чтобы она оставила с завоза до пятницы хоть пару батончиков колбасы да майонез. Я не верю, конечно, в это. Но – оголодал я тут настолько, что колбаса и ветчина скоро, наверное, уже будут сниться... А на вопрос, отоваривается ли тут в ПКТ еще кто-то – завхоз сказал, что якобы ни у кого больше нет денег. Не могу понять, как такое может быть. Но – это отчасти объясняет, почему три с половиной месяца и заявления на магазин, в отличие от 2014 г., никто не собирает, и даже разговоров про него никаких в коридоре не слышно...

23.1.16., 12-23

Позавтракал утром кусочком торта (вместо мерзкой каши) – так зато остался сейчас без обеда. СОВСЕМ без обеда. Забавно, да? :)))))) И в супе, и во втором (капуста) – тонны «вискаса»! Исчезающие следы настоящего мяса, отдельные волокна, – а всё остальное вискас. Вылил всё, конечно. Хлеб

еще более горелый, чем вчера, – с трудом заставил себя, преодолевая горечь, сжевать часть корки, а остальное – выбросил...

Что ж, c'est la vie... Такова жизнь. Через всё это надо пройти... только вот непонятно, зачем, если всё равно этот путь голода и мучений никуда не ведет. Непонятно, почему я никак не могу сам, собственной рукой оборвать эту никчемную жизнь, если точно знаю, что как минимум на ближайшие годы она только и будет состоять из такого вот говна на обед, на завтрак, на ужин и из других столь же «приятных» сюрпризов...

17-57

Тот случай, когда хочется уже не плакать и не возмущаться, а смеяться в голос. Когда, кроме смеха, ничего уже просто не остается. Горький, злой смех душит меня. На ужин дали... перловку! :)))) И кусок селедки. То бишь, сегодня феноменальный день: впервые в этом лагере, с августа 2014 года, я не смог есть НИЧЕГО из баланды за ВЕСЬ день, все три кормежки. Кроме куска селедки и мякиша обеденной горбушки, которые съем после отбоя. Кусок торта, две конфеты и эти бутерброды с селедкой – вот и вся моя еда за сегодня, 23-е января...

24.1.16., 17-36

Опять ел только один раз в день – в обед. Да еще утром – вместо перловки – доел первый торт. На ужин – опять кислый обеденный мякиш без ничего... :((

Библиотекарь (воскресенье) приходил почему-то в полпятого. То есть, между 2-мя дня и 6-ю вечера его можно ждать в любое время; неплохо!.. Неделю назад, помню, много раз повторялось, что по графику он должен приходиться в два часа (а в СУС – в три, всё правильно). Самое же печальное – что ни газету, ни журнал он не принес, разумеется. Странно было бы, если б принес. :))) Какой-то бред: начальник воспитательного отдела ему сказал, что вся подписка с 1-го февраля, ее раньше не успели собрать. Видимо, тут была какая-то подписка в самом лагере что ли? Но я-то причем? Мне еще в октябре-ноябре всё подписали на местной почте, в поселке!.. Суки е...чие, вечно у них всё вот так, у мразей! В «законах» своих понапишут «прав», а соблюдать и выполнять эти права никто и не думает даже!.. В Буреполоме я по этой вот причине и боялся подписываться – что не будут ничего вовремя доставлять и отдавать; и это я еще не знал тогда, что это делается в таких заведениях через библиотеку!..

Ну, напишу сегодня заявления начальнику этого «воспитательного отдела», чтобы выдал прессу, а заодно и мрази Баяндину, начальнику оперотдела – чтобы выдал наконец книги Шведовского. Завтра утром отдам. А толку-то?..

26.1.16., 17-50

Два абсолютно пустых дня. Ни писем, ни книг (ни от Шведовского, ни от Землинского), ни реакции на заявления. Нет известий, никто не приходит, никуда не вызывают. О доверенностях Феликсу, Вере, Корбу – я и думать забыл, сегодня вдруг случайно вспомнил. Тишина...

Второй день ем за весь день только обеденный хлеб и суп. Остальное – несъедобно. И то – счастье, что сегодня в супе было мало «вискаса», можно было выкидывать его из ложки. А в капусте – сплошной... :(((А на ужин – оба дня «уха»... :(((Повыбираешь картошку и чуть-чуть рыбы (больше там нет), – остальное – в «дальняк». Суки переводят в январе остатки картошки на «уху», а на обед дают вонючую капусту с «вискасом»!.. Твари, мрази... Сейчас, правда, на ужин дали еще пол-луковицы, – то-то после отбоя будет пир горой, бутерброды с луком!.. :) Кстати, и торт из ларька, третья его часть на завтрак, насыщает весьма прилично, а то бы я вообще не знаю, что делал бы на такой баланде. В декабре казалось, что хуже кормить уже невозможно – ан нет, с нового года питание стало еще хуже!.. :(((

27.1.16., 19-18

Единственная хорошая новость – с утра дали пшёнку! Два месяца не было... И в той жути, в которой я вот уже четвертый год живу, – какая-то пшёнка вырастает, черт возьми, до размеров «хорошей новости»!..

А молотая серая рыба на ужин так и продолжает попадать вместе с отвратной водянистой капустой – и теперь уже новый баландер продолжает пихать их вместе в одну тарелку, как и старый. Даже выгребать я ее не стал, – такая там капля этой рыбы, так и съел всё вместе. А на ужин мой – опять кислятинка... :(((

Интересно, приедут ли завтра?.. А сегодня – такая же тишина, как и два дня до этого, ни вызовов, ни книг, ни писем...

Проклятая страна, мразь, засадившая меня в тюрьму, как же я ее ненавижу!!!...

28.1.16., 18-18

Никто так и не приехал. :(Принесли зато два письма от Землинского и одно – от Майсуряна, №115. Землинский и 21-го января так и не получил еще мое письмо от 18-го декабря!.. Где ж оно бродит, в каких ГУФСИНах и ФСБ рассматривается?..

Новости довольно заметные в этих письмах, у Землинского в основном. В середине января, числа 13-го, умер Прибыловский. У себя дома, от инсульта вроде бы; был он дома один, так что дверь пришлось взламывать. Вышел на свободу Губкин. Жив, значит, курилка. :) Очень интересно мне, чем он теперь займется. Еще – что Шехтман выиграл в Киеве апелляционный суд

по поводу отказа ему в убежище. Теперь не то что убежище дать – но, как пишет Землинский, заново рассмотреть должны будут его просьбу. И – что он где-то прочел о предоставлении в Украине же убежища Мише Агафонову! Это уж совсем неожиданно – Миша еще в том году писал мне, что ему тоже отказали и что он будет судиться. То бишь – тоже выиграл суд, это ясно. А самое омерзительное – что во всех упоминаемых отказах в убежище беженцам из России фигурирует одно и то же обоснование: мол, «Россия – демократическое государство». Это те самые слова, которые были озвучены и в 2004, когда в Виннице отказались даже рассмотреть по существу мою просьбу об убежище....

И – Майсурян переслал письмо Лены Маглеванной, еще от 1 января. Оно подтвердило худшие мои подозрения в отношении Г. Что теперь делать – я просто не знаю. :(И еще – пишет, что латыш Гедроиц, слава богу, мое ноябрьское письмо в декабре таки получил. И – из ее слов я понял, что на 1 января книжки у нее еще оставались.

29.1.16., 5-25

Боже, какая тоска по утрам! Опять по утрам, как и всегда, все эти годы... Когда только еще просыпаюсь – и последний час или два уже не могу заснуть. Подъема еще нет, не пришли еще мрази, не открыли дверь, не пристегнули нары (второй день, кстати, забывают их пристегивать :) . Просыпаясь, я сразу же вспоминаю, сколько дней еще осталось – 1380 на сегодня – и, хотя число их, конечно, и не так уж велико, меня охватывает ужас. Тяжелый душный ужас. Кажется, что возврата нет, что жизнь моя уже кончена, поломана навсегда, разбита, растоптана навечно мусорскими сапогами; что из этой камеры мне уже не выбраться, тут и смерть моя... Чувство абсолютной безнадеги – и ужаса от того, что, всё это понимая, ты ровно ничего не можешь поделать... Потом, за дневными заботами (ожиданием шмона прежде всего в «паскудный час») это ощущение как-то ослабевает, частично забывается, хотя и не проходит совсем. Но по утрам тоска такая дикая – никакими словами этого не выразить. Сломали, действительно сломали мою жизнь, суки!..

Во вчерашних майсуряновских распечатках обсуждается недавняя статья Каспарова (который сам уже давно в США, или где там, но не здесь) от том, что и как надо будет делать «после Путина». Мол, временное правительство на полтора года, учредительное собрание, разработка новой конституции, и т.п. – всё по кругу, опять те же благоглупости, что и в 1917 г. Председателем их «учредительного собрания» будет Жириновский, ага. Но дело не в этом. Они так обсуждают, как будто Путин вот уже завтра подаст в отставку, как будто он им это уже пообещал. Как будто он не будет править

еще до 2024 г. как минимум – а там, черт его знает, может и короноваться, или еще что-нибудь придумать, потому что уходить ему некуда, такие уходят от власти только вперед ногами. Дело в том – а доживу ли я до этого «после Путина? Доживу ли вообще – и что буду делать, если доживу? И отменят ли после его смерти надзор и розыск, от которых я пока, в ближайшей после (если) освобождения перспективе, не знаю, как куда бежать, как вырваться хотя бы в ту же Украину. Уж понятно, что ни в какое «учредительное собрание» меня не изберут, да даже и баллотироваться туда вряд ли позволят – с розыском, надзором, судимостями за «терроризм», «экстремизм» и пр. Ведь, рассуждая о новой конституции и судьбах России в целом, никто и не подумает отменить эти конкретные решения в отношении конкретного Стомахина. Вот и выходит, как ни крути, что, отдав жизнь борьбе за свободу и за ликвидацию империи и тоталитаризма в России, я так и не буду подпущен к решению этих вопросов даже и «после Путина». Как мальчиком, зеленым юнцом в 18-19 лет не было и речи о моем участии в политике на равных с «вождями оппозиции», так и в 50 уже с лишним лет, отдав политике всю жизнь, просидев за нее 12 лет в лагерях – я так же точно не буду ни к чему такому допущен; мое дело будет сторона; я просто смогу – максимум – вернуться домой и жить, как жил до всего этого, в 90-е годы, уже, конечно, в отличие от 90-х, многим известный – но по-прежнему никому не интересный...

11-00

Опять дергал сейчас мразь Безукладников, опять пришлось переписывать ту доверенность, что писал я на получение денег для оплаты книжной бандероли Землинского, – «шапка», оказалось, там не нужна. Похоже, что пока будут идти все эти процедуры, писание бумаг и пр. – бандероль уже отправят назад. А насчет книг Шведовского и прессы, подписанной мне с 1 января – этот мразоид, конечно же, не узнавал...

18-02

Никто так и не приехал. Магазин тоже не принесли. Вышло точно так, как – я думал – будет в прошлый раз: в ответ на отданное утром заявление – абсолютная тишина, никого и ничего, никакой реакции. То ли затеряла это заявление косоглазая быдлотатарская мразь, которой я его отдал. То ли туфтой и мутью оказалась информация мрази Безукладникова, что можно якобы КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ покупать на 1000 р., – небось, раз в месяц, и всё!.. Проверить это теперь раньше следующей пятницы, 5 февраля, не удастся, увы. Кусок торта на завтрашний завтрак – и всё. А баланда становится всё хуже и хуже; сегодня опять – съедобное было только в обед. На завтрак – какая-то омерзительная каша, на ужин (я точно угадал заранее)

– «уха»...

30.1.16., 14-50

Никто так и не приехал. Третий день начинаю с этой фразы... И грустно, и смешно. Обещанные приезды раз в месяц ну никак не получаются, хоть убей: в октябре не было, в январе – тоже. А когда и есть – не столько польза от этих приездов, сколько недостойные и позорные попытки обмануть доверившегося им человека, ложь в глаза... [Примечание 2020 г.: в итоге эти мои тогдашние подозрения не подтвердились.]

Невозможно слушать, как каждый день, по целым часам жалобно, громко, протяжно мяучет где-то в коридоре кошка Соня, на какое-то время в конце того года исчезавшая куда-то, но теперь появившаяся вновь. И в 2014, помню, мяукала она столь же жалостно и громко. Не кормят ее здесь, видимо, – кроме голода, с чего бы ей еще так разоряться? Эх, Соня, бедолага, голодаем мы тут с тобой... Самое же странное, что когда меня куда-то выводят из камеры, даже когда перед баней я прохожу до каптерки весь коридор, – ее никогда не бывает видно! Где уж она прячется, ума не приложу, но когда я в коридоре – ее не видно и не слышно, а когда я в камере – ее хорошо слышно, но не видно. :)

Услышал сейчас, как дежурный вертухай сказал кому-то, что, мол, сейчас придет «Васильич» – мразь Баяндин, начальник оперчасти. Вспомнил, что книги Шведовского никто из оперов мне так и не принес, заявление, отданное в понедельник утром, они просто проигнорировали. Третья неделя уже пошла, как вскрыли бандероль и забрали книги, 14-го января это было, 16 дней назад. Вдруг как-то само собой пришло решение: послезавтра – опять в понедельник – с подъема я отдаю новое заявление на имя Баяндина про эти книги, где в конце пишу: в случае дальнейшего отсутствия реакции на мои заявления буду вынужден объявить сухую голодовку. И – если и на следующей неделе, с 1 по 7-е февраля, книги не будут мне отданы – в понедельник 8-го февраля я с подъема отдаю заявление о начале сухой голодовки и перестаю брать баланду. Терять мне нечего. Посмотрим, что из этого выйдет...

17-25

Нечаянная радость: хотя молотая рыба на ужин и продолжает (как я и думал) идти вместе с капустой – но сейчас баландер вдруг положил мне рыбу в отдельную тарелку, а не вместе с капустой! То бишь – можно будет съесть ее вечером, да еще перед тем помакать в ее «сок» с резким рыбным запахом часть обеденного хлебного мякиша!..

Я сам смеюсь над собой, почти что хохочу во всё горло, но это – горький смех. Я настолько оголодал, одичал, почти уже обезумел тут, в этой камере,

– что подобное ничтожное событие из раздачи ничтожной и гнусной этой лагерной баланды – представляется мне важным, и значительным, и радостным...

31.1.16., 17-55

Ублюдок-баландер опять сложил на ужин капусту с молотой рыбой в одну тарелку. Недолго я радовался... И меню сегодняшнего ужина – точно такое же, как вчерашнего, что удивительно. Пришлось съесть всё вместе, – там такая капля этой рыбы, что нет смысла что-то выбирать...

В обед, правда, совершенно неожиданно дали почти что белый хлеб, как давали здесь в 2014 г.! И почти не кислый, и корка съедобная, не горелая. Диво дивное; я никак этого не ожидал! Вот его мякишем и буду сегодня ужинать, больше нет ничего. Но радость моя всё равно длилась недолго, – рутинная, тоска, беспросветное это существование...

Воскресенье. Библиотекарь то ли вообще не приходил, то ли приходил и его не подвели ко мне – я так толком и не понял. Но скорее не приходил. Книг нет ни библиотечных, ни своих уже несколько дней, прессы – тоже, естественно. Заняться целыми днями абсолютно нечем, только сидеть, ходить и размышлять.

Тоска порой от этих размышлений такая дикая, невыносимая – хоть сейчас в петлю, плевать на всё! Тоска и отчаяние... Нет, и в 45, и в 50 лет не поздно стать, наконец, кем-нибудь, занять, наконец, подобающее тебе положение, имея уже за плечами 30 лет политического стажа и 26 – журналистского. Не поздно устроить свою жизнь – не личную, конечно, нет, но, так сказать, деловую, профессиональную – в той профессии которой ты отдал жизнь...

Не поздно, да. Но ты-то все равно никем не станешь, это уже сейчас ясно! Тебе все равно ничего не светит, хоть сколько просиди, хоть как угодно героически себя веди в заключении!.. В том-то и дело, что все эти мучения – зря, за них не будет никакого воздаяния, никакой компенсации, ничего тебе не зачтется, никакие твои заслуги, никакие лучшие намерения. Хоть в лепешку разбейся – ничего ты тут не изменишь, стать хоть кем-то, обрести какой-то общепризнанный формальный статус – не судьба; мучаешься, сидишь, сходишь с ума в одиночке – и ничем, никогда, до самой твоей смерти, жизнь не вознаградит тебя за это! Всё – зря!.. :(((Лучшее бы уж тогда сдохнуть прямо сейчас, не длить эти зряшные мучения. «Служил-служил, да ничего не выслужил...» Почему так вышло? Почему у меня такая нелепая, дурацкая судьба? Не знаю. Единственный ответ – я неудачник, это мое первичное, изначальное, базовое состояние, не поддающееся дальнейшему объяснению и анализу... Лучше удавиться, чем жить, зная это. Зная, что всё

безнадежно, что ничего уже не будет до самого конца. Что мне всего 41 год – а я вот уже четвертый год повторяю себе по многу сот раз с утра до вечера, каждый день: «Вот и жизнь прошла»... Тоска от этих мыслей такая невыносимая, что хочется выть...

И завтра я буду опять весь день так же, как и сегодня, сходить с ума от этой тоски и безнадеги, так же маяться, не зная, чем мне заняться, не зная, как жить и как выжить здесь, а главное – зачем... Зачем все эти мучения, если впереди все равно ничего нет? Почему я не могу просто умереть, отключиться, отказаться участвовать в этом глупом фарсе – собственной жизни?..

ФЕВРАЛЬ 2016

2.2.16., 5-35

Вчера после обеда начальничек «воспитательного отдела» таки принес мне лично «Новую газету» и «The New Times» за 2016 год. Ругался, что, мол, подписные квитанции надо было сдать в канцелярию – а то они, мол, не знают, кому именно эта пресса приходит, м.б., просто для библиотеки выписана. И точно, в газетах уже пробиты дырочки – связывать номера в подшивку, как обычно делают в библиотеках. Номера «Новой», кстати, не все, – двух, по-моему, не хватает; журнал же всего один, хотя должно быть уже два. Идет он сюда, оказывается, дольше недели: 18-го января вышел, только 27-го получен.

Самое же интересное – что узнал, чья все-таки пресса, и пришел начальничек этот, конечно, по моему заявлению – но не №2, которое я вчера же в подъем и отдал, а – еще первому, отданному неделей раньше, в подъем 25 января. Ему же, как я с его слов понял, это заявление от 25-го отдали только вчера, 1-го. Вот такая здесь скорость прохождения заявлений... Не удивительно, что насчет книг Шведовского – тоже вчера отдал заявление №2 мрази Баяндину – до сих пор тишина. А мне осталось уже меньше недели до начала сухой голодовки по поводу них...

Журнал и газеты читал вчера весь остаток дня, до отбоя. Еще 2,5 номера «Новой» осталось на сегодня. Важную для меня новость узнал пока только одну. Масюк теперь не только член СПЧ при Путине и обозреватель «Новой», но и – член ОНК Москвы! То бишь, там, в московской ОНК, произошли какие-то изменения состава. Не знаю, и очень хотелось бы узнать, остались ли в ней Каретникова, Светова, Бабушкин и Сорокин.

Вспоминал тут вообще знаковые, важные для меня новости последнего периода. Кроме Масюк в ОНК – это еще смерть Прибыловского, освобождение Мавлевича из чеховской психбольницы №5 и Губкина из владивостокского лагеря, получение убежища в Украине Агафоновым и пересмотр дела по отказу в убежище Шехтману. Ну, еще посадки Павленского и Дадина, которых я знаю только через общих знакомых.

4.2.16., 5-26

Будь всё проклято!!! Эту ночь не спал вообще, ВСЮ, ни на одну минуту за восемь часов – от отбоя до подъёма – не удалось заснуть!.. :(((Что за проклятая жизнь у меня здесь?! – как только письма, пресса, книги, новости, – так я не могу ночью уснуть!.. И ладно бы еще два-три часа, как раньше; но ВСЮ ночь – такое со мной тут, в лагере, впервые! Даже когда осенью болел зуб (а вчера опять начал вдруг, что-то там опять воспалилось, но ночью он

не болел) – и то я спал хоть сколько-то, хоть два часа за ночь! А тут...

Вчера между шмоном и обедом мразь Безукладников принес пачку писем, новый номер «The New Times», две газеты и книги Шведовского! Подействовала, значит, моя угроза голодовки!.. :) За журнал и газеты выдернул писать расписку в получении. А после обеда он же выдернул меня еще раз – получать уже книги от Землинского. И тут, т.к. он сидел рядом с тем «мусором» из КДС, что вскрывает бандероли, – я сказал ему, мрази Безукладникову, чтобы уж он сам эти книги «проверил», а не забирали их для этого опять на три недели в оперчасть. Он согласился – и через два-три часа действительно книги мне занес. Я в это время писал ответы на письма – матери, Майсуряну, Землинскому и этой Поповой из Тамбова, – оказалось, она учитель русского и литературы, 43 года в школе работает. (А от матери пришли очень тревожные вести о поездке Г. к ней в Москву.) Закончил писать как раз к ужину, дальше – читал журнал и газеты. И вот – не мог после этого уснуть целую ночь!.. :(((Будь всё проклято!!!...

5.2.16., 5-38

Всё отвратительно. Вчера таки приезжали... Результат – полный ноль, полный и абсолютный. [Примечание 2020 г.: то есть приехавшие адвокат и правозащитник отказались взять какие-либо мои рукописи для пересылки их публикаторам на воле.] Страх и паника... Какая-то очень смутная договоренность на будущее – учитывая, что до следующего раза еще минимум целый месяц. (А в следующий раз страх и паника могут и совсем затмить им рассудок, несмотря ни на какие предварительные договоренности...) Насчет же прошлого – как я и думал: толкание этой крайне сомнительной версии, что ноутбук и Лены М. сдох якобы еще в ноябре – а все письма мне в декабре-январе писала и пришедшее дальним окольным путем вешала она якобы со смартфона (хотя это невозможно!..). Типа, «всё пропало», что было отснято в оба последних раза – то бишь, у Лены пропало – и мне было обещано всё повторить еще раз. Что ж, посмотрим... Но – подорванное один раз доверие очень трудно потом восстановить...

Потом еще водили в баню, – четверг же... Вывели оттуда в шесть часов – а тут как раз тусуется мразь Баяндин. Вдруг вспомнил – и повел в тот же самый кабинет, где мы сидели днем, получать заказные письма. От Корба, – наконец-то додумался написать и прислать; но – всего лишь свое последнее, ноябрьское, на которое я тогда не смог ответить, письмо, с небольшой добавкой насчет того гранта в 100 тысяч рублей, уже полученного матерью. От Санниковой – короткая открытка, конверты и календарики на 2016; а ответа на мое большое ноябрьское письмо нет. Ну понятно, – ЧТО она, в

самом деле, может ответить... И та телеграмма от Г., о которой он спрашивал еще днем, – от 25 января (!), о том, что они задерживаются и будут в начале февраля. Сучья страна, сучий лагерь, сучья жизнь!!! – телеграмма о том, что люди задерживаются, доходит и вручается после того, как задержавшиеся успели уже приехать – и уехать!..

Да, забыл еще сказать, что встреча эта днем началась с перепалки минут на пять с мразью Чертановым, гнидой, которая их привела – и оставила сперва (еще раз прошмонав!!) в местной «дежурке», а меня возжелала обязательно закрыть в кабинете в клетку – под предлогом, что они («мусора») отвечают за безопасность приехавших, коих я могу взять в заложники (!), напасть и т.п. бред. Я сопротивлялся долго, упорно, но всё же пришлось сесть в клетку – а то эта мразь просто сорвет свидание, да и всё. Не представляю, как хоть кто-нибудь может видеть перед собой такую гниду, как этот Чертанов – и не хотеть страстно, всей душой, тут же на месте раздавить, физически уничтожить ее своими руками!..

13-01

И глупо, и стыдно, и позорно, и просто смешно... Но от моего отвращения, тоски, отчаяния, боли, от всего расстройства по поводу вчерашней неудачи не осталось и следа – и из-за чего же?..

Всё утро писал письма, а незадолго до обеда заглянул в «кормушку» дневальный (или это новый завхоз уже? – короче, тот самый мой бывший сосед здесь же, за стеной, в 2014 году) с лицевым счетом и списком магазина в ларьке. Колбаса!!! Там была колбаса!!! И сосиски!! :) И довольно много чего еще, – магазин, похоже, ожил. Шоколад и шоколадные конфеты, сгущенка, тушенка свиная и говяжья (и банку вскрыть нечем, и кипятка нет, увы), сахар, чай, кофе, паштет (?), «мясо цыпленка» (в каком, интересно, виде?), майонез, горчица, какая-то просто «приправа», подсолнечное масло... в общем, список он мне оставил, он сейчас лежит передо мной. Мне все-таки еще не совсем верилось, но когда где-то через полчаса он мне принес заказанные мной четыре батона полукопченной колбасы (нижегородский какой-то мясокомбинат), пачку из восьми сарделек в вакууме (то, что он ошибочно назвал сосисками) и вафельный торт как в прошлый раз (три завтрака) – вот тут-то и настал настоящий праздник!.. :)))

Увы, м.б., глупо и недостойно так бурно радоваться какой-то жратве, тем более – даже не лучших из известных производителей. Я согласен с этим. Но – надо изголодаться так, как я изголодался здесь, пережить это 23-е января, когда за весь день – только мякиш от горбушки и кусочек селедки... чтобы понять мой восторг. Если считать всего – то я не ел колбасы с сентября, когда Вера с Феликсом привозили в передаче полукопченную; а если вспоминать

конкретно эту камеру – то колбасу я единственный раз ел здесь в декабре 2014 года, за несколько дней до отъезда в Москву.

Между прочим, странная какая-то тенденция. Вот такой же торт, что в тот раз, что сейчас, – но тогда завхоз написал в списке «150 рублей», а сегодня такой торт – по 90. Сгущенка – я точно помню – была по 55 рублей, а сейчас – 50; конфеты шоколадные – вот не знаю, такие же, или хуже качеством, но тогда – 200, сейчас – 100! Я охотно допускаю, что завхоз может и завышать цены в списке, но зачем, – ведь всё равно расчеты безналичные, себе он ничего не возьмет. Или в тот раз тот завхоз просто сэкономил за счет завышения мне цен – и за мой счет купил себе там же, в ларьке, пачек пять сигарет? Если считать по сегодняшним ценам в списке – тот набор сладостей, что он две недели назад принес мне за 1000 р., стоит всего 660; к тому же, вместо четырех вафельных тортов он притащил мне по непонятной причине всего три...

Короче, по четыре сардельки в ужин – на два раза, каждую из четырех колбас – тоже на два раза. Десять дней.

7.2.16., 17-42

Отчаяние, тоска, пустота... Бессмыслица. Бессмыслица моего сидения месяцы и годы в этой камере... В капусту на ужин мрази опять напихали «вискаса», – пришлось выбросить. Молотую рыбу ублюдок-баландер так и продолжает пихать в одну тарелку с капустой, и рыбы той – крохотный черпачок...

Воскресенье, но библиотекарь так и не появлялся вообще. Хорошо, что вот теперь есть у меня своя колбаса, свои книги – не так остро чувствуются эти проблемы с «вискасом» или с библиотекой. Но что будет дальше? На сколько хватит своего?.. Постоянно думаю: что будет со мной, когда всё же закончится это ПКТ – в конце мая, 7,5 месяцев вместо шести за счет трех ШИЗО (если до тех пор еще новых «пятнашек» не навесят)? В 132-ю, конечно, попытаются [т.е. в СУС. – прим 2020 г.], но – теперь уж я туда ни ногой, нечего мне там делать. Хватит, нахлебался!.. В лагерь, естественно, они не выпустят; да я, по совести, туда и не хочу, – к быдлу, хотя там больше еды и можно лежать днем. Если не поволокут силой в 132-ю (вряд ли), должны оставить тут, в камере. Но в каком статусе и на сколько? Омерзительнее нет, когда в таких местах твой статус неопределён и ты не знаешь, что с тобой будет завтра.

Плюс ко всему – опять полностью покрылась какой-то снежной коркой та решетка, что стоит у меня под окном, – то ли это прогулочные дворики, то ли еще что, черт их знает! Но – эта корка не пропускает свет, так что теперь за моим окошком, и так крохотным, – круглосуточная ночь! Окно

абсолютно черное, темное. Только если подойти к нему почти вплотную и посмотреть влево – там, дальше, левее моего окна в этом насте есть маленькое отверстие, сквозь которое днем бьет свет. Вот так вот – сижу фактически в пещере, даже без дневного света, постепенно дичая, сходя с ума и теряя человеческий облик...

Осталось 1380 дней. Три новых года предстоит тут встретить, – если не намотают еще...

9.2.16., 10-47

Отвратительная новость. Ублюдки эти в камуфляже, ежеутренняя шмон-бригада («смена») – пришли сегодня не в десятом часу, как обычно, а в десять, в самом начала 11-го! Никуда не тропились, ушли вот только что (если вообще ушли – по голосам, ходьбе и хлопанью решеток в коридоре толком не поймешь).

Я отлично помню, как вместо десяти они начали вдруг приходить в девять, – это было в ноябре 2014, я тогда тоже сидел здесь в ПКТ. Когда прошел первый шок – я понял, что так намного лучше. Кончается завтрак, забирают тарелки – это где-то семь утра, плюс-минус сколько-то. А дальше – надо сидеть и ждать этого самого «паскудного часа», шмон-бригады. И лучше, если ждать хотя бы два часа, а не три. Ведь надо как-то их провести, чем-то себя занять в ожидании... Эти часы – самые тоскливые тут за день. Когда мразь, галдя и гогоча, прошла мимо тебя обратно, на выход, хлопнула решеткой и схлынула, и ты знаешь, что весь остальной день, до вечера, твой, – всё-таки как-то легче. Чисто психологически легче, конечно, – всё равно та же тюрьма вокруг, тот же ужас, – но всё же...

И вот теперь – всё возвращается – видимо, опять будут ходить в десять. А в 11, насколько я знаю, они сами сменяются с дежурства и идут домой – если, конечно, не поменялось вдруг и это время...

Окно так и остается полностью черным, закрытым снежной коркой. А маленькая дырочка в ней далеко слева – сегодня еще меньше размером, чем вчера...

Да, прошла жизнь... Какая тоска... Жизнь прошла – а «мегалотимия», как ее называет Фукуяма в своей знаменитой книге, так и осталась неудовлетворенной, нереализованной; никакого «признания», движущего, по Фукуяме, и отдельными людьми, и всей историей в целом, я не получил. Если, конечно, не считать «признанием» самые большие срока оба раза по моим статьям, 12 лет лагерей в сумме и три судимости, – признанием от государства, которое я ненавижу так же люто, как и оно меня. А вот от «своих», от друзей, коллег, читателей, общественности – ни фиги. Ну, просто хорошо относятся некоторые, хвалят иногда в интернете ОТ СЕБЯ ЛИЧНО –

и всё... А выйду – будет уже поздно мечтать о чем-то таком, добиваться какого-то признания. Даже если и не загремлю вскоре снова, даже если смогу вырваться отсюда – всё равно, это уже будет старость...

12-40

В щях сейчас – тонна «вискаса»!.. В горохе (!) утром – и то не было, а тут... Вот и пообедал...

Какая-то из этих сук в форме сейчас, пока собирали тарелки, слышал, в коридоре говорила кому-то – баландеру, наверное: «...приходить будут в десять часов!..». Значит, точно, – переиграли назад, к ноябрю 2014, а я-то еще в душе надеялся: м.б., это только сегодня, м.б., какая-то накладка у них... Суки!.. Три, а не два часа ждать теперь каждое утро этого эшафота...

Разбередила мне душу эта проклятая книга, этот Фукуяма, будь он неладен! Давно не было на душе такой горькой, невыносимой тоски, такой безнадеги и отчаяния. «Признание»!.. Ага, как же, держи карман шире!! 12 лет лагерей – вот и всё твоё признание, после которых – уже некуда и не к кому тебе будет возвращаться, хоть под забором подыхай... «Служил-служил – да ничего не выслужил...» Санникова-то – ты смотри, не сочла нужным даже ответить по сути на то мое, ноябрьское письмо, где я ей изложил все мои перспективы как есть. Нечего, видать, ответить, не оспоришь все эти самоочевидные вещи, что я написал... И утешить нечем, – она даже и не пытается, календарики только шлет; хотя и пытайся она – конечно, я бы не поверил в ее утешения...

Ни газеты, ни журнала, между прочим, так и нет уже почти неделю (нынче вторник, а мразь Безукладников приносил в ту среду). Хотя 3-й номер журнала, за 1-е февраля, уже не только вышел, но должен был и прийти сюда почтой из Москвы...

10.2.16., 10-32

Похоже, все-таки они приходили в десятом часу, как обычно, , где-то около половины. Сейчас, после десяти – наоборот, тишина. А с девяти до десяти здесь теперь включают проклятую вытяжку – и за ее шумом я не слышал ничего: ни как эта банда входила «с гомоном и ржаньем», ни их обычных вопросов про регистратор, про то, кого сегодня шмонаем (ШИЗО, ПКТ или ЕПКТ) и т.д. Услышал только в какой-то момент движение и голоса в коридоре, грохот закрываемых дверей, а потом – как банда мимо меня уже выходит за решетку в сторону «дежурки». Но ветродуй этот (вытяжку) включили сегодня пораньше минут на 15 – и я слышал, как дневальный, который ее, оказывается, включает и выключает, сказал кому-то: мол, «смена» меня позвала: выключи, а то как в самолете... По слову «смена» я и понял, что это была традиционная шмон-бригада в традиционное время –

с 9 до 10 утра. И еще одно открытие сделал при этом: допёрло, наконец, на третий год пребывания здесь, что эта мразь, шмон-бригада с утра, – это не те, кто сдает смену и уходит в 11 домой, как я почему-то всё время думал, а – только что пришедшая и в 11 утра заступающая новая смена! Просто один из них, проходя мимо моей двери, сказал другому: мол, я приехал – еще и девяти не было, – и я вдруг понял! Вот почему их порой, когда они после десяти тут задерживались, звонят и вызывают, один раз даже сказали, что на инструктаж, – а после этого им надо принимать смену с 11 утра, это тоже не быстрый процесс. Хотя не могу понять, почему тут в 11, – в Буреполоме смены менялись в восемь, это гораздо более обычное время.

В общем, дай бог, чтобы мои вчерашние выводы, усилившие тоску и отчаяние, оказались слишком поспешными. Почаще бы так ошибаться.

Не успел дописать последнюю фразу – выдернул сейчас мразь Безукладников. Принес одну (!) «Новую газету» за 5-е февраля – ни одного номера журнала!!! – и три письма: от матери – и два от Землинского. Где журнал и еще газеты – неизвестно. Заставил на одну-единственную газетку написать расписку. Суки, чтоб вы все сдохли!..

16-10

Вызывал опять этот психолог, мужик. Посмотрел он, оказывается, обо мне в интернете, – Википедию, еще что-то... Пытался за разговорами впарить мне тест Люшера (цветные полоски держал в руках) или хотя бы какой-нибудь тест – я отказался. Зато – едва зайдя в кабинет, увидел на столе два красных томика Мизеса, – те самые, что от матери пришли 5-го февраля и были забраны, как всегда. Спросил у мрази Безукладникова, столбом торчавшего в дверях при разговоре, – оказалось, принес не он, но, позвонив куда-то (в оперчасть?), он мне их отдал. Еще одной сухой голодовкой меньше! :)

14.2.16., 12-55

Воскресенье. Праздник, который можно, который НЕ СТЫДНО праздновать (в отличие от всех их «побед») – день всех влюбленных...

Вот и прошла еще одна неделя, 196 их останется завтра. Писать все эти дни было особенно не о чем. В баню опять ходил вместо четверга в пятницу утром. Мразь вертухай явился – «В баню!» – аккуратно за полчаса до отбоя, как уже бывало. Я, разумеется, отказался, сказав, что не успею. Но хоть в пятницу повели – в первый раз за все такие случаи – сразу же после подъема, а не в семь утра, как бывало прежде.

В пятницу опять сработал магазин, – какое счастье! :) Майонез – наконец-то!! – шоколадка (конфет, увы, не оказалось вообще никаких), две пачки сарделек, два батона полукопченной колбасы. Колбаса оказалась

нижегородского комбината, а в тот раз была саратовского. По идее, эта должна быть лучше, но отведаю только завтра вечером, сегодня доем первую пачку сарделек. Странно и тревожно: сегодня утром обнаружил, что один из этих двух новых батонов туго надулся. Вакуумная его упаковка изнутри туго надулась, как бывало в Москве на медведковской тюрьме с тамошней колбасой, – но про ту было уже известно, что она плохая, и я не удивлялся. Еще страннее, что надулся только один батон, второй совершенно спокойно лежит, как был с самого начала.

Стал сейчас, после обеда, вспоминать вдруг, как в последний приезд ребят этот сучий выблядок Чертанов засадил-таки меня в клетку. Ух, мразь, как бы я тебя бил, месил твое поганое тело, убивал бы тебя собственными руками, если б только добрался наконец до тебя!!! Я выколол бы тебе, грязный недочеловек, глаза, бил бы кулаком со всей силы по рылу, пока не сломал бы тебе нос; сажал бы ногами, пока не услышал бы, как, ломаясь, трещат ребра; я отломал бы, голыми руками, клянусь, оторвал бы тебе хоть одну руку, шаршил бы тебя башкой об угол, пока весь пол не оказался бы на палец залит твоей кровью; я отрезал бы тебе кухонным ножом уши, отрезал бы твой ... и запихнул бы его тебе в рот, предварительно повышибав все передние зубы; я подвесил бы тебя за ноги, еще живого, как грушу, к потолку – и со всей силы бил бы по твоему сучьему телу руками и ногами!!!... А потом, клянусь, я задушил бы тебя, прижал бы твою грудь коленом – и давил бы, давил бы со всей силой, с остервенением на твое горло до тех пор, пока ты не захрипел бы и не испустил окончательно дух!.. Только бы мне добраться до твоего горла и знать, что ничего мне за это не будет, – о-о, уж я бы тебя не пожалел, можешь мне поверить, ублюдок!..

Убивать, убивать, убивать!!! Их надо мочить, только мочить, всю эту государственную мразь, в погонах и без, всех сотрудников всех «силовых структур», без всякого разбора! Заранее вычеркнув их из рода человеческого – безжалостно убивать, как бешеных собак! Добраться до них и хотя бы одного убить лично, своими собственными руками – это, пожалуй, моя главная мечта в жизни. Но я не отказался бы из автомата лично выкосить их и 1000, взятых в плен!..

15.2.16., 19-00

То мразь Безукладников носит свежую прессу, то опять библиотекарь!.. Вчера (воскресенье) библиотекарь принес две газеты и журнал, сегодня – мразь Безукладников одну газету, самую свежую. В «Новой» новая горячая тема: беспредел уголовной мрази в СИЗО «Медведково», где я провел год и восемь месяцев. Масюк, обозреватель «Новой», теперь член не только СПЧ при Путине, но и ОНК Москвы, ходит туда вместе с Бабушкиным и

Борщёвым, общается с эками, пишет, как их избивают и вымогают деньги бандиты. Кто был «положенцем» все почти полтора года моего там сидения на новом корпусе, я не знаю, но одного из этих уголовных подонков упоминали еще при мне в 408-й, – он, оказывается, уже шесть лет там сидит! Да и другие не меньше, а некоторые – и больше. Ходят под опекой оперов по камерам и избивают других уголовников. Слава богу, хоть с этой мразью я там проблем тогда не имел – с «положенцами» и пр.; а впрочем – что с меня взять? С такими статьяями, как у меня, я едва ли мог представлять для них интерес...

Зуб – тот же, ноябрьский, полуобломанный, но еще торчащий – опять воспалился и болит. Ни то что прямо сильно болит сам по себе, а – при прикосновении языком или верхним зубом. Если совсем замереть, не дышать и не двигаться – через минуту-другую боль затихает, не совсем, но почти. А так – я непроизвольно то и дело дотрагиваюсь до него этим верхним зубом, так что боль разыгрывается довольно сильная. Есть мягкие сосиски, как вчера или позавчера на ужин, она мне не мешает, но сегодня – на ужин колбаса, она может оказаться достаточно твердой; на эту сторону есть я вообще не могу, – дай бог, чтобы при жевании на другую я мог хотя бы как-то есть, не сходя с ума от боли, причиняемой зубу просто движением языка и нижней челюсти как таковой. Вот такой вот трагикомический парадокс: уже вроде и колбаса есть – а есть ее ты не можешь... :((И смешно, и грустно, ей-богу!.. И за что мне всё это наказание, эта тюрьма, эта нелепая жизнь?!).

Хорошо еще, что ночью нормально спал, – и заснул достаточно быстро, и последний раз проснулся – уже было аж 35 минут пятого! А то ведь – не только письма, но и пресса свежая для меня тут – это бурные эмоции (не проявляемые вовне, конечно), перевозбуждение, по полночи не дающее заснуть. Письма-то ладно, это новости; а вот при чтении прессы – по-прежнему мучает душу это чувство нереализованности, неучастия в событиях. Жизнь бурлит, мир сотрясает борьба, стороны отстаивают свои идеалы, публикации в СМИ влияют на события... а я сижу тут как дурак и не влияю абсолютно ни на что!.. :(((И не вижу ни малейших шансов как-то повлиять в будущем, даже если освобожусь. А для чего же тогда и жить? Жизнь простого обывателя, тихого частного лица, «дом-работа-дом», – это точно не для меня! Ни природные склонности, ни уже как-никак имеющаяся биография – не допускают такого варианта, как уход в частную жизнь, добровольный или вынужденный. А реализация себя в жизни общественной – по каким-то абсолютно не понятным мне причинам – тоже для меня закрыта. В итоге – тупик...

18.2.16., 10-30

Просто охренеть, сойти с ума... Только вчера подсчитывал: месяц и пять дней прошло с конца последнего ШИЗО, с 12 января. И вот только что, после шмона – открывается «кормушка» – и вертухай, чья со вчера была смена, говорит: «Будете писать объяснительную?». За что?!! А, оказывается, я утром, когда отдавал матрас, «не выполнил свои обязанности»: не представился, когда открыли камеру, не доложил, и т.д...

Это просто что-то немыслимое, невообразимое... Значит, раз в месяц, не реже, они решили давать мне 15 суток, – зачем? Чтобы таким образом продлять и продлять ПКТ нынешнее до конца срока, что ли? Но «будете писать объяснительную?» – означает неизбежные 15 суток в ближайшие же «крестины», никак не позже понедельника (последние были вчера). А скорее – завтра. Суки, мрази, ублюдки. Если я вообще ничего тут у них не «нарушаю», не лежу на столе, не обращаюсь к ним, вообще ни с кем не разговариваю и даже не выхожу из камеры – так они нагло приходят и говорят, что, мол, я должен был, оказывается, при выносе матраса представиться – а я не представился!.. И опять – сидеть 15 суток на одной баланде... Это как минимум... У меня просто нет слов... Я ко многому был готов, я ненавижу их и сопротивляюсь им сознательно – но к настолько откровенной подлости я, увы, готов не был, я просто в ауте, в шоке!.. При выносе матраса, как и при его заносе, никто и никогда не представляется, – уж это-то я знаю доподлинно, и дико посмотрели бы эти же самые вертухай на того, кто вздумал бы им тут в этот момент представляться! Но, оказывается, тихо-спокойно сидящего в ПКТ всегда можно в любой момент закатать еще и в ШИЗО – за то, что якобы он «не выполнил свои обязанности»!.. Безысходность и безнадега такая, что опять приходит та же единственная, как всегда, финальная мысль – о суициде. Хотя, конечно, я понимаю, это было бы глупо, когда осталось всего («всего»!..) три года и девять месяцев – ровно... :(((

13-55

Написал обо всем этом письмо матери. После обеда вдруг выдернули к психологу – тому самому, из «Газпрома». :) Я ему всё это рассказал, объяснил, что терпеть подобное глумление над собой не буду, – минимум сухая голодовка, если дадут 15 суток. Опер сидел тут же и всё это слушал, – тот самый, что в декабре не дал мне занести последние три банки в камеру, а потом брал у меня отпечатки пальцев. Я сказал и ему, что молчать не буду – и что я вовсе не стремлюсь никуда из своей камеры, готов и без всяких ШИЗО сидеть там до 2019 г. Если их цель – именно продление мне всё время ПКТ за счет ШИЗО, а особенно – если у них есть хоть немного ума в головах

– то им этого должно было бы хватить, чтобы больше не давать мне никаких ШИЗО, не раздувать скандал, – ко мне ведь и ездят часто, и знают меня все, пишут обо мне, оперчасть же все майсурияновские распечатки читает...

Но – увы, в их благоразумие я совершенно не верю, особенно если у них это приказ сверху. А тут еще, – выводил к психологу как раз тот опер, по моему, и надеть робу, как они обычно говорят, не сказал. А как дошли до «дежурки» – там косоглазый быдлотатарский вертухай мне вдруг говорит что-то насчет «формы одежды». Если бы он не сказал, я бы и не вспомнил; ответил ему что-то типа: ничего же ведь не случилось, что я без робы вышел. Он тут же: значит, «будут составлены документы», как-то так. То бишь, увидев и прочтя, что я возмущаюсь их произволом – они теперь могут ловко переиграть и навесить мне ШИЗО не за то, что не представился в подъем, а за то, что днем без робы вышел к психологу... :))))))

19.2.16., 5-47

Всё жёстче и жёстче... Сейчас отдал в подъём заявку на магазин – так через десять минут прибегает косоглазая быдлотатарская мразь, приносит заявление моё назад: «сказали переписывать». Ну да, я же обычно в шапке пишу: от политзаключенного» – так ей «сказали», что, мол, «у нас нет политзаключенных, есть осужденные». До этого и с «политзаключенным» спокойно брали и всё было нормально. Кто же это, интересно, ей, мрази косой, «сказал»? Не вчерашний ли опер? Я переписывать заявление отказался, выложил его на «кормушку», – мразь заявила: «Значит, не будете отовариваться!» – но заявление всё-таки забрала и ушла. Что ж, нет худа без добра: если сегодня или в понедельник объявлять сухую голодовку – то магазин и не нужен. А я уже, честно говоря, ХОЧУ ее объявить, хотя и знаю, как тяжело мне придется – но такая ненависть к ним ко всем меня душит, так натянуты нервы, такое предгрозовое какое-то ощущение в душе, – «Буря бы грянула, что ли! Чаша с краями полна!». Что ж, два батона колбасы у меня еще есть, хватит на четыре дня, но дадут ли съесть и их, не «вынесут» ли из тумбочки после объявления 15 суток? Я их отдам с легкой душой, пусть даже испортятся там. в каптерке, – тем больше будет поводов объявить эту голодовку. Не считать же, в самом деле, едой их баланду...

Вчера в семь вечера повели в баню. Когда заводили обратно, я, стоя перед дверью своей камеры, рассмотрел наконец подробно ту странную бумагу, висящую на ее двери, что еще в 2014 г. меня занимала. Лист А-4, на котором каждый день очередной дежурный вертухай пишет число, мою фамилию, потом свою – и роспись. И так каждый день, много-много строчек, иногда утром я слышу, как очередной «мусор» прямо тут, на двери, вписывает

очередную строчку. Когда лист кончается, его заменяют следующим. Так вот, я глазам вчера не поверил, когда вверху листа прочел заголовок: «График дежурств по камере», или как-то так! То есть – на самом деле эти большие, е...нутые на всю голову, меня каждый день формально назначают дежурным по моей одиночке – и на листе этом расписываются, что назначили! Без шуток, в самом деле... Мне они при этом не говорят ни слова, а то бы я, конечно, посылал их куда подальше и от дежурства отказывался. Но – эта моя шутка, что я, мол, вечный дежурный по своей одиночке, – она, оказывается, и не шуткой вовсе оказалась; я опять угадал... Не знаю уж, плакать или смеяться, сделав такое открытие... И – они, эти мрази, значит, в самом деле, без шуток, могут дать 15 суток за то, что я «не выполнил обязанности дежурного» – не представился в подъем... Но теперь уж, да если еще не принесут магазин сегодня – я тотчас объявлю сухую голодовку.

Черт с ним, с магазином, – «только жертвуя всем, можно завоевать всё». А вот что пришло в голову, пока лежал сейчас, ждал подъема. Прямо сейчас я напишу официальное заявление, что в случае моего самоубийства прошу винить в этом Асламова, здешнего начальничка, руками своих подчиненных создавшего мне невыносимые условия содержания и тем самым доведшего до суицида. Приедут ребята – отдам им, чтобы опубликовали как можно шире, в блогах, на «Гранях» и т. д. – и пусть в майсуряновских распечатках пришлётся сюда, а также можно специально послать ксерокопии на имя Асламова и в ГУФСИН. Понятно, что и это ничего не изменит, но – совсем уж молчать нельзя.

6-53

А ведь только позавчера, 17-го помню, сидел здесь – и посмеивался: мол, какой хороший день выдался! :) Самое поразительное – что шмон-бригада утром **ВООБЩЕ НЕ ПРИХОДИЛА!** Ждал ее долго, упорно, но – ни в полдесятого, ни в десять, ни позже – не было даже звонков во входную дверь. Куда уж они делись – не знаю, но не было шмона вообще в тот день, и ветродуй этот – вытяжку – как раз с позавчера, по-моему, перестали по утрам включать (надолго ли?..). А кроме того – весь день я тут сидел при ночнике, верхний свет утром опять забыли включить; на завтрак у меня был кусок торта, на ужин – колбаса; из баланды совсем несъедобным был только завтрак. Весь день читал библиотечного Алданова; иногда, отдыхая, бродил туда-сюда по камере и размышлял (всё о том же...). И под вечер, сам над собой иронизируя, как, бывало, в Буреполоме, говорил себе: мол, «всё хорошо», ага; но ты не радуйся особо, – как бы вся эта благодать и тихое, спокойное сидение на хорошей пище и без света не обернулось уже очень скоро опять какими-нибудь неприятностями. Что-то уж слишком всё

хорошо – в этих мерзостных заведениях так не бывает, просто не может быть. И – точно!.. :))))))

11-20

По крайней мере, одна победа, хоть и маленькая. :) Мое заявление на магазин было передано завхозу, благополучно отнесено начальству, им подписано – и мне только что были завхозом (этим моим бывшим соседом через стену, в 5-й, в 2014 г. вручены список жратвы и ведомость (лицевой счет). То бишь – повинуюсь первому, чисто инстинктивному порыву, я поступил абсолютно правильно, решительно отказавшись утром переписывать заявление. :)

17-45

«Крестин» не было. Значит, в запасе еще как минимум два дня – суббота и воскресенье. Будет ли «пятнашка» в понедельник? Скорее да, чем нет, зная всю эту мразь... А новый завхоз притащил в заказе из магазина вместо двух вафельных тортов один. То бишь, вместо шести моих завтраков – три, а на баландный завтрак тут опять дают дрянь. И так из-за того, что он сильно торопил с заказом, я не успел всё как следует посчитать и вместо 1000 руб. написал товару лишь на 900 с чем-то – а он из них еще и на 90 рублей торт не принес. То бишь – в ведомости опять будет записано 1000 р. потраченных, а реально – только 823. Сильно подозреваю, что на остальные он просто покупает себе сигареты...

Тлен и тщета жизни... Детские мечты, юношеские грезы – ничего не сбылось... Я так ничего и не добился в жизни, и вот – уже старость и скоро смерть, и ничего уже не успеть... :(((

20.2.16., 5-35

А ведь «крестины»-то могут быть и сегодня, в субботу, ха-ха!.. :))) Сегодня – рабочая суббота, на нее перенесен понедельник, 22-е февраля – ради того, чтобы вместе с их любимым мраздничком – 23 февраля, День Оккупанта – сделать быдлу три выходных подряд – воскресенье, понедельник и вторник. Да и вообще, в любой день может тут быть это паскудство, – ведь было же оно третьего января, в воскресенье, да еще в разгар праздников!.. Но, видимо, надо переходить к московской тактике, которая была у меня этим сроком в СИЗО: на каждую попытку запихнуть меня в карцер – отвечать немедленной сухой голодовкой...

21.2.16., 16-02

Воскресенье. Библиотекарь приходил час назад, но к моей камере не подошел. Какие все-таки суки, мрази эти вертухай – ведь это они должны знать, кто у них в ПКТ, и говорить ему. Ведь для ШИЗО тут книги запрещены, вопреки их же ПВР... Но им наплевать, и ему тоже, и всем

наплевать, – ну да, журнала и газет у него для меня нет, их еще вчера, вскоре после шмона, принес этот зам. по «воспитательной работе» (и я их читал весь день и сегодня утром, до шмона), – а поручение отдать мне прессу есть единственная гарантия, что библиотекарь подойдет...

«Крестин» не было вчера, нет сегодня. Теперь – надеюсь – не раньше 24-го, среды. Решатся ли они все-таки впаять мне 15 суток уж совсем ни за что?.. 28-го истекают десять суток, в течение которых действителен «рапорт» (донос).

Масюк в «Новой» пишет, что Хорев подал заявление об увольнении с поста начальника Медведковской тюрьмы после ее публикации. Слава богу! Назначили бывшего начальника капотнинской тюрьмы, о котором есть видео, где он со своим замом (которого и в Медведково взял с собой) избивает в камере эков. Еще, по словам Масюк, эту блатную мразь – «Малыша», который был там и при мне, в соседней 407-й сидел, и которого публикации Масюк прославили – вывезли-таки из Медведкова, он сейчас в зеленоградской тюрьме (но ежедневно звонит в Медведково, разумеется).

Я уже по въевшейся, неотвязной привычке всё время задаю себе этот вопрос, всё время по инерции ищу на него ответ, всё время – когда не читаю и не сплю – думаю: почему всё так вышло? Почему такой неудачной, жалкой и бесплодной оказалась моя жизнь? Почему я ровно ничего в жизни не добился, с 16 лет преданно и неустанно занимаясь любимым делом? Где разгадка?.. Раньше – пусть еще десять лет назад – об этом было бы смешно и нелепо думать: какие твои годы!.. еще всё впереди!.. Но теперь я уже ясно, отчетливо понимаю, что всё позади; да и то сказать: на пятом десятке лет уже большинство людей как-то худо-бедно обустраивается в жизни, закладывает какой-то фундамент, обретает какое-то положение, которое потом лишь упрочивается, к 50-ти, к 60-ти годам... А тут – никем и не был, и никем не стал... Ну, отсидел два срока – и что? Никому не интересны ни твои сроки, ни твои тексты, ни ты сам... и хоть на любую крайность, на любое безумство и сумасбродство всегда, особенно в России, хоть сколько-нибудь да находится сторонников и адептов, – вот именно ты с твоими идеями, с твоими методами, с твоей четко разработанной философией их не нашел совершенно. То есть – буквально ни одного!.. Почему?!?!?! Учеников не воспитал, книг не издал, никем никогда и всерьез-то не воспринимался, – ну, если не считать статью Литвиненко 2006 года; но – Литвиненко давно покойник, и вокруг его убийства идет страстная борьба до сих пор, и его вдова ему так же предана, как и при его жизни... а у меня? Живой – и никому не нужен, вроде как и не политзэк никакой, так, погулять вышел; а и сдохну – никому не нужно меня травить, как Литвиненко, ибо я

для НИХ (да и вообще ни для кого) ни малейшей опасности не представляю; а и отравили бы – у меня-то не останется вдовы, чтобы бороться за мою память, за какое-то расследование... Не нажил, не сподобился даже на это... Не то чтоб сильно жалел я об этом – но это еще одно неумолимое свидетельство моего полного ничтожества, свидетельство ясное и четкое...

17-56

«И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Вот и нашел я сегодня вдруг исчерпывающую формулу всего того, что было со мной за эту четверть века. В самом деле: и на площадь выходил (сколько раз!), и письменно протестовал, и отсидел за это – ой-ой (уже сейчас – вдвое больше, чем и «болотники» 2012-го, и «декабристы» 2004-го), – а уважения (не говоря уж – почета) ни от коллег, ни от подросшей за эти годы молодежи – так и не снискал. Не ощущаю тут, в своем узилище, таковых, по крайней мере. По усам-то текло, и продолжает течь, и еще три года девять месяцев течь будет – а вот в рот-то не попало (и ясно уже, что и не попадет)... Поэтому – помимо опасности розыска и нового ареста, конечно – для меня и невыносима до такой степени мысль, если доживу, вернуться опять домой, в ту же квартиру, зажить там опять, как раньше. Для меня это было бы просто-напросто возвращением к разбитому корыту, – при том, что старуха-то в сказке, хоть и недолго, но все же успела побывать и столбовой дворянкой, и царицей, и кем там еще... а кем был я? «Забытым политзэком», как пишет Корб, «непризнанным», не включенным даже в списки «Мемориала»...

22.2.16., 17-53

Вчера за весь день съедобен был только суп в обед. Сегодня – суп и второе. На завтраки оба дня – сечка, на ужины – «уха» (содрогаюсь от ненависти, даже мысленно произнося это слово!). Что бы я делал без магазина, который сегодня ровно месяц как для меня открылся, – страшно представить. Опять голодал бы... Что ж, тем легче будет теперь голодать всухую при любых их ШИЗО. Не за «уху» же, в самом деле, цепляться...

Читаю книги по истории и об истории, – свои и библиотечные. Размышляю... Да, моя собственная судьба на фоне мировой истории, на фоне ее великих революций, войн, полководцев, вождей, генералов, императоров, как и на фоне Вечности, – песчинка, песчинка столь ничтожная, что простым глазом ее и не разглядишь. Но что же я могу поделатать – и разве я виноват? – что для меня-то самого эта вот ничтожная песчинка – моя собственная жизнь и судьба – есть самое главное на свете, во всем прошлом и настоящем, на фоне всех судеб мира?!.. Что же я могу с этим поделатать? – а впрочем, если б судьба моя удалась, то и вопроса этого не

возникло бы. Что я могу поделаться, если тошнее всего мне при чтении о мировой истории – от мысли, что я-то сам ровно никак не могу повлиять на современность, которая тоже завтра станет историей?! Но – при этом знаю, что рожден именно для того, чтобы на нее влиять, чтобы оставить в истории заметный след; что я – не таков, как 9/10 читателей исторических романов в мире, которые читают из просто от скуки, для развлечения...

Не сложилась судьба – и это мучает больше всего. Никакая судьба – ни личная, ни политическая. В тюрьме это мучает особенно остро. А если бы я не сидел сейчас в одиночке, а делал что-то крупное на воле – готовил покушение на Путина, скажем, или командовал добровольческими силами украинских националистов, идущих на штурм Донецка, – то не было бы и самого этого понимания, что судьба моя НЕ СЛОЖИЛАСЬ! Я бы тогда именно вот этим, этими самыми действиями, каждый день с утра и до вечера СКЛАДЫВАЛ бы ее. Использовал бы свой шанс, данный историей, на то, чтобы стать кем-то, добиться чего-то заметного значительного в жизни (а не только статьи в Википедии). То бишь, даже не то обиднее всего, что вот, мол, не сложилась жизнь, не вышло из меня ничего – а то, что даже не дала судьба шанса попробовать себя, проявить, шанса сделать в этой жизни что-то важное... :((((

24.2.16., 19-18

Выдернули-таки сегодня на «крестины» и впаяли... год ЕПКТ!!! За то самое, о чем была эта провокация неделю назад: «18.2.2016 не выполнил возложенные на него обязанности...» – не проговорил какую-то их речёвку в подъём, то бишь...

Ну подонки!.. Ну мразь!! Ну суки!!! Зайдя в камеру, я ржал в голос!.. Нет, какие подонки!.. Тоталитарный стиль большевиков глазами русского интеллигента, типа профессора Преображенского или доктора Живаго... Не стесняются абсолютно ничего, – устроить такую глупейшую, дешевую провокацию – и за нее год!.. И даже не стали ждать окончания моего нынешнего ПКТ, – как раз ровно три месяца сегодня еще оставалось, включая три ШИЗО. Или хотели декорум соблудности, приличия: мол, на год закрываем не тогда, когда прежние полгода закончились, поскольку ФСБ нам велит Стомахина из камеры вообще не выпускать, – а тогда, когда он совершил страшное преступление: на пятом месяце ПКТ вдруг не представился в подъем! А что он до этого все четыре с лишним месяца тоже ни разу не представлялся в подъем – это ничего...

Апофеоз цинизма, короче. Вот он, тоталитаризм, – нагляднее иллюстрацию трудно и представить. Не только тотальный контроль мыслей и действий (видеокамера-то висит!..), но – и тотальное

использование всех, ВСЕХ, какие есть, официальных возможностей для прессинга и травли. Любую, какую по их «законам» они тебе могут сделать пакость, – они обязательно сделают! Теперь – и впрямь стал я опасаться, что после трех ПКТ/ЕПКТ (с ноября 2014 начиная) как бы следующим шагом в 2017 не оказался перевод в тюрьму...

Так-то, пока я тут, мне, в общем, все равно – ПКТ или ЕПКТ. Права те же, – магазин, книги, пресса... Плохо только, что баня у ЕПКТ, насколько я знаю, в пятницу – как бы не начала она совпадать с магазином. Типа, завхоз пришел в ведомостью и списком жратвы – а я в бане, и он торопился, не подождал... Это будет беда.

25.2.16., 5-27

Принесли еще вчера, за час уже до отбоя, письма – от матери, от Землинского, от Мананникова наконец-то (он месяц с лишним не был в Новосибирске, письмо ждало его в ящике) и от какой-то неизвестной женщины из СПб, с армянской открыткой. Отвечать всем буду вот сейчас, вчера не успел бы. Но – то ли из-за этих писем опять перевозбудился, то ли еще что – но спал опять за ночь часа два где-то, самое большее – три. :(((Засыпал долго, но все-таки заснул; а потом проснулся без четверти час – и всё, больше уже заснуть не смог, так и валялся до пяти утра без сна. Прямо беда, но что с ней делать – абсолютно неизвестно... :((((

Суббота. Вчера были баня (ЕПКТ-шная, – теперь она по пятницам, да) и магазин. После бани написал большое письмо Вере (уместив его всего лишь на двух листах), рассказал подробно всю эту историю с ЕПКТ. М.б., как-нибудь все-таки проскочит на «Грани». А мать пишет, что ей недавно звонил Миша Агафонов, передавал мне привет (скотина!) и говорил, что они (с Горильской, видимо, которая в состоянии это профинансировать, – по крайней мере, я так понял) хотят издать в Киеве «книгу моих статей». Ага, как же, держи карман шире!.. Ничего, конечно, не издадут; а если вдруг и издадут, то опять – тиражом сто экземпляров, что, по-моему, хуже чем ничего...

Чего теперь ждать? Писем – еще не скоро; разве что свежей (гм!..) прессы в понедельник, во вторник... Сходить два выходных дня с ума от безделья и тоски – хотя, правда, книги непрочитанные еще есть. Но тошно настолько, что и читать я не в силах... 1360 дней еще...

А окно так и стоит темное, под этой снежной коркой, – уже больше месяца, по-моему...

14-36

Проклятый дневальный теперь включает проклятый ветродуй – вытяжку – не в девять, а где-то около полдесятого, – как раз перед приходом

шмонобанды. Правда, слава богу, не на целый час, как раньше, а где-то минут на 20-30, так что когда мрази выходят, галдя, мимо меня, – их хотя бы слышно. А потом еще 1-2 раза в течение дня, тоже на минут 20, включает эту вытяжку. Что от нее толку – я абсолютно не вижу. По-моему, толку никакого.

18-10

Если бы не подкормка из магазина – утром кусочек торта, вечером полбатона просроченной колбасы – то сегодня опять из всей баланды за день поел бы только один обед. На утро была сечка, на вечер – «уха», причем с рыбой настолько костлявой, что я выбросил и ее, не стал ковыряться в этом дерьме, пытаюсь, как обычно, вылив жижу, выбрать и съесть хотя бы рыбу. Ей-богу, за одно такое питание – лично, своими руками перестрелял бы весь их ФСИН!..

29.2.16., 5-17

Теперь эти суки начинают подъем отсюда, с этого конца коридора. Моя камера – вторая, после «двойки». Раньше удавалось полежать хотя бы до половины шестого, иной раз – даже до без четверти шесть; сейчас – в четверть шестого уже на ногах, и 16 часов не прилечь; а после обеда, как назло, дико клонит в сон, даже если спал всю ночь. Вчера так и задремал, сидя на табуретке, облокотившись на тумбочку и подперев голову рукой. Не спал, конечно, – так, легкая полудрема, почти ничего. Минут 15 так сидел, не двигаясь; открываю глаза – а у моих ног, вытянутых на середину камеры, – мышь! Какая наглая, обалдеть: стоит только задремать – и она уже тут как тут, вылезает и шастает по камере!.. :))) Увидев, что я чуть шевельнулся, она умчалась в щель под окном.

Проклятый библиотекарь вчера раздал все книги прежде, чем дошел даже не до меня, а до моего соседа в «пятерке». Тот долго колотил в дверь, орал и бесновался, что ему, мол, нечего читать, но – увы... Я не стал даже стучать, не стал подавать никаких сигналов, – настолько противно, до омерзения, любое общение с ними... Была бы у него свежая пресса – он подошел бы, а так... Отдал сейчас, в подъем, заявление «начальнику воспитательного отдела» на эту тему – почему библиотекарь (ему подчиненный) регулярно меня игнорирует и не подходит к моей камере; а заодно – и главному бухгалтеру: почему расход денег с лицевого счета у меня за 19.2.16 указан 1000 р., тогда как товаров в этот день я получил только на 823 р. Эти суки теперь вписывают сумму в ведомость сразу, как только им приносят мое подписанное заявление, – ясно, почему расход больше, чем мной полученное. А на остаток (или просто часть из моего списка мне в магазине не взяв) завхоз может покупать себе за мой счет сигареты. Очень

удобно (завхозу, но не мне). И как с этим бороться в данных условиях, когда заперт в камере и не можешь никого лично увидеть и ничего сказать, а на заявления они не реагируют, – неизвестно.

Ненавижу, ненавижу всю эту мразь!! О, как я их всех люто, смертельно ненавижу!!!... Засадили, суки, в тюрьму на семь лет ни за что!.. С утра – предвкушение этого мучительного, бесконечного дня, когда хочется спать, а нельзя даже лечь, и нет ни книг, ни прессы, и нечего делать абсолютно... Книга одна, большая, толстая, у меня еще, слава богу, осталась от купленных Землинским, ее не тянет читать помногу, так что хватит еще надолго. Но в остальное, свободное от нее время – тоска... И не пишется ничего, даже стихи куда-то пропали... Томительно, невыносимо, выматывая все нервы и всю душу, тянется день, тянется срок... Еще семь... пять... четыре часа до отбоя; еще 1358 дней до конца срока... И так каждый день... Я люто ненавижу их – всех, кто обрек меня на такое вот времяпрепровождение; и тех, кто принимал решение посадить, и тех, кто его исполняет, держит меня здесь годами; всех их, кто сломал мою жизнь, люто, бешено ненавижу и мечтаю убивать лично своими руками!.. Только боюсь, что и этого счастья – дотянуться наконец до их горла, всадить им в голову пулю, отомстить наконец за мою исковерканную, поломанную жизнь – не будет мне дано судьбой... :(Ибо для этого нужны бурные события, нужна революция не меньше украинской; так просто, в спокойное время, когда кругом менты с дубинками, эта месть невозможна – а революция в этой проклятой стране, увы, невозможна тоже... :((((((

На письма сегодня даже не надеюсь, – м.б., и не набралось еще писем со среды, когда их приносили последний раз (а нынче понедельник). Но свежей прессе, особенно журналу, уже давно пора быть. Фактически же – тут необходимо просто глушить себя чтением, как алкаши глушат себя водкой, читать запоем с утра до вечера (и книга должна быть, разумеется, достаточно увлекательной для этого) – чтобы просто ни о чем не думать, ни о будущем, ни о своей поломанной жизни, и не замечать всего ужаса, творящегося вокруг...

15-47

Выдергивали только что опять на «крестины». Зачем, непонятно: ублюдок Асламов посмотрел на меня, сказал пару раз: «встань нормально», велел мрази Безукладникову меня постричь и побрить :) – и велел увести. Никаких «рапортов» не зачитывали, 15 суток тоже не объявляли, но – скорее всего, это они, родимые. :) Стричь наверняка поведут, когда будут рассаживать остальных «крещаемых». Придется скандалить и требовать показать постановление чтобы самому понять, в каком я теперь тут у них

статусе. Внутри все кипит – и, по совести, не только голодовка уже давно назрела, но и – сдохнуть от нее наконец стало бы для меня сейчас самым лучшим выходом. Жить дальше – и нет сил, и незачем...

18-10

Да, впаяли 15 суток – за то, что вчера в девятом часу вечера якобы где-то был без бирки («нарушение формы одежды»). На самом же деле – не выходил из камеры весь день. Отдал заявление о голодовке с 17-00, не взял ужин. Борьба начата. Что ж, посмотрим, что будет...

МАРТ 2016

1.3.16., 5-26

Весна... Пить хочется ужасно, весь рот пересох еще вчера вечером.

Меньше часа поспал в самом начале ночи – и долго потом валялся без сна. Думал уж – не засну вообще, но после 3-15 все-таки заснул – и аж до без десяти пять. Но и этого мало, конечно, – по целой ночи спал, и всё равно днем клонило в сон...

Вчера так и не пришли, к моему изумлению, ничего забирать из тумбочки. То ли забыли, то ли – оставив мне всю жратву, хотят через видеокамеру понаблюдать, не буду ли я ее есть тайком. Не буду, не надейтесь, суки!..

А лист с крупной надписью «Сухая голодовка», который я вчера повесил с наружной стороны внутренней двери-решетки, сейчас, в подъем, уже сорвала какая-то мразь. Ну что ж, пусть... Всё равно я не изменю себе. Мучительная это смерть, и мне одного бы хотелось: поскорее, и чтобы поменьше ощущать этих мучений... Но есть и пить я не буду, обещаю... Пусть как хотят.

17-40

Из коридора сейчас слышу: на ужин – «уха». Как хорошо, что я избавлен от необходимости ковыряться в этом жидком дерьме!.. :))

Мрази-вертухаи пишут все мои отказы от баланды на видеорегиистратор. Что ж, и это хорошо, – хоть какое-то внимание. :) Пришел днем мразь Безукладников, принес письма – два от Землинского, два от Майсуряна, а потом, отдельно – еще заказное от Мкртчяна, с распечатками статей Нестеренко на «руфабуле». :)) На мой вопрос – сказал, что заявление о голодовке он получил – и что меня «будет осматривать врач». Действительно, видимо, он сказал местному «врачу», – вскоре открылась дверь и косоглазый быдлотатарский мусор меня к нему позвал. Я отказался. С этой мразью не хочу иметь никакого дела – а кроме того, он и когда мне будет совсем плохо, скажет, что всё нормально, а сегодня еще только сутки прошли, состояние в целом удовлетворительное. Пить уже не так хочется, как ночью и утром, но усилилась резь в желудке. Хотя вроде, наоборот, должна пройти. М.б., пройдет завтра? В общем, буду держаться сколько смогу, хотя в общем-то – вот он, кран, пей сколько хочешь, никто не мешает, если надоело. Плохо еще и то, что именно в этот раз они не забрали вообще продукты, оставили их как соблазн, – но очень может быть, что это сделано специально... Глупо совпало, в общем, что это ШИЗО у меня – самое легкое из всех, и именно на него выпала голодовка. Но отступать некуда...

3.3.16., 5-24

Последние две ночи спал более-менее нормально, по несколько часов, особенно сегодня – аж до полпятого (с просыпаниями, конечно).

Сходил-таки вчера к «врачу», решил что-нибудь разузнать, – и не зря! Давление 145х90, вес 110, сердцебиение учащенное (это я и сам уже чувствовал, – сердце билось как бешеное). Удивился, что я не пью воды – и сказал, что если голодовка дольше десяти дней, то он обязан меня искусственно кормить, – причем, видимо, не только при сухой голодовке, но при любой; а сухие, я так понял, у них тут вообще никто не объявляет. Уголовники на такое не способны, видимо. :) Правда, на мой вопрос ответил, что случаев кормления еще не было (на его памяти, видимо) и что кормление, слава богу, не через нос, а по вене – капельницами. Ну что ж, тогда, значит, мне еще предстоит это удовольствие пережить...

Зато официальной (или хоть неофициальной) реакции от мразей в мундирах на мою голодовку – никакой! Только вот это – что сказали «врачу», он вызывает теперь каждый день без записи. А из них – никто не приходит, не вызывает, ничего не говорит. Разительный контраст с московскими СИЗО, где сразу вызывали к начальнику оперотдела, а в другом – не посадили в карцер, хотя постановление уже выписали, когда я бросил им на стол заявление на голодовку... Но тут – всё гораздо жёстче, начиная с цензуры и кончая вот и этим – реакцией на голодовки... :(((Приходила вчера мразь Безукладников, принесла мне журналы и газеты – и на мой вопрос, не надумал ли Асламов все-таки отменить мне ШИЗО, – как ни в чем не бывало: а почему он должен отменять? Вот и весь сказ...

Так что не удалось мне их сломать, не удалось ничего добиться этой голодовкой, – и раз в месяц, видимо, будут они по-прежнему вешать мне ШИЗО ни за что. Поняв это, решил я все же слегка смягчить себе условия голодовки [начать пить воду. – прим. 2020 г.] – не говоря ничего им, конечно. Если дотяну до капельниц – и факт применения ко мне этих капельниц будет зафиксирован, – что ж, хорошо. Свидетельство того, что я не сдался – держу голодовку, как обещал. М.б., в следующий раз они подумают, – но вообще-то вряд ли. Что ж, и я – закоренелый неудачник, где уж мне чего-то добиться; и Система эта, как я и раньше хорошо знал, понимает ТОЛЬКО силу, больше ничего. Вера, и Надя с Таней, и даже Удальцов, – все, кто в последние годы на моей памяти держал голодовки, ничего ведь ими не добились, разве что увоза на «скорой» – но не освобождения с 15 суток, например. Лерочке и ее коллегам в 1988-91 много чего на сутках удавалось добиться – ну так их там было много, голодовку они держали коллективную, да и навыков принудительного кормления в их

спецприемнике в поселке Северном, видать, не было, – а в лагерях они были еще в 70-е...

И еще. Как я понял, жратву в тумбочке мне оставили всё же не для соблазна и провокации, а просто по разгильдяйству мрази Безукладникова и его подручных. И – в камеру за мной, похоже, никто не следит (да и как бы они могли все 24 часа в сутки сидеть и следить за мной? :). Что ж, еще 12 дней не буду брать баланду и ходить в баню...

15-18

Всё-таки, похоже, слегка всполошились, суки. Утром вызывали к психологу – молодой девчонке – которая уже знала, что я объявил голодовку. Советовала мне пересмотреть свои взгляды, уверовать в бога, молиться :) – и интересовалась (как до нее и другие ее коллеги), чисто ли я русский и нет ли у меня, например, еврейских корней. :) Конечно, все письма они внимательно читают – и моя переписка с Йонатаном не проходит даром (как и письмо Мише Ривкину осенью), а между тем, желаемого мной толка от нее нет вовсе... :(

Рядом с психологичкой сидела мразь Чертанов и всё внимательно слушала. Гадаю: не от моих ли еще позавчерашних писем про голодовку он вдруг прибежал и ее привел? По крайней мере, это был удачный случай сказать при нем всё, что я хотел: что обвинение, за которое дали нынешнее ШИЗО, – открытая ложь; а главное – что я теперь всегда буду при каждом новом ШИЗО объявлять голодовку. Они не скажут, конечно, – и только ожиданием, минимум, наверное, месяц, можно будет узнать, подействовало ли на них это обещание, чтобы они перестали давать новые ШИЗО. Об отмене нынешнего, по крайней мере, речь у них точно не идет.

Сейчас, около трех, вызывали опять к «врачу». Это обычное время его приема. Хорошо, что я услышал: приказ вывести меня в «врачу» громко отдала мразь Безукладников. То бишь – вот от кого я завишу: скажут – меня выведут к «врачу», забудет – не выведут, хоть я буду подыхать; а самому «врачу» это по барабану...

Еще – под контролем мрази Чертанова и еще каких-то – приводили завхоза, который возмущенно спрашивал, чего это он мне не принес из магазина (по моему – три дня назад – заявлению в бухгалтерию, почему у меня за 19 февраля расход 1000 р. а товаров он мне принес только на 823 рубля), но, как и вся эта уголовная шпана, недочеловеки, контролировать себя не способные, моих ответов не слушал. Ну вот не может, никак не может на целых полминуты сосредоточиться, замолчать – и просто слушать!.. :)))) Я, когда писал это заявление, так и знал, что «мусора» первому зададут вопросы ему – и что он будет дико зол на меня за это, как вся эта

шпана в таких случаях, хотя по сути претензии у меня не к нему, а к бухгалтерии. Ну и – не сомневаюсь, что его кратким сумбурным хамским визитом и ограничится то объяснение, которого я в своем заявлении просил у здешней бухгалтерии... :))))))

Кстати, не хочется ни пить, ни – особо – даже есть. Самочувствие хорошее, гораздо лучше, чем в это же время вчера. :)

20-14

Паника всё усиливается. :))) Вечером сегодня приезжали ко мне из ФСБ! :))) Впервые с ноября месяца (я уж думал, больше и не приедут). Вряд ли это можно назвать случайностью, никак не связанной ни с моей голодовкой, ни с сегодняшним откровенным разговором с психологом в присутствии мрази Чертанова. Очень может быть, что именно он их и вызвал.

Одно только меня печалит: этот ублюдок вполне может и не отправить ни одно из моих вчерашних и позавчерашних писем, где я упоминаю про эту сухую голодовку... :(((

Еще хорошо, кстати, что вертухай, отперев камеру, сразу же сам сказал мне, что ко мне приехали из ФСБ. И, видимо, был немало удивлен, когда я сразу же и категорически отказался идти к этим приехавшим. Даже из камеры не вышел, в отличие от прошлых случаев.

Масюк пишет в «Новой», что Горбачев, который в «Медведкове» был начальником оперотдела и говорил со мной в 2013 г. по поводу моей первой сухой голодовки (за майсuryяновские распечатки, которые вдруг решили мне не отдавать), назначен ВРИО начальника 5-го централа Москвы.

4.3.16., 19-25

Весь день тишина, – только звали опять к «врачу» (не пошел), причем по времени – раньше, чем вчера. Привыкаю постепенно к этому постоянно сосущему в брюхе голоду, к этой почти-голодовке. До 15-го, а уж с 16-го, как окончится ШИЗО, – тогда брать пищу. Надо сказать, что вот уж о чем я абсолютно не жалею – так это о здешней баланде. Она настолько отвратна и скудна, что сидение на ней одной немногим отличается от «мокрой» голодовки...

Эти суки не только не отменили нынешнее ШИЗО – но будут, без сомнения, давать мне регулярно, раз в месяц, ШИЗО и дальше. Сломать их, переломить эту тенденцию – мне, увы, не удалось. Что ж, – я неудачник... Они могут каждый раз просто поручать меня «врачу», и через десять дней – принудительно кормить. Всё у них отлажено... Самое обидное – что и эти мои мучения, как и сам этот срок, как и прошлый, – зря...

5.3.16., 15-12

Опять задержались, суки!.. :)) Сейчас, около полвторого, приходил

местный «замполит», выдергивал меня и спрашивалб что, мол, случилось, почему голодовка; советовал пожалеть здоровье и доказывал, что форму одежды я «нарушил» 28.2.16., не выходя из камеры, т.к. меня и здесь видно в видеокамеру (правда, здесь я робу вообще не ношу, – ни с биркой, ни без бирки). :) Разговор был пустой, абсолютно ни о чем, никакой готовности уступить с их стороны я не почувствовал. Да еще вызывали, как обычно, к «врачу» – я не пошел...

А вчера эти твари, оказывается, днем на грузовике вывозили отсюда, из здания, в прожарку и стирку все матрасы, подушки, одеяла и пр. В результате вечером вчера мне дали другой матрас – поновее и другое одеяло – получше, потолще, чем у меня было. Хорошо бы оно дожило у меня до лета, когда без отопления здесь начнется дикий холод. Зато подушку дали крохотную, буквально микроскопическую, раза в два меньше той, что у меня была. Как ее ни взбивай, ни уплотняй – нормально лежать на ней невозможно... :(((Наволочку же пришлось стучать и просить.

6.3.16., 19-12

Днем невыносимо клонит в сон, прямо слипаются глаза и падает голова, – а ночью я с великим трудом могу заснуть а уж после одного-двух просыпаний, ближе к утру – не могу вообще...

7.3.16., 18-23

День явно выходной, но всё равно – их «врач» приглашал меня к себе, как обычно, в начале четвертого. Неужели и завтра, в «праздничек», тоже?! :)))

В недавних майсuryяновских распечатках прочел, кстати, про международный день в поддержку Ильдара Дадина, получившего недавно три года лагерей за одиночные пикеты по этой новоявленной статье 212.1. Да уж, такого великолепия – десятки, десятки городов и в России, и за границей, от Киева до Америки! – мне даже не снилось. Даже в самый первый «всемирный стомахинский день», 24.8.2013, когда Корб максимально удачно всё организовал (а потом всегда было скромнее и де-факто сошло на нет в 2015-м) – и то городов и стран, где проходили акции по мне, было гораздо-гораздо меньше. Ну да, конечно, стоять одиночным пикетом с плакатиком в защиту конституции – это ведь совсем не то, что публично искать ответ на старинный русский вопрос «Что делать?». Защитники конституции ведь упорно игнорируют тот факт, что защитить ее не в силах ни их плакатики, ни что-либо другое в мире – за исключением только автоматов, гранатометов и динамита... Хотя к самому-то Дадину у меня как раз нет претензий: он, человек из компании Веры, вообще не будучи лично со мной знаком (как и я до знакомства с Верой не слышал о нем), участвовал тем не менее осенью 2013 в устроенной Верой

несанкционированной акции в мою защиту, за что и получил семь суток; а позже, когда началась революция в Украине, ездил в Киев, на Майдан, и участвовал в ней.

8.3.16., 16-47

Итак, голодовка продолжается уже восемь суток, пошли девятые. Еще со вчерашнего вечера резко усилилось сердцебиение, сегодня весь день – слабость и какая-то одышка, – хотя, казалось бы, откуда при голодовке одышка? Задыхаюсь, короче...

Этот косоглазый бес – тот самый «врач», что, увидев у меня в камере опущенные нары, тотчас спросил, почему, мол, они опущены, – сегодня приходил ко мне САМ, в сопровождении эскорта из трех вертухаев с видеорегистратором. Когда они у меня под дверью включают этот регистратор, его писк отлично слышен, так что я уже знаю: это ко мне. А без регистратора, похоже, они ни дверь мою, ни «кормушку» вообще не открывают. «Врач» этот спрашивал: пойдете ли вы к нам; нам ведь надо вас отслеживать; и т.д. Я отказался (как позже и от бани: с такой слабостью и одышкой, действительно, какая баня? Еще грохнусь там...). Но интересно, что – т.к. «праздник», мрази Безукладникова сегодня целый день нет; по крайней мере, его трубный голосочек не разносится по коридору, как обычно. То бишь – эти «врачи» всё же и без него, сами, как-то поставлены в курс, и им вменено как бы в обязанность (впрочем, весьма необязательную, т.к. при моих отказах они не настаивают) «отслеживать» меня.

Осталась голодовки еще неделя. Как я ее выдержу, не знаю. А самое обидное – толку никакого...

9.3.16., 5-37

Среда. 1349 дней до конца срока, 69 – до середины его. Вдруг пришло в голову: а ведь сегодня уже наверняка «крестины», сучьи именины! Очень легко могут навесить сегодня и еще 15 суток!.. :))))

23 года назад в этот день ездил покупать себе книжный шкаф, он стоит дома до сих пор.

17-11

О чем, черт возьми, я все время «переживаю», о каком еще будущем, которого у меня нет, в котором я – никто и никому не нужен?! Да моя судьба, скорее всего, – сдохнуть здесь, в этом лагере, м.б. – в этой самой камере, и никакое будущее мне уже не понадобится...

Новые 15 суток не навесили, но – впереди еще пятница и понедельник, так что радоваться рано...

11.3.16., 5-25

Эту ночь спал только до пяти минут второго, ровно полночи. Причем и

заснул отнюдь не сразу. Это просто беда здесь, настоящая беда, и я не знаю, как с ней бороться, – бессонница...

Вчера – никаких принудительных кормлений, ничего. Только – очередной дежурный вопрос, пойду ли я на осмотр к «врачу». Им плевать, – голодовка, не голодовка (а сегодня уже 11-е сутки, между прочим). Зато – два письма, от Землинского и от Майсурия. От Майсурия – №122, и в нем он упоминает, что шлет его одновременно со 121-м, где – распечатки обо мне и ответ мне Нади Низовкиной на мое письмо. Так вот, 122-е принесли, а 121-го – нет!.. :((Опять, видимо, начались прошлогодние фокусы... :((Ответ Нади мне как раз страшно интересен... Зато в 122-м письме – большое письмо от Лены Маглеванной и фотки ее котов. :))) Из ее письма (ответов на мои вопросы еще от 10 января) предательство Г. подтвердилось, увы, полностью. :(((Я как мог, обиняками, не называя имен, написал ей об этом, но – что толку?..

Зато – она пишет, что, оказывается, есть какой-то способ пересечь финскую границу без загранпаспорта и визы. И, более того, по ее словам, большинство тех, кто получил в Финляндии убежище, именно так туда и попали; а те, кто легально получил в России загранпаспорт, мол, вызывают у финской миграционной службы недоверие, – так ли уж их на самом деле преследовали в России? Если это правда, то новость эта – просто замечательная, меняющая все мои планы на будущее и вообще настроение, отменяющая необходимость тащиться зимней ночью 12 км по шпалам в Украину – и неизвестно что делать там... Дай бог. Только – что-то мне все же не очень верится в это, а особенно – в то, что пересечь границу можно будет полностью нелегально, вообще нигде и никак не соприкасаясь с российскими пограничниками, мусорами и пр. Ибо – в отличие от большинства местных соискателей убежища – я-то наверняка к тому моменту буду в розыске за уклонение от надзора. А подробностей этого чудесного способа пересекать границу без документов Лена в подцензурном письме благоразумно не написала...

16-00

Никакого принудительного кормления. :) Им плевать, как мое здоровье и жив ли я вообще. Только приходил сейчас этот косоглазый «врач» – подниматель нар – звал к себе в медкабинет; но когда я отказался – он, как обычно, не возражал...

Осталось еще четыре дня голодовки. Иногда закрадывается крамольная мысль: да зачем мне всё это надо? К чему эта принципиальность?! Ведь я сам себя мучаю, сам себя истязую; почему бы не взять баланду вот прямо сейчас, в обед или ужин, – и плюнуть на их ШИЗО?..

Но когда, вслед за этим, я вспоминаю, что на завтрак у них – сечка, на обед – капуста с «вискасом», а на ужин – «уха», – это малодушие снимает как рукой. :))

12.3.16., 10-07

Приперлись-таки сейчас тупорылые мрази в камуфляже со шмоном! Больше двух месяцев не были – с 9 января!.. И, похоже, не знали, что у меня ШИЗО, хотя белобрысый упырь из вчерашней смены стоял тут же, с ними: увидели майонез и приправы в тумбочке – не забрали, к моему удивлению. Вообще ничего не забрали, но вышмонали и перерыли всё, суки, мрази е...чие, ублюдки. И в пустой бак для воды заглянули, и роботы на крючке перещупали, и пакет мой на батарее, конечно же, сорвали – и всё из него вытряхнули, и даже на окно, сверху на этот гроб, приделанный к окну в виде решетки, залезли – и достали оттуда старые газеты... Как всегда – шмонали, суки, ШИЗО, и уже на обратном пути, самым последним – меня. Когда уже я почти расслабился – и думал, что всё опять обошлось. Мразь, проклятые выродки, быдло, недочеловеки, – даже слов нет достойно выразить, как же я их всех люто ненавижу!!!!

17-26

Жечь, взрывать, бомбить, уничтожать, всячески терроризировать эту проклятую страну! Не жалеть никого! Взрывать здесь АЭС, плотины, мосты, железные дороги, ЛЭП, отравлять им водозаборы, распылять яд в вентиляцию метро!.. Ничего здесь не будет слишком, абсолютно ничего!! Оставить на месте этой проклятой России выжженную пустыню, – вот чего требует душа!.. После всего, что довелось здесь пережить, после всех тюрем, после сегодняшнего утреннего шмона... Весь день сегодня думаю об этом (шмон был, конечно, катализатором, но я и так об этом думаю уже много лет). О том, ЧТО именно я смогу лично, сам сделать против этой империи зла, если даже выживу и выберусь за границу (как обещает Лена). Реально – разве что звонить им каждый день во все их аэропорты, вокзалы и пр. и говорить, что заложена бомба. В 2011, Дубров описывал на КЦ, некоторое время кто-то делал это довольно массово и ежедневно, – м.б., он сам и делал. Пусть у них наступает хаос и тратятся деньги на эти поиски бомб. Но – этого мало, увы. Что же еще? Можно попытаться найти квалифицированных хакеров, чтобы начать с москалями кибервойну. В наше время это считается страшной вещью, не слабее настоящих диверсий. Но – во-первых, я толком не знаю все же возможности даже самых крутых хакеров: могут ли они по сети устроить, например, аварию на АЭС, крушение самолета или еще что-нибудь крупное. А по мелочам – нет смысла. Во-вторых же – если они не будут так же сильно идейно мотивированы, как я (личной ненавистью к

стране, сломавшей им жизнь), а 99%, что не будут, – значит, нужно будет платить им деньги. А где их взять? Никакая эта сволочь из «конструктивной», умеренной «оппозиции», которая не хочет уничтожить Россию, а надеется так или иначе после Путина прийти к власти в России, все эти ходорковские, невзлыны, каспаровы и пр. – денег на такое, конечно же, не дадут. А денег нужно будет много...

14.3.16., 9-57

Опять явились, бляди е...чие, ублюдки, со шмоном!!! Только позавчера были... Уже заметил я закономерность: как ШИЗО – так два шмона, не меньше, за 15 суток, обязательно!.. Или это теперь их на меня насылают специально, в отместку за голодовку? Нет, вряд ли.

На этот раз, слава богу, хоть не рылись почти совсем. Зашли два выблядка, бросили с батареи часть библиотечных книг на стол – и тот, который стоял снаружи и держал внутреннюю дверь-решетку закрытой, так, что мне не было видно тумбочку (на случай, если полезут в нее, важно сразу увидеть, ЧТО забирают), сказал им: мол, ладно, пойдём. И они ушли.

Но всё равно, два шмона через день – после того, как их не было два с лишним месяца, – это очень неприятно, даже если ничего и не забирают. Причем характерные особенности: оба раза – на обратном пути, уже перед самым выходом (не забывают ведь, суки!..), а кроме того – оба раза они не снимали шмон у меня.

15.3.16., 5-40

Приезжали-таки вчера ребята. Не в апреле, спасибо, как я думал, а всего лишь в середине марта. Неожиданно в понедельник – вместо обычных вторника или четверга, – я и не ждал; не успел даже дописать про вчерашний утренний шмон. . А оказалось – приехали на машине (а не поездом, как всегда), спешно – потому что в Москве уже знали про мою сухую голодовку, получила мои письма и мать, и Майсурян (а м.б., и кто-то еще), пробежала эта инфа, как сказал Г., видимо, даже по «Граням». Мать на него (Г.) наезжала по телефону так (что, мол, не торопятся приехать и этим убивают меня), что он даже обиделся. Но в целом, значит, эффект от голодовки получился даже больше, чем я ожидал, – учитывая огласку, которая могла как минимум запоздать. Под конец встречи Р. сказал полшутя, что у них ко мне «поручение» от мрази Асламова (которую они видели и говорили с ней при заходе на зону): уговорить меня прекратить голодовку. :) Эта мразь, значит, тоже моей голодовкой хоть и слегка, но озабочена.

В целом всё прошло гораздо лучше, чем в тот раз. Правда, хотя ни при заходе ребят, ни при их выходе не было вообще ни оперов, ни даже мрази

Безукладникова, – но белобрысый упырь, дежурный по ШИЗО, сам, своей личной властью опять засунул меня в клетку. Я даже спорить не стал, – так был поражен внезапным приездом ребят в неурочный день. Отдал им заявление о возможном суициде с требованием привлечь в этом случае мразь Асламова к ответственности. Г., оказалось, еще 11 марта должен был уехать месяца на три на заработки, но почему-то отложил поездку на неделю, а теперь – то ли его не будут ближайшие месяцы, то ли его и не возьмут уже на ту работу, куда он собирался. В случае чего Р. обещал в это время приезжать один, – что ж, дай бог. Когда я рассказал им, как мразь Чертанов приходил по поводу моей голодовки вместе с девчонкой-психологом и что вообще тут психолог общается только в присутствии «мусора», не конфиденциально, – Р. был поражен, и, быстренько вспомнив какого-то своего давнего знакомого психолога из Екб, они предложили мне написать заявление в двух экземплярах мрази Асламову: мол, поскольку помощь местной психологической службы меня не удовлетворяет (именно отсутствием конфиденциальности), то я прошу разрешить мне встречу с этим психологом, Конечно, реакции на это заявление не будет никакой; отказ Р. вроде собирался обжаловать, а как уж он будет обжаловать глухое молчание, я не знаю. Он говорит, что этой проблемой – правилами оказания психологической помощи на зонах – в России до сих пор никто не занимался – и мой случай будет вроде как прецедентом...

По словам Г., звонившего на днях Лене М., она в этот момент была где-то в Прибалтике (в Литве?) на конференции «Открытой России», куда ее пригласили. Я еще понимаю – чеченской диаспоры конференции, но в «Открытую Россию», интересно, кто ее мог звать, какие у нее там связи. Г. был опять настолько убедителен в своих речах и описаниях взаимоотношений и всего, делаемого им, что мои подозрения в его адрес опять поколебались. Черт его, в самом деле, отсюда разберет, всё он мне говорит или не всё!.. Они колеблются каждый раз с его приездом и рассказами – и укрепляются опять в ожидании его следующего появления...

17-25

Приходила днем мразь Безукладников. Ни писем, ни прессы, по ее словам, нет (уже больше десяти дней, – куда же газета и журнал-то девались?). Выдергивала зато меня к психологу, лично присутствуя там при разговоре. Психолог – та же молодая девчонка, что и в тот раз – пыталась мне впарить какие-то тесты, я отказался. На ее вопрос – не хочу ли, мол, я просто поговорить, – и мой ответ – можно поговорить, только о чем? – мразь Безукладников тут же встряла: о вашем здоровье! (О моем, то бишь.) Мол, все волнуются о моем здоровье. :))) Похоже, эту мразь другая, более

начальственная мразь взгрела сегодня за мою голодовку, после того, как вчера приезжали ребята. Если это не послужит всем этим ублюдкам уроком, чтобы впредь не давать мне регулярные ШИЗО по выдуманным поводам (и если это же не посоветовала им ФСБ, приезжавшая в начале голодовки), – то я уж и не знаю!.. А ведь наверняка не послужит. :(((Эти мрази непрошибаемы. Та же мразь Безукладников на мое замечание, что мое здоровье гробят они, – заявила, что, мол, наоборот, они меня кормят (!!), заботятся обо мне, а я, мол, «нарушаю». И на мои слова, что в постановлении о ШИЗО была ложь, а я 28 февраля весь день не выходил из камеры – ответила, что выходить и не обязательно, а я, мол, «не представился по форме» (или как-то так). То бишь, это безмозглое быдло спутало две их фальшивки: для ЕПКТ (которую это чмо Безукладников, видимо, и готовило) и для ШИЗО, – экспромт, который явно готовили другие мрази!.. :)))) Спутало, чмо, плохо выучило свою роль, – хотя и произносило всё это, глядя прямо мне в глаза без тени стыда или хотя бы легкого смущения. Лгут – и не краснеют, суки! Мочить их, только мочить!..

16.3.16., 6-55

Кончилась голодовка. Взял сейчас завтрак – о, боже!! Овсянка – привет, давно не виделась! – жуткая клейкая размазня, отвратная на вид и на запах. Выбросил, естественно. Кисель вместо чая – опять!.. А я-то надеялся: хоть чая теплого попью с утра... Ну и черняга. Поел немного ее мякиша с майонезом (кисло даже сквозь майонез!) – на один этот кусочек ушла сразу чуть не треть пачки. М-да, за время моей голодовки кормить лучше тут явно не стали...

Голодовка кончилась, а вот одышка и боль в груди – остались. Встал утром – даже походить по камере не могу: сердце трепыхается, как овечий хвост. Сажусь – успокаивается; начинаю ходить – опять... Беда обычно ведь и приходит оттуда, откуда не ждешь: по всей видимости, подохну я от инфаркта, причем явно не в 90 лет... Впрочем, при такой пустой, никчемной и мучительной жизни, что меня ждет – жалеть об этом не приходится.

Выиграл я или проиграл с этой голодовкой? Формально (да и фактически) – проиграл, конечно: ничего ею не добился, 15 суток ведь не были отменены. Но – некое впечатление на местную начальственную мразь она всё же произвела, плюс – даже кураторы из ФСБ приезжали (м.б., взгрели местных). Теперь весь вопрос в том, когда следующее ШИЗО и за сто. Сомневаться в том, что оно будет, увы, не приходится, хотя – моей главной, тайной целью ведь и было именно это: пресечение подобного их произвола на будущее.

11-25

Перед шмоном опять пришла эта мразь – тот же дежурный вертухай – с

«объяснение будете писать?». Оказалось – просмотрели задним уже числом видеозапись, что я в 8-10 лежал на столе! Суки... Сердце колотилось как бешеное, лег полежать – и вот, на тебе! Значит, сегодня – как раз «крестины» – и опять 15 суток, еще одни!..

Что же, черт возьми, делать? Страшно стыдно, но, боюсь, новой голодовки, даже и «мокрой», мне не выдержать... :(Или уж плюнуть на всё – и лечь на стол умирать? Сердце, проклятое, расшаталось совсем от голодовок этих; если б хоть не оно...

Чуть попозже – выдергивают: помощник прокурора какой-то приехал; оказалось – по поводу голодовки, только вчера законченной. Круто! Уже и до них дошло, – вроде, он говорит, на каком-то сайте прошла обо мне информация, типа «ГУЛАГУ.нет», что ли. Спасибо, – значит, все-таки поддержка с воли есть... Я рассказал ему всё – и как давали это ШИЗО, и ЕПКТ, и ПКТ в том году; и про этот эпизод с сегодняшним лежанием на столе. Он обещал пойти посмотреть видеозапись, – там же видно, что я не сплю, двигаю руками, ногами, да и лежал-то всего минут десять от силы. Суки, будьте вы, мрази, прокляты... Полный позор, если я не смогу ничем ответить на новые 15 суток, – то-то они будут глумиться; я же обещал, что каждый раз буду голодать... Да и Вера с Феликсом должны приехать – неизвестно, когда точно, но на это новое ШИЗО вполне могут попасть... Мрази, загнали в угол...

13-00

Но какая может быть честь перед подонками, перед мразью?! Мало ли, что я ИМ обещал, этим ФСИН-овцам!.. Ведь я же не считаю их за людей, – так не всё ли равно, ЧТО они подумают, будут ли они торжествовать надо мной или нет?! Ведь не покаяться же, в самом деле, предлагают... Если уж в Буреполоме обещал я себе покончить с собой – и не смог, и уж почти восемь лет должен в земле лежать – а нет, хожу еще по ней, копчу небо, – так не наплевать ли уже на эту голодовку, вторую подряд, просто непосильную?! Не всё ли равно, – ведь снявши голову, то бишь попав сюда, по волосам не плачут... М.б., выжить тут, дожить до освобождения и уехать – особенно если и вправду есть канал в Финляндию – в конце концов умнее и полезнее, чем сдохнуть здесь, в лагере?..

Так вот пытаюсь я найти моральное оправдание собственной трусости и слабости, мучительному нежеланию и бессилию объявлять вечером новую голодовку, – потому что 15 суток, конечно, дадут, никакой прокурор не поможет. Доводы разумные, логичные, что и говорить. Но на душе всё равно отвратно и тошно...

А баланда в обед, – господи!.. Можно и впрямь вообще не брать ее, – не

потерял я ничего за эти 15 дней голодовки. Хлеб и в обед опять черный, – вот это главный удар!.. Суп – «гороховый» – вода с «вискасом», больше там ничего нет. Второе – опять капустная размазня с тем же «вискасом». Слава богу – его там было совсем мало, а из супа кое-как выловил, – поел. Но сидеть на одной лишь такой баланде, без магазина, без всякого дополнительного питания – это, по сути, та же «мокрая» голодовка, только при ней «всё нормально», нет шума на воле, приезда прокуроров и пр...

Ведь я знаю, что в будущем ничего не будет, – что же меня всё так тянет всё-таки дожить до него?..

19-39

Не было сегодня «крестин». Вместо них приходил психолог, тот же мужичок, что и раньше. При мне ему сперва позвонили по внутреннему телефону, потом принесли мое заявление о допуске того психолога из Екб, что посоветовали позавчера ребята – чтобы он мне сказал написать, что я (им же) ознакомлен с правилами работы психологической службы лагеря – и что к нему самому я претензий не имею. Я написал – и еще добавил, что на допуске ко мне того вольного психолога всё равно настаиваю. Видимо, это и была ЕДИНСТВЕННАЯ реакция администрации на это мое заявление о допуске с воли. Зато – т.к.я написал о недовольстве неконфиденциальностью бесед, и эти слова начальство в моем заявлении подчеркнуло – то нас с этим психологом в кабинете наконец-то оставили одних – но меня при этом опять заперли в клетку!

Вопрос о новой «пятнашке», таким образом, откладывается на завтра-послезавтра. Написал я на имя Асламова большое заявление о том, почему и когда я и дальше буду ложиться на стол (когда мне плохо со здоровьем), завтра отдам, продублировал его и в письме Вере, где подробно описал всю ситуацию и предупредил, что их поездка может сорваться.

17.3.16., 13-40

Какие подонки!.. Вызвали сейчас на свои «крестины», совершенно в неурочное время – полвторого (я ждал не раньше четырех, как обычно). Мразь Безукладников как ни в чем не бывало зачитал эту наглую ложь – что якобы я вчера был «обнаружен спящим» – и мразоид Асламов вынес мне... выговор!.. :))

В некотором смысле это, конечно, победа. Заслуга вчерашнего прокурора, скорее всего. Но – характерно, что от своей лжи, что я якобы «спал» – эти мрази так и не отступились. Если во что вцепятся – то уж как клещами... Для меня – это маленькая передышка, , реабилитация после голодовки (хотя баланда ужасная). Не удивлюсь, если еще до предполагаемого приезда Веры и Феликса они изобретут еще какое-нибудь «нарушение» – и возьмут

реванш за этот выговор.

Принесли и кучу прессы, и кучу писем – Майсурян (то пропавшее 121-е письмо, в котором – и письмо от Нади Низовкиной!), Землинский, Феликс, мать...

18.3.16., 19-21

Опять потянулись серые будни тюряги. Баландер на ужин плюхнул молотую рыбу прямо в сечку. В капусту – я еще съедал, но тут – выбрал ложкой, что можно было, остальное смыл... Какая-то «комиссия» опять, обходил камеры какой-то начальничек из отдела «безопасности» (если не путаю) ГУФСИНа; долго пытался выжать из меня «доклад» спрашивал, какие статьи, какой срок... Вот идиот, и не пофигу ведь ему!.. А по сути спросил всего-то – какие есть жалобы и вопросы (я сказал про черное, два месяца занесенное снегом окно, – посмотрим, расчистят ли). До этого – ходил в баню, впервые почти за целый месяц (из-за голодовки, – при слабости и сердцебиении ведь не пойдешь). На обратном пути, роясь в сумке в каптерке, обнаружил, что вот эта супертонкая ручка, привезенная из Москвы, которой я сейчас пишу дневник, – последняя, больше таких нет. Это очень печально...

Список жратвы в магазине сегодня – мизерный. Ни вафельных тортов, ни сарделек! Взял четыре батона колбасы – той, плохой, вздувающей свою якобы вакуумную упаковку (что из упакованной в вакууме колбасы может выходить какой-то газ, я впервые увидел только в тюрьме, в 2013 г. Рассказали бы на воле – не поверил бы. Впрочем, в этой стране возможны еще и не такие «чудеса»...). Еще взял какие-то плохонькие пряники – вроде как на завтрак; и три пакета явно плохого майонеза – и пакеты совсем маленькие, а до сих пор были большие. А колбаса эта продается вся просроченная: разрешенные 30 дней ее хранения истекли еще 10 марта...

21.3.16., 6-52

Памятный день. Ровно десять лет назад был впервые арестован. Упал с четвертого этажа, покалечился. Ровно пять лет назад – освобожден. М-да, «десять лет, как жизни нет»... А если считать с первого обыска дома – то и все 15...

Вчера после обеда сел наконец писать письмо Феликсу Шведовскому. Был очень доволен: писал его в совокупности целых три часа, убил время! Пока писал это ему – сформулировал и для себя: ну, допустим, Лена Маглеванная права, допустим, я выберусь в Финляндию и без паспорта. Получу там убежище, квартиру, как получила она; даже пособие на прокорм мне дадут. Идеальный вариант, короче. И – что же я буду там делать? Заведу себе новые аккаунты в ЖЖ, в Фейсбуке – и в них буду комментировать новости из

России для тех 150-250 человек, не больше, которые были у меня в друзьях и в 2012 г.? И это – всё? Но больше ведь ничего нельзя там будет делать; а для этого – стоило ли сидеть 12 лет?! Стоило ли писать какие-то статьи, печатать самиздат, формулировать какие-то выводы о России, устраивать уличные акции?.. Ведь уехать и вести за границей оппозиционный блог можно было с самого начала!.. :)))

Понедельник. Библиотекарь вчера, по-моему, вообще не приходил. Читать нечего, делать нечего. Абсолютно нечем заняться весь день – только размышлять, всё об одном и том же... Обещала, правда, прийти эта девчонка-психолог... И – будут наверняка очередные «крестины», могут дать очередные 15 суток. :) Не за что вроде, последние дни я не цеплялся с ними ни о чем; но – мы уже знаем, что это и не обязательно. Опять скажут, что «не доложил по форме» в подъем, или был В КАМЕРЕ без бирки...

Этот день пять лет назад – день освобождения – был самым счастливым в жизни. Весь день ехали домой на машине... И что же? Доживу ли я до следующего освобождения?..

22.3.16., 5-27

Так и просидел, проходил вчера по камере, проговорил с самим собой все 16 часов. «Психолог» не вызывала – но, узнал в отбой, оставила мне «тесты», делать которые я все равно не буду. На «крестины», слава богу, не дергали. Спать хочется каждый день дико, – и с утра, и после обеда, и даже вечером; засыпаю ненадолго, положив голову на ладонь правой руки, упертой в стол или в тумбочку (ложиться для этой цели на стол давно уже не рискую). Есть одна недочитанная книга – последняя из заказанных Землинским, – но читать ее совершенно не хочется. 16 часов, весь день – хожу туда-сюда по камере, или сижу, жду завтрака, обеда, ужина, отбоя, шмона – и постоянно говорю сам с собой о том, что жизнь кончена, что будущего нет, – и мучительно пытаюсь понять, почему же так вышло...

Вид этой камеры при ярком свете для меня уже совершенно невыносим, – а белобрысый упырь как раз вчера утром зажег верхний свет, чего обычно не делает. Я ненавижу эту камеру, она выпила из меня всю кровь, высосала всю душу... Уже почти полгода я тут... Единственное, что в ней хорошо, – нет уголовников...

17-35

На завтрак – овсянка, на ужин – сечка. То бишь – опять за день ел только обед (плюс сейчас вместо ужина – кусок мякиша черняги с майонезом). Утром – только одно письмо – от Землинского (пришло еще 17-го, а тут валялось со вчера, конечно). Пишет, что 12-го министр обороны Польши Мацеревич, выступая на какой-то конференции, впервые открыто и

официально назвал гибель самолета Качиньского в 2010 г. под Смоленском «терактом». Крупное событие, конечно; москали тут же всполошились, поднялся шум... А по радио сегодня – другая крупная новость: сегодня же – взрывы в Брюсселе, один в метро, другой в аэропорту. Не помню, – 28, что ли, всего погибших. Паника по всей Европе, конечно. Так вам и надо, кретины, козлам бельгийским, французским и всем прочим! Десятилетиями пускали к себе без разбора всех желающих арабов/негров, в том же Брюсселе они давно уже компактно, отдельными кварталами живут, – а теперь, видите ли, жалуются, что их атакуют исламисты, террористы, что у них теракты, и пр. и пр. Кретины, развели негров у себя – и пусть они вас убивают, таких идиотов, как вы, и не жалко...

23.3.16., 6-37

Маленькие радости загробного мира. :)) На завтрак неожиданно дали макароны, почти полную тарелку! (Это разваренная, слипшаяся масса, – но всё равно лучше, чем сечка или овсянка; здесь, в тюрьме – это для меня лакомство!..) Плюс – нечто уж совершенно небывалое!! – кусок хлеба к завтраку был не черный, а серый – такой, как дают здесь только в обед (и то не всегда). Я глазам своим не поверил, увидя его!.. Черный и в обед – было, а серый в завтрак – еще нет...

А в остальном – всё как обычно. Продолжаю мотать очередные 16 часов, мучительные и бесконечные...

17-29

То они, суки, начинают свои «крестины» чуть не в час дня (в прошлый четверг, когда мне дали выговор), а сегодня, в среду, – в 16-40, охренеть!.. Теперь пока всех новоприбывших постригут, переоденут и рассадят по камерам, – баландеру опять придется ждать чуть не до ночи. (Правда, стоят ли эти помои того, чтобы их ждать?..) Но меня, к счастью, не тронули.

24.3.16., 10-50

Опять явились, бляди е...чие, со шмоном, вышмонали сейчас камеру. Шмонал всего один молодой ублюдок со знакомой мордой, ничего особо не разорил, ни пакет не сорвал с батареи, ни старые газеты сверху не достал, в тумбочки (и верх, и низ) едва заглянул, – но возился почему-то очень долго. На видеорегистратор опять они этот шмон не снимали, меня в коридоре еле ощупали. Казалось бы – пустяковый шмон, но – теперь каждые десять дней?! 14-го только шмонали, а до этого – 12-го; а ведь до того – больше двух месяцев вообще в камеру не заходили!.. Суки, мрази, выродки, собственными руками вам все кишки бы выпустил... Явились вообще сегодня шмонать на час позже, чем обычно – в 20 минут 11-го – прошмонали ШИЗО, потом взяли за меня, сейчас вот – слышу крики из дальнего конца

коридора, что шмонают уже там, в 18-й. Мрази, мочить вас, мочить!.. да некому. :(((Видимо, такая активность потому, что сегодня четверг – вообще у них шмонный день; очень может быть, что в десятом часу, когда обычно уже являются сюда, сегодня они шмонали где-то еще. Ничего у меня и не забрали, но сама эта процедура настолько оскорбительна, – видимо, опять меня будет трясти весь день...

18-23

Чудеса продолжают: серый, ближе к белому, хлеб дают все три раза в день вот уже два дня!

Как безумно тянутся дни, просто с ума можно сойти... Девка эта крашенная – «психолог» – ни в понедельник, ни сегодня (вчера вечером приходила и обещала, что сегодня) так и не выдернула. Мне-то плевать, конечно, – это ей надо, ее инициатива, я-то не просился к ней...

25.3.16., 11-00

Опять вышмонали, суки!!! Явились еще позже, уже после пол-одиннадцатого, и опять – все камеры подряд, после «двойки» по той стороне – сразу в мою, как и вчера!.. Зашел сперва один ублюдок, гондон сифилисный, – опять долго рылся; второй, не выдержав, пошел ему на подмогу – начал рыться в тумбочке, светя туда фонариком. Порылся в моем блокноте; нашел нитки, но, к счастью, не забрал; заглянул в бак для воды, пощупал одежду на крючке... Обыкновенное усердие... Я просто не могу выразить словами, до какой степени я ненавижу этих мразей и как мучительно, невыразимо, неопишимо мне хочется уничтожить их всех своими руками, резать живьем на куски, отрубать им топором руки и ноги, калечить и кромсать их окровавленные уже туши всячески, самыми изощренными способами – пока я не почувствую, что отомщён, что я получил наконец моральную компенсацию за это непереносимое унижение – шмон в камере вот уже два дня подряд...

12-05

Как с цепи сорвались, суки!.. Второй день подряд – повальные, тотальные шмоны по всему ШИЗО/ПКТ/ЕПКТ. За те полгода, что я тут, такого еще не было. Сегодня где-то мигнут в двадцать 12-го основная толпа этих мразей ушла, но – нескольких, я слышал, специально оставили – и они дошманывали тот конец коридора, где ПКТ. Из-за этого, видимо, и обед до сих пор не везут, хотя уже первый час, а обычно его дают где-то в 11-30! Неужели теперь так будет постоянно, – ждать их до 11-ти, до пол-одиннадцатого, и потом они ежедневно будут заходить и ко мне?! Перспектива, что и говорить, тошнотворная – после того, как они не заходили два месяца... Или это только, так сказать, сезонное обострение,

поскольку на дворе – весна?..

26.3.16., 10-30

И третий шмон!!! :)))) Третий день подряд, несмотря даже на то, что суббота, выходной... Опять явились в 11-м часу, опять – сразу весь коридор, и ШИЗО, и ПКТ в дальнем конце; и сразу же после «двойки» – меня! Когда, как обычно, совещались в коридоре, кого именно шмонать, – вроде бы я расслышал свою фамилию. Ну да, по этой стороне коридора, ДО отсека ПКТ-ЕПКТ – только меня одного, остальные камеры, по-моему, не шмонали. Сейчас вот, только что, кто-то из них кому-то в коридоре заорал: надо было колотушку взять, по решеткам постучать! – и теперь несутся звуки ударов. Идиоты... Ко мне зашел только один из этих уродов – и буквально через пару секунд вышел, кроме одной библиотечной книги, ничего не тронул. Не удивлюсь, если влезут и еще раз... Но вообще – для меня это катастрофа, с которой я не знаю, как быть, и о которой у меня уже просто нет душевных сил переживать, тосковать и плакать. Я и так уже дошел здесь практически до ручки... Но катастрофа – даже если они теперь всегда будут приходить в 11-м часу вместо 10-го, не говоря уж – если так и будут каждый день шмонать у меня...

18-14

Вот и прошла (почти) еще одна неделя, 191-я, совершенно пустая. Она ознаменовалась тремя шмонами подряд (и завтра наверняка будет четвертый), но – ни одной газеты, ни одного номера журнала за всю эту неделю я не получил. Письмо было только одно – еще за прошлую неделю, от Землинского, полученное и процензурированное еще 17-го марта. Написал я тоже всего одно письмо – ответ Землинскому, во вторник, 22-го, в день взрывов в Брюсселе.

Тошно, тоскливо и невыносимо мне так, что не могу выразить словами, особенно, как всегда, по утрам, когда еще весь этот бесконечный день впереди, и абсолютно нечего будет весь день делать; зато – ждать шмона теперь по полтора, по два часа...

Эта камера, эта тюрьма, эти три года и четыре месяца заключения выпили из меня всю кровь, вымотали всю душу... Страшно даже подумать, что впереди – еще столько же, это лишь полсрока...

27.3.16., 10-30

И, конечно, четвертый шмон!!! Опять пришли в 11-м часу, опять начали с ШИЗО, две-три камеры – и ко мне! Зашли два ублюдка, но не рылись, только из пакета на батарее вытащили зеркальце – и бросили, даже не развязав. Те же самые мрази, что шмонали в первый раз, 24-го, та же самая смена.

Если честно, я просто не знаю, что с этим делать. Видимо, это месть за

голодовку, приезд прокурора и пр. Такого острого, мучительного унижения, как шмоны в камере, я просто не выдержу, если оно будет повторяться каждый день. Е...чие суки, почему у меня нет обычного пистолета?! Я бы перестрелял вас всех прямо тут, как только вы откроете камеру!..

12-20

Огонь горит в моей душе, священное пламя ненависти сжигает ее изнутри – и я не могу, да и не хочу погасить это пламя. Я сижу – и всё представляю себе, как бы я убивал, калечил, наказывал бы за нынешнее всех этих вертухаев, ментов и прочих «силовиков», держащих меня сейчас в плену, шмонающих, унижающих, – если бы здесь началась бы гражданская война, или какое-нибудь восстание, или победила бы настоящая революция, как в Украине; если бы «силовики» потеряли бы свою силу и нам удалось бы взять их в плен. Я по одному вешал бы их в подвале на дыбу – за связанные руки поднимал бы перекинутой через блок веревкой – и остервенело рубил и кромсал бы их туши топором, как режут и кромсают в ларьках мясо на шаурму. Рубил бы долго, безжалостно, наслаждаясь их воем, пока на веревке и впрямь не оставался бы болтаться окровавленный шмат мяса вместо человеческого тела. Я живо отрезал бы им уши, носы, выкалывал бы глаза, снимал бы скальпы, с еще живых, висящих на дыбе, сдирал бы кожу... Ничто, абсолютно ничто не будет им чересчур жестоко – за всё то, что я испытываю сейчас; за то, что они поломали всю мою жизнь... Например, раздавливать им дверью пальцы, или сжигать живьем на костре, или бить подвешенных ломом, пока не останется ни одной целой кости – и оставлять так подыхать без всякой помощи... Нет во мне жалости и ложного этого гуманизма; я всегда считал и считаю, что на причиненное зло я должен отвечать злом в тысячу раз более страшным...

Кто знает, почему не вышла, не сложилась моя жизнь; кто теперь сможет в этом разобраться... Никого, ничего нет у меня в жизни, – не дано, не судьба, как выяснилось. Что-то с самого начала пошло не так, я не знаю, что именно. Но, может быть, если бы не этот второй арест, всё ещё как-нибудь могло бы наладиться... Черт его знает. Теперь – то я уже не жду от жизни абсолютно ничего; всё с моим будущим уже ясно... :(((Только вот умыться вражьей кровью, кровью этих русских «силовиков», выкупаться сполна, досыта в ней – дал бы бог!.. (В которого я, впрочем, не верю.) Месть им, этой проклятой стране, и кровь ее ментов, чекистов, тюремщиков, «судей» и пр. – вот мое единственное и последнее желание в этой жизни...

Только одно положительное событие произошло тут вдруг. Сразу же, как меня прошмонали – вдруг слышу какой-то шум за окном. Сбивают

снежную корку!! И – за несколько минут откуда-то сверху лопатами сбили ее всю, – уже рыхлую, но на удивление плотную. Наконец-то, после трех месяцев темноты, в окно бьет дневной свет!..

28.3.16., 6-45

Очаровательно... С вечера вчера, почти с самого отбоя, перестала течь вода из крана. Всю ночь ее не было; утром – на вопросы и мои, и других эков – мрази в камуфляже отвечали: авария; нет, мол, воды ни в лагере, ни в поселке. Сейчас, мол, будут устранять. А что же вы, ублюдки, всю ночь-то ее не устраняли, аварию?! Чего ждали?! Ясно ведь, что чинить водопровод пошлют эков из хозотряда, которых легко можно было послать и ночью, они спорить не стали бы...

Воды нет – но шмон, конечно же, состоится в положенном теперь 11-м часу! «Шмон состоится в любую погоду», как раньше – матч. А позже, часа в четыре дня, с такой же неумолимой непреложностью состоятся и очередные «крестины»...

10-43

Итак, пятый шмон, пятый день подряд!.. :)))) (Нервный смех.) Опять пришли пол-одиннадцатого, один, заходя сюда, в отсек, спросил: «Полностью, да?». И – после «двойки» опять сразу ко мне. Зашел один мелкий старый ублюдок, с 2014 мне знакомый; в тумбочке и пакете на батарее не рылся, зато тщательно, с фонариком, проверил, сука, пустой бак для воды, пошарил на столике, где у меня хлеб в пакете, кружка и салфетки, а под столиком – нашел пустую коробку из-под вафельного торта с напиханным в нее мусором, вынул мусор, проверил его, рассмотрел... Глядеть на это было – умора, хотя на душе тошно и мерзко все эти дни, с 24-го, – именно из-за этих ежедневных шмонов.

Итак, у мразей в камуфляже неожиданно сложился новый порядок, очень похожий на старый, 2014 г. – приходите на час позже, в 11-м часу, и шмонать тотально все камеры, а не только или ШИЗО, или ПКТ, как было всё последнее время. Это сильно затруднит мне здесь жизнь, особенно в дни приезда ребят, плюс – это бесит и абсолютно выводит из равновесия, т.к. шмон сам по себе крайне унижает мое человеческое достоинство. Что со всем этим делать, как приспособиться к этой их новой паскудной системе – я пока не знаю. Сейчас вот, пока писал, за дверью мрази обсуждали что-то, найденное в 7-й камере, – но у меня до сих пор впечатление, что по моей (нечетной) стороне эту часть коридора они все-таки не шмонают. По крайней мере, никогда не шмонают «пятерку» (б/м) – в 2014, когда они там шмонали, мне было хорошо слышно через стену.

А воды, между тем, так и нет, с ночи...

Я пытаюсь прибегнуть к простой, житейской логике, к здравому смыслу. Но не могут же эти ежеутренние шмоны у меня быть все оставшиеся 1330 дней, без единого исключения?!

20-15

Воду дали сегодня только где-то в полтретьего. Как раз минут за 20 до этого завхоз начал ходить по камерам и спрашивать, есть ли во что набрать питьевую воду, – значит, где-то она все-таки шла. У меня был только их же казенный жестяной бак для воды, который он и принес мне заполненным наполовину.

Зато «крестины» начались сегодня лишь в 20 минут шестого! – когда в пять часов я уже решил, что они сегодня почему-то не состоялись. В это время тут как раз начинают уже возить ужин, – но ужин сегодня повезли только без четверти восемь, причем – не с моего, как обычно, а с противоположного конца коридора. То ли чтобы быстрее закончить, то ли – потому, что и баландер вдруг оказался какой-то другой, гораздо более вежливый и благожелательный (на удивление!), чем прежний...

Впервые за долгое время – разболелась после обеда левая сторона головы, не сильно, но всё же ощутимо, и болит до сих пор, уже больше чем полдня. Давление, наверное.

Опять ни писем, ни газет, ни журналов – вот уже 11 дней, если не считать письмо от Землинского 22-го. А должны быть – как минимум два от Майсуряна и одно от матери.

Подсознательно, конечно, я уже жду Веру с Феликсом на свиданку, но – понимаю, что не раньше следующего понедельника, 4 апреля, а скорее – позже. Если их вообще пустят...

Этот новый порядок с ежедневными шмонами совершенно выбил меня из колеи, я ни о чем другом не могу думать. Только было всё стало как-то налаживаться после голодовки...

29.3.16., 6-16

Всё, сказка закончилась!.. :)))))) На завтрак сейчас, вместо (полу)белого хлеба последних дней, – опять черняга! :) И баландер, по-моему, опять прежний (то же хамское быдло)...

11-00

Впервые с 24-го сегодня ко мне – персонально ко мне! – не зашли шмонать! Когда шмонали рядом «двойку», я услышал, как один голос с вопросительной интонацией назвал мою фамилию; типа: «Стомахина надо?». Ответ второго я не расслышал, но, видимо, он был отрицательным, т.к. – не зашли. Судя по голосу, отвечал на вопрос обо мне мразь Безукладников – хотя раньше я не слышал, чтобы он лично руководил тут

утренними шмонами. (И уж конечно, за то, что он один раз пожалел и не дал меня вышмонать, я не перестану считать его мразью!) Этот же густой голос перед самым началом шмона говорил кому-то, что «по плану» шмонать предстоит «ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, а потом все вместе – 130-ю» [«130-я бригада» – еще один СУС, находившийся тогда на втором этаже этого же здания ШИЗО/ПКТ/ЕПКТ; позже этот СУС был ликвидирован. – прим. 2020 г.]. Интересно, что это у них за «план» такой – тотальные повальные шмоны каждый день? Зато – наконец-то ясно услышал, что зашли и в 5-ю, – стучали там по батарее и по оконной решетке.

Но завтра, безусловно, они опять припрутся. А сейчас – вот только что дневальный сквозь дырки в глазке просунул мне сюда горящую ароматическую свечку. Тоже, что ли, мразь Безукладников обо мне заботится? Что ж, спасибо, запах приятный. :)) Но – я предпочел бы, чтобы он наконец принес бы мне письма, газеты и журналы...

12-12

Нет, баландер все-таки новый, зря я утром усомнился. Даже странно, что среди этих уголовников может найтись парень настолько воспитанный, чтобы подавать мне наполненную компотом кружку РУЧКОЙ КО МНЕ, дабы я мог за нее взяться, – чего, разумеется, никогда не делал никто из прежних баландеров...

30.3.16., 6-36

Рано я обрадовался, что на днях пробили-таки снежную корку за моим окном. Поистине, у этих мразей, всё, абсолютно ВСЁ – говно, даже если порой кажется, что они сделали какое-то доброе, хорошее дело... Сбили они эту корку отнюдь не всю, а – только пробили в ней на уровне моего окна две приличных бреши, слева – побольше, справа – поменьше. Днем, когда света много, кажется, что там, за окном, всё чисто; но когда светает или темнеет – ясно видно, что это лишь бреши, причем – не знаю уж, как и почему – день ото дня их затягивает, как пруд затягивает ряской; они всё уменьшаются и уменьшаются. Сейчас вот, как стало светать, я увидел, что справа опять практически одна чернота, брешь в снегу как-то сама собой опять закрылась. Осталась та, что больше, пока днем света еще будет хватать, но – и она, уже ясно, будет всё уменьшаться и уменьшаться. А растает всё это – наверное, лишь к маю, не раньше.

Часа через четыре – опять шмон. Боже, как же я ненавижу эту проклятую страну, чтоб ей сгореть!..

11-30

Явились опять, вышмонали, е...чие бляди, под самый конец, последним! Я уж надеялся, что, м.б., не зайдут, что тенденция переломилась вчера. Где

там!.. Влезли, ублюдки, аж вдвоем, хотя особо не рылись, ничего не взяли и ушли быстро. Мрази, е...чие суки, будьте вы все прокляты, и дети, и внуки ваши – на веки вечные!..

11-52

Опять взорвана вся душа – и никак не могу успокоиться... Мочить их, стрелять, жечь, резать, топить, сжигать живьем, четвертовать, резать из тел ремни, отрезать носы, уши, головы, выкалывать глаза, живьем пропускать через большие промышленные мясорубки, – всех этих «сотрудников ФСИН», всех этих тварей, которые любят шмонать!.. Но – это лишь мечты; а в реальности – ничего, абсолютно ничего не могу я им сделать... :((((Приходило не раз в голову: когда откроют дверь – отказаться выходить и отсюда, из камеры, покрыть их всех самым отборным матом, который только я знаю. Это, по крайней мере, будет им хорошо понятно и доступно, это – на их языке, не то что рассуждения о правах человека... Они всё это тут же запишут на видеорегистратор, мне за это дадут очередные 15 суток – и больше ничего; а эти же мрази так и будут приходить по-прежнему каждое утро...

Тяжко это – когда не можешь успокоиться от очередного только что пережитого унижения – и знаешь, что оно далеко не последнее, что их еще будет аж 1328 – столько, сколько дней тебе здесь осталось. Только было чуть расслабился вчера, отдохнул денек... А ублюдки ходят и шмонают, ходят и шмонают, – после того, как часть банды, вышмонав меня, ушла, другая еще долго шмонала дальний конец, где ПКТ. Кончают каждый день гораздо позже 11-ти, – то бишь, и заступать в 11 им теперь не нужно; видимо, перенесли на 12, что ли.

Суки, мразь, ублюдки, мерзкие вонючие гниды, говорящие куски дерьма, – о, как бы я вас всех топтал, резал, мочил, уничтожал, если б только была возможность! Всё думаю – и не могу понять: почему то, что для них – обычная работа, рутинное выполнение служебных обязанностей, – во мне заставляет каждое утро тоскливо сжиматься всю душу и служит источником дикой, мучительной рефлексии, непроходящей тоски, мыслей о том, что жизнь прошла, что всё безнадежно, впереди уже не будет ничего, а осталось в жизни только вот это говно, – шмоны, шмоны, шмоны? Почему? Впрочем, это старый вопрос, м.б. – старый как мир. Попытки как рутина для исполнителей; разжигание костров, на которых сжигали еретиков, как обычная работа мелких исполнителей, – всё это ведь было еще у святой инквизиции. Нацисты тоже травили евреев газом в Освенциме рутинно, буднично, каждый день, получая за это зарплату и паёк... Это старый как мир вопрос – но я ищу, мучительно ищу на него ответа – и не могу найти...

12-50

Омерзение ко всему вокруг, к самой жизни душит и давит так, что я буквально не могу дышать... Пусть все ядерные бомбы, сколько их есть у нормальных стран, обрушатся на эту проклятую страну, на Москву, на эту е...чую Пермь – и выжгут их дотла, обуглят саму землю на их месте – за вот эти вот мои мучения!..

Писем и газет/журнала так и нет – завтра уже две недели. А сегодня – среда, так что, по всей вероятности, предстоит еще одно удовольствие и развлечение – «крестины»...

18-12

Засадили, мрази, в тюрьму на семь лет!.. Суки, выродки, тупое русское быдло!.. Я не могу теперь думать ни о чем другом, как только: завтра в 10-30 опять будет шмон! Опять это дикое, невыносимое унижение: меня выставят на коридор лицом к стене, а сами вопрутся в камеру и будут рыться в моих вещах... И я действительно не понимая, давно уже не понимаю, для чего и зачем я живу. Кто испоганил мою жизнь, почему всё так вышло, что она уперлась в глухой тупик, когда мне еще не было сорока лет? Я уже четыре года пытаюсь понять это, но безуспешно. Как так получилось, что я абсолютно ничего не достиг в жизни, хотя отдавал любимому делу всего себя, всю свою энергию, силы, время, здоровье, творческое воображение... Всей-то жизни было десять лет, с 1996 по 2006, из них звездный мой час – с 1999 по 2004, всего пять лет... А теперь – ясно уже, что ничего дальше не будет, что жить не для кого и незачем... :((((

31.3.16., 6-45

Этим сроком я понял окончательно, что больше в России мне ловить нечего; если доживу до воли – надо сваливать, и не просто сваливать, а – плюнуть и забыть. Понятно уже, что если даже сдохнет Путин, если даже и начнется тут какая-то новая «оттепель», перестройка, новый круг «реформ», – всё равно мне во всем этом, вообще в этой стране никакой роли уже не сыграть, как мечталось когда-то. Есть все эти яшины, навальные, касьяновы, рыжковы, гудковы, шлосберги... – и от имени либерализма здесь вещать будут они, и все «реформы» проводить будут тоже они, у них там уже все места распределены; а меня – они и близко не подпустят. В самом деле, кто я им? Подумаешь, 12 лет просидел за политику, – они же меня и тогда политэком не признавали!.. :))) Они, похоже, оттерли даже Каспарова, который скорее их поля ягода, чем моего, – пришлось уехать за границу – и привет, обратно его никто не ждет, все должности в будущем руководстве уже распределены между оставшимися («страдальцами» и «политэками» типа Навального). Освобожусь я, – будет ли Путин, не будет ли Путина, – ну

возьмут у меня опять пару-тройку интервью, и всё. Никуда не пригласят, ничего не предложат. Ты же «радикальный публицист» – вот и пиши дальше статьи в своем блоге, для 150 читателей...

Так что – ничего мне здесь не светит, надо будет уезжать без промедлений и сожалений. Другое дело – что ничего не светит и там. По крайней мере, язык в достаточной степени для интеллектуальной работы я не выучу, это ясно. Не говоря уж о том, чтобы стать там с нуля профессором, как Буковский. Но его ведь, между прочим, и вывезли в 34 года, а не в 45, – все-таки существенная разница...

Моя жизнь, вся, целиком, – это удивительный пример того, как не повезло НИ В ЧЕМ. Занимался всю жизнь любимым делом, пострадал за него – и ничего в нем не добился, никем не стал, даже политэком «коллеги» не признают... И ни в личной жизни, ни в карьере, ни в творчестве, ни в деньгах... Ни в чем. :(((«Не везет мне в смерти – повезет в любви», – поется в известной песне. А мне – ни в любви, ни даже в смерти. Даже оборвать свою жизнь так и тогда, как и когда я хочу, мне не дано... :(((

Через три с половиной часа будет очередной шмон...

12-22

Шмона не было. Вместо него в положенное теперь время – около пол-одиннадцатого – состоялось явление экам высокого начальства. Еще до этого по суете мрази Безукладникова в коридоре, по протиранию дневальным внутренних дверей-решеток во всех камерах и т.п. – было ясно, что готовится что-то важное, поважнее обычного шмона. И вот – раздался зычный голос, в котором я узнал голос этой паскуды Асламова, вопрошающий, где зампоБОР. Т.е., он привел с собой всю свою шайку. Открыли дверь одной из камер ШИЗО недалеко от меня, зашли туда, через минуту-другую вышли – я опять услышал асламовский голосок: «Еще одну ШИЗО – и ПКТ!». Так и сделали – зашли еще в одну, потом пошли в дальний конец коридора. Ясно было, что он их кому-то показывает, какому-то приезжему начальству. Когда выходили, под моей дверью мразь Асламов как раз сообщала, что они заменили все двери (в камерах) . Сразу же после их ухода уголовники из разных камер начали перекрикиваться между собой – и из их криков выяснилось, что с Асламовым и пр. ходил генерал. Я ждал, что после их ухода еще вполне может явиться шмонобанда и всех вышмонать, но – обошлось.

Вот и гадай теперь: может быть, неделя повальных шмонов была вызвана ожиданием приезда генерала, а теперь они прекратятся и всё пойдет по-старому? Хотя нет, вряд ли; ведь легко верится в то, во что хочется верить. В любом случае, выяснится это уже менее чем через сутки, завтра после

десяти утра...

Утром, размышляя о перспективах своих и пр. в возможном будущем России после Путина, забыл еще написать, что, по всей видимости, даже такие герои громких процессов недавнего прошлого, как Толоконникова, Алехина, Акименков (хоть он и был амнистирован) и т.п. – тоже вряд ли что-то получают, какой-то мало-мальски заметный «кусочек пирога», – всё, очевидно, будет заглотано яшиными, навальными, касьяновыми и прочей нынешней «оппозиционной» «элитой», Да и – если среди «старших бояр» окажутся еще и такие, как Кудрин, а не только бывший премьер Касьянов, – то даже и молодежи типа Яшина, своей в доску, мало что может достаться... :))) Не говоря уж обо мне.

И еще одно важное событие забыл помянуть утром: вместо осточертевших тухлых «компотов» и химических розовых «киселей» – наконец-то дали чай! Паршивый, слабый, столовский, да вдобавок еще и холодный, но все-таки чай. Завезли им его, видимо, наконец. Дали его впервые как минимум с конца моей голодовки, т.е. – с 16 марта.

Я всё жду Веру и Феликса, их всё нет. Не загребли ли Веру вчера у Соловецкого камня?..

И по-прежнему ни писем, ни прессы, – вот уже ровно две недели...

17-47

Крашенная девица-психолог вспомнила-таки обо мне, выдернула незадолго до ужина. :) Спрашивала, ну почему мои взгляды так радикальны, не хочу ли я их все-таки изменить, обдумав всё в одиночной камере; не случилось ли у меня чего-то такого (трагического, надо полагать) в детстве, что подвигло меня к радикализму; не лучше ли мне было бы завести семью, воспитывать детей и не думать вообще о власти и о политике; считаю ли я себя революционером и какая, на мой взгляд, революция должна быть (и – зачем: ведь всё, по ее мнению, можно решить законным путем :) ; и т.д. и т.п. Очень смешно, в общем; так что для меня разговор с невежественной в области общественных вопросов дурочкой лет на десять моложе меня стал, как я и думал, своеобразным развлечением. :)

Вертухая (дежурит с быдлотатаринном вместе вместо второго такого же, похоже), который приперся со мной и сел слушать, я вежливо попросил удалиться для конфиденциальности нашей беседы; но, уходя, он, конечно же, запер меня в клетку. В общем-то, говорить мне это не мешало, хотя, как я понял, задавая вопросы, эта мамзель не очень-то интересуется моими весьма детальными ответами: они для нее слишком сложны, непонятны; а многого из того, что помню я еще из 90-х годов – она не помнит (рейтинги президентские в киселевских «Итогах» на НТВ, к примеру). Трудно ей со

мною. :) Тут приперся под конец беседы мразь Безукладников, сбив меня с темы. Я, естественно, тотчас спросил у него про письма, – он, естественно, за ними не заходил (и очень удивился моим словам про две недели). Обещал принести завтра, и прессу вроде бы тоже. Психологичка хотела сразу же закруглить разговор, свернуться и уйти, да и я было думал – черт бы с ней; но потом всё же добил свой ответ на ее же вопрос (типа, что мне сделала эта власть – а я ответил, что я стал протестовать против этой власти раньше, чем она сломала мне жизнь) – дорассказал о новом годе с 1999 на 2000, который был испорчен у всех приличных людей (она не могла понять, ЧЕМ испорчен) и про то, как наутро я понял неминуемость моей посадки, случившейся только через шесть лет. Чем читать мой приговор (а все сведения о моих взглядах она черпала только оттуда) – посоветовал ей зайти в интернет и вбить мою фамилию в Яндекс. В отличие от своей ушедшей на пенсию начальницы, она пообещала это сделать – а также пообещала прийти опять через неделю. Видимо, они всерьез хотят ее и другого психолога, мужика, меня перевоспитать и наставить на путь истинный. :)) Что ж, посмотрим, как им это удастся. :)))

АПРЕЛЬ 2016

1.4.16., 10-20

Слава богу, кажется, всё возвращается на круги своя. Мрази (шмонобанда) явились сегодня по старому графику – около полдесятого, – вышмонали ШИЗО по другой стороне коридора. Правда, этим не ограничились, а поперлись шмонать еще и в конце коридора в ПКТ. Но, не столь уж долго там пробыв, в начале 11-го ушли, повинувшись чьей-то команде, как нередко бывало и раньше. Ко мне – и вообще ни к кому по этой стороне коридора – не заходили. Теперь я жду писем, магазина и бани – но письма что-то никто и не думает нести...

2.4.16., 5-27

Опять ужасная ночь: проснулся четверть второго (уже второй раз) – и больше не мог заснуть. :(((Но зато вчера день вышел абсолютно потрясающим, – от этого-то, собственно, и бессонница (опять перевозбудился).

Итак, вскоре после утреннего шмона вчера – принесли наконец прессу: шесть газет и два журнала. Надолго хватит... Журналы я быстро просмотрел: особых новостей нет, только – в Бостоне умер Есенин-Вольпин, основатель «законнической» и ненасильственной правозащиты. 91 год ему был...

В 11 утра погнали в баню, – как теперь обычно бывает, перед самым обедом, так что потом обед ел уже холодный. После двух часов, когда открылся с обеда магазин – пришел завхоз со списком продуктов. Я охренел: ни колбасы, ни сарделек нет вообще, что брать – неизвестно. :(Взял три банки консервированной ветчины (русской, естественно); хорошо еще, что на банках этих оказалось кольцо для открывания, а то – как бы я их открывал? Сегодня вечером предстоит попробовать, что это за ветчина. Но все равно: одна банка – на один день, не больше; так что – этого мне хватит на сегодня, завтра и понедельник, а еще три дня, до нового магазина – ЧТО я буду есть? Кроме кислого хлеба – нечего, увы... :(((

После магазина мразь Безукладников наконец-то принес толстенную пачку писем. От матери два, как я и думал; от Майсурия два (№123 и 124); от Гедроица из Латвии от Найденович (продолжает нахвалять коммунизм и советскую власть :) ; от Йонатана из ФЕОР; от Лены Маглевой – еще от 8 февраля обычной почтой, наконец-то дошло...

Начал читать эти письма – вдруг открывается дверь и вертухай говорит: тут к вам приехали; те же люди, что и в тот раз. «Двое?» – спрашиваю. – «Трое.» В полном изумлении хватаю папку с бумагами, иду в кабинет. Думал, что это ребята привезли обещанного нотариуса, хотя сегодня-то я их

абсолютно не ждал...

Действительно, я уже сижу в кабинете в клетке, – заходят Глеб, Рома и какой-то незнакомый молодой парень. И тут Глеб на ухо мне говорит, что это – корреспондент радио «Свобода», но по документам он – правозащитник, так что корреспондентом его вслух называть не надо. Хочет, мол, взять у меня интервью.

Короче, они с Глебом положили передо мной диктофоны, тот начал спрашивать: за что мне дали ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ; как это всё проходит; какие бытовые условия; что я делаю весь день; что читаю; как кормят; и т.д. и т.п. Когда я упомянул, что читаю «The New Times» – он и говорит: а я, мол, там работал. Я спрашиваю фамилию – Хазов-Кассиа! Ну конечно!! :) Хорошо мне памятная по журналу 2013-14 годов фамилия! – но сейчас он там уже не работает, как и Светова (всех Альбац разогнала, никого не осталось). Он мне объяснил, что пишет меня не для эфира «Свободы», а для сайта, – мол, сайт ее сейчас поддерживается и бурно развивается вроде бы даже как отдельное СМИ, в котором есть много такого, чего нет в эфире самого радио. Ну что ж, хорошо, пусть так. Я не спросил, к сожалению, давно ли они знакомы с Глебом – учитывая, что этот Хазов-Кассиа моложе не только его, но, скорее всего, и меня, и что он – имя настолько уже новое, уже самых последних лет, до 2013 я о нем не слышал, насколько Глеб известен в тусовке еще с 90-х годов. Получилось, я понял, так, что после последней поездки ребят ко мне, еще во время голодовки, Кассиа этот среагировал на их публикацию о моей этой голодовке, читал даже (как он сам сказал) мой сайт – и, видимо, изъявил желание съездить из Москвы ко мне, взять интервью. Спасибо ему от всей души, тем паче, что на «Свободе» ко мне относятся неплохо и интервью имеет все шансы выйти.

Собственно, это и всё. Но, увы, Лене Глеб так ничего и не послал, сколько я ни просил, находя разные для этого отговорки. :(Лена, оказывается, устроилась-таки работать – как позже я прочел в письме матери, уборщицей. Как это нелепо для нее, – ведь она явно достойна большего, чем быть где-то уборщицей. Глеб и говорит, что, учитывая разницу во времени, она приходит домой с работы тогда, когда он уже ложится спать. Но – привезти корреспондента для интервью со мной всё равно с его стороны подвиг, так что я искренне был благодарен им обоим.

Вернулся в камеру, стал читать дальше письма. Мать яростно уверяет, что обо мне все помнят, была заметка в какой-то киевской газете (как обычно, не поинтересовалась, в какой именно), упоминали (из зала) на этой мартовской конференции в Вильнюсе, и т.д. Пишет как о вполне определенных фактах, что в Киеве выйдет какой-то мой сборник (опять без

согласования, без ISBN и тиражом 100-200 экз., ага!) и что мне подарят «золотые швейцарские часы». Кроме Горильской, очень меня, по словам матери, хвалящей, оплачивать его в Киеве некому; но – я, естественно, абсолютно не верю...

Гедроицу успел ответить еще вчера вечером. Еще три письма надо написать сегодня.

И еще важнейшую вещь сообщил Глеб: Вера с Феликсом приезжают на свиданку не 4-го, как я надеялся, а 5-го, во вторник. Но пустят ли их – так и остается неизвестным...

3.4.16., 5-35

Проклятая страна!.. Как я и опасался, банки в «ветчиной», купленные в местном магазине, оказались полным дерьмом. Россия, «Главпродукт», – ну чем они еще могут быть, как не дерьмом?! Будь они импортными – всё было бы нормально, но – импортных сейчас не достать и на воле... Крупно на них написано «Ветчина», а мелко, так, что я не сразу и заметил, – «филе из цыпленка». Казалось бы, причем тут одно к другому? – и при этом «филе цыпленка» для меня сразу же звучит гораздо подозрительнее...

Короче, внутри – сплошная масса застывшего желе; как раз то, что я терпеть не могу! Его бы разогреть, или хоть кипятком залить – было бы еще ничего, но тут кипятком неоткуда взять, увы... И в этом желе – несколько небольших кусочков чего-то, отдаленно похожего на курятину; а о ветчине и помина нет! Кое-как я съел всю эту дрянь, разложив ее на хлеб (которого еще и не хватило), но настроение было испорчено... Еще две банки этой бурды у меня есть – на сегодня и на завтра; а во вторник, если Вера и Феликс не приедут, не привезут мне 20 кг. жратвы – на ужин у меня не будет ничего, кроме отвратительно кислого серого хлеба; правда, если есть его с майонезом, то мерзкий кислый вкус не так чувствуется.

4.4.16., 10-23

Опять был долгий и какой-то гибридный шмон. Начали около полдесятого, как и обычно (до недавней чрезвычайщины конца марта). Но шмонали – как в конце марта: и мой отсек коридора, и дальний одновременно, причем в моем – и мою (нечетную) сторону тоже. Но ко мне, к счастью, не зашли.

Расписание смен тоже опять сбилось, непонятно почему. Вчера должны были, по моим расчетам, заступать быдлотатары – а сегодня в подъем оказалось, что здесь хмырь из шрековской смены (и глазок у меня в двери открыт – а его ночью открывает только он один из всех трех смен). Теряюсь в догадках...

Сегодня – «крестины» (как раз понедельник), а завтра – свиданка. Если

сегодня решат вдруг дать новые 15 суток – то Веру с Феликсом я долго не увижу...

5.4.16., 10-02

Вот тебе и свиданка... Только начался шмон – открывается дверь, стоит косоглазый быдлотатарский вертухай. Один. «Форму одежды!..» Спрашиваю, куда идти, – никуда. Одел робу – «где нагрудный знак?» – «Нету.» – «Объяснение писать будете?»...

То бишь, Вера с Феликсом к девяти утра пошли требовать свиданку – через полчаса у меня уже повод для 15 суток ШИЗО! И опять тот же самый, – бирка! Как в 2014 на 7-м бараке был безотказный повод – хозработы, так теперь здесь – бирка! Когда «крестины», не знаю, – но вчера их не было, так что вполне могут быть и сегодня. Опять, значит, голодовка... Тошно от этой мысли, но – что поделать... Хорошо хоть, Вера и Феликс узнают, сообщат всем. Если Вера получила мое февральское письмо – м.б., догадается, что я опять на голодовке. Пищу брать, значит, можно будет только с 21-го. Охренеть, какие суки, какие мрази: Хазова-Кассиа они ко мне пустили, а на положенную свиданку родственников – не хотят пускать... Мрази... Напишу несколько писем, пошлю сразу же вечером, но – когда еще дойдут...

18-47

Совершенно изумительно, однако же – 15 суток не навесили и свиданку таки дали! :) Опять, значит, я победил; опять хоть что-то хорошее. Опер, пока я одевался в каптерке и говорил с ним – спрашивал, кто и зачем сегодня утром прислал этого вертухая с регистратором – сказал, что вот, мол, комиссия только что была, но вас на нее не представили. Действительно, несмотря на раннее для «крестин» время, – начало второго, сразу почти после обеда – в коридоре стоял шум, гул, беготня, грохот дверей... и когда открывалась моя дверь, я был уверен, что это именно туда, на «крестины», сейчас и поведут. Написал уже заранее три письма – Землинскому, матери и Глебу, написал заявление про голодовку... :) Вот так бывает в жизни.

На свиданке первым делом оказалось, что не работают переговорные трубки. Как хочешь, так и разговаривай. Мне вспомнился Буреполом, Новый год с 2009 на 2010, – тоже трубки не работали, только еще и народу была толпа. Здесь – как и полгода назад – два человека зэков, но ко второму (с виду – быдло быдлом) приехали две девки, шум стоял такой, что порой я не слышал Веру вообще. Потом, где-то часа через два, эта публика ушла, мы остались одни.

Что ж, посидели, поговорили. Оба, оказывается, торопятся домой, так что моя просьба съездить по моим здесь делам особого энтузиазма не вызвала.

Всё же Феликс кое-как, не очень внятно, но что-то такое пообещал. Что ж, посмотрим, но – я не верю в хорошее, конечно. Побольше бы таких сюрпризов, как сегодня...

Вера рассказывала, как они ходят к камню [Соловецкому камню на Лубянской площади. – прим. 2020 г.], как у нее по скайпу взяло интервью – в том числе и про меня – некое украинское ТВ (не центральное, увы), говорила, что, по ее наблюдениям, скоро всё изменится, что уже больше критики, люди говорят о богатствах Путина, его рейтинг упал процентов на 20, больше стало критики вслух, и т.д. Она оптимист, короче. Я не верю, как она, что мне не придется до конца сидеть этот срок. Много мы вспоминали старых времен, я тоже что-то вспоминал и рассказывал, – про газету и пр.; сказал им наконец, что после срока будет надзор и розыск, что я даже домой из лагеря поехать не могу, освободиться, в сущности, некуда, – Вера говорит, что у нее есть на этот случай на примете какие-то варианты за городом. Что ж, дай бог, чтобы хоть за городом, и чтобы еще эти ее варианты были пригодны зимой. Феликс, оказалось, ездит в Киев автобусом, но – знает этот маршрут зерново-Суземка, сам когда-то давно его проходил, когда долго было ждать электричку. Говорит, что к концу 2019 с Украиной, скорее всего, уже будет визовый режим. Также особого энтузиазма узнавать, перекрыта ли там сейчас ж/д линия, он не выказал; но – что делать, узнаю в любом случае на месте, если придется все же топтать туда...

Разобрал в камере передачу (после того, как здесь, в ШИЗО-шной «дежурке», ее заставили всю выложить на стол – и белобрысый упырь прошмонал всё еще раз), – испытал некоторое разочарование. Конечно, Лена Маглеванная превзошла саму себя: ту рыбы в больших плоских банках, что я в тот раз ей так хвалил, – она теперь только ее и взяла, все 25 банок! :) Я запихнул пакет с этими банками в железный бак для воды, как и хотел, – что ж, посмотрим, сколько дней мне удастся удержать их тут, в камере, пока очередной шмон не найдет и не заберет их (хорошо еще, если только в каптерку заставят унести, а не выкинут или утащат вообще куда-то с концами). Есть их, конечно, в первую очередь, хотя – сырокопченую колбасу опять попротыкали, герметичность упаковки нарушена, – но, надеюсь, пару недель она полежит, ничего ей не сделается, не заплесневет. Жаль очень, что не купила мать на этот раз сандвичного хлеба (не нашла?), – хоть он и нежный, и мнется в дороге, и класть его тут некуда, а все равно – жаль, что всё, в том числе и колбасу, придется жрать с этой отвратной кислой чернягой, да даже и с серым обеденным хлебом, если его завтра начнут давать опять.

Шерстяных носков тоже, увы, не привезли – только три пары толстых

трикотажных, зимних. Это хорошо, но – не то; ладно, с прошлой передачи у меня еще лежит в бауле пара шерстяных носков. А порошок Вере пришлось забрать из передачи, т.к. он не влезал в вес 20 кг – она решила убрать лучше порошок, чем что-то из еды.

Пообщались, в общем. И пожрать кое-что я получил, как раз когда свое все полностью кончилось. Жаль, следующая свиданка через полгода. Вся надежда, что, м.б., и вправду организуют ребята нотариуса, выпишут им и Корбу доверенности – и будут все ко мне ездить без еды, но хоть с разговорами не через стекло. Очень хотелось бы. И – очень хотелось бы верить, что срыв сегодняшней новой «пятнашки» и голодовки – после того, как я нервничал три с половиной часа, метался туда-сюда по камере, как бешеный, и фактически приготовился уже морально к голодовке, к новым мучительным, бесконечным 15 дням, которые надо один за другим, с утра и до недостижимого, кажется, вечера, как-то пережить, – что это и впрямь моя победа, после того, как я голодал 15 дней, писал заявление о привлечении Асламова к ответственности за мой будущий суицид, – что от меня наконец-то отвязались эти мрази в форме, что теперь я буду сидеть спокойно, без «пятнашек», до конца срока. Хочется, очень хочется поверить в это – и успокоиться душой, расслабиться наконец... Но – я не верю, я знаю, что это не так. «Если что-нибудь у них похоже на добро, то это будет такое зло, что царь Иван Васильевич во гробе содрогнется», – как писала Новодворская. Так что – голодовки еще будут, это, увы, несомненно.

«Крестины» после обеда, видимо, были для уже сидящих здесь, – и до свиданки, и после нее шел в каптерку, смотрю – большинство камер по обеим сторонам коридора открыты, пусты. Значит, завтра, скорее всего, нагонят эзков с лагеря и забьют эти камеры...

20-00

Кстати, Вера сказала, что с заявлением о свиданке они пришли к начальству не к девяти, а к десяти или еще позже. То бишь, приход косоглазого ублюдка по поводу моей бирки где-то в полдесятого вызван был чем-то другим, какой-то неизвестной мне интригой. А потом это не пригодилось... Странно всё это, очень странно... Но кто-то ведь его послал?

6.4.16., 6-38

Как всегда и бывает, событие, к которому долго готовишься, оставляет лишь чувство разочарования. Сколько я ждал эту вчерашнюю свиданку, а... поговорить толком так ни о чем и не успели. Чувство какой-то опустошенности с утра. Всё, больше ждать нечего... на ближайшие полгода; разве что приезда ребят, если они в апреле все-таки соберутся второй раз. Да и – то, что приходилось вчера орать через два стекла, напрягаться,

прислушиваться, переспрашивать по несколько раз, – тоже как-то обесценило эту свиданку, лишило разговор той задушевности, которая могла бы быть (правда, и возможности записывать всю нашу беседу это гэбуху тоже лишило :).

Самое досадное и нелепое – что, оказывается, мать, дура из дур, в эту несчастную бандероль, которую Вера посылала мне три раза, запихнула-таки робу, которую Феликс отдавал переделывать с кнопок на пуговицы, и штаны к ней, видимо, специально купленные. Хотя я неоднократно говорил ей, что, пока я сижу в камере, роба мне не нужна, тут дают свою; штаны же, видимо, специально купили отдельно, по моей просьбе – и вот эта бандероль пропала, третий раз она уже не вернулась к Вере, но и мне ее тоже не принесли! Идиотка, короче, опять напортачила!.. Не знаешь, что делать с этой дурой, бешенство поднимается в груди, когда думаешь обо всех этих ее художествах... бешенство, но и чувство полного собственного бессилия вместе с ним! Я-то думал – привезут на свиданку штаны, будет у меня две пары форменных штанов... идиотка, короче!..

Главная теперь забота – унижительная и дурацкая – уберечь от ежеутренних шмонов 24 консервных банки, присланных Леной Маглеванной (одну вчера уже съел на ужин). Рыба очень хорошая – по моему, это лосось, – но всё равно, надоест есть ее день за днем, все 25 банок (вечер за вечером, точнее), чтобы успеть скорее съесть, пока не отняли, не заставили уволочь банки в каптерку; а колбаса, хоть и сырокопченая, но в проткнутой мразями при приеме передачи вакуумной упаковке, тем временем может начать портиться... :(((

7.4.16., 5-25

Этой ночью опять не спал последние два часа – с трех до пяти. А вчера – о, вчера опять был «большой почтовый день»! Принесли после обеда пачку писем, – от матери (к ней 26 марта все-таки приходил Мананников); от Майсуряна 125-е письмо (он мне напомнил тот кусок из «Понедельника», который я, дурак, совсем забыл, – о путешествии в будущее в третьей части); письмо и открытка от Натальи Горильской из Киева с теплыми словами – что я «сумел стать гражданином мира» и «нужен жизни». :) Три письма от Землинского, в одном из которых он продолжает ругать всех террористов – от Халтурина до Карлоса – самыми последними словами. :))) Письмо от Лены Маглеванной, мартовское, дошедшее обычной почтой, но на удивление быстро. И – той же Леной пересланное, но отдельно, тоже обычной почтой, письмо от Мани из Киева, – наконец-то!

Честно сказать, я так обрадовался самому этому факту, самой весточке от нее, что сразу же всё ей простил, в том числе и долгое молчание. Хотя дела у

нее не очень. Диагностировали, она пишет, какой-то синдром Аспергера, из-за которого у нее все проблемы с формулированием своих мыслей, с общением с людьми, с писанием писем мне и т.д. Я не знаю, что это за синдром, но догадываюсь, что ничего хорошего; с головой у нее, я заметил, и раньше было не всё в порядке. Пишет, что намучилась с этим старым козлом Логвиненко, которого, оказывается, год не могла выжить из квартиры, которую снимала, а когда всё же он убрался, то начал ей угрожать, чтобы она уехала из Украины. И еще – что он ей завидует, что она, типа, состоит в «партии, которую нельзя называть», а его туда не берут, – я так понял, что это «Правый сектор». Круто, если она там состоит. Пишет, что общается с радикальным политбомондом, но фамилий не называет. Считает дни, что мне остались до конца срока, как и в тот раз, и пишет, что для нее по-прежнему «Стомахин прекрасен во всех отношениях». :) Спасибо, Маня!

А в майсуряновских распечатках – ответ какому-то изданию (не сказано, какому) от пресс-службы пермского ГУФСИНа по поводу моей мартовской голодовки. Ничего умнее эти мрази не придумали, как соврать, что, мол, голодовка Стомахина распространяется только на лагерную баланду, но в это время он, мол, питается «продуктами, предоставленными родственниками». Лживые, подлые суки, – какие ж продукты от родственников у меня могли быть, если последняя передача из дому на тот момент была 21.9.15, а голодовка началась 29.2.16?! Эти 20 кг я пять месяцев тянул, что ли?! На самом деле, консервы кончились еще 1 декабря, если не ошибаюсь, а к концу февраля кончился уже даже шоколад, тянувшийся дольше всего.

Но это еще не все. Писал ответы на письма – вдруг приходит мразь Безукладников и выдергивает меня к психологу (той же самой крашеной девице). Загоняет, как всегда, в клетку – и достает из-под стола две бандероли в пакетах. Типа, это тоже мне. Подействовало, что по дороге на свиданку я спросил у этого КДС-ного «мусора» про бандероль с книгами! :))) Он нашел и притащил не только бандероль с Шмеманом и Солженицыным, но и... ту многострадальную бандероль, что три раза посылала Вера!!! :))) Наконец-то я ее получил; причем – без всякой записи в журнал, без учета лимита, того, «положена» или «не положена» мне бандероль. Просто поразительно, как может быть всё просто, если сперва помучиться несколько месяцев, послать три раза вместо одного... Ничего особенно там, впрочем, не оказалось. Щипчики для ногтей, – теперь за два дня у меня их вдруг стало три пары вместо прежней одной! :) Белые шерстяные носки, – опять белые!.. :(((Одна из двух пачек сгущенки лопнула – пришлось

выбросить. Ручки, тетради. Пакет с кофе мразь Безукладников сперва не хотел мне отдавать – мол, пиши заявление, чтобы положили на склад за зоной – но потом всё же отдал.

А эта дура – «психолог» – прочла-таки обо мне что-то в интернете, как я ей советовал, – Википедию, видимо – и ужасалась моим «кровавым призывам». :))) А когда я упомянул Америку – тут же выдала весь их привычный путинский набор пропагандистских клише, – в частности, про то, какой плохой Обама и о том, какие страшные пытки в некоей тюрьме, название которой она даже не смогла вспомнить (Гуантанамо, видимо). «Пытки» музыкой и видом полуголых охранниц, ага!.. :)))

8.4.16., 13-28

Водили сейчас в баню – так по коридору открыты все большие, ШИЗО-шные камеры (и одна по моей стороне коридора – тоже). ШИЗО стоит пустое, кроме одной или двух камер! Потрясающее зрелище! :) Сколько сижу тут с 2014 г. – ни разу не видел такого!.. Похоже, в ближайшие часы грядут грандиозные «крестины» – и камеры наполнятся. С 5-го апреля вроде новых провокаций со стороны мразей не было, новых явных придинок тоже, но – теперь я уже стал непроизвольно нервничать во время каждый «крестин» – после парочки совершенно не ожидавшихся мной вызовов на них... Не докопаются ли и сегодня, не впаяют ли новую «пятнашку»? Посмотрим. В последнем «The New Times», принесенном вчера, – в рубрике «ХТС» (позорное и кощунственное использование лицемерами и лжецами легендарного старого бренда!) сообщения о том, что на днях на 15 суток посажены Олег Навальный – в лагере под Орлом и Петр Павленский – в Бутырке, в карцер. Павленского – непонятно за что, но ему я сочувствую; Навальный же – вроде бы за то, что на 15 минут проспал подъем; но – этим «спасителям России» (вместо ее ликвидации!..), обоим – сочувствия нет никакого...

Похоже, между быдлосменной и Шреком опять восстановили еще одну смену, исчезнувшую еще в декабре. Позавчера, когда я днем стучал в дверь (погас ночник), подходила какая-то абсолютно незнакомая харя; а косоглазые, что по моим расчетам должны были дежурить вчера, заступили только сегодня (и то, по-моему, только один из них). Очень это здесь неудобно, когда вдруг путаются смены – и не знаешь, какая именно из этих мразей сегодня дежурит, можно ли обратиться хот с чем-то, или нет... :((

17-37

Странно, «крестин» опять не было. Всё время я ошибаюсь. :) Всегда бы так ошибаться... А из быдлотатар остался только один, а вместо его напарника – какой-то незнакомый вертухай, но, судя по физиономии, тоже

татарин или что-то вроде того.

9.4.16., 12-10

Какой классный кетчуп привезла Вера в передаче!! Со вкусом лечо, не сильно острый, с кусочками овощей внутри!.. Целых два пакета, больших, по полкило (один в камере, другой в каптерке). Теперь корки от серого обеденного хлеба можно есть с ним вместо майонеза. Обед же по-прежнему – оба блюда, первое и второе, съедаются буквально за считанные секунды, совершенно незаметно, не успеешь начать. На ужины ем теперь рыбу – лосося из огромных плоских банок, присланных в Москву Леной Маглевой, а сюда тоже привезенных Верой и Феликсом. Чтобы успеть съесть банок как можно больше, желательнее все, пока их не забрал из камеры, не заставил вынести в каптерку очередной шмон, надо бы есть их непрерывно, пока не кончатся; вот только – не заплесневела бы за это время сырокопченая колбаса, семь батончиков, тоже Верой и Феликсом привезенная! Увы, вакуумную ее упаковку при приеме попрыскали ножами, но – как показал опыт мое мартовской голодовки, при слишком долгом хранении даже целая эта упаковка не спасает (правда, там и колбаса была лишь полукопченая, но зато срок хранения был сильно превышен). У этой же, нынешней – срок хранения кончается только в июне. Я обдумываю ситуацию, но склоняюсь к мысли – и дальше есть рыбу с казенным хлебом, пока она не кончится, еще 21 день, три недели, считая сегодняшней вечер, – колбасу шмон, скорее всего, не заберет, а вот консервы – 100%, потом выцарапывай, или тайком воруй их, ходя в баню, раз в неделю, из каптерки, как это уже было в ноябре!.. Нет уж, лучше успеть побольше съесть сейчас, спокойно и без всяких унижений! Даст бог, сырокопченая колбаса выдержит, не заплесневает за эти три недели. А там – еще новая пакость ждет: в начале мая вся эта привезенная жратва как раз кончится, надо будет покупать в магазине, а одна из пятниц – 6 мая – наверняка будет нерабочей, по крайней мере, тут, в лагере и лагерном магазине!..

10.4.16., 11-52

Никак не могу успокоиться, так разгорелась опять в душе эта ненависть, боль, тоска последние два дня... да что там, последние четыре года! Так жжет и печет, так мне тошно, что я не знаю, куда мне деваться... Вот и всё, – прожил жизнь, и ничего в ней не добился, никем не стал, а освободишься в 45 лет – будешь уже стариком, уже поздно наверстывать. Поезд ушел!.. Выход из тюрьмы для меня одновременно стал и выходом на пенсию. Готовился-готовился всю юность, ждал подспудно, что будет еще какой-то зенит жизни, какой-то апофеоз ее, высшая точка, когда наконец-то раскроются все мои таланты и способности, пригодятся все знания, все

прочитанные книги (и когда читал их, важные, – тоже было такое смутное, неясное ожидание, приготовление к чему-то в душе)... А оказалось – сегодня с окончательной ясностью понял – был, был он уже, зенит моей жизни, пик ее, апофеоз, высшая точка... В 2002-2003 годах всё было, круче уже не будет. Печатался на КЦ, читали меня десятки тысяч; газету делал, которая в несколько городов расходилась; организация – по крайней мере, в виде вывески была, в виде подписей под плакатами на пикетах, которые всё же проводились довольно регулярно; и в Литве в 2003 в крупной газете меня напечатали пару раз, и в Беларусь я ездил, завязывал там контакты с оппозицией (и пригодились – Зянкович хотя бы, спасибо ему громадное за мой сайт!); и даже какие-то интервью брали у меня изредка, и ту пакостную заметочку в желтой газетенке – с фотками «РП» – напечатали в ноябре 2002, – бесплатная реклама!.. И с латышами подружился в 2003-м...

Да, это был зенит – 2002-2003 годы. А я и не знал. Всё ждал тогда чего-то, готовился, мечтал... А теперь уже ясно, – большего, чем тогда, успеха, значения, внимания мне уже не добиться (хотя и тогда не по центральным каналам ТВ, конечно, было внимание, а в основном ограничивалось всё нашей тусовкой: Люда, Женя Фрумкин, Паша, Тарасов, изредка, наездами – Глеб...). Освобожусь – не будет и такого; а в России – так вообще носа из норы не высунуть, сразу розыск и еще два года за надзор. Уезжать надо, альтернативы этому нет, но – и там ЧТО буду делать? Жить на пособие (если в нормальной стране), в казенной квартирке? ДОЖИВАТЬ? И даже когда сдохнет Путин, когда тут всё забурлит – я могу не приезжать: для меня тут поприща не найдется, все будут разве что опять при моем появлении выхватывать ЦИТАТКУ (уже 20-летней давности!!) и размахивать ею; все места во время революции с первого же ее не то что дня – часа!! – уже поделены между своими, теми, кто присутствовал на месте непосредственно в этот первый час...

В общем, не светит мне больше в жизни ничего, кончилась моя жизнь, и от этого так тошно – хоть башкой об стену весь день бейся. Никакая Наталья, на которую так уповаешь мать, не сможет мне помочь, не сможет переломить мою судьбу. «По усам текло, а в рот не попало», – вот и весь итог 26 уже лет моей политической биографии... :((((Это хуже тюрьмы, срока, это хуже всего – понимать бессмысленность и бесплодность прожитой жизни; еще имея силы и стремления – знать, что отныне ты навеки «в отставке», на пенсии, – короче, выброшен из жизни, из своего сообщества окончательно. Наверное, хуже только тем, кто, имея взрослых детей, вынужден в старости побираться на кусок хлеба и не иметь угла...

15-44

И нет никого, кому бы я мог всё это рассказать, поплакаться в жилетку, чтобы облегчить свою душу. Никого, кто бы понял... Я несу это бремя один, изнемогая под его тяжестью. Никого нет... :((Ни мать, ни Вера (еще тем летом убедился), ни Феликс... Никто и нигде... Может быть, могла бы понять Маня (и то не факт), но от Мани следующее письмо теперь – не раньше осени, к концу года... [На самом деле, писем от нее больше не было вообще до самого конца срока. – прим. 2020 г.] Никого у меня нет по-настоящему близких, даже среди считающих себя моими «друзьями», – таких, кто понимал бы меня. «Не плакать, не смеяться, а понимать»... И от этого еще тошнее, – от одиночества, от бессмысленности его, от этих мучений, духовных и физических, от той цены, которую я плачу... но за которую мне ничего не суждено получить, увы, ничего!.. Всё – зря!.. Все мои мучения – напрасны, за них не будет вознаграждения ни на этом свете, ни на том; зная это и хлебнув уже достаточно – самым оптимальным и разумным мне было бы умереть прямо сейчас, самому прервать свою жизнь, пустую, бессмысленную, никчемную, напрасную, состоящую до самого конца лишь из одних страданий... Увы, и на это я уже сколько лет не могу решиться!.. И день в тюрьме тянется бесконечно, нескончаемый этот день, 16 часов, и еще 1317 их, бесконечных, осталось... Книг полно, но мне настолько тошно, что я не могу даже читать...

11.4.16., 5-26

Опять спал только полночи, до десяти минут второго, а после этого – как обычно, не мог уже заснуть; только перед самым подъемом задремывал пару раз совсем ненадолго, минут на 10-15. Часы, проклятые, опять отстали ночью на 40 минут. Тоска, дикая тоска, боль, отчаяние в душе, – вчера из-за того, что вообще не сложилась жизнь, нет будущего; сегодня – из-за того, что так чудовищно, невыносимо долго еще сидеть, еще больше 3,5 лет, 1316 дней, 188 недель – и каждый день из этих 1316 будут эти же бесконечные подъемы, куртки х/б, решетки, стены, грохочущие двери, ежеутренние шмоны... Я не хочу так жить, я невыносимо устал, не вижу впереди ничего, ради чего стоило бы терпеть эти мучения... Я хотел бы умереть прямо сейчас, здесь, в этой камере, но... никак не могу решиться... :((((

Хоть бы Света скорее приехала. Ведь «суд» над Бубеевым в Твери у нее уже кончился...

12-45

Обсыпалась наконец-то проклятая снежная корка (частью – сегодня утром, частью – еще на днях), из-за которой я так долго сидел без дневного света, и сегодня, впервые за многие месяцы, в моей камере – солнце!.. Как давно я его не видел... Настроение от этого, конечно, поднимается, ведь на

дворе – весна!! – хотя, увы, полностью заглушить мою тоску о воле, о будущем, о моей неудавшейся, нелепой жизни не может даже это яркое весеннее солнце...

12.4.16., 17-40

Мрази, паскуды!.. Баланду стало совершенно невозможно есть: теперь не только на завтрак, но и на ужин они дают каши! То сечку, то эту белую – названия не знаю, но тоже мерзкая, клейкая, с противным запахом; похожа на перловку, только очень мелкую. [Это оказалась ячка. – прим. 2020 г.] Выкидываю, конечно, – и с ужасом думаю, что если бы не магазин и (вот сейчас, с 5-го) не передача – я бы тут голодал, голодал бы жестоко, как это было в декабре-январе... Рыбу, которую они дают, тоже выбрасываю: подумаешь, какой изыск – жареная... селедка с миллионом костей внутри! Кости хоть и мелкие, тонкие, но колются до омерзения противно, когда ешь. Нет уж, на ближайшие 2,5 недели рыбы мне и без этого хватит – по большой банке прекрасного финского лосося от Лены Маглеванной в день!.. :)

13.4.16., 12-42

Вчера вечером, уже после ужина, – неожиданно свежая почта! Два письма от Землинского (между делом он упоминает, что в Цивильске на днях, в начале апреля, опять возбудили против кого-то уголовное дело за перепост какого-то моего «открытого письма», – но не упоминает, какого именно. К Порошенко или к москалям?), от этой тамбовской учительницы Поповой (ей ответить успел еще вчера; она всё так же проповедует умеренность), и самое важное – от Сергея Крюкова из Киева! Очень короткое; ссылается он на свирепость лагерной цензуры, о которой слышал, – потому, мол, и пишет редко. Письмо еще от 14 марта; на самом деле, последнее его мне письмо было, по-моему, с год назад, или чуть меньше, на «пятерку» в Москву, а в лагерь – это первое вообще за весь второй срок. Пишет, что убежище для него рассматривается в Киеве уже 14 месяцев, но ответа так и нет. И что некоторых, кто уехал от дел по 280 и 282, наоборот, после обращения за убежищем начинают готовить к выдаче, в РФ (маразм, бред и позор!!). Советует ни в коем случае не просить в Украине убежища, – как будто у меня уже загранпаспорт в кармане, чтобы ехать в Киев!.. Ответил я ему сегодня утром, написал со слов Мани про возможность (очень для меня смутную и гипотетическую) гражданства как потомку украинских уроженцев, попросил (как и Маню) навести там про это справки, но... Ясно, в общем, что для получения на этот счет хоть какой-то информации – надо лично приехать в Украину, не меньше (и не раньше)...

Мать написала мне, что Света Сидоркина, адвокат, после своего «суда» в апреле в Твери над Бубеевым (за перепост моего текста 14 года о Крыме) таки

приедет ко мне. Но, конечно, точное число ее приезда заранее неизвестно, а тут еще обещали и ребята – плановый, так сказать, приезд в середине месяца, ибо 1 апреля был внеплановый. То бишь – опять наступил период довольно неприятного и нервного ожидания каждый день, пока что бесплодного. Плюс – тревога за то, что 20-е числа, а за ними и «праздники» потихоньку приближаются – а с ними, по всей видимости, неуклонно приближается и новое ШИЗО (вместе со стрижкой уже порядочно отросших с 29 февраля волос, – их мне только по поводу ШИЗО и стригут). Плюс – мутная тревога, чтобы какой-нибудь хамский шмон не вынес из камеры мои финские консервы прежде, чем я успею их съесть (еще как минимум две недели)... :)

18-35

Итак, ублюдки опять дали мне ШИЗО!!! На сей раз – пять суток. :) За ту самую провокацию насчет бирки, что была 5-го апреля, перед свиданкой, когда быдлотатарский недочеловек прибежал ко мне с регистратором. Значит, теперь – до вечера 18-го апреля (как раз ровно три года семь месяцев останется). Пока ничего не вынесли из камеры – и есть шанс, что и не вынесут, как в прошлый раз. Но если вынесут-таки банки – легально вернуть их назад будет уже невозможно. :((В пакете еще целых 14 штук их. Голодовку на сей раз я решил не объявлять, – срок маленький, три банки еще припрятаны (на шесть ужинов, правда, считая и сегодняшней), но – к ним нужен хлеб, а при голодовке его не будет. Да и не узнает никто – за пять суток даже до Екб, до Ромы, допустим, письмо не дойдет, а тем паче до Москвы. Конечно, это стыд и позор – не сдержать свое слово (каждое ШИЗО – голодовка!), но – в конце концов доказать этим мразям всё равно ничего нельзя, на воле не узнают вовремя, а моя цель – всё-таки выжить и по возможности – отомстить, т.к. уже не так много и осталось, чтобы сознательно умирать здесь, черт с ним, с мразями асламовыми, безукладниковыми и пр. Хуже всего – что отомстить-то едва ли удастся... :(((

14.4.16., 5-55

Итак – стало окончательно ясно, что ничего переломить мне той мартовской голодовкой не удалось. (Я, впрочем, так и думал.) Мрази в камуфляже по-прежнему дают мне ШИЗО – и в следующий раз, не сомневаюсь, это уже будут опять полноценные 15 суток. М.б, уже в 20-х числах апреля, как я прикидывал до вчерашних «крестин»; а м.б. – уже в середине мая. Но – ШИЗО так и будут продолжаться, это несомненно. И даже мое заявление о возможном суициде и вине за него мрази Асламова, читанное ими в майсуряновских распечатках, не произвело никакого действия.

От такой перспективы действительно хочется самоубиться – от полной безнадеги, ощущения тупика и невыносимого унижения, полного собственного бессилия. Хочется, хотя вроде бы на первый взгляд это и глупо: ведь жизнь одна, другой не будет, а мучиться в лагере осталось всего лишь три года семь месяцев. Но – тут же встает вопрос: а что дальше, после освобождения? Ждет ли меня там хоть что-нибудь хорошее? Увы, нет... Со всей силой встает все тот же проклятый вопрос: зачем я живу? В чем мое предназначение в этой жизни? Почти 42 года мне, а я не только не выполнило своего предназначения, но даже не сумел до сих пор понять, в чем оно состоит... :(((

15.4.16., 18-30

После завтрака – неожиданный вопрос в «кормушку» от баландера: «пойду ли я сегодня в магазин?». Ну да, пятница... Я бы и так не пошел, еда пока есть из дому, но – он (баландер), просто не знает, что у меня – ШИЗО, мне нельзя... :)

В обед – письмо от Мананникова, что очень приятно; правда – довольно короткое и сухое, хотя на все мои вопросы он так или иначе ответил.

Батарея сейчас, к вечеру, уже совсем холодная. Видимо, отопление уже всё, – выключено, до сентября. Еще до этого, днем, я вдруг замерз...

В обед – пока я его ел – вдруг погасла верхняя лампа в камере, остался только ночник. Как раз то, что надо! :)) Я, конечно, не стал никого звать, чтобы заменили, как тут обычно (и довольно часто) зовут. Сами обнаружат и заменят, а мне этот верхний свет сто лет не нужен. Боюсь только – вдруг лампа не полностью. Умерла, а загорится среди ночи? Ведь раз она не горит – я не буду просить в отбой погасить ее, как обычно; то бишь – цепь ее останется замкнутой.

Мыши-подпольщицы продолжают нахально шнырять по камере даже днем, если я сижу на месте и не двигаюсь. :)) В частности, активно тут шныряли, пока я писал ответ Мананникову; потом вдруг, как обычно, резко исчезли.

Вторая половина апреля, начинающаяся завтра, – это лучшее время в году. Снег уже стаял, асфальт подсох, но листьев на деревьях еще нет. Свежее, романтическое, прекрасное время (по крайней мере, в Москве, с ее климатом). Я не увижу его. Вот уже четвертая моя весна – в неволе; и если в «Медведкове» хоть что-то было видно в окно, то тут – ничего, только решетка и за ней – немножко неба. Вся моя жизнь разбита, загублена, каждый день здесь начинается со страшной душевной муки, тоски, ожидания шмона; однообразие, бессмыслица, беспросветность... Хочется, да, хочется верить в лучшее; но – не получается... Странно это, нелепо: с

одной стороны – жить с заветной мечтой когда-нибудь РЕШИТЬСЯ покончить с собой, умереть безвозвратно; а с другой – считать дни до воли и – втайне от себя самого – мечтать все же успеть еще хоть немножко ПОЖИТЬ, провести хоть небольшой остаточек своих дней на воле, в комфорте и покое, почувствовать хоть под конец вкус НАСТОЯЩЕЙ жизни, которой не знал никогда... Не говоря уж о желании отомстить всей этой мрази за всё, что они сделали со мной, – желании мучительном, жгучем, но которому, увы, вряд ли суждено исполниться... :(((Психологу – тому дядьке 1960 г.р. из «Газпрома», работающему тут инженером на газопроводе, а по совместительству – психологом в зоне, когда он вызвал меня вчера перед ужином, я сказал, что за всё, что они тут со мной делают, я мог бы приехать сюда с гранатометом – и начать шмалять по зоне! :) Его, похоже, это изрядно шокировало, но он быстро пришел в себя. :) Вообще, в основном, он поддакивал всему, что я говорил, и демонстрировал понимание, – видимо, их этому учат как профессиональному приему – изображать понимание (и, м.б., даже сочувствие). А также делал вид, что читал книги, которых ну точно он не читал, с чего это и зачем ему? – в частности, когда я упомянул в разговоре «О сопротивлении злу силою» Ивана Ильина. Я уже заметил, однако, что мужик он довольно недалекий, не всегда способен понять мою мысль, если она чуть сложнее среднего уровня, а когда я по ходу разговора привожу что-то чисто для примера – часто хватается за пример как за новую тему, тут же перескакивая на нее со старой, незаконченной. Не полемист он, короче. :)

На завтрак и ужин дают мерзкие помойные каши. На ужин вот уже какой день – овсянка (правда, вчера была «уха», – другое дерьмо). Я выкидываю и каши, и «рыбку-колючку» – кусочек жареной селедки с миллионом колючих мелких косточек внутри. Если бы не передача из дома и не магазин – я буквально голодал бы тут, как это реально и было в декабре-январе... :(((

Вспоминаю Маню; но, видимо, Маня – это тоже миф, который не изменит мою жизнь...

16.4.16., 6-50

Тщета жизни – вот что мучает меня больше всего, вот о чем я всё время думаю. Мы пройдем по земле – и сгинем, исчезнем так же, как квинтиллионы квинтиллионов людей до нас, за тысячи лет существования человечества. «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки». Зачем? Какой в этом смысл, если от человека ничего не остается?.. Думаю о прадеде своем, данные которого я написал недавно Мане и Крюкову – узнать об украинском гражданстве для меня. В 1943 году умер прадед (и

первым из всей семьи похоронен на Ваганькове). Я родился через 31 год после его смерти. На мне род его младшей дочери, моей бабушки, прекратится. Род же старшей продолжится: с 2000 г. у него там есть уже праправнук, у которого, скорее всего, будут свои дети, но который, скорее всего, даже не слышал об этом прадеде, умершем в 1943 году, едва ли знает его имя. (Если только на кладбище водили, как меня когда-то...) Так зачем он жил, прадед? Ради чего? Только ради биологического продолжения рода, ради потомства? А для чего живем мы все? Вспомнился почему-то Витя Анпилов, политическая «звезда» 90-х, погасшая уже в 2000-е, больше десяти лет назад; а сейчас – он вроде бы еще жив, ему за 70, но – он забыт, его никто не вспоминает, молодежи, скорее всего, даже имя его незнакомо. Да и походи-ка сейчас помитингуй, попикетируй со скандалом и матом, как его полоумные бабки в 90-е – живо признают «экстремистом», запретят и посадят!.. :) Вите повезло, что в 90-е, в эпоху его расцвета, не было еще «закона об экстремизме». Но – это именно тщета жизни, наглядное свидетельство бессмысленности ее: гремел, сверкал, был у всех на устах – а потом состарился, прошло время – и забыли; умер – и через 10-20 лет кто тебя вспомнит? Особенно если государственных постов не занимал; даже книги, оставшиеся от тебя, не гарантируют памяти, – мало ли было издано в мире ныне давно и наглухо забытых книг?.. Проходит жизнь, и всё чем живешь, что делаешь – имеет смысл, лишь пока ты это делаешь; а как только перестанешь – смысл исчезает. Отец заботится о том, чтобы вырастить ребенка, думает, что без него тот пропадет; но – вот посадили отца, прошли годы, ребенок его вырос – и уже нет смысла, хлопая крыльями, скорее лететь к нему, нет волнения, как он там выживет без тебя. Как-то устроился, как-то выжил и без тебя – ведь годы прошли... То, что я написал и считал горячей новостью для всех, страшно важным, актуальным текстом, требующим немедленного, широчайшего опубликования, – увы, не удалось из тюрьмы так срочно опубликовать; прошел месяц, другой, третий – и вот мне уже всё равно, опубликован этот мой текст, или нет. Актуальность его выветрилась, он уже не горячий, всё остыло – и он, и я; так вот время сводит на нет все наши планы, заботы, мечты, желания. Прошли годы – и не осталось ничего. Тщета жизни...

Так и остался я на этой неделе без бани. :) Вчера, в ЕПКТ-шный день, пятницу, не повели, т.к. у меня же ШИЗО. А в ШИЗО-шный день – вторник – ясное дело, не водили, потому что ШИЗО у меня только со среды. :)) Еще неделю теперь ждать.

17-30

Принесли после шмона четыре газеты и два журнала. Весь день сижу

читаю. В «Новой» – упоминание (в специальной рубрике, которую «Новая» тоже ввела) о «суде» над Бубеевым в Твери. Но – разумеется, моя фамилия даже не упомянута, обвинение – говорится в заметке – «перепост чужой статьи» (и карикатуры). Суки!..

Там же, в «Новой» – сенсационная для меня инфа, что Минюст якобы уже отправил во ФСИН распоряжение о выдаче Сенцова, Кольченко и еще двух украинцев Украине! Поразительная новость, не могу пока даже поверить... Но – дай им бог домой!..

И – в «Новой» и в «НТ» говорится, что по «болотному делу» 2012 года арестован какой-то новый парень, – привезен самолетом из Астрахани (!). Ибо сам астраханский, а 6 мая 2012 был на Болотной административно задержан и потом оштрафован на 1000 р. Плюс к этому – «Новая» добавляет, что сейчас «следственный комитет» (мрази! Только убивать их, только убивать!!!) изучает все административные дела за тот день на Болотной, чтобы за их счет расширить это долгоиграющее уголовное дело. О принципе non bis in idem никто даже и не вспоминает; но главное – не попал бы под эту раздачу Женя Фрумкин, который там был в тот день не просто свинчен, но и отсидел 15 суток!.. Хотя – пиар это для него будет офигенный, если ему будут мотать это дело уже как уголовное.

Когда же наконец развалится, сгорит, сгниет, сгинет, провалится в тартарары, превратится в радиоактивный пепел это проклятое государство, эта мразь Россия со всеми мусорами и со всем быдлом, ее населяющим?!?!?! И – боже, кто бы знал, как мне хочется, пока я еще жив, самому, лично приложить руки, ум, способности и всю мою ненависть к этому святому делу – возмездию этой проклятой стране и прекращению ее существования навсегда!..

17.4.16., 12-05

Какая-то мразь из одной из этих шмонобанд, ежеутренне здесь ходящих, каждый раз, каждые три дня – как заступает на смену и утром приходит со всей бандой шмонать – выходя после шмона из коридора, с силой пинает мою дверь. Или, м.б., ударяет кулаком. Ничего не говоря при этом, – просто сильный удар, от которого я вздрагиваю. Интерпретировать, ЧТО именно данная мразь хочет сказать мне этими регулярными ударами в дверь, – ну, возможно, читала обо мне в интернете, например, и таким способом выражает свое ко мне негативное отношение на основе прочитанного – абсолютно не хочется и не интересно. Но – наверняка многие на воле, в том числе и читатели моих лагерных дневников, будут пенять мне за то, что я не считаю вертухайскую камуфляжную нечисть за людей (действительно, категорически не считаю!!) и утверждать, что – нет, мол, они таки «тоже

люди»...

Батарея, к моему удивлению, порой все-таки еще становится чуть-чуть теплой. Но – это уже последние дни, конечно. А верхняя лампа в камере, к моему удовольствию, действительно сдохла, – сегодня в подъем косоглазая быдлотатарская харя стала ее включать, ничего не вышло, – харя хмыкнула – и ушла. Я боялся, что по своей инициативе сейчас вызовет зэка-электрика, но – нет. А смена уже другая. Хотя бы сегодня-завтра есть надежда пожить еще без этого бешеного фонаря на потолке, будь он проклят!..

18.4.16., 18-07

Просто великолепно!.. :)) Вертухай открывает сегодня «глазок» в двери – и спрашивает, пойду ли я на фолуорографию! Видимо, подействовало-таки мое январское заявление об отказе от всех плановых осмотров. За отсиженные 8,5 лет – это первый раз, когда меня СПРАШИВАЮТ, пойду ли я на «флюшку», а не просто грубо командуют идти туда немедленно. Я отказался, естественно.

Вот и истекли мои пять суток. Повезло – на сей раз они обошлись без единого шмона. Осталось мне 1309 дней, ровно 187 недель. На улице солнце, весна, апрель, лучшие дни в году. Зимой мне было все равно, что там, за окном, – но весна не оставляет равнодушным, еще больше обостряет тоску и чувство неволи. Жизнь прошла, промелькнула, а впереди – впереди нет ничего, увы. Для чего жить, даже если я выживу здесь, – неизвестно. Просто так, без цели... немножко пожить по-человечески напоследок. Вот к чему свелось всё... все туманные мечты о счастье и честолюбивые планы юности. :(((Силы еще есть, а – перспектив уже нет. Читаешь газету – жизнь идет своим чередом, но... мне в ней места так и не нашлось...

В камере стало ощутимо холодно, батарея – практически холодная. Еще не такой колотун, как в сентябре того года, но – руки, ноги и нос у меня уже вполне явственно мерзнут. Всё лето придется ходить в шерстяных носках?.. :))

19.4.16., 8-05

Черт его знает, когда тошнее было здесь сидеть – когда я три месяца не видел дневного света из-за этой снежной корки за окном, или сейчас, когда с самого утра в окно бьет солнце, так призывно манящее, напоминающее о веснах, пережитых в счастливом детстве и юности, напоминающее об утраченной жизни...

НЕ-ВЫ-НО-СИ-МО !!! НЕ-ВЫ-НО-СИ-МО !!! НЕ-ВЫ-НО-СИ-МО !!!

20.4.16., 6-00

Вчера опять был день сюрпризов, точнее – одного сюрприза. После обеда, услышав за дверью произнесенное вертухаем слово «правозащитники», я

решил, что приехал Исаев из пермской ОНК. А оказалось – приехали ребята, Г. и Р.! Страшно досадно было, что пустили их только уже в полчетвертого, даже позже, но – они рассказали, что, во-первых, попали очень неудачно: с утра у «мусоров» шло совещание с каким-то приезжим ФСИН-овским начальством, так что пришлось сперва полдня ждать, а потом еще и прорываться чуть ли не с боями; во-вторых же – сами они ко мне сегодня идти и не планировали, а приехали как группа сопровождения этого психолога, которого они мне рекомендовали еще в марте – по фамилии, кажется, Халяпин – и о котором я писал заявление и говорил с местным «замполитом». Психолога не пустили, естественно, – и ребята должны были вдвоем удостоверить этот факт как свидетели для последующего обжалования в «суде». А уж после того, как его не пустили, они, пользуясь случаем, пришли ко мне сами.

Поговорили мы неплохо, но только всё же коротко, конечно. О давней моей просьбе Г. сказал, что она наконец выполнена, – но у меня есть все основания сомневаться в этом. Подтверждений пока нет, а на слово верить – увы... :((Половину всего, что нужно, я таки забыл ему сказать (про подписку на прессу, в частности) – придется опять писать письмо. Нотариуса тоже пока не привезли; но, по словам Г., Вера сказала ему, что все равно, даже если будет доверенность, она теперь сможет приехать ко мне не раньше, чем через полгода, как раз к следующей свиданке; а Корб – что вообще не собирается ездить, а доверенность, оказывается, нужна ему просто для того, чтобы что-то писать обо мне. Какая скотина, просто нет слов!.. Меня сразу же, как я услышал это, охватило громадное желание не давать ему никакой доверенности вообще...

Спал ночью неплохо, хотя – по камере колобродила мышь!.. :)) Первый раз я застал ее сидящей в оставленной мною на жестяном баке для воды пустой консервной банке из Финляндии, которой она гремела. :) Вылизывала она эту банку, что ли, – уж и не знаю, т.к. есть там ей явно было нечего. Я встал, накрыл банку толстой промасленной газетой, на которой по вечерам ем эти консервы. И, лежа, не в силах заснуть, – наблюдал безуспешные попытки мыши добраться до банки. :) Запах, понятно, ее притягивал; она ныряла в газету, шуршала в ней, потом вылезала, потом вылезала обратно – но приподнять газету всем своим тельцем, чтобы влезть в банку, никак не могла. Ей это надоело, и она пошла обследовать пол, а потом исчезла совсем. Думал – не засну до утра, но, к счастью, удалось заснуть, хорошо, крепко, надолго – и увидеть дурацкий сон, главными героями которого были я и – почему-то – Вера. :)))

Да, ведь «и псу живому лучше, чем мертвому льву». Я еще вчера хотел это записать, не успел. Что ж даже и для 45 лет, которые мне будут после освобождения, я всё же ещё неплохо сохранился. Зубов, правда, почти нет... но это ерунда – зубы. Волосы зато есть, не вылезли совсем, как у многих. :) Здоровье не очень, нога не в порядке, много ходить уже не могу, – что ж, особо и некуда будет ходить. Главное, что я не пью, не употребляю наркотики, как большинство русского быдла, – мое здоровье не подорвано этим. На воле я хоть от этого, как они, не буду страдать. Если бы выбраться из этой проклятой страны, устроиться, как Лена Маглеванная в Финляндии, в казенной квартирке, иметь пособие... Что ж, на кусок хлеба будет, а больше мне и не надо. Главное – чтобы, кроме хлеба, хватало еще и на безлимитный интернет... и буду жить в интернете. А что мне еще остается? Все-таки со всеми этими мытарствами – кое-кто будет помнить меня в России, не так же просто обо мне писали «Грани», «Каспаров», Радио Свобода (вчера Глеб привез распечатку репортажа Хазова-Кассиа). Можно восстановить сайт, можно вести блоги и фейсбук; интернет – это то, чего не было у диссидентов и революционеров прошлого, ни у Герцена с Бакуниным, ни у Сахарова с Еленой Георгиевной Боннэр. Будут меня читать сто человек – ну и черт с ним, пусть хоть сто! Колумнистом в крупных изданиях мне не быть, это ясно, – но это же не значит, что я не должен мыслить или публиковать свои мысли хотя бы в личном ЖЖ или фейсбуке! Уж этого-то мне в свободном мире никто не сможет запретить – после того, как я за это самое отсидел 12 лет в России! Да и пробиваться хоть в прессу, хоть в издательства со всеми своими (устаревшими на 15-20 лет) материалами мне никто запретить не может, хоть я и знаю, что это бесполезно. Просить и предлагать-то себя не запрещено. Что ж, буду жить, как живой пес, – никем не стал, буду доживать, имея только аккаунты и сайты в интернете да 12 отсиженных лет за плечами. Доживать... Я-то знаю себе цену, а если ОНИ не смогли меня по достоинству оценить – что ж тем хуже для них. Было бы немножко денег на жизнь – и всё будет в порядке. Голова вроде пока работает, книжек я прочел немало, формулировать свои мысли на бумаге, надеюсь, и после 12 лет неволи не разучусь... Что ж, что не сбылись мечты, не сложилась жизнь? Что с того, что я никем так и не стал? Умереть тоже не сумел – значит, надо как-то жить, тащиться дальше по этой опостылевшей жизненной дороге, – до самой смерти... Как –нибудь проживу и в забвении, в неизвестности, вдалеке от всего того, что определяет судьбы мира и жизнь людей... Горько, тошно, что всё так вышло, что жизнь прошла зря и что теперь осталось лишь доживать кое-как, – но делать нечего, других вариантов у меня нет. Мои идеи не в чести, мое время

прошло, мне уже не догнать ушедший поезд... Буду просто писать бесплатно свои мысли в интернете, как писал их, будучи еще молодым, до всех этих арестов, – закончу тем же, с чего начинал. По усам текло, а в рот не попало, эх!..

19-15

27 апреля мне останется 1300 дней. 5 августа – 1200. 13 ноября – 1100. 22-го февраля будущего года – 1000 дней. Я всё уже рассчитал заранее. Мне есть чего ждать: эти даты для меня – как вехи, расставленные на всем протяжении длинного, бесконечного года...

У меня есть кое-какой интеллектуальный потенциал, – все-таки, как-никак, высшее образование, немало я в жизни прочел, немало и сам написал; и даже – без всякой моей просьбы – Шестков решил издать мо письма и некоторые статьи отдельной книжкой...

Но, мне кажется (а точнее, на 100% ясно!), что, если я доживу до воли, вопрос будет уже не на интеллектуальном уровне, а на чисто физическом, бытовом: чтобы было что поесть и где голову преклонить, хоть какие-то деньги на жизнь. А уж о каком-то моем интеллектуальном участии в чем бы то ни было, о какой-то моей (тем паче) дальнейшей публичной политической деятельности – не будет идти даже речи. Не потому, что я сам этого не хочу, а потому, что такой возможности просто не будет мне предоставлено жизнью. Посты в блогах, комментарии на форумах – вот и всё, что останется мне от дела, которому я отдам в 2020 г. уже 30 лет жизни. Жалкий финал!..

21.4.16., 12-15

Мрази опять явились сегодня шмонать на час с лишним позже, уже где-то без четверти 11. Шмонали ШИЗО, а м.б., и дальний конец коридора тоже, но ко мне, слава богу, не зашли. Банок из Финляндии в баке для воды осталось всего лишь пять штук. :)

Писем, если не считать мананниковского заказного, нет уже с 12 апреля...

Страшной проблемой последние дни (недели?) стал проклятый зуб – резец с левой стороны, сверху, давно уже, года два, если не больше, вылезший из десны чуть не на метр. То, что он безобразно торчит, не так уж видно, он прикрыт губой. То, что он слегка шатался уже давно (как вылез), а теперь шатается уже вовсю – тоже бог бы с ним. Но – теперь он начал болеть от каждого прикосновения в процессе жевания, языком или верхней губой, которая его, ясное дело, чуть-чуть прижимает, – и мешать есть! Причем мешать настолько сильно, что я каждый раз испытываю шок, начиная обедать. Казалось бы, суп и жевать не надо, – но почему-то именно когда я глотаю суп (или еще что-то, – кашу, допустим) с ложки, боль сильнее всего.

Когда откусываю бутерброд другой, правой стороной и ею же жую – этот чертов зуб страдает меньше, почти не болит, а вот еда с ложки превращается в мучение. Ясно, что со временем он выпадет, раз уж сам по себе стал так сильно шататься, – но когда? Сколько мне еще придется терпеть эти дополнительные мучения?.. А выдрать его вручную – страшно даже представить, какая боль!..

14-25

Глеб дал мне в последнюю встречу и ответы на свою жалобу в прокуратуру по поводу меня, посланную в конце марта. Ответы не только из прокуратуры, но почему-то из ГУФСИНа. В нем, кроме того, что, разумеется, их «проверка» по жалобе не выявила никакого нарушения моих прав и никакого предвзятого отношения ко мне администрации ИК-10 (ну кто бы сомневался!..) – про меня, уже полгода сидящего в одиночке, сказано, что я, оказывается, «отрицательно влияю на других осужденных»!..

23.4.16., 5-30

Вчера – очередной бурный день. Сперва, во время утреннего шмона, принесли пачку писем. От матери – одно из трех, уже написанных за апрель; от Майсурия, №127 – просто короткая сопроводилка к письму Лены Маглеванной и ее фоткам с вильнюсской конференции в марте, – но дело в том, что нет 126-го письма!! То ли опять принесут позже, как уже было, то ли – опять его украла оперчасть... Три письма от Землинского и – апофеоз! – короткое письмо от Шехтмана из Киева, где он, кроме восхищения тем, как я героически тут держусь, высказывает мне и извинения. За что – не уточняет, но ясно, что за ту свою хамскую тираду обо мне в июне (?) 2013 г. Что, мол, для «оппозиции» в России самоубийственно было бы защищать ЛГБТ и Стомахина, что защищать меня можно разве что как сумасшедшего, который сам не понимает, что пишет, и т.д. Не цитирую, дословно уже не помню, но смысл был именно такой. Хорошо, что хоть теперь он изменил мнение и счел необходимым за этот хамский наезд извиниться. А попутно я отметил, что теперь здешняя цензура, ставя свои штампы на конверты, перестала указывать на них даты. :) Чтобы труднее было отслеживать, сколько времени письмо провалялось у них, ясное дело.

Только начал писать ответ Майсуриану – приходят: прокурор желает меня видеть! Опять тот молодой прокурор, что как-то приезжал уже в том году, по жалобе матери. Сейчас, оказывается, ему прислали мое мартовское заявление об ответственности мрази Асламова за мой возможный суицид. И – кто же прислал? – некий член ОНК Свердловской области (!) по фамилии Калинин. Ясно, что это с подачи Глеба; хоть я и не ожидал такого развития событий, но – пускай; визиты прокурора, по идее, всё же должны напрягать

местное начальство. Хоть я еще и жив, но он приехал разбираться. :) Говорил я с ним долго, но записывает он всё настолько кратко, что из его записей, ясное дело, мне не светит ничего. Если просто написать, что мне, мол, дали пять суток за отсутствие бирки, а я с этим несогласен, при этом ничего не упомянуть о той сознательной провокации с видеорегиистратором, что была предпринята 5-го апреля, – то, ясное дело, я нарушитель и мне правильно дали ШИЗО! И так все их «проверки» и видят ситуацию, итог предсказуем заранее. Я сказал ему о том, что его коллеге, приезжавшему 16 марта (по голодовке), я дал гораздо более подробные показания, посоветовал их найти; а также спросил у него, куда вывозят отсюда на крытую тюрьму. Он ответил – в Челябинск. Что ж, теперь ясно, что меня ждет – и, скорее всего, не позже конца года...

Только сел обедать – являются опять: к психологу! Тот же дядька, газпромовец. :) Пока я рассказывал ему о родственниках и предках, спорил с ним об Украине и Америке, о деле Савченко и ее дальнейшей судьбе, пока мы вспоминали совок и т.д. – баланду жрать потом пришлось холодной, увы. Лишь одна его фраза меня поразила: вопрос, мол, согласился бы я, если бы, как досижу нынешнее ЕПКТ, выпустили бы в лагерь? Я ему ответил, что это абсолютно несбыточный вариант и что меня, не ожидая конца ЕПКТ, скорее всего отправят на тюрьму в Челябинск. Так и будет, я не сомневаюсь; но – говорил ли он чисто от себя, просто любопытствовал, или же это ему поручили спросить у меня? Как-никак, прокуроры ко мне зачастили.. Нет-нет, такой вариант при любом малейшем размышлении представляется совершенно невероятным!..

Разболелась ночью башка – и, хоть и не особо сильно чувствуется, но будет болеть сегодня весь день, до следующей ночи и сна, т.к. таблеток-то нет, они в сейфе...

Да, Маглеванная написала мне, что нашелся Михилевич!! Причем – не говорит, где был столько времени; отговаривается, что, мол, переезжал с одной квартиры на другую (десять месяцев?! Бред какой-то...), а на связь не выходил, т.к. не думал, что он кому-то нужен. В своем репертуаре, короче, продолжает чудить. Но теперь хоть появляется надежда, что сервер marsho.net и мои сайты на нем будут восстановлены.

24.4.16., 5-40

Жестокий отходняк!.. Когда есть что почитать – самозабвенно читаешь (вчера весь день – газеты), когда есть письма – с упоением отвечаешь на письма... Когда же это всё кончается – уже с первой минуты, только проснувшись, опять мучительно вспоминаешь всё: и где ты, и почему, и как много дней (1303) еще осталось...

Сегодня уже десятый (!) день, как перегорела лампа на потолке и я сижу без проклятого белого света, кайфую при одном ночнике. Но, боюсь, эта лафа скоро кончится...

8-17

Теперь я всё время буду думать, что меня ждет еще и Челябинск... :(((

11-42

На завтрак – овсянка, и на обед – овсянка, мерзкая, несъедобная размазня. Выбросил, конечно. Да еще и хлеб на обед – сегодня вдруг опять черняга, давно не было! Так бы я хоть корку погрыз... Таким образом, я опять голодаю, несмотря даже на то, что еще остались продукты из передачи (вся колбаса и шесть банок рыбы). Получается, из баланды я за весь сегодняшний день поел только суп в обед, т.к. на ужин наверняка будет или «уха», или еще что-либо столь же несъедобное. Или третий раз за день – овсянка!.. :)))))) Видимо, только она одна у них и осталась, ничего больше нет – ни гороха, ни картошки, ни гречки, ни даже сечки. Есть перловка – была вчера на обед...

17-45

Никак не ожидал, но – ужин оказался съедобным: картошка! :) С диким количеством воды в тарелке, разумеется. И кусок селедки, – я, конечно, выкинул его: хватит с меня и хорошей рыбы каждый вечер, вот уже три недели, из Финляндии. Смешно самому: поешь немного, выпьешь горячего чаю – и кажется, будто жизнь налаживается. Это иллюзия, конечно же.

Зато – библиотекарь за весь день так и не появился, хотя – воскресенье, должен быть. Уже вторую неделю. И не то что ко мне не подошел, а – по моему, вообще не было его. На будущую неделю у меня не хватит чтения, остался лишь Шмеман и один библиотечный роман. Опять предстоит маяться от безделья по 16 часов, целыми днями... :(((

25.4.16., 5-13

Опять мало спал этой ночью – из-за проклятых мышей, которые носились тут по камере уже вдвоем. Разбудили меня беготней и шебуршанием (м.б., даже два раза) – а потом, всю вторую половину ночи, я уже не мог заснуть. :(((

Предстоит еще один бесконечный, мучительный пустой день. Сильно тоскую по М. Осталось еще 1302 дня, ровно 186 недель...

15-25

Приходила только что опять какая-то мразота в камуфляже: «На флюорографию!». Я не пошел, естественно. Рано обрадовался, что легко обошелся отказ: видимо, будут докапываться и вынуждать, как зимой (в том еще году?) вынудили-таки пойти откатать еще раз пальцы для личного

дела...

Я хронически недоедаю и недосыпаю здесь. Перед его приходом – отключился, задремал, уперев голову в ладонь, а руку – локтем в стол. Потом отчего-то – не знаю даже, что именно меня разбудило – подскочил вдруг, как встрепанный, внутри всё дрожит... Недоедаю, недосыпаю, мучаюсь и подыхаю... В самом деле, измучился, измотался за эти последние восемь месяцев хуже, чем за весь этот период – полсрока. С изумлением вспоминаю карцер на московской «пятерке»: да неужели это правда было – три с половиной месяца, когда еды было вдоволь (почти всё время), шмонов не было, днем можно было лежать, свиданки с матерью были каждые две недели?!. Действительно, лучший период за весь срок мне тогда выпал. А что теперь? Что впереди? Боже, неужели и впрямь придется ехать на тюрьму в Челябинск?!!

26.4.16., 12-05

Опять долго, упорно шмонали всех – сперва дальний конец, где ПКТ, потом, уже около десяти часов, начали и ШИЗО. К счастью, ко мне все-таки не зашли, а – я уже был уверен. Не опоганили мою душу на этот раз. Где я, кто я, что я сделал за жизнь, что видел, слышал, написал, сочинил, чего достиг, что сформулировал – я разом все это забываю, вся моя жизнь куда-то отлетает от меня, когда я стою в коридоре лицом в стену во время шмона в камере. Со всеми моими идеями, текстами, опытом – я просто беззащитный кусок мяса перед ними – этими мразями в камуфляже...

27.4.16., 5-35

Вчера в ужин после баланды и чая баландер вдруг протягивает мне в «кормушку» пачку писем! От Майсурия – №126, которое я уже считал пропавшим, и №128!! От матери; от Землинского свеженькое. И – три моих последних письма всё к тем же – матери, Землинскому и Майсуриану, – и на каждом карандашом написано: 2 руб. Ну да, письма по России все-таки подорожали на 2 руб. с 17-го апреля, в очередном письме Землинский об этом пишет – и прикладывает дополнительные марки для оставшихся у меня его конвертов. А еще – забыл – была вчера и короткая открытка от Лены Маглевой, – от 25 марта, шла опять целый месяц.

Вот такие дела. Следующие письма, очевидно, будут уже только после «праздников». Проклятые мыши своей возней и беготней опять полночи не давали спать – проснулся последний раз без чего-то три (без десяти?) – и больше уже не мог заснуть. Вчера на ужин наконец-то начал есть колбасу из передачи; она ничуть не испортилась. Но – придется по полбатона, с местным плотным хлебом это будет посытнее, чем с сандвичным, как я ел в Москве и тут в СУСе после прошлой передачи в сентябре 2015-го. Если есть

по полбатона – мне как раз точно хватит до 13-го мая – ближайшей пятницы после «праздников», когда можно (?) будет что-то купить в магазине; если же по целому батону – то хватит только до 6-го мая, после чего целую неделю ужинать будет нечем (а магазин 6-го мая наверняка будет закрыт).

Осталось мне сегодня ровно 1300 дней...

6-47

Самое омерзительное – стал сейчас просчитывать по своим записям письма мои к Майсуряну, – к нему не дошло мое письмо от 17 марта, где было второе письмо к Наде Низовкиной!.. Ярость охватывает, когда вновь и вновь осознаешь это: пишешь-пишешь – и половина писем не доходит!.. 17 апреля, когда он писал мне 128-е письмо, последнее полученное от меня, которое он упоминает – это письмо от 10 марта. А от 17-го – за целый месяц, до 17 апреля, не дошло, то бишь – уже и не дойдет, это ясно!.. Так же как и на 17.4.16 еще не было у него и моих писем от 6.4.16 – ему самому, Маглеванной и Мане; тут еще возможна какая-то надежда, хотя – и 11 дней долго, за неделю тут письма отлично доходят... Тоска и безнадега...

А в общем-то – ясно, что жизнь прошла, впереди ничего не светит. Тоска...

13-30

Опять «крестили» кого-то, мрази, и причем, как я понял, не в ШИЗО даже, а в ПКТ, – и из-за этого задержали уже не ужин, как обычно, а – обед! При мне, с 2014, такого еще не бывало. Причем нехило так задержали – почти на два часа, до начала второго. Я ждал, что «крестины» будут после обеда, – слава богу, они уже позади, меня не тронули, ждать и нервничать больше не нужно. Если продержусь еще два дня – завтра и послезавтра, четверг и пятницу – то у меня есть шанс пережить «праздники» все-таки без ШИЗО...

На обед по-прежнему черняга. Уже дня три или четыре, не помню точно. М.б. и больше.

18 мая, 5 августа, 13 ноября – вехи, которые еще ждут меня в этом году...

28.4.16., 7-10

Вот и доел я последний сухой торт, привезенный из Москвы Верой и Феликсом. Завтра будет уже нечем завтракать (казенный завтрак – по-прежнему овсянка, тоскливая и бесконечная...). Торт этот лежал у меня в коробке от торта из местного ларька, еще мартовского, а коробка была увязана в полиэтиленовый пакет с ручками. Но – в пакете оказалось отверстие, хоть и небольшое, и ночью туда, в пакет, забралась мышь!! :))) Проснувшись около 12 ночи, я услышал какое-то уж слишком интенсивное шепуршание в углу – за тумбочкой и за баком для воды, как я сперва подумал. Подхожу, всматриваюсь – никого. Не сразу я разобрал, что это не за, а в самой тумбочке. Стал среди ночи доставать оттуда всё, что там лежало –

и, смотрю, эта тварь бежит внутри пакета по коробке от торта, причем – даже в такой ситуации умудряется не даваться мне в руки, когда я хочу ухватить ее пальцами сквозь пакет! Слава богу, что она залезла только в пакет, а не в саму коробку – и не сожрала мой последний сегодняшний завтрак! :) – только потому, что я предусмотрительно завязал открытую коробку в пакет.

12-27

Проклятые мыши, как выяснилось, погрызли у меня в тумбочке и колбасу – один батон из оставшихся шести. Оболочка посередине батона продырявлена (как и пакет, в котором колбаса лежала) – и из середины батона выгрызен кусок, – к счастью, небольшой. Нот всё равно, теперь придется и колбасу, и всё съестное, что пахнет и может быть прогрызено (т.е. почти всю еду!) прятать на ночь в жестяной этот бак для воды, где я держал консервы, – уж туда-то мыши не доберутся.

Пока это писал сейчас – забрали тарелки, закрылась «кормушка», после чего я услышал, как белобрый упырь назвал в видеорегиистратор дату и мою фамилию – и открыл «кормушку». Я обернулся – а он заглянул в «кормушку», держа регистратор так, чтобы снимать внутренность камеры, ничего не сказал – и захлопнул!

Что это было? Очередная провокация с «нарушением формы одежды», несомненно! Суки, мрази, тупые свинские ублюдки! Не сегодня – так завтра будут «крестины» (а м.б., и сегодня) – и вот опять, и не пять суток ШИЗО, а опять все 15! Мрази... Я так и знал, что на их е...чие «праздники» я опять получу ШИЗО – и вот оно, пожалуйста! Я сижу в свитере, без робы, и даже рукава свитера закатаны (ем и пишу – всегда так). Не без бирки – так без «куртки х/б», все равно предлог для ШИЗО!.. :(((

На обед наконец-то дали серый хлеб вместо черняги. И – «кисель», слегка подзабытый с тех пор, как его перестали давать по три раза в день...

13-49

А м.б., он заглянул просто проверить, не «сплю» ли я, не лежу ли на столе? Самое омерзительное и мучительное здесь, в этом аду – долгая, томительная, мучительная неизвестность, тянущаяся дни, а то и недели. Пусть бы грянул гром, сверкнула молния, разверзлась земля и поглотила... – но только сразу, вот прямо сейчас, если уж так назначено, если это всё равно неизбежно!.. Но нет – неизвестность и предчувствия худшего вымотают тебе всю душу, доведут до белого каления... Вспоминаю, что так же вот было мучительно ждать в неизвестности, просыпаться каждое утро – и холодеть от ужасных предчувствий, от ожидания беды – 15 лет назад, в 2001, после первого обыска у меня 13 февраля. Тогда обошлось, даже вещи вернули – но

вот уже десять лет, как я живу в этой сбывшейся беде из самых худших моих тогдашних ожиданий... Лучше уж сдохнуть сразу, чем эта пытка – ожиданием худшего!..

29.4.16., 18-10

Что творят, мрази!.. Кишки бы выпустил всем этим ублюдкам в погонах!! Так и остался я сегодня без магазина, хоть он мне и положен, – сейчас, в ужин, баландер принес обратно мое утреннее заявление: некому было его, видите ли, за весь день подписать!..

Еще в час дня, когда вели меня из бани, встретил в коридоре завхоза, только что вошедшего с улицы – и он мне сказал, что четыре заявления – со всего ЕПКТ, не только мое – у него еще даже не подписаны, т.к. никого из начальства нет, а магазин пока что закрыт (ну да, я знаю, что там перерыв с 12-ти до 2-х). Придя в камеру, я как-то позабыл об этом, по прежнему опыту будучи уверен, что проблема вовремя разрешится, после конца обеда в магазине. И только полпятого где-то вспомнил – и понял, что уже ничего не будет, раз нет до сих пор, – а магазин всего-то работает до шести... И точно. Хотя утром, еще до шмона (которого сегодня – исключительный случай! – вообще не было, хотя я, наученный горьким опытом конца марта, ждал аж до 12-ти), я явственно слышал в коридоре голосочек мрази Безукладникова, который трудно с кем-то спутать, – но потом данная мразь куда-то исчезла и, видите ли, не сподобилась даже подписать мое заявление, поданное, как всегда, еще в подъем, в пять утра...

В общем, маразм, полный бред, – как и всё и всегда в этой стране идиотов... Проклятая страна, как же я ее ненавижу!!!! Хорошо, что есть еще пять с половиной батонов колбасы из дома, четыре банки рыбы из Финляндии, около полутора пачек майонеза из дома же... С ужинами я продержусь до конца их е...чих «праздников», до 13-го мая. Плохо, что совсем ничего нет на завтраки, – всё, что привезли Вера и Феликс (сыр, «Виолу», сухие торты), – уже кончилось. Я прежде всего именно сухих тортов на завтраки и хотел себе сегодня купить, – ну, или хоть каких-нибудь паршивых пряников, как уже один раз было, или хоть вафель, если б тортов не оказалось. М-да, вот тебе и поужинал (на ужин сейчас, конечно же, была «уха»...), и позавтракал... :(Питаюсь тут реально два раза в день: обед (сегодня его привезли аж в пять минут 12-го вместо обычных 25-30, – совсем охренели, суки!..) и в свой личный ужин после отбоя, в девять вечера. Хоть завтраки были одно время, хоть и ненадолго ими наедаешься – все же какая-то поддержка. Теперь нет и завтраков, а привозят – одни вонючие мерзкие каши, вроде овсянки, либо той «мелкой перловки», не знаю ее научного названия. И – неизвестно, будет ли магазин работать и в

следующую пятницу, 6-го мая, – между этими погаными «праздниками», 1-м и 9-м, тетки-продащицы и бухгалтерши вполне могут устроить себе каникулы. Скорее всего, так и будет, ибо уж их-то заведение – точно не самое востребованное в лагере. То бишь – я без завтраков минимум до 7 мая, а скорее – до 14-го... :(((((((

С духовной пищей тоже большой напряг. Если ублюдок-библиотекарь и в третий раз – 1-го мая, в воскресенье – не придет или не подойдет ко мне, как уже делали его предшественники, то – все эти «праздники» я сижу без чтения, то бишь – самым форменным образом схожу с ума. Прессы тоже нет – и все эти дни, до 10-го, ясно, не будет. Около 100 страниц осталось мне дочитать в последней еще не дочитанной библиотечной книжке, плюс – около половины осталось от присланного по своей инициативе Землинским дневников обожаемого им протоиерея Шмемана (ужасного мракобеса, как я из этих дневников понял). И – всё; больше не десять с лишним дней вперед читать нечего. Остается лишь сидеть по 16 часов в день наедине со своими горькими мыслями (о том, что жизнь, увы, прошла...).

Просыпаешься, когда нет никакого читива – и, еще лежа на нарах, с ужасом думаешь: господи, что же я сегодня буду делать ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, 16 часов?!?!...

30.4.16., 6-39

Уже в подъема хочу есть, а – есть нечего. Завтрак – сечка, черняга, холодный чай...

Недосыпаю, голодаю, мёрзну... Ради чего всё это? Все эти зряшные мучения – зачем они, ради чего??? Ведь ничего не будет, никакого вознаграждения за них, никакой компенсации, даже моральной... Тщета и маета жизни... Так ничего я и не добился, так и сдохну никем. Мучился – по собственной глупости, только поздно понял, что я совсем не из того теста, из которого бывают герои и кумиры толпы. Мне на роду написано совсем другое: быть неудачником во всем... :(((

9-40

Мрази е...чие, ублюдки, свиньи, выродки, недочеловеки, говорящие куски дерьма в камуфляже!.. Ровно месяц не было шмонов, с 30 марта, и вот – опять!.. :(С меня и начали, хотя гнида за дверью, я слышал, на вопрос – что у нас сегодня? – ответила: ПКТ и 130-я. У меня-то ЕПКТ, – может, эти гондоны сифилисные не в курсе?..

Зашли два ублюдка, сперва один, попозже и второй. Слегка порылись в пакете на батарее и – полностью вышмонали тумбочку! Один расстегнул и порылся в папке с бумагами. Другой (?) рылся в нижней, ощупал пакет с сахаром, развязал пакет с колбасой, проверил... На моих глазах – впервые за все шмоны тут с 2014 г. – пальцами, без всяких железных прутьев, которые

они для этого обычно носят, полез под тумбочку! Нащупал консервную банку, вытащил. Полез опять, нащупал вторую. Достал и ее. Оставил, стал рыться дальше. В итоге – не забрали банки, к моему радостному изумлению. И вообще ничего не забрали, ушли. Но всё равно – и им обоим, и всем, кто был с ними, стоял в коридоре, и всем, кто эти шмонобанды присылает сюда каждый день – я желаю сдохнуть в страшных мучениях, от гнойных язв, от рака, от водянки, инфаркта, инсульта и т.д.!!!

10-03

Вот как оно бывает: вчера шмона тут не было вообще, а сегодня он не просто БЫЛ, но – зашел и вышмонал непосредственно МЕНЯ...

1297 дней осталось. Я считаю дни, записываю почти каждый из них в дневник, строю какие-то планы на будущее (хоть и ясно, что не будет никакого будущего, но – хотя бы уехать из этой проклятой страны, выбраться, дожить где-то в покое и на воле), – а кончится тем, что я так и сдохну тут, не дожив до воли совсем немного из оставшихся мне еще трех с половиной лет. Тщета жизни. Тщета...

А в бак для воды ублюдки-шмонщики на этот раз заглянуть не догадались...

12-24

Конечно, летом сидеть тут будет еще тяжелее, – в смысле чисто моральном. Само это бьющее в окошко солнце как будто зовет куда-то, – на волю, в лето, на простор, залитый солнцем, ясный, с высоким голубым небом счастливый (как я теперь понимаю) простор моей безвозвратно ушедшей юности. Всё время как-то само собой, помимо воли, всплывает в памяти тот конец Большой Академической, где поля и мост Октябрьской железной дороги, и как я, пройдя всю улицу, дохожу до моста, прохожу под ним... Это и в самом деле много раз бывало – и в 90-е, и уже в 2000-е, до 2006-го... Гулять на воле, наслаждаться летом и свободой – для меня, так уж вышло, означает местность скорее городскую, чем сельскую. После обеда, часа в четыре, наслаждаясь летом, погодой, волей, ветерком, своим здоровым, упругим, еще нигде не переломанным телом, своей молодостью, шустростью, активностью, сообразительностью :) – я не спеша иду в сторону дома по Большой Академической, или – чуть реже – по Дмитровскому шоссе, мимо давно, хорошо, до боли знакомых мне (каждый в отдельности) домов, магазинов, переулков, остановок... Теперь – смешно! – даже некоторые песни напоминают мне именно об этом, о тех невозвратных временах. Скажем, «Я обернулся посмотреть, не обернулась ли она, чтоб посмотреть, не обернулся ли я» – это лето 1997 г., ближе к вечеру, я иду в сторону дома по Дмитровскому, уже за «Петровско-Разумовской», мимо

длинного дома по левой стороне шоссе, в первом этаже которого тогда был «Детский мир». А «Тополиный пух, жара, июль» «Иванушек International» – это май 1997, Тушинский рынок около метро «Тушино», и я прохожу по Волоколамке мимо этого рынка, идя пешком из Красногорска... Солнце, небо, теплынь, простор, свобода, перспективы (которые тогда еще были)... Словом, счастье. По сравнению с тем, что сейчас – и теперь уже навсегда...

(Или этот дом с «Детским миром» был не после «Петровско-Разумовской», а не доходя до нее? Кажется, немного не доходя. Я не был там так давно – минимум с 2006 г., а реально еще раньше – что сейчас уже не могу вспомнить отчетливо.)

17-35

Всё вспоминаю, как возвращался домой; все памятные прогулки – непременно в сторону дома. А ведь теперь – увы, дома у меня там уже нет, возвращаться некуда. И ту же Большую Академическую улицу я едва ли еще когда-нибудь в жизни увижу...

Опять вся душа опоганена сегодняшним шмоном, их гнусным рытьем в моих вещах...

МАЙ 2016

1.5.16., 5-23

Вчера вечером – ужасное огорчение: стал вскрывать на ужин одну из последних четырех банок консервов из Финляндии – а она оказалась испорченной! :(((После того, как первый же шмон так легко обнаружил вчера эти банки под тумбочкой – я решил их съесть, не откладывая, пока очередная бдительная мразь их не забрала, – и вот... Снаружи эта банка никак не была повреждена, нигде не протекала, и т.п., разве что этикетку с нее мыши объели сильнее, чем с других банок. Из-за мышей, что ли, она разгерметизировалась?! – нет, не могу этому поверить. Это что же за мыши должны быть, с железными зубами и когтями, что ли, чтобы повредить консервную банку?.. Но – тем не менее, еды у меня теперь не до 13-го мая, а только до 12-го (если и еще две оставшиеся банки не окажутся испорченными). Если 6-го и 13-го не смогу опять ничего купить в ларьке – некому будет подписать заявления, или же нечего будет покупать, что скорее, – увы, с 13-го – голод... :(((

«Они будут только рады от тебя избавиться», – пишет мне мать в последнем письме, предостерегая от новых голодовок (мол, «сыграешь в ящик» из-за больного сердца). . Увы, я и сам бы рад от себя избавиться, да только – не получается никак... Победенный, проигравший, раздавленный и ничем так и не сумевший ответить на это унижение – кому я нужен? Себе, во всяком случае, точно нет. Зачем продолжать жить – чтобы весь остаток жизни отмываться от этой грязи лагерной, в которую меня так легко втоптали, и уверять себя и других, что, мол, В ДУШЕ-то я всё равно остался всё тем же, несломленным, несдавшимся, даже стал еще радикальнее?.. :)) Увы, наши «моральные победы» над врагами, одерживаемые «в душе», никого не волнуют, кроме нас самих, если не производят никаких разрушений – и вообще никаких действий – в мире внешнем, если не дырявят шкуру наших врагов в том реальном мире, где «все решают только пули». Всё остальное – чепуха и тлен, слова и самооправдания. Тебя унизили, ты ничем не сумел реально отплатить за это, покорно отсидел 12 лет, два срока, превратившись в развалину, хроющую, седую, без зубов, никому не нужную развалину, инвалида... Вот – правда, а всё остальное – сладкие сказки. И таким – я теперь себе уж точно не нужен...

Сегодня у этих криволавных праздничек – «пасха». И одновременно другой праздничек, советский – «первомай». :)) Всё это прекрасно между собой совмещается и согласуется. :))) Посмотрим, каково будет лагерное праздничное меню!.. :))))))))) А вообще – именно об этом я писал еще много

лет назад, не помню даже, в каком году, еще, кажись, до первого ареста: звонят церковные колокола, развеваются красные флаги, и прихожане, выходя из церкви со всеобщей пасхальной службы, всей толпой валят прямо на первомайскую демонстрацию! :)))))) Эти два вида дерьма – советско-коммунистическое и религиозно-православное – просто идеально сочетаются между собой, они просто созданы друг для друга, хотя между ними – по чистейшему недоразумению – и была около ста лет назад кровопролитная первая гражданская. А само христианство, как я отчетливо понял и сформулировал для себя на днях, читая дневники Шмемана, это начальная стадия слабоумия, по-другому это никак не назовешь. И в особенности христианство православное, абсолютно мракобесное (хотя и прочие не намного лучше).

Опять явились эти бляди, е...чие мрази в камуфляже – шмонать у меня! Опять начинается это паскудство – шмоны каждый день... Влезли два ублюдка в камеру, но рылись меньше, чем вчера, в тумбочку один только заглянул, ничего не доставал и не рылся. И всё равно – как плевок в морду, как грязными сапогами потоптались в моей душе... Мрази, выродки, куски говна говорящие, всех вас в печь!!! Лично, своими руками сжигал бы вас, недочеловеков, живьем, резал бы на куски, крошил бы вас, кромсал, рубил, на асфальтовом катке живьем бы вас переезжал, выблядков ФСИН-овских... Смерть, смерть, смерть ублюдкам, свиньям в погонах – от генералов до самого последнего рядового исполнителя-шмонщика, вот этого пучеглазого выродка, который сейчас открыл мою дверь на шмон!!! Только месть, только крошить, резать, жечь, калечить, в кровавый фарш их размалывать своими руками!!!!...

Выходу в коридор – а их толпа целая стоит, чуть не 20 человек! Вот бы перерезать всех – крови было бы по колено... Мрази, мочить, мочить вас!!!!!! Да и что обидно, – как уже не раз было: шмонать ведь пришли ШИЗО, вышмонали его всё – и напоследок ко мне, хотя у меня-то ведь не ШИЗО, эти мрази прекрасно знают, что я сижу тут постоянно! Ублюдки, как я мечтаю убивать вас своими руками, это даже описать невозможно!.. Никак не могу понять: когда это блядво лезет шмонать меня каждый день – при том, что смены разные – это им случайно так приходит в голову, подряд уже два дня, или им дается такое указание? Не заходили ведь опять весь апрель – и опять два дня уже подряд, суки!.. В случайности такого рода, конечно же, я не верю...

Я бы, как свиней на бойне, резал их, вспарывал животы, выпускал кишки... Я только и мечтаю о том, чтобы до конца жизни мне дана была еще такая возможность – ЛИЧНО поквитаться со всей этой мразью в погонах...

10-20

Нет никакого выхода этой ненависти, этой тоске и жажде мести. До смерти, до потрясения всего моего существа хочется мне их крови – а сделать ничего нельзя. Всё это лишь бесплодно бурлит и перегорает в душе, и от этого – еще больше тоска и ощущение полной бессмысленности жизни: тебя унижают – а тебе нечем ответить... :(((

12-00

Ну мрази, ну подонки!.. :)) Пробу негде ставить... Незадолго до обеда открылась «кормушка» и в нее что-то сунули. Я внутренне, про себя, заржал в голос, когда разглядел: это был завернутый в целлофановый пакетик кусок стандартного РПЦ-шного пасхального кулича, хорошо уже мне знакомого по московским тюрьмам, в стандартной же их бумажке. Но – кусок! ЧЕТВЕРТУШКА кулича!!! :))) Вот, значит, на сколько потянула вся их говенная «пасха», «светлое х...во воскресенье», этот их великий говнопраздничек – всего лишь на ЧЕТВЕРТУШКУ обычного (маленького, а есть и большие) кулича, отнюдь не на целый! :))) Хотя в московских тюрьмах – да хоть на «пятерке» год назад – давали, разумеется, по целому куличу на человека (правда, без пакета, так что он уже был твердый настолько – впору им было гвозди забивать). Ну что ж, какой «праздник» – такие и подарки, ничего удивительного. И этим жалким кусочком кулича (интересно, давали ли его азиатам, типа по рождению мусульманам, во множестве тут сидящим? В моем, по крайней мере, была вложена бумажка с цифрой «3» – то бишь, распределяли по камерам не просто так, а – каждому его строго персональный кусочек :)))) ограничилось всё «праздничное меню», более того – обед оказался по пониженной норме. Супа (водянистая гороховая бурда) – всего полтарелки, хотя обычно уж этих-то помоев наливали все-таки полную. Второго – картошки – порция еще меньше обычной, совсем мизерная, на доньшке. Ну и – хлеб такой, что я сперва в ярости подумал: «Опять черняга!!!». Но нет – это был серый хлеб, но с коркой настолько горелой, что походил на черный. Эту дрянь – горелую корку – я, вопреки обыкновению, даже не стал есть после обеда, тратить на нее последний майонез (а без него это было бы и вообще несъедобно, даже будь корка не столь горелой)...

17-55

Господи, как мало надо для счастья! Поесть чего-нибудь, пусть даже такой ерунды, как лагерный ужин (макаронны-размазня с резаными маринованными помидорами), попить почти горячего чаю! Какой кайф!..

2.5.16., 6-37

Грандиозное событие!! :)) Им наконец-то завезли пшенку – и сейчас она

была на завтрак! Поел с наслаждением. Хотя, конечно, это тоже всего лишь казенная баланда, но – если они будут ее давать по утрам с такой же регулярностью, как последние месяцы давали овсянку, то сидеть тут мне станет чуть-чуть повеселее...

Библиотекарь, пришедший вчера, согласно моим записям, впервые с 10 апреля, на мой вопрос, где он так долго был, сказал: «меня не пускали». Однако на мои попытки узнать подробности, как и почему его не пускали – промолчал вглухую, будто не слышал.

Сегодня, скорее всего, мрази третий день подряд зайдут ко мне со шмоном... :(((

3.5.16., 14-35

Полтора дня безотрывно сидел читал: сперва библиотечную книгу, а под вечер вчера вдруг принесли четыре газеты и журнал. Еще осталась часть непрочитанных материалов на вечер. Сильно задело и возмутило только одно: в «Новой газете» материал какого-то автора польской «Газеты выборчей», утверждающего, что недавно опубликованная запись переговоров пилотов самолета Качиньского в 2010 г., очищенная от шумов и теперь четко слышимая, якобы подтверждает прежнюю версию: авиакатастрофа из-за тумана! Каким поддонком надо быть, чтобы это писать после того, как преднамеренный взрыв самолета изнутри уже давно ДОКАЗАН, – еще за годы до того, как в 2015 ПиС опять выиграла выборы! Как будто кто-то поверит, что при падении самолета с высоты дерева (за которое он якобы задел – что якобы и стало причиной падения) из 96 пассажиров мог не выжить НИ ОДИН!!! Меня в 2010, в Буреполоме, именно эта подробность и навела уже вечером 10 апреля, дня трагедии, на мысль, что самолет упал не сам по себе. Не говоря уже о фрагментировании самолета на мелкие осколки, как бывает только при взрыве, об обнаружении независимой экспертизой в США следов взрывчатки на предметах из салона, о подмене тел погибших, выдаваемых москалями родственникам в Польшу, о зафиксированной попытке звонка уже после падения самолета с мобильного президента Качиньского, об исчезновении пистолетов его охраны, о знаменитой видеозаписи, где слышны крики «Не убивайте нас!», и т.д. и т.п. Всё уже давно известно, книги уже изданы в Польше об этом массовом убийстве, Катыни-2, но нет – мразям из тусовки Михника, Валенсы, Туска и пр. важнее их борьба против ПиС, которых они на почве убийства Качиньского и его свиты пытаются выставить параноиками, сторонниками «теории заговора» и т.д. То бишь – открыто играют на руку Москве, прощая ей ради возвращения к власти в Польше это чудовищное преступление. Какие подонки все эти леваки, эти михниковцы, – просто нет

слов! И ничуть не меньшие подонки – «Новая газета» и вся эта кодла навалыных, касьяновых, яшиных, явлинских и пр. и пр., которых «Новая газета» обслуживает. Это еще одно, 1001-е, доказательство того, что в «оппозиции» вся эта сволочь если и находится – то только по отношению лично к Путину и его кодле, что продиктовано стремлением самим захватить власть, а вовсе не любовью к свободе, не стремлением разрушить неисправимо тоталитарную империю и ликвидировать навсегда саму ту ядовитую почву, из которой эти путины веками вырастают (а ничего приличного из нее не растет и расти не может). Не смеют, боятся, не хотят признать и заклеить уничтожение Путиным польского самолета с президентом Польши на борту – потому, на самом-то деле, что, несмотря на всю «проевропейскую» трескотню «Новой газеты», на самом деле к Польше они относятся по сути так же, как и путинцы, да и все вообще русские реваншисты. Для москалей – без разницы, «провластных» или «оппозиционных» – Польша – это то, что они очень не прочь бы опять прибрать к рукам, та земля, которую их прапрадеды не раз заливали кровью повстанцев – и никаких покаяний за это от навалыно-яшинцев что-то не слышно. Поддерживают ложь о «тумане» по сути потому, что представься такой шанс президенту Навальному, а то и самому Явлинскому – они, уверен, точно так же не преминули бы им воспользоваться, как и Путин.

Шмонов, слава богу, у меня не было эти два дня, «крестин» вроде тоже сегодня нет (еще выходной, рабочие дни – завтра, 5-го и 6-го). Без этих мразей, шмонающих, конвоирующих, этапирующих, выводящих из камер или заталкивающих в автозаки – никакой бы Путин не был страшен, любые решения любых здешних «судов» были бы лишь бумажками на подтирку... Всех этих выродков, ублюдков, гондонов в камуфляже или ментовской форме – и тех, кто меня шмонает здесь, и кто шмонал на этапе в Кирове, и кто вывозил в «суды» в Москве в 2013, 2014, 2015, – я бы с огромным удовольствием расстреливал, забивал, резал, сжигал живьем – лично, своими руками!!! О, как я мечтаю об этом! А их печень, сердце, потроха, все вонючие кишки из их вскрытых туш – отдавал бы на съедение бездомным собакам...

4.5.16., 5-45

Лежал сейчас, ждал подъема (долго его что-то не было) – и вдруг услышал за окном птичье пение. Громко, отчетливо выводила раз за разом свою трель какая-то птица. Я прямо замер, слушая ее, – для меня ее голос звучал как откровение, как дивная неземная музыка... Минимум четыре года – с лета 2012, последнего лета на воле, не слышал я птичьего пения – а на самом деле наверняка дольше, уже и не помню. Слушал – и не думал даже, а как-то

ощущал всей душой, помимо сознания: где-то там, за моим крохотным окошком, за лагерным забором... – поют птицы, ходят люди, идет своим чередом жизнь... а я сижу тут, заживо похороненный в этом склепе... :(((

17-35

Выдернули перед обедом к психологу в «дежурку» – а там на столе лежат письма: от матери и целых три – от Землинского! И психолог говорит: «Это не я принес». То бишь, эти мрази просто бросили письма на стол – и всё, вместо того, чтобы отдать мне; не приди я к этому психологу – бог знает, сколько бы они еще там валялись...

На ужин сейчас – макароны С МЯСОМ!!! Поверить не могу! Впервые вообще тут виду такое, чтобы мясо давали не в обед. На ужин – в лучшем случае кусок какой-нибудь паршивой рыбы.

Но самое омерзительное – то, что Землинский мне пишет в письме уже от 20 апреля: на «тифаретнике» в этом году по-прежнему ничего нового! Сука!.. После всех моих новых надежд, после того, как уже было дано клятвенное заверение, что наконец-то всё сделано, уже, нашлось и время наконец, и т.д. – и опять ничего! То ли судьба издевается надо мной, то ли на свете верить нельзя уже вообще никому... Я в ярости, в тихом бешенстве с тех пор, как прочел эту фразу у Землинского... :(((

5.5.16., 6-40

Итак, пшенки хватило ровно на один завтрак, – как и тогда, в ноябре. После этого, вот уже третье утро подряд – опять овсянки, сечки и прочие говнокаши...

Мрази со вчерашнего вечера ждут на сегодня, видимо, какое-то начальство с обходом по камерам – и озабоченно спрашивают в подъем и в отбой (в том числе в подъем – у меня! :) : нет ли в камере чего-нибудь «лишнего». Сразу пахнуло Буреполомом... Так или иначе, но в «паскудный час», после девяти, стоит ожидать тотального шмона.

12-07

Оказалось, то, чего они в такой панике ждали еще со вчера – это очередная прокурорская проверка. Видимо, обходили эти прокуроры тут тотально все камеры, – иначе ничем нельзя объяснить то, что они зашли и ко мне. Не местная, кизеловская, – по-моему, зам. прокурора из краевой (но точно я, увы, не запомнил). Интересовали его только условия содержания, – пока я ему говорил, другой, что был с ним (а может, и он сам тоже, не помню) пробовали включить верхний свет в камере. Обнаружили, что он не горит, и старший из двух сказал, что, похоже, в половине камер лампочки перегорели. Теперь с отвращением предвкушаю, что придут и вкрутят, придется опять при этом бешеном фонаре сидеть... :(((

Ну, сказал я ему, что вспомнил с ходу – про лекарства, про видеокамеру, про кражу писем, про то, что присылают провокаторов, чтобы дать ШИЗО... А толку-то?.. Его интересовало, буду ли я прямо сейчас писать жалобу; я отказался. Мать, Рома, Глеб – писали, а толку?.. Не сразу по ходу разговора, а когда кто-то из толпы отошел, я увидел, что с ними стоит и Асламов, в фуражке и синей форме. Стоял он как-то боком ко мне и похож был, ей-богу, не на грозного начальника, а – со своей азиатской рожей, тем паче – на хитрого, жуликоватого слугу, уличенного в чем-то хозяином, или на ловкого плута-торговца с какого-нибудь средневекового азиатского базара. Хитрый плут, жулик и мошенник, пройдоха – а ничего грозного и начальственного в этой харе не было. Это только с безответными зэками он грозен, а взять его самого за шкуру да встряхнуть, – о-о, куда девается сразу та грозность и суровый начальственный вид!..

Два письма от матери опять принесли утром, еще до шмона. Одно, более раннее, сперва ушло, судя по штемпелю, аж в Ханты-Мансийск, – мать по небрежности в индексе – том, что сразу под адресов – написала 618 похоже на 628 – а это индексы Ханты-Мансийска, судя по тому же штемпелю на конверте. Если бы не это, я мог бы это письмо получить еще до «праздников».

Вот ведь как бывает, от каких нелепостей, мелких случайностей всё зависит: один раз ночью сегодня, ложась, неудачно повернулся – и с силой лязгнул непроизвольно зубами, как теперь часто у меня бывает. Один из лязгающих – тот самый зуб, что сильно болел у меня в ноябре 2015 г., а потом обломался – от него торчит только половинка, и вот она-то стала лязгать об верхний зуб (а до облома этого почему-то не бывало никогда). Боль была адская, я думал – не засну уже. Но всё же через некоторое время прошло, я еще спал до подъема. Так вот сейчас за обедом – ел что-то, корку, что ли, хлебную жевал – и опять побеспокоил этот зуб-обломок, опять он – не так сильно, конечно – поударялся при жевании об верхний, – и боль снова ожила. Утром не болело, но я чувствовал, что под обломком опухла десна и если тронуть языком – больно. Сейчас же, пока пишу, боль чувствуется весьма сильно, не проходит, хотя я уже минут 20 как перестал есть, а то и больше. Случайно лязгнули зубы ночью – и теперь эта беда, как осенью, может разыгаться еще на недели и месяцы...

6.5.16., 5-17

Будь всё проклято!.. Опять почти полночи не спал – с начала третьего. После отбоя ужинал, жевал колбасу с хлебом, – верхний зуб опять бился о проклятый нижний больной обломок – в результате боль разошлась такая, что с час, наверное, не мог ее унять. При этом, еле соображая от боли,

конечно же, забыл как следует завести часы на ночь – и на полчетвертого утра они остановились. Что уже подъем, узнал по тому, что за окном уже было совсем светло, да по пиликанию будильника у «мусоров», для них самих...

Тошно, мучительно, невыносимо. Как всегда у меня, дикая тоска по утрам. Потом, после девяти, опять шмон... Невыносимое, удушающее, однообразное это существование в неволе, в вечном утреннем ожидании какого-то очередного грядущего ужаса – то шмона, то «крестин», то вывоза на тюрьму в Челябинск... Рехнуться можно от всего этого – и я действительно удивляюсь, как я не сошел еще с ума... Остался 1291 день, 184 недели и два дня, да 12 дней до середины срока. Но – если я и доживу до его конца – после всего пережитого здесь ада это всё равно уже беде не прежний, не тот, настоящий я, что был родом из детства, из 80-х годов. Как, впрочем, это был уже не я и после Буреполома... :(((

18-03

Сегодня случилось наконец то, чего я боялся еще в феврале: магазин совпал с баней. Неожиданно в баню повели в начале 11-го, – феноменально рано. А магазин, как оказалось, после обеда (а на обед он в 12 закрывается) уже не работает. Ну да, «праздники». Хорошо еще, что завхоз на сей раз нашел, у кого подписать заявление – и со списком товаров пришел ко мне прямо в баню. Пришлось мне – голому, мокрому, не добрившемуся – прямо там, в дверях из предбанника в самую баню, выбирать еду (записывал и считал он) и подписывать списание 1000 р. со счета. Зрелище было то еще, но – подождать нельзя: после обеда не работает...

Крестины были около четырех, но меня, вопреки мучительному предчувствию, не тронули.

По радио – очередной лживый бред: якобы ФСБ предотвратила какой-то «теракт» в... Красноярске, арестовало «террористов» – выходцев из Средней Азии. Таджики, ага!.. :))) Я бы еще мог понять, если бы в Москве – хотя таджикам незачем взрывать и в Москве, – но уж в Красноярске... Очередная туфта, показуха на тему незаменимости ФСБ в «борьбе с терроризмом».

8.5.16., 6-35

Как-то особенно тоскливо сегодня с утра. 1289 дней осталось, 184 недели. Прошла жизнь, прошла, ничего уже не будет... «Праздники», будь они прокляты, по радио – второй день все эти их военные марши и вальсы... 45 лет – поздно для личной жизни, а для политической, для борьбы – еще совсем не поздно, в самый раз; но у меня-то не будет ни того, ни другого, можно не беспокоиться... На ужин вчера – макароны с какими-то темными вкраплениями, подразумевающими мясо, но на завтрак сегодня –

праздничная перловка...

Маня тоже далеко и не поможет мне; да и чем вообще Маня может помочь? Мать вот уже с февраля, по-моему, пишет мне, что Горильская в Киеве хочет издать какую-то мою книгу, – и до сих пор планы эти так и остаются планами. В последнем письме (от 25 апреля, а я получил его 5-го мая) мать пишет уже, что Горильская хочет издать ее С МУЖДАБАЕВЫМ, – скорее всего, это ее, матери, глюк, ей, видимо, так показалось после рассказов Натальи о том, что она ходила к Муждабаеву и говорила с ним обо мне. Результат – он написал обо мне что-то хорошее в своем фейсбуке и дал ссылку на апрельское мое интервью радио «Свобода». Но – это и ВСЁ, я так и написал матери; упомянул – спасибо, но уж большего от Муждабаева ждать нечего; свой, так сказать, моральный долг перед политэком (сидящим в одиночке, тогда как сам Муждабаев уехал – и блаженствует в Киеве, работает, как мать пишет, замдиректора какого-то телеканала) он исполнил. Насчет книги с его участием – это явная фантазия матери, да и вообще – едва ли эта книга когда-нибудь будет издана... :((

(О том, что М. упомянул меня в фейсбуке, писал мне Землинский).

17-30

Колобок, жирная поющая тварь – вертухай, с недавних пор дежурящий тут в одну смену со Шреком, сейчас вдруг открывает «глазок» (!) и требует «привести форму одежды в порядок». Наученный пятым апреля, я начинаю настойчиво выяснять, зачем. Он не отвечает, только требует, – потом, махнув рукой, открывает дверь.

Стоят, кроме него, еще три камуфляжных хари, две – смутно знакомые. Но не приезжие вроде бы, здешние. Старший, подражая, видимо, мрази Асламову, надуту так говорит: «Слушаем вас». Я в ответ выражаю желание послушать их. Он начинает допытываться по отдельности – ФИО? Я называю. Параллельно говорю им, что это, видимо, их новая провокация для ближайших «крестин». Они удивляются: почему провокация?

В несколько заходов назвал я им ФИО, год рождения и 280-ю статью. На регистратор, правда, никто из них не снимал; по-моему, даже у Колобка на плече его не было. Когда они спросили: «Вопросы, замечания, предложения?» (или как-то так) – я тотчас спросил, чем вызван их визит. Оказалось – «проверка условий содержания». И, типа – когда я сказал, что условия моего содержания не меняются уже семь месяцев – «значит, вас всё устраивает?».

Я, конечно, ответил, что меня не устраивает тут находиться, а также не устраивает провокационная деятельность администрации – присылка разных типов с нелепыми требованиями и с регистраторами, дабы

регулярно, раз в месяц, давать 15 суток, а в конце года вывезти в другое место (про Челябинск я уточнять не стал, – тем паче, и сам не уверен). Ушли от меня – слышно было, как Колобок гавкал про «форму одежды» в «глазок» соседней камеры по той стороне (то бишь, ШИЗО). Но – потом уже слышно их не было, – только ко мне и еще в одну, что ли? Странно и крайне подозрительно. Не снимали на регистратор, – но раньше ведь и вообще никаких регистраторов не было, а ШИЗО – оно было всегда. :)

Хочется надеяться на лучшее (на то, что всё обойдётся), но – нельзя. И так вот живешь тут месяцами и годами (если, конечно, это можно назвать жизнью): на нервах и в ожидании. Предыдущий странный эпизод, когда 28 апреля белобрысый упырь с регистратором заглянул ко мне в «кормушку», для ШИЗО не пошел, – десять суток истекли как раз сегодня. Значит – будем теперь ждать до 18-го, не сгодится ли им для «крестин» сегодняшней непонятный визит. Ни минуты расслабления, ни минуты покоя, вечное ожидание... :((((

9.5.16., 5-20

Их грёбаный «праздничек». Вчерашний визит четырех мразей висит надо мной, как дамоклов меч, не дает расслабиться ни на секунду. Господи, какая тоска!..

12-00

Маленькая мясная котлетка и жидкое картофельное пюре – самое роскошное, самое, так сказать, максимально праздничное, что они могут здесь дать в самый крутой свой «праздник» (сейчас было на обед). Котлета, кстати, неплохая, весьма вкусная, – давали бы хоть раз в неделю, суки!.. В обычные дни мясо представлено лишь тоненькими волоконцами тушенки или кусочками какой-то малосъедобной требухи в картошке или макаронах. А на завтрак сегодня была пшенка, – тоже, видимо, теперь роскошная, «праздничная» каша. Хлеб тоже вот уже третий (?) день дают серый все три раза за день. Съев пшенку и корку от утренней пайки хлеба, я даже не стал вскрывать ларьковский вафельный торт, которым думал позавтракать.

В три часа ночи, когда было еще совсем темно, опять пела за окном какая-то птица...

Кажется, и год назад я думал и писал об этом – но тогда, по-моему, мысль еще не была так четко сформулирована: как ловко эти суки охмурили и припахали быдло к своей «победе»! «Бессмертный полк»!!! По радио сейчас говорили в новостях, что в Москве участников шествия ожидается аж до полумиллиона!.. Казалось бы, рабу лет 30-40, тупому, не отягощенному ни излишним образованием, ни особенными «гражданскими чувствами»,

даже и верноподданными, – ну ЧТО ему эта сраная «победа», случившаяся 70 с гаком лет назад, когда его и на свете-то не было?! Особенно сейчас, когда кризис, рубль дешевеет, цены растут, работы нет, прокормить семью – проблема; по последним опросам, приводимым в «Новой», даже рейтинг Путина начал снижаться! Страшно сказать – упал на целых 10%, с 83 до 72. Что быдлу эта «победа»?..

Но для режима-то, на быдло опирающегося, быдлу потрафляющего, но имеющего ведь и свои собственные интересы (удержаться у власти любой ценой, – если понадобится, то и вопреки взбунтовавшемуся быдлу), «победа» – это основной, опорный миф, главная идеологическая подпорка режима, его несущая конструкция, его альфа и омега (правда, ставшая таковой не сразу, а где-то только с конца 90-х, если не с начала путинщины). Потому что, когда речь у серьезных противников Москвы, со статусом не ниже парламентского, заходит о совсем уж серьезных вещах – о том, что прямые предшественники нынешнего режима, те, чьей официальной юридической правопреемницей является РФ, истребили порядка 60 миллионов человек расстрелами, ГУЛАГом, массовыми депортациями целых народов и т.д. и т.п. – то они, припертые к стенке, всегда отвечают одно и то же: а зато, мол, мы «спасли мир от фашизма»! Если выбить это обоснование и «оправдание», эту идеологическую подпорку – путинский режим тотчас рухнет.

И вот – они придумали, как впрямь миллионы быдла в эту свою чисто идеологическую колесницу, объединить на защиту своего главного государственного мифа: «Бессмертный полк»! Просто позволить (при этом распропагандировав, как это круто, какая это честь, гордость предками, и т.д. и т.п.) быдляку пройти в толпе таких же, неся фотку своего отца/деда/другого родственника, участвовавшего в этой мясорубке в защиту своего тирана против его немецкого жалкого эпигона!!! Гордость стада, организованного умелыми пастухами, показываемого потом под торжественную музыку и комментарии по всем каналам ТВ, не знает границ! Они преданы своему плешивому фюреру и его злобному Мордору, который им подается умелыми пропагандистами как «великая Россия» (великая лишь своими великими преступлениями). Они сплочены вокруг фюрера, режима и главного идейного мифа – «победы» – и не бунтуют, не бузят, не требуют даже прибавки пенсий и зарплат (не в том смысле, что это были бы требования, достойные поддержки, а в том, что у этих восторженных рабов пропагандистский восторг способен заглушать даже голос пустого брюха)...

10.5.16., 6-55

Да, по отношению к 145 (?) миллионам русского быдла теперь действительно НИЧТО, абсолютно ничто не будет чересчур, слишком. Ни АЭС им взорвать, чтобы они от рака дохли, ни химические заводы, ни бактериологическую войну против них начать, сибирскую язву или холеру над их городами распылить, ни залить какую-нибудь отраву им в водозаборы, ни травить их через водку... абсолютно ничего, одним словом. Всё будет за дело и поделом, всё будет заслужено ими. Потому что – и после 1917 года большевикам всё-таки часть народа сопротивлялась, не только генералы, но и рядовые, не только помещики, но и крестьяне, хотя в итоге эта часть и была разгромлена другой, большей по количеству частью, поддержавшей большевиков; и в коллективизацию крестьянство сопротивлялось достаточно активно, так что Троцкий даже назвал ее «гражданской войной в деревне». Красные очень любили потом, десятилетиями еще, вспоминать в своих лживых книжках, в сто раз всё преувеличивая, как им «кулаки стреляли в спину»; и во второй гражданской все-таки целый миллион русских воевал против сталинского режима, были попытки создать РОА, была РОНА, было еще много чего, была русская республика с центром в селе Локоть...

А вот когда русскому быдлу с барского плеча подарил свободу Ельцин, действительно ждал им частную собственность, разделение властей, нормальную конституцию, свободную прессу и т.д. и т.п. – то они, говоря словами Буковского, промучились с этой свободой десять лет, не зная, что с ней делать, и радостно проголосовали в 2000-м за прежних палачей, разом избавившись от всех трудных вопросов. И еще в 1996-м массово голосовали за Зюганова, рвались обратно в тоталитарное стойло уже с начала 90-х. И вот – дорвались, уже 16 лет они там (и я вместе с ними). И – никого против, по крайней мере, кого было бы хорошо слышно и видно. Никаких армий, никаких миллионов, никаких ночных отрядов с обрезками не выступило против возвращения в стойло, против прихода КГБ к власти. Максимум – митинги... Чеченцы больше десяти лет воевали, отбивались, контратаковали, в 2002-м дошли до Москвы. Так сейчас чеченцы сидят в жопе (кадыровской) потому, что они проиграли вторую войну, потому, что их подло предал Запад; а русские сидят в жопе путинской потому, что они вообще генетические рабы и холопы, свободу ненавидящие; и жопу эту они жопой вовсе не считают, наоборот, им в ней очень нравится. А кому не нравится – путинская опричнина таких сажает на семь лет за слова, а там еще в ЕПКТ; на три года за одиночные пикеты с требованием соблюдать собственную конституцию (Дадин), на несколько лет за репосты в соцсетях (Бубеев в Твери – и многие, многие другие)...

И если даже мне когда-нибудь, со всеми моими сроками, ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и пр., суждено будет оказаться одним из той горсточки праведников, из-за которых господь (несуществующий, конечно) захочет, как в Ветхом завете, опять пощадить эту страну и населяющий ее сброд (народом это не назвать), – то я лично буду категорически требовать, чтобы быдло и сброд были наказаны по всей строгости, чтобы никакого им очередного помилования не выходило на халяву, под прикрытием заслуг и борьбы таких, как я, Бубеев, Дадин, Кашапов и прочие...

18-37

Как я и ожидал, были «крестины». С полпятого до пяти (не могли раньше, суки!..). Меня, слава богу, не тронули. Но само то, что я их ждал двое суток, нервничал все это время, готовился, прикидывал, как себя вести, объявлять мне голодовку или нет, и на сколько хватит без магазина у меня продуктов, если не объявлять, и т.д. и т.п... – вот это всё, вся эта постоянная нервотрепка и ожидание худшего – и есть главный смысл всего «наказания» в моем случае, будь это «наказание» хоть 15-ю сутками, хоть семью годами. В этом – основная беда моего пребывания здесь, основной смысл изощренного мучительства: нервотрепка, нервотрепка, ни минуты спокойствия и расслабления. Точно так же это было в Буреполоме; только там, в постоянном окружении уголовников, нервотрепка была еще гораздо более тяжелой. Ну да, не убрал баулы из-под шконки в каптерку, когда блатные всем «сказали» (приказали) убрать; ну да, можешь завтракать и ужинать каждый день, раз баул с едой остался под шконкой; но за это – каждый день, с подъема до отбоя (а то и после него) нервничаешь, трясешься, что вдруг сейчас вот кто-нибудь их под твоей шконкой обнаружит, поднимется хай, скандал, тебя могут за неподчинение приказу блатных избить, баулы могут выбросить... Так и тут, хотя и полегче: Тебе и не дадут еще неделю-другую ШИЗО, но ты сам измучаешься и изведешься, каждый день (кроме выходных) ожидая его...

Видимо, поэтому, когда всё кончилось и сел я читать – почти сразу началась у меня опять чернота, мерцание, сияние и пульсирование в левом глазу, как уже было два раза зимой. Опять смотрю в книгу – и вижу фигу, то бишь – пробелы в словах, половину слова вижу, половину – ту, что левее – не вижу. Книгу бросил, естественно, стал ходить по камере туда-сюда. Минут сорок длилась эта ерунда, потом прошло. Но – то, что они не навесили мне 15 суток (за 8-е, недоклад тем четверым козлам перед ужином), вовсе не значит, что не дадут и на следующих «крестинах», а они могут быть хоть завтра. Если считать, что их график – раз в месяц, то 180го будет ровно месяц, как кончилось последнее ШИЗО. Они устроят любую

провокацию и навесят сутки опять, возможно, даже не дожидаясь 18-го мая...

12.5.16., 17-42

На завтрак – пшенка (сэкономил кусок сухого торта), зато сейчас на ужин – овсянка. С запахом мяса, ага. Остался без ужина. :(Вместо чая (еще утром он был) – тот же мутный белесый отвратительный химический «кисель», что уже с месяц дают в обед.

За обедом кончилась вторая, последняя пачка кетчупа из дома. Месяц и неделя...

Хотя «праздники» уже прошли – сегодня неделя, как нет писем, с пятого числа. :(((

Сколько я ни думаю – тупо, упорно, безнадежно, с упорством обреченного, – я не могу себе представить никакой перспективы для себя после (если) освобождения. В смысле чисто практическом, – не могу абсолютно представить, чтобы хоть откуда-то, хоть из какой-нибудь страны (о России вообще и говорить нечего!) поступило бы хоть какое-нибудь, хоть одно-единственное деловое предложение, – о публицистике ли, о книгах, о работе в СМИ... хоть о чем-нибудь вообще. Не говоря уж – о том, что меня интересует больше всего в жизни: об организации или участии в какой-нибудь работе по способствованию и приближению полного краха России. СМИ и издательств везде полно – но я им не интересен и не ко двору; а какой-то активной работы по накрыванию России медным тазом – в мире просто нет, ее никто не ведет... :(((Были бы деньги – я бы попробовал организовать такую работу сам, хоть те же кибератаки; но – откуда ж деньги...

14.5.16., 17-40

Жуткий холод в камере, просто невозможный. Такого в этом году еще не было. В четырех слоях одежды кое-как держусь, но руки всё равно ледяные. И – мерзнет нос. :))

Самое отвратительное, самое тошнотворное – что так и не заработал канал на волю. Жду известий, но их с 20 (?) апреля нет, а и будут – так опять всё те же, безнадежные. Из-за этого я не могу здесь работать дальше, пользуясь обилием свободного времени и своим статусом политзэка. Хотя – и был бы в порядке канал – ДЛЯ КОГО сейчас работать?..

15.5.16., 17-52

Батарей сегодня наконец отключили окончательно. Я околеваю, буквально схожу с ума от холода, как это было тут и в сентябре 14-го, и в августе 15-го. Правда, пар изо рта, как в 14-м году, пока еще не идет, но... Руки, нос, ноги сквозь шерстяные носки... Четыре слоя одежды на теле выше

пояса тоже не спасают, – спина, конечно, не такая ледяная, как ладони, но тоже согрета весьма относительно. А руки – их ничем не согреть, как я ни стараюсь. Эх, чаю бы горячего с сахаром!!.

Баландой опять только пообедал: завтрак и ужин – омерзительные, вонючие, невозможные каши... :(Картошка у них, видимо, кончилась. Но лучше пусть будет даже черная, полугнилая сушеная картошка, как прошлой осенью, чем эти овсянки и перловки. А недоедание, понятно, не способствует и согреванию тела в этом холоде...

Впрочем, всё то можно выдержать, все эти чисто физические мучения, – было бы ради чего! Эта мысль приходит мне каждый раз, когда меня – и не так уж редко – охватывают тут приступы этакого бодрячества. Мол, мы еще поборемся, я способен всё это выдержать, я выживу назло всем, 45 лет – еще не старость, еще не всё потеряно, я буду добиваться своего зубами и когтями, и вообще, живому псу лучше, чем мертвому льву. Но каждый раз я почти сразу вспоминаю: да, можно выжить, преодолеть голод, холод, неволю... А дальше-то что? Дальше – пустота. Никаких шансов нет...

Можно пробить бетонную стену, – если не лбом, то ломом, молотком, другими железными инструментами, специально придуманными людьми для пробивания и ломания стен. Но как пробить стену из пустоты? Как, чем бороться с пустотой? Как бороться с тем, что против тебя и заговора-то, разумеется, никакого нет, и все, кто на твои просьбы отказывает или отмалчивается, – они и друг с другом-то не обязательно знакомы, и у каждого из них имеется свой вполне резонный, естественный, неоспоримо логичный, стопудовый, как сейчас говорят, мотив для отказа? У всех свои обстоятельства; ничего личного, только бизнес. А в целом – сумма всех их резонов, всех причин и всех отказов – и есть твоя судьба, твое невезение, изначально невезучая, неудачная твоя доля на этом свете. И будь ты хоть трижды героическим узником, политзэком, смельчаком, выдержавшим этот тюремно-лагерный ад, – на воле-то тебе все равно ничего не светит, как не светило до тюрьмы. Те, кто признаёт твои таланты и искренне хотел бы помочь – не могут этого сделать, ибо от них ничего не зависит. А те, кто мог бы помочь – те и находят 1000 причин, почему это объективно невозможно. Вспомнился сейчас, как лучший пример, отказ еще в 2011 MFF на мой вопрос об издании книги. Как он всё это ловко тогда вывернул, – мол, и хотел бы, да не получится никак. И дальше будет так же.

17.5.16., 5-30

Вчера опять был «большой почтовый день». Принесли после шмона аж 12 писем, целую пачку. Я довольно долго читал их, а потом – специально засёк по часам – в час дня начал отвечать – и занимался этим почти до отбоя, до

девятого вечера, с перерывами только на обед и на ужин.

Письмо от Майсурия и отдельно пересланное им письмо от Лены Маглеванной, от матери, три сразу – от Землинского, письма от Феликса Ш., от Йонатана, от Максима Ефимова из Эстонии (опять без обратного адреса), от некой женщины, уже один раз мне писавшей. Самое же неожиданное – два сразу (одинаковых, но с разными вложенными открытками) письма от Ларисы Володимеровой из Голландии.

Между тем, новости не слишком приятные. Лена Маглеванная пишет, что она наконец-то получила всё моё, что должна была (или не всё? Она не уточняет.). Таким образом, подозрения со всех оказываются вроде бы сняты. Но – уже спустя почти две недели после ее об этом письма – по словам моего постоянного независимого источника, «на «тифаретнике» абсолютно ничего нового». :(Почему же Лена не вешает ничего? Непостижимо!.. Написал ей об этом, спросил, но – ответа придется ждать до начала июля, судя по тому, что письмо ее от 23 апреля я получил лишь 16 мая. Надежность при переписке с ней через Москву возрастает больше, чем скорость прохождения писем, увы...

И – до странности неприятным оказалось письмо Володимеровой. Конечно, она меня в нем хвалит, говорит, что я «большой герой» и т.д. Но – пишет – мол, так трудно было тебя вытаскивать в первый раз, а ты бац! – и сделал всё, чтобы снова туда попасть, и она, мол, с тех пор не вмешивается...

Ой, можно подумать, что меня в первый раз удалось вытащить, ага! Вытаскивали-вытаскивали, а освободился только по концу срока, не раньше... И – опять это чистоплюйство глупое, эти упреки, что я, мол, «сделал всё, чтобы опять туда попасть». Не вмешивается она, оказывается – именно сейчас, когда ее помощь еще нужнее, чем в прошлый раз... :(Написал через Маглеванную ответ, объяснил, как мог, что она неправа. Она тоже читала мое интервью «Свободе» и ссылается на него – мол, наконец-то я понял свою «ошибку», как она решила по интервью, – что, мол, бесполезно пытаться кого-то спасти или что-то менять в России, а надо просто жить, поскольку всем всё пофигу. Приводит в пример Израиль, его борьбу с арабами, – а в Европе, мол, про эти взрывы в автобусах и пр. даже не пишут, никому Израиль не интересен. Будто бы я так не знаю, что наша тут борьба с Путиным никому в мире тоже не интересна. Но – я привел ей в пример борьбу того же Израиля и евреев в мире за наказание выживших нацистов, даже простых охранников концлагерей, которым за 90 уже, – это всё равно не воскресит никого из шести млн. убитых, но евреи кладут на это массу усилий – просто из чувства справедливости, из желания, чтобы зло было наказано, потому что простить нельзя. Вот так же и я не могу простить

путинцам, что они отобрали все мои (наши) права – и считаю борьбу с Россией первоочередной своей задачей и тут, и в эмиграции.

А сам, между тем, скатываюсь всё ниже. Вчера, пока я писал письма, были, конечно, «крестины». Меня опять не выдернули. И – так велико стало это желание не дать им самому повода для нового ШИЗО, увидеть их новую открытую провокацию против меня, для дачи этого ШИЗО предпринимаемую... Вот уже два месяца – с того скандала, сразу после голодовки – не лежу вообще на столе; а сейчас – впервые, по-моему, за семь с лишним месяцев в этой камере одел «куртку х/б» перед тем, как выкинуть в коридор матрас при подъеме. Позор, позор!.. :(((Прошлой осенью они не могли меня заставить это сделать, я кидал матрас обратно на нары и ложился, если они не открывали дверь-решетку, требуя «куртку х/б». А сейчас – пригнали сюда какого-то нового «мусора», совсем молодого, он и вчера, когда я брал матрас, и сейчас – «где ваша куртка х/б»? Сука, мразь... Я омерзительно противен сам себе, – прогнулся все-таки, поддался, одел, чтобы только не ходить на ближайшие «крестины»... :(((Но уж в следующий раз, когда эта мразь будет дежурить, через четыре, что ли, дня (похоже, у них тут опять дежурят четыре смены вместо трех) – ни за что! Пусть пишет «рапорт», пусть 15 суток, пусть всё из камеры вынесут, – ни за что!! В конце концов, не ошибается тот, кто ничего не делает, главное – это уметь исправлять свои ошибки, верно?

Феликс пишет, что при личной встрече со своим издателем, что печатал его дневники путешествий по Индии, Китаю и пр., порекомендует ему и мой буреполомский дневник для публикации книгой. Письмо Феликс закончил 26 апреля, – пишет, что встреча вроде должна быть вскоре. И издательство вроде прогрессивное, – собрание сочинений Светланы Алексиевич, оказывается, выпустило, ничего себе! Но – я, как всегда, не надеюсь на положительный ответ; да и письма от Феликса, чтобы узнать, что ему сказал издатель, придется теперь ждать опять месяца два, не меньше, как обычно...

18.5.16., 17-50

Итак, вот и полсрока. Ровно 3,5 года осталось. И вторая сегодняшняя новость – наконец-то за обедом я избавился от этого проклятого зуба – переднего резца, слева сверху, за последние годы так жутко вылезшего из десны, что кончик его торчал даже из закрытого рта! Он болел, если его чуть задеть при еде, а кроме того – всё сильнее шатался и болтался. Ел я сегодня суп – и было такое чувство, что я прямо жую этот зуб, именно его, настолько мешал он, болтаясь прямо между губ. С отчаяния я решил попробовать, – с первой попытки не получилось, но со второй – я его все-таки вытащил. Он

еле-еле держался. Осталось зубов совсем мало...

По-прежнему жуткий холод, околеваю, не могу сидеть читать из-за этого. Руки то и дело ледяные. На завтрак и на ужин – дерьмо (овсянка и сечка), опять ел баланду только в обед. Прикидывал: на 1000 р. в пятницу я уже не смогу купить в ларьке все нужное на неделю...

19.5.16., 5-30

Будь всё проклято!!! Опять не спал больше полночи, не мог заснуть!.. Три часа сразу, как лег, проспал нормально, а потом – всё!.. :(((

18-13

Опять остался без ужина: овсянка и рыбка-колючка. Только что, перед тем, как привезли всё это дерьмо, я порадовался, что всё рыбное меню у них хоть на время кончилось... Итого, весь ужин – корка хлеба от пайки; а мякиш – после отбоя с колбасой, на нее только и надежда: съем половинку последнего батона, привезенного Верой еще в апреле; а вторую – завтра. Прикидывал и так, и этак : не выходит на 1000 р. всё, что мне хотя бы минимально надо на неделю (колбаса/сардельки, майонез, вафельные торты на завтрак): всё сильно подорожало за последнее время. Вроде немножко, но даже на самый минимум уже не хватает; а еще недавно оставалось по 20-30 рублей свободных...

По-прежнему околеваю тут от холода, согреться совершенно невозможно; руки – ледяные.

20.5.16., 14-14

Пятница. Смена Колобка. Шрека с ним уже нет, эта жуткая круглая харя – теперь за старшую тут. И без того я помнил, что завтра, в субботу, предстоит испытание, но сейчас, идя в баню и увидев в коридоре того молоденького мразёныша, что утром во вторник заставил меня надеть «куртку х/б», убедился в этом окончательно. Вот, оказывается, с кем уже как минимум вторую смену дежурит Колобок!

Под душем в бане стоял – и мучительно размышлял, взвешивал все «за» и «против», пытаюсь принять единственно верное и честное решение. Итак, завтра утром, в подъем, я откажусь надеть «куртку х/б». За это в понедельник, 23-го, на «крестинах» мне дадут очередные 15 суток. Да, я дам им для этого повод, – а я-то и на стол уже третий месяц не ложусь, чтобы только его не давать (правда, в нынешнем холоде особо и не полежишь). Я пропущу две пятницы, два магазина – 27-го мая и 3 июня (а завхоз-то только сегодня мне сказал, что, оказывается, на месяц лимит – 5000 р. то бишь, за один раз можно тратить больше тысячи!). Очень надеюсь, что не заберут хотя бы то, что останется из уже купленной жратвы, – при двух, не то трех последних ШИЗО ничего не забирали. Да, придется 15 дней по утрам

прятать не только часы, но и нитки, которые без ШИЗО я не прячу. Да, сорвется мой, так сказать, эксперимент: уже прошло больше месяца, как кончилось 18 мая последнее ШИЗО – и я хотел проверить, когда и за что они навесят мне следующее, какую провокацию опять придумают.

А что с другой стороны? С другой стороны – только принцип: делай, что должен, и будь что будет. Да еще то чувство невыносимого отвращения к себе, которое охватило меня во вторник, после утреннего таки надевания «куртки х/б». Да еще – очень смутная, маленькая надежда: может быть, как-то пронесет, обойдется. Ведь и из еврейских гетто некоторые умудрялись сбежать, и в 1937 году не оказаться дома, когда за ними приходили по ночам... Хотя – я ведь неудачник, мне уж какие надежды...

Мылся – и мучительно размышлял. Старый стал, уже ученый, битый, как старый пес, опытный... Будь мне сейчас лет 25, даже 30 – ни секунды бы я не размышлял!.. А тут – знаю уже, чем рискую, не очень-то хочется ужинать минимум восемь дней одним хлебом... Но против своей совести идти, делать покорно то, что я считаю ненужным издевательством и демонстрацией своей власти, хочется еще намного меньше. (Уж голодовку, когда дадут эти 15 суток, ясное дело, объявлять не буду, – смысла нет.) Тем паче – эта мразь ведь может теперь дежурить тут постоянно, муштровать меня этой «курткой х/б» через каждые три дня на четвертый (они, похоже, восстановили тут четыре смены вместо трех). И совсем уж будет обидно и стыдно, если я поддамся, надену – и через пару дней они всё равно, выдумав что-нибудь сами, навесят-таки мне опять ШИЗО...

Тяжело решаться, когда тебе уже не 25 лет. Тяжело лезть на рожон туда, где этого только и ждут. Но – я очень надеюсь, что мне хватит мужества завтра утром поступить по совести.

18-03

Опять всю мелькает, сияет и вибрирует в левом глазу. Видимо, поднялось давление из-за того, что нервничаю в предвкушении предстоящего завтра и в понедельник..

21.5.16., 5-48

Готовился-готовился, и – обошлось!.. :))) Вчера, конечно, молодой ублюдок-вертухай в отбой и «куртка х/б», а вот сейчас, в подъем – дверь открыл Колобок, точнее, обе двери сразу, ни про какие куртки не спрашивая; а молодой, видимо, стоя дальше от дверей, поворачивал ручки, запирающие нары. Так что – на сегодня обошлось, но следующий раунд, следующий акт трагедии – в среду утром, через три дня на четвертый...

А ведь из-за этих проклятых мразей с их «куртками х/б» я опять фактически не спал ночь!.. :(То хоть в час просыпался, а тут – без пяти 12, и

уж после этого – вставал каждый час. В перерывах вроде задремывал пару раз, судя по тому, что что-то снилось, но – какой сон, если каждый час встаешь. В сумме, думаю, спал не больше трех часов за всю ночь.

Сегодня юбилей – 95 лет исполнилось бы академику Сахарову, которого теперь в этой проклятой стране если и вспоминают, то в основном как «отца водородной бомбы», чем как правозащитника (и Пинхос Подрабинек, отец братьев Подрабинек, в своих мемуарах обращал внимание на то, что за бомбу Сахаров, мол, так и не покаялся. В общем-то, да, покаяться бы не мешало; но – он искупил вину и так, своей работой за все 70-е годы, своей ссылкой и голодовками в Горьком...). Я был поражен, что сейчас в рубрике «календарь» о юбилее Сахарова упомянуло даже радио «Милицейская волна»!.. :))) А я ведь еще прекрасно помню, как ровно 20 лет назад 21 мая 1996 г. НТВ в новостях показывало: президент Ельцин в 75-летний юбилей Сахарова лично приехал на Востряковское кладбище – и кладет цветы на его могилу. Переполоху-то было на Востряково!.. :))) Конечно, Ельцин знал Сахарова по Межрегиональной депутатской группе в 1989-м; и конечно, в 1996 г., когда на носу были выборы, Ельцину до лампочки была память Сахарова – еще бы, после первой русско-чеченской войны, после ковровых бомбежек, «зачисток» и тысяч трупов! – а просто, так сказать, пиарился Борис Николаевич перед выборами, набирал себе очки в глазах интеллигенции, таких вот, как я. Ну, а Путину пиариться ни к чему, да и электорат его – в основном не интеллигентский и о Сахарове знает мало, так что Путину на Востряково ехать сегодня уж точно незачем... :)))

23.5.16., 5-55

Вчера впервые за всё время моего сидения в этой тюрьме приперлись и открыли камеру уже около восьми вечера, после ужина. Впрочем, открывали их все, а не только мою: устроили неожиданно «маленький косметический ремонт», как назвала это косоглазая быдлотатарская мразь. Она отпирала все камеры по очереди – а дневальный с разведенной в баке краской и кистью (точнее, по-моему, щеткой) заходил в них – и закрашивал надписи. У меня, правда, надписей не оказалось. Думаю, что неспроста это устроили: уж не ждут ли опять какое-то большое начальство, которое будет шляться здесь по камерам?..

Сука библиотекарь вчера опять, несмотря на мои просьбы, поперся сначала в дальний конец коридора, где в ПКТ и ЕПКТ сидят блатные. Шел оттуда сюда, так что вместо первого – я оказался у него последним. Хорошо еще, что книг хватило на всех, две я себе смог выбрать; но – бывало и так, что он всё раздавал там, у блатных...

Мрази из быдлотатарской смены сделали как по закону подлости: отбой

вчера начали с того, дальнего конца коридора, – опять я последний, полчаса ждал, когда дадут матрас; а вот подъем сегодня утром – начали с меня, подняли на ноги уже 15 минут шестого. Ублюдки косоглазые, чтоб вы сдохли мучительной смертью!.. Раньше они всё-таки начинали с меня и подъем, и отбой, хоть какая-то справедливость была...

Понедельник. Жду сегодняшних «крестин»: навесят мне очередное ШИЗО или не навесят. Уже ведь месяц и пять дней прошло, как кончилось прошлое. Ну, а потом – жду среды и скандала с «курткой х/б» в подъем...

24.5.16., 12-44

Опять выдергивал сейчас перед отбоем психолог, пропустивший ту неделю полностью. Говорили мы с ним долго, дольше обычного, да еще наедине. Наверняка все друзья, сочувствующие, вся тусовка сурово осудили бы меня, узнай они, что этому казенному психологу я прямо и открыто говорил о том, какой лютой ненавистью я ненавижу «мусоров» и вообще всю эту мразь в погонах, из всех «силовых структур», и как мечтаю лично, своими руками убивать их. Осудили бы, несомненно; но – я и не считаю нужным это скрывать, да и не мог бы скрыть, даже если б хотел.

И к тому есть все поводы. Опять смена Колобка, опять выводил меня этот молоденький ублюдок-«х/бшник», стычки с которым я ждал в субботу. [Зовут этого вертухая Константин Панин. – прим. 2020 г.] Но уж завтра-то утром стычка неизбежна; да еще – это чмо, оказывается, как и белобрысый упырь, перед тем, как открыть мою дверь, включает регистратор, его писк отчетливо слышен через дверь. То бишь – сразу стопроцентный материал для «крестин». Но я не уступлю, – или выкидываю матрас без «куртки х/б», или просто ложусь обратно, и пусть вешают мне столько суток ШИЗО, сколько хотят!

И – ни писем уже восемь дней, с 16-го, ни газет/журнала, ни книг, присланных из дома, хотя еще вчера утром отдал заявление про них. Ни ребят, которые обещали быть в конце мая, но тоже что-то не торопятся. Дай бог, чтобы хоть 31-го появились, а не в июне уже. В камере вроде стало немного теплее, но, конечно, не настолько, чтобы снять шерстяные носки и «теплек» из-под свитера.

Сам смеюсь над собой: размечтался, дурачок!.. :))) Позавчера, что ли, утром, – так и пробрали меня эти мечты, игра воображения, вызванная обещанием Феликса и – по словам матери – Натальи Г. Как же, и в Киеве она что-то мое издаст, и в Москве это издательство «Время» – мой буреполомский дневник. Ага, щаззз, размечтался! :)))

1273 дня осталось, началась 182-я неделя от конца срока. Будет ли он, этот конец?..

25.5.16., 5-33

:)))) И опять обошлось!. :))) Открыл сейчас га подъем дверь этот молоденький мразёныш-вертухай, «х/бшник» – и ни слова не сказал ни про какую «куртку х/б», ни про какую «форму одежды»!.. А я-то уж приготовился, поцапавшись с ним секунд пять, лечь обратно на нары. Впрочем, м.б., это потому, что регистратор был не у него, – я слышал еще до этого, как в него наговаривал дату и «подъем в ШИЗО/ПКТ/ЕПКТ» другой голос, старше и грубее, – видимо, Колобок. А вчера «отбивал» меня лично мразь Безукладников (не только меня, конечно), так что х/бшнику опять не удалось меня муштрануть с «курткой х/б». :))) Что ж, ждем утра воскресенья – следующей его смены...

19-42

Ни писем, ни книг, ни газет опять... Только утром, перед шмоном – единственное письмо от Корба на трех страницах (отдельно от других, потому что оно заказное, как всегда).

Оставило это письмо у меня в душе на весь день разочарование и какую-то злую, горькую досаду, – черт его знает, почему. М.б., из-за самого стиля, которым Корб пишет, – за пять лет общения с ним я всё никак не могу привыкнуть. М.б., потому, что так и не пишет Ольга Исаева, обещавшая писать мне через него, – всё, разочаровалась, видимо, во мне окончательно, после наших бурных споров в письмах прошлым летом, когда я был в Москве, после непонимания моих шуток, про Бурджанадзе, в частности. Да, Ольга – тоже сильная женщина, а это как раз то, что я ценил в Новодворской, еще в некоторых женщинах-политиках, и полушутя отнес к этому же типу тогда и Бурджанадзе. Но – касательно Ольги – быть сильной женщиной совсем без чувства юмора, – тоже ничего хорошего. Или из-за нашего спора с ней, стоит ли мне соглашаться баллотироваться в депутаты, если б была такая возможность? Но возможности нет, в том-то и дело...

А м.б., еще и от слов самого Корба досада, – от того, что он подтвердил мои худшие предположения, – мимоходом упомянул издательские планы Натальи в Киеве – и сказал, что пока всё это только планы; типа, от реализации они далеки. Я и без него знал, что планам этим не судьба осуществиться, но такие подтверждения не радуют, конечно. Письмо его еще аж от 2-го мая – как раз через три дня я сам писал матери в письме, что издательские планы Натальи не осуществляются. Угадал... :(За прошедшие с момента написания Корбом письма 3+ недели не думаю, чтобы они стали хоть на миллиметр ближе к реализации...

Забавно получилось с письмом Серого Фиолетового ко мне. 16 мая я нашел его в очередных майсуряновских распечатках, причем ссылка там

была именно на публикацию его в Сети Корбом. Поэтому именно через Корба я и решил послать ответ. А сегодня оказалось, что и в свое письмо от 2 мая Корб это послание от Серого Фиолетового тоже включил. Когда 16-го я писал С.Ф. ответ – письмо Корба уже, без сомнения, было здесь, но я о нем не знал. В общем, угадал, удачно попал в самую точку – отправил ответ через того, через кого и следовало – а ведь сперва хотел через Лену Маглеванную...

Оказалось также, что это Корб внёс меня в список претендентов на премию имени Немцова, голосование по которой устроили на сайте «Новой газеты». Еще до этого меня страшно изумил этой вестью Землинский, написав, что он за меня там проголосовал. Самое прикольное – это его [Корба] очень удачная формулировка (и задаваемый ею стиль): «добрый троллинг оппозиции». Да, действительно, только и остается, что троллить мною эту дешевую, дерьмовую «оппозицию», – на большее-то, чем роль пугала для них, этакого раздражителя, чихательного порошка, мне ведь всё равно рассчитывать не приходится, всерьёз меня никто не воспринимает (вроде того как Маня всё норовит записать в «художники», уравнивать с Павленским, при всём моём уважении к последнему)... Только и остается мною троллить этих давидисов, яшиных, навалных, муратовых, касьяновых... Как и говорила Вера на апрельской свиданке, внесение меня в список (Вера говорила только еще о самой этой идее) вызвало ярость в рассылке – у Гены Строганова, еще, видимо, у кого-то. Хоть и без имен, но Корб в письме это подтвердил. Ярость – из-за отвращения к имперцу Немцову, и это правильно; но тут как раз прав Корб, что не имя Немцова в данном случае главное, а – признание заслуг политэков, их мужества в отстаивании своих убеждений, венчаемого этой премией. Понятно, что наберу я там голосов очень мало, буду на одном из последних мест, если не на самом последнем. Ну ясное дело, где уж мне равняться с Олегом Навальным, да даже и с Дадиным, который сидит за мирные «одиночные пикеты в защиту конституции», а совсем не за «кровожадные призывы»...

По радио сегодня – единственная, но крупная радостная новость: похоже, Наконец-то Савченко все-таки обменяют на этих козлов Ерофеева и Александрова, русских агрессоров-ГРУшников в Украине. Сказано было, что самолет с ними двумя на борту сегодня утром (?) приземлился в Ростове на Дону. По идее, тот же самолет должен был забрать и Савченко, но... Я не удивлюсь, если Путин устроил ловушку и, заполучив своих террористов назад, Савченко так и не отдаст. Подробности можно будет узнать только когда придет «Новая газета», а сегодняшняя, увы, придет еще не скоро – только в июне...

Да, странная какая-то тоска и пустота на душе от этого письма Корба.

Отсутствие плохих новостей – уже само по себе хорошая новость, ничего ужасного не случилось, но... и ничего хорошего тоже. А мне уже мало отсутствия плохих вестей. Застой, мертвечина, пустые планы и «проекты», которым не суждено сбыться, на которые у самого Корба, по его словам, никогда не бывает свободного времени (чем же он таким важным постоянно занят?!), а у всех остальных – денег, энергии и бесстрашия (особенно у тех, кто еще в России). в России). Ничего нигде никогда не будет опубликовано, – ни мое, ни обо мне, и мое сидение здесь не получит даже этой жалкой тени хоть какого-то оправдания и смысла...

Да, еще он написал, что мой стих «Советским «ветеранам»» таки был признан «экстремистским», но в списке появился только недавно – в апреле, видимо, – почти через год после признания. Оказалось, что нашли его – и «признали» – в блоге Дмитрия Вайсбурда, который его перепостил с корбовского «Патриофила». Вайсбурда я знаю только в лицо, никогда с ним не общался; удивлен, что он оказался настолько продвинутым, чтобы публиковать такие стихи, особенно учитывая трепетное отношение большинства евреев к сраной «победе» 1945 года.

26.5.16., 5-43

Итак, всесвятская веселуха продолжается...Встаю сейчас – а вода из крана не течет, а еле-еле капает. Потом, слава богу, пошла чуть посильнее, но все равно – не так, как обычно, не с нормальным напором. Дай бог, чтобы обошлось, чтобы не сидеть полдня без воды, как уже было в марте, кажись. У этих мразей, увы, возможно всё... Матрас мне вчера дали на 20 с лишним минут позже девяти, – пока дошли до меня из того конца коридора; да и во время сё продолжали суетиться, разбираться со своими бумажками с последних «крестин», которые были вчера, по-моему, аж два раза, – сперва в четвертом часу, как обычно, а потом, неожиданно, после пяти. Или это были одни и те же? Не знаю. Меня, к счастью, не дергали на них, только вот ужин привезли уже в восьмом часу, вместо обычных 20 минут шестого. А из-за опоздания с матрасом, из-за своего потом ужина – лег я вчера ровно в десять, поспал три часа, проснулся без пяти час – и потом уже не спал, разве что задремывал пару раз, ненадолго, минут на десять, не больше. Дико хотелось спать именно вот сейчас, когда подняли, в пять, в шестом часу, – о, как я мог бы сейчас сладко еще заснуть на часок-другой, если б не эти суки!.. И вот – 16 часов опять сидеть на табуретке, топтаться по камере... Да еще зуб болит – уже верхний левый, последний, оставшийся у меня наверху с той стороны. Болит с вечера, то сильнее, то тише, и ночью, просыпаясь, я тоже чувствовал эту боль...

Жуткая тоска опять без писем. От матери, от Землинского, от Майсuryяна

там уже точно должны быть, – за десять дней опять приличная пачка наберется... И газеты не несут уже две недели, – последняя была за 11-е мая. Притащат, мрази, опять толстенную пачку, пять-шесть штук, сиди читай их три дня подряд... Тоска, безнадега... 1271 день остался... Я проклиная этих мразей.

27.5.16., 5-25

Опять не спал больше полночи. Опять болел зуб. Вчера днем наконец-то почта: сразу десять писем за десять дней, 11-е – только марки и конверты. Вера, мать (два письма), Йонатан, от Землинского – сразу пять, как обычно; от Майсурияна – опять та же история: 132-е письмо, а 131-го еще не было. Не от Маглеванной ли он пересылал в 131-м? Тогда задержка понятна: от Лены письма ФСБ, видимо, изучает особо долго и тщательно... :))

Больше всего возмутило письмо этого Йонатана из ФЕОР, которого я только по письмам и знаю, и то – лишь с прошлого года. В прошлом письме он «в одностороннем порядке» перешел со мной на «ты», а в этом – уже включил задний ход: нет, мол, давайте всё же будем на «Вы». Прочел мое прошлое письмо – и тут же я оказался у него и «склочным», и «въедливым», и «неуравновешенным», и «взбалмошным», и «капризным»!.. :)))) Вот дерьмо-то!.. И с чего же это всё вдруг? Бог его знает. М.б., с того, что в том письме я упомянул, что его почерк неудобочитаем, да плюс – спросил, почему он даты на письмах не ставит? По крайней мере, других конкретных придинок он не озвучил. И помощница-то его, почитав меня в интернете, уже не хочет сама мне писать (а раньше вроде хотела), – я, мол, и «русофоб», и слишком «злой», и т.п. :))) Ладно, пусть не пишет, эту потерю я легко переживу. И при всем при этом он мне продолжает писать, что, мол, я ему лично «весьма и весьма импонирую», – но на мое упоминание об их кошерном магазине не ответил, упомянул только, что, мол, если есть «разумные» к нему лично и к ФЕОР просьбы, то он готов... Дерьмо и трепло, короче, – и ясно уже, что моя мечта пожрать тут чего-нибудь дополнительно к баланде за счет ФЕОР, хотя бы меду или изюму, как в 2008 в Буреполоме, с треском провалилась. Ну и черт бы с ним, горевать я не стану, а что ничего с них не получу в этот раз – я понял уже давно: на то ведь я и неудачник...

Новости в письмах вполне безумные, отражающие суть этого режима. К Воробьевскому в Воронеже, оказывается, 6 мая вломились домой менты, уволокли его в психушку, там продержали несколько дней, первый день – кололи... Потом, слава богу, выпустили: какой-то судья не утвердил ему принудительное «лечение». (При этом ничего не говорится, есть ли у Воробьевского какое-то уголовное дело, откуда вообще взялась

необходимость в «лечении».) Павленского сильно избил конвой Мосгор«суда», – ну, это уж как водится, он не первый и не последний, кого там бьет конвой... Одновременно выяснилось, что у Лены М., оказывается, набить и повесить что-то мое просто не хватает времени, она и через (примерно) месяц после получения еще этим не занялась. Очень странно и подозрительно, – раньше времени у нее на это всегда хватало... Мать пишет со слов Рудыка, что нынешний украинский премьер Гройсман – действительно его дальний родственник, но отношения у нас плохие (даже если б были хорошие – трудно представить, чтобы премьер мог выкраивать время еще и для родственников). Обещает похлопотать перед ним обо мне через вдову покойного Димы Гройсмана, – но, в общем, ясно, что ничего мне не светит и тут. Мать пишет, что Лена или Наталья, мол, после срока мне «создадут условия для работы», для пресловутой «журналистской деятельности», то бишь. Типа, материально я буду обеспечен, сыт, одет, жить в коттедже на хуторе (?) у Натальи под Каневом – и писать, как и раньше, в свой блог для 150 читателей, только уже не боясь, что меня за это арестуют. :) Выход же на более массовую аудиторию, как и влияние моих текстов хоть на что-нибудь в этом мире – не просматриваются абсолютно.

Йонатан еще прислал мне маленький ивритский разговорник в письме, предлагает и большой учебник; но – что толку? Времени тут полно, а памяти у меня совсем нет, по учебникам мне ни один язык не выучить, в этом я уже не раз убеждался... :(((

То, что Корб таки номинировал меня на эту премию Немцова, да еще пытался это распиарить в интернете, вызвало там дискуссии, порой скандальные, стало реальным инфоповодом :) , судя по майсурияновским распечаткам. Пожалуй, это единственная хорошая новость из всего вчерашнего объема информации, полученной из этих десяти писем. Да еще, пожалуй, то, что Землинский в одно из писем вложил свежее издание УИКа: действительно, в ЕПКТ сейчас 5000 р. в месяц на магазин. Что ж, отдал сейчас, в подъем, заявление на 2000, последние за май из этих пяти. Ждем-с: подпишут или нет... Если сегодня сорвется, не дай бог, магазин, то есть мне вечером будет нечего, кроме хлеба.

И – забыл написать сразу – пожалуй, самая неприятная новость от матери и, по-моему, Землинского: Глеб «за городом», на звонки не отвечает. То бишь – в обозримом будущем ждать его – да, пожалуй, и Рому – не приходится... :(((

17-35

В баню погнали сегодня фантастически рано – почти сразу после шмона, минут 20 11-го, – так что завхозу опять пришлось идти ко мне туда с заказом

для магазина. После обеда, оказывается, отовариваются работяги с промки, так что он старается успеть утром, до 12, когда в магазине начинается обед. Две тысячи, слава богу, мне подписали; помимо обычного недельного рациона и трех пачек вафель, хотел я взять на остаток денег шоколаду, – его выходило штук шесть сторублевых шоколадок. Но оказалось, что последнюю колбасу (опять подорожавшую на пять рублей – со 184 до 189) забрали у него прямо перед носом, так что он вместо двух колбас взял мне еще две пачки сарделек (по 175), а шоколадок получилось целых семь. Да еще одна неначатая (увы, белая, такие я не люблю) у меня была, – ура, теперь почти два месяца не надо покупать сладкое на вечер! Да и то, что вместо 1000 р. будет 1025, раз в июне всего четыре пятницы, а шоколад не нужен, лишние 100 рублей свободны, – это хороший знак. :) Даст бог, хоть в июне я не буду голодать, если только опять не навесят мне ШИЗО и не отберут всю жратву. Июль и еще пара месяцев до конца года будут голодными – по пять пятниц, всего по 1000 р. на каждую; зато в ноябре праздничек 4-го – день народного паскудства :) – выпадает на пятницу, а всего их четыре; так что 5000 р. придется делить на три части, по 1660, что ли, рублей.

Хваленый и облизанный «оппозицией» яблочный «герой» Шлосберг исходит соплями и слюнями, хваля и облизывая «день победы» ничуть не хуже путинцев. Мол, спасение страны, камертон, по которому мы все настраиваемся, и т.п. бред. Дешевая, вшивая «оппозиция» – лицам, но не сути... Во вчерашних майсурияновских распечатках встретил эту шлосберговскую блевотину, опубликованную – именно как блевотину, с правильным подходом к ней – Владимиром Голышевым; я там упоминаюсь один раз где-то в комментариях к этому посту.

В камере стало настолько тепло, что «тепляк» и шерстяные носки я снял – и прекрасно себя чувствую! Видимо, на улице если не жара, то теплынь; шел в баню – в коридоре тюряги нашей открыты обе двери на улицу. Но снять шерстяной свитер и теплые штаны из-под брюк я все же пока не решаюсь.

Ни книг так и нет, ни журнала вот уже за две с лишним (газета) недели...

28.5.16., 6-52

Лег вчера в полдесятого – и опять спал только до часу ночи. Когда же это кончится, наконец?! Ни жрать, ни спать!.. Дикая тоска... 16 часов топтаться по камере туда-сюда, сидеть на табуретке... :(((Делать совершенно нечего, читать нечего, кроме дневников Шмемана, которые мне малоинтересны. Ни книги мои из дому, ни прессу – эти суки так и не принесли, и я не знаю, как выцарапать книги. Голодовку начать?.. Вот и вторая половина срока, но легче мне, как я надеялся, не становится, вокруг всё тот же тупой казенный

ад, впереди – всё та же безнадёга...

7-45

Кстати, еще одно проявление маразма: с позавчерашнего дня, вот как с утра почти не шла вода из крана – воду тут стали хлорировать!! Не знаю уж, как это им удастся, – ведь в лагерях вода обычно качается из земли, особенно если лагерь не в большом городе находится; да и на самой станции Всесвятская первое, что бросается в глаза, – это громадная водонапорная башня. Но, тем не менее, теперь от воды так жутко несет хлором, что ее почти невозможно стало пить, даже отстоявшуюся, в стаканчике. Жуткий запах, как в худшие времена моей юности в Москве (потом, году в 11-м или 12-м, и там вместо хлора нашли какие-то другие способы обеззараживания). И как раз вчера, говоря в бане с завхозом об ассортименте магазина, узнал, что там продается и газировка! Но – чтобы, как было дома, пить одну газировку, у меня тут точно не хватит денег, т.к. еда все-таки важнее... :(((

29.5.16., 18-07

Молоденький сучонок-вертухай, «х/бшник», как я его прозвал, окончательно образумился и перековался. :))) Перестал требовать надевать «куртку х/б» не только при подъеме, но и при отбое, – вчера вечером и сегодня утром. Даст бог, до конца срока не всплывет больше эта проблема, не появится новый усердный не по разуму дебил... Уже месяц и 11 дней я без ШИЗО... :)

Воскресенье. Тоска. Пустота. Жизнь прошла... Уже два журнала и семь газет я не получил. Опять принесут толстенную пачку, полнедели ее читать по 16 часов в день... Но это-то хоть принесут, а вот книги их дома... Заявление о них, отданное в прошлый понедельник, они полностью проигнорировали. Завтра можно отдать второе, но – толку-то? Не знаю, как выцарапать...

30.5.16., 17-25

После обеда неожиданно – письма от Майсурияна (131-е, которое принесли позже, чем 132-е, я думал, опять забрали), от Мкртчяна и – от Землинского, самое ценное. Но – он свидетельствует, что в блоге моем опять пусто, уже 20-го мая, хотя Лена ему обещала «завтра что-нибудь поставлю» еще 14-го!. Черт побери, что же она, чем так занята?! Опять, что ли, на работу устроилась... Зато он пишет со слов матери, что Света 21-го или 22-го (на выходных, то бишь) была у нее – и взяла деньги на поездку ко мне. И – вот уже больше недели прошло с тех пор, а ее все нет! Где же она, черт возьми?! Глеб же, по словам Ромы, написанным в инете уже самому Землинскому, должен был вернуться в Екб где-то в начале той недели (т.е. около 23-го мая), а ко мне они планировали ехать в конце ее. Но – сегодня уже понедельник

следующей недели, а их всё нет.

По моему заявлению о книгах приперся вдруг замначальника воспитательного отдела, знакомый мне в лицо, но не по фамилии. Спрашивал, что за книги, расписывался ли я за них и т.д., обещал узнать. Но – видимо, это ему только сегодня, ровно через неделю, отдали еще только ПЕРВОЕ мое заявление, тогда как сегодня в подъем я уже отдал и второе. Уже не первый раз замечаю, что заявления мои доходят до этого именно хмыря ровно через неделю, не раньше. А в ответ на мой вопрос о журналах и газетах он вполне чистосердечно мне ответил, что он... забывает мне их принести!..

31.5.16., 15-14

Без пяти три открылась вдруг дверь, стоит какой-то незнакомый хмырь в камуфляже. М.б., и не здешний, ни разу его не видел. Говорит: давайте, мол, я вас сфотографирую, – и достает фотоаппарат. – Зачем? – Надо... Во всегдашней их манере, – не отвечать на вопросы, напускать таинственности. Я довольно резко попытался выяснить, зачем именно это «надо». Объяснил туманно: мол, вы же у нас склонны к суициду... И какая связь? Но уж подробнее это что объяснить не изволило, зашло в камеру – и первым делом щелкнуло меня на фоне двери и висящей в углу видеокамеры (это он пояснил, что она должна попасть в кадр), потом – на фоне окна. Сижу, гадаю: какой пакости теперь от них ждать, для чего фотографировали? Потому что ведь хорошего от них ждать не приходится. М.б., это в связи с моим еще мартовским заявлением о суициде и ответственности мрази Асламова? Кто, интересно, его послал, для кого фотки предназначены, – ГУФСИН в Перми? Прокуратура? Не угадаешь, конечно, но ясно, что ни для чего хорошего всё, что они делают, делаться не может.

Опять дикий холод в камере (и на улице, видимо, тоже). Ни книг, ни газет, ни журналов, ни посетителей... Теперь еще тяжелее, тоскливее будет это ожидание каждый день: Света еще неделю назад взяла деньги, Глеб с Ромой собирались еще в начале прошлой недели, – и ничего, никого... :(((Глеба я не ждал раньше июня, а м.б., только осенью (он всё говорил, что до осени может уехать на заработки), да и Свету тоже не ждал в обозримой перспективе. Растревожили, разбередили мне душу – и ничего, опять тишина... Осталось 1266 дней, это – мучение, а дальше – пустота, неизвестность...

ИЮНЬ 2016

1.6.16., 15-20

Ничего не несут... Никто не едет... Я буквально околеваю от холода... Не могу читать, не могу сидеть, никак не могу согреть руки, даже дыханием. Камера абсолютно ледяная, меня буквально пробирает насквозь, несмотря на четыре слоя одежды выше пояса...

Да, это «гонки на выживание» по дикой русской равнине, где запросто можно сдохнуть от холода или голода, быть убитым уголовниками или «мусорами». Дикое северное сафари – и, фигурально выражаясь, косточек твоих потом никто не найдет... Хуже всего, однако, то, что выжившему, выигравшему – тут тоже никакого приза не полагается, кроме самого факта выживания...

Утром кто-то сказал в коридоре, что «пришли за матрасами». Если, не дай бог, матрасы и всё прочее опять, как в марте, поволокут в прожарку – значит, вечером опять, как тогда, не будет наволочки, а вместо нормального более-менее теплого одеяла (как раз тогда и появившегося) будет опять тряпка, которой только полы мыть, – и это в самые лютые здешние холода, июньские, июльские, августовские!.. Безумный, вывихнутый, вывернутый наизнанку мир тотального абсурда...

2.6.16., 16-10

Этот начальничек из «воспитательного отдела» принес-таки сегодня после обеда газеты и журналы. Что же до книг – объяснил невнятно, но вроде как они весили больше двух кг, их сочли посылкой – и отправили назад, т.к. посылка мне не положена!.. Вот суки, а?! Мрази, ублюдки, гондоны сифилисные!.. Для меня это удар, и сильный. Что теперь делать, непонятно. Слать еще раз? Опять отошлют. А взвесить, чтобы было до двух кг, там некому, мать не сделает, я уверен. И Света не захватит ничего, если и приедет, т.к. едва ли я успею сообщить (хотя Света не слишком-то сюда ко мне торопится...). Ублюдки, некоторое время пропускали книги зимой – и вот опять!.. :(((Буковского («На краю») и Герберштейна, «Записки о Московии», историческую книжку еще аж 1549 года. Но не в содержании дело, вряд ли они вскрывали эту бандероль... СУКИ!!

3.6.16., 6-50

Вот оно – то самое будущее, которое, по словам матери ли, Лены ли Маглеванной, никогда нельзя предвидеть, предсказать и знать заранее. Я ведь никак не думал, что они не пропустят мне эти книги, отошлют назад, – привык уже, с прошлого еще года, что хоть и долго мурыжат, но всё-таки пропускают... Самое лучшее, что еще может быть, – не сбудутся какие-

нибудь мрачные ожидания или предчувствия (вот одеяло не поменяли мне, как я позавчера боялся, ибо матрасы в прожарку не возили). А уж чтобы что-нибудь хорошее случилось, ждешь ли ты его, или не ждешь, – уж это хренушки!..

В «Новой» пишут, что недавно Павленскому за его акцию «Свобода» (в феврале 2014 в Питере, ту самую, в которой участвовала Маня) дали год и четыре месяца ограничения свободы (не лишения!!!) – и «освободили от наказания» за истечением срока давности. Так-то он всё равно остается в тюрьме: как раз начали его «судить» за поджог двери ФСБ, но – судя по статье, да и по активной кампании в защиту, вот же и «Новая» о нем пишет, не то что обо мне – много тоже не дадут. А Маня теперь теоретически может вернуться; хотя – не вернется, конечно: что ей здесь делать?..

12-15

Новая веселуха. Денег на магазин выписали побольше: 1250 р. – а брать там нечего!! Ни колбасы, ни сарделек, ничего! Из мясного – только какие-то крохотные баночки куриного паштета от «Главпродукта» (заведомое дерьмо!) по 35 р. Зато – куча сладкого; а подонок завхоз, мой бывший сосед в 2014, еще и – который уж раз! – не всё, что есть, пишет в приносимый мне список. Майонез он написал, но когда пошел покупать, майонеза уже не было! Он взял два рулета и маленькую упаковку кетчупа, – врет (на мой вопрос), что, мол, и того и другого не было на витрине. Кетчуп я бы брал постоянно, если б он его указывал в списке. Набрал я конфет, вафель, даже печенья; но – почти всю будущую неделю (плюс эти выходные, завтра-послезавтра) ужинать мне нечем, ничего мясного нет. Разве что по две этих крохотных баночки паштета за один раз, – но и того, ясное дело, будет мало, даже на одну обеденную пайку хлеба, разрезанную вдоль на четыре части, этих баночек едва ли хватит... :(((

4.6.16., 5-35

Баню ждал вчера целый день, – в отличие от прошлой пятницы, когда повели чуть ли не сразу после шмона. И – перед тем, как повели, слышал, как в коридоре быдлотатарская вертухайская мразь отвечала на вопрос оперу: мол, он – последний. Так как пришла она за мной уже в полседьмого вечера – я был уверен, что я и впрямь последний. Побрился, постирал вещи, помылся... Так нет: когда одевался, это косоглазое чмо вдруг заглянуло в «глазок»: готов я или нет. Я сказал, что еще нет, через пять минут буду готов. Оно в ответ вякнуло: «Две минуты!!!». И действительно, не успел я еще сложить все вещи – оно, это тупое животное, уже отперло дверь – и стало гавкать: мол, вы не один в ЕПКТ, уже и так полтора часа моетесь; вам показать, сколько положено мыться по графику? А «по графику» у этих

мразей, я знаю, положено мыться 15 минут. Пришел в камеру – действительно, как раз восемь вечера было. Другие разы, без стирки и бритья, бывает, конечно, намного быстрее. И – судя по лязгу банной двери и по шуму воды в сливе (я-то, когда уходил, воду в бане выключил – повела эта косоглазая мразь в баню после меня еще кого-то... А я, когда она начала квакать мне про график и про то, сколько я еще буду собираться, – едва сдержался, чтобы не послать ее по всенародно известному адресу и не заработать себе очередное ШИЗО. А то что-то давно меня тут не стригли, четвертый месяц уже пошел. :) (А в банный день парикмахер если и бывает, то только утром, естественно.)

20-00

С книгами, с магазином, с набором у Лены М... – неожиданности всё отрицательные. Хороших сюрпризов нет – и теперь уже едва ли будут...

5.6.16., 16-55

Еще, м.б., поживу немного, лет 10 или 15 будет, м.б., у меня, как освобожусь, после 45-ти. Успею еще что-то... Выглянул сейчас в окно (полез на стол – убрать наверх газеты) – у забора зеленая трава... Сколько ж я ее не видел, не трогал руками? С августа-сентября 2014 г. (тут же, в лагере, на 7-м бараке еще), – почти два года. М.б., потом, будет еще хоть несколько лет времени, успею наверстать всё это, хоть несколько раз еще в жизни почувствовать, ощутить, потрогать руками: лето, солнце, тепло, зеленая трава, листья на деревьях... М.б., выпадет это мне еще хоть на сколько-то...

6.6.16., 11-45

Обед: полтарелки водянистого супа с разваренными до теста макаронами – и белого цвета крупа, которую в виде утренней каши я регулярно и неизменно выбрасываю. Но тут баландер, прежде чем отдать тарелку мне, полил эту крупу чем-то из отдельно стоящей железной бадьи. Оказалось – это соус с запахом, похожим на куриный и с кусочками чего-то, что должно, по идее, быть курятиной. Что ж вы думаете?! Эти кусочки при ближайшем рассмотрении оказались... кусочками куриной шкуры! Да-да, шкура от курицы – и никакого мяса! Второе, таким образом – это каша, явно несъедобная, с ЗАПАХОМ курицы, и только...

А когда я вижу эту тарелку супа, налитую лишь до половины (раньше хотя бы уж этой бурды не жалели, наливали полную) – мне хочется не только жечь, расстреливать, крошить, топить, давить, вешать и резать всех «мусоров», держащих меня здесь, да еще в скотских условиях. Мне хочется связать этого нынешнего баландера – и в связанном виде колошматить его ломом или доской до тех пор, пока он не околеет!.. Наслаждаться его визгом и воплями, ломая ему ребра, ноги, руки, пробивая череп, сворачивая

челюсть... За неполные тарелки – только так эту суку, другого разговора быть не может!!! Прежние баландеры хотя бы это дерьмо наливали полными тарелками, раз уж второго – всегда на доньшке; а этот, я слышал как-то за дверью, жаловался, что ему не хватает супа на всех, бачок из-под него, мол, каждый раз привозит назад пустой. Ну что ж, когда наливает мне – бачок еще полон, я в самом начале коридора; и за экономию супа лично на мне – единственно справедливым я считал бы лично, своими руками, забить баландера насмерть. Дико сожалею, что в настоящее время не могу этого осуществить.

Совершенно потрясающее событие произошло утром, в «паскудный час». Слышу – у окна вдруг как будто капает что-то, вода какая-то, хотя капать ей тут явно неоткуда. Сперва никак не мог понять, что такое. Подошел, прислушиваясь и приглядываясь, случайно взялся рукой за батарею – а она теплая!!! С ума сойти, – отопление опять включили!.. Правда, ощутимо, явственно теплой она простояла не больше минуты, а с тех пор (вот только перед тем, как достать эту тетрадь, опять пробовал) – такая же, как была в апреле и первой половине мая: холодная, но не такая абсолютно ледяная, как все эти жни с 15 мая.

Неделя, как нет писем. Ни писем не несут, ни свежей прессы, и не едет никто. Любопытно, получу ли я хоть бандероль с радиоприемником, посланную Землинским в мае?..

7.6.16., 18-15

Больше полдня отвечал сегодня на письма, до трех часов: два – до шмона, два – после шмона, шмон – перерыв. :) Вчера в ужин баландер вручает вдруг пачку, шесть штук за неделю. Два от матери, 133-е от Майсуряна (пишет, что получил мое от 22 апреля, но почему-то не упоминает про письмо Лене Маглеванной, к нему приложенное. Неужели его вытащили из конверта и не отправили в Москву?!), от Гедройца из Латвии (теперь переписка с ним технически вроде наладилась; пишет, что, мол, Радуев был трусом и каялся после ареста – и как он из-за этого поругался с Леной и она его забанила; до этого Лена мне со своей стороны тоже рассказывала про это); от Землинского, бывшего 26-го мая у матери моей в гостях; ну и – от Йонатана из ФЕОР и этой его помощницы, Ланы Фрик, о которой он уже упоминал и которая, по его словам, то хотела мне написать, то не хотела, но вот всё же написала. Пишет, что любит Россию :) – типа, не знала, как мне писать, почитав мои тексты. И еще – что, любя русский язык и русскую поэзию, для полноты стала учить еще и украинский – как «еще один славянский язык». Ну, для меня эта тема благодатная, я ей и про украинский, и про белорусский свой любимый в ответ рассказал, что почитать украинские

источники на украинском – помогает и про Россию очень многое понять, про ее истинную сущность. Так что – ждем, ответит или нет, будет о чем поговорить. :)

В майсуряновских распечатках Наталья Холмогорова, известная русско-нацистская «правозащитница», пишет, что на каждой моей фразе (в текстах) – отпечаток моей «глубоко неприятной, нездоровой, но и неординарной личности». :)))))) [Комментируя дело Бубеева и противопоставляя его мне, – якобы он репостил мой и другие тексты, даже не читая их. – прим. 2020 г.] Надо будет опубликовать все мои пять справок о психическом здоровье с 2004 по 2015 год...

9.6.16., 18-15

М-да, бурный и веселый выдался день! :) После обеда вдруг выдергивают – оказывается, приехала Света Сидоркина! Наконец-то!.. Увы, оказалось – ее три часа муржили, пока пустили ко мне, а у нее самолет, так что – всего два часа у нас вместо четырех. Что ж, посидели, поговорили, я вдоволь наелся конфет, ею привезенных, – шоколадных, очень хороших. :) Рассказывала, как с прошлого своего приезда ездила она в Париж, в Висбаден, два раза в Киев, как защищала Бубеева в Твери, который за репост моего текста «Крым – это Украина!» и рисунка с тюбиком зубной пасты и подписью «Выдави из себя Россию!» получил два года и три месяца поселка месяц назад.

Дело было громкое, по словам Светы, приезжали в Тверь на процесс и западные журналисты, и украинцы заинтересовались; я об этом деле читал и в «Новой», и в майсуряновских распечатках. Но – к этому моменту я успел уже, увы, в Бубееве разочароваться. Писали о нем, что по предыдущему приговору (десять месяцев поселка) у него проходило хранение каких-то патронов, что он любитель оружия, радиодела, спортивного ориентирования и т.п. Плюс – молодой, помоложе меня уж точно. У меня было такое представление, что вот он – человек, годный для партизанского отряда, если б таких побольше! А потом в майсуряновских распечатках где-то мелькнуло его собственное признание, из материалов дела, по ходу: что при наличии всего лишь 12 друзей «В контакте» репостил он огромный вал разных материалов, всё, что попадалось интересного, не успевая толком даже читать; и мой текст про Крым прочел тоже уже только в тюрьме! То бишь – идейный, но несколько не в том смысле, как бы мне хотелось; такая оппозиционная всеядность (как и у многих из нынешней легально-«оппозиционной» тусовки). Да и Света сейчас подтвердила, что с кучей детей не годится Бубеев в партизаны, увы...

Чуть больше часа проходит – опять открывается дверь: говорят, мужчина какой-то приехал, опять идти в кабинет. У меня сразу мелькнуло нехорошее

подозрение. Заводит меня в кабинет сам мразь Безукладников – и хочет запереть в клетку. А за столом сидит какая-то незнакомая харя, и я не давая мрази Безукладникову запереть клетку, стараюсь быстро выяснить, что за харя и откуда. Говорит, из Перми. – А кого представляете? – Юристов. И улыбается, чмо этакое. Я пытаюсь уточнить подробности, а она просит мразь Безукладникова оставить нас наедине. И тот выходит, так меня в клетку и не заперев. А этот, за столом, после этого сразу же говорит: ФСБ. Так я и думал! :) Тут я с ним сразу же и распрощался – и, благодаря тому, что ни клетка, ни дверь заперты не были, взял и вышел из кабинета.

Закрывал меня после этого в камеру опять мразь Безукладников. Спросил я его: почему книги мои отправили назад? Потому, говорит, что вы положенную бандероль уже получали. Другая версия, чем у того, из воспитательного отдела (тот сказал, что больше двух кг и сочли посылкой) – и явно бредовая, т.к. бандеролей с книгами с ноября по апрель получил я штук пять, причем не за все даже и расписывался, что получил.

Проходит еще с полчаса – опять за дверью слышу голос, и, по-моему, опять мразе-безукладниковский: захвати из «тройки»! Или «выведи из «тройки»», но скорее именно «захвати!». Бред какой-то... Сижу, жду, что будет.

Открывается дверь, и опять та же морда (сегодня по графику должна быть смена Колобка, но дежурят две хари совершенно другие) говорит: идите посылку получать. С изумлением иду – и вижу извлекаемые из полиэтиленового пакета-конверта мои две книги: Буковского и Герберштейна! Значит, не отправили их назад, врало мне это «воспитательное» чмо (а м.б., ввали и ему в КДС, где ведают получением посылок/бандеролей). Что ж, расписался за них в тетради – и хмырь, вскрывший пакет, оставил их прямо на столе в «дежурке», чтобы посмотрел мразь Безукладников. Я надеялся, что, как и зимой, просмотрит быстро – и отдаст мне. Но – сейчас спросил вертухая после ужина, когда собирали тарелки: м. Б. уже ушел, посмотрел ли книги – неизвестно; а что я просил отдать их мне – вертухай выслушал, что-то буркнул и ушел. И когда я теперь их получу, и не пропадут ли они, валяясь в «дежурке» на столе – абсолютно неизвестно... :(((

Мучительно порой болит зуб слева сверху (последний там), особенно же адски – от горячей баланды, когда ем. Пока терплю эту боль, но что будет дальше – боюсь думать...

10.6.16., 5-55

Конечно же, никакие книги мне вчера не отдали! В отбой я спросил о них ту вертухайскую мразоту, что днем три раза выводила меня из камеры.

Существо, как будто специально созданное для иллюстрации прилагательного «сиволапый»... Мразота эта ответила мне, что, мол, как оперативник скажет – так они и отдадут а все мои дальнейшие вопросы и предложения просто игнорировала. Тупые мрази, ублюдки, мундирные суки, выродки, блядь дети, недочеловеки!.. Выцарапай у них теперь попробуй, – когда сегодня в 11 уже заступит другая смена – и будет ссылаться на то, что она ничего не знает, что всё было не при них – и на оперативника, который тоже знать не знает, что здесь в «дежурке» лежат какие-то стомахинские книги!.. Мрази, чтоб вы сдохли!

А Света, как я вчера выяснил, считает, что искать себе какое-то временное пристанище в Москве на время между освобождением (если оно будет) и эмиграцией – за три с половиной года, мол, рано, всё еще может измениться, никто не может заранее ничего обещать, и т.д. Впрочем, я так понял, что лично она и вообще не может мне в этом смысле ничего обещать, на нее можно не рассчитывать. А чтобы хоть что-то найти к ноябрю 19-го – надо искать именно вот сейчас уже, а абсолютно убежден в этом; потому что если начать эти поиски не за 3,5 года, а за 3,5 месяца до освобождения (если оно, опять же, будет) – то тогда уж точно не успеешь найти абсолютно ничего...

Кольченко (ее подзащитный украинец), по ее словам, сидит в Челябинске, Сенцов в Якутске, а Кашапова из Татарстана увезли аж в Коми. Мрази, загоняют как можно дальше, в самые жуткие, лютые, ледяные места своей проклятой страны!..

7-43

И вот – новый неожиданный поворот сюжета! Давая сейчас завтрак, баландер вдруг вернул мне и мое заявление на магазин: говорит, с 6-го по 20-е магазин не работает, т.к. в отпуске – не спросил, кто именно: то ли продавщица, то ли бухгалтерша, которая тоже всегда там сидит, выписывает деньги. Вот так вот!.. :(((

То бишь, на ужин уже сегодня, и вплоть до 24-го (пятницы, ЕПКТ-шного дня в магазине) – только хлеб, больше нет ничего! На завтрак – остался на два раза вафельный торт (сегодня начал его), на один раз – пять вафель (полпачки, еще есть нескрытая пачка печенья. Много только шоколада и конфет, купленных на остаток денег в два прошлых раза. Если будут всё это время целый день давать белый хлеб (как уже больше месяца его дают, к моему изумлению) – значит, будет выжить полегче. Если же утром и в ужин пойдет черныга – значит, как зимой: обед и вечером мякиш обеденного хлеба – вся еда за день. И две конфетки после мякиша.

Другая проблема – 24-е будет последняя пятница июня, а у меня пока за

июнь из 5000 р. израсходовано только 1250. Я думаю 24-го потратить тоже только 1250, а оставшиеся июньские 2500 перекинуть на июль, разделив их на пять пятниц по 500 рублей, тогда в неделю у меня будет 14500 – не так плохо! Проблема в том, что УИК-то их это разрешает – там это специально оговорено, – перенос денег, не истраченных в прошлом месяце, на следующий месяц. Но тупым кретином-операм, или кто там подписывает заявления, – на УИК-то плевать; они, увидев, что я превышаю лимит 5000 за июль, могут подписать лишь столько, сколько осталось из этого лимита 800 рублей уже в четвертую пятницу!) – и всё! И никто не объяснит ему, тупому козлу, не растолкует, про УИК и перенос денег! Не завхоза же, ходящего подписывать заявления, об этом просить, – да и вижу я завхоза уже только после похода туда, но никак не до. Напишу все в заявлении, сошлюсь на УИК, постараюсь разжевать всё максимально подробно и доходчиво, но – увы, никаких гарантий, что это подействует, нет... А пока что, до 24-го, те две недели, мне в любом случае предстоит сидеть на голодном пайке... :(((

13-05

Часов в 11 принесли мне книгу Герберштейна, – сунули в «кормушку». Спрашиваю, где вторая (Буковского), – а ее, мол, надо проверить, потом... Кто-то из оперов увидел и уволок, видимо – а мрази Безукладникова, на которого я рассчитывал, сегодня, похоже, вообще нет (трубного голосочка не слышно в коридоре). Скорее всего не отдадут, конечно. Можно сообщить об этом самому Буковскому – через Корба или Лену Маглеванную, чтобы он известил мир об этом новом факте путинской цензуры. Из его уст это прозвучит – про его же книгу – особенно сильно, но саму книгу вернуть, увы, не поможет...

Были вчера радость, воодушевление, хорошие новости, – приезд Светы, освобождение Павленского, – но сегодня уже всё как всегда, радость испарилась очень быстро. Это мучительно, невыносимо, изматывающе, убийственно – сидеть здесь, тратить годы своей единственной, такой короткой жизни... Я буквально изнемогаю. «Сука, как же я за...лся здесь сидеть!.. Господи, когда же это всё кончится?!» – то и дело повторяю я про себя...

18-15

На ужин – жидкий горох с тонной вискаса в нем. Вылил, естественно. День тянется бесконечно. Седьмой час вечера, но в баню еще не водили, и это еженедельное ожидание по пятницам выматывает все нервы. Смены опять перепутались, – вчера вместо Колобка с х/бшником были какие-то непонятные хари, а сегодня – уже быдлотатарская мразь, хотя, если считать, что смен опять четыре, то она должна была заступать только завтра. Батарея

часов в 10-11 нагревается на пару минут, остальное время – полностью холодная.

Это всё совершенно невыносимо. Силы мои на исходе, нервы натянуты как канаты. Теперь еще и жрать нечего, после отбоя – один хлеб... Я за...лся, окончательно за...лся тут...

11.6.16., 12-40

Им опять завезли горох и «вискас» – и они теперь каждый день дают горох с «вискасом», а я, соответственно, остаюсь то без ужина (вчера), то без второго в обед (сегодня. Особенно, конечно, это уместно именно сейчас, когда исчез и магазин до 24-го минимум. В общем, опять наступила голодуха типа январской. Яростно, страстно мечтаю убивать их всех, резать своими руками, вспарывать им животы, выпускать кишки – и тем, кто эти помои готовит, и тем, кто развозит, и тем, кто раздает, и тем, кто открывает «кормушки», и всем, кто засадил меня сюда ни за что, обрек на это омерзительное «питание»!.. Убивать, убивать, убивать их!!!

От супа, даже от теплого, чудовищно, страшно болит всё тот же левый верхний зуб за обедом. К счастью, быстро проходит, да и от холодной воды боль гораздо слабее. Но суп – это теперь для меня ежедневная пытка. Теоретически – на следующей, 179-й, неделе я с понедельника жду: писем, прессу, посылку с радиоприемником (который не пропустят! :), ну и – ребят. Завтра – в воскресенье после обеда – библиотеку. Сегодня же – суббота, «царица-Суббота» :))))), абсолютно пустая и тоскливая...

13.6.16., 9-40

Явились сейчас опять со шмоном, суки, давно не было! Аж с 1-го мая не заходили, а тут – вспомнили обо мне почему-то, по всей этой стороне коридора – одного меня только вышмонали – и сейчас шерудят в том конце коридора, где (Е)ПКТ.

К счастью, хоть не громили тут ничего. Зашел один молоденький вурдалак в камуфляже, с железным прутом в руке – шарить под полом и в щелях, а за ним – Шрек, со своей добродушной мордой и регистратором в руке, тот самый, который раньше, с зимы, здесь дежурил. Минуты не прошло – вышли, ничего не тронув внутри, даже пакет с мусором. Но всё равно, шмон в камере – это такое унижение, за которое – только мочить их, резать, жечь живьем в печах, независимо – добрые у них морды или злые, раскидали они вещи в камере или нет!..

14.6.16., 5-25

Опять появился второй косоглазый быдлотатарский ублюдок-вертухай, отсутствовавший где-то больше двух месяцев. Тот самый, которого за манеру гасить на день ночник я прозвал Выключателем – и которого при

одном его виде мне постоянно хотелось уничтожить, забить своими руками до смерти, вспороть ему брюхо, отрезать голову... Слава богу, сейчас, в подъем, он не пытался зажечь верхний свет, с 15 апреля у меня в камере не работающий, – но я постоянно боюсь, что эта лафа без света закончится, кто-нибудь из вертухайских мразей вызовет-таки по собственной инициативе электрика...

В ужин вчера баландер опять сунул в «кормушку» два письма. Всего-то два за целую неделю, – просто позор! :(((Оба они получены еще 7-го июня, шесть дней валялись; несомненно, за эти дни должны были прийти и еще письма. А вчера – только от матери и от Землинского. Мать пишет, что мое письмо от 16 мая, полученное ею только 31 мая, судя по штемпелю, отправлено здесь было 24-го. То бишь, восемь дней, с 16 по 24-е, валялось тут, а скорее, конечно, – по электронной почте уходило на согласование в ГУФСИН, а еще вероятнее – в ФСБ. Из обоих писем почерпнул я только одну хорошую, имеющую для меня значение новость: Землинский пишет, что Корб 30 мая опубликовал моё письмо к Серому Фиолетовому и Олегу Воротникову из бывшей «Войны», которое я писал, прочтя в майсурияновских распечатках письмо Серого Фиолетового ко мне, еще 16 мая.

18-12

Эти два дня – вчера и сегодня – были совершенно поразительными. Впервые – я четко помню, что впервые! – за все восемь с половиной уже лет, проведенных по тюрьмам и лагерям, я вчера и сегодня съедал ВСЁ, что давалось в виде казенной баланды!! ВСЁ – завтрак, обед и ужин – два дня было полностью съедобным... Такого не бывало НИКОГДА!! На завтрак – то пшенка (правда, на воде), то макароны (размазня, конечно, полная, но – хоть не овсянка и не сечка, хоть можно есть...). На ужин – картошка с «мясом» (подозрительные субпродукты, но даже это лучше, чем здешняя рыба). Да плюс – сейчас на ужин дали кусок свежего огурца, цилиндром вырезанный из его серединки. Увы, боюсь, такая лафа, – да еще как раз тогда, когда нет магазина, т.е. очень кстати – закончится, не только на завтрак, но и на ужин дадут какое-нибудь дерьмо... :(((((((

Четкое правило, почти без исключений. В ужин чай дают нормальный, – достаточной крепости, так что чувствуется вкус чая, и практически горячий. Пока ем, он не успевает еще остыть. По утрам же – как правило, холодную или чуть теплую водянистую бурду, еле-еле заваренную. Пытаюсь угадать, почему такая закономерность.

Да, то, что я сегодня всё, что давали в «кормушку», ел, не вполне относится к тому, что я ПИЛ – упоминаю об этом ради точности. Чай, в

соответствии с вышеописанной закономерностью, пил утром и вечером. А вот мутный, белесый, отвратительный «кисель» в обед я неизменно выливаю, – а его неизменно дают в обед вот уже больше месяца, наверное, если не все два. И – точно так же поразительно долго, больше полутора, наверное, месяцев, дают три раза в день белый хлеб, почти не кислый, который я неукоснительно съедаю, – когда было с чем, то в виде бутербродов, а сейчас, когда стало опять не с чем, – просто так, без всего.

15.6.16., 17-55

Потрясающе! Третий день всё без исключения съедобно! Меню то же: макароны – пшенка – картошка – белый хлеб! Правда, в суп додумались насыпать овса, но в супе он всё же не такой отвратительный, как в овсянке.

А смен, похоже, осталось всего две: сиволапая (недавно возникшая) и быдлотатарская, в изначальном ее составе (наиболее отвратная из всех). Будут, суки, работать через день – и в бане послезавтра меня опять будет торопить косоглазая мразь...

После трех дня, услышав в коридоре, что кого-то выводят к психологу, понял, что следующим буду я – и точно! Две с лишним недели он не появлялся, а сейчас сообщил, что еще на две уезжает в отпуск. В марте тоже ездил – в Египет. А у меня, говорит, отгулы, – на основной работе, газовщиком на «трубе», много перерабатываю. Всё вспоминаю меткое определение Глеба, что психолог – газовый оператор – это то же, что слесарь-хирург, или как-то так...

16.6.16., 12-30

Теперь эти мрази повадились давать овсянку в обед: вчера – в супе, сегодня – в виде жидкой каши. Еле-еле, кое-как преодолев отвращение, я съел эту дрянь – исключительно ради мяса, которого там было все-таки довольно много, нащипанного крохотными кусочками. Вкус – омерзительный; добавить бы майонеза, тогда было бы еще хоть на что-то похоже, но – майонез давно кончился, ларек – закрыт...

Ублюдки опять не несут мне прессу со 2-го числа, уже две недели. Опять притащат семь газет за один раз. Книжку тоже не отдают (хотя мразь Безукладников здесь, сейчас его кто-то звал в коридоре). Ребята не едут... Вместо сиволапой смены все-таки заступил белобрысый упырь, одну смену пропустивший, – его до боли знакомый голосочек сейчас тоже слышал в коридоре.

Днем время безумно тянется, ночью – стремительно летит. Каждый день одно и то же: последний час до подъема я лежу без сна, то и дело кое-как глядя под одеялом на часы, представляю этот наступающий день – и душа сжимается от ужаса и тоски. 16 часов мучительного сидения на табуретке

или топтания по камере... На этой неделе (сегодня четверг) спасают исключительно книги, причем библиотечные. Стоит мне только отложить книгу – сию ли я, или встаю и хожу туда-сюда по камере – я тотчас начинаю сходить с ума от отчаяния, тоски и безнадёги. От того, что жизнь прошла – а счастья так и не было, и теперь уж ясно, что и не будет...

Странно, почему не было вчера «крестин». Видим, будут сегодня. Помимо воли жду, что откроется дверь – и меня потащат на эту гнусную церемонию...

19-02

«Крестины» и впрямь были. Меня, к счастью, не тронули. Ради «крестин» эти суки перестают водить ПКТ-шников в баню, перекрывают воду – а потом, долго спустя, начинают снова. Конечно, впать срок – это куда важнее личной гигиены!..

На ужин опять была картошка с капустой, водой и микрокусочками мяса. Слава богу, от тёплого/горячего хлеба, супов в обед и пр. у меня вроде бы эти два дня перестал болеть зуб, который до этого отзывался на горячее совершенно чудовищной болью. День тянется бесконечно, невыносимо, и даже книга (Сенкевич) не помогает уже так, как до нее помогала предыдущая. Я схожу с ума, изнываю от бессмыслицы и безнадёги происходящего со мной с ноября 2012, а слыша голоса вертухаев за дверью, страстно мечтаю лишь об одном: лично распороть каждому из них брюхо, выпустить кишки, омыть их теплой кровью руки, залить ею весь пол...

17.6.16., 15-40

Как же задалбывает это проклятое ожидание бани целыми днями, целыми днями!!! Каждую пятницу с после шмона – и до после ужина, уже в самом конце дня, в семь, в восемь часов только ведут, суки!.. До тех пор весь день там полощутся блатные из дальних, многоместных камер ЕПКТ, – по одному, что ли, их водят мыться, иначе почему бы 4-5 небольших камер мылись бы целый день, с самого утра?!!

Со шмонами творится тоже что-то непонятное. Вчера мрази из шмонобанды пришли на час позже обычного, минут в 20 11-го, сегодня – вообще почти в 11, где-то минут без десяти, что ли, и шмонали как-то уж совсем наскоро, – по-моему одну только камеру, 21-ю, в дальнем конце коридора (кроме крика: «В два один шмон!» – больше ничего слышно не было, а потом они вскоре ушли). Я не против, чтобы они и вообще бы не приходили и не шмонали, но больше всего бесит необходимости дожидаться их прихода (чтобы потом удостовериться в уходе) этот лишний час или даже больше.

Так же как бесит и ожидание матраса в отбой, – мне все без исключения

смены продолжают давать его самому последнему, уже наделив матрасами весь коридор, начиная с этого конца. М.б., только быдлотатарская смена дает по ходу общей раздачи, и то я уже не уверен, не помню точно. Вчера они прошли с этого конца весь коридор, кроме меня, уже было за девять вечера, когда откуда-то со стороны входной двери (со 2-го этажа, м.б.) пришел белобрысый упырь, сказал: а это вы мне оставили, да? (как-то так, не совсем дословно), открыл мою дверь и дал мне матрас. У всех остальных дверей в коридоре уже было пусто. Я теряюсь в догадках: ведь не может быть, чтобы это начальство дало им такое указание, ущемлять меня в столь мелком вопросе, – тем паче, что порой они и забирать утром матрас приходят ко мне к последнему, собрав уже у всех прочих, что дает возможность полежать лишних 20-30 минут...

Тоска душит, давит, буквально убивает меня. Жизнь прошла, а счастья так и не было, и теперь уже не будет. Я не могу думать ни о чем другом. Освобождение из тюрьмы – праздник только для самого эка, остальным-то, кто и так на воле, это событие заведомо не очень важно. Но – и мне самому грядущее (если доживу) освобождение не судит ничего приятного. Выбраться как-нибудь из страны становится с первого же дня на воле насущнейшей, актуальнейшей задачей – и пока она не будет решена, можно будет хоть на время отвлечься от горьких мыслей о том, что и за границей мне будет, увы, нечего делать и не на что жить... :((

18-27

И по-прежнему – ни писем, ни газет, ни посылки с радио, ничего, никого... В баню не ведут, не ведут, не ведут!!! Внешне я еще как-то держусь, но внутреннее мое состояние, наверное, можно охарактеризовать лишь одним словом: иступление...

18.6.16., 12-22

Я лучше их всех, выше, умнее, сильнее, талантливее. Всех тех, кто не признаёт меня, шарахается, глумится, называет «фриком» и «сумасшедшим», отказывается включать в списки, печатать, упоминать... Я выше и лучше их, и мои страдания, мои мучения – это типичное «горе от ума». (Типичное вообще для России.)

Но в то же время, по собственной моей «табели о рангах», я – неудачник. Я, такой умный, талантливый, отважный и т.д., был побежден, позорно посажен уже два раза в клетку – и сижу в ней, и даже оборвать своей рукой эту позорную, никчемную опостылевшую мне жизнь – не могу решиться. И – не пишут обо мне в газетах, нет сколько-нибудь заметной кампании в мою защиту, по поводу меня не собираются на площадях толпы, как за Навального. Задатки, способности, таланты – это одно; а вот реальных

результатов, реальных физических достижений в жизни, которые можно руками пощупать – нет. Приговоры на 12 лет лагерей есть, а вот наград, премий, почетных званий, хоть каких-нибудь формальных признаков, фиксирующих уважение и почет от сторонников и единомышленников – увы, нет. А нет результатов – значит, я полное ничтожество, жалкий неудачник. Я знаю это также точно, как и то, что я выше и лучше всех, кто меня не признаёт.

Только вот не знаю, как примирить эти две истины между собой...

18-10

Опять на ужин овсянка, опять рыбка-колючка, и хлеб весь день хоть и белый (серый), но отчаянно кислый. Всё, кончилась идиллия! Завтра вечером, видимо, опять [пропуск; дальше речь идет о времени привоза баланды] привозить позже – в 12 дня и в 6 вечера, тогда как раньше в среднем на 35-40 минут раньше, как придется. С завтраком не совсем понятно, – то ли время его привоза не изменилось, то ли его стали давать несколько раньше прежнего. Днем, как обычно, на две-три минуты стала теплой батарея, а сейчас она холодная, но в ней громко плещутся потоки прогоняемой через нее воды, как бывает обычно перед включением отопления. Зачем гоняют воду – непонятно. В камере умеренно холодно, – в четырех слоях одежды и шерстяных носках ладони у меня холодные, но остальное тело, к счастью, не мерзнет так, как это было тут еще совсем недавно. Холодно, но пока терпимо, в общем.

В понедельник будет 18 (!) дней без газет. Суки!!! Мрази, ублюдки!.. Завтра – ровно два месяца, как в последний раз приезжали ребята.

19.6.16., 10-18

Завтра – 20 лет со дня той первой поездки в Петрозаводск, навеки памятной. Город первой любви, блин... Будь он проклят!.. Да, вот и пролетело, прошумело 20 лет – и что же? Чего я добился в жизни, чем могу похвастаться? Увы, нечем. Личная жизнь не сложилась, и карьера тоже не сложилась, и впереди нет ничего. Одинокая собачья старость в нищете и одиночестве – и то еще в лучшем случае, если удастся выбраться из проклятой России... А пока что, выходит, сложилась у меня только тюрьма...

17-47

Хреново это – быть пророком. Вчера опять угадал: на ужин сейчас была «уха». И горелый кислый хлеб, как и весь день. И водянистая бурда вместо чая...

20.6.16., 5-25

Проснулся второй раз ночью без четверти два – и больше уже не спал, только пару раз задремывал на несколько минут перед подъемом. Не могу

нормально спать, хоть убей... А вчера после шмона, в 11 утра, сел, облокотился на тумбочку, хотел послушать новости по радио в 11, уже 11 и гудело, – и отключился! Очнулся, когда уже читали по этой дурацкой «Милицейской волне» «календарь» – то бишь, десять минут проспал, вот так вот. А сейчас блядская быдлотатарская смена опять подняла в десять минут шестого, как всегда. Дают матрас – последнему, а вот забирать – тут они не медлят, не откладывают, тут я – второй по счету, после 2-й камеры... Мрази, ублюдки, самая омерзительная, свинская, уё...щная смена из всех – и я, видя хоть одного из этих двух недочеловеков, каждый раз изнемогаю от желания забить его насмерть доской и лично отрезать тупой пилой эту косоглазую башку...

Понедельник. Жду писем – их не было с 13-го, с прошлого понедельника, да и тогда – всего два письма, от матери и Землинского, оба от 1-го июня. Сейчас, по идее, должна быть опять целая пачка, самые толстые – от Майсуряна. Письма, газеты (их так и не было со 2-го числа, т.е. за весь месяц!), бандероль с радио, приезд ребят. Но ощущение такой безнадеги в душе, – похоже, ничего этого не будет вообще никогда, ни писем, ни прессы, ни ребят, и никогда не кончится этот проклятый срок, эти 1246 дней...

Бляди эти, похоже, повадились теперь каждую ночь выключать воду, – сейчас, еще нет шести, она еле-еле течет, и так было уже не раз. Ну да, на 29-й так и делают, – в 12 ночи отключают до шести утра, непонятно зачем; в том году, сидя там на пересылке, я в этом убедился. Хорошо хоть, хлором вонять эта вода после нескольких дней всё же перестала.

17-55

Так и не несут ни письма, ни газеты (18 дней уже!), ни книгу Буковского, ни радиоприемник. Никого и ничего... Что делать? Биться об стену головой? Не поможет, увы... Ярость, исступленное бешенство, в которых я пребываю, не находят никакого выхода. Слегка отвлекает только вчерашняя библиотечная книга, – опять попалась хорошая. Были около четырех «крестины», эта долговязая нечисть – мразь Безукладников – и сейчас здесь, но – она не удосужилась захватить даже письма, раз их не несут (уж от матери-то 100% есть письмо). Мрази, ублюдки, драные суки, гондоны штопаные, я бы без малейшего сожаления весь этот ваш лагерь залил бы горящим напалмом... Максимум, что я могу сделать – это подробно рассказать ребятам, когда они наконец приедут, про весь этот беспредел, особенно про книгу и прессу. Но и они ничем не смогут мне помочь, разве что опубликовать эти сведения в интернете...

За всем этим забылось даже прошлое, грустный этот юбилей. Поезд на Петрозаводск тогда отходил как раз в четыре с чем-то часа дня. Ровно 20 лет,

минута в минуту... Сейчас, конечно, я всё понимаю и никаких idiotских попыток в июле и сентябре делать бы уже не стал, но... Банальность: «если бы молодость знала, если бы старость могла»... Вот и всё.

21.6.16., 17-30

Ни писем, ни газет, ни журналов, ни книги, ни радиоприемника.

Шмона утром не было – шмонобанда ездилa шмонать 37-ю (бывшая политзона неподалеку) вместе с тамошними «мусорами», как это обычно бывает.

Пытаюсь настраивать себя на философский лад, успокаивать тем, что всё пройдет. Получается плохо.

22.6.16., 17-45

Ни писем, ни книжки, ни журналов, ни газет, ни радиоприемника. Глухая тишина.

Зато – были очередные «крестины». И – еще до них – влезало вдруг аж два раза ко мне в «кормушку» гнусное вертухайское чмо из сиволапой смены, – то самое, которое еще в ноябре 2014 прибегало сюда по ночам, заставляло меня снимать робу с лампочки. Первый раз оно просило дать какую-нибудь книжку «за политику». Я, сильно удивившись, напомнил о не отданной мне книге Буковского, о газетах, журналах и письмах. Чмо обещало обо всем этом узнать у мрази Безукладникова – и стало просить ту книгу, что оно же мне 9-го июня и отдавало (т.е., Герберштейна). Я, разумеется, отказал (я мразям своих книг не даю, тем паче их потом не выцарапаешь назад, сказал, что не прочел ее еще. Это, собственно, правда; дело [пропуск]. Однако через пару минут вертухайское чмо приперлось снова – с уже более конкретной информацией: что в «нулёвке» находится «родственник Гарри Каспарова», который просит именно эту книгу. Я отказал второй раз; чмо ушло. Что такое «нулёвка» (первый раз тут вообще слышу это слово!) [при отъезде на последний этап, в Балашов, выяснилось, что это этапная камера у самого выхода из здания ШИЗО. – прим. 2020 г.], знает ли о данном «родственнике» сам Каспаров и для эка вообще какого-либо или для себя данное мерзкое чмо просило книжку (скорее для себя, конечно), я так и не понял.

Совершенно омерзительные серые каши в обед (на второе) и в ужин. Вечером – овсянка, в обед – мелкая эта перловка, «крупка», как я ее про себя называю. Таким образом, ел я сегодня : в завтрак – макароны (размазную), в обед – суп, ну и – хлеб, благо он до сих пор белый (серый) и сегодня практически не кислый. Все мои прежние запасы съестного кончились, остались только конфеты, шоколад и сгущенка. Завтра днем напишу наконец-то заявление на очередной магазин, послезавтра в подъем отдам его...

#

Подумалось сегодня: тот ублюдок, что носил мне газеты и журнал, может быть в отпуске. Второго июня он еще был здесь, а отпуск у этих мразей – 45 дней...

18-30

Сегодня, кстати, – День Великого Красного Драпа! :))) День, в который 75 лет назад эти красные сталинские суки драпали в панике, бессмысленными обезумевшими толпами на восток, побросав все свои пушки, танки, автоматы, а в городах – бумажки из партийных папок и сейфов. Это праздник хотя бы уже только по одному этому, – потому, что хоть кто-то, пусть даже Гитлер, один разок в их истории дал красным мразям и их людоедскому, изуверскому режиму по рылу так сильно, так безжалостно, – помнят, суки, до сих пор, спустя уже три или четыре поколения, и карают теперь лагерями за малейшие сомнения в том, были ли они тогда «освободителями», или же, как всегда и везде за всю свою историю, бандой кровавых упырей-людоедов, захватчиков Европы и поработителей целых народов, специально выращившей Гитлера и его режим для последующего «освобождения» от него Европы... Только такой вот – непреодолимой силы – военный удар и сегодня может смести путинщину, а не «одиночные пикеты» и не «наблюдение на выборах».

23.6.16., 17-40

Этот мразоид оказался все же не в отпуске, – сегодня после обеда принес мне наконец газету и журнал. Три номера журнала и девять – газеты. Сегодня четверг; даже только самые интересные материалы из всего этого мне читать хватит, думаю, до воскресенья, а уж всё целиком, включая непременно обзоры театра и кино, – на неделю, не меньше.

Одна только пока что радостная новость из этой сегодня полученной прессы: оказывается, Сергей Крюков таки получил убежище в Украине!!! Я искренне рад за него!

24.6.16., 5-15

Последний раз проснулся этой ночью без четверти три – и больше уже не мог заснуть, два с лишним часа провалялся без сна. А проклятая быдлотатарская смена, самая блядская из всех, опять подняла в десять минут шестого...

Сильно разочаровало вчера интервью Павленского в «Новой», уже после освобождения. И этот тоже, как нечто само собой разумеющееся, жил в тюрьме «по понятиям». Ладно еще, что, как с гордостью описывает, он долго и упорно воевал в своей камере с ночниками, – выкручивал их, разбивал и т.д., чтобы на ночь оставляли верхний свет. Мол, без него ни писать, ни читать (дня не хватает, что ли?) – и тут же «общий» аргумент: тюрьма, мол,

#

живет ночью. Для меня-то, наоборот, выключение на ночь света в камере – это святое, главный за сутки момент, когда день кончен – и можно хоть немного расслабиться, да и спать при свете я не могу, он мешает мне лишь немногим меньше, чем телевизор. Но когда он, оказывается, вечером в Мосгор«суде», пока там грузились, как обычно, в автозак, пересаживались, чтобы ехать в тюрьму, сам (!) затеял в автозаке драку с б/с-ником... Павленский, оказывается, не захотел сидеть с ним вместе(где?! В «стакане», что ли? Б/с обычно возят в «стаканах»), велел ему пересесть, тот отказался, и Павленский на него кинулся! Обоснования этого в интервью: «он должен знать свое место» (!! – это как раз чистые «понятия»! :(((); плюс – он, мол, служил во внутренних войсках, которые стоят в оцеплении на митингах. Ну и что?! А всё это уголовное быдло вокруг («мужики», благородные разбойнички и воры, не б/с-ники, нет!!!) – оно, можно подумать, такое насквозь либеральное и прогрессивное, что разделяет прогрессивные идеи, высказываемые на этих митингах! Если, конечно, не вспоминать, что ВВ и на митингах ЛДПР, КПРФ и пр. стоит точно так же, как и на идейно близких Павленскому митингах... И какой-то жалкий лепет: мол, надо соблюдать все эти «мелочи» (кастовую систему уголовников, то бишь), или сразу «отойти в сторону» (или как-то так, не помню точно его слов), иначе постоянно будут конфликты – а он, мол, конфликтов не хотел. В общем-то, это позорный конформизм (жить по «понятиям» и кастовой системе), плюс еще и явное отсутствие ума (устраивать потасовку в автозаке в таком печально известном месте, как Мосгор«суд»). А Маня еще вроде как считает Павленского то ли близким к ЛГБТ-тусовке, то ли чем-то в таком духе. Свободомыслящим, в общем. А он – «по понятиям». :(((

Очень странно, что его вообще держали не в одиночке. Попалась тут еще новость, что Олег Навальный, подавший как раз на УДО, из отсиденных 1,5 лет полгода отсидел в одиночке. Но – не сказано, что в ПКТ, а написано просто – «на строгих условиях». Хотя ПКТ – это больше, чем просто СУС. Во всяком случае, кроме меня и Кашапова – это уже третий случай (хотя я-то как раз Навального-младшего политзаключенным не считаю, дело у него абсолютно не политическое). И еще про кого-то из политз/к вчера в «Новой» мелькнуло, что сидит в одиночке, не помню, про кого. Похоже, это общий тренд, так сказать, на сегодняшний день (в отличие от моих буреполомских, скажем, времен): мало-мальски известные политзаключенные содержатся в одиночках...

12-15

Две сенсации. Маленькая, местная: сегодня (пятница) косоглазая смена совершенно неожиданно повела меня в баню аж еще до шмона, в 20 минут

девятого!!! Не будет этого проклятого изматывающего ожидания бани до семи-восьми вечера, как все последние недели. И большая, глобальная: по радио говорят, что на вчерашнем референдуме британцы проголосовали за выход Англии из ЕС! Большинством всего в 1% с какими-то еще копейками. Ну что ж, я этому искренне рад, евроскептиков ведь поддерживал и Буковский (я у него именно о них впервые и прочел) еще лет 15 назад, когда они не были, как сейчас, болезненно промосковскими (и то это не англичане, по-моему). Главное – чтобы наряду с успехом для внутренней жизни Англии (отмена квот на мигрантов, навязанной Брюсселем «социалки» и т.п.) не пострадало бы, так сказать, и измерение внешнее. То бишь – чтобы Путину не проще, а сложнее теперь стало и давить на Британию, скупать ее истеблишмент, выкручивать руки, добиваясь отмены санкций и улучшения отношения к себе, и сожрать остальную Европу, ту, что еще в ЕС, начиная, разумеется, со стран Балтии и Польши. Идея-то о референдуме за выход ЕС возникла еще даже до захвата москалями Крыма, так что – не сожрала бы теперь Москва всю Европу по частям, начиная с Англии, раз не смогла сожрать весь ЕС разом...

16-03

Итак – магазина опять нет. Еще неделя без жратвы... Белобрысый упырь-вертухай после обеда кому-то что-то говорил в коридоре, что, мол, нет оперов (как 6 мая)...

17-25

Мрази, ублюдки, суки...

Прочел самое интересное из вчерашней пачки газет/журналов, 50% где-то. Остальное – не хочется даже читать, хотя было там много интересного, оставлял «на потом». Как всегда после этого чтения – тоска, пустота в душе, какая-то потерянность, чувство тупика, бессмыслицы, полнейшей опустошенности... Жизнь идет, происходят новые крупные события – а я никак не могу на них повлиять. Я сижу здесь... Подробно пишет «Новая», как беснуются патриоты, идиоты, шовинисты, сталинисты, крымнашисты, запутинцы... – а я так и не могу отсюда докричаться до них, подробно рассказать им всем, какая мразь их Россия и как ее надо разделить на части, какое говно их православие, их «великая победа», их «традиционные ценности», как надо мазать говном их иконы, ссать в их «вечные огни», сносить и взрывать их памятники русским оккупантам и чекистам, с каким бы огромным удовольствием я всё это делал лично... А еще с БОльшим – убивал бы их самих, русопятов, патриотов и идиотов.

Но – мне не судьба. :(Я сижу здесь. По радио сказали, что под конец сессии (сегодня) Дума приняла очередные «антитеррористические»

поправки, предусматривающие теперь, кроме всего прочего за «террористические» и «экстремистские» «преступления» – лишение гражданства!!! О, как я безумно хочу, чтобы они меня лишили гражданства, что бы такое «экстремистское» мне для этого устроить тут, в камере?.. Пока что меня коснулось только одно их «ужесточение»: последний раз меня «судил» военный «суд», но это не так интересно, как лишение гражданства. Хотя эти хитрые суки гражданства-то лишат, а за границу выдворить – это хренушки, выдворить они и не подумают. В тюрьму, только в тюрьму...

И вот я в тюрьме. Я по-прежнему абсолютно убежден, что Россию и всё, что в ней есть – от Кремля до метро, от троллейбусов и отделов полиции до АЭС и нефтеперерабатывающих заводов – надо взрывать, взрывать и еще раз взрывать; что то, ЧТО они называют «терроризмом» – есть единственно возможный путь борьбы с путинской чекистской кликой и со всей вообще мразью и агрессивной биомассой по имени Россия. Убивать, убивать, убивать!! – ментов, чекистов, «судей», тюремщиков из ФСИН, бюрократов, чиновников всех и всяческих «администраций» – и просто граждан России по формальному признаку гражданства, как полностью ответственных за все преступления Путина и его банды, более того – являющихся коллективным заказчиком этих преступлений. Взрывы, массовый террор, хаос, паника, коллапс работы «силовых структур», всей госсистемы, обрушение государства РФ как такового, прекращение его существования, наступление свободы от него (хотя вовсе не верю, что и после него здесь удастся наладить надолго какую-то стабильную, свободную, нормальную жизнь, как на Западе) – вот чего я хочу, вот о чем мечтаю!! Мне не жаль абсолютно всю эту мразь, биомассу, генетических рабов, населяющих 1/7 суши, – они быдло, рабы, скоты, они не стоят того, чтобы их освободить, печься о них, не имеют права на жизнь, – не заслужили его всей своей жизнью. Я всё. что будет еще в моих силах, сделаю для обрушения России, остаток жизни после тюрьмы посвящу этому, – а там пусть меня лишают гражданства!..))))

18-00

На ужин – «уха» (т.е., я опять без ужина). Баландер про магазин не сказал ни слова, не вернул заявление, как было 6-го мая... Ненависть и ярость клокочат в душе такие, что никакими словами это не описать. Три недели они мурыжили с газетами, уже две – с письмами (а фактически – две с половиной, т.е. два последних отданных мне письма с почты были получены еще 7-го июня). Магазин – две недели пролёт «официальный», из-за отпуска продавщицы, теперь вот еще неделя – просто так... Е...чие убудки... Хорошо еще, хлеб хоть серый, хоть не черняга, хотя и отвратно

кислый через день, – хоть какая-то еда... У меня остался только запас шоколада, несколько конфет да пачка сгущенки из дома (здешняя магазинная как раз сегодня кончилась). Голод, тоска, бессилие что-то изменить в собственной судьбе, повлиять хоть на что-то в окружающем мире... Главное не то что не упасть, главное – подняться, но вот подняться-то я и не знаю, как; сколько ни ищу – не вижу к тому ни малейших предпосылок даже и после срока. 1242 дня еще...

25.6.16., 6-15

Дикая, невыносимая тоска... Вот как оно всё обернулось... Даже при наличии поддержки из дома, денег на счету – сидеть голодным, на одной баланде уже сколько времени, просто из-за безразличия и безалаберности их грёбаной системы... Не то, чего я так боялся три года назад в «Медведкове» – что забудут через пару лет и не будут ездить – а всё равно голодное оказалось это сидение, без жратвы, без возможности и ездить-то чаще двух раз в год... И всё, всё – бессмысленно... Жизнь прошла, перспектив – никаких. Ни признания заслуг, ни возможности работать здесь, в стране, дальше. Вчера по радио не только про лишение гражданства говорили, но и про обязанность теперь провайдеров хранить весь трафик черт знает сколько времени. Здесь работать будет невозможно, даже если я доживу до воли, – но и уехать они, суки хрен дадут. Но даже если и уеду – это значит фактически полностью потерять здесь последние остатки какого-то значения, и так призрачного. Ничего я в жизни не добился, ничего в этом мире от меня не зависит... :((Ни сокрушить эту мразь, эту проклятую Россию, ни даже просто руку приложить к ее краху, расписаться на ее руинах – не дано мне в моей пустой, нелепой, никчемной жизни... :(((

26.6.16., 5-45

Вчера – в субботу!! – в обед отдали мне наконец и письма за июнь. Целая пачка, 15 штук, – пять от Землинского (и в них одно от Ефимова), четыре – от матери, три – от Майсүряна, в том числе одно от Маглеванной, два – из ФЕОР...

Увы, ничего радостного не узнал я из этих писем. Главное известие – Лена М. так и не сделала то главное, что я ее просил и что она обещала. Третий месяц уже – и ничего! :((Я прямо в шоке, я так на нее надеялся!.. Не знаю, что делать, тоска и безнадега такая – хоть об стену головой бейся... Мрази Безукладникова вчера не было, – кто же, интересно, эти письма принес? И – много писем, полученных в начале июня, до 13-го, когда мне их приносили в прошлый раз; а 13-го, тем не менее, к отдаче мне было подготовлено всего лишь два письма. Где же были остальные? Похоже, подтверждается моя догадка, что они полученные для меня письма сканируют и шлют в ФСБ,

согласовывают, отдавать мне или нет; потому-то, видимо, и лежат тут письма еще по две недели после получения с почты, и не в ящике для отнosa в ЕПКТ, а где-то еще. И, естественно, с моими письмами делают так же: стандартный срок дождения моих писем к Майсуряну – месяц, и обратно – так же. Письмо от Лены вчера было датировано 29 мая – это был ее ответ на мое к ней письмо от 22 апреля. То бишь, 22 апреля – 29 мая – 25 июня – как видим, в каждую сторону ЧЕРЕЗ МОСКВУ письмо все равно идет месяц, как если бы я ей писал напрямую, хотя по штемпелям я точно знаю, что срок дождения писем между Всесвятским и Москвой – от четырех до семи дней, не больше.

27.6.16., 11-12

Я ошибся вчера: писем мне в субботу, позавчера, принесли не 15, а 17 штук, от Землинского – не пять, а семь. Весь день вчера писал ему огромный ответ на пяти листах, на всего лишь некоторые подчеркнутые фрагменты из семи его писем. Этакое своеобразные «выбранные места из переписки с друзьями». Нет, sorry, не весь день писал ему, но уж полдня – точно, не прекращая этого занятия даже на время шмона (благо, ко мне шмонобанда, к счастью, не заходила).

Читаю сейчас присланные Майсуряном распечатки старых статей Новодворской, с сайта их ДС, написанные ровно 25 лет назад – июнь 1991, Лефортовская тюрьма. Какое это безумное наслаждение – читать Новодворскую 90-х годов, самого блестящего ее периода! Потом, с 2000-х, в «Новом времени» она уже себе такого не позволяла...

28.6.16., 6-45

Пять феерических дней – с 23-го, когда принесли наконец прессу. Сначала пресса, через день – 17 писем сразу, а еще через день, вчера – наконец приехали ребята.

Чуть после 11 вчера слышу в коридоре трубный глас мрази и глупой дылды Безукладникова: «Выводи Стомахина!». Готовлюсь к неожиданным. Косоглазый быдлотатарский вертухай отпирает и говорит: к адвокату! Пока одеваюсь-собираюсь подходит и мразь Безукладников. Когда отдадите мне книгу (Буковского) – тотчас спрашиваю его. – Когда ее посмотрят. – За это время – говорю – ее уже два раза целиком прочесть можно было. Он мне: говорите на полтона ниже :) – и, мол, нагрудный знак тоже можно было бы сделать, – кивает на мою робу. – Когда – говорю – выпустите туда (показываю кивком в сторону выхода) – будет, но не раньше.

На этом диалог закончился и я пошел в кабинет. Смотрю – сидит один Рома. После писем, где упоминалось, что телефон Глеба постоянно

выключен и что он, видимо, уехал на заработки до ноября, как и обещал, – я не удивился. Но оказалось – Глеб тоже приехал, однако его НЕ ПУСТИЛИ!!!

Мразь Губаль, подписывавшая в отсутствие мрази Асламова Роме пропуск, Глебу заявила так: мол, ждите Асламова, он придет – пустит, а я на себя такую ответственность не возьму (не дословно цитирую, но смысл такой). И – никаких гарантий, что пустит и Асламов, ясное дело. Очень мне это было неприятно, но – что делать, сидим, общаемся с Ромой.

Глеб таки пришел – именно тогда, когда Рому, по идее, уже должны были выводить, около трех часов, т.к. начали мы в 11, точнее, в начале 12-го. Но – и Рому не стали выводить, и пока мы общались с Глебом – он пристроился сидя спать в уголке. :) Так прошло в общей сложности не четыре, а все шесть часов, и я думал, что Глеб досидит и до шести, конца рабочего дня, т.к. с трех он все равно свои четыре часа даже до шести вечера на получил. Но в пять явилась мразь Безукладников – и я понял, что это конец. :) Явилась, по всей видимости, после «крестин», – м.б., такая задержка на два часа (даже для Ромы) именно этим и объясняется, их занятостью сим важнейшим делом. :)

В любом случае, никаких гарантий, что через месяц они снова приедут, нет, не были ведь два с лишним месяца, с 19 апреля. Глеб в летний сезон ездит работать инструктором по водному туризму, сплаву по рекам или чему-то в таком духе, так что – опять начинается для меня уже с сегодняшнего дня долгий, томительный период ожидания.

Новостей они тоже особых не привезли, только – что наконец-то у Лены М. дело сдвинулось вроде бы с мертвой точки, так меня убивавшей. 22-го июня повесила она в блог (надеюсь, что и на сайт тоже, но точно не знаю) коротенькое мое, в несколько строчек, обращение к Павленскому – еще ноябрьское, когда его только посадили. Поскольку он с 8 июня уже на воле – ничего умнее Лена, конечно, не придумала, как повесить это с таким запозданием, когда уже можно было и не вешать; а когда всё остальное, более актуальное – вообще неизвестно...

Еще один замечательный факт: там же, в кабинете, лежало заказное письмо мне от Мананникова. Всесвятский штемпель на конверте – 8-е июня, однако и 27-го оно еще там лежало – нескрытое – и никто и не думал мне его вручать. Я забрал его и вечером уже написал ответ. Мананников в начале июня писал, что месяц ждал американскую визу, ходил в посольство, носил им справки о своих судимостях (оказывается, у него еще, кроме советской 190-1, две судимости по 319, «оскорбление представителя власти», уже в наше время, по ельцинскому УК 1996 г.! Молодец, герой!! – а я и не знал об этом!). Обратный адрес на конверте он тоже указал московский

– и я на этот адрес ему и отправил, вместо Новосибирска. Надеюсь, что передадут ему или перешлют, или, м.б., если сейчас он в США, то возвращаться будет через Москву и заберет письмо это, а не вернется оно мне сюда.

14-50

Сопоставил, кстати, сейчас некоторые мелкие вчерашние фактики. Мразь Безукладников, я слышал, дав команду косоглазому быдлотатарскому вертухаю меня выводить, прибавил, чтобы на мне непременно была «форма одежды», я сам слышал. Когда я спросил про книгу – он в ответ тотчас вспомнил про бирку (отсутствующую). Да еще Рома сказал, что, идя ко мне, они видели Чертанова, спросили его обо мне – но тот, как оказалось, только первый день вышел из отпуска. Сопоставление этих фактов говорит, что очень возможно, уже завтра или послезавтра на очередных «крестинах» я опять получу очередные 15 суток всё за то же «нарушение формы одежды» (отсутствие бирки). И очень м.б., что затишье последних двух с лишним месяцев объяснялось полуторамесячным отпуском мрази Чертанова, а вовсе не тем, что на них подействовало мое интервью «Свободе» и прочий поднятый в марте-апреле шум. Что ж, максимум через двое суток узнаем, ждатель осталось недолго...

29.6.16., 17-55

«Крестин» не было. Водили сейчас, перед ужином, к психологу, – тот газовщик всё ещё в отпуске, так пришла опять эта крашенная девица, на сей раз предложила мне с ней пообщаться (вместо обманчивых обещаний на другие дни). Дура дурой, ничего не знает, ни о чем не слышала (в связи с неотдачей мне книжки Буковского и ее вопросом – кто это? – неизбежно зашла речь о самом Буковском), но упорно защищает «мусоров» при малейшей демонстрации моей к ним неприязни. А я тут как раз, зайдя в кабинет, поцапался чуть-чуть при ней с мразью Безукладниковым, пока он закрывал меня в клетку. Я его поддел тем, что в приезд Глеба и Ромы позавчера я (по мусорскому недосмотру) в клетке не сидел – и ничего, обошлось, ничего страшного не случилось. Ему это очень не понравилось: «Ну и будете в следующий раз в клетке сидеть...» – видимо, он имел в виду: как-то особо жестко сидеть, сразу и за тот раз, и за этот. :) Но – клетка не позволяет в ней сидеть мягче и жестче, и я ему посоветовал: еще, мол, на цепь меня посадите, наручники наденьте, мешок на голову... :) Тут его настолько проняло, что маска официальной казенной вежливости – впервые при мне с 2014 г.! – с него слетела – и он злобно пробормотал, что, мол, и на цепь посажу, и вообще сожгу тебя!.. Аж на «ты» перешел, утратил, бедняга, над собой контроль. :) Вся сцена доставила мне громадное

удовольствие!.. :) Надеюсь, не надо лишний раз объяснять, что сам я его сжег бы в крематорской печи живьем не только без малейших колебаний и сожалений, но и с громадным удовольствием; более того – я мечтаю хоть когда-нибудь дорваться до такой возможности – сжечь не только эту долговязую мразь, а ВСЕХ их!..

30.6.16., 5-25

В камере опять дикий холод, – похолодало на улице, дожди, грозы... 27-го, когда я вернулся после свидания с ребятами, весь вечер мне было жарко; но уже на следующий день стало холодно настолько, что пришлось опять поддеть «теплек», снятый было несколько дней назад.

После отбоя вчера услышал, как кто-то из вертухаев говорит кому-то из эков: «...начальника нет...». Видимо, только этим и объяснялось отсутствие вчера «крестин», что его не было на работе. Но – он вполне может появиться сегодня, и «крестины» провести, и дать мне очередные 15 суток...

Когда вывели вчера к психологу, в коридоре попался навстречу завхоз, я его на ходу успел спросить, что было с магазином в последнюю пятницу. Он подтвердил: и впрямь, некому было подписать заявление. Второй раз уже такая история! И как с ней бороться, непонятно. Право потратить 5000 р. на магазин, вроде как предусмотренное их паршивым УИКом, превращается в чистую фикцию просто из-за того, что на рабочем месте в нужный день нет никого, кто имеет право подписать заявление на это отоваривание. Гнусный театр абсурда, как и всё в этой стране...

А радио между тем молчит уже третий день, – ни новостей, ни песен, ни гороскопов. :) Причина экзотическая: еще позавчера, я слышал, кто-то говорил, что во время грозы ударила молния – и радио сдохло от этого! То ли в антенну она попала, то ли уж не знаю куда, но – последнего источника новостей не стало, хоть какого-то; да и часы опять встанут – точное время негде будет узнать... Причем, как я понял, эта гроза, убившая радио, была та самая, которая громыхала, пока мы 27-го утром разговаривали с Ромой, еще до прихода Глеба. Грохотало за окном так, что Рома вскочил, посмотрел в окно, не веря, что это всего лишь гром... Начали мы в 12-м часу – и я помню, что слышал, как в коридоре радио пропищало 12 часов, я сказал ему об этом. А потом как раз началось это грохотание – и вот результат...

Пропажи мананниковского заказного письма они, как я и думал, не заметили, – плевать им и на письма, и на эков!.. Манников в нем, кстати, очень интересно отвечает на мои расспросы о сибирском сепаратизме и его перспективах. Пишет, что все нынешние административные границы в Сибири были проведены Сталиным в 1937-43 гг.; что каторжане обычно потомства не оставляли, так что в населении преобладают потомки

вертухаев и «комсомольцев-добровольцев»; и то, что в Сибири не было крепостного права, тоже особого значения не имеет, т.к. в ходе столыпинской земельной реформы переселялись в Сибирь именно бывшие крепостные и их потомки. Главное же – предвидит он, что в случае краха РФ заведомо потребуют независимости Якутия, Бурятия и Тува, в остальных же автономиях (типа Югры, видимо?) процент титульного населения слишком мал. По опыту распада СССР и Югославии – распад происходит по сложившимся административным границам, пусть даже искусственным; и здесь, он считает, будет так же. М.б., областям удастся договориться об объединении, а м.б. (и скорее) – не удастся; так что, видимо, Новосибирская, Томская, Кемеровская и прочие области, территориально огромные, станут независимыми государствами. Выглядит это слегка странновато и непривычно, хотя – в смысле свободы такая дифференциация (это уже мое мнение, Мананников это не комментировал) лучше, чем привычный прогноз, что будут только две половинки: Западная Сибирь – и Восточная (а уж тем паче, чем вообще одна Сибирь как единое государство). Хотя с таким населением, по словам Мананникова, не отличающимся в лучшую сторону от населения остальной России (именно этот грустный вывод я и хотел от него услышать), по умолчанию невозможно вообще ничего, никакая свобода ни в большом государстве, ни в маленьком. Достаточно вспомнить, что в его родном Новосибирске активно голосуют за КПРФ, позиции которой (и прочих коммунист, помельче и порадикальнее) там сильнее, чем даже в целом по РФ (тоже не слабые)...

Вот и прошла половина 2016 года – а будто вчера только Новый год был! Мне осталось 1236 дней, 176 с половиной недель, 3 года и 4,5 месяцев.

1.7.16., 17-45

Пятница. На удивление тихая, спокойная, благостная. :) И в баню повели вовремя – около трех часов, а не полвосьмого, как обычно. (Правда, из проведенных там двух часов минимум полчаса я ждал, пока косоглазая быдлотатарская сука выведет меня оттуда.) На ужин сейчас опять была «серая-серая кашка» (ужасстики!), но зато днем, перед обедом, наконец-то, с 3 июня впервые (почти месяц!!) был магазин!!! Ур-р-ра!!

Идиот завхоз написал в списке продуктов «сыр» за 230 р. – и я решил себя побаловать, взять один. А оказалось, что это не сыр, а... ветчина!! В пленочной упаковке, как бывают и сыры, и колбасы. Что ж, ветчина – это даже еще лучше; но только сыра такую упаковку я разделил бы на два раза, на завтраки; а вот ветчины – увы, только на один ужин... Спыхватился, что не написал в списке майонез – а он по 28 р., т.е. – пакетики, видно, какие-то совсем крохотные, сам майонез – обезжиренный... Набрал еще колбасы и сарделек, но – на конфеты, вафли, рулеты, увы, денег (1500 р.) уже не хватило. :(Из сладкого – остается еще приличный запас шоколада. А вот с завтраками промах: два вафельных торта – это только на шесть дней, через неделю я уже без завтрака...

2.7.16., 5-15

Ублюдки – косоглазая смена – опять подняли в десять минут шестого, как всегда, не дали полежать подольше. Эх, никто даже не представляет, с каким сатанинским наслаждением я перерезал бы собственными руками глотки им обоим!..

Про вчера еще забыл написать важное: вчера я наконец-то постригся! Впервые за четыре месяца ровно, со дня начала голодовки, 29 февраля. И – впервые из всех стрижек машинкой за этот срок – добровольно. Так как расческу в моем большом бауле за те две-три минуты, что я суммарно (до и после бани) бываю по пятницам в каптерке, мне найти так и не удалось, – ничего не оставалось, как попытаться добиться казенной стрижки. Ждал только приезда ребят – чтобы они не лысым фотографировали меня, как обычно, – но Глебу на этот раз фотоаппарат вообще не пропустили, суки, а Рома почему-то своим фотографировать меня не стал. И вот вчера, в банный день – решил попробовать. Больше всего меня поразило, что это получилось, да еще так просто, с первого раза, без нервотрепки, – в подъем сказал вертухаю, чтобы вывели постричь, если придет парикмахер – и около восьми утра другой вертухай за мной действительно пришел и вывел. Для всей этой их ГУЛАГовской системы, да и вообще для этой блядской

страны такая легкость и простота, как знает каждый из своего жизненного опыта, совершенно не характерны...

Повадились теперь каждую ночь выключать воду, козла. Без десяти минут пять, вставая, я пробую, – воды нет; начинается она течь только ближе к шести. Теперь и тут как на 29-й с этим.

Что ж, впереди два выходных (сегодня царица-суббота :) ; еда какая-никакая есть, хотя бы на завтраки и ужины; чтение, чтобы убивать эти бесконечные дни, тоже есть (за библиотечные книги с прошлого воскресенья еще даже не брался); а что будет потом, не вывезут ли отсюда куда-то еще – лучше заранее не думать, все равно не угадаешь. Есть надежда, что даже канал на волю какой-никакой еще будет – и что всё мной тут сделанное не пропадет зря... Осталось мне 1234 дня, ровно три года и четыре с половиной месяца.

Переписка с этими ФЕОРовцами, кстати, которых теперь стало аж двое, похоже, бессмысленна, ничего сверх своей минимальной программы – газета и журнал – они мне не пришлют. Через три месяца, в начале октября, будет еврейский новый год, по поводу которого традиционное пожелание – «сладкого нового года!». Посмотрим, пришлют ли в сентябре хоть какую-нибудь жалкую бандеролечку со сладостями к празднику – или будет так же, как с мацой к их пасхе!.. А их душещипательные брошюры с молитвами, постами и разъяснениями божьих заповедей мне уж точно не нужны задаром! :) Как и везде, и во всем, – в наивных планах подкормиться за счет ФЕОР меня тоже постигла неудача.

18-20

Опять в камере лютый, сатанинский холод. Пока ем – слегка согреваюсь. В остальное время – невозможно согреть руки, невозможно сидеть, прислонившись к стене, а иначе – невозможно читать... Да и нечего, считай, уже читать, кроме библиотечных книг с вырванными страницами: всю прессу наконец-то я сегодня дочитал. С 23-го читал ее, да еще подносили новую по ходу... Телесная пища еще есть, а вот с духовной – уже напряг, и что я буду делать все эти бесконечные, тоскливые, ледяные дни – неизвестно... :((Сделали наконец сегодня радио, – с 27-го оно молчало; заиграло именно в ту минуту, когда, закинув прочитанную прессу наверх, на оконную решетку, я слез со стола. Часы, как выяснилось, отстали за эти пять суток на пять минут.

Тоска, опять тоска, – как только нет ни книг, ни газет, ни писем. Но не оттого тоска, что их нет, а – оттого, что жизнь прошла. Всё теперь напрасно, всё – зря... Незачем, нечем и не для кого жить... Тоска и пустота. Жизненный крах... Лето, лето на улице; воспоминания о юности, о незабвенных 90-х

годах в Москве лезут мне в душу. Так и вижу себя идущим куда-то по улице... Не знал, не ведал сомнений, всё казалось просто и ясно, и будущее – еще впереди, и оно, наверное, будет хорошим, будет какое-то счастье, какой-то успех... А теперь – мне осталась только ненависть, я живу лишь одной ненавистью вот уже много лет, и первый срок, и второй, ненавистью и безнадегой, в тотальном безысходном окружении, как обреченный... Ею одной я дышу и живу, только ею одной – своей священной ненавистью. Больше у меня совсем ничего нет. Но – и ненависть мою мне не дадут, я уже знаю, выплеснуть в лицо миру так, как я мечтаю, – чтобы он ужаснулся!..

Всё пытаюсь уверить себя в обратном – но в душе всё равно знаю, что успеха не будет ни в чем...

По залитым солнцем, уже склоняющимся к вечеру, улицам, по их летнему, сухому асфальту я всё иду куда-то... По Большой Академической, по Дмитровскому шоссе, мимо Савеловского вокзала, кинотеатра «Комсомолец», «Детского мира» у «Петровско-Разумовской»... То, что тогда казалось обыденностью, ежедневной рутинной, жизнью – теперь, через 20 лет, стало недостижимой, невозвратной сладкой мечтой и болью...

3.7.16., 11-02

20 лет... Ровно 20 лет назад, 3 июля 96-го, тоже было воскресенье. Был второй тур президентских выборов, когда выбрали Ельцина на второй срок. Но для меня этот день полон воспоминаний личных, когда, с утра уехав из дома на какую-то дурацкую тусовку, я потом забрался в Замоскворечье – и долго бродил там по улицам, пустым и тихим в это послеобеденное время; бродил – и с каждого таксофона звонил... одной дуре, которой, я теперь ясно понимаю, и не надо было звонить, которая меня не стоила, которая меня отвергла так же, как и все остальные. Телефон ее не отвечал, и я ясно понимал, что всё безнадежно, что и нет смысла звонить, что глупо всё, и ничего у меня не выйдет – если не навсегда, как понимаю сейчас, то уж ни с ней, ни с той, другой, из-за которой так памятен остался мне весь 96-й год; понимал, в душе было отчаяние, тоска, безнадега, на глазах – слезы, пока наконец не бросил всё это и не поехал домой. Но долгое это, тоскливое, ожесточенно-безнадежное скитание по Замоскворечью от одного таксофона к другому, в торжественный день выборов, навсегда осталось в памяти. Жуткий то был год, навеки памятный, жуткий июль, жуткий сентябрь, и все эти горькие юбилеи еще предстоят. Жуткое, горькое, тоскливое, безнадежное уже и тогда – но все-таки на дне души какая-то надежда на возможное счастье еще жила, еще теплилась... И – то была жизнь, настоящая жизнь, с ее болью, тоской и любовью; а сейчас, вот уже десять лет – лишь медленное, бессмысленное умирание...

И другая яркая картинка прошлого вдруг вспомнилась сегодня, не первый и даже не сотый раз. Гораздо более позднего прошлого, – м.б., это 2011-й год, но скорее уже 2012-й, когда я наконец-то выбрался на свой любимый по 90-м годам маршрут – от «Сокола» по Большой Академической. И с высоты моста над Красным Балтийцем увидел то, чего не было ни в 90-е, ни в 2000-е: направо, за густой зеленью парка Тимирязевской академии, торчали теперь вдалеке верхушки трех высоченных жилых домов-башен, построенных прямо рядом с метро «Тимирязевская», на Дмитровском шоссе.

Не жить мне никогда в этих роскошных домах, и ни к чему они мне, – просто я еще раньше видел у «Тимирязевской» их вблизи и запомнил (а м.б., видел и как они еще только строились, уже и не помню точно). И на Красный Балтиец свой любимый за 20 месяцев между сроками выбрался всего один раз. И далеко от меня весь этот район, никого я там не знаю; и вообще – ну абсолютно ни к чему мне всё это, далекое, чужое, просто мимо ходил и видел... Но – вот поди ж ты! – теперь меня порой прямо насквозь пронзает вид трех торчащих вдали из зелени башен, указывающих, как далеко и в какую сторону это метро «Тимирязевская»! Просто дурак я какой-то, сумасшедший... Но вдруг всплывет в памяти, пронзит душу насквозь – и мне кажется, что это и было мое счастье – просто видеть эти верхушки башен за лесом!.. И манит, манит, как что-то недоступное, несбывшееся, важное, но уже не ухватить, не догнать, лишь осталось картинкой в памяти, отзвуком в душе – и будоражит порой, а почему – и сам я не умею ни понять, ни объяснить. Ушедшая юность, лето, зелень листвы, городские пейзажи, жгучие воспоминания, которым всем теперь, в эту тюремную эпоху, второй срок, уже 20 лет, – и вот это несбывшееся, манящее, звенящее колокольчиком где-то в памяти счастье...

4.7.16., 5-30

Праздник. Я от всей души поздравляю американский народ с Днем независимости США. Это их Дзень Волі. Только и могу навскидку вспомнить – американскую независимость 4 июля да беларусскую 25 марта (неофициальную сейчас, разумеется, по БНР 1918 г.). А украинская – нелепо как-то празднуется, 24 августа – по ее объявлению после ГКЧП; надо было тоже по УНР 1918-го, или уж – если по 1991-му – то 1-го декабря, когда был референдум о независимости, это более важная дата. А еще – можно было объявить Днем независимости Украины 30 июня – по 1941 г., тому Акту о возобновлении УНР, что провозгласил тогда во Львове премьер Стецько...

А американцы – молодцы, держатся! Мои искренние поздравления свободной и мужественной нации! Несмотря даже на свою массовую

религиозность, на веру в нелепую легенду о Христе – они отстаивали свободу не раз и продолжают отстаивать ныне: и не сдают свое главное достояние – ни Первую Поправку, о свободе слова, ни Вторую – об оружии, как бы этого ни хотелось всякой левой сволочи! И я очень надеюсь, что если в ноябре выберут Трампа – он окажется новым Рейганом и возьмет жесткий курс по отношению к Москве, а не начнет «дружить» с Путиным, как он зачем-то обещает сейчас. [Эти надежды, увы, не сбылись. – прим. 2020 г.] И даже если выберут Клинтон – надеюсь, что и она окажется не худшим президентом США: если и не таким жестким, как Рейган, то уж «дружить» и потакать Путину точно не будет; уж в любом случае любой их следующий президент будет и в этом смысле лучше нынешнего Обамы...

5.7.16., 5-32

Вчера прямо сразу после «крестин» открывают вдруг мою дверь, – и я уж думал, что опять туда, что кончилась моя уже почти трехмесячная передышка! Но нет – сиволапый вертухай говорит, что, мол, зовут «расписаться за журнал». За какой – он, естественно, не знает. Иду. В коридоре встречаю мразь Баяндина (начальничка оперчасти), в самой «дежурке» сидят тоже опера и всякая другая сволочь, а мрази Асламова, к счастью, уже нет. На столе лежит последний номер «New Times» и одна – тоже последняя – «Но ваяя газета». И вот именно за них говорят расписаться. То бишь – чмо из «воспитательного отдела» доносило хотя бы до камеры, отдавало в «кормушку», а эти – за такой мелочью выдергивают к себе. Самое же глупое, что про книжку Буковского, когда (если!) мне ее отдадут, я в тот момент начисто позабыл у них спросить...

Чмо из «воспитательного отдела», видимо, с июля и впрямь в отпуске, раз принесли другие хари. Я теперь места себе не нахожу от тревоги: сработает ли та подписка через интернет на второе полугодие, которую оформил Землинский. Ибо очень легко она может и не сработать, а тут никак не узнаешь: то ли на почту пресса не приходит, то ли просто мне ее мрази в погонах опять по три недели никак не соберутся принести. А газета и журнал вчера были последними за первое полугодие...

Сиволапая смена – опять в своем репертуаре, мрази е...чие: вчера матрас мне дали самому-самому последнему, уже пройдя весь коридор и специально вернувшись ко мне. А сейчас, в подъем, сиволапый ублюдок собственной персоной, начав со 2-й камеры, следом тотчас открыл мою, не стал собирать прежде матрасы со всего коридора. Суки...

Между прочим, сегодня уже десятый день, как последний раз были письма. А мрази Безукладникова что-то не видать, даже вчера на «крестинах». Если тоже в отпуске – писем может не быть долго...

10-08

Опять вышмонали камеру, суки! И месяца еще не прошло, с 13 июня... Шмонал один ублюдок, особого разгрома не устроил, ничего не забрал, только в нижней – продуктовой – тумбочке все перевернул вверх дном. Но всё равно – как в душу наплевали опять!.. Убивать, убивать, убивать вас, выродки в камуфляже!!!

14-13

Кстати, во время шмона мразь Безукладников тоже там стояла, возле моей камеры, – руководила, так сказать, процессом. Спросил про книгу Буковского, – ну конечно: книга у оперов, я эти вопросы не решаю. Так я и думал... Хрен выцарапаешь теперь. :(((А ту бандероль, что мать послала 2 июня, тоже с книгами, даже не приносили и не вскрывали еще...

6.7.16., 5-12

Опять блядскотатарская смена и сверххранний подъем – аж пять минут шестого на сей раз!! Опять полночи не спал – с полтретьего где-то. А всё эти проклятые письма – вчера в ужин опять целая пачка, девять штук. Не могли, суки, пораньше отдать, в обед!.. От матери два (пишет, что последняя бандероль с книгами, Восленский + Гроссман, ей вернулась – и она их отправила по одной); от Землинского три4 от Маглеванной через Майсуряна (Лена пишет, что по-прежнему со временем у нее проблемы, но ЗА ЛЕТО она все же постарается и с моими делами что-то решить. Т.е. – с середины апреля это тянется, и масштабами «лета» Лена решает, не меньше. А там делов-то – на два-три дня усердной работы, не больше. Эх, Лена, Лена, знала бы ты, как не ко времени мне эта твоя внезапная занятость!..). От Ларисы Володимеровой письмо, от Крюкова, от Шехтмана (этот пишет вообще бред, – что, мол, он по-прежнему патриот России и что надо за Россию бороться, а не против нее, не осиноый кол в нее призывать забить, как я. Что же должна еще судьба сделать с такими вот оптимистами-идиотами, как еще их мордой об стол приложить, чтобы они поняли, что безнадежна Россия, что не ее надо спасать, а ОТ нее!..). Вчера успел ответить только матери и Маглеванной, остальным – четыре письма еще – сегодня, прямо сейчас займусь, весь день на это и уйдет, очень хорошо...

10-04

Написал до шмона два письма – Шехтману и Землинскому – и как раз перед самым шмоном мразь Безукладников принес наконец книжку Буковского! :) При этом пытался заставить меня вынести «на каптерку» стопку библиотечных книг, открыто лежащих на батарее (хотя я сказал, что они библиотечные). Почему-то прямо не могут выносить все эти мрази, чтобы у зэка (тем паче у политзэка!) было много книг, всячески стараются

запретить и отобрать... Насилу я отговорился.

7.7.16., 18-55

Давно уже ни от чего не получал такого удовольствия, как от чтения этой книжки Буковского, вчера наконец мне отданной. Это оказался всего лишь сборник его интервью после 2000 г., причем два из них – интервью 2003 г. и беседу с Вадимом Штепой в Кембридже в 2004 – я читал раньше, еще до первого ареста, насколько я помню.

Но – увы, расейское быдлонаселение Буковский явно жалеет и пытается всячески отмазать от справедливой критики. Про его любовь к Путину – до 2014 говорит, что, мол, цифры поддержки Путина по соцопросам сомнительны, т.к. объективная система выяснения общественного мнения чекистами уничтожена и люди боятся говорить то, что реально думают. А 86% после захвата Крыма – сравнивает с эйфорией сразу после полета Гагарина в 1961 г. и обещает, что те же самые быдлопатриоты, что сейчас (в 2014) рукоплещут Путину за Крым, через несколько лет сами же его и сметут. Ну-ну... Еще много раз повторяет, что, мол, как только рухнут цены на нефть, Москва начнет усиленно доить регионы – и тут-то они и решат от нее так или иначе отделиться. Что распад РФ неизбежен – это я знаю так же хорошо, как и Буковский. Да, в конечном счете он неизбежен. Весь вопрос – дожить до этого. Миша Агафонов тут в каком-то письме через кого-то помянул мне в том, что ли, году мои слова, сказанные ему в 2000-м: что, мол, через 15 лет этой империи уже не будет. Ну да, тогда активно сопротивлялась Чечня – и была надежда, что будут сопротивляться и остальные, что национально-освободительные движения будут расти. Но нет – всех тихо задавили, прежде всего татар, Чечню пропустили сквозь ад... Цены на нефть рухнули – но империя пока что сдыхать и не думает, вопреки прогнозам уважаемого Владимира Константиновича. Регионы тщательно зачищены от любых активных людей, способных возглавить борьбу за отделение (типа того же Кашапова), нацгвардия создана, статья 280.1 введена в УК и действует... Всё глухо на воле, и что делать, чтобы ускорить распад этой империи – неизвестно...

8.7.16., 7-55

Просто чудеса в решетке!.. :))) Всего лишь второй, по-моему, раз с ноября 2014 – повели сейчас в баню ПЕРВЫМ, с самого утра, еще завтрак раздавали, еле успел его проглотить. Да уж – если есть в жизни сюрпризы, то пусть уж они будут приятными!.. Хотя – конечно же, благодарить судьбу за столь мелкую удачу – подумашь, один раз в тюрьме не промурыжили с баней до самого вечера, как мурыжат обычно – я не собираюсь. Я просто не должен находиться в тюрьме, вот и всё!

Попробовал на обратном пути, в каптёрке, поискать в бауле некоторые старые письма, – хрен там! Быстро не найдешь в куче – а сука Шрек стоит над душой, ждет и торопит...

9.7.16., 5-10

Смена не быдлотатарская, а вообще хрен поймешь какая, но – звонок на подъем дали, суки, еще и пяти утра не было, потом включили радио – как раз пропищало пять. Начали, разумеется, с этого конца, а вчера раздавали матрасы – с того. В результате – и пяти ми нут шестого еще не было, когда я выкинул матрас. Просто рекорд раннего подъема... Будьте вы прокляты, суки!!!...

И – ничего не меняется в этой проклятой стране с годами, с веками... Если б только кто-нибудь знал, как я ее ненавижу, эту мразь Россию, какой лютой смерти ей желаю!.. Как чувствовал вчера утром, что не стоит отдавать наволочку в стирку, тем более, что не такой уж и грязной она была... Вечером – наволочки (стиранной) на матрасе, конечно же, нет. Спрашиваю дневального – где? И этот ублюдок, животное, сын свиньи, приносит... чью-то огромную, как флаг, синюю вольную наволочку. Огромную настолько, что его самого можно в нее завернуть, – а подушки-то крохотные... Спрашиваю, а где же моя, которую я сдавал, – «где-то в БУРе». Почему? Непонятно; видимо – по безалаберности этой мрази. Спрашиваю, есть ли вообще казенные наволочки – нет, мол, «нет даже на подмену». Как быть – непонятно. Через пару недель отдам в стирку эту синюю – он опять даст другую? И так каждый раз? Суки... А уж о том, чтобы более крупные вещи им отдавать стирать – получается, и речи быть не может, пропадут с концами, хотя вообще стирка в казенной прачечной личных вещей ПКТ и ЕПКТ тут положена. Мрази!!!...

Все библиотечные книги оказались полным дерьмом, читать эту муть невозможно. Писем нет, отвечать не на что. Прессу не несут, – очень возможно, что эта подписка через интернет, сделанная Землинским, не сработала, как в 2014 было с журналом. Сегодня суббота – и до четырех часов дня завтра (а то и до пяти), когда опять придет библиотекарь, делать абсолютно нечего. Маяться от скуки и черных, тоскливых, безнадежных мыслей о настоящем и будущем – самое страшное, что может здесь быть с человеком...

14-12

В завтрак, собирая тарелки, баландер вдруг дает мне в «кормушку» два связанных вместе пакета: в одном две луковицы, крупная и маленькая; в другом – морковь: одна крупная, вторая – помельче, с вырезанным боком (видимо, подгнила), третья – маленькая.

Удивился я, конечно, но быстро понял: видимо, сверху, из СУСа, 130-й бригады, что на втором этаже над нами. Недаром два-три дня назад этот же баландер и дату рождения спрашивал: сослался на 130-ю, что, мол, там ему велели дни рождения всех ПКТ-шников и ЕПКТ-шников выяснить. Что ж, есть надежда, что это – как и в 2014 спрашивали меня на 7-м бараке – для поздравлений, а м.б., и из съестного что-нибудь подарят. [Эти надежды тоже потом категорически не оправдались! – прим. 2020 г.] А тут, видишь, овощи за просто так. :)) Не то чтобы я так уж голодал, что без блатной урочьей морковки мне не обойтись, конечно; но и отказываться не стал, как не стану и в д/р. В конце концов, это ведь лишь немногим хуже, чем получать к еврейскому новому году сладкие посылки от ФЕОР, которые я получал в Буреполоме и так жду сейчас. :) Из большой морковки и 60% большой луковицы нарезал себе своей московской заточенной ложкой (дай бог здоровья тому, кто ее заточил и оставил тогда в 01-й сборке, в декабре 2014!..) салатик, благо как раз вчера купил в ларьке и майонез. Съел за обедом, – какие-никакие витамины, да и вкусно всё же получилось, хотя морковь для меня, почти уже беззубого, жестковата даже и в столь мелко накрошенном виде.

Что ж, до д/р осталось недолго, – посмотрим... Морковь одну дали подгнившую и вырезанную – и насторожила меня еще одна деталь. В пакет с луком была вложена бумажка, на которой было крупно выведено: «3х», то бишь «третья хата». И я вспомнил, что обычно у блатной и вообще уголовной шелупони – например, при отправке маляв по «дороге» в СИЗО – буква «х» обычно подчеркивается снизу: «х», вот так. У этих идиотов – чем меньше в людях мысли, тем пышнее их внешние церемониалы – заведено так: «хаты» с «порядочными арестантами» («людьми», коими они считают только себя) подчеркивать одной чертой; воров в законе при их упоминании в письменном тексте – двумя; а бога – аж тремя чертами! :))) (В 525 на «Медведкове» была на шкафчике надпись с богом, тройне подчеркнутым.) И вспомнил, как дурак (как я его звал про себя) Гайворонский там же, на «Медведкове», в 408-й, мне говорил: мол, «нехорошие хаты не подчеркивают». Рядом со мной тут, в 5-й, сидит грузин, широко всем известный, – я почти уверен, что это тот, которого я в 2014 и 2015 видел в 132-м СУСе – там он жил среди «красных» или, как тут говорят (в Буреполоме этого выражения не было), «должностных». Не считают ли меня в 130-й тоже каким-нибудь «должностным» или еще почему-нибудь «непорядочным», не об этом ли свидетельствует неподчеркивание буквы «х» и подгнившая морковь? Но, с другой стороны, таким блатные и вообще ничего не дают, даже подгнившего; да и обо мне легче легкого спросить в

132-й бригаде. Мне, разумеется, абсолютно наплевать, кем они меня считают, доказывать им я ничего не собираюсь – и очень надеюсь только, что до конца срока, еще 1227 дней, меня уже не заставят находиться в одном помещении с уголовниками. Я размышляю об этом лишь из любопытства и от нечего делать. Д/р, м.б., как-то прояснит их отношение.

18-27

Мутно и тоскливо на душе. День прошел вроде бы неплохо, но... Что я, в самом деле, делаю тут, в этой тюрьме? Когда же это всё кончится? Видимо, только вместе с жизнью. Неудачливый, несчастливый... Надо бы надеяться на лучшее, но – нет надежды, нет как нет, хотя, бывает, под вечер моя обычная тоска чуть-чуть ослабевает. Бывает, но не сегодня. Ладно – тюрьма, а вот что нет будущего... :(

10.7.16., 5-20

Иногда некоторые свои наиболее грубые промахи они всё же исправляют. Вчера в отбой разворачиваю матрас – смотрю, лежит моя прежняя белая наволочка помеченная цифрой 3, а громадная синяя исчезла. Нашел-таки мою... Думаю, это лишь потому, что синяя принадлежит кому-то из блатных, отдать ее мне насовсем – нельзя. Но тогда и как на одну ночь дали – непонятно... Во всяком случае, вот что значит всегда рассчитывать заранее на самый худший вариант, – порой всё же случаются приятные сюрпризы... Осталось мне сегодня 1226 дней.

12-27

Салатик, увы, на сей раз получился горьким – слишком много лука я туда положил (весь, что оставался). Еле успел нарезать – и уже обед, майонезом заправлял скорей-скорей, а ведь вчера ждал обеда почти до 12-ти... Жевалось, правда, на этот раз полегче – видимо, морковь оказалась более мягкой. Заедал салат, как и вчера, коркой от горбушки (фактически – коркой горелой, ничего она казалась только на фоне луковой горечи). А после обеда решил заесть всю эту горечь конфеткой из ларька. Конфетка Сормовской кондитерской фабрики в Нижнем, на этикетке написано «вареная сгущенка» – а сама конфетка абсолютно засохшая, не раскусишь, внутри – никакой тебе вареной сгущенки. Похоже, даже конфеты более-менее нормальные, кроме Москвы, в этой проклятой стране больше нигде не делают...

18-05

Библиотекарь был, но ни ко мне, ни к 4-й камере не подошел. Туда сколько-то и мне две штуки (я выбрал их из четырех) дал дневальный Саня. А то уж я думал, что как весь день сегодня – придется сходить с ума от безделья и тяжелых мыслей; а читать то дерьмо, что взял к этого

библиотекаря в прошлый раз, не хочу принципиально. Так и промаялся сегодня весь день – за исключением полутора часов между шмоном и обедом, когда резал салат... Вообще, лучше всего было бы повеситься, конечно, – жаль только, что не на чем. Впрочем, я не смог в 2013, когда было на чем – но сейчас я опять возвращаюсь к этой мысли. Еще недавно я считал, что раз уже виден конец срока, не так много осталось – то и нет смысла умирать, надо дотянуть – и наслаждаться свободой. Но – наслаждаться не получится, увы. Скоро 42 года мне, полтора месяца осталось – и простой вопрос, чего же я добился в жизни к своим 42-м годам, убивает меня наповал, навывлет... 12 лет сроку за взгляды, слова и мысли – вот единственная медаль (или три медали, если считать по числу судимостей). Выйти после этого на волю, чтобы получить в свое распоряжение опять те же фейсбук и ЖЖ с теми же 150-200 подписчиками, что и раньше, и всё, ничего больше, – стоит ли ради этого мучиться 12 лет по лагерям? Стоит ли вообще жить?.. Большие жизненные испытания, если человек проходит их стойко и мужественно, не сдается и не просит пощады, – обычно, по умолчанию, расширяют его горизонт, увеличивают возможности. Но вот этого-то как раз мне совершенно не светит. Все эти испытания – зря, вот то, см чем я никак не могу смириться, никак!.. Мой статус после них не поменяется, так и останется лишь «широкая известность в узком кругу», не более того; возможности не расширятся; уважение ко мне, у кого (кроме самого ближнего круга) оно и есть, не перерастет в интерес, в желание сотрудничества... Как был «публицистом» – самопальным, у себя в ЖЖ на 150 читателей – так и останусь. Стоит ли жить ради такой перспективы, такой награды за все мучения?..

Зрение, похоже, портится, или же это давление: пишу всё это, и чуть напрягу глаза – сразу какие-то черные круги идут перед ними. Хотя вроде вижу до сих пор нормально, без очков.

На ужин – «уха», т.е. я опять без ужина. Хотя разнервничался и распсиховался – и из-за библиотекаря, и из-за неудавшейся своей жизни – так, что на ужин уже наплевать. А хлеб уже два дня на завтрак и ужин дают настолько темно-серый, корки настолько горелые, что – фактически это опять та же черняга, что всегда была раньше утром и вечером. На 80% черняга, если не на все 100.

11.7.16., 6-13

Да, увы, лафа кончилась, – теперь утром и вечером опять несомненная черняга вместо белого (серого) хлеба. Считаю, два месяца был белый... Как, впрочем, кончилась и моя жизнь...

12-05

На второе опять – овсянка, причем даже без запаха мяса... «Серая-серая кашка». Выбросил.

Настроение настолько отвратительное, на душе так тошно – хуже просто не бывает. Да, прошла жизнь, и это непоправимо, ничего не вернешь... А тут еще это лето дурацкое, эти юбилеи 20-летние моих глупых поездок, усилий, всемирных драм в 22 года... Правильно тогда, в 14-м (?) году писал мне Миша Агафонов: я «ничей». Оригинальный, сам по себе... Но никому не нужен, поскольку никто «своим» меня не считает – и поэтому ни на кого, ни на чьи силы, ни на чей голос и ресурсы я после освобождения (если!) рассчитывать не могу. Моджахеды, ЛГБТ, украинские националисты, евреи, «либералы», правозащитники... Всех поддерживал – и для всех чужой!.. :) (Сардонический смех.) Кого национальность не устраивает, кого – атеизм, кого – взгляды, кого – стремление решать проблему средствами рациональными, а не ритуальными (это я о «правозащитниках»-ненасильниках). Приятно, конечно, быть оригинальным, самобытным, уникальным, ни на кого не похожим... только вот грустно и неприятно находиться из-за этого в полной изоляции, в одиночестве, для всех чужим, не имея никаких возможностей что-то сказать или сделать, кроме личного ЖЖ и фейсбука с сотней-другой подписчиков... Плата за оригинальность и самобытность, что ж... Тем паче – у многих из тех, на кого я не могу рассчитывать, не таких медалей, как три политические судимости и 12 лет лагерей за слова... Я не сомневаюсь, что Новодворская в 90-е гг. тоже испытывала что-то подобное – и на митингах ей слово давали последней, и Санниковой она в 2008 (?) сказала, что, мол, не может же она всю жизнь портреты на митингах рвать, и т.д. – и рост ее конформизма определяется именно этим. Но мне даже и в этом случае все равно никто не предоставил бы место колумниста в «New Times» и в списке на выборы в Думу (как ей предоставил место в списке ПЭС Боровой в 1995 году)... :)))

Попозже, часа в четыре – в пять, будут традиционные понедельничные «крестины». Не удивлюсь, если опять навесят 15 суток, – как-никак, почти три месяца уже я провел без ШИЗО. Докопаются, как обычно, до «формы одежды», или, скажем, до того, что вчера утром я СИДЯ задремал минут на 10-15, облокотившись на тумбочку. Камера же всё видит...

13-42

Как смириться с тем, что никогда не сможешь выйти из ничтожества, из незначительности?

20-35

Сразу после «крестин» принесли свежую «Новую газету». Хорошо, – значит, подписка Землинского работает. Но очень мрачные новости, как

всегда, в самой газете. Подробный, большой репортаж из Украины о том, как обустроивается новейшими техническими средствами граница с Россией. Плюс – естественно, рвы, заборы с колючкой, видеокамеры и т.д. Это хорошо и правильно для Украины, но очень плохо для меня: значит, уйти туда, как планировал, я не смогу. :(При перекрытии границы заборами – трудно думать, что ж/д полотно не перекроют тоже и что российская сторона на нем не выставит и свою охрану. А других-то вариантов у меня не было изначально. В тот таинственный вариант, что обещает Лена Маглеванная, я не верю после ее недавних упоминаний о Калмыковой: Калмыкова ехала через Беларусь, мне там не проехать. Паспорт, естественно, не дадут. Т.е., и после конца этого срока – ничего иного, кроме нового срока за несоблюдение надзора, мне не светит... То бишь – даже тех минимальных перспектив (пособие и фейсбук), что я себе порой рисовал, не будет. Только лагеря – до конца жизни...

12.7.16., 5-40

Поехал, дурак, ровно 20 лет назад, хоть и понимал, что всё безнадежно... Как раз ровно 20 лет – в эту ночь, с 12-го на 13-е. Всю ночь не спал (первую из четырех без сна), залез впервые в жизни на вторую полку в вагоне, там было душно, навалился еще и кашель бесконечный, спать я, конечно, не мог, больше полночи просидел у кого-то в ногах внизу... Утром в Питере – сразу с одного вокзала на другой и – вперед до упора... Пока действительно не уперся в тупик. Дураком был полным, молодой и глупый, как говорится... Но как я, измученный двумя бессонными ночами, утром 14-го, часов в пять, вышел наконец в центр Питера – и, поднимаясь на мост, увидел восход солнца, грандиозную, величественную эту панораму над Невой, сверкающий купол Исаакия... – этого мне не забыть никогда. Этот момент, этот восход солнца, Исаакий, невская эта панорама – остались в душе моей навеки, это одна из важнейших вех моей жизни – и потому о дурацкой, глупейшей своей поездке тогда и обо всей этой нелепой истории я не жалею...

Но сейчас, увы, настроение опять такое же, как тогда было в первый раз, наверное, в жизни, – ощущение, что зажат в клещи. (Только, в отличие от 1996, есть люди, на которых хоть в чем-то можно рассчитывать – и не стоит на пути мать как главное препятствие.) Этот вчерашний материал в «Новой» про украинскую границу меня буквально убил, – он первое, о чем я вспомнил сегодня с утра. Ощущение клещей, полной безнадеги, безвыходности... Уехать теперь нельзя – но и остаться нельзя. Именно в состоянии такой вот безысходности я десять лет назад обвязался веревкой и полез в окно 21 марта, – это был тогда в буквальном смысле единственный

выход. Теперь не будет и этого, последнего, на что я рассчитывал на крайний случай как на самый простой, примитивный, но надежный вариант: просто утопать пешочком по шпалам, как притопал, дурак, в 2004-м... Теперь нет и этого. Бессмыслица и тщета жизни моей опять выступают с чудовищной остротой и бесспорностью. Ведь когда я вчера горько размышлял и писал здесь: «выйти из незначительности» - я по умолчанию имел в виду, что я не в РФ, что у меня оплачен интернет, есть крыша над головой и пища на день, что я могу поэтому думать о внеличном и глобальном, об идеях, о сверхзадаче своей жизни и т.п. Но нет - жизнь бесконечно преподносит сюрпризы, и все они почему-то неприятные. Последним по времени таким сюрпризом была Лена М., которая за несколько месяцев так и не сподобилась ничего набить. :(Теперь вот - границу перекрывают, и в 2020, похоже, вместо того, чтобы думать, как выйти из незначительности, по-прежнему придется думать о том, как выйти из тюрьмы, либо, в лучшем случае, - как опять не попасть в нее за игнорирование их административного надзора... :(((

6-48

А м.б. - придется теперь идти пешком, но через границу уже беларусско-украинскую, которую, м.б. и тогда еще не перекроют. Похоже, это остается единственным реальным выходом из ситуации. Взять побольше денег, никакого багажа, только то, что влезает в карманы; найти кого-то с машиной, чтобы довезли до Смоленска, там - электричками до Орши, Минска, Гомеля, и - электричкой до границы, а там - пешком, через Горностаевку эту, которую мне в паспорте 2001 г. отметили. Проблема только в том, что за один день это явно не получится, надо будет где-то ночевать, а паспорт показывать нельзя (он в любом случае будет просрочен, если даже не брать в расчет розыск). И - сколько топтать до первой украинской станции, где можно будет сесть на электричку, тоже неизвестно. Но, видимо, это и впрямь единственный вариант. Глупо ли думать об этом сейчас, за 1224 дня?..

18-20

Какая-то эйфория, азарт, прямо как в прежние времена, в молодости, охватили вдруг утром, сразу после предыдущей записи. Прорвусь, пробьюсь непременно, через Беларусь, да!! Путь знакомый по маю 2004 г. Не возьму вообще с собой вещей, только деньги, лекарства и телефон; на электричках, ночуя на вокзалах - за двое суток доберусь!!! Эх, каким отважным, неутомимым, бесстрашно рвущимся вперед путешественником был я когда-то, еще в 90-е!.. Ну да, тогда, в 2004, только до Смоленска, помню, добрался за полный день, в Вязьме полдня прождал «собаку»... В общем-то,

можно доехать, конечно, если не попадусь со своим просроченным паспортом, ночуя на вокзалах, беларусским ментам... и если я выдержу эти ночлеги на вокзалах, а то и просто на улице, причем - зимой! Силы-то уже не те, что в 30 лет, а уже и тогда было не так всё легко и просто, как в 25...

Потом прошла эта эйфория, эта бодрость, душевный подъем и даже - огромная редкость! - хорошее настроение от предвкушения удачного прорыва. В конце концов, до зимы 2019-20 еще надо дожить, 1224 дня мне до освобождения (если оно вообще будет). Тянется бесконечно очередной тусклый, тоскливый, пустой тюремный день. Дежурит косоглазая быдлотатарская мразь, весь день водит в баню «суточников», с час назад зачем-то выключили радио. На ужин - «уха», т.е. - я опыт без ужина. Саратовская колбаса, которой ужинал последние два вечера и буду еще четыре - вызывает глубочайшее омерзение. Вспоминается далекое детство, 80-е годы, когда из позднесоветской колбасы, когда отрезаешь ломтик и трогаешь его пальцем, непременно торчали громадные твердые куски какой-то дряни, в эту колбасу напиханной. Я с усердием, тратя уйму времени, выбирал и вытаскивал все эти куски - и сейчас мне казалось, что эти времена прошли вместе с детством и больше не повторятся. В Москве, слава богу, давно уже научились делать колбасу, из которой ничего не торчит. Из нижегородской колбасы, продаваемой здесь в ларьке, к счастью, чаще, чем саратовская, торчит относительно мало и не очень крупными кусками (но всё же это было мне неприятно, когда я впервые обнаружил). Но уж этот «сервелат», будь он неладен, это саратовское дерьмо!.. Это чистые 80-е годы! Куча времени уходит на то, чтобы выбрать всю эту дрянь; после ее удаления часто в кусках колбасы остаются сквозные дыры - а попробовав кусочек пальцем, еще раз обнаруживаешь, что вытащил не всё, что тут же торчат и куски помельче! Но, увы, кроме этой дряни, жрать совсем нечего. «Уха» и черняга сегодня на ужин, - т.е., опять наступил голод, как зимой, когда ларька не было вообще. В этих условиях - хорошо, что есть хоть какая-то колбаса...

Писем нет вот уже целую неделю, с 5-го. Книги, что мать по одной послала еще 21 июня, тоже не несут, а м.б., уже опять отправили назад. Никаких съестных даров :) после недавней морковки и лука больше не несут - а на что-то такое в свой д/р я тем более не рассчитываю, хотя блатные и спрашивали через баландера дату. А от ФЕОР к еврейскому Новому году в сентябре (сам Н.г. 2-го, что ли, октября, или 3-го, не помню точно) в лучшем случае может прийти что-нибудь сладкое, типа меда или изюма, как в 2008-10 в Буреполом. Да и то вряд ли. Или дешевая халва и баранки, как в 2015 приносил мне гостинцы раввин в Москве. Всё, конечно, тут пригодится, но

– на что-то по-настоящему хорошее рассчитывать не приходится, а зная, как было в этом году с мацой (не послали) – лучше не рассчитывать вообще ни на что. Эти козлы только свои сборники молитв и всякой прочей божественной лабуды рассылают с удовольствием...

То бишь – ни духовной пищи, ни физической. Письма – редкий праздник, книги – хрен, в ларьке – саратовское дерьмо... Надеяться не на что, и как выдержать еще 175 недель этого ада, чтобы потом иметь возможность куда-то идти хоть через Беларусь, хоть как – я просто не представляю...

13.7.16., 18-07

Завтрак и обед – ничего, на ужин – овсянка и селедка (т.е., я опять без ужина). Радио у них, оказывается, вчера вечером сдохло – уже сутки не работает. Среда, но были в два часа дня «крестины» (последнее время они обычно в четверг после четырех). Сразу после них ходила по камерам очередная «опергруппа» (это слово еще раньше я слышал в коридоре), или как ее там, – короче, довольно молодой «мусор», сказавший, что он из ГУФСИНа. Уж не знаю, зачем его повели ко мне – или он сам пошел? – но когда в ответ на его вопрос: есть ли жалобы по условиям содержания? – я изложил ему про письма, книги, радиоприемник и т.п. – он спросил другого, стоявшего чуть подальше в коридоре: «А что, у него (или «с ним»? Уже не помню дословно) какие-то проблемы?». Тот ответил: «я не знаю, о чем он говорит». Или у меня глюки, или этот второй был мразь Баяндин со своей квадратной харей; в первую секунду, увидев харю, я был уверен, что это он, но потом, когда дверь уже закрылась, начал сомневаться. Впрочем, к кому другому приезжий обратился бы с вопросом, как не к начальничку из местных? Мне же он задал их любимый дежурный вопрос – писал ли я заявления о том, на что жалуюсь ему? Ну да, очень остроумное предложение: узнав, что приемник или книги (причем узнав не официально от начальства зоны, а из письма матери) уже вернулись обратно в Москву, писать об этом заявление здесь, в зоне... Бред собачий, как и всё у них, в их проклятой стране. Надо ли говорить, что чисто формальный, для «галочки», визит и вопрос этот ровно никаких практических последствий не возымеет?..

14.7.16., 5-43

Смена белобрысого упыря, но его уже второй раз нет, – видимо, в отпуске. Зато вчера вдруг обнаружилось то предельно омерзительное чмо, которое дежурило вместе с ним одно время, еще зимой, и всё допытывалось у меня этак глумливо, чем это, мол, [якобы] воняет в камере. И, конечно же, по старой памяти, тотчас же заставило меня в отбой надеть «куртку х/б»,

чтобы взять матрас. Поэтому вчера за ужином и сегодня после четырех утра, когда уже окончательно проснулся, нервы у меня были взвинчены ожиданием, что он потребует того же и сегодня в подъем, я, естественно, откажусь – и в понедельник, 18-го, меня ровно через три месяца после последнего раза опять торжественно закатают на 15 суток. Просчитал даже, что закончатся они 2-го августа, в «праздничек» их ВДВ... Неприятно, конечно, но уступать я не собирался; прикидывал, что голодовку опять начинать – нет смысла, а вот выйти из камеры и пойти на их «крестины» я, пожалуй, могу отказаться. Но – опять обошлось :)): та же самая мразь сейчас, в подъем, молча открыла обе двери и о «куртке х/б» даже не заикнулась. Правда, при этом она пощелкала выключателями, обнаружила, что у меня в камере не горит верхний свет – и сказала дневальному, что нужна лампочка. Так что теперь я нервничаю, что они все-таки наконец ввернут мне новую лампу – а я уже три месяца (!!!) кайфую здесь без нее, с одним ночником и солнечным светом в окошко (когда есть солнце, а здесь это редкость). Не дай бог!!! Да еще и голова болела слева, когда проснулся утром, – давление, а таблетки ведь отняты и заперты...

А это роскошное утро, навеки памятное, этот восход солнца над Невой и всем великолепием питерской панорамы, этот сияющий золотом купол Исаакия – всё это было ровно 20 лет назад, ранним утром 14 июля 1996 года, после бессонной ночи...

12-20

Фантастика!! На второе – рис! РИС!.. Вместо ожидавшейся овсянки, «серой-серой каши» – вдруг эта снежная белизна (тоже, разумеется, уваренная до состояния густой каши) с куриными костями!..

Вчера – горох, сегодня – рис... Дни не праздничные; да и из расейских «праздников» на лагерное меню, как я уже знаю по опыту, влияют только Новый год и пасха.. Нет сомнения, что столь радикальным улучшением меню эки ИК-10 обязаны присутствию какого-то заезжего начальства, – возможно, того самого, что заходило ко мне вчера; да и сегодня, вертухай предупредил через дневального 15-ю (почему-то) камеру, в зону около 10 часов вышли некие «опера». Уедут – и серая-серая кашка благополучно вернется.

Вот уже, можно считать, 3 и 4 мне осталось... Усталость, дикая, чудовищная, раздавливающая и расплющивающая человека усталость – вот главное мое чувство от этих отсиженных 3 и 8. Я и дальше намерен воевать с этой мразью – Путиным и его империей – но отдых необходим. Отдых и ощущение, что я свободен, что за мной не следит камера, что я могу делать что хочу и когда хочу, выйти из дома – и идти куда хочу... Только такое

состояние по-настоящему мотивирует и дает возможность воевать дальше. А повоевать с ними я ох как хочу!.. Усталость от неволи, бесконечного однообразия и жутких условий.

Писем так и нет, вот уже девятый день.

14-23

Выдернул опять психолог. Какие-то ему прислали новые тесты. Делать их я, конечно, отказался, но взял посмотреть. Блин, мерзость какая! Насчет религии – подробные вопросы, есть ли в семье верующие, кто, когда, почему, есть ли атеисты, и т.д. А потом – может ли религия быть носителем экстремизма? (Или как-то так.) Меня, честно сказать, взорвало, я высказал кратенько этому психологу, что я думаю про само понятие «экстремизм» и про религиозную политику этого государства. Он мне вдруг выдал: оказывается, православие – это в России «государственная религия»! На мои вопросы, откуда он это взял – отвечал, что, мол, он в курсе, что церковь отделена от государства, но якобы 75% – православные. При этом само ни разу и ни хрена не церковный тип, сразу ясно. Объяснил я ему вкратце и про то, сколько на самом деле тут православных, и про то, что уравнивать в правах все конфессии (РПЦ с запрещенной ныне церковью Муна, например) – это для них тоже «экстремизм», и т.д. и т.п.

Повел меня вертухай из «дежурки» в камеру – в коридоре вижу молоденькую рыжую кошечку, из тех котят, что родились тут весной у кошки Сони. Успел ее подхватить и взял с собой в камеру. Праздник, конечно, неописуемый. Всё, теперь это рыжее мурчащее счастье с меня не слезает. Снимаю ее с загривка – а она тотчас норовит запрыгнуть опять! Любовь до гроба, короче... Напоминает мне этим буреполомскую Фроську, – та тоже на меня всё прыгала, жить без меня не могла, хотя эта и молодая совсем, и – в отличие от Фроськи – короткошерстная. Сейчас вот пишу, а она лежит на столе, прямо перед моим носом, на журнале, и урчит как пропеллер. :) Кладу ручку, а она ее тут же начинает катать лапами и грызть. Короче, день удался, с осени 2015 не общался я близко с кошками.

15-30

Кису рыжую пришлось выпустить раньше времени: вертухаю надоело, что она орет под дверь. А кисе под конец что-то разонравилось: если спускаешь ее на пол – начинает пронзительно орать, даже не «мяу», а просто резкий такой, неприятный звук у нее получается. То ли есть хочет, то ли боится незнакомого места (хотя вроде успела уже и обследовать), а уж как к двери подходит – тут от натуги у нее даже целое «мяу» начинает получаться. :) Не досидела, бедолага, до ужина и казенной селедки. :) М.б., встретимся как-нибудь еще...

15.7.16., 5-40

И, наконец, как апофеоз дня – вчера незадолго до ужина принесли пачку писем! 13, кажется, штук. Два от матери, два от Майсуряна, три от Землинского, одно от Воробьевского, два из Тамбова от Ольги Поповой, два от Ефимова из Эстонии... Ответить за вечер успел только Майсуряну и матери, остальным – от прямо сейчас (пятница) и до вечера воскресенья...

Новостей особых никто не пишет, только мать сообщает, что вроде бы удалось уговорить Свету Сидоркину приехать ко мне 24-го августа. Что ж, дай бог! Да еще Землинский, оказывается, позвонил Григорьянцу – спросить про мои к тому письма. И Григорьянц сказал, что и в конце 2015, и недавнее, от 1 июня, письмо он получил, ответил на них – но я, естественно, этих ответов не получил. А насчет моих опасений, что, мол, из-за несогласия со мной про Россию и пр. не хочет мне отвечать – сказал, что это, мол, чушь. :))

14-18

В баню сегодня повели первым (!!), полседьмого утра, еле успел доесть завтрак. Написал уже три письма из шести. Зато – опять пролет с магазином!!! После шмона открыл «кормушку» Шрек – мол, напиши еще раз заявление на магазин, а то они первое мое заявление, как всегда, в подъем им отданное, вручили вместе с письмами цензору. Написал. Но – то ли они его завхозу так и не вручили, а скорее – опять некому их подписать, но – с магазином полная тишина, его нет. То бишь – есть кусочек вафельного торта на завтрашний завтрак, полбатона колбасы на сегодняшней ужин. А потом – опять целую неделю голодать, ужинать мякишем обеденной пайки без ничего, в казенные завтраки и ужины – голодать, т.к. сейчас даже серого хлеба не дают, черняга утром и вечером. Будь всё проклято – и эта жизнь, и эта е...чая страна!!!

16.7.16., 5-46

Который уж день за последнее время – болит еще с ночи голова, левая сторона. Видимо, как-то неправильно лежал ночью. Написал вчера все письма, сегодня надо их еще выправить и дополнить. А магазин вчера так и пролетел мимо меня, Сейчас доем последний кусочек торта на завтрак – и шесть дней голодовки. Остался только шоколад и чуть-чуть майонеза...

17.7.16., 9-03

Очень сильно хочу есть. Ужин вчера – овсянка, селедка и черняга, завтрак сегодня – овсянка и черняга... Кроме обеда и мякиша и мякиша обеденной пайки на вечер – больше рассчитывать не на что. Молюсь, чтобы хоть обед оказался целиком съедобен...

Итак – как я и предполагал, только обед. За весь день. Плюс – как и вчера – в ужин два кусочка спрессованной икры из селедки (саму селедку я

отказался есть еще весной). Сейчас, после отбоя – мякиш горбушки с обеда плюс две конфеты. Только обед, два блюда + горбушка хлеба, за сутки. Каша на ужин была хоть не овсяная, но еще более серая и отвратительная. На завтрак надежды нет...

Наконец-то ожило к вечеру радио (пять суток, со вторника). В новостях с трудом разобрал какие-то слова о попытке госпереворота (?!) в Турции.

19.7.16., 6-17

Поразительное чудо! :) На завтрак сейчас, вместе с овсянкой, опять дали белый хлеб!! И даже не кислый на вкус! Я-то уж приготовился голодать по-настоящему, и тут – такой сюрприз!.. Что ж, дай бог, чтобы белый давали еще два месяца подряд, как было недавно.

Принесли вчера после обеда две «Новые газеты» – по понедельникам, что ли, носят? Самое удивительное – не было вчера, в понедельник, «крестин»!! Которые в этот день бывают всегда и неизменно, Думаю: что же этому вчера помешало – отсутствие ли Асламова – или «рапортов» на уголовников с прошлой среды? Последнее вряд ли, конечно.

Еще принесли вдруг два письма – от Землинского и от Мкртчяна. Последнее – заказное, как он шлет всегда, но – конверт на сей раз отдали. Особых новостей в письмах нет, только Землинский пишет, что и по отдельности отправленные матерью книги здешние суки опять отослали назад. То бишь, с книгами опять стало никак, не пускают вообще – а зимой, полгода назад, я радовался, что наконец-то решился вопрос с книгами...

20.7.16., 6-40

Вчера весь день хлеб был совсем белый, свежий, мягкий и практически не кислый. После ужина я даже хотел достать дневник и записать: мол, как мало человеку в тюрьме нужно для счастья! Черпачок пшенки на воде, ломоть белого хлеба; а уж селедку (на сей раз без икры) – в «дальняк»! Сегодня с утра хлеб опять серый, кислый, наполовину черствый... Не черняга, конечно, но – ненамного лучше черняги. Как они, суки, это делают, интересно? Мука у них, что ли, разная, побелее и потемнее? И от чего тогда зависит, в каком случае из какой муки они пекут свой гнусный хлеб?..

19-26

Во время ужина, только успел я овсянку в «дальняк» смыть – вдруг открывается дверь, на пороге какой-то молодой типчик в белой рубашке, за ним – опер. Типчик влезает в камеру (!!), на ходу спрашивая, знаю ли я, кто он. Я говорю: «Нет», – и он сообщает, что он из Кизеловской прокуратуры (по надзору, то бишь). Морда вроде знакомая, – м.б., тот самый, что приезжал по жалобам в 2015 и в этом году; да и вряд ли у них так много народу работает; но – не уверен всё же, что тот самый... Говорит, что это, мол, плановый обход,

не только ко мне; осматривает камеру – и что-то записывает на бумагу, которую держит в руке. Но на мой вопрос – что он пишет – отвечает: «Это мое дело». Сука, мразь!.. Спрашивает, всё ли у меня нормально и – ПКТ ли у меня, но – не спрашивает, как у них обычно водится, есть ли жалобы. Минуту или две это заняло, затем он ушел. Передо мной – или я путаю? – и, по-моему, после меня тоже заходил еще и в 5-ю, там грохотала дверь. Нет, не путаю, – я еще подумал, кого это куда водят прямо во время раздачи ужина. И – вот, нервничаю теперь, как бы не случилось какой пакости. М.б., в другую камеру переселить хотят? М.б., еще что-то неожиданное и неприятное (а приятного от НИХ тут не бывает)...

Принесли еще две газеты и журнал после «крестин», где-то часов в шесть.

21.7.16., 14-20

В завтрак – яйцо, во время шмона – еще одна «Новая газета» (как раз с подробностями о несостоявшемся военном перевороте в Турции, – как жаль, что он не победил! Ведь он был, как там всегда бывает, прозападный, продемократический, светский – против реставрации исламизма и диктатуры Эрдогана!), передо обедом – психолог с расспросами, как у меня и что (прогулки, лекарства, книги, письма, баня и т.д.), в обед на второе – РИС!! Второй раз за короткое время!.. После обеда зато три раза подряд отключался ночник в камере.

22.7.16., 6-00

Опять черняга!!! Опять я без завтрака!.. (Овсянку же я не ем.) :)))))) Веселое начало дня...

1214 их еще осталось. Доживу ли я... до той пустоты, что ждет меня после освобождения?

12-55

Магазин наконец-то состоялся. Но: вместо сарделек – сосиски!!! Тоненькие... :(То-то я не мог понять, почему со 175 р. 8 июля они вдруг подешевели до 161-го. А этот козел завхоз и сардельки ведь в своем списке продуктов всегда именовал «сосисками», вот я сразу и не разобрался... Что ж: думал, 24 сардельки на четыре ужина, по шесть штук в раз: но теперь этих тоненьких сосисок, пожалуй, придется съесть по пачке в ужин – и хватит на три дня, остальное – колбаса. Как раз будет паритетно: сосиски тоньше, потому их не шесть, а десять штук в ужин. Да еще, – зря я радовался тогда, 8 июля, в последний магазин, что, мол, дали случайно два рулета, хотя я просил один, – и не заметили, еще и на сдачу были спички. Сегодня написал два рулета – завхоз притащил один, и никакой сдачи. Ясное дело, сквитались... :)

На обед – суп абсолютно без соли (вода, макаронны и сварившийся

яичный белок, – они тут традиционно вбивают сырые яйца в суп) и горох. А на тележке у баландера, в тарелке – горка небольших, но толстеньких свежих зеленых огурцов. Не всем, – видимо, только диетчикам...

23.7.16., 5-45

Итак, случилось то, чего я боялся. Мразь «курточник» (как я его прозвал последнее время) – вертухай, еще зимой дежуривший тут в быдлосмене вместе с белобрсым упырем – решил сейчас, в подъем, муштрануть меня по своему обыкновению – «курткой». Еще только он открыл наружную дверь камеры – слышу, он не открывает решетку, а из коридора говорит мне: мол, куртку не забывай надеть. Ага, думаю, щаззз!.. Еще так-сяк я соглашаюсь на эту его муштру с курткой вечером, – иначе эта сука не даст мне матрас (или, как минимум, будет долго мурыжить). Но уж утром – х... тебе, мразь! Подхожу к решетке, говорю: открывай те. Он опять талдычит про куртку. Я говорю: сейчас я лягу обратно, да и всё! Он опять что-то бурчит. Я кидаю свернутый матрас обратно на нары и ложусь. Он из коридора: – Ну долго я буду ждать? – Откроешь, я выкину. – Он: дурак что ли? – Я: сам дурак! Тут он обругал меня матом и захлопнул наружную дверь.

Как всегда в подобных случаях, они оставили меня напоследок. Лежу, жду, слушаю хлопанье соседних дверей в коридоре. Открывается опять моя, за ней уже другой вертухай. Отпирает решетку. Я встаю, несу матрас и слышу, как эта гнида «курточник» в коридоре говорит: «Куртку х/б пускай одевает!». Но другой вертухая не обращает на это внимания; я выкидываю матрас в коридор (он при этом почти раскрутился) – и на этом инцидент исчерпан.

Насколько я мог заметить, видеорегистратора на груди у мрази «курточника» не висело. ; по крайней мере, перед открытием моей двери он ничего в него не говорил, как это бывает обычно. Про писание объяснений тоже ни он, ни другой «мусор» не спрашивали. И всё же – я совершенно не удивлюсь, если в понедельник, на ближайших «крестинах», я опять получу за эту историю 15 суток. Больше трех месяцев уже не получал – что ж, все когда-нибудь кончается, даже такие вот передышки. С тех памятных пор, с весны еще, каждые «крестины», каждый понедельник и среду/четверг, я нервничаю, прислушиваюсь, стоя под дверью, к ходу «процесса», к тому, закончили наконец, или еще нет, идут по камерам или не идут, особенно – не идут ли за мной. В понедельник в любом случае прислушиваться и нервничать придется еще сильнее.

6-25

Прервали привезенным завтраком: макароны (каша, но съедобные). Затем съел рулет.

Если в понедельник пятнашка – то до 9-го августа, уже посчитал. Хуже всего, самое отвратительное и неприятное – это то, что весь день сегодня (суббота), весь день завтра и до четырех или пяти часов дня в понедельник я буду гадать, мучиться ожиданиями и предчувствиями, прикидывать варианты, в понедельник – прилипнув к двери, слушать, идут или не идут за мной, думать, куда спрятать часы, нитки и пр. ценные вещи. Конечно – всё проходит, и это тоже пройдет; все эти заботы и тревоги исчезнут, как дым, когда минуют оставшиеся мне 1213 дней (если я доживу), но все равно – для нервов, здесь и сейчас, это тяжелое испытание. Суета суета и томление духа... К тому же – я почему-то уверен, что если они навесят в понедельник 15 суток – то с этого пойдет новая череда бесконечных ШИЗО раз в месяц, а то и чаще. Отсрочка закончится окончательно.

Во всяком случае, сегодняшняя история подтвердила еще раз мою давнюю теорию: настигают человека как раз те беды и неприятности, о которых он не думает и не ждет, от которых считает себя застрахованным. Уже два-три раза эта мразь курточник вечером муштровал меня с курткой, а утром спокойно открывал обе двери без всяких условий – и я, увидев вчера в отбой его харю за дверью, подумал, что, наверное, утром опять будет так же. Но на всякий случай все равно готовился к худшему, конечно. Худшее случилось, – хорошее, что я не растерялся, что был готов все-таки и к такому варианту. Пусть хоть всё отнимут, хоть голодом заморят, что хотят пусть делают – а муштровать тут себя, как собачонку, я всякой мрази не позволю! Теперь вот – в глупой, бессильной надежде мне кажется, что, м.б., если я буду заранее просчитывать все худшие варианты с ШИЗО в понедельник и считать его абсолютно неизбежным – то обойдется, не будет никакого ШИЗО... Хотя, конечно, неизбежное неизбежно. Если даже и не будет – то, получается, я сам себя наказываю почище всякого ШИЗО: нервотрепкой, вот этими мыслями, постоянным беспокойством и ожиданием беды... Такой же вывод, помню, сделал я и в Буреполоме: главное наказание – нервотрепка, отсутствие душевного покоя.. Ну, и поверх всего этого остается еще вопрос о том, что этот ублюдок курточник не далее как в понедельник ведь заступает на дежурство снова – и может опять сделать так же, и регистратор заранее подготовить, и донос («рапорт») написать, и цепляться к «куртке» хоть каждое третье утро, каждое свое дежурство, пока его опять не уберут отсюда. Эта мразь еще с зимы, с января, ненавидит меня совершенно открытой личной ненавистью. Может цепляться, конечно, и глумиться вволю, – но уж и я, конечно, в этом вопросе о ненужности надевания «куртки», чтобы выкинуть матрас, не уступлю!!!

24.7.16., 5-21

Бесконечные, невыносимо длинные, тягучие, мучительные дни. Десять часов до отбоя, семь, пять, три, два... Кажется, день не кончится никогда... Книги еще есть, но я с трудом заставляю себя взять книгу и читать ее (разве что принесут свежие газеты, – только их и читаю с интересом). И так постоянная тоска на душе, чувство тупика, в который уперлась жизнь; а тут еще вчерашний инцидент... Если навесят за него «пятнашку», то опять начнут их вешать постоянно, регулярно, чего не было вот уже три с лишним месяца, это ясно. Вроде бы и наплевать, конечно, на это, но... тошно до такой степени, что не описать словами. Не так уж много мне осталось, меньше полсрока уже, три года четыре месяца, но – опять приходит та же постоянная мысль, что лучше было бы умереть, не дожив до этого освобождения, потому что оно мне не нужно, ничего хорошего меня все равно не ждет и после освобождения... А тут еще как раз уже ровно через месяц проклятый «праздничек» – день рождения, ненужный, ненавистный, давно уже не отмечаемый, напоминающий лишь о том, что жизнь не удалась, не сложилась, что ничего я в ней не добился... 42 года уже... Сколько еще их осталось?.. Тоска, жуткая, невыразимая тоска на душе, и некуда деться, и некому помочь, и впереди нет ничего... :(

7-52

Как же это тяжело – идти в никуда, без будущего...

14-45

Ну что ж, кажется, ощупью я набрёл на какое-никакое решение. Если завтра выдернут на «крестины» – не пойду, просто откажусь выходить из камеры, и отныне, пока на них будут дергать из этой камеры, всегда буду делать так. Не узнаю, сколько именно дали, – а тут и гадать нечего, нечего рассчитывать меньше чем на 15 суток. Не глотать же молча унижения и всю эту их брехню, стоя там в «дежурке» перед всей этой мразью. Посмотрим, хватит ли у меня силы духа держаться отныне этой тактики. С матрасом и «курткой» вчера – слава богу, хватило. Вторая половина срока – и новая тактика, отлично!..

17-49

Вот мне 42 года, вот я уже девятый год сижу... Но всё равно поразительно: до какой степени может взбулгачить всю мою душу, перевернуть всё нутро моё какая-то жалкая, вшивая, отвратительная мразь, недочеловек, выродок, пермское быдло, тупое и бессмысленное, говорящий кусок говна – этот ублюдок-вертухай, «курточник»! Просто поразительно!.. :((И как мне справиться с собой – я не знаю... Вот уже второй день жду, нервничаю, перебираю варианты поведения (см. предыдущую запись), психую, схожу с ума... А это животное завтра заступает снова, то бишь – послезавтра утром

опять такая же стычка с ним. Не написал (надеюсь) на меня донос вчера – напишет во вторник, на «крестины» позовут в среду. Но уж я не пойду!!! Суки!.. Мразь!.. Это еще раз подтверждает мой старый, поначалу еще интуитивный вывод: в России нет вообще абсолютно ничего хорошего, нормального, хоть сколько-то приемлемого. Не то что хороший народ обманут и угнетен плохой злобной властью, – о нет!.. Россия, вся, как она есть, тотально, снизу доверху и сверху донизу – это сброд рабов, садистов, изуверов, мутантов-недочеловеков, варваров, выродков, уже одним своим существованием угрожающих цивилизованному миру; Россия – это концентрированная мразь, говно, блевотина, нечисть, разложившаяся вонючая падаль, – ВСЯ, со всем, что в ней есть. Именно поэтому Россию можно только уничтожить – и ее НАДО уничтожить. Не во имя ее самой, не ради «спасения» ее, конечно, – а ради спасения ОТ нее, ради мира, цивилизации и свободы на планете Земля...

25.7.16., 5-32

Проспал с десяти вечера до двух ночи, почти четыре часа. Но зато потом уже – с двух валялся без сна до подъема. Часов 12 ждать теперь «крестин»... Господи, как же я ненавижу и эту проклятую страну, и всю эту мою бессмысленную, нелепую жизнь!..

14-42

Тот же самый, позавчерашний ублюдок «курточник» дежурит сегодня опять – и сейчас на какой-то (не было слышно, какой, но можно догадаться) вопрос завхоза ответил в коридоре недалеко от моей двери: «Он не хочет одеваться». Так что – видимо, действительно передышке с моими ШИЗО, длиной в три месяца и неделю, пришел конец. Завхоз, видимо, спрашивал, за что меня сегодня планируется на «крестины», – значит, это чмо донос позавчера все-таки написало. Но – я не пойду, нет!.. :))))

17-25

«Крестин» не было. И так, всё откладывается на среду (послезавтра)?

Опять нет ни писем (уже неделю), ни газет (уже три номера, сегодня вышел четвертый).

Завтра в подъем опять предстоит веселье с «курточником» и курткой.

26.7.16., 5-40

Опять сейчас сцепился с мразью «курточником»; слышал, как он в коридоре жаловался на меня другим, что, мол, я не хочу «форму одежды» одевать; привел себе в подмогу еще двоих, из которых старший пытался тоже заставить меня «привести в порядок форму одежды». У него, правда, тоже это не получилось. :))) Кто-то из них, пока я лежал, уже спросил: «Объяснение писать будете?» – то бишь, исход дела сомнений не вызывает.

С трудом все-таки этот старший дверь открыл, матрас я выкинул, никакой куртки так и не одев. Ладно, что ж, до 11-го ШИЗО, если «крестины» завтра (не пойду!), 12-е – пятница, как раз магазин! Оно даже и лучше, ибо следующий раз эта мразь курточник будет проводить подъем как раз в пятницу – тут уже будет не до того, чтобы отдавать ему заявление на магазин. :))) Что ж, – делай что должен, и будь, что будет. По крайней мере, мне хоть не будет мерзко и стыдно перед самим собой, что я прогнулся перед этой мразью, как было один раз (в мае или июне, не помню).

17-50

Были «крестины», не были, – хрен разберешь. Я слышал, как завхоз, говоря через «глазок» в двери с моим соседом из 5-й, сказал ему: мол, «крестины». В то же время было тихо, толпа мразей, как обычно в таких случаях, в коридоре и «дежурке» не галдела, радио не выключали, из лагеря никого не приводили, дверью бани не хлопали... «Здорово, кича!» – тоже никто не орал. Но потом, позже, в коридоре были все же слышны традиционные для этого действия вопросы: «Куда его?» (сажать) и «Ты кто по жизни?». Меня, во всяком случае, не дергали. Видимо, завтра; в то, что всё так просто, без последствий, для меня обойдется, я категорически не верю, – именно потому, что в это как раз очень хочется верить...

На ужин неожиданно опять дали белый хлеб. Если опять «пятнашка», голодуха – дай бог хоть на этом хлебе выезжать!.. В любом случае, ближайшая теплая встреча с «курточником» – утром в пятницу...

Ни писем, ни газет... Письма некому нести, мразь Безукладников – в отпуске.

27.7.16., 5-17

Опять сука Шрек поднял уже четверть шестого. Опять проснулся ночью в 2-20 – и уже не спал до подъема. Четыре (или чуть больше) часа сна за ночь... Опять томительно, бесконечно, невыносимо ждать «крестин», опять 16 часов топтать камеру...

Ровно месяц, как приезжали ребята. И сейчас – едва ли появятся до конца сентября...

6-45

Как же я устал, господи!!! Как страшно, непередаваемо, невыносимо я устал!.. У меня не хватит сил еще на три года и четыре месяца, я хочу сдохнуть прямо сейчас! Сдохнуть – и освободиться...

17-41

Опять – большой почтовый день. Вместо «крестин» – пачка писем в обед и психолог после обеда. Значит, видимо, «крестины» будут завтра. Господи, как же мне надоело ждать!.. Письма – от матери всего одно, три от

Землинского + одно от Ефимова (чушь пишет неожиданно, – какое разочарование!..), еще от некоторых мало или совсем неизвестных лиц – и от Григорьянца письмо! Написал он его, оказывается, только около 19 июля, судя по штемпелю, – в ответ на мое, полученное, скорее всего, еще в начале июня...

28.7.16., 11-47

Вот и пришло оно, счастье... На обед сейчас тоже дали чернягу вместо серого хлеба. То бишь, если сейчас ШИЗО или завтра опять пролет с магазином – то мне уже завтра вообще нечем будет ужинать, даже кислого этого серого мякиша не будет, который все-таки выручал...

«Курточник» тем временем уже заступил на дежурство; завтра в подъем – опять веселье...

29.7.16., 5-35

Ха-ха-ха!!! :))))))))) Я сломал эту мразь! :))) На третий раз – таки сломал!!! :) Сейчас мразь «курточник», увидев, что я кидаю свернутый матрас обратно на нары, открыл решетку, сказал: «Выноси», – и добавил длинную матерную тираду. Не матерными в ней были только слова: «Тебе что, трудно одеть?» – и обещание, что в следующую его смену я не получу матрас. Ну что ж, посмотрим, как эта нечисть решится нарушить так грубо мои права, не дать мне на ночь матрас, тем паче в присутствии оперов и прочих начальничков, всегда приходящих на отбой. Пока же – хоть маленькая, но победа!!! :))) Три – и впрямь магическое число, на третий раз я его сломал, наконец, этого ублюдка! При том, что, разумеется, он муштровал этой «курткой» только лично меня, – сейчас я прекрасно слышал, как он открыл сначала «двойку», как шлепнулись на пол два матраса оттуда – при полном молчании; если бы он, стоя в коридоре, хоть слово сказал бы тем двоим про «куртку», его было бы слышно; но он молчал.

17-40

«Крестин» так и не было, – и сегодня, и, фактически, за всю неделю. В баню опять повели первым, даже полностью позавтракать не успел. Поразительно, что за мода у них вдруг новая появилась, – начинать ЕПКТ-шную баню с меня?! Централизованное, что ли, какое-то решение принято? То ждал по целому дню, а то вдруг – второй, не то третий уже раз разные смены водят первым, прямо в завтрак... Причем мне-то это хорошо – не томиться потом ожиданием весь день, помыться – и забыть, я-то не в претензии абсолютно. Просто интересно: с чего вдруг?..

Вели перед баней в каптерку, – охренеть, почти все камеры в коридоре, по обеим сторонам, пустые! Двери нараспашку... Во 2-й сидят, видимо, два этапника, моя и 5-я заняты, в 14-й – еще какие-то «суточники» (ШИЗО) – и,

по-моему, всё! Летнее затишье... То ли начальнички, все эти мрази асламовы и губали, в отпусках, то ли зэки перестали летом «нарушать»... Пустое ШИЗО и отсутствие «крестин» целую неделю – это прекрасно; это наполняет мою душу обычно ей не свойственным осторожным оптимизмом: м.б., и со мной всё обойдется? Если бы «курточник» написал на меня донос – неужели бы меня за всю неделю не «окрестили»? Правда, еще и всю будущую неделю это сделать не поздно; да и доносы он может писать хоть каждую свою смену, каждый подъем, несмотря на сегодняшнюю капитуляцию...

Обед был уже в 11 утра; на второе – овсянка (т.е., я без второго). После обеда принесли две газеты – практически свежие, одна – за позавчера.

30.7.16., 17-58

Дикая, невыносимая тоска весь день с самого утра. Не могу читать, не могу ни о чем думать, кроме... Отчаяние. Отвращение. Пустота и бессмыслица. Жизнь прошла; я ничего не могу изменить – и смириться с этим тоже не могу. Все надежды юности – не сбылись, рухнули. 12 лет отсидев «за политику» – я все равно буду никем, как был никем в юности, в 90-е годы. Если доживу до освобождения – я абсолютно никому и ни для чего в этом мире не буду нужен (кроме матери, – если, конечно, доживет она). Моя жизнь уперлась в глухой тупик, из которого нет выхода... :(((

1.8.16., 5-21

Сука «курточник» открыл мне сейчас решетку по первому же моему требованию, но заявил при этом, злобно матерясь: «Надо тебе ШИЗО выписать, чтобы ты без книжек вообще остался!». Это потому, что именно он вчера (воскресенье) водил здесь библиотекаря и, в частности, подводил ко мне. Так что – более чем вероятно, что ШИЗО сегодня и выпишут, почти не сомневаюсь в этом. Но – я на «крестины» не пойду. А то, что мразь «курточник» разговаривает со мной на «ты» и матом, считается здесь чем-то само собой разумеющимся...

18-30

Были большие «крестины», – 13 или 14 человек из лагеря, еще несколько здешних, из камер. Меня не тронули. Что ж, значит, эта мразь «курточник» так и не написала на меня донос, – но это не значит, что не напишет позже, ведь утренние стычки с ним – каждый третий день. :((Пока же – опять пусть маленькая, но победа! :) Я даже уже заныкал наиболее важные вещи – на случай, если впаяют пятнашку и придут всё забирать...

Хуже другое. Я хорошо помню, как психовал, как сходил с ума тут, в этой камере, еще в прошлые выходные, больше недели назад, как бился головой об стену... Целая неделя стресса и мучительного ожидания худшего, – из-за какой-то мрази «курточника», недочеловека, поганой гниды... Как было и в Буреполоме, вот оно – мое наказание: постоянный стресс, нервотрепка, постоянное ожидание беды... Это куда тяжелее и их 15 суток, и сидения на одной баланде, и того, если вдруг даже забрали бы все бумаги... Я так устроен, – я не могу не нервничать, расслабиться и не ждать, хотя и постоянно повторяю себе, что мне плевать на них, всех этих мразей...

Время уже к семи, а ужина еще нет, – сейчас как раз рассаживают по камерам новоприбывших суточников. Когда они успеют раздать баланду, собрать тарелки и разложить матрасы под дверями до девяти вечера – непонятно...

2.8.16., 6-33

Еще один юбилей – грустный и долгий на сей раз. Ровно 20 лет назад, 2 августа 1996 г., мать уехала отдыхать в Порхов, в Псковскую область, – а я, дурак, наотрез отказался ехать с ней и 24 дня прожил в Москве один, не потратив ни копейки, хотя денег она мне оставила, питаюсь только той едой, что случайно нашлась дома, оголодав и похудев за это время так, что мать ахнула, когда я пришел на вокзал ее встречать. Всё из-за этой сучки, будь она проклята, – всё надеялся, что приедет она в это время ко мне, что я

в сентябре поеду к ней (для этого и нужны были деньги, вот и не тратил их). А теперь вот – понимаю, что надо было ехать с матерью и плюнуть на несбывшуюся эту, нелепую, смешную любовь, – сколько их еще будет, и все – несбывшиеся... Конечно, хорошо, что и тогда уже у меня была сила воли, был характер, чтобы настоять на своем, да и 24 дня жить в Москве, не потратив ни копейки – это тоже хоть маленький, но всё же своеобразный рекорд. А сейчас я понимаю, что к тогдашнему характеру и силе воли – мне бы еще хоть немножко ума и знания жизни, – такого, как теперь...

3.8.16., 5-30

Еще один бесконечный день... 1202 их осталось. Господи, как же мне тоскливо...

16-00

Опять были «крестины». Меня вроде не тронули, но – будь прокляты эти эмоциональные встряски, черт бы их побрал!.. И так не удивился бы, если б все-таки за мной пришли, а тут еще слышалось нечетко, что вроде бы «мусор», опять читая и сверяя в коридоре список «крещаемых», назвал в конце мою фамилию. Значит, пока ублюдок «курточник» не написал на меня донос; но ближайшая стычка с ним – завтра утром, так что расслабляться не стоит. Надеюсь, что теперь ближайшие «крестины» – не раньше понедельника (а сегодня среда).

Писем, между прочим, нет уже неделю ровно, а газеты – с 29 июля.

Только в России, сидя в тюрьме, ждешь, что за тобой придут... Прав был Солженицын в этом.

4.8.16., 5-42

Вот что значит проявить мужество и твердость характера!.. :))) Они подняли сейчас всех, я слышал голосок (по-моему) курточника, приказывающий кому-то в 4-й камере «одеть куртку х/б». Лежал, морально готовился, а они всё не шли, – ясное дело, оставляли меня на закуску. Наконец, заскрежетал замок – и я, еще сворачивая матрас, услышал, что внутренняя дверь-решетка тоже открывается. Напарник «курточника», уже мне знакомый татарского типа вертухай, без слов открыл обе двери, я выкинул матрас – и всё! Никаких стычек и поводов для «рапортов»!.. :))

Правда, вчера вечером этот же вертухай, выдавая мне матрас, всё же велел: «лепень» («не лепень, а куртку х/б, что у вас за жаргон!» – сурово поправил его тотчас в коридоре кто-то из своих :) надеть. Причем аж два раза: когда я надел ее первый раз, то вдруг оказалось, что дневальный не положил мне матрас возле камеры! Почему – непонятно, и с 2014 года, как я здесь, такое происходит впервые. Они тотчас крикнули про это дневальному, а пока он нес матрас – закрыли мою дверь и стали «отбивать»

других. Когда я постучал и напомнил – дверь открылась, и тот же «мусор» опять велел мне «накинуть» робу. Вот же упорный!.. Тем приятнее было сейчас, когда он не произнес про нее ни слова, да еще, благодаря своей упрямой репутации у этой смены, я встал сегодня с нар минут 37, что ли, шестого, – всегда бы так вставать!..

Газетку – одну, за 29-е июля, пятницу – вчера принесли, едва я успел написать, что газеты не несут, как и письма. В камере – трудно поверить! – стало жарко в моих двух свитерах, из которых один – казенный, рваный, а под ним – тоненький, но вроде бы 100% шерстяной, купленный мне Натальей Г. вроде бы в Италии. Конечно, его можно снять, но – только когда пройдет шмон; я, собственно, и таскаю его на себе, чтобы не забрали и был под рукой, когда опять станет холодно. Видимо, на улице жара, шикарное пермское лето, – а я парюсь и кисну здесь, в камере, пропускаю и лето, и весну, и осень, теряю годы, которые уже не вернуть... Суки, сломали мою жизнь, искалечили ее, лишили меня всего... Теперь и дома у меня нет из-за них... 1201 день остался в неволе, а потом – пустота...

12-50

Опять тяжелейший стресс: ВТОРОЙ шмон за утро! Первый был, как обычно, до десяти. Я уже расслабился, снял даже нижний свитер, сунул в тумбочку... Вдруг – опять гомон целой толпы справа, у «дежурки», команда: «Пошли!», решетка открывается... Открыли, по-моему, 4-ю, «мусора» ругались за что-то на выведенных в коридор эков – и вот тут я услышал: «...обыскные мероприятия идут!..». Охренеть!.. Сперва не хотел даже верить. Свитер пришлось срочно надеть опять.

И минимум два часа они шмонали всё – и второй этаж, и камеры здесь, на первом. Просто удивительно, что не зашли (пока, во всяком случае) ко мне и к соседу в 5-ю. Особенно запомнился голос, тявкавший кому-то в коридоре: «Следующий!.. Следующий!! Следующий!..». В камерах ШИЗО максимум по восемь человек, а он повторял раз по 20-30 подряд, с интервалами меньше минуты. М.б., шмонали верхних, из СУСа? Но почему здесь, в коридоре? Хрен поймешь...

13-15

Вот только что наконец-то загрохотали в коридоре обеденными бачками. Значит, шмон кончен. Так-то обед обычно привозят в 11, но т.к. сегодня в это время уже был второй шмон, – я слышал, как баландер в коридоре сказал, что бачки надо отправить обратно (в столовую, то бишь), иначе, мол, «каша прокиснет». Какие заботливые!.. :))

Добивает окончательно мысль, что все вот эти мучения, стрессы каждый день, нервотрепка, все эти мои психования и метания туда-сюда в

крохотном закрытом пространстве, где я порой чуть на стенку не лезу, – всё это ЗРЯ. Зря, понимаешь? Не будет мне за эти страдания никакого вознаграждения от судьбы, ничего хорошего в жизни, до самого ее конца...

17-15

И после всего этого, в 35 минут пятого, еще были «крестины». Третьи за неделю...

Какой жуткий был день... Меня не тронули, но я страшно вымотан, изнурен всей этой нервотрепкой.

18-44

Несбывшееся... Мое Несбывшееся... Вот этот юбилей длиной в целый год, эти 20 лет, это безумное лето 96-го, мои метания, страдания, любовь и боль, мучения души – и смертная тоска в предчувствии (уже тогда), что ничего так и не будет... Этот месяц почти одиночества, голода, тоски, решимости и наивных планов, – август 96-го в Москве... Лишь светлая печаль, глухая, далекая тоска, изредка, когда всё вдруг припомню, как сейчас, бередящая сердце, осталась в памяти и в душе от тех дней. Молодость прошла, прошла жизнь, и итог ее – пустота... :(

5.8.16., 5-30

Ровно 1200 дней осталось, 171 неделя и три дня. Веха. Рубеж... Конечно, всё это пройдет, надо терпеть и ждать, срок не бесконечен; судя по тому, как быстро, порой почти незаметно летят здесь недели, – да, всё пройдет... Но совершенно убивает, уничтожает меня простая мысль о том, что еще целых три лета предстоит мне провести в этой неволе: лето 17-го, лето 18-го и лето 19-го... Ведь «лето – это маленькая жизнь». И вот целых три жизни еще – тут... Я буквально схожу с ума от этой мысли. Подсознательно, помимо воли, пытаюсь надеяться на то, о чем писали мне Шехтман, Вера и еще некоторые: мол, «Мордор шатается», режим может рухнуть даже раньше «выборов» 2018 года, до моего освобождения уж точно. Они искренне верят в это, но... на самом деле, глядя отсюда, изнутри – Мордор, увы, стоит твердо, шатаний особых не видно что-то; так что – нет и этой последней надежды...

Душа искалечена, изломана, затоптана их грязными сапогами; вся моя жизнь – в руинах. Нет ни прошлого, ни будущего...

В коридоре, слышу, командуют вывести кого-то в баню. 16-ю камеру. Это ПКТ, – не успели помыться вчера? Или – сегодня все-таки водить в баню начинают не с меня?..

12-48

Итак, магазин опять пролетел мимо, но причина теперь уже другая: УЧЁТ! :) Сия причина была мне сообщена баландером, отдавшим сейчас, в обед, обратно мое заявление. Мне хочется ржать, безудержно смеяться,

хохотать!.. У меня уже почти истерика! Это еще один привет от моей исключительно счастливой и удачливой судьбы: очередные семь дней голодухи, сидения на кислом мякише по вечерам (если будут давать хотя бы его, а не одну чернягу!), на пшенке и макаронах...

Что тут говорить? Сказать, собственно, нечего: «Тут не слова нужны, а руки, /Которые умеют бить!». Это еще почище того, старого, изначального СССР: там учет тоже был поводом закрыть магазин на весь день, но хотя бы не был установлен всего один день в неделю, чтобы в этот магазин ходить!..

Утром была овсянка (а у меня уже не было совсем ничего), в обед – макароны. На ужин, значит, должна быть пшенка, если только не «уха». На нормальный ужин есть еще полбатона колбасы (на один раз), есть полпачки майонеза, две конфеты и три шоколадки. Шесть дней не есть, до 12-го августа...

В баню сводили-таки утром, еще до шмона. Холодный кран так никто и не думает чинить, – торчит голый стержень, который повернуть можно только плоскогубцами, которые заботливо кладет там рядом дневальный. Вспомнился припев у Высоцкого: «А в общем, Ваня-Ваня-Ваня-Ваня, мы с тобой в Париже/Нужны как в бане пассатижи!». Думал, видимо, Высоцкий, что удачно пошутил, не более, а оказалось – попал в самую точку, причем лет этак на 40 впереди...

Писем нет уже девятый день. Грядут выходные, а в понедельник будет уже 12 дней без писем.

6.8.16., 5-23

Мелкая вертухайская сука опять подняла ни свет ни заря, четверть шестого. В двух свитерах с утра опять жарко, но когда вчера после обеда снял нижний – оказалось холодно, пришлось опять надеть. Еще – после обеда и ужина вчера какая-то странная резь в желудке, боли, хотя и не чересчур сильные. Что-то вроде изжоги, – но бывает ли изжога в желудке, а не в пищеводе? Сразу вспомнились предостережения из «The New Times» о том, что вся эта тюремно-лагерная баланда готовится на комбижире, от которого бывает изжога, так что по возможности лучше это не есть. Действительно, у пшенки последнее время стал какой-то странный и противный привкус, как будто ее машинным маслом заправили. Вопрос: а что тогда есть, если магазин минимум раз в месяц пролетает, да и сумма в нем – всего 5000 р. на месяц, а передач в год положено только две?..

Тоска, пустота на душе, бессмыслица и тщета всей прожитой жизни, невыносимая, мучительная усталость от тюрьмы. Ни прошлого, ни будущего нет, – только эта тюрьма в настоящем, эта камера, эти нары, табуретки, «дальняк», ящик-решетка на окне... Тоска и пустота. Читать

нечего, кроме книжки дрянного фэнтези, а библиотека – только завтра в четыре, не раньше... :(

12-00

И опять был второй шмон!!! Не такой грандиозный, как позавчера, меньше и короче, но – страшно напрягает сам факт. Тем более – в субботу, выходной день... Первый шмон был, как обычно, прошмонал 4-ю (?), 16-ю, 18-ю, м.б. – еще какие-то камеры в том, дальнем конце. Ушли в начале 11-го. И – без десяти минут 11 опять слышу: через калитку справа мимо меня прет толпа, кто-то бубнит в регистратор: «...обыскные мероприятия...», а другой голос спрашивает: мол, какую, 15-ю, да?

Странно, что ни в 15-й, ни где-либо еще никто не крикнул, что у них шмон, хотя – тот конец коридора (с 15-й по 22-ю, ПКТ/ЕПКТ) кричат всегда и все, а сейчас орут и практически все, на этой неделе посаженные в ШИЗО. Шмонобанда начала, видимо, с 15-й, а потом, судя по звуку, хлопала дверями где-то здесь, поближе ко мне. Уже баландер гремел бачками, уже поехала тележка с баландой – «кормить», – а они и не галдели особо, и не выходили, так что вообще не понятно было – здесь они еще, или ушли. И только когда тележка доехала до 2-й и там щелкнула «кормушка» – послышался топот и гул выходящей толпы, и один из них сказал: мол, вот теперь ЕХАЕМ кормить! :) Всё продолжалось минут 40-45.

То бишь – еще больше нервов, стресса, мучительного ожидания и прислушивания, еще меньше расслабления и покоя. :(Для дней, когда приезжают ребята или Света, это может стать настоящей катастрофой (как однажды, хоть и не из-за шмона, чуть не стало ею 5 ноября 2015 г.), особенно когда числа их приездов заранее не известны (а это практически всегда, за исключением лишь ближайшего 24 августа). И абсолютно не объяснимо логически: зачем надо, чтобы первый шмон шмонал одни камеры, а потом, через час, приходил второй шмон и шмонал другие камеры? Почему нельзя сразу? Не знаю, что я буду теперь делать с этой новой ситуацией, как приспособливаться к ней, – по-видимому, не рассупониваться до обеда, а не до первого грохота бачков, который был для меня сигналом конца опасности до сих пор...

Как бы там ни было, я в очень плохом состоянии, я сам это чувствую. Не в физическом состоянии, конечно, а в моральном. Я очень устал, вымотался, замучился. Нет никакого будущего, абсолютно никаких перспектив, совершенно не к чему прилепиться душой – и это убивает хуже, сильнее голода, бессонницы, шмонов, изоляции... Я понимаю теперь, почему Новодворская в интервью на радио, на вопрос, за что ее первый раз посадили, решительно ответила: «За дело!». Она, мол, уже в 18 лет в своем

Инязе создала из студентов антисоветскую организацию. Едва ли эта организация могла представлять собой серьезную опасность для режима КПСС, но – Лерочка абсолютно правильно расставляла тут акценты, следуя своей любимой цитате из Евтушенко: «...Уж лучше за дело растоптанным быть!». Антисоветская организация с точки зрения режима была преступлением уже сама по себе, как и сейчас «экстремистская». И вот с этой-то точки зрения мои дела совсем плохи: я сижу за чистое мыслепреступление и даже с натяжкой не могу считать, что этот срок – «за дело», что я нанес путинской мрази хоть какой-то урон, хотя бы чисто символический. Это тошнее всего: ничего не смог, ничего не добился, даже вспомнить в качестве утешения нечего, – и в будущем тоже не светит добиться хоть чего-нибудь, кроме писания в фейсбуке статей для 250 читателей...

15-45

Чуть не весь день хожу туда-сюда по камере – и уже сейчас, еще и четырех часов нет, все тело ноет от усталости; чувствую себя измочаленным, обессиленным. Лечь бы, полежать хоть на столе, но... не хочу давать этим мразям лишний повод, слава богу, что пока все-таки обходится без ШИЗО. Усталость духовная и физическая... Уже хочу есть, – обед-то был плохонький, как обычно; но я хотя бы съел первое и второе, а сейчас на ужин, скорее всего, будет овсянка...

7.8.16., 18-16

Библиотекарь не пришел, черт его знает, почему. Остававшееся фэнтези я дочитал. На следующей неделе читать практически нечего. Ждать писем и газет – и медленно сходить с ума от безделья, от этих бесконечных, тягучих дней, по 16 часов на ногах. Если б хотя бы днем лежать... Что с духовной пищей, что с физической – на этой неделе тут всё просто великолепно!.. :)

18-58

Забавно это, конечно: пришел почти в семь вечера, рекорд поздноты! И совсем не факт, что подойдет ко мне, – поперся в дальний конец коридора, к блатным.

9.8.16., 5-30

Опять проснулся без десяти минут два – и больше не спал до подъема, будь оно всё проклято! Таким образом, спал всего чуть больше четырех часов за ночь... (((

Вчера весь день отвечал на письма. Около 11 утра принесли целую пачку, 14 штук. Шесть – от Землинского, включая распечатки из мемуаров Григорьянца и письмо Ефимова, два – от матери, одно – от Майсүряна (вторая половина «Страны Моксель»), от Йонатана из ФЕОР, от Феликса, два

– от Маглеванной напрямую, с ее нового адреса, и от какой-то неизвестной мне женщины из Германии поздравление с д/р. Наибольшее впечатление, конечно, от пересланного Маглеванной ответа Натальи Горильской на мои вопросы и ее же отчета о поездке в Италию в июле. Она говорила там со своим знакомым, 87-летним патриархом итальянской журналистики, обо мне, он ей дал контакты еще некоторых тамошних журналистов, кто мог бы обо мне написать; но – у нее даже не было никакого годного для них материала, т.к. текст Корба на английский так и не перевели; и вообще, из ее отчета видно, что ей никто во всем этом не помогает и де-факто «комитет» Корба не существует, это чистая фикция. По поводу книги – она планирует сборник моих украинских материалов, отбор же их поручила Агафонову, он, видимо, там у них имеет репутацию крупного специалиста по Стомахину. Пишет Наталья, что еще год назад говорила Агафонову и Крюкову об издании моей книги – а воз и ныне там... Бесит всё это страшно, но – ничего поделывать, ничего изменить я отсюда не могу, увы. :(((У Лены Маглеванной в середине июля всё моё так и валялось ненабитым, судя по ее собственному письму, и она по-прежнему уверяет, что набивать ей некогда. И никто другой тоже за это не берется, – более того, ясно, что никого и не озадачивали еще этой темой: помочь Лене с набором моих материалов. А Ефимову на сей раз я и вообще не стал отвечать. Свой ответ на мое письмо он даже не послал Землинскому, а вывесил у себя в ЖЖ – и там один пустой треп и дурацкие советы мне! Хвастается, что один, без всяких издателей, издал в Эстонии шесть своих книг (тиражи, правда, не указывает), но в смысле помощи мне, работы в команде и т.п. – это дохлый номер, видно сразу. Пустое, напыщенное, самодовольное трепло, ставящее свое «я» и свои вкусы выше всего и ни для какого общего дела, ни для какой высокой цели поступиться ими даже на 1% не готовое, оправдывающее притом это всяческой красивой болтовней, демагогией. Его право, конечно, – и не поступаться, и писать всё, что он считает нужным; но – общаться с ним я больше не буду за явной бесперспективностью этого общения.

12-55

Вакханалия... Опять второй шмон, повальный, мощный, в полдвенадцатого (как раз вместо обеда) – и уши ублюдки вот только недавно, минут 10-15 назад!.. Шмонали в том числе и по тем камерам, где до десяти утра ходил первый шмон, – и оба раза усердно искали и выносили из камер «лишние вещи», особенно почему-то полотенца. В какой-то из камер ШИЗО во второй шмон, я слышал, спрашивали, есть ли журналы. Сейчас, во второй шмон, торчал здесь (и, видимо, им руководил) мразь Баяндин, квадратная угро-финская харя. Что происходит, непонятно, но судя по

лихорадочному поиску и забиранию «лишних вещей» – впечатление такое, что опять, как в марте, ждут чьего-то посещения, какого-нибудь генеральского визита. Иначе – ну зачем за утро те же самые камеры шмонать дважды?! Счастье еще, что не заходят ко мне, – а то, боюсь, нервы не выдержат, я начну посылать их на ... и плевать в их морды!..

12.8.16., 12-12

То по два шмона в утро, то (сегодня) один, но только в 11. Длился минут 40. Шмонали дальний конец коридора, ПКТ-ЕПКТ, и в основном ругались со старым грузином из 17-й, бешено оравшим в коридоре и требовавшим позвать ему начальника. Что именно у него забрали, я толком не понял, – вроде бы, по его упоминаниям в речи (но я мог и неверно понять) – ручку! Сидит он в ЕПКТ, ручки там 100% разрешены, это четко прописано в их же «правилах» (ПВР), так что шмонобанда ли обнаглела вконец, или я не разобрал-таки предмет спора, – черт разберет. Орал и долбил в дверь он и после шмона, вроде бы позвонили и сказали ему, что придет зампоБОР, но – из камеры понять толком я пока не могу.

В баню косоглазая смена неожиданно повела меня в восемь (я уж думал – опять вечером). На обратном пути ждал увидеть в коридоре шмонобанду, но – до ее прихода было еще больше часа.

Магазин, слава богу, на этот раз состоялся, но – какой-то позорный и безобразный. То ли завхоз мухлюет с ценами на товары, то ли безбожно повышает их сам магазин: в тот раз (и все время) за 99 рублей шел большой пакет майонеза, 420 мл, а сегодня вдруг – маленький, 233 мл, который должен быть дешевле. Как и с колбасой закавыка: за 235 р. был две недели назад длиннющий (в пакет не лез) «сервелат», из которого все торчало; а сейчас за те же 235 – колбаса покорооче, которая сперва была 180, потом долгое время 189 р. А м.б. – подумалось, пока писал – они там просто не меняют ценники, написано «колбаса», «майонез», – лепят на меньший товар ценник от большего, с более дорогой ценой. Загадка только, почему они никогда не делают наоборот, чтобы, например, длинный «сервелат» продавать за 189 рублей вместо 235-ти... :)))

Обед. Суп – макароны, чуть-чуть картошки и вода. Какой-то жир в ней есть, но – почти не заметен. Ни морковки, ни лука, ничего. Судя по найденному микроскопическому кусочку как бы курятины с осколками костей – суп вроде как с курицей; но реально никакой курицы в нем нет. Второе – жидкая похлебка из, как оказалось (баландер сказал кому-то в коридоре, сам бы я не догадался), кабачков! Уже второй или третий раз ее дают, – видимо, кабачки со своего огорода, вряд ли их будет поставлять ФСИН. Поспели у них в августе огурцы, кабачки – вот и дают. Жидкая бурда,

в которой эти кабачки нарезаны довольно крупными кусками – и от них же плавают семечки. Я уж думал, блюдо чисто постное – но нет, попался кусочек... куриной шкуры! Та же история, что и с супом: формально курица есть, реально – ее нет; обед фактически совершенно без мяса.

13-20

Забыл упомянуть, что радио опять молчит вот уже три дня, если не больше. Зато – в коридоре сейчас говорили, что опять приехал какой-то генерал. А ребята так и не едут, а я всё жду их...

13.8.16., 6-50

Хуже всего то, что все мои материалы так и лежат у Лены Маглеванной с апреля (!) ненабитыми, без всякого движения. Вспомнил об этом сейчас, перед подъемом – и пришел в ярость! Это для меня абсолютная катастрофа: рот у меня таким образом оказывается крепко заткнут, исчезает последний и единственный смысл моего сидения здесь: возможность работать... :(А сделать с этим я отсюда так ничего и не могу до сих пор... :(((

Мразь курточник вчера в отбой опять заставил меня одеть «куртку». Сейчас же, в подъем – открыл обе двери и слова не сказал! Стоя к нему боком, нагнувшись и сворачивая матрас, я при звуке открывающейся решетки подумал сперва, что это не он, а белобрысый упырь (на днях, видимо, вернувшийся из отпуска, – таким образом, опять в полном составе восстановилось то, что я зимой назвал «быдлосмена»). То бишь, по поводу «куртки» в подъем я эту мразь таки вымуштровал, поставил на своем; но стало окончательно ясно, что надевание им ее на меня по вечерам – это просто глумление, муштра, демонстрация своей власти надо мной. Ни для каких практических целей «куртка» не нужна: если можно без нее отдавать матрас, то без нее же можно его и забирать. Я соглашаюсь надевать ее по вечерам только для того, чтобы не терять время на препирательства с этой мразью, скорее поужинать и лечь спать. Но то, что эта мразь хоть в такой мелочи мной командует и надо мной глумится, всё равно жжет меня как огнем...

14.8.16., 5-40

Опять не спал полночи, с часу или около того, как проснулся. Всего, значит, спал за ночь три часа, ибо лег ведь из-за ужина тоже не ровно в девять вечера, а на 40 минут позже.

Опять горькие, бессонные мысли сейчас, под утро, как и вчера. То, что вот уже четыре месяца мои тексты без движения валяются там у Лены, – это, так сказать, еще один урок смирения мне от судьбы, еще одно указание на мое место и напоминание, чего я на самом деле в этой жизни стою, на что могу рассчитывать... Да, лишь пока я сижу здесь – к этим моим материалам

я мог бы рассчитывать хоть на какой-то, хоть на минимальный интерес на воле, – именно за счет того, что автор их в тюрьме и пишет всё это из тюрьмы. Выйду я – и вообще никому на свете мои мысли, всё, что я пишу, интересны не будут совершенно. Тем не менее, даже из так называемых «друзей» за эти четыре месяца никто, ни один человек ни захотел ознакомиться сам и помочь ознакомиться другим с этими моими тюремными размышлениями и выводами из них. Не помог Лене их набить и даже не попросил Лену их ему прислать так, в виде рукописи, для личного прочтения. Собственно, другого я и не ожидал, – я давно уже понял, что я неудачник, хронический неудачник во всем. В 1999 г. «Новое время» и выходявшая тогда еще подрабинековская «Экспресс-Хроника» печатали мои юношеские статьи, посылаемые им по электронной почте, как «письма в редакцию», – «Экспресс-Хроника» только один раз, но целиком, а «Новое время» раза два-три, но лишь маленькими выдержками, по две-три фразы буквально. Похоже, сегодня – ни сидя в тюрьме в 2016-м, ни будучи уже на воле в 2020-м – я не могу рассчитывать даже на такой интерес к себе, даже на согласие кого-либо печатать мои тексты как «письма в редакцию»... :))))))))) (Сардонический горький смех над собой.)

6-25

Ха-ха, забавно!.. :)))))) Похоже, норма выдачи утреннего чая уменьшилась вдвое – по сравнению с вечерним и с тем, сколько наливали по утрам еще недавно! Но вот уже второе утро баландер наливает мне только 1/3 (примерно) моей большой кружки, тогда как и по утрам до сих пор, и вечером вчера, как обычно, налил где-то 2/3 кружки. Получил указание давать меньше – или сам додумался?..

В 2020 у меня будет уже 30 лет политического стажа, 26 – публицистического и журналистского. Я приеду в Киев (если смогу выбраться) – и меня никто не будет там печатать. Только личный фейсбук и ЖЖ, ну еще – свой сайт, если восстановить его (10-15 посещений в день, по опыту 2011-12 гг.). Больше мне в грядущей вольной жизни рассчитывать абсолютно не на что. Поэтому и не слишком хочется дожить...

17-28

На ужин крохотная горсточка салата (мелко нарезанные огурцы плюс чуть-чуть помидоров и, по-моему, лука) была, разумеется, кинута прямо в овсянку. Пришлось вылавливать, – благо, огурцы не успели еще глубоко в этом дерьме утонуть. Чай тоже налили, по-моему, меньше, чем вчера в ужин, дай бог полкружки, – очень горячего на сей раз, но недостаточно сладкого. Правда, уже дня два, что ли, опять дают весь день серый хлеб вместо черняги. И – всё забываю написать – радио так и молчит уже,

наверное, неделю...

Если мои «друзья» и ценят, и уважают меня хоть за что-то – то, конечно, только за то, что я такой страдалец, «мученик» (это слово однажды употребил МФФ, еще в 2013 г.). За то, что я, мол, так мужественно и героически выношу и терплю всё то, что со мной делают. И в этом смысле – терпеливости – я для некоторых из них даже «герой» (как, к примеру, сказал Григорьянц на «суде» в 2015). Это смахивает на то, как если бы я стал вдруг безногим калекой, ездил бы на коляске – и меня тоже жалели бы «друзья» за эти мучения и называли «героем» за то, что я так мужественно эти мучения от болезни терплю (а куда ж деваться?)...

Не было моего сознательного выбора ни в том, чтобы попасть сюда на столько лет, ни в том, чтобы как-то особенно «героически» (или негероически, – но от этого все равно ничего бы не изменилось, никто бы не выпустил меня даже при полном покаянии) терпеть то, что здесь делают с человеком. Порой их сюсюканья о моем «мужестве» вызывают у меня отвращение, а порой – ярость. Велико ли «мужество» – терпеть болезнь или врожденное уродство, от которых всё равно некуда деваться?.. В то же время о том, ЧТО я в самом деле делал или хотел бы делать в жизни, никто даже не упоминает (только один Крюков мимоходом в последнем письме). За то, ЧТО я делал, они бы меня ни уважать, ни считать «героем» ни за что бы не согласились, даже если бы я и добился в своем деле успеха. Но я его, к тому же, ведь и не добился!!! А им – жалельщикам и «друзьям» – этого и не надо! Им я очень хорош в клетке, «героически» эту клетку переносящий, в клетке мной можно восхищаться. Но как только я из нее выйду (если выйду) – всех «друзей» опять, как в 2011-12, как ветром сдует; в смысле продолжения своей политической работы я опять останусь один, это ясно уже сейчас. Я бы хотел единственного признания заслуг – за то, чего я смог (если бы смог) достигнуть в борьбе с империей по кличке РФ, – а «друзьям»-то как раз этого совершенно не надо, им я как раз хорош именно в клетке, – ведь в этой клетке они могут меня совершенно искренне жалеть и восторгаться тем, как героически я переношу клетку; тогда как чуть я выйду на волю и заговорю с ними о деле, о дальнейшей борьбе – им надо будет опять акцентировать на том, что они, конечно же, со мной ритуально «не согласны» в моих взглядах...

15.8.16., 12-30

Ну что ж, пара маленьких (совсем маленьких!) побед за лето, которыми я доволен. Я победил мразь курточника, который теперь по утрам без звука открывает мне решетку. И Я победил себя: теперь я вообще не ем здешнюю овсянку, ни в каких видах, густую или жидкую, с запахом мяса или без

запаха мяса, на молоке или на воде, – абсолютно никакую! Я теперь не трачу на нее майонез, а тотчас выбрасываю ее, как только дают. А раньше – в обед, густую – все-таки заставлял себя эту дрянь жрать, налив в нее полпакета майонеза. Теперь с этим покончено, – придется, как сегодня в обед, довольствоваться супом (безвкусная бурда из воды, риса и плавающих кусочков сварившихся яичных белков). Отвратительные, грубые, старые, жуткие корки от обеденной пайки тоже выкинул – и тоже на такую дрянь больше майонез тратить не буду; только если корки будут белыми, свежими и на вид аппетитными. Я понимаю, что все эти маленькие победы ровно ничего мне не дадут и не добавят (в смысле пищи – скорее наоборот), что ничего в моем положении от них не изменится, что это бой в окружении, без перспектив, что без какого бы то ни было будущего после срока – и всё, что со мной здесь сейчас, тоже теряет смысл. Но я не могу жрать овсянку (а уж тем паче надевать ненужную куртку, подчиняясь команде), ибо тогда стану просто противен самому себе (еще больше, чем это есть сейчас, – просто за то, что я неудачник). Я делаю это для себя, чтобы оставаться самим собой и не поддаваться обстоятельствам.

Радио молчит по-прежнему. Писем нет уже неделю. В полпятого возможны «крестины», а вечером и завтра утром – мразь курточник. Сегодня ровно год, как меня последний раз увезли этапом из Москвы. Все руки и ноги у меня искусаны и чешутся, – очевидно, это клопы. Во всяком случае, не комары.

16.8.16., 5-42

Слава богу, мразь курточника не видел ни вчера, ни сегодня, – вместо него приходили другие хари. «Крестины» тоже вчера начались почти на два часа раньше, чем я думал. Из ЕПКТ, из дальнего конца коридора, пару человек тоже выдернули – и навесили им: одному еще год ЕПКТ, другому десять месяцев. Так же, видимо, зимой будет и со мной (а предварительно прибегут с регистратором спрашивать объяснение, как было 18 февраля); но пока меня не трогают. Зато сразу после «крестин» повели к психологу. Заводят в кабинет, там еще пусто, и закрывают, как всегда, в клетку. Я говорю: мол, этот психолог сам сколько раз просил, чтобы меня не закрывали, – а идиот-вертухай мне на это отвечает: «Это новый психолог». Я обрадовался: думал, наконец-то приехал из Екб тот, которого рекомендовали мне ребята, тем паче, что «суд» по поводу его недопуска ни в июле в первой инстанции выиграла. И – ничего подобного: входит всё тот же местный психолог-газовщик из «Газпрома»!.. Вот такой облом...

Одну интересную новость он мне все же сообщил: его бывшая начальница, та майорша, что общалась тут со мной еще в том году, а зимой,

по его словам, ушла на пенсию, – сейчас вернулась! Типа, не может без работы, старая дура!.. М.б., опять она будет приходить; но с ней говорить будет уж совсем не о чем, она примитивна, как валенок. И еще одна забавная новость: газовщику этому позвонили, оказывается, из цензуры и сказали про то мое письмо Маглеванной, где я писал ей, что бился башкой об стену. Сказали, что я, мол, чуть ли не самоубийство задумал, – чтобы он, типа, обратил на это внимание. Письмо было еще в конце июля, как раз когда я уверенно ждал 15 суток за стычку с курточником; впрочем, ему сказали про это письмо тоже не сегодня, а еще неделю, что ли, назад. Но он полных две недели – прошлую и позапрошлую – тут не был: говорил вчера, что не мог попасть, т.к. всё время проводятся какие-то «мероприятия» и его не пускают («крестины», как я вчера убедился, такой помехой не являются, а он говорил, что, в частности, не должно быть прогулок при его посещениях).

Туда же, в эту же клетку, принесли мне вчера и два последних номера «Новой». В одном из них, за 8-е августа, большой материал про положение в Донбассе и возможность новой войны. На основании кучи интервью с не называемыми по именам командирами бандитов-лугандонцев описывается ситуация: и армия Украины, и войска бандитов с последней войны 2014 г. очень укрепились и повысили свою боеспособность; бандиты создали два армейских корпуса – 1-й в Донецке и 2-й в Луганске. Пишут, что якобы граждан РФ там практически не осталось, весь состав этих корпусов – местные, с украинским гражданством. Общая их численность – 32 тысячи, и с руководителями Лугандонии (откровенными бандитами) эти вояки не очень-то ладят. Но самое главное: им со стороны Украины противостоит сотысячная (!!) группировка войск, т.е. в три раза больше; а число сторонников решительного отвоевания всего Донбасса у бандитов сейчас в Украине – 20%, а еще недавно было – треть населения. Почему оно снизилось до 20%, «Новая» не пишет, но зато, как и всегда, активно нагнетает истерику против возможной попытки Украины отвоевать свои территории: мол, будет страшно много крови, десятки тысяч трупов, а самый главный их тезис – «в этой войне ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ!!!». Почему не будет, абсолютно непонятно, если и Украины тройной перевес сил. Ясно, что трупов, конечно, будет много, но тем не менее победить и отобрать у москалей Донбасс вполне себе можно – и нужно!!! «Победителей не будет!!!» – это обычная пацифистская истерика «Новой», гнилых яблочников и леваков, омерзительной слюняйско-«гуманистической» дешевки; я же лично всей душой желаю украинцам победы над промосковской мразью в Донбассе, ибо другого способа решить проблему

Донбасса просто нет; желаю им поскорее и как можно решительнее начать эту войну – и победить в ней; да вот только – боюсь, что, вопреки истерикам «Новой», начать они так и не решатся...

15-33

Приперлись вдруг с вопросом: пойду ли я на флюорографию? Я отказался, конечно. Но странно, что с прошлого их вопроса о том же (когда я тоже отказался) прошло всего четыре месяца: это было 18 апреля, судя по моему блокноту. Не одного меня, – других тоже спрашивали про флюшку – и мой соседка из 5-й камеры, конечно же, с удовольствием пошел. Я же последний раз делал ее тут, в зоне, еще в СУСе, в сентябре или в октябре 2015 г. И всё же: обычно в тюрьмах и лагерях» флюшку» делают каждые шесть месяцев, почему же тут – каждые четыре?

17.8.16., 5-38

И опять, и опять – одно и то же... До двух часов, а то и до часу – и больше я уже не могу заснуть!.. Разве что очень редко (как сегодня) все же раз-другой задремлю на какие-то краткие минуты во время этой бессонницы, судя по тому, что в снах появляются не только картинки, но и диалоги. Да еще с ночи болит сегодня голова, ломит левую сторону, как обычно, – а таблетки-то забраны... Потом, после обеда, опять (одно время этого не было) начинает дико хотеться спать, буквально слипаются глаза, читать невозможно. Я упираю голову на ладонь правой руки, локтем упертой в тумбочку, и на тумбочку же опираю правым боком корпус, сидя на табуретке, вытягиваю ноги – и на несколько минут отключаюсь, если повезет. Можно было бы прекрасно лечь на стол, книги под голову, но – эти мрази опять увидят в камеру, опять докопаются... Эта бессонница страшно изматывает, как и невозможность лечь днем.

18.8.16., 5-37

Опять фактически не спал с часу ночи (три часа за ночь); разве что, м.б., задремывал потом ненадолго, и то – не уверен...

Вчера утром – перед самым шмоном – пачка писем из рук лично мрази Баяндина. Строго на девятый день, как и в тот раз, 8-го. Два письма и открытка от матери, письмо и открытка от Веры (не ожидал от нее так быстро, месяц всего прошел!), пять – от Землинского, да еще зачем-то два больших конверта от Володимировой из Голландии, полных чистых открыток, конвертов, наклеек, но без письма – так что непонятно, получила она мое второе письмо или нет.

Вскоре после шмона – команды в 4-ю ШИЗО-шную камеру, наискось от меня, про «форму одежды» и «построились с одной стороны», а потом – прислушался – женский голос, говорящий: «ОНК». Я сразу подумал:

интересно, зайдет ОНК ко мне или нет. Прошлись по нескольким камерам ШИЗО, потом – отпирают мою дверь (без всяких команд :). Стоит та самая тетка, что в декабре 2015 приезжала с Исаевым – и он говорил, что она врач или имеет какое-то отношение к медицине. Таким образом, интервал посещений и интереса со стороны ОНК – восемь месяцев, ничего себе!.. С медицины она и начала, вспомнив наш декабрьский разговор: мол, администрация говорит, что я получаю всё нужное лечение и т.п., вообще – всё хорошо. Я сказал в ответ, что лекарства как забрали, так и не отдают, болит башка – приходится терпеть; жалею, что забыл сказать про важнейшую необходимость – лежать днем. Сказал ей еще про последнее новшество – отправлять назад мои книги, назвал даже, какие именно вернули матери, – под предлогом, что положена одна бандероль в полгода. Она спросила, не писал ли я об этом в прокуратуру :))) , обещала узнать (что?) и разобраться по поводу книг; но и так ясно, что ничего сделать тут никакая ОНК не сможет, – ей просто ответят, что «не положено», и всё, и она мне опять (как и вчера) посоветует полгода ждать следующей бандероли...

А в письмах, увы, тоже не оказалось ничего интересного, ничего важного и вообще хорошего, одни ненужные поздравления с д/р. Странно, что нет ничего от Майсурияна (долго изучают в ФСБ?). Написал за день Землинскому, матери и Вере ответы, отдал в отбой.

19.8.16., 12-41

Пятница. В баню повели самым первым, до завтрака еще, в 6-20, охренеть! В бане наконец-то починили холодный кран, надели на него ручку, чтобы его крутить, но зато сломали дверь между предбанником и самой баней, снесли ее с нижней петли!.. Теперь она не закрывается; еле-еле я ее как-то смог приладить, чтобы она держалась закрытой, иначе и пар в предбанник прёт, сыреет одежда; да и – непривычно, неуютно как-то там мыться, когда эта дверь нараспашку.

Как и в ту пятницу, шмонобанда почему-то пришла намного позже обычного – в пол-одиннадцатого только. Первое, что полезли шмонать – «пятерку» рядом со мной, которую шмонают еще реже, чем меня! Зачем и почему – непонятно, но долго, минут десять, не меньше, копались там, выстукивали даже стены, судя по доносившимся стукам. Я был абсолютно уверен, что дальше полезут ко мне, но, слава богу, обошлось. Зашли, судя по звукам, еще в какую-то камеру, вроде бы тоже по моей стороне коридора, и – всё! Затем довольно долго ждал завхоза с магазином (списком еды и ведомостью), думал – опять пролетел. Но именно то плохое, чего ждешь, к чему готовишься – не случается, зато случаются те гадости, которых совсем не ждешь. Магазин состоялся, но – увы – без излишеств, только самое

необходимое.

Еще маленький приятный сюрприз: со вчера на сегодня должен был, кроме других, дежурить курточник, как раз его смена. Но – на подъем пришел «мусор» по имени Сурен, на армянина как-то мало похожий и, по виду и разговору, наименее злобный их всех здесь; в баню же меня водили – белобрысы упырь и Колобок (боже, до чего мерзкая харя!). А курточника нет!! И, дай бог, хотя бы полгода еще не будет, как не было с декабря или января до июля! Дорого мне обошлась встреча с этой мразью, много нервов я в июле потратил на стычки с ней...

Радио так и не работает, уже дней десять точно, а м.б., и две недели. Лариса Володимерова, оказывается, в своих двух недавних письмах с открытками таки написала мне несколько строк в одной из открыток и на обороте листа с наклейками. Пишет, что какие-то мои стихи понравились ей, плюс – что она перевела что-то обо мне на английский и отправила во Freedom House и, м.б., куда-то еще. Спасибо, и дай бог, чтобы это вызвало оттуда какой-то отклик; вчера написал ей краткий ответ.

Странно подумать, что 20 лет назад я жил дома один, изнывал от жары и от тоски, хотя не было еще никаких тюрем, лагерей, ПКТ, ЕПКТ, всё было хорошо ведь. Но – моя жизнь была неведомо для меня сломана, была обречена на одни лишь мучения уже и тогда; сейчас-то я это ясно понимаю, но понимание это тоже дорого мне далось... :(

25 лет ГКЧП сегодня, первый день, самый потрясающий тогда. А теперь Григорьянц в своих мемуарах пишет, что это, мол, Крючков и вообще КГБ нарочно устроили путч – не затем, чтобы убрать Ельцина и пр., а якобы именно затем, чтобы Ельцина и его команду ПРИВЕСТИ к власти на смену коммунистам, т.к. якобы это всё были их люди, им полностью, подконтрольные и по их, КГБ, плану идущие к власти для того только, чтобы полностью дискредитировать демократию и тогда уж проложить дорогу в Кремль непосредственно самому КГБ... Бредовая и параноидальная конспирология, короче.

20.8.16., 14-58

Наконец-то закончилось белое пойло на обед («кисель»), длившееся месяца три, если не все четыре, и сегодня в обед дали чай. Интересно, долго ли это изменение продержится?..

Ужасная тоска, просто невыносимая. Жизнь прошла. Я так ничего и не добился в ней, ничего не успел, трачу свои годы здесь; а выйду – будет уже поздно... Из той горстки людей в мире, кто меня вообще знает, лучше всего относятся те, кто уважает меня как «мученика», из сочувствия моим здесь страданиям, считает героем за то, что у меня хватает сил их терпеть. Между

тем быть «мучеником» и терпеть страдания вовсе не было моим сознательным выбором. Я решительно предпочел бы, чтобы меня ценили как «триумфатора» – за то, чего я смог добиться сам, за победу, одержанную в мною же начатой битве. А не как жертву обстоятельств. Но в том-то и дело: я не добился ничего и не вижу путей добиться в будущем... :(

21.8.16., 12-37

Чай на обед продержался ровно один день. Уже сегодня – опять те же белые помои, что и раньше. Радио продолжает молчать. Мои часы, вместо былых отставаний, похоже, спешат теперь на десять минут.

23.8.16., 6-03

Вчера в отбой эти мрази дали матрас на полчаса (!!) позже. Еще под вечер где-то приехал к ним этап, которого ждали, судя по разговорам в коридоре, еще днем. Я сперва не мог понять, о каком этапе речь: ведь все этапы сюда и отсюда – по ночам, я это хорошо знаю по своему опыту. Но один из этих новоприбывших в своем дурацком крике «Здорово, кича – БУР!!!» упомянул про 37-ю зону – и всё стало ясно. Их, видимо, зачем-то привезли сюда с 37-й, которая, рядом, по соседству, с нее можно автозаком привезти в любое время, а не на столыпине ночью. И вот началось долгое рассаживание их по камерам, суета и беготня, хлопанье дверью бани (где, возможно, их и держали) и т.д. Со всей этой их беготней и дали матрас на полчаса позже.

Плюс еще один сюрприз. Когда я (достаточно быстро) поужинал – оказалось, что уже нет воды, текшей и до этого, весь вечер, тоненькой остаточной струйкой. Если бы не мой небольшой запас воды в бутылке – нечем было бы даже помыть руки после колбасы. И вот – воды нет до сих пор, хотя уже седьмой час, кран у меня открыт. Видимо, вчерашнее раннее ее исчезновение было не отключением (так рано тут все-таки не отключают), а очередной аварией, как весной. Попить – сейчас на завтрак дадут немного чаю...

О, сюрприз!! :))) Пока писал это, вода потекла из крана! :) Тоненькой струйкой.

10-27

Пришли сейчас, выблядки сучьи в камуфляже, опять шмонать у меня. Шмонобанда е...чая, чтоб вы все сдохли в корчах, поганые недочеловеки!.. С 5 июля не были – и вот опять... :(((На обратном уже пути, вышмонав дальний конец коридора, даже уже, по-моему, выйдя из коридора, за решетку, протопав и прогалдев мимо меня. Шмонали вдвоем, – один ублюдок, как всегда, светил фонариком в тумбочку, другой – полез на стол и ухитрился снять с решетки окна все старые газеты и журналы, которые я еще с 2015 г. туда закидывал. Кроме того, перерыли все библиотечные книги,

лежащие на батарее, – проверили, что они именно библиотечные. Книги оставили, больше ничего даже не разгромили, а кипу газет и журналов торжественно вынесли, даже дневального позвали, чтобы нести. Спросили меня, где моя сумка, в каптерке ли, но – я зашел в камеру, когда эти две мрази вышли, и идти в каптерку убирать газеты в сумку никто мне не предложил. Мне-то они, конечно, не нужны, пусть подавятся... Но из того, что они зашли ко мне уже под конец, хотя 5-ю опять шмонали в самом начале; из того, что перед их заходом, как мне показалось, была два-три раза произнесена моя фамилия, а также из того, что недочеловек в форме почти сразу же полез наверх за макулатурой, тогда как другие шмоны, бывало, ее там наверху даже не замечали, – я делаю вывод, что, очень возможно, этой шмонобанде была сегодня поставлена конкретная задача: вынести у меня все эти кипы газет и журналов, т.к. их, без сомнения, видно в висящую как раз напротив видеоканалу. Еще раз желаю жесточайшей, лютой смерти всем этим мразям – и тем, что шмонал, и тем, кто посылает шмонать, и всем-всем этим начальничкам, «силовикам», ублюдкам в погонах и без – вплоть до их Путина!!! Страшно жалею, что не могу – пока! – лично, своими руками, убивать их, расстреливать, рубить им головы, крошить в мелкий винегрет!..

24.8.16., 10-27

Вот и еще одна беда случилась, которой я так боялся. Сейчас, сразу после шмона, вкрутили-таки лампочку в потолок. Четыре с лишним месяца, с 15 апреля, жил я без нее – и так было хорошо... Правда, лампочка старая, с накаливающейся спиралью, а не газосветная; и – естественно – свет желтый, а не белый, как был. Есть слабенькая надежда, что, м.б., от постоянных включений-выключений она сгорит, тут у всех почему-то быстро сгорают лампы. Но всё равно – я уже привык за четыре месяца, что свет мягкий и не слепит, и в отбой не надо говорить этим мразям, чтобы гасили свет...

Собственно, они бы еще долго не вкрутили, м.б., но понадобилось зачем-то фотографировать мою камеру. Не меня самого на сей раз, а – сперва окно, потом тумбочку (мне даже велели от нее отойти), потом полочку над умывальником. Снимал какой-то молодой «мусор» под руководством мрази Безукладникова, уже несколько дней как вышедшего из отпуска. И никаких объяснений, конечно, – зачем снимают.

Что ж, раз уж начал писать в этот проклятый день... Ждать теперь Свету, весь день, часов до четырех, – вот единственное занятие на сегодня. Приедет она, не приедет, – сиди, жди, гадай... Тошно и тоскливо на душе до полного отвращения к жизни. Как уже много лет подряд – я проклиная этот день, день своего рождения...

25.8.16., 5-50

Спал всего два часа за ночь, где-то с 11-ти до часу. Долго не мог заснуть; раза два вроде задремывал – и тут же будили проклятые звонки в коридоре. Опять болит голова с ночи, м.б., даже еще с вечера (не помню). Я совершенно измотан, измочален, измучен физически и духовно...

Опять дежурит ублюдок курточник. Куртку он теперь требует одевать только вечером – но неизменно; показывает, сука, свою власть. Кроме того – раз именно он гасил вчера на ночь свет – то именно он его сейчас, в подъем, и зажег. Эта вчера вкрученная лампочка стала для меня бедой, настоящей катастрофой. После четырех с лишним месяцев – опять этот бешеный свет 16 часов, хотя и желтый. Единственная слабая надежда – что и она сгорит, но – когда еще это будет...

Приезжала вчера Света. Лучше б она не приезжала, ей-богу! Во-первых, меня страшно бесит, что каждый раз, разговаривая со мной, она буквально засыпает, у нее слипаются глаза и она всё пытается улечься головой на стол. Говорить с ней, по сути, было не о чем, деловые темы исчерпались очень быстро, а все остальное время шла с ней, полусонной, беседа ни о чем, всякие наивные и бессмысленные суждения с ее стороны.

Привезла она мне и обещанный подарок от Натальи, – показать, но я забрал его с собой, несмотря на ее страхи и протесты, что найдут и отнимут. Не нашли (на входе потом в камеру белокрысый упырь, кстати, шмонал меня металлоискателем). Но то, что у Натальи с Агафоновым получилось, стало для меня вчера второй катастрофой, после вкрученной лампочки.

Они таки слепили тот украинский сборничек, что собиралась и обещала сделать Наталья. Надергали туда много такого, что я и не помнил, да и в голову бы мне не пришло, а кое-что важное упустили. Но не в этом беда. Беда в том, что, как говорилось в приложенной записке Агафонова, они сделали его тиражом всего 100 штук, чтобы раздавать 24-го на Майдане. И он НАДЕЕТСЯ, что теперь, учтя все мои замечания, они смогут сделать второе издание, тиражом побольше.

Подумать только, какая изящная насмешка судьбы! Какое изысканное глумление с ее стороны! Вторая книжка – и опять тиражом 100 экз.! Понятно, что больше они ничего уже не напечатают, они и это-то год, минимум полгода, собирались напечатать... То бишь, судьба просто глумится надо мной: у меня выходят книжки, да-да, но – тиражами по 100 штук, не больше! То бишь – вроде как книжка была, только ее никто не видел и не читал, да и купить ее ни в одном магазине нельзя, да и ISBN у нее нет... Я совершенно уничтожен этим известием про 100 экземпляров... Это как с Муждабаевым было: да, Наталья с трудом, но пробилась к нему, он

упомянул меня в своем фейсбуке – и всё! Хотя мог на всю Украину через СМИ обо мне сказать – но сказал только в своем ФБ, отметил – и больше уже не сделает ничего. Так и тут: отметились, выпустили 100 штук, раздали их на Майдане – и на большее уже не рассчитывай!.. Я проклинаяю и эту страну, и всю свою никчемную, идиотскую жизнь, и тот день, в который я родился!..

12-44

Начал после завтрака опять разбираться с этим идиотским вчерашним сборником – оба-на, еще веселее!! Оказывается, один короткий, но хороший стих про Украину, в июле 2015 на «пятерке» в Москве написанный, не вошел в сборник потому, что Лена его вообще нигде не опубликовала!!! И еще один, тоже всего восемь строк, в тот же самый вечер написанный, во время и после моего ужина уже в темноте, после отбоя. :) Я ей точно помню, когда их оба посылал, но она как раз в это время, вторая половина июля – начало августа, ездила в Германию, жила там, так что как-то прохлопала или забыла эту мою просьбу. :((А я-то удивляюсь, почему в сборнике его нет.

Написал Лене про все эти свои впечатления большое письмо. Пойдет оно через Майсурияна – и всё равно я не рассчитываю, что дойдет до нее раньше, чем через месяц. Тогда уж она, м.б., перешлет Наталье или просто в рассылку, как я прямо в письме и написал сделать. И всё это – если гэбуха и здешняя цензура вообще это письмо отправят... А входящих писем нет, между прочим, уже восемь дней. И радио молчит скоро уже месяц как...

Нет, право, это даже забавно, ей-богу! :) Я поневоле иной раз про себя начинаю саркастически хохотать! Да, у меня могут даже выходить книжки (!!) – но тиражом в 100 экз., не больше! :))) Уже второй раз... Раньше я думал, что мой потолок – это 200-250 друзей в фейсбуке (Света вчера мимоходом сказала, что у Павленского их больше 4500, а сам он не вылезает из-за границы, хотя эмигрировать вроде не хочет). Нет, еще смешнее: будут и книжки, точнее, уже есть, но – не больше 100 экз.! :)))))))))) (Истерический хохот.)

Из-за бессонной ночи чувствую себя отупевшим, одуревшим и плохо соображаю. Плюс – еще как лег вчера около десяти спать, начало что-то болеть в левом боку, сзади, неудобно было лежать на правом, уперев левый локоть в стену, как я тут сплю обычно. Сегодня боль еще усилилась, довольно сильно мешает порой; что это такое – неизвестно, а на какую-либо медпомощь, понятное дело, тут рассчитывать не приходится. Пройдет само – единственное, на что остается надеяться.

Не спал ночью я, разумеется, из-за своих мрачных мыслей по поводу украинского сборника. перевозбудился опять – и помимо воли сочинял про

себя полночи это сегодняшнее письмо к Маглеванной, Тут даже не снотворное – ту могла бы помочь таблетка какого-нибудь успокоительного, типа валерьянки; но – где ж его взять.

Во вчера полученном номере «The New Times» – интервью, взятое ублюдком Яшиным по просьбе редакции у «болотника» Кривова, дольше всех по этому делу просидевшего и недавно освободившегося. Самая бредовая часть этого интервью – та, где он соглашается с (приводимым Яшиным) мнением Ходорковского, что нельзя ни в коем случае в заключении считать дни, это, мол, очень вредно для психики, и т.п. Кривов говорит, что его, особенно в ШИЗО, от этого все время «накрывало», у него были приступы клаустрофобии, он колотил в дверь и орал, что не может сидеть один, и т.п. И, мол, это всё именно от того (якобы), что он считал дни, даже таблицу какую-то специальную для этого составил. Для меня всё это звучит как дикий бред, нелепость и абсурд, и я, скорее всего, уже давно сошел бы с ума, если бы НЕ считал дни и не чувствовал, что хоть медленно, хоть по чуть-чуть, но срок уменьшается, время идет. И то сказать: этот особо чувствительный субъект, предпочитавший одиночеству в камере общество уголовников, страдал там, видите ли, психическими проблемами со своим сроком 3 года 9 месяцев на общем режиме, на бараке, с телефонами, свиданками и передачами. У меня сейчас всего лишь на полгода меньше ОСТАЛОСЬ, чем у него был весь срок. Ровно 1180 дней осталось, 168 с половиной недель. Кстати: Света считает, что на крытую тюрьму меня отсюда не повезут.

26.8.16., 5-30

Вчера под вечер эта боль в левом боку, в районе ребер, усилилась до чудовищной степени. Ни сесть, ни встать, ни двигать руками (особенно, конечно, левой), – в общем, кошмар. Я был в шоке, – ничего себе сюрпризы преподносит жизнь!.. Еле-еле смог поужинать, а лег – выяснилось, что и лежать больно, не говоря уж – поворачиваться с боку на бок. Но всё же в эту ночь спал получше, чем в прошлую. Сейчас, перед подъемом, боль заметно ослабела, но все равно еще чувствуется, увы. Не знаю, что будет. Одно понятно: на здешнюю «медицину» надежды нет никакой...

В подъем Шрек забыл включить верхний свет – и сейчас я кайфую! Боже, до чего я дошел...

12-33

Еще, кстати, забавное. За всеми этими волнениями – лампочка, сборник, боль в боку – совсем позабыл; ведь когда в начале июля баландер спрашивал у меня дату рождения, ссылаясь на то, что, мол, СУС на втором этаже поручил ему узнать даты рождения всех в ПКТ и ЕПКТ, – я по наивности

подумал, что это, видимо, для поздравлений. Ведь в сентябре 2014, когда я только-только «поднялся» на 7-й барак, еще до первого ШИЗО, – у меня там тоже это спрашивали и записывали в специальную тетрадку: мол, всех поздравляют в дни рождения. И что же? Ну конечно же – ни фига!! :))) Ни звука ни от кого. Не то чтобы мне были нужны их поздравления, или вообще что бы то ни было от этих блатных было нужно, но... Впрочем, я по поводу их всё понял и людьми их считать перестал очень давно.

В боку, между тем, так и болит. Причем характер боли как-то изменился со вчерашнего дня: теперь там не просто болит, но как-то тянет, или сводит, или уж не знаю, как описать это ощущение. Когда пытаюсь опереться на руки вообще, или, не дай бог, на одну левую руку, или вообще хоть как-то (да вот хоть как сейчас – пишу, сидя за столом и, наклоняясь корпусом вперед, опираюсь на лежащие на столе руки) – ощущается такая длинная, тягучая, сильная боль, как будто спазм какой-то мышцы. Усиливается при перенесении веса тела на левую сторону, потом – выравниваешь быстро вес – проходит...

12-55

Только порадовался было, что свет с утра так и не зажгли, – и вот косоглазая быдлотатарско-вертухайская мразь пришла и переключила. Зажгла верхний свет, погасила ночник, – совсем как делала зимой, я тогда еще про себя за это звал эту ублюдину «Выключатель». Всё повторяется... И – всё проходит, даже четыре с лишним месяца при одном ночнике. Всё повторяется, всё заканчивается – и всё приходит обратно. Прошел тот срок – и вот уже новый за половину перевалил. Когда-нибудь кончится и он (если я доживу) – зачем? Чтобы потом начался следующий, третий? Если я не смогу свалить из страны (а уверенности, что смогу, нет никакой) – то да, ничего другого меня не ждет. Концы, и опять начала, и опять концы... Единственное, что когда-то закончится навсегда и бесповоротно, без всяких шансов на новое начала, – это жизнь. Может быть, та непонятная, внезапная боль в левом боку, что началась у меня вечером 24-го августа, – и есть начало такого конца? Как раз сейчас читаю Алданова (библиотечного), у которого пожилые, почтенные люди (один даже бывший царский министр), понимая, что их болезнь смертельна, грустно размышляют о том, что умер – и как будто и не жил, и не вспомнит никто... Если уж бывшему министру кажется, что его никто никогда не вспомнит, – что же говорить обо мне?..

28.8.16., 17-50

Если честно, у меня просто нет уже больше сил, энергии, нервов, чтобы психовать в полную силу каждый раз, когда эти мрази включают в камере свет. Тупое бессилие, полное безразличие ко всему, и к окружающему, и к

собственной жизни и судьбе... Вчера весь день я просидело при одном лишь ночнике, – о, как это было прекрасно!.. Сегодня – почти весь день, до сей минуты, до ужина. Утром та смена забыла включить (к счастью, курточника в ней не было). И вот сейчас, уже ужин проехал мимо меня, уже я успел поесть, – какая-то мразь из смены Шрека, ходящая с баландером, неожиданно вернулась из середины коридора, зачем-то подскочила к моей камере – и зажгла верхний свет! Зачем? Не знаю... Но как бы плохо, тошно и тоскливо мне ни было сегодня в эти долгие, бесконечные часы после обеда (как бывает здесь всегда, впрочем) – я, ходя туда-сюда по камере и думая о том, что жизнь действительно прошла, лишь повторял про себя, как единственное утешение: господи, как хорошо без света, какое счастье, что этот проклятый верхний свет не горит, какое это счастье!.. И вот... После четырех с лишним месяцев без верхнего света теперь каждый раз, когда его зажигают, у меня такое ощущение, что мне вонзили нож не в тело даже, а в самую душу. Страшнее этого, пожалуй, для меня сейчас ничего нет... но я так устал, измучился, измотался, что уже нет сил ни психовать, ни рефлексировать по данному поводу... Лучше бы я сдох тогда, в 2006-м, упав с четвертого этажа...

Зато боль в левом боку практически прошла еще вчера. Еле-еле ощущаются порой какие-то очень слабые остаточные явления этой боли.

Жизненные испытания, да. Тюрьма, боль, голод, свет... Мучения духовные и физические. Их надо перенести, пройти сквозь эту, как говорится, черную полосу, Так думаю не я – это стандартные утешения, применяемые в таких случаях большинством людей. И – я мог бы, да, сжав зубы (оставшиеся только с правой стороны, и то мало), пройти всё это, выдержать, выстоять, мог бы... Совершенно убивает меня только один простой вопрос: а что же дальше? Во всяких боевиках и вестернах герой, пройдя с честью через все испытания, обычно приходит к какому-то явному, бесспорному триумфу, его победа доступна для глаза и для руки, она явно отличается от поражения. Жизнь как-то – так или иначе – вознаграждает его за пережитое. Сжать вот сейчас остатки зубов, сесть читать детектив до отбоя, не обращая никакого внимания на свет. Я же, сквозь все эти испытания – с честью ли, без чести ли – пройдя, выйду в никуда, в пустоту, в свое личное, скучное и нищее, убогое существование, никому в мире не интересное, и никакой награды от судьбы не будет. Собственно, апофеоз жизни давно уже был и прошел, еще в 2002-03, я давно это знаю. Самое крутое, что мне выпало в жизни – это в молодости, с 2001 по 2006 (до первого ареста) печататься на КЦ, где меня читали тысячи людей, многие и сейчас меня помнят по тем моим статьям. Это было – и прошло, и

больше ничего подобного уже не будет, теперь мой предел – это смешные жалкие сборнички по 100 экземпляров тиражом, вот уже два их вышло. И то первый был фактически за мой счет. Серьезные тиражи, хотя бы 2000, для меня никто оплачивать не будет, не заслужил я, не того масштаба фигура, чтобы тратиться на меня... Не будет ничего больше в жизни, совсем ничего; и жить не для чего; и никак я не могу с этим примириться, и умереть тоже не могу... :(((

29.8.16., 6-10

Еще один чудовищный стресс – и еще одна бессонная ночь ((м.б., только минут 30-40 поспал, да и то вряд ли).

Оказывается, эта мразь вчера в ужин не зря вдруг зажгла у меня свет. После этого сука дневальный, ни слова мне не сказав, тихонько выкрутил лампу у меня из ночника – ту самую, которой я так дорожил, буквально молился на нее. Как уже после отбоя мне сказал опер – она понадобилась куда-то еще, где нет ни одной (сгорела, видно).

Сперва я подумал, что ночник переключили, как это делает косоглазый быдлотатарин. Потом, когда он не зажегся в отбой, – что опять выбило автомат. И буквально не поверил своим ушам, когда уже это тупое чмо – дневальный – мне сказал, что это он выкрутил лампочку.

Конечно, о том, чтобы спать при верхнем свете, и речи не было. Хорошо еще, что шрековская смена погасила его совсем – быдлотатарская бы оставила. Ужинал в полной темноте, на ощупь (!) резал хлеб (а он сыпется и крошится), проклиная всё на свете и свою дурацкую жизнь. Лег – и, хотя без света вообще идеально спать, вскоре понял, что так и не засну. Лежал, ворочался, то обдумывал утренний разговор в подъем со Шреком (не отдавать матрас, пока он не велит дневальному забрать мою лампочку там, куда он ее унес, а туда отнести мою верхнюю – и я снова останусь со своим любимым ночником, идеальный вариант!), то сочинял письмо Исаеву, председателю ОНК, о здешней моей бессоннице и невозможности лечь днем. Под утро полил жуткий ливень, – так хорошо, так сладко было бы спать под его шум дома, на воле, в совсем другой жизни... только где он теперь, мой дом?..

Утром Шрек и старый хрыч (опер?) с ним твердо пообещали, что придут ко мне после подъема – и матрас таки заставили отдать. Жду – не идут. Стучу в дверь. Долго, упорно, – тишина. Вдруг открывается форточка («глазок») в двери – там стоит этот самый дневальный (господи, ну до чего же жуткая рожа! Вот он – типичный москаль угро-финского разлива) и говорит; никто тебе ничего менять сейчас не будет, ночник поменяют вечером (быдлотатары, ага!..), лампочки принесет днем Саныч (мразь

Безукладников), же его и говори с ним. Обманули, суки, так я и знал!!!

Опять яростно колочу в дверь, чтобы дозваться хотя бы Шрека, обманувшую меня мразь. В перерывах – пишу заявление на голодовку, ибо – что еще делать? И тут – слышу какой-то звук наверху, где должен быть ночник...

Короче, итог: мразота дневальный нашел-таки и вкрутил мне лампочку в ночник, но – не только не мою прежнюю, а еще и: 1) меньшей мощности; 2) белую – вместо прежней желтой. Ее можно на ночь не завешивать дополнительно пакетом, как я делал с той, но – при ней нельзя читать! Даже и пишу я сейчас вот это на белый тетрадный лист с большим трудом; от работы при таком свете зрение сядет очень быстро, – последнее, что у меня еще осталось более-менее в порядке. Если сгорит верхняя лампа (со спиралью) – при этой я не буду так счастлив, как был при том ночнике, без чтения мне тут будет не жизнь. Так просто – ходить, размышлять, философствовать – при таком ночнике даже лучше, яркий свет для этого не нужен, но... В общем, сдвинулось всё 24-го, кончилась целая эпоха (с 15 апреля, но в целом и коротко – лето) – и теперь уже не вернуть... Кстати, сильно поразили меня сказанные вскользь слова ублюдка дневального, что фотографировали меня 24-го (для чего и лампу вкрутили в потолок) якобы потому, что я «пишу жалобы». Я, разумеется, ничего такого не писал; речь о тумбочке, которую они снимали, шла год назад в СУСе, но никак не здесь.

7-50

Мое положение здесь, таким образом, существенно ухудшилось с 24 августа. И это еще не конец... Домотать как-нибудь эти оставшиеся 1176 дней, дотянуть – и срочно уехать! Сваливать из этой проклятой страны, не медля ни секунды! Я уже давно понял, что мне ничего не светит не только здесь, но и вообще где-либо; что ж – значит, просто доживать остаток своих дней хоть в относительном комфорте, не завися от дневальных, лампочек, подъемов, отбоев, вертухаев и пр... Жизнь прошла, ничего не поделаешь. Это безумно горько сознавать, но изменить я ничего не могу: жизнь прошла, и я в ней так ничего и не добился... Зачем я жил, какой был в этом смысл? Чтобы из меня надергали текстов на два сборничка, по 100 экз. каждый? Увы, для оправдания всех перенесенных за жизнь мучений этого слишком, слишком мало!..

12-22

То, что этот уголовный ублюдок вчера забрал лампочку именно у меня, о многом говорит: значит, у меня МОЖНО брать. Такое ко мне отношение и тут, как везде и всегда со стороны быдла... То, что сегодня утром плохонькая лампочка нашлась, значит – была и вчера, но ее кому-то (кому она там

понадобилась) из блатных «дворян» не дали, а забрали мою, тоже свидетельствует об отношении: мне МОЖНО дать то, что похуже и что нельзя дать блатным.

Второй, нижний свитер сегодня после шмона уже нет надобности снимать: заметно похолодало. На пороге – осень. Кажется, у мразей уже (необычно рано) начались «крестины»: хлопает дверь бани, слышны команды: «Следующий».

Дотянуть бы до освобождения. Не только отсюда, а вообще: от ТАКОЙ жизни навсегда.

31.8.16., 5-40

Опять ломит с ночи башку, с левой стороны, как обычно. Боль совершенно невыносимая, а таблеток нет...

Вчера сразу после шмона мразь Безукладников принес мне наконец (на 13-й день) пачку писем – и повел в «дежурку» еще за двумя заказными. Пользуясь случаем, я спросил у него про лампу для ночника, но – как я и думал, всё оказалось безнадежно. Что-то невразумительное он ответил – вроде того, что у них все лампы одинаковые. Короче, летней идиллии с ночником пришел безвозвратный конец... :(((

Заказные письма оказались от Кондрахиной из СПб и от Мананникова – опять из Москвы. Обычные – Майсурян, мать, Землинский+Ефимов, от Володимеровой из Голландии аж два письма в трех конвертах и с кучей открыток, очень хорошее письмо от Воробьевского – он оказался гораздо более близким моим единомышленником, чем я думал; открытка к д/р от Маглеванной и т.д. Ни Маня, ни Корб даже к д/р меня ни письмами, ни открытками не удостоили...

Итоги же очень печальны. Опять не отдали два письма от Майсурияна, №142-143, где, по его словам, были свежие распечатки обо мне. Видимо, изучают особо тщательно на предмет «экстремизма». По опыту этого года – м.б., позже и отдадут, уже так было несколько раз; но все равно я нервничаю, жду этих писем особенно сильно. Еще более отвратительны новости от Землинского. Оказался он куда большим дерьмом и трусливым ничтожеством: помочь мне в главной моей просьбе, по самому важному для меня делу [набору моих рукописей, уже несколько месяцев лежавших на воле в ожидании. – прим. 2020 г.] – не захотел! Этим, мол, должны «европейцы» заниматься, а не россияне, – хотя сам тут же пишет, что Ефимов, «европеец», у которого я тоже просил спросить, тоже едва ли захочет (тоже ничтожество и полное дерьмо). В то же время, как я и думал, пишет он, что Лена так ничего нового и не повесила в мой блог, – ну да, видимо, не хочет, время нашла бы, если б хотела...

Короче, полное дерьмо, одно сплошное дерьмо вокруг... Да еще отвратительное письмо (одно из двух; другое-то – про ее кошек) от Володимеровой, где она мне активно проповедует «теорию малых дел» (правда, не называя ее так) и пишет, что, мол, профессиональные революционеры вызывают только жалость. Ну, это уж у кого как, родная!.. Одно сплошное дерьмо кругом, и ни на кого нельзя положиться, и перспектив никаких!.. 1174 дня еще осталось.

СЕНТЯБРЬ 2016

2.9.16., 7-40

Итак, косоглазая быдлотатарская смена нарушила сейчас недавнюю традицию, возникшую этим летом: не повела меня сегодня в баню первым. Сперва повели кого-то из 16-й, – это ПКТ, и я подумал, что там кто-то не успел помыться вчера, в свой день (четверг). Но вот сейчас – повели хмыря из 20-й, громко прооравшего об этом в коридоре. Это, по всей видимости, уже ЕПКТ. Да еще и – сидит он, уж конечно, не один, но повели его одного, – то бишь, если еще и водить будут по одному, то их мытье займет гораздо больше времени. Опять, видимо, придется ждать минимум до после обеда, а скорее – до вечера... :(((

Эта же косоглазая мразь, при одном взгляде на которую мне так и хочется своими руками перерезать ей горло, в подъем забыла пристегнуть нары в камере, которые я поднял. Так прибежала, сучка, сейчас, уже после завтрака, открыла «кормушку» – и скомандовала мне их поднять. Ну ясно: увидело начальство в видеокамеру, позвонило и указало на непорядок. Если бы только я мог достать до этой камеры руками без риска покалечиться – она и дня не провисела бы тут...

12-50

С магазином опять пролетел. Раз не было до 12-ти – значит, всё (хотя сам-то магазин работает до шести). Никаких объяснений, возврата заявления и т.п. – полная тишина. На ужин сегодня и завтра есть один небольшой батон колбасы, потом – пять дней голодать (жрать только кислый обеденный мякиш на ужин). Завтракать нечем.

В баню тоже так и не водили, активно водят дальний конец коридора. Сегодня, видимо, просто неудачный день. :)))))))))) (Сардонический нервный смех.)

15-40

Смешно, но магазин всё-таки состоялся. :))) Принес список и ведомость уже около трех часов какой-то незнакомый парень, – во второй его приход, с едой, на мой вопрос он ответил, что он действительно новый завхоз. Что ж, вот он, пример того, о чем я всегда говорю: уж если будут в жизни сюрпризы, пусть они будут приятные. Даже если это такая мелочь, как лагерьный магазин и еда на целую неделю. :)

3.9.16., 19-48

Как глупо: была жизнь – и прошла. Закончилась. Что это было, зачем? Нелепо и бессмысленно всё, и нет ни прошлого, ни будущего. Но я еще живой. Я живой, но жизни уже нет...

4.9.16., 8-15

Я умру – и не останется обо мне памяти. Вот что страшнее всего. Даже одной короткой строки в примечаниях хотя бы к одной книге – не будет обо мне. Спрашивается: зачем же я тогда жил?

5.9.16., 17-35

Полшестого, а мрази только собирают на свои «крестины» эков с лагеря, сажают в баню. Это вместо ужина... До пяти вообще все было тихо. Ужин, значит, будет вообще неведомо когда, не раньше восьми, думаю. Не должны вроде – но инстинктивно опасаясь, жду: вдруг дернут и меня. Да и ЕПКТ мое уже за половину перевалило, скоро им волей-неволей придется придумывать и для меня очередное «нарушение» для нового (Е)ПКТ...

В подъем сегодня опять забыли зажечь верхний свет. Читал весь день при свете из окна, еле-еле.

6.9.16., 5-23

То, что я предвидел, случилось. 24-го августа мне ввернули эту верхнюю лампу – а сейчас, в подъем, она сгорела. Косоглазый включил ее – а она сама по себе через несколько секунд погасла. Остался я с крохотным ночничком, при котором невозможно читать (вчера мучился весь день). Теперь передо мной стоит практически невыполнимая задача: как-то уговорить дневального (упыря, не человека!) поставить мне ночник посильнее (он вроде как-то раз мимоходом это пообещал), если он вообще найдет такую же, как у меня была до 24.8., лампочку – газосветную, но посильнее. Или же – мне просто воткнут в потолок опять, опять сторит, или же воткнут газовую, белую, как была до 15 апреля. В общем, куда ни кинь, везде клин, а говорить с этим животным дневальным – и безнадежно, да его еще надо дозваться, что из камеры почти нереально.

6-35

Подумать только, какая мразь, какое омерзительно подлое русское (и татарское тоже) свинобыдло!.. Вот она, подлая сущность этой проклятой России, страны-мрази! Надо родиться здесь, жизнь прожить здесь, чтобы это понять... Представьте только себе: эк сидит в камере, стучит в дверь и просит вертухая позвать дневального (тоже эка), которого сам из камеры дозваться никак не сможет. А вертухай, которому абсолютно наплевать на эков и на все их проблемы, походя ему отвечает: «Освободится – подойдет!». Но при этом вертухай и не думает пойти и сказать дневальному, куда тому надо подойти, когда он освободится!.. Мрази, суки, ублюдки, живьем в печь вас всех!..

7-00

Еще одна «радостная» новость – сейчас от баландера, собиравшего

тарелки. Просто офигеть! В пятницу, говорит, не пиши заявление на магазин, – она в отпуске. То бишь, опять две недели не жрать ничего, как уже было в июне, что ли!.. Когда в отпуск уходит начальник лагеря – назначают и.о., а когда продавщица магазина – магазин просто закрывается на две недели!! Ей-богу, сперва история с лампочкой, теперь еще это, – за одно утро слишком много всего, нервы у меня уже явно начинают сдавать...

7-40

Ну что ж... Выродка дневального удалось выловить, когда он мел коридор около меня. Разумеется, он сказал, что лампочек нет. :)))))) Раньше он где-то их брал, когда требовало начальство, – он, разумеется, заявил, что находил их не он, а завхоз. Увидеть завхоза (или хотя бы услышать через дверь) шансов у меня вообще ноль. Остается – или сидеть при крохотном ночнике и слепнуть, читая при свете из окна (а светает с каждым днем все позже), или же – начинать скандалить с «мусорами», в результате чего мне опять ввернут вторую лампочку в потолок; она, скорее всего, опять будет лампой накаливания и через пару недель опять сторит. В общем, ни туда, ни сюда, полный тупик. Сидеть без света неведомо сколько, без жратвы – ближайšie две недели... Проклинать этих мразей (и тех, кто загнал сюда, и тех, кто здесь) за всё это мало, хоть я и проклинаяю их всё время в душе. Нет такой самой лютой казни, самой изощренной пытки, которая для них всех была бы чересчур за все эти мои мучения, за всё их безразличие, оборачивающееся худшим глумлением, чем если бы они даже специально хотели глумиться тут надо мной. Убивать, без всякой жалости убивать, мочить всех этих мразей в погонах – вот мечта!..

7.9.16., 5-36

Опять не спал всю ночь. Ни на секунду не удалось даже задремать... Будь всё проклято; как я устал, задолбался, измучился тут – невозможно описать словами, слов не хватит. Я чувствую себя совершенно измученным – за эту бессонную ночь и за эти почти уже четыре года...

Не спал я, конечно же, из-за вчерашнего. О, вчера был грандиозный день, неповторимый, один из самых важных за всю мою «жизнь» здесь. С утра – пароксизм отчаяния по поводу сгоревшей лампочки, полумрака в камере, невозможности читать; по поводу того, что опять две недели не будет магазина из-за отпуска продавщицы. Потом – практически сразу после обеда – приехали наконец ребята. О, какое это было счастье; как я их ждал!.. Не чаял раньше конца сентября и дожидаться... Наспорились, наговорились мы всласть, вместо положенных четырех часов просидели почти пять. Рассказывали они и про ужасы дороги сюда: поезд на час сдвинули, вместо четырех утра теперь он прибывает в три, а местная «гостиница» –

формально что-то типа лагерного КДС – закрыта на замок, а когда их всё же туда пустили – то еще и выговаривали, что, мол, посторонних вообще не обязаны пускать. Ладно еще осень, а если зима, мороз градусов 30 – и с трех ночи до девяти утра некуда будет деться? Вариант один – выходить из поезда в Горнозаводске, это до Всесвятской, ночевать там, а утром – сюда на такси; но тогда на такси и гостиницу нужны дополнительные деньги.

Вместо чая на этот раз они привезли в термосе кофе. Я его (с традиционными здешними сочниками и шоколадкой) выпил черт знает сколько; давление поднялось, конечно. Вернулся в камеру – весь мокрый, встрепанный, сердце колотится; почти все четыре часа до отбоя ходил по камере, отдыхивался, приходил в себя, повторял куски из разговора, особенно под конец, – больше всего кусков осталось в памяти о Мане, о которой у нас в каждый их приезд заходит с Глебом речь, – а сама Маня даже про д/р мой, похоже, не вспомнила. Ходил, сам себя уговаривал, что надо успокоиться, остыть, пока еще есть до ночи время, а то от этого перевозбуждения, хоть и приятного, опять не буду спать. Вроде и остыл, и успокоился ближе к отбою, и сердце перестало так колотиться, давление вроде уменьшилось – а всё равно опять целую ночь не смог ни на секунду заснуть!.. :((((

Когда ребята (точнее, Рома, – Глеба опять на входе задержали, т.к. не могли найти его заявление) только зашли – в клетку меня закрывал лично мразь Безукладников. Пользуясь таким удачным случаем, я ему сказал опять про лампочку, что ее надо непременно найти, а то я не могу читать. Он, как и в тот раз, ответил, что есть только стандартные – по 60 ватт, т.е. – такие, как у меня, крохотные. Пришел в камеру – никаких изменений. А в отбой открывается дверь – и вместо курточника та же мразь Безукладников стоит на пороге! Я тут же спросил его опять, не нашел ли он то, что я просил днем. Он опять отвечает, что они все стандартные – но, уже закрыв дверь, слышу, зовет дневального и говорит ему, что тут у меня надо поменять лампочку.

И что же?! Этот ублюдок дневальный, недочеловек с жуткой харей, только утром заявлявший мне, что лампочек нет и что если их кто и находил, то не он, а завхоз, – буквально через пару минут, слышу, лезет в коридоре в ящик для ночника, гасит свет, выкручивает свою крохотную лампочку – и после пары других, неработающих, вкручивает мне точно такую же, как у меня была до 24 августа!! Вот тебе и «нету»!!! Суки, ублюдки, мрази!!! Как начальник скажет – всё тотчас находится, а как я прошу – так даже разговаривать не хотят, отвечают через губу, еле-еле... Но, тем не менее, это была грандиозная победа, просто фантастическая: всё вернулось

на круги своя, как было летом, – нормальный ночник и отсутствие лампы в потолке, ура! Теперь хоть можно читать. Дай бог, это положение продержится еще сколько-то месяцев без изменений, как четыре с лишним держалось летом. Я был так поражен этой неожиданной победой, так рад ей, что даже почти забыл грустить том, что предстоят две недели без еды. :) И – мог бы, наверное, заснуть, уже так чисто было в мыслях, так ровно и глубоко дышалось, но – не судьба... :(((

8.9.16., 5-30

Иной раз вроде ничего, а вот вчера после бессонной ночи глаза у меня буквально слипались весь день, книжка порой просто выпадала из рук. А задремывать тут днем даже и на пару минут – очень плохо (и так же было в Буреполоме): очнувшись, долго не можешь понять не только где ты и почему ты здесь, но и вообще – кто ты такой и почему вот это вот чужое, странное, непонятное тело – ты... Эту ночь спал практически всю – и сейчас во время подъема все равно не мог разлепить глаз; в сон сейчас клонит практически так же, как и вчера... А вчера еще и холод был такой, что пришлось уже одеть «теплек» (верх от нательного белья) – и это в начале сентября! Что же будет дальше?.. Между тем, ребята пересказывали позавчера свои – мимоходом – разговоры с кем-то здесь в гостинице, перед походом ко мне (а лагерь и поселок и в смысле воды, и в смысле отопления представляют собой одно целое) – им кто-то там сказал, что отопление Асламов, мразота, со своей экономией денег может включить и в ноябре...

Ближайшие перспективы тоже очень мрачные. Сегодня четверг; в 11 утра заступят косоглазые быдлотатарские ублюдки – и уже ясно, что завтра утром ЕПКТ-шную баню они начнут не с меня, а с того конца, с блатных. Так же неоспоримо ясно, что заступающие вслед за ними белобрысый упырь с курточником продолжают водить в баню блатных, а до меня очередь дойдет опять в лучшем случае за час до отбоя – хотя мне надо будет завтра бриться и стираться, а на всё это надо не меньше полутора часов. Утешает (хотя и слабо) лишь одно: последний ужин перед двухнедельной – фактически – голодовкой предстоит мне уже сегодня; а пощипать перед сном поганого кислого обеденного мякиша без ничего – можно и после отбоя, даже и в десять вечера, это, увы, много времени не займет, можно плескаться в бане, никуда не спеша...

9.9.16., 7-15

Смена вчера заступила не быдлотатарская, а какая-то неожиданная, – их, видимо, сейчас опять четыре. Но, тем не менее, и эти подонки сейчас начали водить в баню с того конца коридора, – кого-то из 20-й, как сам он проорал в коридоре. То бишь, опять я попаду сегодня в баню не раньше

восьми вечера. Мрази, суки, ублюдки!..

11.9.16., 6-25

Лютый, невыносимый, пронизывающий холод в камере. Читать, сидеть, тем более прислонясь к стене – совершенно невозможно. В четырех слоях одежды, в двух парах теплых носков – я буквально околеваю тут... Всё точно так же, как было в мае, когда выключили отопление. Когда его теперь включат – неизвестно...

Грубые макаронные изделия, доверху залитые белой водой, оказывается, в здешнем меню называются «суп молочный»! Это сейчас сказал баландер кому-то из «двойки», недоумевавшему или (справедливо) возмущавшемуся, видимо, таким завтраком. Впрочем, никто даже вид не делает (в отличие от нескольких прошлых раз), что эта вода – молоко. Ни жирности, ни густоты, – так что ее удалось просто вылить, а макароны съесть (сперва-то я думал просто выплеснуть всю тарелку в «дальняк»). На ужин же приходится жевать обеденный серый мякиш – кислый, совершенно омерзительный на вкус. Жую – и думаю о своей горькой судьбе...

12-43

Уже второй день на обед вместо мерзкого белесого пошла дают прозрачное – что-то вроде компота, судя по запаху – которое можно пить. Хоть маленькая, но хорошая новость.

Лагеря и тюрьмы съели мою жизнь. Задумываясь теперь о будущем (моем будущем после лагеря) – я каждый раз отчетливо понимаю, что жизнь кончена.

13.9.16., 5-58

Вчера в обед – еще не успели собрать тарелки – выдергивают меня в «дежурку». Оказалось – там сидит мразь Баяндин с письмами, заказными и обычными. Отдает мне целую пачку; я, наученный горьким опытом, сразу начинаю смотреть майсуряновские письма: отдал ли он те два, №142 и 143. А уже есть новые, до №146. Смотреть, держа это все на коленях, страшно неудобно, всё падает на пол, мразь Баяндин и второй вертухай, бывший там же, злобно ворчат на меня (а мразь Баяндин еще и подчеркивает все время, что, мол, носить мне письма – не его обязанность). В результате – еще там я понял, но ублюдок Баяндин к тому моменту уже ушел: 142-е письмо так и не отдали! В одном из следующих, правда, Майсурян сам упоминает идиотскую историю: эти два письма, №№142 и 143, ему вернули для доплаты, которая на самом деле вовсе и не была нужна; т.е. – они шли явно дольше положенного срока. Но всё равно – шли-то вместе; так что надежды, что и 142-е письмо отдадут, увы, больше нет...

А остальные... Корб, Мкртчян, Йонатан, Гудзенко, Землинский, три письма от матери, и пр. и пр. И никаких хороших новостей в них! Туфта и дерьмо, ровно ничего интересного. :(Правда, в Киеве таки провели на Майдане 24.8. акцию, подписывали мне открытки (их аж 40 штук – но мне их так и не несут!), раздавали книжки, даже стояли Агафонов и Крюков в майках с моим портретом. Но – это и всё хорошее, что есть. А зато Корб в своем письме пишет, что мою просьбу – помочь Лене с набором – он так и не выполнил. Точнее, клич кинул, как я его просил, – но никто не откликнулся. :(То бишь – воз и ныне там, и, видимо, так будет до тех пор, пока я сам не освобожусь и всё это не набью. Вопрос только в том, кому и зачем тогда все это будет нужно; пока же – эта ситуация полностью и окончательно обесмысливает само мое пребывание здесь.

Осталось мне еще 1161 день. А вот 1611 – уже было! :) Холод в камере по-прежнему страшный.

13-20

Вот и всё. То, чего я боялся, случилось. Перед обедом выдернули в кабинет, там Чертанов и еще два опера. Сообщили мне, что решено меня перевести на тюремный режим, в крытую тюрьму. Как в воду Глеб смотрел, еще в том году...

Написал под диктовку Чертанова заявление, что я хочу присутствовать на «суде» (мразь Чертанов сказал – по видеосвязи из лагеря, а «суд» в Чусовом) и прошу Рому Качанова быть моим защитником.

«Последний градус наказания – крытка», – как писала когда-то Новодворская. Там будет похлеще, чем здесь; эта ледяная «тройка» оттуда еще раем покажется, особенно если посадят не одного, а с кем-то. Ни жратвы, ни передач, одна передача в год, шесть тысяч на магазин в месяц...

18-10

Мечусь весь день по ледяной камере как сумасшедший. (За исключением только часа – или даже больше – беседы с психологом-газовщиком, он как раз приходил.) Что я чувствую сейчас, невозможно даже представить со стороны. Опять острый кризисный момент, опять перелом всей жизни, как было два года назад, перед отъездом в Москву. И нет ни опоры, ни поддержки, ни утешения...

И не то чтобы я цеплялся за эту жизнь, нет. Убить не убьют, но – искалечить могут, если там практикуется битье. С голоду совсем уж не помру, но – три года тоскливого голодного существования на жуткой баланде...

14.9.16., 12-20

Наконец-то в меня полноценно появилась свежая картошка. На обед

сейчас были фактически два супа: на первое – из лапши с куриными костями, на второе – из картошки с ними же. Компот продолжают давать приемлемый, можно пить. В камере по-прежнему холод, отопление включать никто и не думает.

Я совершенно убит, уничтожен, раздавлен вчерашним известием, не могу ни о чем другом думать. Читаю – и не понимаю, что читаю... И никакой поддержки, никакой опоры. Никто даже не знает еще. Пока дойдут мои вчерашние письма – неделя, а то и десять дней пройдет. А психолог-газовщик, вчера после обеда тоже приходивший, на мою просьбу: позвоните моим, сообщите эту новость, чтобы быстрее начали шевелиться, – помялся-помялся и сказал: нет, мол, это чревато... Боится, сука... Впрочем, от него я и не ждал, ясно было заранее, что он откажется. И вот сижу теперь, гадаю: куда повезут. В любом случае ясно, что через проклятый ТПП на 29-й, уж его-то не миновать. Долго ли, коротко ли там пробуду – мне жизненно необходимо, чтобы посадили одного, а не с мразями уголовными – и именно там будет сложнее всего этого добиться. Там даже не скажешь этим ублюдкам-операм, что может быть огласка на воле и проблемы для них, – адвокаты на ТПП не приезжают, а пока дойдет письмо – меня уже увезут... Там жутко неприятное место, но если повезут во Владимир или куда-то в центральную часть России (Елец, допустим) – то только через Киров!.. Об этом лучше пока не думать вообще. В принципе, скорее все-таки в Челябинскую область, на эту Т-1, о которой говорил тогда прокурор, – где она там, в Магнитогорске, что ли, никак не могу вспомнить. И там тоже первая же забота – чтобы посадили одного (если там вообще не начнут бить сразу по приезду), а уж потом – шмоны, режим, дежурства (наверняка будут заставлять «дежурить», а за отказы – в карцер), еда, баня, стирка и т.п. Опять с нуля налаживать быт, искореженный и раскуроченный этапами и бесконечными шмонами... От всех этих мыслей и предчувствий я буквально схожу с ума. А посадят все-таки с уголовниками – это будет вообще ад; мне постоянно, как страшный сон, вспоминается медведковская зима 2012/13 годов и маленькая четырехместка, показавшаяся мне сначала такой уютной... Не дай бог пережить все это снова! Да и вообще, сидеть с уголовниками уже будет просто невозможно ни с какими и ни при каких условиях, – притворяться перед ними хотя бы лояльным им у меня просто не хватит уже сил, слишком меня измотали эти четыре года... И подумать только, что я, дурак, всё это последнее время, видя, что ШИЗО не дают с апреля, а особенно после того, как 24.8.16 Света здесь высказала мысль, что меня, скорее всего, никуда не повезут, – я, идиот, расслабился, успокоился и стал думать, что, наверное, и в самом деле не повезут!.. И хотя не на все 100%

я в это уверовал, а в лучшем случае на 80, но всё равно – удар вчера был жестокий!.. Я был ошарашен, хотя, по-моему, и смог этого не показать, сохранить хоть какое-то подобие достоинства. Конечно, два года назад было еще хуже: и ехать за добавкой, а не просто на другое место, и сообщили точно за день всего лишь до этапа. Но – пока две недели, узнав эту новость как гипотетическую возможность от Глеба, я был еще тут, – я всей душой надеялся на то, что, м.б., все-таки не повезут, как-нибудь обойдется. А тут – может и два, и даже, дай бог, три месяца пройти (учитывая месяц на апелляцию) – но зато уж тут всё заранее известно, никакой надежды, что намеченное таки не сбудется, нет и быть не может. И нет поддержки, и не с кем даже поделиться, кроме дневника. Маня, сучка, не удостоила даже по случаю д/р обо мне вспомнить, хоть пару строк через кого-то передать или прислать напрямую. Я написал бы ей сам – просто чтобы облегчить душу (да и все равно ведь ближе нее у меня никого нет, какая б она там ни была) – но нет адреса... Тоска, отчаяние, ожидание чего-то ужасного, – как было прошлым летом в Москве...

15.9.16., 5-20

Смена курточника и белобрысого упыря продолжает глумиться надо мной. Вчера в отбой матрас дали мне самому-самому последнему, пройдя весь коридор до того конца и, по-моему, успев даже вернуться и усесться в своей «дежурке» (слышно было, как брякают ключами, кладя их на стол). Только после этого белобрысый упырь пришел и дал мне матрас. Но сейчас. в подъем, курточник явился вовремя, начав с этого конца коридора, – не стал ждать, пока поднимет всех, нет, тут же забрал у меня матрас. Т.е., лег я позже всех, а встал раньше всех. Ублюдки, в печь вас всех живьем!..

На душе черным-черно, от мыслей о тюрьме и предстоящем туда этапе охватывает животный ужас. Не знаю, куда спрятаться, в какую щель забиться, куда убежать от своей страшной судьбы. За что мне всё это, за что? Только за то, что я осмелился высказать мысли, не нравящиеся государству. Сделать ничего не сделал, только сказал... Будь проклято такое государство, сжечь его ядерным огнем на веки вечные!!! Я знаю, что жизнь моя прошла, что будущего нет, – но никак не могу с этим смириться, в это поверить окончательно. А тут еще эта тюрьма!.. Я буквально теряю рассудок, схожу с ума от ужаса... Если даже один, от силы два человека еще будет в камере, не удастся добиться одиночной – это полные вилы, хуже ничего не может быть!.. Не знаю, в чем найти утешение, к чему прилепиться душой. Страшная тоска, отчаяние, полная безнадега... Лучше бы я сдох тогда, в 2006-м, упав из окна... А в камере по-прежнему лютый холод, отопления нет, и единственные минуты блаженства за эти долгие, бесконечные,

ледяные сутки – это когда дают матрас, я ложусь, укутываюсь сразу с головой одеялом – и наконец-то ощущаю тепло, могу наконец согреть ледяные весь день ноги...

16.9.16., 6-37

Отопление ночью наконец-то включили, но батарея чуть теплая. В камере, однако же, стало немного потеплей. Пятница; в баню начали водить опять с того, блатного конца коридора. Значит, опять мне ждать до вечера, до семи-восьми часов. :(Магазин будет только через неделю, жрать нечего совсем, все припасы кончились; вечером доем последний кусочек белого шоколада.

Продолжаю сходить с ума по поводу предстоящего вывоза на тюрьму. Только по дороге, кроме ада ТПП на 29-й, предстоит еще ад тюрьмы или ТПП в Челябинске, или куда там привезут. Дай бог, чтобы хоть поближе и без пересадок дополнительных. Челябинская же «управа» ФСИН славится своей жестокостью на всю страну. В тюрьме же, вероятно, сперва посадят в карантин, и об одиночестве в карантине мечтать нечего; дай бог, чтобы хоть в основной, после карантина, камере оказаться одному, – уже половина проблем будет решена...

18-15

Итак, воду выключили (недавно предупреждал об этом вертухай в коридоре, а сейчас из крана почти уже не течет) – и я, похоже, пролетел на сегодня с баней. Что ж, мне не привыкать...

Мечусь по камере, схожу с ума, не могу читать, не могу ни о чем думать... Перед глазами стоит одна и та же сцена – полная народа этапная (№1?) камера на 29-й, на ТПП, в том году, – я даже уже и не помню, на пути в Москву (тогда это еще 2014-й) или сюда. В Москву все же, по-моему. Скоро это собрание быдла, злобного, тупого и жестокого, ждет меня снова... Попасть одному в камеру на этом ТПП – задача №1, но малореализуемая. Тогда, на пути отсюда в Москву, они меня неожиданно сами закрыли в одиночку; а стану просить – нарочно посадят с быдлом...

Тешу себя несбыточными надеждами: м.б., в этой тюрьме (тюрьмы ведь все-таки бывают в городах) будут электронные письма, как были в Москве? Но в душе – знаю, что не будут, конечно. Носили бы хоть обыкновенные вовремя... Зато, если посадят с кем-то даже вдвоем, не говоря уж о большем, – опять будет открывание зимой окна, возможно – «дороги» по ночам, невозможность ночью спать, наезды по поводу стирки-уборки... А вероятно, что и требования от начальства «дежурить по камере» – чего я, конечно же, делать не стану. В общем-то, один там буду сидеть, не один – уже ясно, что и там не буду вылезать из карцера, как тут – из ШИЗО, особенно первое

время. Тут, чтобы прекратить ежемесячные эти ШИЗО, понадобилось 15 дней голодовки и интервью «Свободе». Но дважды такое не повторится. Это будет ад похлеще нынешнего...

Думал весь день – написать письмо Вере про это про всё, – чисто от отчаяния. Излить душу, поделиться... Да, паршиво сложилась жизнь: пятый десяток уже, и ни одного близкого человека нет, если плохо – обратиться не к кому. Маня – черт ее знает, где она и – близкий ли она человек, если судить не по словам, а по делам. О матери нечего и говорить, – всё, с чем она не согласна, она просто не слышит и не воспринимает. Вера, Лена Маглеванная... кто еще? Корб? Люзаков? Глеб? Друзья... но все заняты своими делами – и до моих настоящего дела им нет. Есть, правда, еще один выход – биться башкой об стену, как летом, от отчаяния, безнадеги и безысходности. Да похлеще тех, июльских: тогда ждал лишь возобновления ШИЗО, сейчас – страшного этапа с быдлом и нового уклада в тюрьме...

17.9.16., 6-11

В баню вчера так и не повели – и, похоже, сегодня тоже вести не собираются (а воду вчера через час или два уже включили). Второй раз за год почти в этой камере такая история, – пролет с баней. Спрашивать у «мусоров» я ничего не стал, – я вообще брезгую с ними разговаривать.

Спал за ночь всего дай бог часа три, а скорее – еще меньше. Написал вчера это идиотское письмо Вере, но не до конца, – сегодня и завтра еще можно дописать его и подумать – отправлять ли... Вообще, с того момента, как мразь Чертанов оглушил меня этой новостью – о переводе на тюрьму, – все вопросы здешнего быта, всё, что меня целый год так волновало: баня, магазин, библиотека, матрас (вчера его опять дали после всех), даже письма, – всё это как-то разом отошло на второй план, потеряло свою актуальность (ну, м.б., действительно кроме писем, – сейчас я очень жду, когда дойдут мои письма про тюрьму, где-то числа 22-23-го уже, по моим прикидкам, должны дойти, и остро жду от всех «друзей» какой-то реакции на это – и в письмах ко мне, и вообще). Наступило другое измерение. Я действительно не знаю, куда мне деться от этого ужаса, – не прочь был бы умереть до этапа, но смерть меня не берет... :(((Четвертый этап предстоит – и четвертый раз это невозможное, непереносимое чувство ужаса перед неизбежным, подступающей смертью...

В баню уже кого-то загнали, там требуют тазик, стучат. М.б., поведут еще и меня. Не все, значит, успели вчера.

12-10

Нет, в баню так и не повели, хотя блатных водили всё утро, трех или четырех. Мне не жалко, что я не попал в баню; я не плачу, а смеюсь над этим.

Я дошел до того, что нет больше слез, терять уже нечего – и хочется лишь безудержно смеяться. Подумал на минуту: м.б., эта вчерашняя смена, которой еще недавно тут не было, не знает, что у меня – ЕПКТ; ведь на двери-то написано ПКТ – еще с прошлого года, когда и впрямь было ПКТ. Но – нет, едва ли. Они тут работают, у них есть все данные, они обязаны всё знать. Будет смешно, если не поведут и в следующую пятницу...

Хлеб на завтрак стали давать не только кислый, как лимон, но еще и откровенно черствый, как будто он пролежал неделю. Есть ни мякиш, ни корку просто так, без чего-нибудь (хоть того же майонеза) просто невозможно. Но мне теперь это безразлично, я больше не голодаю тут: последние новости о переезде в тюрьму отбили у меня аппетит...

18-16

Да, стресс отбивает аппетит, но всё же... Утром – овсянка, в ужин – «уха» (опять я угадал!..). Опять еда один раз в день – в обед. Поужинал хрустящей коркой от черняги, – 13-го, с горя от полученного известия, решил вдруг съесть такую корку, а сегодня она оказалась моим единственным ужином...

18.9.16., 5-15

Опять не спал с двух ночи до утра. Впрочем, странно, что спал хотя бы до двух. А вчера вечером каким-то неосторожным движением опять «свернул» себе левый бок – и там началась такая же боль, как была 24-27 августа, только слабее.

Действительно схожу с ума, не могу ни о чем думать, кроме предстоящего этапа (этап даже больше меня страшит, чем сама тюрьма на три года, хотя и ясно, что тюрьма – это ад...). В их «ПВР», которые вчера вечером перечитывал, сказано, что на строгом тюремном режиме чай и кофе запрещены так же, как и в ПКТ/ЕПКТ. То бишь – и камеры тоже без розеток, видимо; и уж наверняка – тоже с подъемом нар утром. От карцера-то они тогда чем отличаются? Только тем, что можно – номинально – жратву в ларьке покупать?

Три года и два месяца сегодня осталось, – вроде бы не так много. Но – и воля не сулит мне ничего хорошего. Лучше всего было бы – сдохнуть, не дожив до этой воли, а главное – до этапа в ноябре. Просто тихо умереть во сне, без мучений, чтобы утром косоглазые нашли меня уже холодным...

19.6.16., 5-45

Опять не спал, кажется, с полвторого. Но зато вечером лег практически в девять. Повезло: мразь курточник на сей раз дал мне матрас первому, как только начал раздавать их с этого конца коридора. А раздавать они начали уже с полдевятого, сперва тот конец, потом и этот, так что мне матрас дали очень рано – минут 35, максимум 40 девятого. Ну, а отвратительный кислый

черствый мякиш с обеда – мой единственный ужин в отсутствие магазина – я съел очень быстро, еще до девяти. Спал, значит, за ночь часа четыре. А все эти три с половиной часа, что уже не спал – помимо воли непрерывно прокручивал в голове жуткие кадры прошлых этапов – отсюда и сюда – в ожидании этапа грядущего. :(((Особенно паскудным и унижительным, помню, было – с двумя неподъемными баулами в обеих руках залезать на высокое (несколько ступенек) крыльцо этой проклятой ТПП (пересылки) на 29-й, – баулы тянут назад, когда карабкаешься на ступеньки; потом надо пройти по узенькому, изогнутому углом коридорчику, где те же баулы просто не проходят по ширине его, цепляются за всё и тормозят движение – а мрази стоят и покрикивают на тебя: давай, мол, быстрее!.. Хуже этого, наверное, было только лазить с баулами по лестницам в Кировской тюрьме, и я теперь молюсь (хотя и не знаю, кому): господи, только бы не через Киров!.. 29-й-то не избежать в любом случае, все пути отсюда ведут через нее... А лучше всего, конечно, было бы сдохнуть еще до того, как закажут отсюда на этап. Недаром, видно, написал я вчера письмо Мане, как хотел, – глупое, дурацкое, конечно, письмо – и, повинувшись какому-то импульсу, пришедшему уже по ходу писания, попрощался с ней в этом письме на тот случай, если больше не доведется нам свидеться...

20.9.16., 5-28

Опять всё точно так же. И лёг, по-моему, даже чуть раньше девяти, и не спал вторую половину ночи, а последние часа полтора – даже лежать не мог спокойно, всё ворочался с боку на бок от жутких мыслей о предстоящем. Пытался теоретически решить, например, сложную проблему: как везти с собой палку (трость)? Разобрать пополам (она разборная) и сунуть в сумку? Целиком не влезет, будет торчать. Или нести в руках? Но обе руки заняты баулами, держать в одной руке и ручки баула, и палку – неудобно, уже пробовал на тех, прежних этапах. Или же один баул ПОВЕСИТЬ на правую руку, а в ладонь взять палку? Но баул тяжеленный, будет съезжать, долго не провисит, тоже знаю по долгому опыту... Прежними этапами на большом бауле сверху у меня лежала или телогрейка (детом), или одеяло – и параллельно с ними я клал сверху баула и палку, тогда одеяло или телюга не давали ей падать. Но сейчас одеяла нет, телюга будет на мне, – как быть, непонятно. А без палки лазить по тюремным лестницам будет мне совсем неважно.

Или, скажем, важнейшая, первоочередная задача: как заставить мразей уже с 29-й пересылки и дальше сажать меня только одного в камеры? В общем, уже неделя, с 13-го, как жизнь окончательно превратилась в ад, – ад ожидания еще худшего ада. Ни спать не могу, ни думать о чем-либо, кроме

этого, как только отрываюсь от книги (вчера, слава богу, весь день читал – и день прошел довольно быстро). Так можно сойти с ума еще до всякого этапа, – и, м.б., это было бы и к лучшему, ведь тогда я перестал бы ощущать весь ужас своего положения, как и отсутствие будущего... 1154 дня осталось, сегодня началась 165-я неделя от конца срока.

21.9.16., 15-20

Медленно схожу с ума, хотя – волей-неволей – постепенно и начал уже привыкать к мысли о предстоящем этапе. Днем еще так-сяк (самому смешно: стараюсь создать этакую защиту для собственной психики, – миф о том, что, мол, не только навстречу ужасам буду ехать в столыпине, но и навстречу освобождению, до которого, мол, за рубежом трех последних лет срока будет с каждым новым днем, пусть даже голодным и холодным, оставаться всё меньше...) , но ночью, последние два-три часа перед подъемом, наступает ад. Мой личный, персональный ад, моя комната 101. Почему-то картины 29-й пересылки ярче всего сияют и активнее всего лезут в голову, заслоня даже мысль о неизвестных мне пока ужасах самой тюрьмы.

Днем читаю до изнеможения библиотечные книги, пока они есть. Никаких внешних событий не происходит, поэтому писать остается только о происходящем в душе. Психолог-газовщик что-то не идет – а больше на этой неделе ждать мне абсолютно некого. (Он, впрочем, может неделю-другую и пропустить, уже бывало.) Девятый день без писем, между прочим. И – со вчерашнего дня, и с каждым днем всё сильнее, тешу себя надеждой, что, м.б., те мои письма, от 13-го, когда я только узнал про тюрьму, уже дошли. Хоть станет наконец известна и на воле эта моя жуткая новость, сразившая меня тут наповал. Хотя... кто и что там, на воле, сможет сделать, даже и узнав? Ну опубликуют на «Гранях», и что? Сколько народу их читает?..

Да, каждый день приближает к воле, но я еще успею до нее нахлебаться. Следующий год у меня уже весь расписан: 22 февраля – остается 1000 дней; 2 июня – 900 дней; 18 июля – уже 2/3 срока отсижено; 10 сентября – 800 дней; 19 (?) декабря – 100 недель, 700 дней! Какую-то из этих лучезарных дат я буду встречать, лежа голодный на полу карцера в Магнитогорске (или где там еще)?.. Чуть-чуть легче от мысли, что каждый новый день приближает к освобождению, да; и в эйфории этих ожиданий уже не хочется думать о том, что за освобождением не будет, увы, ничего, что никто не ждет (кроме матери, но это совсем другое), что главным испытанием станет, как и в тот раз и как это бывает всегда, не тюрьма, а воля... Не хочется думать об этом – но за глупую эйфорию, за самообман, вполне ясный и намеренный уже

сейчас, всё равно ведь придется расплачиваться. Это просто поиски какого-то «сна золотого», по Беранже, чтобы хоть куда-то мое истерзанное сознание могло убежать, хоть в какую-то щель забиться от неизбежного этого ужаса, сообщенного мне мразью Чертановым 13-го сентября. Вроде стало на душе чуть полегче в воскресенье, когда написал и отправил за день перед тем задуманное письмо Мане, – но и это самообман, уже переставший действовать. Едва ли я получу хоть на старом, хоть на новом месте от нее ответ – и едва ли я ей вообще еще интересен, судя по ее упорному молчанию. Не знаю даже, видела ли она мой новый украинский сборник в Киеве, была ли 24.8. на Майдане; да и подписанных там 40 открыток так и нет до сих пор...

22.9.16., 17-20

Десять дней нет писем. Психолог-газовщик так и не приходил (на этой неделе – уже всё). На завтрак – овсянка, на ужин – «уха», т.е. – опять поел только в обед. Да и на обед два дня уже вместо серого хлеба дают чернягу, – приходится, преодолевая отвращение, есть ее с бульонным порошком. Опять целый день читал. Внешних событий никаких. Завтра магазин и баня, – и, весьма вероятно, опять не будет ни того, ни другого. Могут опять забыть отвести в баню – и не найтись кому подписать заявление на магазин. Хоть и не могу думать последние девять дней, с 13-го, ни о чем, кроме предстоящего этапа, – но при этом и не могу не заметить, что я порядком-таки оголодал за эти же дни, сидя на одной баланде. Теперь еще морока с тем, что из еды брать с собой на этап: возьмешь больше – тяжело тащить, меньше – нечего жрать...

Мне осталось 1152 дня, 164 с хвостиком недели. Я так и не могу найти ответ на вопрос: ради чего я терплю все эти мучения? Мысль о том, что теперь каждый день приближает к освобождению, гревшая меня хоть слегка еще вчера-позавчера, сегодня уже не греет...

23.9.16., 13-14

В двух мелочах всё же ошибся, – дай бог почаще так ошибаться хотя бы в мелочах! Магазин состоялся, и даже психолог пришел, – это особенно удивительно, по пятницам он раньше точно не ходил! Я же, идиот, настолько расписуховался последние дни из-за грядущей тюрьмы, что утром выкинул пайку черняги, – забыл, дурак, что может быть днем магазин и надо оставить!.. Так-то ничего страшного, только на два бутерброда меньше будет в ужин – а колбаса, соответственно, толще...

Баню только обещают, но не ведут пока что. Зато сейчас вели из «дежурки» от психолога – и навстречу ехал баландер со своей тележкой-говновозкой (как я последнее время стал ее называть. Тарелки он собрал,

обед закончился – а картошки у него в бачке осталось еще довольно прилично! Той самой картошки, которой мне он кладет буквально чуть-чуть, микропорцию, не различимую на дне тарелки простым глазом. М.б., конечно, вертухаям, себе, дневальному он накладывает и после всех, как раз эти остатки, но – как-то сомнительно. Подумал тут: помимо этапа как таскания тяжелых баулов, проблема тюрьмы)да и вообще любого заключения) распадается для меня на две: отсутствие соседей и наличие еды (помимо баланды). Если я один и есть еда – остальное мне в принципе не так уж страшно (из этого остального самое чувствительное – отсутствие вестей с воли, долго идущие и несомые мне письма, уж про телефон я вообще не говорю)...

24.9.16., 5-36

Новая беда! Сейчас в подъем какой-то из приходящих сюда на подъем/отбой «мусоров» полез переключать мне свет – и оказалось, что лампа на потолке работает!.. Тогда, через две недели после 24 августа, как ее вкрутили, она в подъем же и погасла сама по себе, – а сейчас вот, сука, ожила! Хорошо еще, этого вертухая как-то упробил вернуть всё обратно, – погасить ее и оставить ночник. Не дай бог, ее начнут опять включать каждый день, если широко узнают, что она работает, – тогда вся история месячной давности повторится опять: как только понадобится кому-нибудь лампа – у меня заберут ночниковую, потом опять на ее место поставят крохотную, а верхняя вскоре опять сдохнет (временно или уж навсегда) – и я снова останусь при крохотном ночнике, при котором нельзя читать. Хотя мне осталось тут и недолго уже – тем не менее, намучиться и нахлебаться горя со светом я еще вполне могу успеть... :((

Как, кстати, хлебаю его и с их поганой, прогнившей насквозь сантехникой. Вчера, не знаю уж, с чего, всю раскочегарилось отопление, батарея вместо чуть теплой стала реально горячей. А с горячим краном в бане – не знаю уж, что произошло, сломался он или нет, но – еще днем я слышал, как какой-то старый блатной хрыч орал, выйдя из бани, что там слишком жарко и надо, мол, что-то сделать. Повели меня, конечно, последним, в начале восьмого уже. Захожу – горячий кран в 20 слоев замотан какими-то веревками, оторванными от мочалок, зафиксирован так, что его нельзя открыть – и течет, естественно, только холодная вода. При этом горячая просачивается через сам вентиль этот замотанный. Пришлось стучать в дверь, звать Шрека, он позвал дневального, но тот вместо того, чтобы взять ножницы и обрезать все эти веревки, просто выключил мне холодную воду – осталось чуть-чуть горячей, которая всё же начала течь благодаря моим попыткам освободить горячий кран (еще до

прихода дневального). Мол, добавишь себе холодной – и всё. Что ж, я добавил, конечно. Но уже вскоре она перестала чувствоваться: пошел один сплошной кипяток, а через вентиль горячего крана он начал хлестать вообще фонтаном!! В результате, разумеется, в бане стало душно, как в парилке, я еле домылся. В общем, скотские условия, на что ни взгляни. Проклятая страна, в которой казенное – и при этом не скотское, не оскорбительно-безразличное отношение бывает – даже в смысле самого элементарного быта – разве что к иностранцам...

7-30

Завхоз, кстати, как вчера выяснилось, тут всё тот же – мой бывший (в 2014) сосед за стеной, в 5-й камере. Этот ублюдок не пишет, по-моему, в список и половины того, что реально ест в ларьке. Один раз заменял его кто-то другой – последний раз перед двумя неделями отпуска продавщицы – и написал в списке гораздо больше, в том числе – лапшу б/п. Тогда я еще не знал, что предстоит этап; и вот только обнадежился, что сейчас куплю в дорогу лапши – опять этот хмырь, опять куцый списочек... А говорить с ним, спрашивать о чем-то – бесполезно (да я и брезгую): он скажет, что никакой лапши нет – и поди опровергни, сидя в камере... Сколько-то лапши б/п у меня в бауле еще осталось с прошлого этапа, – по крайней мере, полтора суток до Перми я с голоду не помру, но – что потом? Ведь и дальше придется ехать, да и на самой пересылке тоже хоть раз в день, перед сном, очень желательно чего-то поесть, кроме баланды.

Несчастья накатывают волнами, сменяясь, одно за другим. То с лампочкой. То с голодом, когда закрывается магазин. То с этапом и тремя годами тюрьмы (это, конечно, беда пострашнее, чем все прочие). То вот опять с лампочкой... Нет им числа и конца – этим несчастьям, бытовым, абсолютно ничтожным и непонятым с точки зрения стороннего наблюдателя, вольного человека, отделенного от меня тысячами километров, а тем паче – годами (скажем, читающего этот дневник лет через 20-30). Ничтожные эковские бытовые несчастья, понятные только самому эку, острые и мучительные только для него одного... Какой это ад – когда от тебя ровно ничего не зависит, ни освещенность в твоём помещении, ни твоё меню, ни то, тепло тебе или холодно, ни то, сможешь ли ты хоть раз в неделю помыться, или нет, и – нормально, комфортно помыться, или же безобразно, под только кипятком или только холодной водой, – какой ад эта жизнь в русской тюрьме, в абсолютно скотских ее бытовых условиях, до какой степени наплевать здесь всем на тебя, на твой комфорт, на твои потребности, – о, этого не понять тому, кто не был здесь сам и не прочувствовал это сполна на себе!.. И не греет, увы, не греет меня

эта мысль, – что вот уже всего 1150 дней осталось, и с каждым днем всё меньше, и скоро перевалит за три года, будет уже не «три и два», а «два и 11 с половиной», скажем, – не греет, увы. Когда жрать нечего, или адски холодно, или вокруг лютое, бессмысленное быдло, или же всё это вместе, – то и два месяца тут покажутся адом, а не то что два года...

А что же дальше? Ну, допустим, я силой заставлю себя радоваться и надеяться, считая каждое утро оставшиеся дни, – опять на один меньше. А потом-то что?! Ну да, еда будет получше, интернет, право в любое время выйти из дома и идти/ехать куда хочешь. Но, увы, «нет в жизни большего разочарования, чем освобождение из тюрьмы». Я уеду за границу, чтобы опять не посадили, – но и за границей, как и здесь, не ведется никем никакой настоящей войны со всей этой мразью, с Мордором. Не считать же войной деятельность Ходорковского по поддержке кандидатов на здешних «выборах» и помощи деньгами семьям политзэков. Уже освободившихся и уехавших там тоже немало – но никто из них, как я понимаю, устраивать настоящую, свою собственную (коллективную, конечно) войну с Мордором не хочет, а если и хотели бы – всё равно бы не смогли. Я хочу отомстить этому проклятому государству РФ, в идеале – уничтожить его совсем, расквитаться с ним за то, что оно сломало мою жизнь, – но не смогу, не расквитаюсь, ничего этого не сбудется. Даже трибуну для себя круче собственного фейсбука едва ли найду. То бишь – все вот эти мои тюремные мучения – зря, за них не будет никакой награды, никакой компенсации, нет ни малейшей надежды ни на что хорошее (кроме мелких бытовых радостей) и после освобождения... :(((

Сегодня суббота. Писем нет вот уже 12 дней.

25.9.16., 6-04

Забавно получилось сейчас с подъемом. :) Видимо, подвела привычка пропускать меня, раздавая матрасы вечером. Вечером-то он лежит под дверью, его видно; а сейчас – они пропустили меня при подъеме, да и забыли обо мне вообще! :) Подняли всех прочих, ушли в свою «дежурку», брякнули там ключи на стол... Я встал сам, начал делать всё, что обычно делаю утром, думал уж – так и не заберут сегодня матрас... Но нет: прибежал сейчас один из них, дебил, уже без десяти шесть, забрал. То ли из штаба ему позвонили, куда выведена от меня видекамера, то ли дневальный сказал, что моего матраса нет... Так что – опыт доказал, что нет никакого автоматизма в их работе, да и плевать им на всё: за неполный год дважды забывали водить меня в баню, сейчас вот – про подъем... Про матрас вечером помнят только потому, что его видят; а про баланду – ну, тут скорее баландера заслуга, а весь автоматизм – что дают ее по номерам камер, по

порядку их. Впрочем, как-то было и такое, что тарелку после еды у меня забыли забрать.

А вообще – это ад, конечно, сущий АД, – этот последний час (как сегодня), два, три перед подъемом. Сегодня 12 дней, как сказали про перевод на тюрьму, – и я уже совершенно измотан, измочален, близок к безумию, к помешательству от ожидания ждущих впереди ужасов и бедствий. Яснее всего я представляю их себе именно вот в эти часы перед подъемом, когда от страха и тоски настолько некуда деться, – хочется выть, орать, в безумном исступлении яростно биться башкой об стену... Чисто бытовые ужасы, – сидеть с уголовниками, во всех бытовых мелочах зависеть от них, выслушивать их тупые нравоучения... Всё это испытано уже тем сроком, – и лучше умереть, чем опять в это попасть... Потом, после подъема, днем уже, к вечеру, – чуть притупляется этот ужас, эта паника, приходят какие-то глупые мысли о том, что всё проходит, что и эти мучения, этот срок – не навсегда, поеду – и меньше трех лет уже останется, и меньше 1000 дней уже весной; и о том еще, что всё же 45 лет – это еще не старость, еще что-то могу успеть, и потенциал кое-какой еще сохранился, и я готов использовать любые возможности, любые предложения, которые – особенно с помощью Натальи Г. – могут всё же после освобождения появиться... Я знаю точно, что ничего этого не будет, ничего не появится, всё это самообман, гоню эти нелепые надежды прочь, – но всё равно полностью, до самого конца, не могу от них избавиться (*dum spiro spero*, да). Всё это чуть-чуть заглушает ужас от предстоящих этапа, тюрьмы и трех лет карцеров в ней, но ночь, утро – это АД...

26.9.16., 5-15

Опять не спал с полвторого ночи (даже с 20-ти минут, точнее) до самого подъема, – считай, полночи. А косоглазая смена, ублюдки, поднимает ровно в 5-10. М.б., заснул бы еще, если б дали лежать до семи, скажем, часов, – так нередко бывало дома, что засыпал я только уже под утро...

Но это АД, подлинный АД, который невозможно рассказать тому, кто не ощутил его сам, лично, – ад моих тоскливых мыслей и жутких предчувствий в эти глухие ночные часы!.. Как же я поеду, господи, как поволоку баулы с вещами!.. Если посадят с быдлом, хотя бы на той же 29-й ТПП – а не в Москву еду, просидеть там можно долго, знаю по опыту, – то ни пожрать, стол вечно занят их играми, ни поспать, – наверняка понадобятся беруши, но от их ночного галдежа и беруши мало помогают... Тоска, невыносимая, давящая, удушающая тоска – и никакой опоры, никакого утешения, никого и ничего, к чему можно было бы прилепиться душой... Как так вышло, что вот дожил я до 42-х лет – и нет у меня в жизни

абсолютно никого, ни одного близкого человека?!. Правда, теперь я обычно добавляю, что мне никто и не нужен, но... Никого нет, абсолютно никого, о ком думая, чьи письма перечитывая, я мог бы хоть насколько-то утешиться и приободриться. Мать, конечно, не в счет, – она не понимает мою душу совершенно, как не понимала ее никогда и раньше (ей главное – тело, а не душа), и любовь ее носит сугубо эгоистический характер. Лена Маглеванная так, похоже, и не ответила на мои летние письма, и личные, и деловые (впрочем, м.б., и ответила, не знаю: сегодня ровно две недели, как нет писем. Лена, Маня, Вера, Наталья, Глеб, Феликс... Кому из них я нужен именно как я, как живой, конкретный человек из плоти и крови, а не только символ свободы слова и противостояния Системе? Увы, боюсь, что никому. Утром как-то полегче, чуть-чуть совсем, но всё же полегче становится на душе, но этот ад тоскливых мыслей, одиночества и ужасных предчувствий будущего посреди ночной тишины и бессонницы, – о, как его описать?!

В «Новой» на днях был репортаж: все-таки открыли в Москве движение по Малому ж/д кольцу, давно собирались – и вот открыли! Одна из обозревательниц «Новой» проехала по нему, описала впечатления. Нашу линию метро это кольцо пересекает возле метро «Владыкино», теперь там, наверное, сделали переход. Я-то это кольцо и его пересечение знаю с тех пор, как 10 декабря 1992 г. меня носило от «Владыкино» по этому самому кольцу на восток – до самой Белокаменной, точнее, до одноименного шоссе, которое я как-то выискал на карте Москвы – и мне загорелось увидеть его живьем. Молодой и глупый был, в мае 1992 впервые не на автобусе, а пешком дошел от станции Лианозово до дома, убедился, что могу легко проходить большие расстояния – и понеслось! Волна моих пеших путешествий по Москве первой половины 90-х, – кольцо ж/д, речки, МКАД, шоссе... Но не к тому я вспомнил всё это: вспоминается опять покойная бабушка, умершая еще раньше, в ноябре 1988. Я прочел в газете, что пустили по малому ж/д кольцу поезда, но проехаться в таком поезде самому, скорее всего, мне уже не придется: если и доживу до воли, то – надзор, сразу на нелегальное положение, розыск, быстрее бы свалить из этой проклятой страны – и уже вряд ли будет шанс вернуться. А покойная бабушка умерла в 1988-м – и даже не узнала, что в 1994-м у нас в Бибиреве открыли метро; и про этот новый поезд по малому кольцу тоже не узнала; и про то, что в нулевые от «Тимирязевской» до ВДНХ пустили этот поезд над улицей – никак не могу вспомнить его названия! При ее жизни-то даже у Савеловского вокзала еще не было метро, его открыли, по-моему, лишь в 1989-м. Глупо, странно, нелепо – но это, пожалуй, мучает меня сильнее всего (в смысле глобальном, а не как близящийся этап): я сдохну – и тоже не

узнаю, что будет в Москве ли, в мире ли в 2080-м году, в 2100-м... Обиднее этого нет ничего, – умереть и не узнать...

18-12

Итак – писем действительно нет уже ровно 14 дней. Их просто не несут... Но – если честно, я и не очень хочу получить эти письма сейчас, на этой неделе (сегодня понедельник). Потому что это будут письма людей, еще ничего не знающих о моей самой главной и трагической новости от 13 сентября. Мрази Безукладникова нет, его трубный голосочек не слышен в коридоре, а значит – письма мне нести некому. Не знаю уж, где это чмо, – м.б., опять в отпуске? Но, думаю, не раньше следующего понедельника успеют прийти уже письма-ответы на те мои четыре, отправленные 13-го, когда я узнал о тюрьме. Хотя бы от матери, как минимум, – больше-то никто (ни Глеб, ни Рома, ни Корб, ни Мкртчян) не напишут, тем паче так быстро. Что ж, подождем... А главной интригой теперь стало для меня – приедут ли Вера с Феликсом 5-го октября, как обещали, или позже, и приедут ли они вообще...

27.9.16., 13-07

Вот и принесли поганую бумажку из Чусовского «суда». (А я-то инстинктивно ждал ее вчера, в понедельник, – и радовался, что не несут!..) «Суд» назначен на 17-е октября, понедельник, в 10 утра (время очень неудобное из-за шмона здесь). Насчет исхода этого «суда» не может быть ни малейших сомнений. Значит, после 17-го – еще месяц, от силы полтора на обжалование, – и в конце ноября или начале декабря меня увезут отсюда. Повезут навстречу бесконечным карцерам, голоду, холоду и наглой муштре уголовников...

Теперь вся надежда – на то, что Вера и Феликс всё же приедут 5-го, в срок, как обещали; а Глеб и Рома, раз уж придется им переться в Чусовой, в течение дня после «суда» заедут и ко мне. Обе эти надежды – из серии «перед смертью не надышишься». Никто не сможет ничего ни предотвратить, ни изменить, и ребята на новое место ко мне уж точно не смогут ездить чаще, чем на старое. Просто для того, чтобы излить им душу, рассказать хотя бы бледно, приблизительно, какой ужас я испытываю перед этим будущим, я буду ждать и тех, и других. Бледно и очень приблизительно – потому что полностью описать это чувство словами я просто не могу. Как описать словами ощущение, что вся душа сжимается от тоскливого ужаса, от предчувствия страшного – и такого, как уже было со мной за последние десять лет, и такого, какого еще не было, но может быть...

Отберут в тюрьме часы – это первая беда, но уж ее-то не избежать. (Днем может быть еще радио, и то не факт, но ночью без часов – беда!) Нитки и

иголки тоже едва ли легально пропустят в камеру – а без них носки и прочая одежда сносится гораздо быстрее, если начало рваться – и нечем вовремя зашить. Собственно, о чем я говорю? Будет ад, настоящий ад! – особенно если все-таки посадят вместе с уголовниками!.. И что теперь делать с подпиской, тоже неизвестно, – выписывать прессу на новое место. а адрес неведомо когда еще станет известен... В общем, как я и предполагал, не дали суки мне досидеть срок на одном месте, решили-таки избавиться здесь от меня любой ценой... Как и всегда – я люто ненавижу их и думаю лишь о том, как же все-таки отомстить всей этой мрази, всему этому проклятому государству за все мучения, за мою (и не только мою) поломанную жизнь? Убивать, убивать, убивать их всех, без разбора, всех, кто носит форму и погоны, а их проклятые города – бомбить, взрывать, заливать с воздуха напалмом и ядовитыми газами!!! Другого способа нет.

18-14

Итак – писем нет вот уже 15 дней, с 12-го, хотя, вручая мне сегодня бумажонку из «суда», мразь Безукладников и ответил на мой вопрос, что, мол, письма принесет. Газету/журнала давно нет тоже.

28.9.16., 5-29

И вот опять случилось то, чего я боялся. Сейчас какие-то новые молодые мрази, пришедшие на подъем, взяли, да и зажгли мне верхний свет, а ночник погасили. Пробовал просить, чтобы выключили верхний, – куда там!.. Только попусту унижаться. Теперь вечером придется просить следующую смену, чтобы выключили – и она завтра утром, зная, что в камере у меня есть верхний свет, сознательно его включит, – и так и пойдет каждый день. И как только куда-нибудь понадобится лампочка – у меня опять выкрутят ночник, как было в августе, опять на его место поставят крохотный... Выход – только если проклятая верхняя лампа опять сдохнет до того, как заберут нынешнюю ночниковую. Впрочем, теперь уже и эта проблема меня не так волнует, как летом: осталось мне сидеть здесь от силы месяца два, а потом – на этап...

Спал опять плохо, около двух проснулся второй раз – и думал, что больше уже не засну. Но потом все-таки задремал еще ненадолго, судя по тому, что снилось что-то. Пересказывать сон не берусь, но мотив знакомый, такие сны у меня бывали и тем сроком еще: во время срока я вдруг, неведомо как, оказываюсь на воле, и мучительно, в панике, обдумываю и прикидываю варианты: каким бы путем сбежать, вместо возвращения в тюрьму, где меня ждут...

В общем-то, я писал об этом уже вчера, да и каждый день пишу, и зачем, казалось бы, тратить бумагу; но я не могу удержаться: такое смятение,

такой ужас я испытываю перед предстоящим этапом, настолько мне сейчас тошно и плохо на душе, – я с удовольствием умер бы, отказался бы от любого будущего (которого, тем более, у меня все равно нет), если б можно было умереть, просто того захотев, просто отказавшись жить, выключив свою жизнь нажатием кнопки, как телевизор. Увы, на то, чтобы повеситься (да еще ведь перед тем надо затащить в камеру то, на чем можно повеситься) или вскрыть себе вены, у меня позорно не хватает мужества... Мне предстоит ад – и я не хочу дожить до него...

6-58

Все ноги опять искусаны клопами. То вроде исчезает эта нечисть, то опять, – волнами... Радио по-прежнему нет, вот уже почти два месяца, и о нем никто даже не вспоминает.

19-00

Итак – 16 полных дней без писем!! И ни журнала, ни газет, ничего... Написал матери письмо сам, – но его из-за жесткости изложенных в нем мыслей не факт, что пропустят. Вообще, сегодня был жуткий, отвратительный, проклятый день, всё сошлось вместе, одно к одному: и грядущий этап, и включенный с утра свет, и вот это отсутствие писем... Такая ярость, такая лютая ненависть душила меня весь день, кипела и клокотала в крови, – своими руками сжег бы, перестрелял, перерезал всю эту мразь, в погонах и без, напалмом горящим залил бы их Чусовой, Пермь, Москву и всё их проклятое государство!..

В пшенку теперь мрази кладут морковку, идиоты! А то – и суп всё лето без морковки был...

29.9.16., 5-43

Беда, беда... Откуда не ждал... Точнее – ждал, догадывался, но – не придавал значения... Сейчас пришли с подъемом – и слышу, за дверью слово «последний» или «последним», – ага, меня оставили напоследок, как часто бывало. Открывается дверь – стоят аж целых три хари, не из смены, конечно, а с лагеря. Один заранее включил регистратор – и понеслось: где доклад? Где бирка? (А я даже не в робе, а в свитере, и они даже не потребовали эту робу одеть). Объяснение будете писать? В общем, точно то самое, что я и думал: к «суду» 17-го – дать новые 15 суток, а то у меня что-то долго их уже их нет, с апреля! Ясно, что навесят или завтра, или – скорее – в понедельник. Беда в том, что на той неделе в среду должны приехать Вера и Феликс с передачей и их не пустят, т.к. у меня 15 суток! Что теперь делать – неизвестно, и предупредить я уже никого не успею... Беда, просто настоящая беда, – проезды зря, я из уже и не увижу; а когда отдадут после 15 суток передачу – не успею ее съесть, и большую часть этих 20 кг. придется

тащить с собой на этап...

7-12

Как страшно разошлись у меня нервы за эти десять лет, как они истрепаны, как сам я измотан и измочален!.. Весь день еще впереди – но я не уверен, что смогу заснуть этой ночью. Нервы взвинчены этим утренним происшествием, этой подлой провокацией мразей настолько, – в пору биться головой об стену, ничем другим это нервное напряжение не снять... М-да, удар тяжел!.. Не только опять не жрать две недели, но и – сорвется свиданка, вот что самое отвратительное. Такого еще ни разу не бывало; два раза – в сентябре 2014 и в апреле этого года – всё висело на волоске, но всё же беды удавалось избежать. А тут... Проезды зря – и когда они после этого смогут приехать снова? Увы, точно обговорить число, как я с лета еще обговаривал со всеми это 5-е октября, уже не получится. Разве что Глеб 17-го уже будет, – если, конечно, приедет сам Глеб... Суки, мрази, выродки е...чие, будьте вы все прокляты!.. За что, за что я страдаю?! За слова, за мысли, за высказанное мнение?! Так надо сжечь дотла эту проклятую страну, где такое практикуется, сжечь ядерным огнем на веки вечные!.. Ублюдки... Я никак не могу успокоиться, просто с ума схожу от обиды, растерянности и бессилия. Написал срочно два коротких письма – Эделеву и Корбу – с рассказом о случившемся, чтобы – главное! – попросили Веру и Феликса приехать еще раз, причем как можно скорее; и чтобы Глеб и Рома 17-го сами непременно заехали ко мне. Отдал эти письма в завтрак, т.е. – скорее всего, сейчас, в девять утра, их заберет цензорша. Но это абсолютно не значит, что они успеют дойти до 5-го числа, тем паче – из Москвы Вера с Феликсом, скорее всего, выехать будут еще 3-го вечером, как раз когда мне уже выпишут эти 15 суток. Суки, грязные е...ные мрази, выродки, падлы!.. Сорвать свиданку!.. Шок, отчаяние, ситуация полного бессилия, хоть бейся об стену башкой... 1145 дней еще, 3 года и 1,5 мес. Не дождусь, наверное, этого конца срока, да и – зачем? Всё равно там, за ним – пустота... А сегодня предстоит уже 17-й день без писем...

Если Вера и Феликс оставят передачу здесь 5-го – когда еще мне ее отдадут. Могут держать сколько им вздумается. Конечно, на этапе жратва не помешает, это ясно, но – не 20 же кг тащить. А когда отдадут, и сколько займет обжалование – хрен его знает, успею ли я съесть за это время консервы, если они в передаче будут, – ведь именно железные эти банки весят больше всего... А одна из этих трех сегодняшних мразей приходила и вчера на отбой, но – почему-то ни про «доклад», ни про бирку не сказала ни слова. Не могли же им это задание против меня дать только сегодня ночью?.. Был, короче, один бурный период (с моей голодовкой) – с 18

февраля по 18 апреля, два месяца; потом спокойное лето, и вот сейчас – с 24 августа и, видимо, до конца ноября (или когда там меня увезут).

30.9.16., 13-20

Мразь Безукладников таки отдал вчера мне письма – как раз во время визита ко мне психолога-газовщика, перед началом беседы с ним, в кабинете. Четыре от матери, четыре от Землинского, от Йонатана (фотки), от Володимеровой из Голландии и еще от пары недавних знакомых, женщин, менее для меня значительных. Ни одного письма от Майсурия (142-е так и не отдал!), абсолютно ничего – от Маглеванной. Последнее ее – короткое – письмо ко мне было от 4 августа. И вдруг – сначала не дошло даже, но потом сообразил – оказалось, что из последней порции моих стихов, к ней попавших, Маглеванная повесила в блог только те, что помягче, а пять самых острых, в том числе и посвященное Мане, – проигнорировала! И тут же мать в одном из писем – со слов самой Маглеванной, конечно – пишет, что, мол, Лена «боится тебе повредить»! Ага! Значит, все сказки с апреля о том, что ей некогда набить и повесить мои материалы, были враньем – а просто она вполне сознательно этого не делает, чтобы «не повредить мне»!

И это та Маглеванная, которой я доверял безгранично, как самому себе, на которую чуть ли не единственную так полагался весь этот срок! Ах ты,!.. [Впоследствии, насколько я помню, эти подозрения все-таки не подтвердились. – прим. 2020 г.] Я сделал это открытие, уже окончательно проснувшись где-то после трех ночи, лежа на нарах. Припомнил два отсутствующих стиха, встал, проверил по своей тетради – их оказалось пять! От ярости я уже не мог не только спать, но даже и лежать, – встал в четыре, сел за стол, написал ей резкое письмо о том, что если она эти стихи не повесит, мы с ней поссоримся на всю жизнь, ибо такие попытки меня «спасать», от кого бы они ни исходили, я неизменно считаю подлостью и предательством. Дал ей шанс, короче, – но, видимо, на Маглеванной уже можно ставить крест. Хуже всего то, что заменить ее нечем, с Маней вообще теперь нет связи, больше и просить некого, пароли ни от блога, ни от сайта я не помню, а и помнил бы – как их отсюда переслать, не через цензуру же! Полная немота на все эти оставшиеся три года, кляп, заботливо вставленный «друзьями», на которых ни в чем нельзя положиться!..

Психолог-газовщик сказал вчера одну очень важную вещь. По его словам, он спрашивал обо мне того жирного опера, который в августе 2015 встречал меня здесь с этапа [Руслан Пьянков. - прим. 2020 г.], – и тот сообщил ему, что на тюрьму меня увезут в Соликамск, на «Белый лебедь»! То-то он еще в тот раз (газовщик, в смысле), в ту пятницу так уверенно говорил, что, мол,

далеко не повезут. Правда, здешний прокурор по надзору в мае четко сказал мне, что на «Белый лебедь» сейчас не возят, тюрьмы там нет, а только лагерь для п/ж; на тюрьму же возят на Челябинск (Магнитогорск?). Конечно, жирному оперу верить так сразу и безоговорочно я опасаясь, он мог запустить эту дезу сознательно, для проверки газовщика, например. Тут уж что Челябинск, что Соликамск – неизвестно еще, где хуже; на «БЛ», как я тут слышу с 2014, теперь, по крайней мере, не бьют. Мне это было бы лучше главным образом в смысле этапа – Соликамск тут почти рядом, до конца на столыпине поездом Екб-Соликамск. М.б., даже (о счастье!) не придется ехать на 29-ю; да и ребятам в Соликамск тем же самым поездом удобно будет ко мне мотаться. Новость неплохая, если только не деза, – хотя, конечно, сгноить, замордовать по карцерам, заморить голодом/холодом вполне могут и на «Белом лебеде», слава у него соответствующая с давних пор.

И вот опять всё сошлось, как какой-то злобный пазл судьбы: скорый этап, накрывшееся свидание с Верой, предательство Лены... Жуткий день был вчера до прихода газовщика, жуткий он и сегодня с утра. Сижу, жду, будут «крестины» в понедельник или уже сегодня, через час-два? Дернут меня на них или не дернут? На этот-то раз дернут, без сомнения, – но я не пойду! Да еще – вместо положенной вчера косоглазой смены дежурила какая-то абсолютно незнакомая, – и газовщик сказал, что это, оказывается, в порядке «обмена опытом» сюда привезли дежурить «мусоров» с какой-то другой зоны (с 35-й? Других-то пока тут нет, 37-ю вроде развезли). А этих (косоглазых), видимо, туда. :))) Что ж, отлично; хоть в малом повезло: эта чужая смена сегодня повела меня в баню первым, с самого утра!..

Прежний завхоз, видимо, освободился (говорили, что должен уже), теперь за едой в магазин должен идти баландер. В обед он мне сообщил, что еще не ходил, после обеда пойдет. Что ж, сижу, жду сейчас вот. В этом разговоре через «кормушку» я ему шутейным тоном сказал, что, мол, если бы он еще и второго клал бы побольше, цены бы ему не было. :) К моему удивлению, он тут же, без разговоров, наложил мне картошки вдвое против обычного, 2/3 миски, не стал скулить, что кому-то, мол, не хватит из-за меня. Т.е. – может, легко и свободно может класть больше, не такие микропорции, как кладет обычно, если только захочет...

18-37

Итак – магазина не было, а «комиссия» все-таки была! :))) Я на нее не пошел, мразь Безукладников записал мой отказ на видеокамеру, потом принес мне «решение»: 15 суток. Что и требовалось доказать! :))) Итак: свиданка сорвана, жрать нечего до 21 октября (если только, как кончатся 15-го эти 15 суток, мне не отдадут быстро передачу, оставленную здесь Верой).

Всё идет по плану, короче!.. :))) 1144 дня этого маразма осталось...

19-01

Сейчас в ужин баландер объяснил: заявление ему подписал опер, он ходил в магазин в два часа (сразу, как там кончается обед), потом в три часа – никого не было! А я-то думал, что он сунулся к мрази Безукладникову – и тот ему не подписал, т.к. знал, что вечером у меня уже будет ШИЗО. То бишь – если б не проклятое разгильдяйство магазина, то первую неделю этого ШИЗО я мог бы сидеть вполне себе с едой, нормально ужинать...

В качестве маленькой компенсации – сейчас впервые с августа 2014 (по крайней мере, при мне) на ужин была «уха»... из кильки в томате!... :))) Ну, слава богу, ее хоть можно есть, в ней нет костей! (Хотя, по совести, рыбы, крупы и картошки там тоже почти нет, в основном вода.)

Магазин пролетел, свиданка пролетела... да и жизнь пролетела, если быть честным с собой. Скоро ехать в новый ад... Все эти испытания – куда они и зачем? Не говорю «за что?», но зачем? Что лепит из меня судьба, и что вылепит в итоге? Не знаю, что, но уверен, что, когда это определится, я уже буду слишком стар и немощен, чтобы вкусить какие-либо удовольствия в виде плодов богатого и хорошо усвоенного жизненного опыта. Будет уже поздно... :((

ОКТАБРЬ 2016

2.10.16., 5-30

Лег вчера в самом начале десятого – и опять не спал уже с двух часов. Боже, какой ад творится у меня в душе в эти глухие бессонные ночные часы!.. Как сжимается она, душа, от тоскливого ужаса перед ближайшим будущим!.. Посадят ли на тюрьме одного или с быдлом? И куда всё-таки зашлют, – Соликамск, Магнитогорск. Владимир, Елец, Красноярск? Приедут ли ребята ко мне 17-го после «суда» или нет? Оставят ли Вера с Феликсом здесь передачу после отъезда с так и не полученной свиданки? И как мне узнать о ней, как эту передачу выцарапать, если ее всё же оставят?.. А тут еще предательство Лены (со стихами) и, похоже, до сих пор так и не состоявшееся – и вряд ли уже будет! – 2-е издание украинского сборника... В общем, тупик, абсолютный жизненный тупик, без малейшей надежды на лучшее. Ситуация, когда лучше умереть, чем так жить. Мучительная мысль о том, как же я буду в тюрьме три года без часов, буду каждую ночь просыпаться в 11-12 – и до шести утра (или там тоже в пять?) ждать подъема без сна... Особенно же жжет, печет, надсаживает душу вот эта сорвавшаяся свиданка, – как ни крути, всё-таки это первый раз за два срока, за почти девять лет, чтобы намеченная заранее (с лета еще, за четыре месяца минимум) свиданка не состоялась. От тоски и досады хочется биться об стену головой...

3.10.16., 18-30

Газеты и журнала так и нет, уже за полные две недели, сегодня началась третья. Если ее не считать – шесть газет и два журнала уже должны мне, суки! Опять принесут целую пачку, будет завал на трое суток сплошного чтения, как в июне, когда со 2 по 23-е июня не носили...

Зато после обеда жирный опер (тот самый, что говорил про Соликамск) принес вдруг открытку от Горильской, из Франции, к моему д/р. Суки, мрази, ублюдки: на ней всевятский штемпель от 14.9., а отдали только сегодня! Видно, валялась где-то, раз даже в последнюю пачку писем, отданную мразью Безукладниковым, она не попала.

Всё ближе «суд» (две недели осталось), а потом отъезд!.. Голодаю – и дико радуюсь тарелке баланды, если она оказывается съедобной... Понимаю, что это унижительно, что нельзя так низко падать, что дух должен быть сильнее плоти; но – ничего не могу с собой поделать...

4.10.16., 5-30

Невозможно даже описать всю ярость, боль, отчаяние и тоску при мысли о сорванной свиданке. Уже завтра... Я так ждал этого дня!.. Я ждал его

полгода, наметив заранее, договорившись и с Верой, и с Феликсом, и с матерью... И вот эти суки подгадали со своим «судом и со своей свеженькой «пятнашкой» к нему именно так, что отняли у меня самое дорогое, что у меня было, чего я ждал... О, может ли хоть какая-нибудь кара за это показаться чрезмерной?! Будьте вы все прокляты, мрази!.. Последние ночи вся моя бессонница была пропитана болью скорее по этой сорванной свиданке, чем даже по скорому этапу и предстоящим трем годам АДА... Что же мне остается сейчас, что останется по дороге и в самом этом аду? Лишь смутные, призрачные надежды на то, что каждый день в нем все-таки приближает и волю (если только не решат под конец раскрутить еще на один срок) и что на этой воле, м.б., будет и что-то хорошее. Последняя надежда – самая призрачная: ну да, в бытовом смысле, наверное, что-то хорошее будет, – например, вместо того, чтобы каждый день ужинать кислым мякишем с обеда, можно будет хоть иногда ходить в Макдоналдс. Быт – да; но главное, смысл жизни, возможность наконец стать хоть КЕМ-ТО в этой жизни – увы, нет. Потому что жизнь моя уже прошла...

6-30

Вторник. У ШИЗО – баня. Начали с 4-й камеры, моя – 3-я. Меня, очевидно, не поведут вообще, – ну да, вертухаи даже и не знают, что у меня тоже ШИЗО. Зато вот если понадобится не пропустить ко мне в камеру продукты – из магазина или, допустим, передачи, – о, вот тут они будут отлично знать, что у меня – ШИЗО и что продукты мне – низ-з-зя!.. :))) Да и в пятницу, день бани ЕПКТ, тогдашние вертухаи тоже будут откуда-то прекрасно знать, что у меня ШИЗО и что в ЕПКТ-шный день меня вести в баню не надо. Что ж, день велик, он только начался, – посмотрим...

На завтрак – я опять точно угадал, заранее, еще не видя! – овсянка и черняга. Пришлось обойтись чуть теплым чаем – и всё, больше ничего нет до самого обеда, пять с лишним часов...

10-25

Вспомнили все-таки, суки, повели меня в баню уже после «четверки». Дык новый сюрприз: опять нет тазиков для стирки! Мол, «суточникам» (ШИЗО) тазики вообще не положены (ну да, зачем им стираться, пусть так ходят все две недели!..), плюс – оказывается, со слов урода-дневального, сегодня баня и в СУСе на втором этаже (а я-то думал, что она у них в выходные, как и в 132-й) – и тазики забрали туда, в СУС-овскую баню. Суки, мрази, вечно у них в этой проклятой стране всё шиворот-навыворот, никогда ничего не бывает нормально, по-человечески!.. Что ж, постирал трусы и носки кое-как вручную (с прошлого августа, с Москвы, не приходилось). Сижу, тоскую о сорванной свиданке, о прошедшей зря

жизни...

18-30

Газету/журнал так и не принесли, уже 13-й день, должны быть семь газет и два журнала.

Лена Маглеванная подсурипила так, что теперь нет и смысла писать стихи. Единственная отрада была...

5.10.16., 15-10

Ну что ж. Свиданки нет. Иного я и не ждал. Чудес не бывает... То ли приехали – и их не пустили (99%), то ли узнали заранее – и не поехали (1%).

Тоска дикая, невыносимая, убийственная. Не могу читать, не могу ни о чем думать, а ходить – нет сил... Жизнь прошла... Уже десять лет я мучаюсь этим вопросом: почему всё так вышло? – но только десять лет назад еще не было этого ощущения абсолютного тупика впереди, были надежды... Жизнь прошла, и не к чему стремиться, и не для чего жить, впереди – одни мучения, невезуха, одно сплошное дерьмо... 1139 дней неволи еще, а потом – тупик... Размышляю, – увы, едва ли теперь Вера и Феликс еще раз так быстро соберутся приехать, могут и не застать меня уже здесь, – у всех ведь свои дела... Тоскливо до безумия, до того, что хочется умереть прямо сейчас. О, если бы я мог хоть башку себе разбить об стену – но так, чтобы быстро и точно уж насмерть!..

17-10

Башкой – об стену! Башкой – об стену!.. Жаль, пока что не насмерть, – не хватает духа... :(На этот раз – передом, той частью, что повыше лба слегка нагнув голову. Увы, не помогает и это. Не помогает избыть тоску, смертную неотвязную тоску, хоть как-то справиться с ней... Этот дневник вообще, видимо, мало кому будет интересен: в отличие от буреполомского, он – в основном о моих внутренних переживаниях, а не о внешних событиях. Некуда деваться, не к чему прилепиться душой, не в чем найти утешение. Прошлое мертво, в будущем – пустота. Все надежды рухнули, не сбылись, – и короткие, как с сегодняшней свиданкой, и долгие, многолетние, – вроде моей затаенной мечты стать наконец хоть КЕМ-ТО...

6.10.16., 5-37

Опять – ад жутких ночных мыслей о том, что ехать придется через 29-ю (м.б. – и через Киров!..), а слова жирного опера про Соликамск («Белый лебедь») были всего лишь вбросом, сознательной дезинформацией, чтобы посмотреть, появится ли это в моих письмах домой. И еще – о том, что вполне могут и не ждать никакой апелляции, а отправить сразу же после решения «суда» 17-го, – и тогда придется волочить с собой и все 20 кг передачи, помимо неподъемного баула с тряпьем. Ну, и еще, до кучи, – о

том, какой это будет суперАД, если там, в тюрьме, всё же посадят вдвоем-втроем с кем-то, – даже, м.б., впервые придется-таки лазить на второй ярус...

Засыпал, правда, этой ночью не два, а целых три раза после просыпаний, т.е. – поспал немного больше обычного. «Мусора» вот уже неделю работают все другие, незнакомые (с другой зоны?), прежних косоглазых, белобрысых и прочей мрази, к счастью, не видно. Эти же, новые – регулярно, раз в два-три дня (сегодня вот опять) забывают пристегнуть у меня утром нары.

Итак, сорвали свиданку – и теперь надо мечтать и молиться (кому? :), чтобы Вера сподобилась приехать сюда еще раз, пока меня не увезли. Ад второй половины срока, – а я-то надеялся, что она будет спокойнее и легче, чем первая... Я всё ищу в себе, в своей душе какие-то силы, чтобы выдержать, пережить всё это, ищу, чем укрепить свой дух но – увы, не нахожу... :(

16-46

Опять два шмона за утро. Ну да, четверг – их шмонный день... Сперва, судя по разговорам, шмонали СУС наверху. Потом – примерно на час позже обычного – приперлись сюда, прошмонали камеры ЩИЗО напротив меня, с 4-й по 14-ю. Ушли (было слышно). И вот, прошло где-то полчаса, – слышу, благословляемая длинной мразью Безукладниковым, топает, прётся новая толпа – шмонать конец коридора, ПКТ/ЕПКТ!..

Будьте вы прокляты, суки!.. Подолгу, минут по 15, наверное, они там шмонали каждую камеру, судя по крикам эков. Полпервого уже, – вроде ушли. Чуть позже, минут через пять-десять, слышу, кто-то кого-то спрашивает (из «мусоров»): они, мол, всё ещё там? Всё ещё шмонают? Ясно, что шмонают, иначе бы и спрашивать об этом не пришлось...

Подходят сюда, ближе – и та же мразь Безукладников их спрашивает: мол, эту хату шмонали? Нет, – и они прутся в «пятерку», обитатель которой как раз в это время был в бане! Судя по звуку, выстукивали там стены, возились чуть не полчаса. Всё это, между прочим, вместо обеда, т.к. время уже давно обеденное.

Сиюю в полной уверенности, что сейчас попрутся и ко мне. Точно! – слышу звук отпираемой двери. На пороге – мразь Баяндин, он дает мне какой-то лист, перебирает какие-то фотки; рядом с ним стоит вертухай, а сзади, вижу, уходят (!!) уроды из шмонобанды, прошмонавшие 5-ю. Уходят – и не заходят ко мне!!! :)))

А этот урод сперва отдал мне лист – «акт» какой-то их сраной «комиссии» еще аж от 1-го сентября (!!) о приеме на хранение моих личных лекарств, которых я с августа 2015, как забрали в бане с этапа, больше не видел. Ну да,

год прошел – они по новой их оформляют на хранение, вместо самих лекарств дают паршивую бумажку...

А фотки оказались из письма женщины из Германии, мне до недавних пор незнакомой, но в августе приславшей открытку к д/р. Узнала из интернета обо мне, видимо. Я ей тогда ответил, она в сентябре, 14-го, получив, написала еще, приложила десять лично ею снятых видов Берлина, с подробными комментариями, да и письмо небезынтересное. Ответил ей сейчас, после обеда (возвращаясь к обеду – он начался только во втором часу, на два часа позже обычного, из-за шмонов), вечером отдам.

Письмо, кстати, по-моему, было не заказное. Конверт, во всяком случае, мразь Баяндин мне тоже отдал. Недавнюю открытку из Франции от Натальи – тоже принес мне опер. То бишь – вся почта из-за границы теперь, видимо, по умолчанию читается оперчастью, а не просто цензурой.

19-17

Короче, это был «малый почтовый день». :) Когда будет большой – неизвестно: писем из Москвы нет уже неделю. А газет и журналов – уже 15 дней.

7.10.16., 12-53

Всё ближе «суд». Всё тошнее и тошнее на душе... Раньше, только узнав 13 сентября о тюрьме, глотал запоем библиотечные книги, чтобы только не думать. Сейчас – с трудом, продираюсь кое-как (да и книги на этой неделе, надо сказать, попались дерьмовые, одну вообще бросил на середине). Тоскливо до безумия, до совершенно запредельной какой-то степени... Не к чему прилепиться душой, не в чем найти утешение, хоть какое-нибудь...

Обеденный серый мякиш дают такой кислый и черствый, он даже не слипается в кулаке, крошится мелкой крошкой, – что я не в силах его есть в ужин. А больше-то нечего, 15 суток... :))) Приходится уже два или три дня жрать после отбоя мякиш черняги, даваемой в ужин, с приправой, – он хотя бы мягкий, чернягу на ужин эти дни дают совсем свежую, и если обмакнуть в приправу (бульонный порошок), то противный кислый вкус не чувствуется, можно кое-как есть.

Сколько ни думаю, ни ищу, – нетто у меня будущего. :(Кончена жизнь. В тотальное благодетельствование малознакомыми людьми, вроде Горильской (как уверяет мать), я не верю; а самому мне и подавно не пробиться. Я для всех чужой и никому не нужен...

18-08

Итак, чего же теперь ждать? (И зачем жить?) 16 дней без газеты/журнала, восемь – без писем (московских и российских). О чем теперь мечтать? О том, чтобы ребята догадались 17-го, после «суда», заехать ко мне? Или о том,

чтобы Вера, даже без Феликса (особенно если в первый приезд уже оставила тут передачу) сподобилась бы после 17-го быстро приехать опять? (А то могла бы и на само 17-е, – побывала бы и на «суде», и даже могла бы перед ним одиночный пикет устроить, как было в Москве). Мечты, мечты, где ваша сладость?..

На ужин – «уха» из кильки и – опять белый (серый) хлеб, только, кажись, малость посвежее, чем обычно в обед. Дай бог, хоть он сгодился бы на ужин. Смешно, что я уже почти начинаю мечтать о вечерней (ужинной) черняге, – она хотя бы мягкая, свежая... :) Опять хлорировали, видимо, водопровод, с утра по всему ШИЗО мерзко несло хлоркой, воду из крана до сих пор невозможно пить, даже отстоявшуюся, а в «ухе» и чае – одинаковый мерзкий привкус, – видимо, по этой же причине, из-за хлора в воде.

Мысли по кругу, по кругу, по кругу... Полная безнадега... Уж такой я замечательный, всем хорошо, всё при мне, и – выйду – политического стажа будет 30 лет уже, и 25 – журналистского, и 12 отсижено, и писать не разучился, даже в тюрьме держался героически... а вот поди ж ты, не нужен никому!!! Для всех чужой... Мог бы работать в крупной газете, печататься влиять на общественное мнение... но не буду в ней работать!!! :))) Потому что не возьмут ни в одну, ни в крупную, ни даже в мелкую. (Не в России, конечно, в приличных странах, начиная с Украины.) Для всех чужой, и вся твоя биография, тюрьмы, лагеря – для всех ничто, если ты чужой. С улицы, без протекции, никуда не берут, да и протекцию из тех, кто может, хотят делать отнюдь не все.

Иметь способности, знать, что ты пригоден на большее, чем личный блог на 150 читателей и самиздат в 1000 экз. – и не найти ничего, не смочь себя реализовать, наткаться всё время на стену вежливого безразличия (людей, которые имеют в жизни опыт весьма рутинный, которым до тебя далеко...). Уж не говоря про личную жизнь, которая так и не сложилась и которую будет уже поздно налаживать после 45 лет. Вот, собственно, и весь итог жизни: ты – никто и ничто, для всех чужой, никому не нужен, не интересен, ничего у тебя нет. А 12 лет жизни отдал... за что и кому?

Вот это и мучает больше всего, – что нет будущего. В ЕПКТ ли, в тюрьме ли – страдать зря, ни к чему не прийти через эти страдания... Иначе всё было бы нипочем, ей-богу. Вот жив пока, даже сыт, – а ЗАЧЕМ?..

8.10.16., 5-25

Опять проснулся пять минут третьего – и с тех пор сам не пойму, задрёмывал ли еще хоть ненадолго, или нет. Для меня и четыре часа в сутки проспать – роскошь почти недоступная, удача, почти счастье, хотя положено-то спать восемь часов... Поднимают ни свет ни заря, суки,

ублюдки, гондоны сифилисные, а для меня как раз самый сон вот в это время – после пяти, после шести утра...

Завтра ровно год, как я сижу тут, в одиночке. За весь этот год, наверное, не было еще для меня времени более тяжелого, чем сейчас, когда предстоит этап и сорвалась свиданка. Даже весной, во время голодовки, – было тяжело физически, но морально все-таки полегче, свиданка тогда только еще предстояла... Сейчас же – и почти та же голодовка на три недели (жрать-то нечего, магазин и передача дружно пролетели мимо...), и неизвестность насчет новой теперь свиданки (захочет ли и сможет ли Вера?), и – впереди ад этапа, ад тюрьмы, докапывания уголовников, если посадят там с ними... Да, вот это хуже всего, тяжелее всего, и с этим ничего нельзя сделать, негде взять и нечем заменить: отсутствие моральной поддержки и утешения, всякой надежды на хоть что-то еще хорошее в жизни; ощущение, что ты абсолютно один в жизни, на холодном, пронизывающем ветру, – и некому тебя согреть, нет опоры, не к чему «прилепиться душой», грубо говоря. Хуже этого ЧТО может быть? Неразрешимый вопрос: где взять силы, чтобы всё это выдержать? Никто не ответит, не объяснит, где их взять, кому бы я отсюда ни писал жалкие, жалостливые послания об этом: Вере ли, или Маглеванной, или Люзакову (хотел было, но, слава богу, не стал). Где взять сил; куда деваться от обступающего кругом ужаса; как вытерпеть муки, заранее зная, что они – зря?.. Хуже еще не бывало, да. Нет духовной опоры, и я схожу с ума; вот в таком душевном смятении, с такой жаждой опоры часто подлавливают и охмуряют в неволе людей попы. Но попам-то я не поддался бы, конечно. Но тяжело мне до такой степени, – словами не описать. Душа страдает, сжимается от страха и боли, и некуда мне деваться. Голодный ад... А какой будет там, в тюрьме? Голодный, бессонный, так же как и здесь... :(((

15-16

Всё очень плохо, а будет еще хуже. Впереди АД... Я всё пытаюсь выдумать себе хоть какое-то утешение, хоть какую-то светлую точку во мраке... Утром придумал вон: весна 20-го. О, она будет моей весной, эта весна 20-го года, первая после освобождения, под теплым, ласковым киевским солнцем, на памятных еще по 2004-му улицах, площадях, на Майдане, на Львовской площади, на Софийской, на Крещатике... Уж там-то я сразу пойду в Макдоналдс, отведу душу... Буду сидеть на лавочке где-нибудь в парке, на уже просохших в апреле дорожках, жмуриться на ласковое солнышко, вспоминать сегодняшние ужасы – и радоваться, что наконец-то, теперь вот, в апреле 2020-го года, у меня всё хорошо...

Что ж, м.б., и будет это весенний Киев-2020, если очень повезет. И 20-й год в любом случае наступит, если я до него доживу. Ведь вопрос именно в том,

КАК дожить через все сегодняшние ужасы...

Не помогают эти светлые фантазии, не греют, увы. :(Слишком далеко и ненадежно. Голод, мрази вокруг, неподъемные баулы, столыпины, автозаки – вот мое ближайшее жуткое будущее, и я нутром, инстинктом чую его жуть. Потому-то и пишу большими буквами: АД. Да, зимой, на этапе, в тюрьме – будет очень страшно. Где ты, мой светлый 2020-й?..

17 дней без прессы, девять – без московских писем. Если не выцарапаю в начале той недели передачу – предстоит еще 12 дней без еды, не считая сегодняшнего. Осталось их 1136.

9.10.16., 6-15

Ровно год, как сижу тут в одиночке, в этой самой (кроме пяти дней в 7-й, пока тут был ремонт, с 11 по 16-е октября 2015, кажись). Как встал утром – отломалась дверца верхней тумбочки (случайно надавил на нее слишком сильно, роясь в нижней). Теперь уж не заставишь, чтобы вызвали мастера-зэка приделать; сколько мне тут осталось – так и будет стоять без дверцы.

Тоска страшная, невыносимая. Ужас перед будущим адом, хотя и осталось-то его всего 162 недели, – казалось бы, пустяки... Жизнь моя сломана, и как жить дальше – я не знаю...

6-41

С тех пор, как они сорвали свиданку, что-то надломилось во мне, я это чувствую. Пришло такое отчаяние, такое чувство беспомощности и безнадеги, которых все-таки не было прежде.

10.10.16., 5-44

Понедельник. Ровно неделя осталась до «суда». Ад, ад, ад впереди!! И такой же ад в моей душе. Проснулся сегодня в четверть третьего где-то, но потом, кажется, задрёмывал еще, что-то снилось... Вчера почему-то понял как несомненное, что в тюрьме этой посадят не одного, а с какой-то мразью, да еще придется – впервые за два срока – лазить на второй ярус на шконку. Эти матерые уголовники, старики, всю жизнь сидящие, – они же не уступают нижний ярус, тем паче, я наверняка окажусь моложе их. Ну, а днем 100% будут открывания окон, «проветривания», я опять буду околевать от холода, как в 2014-м в «Медведкове»... В общем – предстоит такой мрак, такая жуть, что об этом страшно даже думать, но – и не думать нельзя, ибо это первое, что приходит на ум, когда просыпаешься среди ночи. И некуда от этого грядущего ада деться, и никакой поддержки, даже пусть эфемерной, чисто словесной... Очень тяжело, что уже почти месяц, с тех пор, как 13.9. узнал про тюрьму, – ни от кого еще не слышал ни слова поддержки на этот счет. Письма мои шли фиг знает сколько времени, свиданку мне сорвали, ребята тоже пока что не едут, вся надежда, что они

будут 17-го... Невыносимо тяжело, хотя и утешить меня реально всё равно никто бы не мог ни письмами, ни словами, перед этим ужасом слова бессильны...

Сегодня будет уже 19 дней без прессы, 11 – без писем. Пишу заранее, т.к. и сегодня их едва ли отдадут...

13-15

Глупо, что я так тоскую по хоть кому-нибудь близкому, так нуждаюсь хоть в чьей-то моральной поддержке. Ведь умом я прекрасно понимаю, что никаких близких у меня нет и быть не может (проверено уже), что «друзьям» грош цена, что абсолютно никого и ничего вокруг, никакой жалости, никакой поддержки... и что сам я к тем, кто меня сюда засадил, был бы при случае еще куда безжалостнее. Да, по Нечаеву: «Революционер есть человек обреченный», всё верно. Только одно «но»: Нечаеву все-таки что-то удалось (как минимум – создать организацию и обессмертить свое имя), впереди был подъем движения, и даже целый ряд подъемов. Он мог даже в заключении чувствовать себя востребованным, дело своё – в руках продолжателей. Мне же предстоит сгинуть, как в болоте, в полной безвестности и глухоте, не дождавшись вообще никаких успехов...

14-55

Выдумали новенькое, мрази: идти на каптерку, писать опись вещей в бауле. Сперва не хотел я идти, но всё же пошел: думал найти всё же там в бауле иголки, где-то они с сентября 2015, с тогдашней передачи, там валяются. Не нашел, увы. Мрази, трое, стояли смотрели, писал уродец-дневальный, сидя тут же на корточках. Придумали: если есть спортивный костюм, то – забрать его куда-то, типа, в СУС наверх. А то, мол, комиссия придет... и будет рыться в баулах, ага!!! Придумали, суки, мрази, перестраховщики е...чие!.. В общем, кое-что, основное (футболки, белье и пр.) я ему продиктовал, остальное он уж написал сам, не заботясь об особой достоверности, понимая, что это для проформы, вложил мне в баул эту бумажку. Заодно я обнаружил, что шерстяных носков не две пары, как я думал, а три (очень там, на тюрьме, пригодятся!), да еще нашел и выкинул из баула робу, полученную еще после приезда сюда в 2015. Поднял баул, ставя его обратно на полку, – вроде и не такой уж он неподъемно тяжелый. Правда, часть бумаг у меня еще тут, в тумбочке, да еще мать обещала, что Вера привезет две пары брюк – одну тогда в баул, другую одену в дорогу.

А думал я, когда они явились за мной, всё о том же: перебирал всех, кто был мне другом или близким человеком когда-то – и с грустной усмешкой пытался понять, как же так вышло, что никого из них не осталось рядом со мной сейчас. Одиночество, пустота... Хочется опереться на кого-то, а –

никого нет... :(((

18-42

Ни писем, ни газет...

Недолго музыка играла: на ужин опять селедка. :(Завтра – опять «уха» из нее?..

11.10.16., 5-48

Это п...ц, просто п...ц. Проснулся в начале второго – и уже не спал до утра. То бишь – от силы три часа сна за ночь. Дни летят стремительно (хотя каждый из них при этом и тянется бесконечные 16 часов), но приближает это меня только к «суду» и к АДУ, но не к освобождению. Воля по-прежнему остается где-то там, за горизонтом, в немыслимой туманной дали... 20 дней без прессы сегодня и 12 – без писем. Ночью нет сна, днем – еды, кроме жалкой баланды. Я измучен, измотан и измочален всем этим... Будет ли конец? Я не верю в него. Где взять силы вынести всё это?..

13-35

Интересно, почему изнасилованных женщин не принято хвалить за мужество, с которым они терпели изнасилование? Если б кто-то попробовал – наверное, за издевку бы сошли, по физиономии могли б дать... Вот что-то подобное я ощущаю каждый раз, когда слышу в свой адрес похвалы за «мужество». (В одном из последних, сентябрьских еще, писем мать пишут со слов Горильской, что Алла Дудаева подписала мне книгу то ли свою, то ли Джохара Дудаева, – детали мать, разумеется, как обычно, не уточняет и не запоминает, – как «мужественному человеку».) Терпеть тупое насилие, превосходящее твои силы сопротивляться и не оставляющее тебе никакого выбора, тупо покоряться неизбежному (этому же насилию), – какое тут, к черту, мужество?! Наоборот, мужеством было бы – любой ценой сломать их планы («исправлять» меня семь лет в своей «исправительной колонии»), не позволить им насиловать семь лет, каждый день, с утра до ночи, мою душу, как это реально сейчас происходит. И если побег невозможен :(– значит, единственным выходом, единственным действительно мужественным выбором является суицид! Не соглашаться терпеть то, что тебе навязали против твоей воли; пусть даже ценой жизни, если иначе нельзя, но – отказаться терпеть, отказаться играть по их правилам и плясать под их дудку! Жалкая, презренная жажда жизни, позорное цепляние за эту жизнь, животное, инстинктивное стремление выжить любой ценой, даже ценой позора, унижения, добровольного рабства, потери человеческого достоинства, – вот что эти кретины называют моим «мужеством»!.. Тогда как на единственно возможный в этих условиях мужественный и достойный поступок – на суицид – мне мужества не хватило, и не хватит

никогда, как я уже убедился; и я до отвращения противен сам себе уже одним тем, что сижу здесь вот уже год (а всего – уже почти четыре года), в ужасе жду, куда еще они меня загонят, с какой еще мразью там посадят... тогда как у меня и лезвия стальные есть под рукой, и прочный ремень, и железная решетка в камере, которая точно меня выдержит... Позор, позор – жить и терпеть всё это столько лет, терпеть ради того, чтобы жить!.. Написать бы всё это Корбу, чтоб закинул в рассылку, чтоб подумали хоть чуть-чуть своими куриными мозгами и перестали меня хвалить совсем не за то, за что стоило бы, – да противно, сил нет! Противно, что будет это читать цензурная мразь, оперская и т.д., а то – м.б., еще и не пропустит (особенно если прямо попросить забросить в рассылку)...

В баню с утра повели 2-ю камеру, потом – с 10-й по 14-ю, 14-я пошла вот только что. Водят по два или по три человека, но там-то их не два и не три в камерах, но раз после 2-й меня пропустили, то, скорее всего, не поведут уже вообще...

14-39

Заходил сейчас психолог-газовщик, подошел прямо к двери камеры, коротко поговорил со мной через решетку. Кабинет, увы, оказался занят... При стоявшем за его спиной вертухае ни про какие звонки Вере он, разумеется, говорить не мог, но недомолвками и полунамеками дал понять, что Веру с Феликсом завернули – и даже передачу, видимо, у них не приняли; он сказал, по крайней мере, что мне ничего не оставляли. Самое же неприятное – сказал, что и на «суд» 17-го никто не приедет. Я-то по наивности думал, что, м.б., они к концу ШИЗО и как раз к «суду» уже подъедут снова. Значит – дай бог, чтобы хоть ребята в понедельник заехали ко мне, но и в этом я отнюдь не уверен. Да и жрать так и будет нечего до 21-го, как я и думал с самого начала. :(Бросить ужинать чернягой и назло себе самому ложиться спать совсем голодным!.. Интересно, хоть деньги-то, десять тысяч, Вера положила здесь, как мать мне обещала? В общем, полная безнадега, финиш... Сломана жизнь, и нет ничего впереди, и даже умереть не хватает мужества...

19-05

Значит, поеду на этап в драных штанах. Вера вряд ли уже приедет второй раз, хоть я и написал ей сейчас письмо со слезной просьбой об этом. Пролетела, выходит, и свиданка, да и передача тоже, теперь только через полгода, не раньше (а на тюрьме могут заявить, что и через год, по их правилам, т.е. только 5-го апреля). Да, человек предполагает, а бог располагает, – но почему у меня эти неожиданности в жизни всегда только плохие, мрачные, почему у меня совсем не бывает нечаянных удач и

радостей?..

12.10.16., 13-50

Итак – опять два шмона за утро, до часу дня! Еще хорошо, что обед развезли до конца второго шмона, – таким образом, впервые при мне с 2014 получился шмон и ПОСЛЕ обеда. А тарелки собрали вот только что, без десяти минут два.

Первый шмон, в десятом часу, был легкий, прошлись, как обычно, по камерам ШИЗО. В перерыве – сразу после первого шмона – ходил по камерам блатных в дальнем конце, а потом и тут по ШИЗО, – видимо, там самая, еще позавчера обещанная комиссия. Слышно было, как в коридоре, почти что под моей дверью, распекал он подчиненных: оказывается, у кого-то из блатных в камере нашли кастрюлю с макаронами – офигеть, какой криминал!!! Еще нашли морковь и свеклу – сырые, видимо, – а передач, как он уже выяснил, никто в этой камере не получал. Т.е. – вывод начальничка – кто-то из сотрудников «совершил преступление»: занес блатным овощи, макароны и пр. Эх, побольше бы они вот именно таких «преступлений» совершали! Еще больше он кипятился, что в какой-то другой камере в том же конце коридора уже второй раз (а первый был 5-го, неделю назад) нашли станки для бритья, – и он им (подчиненным) объяснял, что станки выдаются по распорядку дня только с 7-00 до 7-30 на время «совершения туалета» или как-то так, хотя это полный бред, в жизни они тут по утрам не выдавались! Раз в неделю в бане – и всё!

Ну, а потом пошла толпа быдла шмонать конец коридора. Что уж они там делали, куда бедных блатных выводили – не знаю, но только, судя по крикам блатных в начале и конце шмона, в каждой камере он длился минут по 30-40, не меньше! Полы взламывали, что ли? А что там еще можно столько времени делать? Причем прошмонали, по-моему, не все там камеры – и не удивлюсь, если сейчас последует вторая серия...

А пока что – повторение июньского рекорда: 21 день, ровно три недели сегодня без газет и журналов!! В крайнем случае, надеюсь что-то о них узнать в понедельник (сегодня только среда), когда поведут в «суд». А главное – мечтаю и надеюсь всей душой, чтобы ребята после этого «суда» заехали ко мне. Эх, будет о чем поговорить! – как пишет обычно Паша Люзаков...

Пришло вдруг на ум, пока они шмонали... Скоро ведь 17-й год. Надо пережить вот это вот всё, что переживаю сейчас я, чтобы понять, почему незнакомые люди на улицах обнимались, целовались, плакали от счастья, кричали «Свобода!» и какой это вообще был потрясающий праздник для всех – когда в марте 1917-го отрекся царь...

14-25

Последние сведения: шмонобанда опять тут, пока – в 130-й! Мразь Безукладников – сейчас в коридоре по телефону мрази Асламову: «сумки ломают» (???) и «из каптерки сумки вытаскивают»! То бишь, блатных, видимо, в каптерку водили по 40 минут, а не в камерах шмонали. И то же самое, видимо, предстоит мне. И половину вещей, что я спас в понедельник (те же спортивные), они заберут! СУКИ!!!...

Мало еды, много тоски, впереди ждет ад... Вот и вся моя жизнь на три года вперед...

19-10

К счастью, до меня мрази со своими шмонами так и не добрались, хотя даже соседушку из 5-й под самый конец ненадолго выдерживали куда-то, – в каптерку, должно быть. Но эти суки шмонали ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, до шести вечера почти что!!! То бишь, теперь может быть и такое – не только до обеда, как пошло с этого августа, но и до вечера!.. Впрочем, мне-то уже недолго тут осталось... Зато теперь нервничаю за свои баулы в каптерке – не уволокли бы их куда, не переставили так, что не найдешь, и т.п. В понедельник только, не раньше, смогу увидеть, – когда поведут одеваться для похода в «суд»...

Всё думаю: совсем взрослый сын мог бы быть у меня сейчас, как у Йонатана на фотке, 18-20 лет. Не судьба...

13.10.16., 7-01

Последние дни опять появились вдруг сильные головокружения, бывшие у меня последний раз больше года назад, когда второй раз привезли сюда. То ли от нервов, то ли от недоедания, – черт его знает...

М-да, октябрь получился совсем голодным, до 21 числа как минимум. Ни передачи, ни магазина, жрать нечего совсем. Второй день на утро – овсянка, вчера – густая, сейчас – жидкая...

22-й день без газет/журналов, 14-й – без писем. Едва ли их принесут и сегодня. Мразь Безукладников вчера торчал тут весь день, но – ему было не до писем, он руководил шмонами... :))))))

12-37

Психическое напряжение всё растёт, – от безысходности вообще и от отсутствия писем в частности, от отсутствия вообще всякой связи и вестей с воли. Я уже буквально не знаю, куда мне деваться. Даже битьё головой об стену уже не поможет, наверное. Исступленно, с диким воем, метаться по камере, бешено колотясь об стены этого проклятого каменного мешка... Вот какое-то такое состояние, когда уже едва сдерживаешься, чтобы не потерять над собой контроль полностью. А про письма раньше понедельника даже спросить не у кого, – мразь Безукладников отдежурил,

видимо, вчера сутки – и сегодня утром исчез; будет дай бог завтра, и то не факт. И – я ведь не буду стучать в дверь и звать эту гниду... Одна надежда – что в понедельник после «суда» приедут ребята; но это далеко не факт, что приедут, и даже что будут на самом «суде», – у них на этот день могут оказаться планы поважнее...

18-10

Итак – действительно, ни писем, ни газет, хотя сучий выблядок Безукладников опять приходил – после четырех часов были «крестины». На ужин – капуста, в которой немного картошки, куриные кости (много) и шкура.

14.10.16., 6-24

Итак – это рекорд: ТРЕТИЙ день подряд на завтрак овсянка. Т.е., третий день я без завтрака; только чай. Впрочем, то ли еще будет на тюрьме!..

13-28

Психолог-газовщик, надо сказать, оказался порядочнее, чем я думал. Выдернул меня еще раз, уже наедине в кабинете общаться с ним. Выводил как раз мразь Безукладников – и я ему как раз сказал про письма; но ясно, что их нет, он только переспросил: «Две недели?» – а газовщик сказал мне, что тоже его о письмах спрашивал – и тот сказал, конечно, что за ними не заходил.

Так вот, газовщик второй раз на неделе таки выдернул меня, чего я не ждал; и даже согласился еще раз позвонить Вере, что уж совсем фантастика!! Просто чтобы передать, что я очень-очень их с Феликсом прошу приехать еще раз как можно скорее, и передать это же Глебу с Ромой, чтобы непременно заехали 17-го. Вера ему в тот раз сказала, что, мол, на «суд» 17-го они не приедут, т.к. дорога все-таки неблизкая, а как-нибудь приедут потом, позже. Хотя, честно говоря, едзя за счет Натальи и получая на эти поездки деньги без ограничений, – могла бы Вера (пусть одна, без Феликса) и остаться в Чусовом, в гостинице, до 17-го, ничего бы страшного в этом не было... Я бы на ее месте так и сделал, чем кататься туда-сюда.

От возможности хоть какую-то весточку подать слегка улучшилось у меня настроение, но – всё равно этого недостаточно. Писем если не будет сегодня, то уже до понедельника. Прессы тоже нет – и я боюсь уже считать, сколько там номеров «Новой» должно быть, на неделю непрерывного чтения. На обед, на второе, сейчас дали тоже что-то новенькое: типа, смесь перловки с овсянкой, что ли, – торчат проросшие стебли из некоторых зерен, по виду как раз из овсяных. Перловки давно не было, и это мрачная новость, что она появилась. Но – всё было сухое, без всякого клейстера, без запаха, на вкус – более-менее, так что я съел. Напомнило мне слегка «плов

из перловки» 2014 г., незабвенный; но тот был, конечно, намного вкуснее за счет соуса.

19-03

Итак – ни писем, ни газет, ни журналов. Уже 15 и 23 дня соответственно. Теперь до понедельника, 17-го. Мечтаю, чтобы 17-го приехали ребята. Два выходных дня – сходить с ума от тоски; заняться нечем...

15.10.16., 6-29

Итак, на завтрак – СЕЧКА!!! :)))))) Её не было, по-моему, месяцев шесть, с весны, если не с зимы. Пшеника, видимо, кончилась, её уже несколько дней не дают, особенно на завтрак (зато заправляют её суп на обед :) ; макароны, похоже, тоже иссякли. Я похудел за последние месяцы настолько, что буквально падают уже не только штаны, но даже и трусы (они ведь покупались тоже в расчете на совсем другой объем талии). За последние полтора месяца, с начала сентября, был только один магазин – в конце сентября, с 23-го по 29-е. То у них отпуск, то у меня ШИЗО, то магазин не открылся, то свиданка накрылась... А соседке из «пятерки» вчера вечером баландер дал какой-то список – что заказать с вечера на сегодня, и чтение этого списка в коридоре рядом со мной я хорошо слышал: там и курица, и котлеты, и чебуреки (потом оказалось, что чебуреков нет, есть беляши по 42 рубля), и какие-то салаты, и т.п. – и соседка этого всего заказывал по многу порций... Непонятно только: что это за едальня новая вдруг открылась в лагере, или же – неужели весь этот ассортимент вдруг начали завозить в обычный здешний магазин, где не то что чебуреков – хлеба не продавали никогда, а колбасу просроченную?? И еще интереснее: а соблюдается ли при этом массовом заказе котлет, салатов, беляшей и пр. лимит в 5000 р., которые, согласно УИКу, можно в месяц тратить в ПКТ на еду? Т.к. соседка-то ведь сидит тут в ПКТ, в баню ходит в четверг (и, как я понял из обрывков плохо слышимых разговоров, ПКТ это у него уже заканчивается; и сидит он, конечно, уже не первое ПКТ, – но на тюрьму, как меня, его почему-то не переводят).

Не знаю, предложат ли мне беляши, котлеты и пр., через неделю, когда можно будет уже заказывать в магазине жратву и мне, или это только для избранных. ШИЗО мое сегодня кончается. На приезд Веры с передачей до 21-го нет никакой надежды, да и после – тоже не особо. Что ж, будем голодать. Это тот предел, когда терять уже нечего, когда не остается уже слез – и хочется не плакать, а смеяться... М.б., поэтому и спал неплохо две последние ночи.

P.S. Да, забыл еще одну деталь, сюда же относящуюся. Вчера после ужина

от нечего делать посчитал, сколько в процентах я съел их баланды (включая и хлеб) за две недели октября, как считаю обычно за каждый месяц. Так вот, когда из полного уж дерьма давали только одну овсянку, но зато из-за отсутствия магазина я не брал весь хлеб на бутерброды – получилось, что съел я всего 62% их дрянной еды.

16.10.16., 12-27

Отчаяние всё нарастает. Буквально хоть бейся об стенку башкой, – ничего не помогает. Иногда принуждаю себя читать некоторое время, но потом бросаю – и начинаю метаться по камере. Отчаяние, бессильная ярость и ужас от того, что со мной сейчас, и еще больше – от предстоящего ада, от полной неизвестности и полной же невозможности ничего изменить. Однако метаться в ярости по камере туда-сюда, гонять на полной скорости от окна к двери – я быстро устаю, силы-то уже не те... А завтра – «суд». Заедут ли ребята – вот вопрос вопросов (и не только в смысле «захотят ли», но и – «успеют ли», учитывая, что раньше 12-ти вряд ли вообще доедут, а оформлять пропуск здесь могут и полдня, уже бывало...). Ни писем (уже 17 дней), ни прессы (уже 25!!). Вот только что, правда, приходил библиотекарь, прервал меня на середине записи, – фантастически рано, я-то его раньше четырех не ждал! Но – не лезет ничего в голову, никакой чтение, приходится заставлять себя. На завтрак была опять овсянка, т.е. – четвертый день я без завтрака. Пшеника – только в супе, так её, видимо, уже не будут давать. Читиво – единственное, чего сейчас в досталь; но без еды, без вестей из дома, без свиданки, сорванной этими мразями, и с предчувствием ужасов, кромешного ада в будущем – посадят ли на тюрьме с уголовниками или будут морить по карцерам – я буквально схожу с ума, теряю над собой контроль...

17.10.16., 5-40

Опять не спал последние три часа перед подъемом, с начала третьего. Ад мыслей, ожиданий, предчувствий... Страха нет перед сегодняшним, – одно лишь отвращение, да еще ненависть, – лютая, жгучая, нечеловеческая ненависть. Лично, своими руками, перестрелял бы, сжег, вырезал, уничтожил их всех – орт Путина и его министров до последнего вертухая, шваркающего здесь дверью бани!.. Лично сжег бы напалмом всю их мразь Россию со всем быдлом, её населяющим!.. Страх зато – уже больше полмесяца, как узнал сегодняшнюю дату – как бы именно в это время, когда меня поведут, не вперлась бы сюда шмонобанда, не забрала бы часы, если найдет... Да еще мучительная, отвратительная необходимость выцарапывать газеты и журналы плюс письма, требовать, настаивать – и, предчувствую, опять безрезультатно!.. Газет и журналов там набралось уже

столько, что если их сегодня все принесут – боюсь, до самого следующего воскресенья библиотечные книги читать мне будет уже некогда... Единственной наградой за всю сегодняшнюю мерзость стал бы приезд ребят ко мне сюда – но и в нем я совсем не уверен, хотя и просил Г. в двух письмах об этом.

Мало еды, много тоски... Эти суки сломали, исковеркали мою жизнь. Чем я сумею отплатить им?

10-22

Блин, какой облом!.. Привели, только начали свое «заседание» – оказалось, что Рома Качанов звонил «судье», что приедет поездом в Чусовой в 11-47, так что заседание перенесено на 16 часов сегодня (хотя я требовал назначить на другой день). То бишь – в 16 часов они будут в Чусовом, а ко мне, естественно, не заедут. :(((Вот уж облом так облом!.. Я только их и ждал... До завтра тоже, естественно, вряд ли останутся в Чусовом, чтобы утром ко мне... Расстроен – мало сказать, я просто убит всем этим.

По дороге спрашивал про письма и газеты – всем плевать. Из оперов никого не видел, а мразь Безукладников, оказывается, сидит в этом самом «суде» как представитель администрации лагеря! Ну и мразь же!.. Выходя из кабинета, встретил (еле узнал) ээка, с которым в 2014 вместе ехали сюда с ТПП на 29-й, немного поговорил с ним.

12-02

А тут как раз еще и шмон! :))) Всё сразу, короче. И на полтора часа опять позже, чем обычно. Под руководством Колобка, тупорылого ублюдка, давненько его что-то не было видно. Причем – что самое грустное – на этот раз впервые за все годы и все ежедневные шмоны здесь прошмонали в коридоре металлоискателем. Но – часов при этом не нашли. :)) А в камеру зато вообще (!) не заходили, сразу загнали меня обратно. Что ж, дай бог, это был последний шмон до моего отсюда отъезда на этап...

18-35

И вот, как венец этого феерического дня – короткая свиданка!! Выдернули меня в первом часу дня, еще до обеда, и я ушам своим не поверил сперва... Приехали Вера и Тамара – та самая, которую Наталья Г. нашла помогать моей матери в Москве. Феликс не смог второй раз, а передачу они в двух сумках дотащили сами. Оказывается, они – и вообще все – еще чуть не за неделю знали, что «суд» сегодня перенесут на четыре часа, Рома как-то загодя еще сумел это решить, – и они в Чусовой даже не поехали, сразу ко мне. А в тот раз, 5-го, когда они с Ф. уже подъезжали сюда, Корб опубликовал дошедшее к нему в тот момент мое письмо о провокации 29.9., так что в последний момент Вера все-таки была предупреждена. Самое

смешное – свиданка-то по времени наложилась на «суд» в четыре часа – и я сразу понял, что меня придут дергать туда. Так и вышло! :))) Сперва позвонили главному свиданщику в КДС, а потом сама мразь Баяндин лично приперлась с видеокамерой узнавать: пойду я или нет. Я не пошел, еще ведь целый час с лишним свиданки нам оставался.

Непонятно, почему Лена купила совсем не такие консервы с рыбой, как в тот раз, а обычные, круглые банки. Штанов привезли аж две пары, одну из них Тамара, как она сказала, расширила, т.к. я-то матери писал, сколько у меня талия, измерив веревочкой по совету Тамары, а оказалось, что с таким значением штанов в продаже нет. Но даже и нерасшитые – на мне сейчас как раз они – мне велики, спадают. И вообще, старые были поудобнее. Второй уже раз из-за небольшого перевеса не попадает в передачу стиральный порошок, – удивительный идиотизм! Пока еще он у меня есть, но потом, в тюрьме, – о, это будет как у Галича: «А ТАМ уж не достать!»... Да и здесь тоже, если бы меня до следующей свиданки оставили здесь; но на полгода я, м.б., как-то растянул бы его.

Два раза прерывали, пока писал эту запись: то ужин (пюре картофельное с килькой, почти полная тарелка, – вот бы, сука, накладывал так, когда я голодал!..), то – относить в каптерку остатки передачи в сумках. Бой сегодня тоже пришлось выдержать, как и полгода назад, по поводу того, чтобы не вынимать необходимое из баула в каптерке и нести в камеру, а занести весь мешок в камеру; но сегодня это обошлось полегче, чем в апреле.

Да, мрази Баяндину, когда он пришел ко мне на свиданку с камерой, я отдельно напомнил, что с сентября не получаю ни писем, ни газет, ни журналов, чтобы он обеспечил доставку. Но – он пообещал и плевал, как обычно; так что без писем я вот уже 18 дней, без прессы – аж 26!..

Что еще? Безумный, бурный день получился. Но хоть не 21 день голодал я, а только 17, – и то хорошо. :)) Очень надеюсь, что ребята завтра приедут ко мне, переночевав в Чусовом, Веру и Тамару просил сразу же, как выйдут, позвонить им. Про книжку – украинский сборник – ни говорят, что еще не вышел второй, дополненный вариант, но выйдет, мол, обязательно. Что ж, дай бог!.. Не слишком верю, но – вдруг и по поводу закопанных, замуравленных уже моих материалов, у Лены М. лежащих, наступит какой-то просвет. Это будет хоть как-то греть меня в ледяных тюремных карцерах, если я буду знать об этом.

Жратвы я набил полную нижнюю тумбочку и полный бак, теперь задача – сохранить ее от шмонов и от мышей. Шмоны еще ладно, не так уж часто они заходят (с 23 августа до сегодня – почти два месяца не были), а вот мыши... Пока что их тоже нет, – возни под полом не слышно, но в любую

ночь, и даже днем, они могут атаковать мои запасы. :) А в железный этот бак взлезет далеко не всё, как ни крути, пока еще запасов полно.

Последний месяц тут хоть будет, м.б., у меня сытый. Если выйдет в Киеве сборник, если будут письма вовремя, да еще, дай бог, на тюрьме посадят тоже одного... – чего еще останется желать? Только воли. До нее остается 1127 дней, ровно 161 неделя.

18.10.16., 9-59

Шмоны теперь стали тотальнее: если шмонают ПКТ в конце коридора (всего две камеры, по-моему), то приходят и к моему соседу-грузину в 5-ю, только что. А как ушли от него, голос одной из этих свиней ясно сказал: «Это ЕПКТ. Я там был вчера», – ясно, что про меня. Так что, к счастью, ко мне не зашли, еду не вынесли. Вчера, правда, никто не заходил; но, если не путаю, и вчера они шмонали тоже ПКТ, – по крайней мере, орала об этом та же 18-я, что и сегодня. А после 5-й приперлись еще и ко мне, – не знали, что тут ЕПКТ?.. Реальные камеры ЕПКТ в конце коридора, по-моему, вчера не шмонали.

Некоторый душевный подъем после вчерашней свиданки. После стольких мучений, лишений, безнадеги, неизвестности – столько хорошего: и общение с близким человеком (Верой), и еда, и новые штаны :) , и какая-никакая информация... Забавно еще, что на этот раз ни сыр в вакуумной упаковке, ни копченую колбасу, как я понял, ножом не протыкали, упаковку не нарушали, принимая передачу.

16-05

Приезжали-таки ребята, слава богу! Огорошили меня новостями: во-первых, вчера «суд», оказывается, отложили, причем именно из-за моей неявки со свиданки! Вот уж я не ожидал!.. Отложили на 27-е, на десять дней. То бишь – всё по новой 27-го. Очень просил их приехать ко мне или вечером же 27-го, или утром 28-го, но – пока на это не наскребается денег, а с матерью моей иметь дело и брать у нее они категорически не хотят, ибо она последнее время, по словам Глеба, ругает их по телефону так хамски и злобно, что Глеб несколько раз говорил: я себя не на помойке нашел, чтобы со мной так разговаривали! То бишь – найдут они где-либо еще деньги, или не найдут, – от этого зависит их приезд 27-го. Вторая, абсолютно безумная, чудовищная новость: вчера же они там, в «суде», говорили с кем-то (с мразью Безукладниковым, что ли? Или с кем? Я так и не понял). – и им сказали, что, оказывается, меня могут в ожидании результата апелляции отправить из лагеря на централ в Пермь, ждать там! Не могу себе этого представить, никогда тут не слышал о таком; наоборот, с централов уже давно отправляют на лагеря, на ПФРСИ, ждать апелляций по приговорам. В

общем, бред какой-то; от всей души надеюсь, что со мной этого не случится, ибо тащиться вскоре после 27-го со всем барахлом и жратвой на централ – чудовищно даже представить себе... Упаси боже...

Уговорили они меня написать ходатайство в Чусовской «суд» о допуске Глеба в качестве защитника. По их словам, они в других аналогичных случаях использовали такой допуск как законное основание для посещения ээка защитником не только во время процесса, как ходила в 2014 ко мне в тюрьму Санникова, но и на весь срок до освобождения, т.к., по словам Ромы, недавно были убраны ограничения по срокам для писания кассационных и надзорных жалоб – а защитник допускается в процесс вообще, включающий и подачу этих жалоб тоже, и для этого должен иметь право ходить к подзащитному. Логика очень заманчивая, а про доверенность мою у Глеба оба говорят, что это, в общем-то, недостаточная гарантия, что его будут пускать, тем паче в тюрьму. Но, увы, я на 99,99% уверен, что им откажут и Глеба не допустят в защитники, не говоря уже о том, что писать ходатайства в этот «суд» – означает тем самым признавать его настоящим судом и участвовать в его работе, что для меня омерзительно само по себе.

В общем-то, конечно, разговор был сумбурный и бестолковый, как всегда. О многом поговорили, но еще о большем не успели, – тоже как всегда. Глеб органически не способен сосредоточенно слушать меня даже полминуты, он реагирует и начинает отвечать на любые второстепенные детали, встречающиеся в моих словах, и беседа постоянно уходит куда-то в дебри. Уже, в общем-то, и так ясно, что общей, большой, скоординированной кампании по мне, о которой я говорил вчера Вере, сегодня Глебу, писал Горильской и т.д. – не будет, хотя инфоповодов достаточно, и не слабых, – один перевод на тюрьму чего стоит.

Рассказал также Рома о своих визитах в тюрьмы эти – и во Владимир, и в Верхнеуральск, и т.д. Ад, как я и предсказывал, даже и в этом отношении: в лучшем случае ждать целый день, пока пустят, а то и вовсе могут не пустить, особенно кого-то кроме адвоката, даже тех же защитников, назначенных «судом» (см. выше); разговор через пространство, забранное решеткой и разгороженной двумя стенками из оргстекла (во Владимире), так что даже бумаги передать нельзя, и т.д. и т.п. Маразм, короче. Боюсь, что видеть ребят я там буду нечасто, даже при наличии денег.

Показали они мне и бумаги по нынешнему «суду». Омерзительно лживые «характеристики» и «оперативные справки» на меня из лагеря. Ко всему я привык, но обилие и наглость содержащейся там лжи, ее нелепость удивили даже меня. И – совсем уж неожиданно! – обращения в Чусовской «суд» от... Землинского, а также и от общества «Мемориал», в мою

поддержку!! Не помогут, конечно, тут двух мнений быть не может, но – с чего это «Мемориал», отказываясь четыре года «признать» меня политзэком, решил вдруг вступить за меня?..

Полный маразм по поводу этой истории с матерью. По словам Глеба, с Верой и Тамарой они встретились здесь в гостинице, те вроде бы даже специально дождались их. Тамара, по его словам, вчера после свиданки была тоже обругана матерью настолько хамски по телефону, что полностью отказалась иметь с ней дело. То бишь, ни напрямую, ни через кого-либо поддерживать контакты (хоть ради тех же денег) они теперь не могут. Что с этим делать, я не знаю; разрулить отсюда эту ситуацию не могу, хотя и думаю сейчас, за остаток дня, написать большое письмо матери именно на эту тему. Черт бы ее, дуру, побрал!.. Кстати говоря, выводил меня к ребятам мразь Безукладников, я ему при этом опять сказал про письма, он опять пообещал их принести – и, конечно же, опять не принес. 19 дней уже нет писем, 27 – газеты и журнала... :((((

18-12

Написал письмо матери. Чем больше думаю – тем меньше мне нравится этот компромисс с собственной совестью: сперва на «суде» громогласно заявлять, что я не признаю это учреждение судом и не участвую в его спектаклях, а потом – предьявлять этому же «суду» какие-то ходатайства, тем более собственноручно написанные, как бы признавая тем самым его настоящим судом. Понятно, что это для целей абсолютно прагматических (чтобы Глеба пускали ко мне), но всё равно – меня аж трясёт от отвращения и стыда. Жаль, не догадался я ему предложить пари: если в ходатайстве отказывают – Глеб в отчете о «суде» честно сообщает, что пари о том, откажут или нет, было заранее заключено и что он его проиграл. И по-прежнему коробит от жути при мысли о том, что после 27-го могут вывезти ждать результата апелляции куда-то на централ...

19.10.16., 5-35

Эйфория проходит – и опять возвращается ужас... Да, признаюсь, последние дни была эйфория – и от общения с близкими людьми после долгой неизвестности и изоляции, и от появления наконец-то еды (передача позавчера). Но сегодня утром, эти последние полтора часа перед подъемом... Да, видимо, крытая тюрьма – это АД, ад во всем – от условий в карцерах и камерах до условий в месте встреч с адвокатами, о которых вчера порассказал Рома... Да еще если, не дай бог, вывезут отсюда до исхода апелляции...

Всё те же вопросы каждую бессонную ночь лезут в голову, одни и те же мучительные вопросы, на которые я не нахожу ответа. Кому, зачем это надо,

чтобы я так вот бессмысленно мучился, сходил с ума, околевал от голода по тюрьмам и лагерям? Зачем всё это, зачем?!?!! Ведь ясно же, что никакой награды, никакой компенсации от судьбы в будущем не будет за все эти мучения... И где взять силы всё это пережить, как всё это выдержать, зная, что всё это напрасно, что вознаграждения не будет, что этот тернистый путь не ведет никуда? Где взять сил, боже?! Как всё это выдержать – и зачем? Я жив до сих пор только потому, что что-то удерживает меня на этом свете...

20.10.16., 5-45

Вчера в обед принесли наконец-то письма. На 20-й день... Да, действительно, когда чего-нибудь очень сильно ждешь – всегда потом разочаровываешься. Так и с письмами этими вчера вышло. Ну, пять писем от матери, ну пять от Землинского, как и всегда. Самый отвратительный сюрприз – два письма от Майсуряна, №№148 и 150. А последнее было – №146. То бишь, опять два письма – 147-е и 149-е – просто не отдали, и всё!.. И 142-е, конечно, так и не принесли, теперь уж ясно, что и не принесут... А самый приятный сюрприз – письма и аж восемь (!) открыток от Горильской, некоторые посланы еще 24-го августа (открытки с видами Ниццы в основном; одна – с панорамой Монако). И – впрямь называет она меня своим «кумиром», говорит, что гордится заочной дружбой со мной, призывает не волноваться о будущем, т.к. они с Сергеем Крюковым, мол, всегда будут рядом со мной, будут меня поддерживать... Дай бог, чтобы так и было, хотя – я заранее не ободряюсь, конечно. И еще пишет, что, мол, всё делается очень медленно, но всё-таки делается, – имея в виду в том числе и мой украинский сборник, второе издание. Мать с ее слов добавляет: мол, она уверена, что до 15 декабря сделают. Дай бог; хотя – что там так долго делать, совершенно непонятно; я бы его сделал от силы за неделю, а то и раньше.

И еще было письмо от Мананникова, по-прежнему из Москвы. Пять ответов на все эти письма успел написать я вчера же, пока в коридоре галдели, шли «крестины» и т.д.

Мысль о том, что на этап уже совсем скоро, что вывезти отсюда могут, не дожидаясь апелляции, теперь душит и давит меня по утрам еще хуже, чем прежде – мысль о том, что вообще придется куда-то ехать. Сидеть месяц или два на централе, а еще того хуже – на 29-й, с быдлом с одной (жуткой, как они все там) камере... Просыпаюсь за три, за два часа до подъема – и понеслось; охватывает при этой мысли такой ужас, что сердце сдавливает в груди, перехватывает дыхание... Я не знаю, что делать, до какого момента ждать после «суда», после которого можно считать, что всё-таки оставят тут до апелляции. М.б., до середины ноября, до 14-го (как раз понедельник)? Но

всё это обманчиво, и чуть только расслабишься – как раз и дернут... Я схожу с ума от этой неизвестности...

18-12

Итак, завтра ровно месяц без газет и журналов...

Вчера вдруг неожиданно починили радио – и теперь включают какими-то урывками, на полчаса-час в день. Остальное время – по-прежнему тишина. Включают теперь уже не «Милицейскую волну», а тошнотворное «Радио России», причем опять настолько тихо, что новости разобрать невозможно. Но теперь хоть есть по чему ставить часы (они у меня, оказалось, были не на 10 минут вперед, как я думал, а на все 15).

22.10.16., 5-40

Вчера после обеда – ровно месяц! – мразь Баяндин принес наконец-то три журнала и десять газет. Также притащил он извещение, что «суд» и впрямь перенесен на десять утра 27-го числа; и еще – я никак не ожидал! – ответ от Бабушкина на мое летнее еще письмо к нему, о котором сам я уже и думать забыл. Хотя ответ на бланке его «комитета за гражданские права», но обращается Бабушкин как член СПЧ при Путине, причем адресован ответ сразу в несколько мест: мне, в ГУФСИН и в пермскую ОНК. Он перечисляет все безобразия, что я упоминал в письме к нему – и требует их прекратить, иначе, мол, «буду выехать в Ваши учреждения, член Совета при президента РФ» (дословно). Забавно, кроме прочего, что в списке безобразий этих была и нерегулярная доставка выписанной прессы (ну да, писал я это летом, когда в июне ее три недели не несли) – и принос мразью Баяндиным вместе с этим ответом пачки газет сразу за целый месяц блестяще это подтвердил!..

Начал читать «The New Times» – и глазам своим не поверил!! Чудеса, да и только! – моё имя наконец-то упомянуто на их страницах, причем аж дважды! Сделали они большой материал про нынешние «мыслепреступные» статьи УК, старые и новые (280, 282, 280.1, 205.2, 148, 354.1) с примерами реальных посадок по оным – и первым (из трех) примером по 205.2 привели меня! С кровью, с мясом буквально выдрали при этом кусок фразы (даже не целую фразу!) из моего заявления по Волгограду 2013 г. – конечно, по мысли автора, цитата эта должна отвлечь читателя от симпатий и поддержки меня. :) Дык мало того! – дальше в качестве иллюстрации по 280.1 приведен Бубеев – и тут я опять упомянут как автор статьи «Крым – это Украина!», им перепощенной. Два упоминания в одном номере, в одном материале, – и впрямь чудеса!.. Грустнее же всего то, что ни к чему этот «прорыв информационной блокады» (как сказал бы Корб) не поведет: как не писали они обо мне сознательно в качестве защиты, – так и не будут писать, хотя нынешний, например, перевод на тюрьму дает для

этого отличный повод...

Соседушка-грузин мой из «пятерки» отсидел свои полгода ПКТ и вчера вечером ушел. Когда меня водили в баню – матрас под его дверь уже не лежал. За полгода он так и не заинтересовался мной, своим ближайшим соседом, не удостоил ни единым словом, ни единым вопросом (хотя мне-то это и не было нужно от него, разумеется).

24.10.16., 6-05

Через неделю этап? Через десять дней?.. Опять паника и ад ужасных предподъёмных предчувствий в душе, – каждое утро перед подъёмом, каждые четыре утра, и полчетвертого, и полпятого... Где взять силы, чтобы выдержать всё это, весь этот предстоящий ад, я не знаю. Днём чуть полегче, но ранним утром сил нет совсем. Никого из мертвых и живых еще – ни Новодворскую, ни Буковского, ни Григорьянца, ни Люзакова... – я так и не спросил о том главном, о чем хотел спросить: где они черпали силы, чтобы выдержать всё, что с ними было? Тюрьмы, лагеря, психушки... Моя главная сила – это ненависть, лютая, смертельная ненависть к этому государству, ко всему, что они построили тут за эти почти уже 17 лет. Но ее не хватает, чтобы держаться, одной лишь этой ненависти, она блекнет, когда я представляю себе (по уже бывшим со мной примерам) общество уголовников, этот абсолютный ад, в который меня опять засунут и на этапе, и в крытой тюрьме... :(((

Всю субботу (позавчера) читал газеты, с подъема до отбоя. Лучший способ отвлечься хоть на время, – хотя и под чтением этим, под всей новой информацией из газет всё время помнил я, что жизнь моя прошла, что я так никем и не стал, что о других пишут в газетах как об активных субъектах политики, «оппозиции», вообще жизни, а обо мне – дай бог, если мельком упоминают лишь потому, что у меня самый большой срок за слова, в связи с тем, что я сижу (как вот недавно в «The New Times», летом в «Новой»).

Впереди, без сомнения, ад. До «суда» осталось два дня – завтра и послезавтра. Потом – этап? До освобождения (если оно будет) осталось 1120 дней, ровно 160 недель...

13-10

Ничего не происходит с утра, но и меня не отпускает тоска. Жизнь кончена. Жизнь кончена. Жизнь кончена... – повторяю я про себя без конца, бродя туда-сюда по камере. Любой психолог скажет, разумеется, что это ужасно – так вдалбливать себе, но – я не могу иначе. Я не вдалбливаю, она и вправду кончена. Я всё пытаюсь – уже десять лет – найти ответ на вопрос: почему всё так вышло? – и не могу, не нахожу. Три года ада еще, а потом – там, впереди, – нет вообще ничего. Последним событием моей биографии

станет переезд за границу – в Киев или куда там еще... Нет, последним, видимо, станет отказ в убежище (особенно если это будет Киев), после которого вообще непонятно куда деваться...

И нет никого, абсолютно никого, ни одного близкого человека, ни одной живой души в мире, на чье подлинное сочувствие и помощь я мог бы рассчитывать. Ни одного!.. Во всем мире – ни одного... Сочувствующие мне (на свой лад!) – еще не значит, что и я их ощущаю как близких (обжегся с этим на Маглеванной еще в 2013 г.). Мать – не в счет, единственный родственник – вовсе не обязательно значит «близкий человек» в смысле близости духовной. Маня меня по сути, фактически, предала, бросила, как бы ни спорила она сама с этим тезисом, если б услышала. Ее нет, нет рядом, и я уже давно знаю, что положиться на нее я не смогу никогда и ни в чем, и она упорно не пишет, несмотря даже на мои (18.9.16.) письма и просьбы написать; и ясно уже, что ее любовь – лишь слова... По болезни ли это психической, о которой она сама мне написала в феврале, или уж просто такой у нее характер, – но ясно, что и ее нет со мной, что нет никого близких у меня в целом мире, СОВСЕМ никого. Абсолютное, тотальное одиночество... Всё подмывает меня написать Люзакову, задать все мучающие меня вопросы, спросить, как всё это было у него, где он черпал силы, чтобы всё это пережить... Но писать ему я не буду, – он всё равно не ответил, да если б и ответил – об этом говорить надо лично; мне, чтобы высказать всё, что у меня на душе, понадобилось бы слишком много бумаги (которой уже мало осталось), да потом еще это письмо прочесть, отредактировать и дополнить десять раз, что очень легко и удобно на компьютере, но очень трудно на бумаге, да еще когда пишешь без черновика. Когда-то его уверения (по телефону), что всё в конце концов будет нормально, очень помогали мне в Буреполоме, хоть и звонил я ему оттуда крайне редко. А теперь я и сам думаю: ну да, всё это в конце концов пройдет, закончится, конечно, весь этот ад не навсегда, всё на свете когда-нибудь кончается, – но и жизнь, увы, кончается тоже... :(Она тоже не навсегда. Если я дотяну до ноября 2019 – всё кончится; но, торопя день за днем свой срок – я тороплю и жизнь. Жизнь, погубленную и поломанную этими сроками...

Но тоскливее всего – что некому даже написать родному и близкому, кто понял бы, некому поплакаться в жилетку... Холод и пустота. С другой стороны – да никто мне и не нужен, только лишняя обуза! – но прожить жизнь и совсем никого не нажать себе (нее сторонясь специально) – это и впрямь невезуха просто адская!.. :(((

А с другой стороны – и будь у меня кто-то близкий, разве я смог бы хоть

кому-то сейчас доверять? Очевидно, что нет, и та же Маня отучила меня от этого не менее успешно, чем девять отсиженных лет...

25.10.16., 12-45

Пришло вдруг в голову: а ведь могут вывезти ждать апелляцию совсем и не на пермский централ, а на кудымкарский, в бывшую столицу Коми-Пермяцкого АО! Помню, еще в августе 2014 на 29-й была группа каких-то типов из Екб (!), которых оттуда (с тамошнего централа, видимо) почему-то отправили в этот Кудымкар – по конференц-связи участвовать в апелляционных слушаниях (тоже в Екб, видимо)!.. Да и потом еще на раз слышал про тамошнюю тюрьму, – такая жопа, такая дыра, что поискать!.. А система ФСИН, увы, совершенно безумная, она может заслать кого и куда угодно, вопреки всякой логике. Не залететь бы еще в Кудымкар...

Тоска, безнадега, отчаяние такие же, как и вчера. Жизненный тупик... Вспоминаю, перебираю, прикидываю – что будет в аду, на крытой, что МОЖЕТ быть?? Если посадят с уголовниками (а на иное надежды нет, увы). Заставят опять мыть туалеты, как в Медведкове в 2013 году? Не будут пускать за стол? Отберут все ценные вещи и всю жратву, что у меня будет появляться? Просто будут бить?.. Нет смысла гадать, всё равно не угадаешь, да и – узнать точно придется никак не позже начала 2017 г. Но я всё равно не могу удержаться... Да, оставаться всегда и везде самим собой, знать себе цену, не давать себя сломать, помнить, что осталось уже всего три года и с каждым днем всё меньше... Я внушаю себе всё это, бродя по камере туда-сюда, пытаюсь укрепить свой дух, но – получается плоховато. Я точно знаю лишь одно: мне предстоит АД...

27.10.16., 16-10

Вчера в ужин принесли вдруг письма: одно от матери, два – от Землинского, одно – от Майсурия, № 149, одно из тех, что я числил пропавшими. На удивление рано принесли! – вчера был лишь седьмой день с предыдущего приноса.

Отвечать на них вчера уже было некогда, я решил сегодня с утра. Но утром написал только Майсурия – и в завтрак отдал. Остальным решил ответить после «суда» – и не зря!

Результат «суда» оказался довольно неожиданным. Конечно, «судья» с ходу отказала Роме в возврате бумажки о переводе меня в тюрьму лагерным начальничкам для устранения недочетов. Еще раньше она отказала и в допуске Глеба в процесс в качестве моего защитника, – иного я и не ждал, а ребята в последнюю встречу еще со мной спорили, приводили примеры, когда им где-то кого-то удавалось провести таким способом в защитники...

Но по поводу неверно оформленного и не имеющего даты представления

о переводе Рома и после отказа продолжал держать за глотку мразь Безукладникова, представлявшего там опять администрацию зоны. Не только даты на бумажке нет – но нет и копии приказа о назначении Губаля и.о. начальника, неизвестно, до какого числа он был этим и.о. и согласно ли своим полномочиям и.о. написал ту бумажку. Рома вцепился на совесть; мразь Безукладников сперва попросил десять минут перерыва, чтобы позвонить своим начальникам и узнать, когда точно Губаль бы и.о. Я в этот перерыв поговорил по видеосвязи с Ромой, он обещал, что они приедут завтра – и, м.б, привезут нотариуса. Потом мразь Безукладников – то ли после этого перерыва, то ли он просил еще один, уже не помню точно (но, по-моему, сразу после этого) вдруг заявил, что они (администрация зоны) отзывают своё «представление»!.. Вот это был неожиданный финт!..

И – отозвали, «судья» зачитала решение, что дело прекращается.

Что ж, значит – пока перерыв. Хоть бы месяц он занял, молюсь... Нет никаких сомнений, что они просто заново, уже по всем правилам, оформят свою бумажку – и пошлют ее снова. Всё будет, как намечено, только позже, так что я проведу на крытой не три года, а чуть меньше.

Прокуроршей была молодая, сонная толстуха-татарка, тупая по всему – от вида до голоса. Она что-то бляела по поводу даты на бумажонке, что-то полусонно спрашивала у мрази Безукладникова... но зато как она сразу оживилась, увидев, что Рома фотографирует какой-то документ, только что вклеенный в дело! Сонный тон ее тотчас исчез – и она весьма бодро потребовала от «судьи» вынести Роме замечание – за использование технических средств и за то, что копирует документы, не испросив разрешения у «суда»! Мрази, цепляются за любую мельчайшую формальность, за любой пустяк; еще она принесла и добилась (о, добиться ей было нетрудно!!) включения в дело решений Чусовского и Пермского «судов» зимой 2014-14 гг., когда Рома обжаловал там мои первые ШИЗО, еще за осень 14-го. «Судья» – молодая, не злобная с виду, вроде как бы даже «добрая», чуть ли не «ласковая» и не стеснительная... но однако эта мразь упорно гнула свою линию: чуть ли не извиняющимся тоном, но Роме отказывала во всем, а прокурорше, разумеется, во всём давала зеленый свет...

Тут еще как раз кстати пришлось во вчерашнем 149-м письме Майсуряна интервью Светы Сидоркиной, где она поминает и меня, сайту ОВД-инфо. Там в конце спрашивают ее мнение: эти следователи по политическим делам, кого она знает, – они больше ради карьеры стараются, ради звездочек на погоны – или же раскручивают политические дела из идейных соображений? И Света говорит: да, больше из идейных, они и впрямь

считают, что делают полезное дело для страны...

Мразь Безукладников – где-то мне ровесник – был сегодня в их «суде» самым старшим. Судья и прокурорша – молодые. Все мои следователи с 2001 г. – молодые. Система стоит на молодых, идейных, преданных империи, Путину, его великодержавному шовинизму и православному сталинизму. Сегодня я убедился в этом еще раз, еще раз воочию увидел: через их «суды», по их «законам» – ничего не добиться! Оборона у них выстроена тут архинадежная. Их возьмет ТОЛЬКО гранатомет!!! Только смертник на машине, доверху груженной взрывчаткой, – под окнами всех этих «судов», прокуратур, ФСБ, СК, ФСИН-ов... Только сила, только бить и мочить их, только взрывать и стрелять, – больше эта система не воспринимает ничего!.. Имеющий глаза – да увидит, что иного способа борьбы нет!..

29.10.16., 5-35

Приезжали вчера днем – сперва нотариус, потом ребята. Нотариус – молодая девчонка из Чусового – пробыла у меня (сидящего в клетке, естественно) минут десять, не больше, пока я подписывал доверенности – «судебные», как она сказала – на Глеба и Рому (на 15 лет) и «генералку» на мать (с правом распоряжения моим имуществом и даже получения за меня почты), а потом несколько раз расписался в ее журнале. Слава богу, хоть одно большое, важное дело наконец сделано; почти год оно тянулось, – по-моему, 24.12.15, тоже в один из приездов ребят, писал я в том году заявление мрази Асламову, чтобы он заверил мои доверенности (но он и не подумал на него хоть как-то отреагировать).

Долго после этого не приходили ребята, но наконец-то, уже после обеда. Но – пробыли на сей раз недолго, всего около двух часов: торопились на такси сперва в Чусовой (опять встретиться с тем же (той же) нотариусом, забрать доверенности), а потом – в Пермь, чтобы оттуда ехать домой, т.к. вчера не было поезда Екб-Соликамск, которым они обычно ездят.

Рома отдал мне все переснятые им материалы «дела» о моем переводе на тюремный режим, я еще раз наслаждался всеми моими там «характеристиками» и «оперативными справками»... Кстати, оттуда же узнал и фамилию того жирного опера по имени Руслан, что встречал меня еще с этапа в августе 2015, а вчера приводил нотариуса и ребят, сажал меня при приходе нотариуса в клетку; при ребятах, правда, в клетку не посадил. Его фамилия Пьянков, Руслан Алексеевич. Мразь Пьянков... Ладно, запомним. При ребятах он еще заходил и говорил, что они, мол, специально вызовут парикмахера, чтобы меня сегодня (вчера) же постричь. Я не возразил, т.к. не стригся с 1.7.16, а расчески с собой у меня нет (а в бауле никак

не могу ее найти). В результате оказалось, что парикмахера вызвали не для одного меня, а для новых «суточников», т.к. вчера опять были (уже после ухода ребят) «крестины».

Отдельная большая тема, – рассказали они мне, на мое случайное упоминание, о разгроме всех ОНК в России. Кончилась лафа... В Москве, в Екб у них, да и везде, где были мало-мальски приличные люди в ОНК, типа Каретниковой той же, – их вычистили, а набили вместо них, разумеется, всякую шваль. В частности, в Москве в ОНК теперь состоит бывший начальник Бутырки (Комнов?), фигурант списка Магнитского.

Но и я уж, хоть времени и было мало, не удержался, сказал ребятам, что в моей голове как бы сосуществуют две параллельные, непересекающиеся исторические и психологические реальности, две различных – тотально различных – модели мира. В одной – НКО, ОНК и прочие субъекты и структуры, которые в итоге можно разгромить, объявить «иностранными агентами» и т.д. А в другой – лет 100-120 назад – люди абсолютно не заморачивались, соответствуют ли их действия законам того государства, против которого они борются, а если их соратник и коллега попадал в тюрьму – считали не только делом абсолютно естественным, но и своим моральным ДОЛГОМ попытаться (хотя бы попытаться!!) устроить ему побег. Рома начал было возражать мне, что ни он, ни я чисто физически не готовы к такой деятельности, имея в виду, видимо, что у нас с ним нет навыков стрельбы, перелезания через тюремные ограды, драк с охраной и т.п. Это верно; как верно и то, что – было бы желание! – таких людей можно найти, как можно найти и деньги на оплату их помощи. Главная проблема – не в навыках лазить через забор с «колочкой», а в том, что таким, как Рома, это даже и в голову не приходит – устраивать побег, т.е. делать нечто, прямо и открыто запрещенное российским законом. С молоком матери, с первых шагов своих в «правозащите» а la Есенин-Вольпин (а другой правозащиты у нас за последние полвека не было и нет) впитали они это гнилое, глупое, бессмысленное и безнадежное законничество: бодаться с властью на поле ее же, власти, законов, принятых ею для своего (а вовсе не правозащитников!) удобства; заставлять власть выполнять и соблюдать ее же «хорошие» законы. И никак не хотят признавать, что у них это не получается и не может получиться, что это стратегия абсолютно гнилая и проигрышная. В каждый проигрыш (типа отказа Чусовского «суда» позавчера допустить Глеба в качестве моего защитника) я при каждой встрече тыкаю ребят носом – на что Рома мне неизменно отвечает: а) что это повод для обжалования и они будут обжаловать; б) что если опустить руки и совсем ничего не делать – это еще хуже. А они, типа, «делают», – пишут совершенно безнадежные

бумажки в путинские «суды»...

Вот и закончился – на время, конечно – очередной виток ужаса, психологического ада. Полтора месяца он длился – с 13 сентября, когда в первый раз сказали мне о тюрьме. Впрочем, это лишь короткая передышка, новую бумажонку о тюрьме они отправят в свой «суд», м.б., уже послезавтра, в понедельник, если не отправили еще вчера. М.б., даже просьбу о допуске Ромы в качестве защитника мне заново писать не придется, – могли получить обратно ту, от 13.9.16, и повторно ее использовать. Ждать пока что нечего – разве что вызовут всё же опять эту бумагу о допуске адвоката и моем личном участии по видеосвязи писать. И всё же – я не сомневаюсь, что примерно 1-го декабря опять будет такой же «суд» по их уже новой, правильно оформленной просьбе о тюрьме, – и тогда уже всё пройдет на ура; в лучшем случае, где-то во второй половине января, после апелляции, меня увезут отсюда...

Да, сводили потом, перед баней, постричься, максимально коротко, несмотря на мои просьбы. Был вчера и магазин; ходил писать список продуктов, оказывается, уродец дневальный. Уровень его способностей к этой работе: на часть продуктов он цены не указал, т.к. не смог протолкаться и посмотреть; про колбасу написал просто – три разных цены, т.е. три сорта колбасы, не подумав даже указать, что один из них – это не колбаса, а ветчина. Для меня эта разница существенна; но теперь, похоже, уровень казенных услуг (магазин и доп. питание, в частности) здесь будет вот такой – игнорирующий различие между колбасой и ветчиной... Был в списке также некий «ролтон» – с одной «л» и по 25 рублей. Я обрадовался, что это, видимо, лапша б/п – хотел взять восемь пачек на этап, там они как раз хороши, кипятки же дают. В результате – пока я сидел с ребятами – их не принесли, а вместо них было дано десять бульонных кубиков, два сникерса и еще какая-то ерунда. И я не спросил даже баландера, ходившего в магазин, почему это: то ли кончилась лапша (что вряд ли), то ли ее сюда, в ЕПКТ, где нет розеток и кипятильников, чтобы ее готовить, принципиально не продают (сомнительно, но в целом вполне вероятно)...

14-33

После обеда было много воплей и паники о том, что «приехала опергруппа», да еще «с аппаратурой». В субботу, охренеть!.. Видимо, шмонать бараки, искать телефоны. Здесь же, в ШИЗО, только что – как и раньше при «опергруппах», с декабря того года уже не раз: ходили по камерам с командами: форму одежды приводим в порядок! Построились у дальней стенки!

Но на этот раз, по-моему, вообще впервые за всё время, что я тут сижу –

зашли и ко мне!!! И что же? Велели надеть робу и выйти в коридор. Там лысое чмо, давно уже мне известное с виду, этак слегка пошмонало меня руками и спросило про запрещенные предметы. Другое чмо – незнакомое, м.б., и приезжее – зашло в камеру с большим фотоаппаратом (??) в руках. Еще двое, по-моему, стояли с лысым чмом в коридоре.

Длилось это всё где-то минуту, едва ли больше. Шмонать этот фотограф ничего в камере не шмонал; что снимал и зачем – я не знаю; но, по крайней мере, очевидно, снимал не только у меня. Вышел, я зашел. Всё.

Заодно уж. Почитал еще раз, повнимательнее, материалы «дела» о моем переводе на тюрьму, оставленные мне вчера Ромой. там была интересная бумажка: от «судьи», но не той, что «судила» 17-го и 27-го, а какой-то другой, о возврате материалов «дела» в лагерь для устранения недочетов. Оказалось, что они еще в августе всё это подготовили и послали – и уже 1-го сентября эта «судья» возвращает им бумаги, т.к. они не приложили не моих приговоров, ни постановления о признании меня еще в 2014 «злостным нарушителем» (а по мнению Ромы, оно вообще незаконное, т.к. вынесено не в один день с последним ШИЗО 2014 г. и переводом в СУС, а позже); ни – самое для меня главное! – моего мнения о том, хочу ли я участвовать в заседаниях лично и нужен ли мне адвокат. То есть – они сварили и послали, не сказав мне ни слова, и если б не эти недостатки – я вполне мог бы узнать о том, что меня решили перевести на тюрьму, только из повестки Чусовского «суда» где-то за пару недель до его заседания. А все остальные, кому я вообще интересен, – только из моего письма об этом, как раз когда заседание бы уже проходило, или накануне.

Таким образом, они сделали уже не одну, а целых две попытки. Упорные мрази... Неизбежна третья, это ясно, – и последняя, успешная, как это обычно бывает. С третьего раза посадили в 2006-м, с третьего раза закатают и на тюрьму... Также там, в материалах, – «психологические» характеристики от каких-то местных «психологов», и в одной из них написано от руки: исключить, мол, одиночное содержание в камере без видеонаблюдения. Вот он, мой приговор! Этому-то совету они, бляди, и следуют неуклонно... То бишь, на 29-й, в ТПП, где видеокамер, по-моему, нет, одиночка мне не светит, а только сидение вместе с мразью. Не дай бог туда опять попасть. Почитал и список своих «взысканий» еще аж с самого начала, с Медведковской тюрьмы. Кроме бесчисленных отказов от дежурства – попадаются и выговора за то, что «осуществлял межкамерную связь» или «выражался нецензурными словами», то есть прямая, наглая ложь! Зато – забавно – в 2015-м, на пятом уже центре в Москве же, те пять суток карцера за отказ от дежурств, что были мне официально вынесены, но

посажен в карцер я так и не был, – в списке отсутствуют!.. :) А с какой важностью и неумолимостью мне их выносили!..

То бишь – понятно, что всё равно увезут на тюрьму, всё равно закатают; это – только отсрочка. А ребята продолжают, как заводные патефоны, да еще со ссылками на Сидоркину, талдычить про здешнюю ФСИН-овскую «медицину»: мол, или тюрьма, или... Как будто эта «медицина» когда-нибудь кого-нибудь от чего-нибудь спасала! Якобы Свете удалось кого-то спасти (но не от «крытки», от чего полегче) – и Глеб свято уверовал в ее возможности; хотя в этом же «деле», вчера мне отданном Ромой, присутствует и «медицинская справка», где черным по белому безапелляционно написано, что я «здоров» и могу содержаться и в ШИЗО, и в ПКТ, и в ЕПКТ, и на тюремном режиме...

31.10.16., 5-35

Теперь я, по крайней мере, точно знаю, чего жду: когда выдернут опять писать заявление в «суд» о том, желаю ли я лично участвовать в заседаниях и нужен ли мне адвокат. Это может быть уже прямо сегодня (понедельник). Без этой бумажки у них не возьмут все прочие документы, так что – уж это они должны потребовать написать. Мучительно размышляю, прикидываю: ведь не может быть, чтобы после прекращения рассмотрения дела 27-го им просто вернули все бумаги; насколько я знаю, они остаются в архиве «суда». То бишь, прежним, сентябрьским моим заявлением не воспользуются, понадобится новое – и только так я и узнаю, что они снова отправляют бумаги в «суд», на третью, финальную попытку.

Тоску, боль отчаяние, страх перед будущим, с которыми я размышляю об этом, лежа еще до подъема на нарах, не описать и не передать никакими словами...

Сколько мне остается сидеть (если не намотают еще), я знаю: 1113 дней, 159 недель. Сколько остается мне жить; и успею ли я за этот остаток жизни чего-нибудь в ней добиться; и стоит ли вообще заморачиваться, пытаюсь чего-то добиться, что-то успеть, – вопросы гораздо более интересные...

Сегодня 100% будут «крестины», причем именно здесь, в ШИЗО, т.к. тут с субботы, по-моему, сидит кто-то, закрытый по решению ДПНК на сутки, – как вчера объяснял здешний вертухай, «на сутки до прихода начальника», хотя с субботы до понедельника – это ДВОЕ суток...

НОЯБРЬ 2016

1.11.16., 5-55

Вчера после обеда принесли два письма: от матери (с календариками на 2017) и от Поповой, учительницы из Тамбова, оба от 22 октября. И то: Попова эта пишет, что она звонила моей матери – и та ей сказала, что на время апелляции я еще буду здесь, можно писать сюда. Т.е., как я и думал: узнали, что могут увезти – и выжидают, не пишут. То четыре письма, то вообще два, а до этого пачками по 10, по 17 штук приносили...

Потом – уж совсем неожиданно – выдернули получать бандероль. И смех и грех! – бандероль оказалась от ФЕОР к еврейскому Новому году, со сладостями. Только Новый год этот был 3-4 октября, а ее отдали 31-го. Сколько она валялась тут – не знаю, т.к. коробку мне, естественно, не отдали, но, думаю, не меньше месяца, т.к. ФЕОР-то, скорее всего, отправляет всё это заблаговременно. Прислали нарезанные кругами очищенные сушеные яблоки (жевать которые при оставшемся у меня количестве зубов весьма затруднительно, – разве что рвать руками на мелкие кусочки) и традиционную маленькую баночку меда – такую же, как слали в Буреполом еще в 2008 г. Ну да, «сладкого Нового года!». Плюс – был в бандероли традиционный ФЕОР-овский большой настенный (перекидной) календарь. Сколько-то времени назад (летом, а м.б., весной, уже точно не помню) я прямо мечтал, чтобы у меня был такой календарь, висел бы на стене – и скрашивал это тоскливое существование, унылость этих казенных побеленных стен; ярким пятном фотографий – напоминал бы мне о какой-то другой, настоящей, вольной жизни, которая есть, есть где-то там, в далеком мире, за всеми этими стенами и заборами!.. И вот – сбылась мечта идиота!.. :) И раньше я понимал, а вчера убедился уже наглядно: вешать его тут некуда. Единственное место, куда технически реально его прицепить – это под окном, повесить на нитки под оконной решеткой; но там он будет прекрасно виден в видеокамеру – и через некоторое время придут, сорвут и заберут... А там, где он не был бы виден, где место для него оптимальное – у входной двери – там его абсолютно не на что повесить, гладкая голая стена... В карцере московской «пятерки» прошлым летом он и впрямь у меня висел и скрашивал точку эту тюремную – но там и вообще жизнь была посвободнее, даром что карцер... А здесь – нет, не буду я его вешать, некуда, не на что и нет смысла. Тем паче, что опять на обложке, в традиционных поздравлениях с Н.г. – разглагольствования Берл Лазара о том, что, мол, с государственным антисемитизмом в России покончено, никогда, мол, отношения еврейства с властью не были такими хорошими, как сейчас, и

вообще – всё хорошо, прекрасная маркиза!.. Тьфу, аж тошнит от этой мерзости!..

Ну, и наконец – принесли вчера свежую прессу, журнал и газеты. Как выяснилось по номерам, двух газет не хватает. Попалась большая статья, на разворот: Борщев и Бабушкин комментируют Елене Масюк разгром ОНК в России. Да, разгром абсолютно полный: похоже, только один Борщев чудом попал в Московскую областную ОНК, а больше – никто и никуда. В Челябинске убрали из ОНК этих Щуров (супругов, видимо?), про которых говорила мне Сидоркина, что их знает, и на которых я так надеялся, если завезут в Верхнеуральск...

И – что же делать предполагают теперь выброшенные правозащитники, как бороться с произошедшим захватом ОНК? О-о, методы прямо грандиозные!.. :) Во-первых, мониторить деятельность ОНК и особо тщательно проверять и отслеживать деятельность тех членов ОНК, которым Бабушкин и К не доверяют (Пятницкого и пр.) И во-вторых – подробно доложить всю ситуацию президенту на встрече президента со своим придворным СПЧ (коего Бабушкин член) в декабре. И, видимо, просить президента вмешаться и разобраться. Жалкие холуйские суки и жополизы!..

19-20

Нет, все-таки не смог удержаться, повесил сейчас этот календарь на стену, – как раз около двери, но так, что в открытую дверь его будет видно. :((В 2014 г. там были два гвоздика, вбитые в колышки в стене, – чтобы вешать одежду, видимо. Сейчас, как я приехал в 2015, – одни колышки без гвоздей. Вот в дырку в одном из колышков я и воткнул спичку, а на нее повесил календарь. Держится, – и, действительно, даже такая малость здесь радует душу! Тем более, что там за ноябрь просто изумительно красивая картинка: большая яркая радуга над морем... Что ж, посмотрим, сколько дней эта красота провисит на стене, пока ее не сдерут и не заберут, потому что НЕ ПОЛОЖЕНО! Если увезут – я хотел бы этот календарь забрать с собой (если он на тот момент еще будет при мне) – только, боюсь, в торцевой карман сумки, где все бумаги, он или не влезет, или там помнется в дороге...

Вторник. Вот уже второй день новой недели не зовут меня писать заявку в «суд» об адвокате и личном участии. Это внушает робкую надежду, что вдруг да обойдется, оставят тут; в это очень, очень хочется верить – и поэтому я не даю себе расслабиться настолько, чтобы поверить в то, во что хочется. Так не обойдется, всё равно увезут, это ясно; а спешить им некуда, они могут и неделю, и месяц подождать...

4.11.16., 5-35

Чудеса продолжают. :) Вчера после обеда опять принесли письма, – что-то их стали часто носить, а то по три недели не было... Пять писем – от матери (ответ на мое от 18-го октября, – оправдывается, что якобы она не ругалась на Глеба и Рому по телефону); от Землинского – всего одно вместо обычных четырех-пяти; от Феликса Шведовского, – а я-то как раз на днях только послал ему тоже письмецо, короткое напоминание о себе, мог бы этого и не делать; от Крюкова и от Григорьянца.

Письмо от Крюкова, еще сентябрьское, вообще непонятно как дошло: на нем нет ни одной (!) марки и, соответственно, даже киевского штемпеля. Неужели из Украины теперь можно и без марок слать?! По существу же – оно меня весьма разочаровало. Ждал я его, надеялся, что-то важное мне напишет Крюков в ответ на главный мой, по сути, вопрос (как мне быть и жить дальше, если доживу до освобождения), – но ему оказалось явно нечего на это ответить. Написал только, что, мол, если останешься в Мордоре, то так и будешь в клетке, в смысле и духовном, и физическом, а о прочем, мол, не хочу даже писать. Как будто выбраться из Мордора – значит автоматически выбраться и из клетки, моей личной, сварганенной для меня судьбой еще лет сорок назад... Самое важное (и печальное), что он сообщил в письме, – что Мане отказали и в гражданстве украинском, как раньше в убежище!.. Бедная Маня, как же она теперь будет, куда денется?! Впрочем, ее судьба абсолютно никого не волнует, – Крюков пишет, что Наталья не хочет с Маней общаться (причем мне она об этом, конечно, не пишет), а ему самому, мол, тоже особо не о чем с ней говорить. Бедолага, вечно ей не везет, в этом мы с ней похожи как близнецы... Еще он пишет, что какие-то материалы обо мне и один мой текст об Украине (видимо, последний) они перевели на итальянский – и он верит, что это должно помочь с итальянскими публикациями обо мне. Дай бог, но я очень сомневаюсь. Сама Наталья, которая сейчас вроде бы должна быть в Милане, мне тоже про эти переводы ничего не писала. Да и непонятно, кому вообще в Италии может быть интересно мое мнение об Украине. Если б еще хоть об Италии...

Ну, а письмо Григорьянца, не слишком важное по содержанию, было еще июльское! В Чусовой же, судя по штемпелю, пришло только 31.10.16. Московский штемпель – неразборчив. Видимо, на Лубянке три месяца изучали под микроскопом каждую букву этого письма...

Календарь пока висит. Писать заяву в «суд» так и не вызвали. С ужасом жду понедельника, 7 ноября, – могут уже и вызвать. Сегодня пятница, «праздник» – и опять весь день ждать баню...

18-15

В баню повели раньше, чем я думал – где-то полчетвертого. Оказывается, как минимум с прошлой недели они придумали новый метод: водить ПКТ/ЕПКТ сразу в обе бани – ШИЗО-шную и СУС-овскую, чтобы дело шло быстрее. По-прежнему по одному, но зато туда и сюда – все-таки заметно быстрее выходит, сегодня я это оценил.

В той бане два больших нормальных зеркала вместо одного маленького и безобразного в нашей, ШИЗО-шной. Самое же поразительное – там на древних советских водопроводных трубах поставлены очень хорошие современные, совсем новенькие рукоятки – открывать и закрывать горячую и холодную воду. И при этих рукоятках система и в самом деле, как ей и положено, реагирует на твои желания: немножко прибавляешь горячей с помощью этой ручки – и вправду вода делается немного (!) погорячее; прибавляешь слегка холодной – похолоднее. В обычной-то, ШИЗО-шной бане – уж или горячая, или холодная, но всюю; крути ручки, не крути – пофигу! Если с котельной подается горячая слабо – холодная еще как-то ощущается, вода теплая. Если горячей подадут оттуда посильнее – всё, кипятки, крутить ручки абсолютно бесполезно. Неделю назад, по крайней мере, было так; теоретически и там за это время могли поставить новые эти ручки, но... едва ли. :))))

За обедом пришла вдруг мысль: а что, если эта странная заминка с переводом на тюрьму вызвана новым уголовным делом, о котором еще не знаю я, но уже знает администрация зоны? Не удивлюсь, во всяком случае. На первый взгляд, догадка неправдоподобная; к тому же, опровергается тем фактом, что на последнем «суде» мразь Безукладников не сразу начал с отзыва их бумажки, как тогда должен был бы, а только после звонка своему начальству, вызванного претензиями к их бумажке Ромы. А если б Ромы не было, а был бы, скажем, адвокат по назначению и без претензий – меня бы в тот день так и упаковали бы на крытую? Случайность ли то, что они отозвали, или продуманный ход? Будет продолжение, третья уже попытка, или нет? Собственно, ни о чем другом с 28-го октября я не могу и думать. С ужасом жду понедельника, 7 ноября, – могут как раз дернуть писать новое заявление об адвокате и личном участии. А уголовного дела – надеюсь, что всё же нет...

Увидеть хотя бы Киев и хутор в селе Григоривка, где живет Наталья Г. и – теперь – Крюков. Не говоря уж – увидеть Париж и Ниццу с помощью той же Натальи... Реально ли это в моей жизни?

5.11.16., 14-34

По сравнению с переводом на тюрьму – остаться здесь уже кажется удачей (хотя ясно, что еще три года здесь не продержат). Но когда я порой

отрываюсь от текущих передрыг этого срока и окидываю широким взором всё, что со мной случилось, целый большой период жизни, – боже, боже, да ведь они вырвали у меня порядочный кусок жизни, сломали, искалечили, исковеркали мою жизнь надолго вперед!.. Ведь только в этой проклятой камере я сижу вот уже второй год, – бессмысленно гнию здесь вместо того, чтобы ЖИТЬ на воле! О, нет такой кары, такой казни, которую я не обрушил бы на эту проклятую страну; никого не щадя, ни детей, ни взрослых, вот за это вот, за этот плен, за мою поломанную, разрушенную жизнь! Я бы напалмом выжег всю эту проклятую мразь Россию, дотла, до состояния выжженной пустыни, – заслужили, мрази, так получайте!! Не только начальнички, гнусные ублюдки вроде Путина и всей его свиты, но – и то быдло, которое этих бандитов выбирает себе во властители, поддерживает их, молится на них, соревнуется в изъятии им своей скотской преданности!.. Это отныне цель моей жизни – уничтожить эту проклятую страну со всем, что в ней есть! Залить эту 1/7 кровью их всех, сжечь тут всё дотла, все деревни, разрушить все города, стереть эту е...чую страну с лица земли! Смерть Путину!!! Смерть России!!!

6.11.14., 14-00

Как выходные – так у этих подонков традиционное веселье: «опергруппа приехала!». ЖОПЕР-группа, как я ее называю. Сегодня воскресенье; тот раз, недавно – была суббота (когда ко мне заходил хмырь с фотоаппаратом). Паника, беготня всей мрази – «мусоров», дневальных, завхозов, баландеров и пр. – с криками: «Они уже заходят!!!». В общем, то же самое, что было в Буреполоме при подходе к бараку комиссий, только масштаб поменьше. Там источником паники трусливого и рабского быдла были комиссии, тут – опергруппы...

Ко мне вроде не заходили, – если это уже всё, а я в этом не уверен. Было слышно, как, зайдя сюда, в коридор, открыли одну камеру – и какое-то чмо распекало эков, что, мол, дежурный должен делать доклад – «или вас этому не учат?». Дрыном по башке бы тебя поучить, мразь!.. Потом вроде вышли, – по крайней мере, традиционной грозной команды: «Форму одежды приводим в порядок!» – больше слышно не было. Не знаю, ушли, не ушли. Гондоны, мразь, нечисть!.. Хочется только одного: стрелять по ним очередями, лично, собственными руками мочить их всех!!!

7.11.14., 12-05

Вскоре после шмона выдернули вдруг к психологу, – не ждал я его в понедельник с утра. И первое, что он мне сообщил – он где-то краем уха слышал, что опять будут мрази подавать свою заяву о переводе меня в тюрьму. Собственно, я и не сомневался в этом, но он последней, еле-еле

начавшей было теплиться надежды меня лишил...

Проговорили мы с ним минут 10-15 – вдруг вбегает в кабинет мразь Безукладников: «Горим!!!» – и срочно нас обоих выгоняет в коридор. Там – дыму!! Не продохнуть!.. Потом кто-то говорил, что подожгли пустую (!) 6-ю камеру, которая, когда меня вывели, и впрямь стояла с открытой дверью.

Сперва-то я думал просто в конце коридора, у открытой двери на улицу постоять, – куда там!.. Загнали в прогулочный двор, и туда же набили из ШИЗО «суточников». Дальний конец коридора, ПКТ/ЕПКТ, похоже, не выводили, а м.б. – в другую дверь, с их стороны же тоже есть выход и прогулочные эти дворики.

Минут сорок, если не больше, продержали там, – а снег идет, холодно, хотя мороз вроде не слишком сильный. Но я ооченел там, до сих пор еще ноги не отошли.

Боже, какие хари!!!... Одно ШИЗО, без ПКТ/ЕПКТ, но – жуткая, чудовищная нечисть, рыла такие, что только на удобрения или в мыловарню на сырье этих «людей»! Подумать только, что с момента освобождения им опять будут положены все «гражданские права», право голосовать (понятно, за Путина, за кого ж еще!..) и т.д. и т.п. Тогда как, по-моему. В рациональном-то хозяйстве на таких даже девять грамм свинца жалко, непроизводительный расход. Их газом травить, сразу партиями по 100, по 200 «человек» – вот единственное право на свете существ с такими рылами и биографиями.

Слава богу, меня они не тронули, – галдели, веселились, ржали, орали, чтоб им дали шапки и телаги, – в общем, всё как всегда. Двое только подошли, вкратце спросили: один – видя, что стою около самой двери, как вошел в загон, – поинтересовался, не «обиженный» ли я. Чмо!.. Ну да, у них обычно вот так «обиженные» стоят – тихонько, у дверей. Я и буду весь остаток срока на них такое впечатление производить, если опять с ними будут сажать, ибо при одном их виде начисто пропадает (если оно вообще было) любое желание с ними общаться...

Короче, скорбный день. У меня как раз наложилось одно на другое: сперва психолог-газовщик этот сказал, что снова будут меня отправлять; а сразу за этим – довелось увидеть и хари, с которыми меня будут возить и держать как минимум на пересылках, а скорее всего, и в самой тюрьме. Не с этими конкретно, но с такими же, – среди уголовников ведь интеллигентов нет, уголовник-интеллигент – это уголовник, а не интеллигент. И было тошно на душе с утра, а стало еще тошнее. Всё-таки за год с лишним я уже настолько отвык видеть эти мерзкие хари, тем паче в большом количестве (их было «человек» 20-25), что теперь мне еще невыносимее эта мысль: даже временно, даже не пересылках сидеть с ними, с нечистью!.. И ведь при них

не будешь звать опера, тем паче его просить посадить одного: если он откажет и меня всё равно запрут с этими харями – хари мне этого не простят! Желание сидеть одному, без них, у них абсолютный криминал и карается лишением всех прав при сидении с ними (могут, например, и за стол не пускать). Суки!.. За что мне всё это?! Жизнь прошла, и я не добился в ней ровно ничего, а вот теперь должен опять окунаться в это говно с головой!.. :(((Тошно и тоскливо до такой степени, что хоть в петлю!..

Новый год, надеюсь, всё же проведу здесь, где-то в середине декабря может быть «суд», а к концу января-началу февраля (если к тому времени не вывезут в СИЗО) – апелляция. И 1000 дней 21-го февраля...

13-10

Впрочем, понятно, что узнать про будущую опять подачу бумаг – психолог-газовщик мог только у длинного гондона Безукладникова, уже придя сюда, в ШИЗО. Не к начальнику же он по дороге за этой информацией заходил, в самом деле! Тем паче, передал мне смутную фразу, что, мол, там (у меня) сильный адвокат... – адвоката уж точно оценить мог только гондон Безукладников, бывший на «суде», другим-то откуда знать. Так что – информация все же не с самого верха, а от простого исполнителя воли начальства.

Все эти ублюдки – и Губаль, и Асламов – кстати, заходили сюда на пожар. Побыли, ушли. А из разговоров дневальных в коридоре знаю, что будут сегодня и «крестины»...

15-40

Кстати, совершенно непонятно, что же это могло загореться в пустой, открытой камере?! Разве что стол там деревянный, но из таких досок, что их запросто, спичкой, не подожжешь, надо долго и упорно стараться; остальное же всё – бетонные стены и железные нары, решетка, «дальняк»... Гореть там абсолютно нечему, тем более – с таким количеством дыма.

8.11.16., 14-25

Только что вопли в коридоре: опять приехала «опергруппа»!.. :)))))) А я-то думал, что только в выходные теперь!.. :))) (Прошлая была позавчера, в воскресенье.)

9.11.16., 14-33

Вчера в ужин – неожиданно опять письма, целых пять штук! Часто стали носить... Три – заказных: от Лены Кондрахиной из СПб, Мкртчяна оттуда же (с распечатками статей Нестеренко, Поликовского и еще чьей-то) и Мананникова (это отдали с конвертом, те два – без); плюс – от Землинского (одно вместо пяти или семи – очень непривычно) и Ирины Владимировой, украинки этой из Славянска, с кучей пожеланий и подписей в мою

поддержку – она сама, еще какие-то неизвестные люди и... Егор Сковорода, журналист, бывший в 2015 на моем процессе и сейчас напоминающий мне об этом. Из хороших новостей – во-первых, с завалом моих материалов и впрямь начали разбираться, они понемножку стали появляться; во-вторых – MFF коротко пишет Мкртчяну, что он вроде как может мне гарантировать убежище в Украине, т.к. там его слово кое-что значит, плюс – может назначить меня там одним из директоров своего фонда. Что ж, дай бог, чтобы всё это сбылось, чтоб так и было! Мне будет легче пережить эти проклятые три года с мыслью, что убежище в стране худо-бедно доступной, и мало-мальски осмысленная там работа и заработок у меня будут. MFF реально помог Антоше Ручкину и Нестеренко, которых тут не преследовали вовсе; остается надеяться, что через три года он поможет и мне с моими 12-ю годами лагерей. Были бы только мы оба живы и на свободе через три года...

Никакая мразота «опергруппа» вчера в ШИЗО так и не заходила. Я ответил вчера только Мкртчяну и Мананникову, сегодня до обеда – остальным. Насчет тюрьмы пока тишина.

10.11.16., 12-35

Опять какой-то бред... Сидел, обедал – вдруг открывается дверь. На пороге – мразь Безукладников, протягивающий мне какую-то бумагу. Сперва я думал, это наконец-то бумажка из «суда», их решение об отзыве от 27.10.16. Но нет – оказалось, он дает мне чистые листы и говорит: напишите согласие на использование ваших персональных данных гражданкой Соколовой Н.П. Я, естественно, спрашиваю, кто это. Он говорит, что не знает, и добавляет небрежно: ну, к вам же, мол, все время ездят...

Единственный, кто сюда приезжал, кого я не знаю ни по имени, ни по фамилии, и как раз женщина, – это девчонка-нотариус, приезжавшая по просьбе ребят 28.10.16. Согласие на использование моих данных (т.е. паспорта) было в том заявлении о допуске ее ко мне, которое я писал под диктовку Ромы в один из их давних уже приездов, еще летом, по-моему. Остается думать, что Соколова Н.П. – это именно та нотариус, больше просто некому быть. А с чего вдруг и зачем понадобилось – через две недели после ее приезда – заново получить мое согласие насчет данных? Мразь Безукладников на мои недоуменные расспросы отвечал, что ничего не знает: из управления, мол, пришла телеграмма, и в ней 13-м пунктом сказано получить с меня эту бумагу. Ладно, написал, отдал. Думаю, что хуже мне от этого не будет – и надеюсь, что с переводом на тюрьму всё это никак не связано. О нем (новом «суде» по переводу) этот длинный гондон не сказал пока, к счастью, ни слова...

Четверг. С обеда на три дня поменялся баландер, – об этом блатные орали

по коридору «для всех людских хат» (суки!). Поставили того самого старого длинного хрыча в очках, который был здесь и год назад (с октября по январь, как он сам сказал перед моей камерой вертухаю на вопрос того, знает ли он меня. Ну да, вертухаи-то год назад тут были совсем другие). Между тем, прежний баландер пока еще здесь, – когда мразь Безукладников открыл мою дверь, он как раз прошел мимо. Объяснение одно: идет, видимо, на длительную свиданку, на трое суток. Туда как раз заводят по понедельникам и четвергам после четырех часов дня. А так как последнее время он не только баландер, но и завхоз (после освобождения прежнего завхоза – моего соседа в 2014 г. из 5-й камеры), то, вполне вероятно, завтра я останусь без магазина, – в магазин у них сейчас ходит отсюда именно завхоз. Неделю кое-как продержусь на остатках передачи, но вообще – кислая перспектива, конечно...

1103 дня мне осталось. Будь проклята эта тюрьма, эта страна, моя нелепая жизнь!..

14-10

Итак – только что сведения от вертухаев: выехала опергруппа ИЗ ПЕРМИ! :)))) Это становится, в конце концов, уже просто смешно...

16-25

Вот и принесли сейчас бумажонку из «суда» о прекращении перевода на тюрьму. Принес ее, кстати, тот самый завхоз-балансиер, который, таким образом, НЕ на свиданке. Почему он в таком случае не на баланде – непонятно. Настроение и предчувствия у меня самые мрачные: похоже, продолжение «банкета» уже совсем близко, уже вот-вот... :(((

11.11.16., 11-58

Пятница. Опять намечаются «крестины» – уже третьи за неделю...

В баню повели как раз на время шмона – около девяти. Вывели оттуда, как раз когда шмонобыдло уже одевалось и уходило после «работы». Ко мне, к счастью, не зашло.

Краны, да, и в этой бане поставили такие же, как в той, современные. Но это мало помогает: всё равно холодной воды течет при максимально открытом кране – чуть-чуть, а горячая – потоком; всё равно, поддадут откуда-то из котельной – и льет кипяток, хотя только что отрегулировал, чтобы была теплая... Короче, эта баня к использованию на самом-то деле непригодна. Теперь только полегче, побыстрее регулируется там это всё, и только.

Обед привезли ровно в 11, – совсем охренели!.. Только хотел есть – пришел завхоз со списком магазина и сказал: давай, мол, как-нибудь побыстрее, а то я хочу еще на свиданку попасть. Всё-таки я, значит, угадал правильно; но

почему он уже вчера в обед, за сутки, перестал баланду раздавать, – непонятно.

Магазин на 2000 р. сразу. Писал список товаров опять уродец дневальный, но хоть написал всё, что было, включая стиральный порошок. Наконец-то я взял пачку – по 60 рублей всего сразу ясно, что барахло! Колбаса вся другая, не та, что была, сосиски тоже совсем другие, – вместо Нижнего Новгорода все из Мордовии. Хуже всего то, что когда принесли – вместе с завхозом влезла в «кормушку» и какая-то омерзительная вертухайская харя и начала бубнить, что, мол, «столько – нельзя», сейчас пройдут «крестины» – и мы вас выведем на каптерку, типа, положите там, потом постучитесь, сходите и возьмете. Особенно, как сказал завхоз, не хотели пропускать в камеру порошок – но потом всё же пропустили и его. Теперь остается только надеяться, что после «крестин» эти мрази забудут обо мне, им будет не до того, – потому что это форменная беда, если хоть часть этой жратвы придется уносить в каптерку, где я бываю один раз в неделю, по пятницам, когда баня, а в остальное время туда попасть совершенно невозможно, я давно и пытаться бросил. Каждая мелкая вертухайская мразь тут рулит по-своему и навязывает свои личные правила...

12.11.16., 8-40

Вчера, к счастью, никто так и не пришел забирать у меня колбасу, торты, вафли и пр. И – вот сейчас, только что, из разговоров «мусоров» в коридоре: «Там опергруппа приедет...». :))) Итак – выходные ожидаются веселые!.. Наш девиз – «Ни одних выходных без опергруппы!..». :)))) Да и в будние дни тоже в них как-то не ощущается недостатка...

18-00

Никто, к счастью, не приезжал, никакая нечисть «опергруппа», день прошел спокойно. Вот так: когда ждешь – не сбывается...

Дикая, горькая, мучительная тоска весь день. На пару минут задремлешь, сидя, опершись локтем на стол и подперев рукой голову, – и потом в шоке, в панике, ужасе, отчаянии просыпаешься: «Зачем я здесь?!?! Что я здесь делаю? !?!?!». И не сразу приходишь в себя... Невыносимые, тоскливые мысли весь день, с утра. Ничего-то я в жизни не добился, никого-то у меня нет... Действительно, совсем никого, когда совсем тошно – некому даже написать, не о ком даже подумать как о действительно близком, своём, всё понимающем человеке. (Не то чтобы они, близкие эти, были мне так уж нужны, но все же...) Маня и д/р мой проигнорировала, и на сентябрьское письмо, достаточно быстро ею полученное, не ответила. Вспомнилась с чего-то вдруг Санникова: не пишет вот уже год – и теперь не поздравляет даже с д/р, как раньше (хотя мне и не нужно, конечно). В последний приезд

Глеб сказал, что едва ли она теперь захочет вообще иметь со мной дело... Вера, Лена Маглеванная, Крюков, Люзаков, не говоря уж о столь дальних и призрачных, как Антоша Ручкин, допустим, – кого из них я могу считать и вправду близким мне человеком, на кого могу безоговорочно положиться? Ясно, что ни на кого... Фрумкин, Тарасов, Агафонов, Кантор... призраки, тени прошлого. Ни одного друга, искреннего, а не только сочувствующего мне как символу свободы слова; ни одного человека, на которого я на 100% мог бы положиться. Зачем я это пишу? Сам не знаю. Это уже не исправить, не изменить. Вроде и не виноват никто – но жизни нет, впереди тупик, и сдохнуть я не могу... :((

13.11.16., 5-45

Воскресенье. Ровно 110 дней осталось. Последняя из пяти вех этого проклятого года: 18 января, 27 апреля, 18 мая, 5 августа, 13 ноября. 1400 дней, 1300, полсрока, 1200 и 1100 дней.

Стал чуть получше спать с тех пор, как началась нынешняя отсрочка, отодвинулась непосредственная угроза этапа и тюрьмы. Но всё равно – знаю, что меня вывезут отсюда, не могут, ну не могут они оставить меня здесь еще на целых три года!.. Очень боюсь, что это будет уже на будущей неделе, м.б. – даже завтра, в понедельник. Откроется дверь, протянут мне лист бумаги и скажут: напишите заявление, хотите ли вы участвовать лично и нужен ли вам адвокат. И всё – через месяц «суд», еще через два – апелляция, и – если к тому моменту не вывезут еще отсюда на СИЗО, – всё, поехал, ту-ту!..

Забавно, что все эти оставшиеся три года, 1100 дней, я теперь могу, когда порой у меня чуть-чуть улучшается настроение, приходит мысль, что я все-таки еще жив, и не так уж стар, и за что-то могу еще все-таки побороться на воле, за свое место в этой жизни (это бывает обычно по вечерам, но, конечно, отнюдь не каждый вечер) – я могу надеяться и верить теперь в будущие благодеяния не только Натальи Г., но и MFF, гарантировавшего мне недавно убежище в Украине и обещавшего сделать одним из директоров своего фонда там же. А когда настроение, как обычно бывает, мрачное, и безнадежное (пик этой безнадеги приходится, конечно, на утро практически каждого дня здесь) – не верить им обоим. И не потому, что они сознательные обманщики, а потому, что объективные обстоятельства у всех, кто и хотел бы мне помочь, всегда складываются против меня. По умолчанию я не верю, конечно, ни в какие эти сладкие обещания, кто бы их ни давал, – приучила жизнь не быть легковерным; не верю даже в то, что они там, в Киеве, сподобятся-таки выпустить второй, расширенный и по содержанию, и по тиражу, вариант украинского сборника, хотя

непосредственно делающий его Агафонов и написал мне: мол, работа идет, значит, результат будет. Однако выбор именно данного исполнителя как раз прежде всего и заставляет в этом сомневаться...

А опергруппа приедет, наверное, сегодня, раз не приехала вчера. А то как же так, – ведь ни одних же выходных здесь без опергруппы!.. :))))))

Тоска, пустота в душе, отчаяние... Зачем я писал вчера про одиночество, про то, что нет совсем близких? Разве этими жалобами что-то изменишь? Нет – ну и не надо, обойдусь! Всё равно, как ни живи, а – сдохнешь, и закопают, и что был ты, что не был – всё едино... На самом деле я понимаю, конечно, что я лучше, выше их всех, что я намного опередил свое время – и потому-то у меня такая горькая судьба, одиночество, надо мной глумятся, «не признают» политзэком и т.д. У тех, кто впереди, судьба всегда нелегкая. Что ж, м.б, после смерти оценят, – хотя и это едва ли, конечно...

15-20

Принесли сейчас письмо от Корба, абсолютно дурацкое по содержанию (бегло просмотрел пока что). Заказное, как всегда, – и вручали с новыми фокусами: вывели (!) за ним в «дежурку» – и там какой-то опер, абсолютно незнакомый (слегка похожий на мразь Чертанова, но точно не он), отдав мне само письмо, заставил на обороте конверта расписаться (!), что я письмо получил. Годами рвали эти конверты и выкидывали, и вдруг – на тебе!..

Когда выводили, спросил вертухая про библиотекаря. Оказалось – уже приходил, но ко мне не подошел! Вот гондон!.. Спрашиваю, почему? – вертухай стандартно отговаривается: не знаю, не я водил. Здесь никто ничего не знает, никто ни за что не отвечает и всем на тебя глубочайше плевать...

14.11.16., 18-41

Были «крестины». Приезжала наконец опергруппа :)))) – но сюда не зашла, паники не было. Включали днем даже радио, опять заново починенное (и опять – невнятное бубнение «Радио России в Перми»). Как сказал сейчас, перед ужином, в коридоре под моей дверью дневальный: когда была опергруппа – радио работало, как уехала – перестало.

Прессу, между прочим, не несут уже ровно две недели, с 31 октября. Между «крестинами» и ужином открылась вдруг «кормушка», – я думал, что как раз прессу наконец принесли. А в «кормушку» неожиданно заглянула незнакомая мне эковская рожа... Оказалось, это тот самый уголовник Безруков, сидящий в 28-й камере, – видимо, тоже на ЕПКТ, ибо его фамилия упоминается тут вертухаями уже много месяцев, – для которого пару раз у меня брали газеты. Разумеется, про газеты он и спросил, за ними и пришел из пристройки, где его камера. Удивительно лишь – кто

же это и за какие заслуги ему открыл мою «кормушку» и позволил пару минут через нее со мной разговаривать. Мне бы такого, разумеется, не позволили, если б я захотел. Впрочем, он удивил меня, сказав, что писал мне маляву о какой-то криминальной истории, вычитанной в газете, – не знаю уж, через кого он ее передавал, но малява ко мне, естественно, не дошла. :)))

Главное счастье – что и сегодня, вопреки моим ожиданиям с утра, бумажку в «суд» писать мне не предложили. Пока насчет тюрьмы всё тихо – и я молюсь, чтобы эта тишина простояла подольше. Всё равно увезут, конечно, тут двух мнений быть не может... Я страшно извожу себя этим ожиданием худшего, этим вечным ожиданием беды, еще на воле, до первого ареста оно мне уже было свойственно; этим абсолютным неверием ни во что хорошее, я сам это понимаю (что извожу, что это губительно для здоровья морального и физического), – но ничего не могу с собой поделать. Жизнь, увы, отучила от легковерия и оптимизма; пока я жду беды – она не случается, хоть я от предчувствий ее и не нахожу себе места; а вот стоит только расслабиться и перестать ждать... Вроде пока живой, ноги ходят, руки двигаются, глаза видят (даже без очков) – почему бы не помечтать, что я еще повоюю с ними на воле, что жизнь не совсем кончена? Вот только в результате этого «повоюю» мне не верится почему-то совсем. А в сам процесс, – да, м.б., и удастся еще повоевать, почему нет? Проблема одна: смогу ли я хоть там, вне этой проклятой страны (если еще удастся из нее выбраться!) добиться в этой войне с ней хоть какого-то реального результата? Именно предопределенность его отсутствия и убивает меня сильнее всего...

15.11.16., 5-30

Новая беда, давно не было!.. Проснулся ночью – и вдруг чувствую: воспалилась десна внизу с левой стороны, под обломком как раз того зуба, что так адски болел у меня год назад, в октябре-ноябре 2015-го. Сам обломок, к счастью, пока не болит, только, как это бывало и раньше, приобрел повышенную чувствительность, больно, если тронуть его языком или пальцем. Десна сейчас, утром, тоже вроде стала болеть меньше, даже если ее тронуть. Но всё равно, предзнаменование крайне неприятное. Зубы, слава богу, не беспокоили меня где-то с весны, минимум полгода, а то и больше. Не дай бог, еще и это наложится на ожидание тюрьмы и этапа, а то и – на сам этап!..

Батарея жарит как бешеная, невозможно сидеть рядом. Вчера, пока работало радио, успел услышать погоду: в Перми 14 градусов мороза. Но здесь, видимо, больше; окошко каждое утро зарастает с моей стороны толстым слоем инея (снега, фактически); потом, к вечеру, он постепенно оплывает к низу обеих половинок окна, обтаивая сверху.

Вот и дошла до середины эта тетрадь в 96 листов, которую я начал вести 1-го апреля 2016 года. Ровно семь с половиной месяцев – полтетради. Если и дальше так пойдет, то закончится она только к середине следующего года, к 1 июля примерно. Что ж, дай бог – и дай бог, чтобы вообще была возможность в 2017 году этот дневник вести, потому что если таки увезут на крытую тюрьму, да еще там посадят в камеру к уголовникам – вести дневник при них (и про них, разумеется) будет совершенно невозможно.

А сроку мне осталось ровно 1098 дней...

7-10

Завхоз-баландер сходил на длительную свиданку, вернулся вчера днем – но к баландерству, похоже, уже не вернулся, останется только завхозом. Мерзкую овсянку сейчас раздавал на завтрак тот же самый старый длинный очкастый гондон, что баландёрил здесь год назад, а сейчас был вызван как бы только на замену, на время свиданки. Вертухайский подобострастный подпевала всегда и во всем; а второго в обед кладет, мразь, столько, что его там вообще не видно на дне тарелки, с лупой надо искать. Не говоря уж о том, чтобы налитую кружку подавать ручкой к берущему, как это всегда делал тот (нынешний завхоз), – единственный из всех виденных мною баландеров за девять лет заключения...

12-48

Очередная веселуха!.. :)) Блатные проорали сейчас «суточникам» в ШИЗО, что «спецназ в зону зашел!». Непонятно только, ЗАЧЕМ он зашел...

:))) Пока про это писал – блатные орут опять: «С последним «голосом» расход!». На их жаргоне «голос» – это их устные сообщения типа вышеприведенного, а «расход» – значит, или окончание события, или отмену сообщения. То бишь – опять ложная тревога, нет, видимо, никакого спецназа в зоне.

16.11.16., 12-10

«Приехали гости, будьте на фоксе!», «Серость под крышей!» – позывные блатных из дальнего конца коридора «для всех людских хат» незадолго перед обедом. Одна нечисть предупреждает о приезде другой, короче. Забавно, что ведь fox – это лиса по-английски. :) Кто приходил, что за «серость» – не знаю, но какая-то беготня и паника перед самым обедом были. Руководило всем длинное чмо на букву «б».

Меня пока не трогают, но я всё жду, выматывая себе все нервы этим ожиданием... :(

17.11.16., 5-43

Опять «большой почтовый день» вчера. После обеда мразь Безукладников лично принес письма. Три от Землинского, два от матери,

три – от Майсурияна (№№152-154, – т.е., 151-го письма нет, как прежде 142-го и 147-го!); плюс – от Ионатана, Лены Кондрахиной (плюс ее друзей по группе «Сказки для политзаключенных», собравшихся, чтобы подписать мне эти открытки. А м.б., и не только мне); в майсурияновском письме № 154 было еще и большое письмо от Маглеванной.

Очень удачно вышло, что всем им я успел вчера же и ответить, отдал в отбой. Самые интересные новости – в письмах и распечатках Майсурияна. Во-первых, 17 октября в Нижнем Новгороде некие два брата-активиста, мне до сих пор вообще не известные, устроили в центре города одиночные пикеты в мою поддержку, против перевода на тюрьму. Во-вторых, «Мемориал» пишет на своем сайте, что к этому же 17-му октября он послал заявления не только в Чусовской «суд» (которое я видел), но и администрации зоны, в ГУФСИН, в местную прокуратуру и т.д. Конечно, я не думаю, что именно это заставило подонков отозвать свою заявку, но всё же – хоть какой-то резонанс; особенно хорошо, что его видит начальство лагеря. Впрочем, в том же сообщении на своем сайте «Мемориал» пишет, что Стомахин, мол, лишен общественной поддержки «из-за возмутительности исповедуемых им взглядов»; а Корб пишет в интернете, что и в новый список пзк по версии «Мемориала», опубликованный, видимо, перед 30-м октября, как обычно, – я опять не включен! Подонки, другого слова для них нет...

Пока всё тихо, но я продолжаю ждать продолжения истории с тюрьмой – и нервничать, увы...

Да, забыл еще. Мать продолжает чудить: прислала мне две открытки из тех, что 24 августа подписывали мне на Майдане в Киеве, а потом Агафонов переслал их ей. Причем сама пишет, что мне их не передадут, т.к. они на украинском (подписаны, да и тексты на лицевой стороне тоже). Казалось бы, если знаешь, что мне не передадут – зачем же слать? Ведь ясно же, что открытки просто пропадут, назад ей их точно не отправят!! Тем не менее, эти две пока отдали. Открытки сами по себе оказались великолепными, на темы последнего Майдана, тираж – одна-две тысячи, т.е. – и редкость, и произведение искусства (рисованы художницей Юлией Овчаренко, про которую Агафонов упоминает, что часть открыток для меня она им просто подарила).

18.11.16., 12-16

Новый сюрприз... О-о, проклятая страна!.. Выписал 2000 р, на магазин – а там опять нечего брать! Суки!.. Опять одно сладкое – торты, рулеты, конфеты, печенье, вафли... – и ни колбасы, ни сосисок, ничего мясного! Есть, правда, майонез – маленькими пакетиками по 77 рублей; их десять штук

придется взять, если после обеда, когда завхоз туда пойдет, он вообще еще не кончится. И на остальное – тортов, рулетов, вафель... а жрать по вечерам будет нечего. Хорошо, что от передачи остались еще три батона колбасы, как чувствовал, что пригодятся... А остальные четыре дня – жрать рулеты; если вообще предположить, что хотя бы в следующий раз там будет опять колбаса...

Ровно три года остается мне сегодня сидеть. 1095 дней. Не знаю, как переживу их...

Проклятые мрази-вертухаи опять не ведут в баню, опять ждать до самого вечера (и то не факт)...

14-55

На удивление повезло, – вот что значит всегда готовиться к худшему!.. :) Когда после обеда завхоз пошел в магазин – там уже было полно колбасы, сосисок и пр.! Когда был завоз – непонятно; видимо, прямо сегодня. Он набрал мне на 1000 р. (хорошо, что я догадался и на 2000, и на 1000 написать отдельные списки!) и ветчины, и колбасы, и сосисок, одна колбаса даже была типа краковской, полукругом! :) Сардельки хуже и грубее, чем нижегородские, вообще вся продукция грубее, но – есть можно, как я уже убедился. Видимо, сормовская мясофабрика в Нижнем вздула цены – и они теперь абсолютно всё колбасное закупают в Мордовии, у некоего мясокомбината «Атяшево». Качество ниже, но цены дешевле, – сормовской жратвы на 1000 столько бы не было, на шесть дней (если не на семь, уже забыл, черт!..). Еще какие-то даже паштеты, шоколадку и пр. взял он на эти 1000 р. на сдачу. В общем, праздник живота!.. :))) Начнется сегодня вечером. Жаль только, что лагерный хлеб на все эти бутерброды такой отвратительный.

18-46

Повезло с магазином – так не повезло с баней! Гондонская страна, всё в ней вот так!.. Повели без чего-то четыре в баню – нет тазика. Повели в ближнюю. Стучу тут же, спрашиваю – и это юное (лет 25 всего), глупое и звонкое (целыми днями по коридору только его и слышно, поведение в стиле школьника на перемене) вертухайское чмо мне отвечает: мол, один тазик разбили, а второй – в той бане; сейчас, мол, освободится – и принесут. Мне сразу это было очень сомнительно; но всё же, побрившись, я постучал и спросил. Сперва это чмо стало кривляться (голосом, через дверь), но потом всё же ответило: мол, занят тазик, позже! Но не до отбоя же мне в этой бане торчать! Что мог вручную – постирал вручную, остальное (футболка) – увы... Помылся, вышел – эта гнида и словом ни о чем не обмолвилась, ни о каком тазике. А поскольку он теперь один (на неопределенный срок) – то очень

возможно, что его не будет теперь для меня вообще никогда, т.к. водят-то они ЕПКТ в две бани, и в той блатным, разумеется, тазик всегда будет нужнее...

Ну, и напоследок – чудная, просто потрясающая сцена! Второй год беспрерывно здесь, в здании ШИЗО, сидя, – такое вижу первый раз!.. Подхожу к каптерке – а оттуда вдруг выскакивает длинный очкастый баландер (так он тут и остался) в белом своем маскхалате – и на ручку ближайшей двери по той стороне, где ШИЗО, кладет полиэтиленовый пакет, в который завернуты сигареты и что-то еще. Забегает обратно, я подхожу, смотрю – и обалдеваю! В каптерке на полу стоит большой открытый баул (что-то типа клетчатого, очень грубый и простой), рядом валяются сигаретные пачки; возле баула на корточках сидят баландер и какое-то блатное чмо, как я мельком успел заметить – типа вроде кавказского. Рядом стоит «мусор» в своем камуфляжном тулупе, – т.е., с улицы специально пришел, не из здешних дежурных. И они, ясное дело, под наблюдением этого «мусора» раскладывают по пакетам сигареты, чай, что уж там еще (спички?) – и баландер разносит это по камерам. Шел назад, посмотрел – на ВСЕХ камерах ШИЗО лежит.

Блатная гнида, увидев меня, конечно, тотчас прицепилась, не упустила случая. Сперва демонстративно поздоровалась, – я-то, увидев эту картину, смотрел в основном на баландера, которого всё-таки давно знаю, и о том, как бы мне пройти, спрашивал в основном его, а блатную гниду даже не сразу и заметил; но такие тотчас напоминают о себе! Поздоровалось, я ответил; потом оно тут же что-то прокомментировало, что, мол, я поздно здороваюсь; потом задало великолепный в своей простоте вопрос: «Ты кто?». Впрочем, сразу конкретизировал: «Как тебя зовут?». Я сказал, как зовут, оно несколько раз повторило... в общем, попади вот с такой мразью в одну камеру – и жизнь превратится в ад (хотя и без этого – какая тут жизнь?..). Потом оно занялось продолжением беседы, прерванной моим приходом, а я, убрав банный пакет в баул, поспешил уйти. На спине у гниды буквы «ЕПКТ», то бишь – сидит где-то тут, блатной начальничек...

Это в карцере «пятерки» в Москве баландер просто украдкой через «кормушку» совал сигареты в руку, опасаясь камер в коридоре. Здесь не опасаются ничего. То, что эта дележка и разноска происходит при дежурящих здесь же вертухаях и еще одном, пришедшем специально для этого, – говорит о том, что всё руководство зоны в курсе и дало свое благословение. А между тем, в их же «ПВР» написано, что в ШИЗО курить запрещено (чтобы помучить, конечно; но написано, что – в противопожарных целях); а уж чай строго запрещен даже в ПКТ/ЕПКТ, о

ШИЗО же и говорить нечего. То бишь – это со мной здешнее начальство норовит строго соблюдать все правила, карая сто пятый раз за отсутствие бирки. С блатными всё не так, – их попечением ШИЗО курит и «чифирит» (ненавижу это слово!..) вполне открыто, еженощно, легально, раздача курева идет с ведома и благословения начальничков. Плюс – а как они, интересно, варят свой чифир, на чем? Вряд ли только тряпки и бумагу жгут (да и откуда столько тряпок и бумаги каждую ночь?). Значит, у них есть «бульбуляторы», а главное – возможность подсоединять их к сети, к электропроводке. Судя по тому, как ночник и верхняя лампа на потолке сделаны у меня – это абсолютно невозможно. Но у «суточников» в камерах, значит, не так. Возможность кипятить воду электричеством и мне бы не помешала (притащил бы тайком из каптерки кофе, сгущенка сейчас у меня есть), но – хрен там!.. А у уголовников – все привилегии. Больше всего поражает, конечно, цинизм всех этих губалей, асламовых и прочих начальственных мразей: ломают комедию, сажают в ШИЗО, типа «наказывают» сурово за «нарушения» – а в ШИЗО-то, оказывается, они же сами санкционировали нарушение своих же правил! Вечером один «мусор» стоит и наблюдает за расфасовкой сигарет по камерам – утром другие в составе шмонобанды ходят и безжалостно отбирают, выкидывают в коридор эти сигареты, если у кого вдруг остались! Воистину, страна идиотов, самая нелепая страна в мире!..

19.11.16., 12-05

Суббота. Опять опергруппа. Опять паника и беготня в коридоре. Суки е...чие, будьте вы все прокляты!! Ни одних спокойных выходных здесь!..

20-10

Какие подонки, нет слов! Около четырех часов дня вдруг открылась «кормушка» – и некто, чьей морды не было видно, сунул мне номер «Новой газеты». ОДИН номер! За весь прошедший месяц, с 31.10.16 и с 17.10.16., которым был датирован последний тогдашний номер. Я изумленно спросил, где остальное. Морда буркнула что-то вроде: «Потом!» – и убежала, не спросив с меня даже никакой расписки в получении, которую они тут обычно требуют. Про журналы «The New Times» я от растерянности даже спросить не успел.

Номер этот, что принесли, был относительно свежий, от 14.11.16. Из него я с изумлением узнал, что в США на выборах победил Трамп. (Узнал через 11 дней, нормально!..) Я никак не думал, что он победит, последнее время его рейтинг вроде бы явно падал. «Новая», с ее левыми взглядами, пишет, что, мол, его победе очень рады кремлевские, а на подходе, мол, Ле Пен во Франции. (Трамп положительно отзывался о Путине, а Ле Пен вообще в

случае своей победы обещала признать оккупированный москалями Крым российским.) Я охотно допускаю, что кремлевские (и лубянские тоже) рады и полны надежд. Но не очень верю, что надежды их сбудутся. Фишка в том, что американцы – изначально свободные люди, создавшие себе государство. Поэтому у их государства здоровая основа, заложенная еще первыми поселенцами, потом упроченная отцами-основателями, войной за независимость и т.п. То бишь, самый фундамент государства – здоровый и правильный, и этого не нарушит и не изменит никакой президент-сумасброд за свои максимум восемь лет, – система обуздывает его сумасбродства и порывы, введет его в должные рамки. США как государство и цивилизация устоят. Тогда как – симметрично – русские есть извечные, наследственные, генетические рабы, никогда не знавшие свободы, ненавидящие и боящиеся ее, обожающие своих кровавых царей и вождей, которые их худо-бедно кормят и за них всё решают. Это – фундамент России как цивилизации, заложенный всеми этими александрами невскими (монгольскими холуями!), всеми иванами, петрами и прочей нечистью, доведенный до апофеоза, естественно, Сталиным. То бишь – цивилизацию тотального рабства, построенную на таком фундаменте, не изменит, не сделает свободной никакой добрый царь или гуманный лидер-демократ, никакой самый прогрессивный президент. Во-первых, здесь такой президентом и не станет, а если бы даже каким-то чудом вдруг и стал – он быстренько мутирует, поддастся давлению традиций и «общественного мнения» и будет править всё больше и больше в духе традиционного рабства и тирании – как это случилось с Ельциным (хоть и не настолько он уж был прогрессивный с самого начала). Именно поэтому за Америку я спокоен, она выстоит и при Трампе; а Россию считаю нужным не «спасать», не «освобождать» (всё это заведомо бесполезно), а четко, однозначно и полностью ликвидировать, стереть с политической карты мира.

21.11.16., 5-30

Вчера – в воскресенье! – после обеда принесли еще пять газет за первую половину ноября и один журнал. Потребовали уже расписку. Дверь не открывали, только «кормушку», так что харю принесшего я не видел. Но, похоже, это было главное чмо по «воспитательной работе», ибо на мой вопрос, почему с 31 октября не носили, ответило равнодушным тоном: «Меня не было...». Его не было – значит, и ты газеты не читай почти целый месяц!.. Мрази, всех вас перестрелял бы своими руками!..

Понедельник. Буду опять тоскливо ждать, не принесут ли чистый листочек для заявления в «суд». Вроде бы с каждым проходящим днем, тем

паче неделей вероятность эта снижается, вот уже я и три года разменял, – на сколько меня теперь просить отправить в тюрьму, – на два года и 11 месяцев? Но меня не покидает чувство, что стоит только расслабиться, поверить, что всё обошлось, что всё наконец-то кончено – как именно в этот момент оно и начнется вновь. Собственно, к концу лета я ведь так именно и расслабился, видя, что на «крестины» не дергают, сутки не дают, – значит, вроде к тюрьме не готовят; а мразь Губаль как раз в середине августа и сделал первую попытку... Хорошо, хоть газеты будут весь день отвлекать от этих мыслей.

Психолог-газовщик, кстати, не был всю ту неделю, должен явиться на этой.

13-15

Редчайший случай, но утреннего шмона сегодня не было вообще, шмонобанда не приходила.

22.11.16., 5-35

Тоскливо до безумия. 1091 день этого ада еще остался... Вчера читал весь день, до восьми вечера, эти позавчерашние газеты. Устал страшно, но прочел их все. Теперь – с учетом взятого в воскресенье у библиотекаря барахла – читать до следующего воскресенья фактически нечего. :(

Глупо, но теперь, наряду с вывозом на крытую тюрьму (которого я продолжаю ждать), боюсь еще и того, что не будет каждый раз, как он нужен, тазика для стирки. Нелепая страна...

Стала сильнее болеть поясница последнее время, – даже когда лежу еще утром, она болит, я не всегда могу сразу найти удобную позу, чтобы перестало болеть. Когда после подъема первое время, до шести утра, хожу туда-сюда по камере, болит тоже. Сильнее стало уставать все тело от 16-часового стояния/сидения. Вчера донимала весь день больная (правая) нога: непонятно с чего этот отвратительный свербёж под мизинцем, когда сижу; сейчас, только еще встал, – уже опять то же самое. И унять его нечем, достает страшно...

Правый рукав казенного свитера, в котором я здесь хожу, разлезся уже настолько, что превратился в лохмотья, его уже никак не залатать. Но новый свитер не выдают, несмотря на мои два заявления об этом. Как же, положено его через три года менять, а у меня в августе исполнилось только два. Значит – ходи в отрепьях, всем на тебя абсолютно наплевать...

6-55

Новое веселье!.. :)) Только что, как раз успел позавтракать, – открывается дверь, на пороге стоит вот как раз то веселое глупое чмо, за ним – второе. И чмо говорит: напишите объяснение, что вам за литература приходит, сами ли вы выписываете, или вам кто-то выписывает; и вот та бандероль, что

тогда (31.10.16) была, и т.д. Напишите, мол, всё на листочке. На мои расспросы, что случилось и зачем это понадобилось, – очень туманно: мол, начальство требует. Таким тоном говорят, как будто я виноват в чем-то, напускают таинственности, не желая ничего толком объяснить.

Единственное, что я могу предположить, – вчера как раз вечером я убрал часть газет и журналов из тумбочки наверх, на оконную решетку, а на их место положил более свежие. Видимо, сейчас, утром, эта мразь Губаль увидела через видеокамеру – и решила узнать, откуда. И, скорее всего, на днях опять во время утреннего шмона придут забирать оттуда, с окна, эту пачку. Единственное объяснение, которое с трудом выжало из себя это юное чмо в ответ на мои настояния, – наверное, слишком много макулатуры идет; как-то так. Ублюдки, не знают уже, к чему прицепиться... Написал, отдал ему бумажку.

10-10

Сейчас во время шмона (заметно запоздавшего сегодня) открывается дверь, – стоит та же крысиная вертухайская харя, что утром приходила с веселым дебилом насчет газет и журналов. Говорит: мол, надо написать с шапкой на имя начальника (то же самое). С вам, мол, сказали взять объяснение (это же слово он и утром произносил; а второй говорил – мол, просто напишите на бумажке, и всё). Говорю: давайте напишу шапку на том же листке, – нет, отвечает, его (листка) тут уже нет.

Короче, писать второй раз эту бумагу с шапкой я отказался, харя ушла – а я начинаю думать, не готовят ли они мне опять ШИЗО или еще что похуже (год ЕПКТ? :), раз так официально требуют письменное объяснение. Но за то, что у меня газеты лежат на решетке окна, трудно при всем желании дать даже ШИЗО, – уж не выдумали ли они мне какое-нибудь «нарушение» похитрее? От этой мрази можно ожидать абсолютно всего... Плюс еще – без связи с газетами уже – подумалось: на три года не успели на тюрьму отправить – могут на два с половиной попробовать; тогда из расчета три месяца на все «суды» и апелляции – надо ждать уже в феврале...

24.11.16., 5-51

Еще одна беда: начал болеть зуб с правой стороны снизу, никогда раньше не болевший. Боль пока несильная, можно не замечать; но – и боль может еще разрастись до помрачающей рассудок и не дающей ночью спать, не дай бог; а главное – там, справа, побольше снизу, поменьше сверху, остались последние мои зубы, которыми я теперь только и ем. Не знаю, хватит ли их на предстоящие три года, но – если и там они начнут болеть и крошиться один за другим (а когда-то были хорошо запломбированы, вот и сохранились так долго) – мне станет совсем уж нечем есть... :(((

Предстоит еще один мучительно длинный, бесконечный, тягучий пустой день. 1089 их осталось... Делать абсолютно нечего; читать фактически тоже нечего, кроме библиотечной мурсы. Написать на завтра заявление на магазин – вот единственное предстоящее сегодня дело. Восьмой день, между прочим, сегодня уже со времени последних писем, – но вряд ли принесут сегодня же новые. Жду Свету, а она всё не едет... Жду также и чистый листочек для писания заявления в «суд», – по-прежнему жду, не расслабляюсь, не верю, что меня так и оставят здесь. Это только отсрочка; могут в феврале на 2,5 года начать меня отправлять...

Вернулся прошлогодний старый козел-баландер – вернулась и серая молотая рыба, которую той зимой давали на ужины, а с весны перестали. Странно: не может же баландер иметь отношение и к готовке той «пищи», которую он раздает?! Да и – серую эту рыбу, по-моему, еще и в СУСе осенью 15-го давали. Совпадение, видимо, но какое-то странное и подозрительное.

25.11.16., 5-40

Мразь Безукладников, оказывается, на больничном, а психолог-газовщик – в отпуске. О первом сказал вчера кому-то в коридоре вертухай (тот самый веселый дурачок), о втором – девица-психолог, пришедшая со мной поговорить через решетку камеры. Но не та – крашенная блондинка – что приходила раньше; нет, эта была брюнетка, видел я ее первый раз, но, по ее словам, она и есть нынешняя начальница всей этой их «психологической лаборатории». Сказала, что как только с понедельника (28.11.) газовщик выйдет из отпуска – сразу же явится ко мне, – ага, а то я прямо совсем зачих тут без общения с ним!.. :))) И девица эта, и «мусор» с очередными газетами и журналом, явились вместе прямо во время вчерашнего утреннего шмона, так что, пока отпирали дверь, я уж готовился к самому худшему...

Пятница. Опять баня. Опять ждать ее до вечера. Да еще и магазин, если он вообще будет...

17-55

Вот и кончилась передышка. И принесли чистый листочек, которого я ждал... Сейчас, в начале шестого (когда обычно я думал, что уже всё, вечер, не будет ничего) – выдернули писать новое заявление в «суд» про тюремный режим...

В понедельник, 28-го, они отправят туда бумаги. Еще месяц до заседания – а это как раз перед Новым годом. Вся интрига в том, успеют ли рассмотреть до Н.г. – или уже я январе только, в середине где-нибудь. Ну, и месяца полтора-два на апелляцию. То бишь, в марте в любом случае уже увезут...

Шок, как и тогда. Не хочется жить. Не хочется рассказывать даже о том,

какое чудо было сегодня днем, – приехал Феликс с новой доверенностью, его пустили; и как я был изумлен, глазам не поверил, увидев его... Правда, мрази таки украли у нас час из четырех часов свидания, благо у него не было при себе часов. Но всё равно, такое было счастье, такой праздник – и вот... Будь всё проклято, вся эта нелепая жизнь!.. Что там со мной сделают, в этой тюрьме, если они, как пишут «Грани», все пыточные – и если Дадина вот недавно, как пишут в «Новой», били в сегежской зоне и подвешивали за наручники?..

26.11.16., 6-00

Спал всего три часа этой ночью. Проснулся в час, вспомнил – и всё! Сон как рукой сняло. (Да еще мыши опять возились в тумбочке.) Теперь так будет все три месяца – или сколько там займет эта процедура, от вчерашнего заявления до этапа? Ожидание АДА, которое оказывается хуже самого АДА... М.б., 1000 дней 21 февраля разменяю еще здесь, дай бог... Изначально панику в душе вызывала мысль, что посадят на тюрьме этой вместе с уголовниками, а потом еще и «Грани» стали писать (в майсуряновских распечатках), что, мол, все тюрьмы – пыточные; а тут еще эта история с Дадиным, с пытками в этой карельской зоне, где его били и подвешивали за наручники... Со мной может быть так же, хотя еще неизвестно, что хуже: когда «мусора» подвешивают за наручники – или когда уголовники в камере орут на тебя и «воспитывают» в духе своих «понятий»... Отсчет пошел, машина запущена, и, представляя по утрам, как и в тот раз, все ужасы этапа и самой тюрьмы, я просто не знаю, куда деться от ужаса, отчаяния и тоски... 1087 дней осталось; а жизнь – жизнь давно уже прошла...

14-10

Утренний шмон сегодня вдруг поперся в 5-ю камеру, по соседству со мной, и у хмыря, сидящего там в б/м, почему-то забрал ложку. Это само по себе бред и идиотизм; при этом и сразу после шмона, и до обеда, и во время обеда потерпевший этот долго бесновался и орал, категорически отказываясь от какой-то другой ложки, которую ему предлагали взамен. Обоснование: «мне нужна стопроцентно МУЖИЦКАЯ ложка!!!». Страна идиотов, б...дь, тупого, бессмысленного быдла, скотов и нечисти, обожающих кастовую систему и рабство...

27.11.16., 5-34

Эту ночь спал чуть побольше (упустил посмотреть точно, во сколько проснулся), но всё равно мало. Два-три часа перед подъемом – ужасных мыслей и бесплодных попыток заснуть. Вчера весь день был как варёный, ничего не соображающий из-за бессонницы; сегодня будет то же. Написал

еще вчера дурацкие письма – Люзакову (хоть и давал себе зарок не писать ему, раз он не отвечает) и Кириллу Подрабинеку. Зачем, для чего? Сам не знаю. Чтобы успокоить хоть отчасти свою мятущуюся, трепещущую от ужаса душу, должно быть, и занять чем-то голову. Когда брал вечером матрас – стоявший в коридоре мразь Пьянков, опер, протянул мне вдруг письмо. Оказалось, от Мкртчяна, заказное, нот конверт мразь Пьянков не забрал, как забирают конверты от заказных писем другие, – либеральничает... Как я обрадовался этому письму – слов просто нет: будет чем заняться сегодня! Написать Мкртчяну ответ; ждать часам к четырем библиотеку (но читать я не могу, ничего не лезет в голову, кроме этапа и тюрьмы), да еще вот сейчас, пока лежал перед подъемом, пришло в голову написать Бабушкину, – так, для очистки совести. Он со своим СПЧ, конечно, тоже ничего не изменит и не предотвратит, но – тут уже чистый Чичибабин: «...Но что-то делать нужно,/Чтоб не сойти с ума...».

13-35

Неожиданно прорезался соседка моя из «пятерки», – вот это да!.. :)) Событие, однако! Я аж в легком шоке. :)) Стал не только стучать в стену, но и звать по имени, – тут уж пришлось ответить. Больше месяца, по-моему, сидит тут – и вдруг надумал, а как заехал – познакомиться не счел нужным. :) По 158-й, три с половиной года сроку, в январе разбивает последний год. Скучно, говорит, ему стало – вот и решил пообщаться. Сидит на б/м, я это прекрасно знаю, но на мой (специально, конечно) вопрос: ПКТ у тебя, или что? – говорит, что, мол, на общих (основаниях). Про б/м открыто говорить они стесняются... :)

Это, между прочим, вот тот самый идиот, что вчера орал про «мужицкую ложку». :))) Более того, в обед, я слышал, вертухай (вот тот самый веселый дебил) его уговаривал взять баланду – а тот, значит, отказывался и, судя по репликам вертухая, всё из-за той же ложки. Видимо, хлеб один берет, и всё, как в Кирове идиоты из-за «килишованной посуды». Сколько же идиотов на свете, боже!..

Самое, однако, «веселое» ответил он мне на вопрос про крытую тюрьму (когда я упомянул, что жду отправки туда). Ну, точно он, конечно, не знает, с его сроком и статьей это не удивительно; но – сказал, что отправляют в Минусинск! :))) Вот уж будет и в самом деле весело, если отправят туда, – тогда ни ребят, ни Веру, ни Феликса я до-о-олго не увижу, ибо в Минусинск даже с Урала, не говоря уж про Москву, – только самолетом!

Будь она проклята, такая жизнь! Будь проклята эта страна ублюдков, мрази, рабов и холопов!.. Почему, ну почему я не могу покончить с собой?! Опять последние дни эта мысль приходит в голову. Возможность это

сделать тут есть вполне реальная, всё бы получилось... Нет только мужества.
:((((

28.11.16., 5-34

Опять не спал полночи, – не помню, со скольких именно, но уж точно не позже, чем с часу. Больше трех часов подряд проспал у меня, увы, никак не получается. Что ж поделаться, буду писать это каждое утро: не спал, не спал, не спал! – пока не сдохну, или не сойду с ума, или не увезут меня на тюрьму... Здесь-то хоть еще можно писать что-то, вести дневник, – там такой возможности наверняка не будет. А сегодня, очевидно, бумаги отправят уже в «суд», как раз понедельник... М-да, настраивался у меня сон целый месяц почти, пока стал более-менее нормальным, хотя бы часов по пять в сутки, – и в одну секунду сбил его опять этот принесенный мне после ухода Феликса чистый листочек!.. Теперь, лёжа по четыре часа без сна, я даже уже не думаю о том, что именно меня ждет этапом и в самой тюрьме, – мне теперь достаточно просто вспомнить эти жуткие хари, виденные здесь 7 ноября в прогулочном дворике, – и всё становится ясно без слов... Срок идет постепенно к концу, «под горку», как говорится, – но я почти не думаю об этом и не чувствую этого, настолько безнадежным мне видится мое положение. И жизни нет, и сдохнуть не могу, будь всё проклято!!!

29.11.16., 5-35

По-настоящему в эту ночь спал совсем уж мало: первый раз проснулся около 11-ти, второй – не помню уже, то ли к полуночи, то ли к часу ночи. (Каждый раз, просыпаясь и вставая, смотрю на часы, стараюсь запомнить время, – и в половине случаев потом всё равно его не помню.) Но после этого все-таки еще пару раз задремывал, пусть даже всего на несколько минут; один раз – даже уже после четырех, незадолго до подъема. Но всё равно это не сон, конечно. (О том, что задремывал, знаю только потому, что что-то снилось, не помню, что именно.)

Пришло вчера в голову: мое состояние что в те полтора месяца, что сейчас, с момента, как выдернули 25-го писать заявление в «суд» – это в точности состояние приговоренных к смертной казни, как оно описано во многих книгах. Человек уже полностью отрешен от всех земных дел и забот, ему всё равною, что происходит вокруг него, – ему осталась одна ночь жизни, или, в крайнем случае, одни сутки. Вот так же ощущаю себя и я, причем не сутки, а месяцы; только не могу никак отрешиться полностью не только от окружающего меня в настоящую минуту, но и от мыслей о будущем (из-за которых и не сплю), ибо у казненного хотя бы мучения кончаются в момент казни, а меня ждет лишь продолжение и усугубление мучений – этап, а потом тюрьма, особенно если, не дай бог, посадят с

уголовниками.

Подсознательно жду (вчера, по крайней мере, ждал) психолога-газовщика, – сознательно-то он мне даром не нужен; но – это единственное, чего еще осталось ждать. Света, как я понял со слов Феликса, не приедет (потому-то, видать, он и приехал вместо нее), ребята – только, дай бог, после «суда», если до Н.г. успеют, а то и в январе. Да еще вот – сегодня уже 13-й день, как были письма (16-го ноября). И всё, больше ждать нечего, жизнь замерла. Я в могиле, фактически просто похоронен заживо, – и мне уже не верится, что через 1084 дня эта могила раскроется и всё-таки выпустит меня...

30.11.16., 5-46

Последний, третий раз проснулся сегодня где-то четверть третьего – и уже не спал, разве только задремывал на несколько минут один-два раза. Тоска невыносимая, ужасная, адская... Сперва она охватывает душу, когда, только проснувшись, вспоминаешь, что еще один бесконечный, тягучий, пустой день предстоит провести здесь, мучительно подыскивая, чем бы заняться, как убить время. Но еще хуже становится, когда всплывает в голове мысль, что и отсюда скоро придется уехать в другой, еще худший ад, еще дальше – м.б., в Минусинск...

Полдня вчера включали радио – какой-то идиотский канал, то «танцевальное радио», а то в записи (два раза полностью за несколько часов) какая-то попса плюс пошлейший «блатняк» – песни Дюмина. Вот уж не думал, что есть радиостанции, где их крутят! На завтрак последние четыре дня давали отвратную серую кашу (не знаю названия, но не сечка и не овсянка), – хорошо, что я запасся сухими тортами; но если и дальше так пойдет, то на пятницу, перед новым магазином, завтрака у меня уже не будет. Писем вчера так и не было. Долговязая мразь, что должна их приносить, не появляется, голосочка в коридоре не слышно, – видать всё болеет. От души желаю ей сдохнуть!!! А сегодня ровно 14 дней уже без писем

Неописуемая, нечеловеческая тоска. Жизнь прошла, и кроме ада тюрьмы и всяческого дерьма, ничего меня уже не ждет, ни в тюрьме, ни на воле. Пустота как итог прожитой жизни, – во что обиднее всего. Ничего не добился, никем не стал, никому не нужен. Книжку – вместо издательства делает кустарно, на коленке, Миша, а издательство, по словам Феликса, от дневника моего таки отказалось, – впрочем, иного я и не ждал.

Я не знаю, где взять душевных сил, чтобы все это выдержать. Хватаюсь, как тонущий, за воду... Как выдержать этот ад в течение еще 1983 дней? Пришло тут в голову: если в тюрьме запихнут к уголовникам – очень вероятно, что придется лазить на второй ярус, на верхотуру шконки. Там

могут быть деды еще постарше меня, больные какие-нибудь, – кто мне уступит низ? Десять лет, с 2006, ни разу наверх лазить мне не приходилось, но тут – выбора не будет. И так и не могу понять я, как всё это так вышло со мной, что ничего не достиг и не нужен теперь никому...

Иной раз я оглядываю свою камеру – и мне кажется, что я всю жизнь здесь провел, что ничего другого, кроме этой камеры, и не было у меня в жизни – и уже не будет...

6-58

Да, на завтрак опять та же серая мерзость, пятый день подряд... :))

Так и не ответила, кстати, Маня на мое сентябрьское еще письмо, точно ею полученное. Нет больше на нее надежды, нечего и ждать писем. И тут обманула судьба... Вся ее «любовь», все ее обещания, все мои надежды, – всё оказалось обманом, иллюзией, туфтой. Что ж, у нее своя жизнь, свои радости, надежды, огорчения, у меня – свои. Да еще эта ее психическая неполноценность, о которой она сама же мне написала в единственном письме за этот год, от 27.2.16 (я получил через Маглеванную 6-го апреля). Никого никогда в жизни у меня не было ближе ее, и, конечно, я бы и такую ее не отталкивал, если бы... если бы она была со мной, хотела бы этого. Но ее хотения ненадолго хватило; еще одна, последняя, совсем тоненькая ниточка, еще привязывавшая меня к этой жизни, – порвалась... Я хожу по камере и, облизываясь, смотрю на крепкую, прочную, намертво приваренную решетку: как здорово было бы на ней повеситься! Уж она-то точно выдержала бы – и это было бы куда лучше, чем ехать на пыточную тюрьму в Минусинск! Увы, пока что – ПОКА! – на это мне не хватает духа. Суицид, таким образом, остается моей самой заветной и тайной мечтой, – глупо, да? :))

12-21

На второе опять овсянка, – давно ее не было! Будь всё проклято!.. Значит, весь мой обед – только суп (вода, картошка, морковь, пшено) и корка хлеба с майонезом, как обычно.

Музыкальное это говно, которое крутили по радио вчера, уже несколько часов крутят опять, точно те же песни в том же порядке, – попса (частью на английском) вперемежку с блатняком-«шансоном» (не только дюминским, кстати). Теперь я понял, что это никакая не радиостанция, конечно, а просто записаны эти песни на диск, видимо, – и их крутят по лагерной радиотрансляции, неведомо зачем. А в конце записи там идет кусок из эфира какого-то «танцевального радио», что и создает дополнительную путаницу.

Опять вскоре после шмона выбивало свет, – тоже давно не было! Суки, всё

у них работает черт знает как, что в лагере, что в стране – одна поганая имитация! Пришлось долго стучать, пока подошли, грубым голосом спросили, в чем дело, и включили.

Хотя – все эти мелочи уже меня не вернут из загробного мира, конечно. Скоро, скоро меня повезут из этого ада в другой, еще хуже, и ни о чем другом я не могу думать. Разве что о том, как безумно жалко, что вот жизнь уже прошла – а я так ничего и не успел в ней...

Письма не несут 14 дней. Психолог-газовщик (сгореть бы ему там на газовой трубе!) не появляется с 7 ноября, 23 дня. Тоска, одиночество, пустота, бессмыслица... Зачем я живу? Я сам не знаю...

17-38

По утрам, до подъема еще, бывает совсем плохо и тошно на душе, об этом я уже не раз писал. Но когда уже встаешь, начинается день, я хожу, двигаюсь, мыслю, живу (если это можно назвать жизнью! :) – чем же всё-таки я держусь, как выношу этот ад мыслей и предчувствий? Сегодня подумалось: видимо, только, исключительно за счет того, что говорю себе: вот еще на один день меньше осталось, уже не 1084, а 1083 дня только... Ничего другого нет. В эти 1083, в эти 154 с половиной (завтра) недели входит еще много ужасов: этап, пересылка на 29-й, Киров, тюрьма, битьё, уголовники, верхняя шконка... что там может быть еще ужасного, не знаю? Но, видимо, всё это для меня перекрывается тем, что – вот и еще на один день меньше, и убывают недели очень заметно и скоро, скоро уже вместо четырехзначного числа дней будет трехзначное: 999... Видимо, только этим я и держусь тут день за днем, не сойдя еще с ума от безнадёги и отчаяния. Чуть-чуть уже виден краешек воли...

ДЕКАБРЬ 2016

1.12.16., 5-18

Вертухай в коридоре сказал вчера беспокойному дебилу из 4-й камеры, что сегодня выходит мразь Безукладников. Выздоровел, гондон!.. :))) Но мне это ничего не сулит, – писем он в первый день своего возвращения всё равно не принесёт. Сегодня 15 дней, как не несут письма...

Спал плохо, как всегда, но даже не помню уже подробностей. Последний раз просыпался, кажется, в районе двух, но потом, видимо, задремывал еще ненадолго, хотя никаких снов за сегодняшнюю ночь почему-то не помню вообще.

«Берег мой, покажись вдали/Краешком, тонкой линией...» Мой берег – свобода. Она еще даже тонкой линией не видна на горизонте, но – вот-вот покажется, и я жду этого с замиранием, целые дни напролет думаю только об этом. Когда же? – м.б., 21-го февраля, когда мне останется 1000 дней? Не знаю... Остается всё меньше, и хотя это «меньше» вмещает в себя тюремно-пыточный ад, – на что мне еще надеяться, чем жить?..

Хуже всего – чувство полного бессилия. Вот они послали бумаги в «суд», и я знаю, что дней через десять уже придет оттуда бумажка с датой заседания (и мне тотчас же дадут опять 15 суток :). На воле еще ничего этого не знают, мои письма еще не дошли. Просто тянутся дни один за другим; всё уже заранее намечено, расписано, тюремно-бюрократический порядок этот незыблем; шестеренки вертятся медленно, со скрипом, но – Система работает, неумолимо перемалывая свои жертвы, и я, тоже намеченный ей в жертву, ничем не могу ей помешать, не могу никак затормозить ее ход, абсолютно ничего не могу сделать... Единственное, что остановило бы эту ее железную предопределенность событий относительно меня – это мой суицид. Но и на него я никак не могу решиться...

7-00

Шестой день на завтрак всё то же серое дерьмо...

15-30

Аж колотит всего, трясёт, не могу... Мразь Безукладников открывает дверь и говорит: – Пойдемте. – Куда? – К начальнику. – (выходя из камеры) Опять за 15-ю сутками, что ли? – Нет. За 12-ю. В результате привел меня в кабинет, где сидел психолог-газовщик. Шутник е...й, гондон!.. А газовщик еще его и оправдывает, когда я ему всё рассказал, – мол, у него (гондона) работа такая, свихнешься, если не шутить, и т.п. И – мразь эта длинная, писем, конечно, мне не принесшая, оказывается, дала газовщику всего 15 минут на беседу со мной, а то, мол, у них сейчас крестины начнутся. Мрази,

ублюдки, всех бы вас перестрелял лично, своими руками!.. Убивать, убивать, убивать!.. :)))

2.12.16., 5-25

Эту ночь не спал вообще, совсем нисколько. :((Не задремал, кажется, даже под утро, как иногда бывает в таких случаях, – по крайней мере, не снилось ничего. Боже, как это глупо, обидно и пошло: лежать с закрытыми глазами почти восемь часов – и так и не заснуть! Впрочем – жизнь прошла; так что будет еще и похуже. Ближе к вечеру вчера принесли журнал и три газеты, читал их до самого отбоя (из газет успел прочесть только полторы). Больше всего поразили приводимые Латыниной цитаты из писем Дадина – о том, как его по нескольку раз в день избивала ногами толпа в 10-12 человек. Со мной может быть так же на крытой тюрьме, тут ничего лукавить и врать себе, что всё будет хорошо, всё обойдется. По сравнению с этим бессонная ночь – просто пустяк, хотя – если сознательно не применять насилия, то из всего того бытового уклада тюрем и лагерей, который складывается, так сказать, сам по себе, бессонница, невозможность ночью полноценно спать – самое мучительное, что я знаю еще с буреполомских времен...

1081 день остался. Тоска жуткая, дикая. Гадаю, когда дойдут мои письма матери и Корбу про новый раунд перевода на тюрьму. Должны вроде уже в понедельник-вторник, 5-го или 6-го...

6-40

Опять та же серая дрянь на завтрак... С начала декабря, похоже, начали возвращаться старые вертухай, которых не видно было месяца два или больше. Одна косоглазая харя, по крайней мере, дежурит уже со вчера.

Тоска дикая. Не хочется жить. Я проиграл, проиграл тотально – и ничем не смогу отомстить ИМ...

Всё возвращается на круги своя... Вернулись и эти два мерзких выродка, недочеловека, гнойных ублюдка – белобрысый упырь и курточник. Работали – как вроде бы упырь сказал кому-то в коридоре – на 35-й; а тамошние – здесь, всё правильно. Уже сегодня в отбой ублюдок курточник будет опять муштровать меня: «куртку наденьте», а м.б. – попытается и завтра в подъем, если уже успел забыть, как летом, в июле, я его обломал и отучил от этого... Жду с нетерпением, пока эти мрази поведут меня в баню – и окажется ли там тазик... Сделать ничего нельзя, а хочется только одного – убивать этих мразей лично, своими руками... Тоска и отчаяние от бессилия и от перевода на тюрьму...

3.12.16., 5-40

Вы будете смеяться, но и эту ночь я не спал!!! :))) За последние час-полтора, опять-таки, не совсем уверен, м.б., чуть-чуть и задремывал, но и то

– вряд ли. Остальное же время, как лег около десяти вечера, – ни в одном глазу!.. Бред, чума какая-то, полный финиш... Интересно, сколько я так выдержу без сна и не сойду ли с ума... :(

Вывели вчера вечером из бани – и как раз мразь курточник сказал забрать в их «дежурке» письма! Так что до отбоя сидел и читал их. Четыре от Землинского, четыре от матери, как всегда, одно – от Воробьевского и одно – от Майсурия, переславшего м не письмо Горильской, что меня удивило само по себе: как это он согласился, раньше ведь не хотел! Мать, знающая об этом от самой Горильской, добавляет в одном из писем, что часть письма Горильской он при пересылке выбросил.

Новостей важных во всей этой почте – две. Менее важная: Горильская пишет, что в ноябре она так и не ездила в Италию, как собиралась, планирует в начале декабря (т.е. сейчас она должна быть там). Более важная: мать пишет, что Агафонов обещает доделать украинский сборник на к 15 декабря, как я просил, а к 15 января 2017. Что только подтверждает мое предсказание: никакого сборника не будет. Сделали 100 штук – и всё, а уж 2000 – не судьба, а объективные причины не сделать их – всегда найдутся. Как и всегда, ночью помимо воли бродило в голове множество мыслей, от которых я никак не мог отделаться, – о том, как утром отвечать на все эти письма, – и это, возможно, и было одной из причин того, почему я всю ночь не мог заснуть.

Осталось мне 1080 дней, 154 недели. Но за это время я еще успею хлебнуть АДА... :(

4.2.16., 5-45

Эту ночь наконец-то спал, причем даже не так плохо, не до часу-двух, как обычно, а подольше. Это, собственно, и главная новость, и единственная на сегодня. Всё-таки двое суток без сна не прошли даром, – удалось хоть сколько-то компенсировать их, выспаться. Проснулся – и уже нет чувства изумления и легкой паники, бывшего вчера утром по поводу столь долгой бессонницы, и опять всплывает, возвращается то, что было раньше, до нее, – чувство ужаса перед перспективой ехать на тюрьму, сидеть на пересылках с уголовниками, таскать неподъемные баулы по столыпинским вагонам... Я сижу здесь, в камере, а где-то там, далеко, колесики крутятся, механизм работает, назначаются даты «судов», пишутся бумажки, идут на работу с утра конвоиры, которые потащат тебя силой в наручниках, если ты не захочешь идти сам... И я не знаю, что мне делать, как сопротивляться этому насилию, когда всё уже решено за меня. Точнее – знаю, что единственный путь все же отказаться жить по предписанному ими мне еще на три года сценарию – это отказаться жить вообще. Умереть, но не жить в их клетке,

куда они меня засунули. Но на это пока – увы! – так и не хватает мужества...

6.12.16., 11-10

Выродки, мразь, недочеловеки, ублюдки, всех бы вас в печь, всю вашу поганую страну ублюдков и быдла, всех бы вас, нечисть двуногую, перестрелял бы своими руками... Сейчас приволокли бумажку: «суд» по переводу на тюрьму назначен на 26-е, в десять утра! Успели-таки до Нового года, суки, мразь, бляди е...ные!.. «Судья» уже другая; а назначили (бумажка датирована) еще 1-го декабря! Торопятся, мрази... И ничего с этим сделать нельзя, проезжает по тебе это государство, как асфальтовый каток, и раздавливает в лепешку...

12-35

Куда мне деваться, господи?.. Такая тоска, такое отчаяние, что кажется – лопнет сейчас голова... Беспросветное отчаяние, и нет из него выхода, и некуда деться... Прошла жизнь, впереди – одно сплошное, тотальное дерьмо... А на дежурстве опять все эти, вся прежняя нечисть, – косоглазые, белобрысые, всё опять в точности так же, как было год назад...

7.12.16., 5-54

Спал несколько часов этой ночью; не так плохо. И – уже нет в эти последние час-два перед подъемом той безумной, чудовищной внутренней истерики, какая была в сентябре-октябре, в первый заход «перевода на тюремный режим». Видимо, не осталось уже и на истерику душевных сил, исчерпались; внутри я – просто мертвый... Но всё равно, убиться, разбить башку об стену, прыгнуть с разбегу в пропасть, умереть, не жить, не быть – вот единственный способ избавиться от этого давящего тупого катка, проезжающего по тебе – и расплющивающего в лепешку... Очень странно, что не явились сейчас с провокацией, в подъем, насчет доклада, бирки и пр. – надо же дать мне к «суду», к 26-му, очередные 15 суток... Впрочем, могут и не только в подъем, могут и завтра, – время еще есть...

Мне осталось 1076 дней. Я ненавижу и проклинаяю их государство РФ с подъема до отбоя...

8.12.16., 5-34

Клинический идиот вчера на отбое, – рожа знакомая, но не из тех, что здесь дежурят постоянно. Никак не мог отпереть вторую дверь (решетку) в камеру, возился чуть не полчаса. Я всё это время стоял возле нар, держа их рукой, как обычно в ожидании, пока их опустят. Когда же я сказал этому идиоту: мол, давайте сперва опустим нары, – он, недолго думая, повернул рычаг ВЕРХНИХ нар, которые шваркнулись прямо мне на голову (я-то держал нижние)! Удар был приличный, прямо по левому виску (я хотел убрать голову, но не успел), слава богу, не начала от этого болеть башка, как

я опасался. Будь ты проклят, тупой ублюдок, животное, бессмысленный безмозглый кретин!..

1075 дней осталось. Тоска невыносимая, – тоска и страх: как же я буду ТАМ!.. Ладно даже тюрьма с ее пресс-хатами, карцерами и вторым ярусом, – даже проклятая 29-я представляется мне адом, как только вспомню мое там пребывание в 14-м и 15-м годах. А уж ее-то, 29-й, мне, похоже, не избежать никак... В бессильной тоске и отчаянии я проклинаяю, проклинаяю, проклинаяю без устали этот мир, эту е...ную страну, всё это быдло, которое ее населяет и лижет веками жопу своим кровавым правителям, и всю свою неудачную, нелепую жизнь, – а в этой стране она и не могла быть удачной!.. О, если бы слово (и проклятие в том числе) имело и впрямь такую силу, как мне в 12-м году объяснял внезапно увлекшийся мистикой Паша Люзаков, – тут давно бы уже была выжженная пустыня, а на месте лагеря – руины, занесенные песком...

Сегодня 8-е декабря – ровно 25 лет подписанию Беловежских соглашений о юридической ликвидации СССР. Хоть что-то хорошее! Надеюсь, восстановить его им уже не удастся...

9.12.16., 5-50

АД... АД впереди... Тупо проходят дни, оставшиеся до 26-го, до рубежа... Я или читаю, или хожу туда-сюда, нараспев повторяя, сколько осталось... АД... Ледяные карцера, пресс-хаты, второй ярус под слепящей лампой, набитые быдлом, зверьем камеры пересылок... У меня уже нет сил бояться, нет душевных сил даже не тот утробный предутренний ужас, который был в сентябре... Всё внутри пусто, мертво, выжжено беспредельным страданием... А дни идут... И ничего нельзя сделать, абсолютно ничего, никак нельзя затормозить... Месяц отсрочки уже прошел, увы... Можно только умереть, но нет мужества и на это... Срок тоже идет, уходит, сокращается потихонечку, день за днем; вот уже 1074 дня осталось, уже меньше трех лет... Но – их придется провести в АДУ, эти два с чем-то года, и потому даже убывание срока по-настоящему не радует душу...

Я совсем сошел с ума, – по утрам, на время шмона, «паскудный час» с девяти до десяти, стал последнее время поддевать под свитер «теплек» от нижнего белья, чтобы его, если влезут сюда шмонать, не нашли и не забрали бы. Раньше я так делал, только когда мне выписывали 15 суток, а теперь... Он не запрещен, но я стал почему-то бояться, что заберут – а померзнуть-то наверняка еще придется, – там, в АДУ, и по дороге... В камере же пока что жарко, даже в том, что на мне, и без «теплека», так что это – добровольное мучение, еще одна маленькая пытка...

Весна 20-го, где же ты?.. Не перестаю удивляться, как нелепо всё это будет

выглядеть оттуда, из большого мира, если я сумею до него дожить. Буду просыпаться утром, вставать – и вспоминать вот эти утра, в камере, звонок, грохот подъезжающей тележки-говновозки с завтраком... «Что это было? И зачем?..» И не будет, не будет ответа на эти вопросы. Что это сейчас? И зачем? 12 вырванных из жизни лет – зачем? Ведь всё равно же я не «исправлюсь», не изменюсь, останусь при своем, – при своих мыслях и убеждениях, хотя и без зубов... И буду вам мстить, ублюдки, за мою поломанную жизнь, за всё-за всё, если только доживу до воли!..

14-52

Вернулся только что из бани, – сегодня рано что-то повели!.. Но все равно, косоглазую быдлотатарскую мразь (2 шт.), сегодня дежурящую, ненавижу так, что с удовольствием порубил бы на куски живьем, – лично порубил бы, своими руками...

В бане, оказывается, ничего так и не наладилось с тазиками, – еще когда водили других, слышал в коридоре разговоры про их принос (из одной бани в другую), а сейчас – конечно, тазика в бане нет!.. Хорошо, что сегодня он мне и не был нужен, не пришлось разговаривать с косоглазыми. Но в следующий раз, через неделю, он понадобится, так что разговоры с дежурящей в пятницу 16-го декабря вертухайской мразью еще предстоят...

В магазине – всякая ерунда, завоза так и не было, с трудом набираю товара на 1790 р., получающиеся при делении всех доступных мне с сентября денег на пять пятниц. Да еще и не несут этот магазин, хотя уже четвертый час, давно пора...

С украинским сборником пролетел, это страшно обидно, однако – ничего иного я и не ждал. :(((

16-37

В начале пятого завхоз принес наконец магазин. Какой ублюдок, какая мразь!.. Подтвердилось то, что я заподозрил еще раньше, читая список: он не ходил сегодня в магазин переписывать ассортимент товара, а всучил мне список недельной давности! Сейчас приволок: колбасы не два вида, как в списке, а три (появилась какая-то «Казачья», которую я до сих пор еще ни разу не видел), сосиски другие (по 6 в пачке, а не по 12), вафельный торт – другой, и т.д. Т.е. – завоз с той недели уже был, а он на мой вопрос только что опять соврал, что, мол, завоз будет за неделю до Нового года. Сука такая, хитрая тварь! Леня было сходить, написать. В результате этого обмана – принес он мне не шесть ужинов, как мне надо было, а пять, – хорошо, что у меня еще остались три батона копченой колбасы из октябрьской передачи. В общем, еще одно яркое подтверждение того, что всей этой русской (и вообще расейской) нечисти и швали доверять нельзя, – это потомки

крепостных рабов, хитрой и подлой дворни, только и смотревшей, что бы и где спереть у барина, как бы не работать, обмануть его, а только бы пить в людской, куражиться в пьяном виде, да валяться под забором! Жулье, жулье и еще раз жулье; страна воров, обманщиков, «кидал» и пр., без участия которых я, увы, в моем случае прокормиться не могу, т.к. сижу в камере и в магазин сам не хожу. Насчет этого жулья совсем не так уж и неправ был гоголевский Плюшкин, говоривший, что дворня только и смотрит, как бы и что у него украсть. Сегодня, через 170 лет, я это же самое наблюдаю в их отдаленных потомках...

Тем не менее, я вытерпел бы и это, и «казачью» колбасы, как терплю уже сколько времени и всю косоглазую, белобрысую и прочую вертухайскую мразь, и безобразную баню, и новейшую теперь еще проблему с тазиками в ней, и пр. и пр. и пр. – лишь бы только меня оставили здесь, не вывозили бы на тюрьму, не сажали бы с уголовным быдлом нигде – ни в столыпине, ни на пересылках, ни в самой тюрьме... Но нет – всё уже предрешено, часы пробьют 26-го, и будущее мое мрачно и туманно. Хоть бы до апелляции оставили здесь! – а она будет никак не позже февраля, судя по 2014-15 гг., когда ребята обжаловали мои первые ШИЗО тоже в декабре – и апелляция была в феврале.

Никто не ждет, кроме матери. Никого я себе не нажил, не приобрел за всю жизнь... :(

10.12.16., 5-19

Опять косоглазые мрази подняли ни свет ни заря, десять минут шестого. Вечером уже явится курточник...

В эти час-два перед подъемом, самые тяжелые за сутки, особенно обостряется во мне желание написать еще кому-нибудь, пересказать все эти мучающие меня страшные предчувствия. Господи, как же я поеду?!!! Волочить неподъемные баулы, закидывать их в автозаки и столыпины, скорей-скорей, обливаясь потом, запихивать в их всё вывороченное для шмона и сваленное в одну кучу... Сидеть с конченными уголовными мразями в камере, лазить с трудом на второй ярус, терпеть, когда эти мрази от скуки будут пристально, день за днем, следить за каждым твоим шагом в камере, нагло читать тебе нотации о том, что ты делаешь неправильно (по их, разумеется, мнению) и как на самом деле надо делать по их уголовным «понятиям»...

Невыносимо, мучительно порой одолевает желание написать об этом обо всем – ярко, подробно, в деталях – кому-то. Хоть кому-нибудь. Выговориться, выплакаться в чью-то жилетку, облечь этот рвущий душу темный, утробный ужас в слова – и тем самым хотя бы немного смягчить

его...

Но написать об этом обо всем мне, увы, некому. Уже писал матери, и не раз, а что толку? Мать сочувствует, конечно, но – не понимает, не чувствует всей глубины этого моего ужаса; только пишет советы «как-нибудь держаться», «пережить крытку» и т.п. – банальные и бессмысленные. Сочиняя ей очередное письмо – я, как я понял уже давно, не с ней разговариваю, а с самим собой. Но с собой я и так могу разговаривать, не тратя бумагу и конверты...

Была идея написать подробное, тяжелое письмо Горильской. Но... зачем? Кто я ей? Я ее едва знаю; в то, что она такая уж офигенная моя сторонница во всем, – не верю; да и – тот факт, что из ее многочисленных обещаний пока что фактически ни одно так и не сбылось, говорит не в ее пользу. Да и – кого опять просить переслать ей письмо? Мне почему-то стало казаться, что эти просьбы напрягают сильнее, чем прежде, всех, кого я об этом прошу...

Идеальным слушателем и владельцем жилетки, в которую можно плакать, была бы Маня, если бы... Не хочется даже продолжать. Словом, если бы она вообще БЫЛА. Увы, никого нет сейчас от меня дальше, чем Маня с ее разговорами и клятвами о «любви» – и одним письмом за этот год. Ее надо просто забыть, плюнуть и забыть навсегда, хотя, увы, пока это не получается. Но писать ей – это тоже говорить лишь с самим собой, а не с ней.

Так что, увы, некому написать, нет у меня совсем никого, как это ни грустно. Наверное, это и есть самое грустное открытие моего второго срока. Писал не раз обо всем этом, о прожитой неудачно и в никуда жизни Вере – но Вера в ответ только рассказывает новости, утешить ей меня явно нечем. С этой же, собственно, целью написал, узнав о возобновлении 25 ноября отправки на тюрьму, Люзакову, но... Люзакову можно было написать обо всем этом единственный раз в жизни лишь потому, что я вообще до сих пор писал ему очень редко, два-три раза за четыре года всего лишь, да и на «суд» он пришел, по-моему, ко мне всего один раз. А по поводу эффективности, по поводу ожидаемого с его стороны ответа – это почти то же самое, что писать Мане. Иногда, при случае, он делает короткие ободряющие приписки в конце майсуряновских писем (и на них я тоже сослался в письме к нему). Но – это и всё. Писать мне сам он не будет, у него хватает дел поважнее; а если вдруг даже и будет – меня как раз увезут, так что я всё равно не получу...

Одиночество... Не к кому, не к чему прилепиться душой, нечем согреть ее изнутри, нет у меня ничего заветного, самого главного в жизни, чего никакие шмоны не отберут. Огонек, которого никакие бури и ураганы не задуют... О, если б он был, этот огонек в душе, – насколько легче мне было

бы! К нему бы я обращался мыслями каждое утро перед подъемом, в четыре часа утра, когда на душе тошнее всего... Но нет, нет никого и ничего, только холод и тотальное одиночество. И несложившаяся жизнь, – не только в тюрьме, но и на воле, везде и всегда. Куда же мне деваться, черт возьми?! Как выдержать весь этот ад, что мне еще предстоит, где взять силы? Не знаю... Вдвойне, втройне тяжелее от этого, от одиночества, неприкаянности, тотальной бессмыслицы и безнадёги моей жизни. Но деться некуда, надо как-то держаться, выносить это всё и дальше, если... если не хватает мужества умереть. О, как бы я хотел наконец набраться этого мужества – и прекратить навсегда эту нелепую жизнь, состоящую из одних страданий. А уж хуже, чем сидеть в камере с уголовниками, страдания вообще нет (по крайней мере, это худшее, что мне выпадало за 42 года жизни). Нет ни помощи, ни поддержки, ни опоры, ни утешения; надо как-то держаться, но я не знаю, как. Единственное, что хоть как-то еще поддерживает меня на плаву, не дает утонуть совсем в пучине отчаяния – это мысль, что приближается с каждым прошедшим днем не только этап на тюрьму, но и конец срока, что всё-таки мои мучения имеют конец, что они не вечны. Хотя – порой мне уже кажется, что это п/ж, что конца мучениям не будет. А мое одиночество – оно-то уж точно п/ж, оно будет со мной и на воле, до самого конца...

12.12.16., 5-30

Вчера все-таки написал матери очередное безумное письмо, обо всем и ни о чем... Еще лежа до подъема всё собирался, раздумывал, надо или нет; крепился весь день, но после ужина все-таки не выдержал... Что ж, ведь я и в самом письме этом написал, что, собственно, пишу его сам себе, разговариваю сам с собой, и лишь потому формально адресую его матери (или, допустим, Паше Люзакову), что больше-то некому. От матери так же глупо ждать ответа по существу этого письма, как от Паши – вообще какого-либо ответа...

Проходят один за другим дни. Интрига убита, никаких тайн будущее уже не содержит. 1071 день мне остался, из них около 1000 – на тюрьме. В день «суда», 26-го, останется 1057 дней, ровно 151 неделя. «Перевод Стомахина на «крытку» – приговор к пыткам и смерти», – этот плакат неизвестных мне братьев Калинычевых в Нижнем Новгороде, еще в октябре, тоже не оставляет мне никакой надежды. Раз известно заранее, что за пытками последует смерть, то, значит, остается только сделать надлежащие распоряжения на этот случай – и, значит, правильно я вчера в этом письме написал матери, что не хочу лежать на Ваганькове (если тело вообще отдадут), а прошу сжечь – и пепел развеять где-нибудь про ветру. Но она,

если переживет меня, не сомневаюсь, сделает по-другому.

Колесики крутятся, часы тикают; всё обусловлено, всё известно заранее, ничего нельзя ни изменить, ни предотвратить... Год еще не совсем кончился, но меня, как обычно, разбирает уже заранее подводить итоги. Что же принес мне этот год? Ничего хорошего; да и вообще, считай, ничего – кроме тюрьмы, которую мне выпишут 26-го. Никакие сладкие обещания, конечно же, не сбылись, – ни украинский сборник, ни итальянские публикации в СМИ, – и уже не сбдутся, это ясно. Много было нервозности, – в марте с голодовкой, в июле – с мразью курточником, с 13 сентября и по сей день – с тюрьмой. Да, еще в этом году окончательно стал ясен разрыв с Маней, – одно письмо за весь год, в апреле, а после этого уже всё, я не интересен ей, даже на мое сентябрьское письмо не ответила... Единственным, что было несомненно хорошего в уходящем году, оказалось интервью радио «Свобода» 1-го апреля, которое, слава богу, никто заранее не обещал... Не густо, увы, хорошего. Впрочем, возможно, через год я буду мысленно – уже без дневника – подводить итоги 2017 года и считать хорошим само то, что я еще жив...

Да, колесики крутятся, их не остановить, часики тикают... Вот эта размеренность, предопределенность, неотвратимость – и убивает больше всего. 1071 день еще... Всё обусловлено. Смерть неизбежна. От пыток ли на «крытке» или в своей постели от старости, – какая разница? Раз жизнь не получилась и нет уже надежды, то – хоть бы скорей уж!..

Понедельник, – наверное, часов в пять будут «крестины», куда ж без них!.. И – ровно десять дней, как последний раз были письма.

7-07

И ведь главное – хоть бы от этого вчерашнего письма матери стало мне полегче на душе. Так ведь нет! – только еще тяжелее, тоскливей и невыносимей сегодня с утра. В тот раз, две недели назад, когда только узнал, – письмо паше Люзакову и впрямь мне заметно помогло, облегчило душу, я как будто сбросил в это письмо всю чудовищную тяжесть, разом на меня навалившуюся, когда предложили опять написать заявление... М.б., это потому, что Паша – все-таки адекватный человек и, хоть я от него ответа и не жду, но при желании он мог бы найти, что мне ответить. А писать матери про подобные материи – просто садомазохизм, вот и нет облегчения...

Я ли это вообще? Часто теперь приходит в голову: хотя и осталось еще что-то в душе от меня прежнего, маленького еще, – но даже сам я чувствую, как сильно я изменился внутренне от всего этого, пережитого, какой резкий отпечаток это на меня наложило. Впрочем, я не оригинален, еще Солженицын об этом писал. Выжить, если получится, но уже быть вполне

собой, стать кем-то другим, утратить свою идентичность – таков удел тех, кто способен тут выжить. Надо ли мне это? Не лучше ли было бы умереть?..

12-58

Психолог-газовщик уже вторую неделю общается со мной только мимоходом, стоя в коридоре у решетки моей камеры. Тот раз говорил, что, мол, очень торопится, некогда; сейчас, вот только что – закрыт, мол, кабинет... Но если бы даже кабинет и был открыт – ясно, что подолгу (даже при условии, что в любой момент могут прервать) говорить со мной наедине ему неохота. М.м.б. – боится, что я опять стану просить позвонить кому-нибудь, еще чем-то помочь... Совок – он и есть совок, что с него взять?..

13.12.16., 18-36

Вдруг очередная потрясающая неожиданность: приехал Рома! Когда не ждешь, тогда только и случаются чудеса!.. Без Глеба, правда, – тот ненадолго приехал с заработков в конце ноября и сразу уехал опять. Но всё равно, даже и одни Рома, – какое это было счастье!.. :) Просидели и проговорили мы с ним не четыре часа, а больше пяти: когда косоглазый быдлотатарин сейчас вывел меня из кабинета – на мой вопрос он ответил, что уже полседьмого! А повели меня туда вскоре после обеда.

Говорили мы, конечно, на темы в основном характера общего, политико-исторического, юридического и т.п. О судьбах России, короче. :) Из плохого, – оказалось, что Рома знать не знает, что у меня 26-го «суд», ему не позвонили и не прислали оттуда бумажку, как в тот раз. Дошло только (до Корба, видимо) ноябрьское письмо о том, что процесс отправки снова запущен, но не дата «суда». Да еще из плохого – и ему я сказал, и сам уже не сомневаюсь, что эту ночь опять спать не буду, не смогу заснуть

Особенно приятно, конечно, что их общий с Глебом приезд он обещал на конец декабря независимо от того, будет 26-го «суд» или его удастся перенести, т.к. он на 26-е уже что-то назначил («суд» еще где-то), а дату с ним, понятно, не согласовали. Дай бог, чтобы его перенесли, хоть какие-то шансы на это есть, по-моему.

14.12.16., 7-10

Вопреки тому, в чем я был вчера твердо уверен и о чем говорил Роме, – заснуть этой ночью таки удалось. Маленький, но приятный сюрприз. :) Проспал почти до двух ночи, т.е. – около четырех часов, не так уж и плохо (хотя и меньше, чем в «спокойные» тут времена).

Пока мы сидели и разговаривали вчера с Ромой больше пяти часов, – была у меня, надо признать, некая эйфория, так же как и тогда, в ноябре, первые час-два после ухода Феликса. Общее ощущение было примерно таким: с такими друзьями, которые не забывают меня, приезжают, не

жалея времени и сил, в такую даль ко мне, да еще и обещают скорый приезд снова (в конце декабря), – мне не страшна никакая тюрьма, вообще ничего не страшно, тем паче, что и осталось-то уже не так много, всего каких-то 1070 дней!..

Но вот сегодня осталось уже всего 1069 дней, а эйфория эта, увы, быстро улетучивается, ненадолго ее хватает. Ну да, хорошо, что не забывают... но сделать, тем не менее, эти друзья реально ничего не могут. Правда, поразил меня Рома и еще одной новостью: на днях, 8-го, что ли, декабря, их областной «суд» рассмотрел апелляцию по делу о недопуске ко мне психолога Халяпина, которого ребята еще в апреле привозили с собой, отменил решение «суда» первой инстанции – и фактически признал незаконность его недопуска в такой форме, которая де-факто теперь обязывает администрацию зоны Халяпина ко мне допустить. Если меня не вывезут отсюда вслед за «судом» 26-го декабря и я пробуду тут до апелляции, – это будет очень кстати, если ребята сподобятся привезти его еще раз и его таки пустят. А там уж – не знаю, забыл вчера спросить, но – чем черт не шутит, м.б., с таким документом он сможет прорываться ко мне иной раз и на тюрьму?..

Другое, чем беседа с Ромой была, честно сказать, для меня огорчительна, – в беседе на общие политико-исторические темы опять убеждаешься, что даже самая лучшая (численно абсолютно ничтожная) часть нашей либеральной интеллигенции (а Рома в этой части, наверное, самый лучший из всех лучших) – увы, по-прежнему слишком мирно и незлобиво настроена, не хочет ни воевать, ни вообще ненавидеть своих врагов, наоборот – старается со всеми быть добренькими, всех понять (что особенно ярко видно на примере уголовников, с которыми по работе общается Рома, – и тоже всё старается их понять и не осуждать), все мечтают мирно, без войны, что-то изменить и что-то тут построить. Нет ненависти, нет чести, нет ощущения, что тебя лично оскорбили, унизили, втоптали в грязь – и что за это надо мстить! Правда, ни Рома, ни Глеб и не пережили того, что пережил я... Все же я не мог удержаться, в ответ на его уверения, как правильно в техническом смысле для разговора с этой властью цепляться за ее конституцию, не сказать ему, что буду лишь злорадствовать, когда им начнут отвечать, как в 30-е годы: «Сталинская конституция писана не для врагов народа!» – м.б., хоть тогда они поймут, что надо заканчивать эту игру в бирюльки и браться наконец за автомат! Также, надеюсь, мне удалось донести до его сознания, что я никоим образом не предлагаю браться за оружие, что-то взрывать, а потом сидеть за это в тюрьме ему лично (как и себе) – а делаю ставку на то, что всегда есть радикальная молодежь, пацаны

лет по 15-18, горячие по характеру, еще не знающие жизни, воспринимающие опасность прежде всего как романтику, – пусть очень мало, но всё же и сегодня где-то на просторах РФ такие пацаны есть, и вот их-то надо находить, организовывать, просвещать и идейно направлять, чтобы оружие в руки брали и стрелять/взрывать шли именно они! В конце концов, недаром же именно из такой – горячей – молодежи создал свою партию еще в 90-е Эдичка Лимонов – и как эта партия с тех пор прославилась, стала легендой! М.б., Рома и понял эту мою мысль, но – боже, как далеко ещё всё равно до её воплощения!..

Косоглазые ублюдки сегодня подняли меня даже не десять, а всего пять минут шестого, – рекорд!.. :(((И – 12-й день сегодня, как нет писем...

12-36

Психолог-газовщик сейчас опять подошел ко мне, – общение ровно две минуты через дверь (решетку)! Второй раз уже за эту неделю, третий – за всё последнее время, – и всё через дверь. Ясно, что сидеть со мной в кабинете и общаться более долго и глубоко, как раньше, ему теперь неохота. Однако когда я подсмеиваюсь над ним, – что, мол, всё только мимоходом, на бегу, забегаете ко мне, – он начинает врать, что, якобы, кабинет заперт, что он и с другими так же, и т.д. Хотя только недавно, когда я обедал, кого-то вывели из ШИЗО, из 12-й камеры, в коридор, и он, как у уголовников заведено (всем о каждом шаге докладывать), громко крикнул: «Один-два к психологу!». Обычно с ШИЗО говорит психолог-женщина (когда она приходит, ее слышно в коридоре), но сегодня ни ее слышно не было, да и – трудно предположить, чтобы они с газовщиком пришли сюда вдвоем в одно время. А раз из 12-й вывели к психологу – значит, уж точно не через дверь они общались, как со мной. Таким образом, имеем случай, как говорил Коровьев, «так называемого вранья», попытку советского человека обмануть и слукавить даже с самой дружеской улыбочкой и с видом полного расположения, с которым этот самый газовщик меня обычно встречает. Хотя – искать во ФСИНе совестливых и честных глупо априори...

15.12.16., 5-40

Вот и наступило оно, 15-е декабря, крайний срок для украинского сборника. Но – сборника нет и, очевидно, уже и не будет. Впрочем, я не верил особо с самого начала. Если бы он был – наверное, Рома бы знал уже позавчера, его бы попросили мне передать. Дату эту – 15 декабря, с учетом времени на презентацию, потому что после 20-го декабря всё начинает затихать уже перед Новым годом – узнали Наталья, Миша и иже с ними, кто взялся этот сборник делать, еще в сентябре. Мне – по наивности – казалось вполне реальным сделать его уже к 30 октября, Дню пзк. Но нет – воз и ныне

там... Впрочем, кроме безалаберности и нерасторопности исполнителей – есть еще и вопрос их мотивов. С чего вдруг Горильская эта взялась так рьяно (как она пишет) меня поддерживать, кто она вообще такая, откуда, где узнала о моем существовании, – я ведь не знаю всего этого. Она тратит на мою поддержку приличные деньги, это единственное, что говорит в ее пользу; но... ведь и деньги могут быть из лубянской кассы, их там достаточно. Да и на чем поладил с Лубянкой Миша Агафонов, когда летом 2014 ходил туда на допросы, а еще раньше, как выяснилось, был у них в разработке, его телефон они слушали задолго до этого, – фиг знает... В любом случае сборника тиражом больше 100 экз. мне не видать, как и обещанных Натальей итальянских публикаций, нечего и ждать. .

Психолог-газовщик вчера сказал, что в интернете нашел, кроме тех пяти тюрем, что я уже знаю, еще одну, в Бийске Алтайского края, другую – где-то в Иркутской области. Рома позавчера сообщил, что какого-то его подзащитного из Екб увезли на тюрьму во Владимир, а не в Верхнеуральск, который явно ближе. С ужасом пытаюсь представить, куда же загонят меня, сколько дней и пересылок (шмонов!!) придется ехать до Бийска. А если Владимир – то это опять через Киров, отбор вещей на склад и «килишованную посуду»...

1068 дней осталось. Впереди только АД тюрьмы, уголовников, мерзлых карцеров, дубинок, наручников... (Вчера принесли свежую газету, где сообщается, что карельский «следственный комитет», разумеется, не нашел никаких нарушений закона в избиениях Дадина на зоне.) Впереди одно только дерьмо. Жизнь кончена, впереди тупик, и воля не сулит ничего хорошего...

16.12.16., 5-39

Опять спал эту ночь плохо, дай бог часа четыре, даже, видимо, меньше, часто просыпался. В камере стоит страшная жара, от батареи прямо пышет жаром, даже с окна не дует, как раньше. Но снять поддетый тоненький шерстяной свитер, присланный Горильской еще год с лишним назад, я не могу: его и хранить-то тут особо негде, не говоря уж, что если найдет шмон – тотчас же заберет!..

Вчера опять был большой почтовый день: утром, перед самым шмонов, в «кормушку» просунули наконец-то пачку писем. Два – от матери, три – от Майсуряна (и в одном из них – очередное письмо от Горильской), открытка прямой почтой от Маглеванной, письмо от этой Иры Владимировой, с которой я познакомился случайно благодаря Савченко, но знакомство оказалось весьма полезным; четыре письма от Землинского, в том числе в одном – большая распечатка с сайта радио «Свобода» интервью Карагодина,

того самого, что с 2012 копал – и раскопал личности всех, кто в 1938 г. расстрелял его прадеда в Томске; это стало своего рода сенсацией последних месяцев. Ну и письмо от Веры.

Хорошего, однако, ничего из этих писем я не узнал. Вера пишет мне 4 декабря, что недели за три до этого отправляла мне еще одно письмо, – его я точно не получал. Горильская написала 23-го ноября, еще до своей поездки с 1 по 16-е (как раз сегодня возвращается) декабря в Милан. Пишет, что, мол, офис по моим делам откроют они в Киеве, видимо, в марте. [Никакой офис в итоге так никогда открыт и не был. – прим. 2020 г.] До этого она обещала в феврале. Что этот офис будет делать – так и невозможно понять; опять написал ей все эти вопросы. Еще пишет она, что обложку украинского сборника должна будет сделать в качестве художницы Аня Синькова. Это, конечно, мне приятно; однако же то, что 23 ноября изготовление обложки еще лишь предполагалось в некоем неопределенном будущем, наводит на грустные мысли. Не знаю уж, какие новости привезет она сегодня из Милана, но по поводу сборника – пока что я твердо стою на той точке зрения, что его так и не будет, что все эти обещания – пустой треп...

Опять сегодня магазин (будет ли в нем что-нибудь?), опять баня... В баню эти суки уже начали водить – а меня и не думают даже, опять ждать до четырех часов... :((

Единственная, м.б., хорошая новость – что мое письмо Гаскарову таки дошло по назначению и обсуждается. Но – перечитал – написано оно плохо, беззубо... :(((

Да, еще забыл. Слава богу, вчера за день мне удалось написать всем ответы – шесть писем в пяти конвертах – и вечером отдать, не пришлось ничего оставлять на выходные. Оставлять вообще плохо, но сильнее всего я спешил ответить Майсуряну и Землинскому, с которыми веду нескончаемые дурацкие идеологические дискуссии (без надежды их в чем-то переубедить, увы). Потому что, наученный горьким опытом, я уже знал: если не успею ответить им днем, то помимо воли буду сочинять в голове эти ответы всю ночь – и опять не смогу заснуть...

15-20

Жара в камере такая, что пришлось снять этот нижний свитерок после обеда и спрятать в тумбочку, как я делал в июле-августе. Всё повторяется... Как раз после этого, в начале второго, необычно рано, повели в баню. Тазик был! :) Так что – день, можно сказать, удался. :) Думал, я последний уже в баню, но нет – сейчас вот кричали: выводы такого-то в баню! Как раз и завхоз принес магазин перед тем, как я оттуда вышел. Бред какой-то: маленький пакетик майонеза, которые были по 77 рублей, 233 грамма, – он вдруг в

списке написал: 148 руб.! Не могу понять, они ли вдруг вдвое подорожали – или завхоз мухлюет. Второе, конечно, куда вероятнее. По его списку я насчитал: сегодня мой заказ – на 1754 рубля, выписали мне 1750. А он принес всё, что я написал, – и еще откуда-то сдача: 25 рублей брикет лапши б/п (я его просил их брать мне для этапа) и бульонный кубик, рублей пять он стоит, наверное. Итого – 30 руб. сдачи вместо четырех рублей нехватки. Откуда же они? Не курево ли он, сука, за счет вдвое завышенной мне цены на майонез?

Колбасу он пишет только по ценам, да и они каждый раз разные, берешь – не знаешь, что именно, кота в мешке. Опять в результате набрал колбасы на восемь дней, а сырокопченая, из передачи еще, – два батона так и будут лежать. Хорошо, один таки вчера съел. Но у этих двух сегодня как раз срок годности кончается; хотя, с другой стороны, им еще с месяц не должно ничего делаться от лежания, а на «праздники» как раз они могут понадобиться, если 6-го января магазин не будет работать...

Странно и непонятно: стал сегодня чихать, какая-то резь в горле... Неужели простудился?! Где, интересно: в камере жара, с окна даже не дует... Неужто в те десять минут, что лежал вчера после ужина в одном этом тоненьком свитере на нарах, ел кусок шоколада? Не может быть... Да и вообще, последний раз простуживался еще в 2014, по-моему, как раз когда в августе везли сюда. Кашель в августе 2015 в Москве был последний раз

17.12.16., 5-48

Разболелся, прямо беда. Из носа льет ручьем, он заложен, воспален, раскален... В носоглотке сильная боль, резь, першение, приходится кашлять... Словом, тот самый случай, когда надо пить горячий чай, лечиться прогреванием, – но увы... Хорошо еще, что нет (пока) температуры. Самое же ужасное, что опять почти не спал эту ночь. Как лег – где-то час с небольшим всего, точно не помню; и, после долгого бессонного ворочанья, около четырех утра задремал ненадолго, снилась какая-то чушь (что меня пересадили в большую камеру). Мыши временами оглушительно возились в (почти пустой) тумбочке, тоже внося свою лепту в бессонницу, суки!.. :) Вставать было страшно тяжело; как в таком состоянии выдержать 16 часов на ногах и на табуретке – я не знаю. Лечения никакого тут быть не может: сегодня суббота, приема нет; да если б он и был – эту нечисть, казенных фельдшеров-татар в красных казенных куртках, приходящих сюда вести прием и абсолютно безразличных к болезням и здоровью эзков, мне противно даже вспомнить, а не то что обращаться к ним за чем-то. Слава богу, еще пор 2014 году их знаю, по попыткам обращаться тогда...

В камере по-прежнему жара; как буду перед шмоном поддевать тот

тонкий синий свитерок, чтобы его не забрали, если вдруг припрутся, – даже не знаю... Осталось 1066 дней ада.

6-51

Болит лицо. Никогда еще со мной не было такой странной болезни. Тяжелая, тупая ломота во лбу, бровях, переносье, глазных впадинах, вокруг носа и т.д., вплоть до верхних зубов. Если отвлечься, заняться чем-то – эта боль слабеет, почти проходит. Стоит только закончить это отвлечение, расслабиться, – она опять тут как тут. Сильная, достаточно мучительная боль, – как терпеть ее весь день? Как заснуть с ней ночью?..

Тоска, пустота, бессмыслица... Что делать два часа до шмона – совершенно непонятно.

18.12.16., 5-30

Вчера утром, перед шмоном, принял лежавшие у меня с лета две таблетки обезболивающего, которые берег на случай сильной зубной боли. М.б., ее еще и не будет, а мне было так плохо, что я решил рискнуть. У обезболивающих ведь обычно есть и противовоспалительный эффект, – вот на него-то я и рассчитывал. И действительно, воспаление в носоглотке вскоре прошло, боль в лице – тоже; но весь день я чихал, как из пушки, из носу лило ручьем. Это продолжается и сегодня с утра, пока я пишу. К счастью, и спал эту ночь получше, – два часа с начала ночи и сколько-то еще потом, судя по снам (снилось, помню, что меня этапом везут в Москву). Вчера, надо сказать, недосып чувствовался весь день особенно остро, из-за болезни, наверное, и я уже не знал, как мне прикорнуть на проклятой табуретке у проклятой тумбочки, – то облокотясь на руку и сидя боком, то ложась на нее головой и руками, и т.д. Вот оно, пыточное условие: нельзя лечь днем, даже когда сидеть уже совершенно невмоготу... Еще вечером вчера было такое чувство, что все-таки поднялась температура, но, к счастью, оказалось, что нет, и в целом я сейчас чувствую себя получше, чем сутки назад.

За этими мытарствами болезни как-то даже подзабылось, на второй план отошло, что меня ждет скоро «суд», а за ним – АД. Сейчас вот вспомнил утром, пока ждал подъема. На удивление, теперь косоглазая смена, как и все прочие, тоже начинает подъем и отбой с дальнего конца коридора, а не с моего, так что меня они сегодня подняли не в пять и не в десять, а аж в 20 минут шестого!.. :))) Майсурян в одном из последних писем пишет, что в ноябре ему пару раз звонил Григорьянц, говорили они и обо мне в том числе (во второй раз Г. сказал, что получил мое большое ноябрьское письмо ему), и Г. рассказывал подробно Майсуряну, как сидел в Верхнеуральской тюрьме, откуда освобождался в 1980-м. Бить, пишет Майсурян, его там

вроде особо не били, но – то и дело держали в карцерах, причем действительно ледяных, где на батарее был иней... Меня тоже ждет этот АД, в эту ли тюрьму увезут, или в другую, всё равно... Жить не хочется, когда думаю об этом.

19.12.16., 5-45

Вчера к чиханью и насморку прибавилась еще одна беда, самая серьезная: кашель. Ожил мой старый хронический бронхит, впервые с августа 2015 г., когда я как раз и доел по этой причине последние свои личные таблетки бромгексина. Не описать, как я измучился за один только этот вчерашний день от постоянной боли и жжения глубоко внутри, куда только одним лишь этим кашлем и можно как-то достать...

Не сомневался, что и спать ночью мне этот кашель, как обычно, не даст, но вышло всё по-другому. Во-первых, с удивлением обнаружил, что когда я ложусь на правый бок, на котором чаще всего и сплю, – кашель сразу резко усиливается; зато когда ложусь на левый – он почти совсем проходит. Раньше такого не было. Во-вторых же, главной причиной, не дававшей мне спать, оказались мыши! Эти твари, в количестве не меньше двух штук, устроили тут настоящий тарарам, прыгая по пустым коробкам из-под сухих тортов, стоящим под маленьким столиком для тарелок, забираясь аж на сам столик, шерудя в тумбочке и т.д., – даже зная, что всё съестное убрано и они ни до чего не доберутся, я бы не мог заснуть от одного шума!! Несколько раз пришлось вставать и постепенно убирать всё, чем они могли греметь, включая эти коробки из-под тортов. После полуночи кое-как всё же заснул (не чаял уж!), но спал мало, просыпался несколько раз. Заткнул даже их, тварей, основной лаз из подполья, около «дальняка», свернутым полиэтиленовым пакетом, но они, конечно, тут же нашли другой. После полуночи всё временно затихло, но и утром уже я опять слышал их возню в том же углу у двери.

С подъемом начальнички что-то сегодня сильно запоздали, аж на полчаса. До полшестого вообще никто не приходил не звонил в дверь с улицы, не давал звонков на подъем внутри здания. Я лежал, ждал в недоумении – и думал, что, конечно, эта бессонница, спанье по два, максимум по четыре часа в сутки, сильно подрывает мое здоровье, сильнее, чем я могу это здесь выразить. От бессонницы-то, наверное, в основном и идет это чувство страшной, нечеловеческой усталости, измотанности физической и даже душевной, – тут мать права. Но что можно сделать, если эти мрази не дают лечь днем?.. Пытка, это самая настоящая пытка... Страшное это существование, мгновенно пролетающие ночи и бесконечно тянущиеся дни... Нет, не сбудутся предчувствия Горильской, о которых она

мне всё время пишет: не выбраться мне на волю раньше срока... Скоро завезут в тюрьму, в такой АД, что только держись!.. Дикая тоска здешних утр, лежания перед подъемом, напоминает мне об этом. Я стараюсь не думать об этом, стараюсь забыться, спрятаться за какими-то спасительными мелочами: ага, книги есть, библиотека вчера была, – отлично, будем читать весь день, чтобы только не думать; еда есть, магазин был – отлично, хоть не голодаю, как тут часто бывало; сейчас, здесь, вот в этот момент моей жизни, я сыт, цел, согрет, относительно здоров (до недавней простуды) – ну и прекрасно, надо радоваться этому, жить только текущей минутой, а что там будет дальше, какие ужасы ждут впереди – не думать вообще, укрыться за текущими мелкими радостями (еда, чтение, письма и пр.) как за глухой стеной от будущего... Получается это у меня плохо, несмотря на все старания и самоуговоры; днем я еще как-то худо-бедно заставляю себя держаться этой нехитрой философии, но четыре утра каждых суток – момент истины, час, когда от тоски и ужаса перед будущим мне некуда деваться...

7-10

Пару дней назад вдруг заметил, что баланду возит уже другой баландер, – вместо того старого длинного очкастого козла какой-то молодой, черномазый, похожий на азиата.

Самое обидное, что если я даже и выживу здесь, в этом аду, и освобожусь, – всё равно это уже буду не тот я, что был когда-то в юности, а совсем другой человек. Эти испытания не только разрушают физическое здоровье, да и душевное тоже, но и – саму личность человека меняют понемногу, исподволь, но в сумме, за долгие годы – необратимо... :(

19-14

Прошел понедельник, а бумажку из «суда» о переносе заседания на январь мне так и не принесли. Конечно, могут еще и завтра, и в среду, и в четверг, но... вероятность этого всё ничтожнее с каждым днем. Видимо, Роме таки не удалось добиться переноса – и в следующий понедельник, 26-го, на меня вплотную надвинется АД. Как о манне небесной, мечтаю о том, чтобы никуда не повезли хотя бы до апелляции, еще хоть пару месяцев смутной, зыбкой отсрочки...

Наглая мышь весь вечер снует по камере, в 125-й раз тщательно исследуя коврик у входной двери. Опять, суки, не дадут спать... Кашель у меня если еще не совсем прошел, то сильно уменьшился, продлившись на сей раз просто поразительно мало – один день, вчера; ощущаю себя уже почти здоровым. Болезнь, значит, длилась четыре дня.

20.12.16, 5-45

Я НЕ ХОЧУ НИКУДА ЕХАТЬ! Я НЕ ХОЧУ НИКУДА ЕХАТЬ!! Я НЕ ХОЧУ НИКУДА ЕХАТЬ!!!

А между тем, ехать все же придется. Состояние такое, что уже нет душевных сил даже на тот ужас, ту панику по поводу мысли «ехать», что еще недавно с такой силой охватывала меня по утрам, пред подъемом. Теперь осталось лишь тупое безразличие обреченного. Ступор. Ничего нельзя сделать, ничего нельзя отменить, но и согласиться опять пройти через те мучительные унижения, которые ждут по этапам и пересылкам – тоже нельзя...

Написал тогда, в предпоследнее воскресенье, большое безумное письмо матери (нашел кому!..) – и на некоторое время стало легче, хоть часть этих эмоций оказалась в нем выплеснута. Теперь вот они набираются опять, и опять меня начинает разбирать написать еще кому-нибудь письмо (Паше Люзакову, потом матери, – оказывается, я это делаю см определенной периодичностью, и пусть ненадолго, пусть слабо, не до конца, но всё же это помогает). Но теперь время для писем хреновое, – Новый год на носу, когда его отсюда отправят, когда оно дойдет до адресата, – бог весть... Да и – кому теперь писать? Пришла мысль, что Горильской, а отдать можно Глебу, когда ребята приедут, даст бог, после «суда». Но и так уже я написал ей немало писем за последнее время, учитывая, что я ее едва знаю, больше со слов матери, чем даже по ее собственным письмам. Да и о чем ей писать?..

21.12.16., 5-49

Еще одна безумная ночь... Проспал меньше двух часов, как лег; проснулся – и вдруг дикие, сатанинские боли в брюхе, которое вспучило неизвестно с чего. Привет из Буреполома, короче. Сколько раз за этот срок я говорил себе: какое счастье, что хоть этой беды сейчас у меня нет; зато тем сроком я ее нахлебался по самое некуда, последний раз – в январе, что ли, 2011-го, почти уже шесть лет назад...

Короче, три раунда с довольно длительными (бессонными, разумеется!) перерывами. На второй и третий раз таких адских болей, правда, уже не было, но бурление и пученье вполне себе были. Жуткая мысль: а что, если вот это случится со мной на этапе, в столыпине?! Думал, уже не усну, но в четвертом часу всё же задремал, какая-то чушь опять снилась (говорящий кот, например, как теперь смутно вспоминаю).

1062 дня осталось. Бумажку о переносе «суда» так и не принесли... Ближайшая роковая дата – 26-е – вызывает у меня такое отчаяние, такой смертельный ужас, что я согласился бы, наверное, терпеть любые боли, любые болезни – лишь бы меня не везли никуда, оставили на месте... Душа сжимается от ужаса перед неизвестностью, я никак не могу заставить себя

сконцентрироваться на постепенном убывании срока и думать только о нем. В Буреполоме тоже самый ад (год на 11-м бараке) пришлось на последний год...

Под вечер вчера принесли заказное письмо от Кондрахиной из Питера. Опять оно валялось тут недели три, не меньше, судя по дате на нем (конверт опять забрали)! Надеюсь, она не обидится и будет писать мне и дальше после того, как на ее упоминание ПЦ «Мемориал» я написал ей, что это жулики и обманщики, а не правозащитники, с их «критериями» отбора пзк.

16-19

Ни писем, ни свежей прессы, ни психолога-газовщика, ни бумажки о переносе «суда»... Никого и ничего. Тишина. Полная, глухая, тотальная изоляция. Глухое одиночество. И этот давящий обруч, сжимающий сознание: скоро, скоро уже ехать... 26-го – первый этап трагифарса: «суд». А что потом? Ночной этап по морозу? Или – десять дней такой же тотальной изоляции, пустоты, ужаса наедине с самим собой во время «праздников»? Не пустота даже, а – свинцовый какой-то сумрак, кромешный мрак, абсолютно тотальный и угрожающий... Да, ожидание беды нередко бывает тяжелее самой беды, – во всяком случае, в случаях с этапом в Москву в декабре 14-го, еще одним «судом» и этапом обратно это проявилось вполне. Но всё равно – никакими доводами рассудка я не могу разомкнуть этот сжимающий сознание и душу, жгущий, впивающийся в них обруч: ехать в АД... Я буквально схожу с ума, не могу ни читать (да еще глупые какие-то книги носит библиотека!), ни сидеть просто так, ни ходить долго по камере, не могу ни изменить свое скорое будущее, ни примириться с ним... Единственная светлая точка в этом мраке – 27-го, на следующий день после «суда», должны приехать ребята, Рома мне это обещал твердо от них обоих. Когда он 13-го это говорил – я подумал, что теперь все эти две недели буду думать не о «суде», а лишь об их приезде на следующий день, только его ждать. Однако это не получилось; думаю я все равно круглосуточно, даже ночью, лишь о предстоящем «суде», решение которого, раз вынесенное, потом будет уже никакими силами не отменить – и всё, пожалуйста на 1000 дней в ад!.. О ребятах, увы, я за эти дни с 13-го вспоминал редко. Ни думать, ни чувствовать, ни хотеть чего-то я уже не могу, – мое сознание и воля полностью парализованы предстоящим мне 26-го мероприятием и его последствиями. Я сижу тут в оцепенении, в полном оцепенении, превратившись из человека как будто в каменного истукана, некий предмет в форме человеческого тела, но без мыслей и чувств. То ли выжжены они, то ли заморожены насмерть, – но изнутри я совершенно потерял человеческий облик от этого ужаса и ожидания ужаса еще

большого...

22.12.16., 5-25

1061 день остался... Ночь эту спал вроде бы неплохо, сразу четыре часа подряд, как лег, до начала третьего. Но день предстоит ужасный, совершенно чудовищный, еще хуже, чем вчера, если только не принесут свежую прессу (о письмах я уже и не мечтаю; сегодня ровно неделя, как их нет). Книги почти все – барахло, почитать нечего, а других занятий здесь вообще нет. Главное же – стыдно признаться, но после года с лишним непрерывной выучки я опять, как в самом начале, осенью 14-го, с трудом выдерживаю 16 часов на табуретке, без возможности лечь днем. Под вечер все эти последние дни я совершенно измучен, измочален, совершенно без сил, никак не могу найти себе мало-мальски приемлемую позу на этой проклятой табуретке, чтобы при помощи тумбочки с одной стороны и стены – с другой хотя бы немного расслабить тело, немного отдохнуть... Изможденность такая, как будто и впрямь вагоны весь день разгружал. Конечно, можно было бы лечь по старой памяти на стол, хотя он и жестковат, но... если мрази увидят в камеру и прибегут, опять могут лишиться меня на две недели магазина, – реально для меня их вонючие 15 суток ничего другого не означают. Сидеть полмесяца на одной баланде очень тоскливо (тьфу-тьфу-тьфу, вот уже третий месяц я от этого избавлен), так что я терплю, мучаюсь, но терплю эту страшную усталость, невозможность расслабиться, вытянуть ноги, это бессильное засыпание сидя, когда даже голову, кроме быстро затекающей ладони, не на что опереть... Впрочем, в карцере тюрьмы наверняка будет еще хуже. Там, скорее всего, даже без видеокamеры не полежишь на полу из-за холода, да и пол может быть не деревянный, как здесь, а бетонный...

Жизни нет. Нет ни настоящего, ни прошлого, ни будущего. В прошлом тоже мне нечего вспомнить такого, что согревало бы душу, наполняло бы ее гордостью в этом склепе. Прошлое мое было мелко и ничтожно – и вот к какому будущему привело... Видимо, и впрямь положение мое – это положение похороненного заживо, забитого в крепкий дубовый гроб, наглухо замурованного в склеп, в могилу – без всякой надежды выбраться; и всё сводится лишь к долговому, мучительному ожиданию смерти, остающейся в этой ситуации единственным освобождением из плена... Я уже там, за чертой, за гранью, отделяющей живых от мертвых, и назад мне уже не вернуться. Живой мертвей, призрак, привидение, оборотень, – вот кем я буду в мире живых, если даже доживу до освобождения. Пройдя через всё то, через что прошел я, через этапы, шмоны, годы подъемов, отбоев, через окружение этих бездушных роботов-андроидов в камуфляже,

знающих только, что «положено» и что «не положено» по их инструкциям, – я необратимо изменился сам, да так, что при одной мысли об этом делаюсь невыносимо противен сам себе. Нет, нельзя, пройдя всё это, остаться человеком, как был, – тут превращаешься в зомби, мечтающего лишь о мести ИМ; вся твоя душа, всё, что было в тебе человеческого – выжжено дотла беспредельным страданием. Где тот кудрявый мальчик, ничего еще не ведающий о жизни, что смотрит с моих детских фотографий конца 70-х годов? Его уже нет, увы. Он умер в лагере, – м.б., даже не в этом, а еще в прошлом, в Буреполоме. Моя изломанная, исковерканная судьба теперь, уже много лет, заставляет меня, как зомби, мечтать лишь об одном – о мести!..

15-40

Никого и ничего. Тишина. Три дня осталось до первой ступеньки в АД...

17-40

Психолог-газовщик таки приходил сейчас. Опять две минуты через дверь. Видимо, останься я тут хоть до самого конца срока – беседы в кабинете минут хотя бы на 20 я больше уже не удостоился бы ни разу, только через дверь!.. Подтвердил – на мой вопрос – что пятница 6-го января (а по его словам – и ВСЕ вообще дни до 9 января) – выходной. То бишь, магазина не будет, если еще буду здесь – придется сидеть на одной баланде. :(((А на его бодрые вопросы – мол, как дела? – и разговоры про то, что у него и у всех сейчас предновогодняя суета, – мне хотелось ему ответить, что я счастлив был бы эту страну целиком, со всей ее предновогодней суетой, залить сверху горящим напалмом...

23.12.16., 5-31

Два дня осталось... Мне совсем плохо и тошно. Что же будет в сам понедельник, 26-го?! Лучше бы мне не дожить до этого дня. Я вижу только это АД впереди – и совсем не вижу за ним, где-то там, на горизонте – освобождения, уже не такого и далекого («праздники» пройдут – и всего лишь 149 недель останется). Видимо, это потому, что мне не суждено до него дожить. Я буквально схожу с ума, всё представляю себе этап, камеры, набитые быдлом... Лучше бы я сдох уже давно, чем терпеть всё это. Надо было повеситься, едва только в сентябре зашла первый раз речь о «тюремном режиме». Я трусливое ничтожество, не способное ни на один мужественный, суровый поступок. Значит, мне поделом эти нынешние мучения и страдания, этот истощенный вой ужаса и отчаянья, который безмолвно, не непрерывно и неотступно звучит в моей голове... Нет ни прошлого, ни будущего, ничего нет, один вот этот непреходящий тоскливый ужас в настоящем. И, вспоминая порой детство, так и видя перед

собой свои детские фотографии, – я недоумеваю: зачем всё это было, ради чего? Зачем меня растили мать и бабушка, кормили, поили, заботились обо мне, учили читать и писать, оберегали мое здоровье? Зачем? Неужели ради того, чтобы я сидел в жуткой камере «ЕПКТ» и ждал этапа в еще больший ужас, в АД?!. Неужели всё это так и было предусмотрено заранее?! Жизнь – цепь нелепых случайностей, и однако же в том, как с самого начала шла наперекосяк, мимо счастья, а с 2006, последние десять лет – и вовсе под откос моя жизнь, ничего случайного нет; это не может быть чистой случайностью, чтобы человеку в 42 года практически нечего было вспомнить хорошего из своей жизни, за исключением двух-трех дней. И теперь вот предстоит опускание в такое говно, что вся душа сжимается от тоскливого ужаса при одной мысли об этом. А ведь если бы не перспектива тюрьмы – я безмятежно радовался бы сейчас каждое утро тому, что всё меньше и меньше остается дней, тому, как со свистом пролетают недели... Увы, на воле тоже ничего хорошего меня не ждет. Я ненавижу и проклинаю этот мир, эту страну, населенную нечистью, мразью и быдлом, проклинаю свою неудавшуюся жизнь!!! И уж во всяком случае ясно одно: жить мне незачем и не для кого...

7-51

К моему полному изумлению, белобрысый упырь сегодня погнал меня в баню самого первого, аж в начале седьмого утра! С лета этого не было...

О чем я думаю все эти дни? Мысли крутятся в голове, одни и те же, – нелепые, я знаю, но неотвязные. О том, например, что, если я таки выживу, выберусь из этой ямы, будет у меня свой угол, своё жильё, – в Киеве, или где уж там придется, не знаю, – хорошо бы завести кошку. Такую же, как была у меня Маня в Буреполоме, незабвенная, до сих пор каждый день ее вспоминаю, – породы «сибирская лесная», большую, темно-серую, пушистую, зеленоглазую. И будет она – моей семьей, моей любимицей, единственным близким мне существом на всем белом свете. Вся моя нерастроченная, невостребованная, никому так и не пригодившаяся любовь и нежность, – всё достанется ей! Буду жить ради нее одной, это тоже, в конце концов, не так уж плохо. Но – боюсь, что и на это я не смогу решиться: всё ж таки завести даже кошку – ответственность, и немалая. Ей нужен уход, внимание и забота – а о ком я могу заботиться, не сумев свою собственную жизнь устроить? Боюсь, ей, бедолаге, не будет так хорошо, сытно и тепло со мной, как должно быть. Да и если ехать куда-нибудь надолго, – как с ней быть? Поручать присмотр соседям, как Маглеванная, или везти с собой в специальной пластмассовой корзинке? Впрочем, всё это дело еще весьма отдаленного будущего, но – будущее в образе этой

красотки, в густой шубе, с громадными зелеными глазищами, так и стоит перед моим мысленным взором. Неужели даже кошку завести я неспособен, такое уж я ничтожество?!

И другая мысль неотступно возвращается: что Маню, эту сучку, обманувшую меня со своей «любовью», с 2017-го года я вообще перестану упоминать в разговорах и письмах кому-либо, вычеркну из памяти и из жизни. За исключением лишь того маловероятного случая, если от нее придет письмо, или же какие-то вести, переданные ею через кого-нибудь из общих знакомых, – ту же Маглеванную, к примеру. Но этого не будет, я уже и не жду от нее ничего; а упоминать, просить всех как-то на нее повлиять, уговорить написать мне, – хватит! Хватит унижаться, да еще и бесплодно, безрезультатно, тем паче! Но – воля моя настолько ослабла от всех мучений, здесь пережитых, что почти уверен: и этого обещания, самому себе данного, я не могу сдержать. :(((

Восьмой день, как нет писем. В понедельник будет уже 11 дней. Только бы приехали во вторник ребята!

12-31

Всё хуже и хуже, тошнее и тошнее, день за днем, час за часом... Завхоз притащил список товаров из магазина – опять за прошлую неделю!! Сука... Пришлось стучать в дверь, звать его. Подошел – и сперва пытался уверять меня, что, мол, «всё то же самое» и сейчас в магазине. Я в ответ напомнил ему, как две недели назад он принес мне колбасу, которой не было в его же списке (точнее, в устаревшем списке ее было два вида, а он принес три). Тогда он как бы в некой задумчивости взял у меня через «кормушку» сперва тот, старый список, а потом и бланк лицевого счета – и, ни слова не говоря, ушел. Что он теперь будет делать – неизвестно: то ли, как в два часа откроется магазин, пойдет и напишет новый список, то ли – на этой неделе уже всё, магазина мне не видать! Ничуть не удивлюсь, если и впрямь он больше сегодня не появится. Имея дело с русским быдлом, тем паче – находясь от него в зависимости, надо быть готовым ко всему. Ужин есть на сегодня и еще четыре дня, до вторника (два батона колбасы, еще оставшиеся с октябрьской передачи); есть шоколад (оттуда же). На завтраки, увы, нет совсем ничего. :(

А тем временем кормить каждый день стали капустой – типа, «тушеной», посветлее, или потемнее, – с водой пополам, не слишком-то приятной на вкус. Да и – что это за еда? Там половина объема вода, если не 2/3; и вот это «блюдо» дают уже больше недели, кажись, ежедневно: или на обед, на второе, или же на ужин. На завтрак – какая-нибудь каша, обед или ужин – капуста, картошка, «уха»; в капусте и картошке – традиционные куриные

кости и шкура...

Я чувствую, что уже зашкаливает. Нервное напряжение, боль, отчаяние в моей душе – уже сильнее, чем я могу выдержать. У меня не хватает уже сил держаться... Что будет, когда резьбу сорвет окончательно, я не знаю. Не верю в бога, но молюсь: боже, пошли мне смерть поскорее...

14-45

Что делать? Ругаться? Плеваться? Молотить кулаками в ярости? Орать? Биться головой об стену? Что делать?.. Ты зависишь от них – а им плевать на тебя, торжественно и великолепно плевать, и ты ничего, ничего не можешь сделать, чтобы добиться своего, не можешь никого дозваться и достучаться из камеры, и у них у всех свои дела, и им абсолютно не до тебя!.. Этот гондон забрал список, ушел – и его так и нет, а магазин сегодня, скорее всего, работает до пяти, а уже почти три... То ли блатным пошел покупать, то ли черт знает, где его носит, – но во всяком случае понятно, что со мной-то он может не церемониться: я же не блатной, меня он не боится, а у меня нет никаких средств заставить его со мной считаться. Так и пролетит сегодня магазин, это уже ясно, и нечего будет есть; да и деньги, 1750 руб., за которые я уже расписался в ведомости, – поди потом, через этого же гондона докажи там, в магазине, что они были выписаны, но не отоварены, и поэтому их следует отоварить без всяких новых заявлений в следующий раз!.. Да если еще этот ублюдок-завхоз, пользуясь случаем, вот сейчас их уже не отоварил для себя или своих блатных друзей, это тоже вполне возможно...

Так что же все-таки делать, если сделать из камеры ничего нельзя? Смириться? Плюнуть? Я так и хотел, да вот – никак не получается. И так во всем у меня, – ни туда и ни сюда... :(

17-20

Все-таки он принес... Поганое жулье: я написал, что мне нужно, в том числе – конфеты за 85 рублей, а на сдачу выходило три пачки лапши б/п. Он принес всё, кроме этих конфет, а на сдачу – те же три пачки лапши. Т.е. – на 85 рублей купил что-то себе (сигареты, скорее всего, что еще на такие деньги купишь?) – и как ни в чем не бывало принес мне мой листочек с заказом. Гондон... А когда я это обнаружил – он, естественно, уже ушел, и звать его опять, третий раз, у меня уже не было душевных сил...

Ни вафельных тортов, ни даже мини-кексиков нет. Неделю я буду без завтраков, если завтрачная баланда будет такой, как обычно. Колбасы – пять видов по одной штучке, среди которых этот козел и не подумал отдельно упомянуть сосиски – мне не хватит до следующего магазина; хорошо, что еще есть та колбаса с передачи, а если б не было? Майонеза взял много, но – плохого, облегченного; если б знать, что он такой, взял бы пачки маленькие,

но 67% жирности. Самое же неприятное – хотя и предсказуемое – что 6 января магазин работать не будет. Минимум неделя на одной баланде...

18-43

Поговорил сейчас с соседом из «пятерки», за стеной (не тем, что был раньше, а вторым; того уже выпустили). Он «порадовал»: в мае сидел в СИЗО с какими-то, которых везли именно на крытую тюрьму, как скоро меня. Так они после первой инстанции были вывезены (!!) на кизеловский централ (Кизел мы проезжали этапом сюда из Перми), а после апелляции их направили на тюрьму... в Минусинск!

Видимо, так будет и со мной. Хоть недалеко, но вывезут, суки; а потом погонят в Минусинск. Больше всего жалею сейчас, что не на чем повеситься и не хватает мужества разбить себе прямо сейчас башку об стену, чтобы избежать такой перспективы!..

24.12.16., 5-32

Опять спал только до полвторого – на сей раз из-за «кизеловского централа», Минусинска и пр. (Да еще несколько минут дремал в районе четырех.) О будь же всё проклято!.. Дикая мысль лезет в голову: хотя до этого Кизела ехать только шесть часов, но лапшу и консервы, что я повезу с собой, нельзя будет просто съесть там на ужины, потому что по дороге в Минусинск в столыпиных тоже надо будет чем-то питаться. А чем же ужинать там? Зато, м.б., в этой кизеловской тюрьме можно будет лежать днем... О, какое это счастье, какое наслаждение – лежать!.. Не спать, нет, – просто лежать днем, м.б., закрыв глаза, но главное – вытянув ноги, расслабив все мышцы... Это может оценить только тот, кто год с лишним просидел в камере, где 16 часов в сутки нельзя было лечь. Увы, я ясно чувствую, что начал сдавать, что силы на исходе. С марта, все лето и всю осень – привык было уже сидеть по 16 часов, думал – ничего страшного, досижу и так. Но вот эти последние месяц-два я ясно ощущаю, что без лежания днем мне не обойтись, к отбою я уже полумертвый, совершенно без сил... Но ясно, что на крытой тюрьме порядок на этот счет будет такой же, как здесь – и за лежание днем на полу (если он деревянный, что не факт) – будут сажать в карцер...

Силы мои на исходе... Осталось 1059 дней. За что я мучаюсь, зачем, какой в этом смысл? Увы, абсолютно никакого. Я это ясно почувствую, как только (если) выйду на волю: никакой компенсации этих мук, никакого заслуженного годами неволи отношения со стороны «оппозиции», признания заслуг, – ничего этого не будет, как не было и в тот раз. Всё – зря, вот что обиднее всего...

Послезавтра. Ад начнется утром послезавтра, в 10-00. Первый круг ада –

Чусовской «суд»... Тешу себя мыслью, что, м.б., до апелляции еще и не вывезут...

Сейчас, не сомневаюсь, привезут на завтрак серую говнокашку – а завтракать мне нечем, проклятый магазин вчера подвел насчет тортов, мини-кексов и пр. Голод до обеда...

14-01

Девять дней уже нет писем. В понедельник будет уже 11 дней. Но не факт, что их принесут и на следующей, предновогодней неделе. Тогда, значит, только после «праздников», – и тогда 9-го января, в первый рабочий день, будет ни много ни мало – 26 дней без писем! Рекорд, абсолютный рекорд за всё время моего тут пребывания. И – после «праздников», в понедельник 9 января останется ровно 149 недель моего плена. Всего 149 недель...

Суббота. Тишина, спокойствие, даже опергруппы что-то давно не приезжали. :) Самое ужасное – именно вот в этой тишине и спокойствии. В том, что время идет, тихо, неслышно идет своим ходом – и совершается то, чему назначено, само собой оно возникает из ниоткуда, – и ничего с этим нельзя поделать, никак остановить этот ход времени и событий. На войне, по крайней мере, если и затишье, можно атаковать противника, проводить какие-то обходные маневры, еще что-то, – но действовать, ДЕЙСТВОВАТЬ, черт побери, и самому решать свою судьбу! Здесь же от меня не зависит ровно ничего, – я просто знаю, что послезавтра, без чего-то десять утра, загремит щеколда и ключ в замке моей двери – и появившаяся из-за нее косоглазая быдлотатарская мразь (как раз будет их смена) гнусаво скажет мне: «В суд!». И всё. Ну, конечно, я могу отказаться идти в их «суд», и тогда, 17 октября, это неожиданно сыграло-таки положительную роль; но и тогда это дало всего лишь отсрочку на десять дней. А по существу – ничего, абсолютно ничего изменить в своей судьбе, ничего предотвратить из уже назначенного мне – я не могу; и вот это-то полное бессилие убивает больше всего... Ощущение такое, как будто тебя, как в старину, привязали к двум лошадям и разрывают живьем надвое, и ты ровно ничего не можешь сделать... :(Но – добавлю уж к слову – если когда-нибудь появится такая возможность, то уж возмездие всем, кто это сейчас со мной делает, должно быть: полное безжалостное, тотальное истребление их всех, и всех, кто еще с ними служил в этих структурах, работал в этих «судах» и т.д., причем всех их, до одного, – с женами и детьми!! Вот такой должна быть действительно справедливая месть им за сегодняшнее (со мной и с другими), именно такой, никак не меньше!..

Нестерпимо, невыносимо – вот так вот молча, покорно сидеть и ждать своей судьбы в этой послеобеденной тишине. Но что я могу поделать, что?!!

Смириться с тем, что мне назначено, я никак не могу, но и изменить что-то в своей судьбе тоже никак не могу, и эта невозможность, это противоречие всего меня, всю мою душу разрывает на части. Вот уже четыре года в таком состоянии, если не считать еще тех пяти... Вот за эти мои мучения – даст бог, я еще буду разрывать надвое машинами их тела, как они рвали напололам мою душу!..

25.12.16., 17-46

Итак, у них пошло четкое разделение: день – капуста на обед (второе), день – на ужин, а в дни, когда она на обед, на ужин – «уха». Позавчера, сегодня... Так что я опять без ужина.

Соседушке за стеной опять захотелось со мной покалякать. Уточнил у него: тех, в мае, о ком он говорил, везли с 13-й зоны; камеры в Кизеле этом – человек по 8, по 12, но явно не по 2-3; главное же – те, кого туда привозят ждать апелляцию с зон, считаются там транзитными, то бишь – магазином пользоваться не могут. То бишь, месяца два-три – на одной баланде... Можно было бы, конечно, попросить Глеба привезти передачу, но – по моему, транзитным и передачи не положены (не помню точно), да и – при сидении в восьмиместной камере передачи нет смысла возить, их будет хватать на три дня от силы...

Пришел последний день – и прошел. Ощущение такое, как у приговоренного к смертной казни в его последнюю ночь, когда казнь точно назначена утром. Уже просто нет сил переживать, страдать, думать о чем-то, о судьбе, о своей так быстро и так нелепо прошедшей жизни... Полное внутреннее опустошение, апатия, ступор... Меня ждет ад, по дороге в который я уже не буду ни есть (нечего), ни спать (уголовники не дают спать по ночам), а приехав – подышать в ледяных карцерах, или стоять на растяжке, или висеть, прицепленный за наручники, как Дадин, или еще что-нибудь в таком духе. И – я знаю, что все эти мучения будут зря, напрасно, что через эти тернии я ни к каким звездам не поднимусь, никакой компенсации от судьбы не получу, всё так и уйдет, как вода в песок, если я и доживу до воли. Ничего не будет, ничего и никого уже в жизни, и даже украинский сборник, обещанный Горильской, так и не выйдет, – помешают вполне объективные обстоятельства... Никого и ничего впереди – только бессмысленные муки и пытки, голод, холод, глумление недочеловеков (в форме и блатных), а дальше, за всем этим – пустота... Таков итог, венец, сухой остаток всей моей жизни.

26.12.16., 5-14

Сегодня АД...

Разбить голову об стену... Других желаний нет.

8-28

А на кизеловском централе – сейчас подумалось – в большой камере наверняка ведь будет и телевизор. Т.е. – без еды, но с телевизором... Доживу ли я до освобождения через эти 1057 дней?

13-03

Всё-таки Рома добился отсрочки, спасибо ему! А я еще в нем сомневался... Просто – мрази из «суда» решили пойти кружным путем чего я и опасался, когда Рома 13-го впервые говорил мне об отсрочке): собраться на свой шабаш и рассмотреть ходатайство Ромы уже только там, вместо того, чтобы решить заочно и просто разослать бумажки с новой датой. Перенесли на 13-е, на 14-30. Что ж, еще целых 18 дней отсрочки, – можно сказать, практически 1% моего срока.) Плюс – впервые не придется ждать вывода на «суд» одновременно с утренним шмоном и думать о судьбе часов. Четвертый раз уже я пойду, – хорошо, что на третий ничего у них пока не вышло, хотя попытка (в смысле – засылка бумаг в «суд») все равно остается третьей. Не мистик я абсолютно, но вот поди ж ты – третья попытка пока не выгорела, зато четвертая будет – пятница, 13-е! :) Останется мне тогда всего лишь 1039 дней – № дела в 2000-01 гг.

Обставлено всё было на сей раз слегка иначе, чем прежде. Ботинок своих я, конечно, в каптерке опять не нашел – и косоглазая смена, подумать только, нее возражала, чтобы я пошел в тапочках! В октябре, 17-го, дежурили здесь «мусора» с 35-й, так они были категорически против, а этим – пофигу! На выходе из ШИЗО ждал меня мразь Чертанов, – над же, а я и думать о нем уже забыл!.. :) Это 17-го октября, в тот первый раз, я всё ждал, что поведет меня кто-то из оперов, – а прислали какого-то рядового, серого «мусора» и 17-го, и 27-го. А теперь вот – на тебе!.. Вперевшись вместе со мной в комнатку видеосвязи, чмо плюхнулось в кресло – единственное, которое там есть – и на мой вопрос подтвердило, что собирается присутствовать. Этого еще не хватало!.. Во-первых, мне из-за этой мрази придется стоять, а во-вторых, на ... он нужен?! Мне и смотреть-то на него противно... Но, взглядываясь в рожи на экране, я не увидел не только Рому, которого искал, но и длинную мразь Безукладникова. М.б., он не смог поехать – и мразь Чертанов решил отсюда же по видеотрансляции играть роль «представителя администрации»? Это единственное пришедшее мне в голову объяснение, но проверить его из-за краткости всего действия не удалось. Очень надеюсь, что 13-го хотя бы этой поганой хари возле меня не будет. Одно только позабавило меня в этой ситуации: какими изумленными, вытаращенными глазами смотрела на меня эта нечисть, когда в ее присутствии я озвучил туда, в видеотрансляцию, свой обычный текст о непризнании этого «суда», отказе

в нем участвовать и политическом характере самого рассматриваемого «дела»!.. :))))))

Да, 18 дней отсрочки опять... Дорого, ох дорого дается мне каждый раз доживание до этих загодя назначенных дат, это вставание роковым последним утром, это ожидание неизбежного... Если б не был уже давно седой – поседел бы наверняка сейчас от этих переживаний и ожиданий. Всё это прекрасно видно по моему дневнику, хотя бы по самой первой сегодняшней записи. Интересно: сколько нервов и душевных сил мне понадобится теперь на следующий заход, перед 13-м января? Столько же? Или еще больше? И на сколько вообще меня хватит...

18-20

Перед ужином опять вышел на связь сосед из-за стенки. Кроме разного прочего, сообщил, что, оказывается, это блатные, живущие в дальнем конце коридора, добились, чтобы здесь не было радио! Охренеть... То ли оно им спать мешало, то ли еще что, но – он говорит, что это с их подачи. Мрази... Плюс – на мое упоминание он неожиданно сообщил, что это именно он 7-го ноября поджег 6-ю камеру, когда было жуткое задымление и всех выводили во двор! Оказывается, он таким способом добивался, чтобы из 6-й (а камеры по той стороне коридора все постоянно ругают, – там холод, сырость, дует из разбитых окон и т.д.) его перевели в камеру попроще, – напихал бумаги за решетку ночника, поджег, там загорелись еще и провода, какие-то (пластмассовые, видимо) части самого ночника, и т.д.

Что ж, теперь наконец-то можно уже подводить окончательные итоги года. Не думаю, что приезд ребят завтра или в четверг, 29-го (если они вообще соберутся), сильно изменит и дополнит картину.

Особых потерь, к счастью, этот год не принес. Не знаю, можно ли в графу «потери» записать Маню, от которой было всего одно письмо за весь год и о которой едва ли стоит вообще в будущем думать и вспоминать.

Приобретений тоже особых нет. Заметных было всего два: интервью на радио «Свобода» в начале апреля и неполный киевский сборник тиражом 100 экземпляров в августе. К потерям или же, говоря языком бизнеса, «упущенной выгоде» тут можно отнести явный провал планов издать сборник полный и тиражом побольше, хотя бы тысячи две. Если ребята привезут на днях хорошие новости от Горильской о ее поездке в Милан, о том, что ей таки удалось там пробить хотя бы одну публикацию обо мне – это будет единственным еще возможным изменением итогов года в лучшую сторону. Но я на это абсолютно не надеюсь.

А так, в целом – это был год нервотрепки, год моральных мучений. Сильной нервотрепки – в начале года из-за постоянных ШИЗО и начатой в

ответ голодовки, на которую сперва никто вообще не обращал внимания. Слабых нервов и моральных мучений – в июле, из-за стычек с курточником по утрам, в итоге закончившихся в мою пользу. Ну и нервотрепки просто чудовищной, страшной – всю осень и начало зимы, по поводу перевода на тюрьму; сперва – сентябрь-октябрь и сорванная свиданка, просто запредельный градус психоза; потом, после передышки – чуть послабее в ноябре-декабре, до сегодняшнего утра.

Физических страданий, слава богу, в 2016 заметных не было. Я наголодался тут, и той зимой, еще до начала пользования магазином, и летом, и осенью. Духовной пищи было побольше, чем физической, прочел тут кучу интересных книг, преимущественно библиотечных.

Вот, в общем-то, и все итоги года. Ничего особенного. Как и повелось у меня еще с того срока – чётный год всё-таки бывает не таким тяжелым, вот нечётный – ужас... В 2017-м году предстоят этапы – на кизеловский лиценз, или сразу на крытую, – сидение там и там без еды, как минимум первое время, и знакомство с пыточной стороной крытой...

27.12.16., 17-56

Приезжал после обеда Рома – опять один! Глеб, по его словам, только завтра возвращается с заработков – а у Ромы, похоже, и завтра где-то «суд», так что – не дождался. Обещает теперь, что вдвоем они приедут 12-го января, накануне «суда», после визита рано утром в сам «суд» для изучения дела.

Зато привез Рома этого их психолога Халяпина, которого несмотря на решение еkb обл«суда», что его должны ко мне пустить, всё равно опять не пустили! Рома собирается обжаловать это снова. Но уже ясно, чего стоят даже и победы в этих их «судах»...

Самое важное, что он мне сообщил, – неожиданно он вспомнил чьи-то еще приговоры о переводе на тюрьму, и там прямо в самом тексте решения фигурировало, что до вступления решения в силу переведенный должен содержаться с СИЗО (и, м.б., даже с указанием конкретного СИЗО). То бишь, по версии Ромы, если она укажет в самом решении, что надо перевести на СИЗО – то переведут, а если нет – то нет. Сперва мне как-то не очень в это верилось, – обычно же вопросы размещения эков по тюрьмам монопольно решает ФСИН, – но Рома настаивал. Что ж, значит, 13-го надо будет с утроенным вниманием слушать зачитание этой мразью решения, если оно уже будет. По крайней мере, хоть буду точно знать, повезут или нет.

Сообщил он мне еще свежие новости, – о гибели Елизаветы Глинки, знаменитой «доктора Лизы», – черт ее дернул лететь в Сирию на самолете Минобороны, разбившемся где-то у Сочи и рухнувшем в море. Вояк и

ансамбль им. Александрова не жалко, а вот ее – очень жаль, она была, несмотря на весь свой ложный (не к тем, к кому надо) гуманизм в духе Санниковой, одной из последних оставшихся в этой стране приличных людей. Рассказал также об убийстве в Турции, чуть ли не в прямом эфире, российского посла. Вот послу туда и дорога, я очень рад! А так – разговор, как и в тот раз, больше шел о смысле жизни и т.п. глобальных вопросах, чем о чем-то юридическом (против Системы юриспруденция эта настолько бессильна, что и говорить-то о ней не стоит). Только на сей раз мелкий косоглазый опер (уже видел не раз, но ни имени, ни фамилии не знаю) по просьбе Ромы не стал сажать меня в клетку, я спокойно сидел на диванчике, где при их общих визитах сидит обычно Глеб.

Вот и всё. Долгожданное событие состоялось. Теперь впереди – только новый год, а потом, после «праздников», – опять Голгофа в виде 13-го числа и дальше АД...

12 дней уже без писем, но эта мразь Безукладников, явившийся в пять вечера меня выводить, на мой вопрос ответил, что, конечно же, их не принес. Шмон был сегодня два часа – с пол-одиннадцатого до полпервого, из-за чего задержали и обед (и к Роме выдернули, едва я кончил обедать).

Рома говорил со мной как настоящий, искренний друг и доброжелатель. Это и впрямь один из лучших людей в этом мире: ему охота не только мотаться ко мне. но и слушать меня и пытаться мне доказать, что не всё так мрачно и безнадежно в жизни, как это видится мне. Но – увы, факты говорят сами за себя. Хотя, по его словам, все (в рассылке, видимо) знали, что он сегодня собирается ко мне, – тем не менее, никаких писем или сообщений для меня ему никто не передал. Той информации, которой я ждал больше всего – от Горильской, про результаты ее поездки в Милан, или хотя бы от Агафонова про украинский сборник – нет и в помине. Что ж, это молчание красноречивее любых слов... А в Минусинск, по его словам, поезд идет где-то около полутора суток, и еще один – столько же до Красноярска, но другого его подзащитного везли из Екб в Красноярск несколько лет назад через тюрьму в Новосибирске, а м. б., и в других областных городах, которые там по дороге.

Хорошо было Буковскому в тюрьмах не ощущать ни холода, ни голода, ни битья, а про бессонницу он вообще не упоминает...

Что ж, вот они, окончательные итоги года. Они нулевые, по сути. Кроме интервью «Свободе» и 100 экз. сборника – ничего, только сплошные нервотрепки весь год...

30.12.16., 5-23

ДВА дня подряд, вчера и позавчера, приносили пачками письма, два дня

я практически только и делал, что сидел отвечал на них. Матери, Землинскому, Майсуряну, Маглеванной, Горильской, Крюкову, Мананникову, Кириллу Подрабинеку (плюс – он дал адрес своего брата, написал и тому), Гедройцу из Латвии, Лане Фрик (уже не работающей в ФЕОР, увы), плюс – паре тройке человек, мне совсем незнакомых, но приславших поздравления и теплые слова. Дай бог, чтобы проклятая лагерная цензура отнесла всё это на почту уже сегодня, успело бы всё уйти до Нового года.

Хорошее занятие – писать тут письма, хотя и болит потом рука. День пролетает быстро, ты беседуешь мысленно с адресатом – и не думаешь о том, что жизнь прошла, что впереди ничего нет, кроме ада этапов и пересылок, о том, когда повезут и куда – сразу ли после «суда» 13-го или позже, в Минусинск или во Владимир...

Завтра уже «праздничек», Новый год. Осталось 1053 дня на сегодня, два года и десять с половиной месяцев. Дорога в никуда... От матери и самой Горильской (через Майсуряна приславшей мне из Европы аж три письма) узнал: да, я был прав в своих догадках, ровно никакого результата от ее декабрьской поездки в Италию нет! Обещает действовать теперь каким-то «другим путем», мать пишет, что кто-то ей (Горильской) взялся помогать якобы в Германии... «Слова, слова, слова...» Ничего не будет, это уже ясно. Миша по телефону рассказал матери, что, мол, отвлекается на всякие другие дела, в том числе – уход за древней старухой, у которой живет, так что поэтому-то никак и не закончит мой украинский сборник... Ну да, я и не сомневался, что причины невыхода сборника будут вполне, вполне объективными... :) Прислали мне тут (частью через мать) фотки из своей деревни под Киевом, в том числе – двух еще недостроенных коттеджей на берегу Днепра и – белой, пушистой (длинношерстной) кошки Леси с желтыми глазами, живущей у них (Крюкова и Горильской) там в селе этом. «Она знает всё», – написала мне Горильская про эту кошку. :) Что ж, м.б., еще доведется мне эту Лесю погладить; м.б., в одном из этих домиков я и впрямь буду жить летом 20-го года, если мне удастся перебраться через украинскую границу хотя бы со стороны Беларуси... Любопытно, сидя здесь, увидеть хоть краешком – свое будущее пристанище, свою будущую, уже обещанную жизнь. Крыша над головой и кусок хлеба, надеюсь, всё же у меня там будут, – а уж на большее нечего и рассчитывать... :(((

11-26

Свиньи, подонки, ублюдки... Принесли сейчас заявление на магазин назад: мразь Безукладников его подписал, а ниже – бухгалтерша, сука, написала: лимит на 30.12.16 исчерпан! То бишь – не жрать не одну неделю, до

13 января, а две! А 13-го, м.б., уже увезут, там вообще ничего не будет... Суки, мрази, чтоб вы сдохли...

Пришлось стучать, звать этого ублюдка Безукладникова. Он подошел, посмотрел на заявление, подумал, согласился со мной, что надо сказать бухгалтерше о ее неправоте... но заявление у меня не забрал. То бишь, он ей скажет, но документа нет, отоваривание не состоится. Мрази, суки, будьте вы прокляты!..

11-56

Какая тоска, боже.. Вот и всё, чего ты стоишь в этой жизни: тебя вдруг, в один миг, лишают жратвы на целых две недели, – и ты в ярости и отчаянии стучишь в дверь камеры (до боли в руке), зовешь кого-то, пытаешься что-то отспорить, отстаять свои права... Но ничего ты не отстоишь – и будешь уже 1-го января сидеть без ужина... Ну да, что им, этим мразям, – они вон, несмотря на «судебное» решение, психолога всё равно не пустили, им на всё плевать. На тех, кто с воли к ним приезжает, плевать, – а что же говорить о тех, кто сидит в камерах!..

Убивать, убивать, убивать их, мразей!!! Мочить без всякой жалости!..

Но – никто не собирается их убивать, нет этого ничего и в помине; и некому мне даже сказать обо всем этом, некому... Раздолье: до 9 января теперь можно писать письма, сочинять их хоть как дневник, день за днем, хоть как что угодно. Но – кому? Нет у меня никого. Нет никого... Ни войны, ни любви, ни жизни, ни осуществить свое призвание, ни оказаться нужным кому-то, ни добиться тех, кто нужен был мне... да ничего, ровно ничего не удалось мне в жизни. И вот – итог. Тошно, а сказать некому... Если и выберусь в 2019-м из тюрьмы, единственное, что меня ждет, – одинокая старость... :(((

20-05

Весь день ждал их проклятую баню – и вот только сейчас эти мрази решили меня туда повести, в восемь вечера, хотя белобрысый ублюдок подходил и обещал, что как там домоются, выведет – еще до ужина, часов в пять вечера. Идти сейчас, в восемь, я решительно отказался, сказал: завтра утром. Белобрысое чмо решительно заявило, что завтра меня не поведет: или сейчас, или никогда! Я послал его подальше и отказался. Надо было бы и побриться, и постирать, но... не под самый же отбой, второпях!

Ни жрать будет в 1 января нечего, ни тряпье не стирано... веселенький Новый год, короче, будь он проклят!.. Впрочем, мне уже всё равно. Моя жизнь прошла, я не вижу, зачем мне жить дальше. Да, все надежды, что на Горильскую с итальянцами, что на Агафонова со сборником, тоже рухнули и больше не возродятся. Веселенький Новый год!..

31.12.16., 6-32

1052 дня осталось. В следующий Новый год, накануне 2018-го, будет уже 687...

Впрочем, и сокращение срока уже не радует. Даже крошечного, как раньше, душевного подъема не возникает теперь при этой мысли. Всё стало безразлично. Баня, магазин, съедобен ли завтрак, или как вот был сейчас; праздничная капуста на обед; в том году 31 декабря на ужин был винегрет, – посмотрим, что будет сегодня... :)))

Всё – ни к чему, никуда, ни в чём нет смысла. Я мучаюсь зря – и хорошо это знаю. Мне не будет никакой награды, никакого воздаяния за эти муки. Боже, до чего же бессмысленно и бездарно прошла моя жизнь!.. Старался, рвался вперед, лез из кожи...

18-06

Дерьмо!! – на ужин капля винегрета, мизерным добавлением к вареной (водянистой) гречке и кусочку жареной рыбы, – точно такому, как я выбрасываю чуть не каждый день! Гречку тоже последнее время несколько раз давали и в будни, и только винегрет здесь дается раз в год, строго в ужин 31 декабря. Но в том году – хотя бы полная порция, а в этом – капля, чайная ложка! Всё мельчает, даже их «праздники»!..

А с зубами у меня так плохо, что даже разжевать капустные листья в этом винегрете я толком не мог: нечем, а те немногие, что еще остались, – болят. И что с этим делать – неизвестно...

«Праздник», новый год, суббота – но тут паника вот прямо сейчас: опять приехала какая-то «комиссия», ее с ужасом и беготней ждут вот прямо сюда, в ШИЗО, вот прямо сейчас... Суки, ублюдки, чтоб вы сдохли все, совсем уже охренели – под новый год ездить!..

ЯНВАРЬ 2017

1.1.17., 5-40

С сегодняшнего дня я – совсем без еды (до сих пор был только без завтраков). В тот, первый заход «перевода на тюремный режим», с 13 сентября до 17 октября, тоже было нечего есть, – и, м.б., этим дополнительно объяснялся ужас, непереносимый мрак моих ежеутренних, от просыпания до подъема, мыслей и видений. Существование впроголодь на одной баланде, видимо, вносит дополнительный ужас вообще во всё. В эту попытку – с 25 ноября по вчерашний день – еда была, а ужаса по утрам было как-то меньше. Хотя – м.б., я просто привык к этому ужасу, к этим страшным предчувствиям, отупел, впал в ступор... Отсутствие еды, невозможность ночью спать, глумление омерзительных уголовных животных в камере – всего этого я жду по умолчанию и на «кизеловском центре», если вывезут туда, и на самой крытой. Плюс на крытой еще – дубинки, битье, наручники, приковывание, ледяные карцера... Я никуда не могу деться от этих мыслей, от этого ужаса, он всегда со мной, и днем, и ночью, но в четыре утра – острее всего; а отсутствие еды, видимо, ослабляя мозги и весь организм в целом, усиливает его податливость действию этих страхов. Минимум до 13-го, как раз дня «суда», голодать; еще не факт, удастся ли что-то купить в ларьке 13-го, в том числе и из-за «суда» как раз. Если же удастся – и первым этапом увезут в Кизел, часть купленного придется тащить с собой... Надо бы, как я уже пробовал себе внушать, ждать не «суда» 13-го, а приезда ребят 12-го, тем паче, что так удачно сложилось: они приезжают накануне, а не завтра после «суда», как раньше. Но – я не могу. :((Думая с тоскливыми ужасом о предстоящем 13-го и, возможно, сразу после, в ближайшие дни, – я, увы, забываю о ребятах. Их приезд как радостное событие поглощается надвигающейся тьмой и ужасом. Ну увидимся последний раз, поговорим о том о сем, как обычно; ну, м.б., даже не последний, м.б., перед апелляцией они заедут в Кизел, – а потом я кану в эту беспросветную тьму, во мрак ада, в скрежет зубов, меня запроворачивают куда-нибудь в Минусинск, куда у них не будет ни времени, ни сил, ни здоровья лететь самолетом...

Я проклиная этот наступивший 2017-й год, так же точно проклиная, как проклинал и до этого всё вокруг, и годы, и дни, и тех, кто меня сюда засадил и держит здесь, всех этих ублюдков-вертухаев, приходящих поднимать в пять утра не дающих лечь весь день, и всю свою нелепую, неудавшуюся, никчемную жизнь!.. Одиночество... Тоска... Бессмыслица... Осталось 1051 день, 150 недель, но мысль о том, что ежедневно срок по чуть-чуть

убавляется, остается всё меньше, – уже не радуется, как еще недавно, не возбуждает надежд. Я не знаю, где взять сил всё это выдержать, особенно если и впрямь посадят вместе с уголовниками...

13-00

«Нужны ли мы нам?» Нет, я себе не нужен, я это знаю совершенно точно. Такой, какой есть – побежденный, униженный, стоптанный в дерьмо, скрученный в бараний рог и засунутый в эту камеру Системой, оказавшейся сильнее меня, одолевшей меня, – я себе не нужен! Никакой ценности нет в том, чтобы выжить здесь – и потом до самой смерти знать, что ты был побежден, что ты проиграл, оказался слабее – и ничего не смог противопоставить этой сломавшей и закатавшей тебя силе Системы... Как с этим жить и зачем? Как жить, когда противен до отвращения сам себе? И это не только здесь – это останется со мной и там, на воле, если я до нее доживу. Выжил, вышел... растоптанный, побежденный, униженный, втоптанный в дерьмо... Как жить без самоуважения, более того – без самой возможности себя уважать, как?! Того, что я не покаялся и не отрекся – слишком мало, тем паче, что никто особо и не предлагал. Почему-то считается, что не отречься в такой ситуации – это, мол, уже героизм. На мой взгляд, этого совершенно недостаточно. Мало в душе сохранять свои убеждения в неприкосновенности, когда тебя поведут вешать или расстреливать. Попался, не смог ни одолеть их, ни убежать, молча терпишь навязанное тебе силой, сопротивляться которой у тебя нет сил, – значит, проиграл. Это уже поражение. И есть только один достойный выход из такой ситуации – самоубийство, как у древних японцев.

17-00

Библиотекарь то ли был, то ли нет, но ко мне, во всяком случае, не подошел. Я не стал стучать, спрашивать: противно даже слышать их голоса (тем паче – их хамские ответы). Апатия такая, что безразлично уже всё на свете: ведь жизнь прошла! Будущего нет... Невозможно жить без будущего, об этом еще Эренбург писал, но тем не менее... Не надеяться ни на что, чтобы потом не обламываться (как хорошо, что я с самого начала не очень-то верил посулам Горильской!). Не будет уже ничего хорошего, даже если я и освобожусь в конце 19-го.

Библиотекарь вот только что пришел, с меня начал. :) Хотя что-то хорошее. :) Если уже не ждешь, плюнув на всё и махнув рукой – хорошее порой еще случается, если ждешь – хрен!

Ну а так... Одиночество. Пустота. Бессмыслица... Я не знаю, как мне жить дальше и зачем.

2.1.17., 5-16

АД, АД, АД... Смерть, смерть, смерть... Но не мгновенная смерть, а долгая, медленная, мучительная, растянутая на все эти оставшиеся мне 150 недель. Я решительно предпочел бы мгновенную, но – от меня, увы, это не зависит. :(13-го января опять идти на «суд» по морозу и снегу в тапочках, – трагедия, приправленная фарсом... Блатные мрази, видите ли, хватают даже чужие ботинки, даже связанные вместе шнурками (явно НЕ ИМИ связанные) – лишая их тем единственного для меня опознавательного признака, то есть развязывая. На этап должны какие-то ботинки выдать, без них и в столыпин не посадят, но не раньше. И – я оказался прав: как только кончилась нормальная еда – стали острее утренние предподъёмные мысли и ужасы. Спал где-то до начала третьего, что ли, – уже не помню; каждую ночь говорю себе, что надо запомнить это время, когда окончательно проснулся, – и каждое утро не помню его; память совсем ослабела... А косоглазый быдлотатарский ублюдок-вертухай, как всегда, опять поднял сегодня в десять минут шестого, – вчера эта блядская смена явилась на сутки раньше, чем я ее ожидал! Опять, значит, через двое суток на третьи будут являться, мрази!.. Сегодня, значит, придет белокрысый упырь, эта сука, не поведшая меня в баню позавчера... Мрази, как же я вас всех люто ненавижу!!! Убивал бы вас своими руками без малейшей жалости, если б мог! О, мне бы только добраться, дорваться до вас когда-нибудь!..

Вот и жизнь прошла... Я не хочу дальше жить, да и незачем, не для кого; но – умереть не хватает мужества. Так и болтаюсь вот уже сколько лет между жизнью и смертью, ни туда ни сюда...

13-00

Я почти угадал. Правда, вместо горохового «супа» был пшенный; но зато на второе – капуста с водой и куриными костями, как же иначе! Всё, «праздники» кончились!.. :)

Я не ел больше 15 часов, с девяти вечера, после отбоя. На завтрак была совершенно отвратительная сечка. Я, правда, ожидал овсянки, но – какая разница... Эти интервалы по 15 часов голодания будут теперь повторяться постоянно, ибо на завтраки из съедобного осталась разве что пшенка (была вчера). Гречку теперь утром не дают, рис – давно уже, макароны – вообще не помню, когда ел здесь последний раз!..

Слушаю в коридоре голоса косоглазых, потом белокрысого. Думаю о том, что если б только были еще такие же люди, которые ИХ вот так же ненавидят и любят свободу, и была бы у нас своя территория, территория свободы, хотя бы совсем маленькая... Туда привозимых пленных ментов и пр. начальничков я бы одних кромсал бензопилой, связав и подвесив, а других – привязывал к двум машинам и снимал бы на камеру, как их

разрывает живьем...

4.1.17., 5-37

Неужели они всё-таки вывезут меня на СИЗО??!! При одной этой мысли я цепенею от ужаса. Даже «крытка» кажется мне хотя бы в одном отношении явно лучше СИЗО: там в камерах «строгого режима», надеюсь, не должно быть телевизоров (и вообще розеток, как здесь). Телевизор, «проветривание» зимой, негашение света на ночь... всего этого ада не было, так или иначе, с 2014 года, я уже отвык от него, не дай бог снова!..

Дико, чудовищно медленно уходят дни... Вот сегодня – 1048 осталось. Это еще чудовищно много, увы... Надо бы радоваться, что с каждым днем всё меньше, а я – не могу...

Вот и прошла жизнь... Вот и прошла жизнь... Вот и прошла жизнь... Помню, с каким остервенением мать спасала меня от раннего (и неудачного, разумеется) брака, как яростно противодействовала любым моим поползновениям в этом направлении, как не хотела ничего и слышать, какие ядовитые насмешки у нее это вызывало... Спасла... :) Теперь предстоит одинокая старость (если буду жив, конечно). Хотя – и без ее противодействия до брака всё равно и так бы никогда не дошло...

Всех вот этих мелких мразей, «младших инспекторов», кто приходит по утрам отнимать матрас, сгонять с нар и поднимать их, заставляя 16 часов сидеть на табуретке, – я бы просто на ключья рвал бы живьем, кромсал бы на куски топором, бензопилой, уничтожал бы яростно, люто, без всякой пощады!.. А они-то, идиоты, думают, что раз они это делают по приказу начальства, в силу, так сказать, своих служебных обязанностей, должностных инструкций – то им ничего не грозит, они защищены от возмездия!.. :))) Нет, ребяташки, – шкуру с вас будем сдирать живьем!!!...

6-35

Год с лишним горели красные огоньки на видеокамере к меня тут, под потолком, с того самого дня в октябре 15-го, когда я пытался разбить ее. Как только я разбил наружное стекло – загорелись эти огоньки по кругу, вокруг главного «жерла», и горели все эти 450, или около того, дней. И вот сейчас вдруг поднимаю голову, – не горят! Погасли огоньки... То ли камера вышла из строя, то ли всё их видеонаблюдение вообще (не только у меня) временно отключили, – не знаю. Проверять неохота, других объяснений как-то не приходит в голову; но, исходя из худшего, предполагаю, что камера все же действует.

Среда. Послезавтра – опять битва: поведут ли в баню раньше полвосьмого вечера и, если поведут, окажется ли там тазик для стирки...

15-32

Мысли по кругу, по кругу, по кругу, одни и те же, одни и те же – весь день, стоит лишь на секунду оторваться от книжки... От ужаса перед ожидающим меня кизеловским централом, а дальше – пыточной «крыткой», я перехожу к мысли, что все-таки срок хоть медленно, но идет, остается всё меньше, – но тотчас же возражаю себе, что уж слишком, невыносимо медленно он идет; что вчера было 1049 дней, а сегодня еще только 1048, всего на один меньше, – да это не кончится никогда! И хоть бы поскорее ушла, пропала проклятая эта «тысяча», поскорей бы стало число трехзначным! – так нет, даже и до этого еще целых 48 дней, гораздо больше, чем до «суда» 13-го и возможного вывоза на СИЗО. И от мысли о мучительной медленности этих дней, о бесконечности этих ежедневных, тягучих 16 часов – я опять возвращаюсь к мысли о том, какой ад еще ждет впереди, пока не кончится срок. И так – по кругу, по кругу, без конца, весь день, каждый день, даже больше, чем по 16 часов, ибо впервые я вспоминаю об этом – ночью, еще и четырех утра нет, а последний раз – уже лежа на нарах вечером, после нищенского ужина, уже около десяти вечера, пока не сподоблюсь заснуть...

5.1.17., 5-35

Начались сильные боли по утрам в пояснице, уже довольно давно. И пока еще лежу, так что приходится поворачиваться на бок; и когда уже сгоняют с нар, – а я ведь, если не записываю ничего в дневник, стараюсь до шести утра быть на ногах, ходить по камере, не садиться (такой уж дурацкий зарок дал себе когда-то), так что с болями этими приходится мне особенно тяжело. Днем вроде их не чувствую (по крайней мере, пока).

После отбоя вчера заметил, что красные огоньки на камере загорелись, но еле-еле, совсем слабо, не то что раньше. Сейчас они опять исчезли полностью.

Одинаковые, бесконечные, пустые дни... Это так ужасно, так мучает это бессилие, невозможность что-то изменить, – ты сидишь в камере, дни идут, тянутся один за другим, колесики крутятся, часы тикают, а АД приближается... – что я схожу с ума при одной только мысли об этом – первой за день мысли, едва проснувшись. Хорошо еще, что спал до полчетвертого в сумме этой ночью (конечно, не раз просыпаясь, первый раз – пол-одиннадцатого!), видел какие-то бредовые сны... Но это бессилие, эта тягучая рутина бесконечных одинаковых 16-часовых дней настолько выматывает душу, настолько убивает морально, да и физически мучает, – я просто не в силах описать это словами! 1047 дней осталось... Да, вроде не так много уже, но – я еще успею нахлебаться того дерьма, в которое меня, видимо, окончательно засунет «суд» 13-го января. Чувство невыразимого отчаяния, безысходности, тоски и – ненависти ко всем этим мразям,

погубившим мою жизнь, пустившим ее под откос. О, в этой стране невиноватых передо мной нет вообще!!! С каким наслаждением я сбросил ба на них ядерную бомбу!..

6.1.17., 14-40

Тот же самый белобрысый упырь, вопреки ожиданиям, погнал меня сегодня в баню с утра, около девяти, как раз перед шмоном. Так что всё время шмона я был там; слава богу, ко мне шмонобанда не зашла.

Посмотрел сейчас на камеру под потолком – опять засияли всюю все огоньки по кругу! А еще час-два назад и не горело ничего. Значит, видимо, включили ее опять, суки. АД будет ровно через неделю, в следующую пятницу после обеда. Похоже, на этот раз мне всё-таки припают крытку. Хоть бы на СИЗО не вывезли, мрази!..

7.1.17., 5-35

Ужас, тоска, отчаяние – и абсолютное бессилие! Ничего, ровно ничего не властен я изменить в собственной судьбе... Всё запрограммировано заранее. «Суд», этапы, шмоны, набитые быдлом камеры, открытые на мороз окна... Ужас, отчаяние, тоска... Убивать, убивать, убивать их всех, мразей!!! – и в камуфляже, и в эковских робах, в спортивных костюмах... Но я не могу никого из них убить без последствий для себя, не могу вообще ничего сделать, никак и ни на что повлиять. Я могу лишь с затаенным в душе ужасом думать об этом каждое утро, ожидая подъема... 1045 дней осталось этого ада, этого дерьма, шмонов, этапов, пересылок, уголовников с их «понятиями»... А потом – тоже ничего хорошего, потом – пустота... «Боже, как я поеду! Господи, как же я поеду, как поволоку баулы?!» – говорю я себе в ужасе, лежа утром на нарах, отрываясь днем от книжки. Дурацкая, нелепая, никчемная жизнь, жизнь в никуда... Мучения, о которых знаешь заранее, что они – зря, что никакой награды, никакой компенсации за них не будет, что все эти страдания, унижения, тоска – напрасно... Ни к каким звездам через эти тернии не поднимешься (именно ты, – у других-то, гаскаровых и дадиных, всё прекрасно получается), и освобождение из тюрьмы является грандиозным событием исключительно для самого освобождающегося, больше ни для кого... Предстоит АД, который заранее – зря, неизвестно зачем и для чего... Ничего нельзя изменить и некуда деваться... Но жить так я не хочу...

13-21

Копить ненависть. Копить ненависть. Копить ненависть. Что мне еще остается?..

Я хорошо помню этот завет Новодворской, – ее ответ на вопрос «Что делать?», заданный ей на каком-то дискуссионном клубе в конце, кажется,

2002 года (а м.б., и 2001-го). «Копить ненависть», – ответила она коротко и исчерпывающе.

Я люто, смертельно, бешено ненавижу и эту проклятую страну, и населяющее ее быдло, и их государство, и их Путина, и всех его чекистов, ментов, вертухаев, прокуроров и прочих «силовиков». Я ненавижу всё это упорной, систематической ненавистью, которая ищет себе выхода – и рано или поздно найдет его, если я доживу до воли. Я горжусь тем, что в каких-то из своих «экспертиз» и характеристик эти мрази называли меня «агрессивным». Я считаю себя в состоянии войны с этим государством с 1 января 2000 г., уже 17 лет, – и я буду вести эту войну, атаковать их так или иначе, словом или действием, пока я жив. Сдаваться я не собираюсь, а терять мне нечего...

8.1.17., 5-40

Последний день «праздников». Опять болит с утра поясница, просто нет сил. Косоглазые мрази подняли сегодня позже обычного для них, где-то в 5-22, что совершенно поразительно. И опять, и опять – ужас, паника, отчаяние в душе от предстоящего АДА. Кизеловское СИЗО, потом «крытка». Но, если не посадят одного, СИЗО еще хуже «крытки», – в той, я надеюсь, хотя бы нет телевизоров, да и сажают по два-три человека, а не по 12...

Да, для приговоренного к смерти каждый лишний день в ожидании казни – счастье: все-таки еще жив... Но для приговоренного к п/ж каждый новый день этой бессмысленной, не имеющей никакого смысла, никакого будущего жизни – ад, мученье... Я пока жив, но эта жизнь не имеет смысла, не имеет будущего, – и такая она не нужна мне! «Копить ненависть», – вспоминаю я завет Новодворской. Завет-то правильный, но – боже, сколько ее уже скоплено в моей душе!.. О, ненависти у меня сколько угодно, ею я богат, только ею одной я и живу, ее у меня хватило бы на сотню человек... И что же? Ей не дано реализоваться, найти себе выход, претворить слово в дело, – ни в тюрьме, ни на воле, ни в России, ни в эмиграции, если я туда попаду. (Наоборот, там-то я буду со всей своей ненавистью вообще никому не нужен.) О, как чудовищно я ненавижу этого мерзкого быдлотатарского ублюдка, пса, кусок говорящего дерьма, который открывает утром мою дверь – и стоит, ждет, когда я выкину матрас!.. Неся матрас к двери, я гляжу на него через решетку – и думаю об этой ненависти, о том, что вот эту мразь, этот сгусток биомассы я уничтожил бы с наслаждением своими руками, лично, – воткнул бы ему нож в шею, отрубил бы голову, руки, ноги, подвесил бы его на дыбе и бензопилой долго кромсал бы еще живого на кусочки... И что же? Ничего, ровно ничего я не могу В РЕАЛЕ сделать этой мрази, – только в мечтах, хотя он и вооружен всего лишь дубинкой... :(((И

фамилии его не знаю, а если б и знал – что? Потом всё равно я уже не вернусь за ним сюда, как и за всеми мразями, чьи фамилии знаю: Безукладниковым, Чертановым, Пьянковым и пр... Ничего, ничего не дано мне сделать в жизни, и даже кровью врага омыть руки – увы, тоже не дано, и страдаю я абсолютно зря, мучаюсь понапрасну вот уже десятый год. Ничего нет и не будет... Опять разбирает желание писать письма, – давно не писал, аж с 30-го декабря! :) – матери, Горильской, Маглеванной, кому-то еще... Я воздерживаюсь пока от этого, от порчи бумаги, коей и так немного осталось. Думаю о том, что если бы были какие-нибудь хорошие новости, – например, Горильской удалось бы пробить хоть одну публикацию на Западе, или был бы наконец доделан и отдан в печать украинский сборник, – она вполне могла бы сообщить об этом письмом через Глеба, который с Ромой – и это всегда анонсируется ими заранее – должен приехать ко мне сюда 12-го января. Но – внутренний голос, чутье подсказывает мне, что никаких писем для меня у Глеба с собой не будет...

10.1.17., 5-33

Бесконечные, невыносимые, совершенно одинаковые дни. Сижу, читаю; доедаю последние запасы. Если в пятницу из-за проклятого «суда» не успею получить список из магазина и написать то, что мне нужно купить, – жрать будет совсем нечего...

Та самая ситуация, когда остро понимаешь необходимость суицида. При мысли о том, в какое дерьмо, в какой ад посадят и здесь на СИЗО, и на «крытке», какой жуткий предстоит этап (через всю Сибирь до Минусинска; в лучшем» случае – через Киров на Владимир) – ну уж нет, лучше умереть!!! Достаточно я уже этим сроком испытал на себе и общество уголовников, и бытовые условия общих камер! Ужас при этой мысли охватывает такой – непередаваемый, инстинктивный, неподвластный и не контролируемый разумом, – что только смерть кажется избавлением. Эх, если бы у меня только хватило мужества умереть!.. Но его не хватит опять, я знаю, как не было его и в 2013-м; к тому же ремень от сумки так и лежит в каптерке, в одной из сумок, я так и не сподобился захватить его в камеру...

Невыносимое, чудовищное отчаяние, ужас, смертная тоска... М.б., перед поездкой на «раскрутку» в конце 2014-го было и хуже, но – тогда я надеялся, что не повезут, что всё обойдется. А потом – этап мне объявили всего за сутки, что ли, и некогда было особо переживать. Нет, даже не за сутки, а в тот же день, кажись.

Биться, биться головой об стену, пока не разлетится вдребезги голова!.. Почему так нелепо сложилась моя жизнь? Дерьмо, кругом одно дерьмо, и впереди, и позади, а смысла нет совсем. Нет во всех этих моих мучениях

смысла, абсолютно напрасны они. Где же мне взять сил, чтобы переносить их, всё новые и новые?... 1042 дня еще в этом плену; а потом – пустота, невезение, невозможность выехать из страны, отказ в убежище в Украине и т.д. и т.п. В гарантии на сей счет (убежища) от МГФ я, увы, не верю... Жизнь в никуда, совершенно в никуда, полная одних мучений и не обещающая ровно ничего хорошего. Так зачем же продолжать эти мучения, почему не прервать их вот прямо сейчас? Увы, не хватает духу, никак, трагически не хватает духу, хотя – нет уже никаких надежд, никаких иллюзий; я не нужен не только себе, но и никому вообще (кроме матери, но она не в счет). Последней крупной потерей такого рода была Маня, мысль о которой останавливала меня летом 2013-го. Но нет, и Маня обманула... А теперь вот – предстоит этап, уголовники, проветривания, ночной свет и там, телевизор, вечно занятые столы и туалеты... Всё то уже испытано, ничего нового и тем паче приятного не будет, – так зачем же мучиться дальше?! Не хватает мужества, увы. Ненавидеть эту проклятую страну, желать лютой смерти и ей, и всем, кто в ней, безо всяких исключений, – вот и всё, что я могу. Но зато уж и ненавижу я ее власть, так, как, наверное, не способен ненавидеть никто, даже из ее жертв. Копить ненависть, мечтать о мести и готовить эту месть, – вот всё, что мне остается. А доживу ли я до хоть какой-то возможности отомстить – далеко не факт, как не дожили многие из вышвырнутых отсюда в ходе первой гражданской, большинство из прошедших ГУЛАГ в 30-50-е... Ради чего же жить? Ради мести, которой так и не будет? Терпеть эти муки, каждое утро, до подъема еще, ощущать, как сжимается сердце в смертной тоске; каждый день по 20 раз, отрываясь вдруг от книжки, в панике повторять про себя: «Господи, как же я поеду?! Как поволоку баулы?!»...

АД всё ближе, ближе, он опять надвигается вплотную. Всего лишь два полных дня – завтра и послезавтра – осталось до «суда», отсрочка закончилась. Боже, где же мне взять силы вынести все это?!! Где взять сил, чем укрепить свой дух?? ЧТО меня подбодрит перед лицом голода, невозможности спать, холода из открытых окон, постоянного присутствия вокруг быдла? Ничего... :((

6-51

«Я еще жив», – приходит мне на ум в какие-то хотя бы отчасти, хотя бы относительно «хорошие» здесь моменты. Когда стою под струей душа в бане, например; или когда «хорошо» поем (вчера в завтрак – ДВА черпака густой пшенки, о чудо, – полная с верхом тарелка плюс горячий (!) чай). Я еще жив – и, значит, чисто номинально какая-то борьба еще возможна с моей стороны, если мне удастся выбраться за границу; есть интернет – и

какие-то усилия, пусть скромные, я всё же смогу в нем предпринимать...

Но какие – и, главное, зачем? Вести аккаунт в фейсбуке аж на 300 читателей? До второго ареста у меня их было 260 с чем-то, – значит, сейчас могу и 300 набрать... :))) Горильская – на вопрос по моей просьбе – говорит матери, что у нее в ФБ 5000 подписчиков, у Крюкова – 1000... Да и – что можно сделать, если нет ни команды (нет вообще, не говоря уж – в России), ни четкой перспективы? Хорошо было Лерочке с ее запретом на эмиграцию в ДС, – у нее была перспектива, хоть и ложная, был какой-то идеал. Мол, Новгородская вечевая – это (почему-то) тоже «мы», так что, мол, «нам» (москалям) есть куда возвращаться. Чуть полная, но для не особо исторически подкованных – канал. Лерочка любила Россию – не ту, в которой жила, конечно, но хотя бы какой-то свой (мифический, конечно) идеал «другой», свободной России, сделавшей «западный выбор» – и ей было за что бороться, было за что страдать, обрекая себя своим отказом от эмиграции в случае чего опять на пытки в психушках... Ей было за что страдать, а мне? Ни в какой «западный выбор» России, сплошь населенной диким, бессмысленным, варварским быдлом, я не верю. Как и в «возвращение» быдла в Новгород, начисто сожраный Московией уже пять веков назад. Возвращаться, увы, некуда. Надо идти вперед, задача задач – уничтожение дотла этой нынешней ядерно-цифровой ипостаси всё той же Московии, ибо ничего другого сделать с ней просто нельзя, никаким реформам она не поддается, а ее быдлонаселение абсолютно безнадежно. НО – кто будет ее уничтожать? Кто, какими силами и во имя чего? Во имя своего выживания и спасения, – ибо Московия изначально, генетически запрограммирована на то, чтобы сожрать весь мир? Но в это Запад не хочет верить, ему гораздо выгоднее, уютнее и проще торговать с этой Московией, отменив даже нынешние жалкие санкции, а о глобальном будущем, типа русских танков на Ла-Манше, – просто не думать. Аось, мол, пронесет. Запад – это единственная в мире сила, способная в пыль стереть, уничтожить эту ядерную Орду, ради спасения себя и отмщения за меня. Но Запад этого не хочет. Я – хочу, и очень хочу, но у меня нет сил. Уговаривать, убеждать этот проклятый беспечно-конформистский Запад, объяснять им их же пользу и безопасность – к этому, по сути, и сводится вся моя миссия, вся моя дальнейшая борьба, если я все-таки выживу и выберусь отсюда. Мстить одним, спасая других! Но – даже с моими 12-ю годами исключительно за слова в путинском ГУЛАГе, все равно не факт, что меня там кто-либо вообще станет слушать. А за автономные, неправительственные усилия против Московии – хоть то же хакерство взять, если б его удалось организовать, – могут, увы, посадить и там. Если уж

они чеченцами и крымскими татарами пожертвовали... То бишь – я еще жив, я еще буду рыпаться, барахтаться, вести фейсбук, публиковать этот дневник..., – но я понимаю, что перспектив у меня всё равно никаких, особенно – совсем в одиночку, без команды. А значит – и смысла в моей жизни тоже нет никакого, как не было его и раньше, с самого моего рождения...

Писал в самом начале о двойной порции пшенки вчера, – хотел добавить в скобках, но забыл. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, но – последние дни, кроме «ухи», не дают ничего совсем уж несъедобного, никаких вонючих сечек и овсянок. Рыбу я выкидываю, «уху» выливаю, но остальное – ем, даже капусту. Долго это счастье не продлится, конечно.

11.1.17., 5-35

Сюрприз: мразь курточник теперь не в смене белобрысого упыря, как раньше, а в какой-то другой, вновь назначенной и заступившей вчера вместо ожидавшихся мною косоглазых! И, разумеется, в отбой этот ублюдок, еще даже дверь не открыв, через «глазок» уже скомандовал мне «надеть куртку». Было страшное желание шарахнуть этой мрази по рылу, изо всех сил, так, чтобы он отлетел и шарахнулся башкой об стену... Этому чму абсолютно всё равно, что я и надеваю-то эту «куртку» по его приказу кое-как, только в один рукав, что она висит на мне явно «неположенным» образом, – нет, его интерес к этому кончается в тот же момент, как он видит, что я протягиваю руку и беру эту проклятую робу с крючка. Ему важно продемонстрировать и себе, и мне что он – власть надо мной, что вот он отдает приказание – а я вынужден его слушаться (собственно, я не вынужден, но иначе он долго промурыжит меня с матрасом), в этом – его единственная цель. Вот уж кого я с наслаждением привязал бы своими руками к двум автомобилям, чтобы разорвало пополам!.. Но сейчас, в подъем, он, открыв сразу дверь и решетку, не посмел мне и слова сказать ни про какую «куртку», – я с удовольствием вижу, что мои летние уроки не прошли даром!.. :)))

Продолжаются боли в пояснице по утрам. Остался 1041 день, и послезавтра – увы, уже АД. Кончилась и эта, «новогодняя» отсрочка, боюсь, что последняя. Ни о чем другом я не могу думать. Я совершенно мертвый внутри, всё выжжено беспредельным страданием, как писала Новодворская, и жгучей, лютой ненавистью ко всей этой мрази, в погонах и без. Я схожу с ума... Мысли крутятся по кругу, час за часом, день за днем, месяц за месяцем, – но выхода из тупика так и нет, а тупик этот – не только тюрьма и плен, но и вся моя жизнь. Время чудовищно быстро пролетает ночью, стоит только глаза закрыть, – и бесконечно, невыносимо тянется

днем. О, насколько легче было бы мне, даже в этой обстановке тягостного ожидания грядущих ужасов, если б можно было лечь днем, расслабиться хоть на несколько минут, отрешиться от физических страданий и посмотреть на всё со стороны!.. Завтра должны приехать ребята, я жду их с нетерпением, но – ждать-то, собственно, нечего, едва ли они привезут хоть одно хорошее известие, так что все удовольствие и вся радость будет состоять лишь в личном общении с ними. Да, я жду их, как и всегда, но – предстоящая назавтра после их визита первая ступень спуска в АД настолько чудовищна, настолько выворачивает мне всю душу и наполняет ее таким ужасом, что, к сожалению, приезд ребят блекнет и теряется на этом фоне, думаю я день за днем, час за часом, всю эту новогоднюю отсрочку совсем не о нем...

Да, жизнь прошла, всё кончено. Лучше всего было бы умереть. Почему же, черт возьми, почему мне не дано даже это?! Я обречен жить – и мучиться, живя неизвестно для чего... Вот уже 12 дней сегодня, как были последние письма (30-го декабря две новогодние открытки), а новых, разумеется, никто и не думает нести. Последний за тот год номер «The New Times» тоже не принесли, – всё, видимо, пропал и можно забыть... Одна надежда – что уже дошли все мои письма, два дня подряд писанные перед Новым годом, 28-го и 29-го декабря. Но тут – как всегда: на начавшейся рабочей неделе (сегодня уже среда) – ни писем, ни прессы, ни этого психолога-газовщика, жулика, говорящего со мной только через дверь в коридоре... А особенно странно, что не несут бумажку о переносе «суда» на 13-е января. В тот раз, когда его переносили в октябре, повторная бумажка была, я это помню точно.

7-00

Оцепенение – вот, наверное, самое точное слово для состояния, в котором я нахожусь. Всё внутри замерло от ужаса предчувствий, жизнь как будто остановилась...

И – рано обрадовался вчера: сейчас на завтрак опять какая-то говнокаша, хотя и белая, но явно не съедобная для меня. Верно подмечено, что стОит только чему-то обрадоваться, в чем-то увериться, тем паче высказать эту уверенность вслух... М.б., поэтому уверенность в максимальных ужасах ближайшего будущего дает мне хоть какой-то шанс на их смягчение...

15-30

Никого и ничего. Тишина... Состояние острого отчаяния – и нечем абсолютно утешиться, не к чему прилепиться душой. Пустота вокруг и пустота в душе, и смертная тоска... Завтра – ребята, а потом – всё, могила, кромешный мрак и небытие... На свой проклятый Кизел ведь могут вывезти

уже в ночь на 17-е января, если будет этап. Ну, или через пару-тройку дней, на следующей уже неделе. Голод, телевизор, открытые окна, занятый стол, ночной галдеж...

Некуда деваться; я ношу это отчаяние с собой и в себе, как зубную боль...

19-00

А не снится ли мне всё это вообще? Я оглядываю порой эту камеру, в которой провел уже 156 месяцев, – и мне кажется, что я вижу ее во сне. Что всё это просто НЕ МОЖЕТ БЫТЬ наяву... Пытаюсь представить себе 20-й год, Киев (или куда уж там меня занесет), – как я буду вспоминать эти семь лет, которые наверняка будут казаться издали просто страшным сном. И только этот дневник, если он сохранится, – как подтверждение, что бывает и явь – страшнее любых снов... Всё кажется порой: вот сейчас я вздрогну – и проснусь у себя дома, в Москве, на диване, и всё это жуткое наваждение, эта камера, этот Пермский край, ЕПКТ, перевод на тюремный режим – рассеются как дым. Настолько чудовищна эта реальность (и настолько непоправимо, безвозвратно сломана в этой реальности моя жизнь), что просто невозможно поверить, даже просидев уже в этой камере 15 месяцев, а всего – больше половины срока...

Оцепенение. Тупик. Ступор. Путь на волю, на выход из всего этого дерьма через 1041 день – ведет, увы, через дерьмо самое глубокое и грязное, через этапы, тюремный режим, попадание опять к уголовникам и т.п. И даже утешительной мысли, что всё это не зря, что хоть сборник мой вышел в Киеве, хоть пишут обо мне где-то в европейской прессе, что всё-таки эти мучения не совсем зря, – у меня не будет, увы... :(((

12.1.17., 5-40

Самое удивительное – что так и не принесли до сих пор бумажку о переносе «суда» на 13-е, на завтра. В тот раз, в октябре, – я твердо помню, что повторная бумажка – на 27-е – была.

Почти так же удивительно, что, несмотря на весь ужас и отчаяние в душе, я все-таки еще умудряюсь как-то спать по ночам, хотя и мало, и плохо, конечно. В общей сложности – не больше четырех часов за ночь, и то с несколькими просыпаниями и вставаниями, первое из которых может быть уже часов в 11 (учитывая, что засыпаю я где-то в десять или около того). Где-то с полтретьего, с трех – обычно уже не сплю, даже пытаться опять заснуть в это время уже бесполезно. Слава богу, полностью бессонных ночей у меня не было с тех двух подряд в начале декабря, 1-го и 2-го; но – после ожидаемого мной сегодня приезда ребят, да еще учитывая то, что ожидается завтра, – сегодня ночью вполне могу и не уснуть вообще.

Приедут ли ребята? Дай то бог, чтобы приехали; по крайней мере, Рома

именно на сегодня обещал твердо: сперва в Чусовской «суд», а потом ко мне. Сейчас, думаю, они уже должны быть в Чусовом или подъезжать к нему. Я жду их не просто с нетерпением, а буквально, можно сказать, с замиранием сердца, т.к. уже само общение с ними для меня здесь – огромная радость, счастье, отдушина в окружающем меня тут ужасе и в ужасе моих мыслей и предчувствий. А практически – увы, думаю, что никаких хороших новостей мне они не привезут (ладно уж там хороших, хоть бы плохих не привезли, и то спасибо!), так что остается лишь радость чистого общения, шуток и смеха на протяжении четырех часов сама по себе...

10-05

Маленькая, но всё же приятная неожиданность: психолог-газовщик нашел-таки время пообщаться со мной не через дверь! :) Пришел сегодня утром на работу, спросил у мрази Безукладникова – и тот его послал прямо сразу же, с утра, на полчаса, до якобы пересменки (на самом деле – ежеутреннего шмона). Полчаса мы, конечно, не проговорили, когда явилась вышеназванная мразь и нас прервала, но хоть что-то. Где-то слышанную, сообщил мне газовщик новость про Дадина: оказывается, из Карелии его увезли аж... в Алтайский край! Ближе, видимо, жалующихся и разглашающих их внутреннее положение политэков ФСИН-овские вертухаи не вывозят: только в Сибирь! Достаточно вспомнить, как в 13-м Надю Толокно из Мордовии увезли аж в Красноярский край после ее письма.

14.1.17., 7-27

Это было очень смешно! :)))))) Вчера на «суде» мразь Безукладников вынужден был опять отозвать ходатайство о моем переводе на тюрьму, потому что оно опять у них оказалось неправильно оформлено!.. :))))))

Итак, по порядку. Позавчера днем приезжали ребята, как обещали. Зашли ровно в 12 – но потом мразь Безукладников выгнал их полчетвертого, нагло, в глаза сбрыхав, что, мол, они зашли полдвенадцатого. Глеб, оказывается, приехал со своих заработков только накануне (а не к Новому году, как мне говорил в тот приезд Рома) – и завтра уже уезжает туда же опять. За разговорами о том о сем пролетела эта свиданка с ними совершенно незаметно, но всё же Рома успел кое-что спросить и по основному вопросу. Оказалось, начальнички здешние должны были по поводу перевода на тюрьму вызвать меня на так называемую «административную комиссию», – не дисциплинарную, которую здесь именуют «крестины», а именно административную. И – как вчера говорил тот же Рома уже в «суде» – протокол заседания этой комиссии с моим участием должен прилагаться к ходатайству. Разумеется, меня никто никуда не вызывал.

Кое-какие вести с воли порассказали мне ребята, а потом, когда после их ухода заводили меня в камеру, мразь Безукладников еще и сунул мне пачку писем – первую в этом году! Самая важная весть – Агафонов в Киеве, как я и думал, ничего даже близко не сделал для второго выпуска моего украинского сборника, он постоянно занят чем-то другим. Зато брошюру про насилие они там решили тоже выпустить отдельной брошюрой (для кого? Она актуальна только для России, ее если уж издавать, то здесь!..), и именно для нее, оказывается, Аня Синькова, страшно довольная, что я про нее упомянул в одной прошлогодней статье, :) сама вызвалась сделать обложку. То бишь – планов громадье, но никаких действий по их реализации не видно. :(Горильская же, отдыхающая до 24 января в Таиланде, пишет, что в феврале опять поедет в Италию и будет там говорить уже с самими журналистами, пытаюсь заинтересовать их моей персоной. Что ж, дай бог ей там в этом хоть каких-то успехов!..

Еще пока стоял в клетке, а ребят выводили, – в открытую дверь кабинета увидел завхоза, подозвал его и предупредил, чтобы назавтра из-за «суда» пораньше принес мне список еды из магазина. Тем не менее, последние часа два перед выходом в «суд» я страшно нервничал и мог думать только об одном – что он так ничего вообще и не принес, так что предстоит опять целую неделю ничего не жрать. Тем не менее, идя по коридору к выходу (опять в тапочках!), увидел его, спросил, – он, оказывается, еще и не ходил в магазин! Говорю: ну и как же быть, я вот сейчас ухожу?! – я, мол, тебе туда принесу! Ну ладно.

Привели в дежурку, где у них кабинет видеосвязи. Да, 14-30 – это тебе не 10 утра: передо мной уже назначено еще двум человекам : у одного УДО, у другого приведение приговора в соответствие с законом. Самого первого в списке, заранее вызванного, очень долго не было, ждали его. Я был третьим в очереди.

Как только начали, я, как обычно, сразу им заявил, что я не признаю их «суд» и не участвую в нем. Рома опять заявил ходатайство о допуске Глеба в качестве защитника, – разумеется, опять отказ! Пробубнил свои казенные гадости обо мне мразь Безукладников, – и вот тут-то Рома внес полную ясность! :)

Мразь Безукладников, помня конфуз в прошлый раз, специально притащил и вручил «судье» – приобщить к делу – приказ о назначении и.о. начальника зоны с 24.11. по 8.12.16. некоего Ноговицына – по-моему, начальник охраны периметра, если не путаю. Попутно выяснилось, что и новое ходатайство обо мне, и характеристика – всё подписано того же 25-го числа, когда у меня брали заявление об адвокате и личном участии. НО:

характеристика подписана этим вот и.о. Ноговицыным, а ходатайство за то же 25-е число подписано начальником ФКУ ИК-10 Асламовым! :))) Типа, у них в один и тот же день был и начальник, и действующий и.о. начальника, чего, конечно, ни по логике, ни по их законам быть не может! Позор, полнейший позор! :))) Плюс – тут-то Рома упомянул еще и об отсутствии протокола заседания административной комиссии. И потребовал в своем ходатайстве, чтобы «судья» вернула дело а лагерь для исправления ошибок.

Чтобы прокурор мог это ходатайство изучить и сформулировать своё мнение, устроили перерыв на десять минут. Тут вдруг в коридоре я слышу чей-то голос, называющий мою фамилию! Сперва подумал – мразь Безукладников звонит сюда и докладывает. Решил выглянуть. Нет, это завхоз прибежал – и разговаривает с «мусором», караулящим меня под дверью! Оказывается, он с этим «мусором» договорился, чтобы тот, как закончится «суд», отвел меня самого в магазин, благо он тут же, рядом. Мне эта мысль и самому приходила, но я решил, что и просить не стоит, – «не положено», мол, и всё! А он договорился. Увидев меня и узнав про перерыв – повел меня пока что расписаться в ведомости (там же, в магазине) – и тут выяснилось, что на выписанные мне 2000 р. брать опять нечего, магазин пустой!.. :(((

Вернулся я назад, кончился перерыв, взял слово прокурор. Очень вяло сказал, что ходатайство Ромы можно приобщить к делу. «А по сути?» – спросила «судья». По сути он еще более вяло, нехотя, еле-еле промямлил, что, мол, да, есть нарушения у администрации ФКУ ИК-10. При всей их наглости, при всей беспардонности Системы – не смог-таки, не решился назвать черное белым и сказать, что две разных подписи за одно число, начальника и и.о. начальника, – это нормально!.. :))) И, услышав это, мразь Безукладников так же понуро и без энтузиазма сказал, что, мол, мы тогда ходатайство отзовем.

Так закончился очередной раунд этой истории. Опять передышка – но, предчувствую, на сей раз она будет короче, чем в тот. Вряд ли с новым ходатайством опять будут тянуть месяц, да и административную комиссию эту теперь, возможно, проведут. Пока всё опять обошлось – но по этому дневнику видно, каких чудовищных нервов, сколько бессонных ночей, какого ужаса и отчаяния в душе стоило мне одно только ожидание этой нынешней промежуточной развязки. В этом-то и состоит наказание, моя личная «комната 101», это я понял еще в Буреполоме. В конечном счете, м.б., всё и обойдется – но ты измучаешь сам себя этим жутким ожиданием, психуя и предчувствуя будущие ужасы...

Остается немного. Пошел с этим самым «мусором», что меня ждал, в

магазин. 1000 р. мне там, как бы сказать, записали на следующий раз, ибо брать было нечего. Точнее, было много рыбных консервов, и хороших, но без колечка на крышке, а открывалку мне сюда не пропустили еще осенью 2014 г. Взял 12 (!) маленьких баночек печеночного паштета по 52 р. – одной как раз хватает на ужин, вчера убедился, а еще пять из 12-ти останутся про запас; три пачки печенья и пачку конфет. Да, еще когда в перерыве завхоз водил меня расписываться – тут же, когда я уходил, выклянчил у меня, что за мой счет он купит себе две пачки сигарет. Так полностью подтвердилась моя догадка, что, регулярно что-то из списка мне не принося, он за мой счет тихонько покупает каждый раз себе сигареты, воровская сука!

В баню повели только сегодня с утра, – вчера Колобок дотянул до восьми вечера и сам (!) спросил, как мне лучше: сейчас или завтра утром. Я, конечно, выбрал утро, хотя бриться мне сегодня не было нужно. Но хоть сам спросил, – не то что этот ублюдок, белобрысый упырь, который 30 декабря тоже уже в начале девятого заявил: или сейчас – или вообще не пойдешь! – и я на Н.г. в баню не ходил. Плюс – поразительно, что ШИЗО стоит практически пустое: шел сейчас в каптерку – кроме 2, 4 и 14, все остальные камеры (6, 8, 10, 12) стоят открытые! Я-то думал, что раз «крестин» не было все «праздники», то после их окончания ШИЗО набьют до отказа, «крестить» будут каждый день. Но нет... Ребята подтвердили мне позавчера, что начальник в лагере опять новый, а старого, типа, тоже отправили на пенсию, как и его предшественника Гасанова в 2015. Смешная мысль: м.б., пустое ШИЗО после Н.г. – это свидетельство либерализма нового начальника? М.б., он и меня тогда решит больше не пытаться на тюрьму переводить, тем паче, что от этих попыток один смех и позор?! :))) И самому смешно от этих мыслей. :) Нет уж, установку ФСБ обо мне они будут выполнять до упора, рано или поздно всё-таки упекут меня в крытую, как вчера говорилось в их ходатайстве, «на неотбытую часть срока»...

16.1.17., 6-20

Чудовищно, сатанински болит по утрам поясница, и не только сама поясница, а – опоясывающей болью вокруг... На завтрак сейчас дали жидкую манку – отвратительная белая жижа, ничто, пустое хлебово... Раньше давали манку хотя бы густую – «на молоке», а тут... Я вылил, конечно, это дерьмо.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу лютой ненавистью всех их, всю эту мразь, – и тех, кто сюда засадил, и тех, кто держит здесь, всех вертухаев, начальничков и всю эту проклятую страну, населенную тупым скотским быдлом!!!!... Кроме как сбросить на них ядерную бомбу, да не одну, а на каждый их крупный город... на все эти москвы, перми и прочую нечисть –

здесь не поможет никакой другой вариант...

19-15

Да, на ужины начали давать перловку, второй раз уже... То бишь, я сегодня и без завтрака, и без ужина, – только обед (капуста). Возвращается стиль питания прошлой зимы, когда поесть что-то (и то не всегда) можно было только в обед...

Днем, после обеда, – конечно же, долгие «крестины» (ужин привезли только в семь вечера) и – неожиданно – опять письма! Большое письмо от Кондрахиной из СПб – и как быстро дошло! 8-го написано, 9-го отправлено, четыре дня полежало здесь, 16-го уже отдали! Чудеса... Кроме того, очередная французская открытка Горильской, декабрьская, но на сей раз из Монако (а сейчас-то она в Таиланде, до 24-го, что ли). И – наконец-то новогодняя открытка от Маглеванной, о которой она уже спрашивала в письме, – отправлена еще 12.11.16, сюда пришла только 12 января!.. А как ответил Кондрахиной – тут и журнал принесли последний сдвоенный номер The New Times за 2016 г. Среди «героев года» на первом месте у них – Дадин.

Прошла жизнь...

18.1.17., 5-30

Невыносимо тягучие, бесконечные, пустые, одинаковые до неразличимости дни, один за другим. Смертная тоска... 1034 дня осталось, ровно два года и десять месяцев. Впрочем, вчера произошло все же несколько мелких событий.

Утром, в девять, цензорша, придя, как всегда, за письмами, принесла назад два моих, – Ильиной в Германию и Гедройцу в Латвию. Оказывается, письма за границу опять подорожали – с 31 до 35 рублей – и мне вернули их для доплаты: еще по четыре рубля за каждое. Доплатил, наклеил еще по марке; но – задержка неприятна, и так письма туда идут месяц. Хорошо еще, она сразу же принесла их сама, а не бросила вместе со входящими письмами на мое имя, которые мразь Безукладников может забрать еще недели через две-три...

Часа в три, после обеда, только я очнулся от тяжелой полудремы, оперев голову на ладонь (как часто дремлю после обеда, – глаза слипаются из-за недосыпа ночью), – выдернули к психологу-газовщику. На сей раз он опять принимал меня в кабинете, – слава богу, переломилась традиция бесед наскоро через дверь, – и говорили мы минут сорок, не меньше, хотя он и сказал, что ему надо побеседовать еще и с другими. О Трампе, о падающих регулярно самолетах, о целесообразности участия России в сирийской войне, о «бесплатной» медицине в СССР, и т.д. и т.п. Во время этого

разговора дежурный вертухай вдруг засунулся в дверь и спросил, пойду ли я на флюшку. Я отказался (и это тоже послужило темой беседы с газовщиком о местной санчасти, забирании моих лекарств и т.д.), но – что-то больно часто они стали туда дергать. Леню искать в блокноте, когда они спрашивали об этом последний раз, но точно меньше, чем полгода назад. Дальше – еще страннее: только зашел после этого разговора назад в камеру – открывается «кормушка» и мне дают две таблетки аспирина в упаковке. С чего бы это? Я точно не просил и не обращался. Но взял, конечно, – что ж отказываться, вдруг пригодятся, а места они много не занимают.

С моим заявлением главному бухгалтеру о том, что не отоварили меня 30 декабря, – тишина, хотя пошла уже вторая неделя, как оно подано. Радио теперь, слава богу, включают, оно поет в «дежурке» у вертухаев, то погромче, как вот сейчас, то едва слышно, – к счастью, сигналы точного времени слышны даже так, теперь хоть есть по чему ставить часы каждый день. Единственная хорошая новость за последнее время.

Ну а так... Сижу, жду очередного приглашения писать заявление об адвокате и личном участии. Да теперь еще, м.б., вызова и на «административную комиссию». Вспомнил: в Буреполоме именно эта комиссия, видимо, пару раз тоже вызывала меня по поводу моих заявлений об УДО, сообщала, что характеристику напишет отрицательную. Но в остальные разы легко и свободно обходилось без комиссий, просто отправляли бумаги в «суд», и всё. Еще большой вопрос – пойду ли я на эту комиссию, если даже и позовут. С одной стороны, хоть увидеть нового начальника; с другой – я склоняюсь всё же к тому, чтобы не ходить, ибо и новый начальник ничего нового мне не скажет; пихать меня в крытую тюрьму, видимо, приказала им ФСБ – и они тупо, усердно исполняют...

Газовщик, кстати, сообщил еще вчера во время разговора, что, оказывается, 24-е февраля – пятница, день сразу после «праздника» (Дня оккупанта :), будет нерабочим. Ну да, с похмелья-то какая работа, а потом – уже сразу суббота и воскресенье. То бишь – если я буду еще здесь, то магазин опять пролетает, опять неделю без жратвы. В этом смысле страшно повезло, что в последний раз 13-го, я купил в магазине лишние пять баночек паштета! Думал, по две пойдет на ужин, но оказалось, и одной хватает аж на девять бутербродов! :) Так что в конце февраля пять дней буду ужинать опять этими баночками, как сейчас, – и очень жалею, что вместо 12-ти не купил их 14, как хотел изначально, по две на вечер...

15-30

Скидывают, мрази, откуда-то сверху снег – и всю эту решетку, что торчит перед моим окном (дворик прогулочный, или что это, не знаю) – забили

снегом! Осталось лишь сверху чуть-чуть свободного пространства, через которое проникает дневной свет. Я вспомнил, что и в том году ведь было так же: копали – и закопали, а потом уж снегопады забили и крохотные оставшиеся просветы. Суки, как же я вас всех ненавижу!.. В ту зиму стоял этот снег за окном, лишивший меня дневного света, только в апреле, когда потеплело; но сейчас-то я вряд ли досижу здесь до апреля, – увезут, суки, в Кизел, в Минусинск или еще куда-нибудь. Но пока я здесь – еще добавлять будет каждый день тоски эта круглосуточная чернота за окошком, когда (скоро) оно забьется снегом уже окончательно...

16-37

Продолжают убирать снег, сгребают его откуда-то – и вот только что полностью завалили все щелочки перед моим окном, куда еще проникал свет. Завалили наглухо, ни единого просвета не осталось... Погружение во мрак... Прощай, дневной свет, теперь я увижу тебя в окошке или только в апреле, или – уже в другой тюрьме... Боже, какая тоска...

19.1.17., 5-50

Еще одна неожиданность вчера вечером. В ужин вдруг сунули в «кормушку» письмо – заказное, с отгрызеным, как всегда, клочком конверта с обратным адресом – от Йонатана Гордона. Того самого, что писал мне от имени ФЕОР, узнал о моей биографии – и проникся такими чувствами, что решил вообще мне помогать, даже и без ФЕОР. :) Ему-то спасибо; и то, что из ФЕОР он с осени 2016 ушел, я уже знал. Сенсация в том, что сейчас он устроился работать в «Русь сидящую» к Ольге Романовой, – там, оказалось, тоже открылся какой-то еврейский проект, в поддержку эзков-евреев. Пишет Йонатан, что в этой конторе меня прекрасно знают, некоторые даже лично; но из тех, кого он в письме упоминает, лично я ни с кем не знаком. Романова, глава их конторы, относится ко мне, как он пишет, «с юмором», бывшие «болотники» Гуштин и Зимин – «доброжелательно», а Шаров-Делоне, друг Светы Сидоркиной и брат того знаменитого Делоне, участника «семерки» в августе 1968 г. – «с сарказмом».

Какое дерьмо!.. Просто слов нет, какое дерьмо!.. Я написал в ответ Йонатану, что Романова, разумеется, и не подумала ответить на мое личное письмо ей в «Новую газету» летом 2015 г., из «пятерки» в Москве; а также – что я посмотрел бы на ее «юмор», если бы она сама отсидела 12 лет, или хотя бы те девять, что мной УЖЕ отсижены; потому что почувствовать всё лично на себе – это совсем не то, что помогать другим и даже к собственному муженьку ездить на свиданки. Попросил я Йонатана эту мысль от моего имени высказать Романовой лично – но, естественно, он этого не сделает: зачем портить отношения с начальством...

1033 дня осталось. Сегодня – писать заявление на магазин, завтра – отдавать... Дверь на подъем сейчас открывал мразь курточник, но попытки что-либо вякнуть про «куртку» он не сделал, – отучил я его! :) Это единственное хорошее, хоть и пустяк; а всё остальное вокруг – полное дерьмо. Аж содрогнулся от ненависти, вспомнив сейчас, еще до подъема, про заваленное вчера снегом окно, про то, что теперь дневного света не увидеть! Жрать по-прежнему дают в основном капусту; на завтрак сейчас наверняка будет что-то несъедобное (сечка?). Говнюк Агафонов, мразь, как будто глумится, обещая мне еще и вторую брошюру выпустить с обложкой от Ани Синьковой, – когда ясно, что он и первую-то похоронил навсегда, сляпали в августе наскоро 100 штук – и всё, о большем и мечтать нечего! Горильская-Обещалкина по-прежнему только обещает – пафосно и трескуче – все блага жизни, от материалов обо мне в Италии (которых, естественно, никогда не будет) до жизни в Киеве и отдыха на ее «хуторе» (по тому, что я уже знаю о сбываемости ее прежних обещаний, можно судить и о судьбе этих, будущих). И так во всем. Куда ни кинь – везде клин. Всем наплевать. «Друзей», по словам Маглевой, у меня много, но реально – я никому из них не нужен. Вокруг – лишь пустота, одиночество; некому сказать слово, чтобы быть понятным. Жизнь прошла, увы, окончательно прошла – и этого уже не поправишь, не наверстаешь...

18-05

Пустое, жидкое капустное хлебово на ужин второй день подряд. Правда, привезли его горячим. Вчера оно даже было малость погуще. Второй день оно даже без рыбы, вообще без ничего. Рыбу эту, разумеется, я выбрасываю, она отвратительная, есть ее невозможно. Но – этой рыбой они хотя бы делают вид, что кормят чем-то посытнее, чем капуста (на 12 часов – до завтрака!). Но вот уже два дня даже и вид не делают. А впрочем – перед кем тут притворяться, кто с них спросит хоть за что-нибудь?..

Утром, вскоре после шмона, мразь Безукладников принес мне под роспись (!) копию письма Бабушкина. Оказывается, еще 15 декабря Бабушкин написал мрази Асламову, копии – мне, в пермские ГУФСИН и прокуратуру, короткое письмо с протестом против моего перевода на тюрьму. Что ж, спасибо Бабушкину и на этом, что мог, он сделал, не промолчал на сей раз, как в 2013-14 в Москве. Предполагаю, что он написал его сразу, как получил мое письмо от конца ноября, как раз когда я узнал, что они опять подают в свой «суд» о моем переводе... Правда, московский штамп на конверте – только от 27 декабря. Ждали, что ли, чем окончится «суд» 26 декабря? Ничем иным 12-дневную задержку с отправкой этого письма я объяснить не могу. Дальше тоже было весело: всесвятский

штамп сзади конверта – от 6 января, а штамп «входящее» лагерной канцелярии на самом письме – от 13-го. Мне принесли 19-го. Не торопятся, однако. Самое же обидное – то, что с вероятностью 100% это письмо, как и все аналогичные, не поможет. Вот, значит, было уже от жуликов из «Мемориала» обращение по тем же адресам (кроме копии мне почему-то) плюс заявление, теперь вот – еще от Бабушкина. Интересно, что оба раза копии – в прокуратуру, но оттуда никто не спешит на сей раз приехать и поговорить со мной. Вообще после второго уже конфуза в «суде» и двух уже обращений правозащитников – новому и.о. начальника (он, как я слышал вчера в коридоре, всего только и.о.!) съехать с этой тюремной темы, выписать мне еще, скажем, год ЕПКТ, т.к. предыдущий скоро уже кончается, – и всё! Я бы тихо-спокойно продолжал сидеть дальше. Но нет ведь, я знаю, что этого не будет; что с темы этой не съедут, – и это обличает, что не по своей воле они это всё делают, а выполняют указание свыше... О, как бы я хотел перестрелять их своими руками!..

20.1.17., 5-25

Пятница. Отвратительный день, Ждать баню и магазин... Днем заступает белобрысый упырь, – наверняка он погонит в баню опять только в восемь вечера, не раньше. А у меня сегодня как раз намечены стирка и бритье, на всё это мне нужно минимум полтора часа. Да еще будет ли тазик в бане, состоится ли эта намеченная стирка в полном объеме...

С магазином тоже много вопросов: был ли завоз, не пропадет ли оставленная мной неделю назад 1000 р., будет ли у меня сегодня на ужин что-нибудь, кроме осточертевшего паштета тоненьким слоем, чтобы на больше бутербродов хватило? Вчера завхоз, я слышал разговор в коридоре, ходил кому-то за покупками в ларек (как уж он умудрился, если «наш», ЕПКТ-шный день – строго пятница, не знаю) – и говорил клиенту, что, мол, в ларьке ничего нет, – и даже после обеда принес ему «всё, что было», т.е. – завоза не было и после обеда. А тогда, неделю назад, продавщица четко сказала, что завоз будет в четверг. Т.е., пропала 1000 р. или нет – но даже если нет, покупать на нее опять может быть нечего. Проклятая страна, где даже с деньгами ничего не купишь!..

1032 дня осталось. Отчаяние. Тоска. Зачем я жил, на что потратил свою жизнь – непонятно...

14-45

Когда ждешь только самого худшего – еще бывают изредка приятные сюрпризы. Когда ждешь хорошего – оно не сбывается...

Косоглазый ублюдок-вертухай из быдлотатарской смены выдернул меня в баню в девятом часу утра, чего эта смена не делала сроду. На время шмона

как раз меня увели в дальнюю СУС-овскую баню, так что я даже не был точно уверен, прошел за это время шмон или нет. Но это, собственно, и был единственный приятный сюрприз.

С магазином вышло хуже. Слава богу, он работал, завоз был, мои 1000 р. с той недели не пропали. Но... после Нижнего и Мордовии теперь эти суки перешли на продукцию Пермского края, поближе, – какого-то мясокомбината в Кунгуре. И принес мне сейчас завхоз все обозначенные в его списке четыре вида колбасы... крохотные, мал мала меньше, упаковочки, самой большой из которых едва хватит на шесть бутербродов!.. Микроскопическая порция вареной, две крохотные колбаски в другой упаковке (у атяшевских производителей такая колбаса называлась «Казачья» – и было там в упаковке три толстых длинных колбасины, на шесть бутербродов легко хватало; тут – только на два!..), просто смех... Зато – сосиски оказались в Кунгуре тоненькие, но ад по 15 штук в пачке; то бишь – можно есть по десять за один раз, две на бутерброд, по пять бутербродов за ужин... но пять бутербродов, увы, мне будет мало!.. :(Вот тебе и дождался дополнительного питания к бесконечной капусте... Суки, короче. Кроме того, майонез был – только крохотными упаковочками, рулеты – крохотные, просто лилипутские какие-то; вафель и вафельных тортов не оказалось совсем, а когда я написал завхозу взять две пачки печенья по 70 р. – печенье оказалось какое-то совсем новое, ни разу не видел здесь такого; но – я почти угадал: из двух пачек он принес лишь одну (я думал – не принесет вовсе). 70 рублей, да около 40 должно было быть сдачи, – ясно, что на эти деньги он опять купил себе сигареты...

На ужин придется съесть сразу две этих крохотных упаковочки колбасы, чтобы хоть почувствовать, что что-то съел. Тем паче, что одна из них – вареная, ее нельзя долго держать. В первый раз тут удалось взять пачку сливочного масла на бутерброды – оно очень редко бывает, почему я и приспособился вместо него использовать майонез. А конфет шоколадных, несколько сортов было там в продаже, вообще не хватило денег взять. Суки, мрази, ублюдки со своим лимитом, всего 5000 в месяц, сиди тут впроголодь! Сдохнуть бы вам всем, кто эти лимиты придумал и поддерживает!.. Придется жаться, крохоборничать с ужинами, делить пачку сосисок на два дня, – как раз то, чего я терпеть не могу!!!...

21.1.17., 5-40

Когда ждешь только худшего – иногда бывают сюрпризы... С ужином вчера обошлось лучше, чем я думал: из этого крохотного, микроскопического батончика вареной колбасы получилось не три бутерброда, а целых восемь! :) Правда, из них шесть – одиночных; хлеб

вчера весь день давали серый, но в буханках таких низеньких, приплюснутых, что на ломтик этого хлеба отлично ложился как раз большой кусок вареной колбасы – но уж никак не два куска, которые я привык класть на большие, от высоких буханок, куски. Так что поужинал неплохо – и даже не стал вскрывать пачку с теми двумя совсем уж крохотными полукопченными колбасками, оставил на сегодня. Плохо лишь, что на эти восемь бутербродов, на один ужин, ушло практически полпачки масла – а я-то думал, что буду мазать его аккуратненько, экономно, по чуть-чуть, и мне хватит чуть ли не на всю неделю... Черта с два! Но – что поделать; да и какой смысл экономить его, в конце концов? Надеюсь, уж бутерброды с маслом и колбасой у меня на воле будут, в отличие от какого-то более глобального содержания и смысла моей никчемной жизни...

Да, таков вот диапазон этого дневника, то бишь – всей моей «жизни» здесь: от лютой ненависти к этому проклятому государству и его опричникам, сломавшим мне всю жизнь, – до тихой радости, что удалось неплохо поужинать, и даже с маслицем... Смешно, м.б., кому-то будет читать эти строки на воле, если они (и я) доживут до публикации. Что ж, пусть смеются на здоровье. Могу лишь ответить всем критикам и насмешникам, что по эковским (уголовным) меркам я в удачном положении – не курю и не пью чифир, так что могу главное внимание уделять еде (уголовники обычно так поглощены добыванием курева и чая, что на отвратительность и скудость баланды уже не обращают внимания). А с точки зрения воли – ну да, м.б., это и смешно, но – единственное удовольствие, которое у меня в жизни осталось – это вкусно поесть, да-да! И я совсем не стыжусь этого, смейтесь сколько хотите! :) А какие еще, черт возьми, из распространенных человеческих удовольствий мне доступны (или будут доступны на воле, если я до нее доживу)? Не курю, не пью, наркотики не употребляю; женщинам совершенно не интересен (был и в молодости, а после 45-ти и говорить нечего). Азартные игры не люблю; автомобиль водить не умею. Что же до интеллектуальных удовольствий, доступных немногим, – писать теперь мне фактически не для кого, где мой читатель – неизвестно. 200-300 человек друзей в фейсбуке – и всё? А книжки, как показал опыт, у меня выходят тиражами не более 100 экземпляров, – словно в насмешку... Что же еще остается из приятного? Ах да, еще остаются путешествия, тоже с детства мной страстно любимые; но – увы, на них надо еще больше денег, чем на гурманство, а деньги – бог его знает, будут на воле у меня или нет; во всяком случае, заработать их мне будет негде...

18-00

Вот и прошла неделя из тех двух, что, по моим предчувствиям, пройдут до новой подачи обо мне бумажек в Чусовской «суд». Посмотрим, окажусь ли я на этот раз, как обо мне пишут некоторые, «пророком». :) В сентябре тоже прошло всего лишь 13 дней между возвратом им бумажек из «суда» (1.9.16.) и написанием мной 13-го сентября заявления (которого как раз в бумажках не хватало, почему их и вернули) об адвокате и личном участии в «суде». Правда, тогда все остальные их поганые бумажонки – характеристики, «акты» и пр. – им целиком возвратили назад; а сейчас-то их все надо заново готовить – или, как минимум, распечатывать или подписывать. Что ж, посмотрим...

Прошло две полных рабочих недели с того момента, как я подал заявление местной главной бухгалтерше о причинах неотovarивания меня («лимит превышен») 30.12.16. В ответ – глухое молчание, полная тишина. Ноль реакции. На просьбу сообщить сумму на лицевом счете это дерьмо еще может ответить, но на что-то более сложное, да еще когда явно нарушен их же сотрудниками их же «закон» (УИК) – не-е-ет, ни за что!! Глухое молчание...

1031 день еще. Паскудные задержки с книгой (-ами) в Киеве убивают меня больше, чем этот остаток...

22.1.17., 5-43

Мало и плохо спал эту ночь: то не мог долго заснуть, то – всю ночь вставал гонять проклятых мышей, громыхавших в тумбочке (но реально выгнать удалось только один раз)... А не выспаться ночью – значит и днем ничего не соображать, не мочь ни читать, ни делать что-либо – а лишь сидеть, облокотясь на тумбочку, подперев голову рукой, пока не затечет и не онемеет рука... Дико хочется днем спать, но так – голова на руку – не поспишь... Вообще, если не надо с утра читать прессу, или писать письма, или в уже точно назначенный день ждать ребят, – еще до подъема, пока я лежу и жду его, этот бесконечный, тягучий, безумно длинный 16-часовой предстоящий день кажется мне чем-то страшным, мучительным, настоящей пыткой. О, эти тоскливые, пустые, мучительно-долгие периоды, уже заранее известные: от завтрака до шмона (минимум два часа, а то и три); от обеда до четырех часов (минимум три часа; в четыре я обычно перекусывал вафлями или печеньем, когда они были; но – начиная с сегодня и до четверга, пять дней нет ничего, так что – ждать ужина, с полпервого-часу и до шести вечера); от ужина до отбоя, – два, а чаще три часа. Какая тоска, господи... Как бесконечно, нескончаемо тянется это дневное время, – и как стремительно пролетает оно ночью! Делать

абсолютно нечего, – лишь сидеть, или ходить туда-сюда, да думать свою вечную, тоскливую думу, да поминутно, помимо воли уже, по ввевшейся привычке, повторять вслух нараспев, сколько еще дней осталось. Сегодня вот – 1030; наверное, за день я несколько сот раз произношу это текущее число, – вот бы сосчитать! Книг полно, но – страшная муть; читать фактически нечего. Сегодня, в воскресенье, ждать после обеда библиотекаря с новыми книгами – становится единственным содержанием дня. Тоскливые мысли преследуют душу, а боли в пояснице и засыпание, едва сядешь, – тело, и некуда от всего этого деваться, некуда!.. Ужас перед переводом в АД крытой тюрьмы заслонил от сознания то, какой на самом деле и здесь ад, какая пытка – эти 16 часов на ногах каждый день; и только и есть здесь хорошего по сравнению с крытой, что: 1) не бьют; 2) меня уже давно знают и поняли, что за меня есть кому вступиться, что будет огласка, так что лучше меня не трогать...

23.1.17., 5-40

Библиотекарь принес вчера очередное барахло, – ни одной ценной книжки я не нашел у него; но уж с горя взял пару тех, что были. Мыши этой ночью – на удивление – не шебуршали, так что спал я получше, чем прошлую ночь. Наиболее мерзким впечатлением дня вчера был ублюдок курточник, таки заставивший меня опять в отбой надеть куртку (в один рукав, как обычно, – но это ему всё равно). Надевая и глядя на него сквозь решетку, я думал: разбить бы этот гнилой череп, своими руками проломить его ломом, окровавить бы эту поганую глумливую его харю, превратить ее в кровавое месиво!.. Ей-богу, если б мне дали эту мразь связанной и я знал бы, что никаких уголовных дел не будет, или что меня не поймают, – я уж позаботился бы о том, чтобы там нечего было даже хоронить, чтобы от тушки этого выbledка остались буквально одни лохмотья!..

1029 дней осталось. Время работает на меня, – это единственное, что хоть чуть-чуть (но слишком слабо, увы!) утешает. 1100 дней, 2017-й год, – эти рубежи взяты, а я всё еще здесь, а не на кизеловском центре и не на крытой. Теперь впереди один важный, большой рубеж: 1000 дней, 21-е февраля – и есть надежда его тоже встретить здесь. Тем не менее, призрак скорой (весной?) поездки в Кизел, а потом – в Минусинск (или куда там?), целый месяц, не меньше, как вон недавно Дадин больше месяца ехал этапами из Карелии на Алтай – постоянно, и днем, и ночью, отравляет мне существование. Прямо как в том анекдоте, когда козла селят в избе, а потом выводят вон. :) Конец моего второго срока будет веселым, в этом я не сомневаюсь, и пока что никаких признаков того, что всё это может закончиться досрочно, как упорно предсказывает мне Горильская, да и не

она одна, – не видеть и не слышать. Нет, раньше оно не закончится, я уверен в этом, – дай бог, чтобы оно закончилось хотя бы в срок, по «звонку».

Что остается? Ждать писем, – сегодня как раз неделя, как они были последний раз, 16-го. Ждать газету, – первый номер за январь вышел 11-го, до сих пор его нет, так что непонятно, сработала оформленная Землинским подписка или нет. Психолог-газовщик еще, – но это вряд ли раньше четверга. В этой вот тоске и безнадеге мотать тут день за днем, бесконечные эти часы, до шмона, до ужина, до отбоя, – тоскливые, бесконечные часы, – и ждать будущего, которого всё равно не будет...

Сегодня наверняка будут очередные «крестины» (понедельник). Я всё жду очередных провокаций, особенно в подъем, но пока их нет. Могут навесить как 15 суток ШИЗО, так и год ЕПКТ, т.к. прежний скоро уже кончается. Кроме этого, теперь, скорее всего, перед новой отправкой бумаг в «суд» вызовут и на их «административную комиссию», необходимость которой озвучил в последний раз Рома. По некотором размышлении я решил не нее (если будет заранее известно, что зовут именно на нее) не ходить, – как, разумеется, и на любые «крестины», ШИЗО-шные или ЕПКТ-шные. Всё у них там решено заранее, они просто исполняют приказ ФСБ – и говорить с ними мне не о чем.

13-17

После обеда, только что – вдруг непонятно с чего вызвал мразь Чертанов. До чего мерзкий ублюдок, просто нет слов, – с сентября 2014 не доводилось мне так долго общаться с ним лично. Завел в кабинет, стал спрашивать, как, мол, мне тут сидится, в камере, как самочувствие и т.п. Отвечать, да и вообще беседовать с ним, выблядком, у меня не было ни малейшего желания, о чем я ему открыто и сказал. Однако это чмо не отставало, цеплялось буквально к каждому моему слову; как обычно, уверяло, что, мол, «вы не нарушайте – и выйдете отсюда (на барак, имелось в виду), всё будет нормально», и т.п. Когда я в ответ назвал его человеком (?) лживым и лицемерным – он это почел за оскорбление :))) , а когда, рассказывая про приезд сюда в 2014, употребил слово «столыпин» – он, просто офигеть, какая мразь, заявил, что это – «жаргонное слово», а их употребление – это, мол, нарушение. :))) Позже, под конец «беседы», сказал я, что на их «крестины» не пойду, пусть даже не зовут, – это он тоже определил как жаргонное слово. :) А о «крестинах» зашла речь потому, что он еще допытывался, буду ли я писать объяснение за «употребление жаргонных слов», которое, мол, запрещено.

Что это было и зачем? С самой первой беседы с ним, 1.9.14, он не изъявлял желания пообщаться со мной. Видимо, это та самая провокация, что я ждал

по утрам (в том числе и сегодня), но в иной форме. За бирку и «доклад» уже, видимо, не хотят цепляться, поскольку Вера в октябре уже открыто говорила мрази Асламову, что всё это – провокации, в которые никто не верит. То бишь – может это чмо сейчас организовать мне 15 суток за «жаргонные слова», но скорее – год ЕПКТ, так как предыдущий кончается. Или полгода ПКТ. Знать бы, что эти суки готовят, догадаться бы точно, – но с их дьявольской хитростью и безграничной фантазией хрен угадаешь. По крайней мере, единственное, во что мне хотелось бы, очень хотелось бы верить, но во что я не верю совсем – это в то, что они навесят мне год ЕПКТ и откажутся от попыток отправить меня на тюрьму. Это было бы логичнее всего, ибо в некотором смысле их попытки с последующим отзывом ходатайств – это позор на весь мир, хоть и пишут о нем только в интернете. В первую секунду, увидев эту бледную харю в коридоре, за спиной косоглазого ублюдка, – я подумал, что опять писать заявление в «суд». Оказалось, нет, еще рано. :) Потом, услышав его вопросы, как мне сидится в камере, я подумал, что, м.б., оно хочет договориться – мол, сиди уж в камере, а на тюрьму не будем тебя отправлять. Тоже нет, – это было бы уж слишком хорошо! :) Но неспроста эта «беседа», что-то они готовят, м.б. – новое ЕПКТ, м.б. – ШИЗО; а то – возьмут да на другую зону сейчас просто так отправят с них станется!.. Тюрьма в Минусинске в любом случае меня ждет, мне ее не миновать; но, боюсь, сегодня бессонная ночь этой милой беседой с выродком мне уже обеспечена... :(

19-41

Не зря были у меня плохие предчувствия еще сегодня утром, перед подъемом. «Крестины» сегодня (полпятого, по-моему) начались с меня. :) Конечно же, я отказался на них идти. И так ясно, что заботливый интерес мрази Чертанова был неспроста: тут и «оскорбление» его особы, и «употребление жаргонных слов», да еще я, конечно же, разговаривал с ним без бирки и даже в расстегнутой робе, что он тоже отметил. Но весь прикол в том, что после «крестин» ни мразь Безукладников, ни кто-либо из прочих мразей не удосужились меня ознакомить с их решением насчет меня!!!

То бишь, я не знаю до сих пор, что они мне там выписали. По логике, имело бы смысл вынести год ЕПКТ, т.к. предыдущий скоро кончается. Но вот именно по этой причине я практически не сомневаюсь, что выписали мне 15 суток ШИЗО, – как писал Нестеренко, «ибо логику здесь игнорируют словно нарочно». Узнать – есть очень противный вариант спросить в отбой у одного из этих косоглазых ублюдков. Не знаю, смогу ли преодолеть свое отвращение к ним... Или же – другой вариант: завтра вторник, а у ШИЗО он – банный день. Если погонят завтра в баню, то – ШИЗО, нет – ЕПКТ. Вроде бы

просто, только надо томительно ждать весь день. Плохо, если ШИЗО, только одним: опять голодать, опять два раза пролетит магазин... Что ж, до 31 января на ужины еда еще есть, а там – пушу в дело (на серый хлеб) сгущенку, которую я берег, чтобы, если будут условия, на этапе пить с ней кофе. Что ж, кофе подождет, его после (если) освобождения будет много...

24.1.17., 5-25

Вся эта мерзкая вчерашняя история повлияла, конечно, на мою бессонницу самым мрачным образом. Думал уже, что не засну вообще; только после полуночи кое-как удалось всё же заснуть, да и то – спал я явно меньше трех часов, совсем уж чуть-чуть...

Вчера перед самым отбоем обе быдлотатарские мрази повели-таки «знакомиться с постановлением» – даже без всяких моих вопросов. И что же? ПЯТЬ суток ШИЗО !!! Не 15, как я был уверен, а пять!..)) Но зато уж написано в этом их постановлении, уж и нагромождено лжи, – читая это, понимаешь, что государство, которое практикует такое при полной поддержке населения, должно быть безжалостно уничтожено вместе с населением, – с воздуха, бомбами!.. Оказывается, и говорил-то я с мразью Чертановым «грубо», и, кроме (якобы) «жаргонных», использовал выражения «нецензурные», и «оскорблял»-то я его, бедного; а главное – как апофеоз всей этой лжи – конечно же, говорил с ним на «ты»!! :) Нет, мразь, которая так нагло лжет в глаза, жить не должна, и система в целом, состоящая из таких вот циничных, бессовестных выродков, права на существование не имеет! Жалею, что и впрямь не послал прямым текстом на хуй этого ублюдка, – хуже бы не было, всё равно в их постановлении всё описано так, как будто я его и впрямь послал...

Одновременно – прав я оказался вчера и насчет логики (Нестеренко). ЕПКТ мое подходит к концу – но новым они пока не озаботились. Значит, в обозримом будущем надо ждать еще новой, другой уже провокации, имеющей целью дать мне новое ЕПКТ. Ибо, как они уже убедились, у них может не получиться в назначенный ими самими срок сменить мне режим через свой «суд» – и тотчас вывезти отсюда на СИЗО! :) Косоглазые ублюдки сейчас, сразу после подъема, начали водить в баню – но повели первой «четверку», а не меня. То бишь, ШИЗО мне выписать – выписали, а вот баню в банный день ШИЗО – мне предоставлять не обязательно, так? Притом, что и в пятницу – банный день ЕПКТ – на этой неделе точно не поведут, раз у меня ШИЗО...

Одно только радует: мимо магазина пролетаю я, значит, не две пятницы подряд, а только одну – ближайшую, 27-го числа. До 31-го худо-бедно еда на ужины есть; 3-го февраля – уже можно пытаться что-то купить; остаются

только два дня, 1-е и 2-е февраля. Что ж, если к тому времени останется майонез (что вряд ли) – хлеб с майонезом; нет – со сгущенкой. Как-нибудь проживу, если только к тому времени они не выдумают против меня еще какую-нибудь пакость...

Самое же печальное, то, что убивает меня сильнее всей подлости и лжи всех этих ублюдков чертановых и пр. – мысль, что все это зря, что все эти мучения напрасны, ни к чему не ведут. Отсидел, вышел – ну и прекрасно, иди домой, ты никому не интересен и не нужен. Отомстить – не получится, у всех апатия, верхи же западных стран предпочитают по-прежнему перед Путиным лебезить и с ним договариваться. Абсолютное бессилие против Системы – и всеобщее равнодушие. Так за что же, зачем же я мучаюсь? О, если б хватило наконец духу прервать эту постылую, ненужную жизнь!..

12-53

Прошло утро, косоглазые ублюдки сменились белобрысым упырем, – и вот сейчас, в обед, это чмо меня спрашивает: В баню пойдём? – Пойду, если поведете. – Сколько суток дали? – Пять. – А до этого, мол, когда ходил, в пятницу? – Да. – То есть, неделя еще не прошла. Значит, в пятницу пойдешь.

Вот так. :) Просто и изящно, не – неправда. В пятницу будет другая смена (в 11 утра опять заступят косоглазые), и она в баню меня уж точно не поведет, потому что раз я в ШИЗО – я должен был мыться во вторник. То бишь – опять пролет с баней на всю неделю, как уже бывало не раз, а во время ШИЗО – особенно... Мрази, мрази, мрази, ублюдки!..

26.1.17., 7-10

Сегодня уже десятый день, как нет писем. Прессы тоже нет, – вот уже ровно две недели, как вышел 11-го января первый номер «НоГи». И – тишина... Пришла мысль перед 30-м, понедельником, написать накануне письмо начальнику местной всесвятской почты, спросить, проходили ли через нее первые номера «НоГи» и «NT» (от 23.1.17). Но – какова вероятность, что он ответит? Менее 10%, это ясно; да если и ответит – через сколько недель мне принесут его ответ?..

1026 дней осталось. Сегодня доем последний батончик колбасы; завтра магазина, увы, не будет. Тоска, пустота, бессмыслица... Через 1026 дней я освобожусь, еще где-то через месяц уеду в Киев и буду там... никем. :(

От подонков из бухгалтерии на мое заявление еще от 9 января ответа так и нет...

27.11.17., 6-00

Между шмоном и обедом вчера принесли наконец письма. Надо сказать, за десять дней набралось их что-то маловато, – опять, видимо, все выжидали, увезут меня или не увезут. Всего-то: по два письма от матери и

Землинского, одно – от этой многодетной Ланы Фрик, да еще от Йонатана, который меня с ней и познакомил, – журнал «Алеф» в конверте, но без письма.

И – никаких новостей, увы, ни хороших, ни даже плохих. Только мать пишет, что Горильская звонит ей каждый день даже из Таиланда (где они с Крюковым были до 24 января), а мать писала письма 4-го и 7-го), да еще – что у Маглеванной умерла чья-то кошка, ей на время оставленная, после того, как Лена уже истратила на ее лечение такую кучу денег, что пришлось даже продать собственный мобильник. Да еще Землинский пишет, что сайт мой так и не обновляется, уже целый год, – то бишь, доступа к нему, значит, так и нет... :(

Пятница, но магазина сегодня нет из-за ШИЗО. Те пять баночек паштета лежат, придется есть их, а 1 и 2 февраля – не знаю что. Это не смертельно, конечно, но очень досадно. Еще из новостей: Павленский с женой (гражданской) и детьми уехал во Францию просить убежища, т.к. на них обоих тут написала заявку по 132-й ст. («насильственные действия сексуального характера») какая-то актриса Театра.doc, считающегося сугубо «оппозиционным». А Мкртчян одновременно прислал кусок из статьи Масюк в «НоГе» за июль 2016 (но почему-то тогда мне это не попало, – м.б., этот номер не принесли?) о том, как он еще с каким-то уголовником третировали и угрожали расправой третьему, сидя в «Медведкове» на спецу. Хотя, насколько я помню, упоминалось, что он сидел в Бутырке и на пятом централе, а не в «Медведкове», причем в общей камере, а не на спецу (куда там даже меня не посадили!). Кто врёт – Масюк с ее информаторами или Павленский? Впрочем, эти пакостные описания, правда они или нет, укладываются в то, что о своем сидении по тюрьмам рассказывал в интервью сам Павленский – что он, как и окружающие его уголовники, жил по «понятиям» и достаточно агрессивно их отстаивал, если что. Не всё так просто, короче, с героическим образом борца с режимом и поджигателя дверей ФСБ Павленского, хотя я и благодарен, конечно, ему за его положительные упоминания обо мне в разных интервью еще до его ареста.

Тоска и безнадега, как всегда. Мразь курточник вчера таки заставил меня опять надеть куртку (когда он пошел относить мои письма, я ее тотчас сбросил), а сейчас, в подъем, забыл пристегнуть к стене нары, идиот. В пятую, за стенкой, посадили вчера к вечеру еще одного дебила, который меня (откуда-то, хотя я ему не представлялся!) знает и еще с месяц назад (еще не зная) клячил у меня конфеты, сидя в «четверке», напротив. Знает, что меня переводят на тюрьму – и сообщил мне вчера местонахождение еще двух тюрем: Меликесс (если я правильно понял, как это пишется) в

Ульяновской области и Балашов в Саратовской (об этом я слышал раньше, но забыл). В обе ехать, конечно, через Киров. Сегодня с утра этот дебил начал уже буйствовать в камере, орать, звать вертухаев, чего-то требовать у них (чего – я не понял), в том числе – звать курточника не только по имени (Костя), которое я знал и раньше, но и по фамилии – Панин. Мне осталось еще 1025 дней плена в этом аду...

Посмотрим, кстати, будет ли сегодня, в пятницу, обещанная мне белобрысым упырем баня. :)))

28.1.17., 5-24

Поразительно, но в баню вчера вечером косоглазые ублюдки меня таки повели! :) Уже перед самым отбоем, без десяти минут восемь, после каких-то своих безумных очередных «крестин», на которых и было-то полтора человека (судя по последующим приветственным воплям в коридоре), но которых, тем не менее, предварительно продержали запертыми в этой самой бане несколько часов – в ожидании то ли прихода начальника, то ли хрен их знает, кого. Пришлось идти в такую поздноту, – слава богу, ни стирка, ни бритье вчера у меня не планировались. Баня была вся насквозь прокурена, когда я туда зашел Но – помылся и как раз успел выйти к отбою.

А до этого весь день опять был занят писанием писем. :) Опять перед началом шмона принесли их несколько (только я вчера удивился, что мало набралось за десять дней) – и слышно было, как мразь курточник, неся их мне, ворчал: мол, каждый день ему письма пачками!.. :) Пришло еще одно письмо от матери, письмо от Кондрахиной из СПб с распечатками Штирнера, открытки от Горильской из Франции, еще за 13 декабря (все три за одно число), новогодняя открытка от некой Ирины Лащивер из Иерусалима, – и я всё гадал, не дочь ли это знаменитой Аси Лащивер, часто упоминаемой и Новодворской, и Григорьянцем как их соратница еще в 80-е гг. Вопрос этот я между всеми прочими задал в письме Майсуряну, ибо пришло еще и письмо от него, №164, с приложением короткого письма Лены Маглеванной – и оказалось, что 163-е письмо опять мне не отдали! 160-е, 163-е... нет, какие суки, а?! По характеру последних отданных мне майсуряновских писем – в них письма от других людей, распечатки из Википедии, что угодно еще – только не распечатки его непосредственно обо мне! Видимо, получение материалов обо мне самом решили мне перекрыть полностью, – и тут я вдруг вспомнил, что во время «беседы» моей с мразью Чертановым он в самом начале разговора упомянул слово «лозунги». Мол, я должен отказаться от «лозунгов», или как-то так. Тогда я не понял, о каких именно лозунгах идет речь, и не задержал на этом внимания, – а он, видимо, имел в виду «лозунги» именно в этих украденных им письмах.

Если учесть, что такие же опера еще в 2013 г. в Медведковской тюрьме пытались мне не отдавать эти майсуряновские распечатки под таким же предлогом – мол, там «лозунги» или «призывы», не помню, сейчас уже точно – и мне пришлось тогда объявлять голодовку, чтобы их отдали, – всё становится понятным. У всех этих мразей, что в Москве, что тут, при схожей работе схожее и мышление, они перестраховываются на случай «как бы чего не вышло» – и даже сидящему в одиночке мне боятся отдать материалы с «лозунгами» обо мне же!.. Разница лишь в том, что в Москве они были всё же поумнее – отдали, когда я потребовал решительно; да и сами письма-то там мне с самого начала были отданы, а изъяты только распечатки. Здесь же ни того, ни другого не отдают – и никакой голодовкой тут не поможешь: будут тупо ссылаться на то, что и не получали этих писем; мол, не принесла почта – и всё! И пойдешь докажи... В общем, пакостная ситуация, и как выйти из нее – неизвестно...

Точнее, в принципе-то выход есть. Мать на сей раз сообщает хоть какие-то хорошие новости: созванивалась со Светой Сидоркиной; зашла речь о близящемся д/р матери 30 января – и она предложила Свете: мол, самым лучшим подарком на д/р будет, если Света в этот день съездит ко мне! Что ж, это вполне возможно, в понедельник после шмона надо будет ждать и готовиться. Кроме этого, и про Феликса мать пишет, что, мол, в январе, как предполагал раньше, он приехать не смог, так что будет в районе 5-го февраля. 5-е – это воскресенье, но все равно, и в пятницу, и в понедельник тоже надо будет ждать. Если бы кто-то из них приехал, и поездка была бы заранее анонсирована, да так, чтобы это дошло до Майсуряна (который ведь на корбовскую рассылку обо мне не подписан!), и он бы догадался прислать эти свои письма (а что не отдали 163-е, он ведь еще и не знает), и их бы распечатали и привезли... Словом, фантастика. Ясно, что в лучшем случае надо ждать Г. и Р., и то еще не факт. И – обидно, что кто бы ни приехал, хороших новостей мне все равно не привезет, ибо их просто нет: книжки в Киеве так и не делаются, висят; а Горильская в свой Милан обещает поехать только в феврале (и не факт, что именно в начале февраля). Да и мне сейчас тоже особо нечем будет приехавшего загрузить. А вот когда (если) надо будет позарез, как год назад, – так никого и не дозовешься приехать...

Что ж, прошли уже две недели с «суда» 13 января. Писать заявку в «суд» пока заново не просят (впрочем, они могут и в выходные). То бишь, пока передышка продолжается, слава богу. Достигнет ли она месяца, как в тот раз? Дай бог!.. Газету так и не несут с 11 января, журнал, с 23-го, тоже. На заявление главбуху – тишина. И даже психолог-газовщик на этой неделе не приходил...

10-10

Слава богу, обошлось – а то сейчас, думал, влезут со шмоном – и заберут всё!.. Черт их знает, какое быдло и откуда приходило сегодня на традиционный утренний шмон, – нет были, что ли, раньше никогда? – только вдруг слышу за дверью голос: мол, все по этой стороне, да? – и голосок быдлотатарской мрази, докладывающий: «Там еще третья и пятая!». Да, у нового моего соседушки тоже пять суток ШИЗО, как и у меня. Так-то мне не особо страшны их шмоны, но – ведь именно во время ШИЗО всё это, что я вполне законно тут держу, «не положено»: остатки еды, бумаги, ручки, конверты, блокнот... Ну, думаю, попал! Хотя сегодня после обеда ШИЗО мое уже и кончается – они прямо сейчас вынесут всё, заставят отволочь в каптерку, – выцарапывай потом оттуда, если хочешь хоть раз в день, вечером, есть хоть что-то, кроме баланды! Следующий туда плановый поход – через неделю только, в пятницу, когда баня, а внепланово – хрен допросишься!..

Догадался вдруг – и лихорадочно запихал под тумбочку оставшиеся четыре баночки паштета на ужины, две шоколадки и маленькую упаковку аджики из магазина. Хоть что-то, думаю, сохраню, – если только они не притащат, как часто бывает, стальной стержень и не начнут шарить им под тумбочкой. Но – обошлось: ни ко мне, ни в 5-ю эти мрази так и не пошли вообще! :) Лень им, видимо, было, – хотя кто-то один из них, когда они уже шмонали дальше по коридору, говорил слово «третья», – видимо, напоминал своему начальнику. Но тот не соизволил, слава богу! Так что – по-прежнему только два дня нечего жрать, 1-е и 2-е февраля...

12-33

Еще веселее, блин... На обед – черняга!.. :)) :(((((((Вот, оказывается, для чего я утром спасал, прятал пашет: чтобы есть его вечером с чернягой!.. Отвратительный кислый вкус которой не замаскируешь, не отобьешь никаким паштетом. Ей-богу, если б его (и вообще все остатки жратвы) сегодня при шмоне забрали бы – я, увидев в обед эту чернягу, сказал бы: «Ну и черт с ним, что забрали, – не жалко!..».

Ни от Люзакова, ни от Мани, ни от Александра Подрабинека – т.е. тех, кто мне особенно важен – писем так и нет...

Типок этот, что сидит теперь за стенкой и регулярно со мной калякает через «дальняк» (вот только что, перед обедом, – как он проснулся; а вчера эта сволочь своим стуком в стену подняла меня с нар, когда я уже лег), я смотрю, того же откровенно-наивного типа, как я те, что в Буреполоме, когда я получал передачу, говорили мне: «Дай ЧТО-НИБУДЬ!». Он так же, как и они, полон желания воспользоваться всем, что только он – к счастью,

лишь с моих слов! – у меня обнаружит. :) Раньше, сидя в 4-й, он уже брал у меня через баландера конфеты. Вчера, едва я упомянул, что пишу письмо, тотчас же попросил конверт, спросил, нет ли у меня марок (для него – разумеется, нет! :) ; позже спросил еще и журнал. Сейчас говорили – спрашивает, нет ли книг (библиотечных, конечно; при том, что они есть и у него самого). Страшно даже представить, ЧТО будет в следующую пятницу, если мне удастся наконец купить что-то в магазине (а скрыть от него ни сам факт, ни состав покупок не получится, – ему по первому требованию всё расскажет завхоз, который мне их и носит). Но кормить еще и эту уголовную пакость я, конечно, не собираюсь, – ни конфетами, ни чем бы то ни было другим...

29.1.17., 7-05

Воскресенье. Самая тоскливая часть дня, – между завтраком и шмоном. После обеда сегодня должна быть библиотека – и всё, больше весь день нечего ждать, не о чем думать. Пустые, тоскливые, томительные дни – и конца им не видно, их осталось еще аж 1023...

Эту ночь спал неплохо, довольно долго, хотя, конечно, просыпался несколько раз. Зато опять сатанински болела поясница, когда сразу после подъема ходил полчаса по камере туда-сюда. Е

сли б я верил всем этим пророчествам, предсказаниям, уверениям – в основном Горильской, но и других тоже – что, мол, мне не придется сидеть до конца срока, всё кончится гораздо раньше и т.д. – то, по идее, освободить меня должны были бы уже в этом году, где-нибудь к концу. Но, разумеется, об этом смешно и мечтать...

30.1.17., 5-35

Вчера после обеда принесли-таки наконец газеты, – шесть номеров, с 1-го по 6-й за этот год. Таким образом, письмо начальнику всесвятской почты, которое я написал утром, пришлось порвать, вместе с надписанным уже конвертом. Ну да ладно, конвертов у меня еще много.

Спал ночью только до трех часов. Больше не получалось, да и – проклятая мышь шебуршала и возилась в умывальнике, прямо над головой, гремя по железу своими когтями. :) Несколько раз приходилось гонять ее. Отверстие слива, из которого она обычно вылезала, я теперь на ночь затыкаю тряпкой, так что каким путем она вообще попала в раковину – для меня загадка. Впрочем, эти твари прекрасно лазают и по стенам, это я уж видел сам. Когда несколько раз при моем появлении над раковиной мышь проворно улепетывала в узенькую щель между раковиной и стеной, я наконец догадался заткнуть эту щель снаружи свернутым куском газеты. После этого она еще некоторое время возилась и гремела по железу там, в щели,

непонятно как вообще там держась (это щель между двумя вертикальными поверхностями), но потом, видимо, ретировалась.

На обед так и дают чернягу, и остальной день – тоже. Я ем ее на ужин с паштетом (только-только заглушающим слегка ее вкус), после чего уже в середине ночи, проснувшись, чувствую сильный голод. Пить на обед вместо компота опять дают (уже с месяц) ту белую бурду («кисель»), что давали всю прошлую весну и лето.

Какие-то смутные, но мрачные предчувствия у меня опять на этот понедельник (сегодня именно понедельник). Им надо и оформлять меня снова в «суд», и одновременно – на случай очередной неудачи – продлевать мне ЕПКТ, так что провокации, похоже, неизбежны, как неделю назад. Опять, значит, не жрать... 1022 дня осталось, ровно 146 недель, – но, боже, когда же они наконец пройдут!..

Еще – может сегодня припереться психолог-газовщик (хотя вряд ли именно сегодня) и может приехать Света. Сделать, так сказать, матери этот подарок на день рождения, который как раз тоже сегодня. Приедет ли она? Мне кажется – вряд ли, но все же исключать эту возможность нельзя. Это я заранее, как обычно по утрам, готовлюсь к тому, ЧТО думать, если вдруг начнут отпирать дверь, – с провокацией ли это с очередной пришли, или, м.б., с чем-то хорошим...

В «Новой» лицемерно клеймят украинцев, – мол, из-за своей «топорной контрпропаганды» они теперь считают Россию гитлеровским Рейхом, агрессором, враждебной страной, пишут в соцсетях, что у русских, мол, «рабский генетический код» (а то нет!!), радуются гибели ансамбля Александрова в упавшем около Сочи самолете, не видя разницы между ансамблем и дивизией СС. Запретили, мол, телеканал «Дождь» в Украине (за показ карт, где Крым принадлежит России), – тоже лицемерные сожаления. Да правильно сделали (причем не наглухо, конечно, – платно-то его в Украине всё равно можно будет смотреть). Вообще, только это лицемерное сожалеющее нытье российской «оппозиции» в одном из ее главных органов и радуется: значит, украинцы держатся, настроены непримиримо, попадаться на удочку «ну нам же все равно рядом жить, мы друг от друга никуда не денемся, – значит, надо налаживать отношения» (а это главный лейтмотив «НоГи») и сдаваться москалям не собираются!

17-20

Вот и прошел понедельник, а Света так и не приехала. Жаль... Что ж, буду, как обещала мать, ждать Феликса в конце этой недели или в начале следующей. Хотя – тоже не факт.

В обед (и весь день) продолжают давать чернягу. На ужин сейчас дали

вдруг овсянку, – давно не было этого дерьма!.. То бишь – я без ужина, жду отбоя (черняга и паштет; в среду и четверг – видимо, она же с майонезом). Ужин дали сегодня рано: еще до сих пор не начались, но после ужина ожидаются «крестины», хотя уже шестой час вечера. Пришел парикмахер, будут стричь; интересно, успеют ли они всё это паскудство закончить к отбою? Дикая тоска и мысли о том, что ничего уже не будет в жизни...

31.1.17., 6-45

Похоже, опять простудился... :(Ну что я могу поделать, если мне удобнее спать без одеяла?! А вчера уже начало заметно дуть с окна, я замерзал несколько раз днем, сидя на своей табуретке у тумбочки. Лег ночью – вроде не холодно, не дует; хотел было сперва накрыться, да раздумал. Проснулся же последний раз, в начале пятого где-то – чувствовал уже, что замерз, особенно спина; но – уже меньше часа оставалось до подъема, лень было раскладывать это чертово одеяло, да и замерз не так чтобы уж очень. И вот сейчас, перед завтраком – какие-то подозрительные ощущения, першение и легкое покалывание в горле, глубоко, там, где при бронхите постоянно раздражено, из-за чего и приходится кашлять, и – в тяжелых случаях – больно. Не дай бог, короче, чтобы разыгрался опять бронхит, температура или что-нибудь в этом роде, хотя теперь у меня и есть две таблетки аспирина из местной санчасти.

Вот и прошел январь. Завтра уже февраль, он короткий; а дальше – весна. И что же? Всегда, даже в этом плену, в этом аду, да и – по первому сроку помню, в аду буреполомском – даже помимо воли вызывала у меня ранняя весна, март – какие-то смутные надежды, какой-то душевный подъем, пусть слабый, смутный и не имеющий никаких оснований. В самом деле, на что надеяться, если еще и следующие за этой паре весен придется провести в плену? Тем сроком я хоть освобождался весной, в марте, сейчас и этого нет... Иррациональные какие-то надежды, совсем мне не свойственные, – но помимо воли что-то поднимается в душе при этих словах: «март» и «весна»... Радоваться же ей по-настоящему, в полную силу, видимо, можно будет только через два года, не раньше, – весной 19-го: это будет последняя моя весна в этом плену...

7-35

Ублюдок курточник вчера в отбой опять прицепился с курткой. Когда я вижу его тощую долговязую фигуру, его мерзкую глупую харю – охватывает лишь одно непреодолимое желание: бить, бить, бить изо всех сил по этой харе, пока она не превратится в одно сплошное месиво, покрытое кровью; пока на ней не останется уже ни глаз, ни губ, ни носа... Дорваться и убить хоть одну такую вот мразь собственными руками, – что, какая награда

может быть слаще за все перенесенные страдания?..

12-32

Опять у мразей какая-то «комиссия», опять беготня и панические крики в коридоре: «Приехали!!», «ЗАХОДЯТ!!!», – как раз во время обеда. На обед опять черняга и белое пойло.

ФЕВРАЛЬ 2017

1.2.17., 5-25

Слава богу, не заболел вчера, тревога оказалась ложной. Пока, тьфу-тьфу, здоров.

Соседушку моего из 5-й, последнего, набережночелнинского (по его словам), любившего стучать в стенку и калякать со мной через «дальняк» – оказывается, еще позавчера перевели в «двойку». Вот почему стуки в стену прекратились, а я-то недоумевал. :) Подтверждая свое звание «кипишного» (как он сам себя назвал в разговоре со мной), вчера он весь вечер бесновался, колотил в дверь, звал... черт знает кого, какое именно начальство, самое высшее, видимо – судя по громким крикам через отдушину в коридор: «Баяндин – пидорас!!!», «Безукладников – пидорас!!!» и слова косоглазым мразям о том, что рожи вышеназванных он видеть не желает. Из-за чего был скандал, чего добивался этот кретин – я так и не понял, кроме одного: у мрази Безукладникова, оказывается, уже полторы недели лежит его подписанное заявление на телефонные переговоры – и он требовал, чтобы его на них вывели. Вообще же весь сыр-бор – боюсь соврать, но, по-моему, из-за его требования, чтобы его вывезли по месту жительства. Еще мне через «дальняк» он говорил, что, сидя у себя в Казани, послал «мусора» на ... , и его «раскрутили», добавили два месяца по 319-й и привезли сюда, причем, к моему удивлению (я специально уточнил), везли не через Киров, а через Ижевск. Не исключаю, кстати, что посадили его в «двойку» именно для того, чтобы пресечь мои с ним разговоры, ибо их наверняка уже было слышно в коридоре – и кто-нибудь мог донести. Из-за чего он бесновался и колотил в дверь уже вечером, когда ему четко сказали, что вести его на телефон уже поздно, – не знаю, но слышал, как, стоя под дверью, его уговаривал «не хуетить» (местный жаргон!) завхоз – и, между прочим, говорил: я, мол, знаю, что тебе нужны чай и сигареты (а не что-то другое), но мразь Баяндин (или кто? Точно уже не помню) сказал, что, мол, если я (завхоз, то бишь) тебе их дам – меня тотчас закрыть тоже в камеру. Сегодня ждем продолжения стуков в дверь и истерик.

Хотя «крестин» вчера и не было (наверняка будут сегодня!), но ужин по непонятной причине дали только в семь, не раньше. А до ужина, уже поздно для посещений, вызовов и пр. – вдруг открывается дверь – и косоглазая мразь говорит мне: «Фотографироваться!». В полном недоумении иду в их «дежурку» – там сидит зэк с фотоаппаратом. Спрашиваю у него – говорит, мол, «краснополосников снимает. Но для чего – не говорит, а чуть позже говорит уже косоглазому ублюдку: мол, их снимают для каких-то

«ориентировок». Для каких? Что за бред вообще?! Ориентировки рассылают на воле, когда объявляют кого-то в розыск – а здесь-то они зачем? В общем, он снял меня анфас и в профиль, но когда сказал раздеваться до пояса – я отказался наотрез. Он, в общем, не возражал, так и отпустили меня недоснятого. После меня водили еще одного блатного хмыря, сидящего на «ешке» в 15-й, кажись, но сейчас отбывающего ШИЗО в 12-й, – он в коридоре громко доложил всем, что идет фотографироваться. Странно, но больше об этом никто не орал, – не водили, что ли? Судя по картотеке на стенде в их «дежурке», «краснополосников» тут не двое, а гораздо больше...

Оказалось, кстати, что с 1-го января это ублюдочное государство приняло новые ПВР для лагерей. Еще мразь Чертанов в последней «беседе» 23 января мне что-то такое говорил; но я тогда не обратил внимания. Потом этот «кипишной» сосед через «дальняк» сообщил, что с 1 января запрещено курить в камерах, а только, мол, на прогулке (нелепый и смешной бред!). И вот вчера принесли наконец первый номер «НТ» за этот год (вместе с первым экземпляром «НоГи») – и там статья Олега Навального, VIP-«политзаключенного», об этих новых ПВР. Не всё, конечно, а только кое-что; надо читать самому и полностью, чтобы составить представление. Пишет, что в ПКТ и ЕПКТ теперь, да, запрещено курить, а только на прогулке, – но зато теперь разрешены чай и кофе! Правда, розеток-то всё равно нет... Зато в ШИЗО теперь официально запрещено пользоваться выписанной прессой, а раньше было можно, – это для меня весьма неприятно, могут и впрямь не давать, если будут знать, что у меня ШИЗО. Запрещено называть зэков «осужденный», а только по фамилии (посмотрим, как скоро отучится от этого прочно усвоенного слова мразь Безукладников). И т.д. и т.п.

Ночью – неожиданная и почти невероятная победа: удалось убить мышью!!! :))) Потом смотрел на часы – было всего около полуночи. Каким-то образом, хотя я заткнул все ходы и щели, ей удалось опять пробраться в умывальник, прямо над моей головой. Услышав характерный звук (когтями по железу), я поднял голову – и как раз увидел ее еще не верхней части умывальника: только что явилась, видимо! Заметив движение (мое), мышья шмыгнула в сам умывальник, думая, видимо, по их всегдашней манере, спрятаться там и пересидеть опасность. Я встал – и тут меня что-то надоумило: один тапок не надеть на ногу, а взять в руку. Взял, подошел, увидел ее, сидящую под бортом раковины (а борт высокий) – и, то ли она не видела меня, то ли просто замешкалась удрать – но я успел наугад, не целясь, ударить тапком! И всё, – бегство тут же стало невозможно! :) Еще живую, но в конвульсиях, с подергивающимися лапками – я взял ее за кончик хвоста и кинул в «дальняк». Нефиг было тут шнырять, мешать мне

спать, да и – жрать мои продукты, если попадутся (приходится их тщательно прятать, когда они есть). Жалеть их нечего, этих серых нелегалов. :) Думал некоторое время (даже боялся, что уже не засну, но потом всё же заснул), каков шанс, что она оклемается от удара тапком и выживет. Но – вряд ли, вряд ли... Главное же – еще до подъема, несколько часов всего прошло, – утром слышу опять характерные звуки, но уже не в умывальнике, а в районе тумбочки. Поднимаю голову – и успеваю заметить, как с маленького столика, куда я ставлю тарелки, соскакивает мышь! Уже другая! Вот так-то вот, – недостатка тут в них не будет никогда, сколько ни уничтожай их...

12-29

На обед – борщ (капуста + свекла + вода) и традиционная уже капуста с куриными костями, на которых нашлось на сей раз немного мяса. Увы, его слишком мало, чтобы им наестся, поэтому такое питание по справедливости можно назвать только: «БЕЗ ОБЕДА». На одной баланде тут не выжить ну никак – и, если б не магазин и не редкие передачи из дома, я давно уже окошел бы тут с голоду... По-прежнему весь день черняга, к которой на ужин нет ничего, кроме майонеза и кетчупа, и в обед – белое пошло вместо компота. С ужасом думаю, что если в пятницу (послезавтра) опять пролечу с магазином – не знаю, по какой причине, но сколько раз так уже было! – то это будет настоящая катастрофа, жрать будет совсем нечего...

Осталось мне 1020 дней, я забыл написать это утром.

18-06

У мразей в камуфляже – новая мода: устраивать свои «крестины» совсем уж вечером, после ужина (и окончания рабочего дня начальничков, кстати). Вот только что, где-то без пяти шесть, когда уже начали раздавать баланду, вдруг звонок во входную дверь – и на вопрос белобрысого упыря: «Кто там?» – какое-то другое чмо ответило: «Привели на «крестины»». Что ж, надеюсь, меня не тронут и на этот раз – хотя абсолютно неясно, когда они думают продлевать мне ЕПКТ, под каким предлогом и что вообще намерены со мной дальше делать. С другой стороны, если точно знаешь или хотя бы подозреваешь, что провокация уже подготовлена и должны вызвать – теперь это будет еще тошнее: раньше ждать и терзаться приходилось до «после обеда», а теперь – до «после ужина». Терзаться исключительно о том, что опять нечего будет есть, не будет магазина, – никаких иных терзаний из-за всей этой мрази я не испытываю.

На ужин – жидкая картофельная болтушка, как я и думал, на сей раз – с мелко нарезанной морковью. Дерьмо, конечно, и вкус паршивый, но – на фоне всей остальной здешней «пищи» – считай, лучшее блюдо... Без мяса,

без ничего...

Голод, холод, тоска, бессмыслица, отчаяние... (Холода сейчас, правда, нет, но сколько я его здесь уже натерпелся!..) Я мучаюсь зря, ни за что и ни для чего, все мои мучения, вся моя жизнь (прошлая, как и будущая) – в никуда, в пустоту, в яму, в черную дыру!.. Я ничего не добился в жизни; за нынешние мои мучения тоже не будет ни от судьбы, ни от людей никакой компенсации, никакого вознаграждения, воздаяния. Всё – зря, напрасно, в никуда!.. Вся жизнь – в пустоту, в никуда, зря прошедшая, неведомо на что растраченная без всякого результата... Сутками, днем и ночью, день за днем, месяц за месяцем, год за годом – я думаю только об этом, стоит мне лишь отложить книгу или окончательно проснуться утром...

3.2.17., 5-31

В подъем сейчас один мразоид в форме стоял прямо у моей открытой двери, а другой – чуть поодаль, в коридоре, с включенным регистратором на куртке, – на нем ярко горела лампочка. А я как раз, бросив матрас на пол, встал на порог

7-16

Прервали на полуслове – вдруг решили вести первого в баню! Повели – и там случилась беда; как всегда, откуда не ждешь – беда!.. :(((И зачем только я, идиот, взял в баню часы, – ведь ясно же было, что до шмона я успею вернуться!.. Но я всегда беру их туда по утрам, если ведут до шмона... Короче, они лежали в кармане брюк, я снял в бане брюки, неудачно как-то при этом встряхнул их, – часы вылетели из кармана и шлепнулись на бетонный пол!

Не разбились, нет. Идут. Но – от удара под стеклом сразу отлетели наклеенные на циферблате рамочка, а в ней – герб и слово ORIENT – название фирмы. Это беда, так же было у меня и после Буреполома, когда я донашивал дома такие же часы, – вся эта болтающаяся под стеклом по циферблату хрень мешает двигаться стрелкам – и часы останавливаются! Слава богу, секундная проходит, это я сразу же, еще в бане, проверил. Но будет ли свободно проходить через эти заторы минутная – не знаю, не уверен. И то – я говорю о том, когда они в лежачем положении, как обычно тут у меня. А когда их придется каждое утро прятать от шмона, да и чтобы шли, я же из постоянно трясу, чтобы работал автоподзавод – главное их достоинство... От тряски, от всякого негоризонтального положения эта дурацкая рамочка, болтаясь внутри, может ложиться во всякие положения и даже надеваться на минутную стрелку (и при этом блокировать ход секундной!), как уже в бане у меня и получилось один раз. В общем, даже если часы и будут идти – пользоваться ими стало еще сложнее, чем раньше, а уверенности, что они показывают время точно – еще меньше. А без

времени я тут вообще сойду с ума, я с ужасом думал об этом уже не раз... Не знаю, что и делать, – если приедет на днях Феликс, как обещала мать, – просить его или сказать Глебу и Роме, чтобы привезли запасные, лежащие у Глеба (но Глеб наверняка сейчас в отъезде!), то ли – остаться тут еще на день, купить какие-нибудь другие и принести мне на другой день, – но у Феликса наверняка будет уже обратный билет, он вечно торопится... В общем, я в полном отчаянии; беда действительно серьезная, неожиданная; я в полной протрации...

Утром хотел написать про вчерашние письма, неожиданно принесенные между шмоном и обедом. Одно от матери, одно от Майсуряна – то самое 163-е, о котором я ему написал, что оно пропало. На самом деле оно, как оказалось, просто пришло почему-то во Всесвятский на два дня позже, хотя было отправлено одновременно со 164-м. И – три письма от Землинского.

Новостей во всех этих письмах – хороших новостей и касающихся меня лично – практически никаких. Только мать пишет со слов Горильской, бывшей тогда еще в Таиланде, что 9-го февраля она уже будет в Милане. И – жалуется она матери на то, что, мол, итальянцев очень трудно уговорить (писать о русских политзэках). Ясное дело, она и не уговорит никого, зря только проездит! Я с самого начала знал, что все эти попытки и обещания – туфта... Да еще Майсурян в 163-м письме приводит декабрьское заявление «Мемориала» обо мне, – наконец-то я его прочел! И был, кстати, поражен: это ПОЧТИ совсем приличное заявление, там почти нет отмежеваний от меня, только в одном месте сказано, что они, конечно, осуждают многие мои «декларации» и «призывы»! И в конце, да, пишут, что моему заключению вообще нет никакого оправдания, почти что требуют освободить! В общем, я действительно был изумлен: волк, что ли, в лесу сдох, но на сей раз они написали обо мне гораздо лучше, чем раньше. Неужели совесть таки проснулась?..

Хотел еще написать утром, что, мол, поневоле думаю в основном о магазине – удастся он сегодня, или опять придется голодать. Но вот – сходил в баню, и теперь думаю лишь о разбитых часах, как ими теперь пользоваться, особенно при шмонах, по ночам и пр. Будь всё проклято! Действительно, нелепая, несчастная, идиотская моя жизнь; когда же я сдохну наконец?!

*** * * после шмона (11-й час утра)**

Всё, часы умерли окончательно. :(((Стрелка зацепилась за эту рамочку, я стал сильно трясти, чтобы рамочка поменяла положение, – и всё, часы остановились, больше не тикают, Слишком сильно тряс, видно. Как я буду ночью – не представляю даже. :(Беда, настоящая беда. Черный день... С

сентября 2015 эти часы работали...

в районе 16 часов

Неожиданно приехали Вера и Феликс – как мои защитники, по доверенностям! Огромная радость, конечно, – их видеть! Сказали, что пустили их еле-еле, с большим трудом, и, мол, в последний раз. Ругались на нотариуса – она, якобы, выдавая доверенности, должна была выяснить, есть ли у них юридическое образование. :)))

Говорили о том о сем, – Вера, конечно, о крымских татарах, которыми она в основном занимается, о своих пикетах на этот счет (изредка и по другим политзэкам, даже по мне). В населении она не видит ничего и никого, к кому можно было бы обращаться, так же как и я. Только к медиа, в основном к западным, – и стоит на площадях с плакатами, рискуя свободой и здоровьем, чтобы у этих западных медиа была картинка и даже видео...

Я рассказал о своих бедах, начал как раз с сегодняшней, утренней. Пока говорили – пришел завхоз с магазином; на эту неделю колбасы и пр. купить удалось. Но – этот козел всё равно обжулил меня: купил вместо шоколадных конфет за 140 р. большой кулек дешевых карамелек. Я считал – у меня 2000 р. не хватило, было еще 12 р. за весь товар; а он так покупал, что откуда-то оказалось аж 198 рублей лишних – и на них мне дали еще одну колбасу! То бишь, колбасы теперь уже даже не на семь, а на восемь дней, в том числе часть (две вареных) – просроченная, дня четыре просрочки.

Про книжки – Феликс сказал, что уже здесь, по дороге, получил e-mail от Агафонова, который пишет, что украинский сборник, мол, будет готов 1-го марта, но он думает, что презентацию, мол, надо устроить только в WSD, т.е. – 24 августа, а до тех пор, мол, нет для нее инфоповода. Полный кретин, короче. Я, как мог со слов Феликса и Веры, продиктовал для него ответ, что презентацию надо устраивать сразу же, как только выйдет сборник. Но – что-то мне подсказывает, что он не выйдет ни 1-го марта, ни вообще когда-либо...

Письмо мое к Корбу про ублюдка Чертанова, пять суток ШИЗО и пр., как оказалось, до него так и не дошло, – по крайней мере, в рассылке его никто не видел. В общем, хороших новостей нет, – кроме самого факта, что В. и Ф. прилетели ко мне (самолетом, и буквально накануне ночью только определилась эта поездка, как-то очень спонтанно и неожиданно).

Но – даже радость их видеть не может вылечить меня от этого буквально безумия, паники, ада в душе: как я буду тут сидеть без часов?! Вот уже сейчас: не знаю, во сколько пишу эту запись; не знаю, есть ли уже четыре часа, чтобы взяться за вафли, и т.д. и т.п. А что будет ночью? Самое страшное, чего я боялся тут все эти 16 месяцев, – совершилось, и теперь я абсолютно не

представляю, как быть. По словам Веры, с Глебом ей связаться не удалось, – ну да, он, видимо, на заработках. Сами Вера и Феликс, увы, часов не носят. Что делать – я не знаю, хоть бейся головой об стенку. Подумалось: состояние такого беспросветного отчаяния было у меня, наверное, только когда в октябре того года мне сорвали тут свиданку с теми же Верой и Феликсом. Но они тогда приехали снова, а вот как быть теперь, как спать ночью, не зная время?..

***** до ужина *****

И еще одну мрачную новость сообщил Феликс, о которой я сперва забыл. Я уже читал в «Новой», что недавно Беларусь взяла – да и ввела безвизовый въезд к себе для граждан 80 государств на срок до пяти дней. И вот – закономерно сообщается (а мне сообщает Феликс), что Москва собирается восстанавливать границу с Беларусью, т.к. иначе в Россию оттуда может проникнуть кто угодно. :) Но – дело-то в том, что есть и желающие двигаться в обратном направлении: вся моя надежда была на то, что через Беларусь таки удастся уехать в Украину, если я доживу до освобождения. И вот – похоже, этим надеждам не суждено будет сбыться. Украинская граница перекрывается Украиной уже давно, а теперь вот – к концу 2019-го перекроют и белорусскую, увы. Что я буду тогда делать, куда денусь в этой проклятой Москве, без нормального паспорта, с надзором, а чуть позже – и розыском, – совершенно непонятно. Куда деваться – совершенно непонятно, и вся жизнь, прошлая и будущая, кажется абсолютно бессмысленной и никчемной. В России жить я не смогу, это ясно; через мизерный промежуток времени посадят опять, только и всего. Уехать – тоже не получится; клетка захлопывается, петля сжимается всё туже. На душе у меня – от всех сегодняшних бед, начиная с часов, кончая этой вестью о границе – такой беспросветный мрак и отчаяние, что впору биться башкой об стену, как тогда, в октябре, вместо свиданки. Но – увы, я знаю, что не поможет и это...

до ужина

Непрестанные заботы о будущем, мысли, хлопоты, волнения, паника – всё о будущем. Из чего, собственно, я так хлопочу? Вот – еда на сегодня (и даже на неделю вперед) есть, у батареи тепло (или можно одеться потеплее), можно сесть, а после отбоя – лечь, забыться, махнуть рукой на всё, закрыть глаза... Жив – ну и ладно; кое-как сыт, одет, не мерзнешь – чего тебе еще надо? Самое важное для жизни – есть даже здесь, в узилище; а как там оно дальше будет – не всё ли равно?

Счастливыцы, кто так могут; жив – и ладно, а на остальное махнуть рукой. В духе Лены Маглеванной рецепт, она бы, наверное, так и сделала бы,

рассудив здраво, что угадать, что там будет в будущем – нельзя. Она и писала мне в таком духе еще в 2014 г. Но – это не для меня, меня как будто что-то держит изнутри, не пускает, не дает расслабиться... Предусмотрительность – хорошая вещь, даже очень хорошая, но – тогда, когда ты можешь что-то сделать, во избежание будущих возможных несчастий хоть как-то повлиять на ситуацию. А у меня это превращается в самоедство, в настоящее поедание себя самого изнутри. :(Мало было беды с часами – теперь вот всплыли в голове и слова Феликса о закрытии вскоре белорусской границы – моей последней надежды вырваться из этой проклятой мышеловки под названием Россия... Теперь два с лишним года я буду каждый день думать об этом, изводить себя этими мыслями, этим ужасом, – но изменить это, увы, я не могу. Ни закрытие границы, ни свой непрерывный ужас на 2+ года вперед по этому вопросу... :(((

после ужина

В 5-ю посадили сейчас, в ужин, того хмыря из пристройки («аппендицита», как эти придурки здесь говорят), что приходил ко мне за газетами в том году. Он сообщил новости: оказывается, на днях сюда привозят вора в законе – какой-то молодой, 27 лет, из Дагестана; из-за него и разогнали весь тот коридор в пристройке, на четыре камеры, повесили там в нем две видеокамеры и т.д., – ну да, делают и тут «спец», вроде как в Москве на «пятерке» в 2006 г. А этот новый мой сосед досиживает тут уже третью ПКТ («ешек» не было ни одной) – и его тоже обещают отправить на крытую тюрьму. Так что, м.б., поведут даже вместе на «суд». :) Сказал также, что регулярно он (или, м.б., кто-то из его друзей тут, не помню) ходит звонить с казенного таксофона – хотя в УИKe написано, что это в ПКТ и ЕПКТ разрешается только в исключительных случаях.

Вот такие вот новости. Будет не скучно :) – соседка говорит, что обосновался тут надолго, до самого отъезда на крытую. Хотя, конечно, это существо нужно мне как собаке пятая нога, – жуткая рожа (заглядывал тогда, осенью еще, в «кормушку»), на которой 162-я статья так прямо, кажется, и написана – но оказалась-таки 161-я! :) Еще он сообщил, что из даваемой мной «Новой газеты» узнал, что творится в России, типа, ужаснулся – и люто возненавидел Путина! :) М.б., это и неплохо, только вот на воле такие типы, как правило, тут же перестают интересоваться Путиным и вообще Россией и вновь начинают – чужими карманами, бумажниками, телефонами, сумками и пр. и пр...

4.2.17., 5-40

Эту ночь спал, не зная времени. Спал очень мало, конечно, дай бог, часов до двух. Страшно неудобно это, до идиотизма; лежу, сна уже ни в одном

глазу, – и тут слышу звонок в дверь с улицы. Думал – как обычно, подтягиваются уже мрази на подъем; свернул одело, лежу, жду подъема. И – час еще прошел, а то и больше; просто, видимо, кто-то приходил сюда часа в четыре. А – с окна дует, без одеяла холодно; пришлось развернуть его снова. В общем, в первую же ночь я прочувствовал, какая это тоска и какое мучение – сидеть тут без часов...

И вот, пока лежал, уже почти перед самым подъемом – вдруг осенило: а что, если подвигать там минутной стрелкой, покрутить ее? Попробовал – и точно: она сразу снесла эту проклятую рамочку, застрявшую еще вчера утром на одном месте и создавшую затор для стрелки секундной. И часы пошли!!! Ур-р-ра!! :))) Механизм-то оказался не сломан, как я решил вчера, незадолго до прихода Веры и Феликса, после моей бешеной тряски в попытках убрать этот проклятый затор. Тогда, даже и не находясь перед затором, секундная стрелка как-то вдруг перестала двигаться, несмотря на полный заряд хода, – и я решил, что своей бешеной тряской и стуком убил механизм окончательно. А оказалось – нет! Значит, всё не так плохо, ситуация возвращается к той, что была вчера утром в бане, когда я их только что уронил: часы хоть плохо, порой с заторами, с вынужденным отставанием, но идут! По крайней мере, можно так подготовить их с вечера, чтобы они нормально шли всю ночь – и можно было знать, сколько спал и когда подъем.

Значит, всё пока не так плохо (редчайший для меня вывод! :) – и остается только этот ад мучительных мыслей и предчувствий по поводу закрытия белорусской границы. Тут уж я ничего поделать не могу, а главное – не могу ничего узнать, вот что плохо. По крайней мере, подумалось сейчас, уж белорусскую-то границу не будут, наверное, перекрывать так наглухо, как украинцы свою, – со строительством заборов, электронных ловушек и т.п., а просто, видимо, возобновят проверки документов в поездах и аэропортах. А это значит – есть надежда, что, идя вдоль ж/д трассы, можно будет непосредственно саму границу просто пройти пешком, как я шел и в 2004 пешком из Украины. Уж наверное на ж/д полотне будку с охраной-то устанавливать не будут, – впрочем, если б только знать, что ее и на киевской ж/д трассе не поставят, я бы, конечно, пошел лучше сразу по ней в сторону Киева. А так – пешком-то пройти можно, но – после этого нужна будет какая-то база, какой-то отдых и ночлег в Беларуси, хотя бы на одну ночь, перед броском дальше на Киев, – а вот этого-то может и не оказаться: из моих прежних знакомых в Беларуси не осталось сейчас никого, увы. Всё это очень предварительно, неясно, смутно, много неизвестных в этом уравнении, – и в таком вот виде оно будет мучить меня еще 1017 дней, до

конца срока!..

И еще забавная одна мелочь. После того, как в ночь на 1-е февраля уколошил я тут тапком мышь в умывальнике :) – похоже, прекратились и эти ночные (да и дневные тоже) мышинные набеги, ночной грохот в тумбочке, скрестись под ней тоже никто не скребется, в умывальнике никто не шебуршит, и т.д. То есть, видимо, жила тут под полом одна вот эта мышь, уже изучившая все ходы и выходы у меня в тумбочке и вообще везде, – а другие, когда изредка их появлялось сразу две, были какие-то приبلудные, не местные. И дай бог, чтобы подольше так и оставалось, чтобы хоть не мешали спать, – хотя еду я всё равно храню лишь в железном баке.

около 13-00

Нет, всё равно они сдохли, эти часы, их уже не наладишь. Секундная стрелка при встряхивании (для подзавода) стала свободно летать по всему кругу, чего раньше не было. Да и ни с того ни с сего останавливаются они, хотя ничто им явно двигаться не мешает. А если прятать их утром на час, на время шмона, – они неизбежно отстают, хотя бы из-за той же болтающейся под стеклом рамочки. Не факт, что и ночью они не будут отставать сами по себе, что не будет все равно как сегодня. Сдохли, прослужив почти год и пять месяцев, год и четыре с половиной, точнее. И ждать, когда Глеб приедет и привезет другие, и привезет ли вообще, дойдет ли до него эта моя просьба, – будет здесь тяжело и мучительно. А кроме того – нет же никакой гарантии, что мне удастся их пронести! Вчера после свиданки с Верой и Феликсом в коридоре меня уже ждал ублюдок курточник с металлоискателем, сладострастно, с остервенением кинувшийся меня им прозванивать. Со вторым таким же недочеловеком вместе они долго, тщательно, упорно выясняли – что же это такое звенит у меня в заднем кармане, заставили вытащить все бумажки и пакеты, что там лежали – и усердно прозванивали их по одной, но так ничего и не нашли. Эта долговязая гнида, ясно видно, ненавидит меня не меньше, чем я ее. Так что – никаких гарантий нет, увы...

Безвременье и бессмыслица. В прямом и переносном смысле. Без часов – и без какого-либо смысла во всем, со мной происходящем вот уже пятый год. Тоска, пустота, бессмыслица... Куда ни кинь – лишь тоска, пустота и бессмыслица; нет в моей жизни ни радости, ни счастья, и – уже ясно – не будет никогда... Почему так вышло? Черт его знает, но это так. Феликс вчера – а я только сегодня вспомнил – сказал, что Агафонов в этом вчерашнем письме ему что-то писал, Феликс точно вспомнить не мог, что, мол, для обложки он (или кто?) хочет использовать мою старую фотку с плакатом

«Басаев – да, Путин – нет!». Для обложки чего – брошюры или сборника – Феликс не вспомнил; он, к сожалению, пересказал это агафоновское письмо, только что читанное, очень путано и сумбурно. Но – к Украине этот плакат вообще отношения не имеет; значит – видимо, это на обложку брошюры. Притом, что трудно выдумать для любой обложки что-либо менее подходящее, чем этот плакат. В общем, руководствуясь только дизайнерскими и художественными способностями Миши, они там, я уже понял, сейчас напортачат так, что лучше бы и не издавали вообще ничего; на результаты их издательской деятельности стыдно будет смотреть... То бишь, люди, из лучших побуждений, из сочувствия и идейной солидарности берущиеся издать что-то из моих материалов, пока я сижу, т.е. вроде бы заслуживающие горячей благодарности, – в итоге под моим именем выдают на-гора такое дерьмо, такое убожество – и по форме, и по содержанию – что хочется просто плюнуть. Два года назад так было с Шестковым; так же будет и сейчас с Агафоновым (нашли кому поручить!..). Почему оно так выходит? Почему мне во всем не везет? Почему любое начинание моё или в мою пользу уже изначально несет в себе тоскливое предчувствие провала – и проваливается? Почему так нелепо, бесплодно, бессмысленно, если судить по результатам, сложилась вся моя жизнь? Я так и не нашел за целые годы ответа на этот вопрос; но на душе от осознания этих тотальных жизненных неудач – одна лишь беспросветная тоска и отчаяние. Как и от понимания того, что освобождение тоже ничуть эту тенденцию не изменит. М.б., первой крупной неудачей будет попытка выезда из России...

5.2.17., 5-25

Эту ночь опять спал мало, но сколько точно – не знаю: ночью часы опять остановились, простояли на 11-ти всю ночь. Секундная стрелка оторвалась – и тоже болтается теперь по циферблату вместе с прочим мусором. Вытряхнуть бы его, – но такие часы (привезенные из Буреполома еще) я даже дома не мог открыть при помощи ножей, ножниц и пр. – что же пытаться тут, с голыми руками...

Добила меня эта история с часами; опять, как всегда, когда что-нибудь плохое случается, – такая поперла тоска, не описать словами; хоть башкой об стену бейся... Прошлый раз так было, когда в октябре того года сорвали свиданку с Верой и Феликсом; а уж когда я два раза ждал «суда» по переводу на тюрьму, – это была, так сказать, беда запланированная, задолго известная, а не какой-то внезапный случай, как теперь. Хотя тоски и отчаяния и тогда было выше крыши – и еще будет, как только опять стребуют с меня заявление в «суд» и назначат дату очередного заседания.

Боюсь, это будет уже скоро... :(((

Я схожу с ума от этих бесплодных мыслей, от вопросов, на которые нет ответа. Почему так всё вышло? Почему обманула жизнь во всём, – и в малом (тот же украинский сборник, да и шестковский два года назад), и в большом (Маня), и в совсем уж глобальном (отсидеть 12 лет в ГУЛАГе – и так и остаться никем, не иметь ничего, кроме ЖЖ и Фейсбука на 300 читателей)?! Как теперь быть, как жить дальше, а главное – зачем? Рухнули все мечты, кругом один сплошной облом и тоска... Вроде и ездят ко мне (целых пять человек, включая Свету изредка), и письма пачками мне приносят, – но всё равно, когда случается какая-то очередная беда, я чувствую себя в этой проклятой камере одиноким и всеми брошенным. Это почти физическое ощущение, черное облако острой точки и отчаяния, плотно окутывающее душу... Хотел было написать об этом Маглеванной в конце письма, которое хочу ей сегодня отправить (про закрытие российско-беларусской границы – моего последнего шанса на выезд), но – поймет ли она?.. У нее хоть ее кошки есть, плюс – она-то уже на воле; а у меня нет вообще никого...

13-48

Воскресенье – и опять традиционная новость: «опергруппа едет!». Перекрикивались сейчас уголовники через коридор. Как же, давно не было опергруппы, пора!.. :))))))

Часы худо-бедно работают, хотя и без секундной стрелки, и даже, к моему изумлению, выдержали обычное прятанье на время шмона, не остановились. Впрочем, м.б., отсутствие секундной стрелки, разболтанной и за всё цеплявшейся, тут скорее на пользу, чем во вред. Зато – стала слегка отставать часовая, чего раньше никогда не было. Ставлю на шесть часов – и часовая идет не строго вертикально, а минуты на две в сторону. Какое все-таки дерьмо эти подделки – и как глупо экономить на столь нужной вещи, как часы, покупая всякое дерьмо, да еще СЮДА!.. Поняв, что хоть как-то ими все-таки можно пользоваться, я утром, по звонку косоглазых тварей на подъем, не стал даже ставить время на десять минут вперед, как было у меня всё последнее время. Если опять встанут – то десять минут не спасут; а если нет – я и так нервничаю из-за них, и от этого только лишняя морока, добавлять-убавлять каждый раз эти десять минут.

6.2.17., 5-30

Спал вроде более-менее эту ночь, и даже часы сумел заставить-таки идти до утра: надо только суметь расположить болтающуюся по циферблату рамочку на ее прежнем месте, посередине, чтобы минутная стрелка проходила НАД ней, а не упиралась в нее, и осторожноенько, аккуратненько, не встряхивая, брать их и, посмотрев, класть на место. Тяжело, особенно

среди ночи, проснувшись только на один глаз, но – что поделаться; всё же это лучше, чем совсем не знать времени.

1015 дней осталось. Васё меньше и меньше с каждым днем, но на душе – тоска... Понедельник, начинается новая неделя (145 их всего осталось) – и я с ужасом думаю, что вот уж на этой-то неделе наверняка заставят уже писать новое заявление в «суд» – и счетчик будет включен снова. То волновался, будет ли магазин, потом – сходил с ума из-за часов, а тут – опять пойдет отсчет дней до АДА, так что все эти мелочи сразу станут неважными... :(((Что я буду делать тогда?

Много раз уже приходила эта мысль, но, по-моему, только сейчас я сподобился записать ее. Я-то сам всегда воспринимал себя и всё, что я делал, всерьез. Но, видимо, зря: другие, похоже, с редкостным единодушием всерьез меня не воспринимают. И на это абсолютно не влияет, 12 ли лет я отсидел, или – вот уже – девять, и что я пишу, что говорю, что делаю... Для них я и впрямь вроде того мальчишки с палкой вместо ружья, что марширует за солдатами по улице. Книжка у меня может выйти – о да, выйти-то она может, но тиражом 100 экземпляров, не больше! :))) Сам я могу считаться политзэком и узником совести – но только своими друзьями; ни в какие официальные списки меня, разумеется, не включают (ну да, есть еще список «Новой ХТС», но я практически не встречал где-либо упоминаний о нем – только и списке «Мемориала», который, таким образом, можно считать чем-то вроде официального списка). А уж читать меня – и вовсе никто не заморачивается, вполне довольствуясь приведенными в Википедии цитатами из некролога Масхадову...

7.2.17., 7-18

Идиотские нововведения... Подтвердилось, что по новым ПВР теперь баня – два раза в неделю (уж не знаю, как в лагере, но, по крайней мере, «под крышей»). Вчера водили ШИЗО, сегодня с утра погнали меня, – опять первым! Хорошо еще, что в отбой предупредили вчера, что сегодня с утра, – и что баня теперь во вторник и субботу вместо пятницы. Для уголовников-то, конечно, это праздник, у них прямо культ бани; мне это новшество абсолютно не нужно; хорошего только одно: два раза в неделю вместо одного теперь можно попадать в каптерку, не прося о том вертухаев.

Слава богу, вчера не сбылись мои мрачные предчувствия – и, что удивительно, не было «крестин», всегда бывающих по понедельникам! Но – они легко могут быть и сегодня, да и предчувствия никуда не делись. Скоро месяц с последнего «суда», наверняка подготовлена уже следующая попытка, – а пока суд да дело, у меня и ЕПКТ кончается, надо вешать мне новое камерное сидение на полгода-год...

Соседушка мой новоявленный добился вчера, что колонку поставили ему прямо в отдушину, где должен быть ночник, – и теперь наслаждается «Милицейской волной». :))) И я вместе с ним. Хорошо, что хоть знаю время. ставлю часы точно; и – счастье, что это радио не забыли вчера выключить на ночь, а то я был уверен, что не выключат, раз оно не в коридоре, а только в одной камере играет, – и хрен бы я тогда под него уснул!.. Ног, будучи сейчас в каптерке перед баней, беруши на всякий случай достал из баула и взял в камеру.

Завтракал сейчас – и вдруг здоровенная мышь пробежала через камеру, от окна к тумбочке! Гораздо крупнее той, что я укукошил. :) Ночной возни и грохота в тумбочке пока не слышно, но – убив одну, я вовсе не избавился от проблемы в целом, это только временная передышка, всё ещё впереди...

Около четырех часов вчера принесли вдруг письма: 165-е от Майсуряна вместе с письмом Маглеванной – и назад мое последнее письмо Землинскому с надписью на конверте: 2-50. То бишь – либо простые письма по России подорожали на 2-50 (до 21-50); то ли – скорее – больше нормы весит именно вот это мое письмо ему, написанное на трех листах той толстой бумаги, что он же последнее время мне присылает. Двойные листы А-4 – что-то типа разодранного на листы альбома для рисования. Три обычных листа не требовали тут обычно доплаты, а вот это письмо – НА тебе, вернули!..

Маглеванная же прислала крохотное письмо почти ни о чем. Главное, что я из него выяснил – что на 20 января, когда она его писала, сайт мой, не обновляемый уже год, так и не налажен, она так и не попыталась решить непонятную техническую проблему с этим сайтом, не пообщалась с Зянковичем, владельцем площадки (хостинга), – а вместо этого пишет, что, мол, к решению этой проблемы обещала подключиться Маня – которая к этому сайту вообще никакого отношения не имеет, Зянковича не знает и которой, вдобавок, я теперь абсолютно не доверяю. В общем, полный позор и идиотизм – и до конца моего срока сайт мой можно считать безнадежно мертвым... :(((

Не разобрал, конечно, по этому дурацкому радио почти ничего, хоть колонка теперь и рядом, – но вчера в новостях что-то говорили о перемещениях граждан РФ и Беларуси через общую границу. Да, теперь нет уже сомнений: граница закрывается, мышеловка захлопывается. То бишь, уехать я не смогу – а значит, будущего у меня нет совершенно никакого!! Прости-прощай, мечты матери, что я буду жить у Горильской и Крюкова на их хуторе под Киевом, приглашение от Горильской в Трускавец, и пр...

Обед: капуста на первое и капуста на второе. В первом – больше воды; это «щи». Зато во втором есть куриные кости. :) А капуста одна и та же там и там...

Мрачные предчувствия не оставляют меня. Обед прошел, – сейчас чего-нибудь да будет. Или «крестины», или еще какая-нибудь пакость...

1014 дней осталось мне еще в этом аду. А что потом? Пустота, никчемность, бессилие очередное крушение надежд... впрочем, на сей раз никаких надежд нет.

Между прочим, Феликс в недавний приезд рассказал этот эпизод, уже мной мельком слышанный: как на «Дожде» Гаскаров, на вопрос Кашина, фактически отмахнулся от моего открытого письма. Мол, сидит человек в тюрьме, о чем тут говорить... Феликс не цитировал дословно, но смысл был какой-то такой. Это еще одно яркое подтверждение того, что я писал на днях: никто там, на воле, всерьез меня не воспринимает. И – не будет воспринимать, сколько бы я ни просидел...

9.2.17., 5-25

«Крестины» вчера опять были после ужина, к ночи уже. Меня не трогают. Жду с тягостным недоумением, – что же они будут делать-то со мной?! ЕПКТ, как ни крути, кончается, максимум – в начале апреля; что-то решать насчет меня они должны. М.б., решат ненадолго выпустить в СУС? Это будет хуже всего; я, конечно, не пойду. Но скорее всего – на днях очередная провокация с любимой, несменяемой «формой одежды» под регистратор – новая «ешка» еще на год – и сразу вслед за ней новая попытка упечь на крытую. Боюсь, успешная...

Сидел вчера, читал весь день, с подъема до отбоя, больше 300 страниц. Устал сильно под вечер, но зато – день пролетел быстро и не так тошно было от мыслей. А в остальном – всё как всегда, «жизнь» эта, здешнее монотонное существование движется по кругу. Опять косоглазый ублюдок поднял сейчас четверть шестого, ни свет ни заря. Опять новая мышь (а м.б., и не одна), заступившая на место прежней, убитой тапком в ночь на первое февраля, скреблась под тумбочкой ближе к утру; а до этого, глухой ночью, она же нашла и ход через сливную трубу в умывальник, – я убедился в этом благодаря тому, что с вечера забыл заткнуть сливное отверстие в нем тряпкой. Всё так же кормят дрянью, – капустой с куриными костями; сейчас на завтрак наверняка будет какое-нибудь дерьмо. Сегодня надо уже писать заявление на магазин – и я абсолютно уверен, что завтра в нем опять не будет ничего, брать будет нечего не то что на 2000 р., но и на одну... Да и в конце февраля-начале марта предстоит опять голодовка, потому что после их проклятого праздничка – 23 февраля, Дня оккупанта – 24-е, пятница,

тоже сделан выходным, на опохмелку быдлу, и купить жратвы на целую неделю (!) будет негде... :(Не несут опять газету и журнал, хотя уже давно пора. И – опять та же привычная бескрайняя тоска, как только я задумываюсь о настоящем и будущем. 1012 дней еще осталось в этом аду...

10.2.17., 5-40

Вчера опять тишина весь день. Но – мне уже было тошнее, чем накануне: ту книжку, что можно было читать весь день и ни о чем не думать, я прочел, а остальные – жуткое барахло... Я нервничаю всё сильнее: что-то ведь они должны со мной делать, время идет, сроки подходят... Если (дай бог!) не тронут и сегодня – то в понедельник, 13-го, будет ровно месяц с последнего «суда», – тот самый роковой срок, месяц передышки... Что будет? Что-то же должно быть; хотя – оно обычно не бывает, когда ждешь, и падает, как снег на голову, когда НЕ ждешь... Время работает на меня, с каждым днем срок всё короче, вот уже только 1011 дней осталось; но всё равно нервы у меня натянуты до предела. Провокация, новая «ешка», заявление, новый «суд», этап в кизеловское СИЗО на три месяца... есть от чего сойти с ума! И деваться некуда... Да еще этот проклятый быт, какой бы он ни был временный, донимает, мотает нервы. Будет ли сегодня что-нибудь в магазине? И – отдаст ли, оставит ли в «дежурке» мое заявление на магазин тот хмырь, которому сейчас, в подъем, я его отдал? Не потеряет ли? Перспектива хоть что-то есть, кроме баланды, целую неделю, зависит от таких вот мелочей, от какой-то случайной падали в камуфляже... А впереди – близкая уже перспектива голодать целую неделю по случаю «праздничка» (Дня оккупанта 23 февраля) и закрытого в пятницу, 24-го, магазина...

14-35

Вопреки моим предчувствиям, магазин все же состоялся, и даже завхоз на сей раз принес всё, что я написал, но – боже, какое дерьмо!.. :(((Крохотные колбасы, еще меньше прежних, дай бог на десять ломтиков такую порезать, хоть пять бутербродов на ужин сделать, – и все как одна просроченные, все до 5-го февраля! И колбаса, и ветчина (нижегородская ветчина была раза в полтора длиннее!), и копченые «колбаски» в форме сосисок, – всего по семь штук в пачке, ни то ни сё, когда у «Атяшева» их было десять, и длиннее, а стоило это дешевле! Это же всё – опять Кунгур, «Телец», будь он неладен, местное пермское производство... Крохотные колбаски по дорогущей цене, когда у мордвы в «Атяшеве» были большие и дешевые!.. В общем, всю неделю предстоит жить впроголодь; потом – неделя полного голода после 24 февраля; а дальше – если в марте не вывезут отсюда – пять пятниц в марте, и на них – пять тысяч, плюс 1000 р. с января, т.е. – шесть тысяч, по 1200 в неделю, даже ужины на эту сумму не купишь, не говоря уже о

завтраках, сладком, майонезе и пр...

На завтраки же сегодня в списке не было вообще ничего, – ни вафельных тортов, ни рулетов, ин кексов, ни кексиков... Был зато «сыр» (неведомо какой) – и это оказался здоровенный батон чего-то вроде колбасного сыра, продающегося в Москве, – копченый, нарезаемый, как колбаса, ломтями; но – непонятно, именно СЫР ли это, или же какой-то «продукт с сыром», как написано на этикетке. Подозреваю, что на вкус это гадость, конечно; тем не менее, тем не менее, батон этот можно разрезать на две части – и есть по утрам. Как я и предвидел, несъедобную кашу утром дали не только вчера, но и сегодня...

Это еще не всё дерьмо, принесенное мне завхозом. Печенье – в списке – по 120 рублей (очень дорого для печенья), без уточнений, какое именно. Я всё думал: сколько ж его там на эту сумму? Оказалось – много, 41 штучка (две поломанных), но – в простом целлофановом пакете и самого простецкого, незатейливого, какое на воле я никогда не ел. Ну ладно, по шесть штук в день его – пойдет вместо полдника; но уж больно жалкий полдник!.. И наконец, две шоколадки по 100 руб. – не Alpen Gold, как я думал, но, тем не менее, тоже: одна – с арахисом, другая – с арахисом и изюмом (на кой черт всё это дерьмо в шоколаде?!), да кроме того – не пять секций по три дольки, как у Alpen Gold, а только четыре. То бишь – не на десять дней даже, как я рассчитывал, а всего на восемь... М.б., такие покупки – это и лучше, чем совсем ничего и питание одним кислым хлебом по вечерам; но у меня подобный ассортимент и качество вызывают ярость... Надеюсь, хотя бы майонез окажется нормальным...

11.2.17., 12-40

С самого утра, сразу после подъема, погнали опять в баню. Та же самая смена, что и во вторник, потому и начали, слава богу, опять с меня (колобковская смена, но без самого Колобка); к счастью, предвидя заранее, что с меня начнут, я успел лучше, чем в тот раз, подготовиться. :) Вот так бы всегда ходить в баню! – успел вернуться как раз за несколько минут до завтрака (манная каша, – барахло, но всё же съедобная).

А после шмона вообще произошло чудо. :) Открывается вдруг «кормушка» – и один из вертухаев этой уходящей колобковской смены – говорит: мол, тут нашли тебе свитер, а то у тебя поизносился, – и сует мне казенный свитер! Я удивленно говорю: мол, надо же! – меряю, он чуть тесноват, но вполне годен (а потом, они ведь растягиваются), одеваю, и вертухай забирает «на тряпки» мою прежнюю рвань.

А я-то думал, как повезут на этап, бросить его (старый) тут и надеть вольный! :) Теперь, если повезут до лета, до жары/тепла, можно будет

надеть этот (а вольный – в бауле, значит – баул тяжелее :((. Понятно, что это свитер не новый, а б/у, весь провонявший табачищем, хотя, м.б., и стираный; у меня давно была мысль спросить у завхоза, нельзя ли где-нибудь тут раздобыть такой вот казенный свитер б/у – но я не сомневался, что ответ будет отрицательный. А тут – не знаю уж, кто обо мне позаботился, неужто этот самый вертухай?! или та начальница психологической службы, что в свой последний приход, две недели назад (вместо газовщика, которого еще с позапрошлой недели не видно), спрашивала меня, дали мне новый свитер или нет, т.к. еще раньше, в другой ее приход, я показывал ей, в каких лохмотьях хожу, – но, тем не менее, свитер мне был успешно найден, не выходя из здания ШИЗО (т.к. далеко за ним ходить никто бы не стал). Теперь еще труднее, теснее и жарче будет одевать под него «теплек» от нижнего белья, который я, помимо дней сильного холода в камере, стараюсь одевать под свитер на время утренних шмонов – только для того, чтобы этот «теплек» не забрали бы, если вдруг вломятся...

1010 дней осталось. Прошла неделя – и в понедельник ровно месяц с последнего «суда» по переводу на тюрьму. В прошлый раз именно месяц заняла передышка между попытками перевода, а сейчас еще и ЕПКТ кончается. Что же будет?! Нервы у меня на взводе...

12.2.17., 10-12

Воскресенье. Почти физическое ощущение, что я накануне каких-то крупных событий (неприятных, разумеется). И месяц с последнего «суда», и конец ЕПКТ... И надо, надо им что-то со мной делать!.. Была мысль написать сегодня матери, Вере... – но пока не решился. Напишу, а завтра-послезавтра – грянет что-нибудь, придется писать по новой (матери, по крайней мере).

Кстати, и сегодня кого-то всё еще водят в баню, – наверное, «ешку», которая по одному никак не успевает вся помыться за день – а СУС-овская баня, как я вчера понял по постоянным звонкам оттуда, занята СУС-ом: у них же тоже второй банный день ввели, и, похоже, оба совпадают с ЕПКТ, – вторник и суббота! :(Значит, оба дня в ближней бане не будет тазика для стирки, – его же в свой банный день всегда забирал себе СУС, хотя теперь там есть свой (сам им пользовался, моясь там не так давно), а «лейка» там теперь только одна, т.е. – водят в баню из СУСа тоже по одному. Маразм, короче; и то, что в субботу тазик был – это лишь потому, что меня очень рано повели, в шесть утра...

Весь февраль нет свежей прессы; две недели не было психолога-газовщика; завтра ровно неделя, как приносили последнее письмо (всего одно, от Майсүряна)...

13.2.17., 5-25

Библиотекарь вчера поставил рекорд: явился прямо во время обеда; да еще был в медицинской маске – и всем объяснял, что болеет. Быдлотатарский идиот-вертухай, водивший его, приказал, чтобы он давал не все книги сразу в камеру, а – по три штуки; если не подойдут, то возвращаешь их и берешь другие три. Таким образом, я довозвращался до того, что взял только одну книжку (тоже рекорд!), и то – совершенно дурацкую. Так что, если не принесут наконец прессу, делать всю неделю будет абсолютно нечего; лежат, правда, у меня и другие библиотечные книги, но – такое же барахло, начатое и брошенное по большей части...

После обеда и библиотекаря написал все-таки письмо матери – о предстоящем голоде, о двух банях теперь вместо одной, о своих мучительных предчувствиях... Мне просто не с кем этим всем поделиться; из всех, кто меня знает, и нюансы моего тут питания, и мои предчувствия, и пр. – едва ли кому интересны, кроме матери. Но и мать ничем абсолютно не может помочь, только выслушать/прочитать всё это...

Если я доживу до воли, смогу собрать этот дневник, опубликую его, – кто-нибудь, прочтя его и сравнив с буреполомским, скажет: вот, мол, сначала (и в Буреполоме, да и в первые годы этого дневника, в 2014-15) этот Стомахин всё писал, как он мечтает лично убивать «мусоров», уголовников и прочую мразь, что его окружала; а потом постепенно эта тема у него почти пропала, затихла – и вместо этого стал он писать преимущественно о том, что жизнь, мол, уже прошла безвозвратно, да мучительно размышлять, почему оказалась она такой нелепой и бессмысленной. И, м.б., по форме этот мой критик будет прав. Но – я не утратил моей лютой ненависти к этому государству и ко всем, из кого оно состоит; я по-прежнему желаю самой лютой, мучительной смерти всем этим камуфляжным мразям, которых вижу здесь каждый день, и мечтаю лично, своими руками, причинять им эту смерть... Но – ведь за десять лет, что я лелею в душе эту мечту, мне так и не удалось осуществить ее, не удалось ни одного из них убить, а предчувствие говорит, что и не удастся уже никогда, – это ли не доказательство зря, нелепо, бессмысленно прошедшей жизни?! Несбывшиеся мечты, которым уже не суждено сбыться, – что может быть грустнее?.. Потому что ведь мечта не в том состоит, чтобы кинуться на одного из этих тварей, м.б., даже не убить его, а лишь ранить – и быть тут же схваченным за это, получить за него еще срок, а если убьешь – то, вероятно, и п/ж. Мечта состоит в том, чтобы расстреливать их десятками, сотнями – там и в той ситуации, где уже нет их власти, нет никаких их прокуратур, следкомитетов, ментов, нет ничего, кроме оружия в руках и линии фронта

за километр от тебя, за соседним разрушенным кварталом. Революция, гражданская война, повстанческая армия, городская герилья – и нет вокруг тебя никакой «Российской Федерации», никакой ее «законной власти», а есть лишь клочок земли, освобожденный от этой путинской, русистской, чекистской нечисти и чумы. И можно ставить ИХ всех, захваченных в плен, к стенке, – и лично, своими руками, расстреливать. Хоть всё их МВД, хоть всё ФСБ или весь их ФСИН... Вот о чем я мечтаю, – воевать с ними по-настоящему, мочить их, стрелять в это государство, в эту РФ, в эту власть бюрократов и чекистов!.. Сбудется ли когда-нибудь эта моя мечта?..

10-27

К моему соседу в «пятерку» шмон заходит теперь регулярно, чего раньше никогда не было. (Хорошо еще, что не ко мне.) Сейчас вот – уже второй раз за несколько дней у него забрали какие-то штаны, – теплые, синтепоновые, по его словам, одеваемые на прогулку. Не знаю уж, как он смог их сохранить в тот раз, но сегодня их у него начали забирать снова. Сперва он не хотел отдавать, но потом – опять же, по его словам – демонстративно выкинул их из камеры, но сам в камеру заходить отказался и стал требовать у присутствовавшего тут же мрази Безукладникова то ли защиты и справедливости, то ли перевода назад в «аппендицит» (пристройку), – понять по его крикам в коридоре было сложно. Тем не менее, в камеру его все же запихнули, после чего он стал яростно долбиться в дверь. Стучал долго, яростно – и вот только сейчас, после шмона, его повели в «дежурку», – видимо, пришел кто-то из начальничков.

Это всё при том, что синтепоновые штаны, конечно же, никаким «запрещенным предметом» не являются, никому не мешают – и лежали, по словам их владельца, в его прежней камере полтора года. Видимо, шмонающим мразям они нужны просто для отчетности, – что, мол, шмонали не просто так, а что-то забрали в результате, – ведь они там письменно отчитываются за каждый утренний шмон!

18-10

День прошел – и ничего. Тишина... Даже странно... И непонятно, будут ли сейчас, после ужина, «крестины», – м.б., и нет, т.к. нет ни суеты, ни беготни. Хотя – всё может быть...

Писал утром про соседку этого за стеной, с его штанами, – забыл написать, что он вот уже вторую неделю не изволит общаться со мной, – не стучит в стенку. Не нужен, значит, я ему. :) Я, разумеется, не стучу и не зову его тем более, – это недочеловек, нечисть, насекомое, как и все они (уголовники, русское быдло, рабы ФСБ, угро-тюркская помесь и т.д.), мне общение с этим насекомым абсолютно ни к чему. Значит, ему и одному не

скучно, – ведь через «дальняк» больше ему общаться не с кем, кроме меня, а в коридор он тоже никому не кричит. Но сейчас, ближе к вечеру, к нему подсадили второго! – офигеть, я-то думал, что его как (вроде бы) особо опасного, держат строго одного. Но нет, – они уже выпросили себе до отбоя (хотели до утра, но не позволили) нарды – и сейчас, видимо, сидят играют, вполне довольные жизнью и друг другом... :)))

14.2.17., 5-35

Эту ночь опять почти не спал. Лег рано, в 25 минут десятого; провалявшись без сна до 11-ти, решил принять таблетку (амитриптилин?), одну из трех, данных мне бывшим моим соседом из «пятерки» (ныне сидящим в «двойке» и каждый день там скандалящим). Принял, но и на, считай, не помогла, – только почувствовал, как от нее усилилось сердцебиение, встав опять через некоторое время. То вдруг в какой-то момент начал уже дремать, – разбудила проклятая мышь своей возней! :(То встал после этой таблетки – оказалось, опять встали часы (не стрелки опять уперлись во что-то, а просто так, без видимой причины, – видимо, кончился завод). И так всю ночь... Под конец всё же, видно, заснул, т.к. что-то снилось; но ненадолго, конечно. Сейчас чувствую себя так, как обычно бывает после бессонной ночи; засыпаю сидя. А предстоит опять волочить на себе этот проклятый день, эти бесконечные 16 часов, как мельничный жернов на шее... Да еще ждать, будут ли очередные провокации, заявление в «суд» и т.п...

15.2.17., 5-43

Наконец-то приезжали вчера ребята, – почти ровно месяц после последнего их приезда. После этой проклятой таблетки амитриптилина, принятой ночью от бессонницы, я был сонный весь день, ничего не мог делать; мысль о том, что они могут сегодня (вчера) приехать, мелькала у меня в голове, но – было уже три часа, когда меня выдернули, в это время я уже их не ждал.

Главное счастье – что теперь хоть разрешена моя проклятая главная проблема – зь гадзіньнікам [с часами. – прим. 2020 г.], разбитым 3-го февраля утром в бане, о чем в тот же день я сказал приехавшим Вере и Феликсу. Слава богу, теперь хоть на этот счет всё нормально.

Говорили о том о сем; Глеб вроде обещал в апреле или мае съездить в Москву, завезти матери все мои книги, майсурияновские письма и пр., заодно собрать там у всех и отсканировать мои дневники, а заодно уж – м.б., и фотки с акций 1999-2004 гг. Но на днях он опять уезжает на заработки. Что ж, договорились с Ромой, что как только мне велят опять написать заявление о личном участии в «суде», я напишу письмо об этом Роме.

Непонятно также, дошло ли мое письмо к Корбу о последнем моем ШИЗО 23-28 января за «жаргонное» слово «столыпин» в «беседе» 23-го января с мразью Чертановым. Вроде бы ни Вера с Феликсом 3-го февраля его не видели в рассылке, ни ребята вчера о нем не слышали; Вера в своем тексте на «Гранях» о последней поездке ко мне про этот «столыпин» даже не упоминает. Но в то же время Рома сказал, что ему звонили, если я не путаю, из редакции сайта ОВД-инфо и просили прокомментировать ШИЗО мне за слово «столыпин». Рома говорит, что сперва принял это за шутку.

Хуже всего новости от Агафонова про его издательские дела. Брошюру про насилие они то ли к 1-му, а если не успеют, то к 13-му марта выпускают (13-е – это 1-е по старому стилю), тираж всего 1000 экз. (мол, «нам бы хоть это распространить», хотя это ничто!). А про украинский сборник он вообще молчит – только прислал обновленный вид его оглавления. Материалов там собрано много, но когда всё это будет наконец издано, и будет ли вообще, – неизвестно.

Выводили после разговора с ребятами из кабинета – в коридоре стояла мразь Баяндин и пялилась на меня; пока меня шмонали у двери в камеру – спросила, когда я постригусь. Я сказал, что когда будет парикмахер; вообще, я и сам уже думал вскоре постричься, т.к. с последней стрижки 28 октября 2016 г. волосы сильно отросли. А в это время, пока я общался с ребятами, тут, оказывается, были «крестины». :))) Так вскоре после ухода ребят меня выдернули стричься, – парикмахер был здесь для стрижки «окрещенных». Когда им, мразям, надо, они всё делают оперативно...

А перед самым приходом ребят, буквально за какие-то минуты, еще и свежую прессу принесли, впервые за весь февраль, шесть газет и один журнал. Так что весь день сегодня предстоит ее читать, хоть временно не думать ни о грядущем выезде на «крытую», ни о чем вообще мрачном. Ни о том, что сегодня вот уже девятый день без писем. Да еще, слава богу, Глеб несколько успокоил меня, сказав, что, судя по СМИ, Москва сейчас восстановила контроль на границе с Беларусью только для въезжающих со стороны Беларуси, так что беспрепятственно выехать туда, даже будучи в розыске, проблемы вроде бы составлять не должно. Но это – пока, а что будет в ноябре 2019-го – кто знает?..

16.2.17., 5-40

Опять вчера в отбой ублюдок «курточник» заглядывает в «глазок», через дверь командует мне: «Куртку оденьте!» – и ждет, пока я одену, не открывает без этого даже наружную дверь. О, с каким наслаждением я месил бы его поганую харю и руками, и ногами, и чем-нибудь потяжелее, типа лома или молотка, – до тех пор, пока от всего этого гнусного рыла не

осталось бы сплошное кровавое месиво!.. Ненависть просто душит, захлестывает меня, накрывает с головой при одном виде этой твари. Была бы только возможность – о, я бы оттянулся на нем, на его поганой вонючей тушке за всё, за всё и за всех, за все эти 12 лет заключения, за все их издевательства, которые пришлось вынести. Связать, подвесить – и в кровавый фарш!!! Погоди, ублюдок долговязый, не так уж долго осталось мне сидеть – м.б., еще встретимся, вспомнишь тогда и «куртку наденьте!», и всё остальное!..

А кого-то вчера ночью увозили этапом на 40-ю зону – и из разговоров, по моему, с темп же курточником через дверь я разобрал, что вроде бы возбудили дело за «нападение на администрацию» и собираются раскручивать. Жаль, если только «нападение», а не убийство...

Новый дневальный – такая же мразь, как и все прежние: ТРИ раза (во время двух походов в баню, а последний раз – после моей стрижки позавчера) я спрашивал его, когда, в какой день теперь отдавать вещи в стирку. Сперва он сказал, что ЕПКТ теперь сдает в четверг, потом – что, мол, точно еще не установлен день, – он, мол, накануне подойдет и через дверь скажет. Но так и не подошел, конечно; сам я, на свой страх и риск, сдавать сейчас не стал, – если стирки нет, ищи потом эту наволочку, выцарапывай ее, тем более, что сегодня быдлотатарская смена, которой на всё плевать, – закрыли дверь, и долбись, сколько хочешь... Что ж, еще две недели, значит, придется спать на грязной...

1005 дней осталось, два года и девять месяцев. Но это всё равно что никогда... Сегодня предстоит писать заявление на магазин – и опять 1000 р. брать из неистраченного в январе; и неизвестно, признает ли старая мразь бухгалтерша в ларьке это мое право – или же только 1000 р., оставшихся от февральского лимита в 5000 мне выпишет. Третья неделя, как не появляется психолог-газовщик; десятый день, как приносили 6-го февраля письма...

17.2.17., 5-27

Быдлотатарский косоглазый ублюдок, как всегда, приперся с подъемом дай бог четверть шестого. Я отдал ему заявление на магазин – и он тут же затявкал (хотя его никто не спрашивал и вообще это не его дело; его дело – только передать), что у меня, мол, «неправильно» написано: надо, мол, не «от политзаключенного», а от просто «заключенного». А еще несколько дней назад в коридоре я слышал, чуть ли не в день приезда ребят, как вертухай говорил кому-то из эков через дверь, что, мол, мразь Безукладников на больничном. То бишь, и письма, значит, некому носить (сегодня уже 11-й день без писем), и вот это заявление на магазин, значит, сегодня не он будет

подписывать, а кто-то из оперов, – и вполне может не подписать, придравшись к вот этому слову «политзаключенный»! Но переписывать, ей-богу, я не стану, – всё равно неизвестно, дадут ли в ларьке отовариться на 2000 р., или только на одну («лимит»!) и будет ли там вообще что брать; да и – всё равно это как в 1996, когда Зюганов баллотировался во втором туре, говорили: «Купи еды в последний раз!». Всё равно через неделю так и так наступит голод, сидение на одной баланде из-за их проклятого праздничка, Дня Оккупанта. А потом – голодный март, по чуть-чуть в неделю...

Тоска страшная, какой не было уже давно, что вчера, что сегодня. Из-за всего этого, – и голода (что поделать, не приспособлен я питаться кашами и капустой, мало мне такого рациона!), и из-за неопределенности ближайшего будущего, из-за мрачных предчувствий... Подумалось: если даже эту брошюру и напечатают в Киеве тиражом 1000 экз., – скорее всего, так и будет она у них валяться, кто ее распространять-то будет, по магазинам с ней бегать? Агафонов, что ли? Вот так каждый раз любая мечта, даже сбывшись, оборачивается разочарованием... и от этого тоже тоска. Тошно, невыносимо, и всё бессмысленно, и сама эта жизнь – ни к чему, и жжет, мучает чувство собственного бессилия: ничего, абсолютно ничего я не могу сделать всем этим мразям, никак не могу отомстить всем этим косоглазым, долговязым, белобрысым ублюдкам... В «суд» только подать, как Рома (собирается обжаловать последнее ШИЗО за «столыпин») – с заранее известным результатом... Зачем тогда жить, если абсолютно ничего ты в этой жизни не можешь?

1004 дня осталось. Вроде и сбывается хоть эта маленькая мечта – «тысяча» скоро исчезнет, сойдет на нет. Но и это уже не радует. Слишком дорогой ценой достигаются эти микропобеды над временем, слишком тяжела дорога до них – и нет уже сил радоваться. Да и будет 999 дней – разве это мало?! Да это никогда, черт возьми!.. Газеты все прочел еще вчера, книги – такие, что от них тошнит; писем нет, и в понедельник будет уже ровно две недели, как их нет. Тоска, дикая тоска; делать нечего, как только ждать шмона, вызова писать заявление, пролета с магазином и т.п. пакостей. Если б можно было хоть лечь – было бы легче, тоска в душе хотя бы не усугублялась бы физическим изнеможением уже в четырех часам дня. Или хоть сидя дремать, подперев голову рукой – если б только проклятая рука не болела бы и не затекала так быстро и так сильно... Будь всё проклято, весь этот мир и моя дурацкая, нелепая жизнь!.. Я не знаю, кончится ли всё это когда-нибудь, и смогу ли я, хватит ли сил дожидаться этого дня, и зачем я живу, если вся моя жизнь – сплошные мучения, разочарования и неудачи. Я сжег бы весь этот мир целиком, если б у меня была к тому хоть малейшая

возможность – как и весь этот мир никогда не щадил меня и вообще интересовался мной только тогда, когда мог сделать мне еще какую-нибудь очередную пакость!..

Жизнь прошла, и ничего уже не будет, и всё бессмысленно... и смерть никак не берет...

12-47

Предчувствие, как обычно, не обмануло. В обед баландер вместе с баландой сунул в «кормушку» моё утреннее заявление на магазин. Внизу, даже без подписи, написано: согласно пункту такому-то новых ПВР, приобретение продуктов питания для ПКТ и ЕПКТ – два раза в месяц.

Блин, как поленом по лицу!.. Всего ждал, любой подлости – но не этого! Как будто 15 суток получил – ровно две недели предстоит не есть ни хрена!.. На ужин – кусочек обеденного поганого хлеба, – пока есть, с майонезом, потом – со сгущенкой, или с приправой (бульонные кубики). Да еще доесть сегодня вечером кусочек сыра, оставшийся от прошлого магазина.

Сучья, блядская страна, где ничего не купишь даже с деньгами!.. Как я ее ненавижу, кто бы мог это понять... Весь день, с самого подъема, было тошно, невыносимо, – и не зря, как оказалось!.. Сердце чуяло... Проклятые суки, мрази, ублюдки, русские свиньи, чтобы вы сдохли все, – и в погонах, и без погон, все эти 100 с лишним миллионов, сколько вас тут живет!.. Убивать вас своими руками – вот мечта!..

Да и потом, в марте... Ну, допустим, под девять тысяч набирается, если с сентября непотраченное приплюсовать. Их надо как-то разделить на два раза, чтобы в один побольше, в другой – поменьше, чтобы на две и на три (потом) недели купить поесть хотя бы колбасы себе на ужины. А уж где ее столько хранить, учитывая ночных мышей; да еще ведь и портиться будет, она ж и так обычно уже просроченная... В общем, некуда деваться, теперь сколько тут еще пробуду – придется голодать...

15-45

Писал письмо Вере обо всем этом (вот и повод!) – не мог сдержаться, шваркнул ручку об стол так, что она треснула, а колпачок – пополам... Побился немного башкой об стену, – уже четыре месяца, с той сорванной свиданки в октябре, не доводилось... Иметь кучу денег на счету – и не мочь ничего купить, гадать с утра, съедобную на завтрак кашу дадут или нет, «уха» будет на ужин – или всё-таки капуста, тогда хоть чего-то поем... Проклятая, проклятейшая страна, даже выразить не могу, до какой степени я ее ненавижу!!! Страна свиней, мрази и быдла, чтобы ты сдохла, сука!.. Посчитал – в марте, хоть теперь и почти десять тысяч наберется, если с сентября 2016 считать, – один раз на 14, другой на 22 (!) дня надо будет разом

закупить колбасы... А она вечно просроченная, портится, протухает, пакеты вздуваются, холодильника нет... Суки, будьте вы прокляты, прокляты за всё это, за всё, за всё!..

18.2.17., 7-35

Опять погнали в баню первым с самого подъема, слава богу. Тазик тоже был, ура! Из СУС-овской бани доносятся звонки, – там тоже полощутся во вторник и субботу...

Что еще сказать? На завтрак – поганая какая-то каша и черняга. То бишь – без завтрака. Выпил только холодный чай. Вчера эта новость – про магазин теперь «два раза в месяц» – вызвала у меня такой бешеный взрыв эмоций, что я фактически не заметил, как прошел день. Не понимал, что ем на обед; потом с ходу написал большое, на два листа, письмо Вере обо всем этом (а кому еще мне писать; кто поймет?..); потом ужин, – поразительно, вчера впервые за несколько месяцев, наверное – не дали вообще капусту!! После ужина еще написал на целый лист внеочередное письмо матери – тоже об этой беде, о магазине... День прошел незаметно. А теперь – теперь голодные эти, пустые дни, без завтрака, без (нормального) ужина – потянутся еще дольше, еще тоскливее, будут казаться совсем уж бесконечными... Да еще унес я сейчас, когда шел в баню, очередную пачку писем, с января накопившуюся, – они уже еще влезают в торцевой карман баула; теперь до получения новых нечего будет и перечитывать по вечерам, как я порой делал, чтобы скоротать как-то время и заглушить тоску. Голод, неволя и тоска... Голодная тоска – она будет теперь еще тоскливее, еще безысходнее... Не то чтобы я специально этого хотел, но – так уж я устроен, наверное, что вот этот ужин, нормальный, после отбоя, из шести-семи бутербродов с колбасой или ветчиной состоящий, – он был для меня как бы кульминацией всего дня, высшей точкой, к которой я подсознательно начинал стремиться душой уже с середины дня, часов с трех-четырех. А после ужина – можно по-настоящему расслабиться и попытаться заснуть... Теперь две недели на ужин будет какая-то настолько оскорбительная, нищенская ерунда – мякиш обеденной серой пайки с чем-нибудь, что способно хоть как-то заглушить его поганый вкус, – что тоска сдавливает горло при одной только этой мысли. Боже, до чего я докатился, куда я попал, что я вынужден есть, за что мне такое унижение?! – десять лет назад, осенью 2007-го, думал я, давясь сечкой в буреполомской столовке; именно там и с тех пор я навсегда перестал ее есть. Теперь те же мысли – по поводу отвратного хлеба, на который неделями нельзя отныне будет положить даже завалящий ломтик просроченной колбасы... «ЕПКТ», «строгие условия», «строгий режим», – и все эти строгости сводятся к тому, чтобы

издевательски морить голодом, лишив и магазина, и передач, и вообще всего, кроме вонючих каш и черняги! Будьте вы прокляты, суки, придумавшие всё это и засадившие меня сюда, в ваш е...чий ГУЛАГ, – и лишь об одном я мечтаю и прошу судьбу: пусть мне, пока я жив, все-таки дано будет убивать вас лично, своими руками, – за всё, за всё, за всё!..

12-16

Одно к одному... В обед на второе – перловка. Давно не было этого дерьма... Типа «с мясом» – два-три волокнца мяса, остальное – просто некий «мясной» навар, цвет того отвратительного сиропа, в котором эту перловку обычно тут дают. Пришлось залить это дерьмо аджикой (хорошо, хоть ею запасся впрок в свое время!), чтобы запах был поприятнее, да и вкус; соли всыпать несколько щепоток – и лишь тогда есть, и то – исключительно ради «мяса»; пустую я просто вывалил бы в туалет. Вместо капусты теперь опять пошли крупы – овсянка, перловка... – до этого долго бывшие только на завтрак. В ужин, вероятнее всего, будет «уха», – т. е., опять по одному приему пищи в день, как год назад, прошлой зимой...

19.2.17., 5-25

Подняли, суки, чуть свет, четверть шестого...

Вчера был бесконечно долгий, тоскливый, тягучий, пустой день. Сегодня будет такой же. Делать абсолютно нечего. Читать – тошнит, и книги глупые попались, да еще и листы выдраны так, что не поймешь, что к чему. Ждать библиотекаря как манну небесную, – м.б., принесет что-нибудь получше (опять в обед явится?). Тоскливо бродить, сидеть, подперев голову рукой (очень быстро рука начинает болеть); ждать шмона, обеда, ужина, отбоя... День завершится мразью курточником, заглядывающим в «глазок» и через дверь приказывающим мне: «Куртку оденьте!»...

Голодная тоска, – как написал я в письме Вере. Есть нечего совсем, опять начались думы, повезет ли, чтобы каша в завтрак была съедобной, или нет... Но это подсознательные, невольные мысли, конечно, – сознательно-то я глубоко презираю все их каши и прочую помойную снесь. Но всё же – да, не могу не сознаться, что когда был запас еды на неделю, купленный в ларьке, – и чувствовал я себя поувереннее, повеселее; теперь же совсем уж тоскливо и мрачно всё. Да, как ни крути – а жизнь прошла, ничего тут уже не изменишь, не исправишь. Выйду, если доживу, – и опять ничего в этом мире не будет от меня зависеть, ничего я не буду мочь, ничего не будет у меня, кроме аккаунтов в соцсетях да пары сайтов с посещаемость десять человек в день... Жизнь прошла, а итогов ее – нет, впереди только одинокая старость. Иллюзии развеялись. Мне давно не нужна эта жизнь, я не нужен сам себе – побежденный, проигравший, униженный, втоптаный в дерьмо;

не нужен, а деваться от себя мне некуда, умереть же – никак не хватает духу. Странная мечта, да :) – найти наконец в себе мужество для самоубийства!.. Умереть по собственной воле и по собственному выбору... Но каких только странностей не бывает в этом мире, – никакая фантазия их не выдумает. Абсолютно бессмысленно всё, что со мной тут происходит, все эти потерянные уже 9 (а там – и 12) лет жизни; никуда не ведет эта дорога. «Через тернии – к звездам», – а тут одни тернии, без звезд... Было – и прошло, и никому ты не нужен, для всех ты чужой, сколько бы ни просидел, что бы ни написал. 45 лет – и уже поздно начинать новую жизнь, а от старой ничего у тебя не осталось, она прошла как сон... 30 лет назад как раз учился в школе – и всё загадывал порой, какое оно будет – будущее. Не зная точно, какое именно, – все-таки верил, что оно будет у меня счастливое, что всё будет хорошо... И вот – оно наступило, это таинственное тогда будущее, оно стало настоящим, сбылось, – и я с недоумением думаю: стоило ли жить, мечтать, стремиться к чему-то – чтобы дожит вот до такого будущего. Рухнули мечты, остался я у разбитого корыта – и с недоумением оглядываюсь вокруг: что же теперь? Да ничего, – одинокая, бессильная старость, прозябание и смерть. Вот чем всё кончилось. Я проклинаю свою жизнь и день своего рождения...

18-55

Когда в чем-то бываешь уверен – обязательно обманываешься. Библиотекарь так и не пришел. По крайней мере, не подходил ко мне, но – по-моему, его и вообще не было, я б услышал. Что ж... Сидел, читал весь день, – все-таки переломил себя, и книжка пошла, да еще и на завтра останется. В целом день прошел побыстрее, и чуть повеселее, чем вчера (хотя какое уж тут веселье...). Даже баланда вся, за исключением черняжной горбушки утром, оказалась съедобная. Тоска, конечно; но что ж поделать? Голодная тоска... Что я буду есть по вечерам, когда кончится майонез?? Тошно даже думать об этом, хотя порой я с чего-то вдруг начинаю подбадривать себя мыслями типа проповедей Христа: «будьте как птицы небесные: они не жнут, не сеют, а господь их кормит»...

Завтра – понедельник. Чего ждать? Неделя короткая: всего три первых дня, а потом – мраздник (праздник мразей) 23 февраля – и за ним три выходных. Успеют ли они за три дня взять у меня заявление об адвокате и послать свои бумажки в «суд»? За всеми этими местными бедами (голод и пр.) я стараюсь не забывать, что всё равно скоро (относительно скоро) ведь увезут отсюда, начнется АД – хотя как минимум полгода, благодаря Роме и Глебу, удалось нам отвоевать у него. Здесь унижение – голод, там будет – битье... :(((

Ну и – самое мерзкое – сейчас, в отбой, явление хари мрази курточника в «глазке». Лично убил бы!..

20.2.17., 5-27

Тоска, тоска, тоска... 1001 день остался, – но радости нет. Раньше, со своими припасами в железном бачке, я был все-таки более независим, чувствовал себя поувереннее. Теперь же, когда не осталось у меня ничего, кроме аджики и бульонных кубиков, – увы, снова остроактуальным стал для меня вопрос: будет ли каша на завтрак съедобной – или ее придется вывалить и шесть часов, до полудня, ждать обеда голодным, на одном чае? Раньше, в начале срока, да и тем сроком еще, – бывало мне по утрам так тошно, тоскливо, так невыносимо, что и есть не хотелось, не лезло ничего. А сейчас вот – и тоскливо по утрам так же, но при этом хочется есть, – когда с самого подъема (если ужин был хилый, как вчера и позавчера), когда попозже. Опять сидеть, ждать шмона, надев на себя, чтоб не забрали, всё теплое, что есть, а потом, после десяти, – прислушиваться к их беготне, крикам и звяканью ключей в коридоре: не идут ли сюда, не настала ли пора писать очередное заявление в «суд», не очередная ли провокация для будущих «крестин». Между прочим, если, по словам Ромы, они не могут дать мне ЕПКТ, пока не закончилось прежнее, – значит, дадут ПКТ; а это означает, что каждый раз, как по графику утренних шмонов у них будет идти шмон ПКТ – они будут влезать ко мне, как с недавних пор начали и в 5-ю, когда в нее переселили ПКТ-шника из пристройки. ЕПКТ у них массово сидит в конце коридора, по несколько человек в камере, – и они, когда шмон в ЕПКТ, сразу идут туда, ко мне не лезут (слава богу, уже пятый месяц вообще не открывали даже дверь, а чтобы сюда еще и зайти шмонать – через три дня будет ровно полгода, с 23 августа). А ПКТ у них как-то рассеяны по коридору, да и мало их, видимо, – и эти мрази будут выворачивать и забирать тут всё подряд...

Вот и прошла 144-я неделя до конца. Были на ней только газеты и журнал – 14-го, во вторник, как раз в день приезда ребят, – впервые вообще за весь месяц. Остальное же – ни магазина, ни библиотеки (так и не пришел вчера), ни писем, ни психолога (газовщик пропустил уже целых три недели, – хотя, конечно, на фиг он мне нужен...). Едва ли, мне кажется, письма принесут и за эти три рабочих дня, а значит – к следующему понедельнику их не будет уже три недели. А если и принесут – успею ли я ответить на все, чтобы их отправили еще в рабочие дни?

Рубеж почти достигнут – а радости нет... 1000 дней тоже надо как-то прожить. Через пять месяцев – треть срока...

6-45

С завтраком я угадал: оказалась дерьмовая каша с чернягой...

21.2.17., 6-33

Неслыханные чудеса! :))) Во-первых, быдлотатарские вертухайские ублюдки повели м меня в баню ПЕРВЫМ, сразу после подъема, чего они не делали никогда за все годы моего здесь сидения, – всегда начинали с дальнего конца коридора! Во-вторых – еще поразительнее: старший из этих двух недочеловеков, непременно требовавший, чтобы везде и всюду, включая и баню, я, выходя из камеры, надевал робу, – сегодня не сказал про это ни слова! Я, конечно, не стал ему напоминать, пошел в свитере – и теперь думаю: а может, это была специальная провокация – «нарушение формы одежды» – чтобы наконец навесить мне новое ПКТ взамен кончающегося ЕПКТ? Очень может быть... Но теперь магазин – главное, чего лишали меня при ШИЗО – стал так эфемерен, что и я ШИЗО их совсем не боюсь, не то что ПКТ. На «крестины», конечно, не пойду.

Еще новости: это же косоглазое животное, когда я, убрав банный пакет в баул, выходил из каптерки, вдруг спросило: «ВСЁ» ли я убрал, – и при этом конкретизировало: «мочалку и станки». Ну, станков они боятся, я давно знаю, но мочалку – это что-то новенькое за все почти полтора года моего нынешнего тут сидения. Когда-то, еще в 2014, когда я отбывал тут первые «пятнашки» ШИЗО, мне не давали мочалку в камеру после бани, – приходилось оставлять ее сохнуть в каптерке, рискуя, что она пропадет. Но с тех пор я всегда заносил ее в камеру беспрепятственно. Слава богу, что по возникшей еще с тех пор привычек я всегда кладу ее на самое дно пакета, под полотенца, – так что когда косоглазое чмо заглянуло в тот пакет, что я нес с собой в камеру, – мочалку оно не увидело, а рыться не стало.

На завтрак гречка, густо сваренная «на молоке», – неслыханная роскошь! :))) – и горячий, приличного вкуса чай, что еще более поразительно.

Что ж, вот и осталось мне ровно 1000 дней. Первый большой рубеж этого года – взят! Дальше – июль (2/3) и декабрь (100 недель). Радости особой, увы, нет. 1000 дней – это все-таки еще страшно долго, два года девять месяцев, хотя издали, из 2016 и тем более 2015 года казалось – вот дожить до 1000 дней, а там уж – скоро домой!..

«Крестины» у мразей состоялись вчера по старой традиции – днем, причем достаточно рано – в третьем часу, а не по новой традиции – после ужина. Меня, слава богу, не тронули, но – я всерьез ждал. Что-то же надо им со мной делать, ЕПКТ кончается! Хуже всего, если решат выпустить временно в СУС... После «крестин» принесли свежие газеты и журналы, так что чтения хватит и на сегодня – если не на весь день, то хоть на половину. Слава богу: читать – и забыться, не думать, где я, что меня еще ждет и когда

же всё это кончится...

22.2.17., 10-30

Доканал меня все-таки этот урод Землинский, доканал... Он, оказывается, и начальнику зоны прислал письмо о том, что на почте тут со 2-го февраля лежит его книга для меня – за 927 рублей наложенным платежом. Сейчас, после шмона, выдернули писать доверенность на получение этих денег. Сидит за столом какое-то жирное чмо по фамилии Колыванов – и.о. начальника ШИЗО (мразь Безукладников всё болеет, чтоб он сдох!). Пишу стоя, даже сесть не предложили, – и тут вертухай, выводивший меня из камеры, спрашивает, где, мол, роба. Когда выводил – ничего не сказал, а тут – вдруг докопался. Вы, мол, обязаны... и т.д. и т.п. по их сраным правилам. И под конец спрашивает: «письменное объяснение будете писать?» по поводу робы. То бишь – или сегодня, или в понедельник, 27-го, опять 15 суток выпишут (а м.б., и ПКТ). Ну, жрать нечего – это ладно, магазин всё равно что фикция. Хуже, если руководить тут рассадкой будет не отсутствующая мразь Безукладников, а вот это жирное чмо – и решит забрать у меня всё. Еды нет, кроме приправ, – но может отнять и их, и бумаги, и ручки, и блокнот... Не угадаешь, когда и прятать-то всё это, не говоря уж – куда...

Нет воды – опять где-то за зоной авария, хотя с самого утра, в подъем, вода была. Опять, как в прошлом марте, до завтра будут чинить?

Вчера после обеда принесли наконец письма. Похоже, сыграло роль то, что я в двух отданных еще днем раньше письмах написал, что две недели уже не несут. По четыре от матери и Землинского, два от Майсуряна, одно от Григорьянца, новогодняя (!) еще открытка от Шесткова из Берлина, от малознакомой мне Манацковой из Москвы письмецо, от Йонатана... И – практически никаких хороших новостей во всех письмах; а плохих – старая уже новость, что Олег Васильев (Серое Фиолетовое), оказывается, вместе с какой-то женщиной приехал из России (имея убежище в Финляндии) в «ДНР» – решил, мол, там какую-то акцию от имени ЛГБТ-сообщества провести. Нашел где, идиот! Ну и – пять дней его никто после этого не слышал, не выходил уже на связь из Донецка. Хотя кто-то из местных узнавал – ни в МВД, ни в МГБ «ДНР» его нет. Короче, пропал. Но – это новости на момент отправки писем, а нашелся ли он сейчас – не знаю, и Глеб с Ромой мне, когда приезжали 14-го, не сказали ничего...

В общем, 999 дней осталось, быстрее пошло дело к концу – а всё равно тошно. И сейчас уже жрать нечего, а если 15 суток дадут – значит, до 14 марта, только 17-го – что-то купить поесть. Да еще эти 927 рублей могут вычесть из «разрешенных» в феврале 5000 руб. Ну да ладно, хоть что-то куплю. М.б., если досижу до середины апреля, приедут Вера и Феликс на свиданку,

привезут передачу. М.б., хотя едва ли, в Киеве таки выпустят брошюру к 1 марта, – это бы порадовало меня еще больше, чем наладившееся питание. Особенно же выбивают из колеи вот эти внезапные подлые западни, – сперва не сказать про «куртку», потом докопаться, и вот ты уже полмесяца вообще без всяких прав, сидишь, как дурак, ждешь каждое утро шмона (слава богу, пятый месяц не заходят). В общем, будь он неладен, Землинский, со своей книгой, – тем паче, только утром сейчас я в письме ему написал, что книгу эту мне так и не вручили, – и письмо это уже отправил, специально стучал в дверь, чтобы до девяти утра забрали...

15-22

Ну мразь, ну ублюдки!.. Пробу негде ставить... Открывается сейчас опять дверь – стоит тот вертухай, что не так давно принес мне новый свитер, говорит: «Встаньте, представьтесь!». А в чем дело? – не отвечает. Смотрю, а рядом с ним, чуть дальше, мразь Чертанов стоит. И начали вдвоем: вы должны доклад... почему в камере без куртки х/б... и т.п. То бишь, если та смена, с доверенностью, на меня и не написала донос (что едва ли) – теперь-то уж 15 суток обеспечены, вот только не знаю, сейчас или в понедельник. Ну, и под конец эта мразь спрашивает: «На беседу пойдете?». Конечно, тут уж я отказался наотрез. Самое же обидное и смешное, – что и тут опять будет не ПКТ, а ШИЗО, – так и будут мотать нервы «докладом» и «формой одежды», два безотказных козыря у них, до самого конца...

18-18

Воду все-таки дали сегодня, – вскоре после обеда.

Сейчас на ужин сожрал целую тарелку... крупки, густо сваренной, приправив ее аджикой так, что жгло во рту. Зачем жрал эту дрянь – не знаю и сам, если честно, :) Как говорится, пропадай моя телега, все четыре колеса...

«Крестин» нет. Значит, видимо, будут в понедельник, 27-го. «Пятнашка» – до 14-го, как раз 140 недель останется.

Мне наплевать на них, абсолютно наплевать! Со всеми их ШИЗО, куртками, докладами и прочим дерьмом! Они – подонки, слизь, дерьмо собачье, не люди, людьми я их категорически не считаю! Мне осталось уже не так много, дело идет потихоньку к концу – и они не смогут сломать меня, как бы ни старались, что бы ни делали. Я плюю вам в рожи, ублюдки вертухайские! Жрать всё равно так и так нечего, даже майонеза осталось максимум на два ужина (с хлебом), а дальше – что ШИЗО, что просто так голод, мне плевать. Немного дольше придется поголодать, – подумай! Мне не впервой...

Паша Люзаков еще в конце января приписал к майсуряновскому письму,

что ответ мне отправил, но... месяц прошел, а ответа нет. :(А от Мани – поймал себя на мысли – я писем уже и не жду, как не ждал с января по август 2015 г. Пусть живет как хочет и с кем хочет...

В СМИ пишут, что белорусскую границу сделают визовой. То бишь, мне не выбраться и там. Кстати, Горильская тоже не отвечает на мои письма, что ей пересылал Майсуриан.

23.2.17., 6-37

Опять без завтрака: говённая каша и черняга. Эх, пусть бы эту мразь Россию по ветру, уничтожить, разметать – со всеми ее ракетами, трубопроводами и пустыми деревнями!.. Просто аннигилировать, в пыль, чтобы и воспоминания не осталось от нее!..

У мразей праздничек – День Оккупанта. Радио прямо заливается по этому поводу...

12-26

Итак, сегодня прекрасный день! :) На завтрак – какая-то поганая каша; в обед на второе – перловка в слизи! То бишь – я на одном супе (щи) с девяти вечера и до шести вечера сегодня (ужин). 21 час... А если на ужин будет «уха» или еще какое-нибудь дерьмо – то сегодняшний день может стать самым голодным днем 2017 года; в 2016 таким был день 23 января.

19-47

Нет, на ужин была пшенка (с морковкой!) и даже белый/серый хлеб ДОВОЛЬНО СВЕЖИЙ! Съел, хоть на вкус он и отвратный, как обычно, если есть его без всего.

Мать в последнем письме – в ответ на мои размышления о жизни и будущем – пишет, что, мол, я, как и все остальные, «маленький человек» – и потому не могу претендовать, чтобы в этом мире от меня что-то зависело. Утешила, блин, спасибо! Порадовала, будь ты неладна!.. Удивительно уместно это у нее получилось, чувство такта вообще никогда, похоже, не было ей знакомо. :(И там же она пишет (тоже в ответ на моё), что, мол, если желания не совпадают с возможностями – так обстоит у большинства людей и надо, мол, смириться.

Письма все прочитаны по многу раз, ответы написаны, пресса дочитана тоже, книг нормальных нет – и от целого дня вынужденного безделья я устал под вечер сильнее, чем устаю от целого дня работы (писания писем) или чтения. А сейчас еще и мразь курточник явится на отбой – муштровать меня, и верные 15 суток грозят в понедельник...

Оголодал уже до того, что несколько раз за вечер приходила мысль: какой сказочной роскошью была бы сейчас большая плитка пористого горького шоколада, если бы она вдруг откуда-нибудь смогла попасть ко мне в

камеру...

998 дней осталось. Это еще очень много, уввы. :(Кончится ли когда-нибудь этот маразм?..

24.2.17., 12-48

Уродец дневальный стер сейчас с пластмассовой таблички на моей двери в коридоре надпись «ЕПКТ». Говорит (вертухаю, спросившему, что он там стирает): мол, ЕПКТ у него кончилось, у него пошли «сутки». Ну да, так называемые «ДПНК-овские сутки» – дни, на которые могут закрыть в камеру до «крестин»; самое гнусное, что в срок суток ШИЗО они потом не засчитываются (хотя, несомненно, должны). То бишь, как положено по их же УИКу, засчитать все мои ШИЗО за год они не засчитали, с ними у меня конец ЕПКТ был бы только в апреле. При этом вертухай, видимо, сказал дневальному, что, мол, пять суток, – на что тот ответил: «Не 5, а 15». Знает заранее, что дадут 15 в понедельник? Напишет, сука, на этой пластинке на двери: «ШИЗО» – и мрази будет все эти 15 суток заходить ко мне по утрам шмонать? Не дай бог, это было бы ужаснее всего! А с другой стороны – какой смысл им давать мне ШИЗО, когда уже кончилось ЕПКТ – и смело можно давать новое?! Ублюдки, будьте вы прокляты!.. Мрази, нечисть, слизь...

25.2.17., 7-00

Бред какой-то... В баню погнали опять с самого подъема, причем буквально: не успел матрас выкинуть – даже дверь не стали закрывать. Смена оказалась не быдлотатарских ублюдков, которая должна была вчера заступать, а – следующая за ней, белобрысого упыря, но – опять без самого упыря. Видимо, в отпуске и упырь, и теперь вот еще косоглазые ублюдки, – и дай бог не видеть их всех подольше, а лучше – никогда!..

Так вот, выхожу – и вижу на этой пластмассовой табличке на двери – не только «ЕПКТ» стерто, но и написано маленькими буквами и в скобочках: (шизо). Типа, еще не совсем ШИЗО, но – точно ожидается. Ах ты, думаю, ублюдок (дневальный), как ты торопишься! Знаешь, видимо, всё заранее...

Помылся быстро, даже еще до завтрака минут за 15 успел зайти в камеру. Когда вертухай открыл мне дверь (и, удачно, это был не тот урод, что третьего дня выговаривал мне за «куртку» и спрашивал «объяснение»), я спросил у него: почему у меня на двери написано «ШИЗО»? – и упомянул, что последнее ШИЗО у меня кончилось в январе. Он, на секунду задумавшись, изрек: мол, это дневальный забыл стереть (хотя дневальный это как раз вчера и написал). Тогда я, не долго думая, послюнил палец и стер сам. И вертухай этот добавил: у вас, мол, «ешка» идет.

То бишь – или дневальный откуда-то знал вчера, что «ешка» закончилась и что в понедельник дадут ШИЗО, – или же «ешка» всё ещё идёт, как считает

этот вертухай. А вопрос важный: вчера после обеда долго я сидел, изучал УИК – и вычитал, что, оказывается, во время ПКТ могут дать ЕПКТ, как со мной год назад и было; а вот во время ЕПКТ – ни ПКТ, ни ЕПКТ давать нельзя, только ШИЗО! А того, что я искал – о том, что ШИЗО, даваемое во время ПКТ/ЕПКТ, в них не засчитывается, за счет чего они удлиняются, – так и не нашел, хотя точно помню, что читал об этом давно, чуть ли не тем сроком, да и Рома в последний приезд подтвердил.

То бишь – что же они мне в понедельник дадут, ЕПКТ или ШИЗО? Или то и другое (если доноса есть аж два, один – за «куртку» утром, второй – от мрази Чертанова после обеда)? И, значит, если не кончилась старая «ешка», то они не могут дать новую, – но, с одной стороны, Рома подтвердил, что «ешка» удлиняется за счет ШИЗО; а с другой – что, дневальный вчера самовольно, от балды решил, что ЕПКТ у меня кончилось и его можно стереть с двери? Вряд ли это чмо настолько самостоятельно, – одно стереть, другое написать... Бред какой-то, путаница... Но, разумеется, я готовлюсь к самому худшему: дадут ШИЗО, 15 суток (дневальный же вчера сказал, что не 5, а именно 15!), этот ублюдох-аккуратист радостно напишет на двери: «ШИЗО» – и мрази будут все эти дни заходить ко мне со шмоном по утрам. Они вынесут всё – от остатков еды до ручек, бумаги и конвертов, книги, вообще всё... Оставят мыло, туалетную бумагу, кружку и (дай бог!) ложку. Вот это будет настоящая катастрофа...

Вообще, конечно, я не раз уже думал, что не стоило бы забивать этот дневник пророчествами, предчувствиями, прогнозами, гаданиями о том, как что будет и как может быть. Надо бы писать о фактах, о событиях, УЖЕ произошедших, а не пророчить тут... Но что ж поделать, если событий в одиночной камере мало, а прогнозов, предчувствий и размышлений с прикидыванием и просчитыванием вариантов не просто много, а – фактически только ими одними и занята моя голова?! Ни о чем другом, как только о будущем, о том, что со мной будет – хоть в понедельник, хоть после освобождения – я не могу думать, если только не читаю или не сплю... Так уж непутевая моя жизнь сложилась, и дневник этот – единственная моя отдушина в этом аду, единственная возможность все эти бешено скачущие мысли причесать, сформулировать, оформить, выплеснуть на бумагу – и становится на душе чуть-чуть легче. Или – еще аналогия – как в зеркало посмотреться, увидеть себя со стороны, всего и сразу. В Буреполоме тем сроком – я давно это понял, еще, наверное, там же – дневник спас меня, он служил мне единственной отдушиной, средством разгрузки психики, – а в том аду, 24 часа в сутки среди уголовников, было похлеще, чем здесь... Вот и пишу о том, от чего меня трясет, колотит, от чего я не могу спать (сегодня

проснулся без 15-ти три – и всё; лежал, думал, что, наверное, дадут в понедельник, 27-го, новое ЕПКТ – и после этого опять затеют «суд» о переводе на тюрьму); короче, это зеркало, отражающее, как я схожу тут с ума от неизвестности и предчувствий. Есть, конечно, еще письма; но – и пишу я их всё же не каждый день (а получаю – еще реже), и – понимаю, когда пишу, что, в общем-то, никому из адресатов не нужны эти мои признания и откровения, даже матери; да и – все-таки их читает цензура, всякая нечисть вроде мрази Чертанова, мои письма (к Майсурияну некоторые теперь идут уже не один месяц, а два, – возможно, изучает их и ФСБ); так что дневник остается единственным неподцензурным, свободным, полностью аутентичным – и зеркалом, и отдушиной, и источником облегчения для моей несчастной души...

18-40

Почитал сейчас старые ПВР (новых у меня до сих пор нет). Нашел: да, это именно там говорится, что ШИЗО не засчитывается в срок ПКТ/ЕПКТ. Не знаю, сохранено ли это в новых ПВР, но думаю, что да – и, значит, в понедельник у меня 100% ШИЗО!.. :((

Но гораздо важнее другое. Нашел – и вспомнил, что я это уже читал, но забыл: в старых ПВР тоже сказано, что закупки продуктов для ПКТ/ЕПКТ – два раза в месяц!!! То бишь, это не нововведение: всегда был в ПВР этот пункт – а я год покупал себе еду по четыре и пять раз в месяц – и никто мне слова не говорил! Мразь какая-то решила вдруг не подписать мне заявление, вспомнила, что формально два раза в месяц. Обычно-то подписывала мразь Безукладников – и он сам год назад сказал мне, что, мол, магазин раз в неделю. Какие мрази, а?! – избирательно применяют против неугодных свои правила; подвох, западня, – всё время еженедельно брал, и вдруг бац! – и два раза в месяц по ПВР!.. Мразь, какая мразь!..

То бишь – если еще какое-то время пробуду тут – что делать? Наверное, подавать опять заявления каждую пятницу – авось их будет подписывать мразь Безукладников, а не та мразь, что не подписала в тот раз (даже подписи там нет, увы, – не знаю, кто это был). Это – единственный разумный выход: ну не подпишет – так не подпишет, но это лучше, чем пытаться набирать колбасу на 2-3 недели вперед, чтобы она тут портилась...

На ужин дали вдруг четвертушку луковицы, – впервые за очень долгое время, чуть ли не год, уж полгода-то точно. Только вчера или сегодня я думал, что эти суки даже лука не дают, – и вот, пожалуйста! :) Но – четвертушку всего, уж по половинке луковицы не осилили дать. Придется и это использовать, – с хлебом на ужин; бутерброды с луком, охренеть! Впрочем, это немногим хуже, чем бутерброды с майонезом... Поем сегодня

это счастье луковое, а крохотный остаточек майонеза в пачке оставляю на завтра...

Вот так вот бывает: ищешь одно – находишь другое. Что, если б я не полез в старые ПВР и не прочел про магазин? Голодал бы и без ШИЗО, и при наличии денег? Впрочем, поголодать еще придется все равно... :(

26.2.17., 18-48

Завхоз сейчас сказал в коридоре моему соседу, из «пятерки», о чем-то скандалящему и колотящему в дверь, что он (завхоз) уходит через месяц домой. Поэтому я не стал стучать и звать его, чтобы спросить (как хотел сначала), кто это написал в тот раз на моем заявлении, что магазин два раза в месяц. Если меня не увезут, то перспективы мрачные: он уйдет домой, новым завхозом станет нынешний баландер – омерзительно грубое и злобное животное, типичный представитель этого русского свинобыдла, тупой биомассы. И с магазином я буду зависеть еще и от него – а у него хрен чего спросишь, хоть про заявление, хоть по списку...

После обеда принесли вдруг три письма: от Землинского, Мананникова и Йонатана. Странно, что нет от матери – неужто с 10-го числа не писала она больше писем, она же каждые три-четыре дня их пишет? Что там с ней, жива ли? Йонатан отреагировал на сообщение в прошлом письме, что я тут фактически голодаю: мол, прислать тебе 20 кг. еды – не проблема, но пропустят ли? Нет, конечно; и ясно, что их благотворительная организация не имеет никаких рычагов заставить лагерное начальство принять хоть что-то вне лимита... :(

Мананников вернулся в Москву из Таиланда, где был почти три месяца и откуда присылал мне прошлое письмо. Пишет, что там, особенно в смысле климата, – рай, поэтому не думаешь о смерти: в раю ведь смерти нет; тогда как под низким хмурым московским небом сразу ощущаешь, как брэнна и коротка жизнь. Да уж... Ему-то уже 61-й год, он на 18 лет старше меня. Я тоже это очень ясно ощущаю, особенно тут, в этой камере... А рай этот... побывать бы в нем хоть разок, посмотреть, какой он – рай...

Ну что ж. Завтра что-то будет. Тяжелый день предстоит. Наверняка 15 суток (и месяц голодовки, и дай еще бог, чтобы без выноса вещей завтра же и без шмона за все эти 15 дней (утр) обошлось!). Хорошо еще, что принесли эти письма – и, пользуясь случаем, Мананникову и Землинскому я написал, что грядут 15 суток, и попросил матери и всем прочим (друзьям) сообщить. Дай бог, чтобы это оказалось всё же ЕПКТ, а не ШИЗО. Читать нечего, есть нечего, делать нечего, единственное развлечение – по вечерам перечитывать недавние (за февраль) письма...

27.2.17., 7-35

Вчера в отбой открывается сперва «глазок», потом дверь – и опять стоит на пороге мразь курточник, и опять командует: «Куртку наденьте!». Я был сильно изумлен: как же это он теперь – и домой не уходит, вторые сутки подряд тут торчит? А сейчас уголовник-скандалист из «двойки», бывший недолго моим соседом в «пятерке», идя из бани, говорил в коридоре кому-то – и самому курточнику тоже: оказывается, курточник проиграл быдлотатарской смене в карты (!) – и работает тут, по словам этого уголовника, уже пятый день! :)))) Ну, насчет пятого – это явное преувеличение, всего два отбоя подряд я его здесь видел, вчера и позавчера; но сама история похожа на идиотский анекдот! Вот почему обоим косоглазых в свой день не было – а я-то думал, что они в отпуске (забыв, что обоим сразу отпуск одновременно не дадут). Интересно, сколько еще дней эта долговязая нечисть тут проработает? И как смотрит на разыгрывание работы (дежурств) в карты лагерное начальство?..

Сегодня что-то будет; я весь в ожидании. Шмон, обед, а потом – «крестины»!!! :))) Ну что ж, я готов... послать подальше тех, кто явится меня звать на них!

19-15

Тишина. Не было сегодня «крестин». Зря только готовился... Мразь Безукладников вышел с больничного. Видимо, «крестины» завтра. 14-го, когда приезжали ребята, – тоже ведь был вторник – и были «крестины», пока мы разговаривали. С утра завтра могут опять погнать в баню, а потом – опять ждать... 995 дней осталось... Будь проклят этот ГУЛАГ и эта страна!..

28.2.17., 17-40

«Крестин» не было и сегодня! :) Причем легче обошлось: еще где-то часа в три вертухай в коридоре на вопрос из какой-то камеры решительно ответил: «Крестины»? Нет!». Хоть не ждал до сих пор, не парился в трех одежках (чтоб не забрали, если что).

Но – это уже становится критичным. Если они таки выпишут мне «пятнашку» завтра, в среду, – то окончится она 16-го, в четверг. Как раз на следующий день – пятница, магазин (после месяца на баланде!). Если протянут еще день – то конец срока как раз в пятницу, то бишь – хоть в этот день и кончается ШИЗО, но – или заявление не подпишут, или сюда жратву занести не дадут до самого вечера. Короче, плюс еще одна неделя голода тогда, до 24 марта. Ну, а уж если «крестин» не будет до пятницы (что едва ли) – то я с утра отдам заявку на магазин, – а ну как успею отовариться до «крестин», которые после обеда редко раньше трех-четырех бывают, а то и после ужина?!! :))))

Утром, как я и думал, в баню опять погнали прямо с подъема, первым,

слава богу!

Завтра уже весна. Можно надеяться, что я пробуду тут как минимум до апреля, если опять начнут упекать на тюрьму (жду этого всё время, не забываю). Ну, а уж до самой тюрьмы этап после апелляции – тогда летом, в июне-июле (но дай бог всё же, чтоб его не было!) Летом всё же легче ездить этапом; надену на себя старую свою (2005 г.) джинсовую куртку и мокасины, телугу – на баул, в «столыпине», если долго ехать, ею можно накрываться (если удастся лечь, конечно). А о том, что там в Киеве с брошюрой моей, будет ли завтра обещанная презентация, или же (скорее) так и не сделали ничего, – я узнаю, дай бог, недели через две, когда или письма от матери принесут за начало марта, или, м.б., приедет кто. Так же как до сих пор не знаю и о судьбе Серого Фиолетового, который (-ое :), писал Миша Агафонов, обещал для этой брошюры (если я верно понял – то именно для этой, а не для украинского сборника) написать предисловие. Дай бог, чтобы он был жив и всё закончилось для него благополучно!..

МАРТ 2017

1.3.17., 17-25

Приходили только что мрази – опер и Безукладников (опера не знаю), – звали на АДМИНИСТРАТИВНУЮ комиссию. Не дисциплинарную, а именно административную. То бишь – не ШИЗО, не ЕПКТ, а перевод на тюрьму, четвертый заход? Три были без комиссий. Похоже, кончилась моя передышка в полтора месяца... :(((

С другой же стороны, из бани водят как обычно, хлопают дверью. Ничего толком не известно, но ходить на их «комиссии» – нет уж, дудки!

2.3.17., 5-35

На сей раз эти мрази в погонах превзошли самих себя: вчера они и не подумали ознакомить меня с постановлением своей «комиссии»! Немного поразмыслив, я решил: не может быть, чтобы она была одновременно административной для меня – и дисциплинарной для всех остальных; а между тем – начали-то они с меня, а потом уголовнички, как всегда, бодро высказывали из бани с криками: «5 суток!», «15 суток!» и т.д. Когда на отбой пришла мразь Панин (курточник) – спросил его, почему не познакомили. На секунду на его гнусной харе промелькнула растерянность, но затем он собрался с мыслями и начал как попугай повторять: «Вы не пошли к начальнику» (как будто это освобождает его от обязанности ознакомить меня под роспись с бумажкой от начальника!), а на все мои дополнительные вопросы – мол, как же все-таки с постановлением? – «Берите матрас!».

Поскольку ни на что мягче 15 суток ШИЗО я и не рассчитывал – мне, в общем-то, наплевать, что они там вынесли, – если бы только не магазин. Шмонать, слава богу, тоже не стали, – но хорошо бы знать заранее, сколько именно дней утренние шмоны угрожают мне выгребанием вообще ВСЕГО, включая бумагу, блокнот и пр. Спрашивать вертухаев из других смен – унижительно, как унижительно было вчера спрашивать и мразь Панина, а еще унижительнее – получить от него такой вот «ответ». Короче, ничего умнее я не придумал, как – подать завтра, в пятницу, заявление на магазин! :)) М.б., мне при этом сразу скажут, что, мол, не положено, у меня ШИЗО, и тут-то можно будет уточнить, сколько именно суток, и потребовать постановление. А м.б., напишут что-нибудь такое в резолюции и вернут. В общем-то, я ничего от этой подачи не теряю, кроме листа бумаги.

Ровно год назад, с 29 февраля 2016, тоже было 15 суток ШИЗО – и голодовка. Сейчас уж я, конечно, не стану ее объявлять: ни сил нет, ни смысла. Тот опыт показал, что отменить 15 суток они всё равно ни за что не отменят, – еще бы,

ведь это значило бы «потерять лицо». Тогда, кстати, был первый раз, что при вынесении ШИЗО камеру не шмонали вообще и ничего не забрали. С тех пор прошел год, было еще три ШИЗО – и так и не шмонают. Значит, для меня всё сводится теперь к невозможности купить себе поесть :(, да еще к тому, что баня у ШИЗО в другие дни. Черт с ним, посижу без еды, на одной баланде, все равно деваться некуда...

Соседей моих – того буйного, что в том году приходил брать у меня газеты, и второго с ним – вчера после «крестин» вместе с тумбочками переселили из 5-й в 4-ю (напротив), хотя этот буйный псих, проскандалив полдня, орал потом кому-то, что, мол, «Васильич» (мразь Баяндин) обещал его вернуть обратно в 28-ю. В пятницу же уже ночью, после отбоя, привели кого-то, кто кричал, что он «ДПНК-овский» причем непонятно было: кричал один голос, а нары вчера опускали, сегодня поднимали и нижние, и верхние, – значит, их там двое?..

6-24

Опять без завтрака: вонючая каша и черняга... Между прочим – вспоминал тут – психолог-газовщик не появляется с середины января, числа с 18-го, что ли. Когда 23-го января мне дали пять суток ШИЗО за «беседу» с мразью Чертановым – он уже не приходил, я бы рассказал ему об этом. Да и никто другой из здешних психологов (а там все остальные – женщины) не появляется проведать меня, узнать, «как у меня дела», – а раньше, когда газовщик бывал в отпуске, его хоть отчасти кто-то пытался заменить. Я пишу это не потому, что мне нужны эти паршивые казенные «психологи», упаси боже! – а лишь затем, чтобы показать, как легко вся эта сволочь пренебрегает своими обязанностями (от психологов до вертухаев, не ознакомивших меня вчера с постановлением) и сколько в ней лицемерия, когда она, делая свою работу кое-как, спустя рукава, – требует чего-то от других...

Сюда же относится: газеты и журналы не несут, по-моему, с 20-го числа, сегодня уже десятый день. Письма были недавно, 26-го, и – продолжаю нервничать, почему не было письма от матери.

18-30

Не успел вспомнить – легка на помине, в четыре часа вечера явилась крашенная девица-психолог, та самая, что ровно (завтра) год назад расспрашивала меня по поводу голодовки. Вид ее заставляет вспомнить песню: «Ну что ж ты страшная такая, ты такая страшная!..». На мой вопрос сообщила, что психолог-газовщик уволился, – я так и думал! Обещала, что выдернет меня на разговор в пятницу или в понедельник, – я ответил, что почему бы и не пообщаться, если она хочет, но – уверен, что обманет, не

выдернет, ибо с ее стороны такие же пустые обещания уже были. Посмотрим.

А сегодня у нее не было времени со мной общаться потому, что вскоре должны были начаться... правильно, «крестины»! :) Второй день подряд, и опять всего несколько человек, – уж не могут за один раз... Тупые твари, гондоны, псы!.. Меня не тронули уже, слава богу; впрочем, и о вчерашнем мне сообщить так никто и не удосужился. Написал никчемное заявление на магазин, завтра отдам. Вообще, вчуже это забавно, конечно, и возможно только когда ты уже давно сидишь на одном месте, к тебе все привыкают и перестают замечать: эти ШИЗО я практически не ощущаю, если не считать запрета на магазин. В другую камеру не пересаживают, а в этой я ЖИВУ (если это можно назвать жизнью) уже скоро полтора года, в ней мне никакое ШИЗО не страшно. Вещи тоже не забирают, как в 2015-м, шмоны (тьфу-тьфу-тьфу!) не заходят, никто меня тут не трогает, – то бишь, что есть ШИЗО, что нет его, один хрен. А когда пять суток ШИЗО в том, прошлом апреле дали сразу после передачи, и весь железный бак для воды был забит едой, и ее никто не забирал и не трогал – вот это была красота!.. :))) Уверен, что мне дали вчера не меньше «пятнашки», но заметил, что новый начальник чаще, чем прежний, дает и по пять суток, судя по крикам вновь посаженных в коридоре.

3.3.17., 7-12

Заявление на магазин не понадобилось. Мелкий бес (тот самый – маленького росточка и уже пожилой – ублюдок-вертухай, что 22-го в «дежурке» докопался, почему я без робы) опять в подъем спросил: «В баню идете?» – «А почему сегодня?» – «ШИЗО.» – «И сколько суток?» – «15.» На сборы в баню он дал мне пару минут, ушел – и заявление я тотчас порвал.

То бишь, всё как я и думал, как успел в воскресенье, 26-го, написать домой, друзьям, через Землинского и Мананникова (надеюсь, хоть один да передаст), – только не с 27-го, а с 1-го марта «пятнашка» эта. Мрази, напалмом бы вас всех сжечь, всю эту путинскую нечисть, выродков, отребье, недочеловеков, и в погонах, и без, тюремщиков, ментов, чекистов!.. Теперь, значит, жрать до 17-го нечего совсем, – хорошо, что остались три пачки стуженки, мазать ее понемножку на хлеб по вечерам, да еще хватит ли ее до 17-го? – и если не заберут на шмонах, еще ведь 14 утренних шмонов предстоит. Суки, будьте вы все прокляты со своими ШИЗО!.. Правда – посмотрел сейчас, идя в баню – на дверях пока «ШИЗО» не написали. Но для шмона это и не требуется, спросят у дежурного вертухая, если что, а то – он и сам им напомнит; и так сидеть, ждать их и прислушиваться, – унижительно, а зная, что сейчас могут ВСЁ выгрести, – унижительно

втройне...

14-40

Очередная насмешка судьбы: на обед – черняга! :)) :(Вот ЕЁ и ешь теперь хоть со сгущенкой, хоть с медом, хоть с бульонной приправой!.. :((И по опыту – черняга будет не один день в обед вместо серого хлеба...

4.3.17., 18-22

Уголовную нечисть, в количестве 2 шт., которую на днях переводили из 5-й камеры в 4-ю, а оттуда потом еще в 10-ю, – вчера вернули обратно в 5-ю через стенку от меня. И вот сегодня эти твари устроили веселье... Перед ужином сидел читал (как и весь день, – наконец-то попалась более-менее интересная книга из библиотечных). Сперва запахло жженой бумагой. Ясное дело, чифир свой варят, – понял я. И только подняв глаза от книги, ахнул: из «дальняка» столбом валил дым!! По звуку (шипение при соприкосновении с водой) судя, они уже утопили весь свой костер в «дальняке» – и дым пошёл ко мне!.. Его было так много – я уж решил, что задохнусь, поскольку окно открыть невозможно, оно высоко и за громадной решеткой, выдающейся коробом в камеру почти на длину руки, а окно еще и в нише. Слава богу, после того, как я набрал в «дальняке» воды и дал ей хлынуть вниз, – дым перестал идти. Но и посейчас его в камере столько, что ясно чувствуется запах и в воздухе плавают дымка, в которой ясно видимы лучи от лампы. Я сразу вспомнил Буреполом, лето 201, когда солнце висело в небе просто этаким оранжевым апельсином, даже жмуриться не надо было, глядя на него, – столько было в воздухе дыма... Но тогда были лесные пожары, а эту газовую камеру мне походя, без предупреждения, устраивает какая-то мразь только потому, что ей надо варить себе чифир... В этом дневнике, сравнительно с буреполомским, всё-таки очень мало об уголовниках – и это просто счастье! Хотя бы от этой напасти – терпеть на себе все их выходки типа нынешней и слушать, кроме как в коридоре, их поганые тупые разговоры – я пока что избавлен, слава богу!

Что еще? На обед дали всё же серый хлеб вместо черняги, – и это тоже по нынешнему моему положению счастье. Значит, сегодня после отбоя начну сгущенку, долго хранимую для кофе где-нибудь на этапе, в СИЗО... Что делать, теперь не до кофе, жрать нечего; кофе со сгущенкой уж буду пить на воле, в Киеве, если когда-нибудь освобожусь и доберусь туда... Мразь Панин (курточник) опять дежурит, – такое ощущение, что он уже через день, вообще не вылезает отсюда – именно этот ублюдок, мерзкая гнида, самый отвратительный из всех здешних вертухаев!.. Опять, значит, в отбой муштра «куртку наденьте!» а если дневальный не вернет утром сданную в стирку наволочку – то сегодня я ее не получу, ибо мразь Панин звать

дневального и вообще ничем мне помогать не будет, – наоборот, он рад мне насолить...

Отвратительно тошно на душе весь день, с ночи еще. Перед подъемом вдруг осенило – и стало окончательно ясно (до этого я все же сомневался), что никакой презентации 1-го марта в Киеве не было, никакую брошюру они не выпустили – и не выпустят никогда! 989 дней еще осталось; бессмысленные мучения, не ведущие никуда, не дающие ничего, не обещающие абсолютно никакой компенсации, никакой награды за всё пережитое, даже после их окончания. Бездарно, бессмысленно прошла жизнь, – замыслов и стремлений было много, а не удалось из них почти ничего; умирать придется никем, как и родился никем. Жизнь прошла... :((Роба у меня стала такая старая, с мешками под глазами, что в бане противно смотреть в зеркало.

5.3.17., 5-24

Как я и думал, сгущенка эта оказалась полным дерьмом: жидкая как вода! Конечно, отвратительный вкус хлеба она худо-бедно заглушает, так что – не всё ли равно; большего от нее и не требуется. Но – поев этой мордовской сгущенки (сделана в Саранске), удмуртских вафель (тоненьких, но при этом жестких, как фанера) и пр. – я не могу себе представить, чтобы в этой стране могло быть выпущено хоть что-нибудь НЕ дерьмового качества...

Воскресенье. Из-за проклятого ШИЗО сегодня могут не подпустить ко мне библиотекаря. Конечно, библиотечных книг лежит у меня непрочитанных еще целых десять штук, но все – барахло; начаты – и оставлены на потом, на такой вот именно случай (или из-за ШИЗО не подпустят, или он сам вообще не придет, как не раз бывало). Прессу тоже не несут с 20-го февраля, – ждут, суки, когда пачка накопится потолще... Письма были уже ровно неделю назад.

Открывали сейчас дверь на подъем – и 2-я, и 4-я камеры пустые, их двери нараспашку. Так что если шмонать сегодня будут ШИЗО – должны или сразу начать с меня (не дай бог!), или же пройти дальше по коридору. Больше всего достают именно эти утренние шмоны, которые и не заходят – но которых каждый день ждешь, униженно прислушиваясь и замирая, когда подходят к твоей двери... А тут еще и ожидание чистого листочка для заявления в «суд» начинает меня тревожить и нервировать всё больше: уже почти два месяца, передышка что-то неестественно затянулась. А чтобы они отказались от этой идеи совсем – я не верю. Это-то хуже всего: хоть бы и отказались, ожиданием и незнанием я мучаю себя сам хуже любой тюрьмы...

19-58

Библиотекарь, по-моему, опять так и не приходил. По крайней мере, около 5-й камеры, где уголовнички от скуки всегда требуют книг, я его не слышал. Вот так и решился утренний мой вопрос: пустят ли его ко мне из-за моего ШИЗО? Жизнь полна таких вот неприятных сюрпризов.

Тоска, тоска, тоска... Апатия такая, что, в общем-то, плевать, есть библиотекарь или нет, да и вообще на всё плевать. На ужин дали пшенку с курятиной – курятины неожиданно много, но в основном кости, их дикое количество. Не знаю теперь, есть ли еще хлеб со сгущенкой. И – занимает голову новый пустой вопрос: погонят ли завтра в баню опять с самого утра или нет? К хорошему ведь быстро привыкаешь, а то всё ждал по целому дню...

6.3.17., 5-51

Нет, с утра никакой бани, – начали с кого-то другого! Никогда у этих мразей не угадаешь (а поднимал меня тот же самый мелкий бес). Еще один бесконечный, как жизнь его проживаешь, 16-часовой день начался, понедельник. Что-то он мне готовит?... 987 дней осталось. Для чего-то я еще жив, только непонятно – для чего?..

19-40

Сидел, читал газеты (принесли утром, перед шмоном – и как раз тут же повели в баню), – вдруг перед самым ужином, около семи вечера уже – отпирают дверь. Сразу почуял недоброе – и, пока отпирали, догадался! Так и есть: стоит за дверью мразь Безукладников – и говорит: напишите, мол, заявление в «суд» насчет личного участия и адвоката...

Вот и всё. Кончилась вторая передышка. Долгой она была: без недели два месяца, а я думал тогда, в январе, что не больше двух недель... Недаром последние дни стала опять всё время лезть мне в голову эта мысль: скоро вывезут тебя, скоро поедешь в АД, не расслабляйся!.. Ад всё же настигает меня – только приеду я туда летом, а м.б., и в начале осени (пока апелляция); а до тех пор – ад кизеловского централа...

Мразь Безукладников, между тем, заявление мое забирать не идет, вот уже почти восемь часов. Видимо, заберет завтра утром, сразу и отвезет в «суд». Пока 8-е марта, 9-го рассмотрят, назначат – через месяц, как обычно. Отсчет уже пошел. Куда же мне деваться, господи?! Будь проклята моя несчастная, никчемная жизнь и вся эта проклятая страна!..

7.3.17., 5-19

Лег вчера в девять, заснул не сразу, проснулся в 12; потом спал еще до трех, но как-то мало, урывками. А с трех – как отрезало! Вчерашняя новость совершенно меня убил, не могу не спать, ни есть, ни жить... Да, всё повторяется, но чтобы ДВА раза?! Опять месяц дикой тоски, мучительных

ожиданий ада, этапа, голода, битья в крытке, навязывающих свои «понятия» уголовников... Опять, опять, опять!!! :(((Что же они со мной сделают, эти мрази?! В январе, в тот раз, казалось: вот дожить бы только до рубежа в 1000 дней, а там уж – ничего не страшно! Дожил... И что теперь? Мечтать о том, чтобы не попасть на «крутку» хотя бы до 18 июля, когда останется 1/3 срока?

Никто, конечно, не пришел вчера, никакая эта крашенная сучка-психолог. Они только знают прессовать, давать всё время ШИЗО и упекать на «крытку», эти мрази, а то, что они обязаны сами делать в пользу эков – этого от них не дождешься, им плевать!.. Еще десять дней ШИЗО осталось (или девять, если сегодняшний уже не считать, – хотя шмон-то еще предстоит!), но теперь для меня всё это разом отошло на второй план – со вчерашнего вечера. Если честно, то я опять в полной прострации, совершенно потерял, растерян, подавлен, убит, раздавлен напрочь, насмерть!.. М.б., очень помогло бы мне сейчас письмо Паши Люзакова, написанное в ответ на моё, где я писал обо всем этом в прошлый раз, в конце ноября, будучи вот в таком же, как сейчас, состоянии (а м.б., и еще хуже). Но – Паша послал его мне еще в январе, о чем сообщил припиской в майсуряновском письме, а оно так и не пришло. Не пропустили, естественно, – не знаю уж, что там могло мразям не понравиться...

Убит, убит!.. Будь всё проклято, и весь этот мир, и этот Путин, ублюдок, со своим режимом, и вся моя несчастная, никчемная жизнь!.. Наступает утро – и для чего-то я опять живой, не знаю, для чего. А как хорошо было бы тихо сдохнуть во сне, – отмучиться – и больше уже не ждать никаких этапов, никакого битья, глумления, бытовых проблем!.. То-то утром мрази колотили бы тут ключами по решетке, видя, что я никак не встаю!.. :)))

Зачем всё это, зачем? Смысл происходящего со мной потерян давно и безвозвратно. Для мучителей мучить – это их профессия, они за это деньги получают. Но я-то, я-то зачем терплю всё это, никак не могу отказаться решительно, рвануться вон из этого хомута?! В безвыходных единственный выход – это суицид, увы! Так было и так будет всегда. Тем более – я хорошо знаю, что и после срока, на воле, ничего хорошего меня не ждет, что будет только прозябание в ничтожестве, одинокая старость, мучительное сознание упущенного шанса, зря прожитой жизни... Так зачем я так цепляюсь за эту жизнь?! Я проклиная себя, свой страх, трусость и ничтожество! Выход лежит на поверхности, но я почему-то никак не могу им воспользоваться, обрекая себя лишь на новые бесконечные унижения по этапам, тюрьмам, пересылкам – и на тотальную пустоту и бессмыслицу на воле, если я до нее доживу... Проклинаю, ненавижу и проклиная эту

землю, небо и весь мир!!!...

5-55

Опять привезли какую-то говнокашу, опять я без завтрака, как и вчера. Между прочим, в принесенном вчера вместе с газетами «New Times» Олег Навальный из орловской зоны сообщает, что по новым ПВР (которых я еще не видел) в тюрьмах теперь разрешены часы! Это единственная хорошая новость, особенно в преддверии моего переезда на тюрьму. Хоть знать, сколько осталось до подъема, до отбоя. О, эти бесконечные тюремные дни!.. Вот сейчас я дочитаю вчера принесенные газеты, потом – несколько оставшихся страниц в единственной интересной библиотечной книжке, а потом... Сегодня только вторник; если не будет писем – всю неделю, до воскресенья, по 16 часов в день маяться бездельем, сходить с ума, считать часы и минуты... Заняться, отвлечься абсолютно нечем, – отвлечься о этих жутких мыслей и предчувствий будущего, тюрьмы, этапа и т.д. Не зря вчера утром где-то, поразившись вдруг промелькнувшему в душе ощущению такой легкости, беззаботности, я сразу же одернул себя: не радуйся, всё равно тебя вывезут отсюда в АД, сейчас всего лишь перерыв... И точно – прямо в тот же день!!! :((А комиссия 1-го числа, значит, и впрямь для меня подразумевалась не только как дисциплинарная (для 15 суток), но и как административная – для перевода на тюрьму; я, значит, верно подумал в тот момент, что передышке конец. И – подумать только, какие суки, какие мрази, ублюдки, наглые, бесстыдные подонки: уже два раза они с этой отправкой меня на «крытку» опозорились перед всем миром, дважды отзывали свои заявления из «суда»; им и в ГУФСИН писал Бабушкин, член СПЧ при Путине, присылал свое заявление «Мемориал», они не могут не чувствовать негативной реакции на эти свои попытки; у них тут меняются начальники, царит чехарда различных «и.о.», – но нет, им на всё плевать, этим сукам, они упорно прут вперед, как танк, плюя на все препятствия!.. Есть ли другой адекватный способ остановить – и наказать – их, как только убивать, мочить беспощадно, безжалостно, стрелять их, взрывать, обрушить на них ливень из тротила и свинца?! Убивать, убивать, убивать!..

8.3.17., 15-00

Бред, морок, наваждение... Вчера перед обедом принесли толстую пачку писем, и сразу же вслед за тем – открывается дверь камеры: приехали ребята! Обрадовался я им дико; очень кстати – как раз сразу и сообщил, что накануне запущена четвертая попытка выпечь меня на крытку.

Но – новости они привезли безобразные, просто бредовые. Брошюра про насилие 1-го марта только вышла из типографии... тиражом 500 экз.!! Мол, если разойдется, сразу допечатаем (ага, я уже знаю, как они допечатывают!).

А презентация вроде бы 13-го, в календарную годовщину 1-го марта (1881 г.) старого стиля. А украинский сборник козел Агафонов так и планирует закончить – «к лету, к WSD-2017»...

Дальше – еще веселее. После их прошлого приезда 14 февраля – я писал матери, что Глеб в апреле-мае будет в Москве и зайдет к ней – сканировать мои фотки. И теперь Горильская мне пишет, что, оказывается, мать категорически против, намерена Глеба не пустить и т.д. Глеб, зная это от Горильской, разумеется, говорит, что он тогда и не поедет. Сама Горильская пишет мне всё это из Милана, где она сейчас – но признает, что ко мне там у СМИ никакого интереса нет, так что выполнить свои обещания она не сможет (в чем я не сомневался ни минуты с самого начала).

Забегая вперед: когда ребята уехали, я стал разбирать эту пачку писем из цензуры. Два письма от матери – и в одном из них она на мое упоминание, что 3 февраля Вера приезжала ко мне с Феликсом – на восьми (!) страницах поливает Веру дерьмом, всячески поносит и пишет: мол, я против ее поездок к тебе, оплачивать их не буду сама – и Горильской (которая почему-то матери во всем поддакивает) запрещаю. А КТО же будет ездить – не пишет...

Короче, еще не читав эти бредни матери насчет Веры – я тотчас же написал Горильской, что пусть она выбирает, мне помогать или матери, а то получается конфликт интересов. Написал, что Вера и Глеб – родные для меня люди, если им не на что будет ездить ко мне – как же я буду тут вообще без свиданок?! И что тогда останется мне только в петлю, – я, мол, и так уж давно об этом мечтаю, а тут еще такое... Попросил ее не слушать эту полоумную старую дуру – и финансирования Веру и Глеба не лишать, т.к. другого-то источника теперь нет. Одновременно – написал и о том, что 500 экз. тиража на страну в 46 млн. человек – это просто смешно; а делать сборник надо срочно, в марте-апреле, тянуть до августа – просто глумление надо мной...

Потом, после отъезда ребят, написал матери ответ – о том, что она полоумная дура и что я отныне прекращаю с ней любую переписку и общение до тех пор, пока Вера не напишет мне, что мать перед ней извинилась и наладила с ней нормальные рабочие отношения. И теперь этого надо будет держаться, – т.е. я по своей же воле остался без поддержки от матери (денежной прежде всего). Как ни мало мне тут сейчас надо по сравнению с Буреполомом – а все-таки...

Написал я об этом решении и Вере (от нее как раз тоже было письмо). Главное, чтобы хоть она-то не бросила всё, не отказалась ездить, если удастся уговорить Горильскую эти поездки финансировать. Что ж, посмотрим. Если меня не «переведут» в начале апреля и/или сразу же после

этого не вывезут на СИЗО – передача мне будет положена уже 17-го апреля. Кстати, не только на какие деньги ее мне везти, но и кто будет ее теперь и на какие деньги собирать – абсолютно неизвестно...

Мать еще сама же в своем письме против Веры упоминает и как-то до нее дошедший отзыв Монаховой (которую она не знает) о ее неблагодарности: мол, тем сроком Фрумкина грязью поливала, сейчас – Веру... Правильно на все 100, конечно, хотя она-то, ясное дело, пытается это оспаривать.

Написал я и Маглеванной, что не надо теперь моей матери звонить и ничего посылать, – но она всё равно продолжит, конечно. :(Ответил и Крюкову, тоже описал ситуацию, просил передать Наталье, его жене, просьбу помогать мне, а не матери, – но туда обычной почтой письмо будет идти месяц... Вчера вечером и сегодня до обеда уже успел ответить всем: Землинскому (тоже рассказал и попросил матери больше не звонить – но он, конечно, тоже все равно будет звонить), Кондрахиной, Владимировой, Чугунову, Гудзенко (как синхронно вдруг проснулась Московская область! – и года не прошло... :), кому еще? Короче, 10 конвертов и 11 писем на отдачу сегодня вечером (письмо Маглеванной через Майсуряна).

Бредовая ситуация... Тем сроком мать хоть ездила всё время сама, хотя всё равно ей нужен был носильщик – возить передачи. Теперь же – КТО будет ездить с ее, полоумной, одобрения? Один Феликс разве что, которого она вроде бы еще терпит? Но – долго ли и его она еще будет терпеть без поливания дерьмом? Глеб, кстати, сказал, что Феликс обещал ко мне приехать 24-го (пятница) или 27-го (понедельник) марта. Что ж, дай бог! И – почему-то он любит приезжать по пятницам. Если только его пустят – ведь им с Верой в тот раз, 3 февраля, обещали, что больше пускать не будут. От меня – по предварительной договоренности – он поедет к Глебу, заберет там все мои книги и бумаги, отвезет их мое матери – а там, у нее, займется вместо Глеба сканированием моих фоток и пр. А я ему 24-го должен буду для этого дать все инструкции. Дай бог, чтобы этот план удался, ничто нигде не сорвалось, Феликса ко мне пустили и т.д.

В общем, по большому счету – и с Италией, и с киевскими книжками я пролетел, как и думал изначально. Возникает простой вопрос: ради чего же я сижу здесь?

Рассказал ребятам всё и о новом СИЗО от 1 марта. Рома, оказывается, и прошлое-то еще не обжаловал, как собирался, – и вот теперь намерен обжаловать сразу оба, причем – в Ёбурге, в своем районном «суде» (якобы там больше шансов). А я под его диктовку написал вчера ходатайство о том, чтобы и меня вызвали туда участвовать по видеосвязи, давать показания. При моем тотальном непризнании всех расейских «судов» – это будет

смертельно противно, прямо не знаю, как подавить отвращение и заставить себя.

Просмотрел еще вчера вечером майсуряновские распечатки из двух новых писем. Оказывается, мразь Новоженов – нынешний начальник (точнее, и.о. начальника) зоны – ответил Бабушкину на его письмо против моего перевода на тюрьму, присланное в декабре еще Асламову (мрази). Так вот, Бабушкин этот ответ опубликовал – и он просто выдающийся по бесстыдству и цинизму. Мразь Новоженов там сперва цитирует УИК – мол, «злостных нарушителей» администрация имеет право переводить на тюрьму; а потом заверяет Бабушкина: мол, ходатайство о моем переводе на тюрьму «будет основано на принципах законности, гуманизма, демократизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденного». В общем, просто редкостная, выдающаяся по степени цинизма мразь! Этот ответ уже репостит Корб и обсуждает сетевая общественность...

9.3.17., 5-35

Проходит чувство эйфории, вызванное, как всегда, приездом ребят (да и обилием почты), – и снова возвращаются отчаяние и страх. Да, отчаяние и страх – хотя, м.б., и стыдно в этом признаваться. Страх проклятого этого, опостылевшего мне брэнного тела перед тем, что с ним сделают там, на крытой, – страх голода, холода, битья дубинками... Процесс запущен заново, в четвертый уже раз; отсчет дней пошел; до «суда», увы, осталось уже меньше месяца... Еще счастье, что я спал эту ночь более-менее нормально – но мысль о том, что отсчет дней уже идет, была, как всегда, первой, о чем я вспомнил и подумал, проснувшись, – и от этой мысли, как всегда, тоской и страхом сжало сердце. И даже приятное все-таки сознание, что срок потихоньку идет к концу, что осталось уже заметно меньше половины – не помогает. К концу-то к концу, но до конца, за два с лишним оставшихся года, я еще успею нахлебаться (горя), належаться на полу в ледяных карцерах (хотя – в ледяных-то не полежишь, надо бегать туда-сюда, греться), хлебнуть горяшка... Да плюс еще эта истерика матери, попытка оставить меня без свиданок, – хотя я надеюсь, что у нее это не получится, что деньги на поездки ко мне Веры и Глеба найдутся. Как тошно, господи, думать в таком месте, в таких мрачных обстоятельствах еще и об этом, о деньгах, обо всех этих отвратительных дрызгах там, на воле!.. Только усиливает это ощущение тоски, бессмыслицы, того, что жизнь прошла – бесполезно и безвозвратно, увы!.. Отсчет пошел, часы запущены, дни утекают один за другим – и скоро, скоро уже меня ждет АД... :(((((((

7-50

Два раза – вчера вечером и вот сейчас – изучил новые ПВР, привезенные мне Ромой, – и не нашел там ни слова о том, что часы в тюрьмах теперь разрешены. Откуда это взял Олег Навальный – не могу понять. В старых ПВР был какой-то список разрешенных, что ли, вещей – и в нем после упоминания часов в скобках было написано: «(кроме тюрем)». В новых ПВР – только список запрещенных предметов, и всё. Похоже, что я, как говорится, рано обрадовался, прочитав эту навальновскую статью в «New Times»... :(

10.3.17., 6-30

Вот только сейчас, полседьмого (!), пришел вертухай и забрал у меня матрас! «Забыли, – говорит, – про вас». Ну да, – позвонили, видимо, и сказали, – меня ж тут видно в камеру. А я уже обдумывал, как хорошо будет поваляться после обеда, часа в четыре... :))

Вчера днем грохнул тут еще одну мышь (первая была в ночь на 1-е февраля). Точно так же, – в умывальнике; только на этот раз дело было днем, я видел, как она шмыгнула из «дальняка» в сливную трубу, по которой они и вылезают в умывальник, – и, заткнув там отверстие тряпкой и включив воду, уже ждал ее над умывальником с тапком. Интересно, через сколько времени теперь появится следующая...

Вот, собственно, и всё содержание вчерашнего дня. Ну, еще – дочитал последнюю интересную книжку, осталось одно барахло. Сегодня делать нечего абсолютно. Тоска, пустота, бессмыслица... Библиотека только послезавтра. В баню пока не ведут – и когда поведут, неизвестно, м.б., опять целый день ждать. А тут еще этот скандал с матерью из-за Веры... :(

18-20

В баню погнали опять перед самым шмоном, почти уже в девять. И – поразительно, но я успел помыться до того, как они, уже явившись, начали шмонать, т.е. – на время их возможного вторжения был в камере. Слава богу, ко мне не зашли.

А новая мышь появилась уже сегодня, где-то за час до ужина, – едва сутки прошли после гибели прежней! Точно так же запрыгнула сперва на порог, а оттуда на «дальняк», – знают, суки, дорогу туда, где жратвы побольше...

Не описать словами, какая тоска, ненависть, отчаяние, пустота в душе!.. Засадили, суки, мрази, выродки. в свой е...чий ГУЛАГ, а теперь еще и в тюрьму переводят, мало им, ублюдкам, моих мучений здесь!.. Твари е...е, будьте вы все прокляты чтоб вам подохнуть в корчах, заживо сгнить!.. Ненавижу, ненавижу, ненавижу!!! И – ничего-то я не могу им, сукам, сделать, ничем отомстить не смогу даже на воле. Ну переберусь в Украину,

допустим, даже получу убежище – и что? Кто там будет меня слушать? Тем паче, мировые вопросы зависят вовсе не от Украины... Кстати, уже раньше слышал от Горильской – а тут в последних майсурияновских распечатках и ссылка мелькнула: письмо Трампу от моего имени в Сети висит. Одна ссылка, текста я не видел. Горильская раньше писала, что, мол, Миша (Агафонов) занят писанием письма Трампу (вместо доделки украинского сборника), но – не писала, что оно будет от моего имени; я как-то по умолчанию полагал, что это письмо от КЗС (нужны мы с нашими проблемами Трампу, ага!). Короче, совсем с ума сошли, охренели полностью – писать от меня открытые письма, не спросив у меня ни согласия, ни разрешения, и даже текст мне не показать (хотя ко мне ездят постоянно, в феврале, например, – дважды), повесить так!.. :(((

11.3.17., 5-30

Сейчас в подъем – начали его отсюда, с «двойки», потом слышно было, как ее закрыли – и какой-то мерзкий, глумливый голос в коридоре заквакал: «Боря! Доброе утро, Боря! Что, не идем к Боре?..» – и в ответ другой голос, более суровый, сказал: «В последнюю очередь». То есть – официально подтверждена установка давать и забирать у меня матрас после всех. Утром я против этого ничего не имею (до полшестого все-таки долежал, не каждый день это удается!), но эти же мрази вечером вчера не давали матрас мне так долго, уйдя уже из этого конца коридора в тот, дальний, что мне пришлось-таки, преодолев свое отвращение к ним, стучать в дверь и спрашивать, дадут они мне вообще матрас, или нет.

Тоска, невыносимая тоска по утрам, еще лёжа на нарах... Всё думаю, что скоро эти суки меня всё-таки вывезут отсюда, добьются своего. С ужасом думаю о том, как же я поеду, потащу вещи, как буду, не дай бог, сидеть с уголовниками где-нибудь на пересылках или в СИЗО. В 2014-м году я еще как-то мог, некуда было деться; но сейчас, почти полтора года просидев один, – уже не вынесу этой мрази...

6-15

Третий день без завтрака, – опять какая-то говнокаша и черняга. Пью только чай... Почти месяц без еды, на одной баланде, – и уже ощутимо сползают штаны, прежде державшиеся нормально.

Я буквально схожу здесь с ума. :(Мания перечитывать последние полученные письма каждый день становится буквально неодолимой, – больше делать абсолютно нечего, нечем себя занять. Но эти письма я уже знаю практически наизусть через несколько дней, так что – чтение их тоже не занимает уже и не развлекает. А теперь вот еще – порвав отношения с матерью, и письма ее запретил себе перечитывать...

20-05

Проклюнулся неожиданно мой соседка за стеной, – тот самый психопат, что в том году приходил ко мне за газетами. Я был очень удивлен, никак не ожидал, – ведь чуть не два месяца прошло, как он перестал стучать в стену и разговаривать со мной через «дальняк». Но вот постучал сегодня часа в три, порассказал новости. Второй, который сидел с ним, ушел, – мол, поругались и он переехал. Вот так вот просто, – не начальство их распределяет по камерам, а сами... Сказал, что, оказывается, возвращается мразь Асламов! :) Вроде как его зимой попросили сверху уволить другую мразь – Губаля, ушедшего на больничный, а мразь Асламов ответил, что пока тот на больничном, он увольнять его не будет. Тогда его самого попросили уволиться – и он сгоряча написал заявление, а теперь вот его возвращают. Версия странная, не очень правдоподобная, особенно если вспомнить, что ребята, приезжая ко мне, заставляли тут какие-то очень массированные проверки, чуть ли не следователей. Но – черт его знает. Так-то, в целом, мне наплевать, но возвращение этой отвратительной мрази не радует, конечно.

Еще рассказал он мне, что в ответ на его попытки разжиться мобильником завхоз сказал ему, что, мол, можно КУПИТЬ его (я-то думал – просто брать на ночь иногда) за пять блоков сигарет («Явы золотой», как я понял употребленное мельком «пять блоков золота»). Это, видимо, показалось соседке моему дорого – и, будучи выведен из камеры на прием к мрази Баяндину, он стал ему жаловаться: мол, ты же мне обещал, а теперь... – но тот только улыбался в ответ. Умилительнее всего здесь именно вот эти договоренности с мразью Баяндиным, который по формальному смыслу своих должностных обязанностей должен пресекать любое попадание строго-настроено запрещенных телефонов в руки эзков, а на самом деле – заведует их тут раздачей и принимает жалобы на нарушение договора. Не найдя в этом поддонке никакого ему сочувствия, сосед мой стал спрашивать меня, как бы ему ловчее отомстить мрази Баяндину – типа, купив за сигареты телефон, позвонить кому-нибудь, а потом этот абонент с воли напишет донос (что ему звонили из лагеря, с такого-то телефона)... Да, мрази Баяндину влетит, но эзку, который это устроит, влетит еще больше, да и телефон тотчас заберут, – а он еще и пытался повернуть так, что, мол, не позвоню ли кому-нибудь я!.. :) У самого-то у него на воле никого нет, кроме 75-летней бабушки (для юбилей которой он выпросил у меня поздравительную открытку), а мать и брат, по его словам еще в том году, сидят в СИЗО в Ставрополе и судятся сейчас «судом» присяжных по ст. 159.

12.3.17., 17-54

Воскресенье. Библиотекарь опять не пришел – уже вторую неделю. Читать опять будет нечего. На ужин – вонючая «уха»; я выплеснул ее, как обычно. Зато – утром завтракал рисовой кашкой (чуть-чуть. :))))))))) Если несъедобен завтрак – не ем 15 часов, с отбоя до обеда; а сейчас, без казенного ужина, получается всего восемь – до девяти, до отбоя. Всё-таки легче... :)))

Соседка мой (психопат), получив еще вчера в ужин всё, что ему было от меня нужно, с тех пор не выходит на связь, не стучит в стенку. Я, разумеется, тоже ему не стучу. За человека я его не считаю категорически – и мне, в общем-то всё равно, общается со мной это насекомое или нет. Но – забавно видеть здесь подтверждение еще в Буреполоме хорошо усвоенной истины: всё их (уголовной нечисти) общение со мной всегда и неизменно носит лишь корыстный характер...

Апатия, тоска, бессмыслица, безразличие ко всему. Нет книг, нет еды, разругался с матерью... Наплевать. Зачем было всё? Вся жизнь? Зачем я учился ходить, говорить, потом ходил в школу, учился писать тексты, мечтал о чем-то, строил планы на будущее? Чтобы получать в тюрьму вонючую «уху» и выливать ее в «дальняк»? Зачем я жил? Вот чего я никак не могу понять. А теперь – я уже старик, ни на что не буду годен, выйдя отсюда (если выйду), жизнь уже прошла – а никаких успехов на избранном пути так и не предвидится. 30 лет жизни и борьбы – зря, в никуда... Не говоря уж о счастье, которого так и не было – а теперь уже поздно мечтать о нем... В Москве я, по крайней мере, мог найти каких-то старых знакомых, попытаться хоть что-то делать, хоть как-то заявить о своей позиции. Что я буду делать в Киеве (если попаду туда)? Я абсолютно никого там не знаю; из русской эмигрантской тусовки лично, не понаслышке – знаю двух человек (с самой худшей стороны). Кроме Фейсбука, ЖЖ, Твиттера и «ВКонтакте» – у меня не будет там никого и ничего (даже если предположить, что будет крыша над головой и кусок хлеба, что далеко не факт). То бишь – как ни крути, а жизнь прошла зря, абсолютно без всяких видимых результатов. Пустота позади – и пустота впереди; полная бессмыслица моего конкретного существования на этом свете... Покончить с собой можно, собственно, и там, в Киеве, или в Москве, на свободе, раз это никак не удастся мне здесь (и есть возможность – да не хватает мужества, увы). Идеально было бы раздобыть для этой цели пистолет. Мне не нужна такая жизнь...

13.3.17., 10-17

Понедельник. Очередная нервная встряска. В баню, суки, повели ровно в девять, – и я, конечно, всё ценное, что можно было, захватил с собой. Но всё

равно предчувствия были мрачные. Пока разделся, отнес мыло-мочалку, туда-сюда, – выглядываю в дырочку в наружной двери бани, выходящей прямо на их «дежурку» – и вижу, что она («дежурка») уже полна шмонобыдлом. Явились, значит, даже раньше обычного времени. Вместо того, чтобы идти мыться – стою голый под дверью, смотрю в дырочку и слушаю их, – как раз тот самый момент перед шмоном, к которому обычно прислушиваюсь из камеры.

Долго эти мрази толпились, галдели – наконец пошли шмонать. Слышу – открыли «двойку». Пара минут – и закрыли. Потом – смутно, не до конца разобрал, но вроде называют мою фамилию. Открывают дверь, бухает засов. Кто-то спрашивает: «ШИЗО у него?» – и другой подтверждает. Ну суки, значит, поперлись ко мне!! Почти пять месяцев не были – и вот, причем именно когда я в бане!.. Как чувствовал... :((Нестройный галдеж в коридоре – а потом крик: «Вова, дежурный сказал ошмонать «тройку!»». И дверь захлопывается (а м.б., сперва закрыли, потом крик, не помню). И пошли дальше, – уже вот и 12-я орет, что у них шмон.

Суки, какие суки!.. Мрази, свиньи двуногие, будьте вы прокляты!.. Тут уж какое мытье! – спешно мыло-мочалку принес назад – и скорей одеваться! Стучу – отвечают: мы заняты, мойся еще раз! Глумятся, ублюдки! Однако – минуты через три открыл быдлотатарский мразоид (второго последнее время нет, – видно, в отпуске). Ничего не сказал, повел в каптерку класть пакет. Вещи мои вроде в коридоре нигде не висят и не лежат, как уже в 2014 было. Захожу в камеру – ничего не тронут, всё на месте. Убираю полотенца, сажусь, жду – тишина.

До сих пор еще не рассупонился, не положил всё ценное по местам – и не знаю: стоит ли? А ну как еще явится кто-нибудь шмонать, раз их дежурный им велел? То ли до 11-ти ждать, то ли до обеда, до 12-ти... Суки, сколько нервов истрепывается даже за одну такую вот их попытку! – а что бы я делал, если бы они сейчас унесли всё, что нашли бы? И раньше субботы (очередная баня, уже по графику ЕПКТ) хрен чего занёс бы обратно из каптерки... Нервы, нервы, психуешь тут по любому поводу, – вот оно, главное наказание. Мрази, суки!.. И так тошно, а тут еще шмоны... А баня, значит, вышла сухая. :)) Да и черт бы с ней, обойдусь...

18-45

В ужин сейчас дежурный вертухай, желая, очевидно, поглумиться надо мной, сказал баландеру, которого сопровождал, чтобы тот наложил мне полную тарелку капусты. Сказал тихонько, но я расслышал слово «полную», еще не зная, о чем речь; а тут как раз полную тарелку, чуть не с верхом, дают.

Вот всегда бы они так издевались! :)) Именно так, – сытно! :))) Кусок рыбы

с костями я выбросил, а тарелищу капусты с удовольствием съел. На вкус она куда лучше, чем была зимой. Так что – не они меня, а я их одурачил. :) Пожалуй, впервые наелся за весь день. Да, сбывается закономерность: есть завтрак – нет ужина, и наоборот. Вчера не ужинал – сегодня не завтракал, опять говнокаша какая-то была. Капуста, конечно, та еще еда, но – хоть ее...

Шмонать так и не пришли. Соседушка так и молчит. :) Перед самым обедом вдруг принесли письма: по два от матери и Землинского; одно от Ильиной из Германии, с открытками – виды Гамбурга; и от Кирилла Подрабинека еще. Александр-то, его брат, мне так и не ответил, но Кирилл пишет, что он – якобы – помнит обо мне. (Помнит, но не пишет.) Вообще, письма от таких людей, прошедших этот ад раньше меня, – Кирилл Подрабинец, Мананников, Григорьянц – поднимают дух, укрепляют мужество, хотя ничего особенного Кирилл Пинхосович вроде и не пишет. Перечисляя – из интернета – нынешние крытые тюрьмы, вдруг назвал Чистополь – неужели ее снова открыли?! = и Покров. Неужто на Владимирщине аж ДВЕ крытых?! Пытается всё же защищать уголовников, с которыми – уж не знаю как – в свое время умел находить общий язык (а по-моему, это нечисть, хуже животных!). И – на мой вопрос в прошлом письме – отвечает, что, пока сидел, силы черпал в «деятельной ненависти». Ненависть – это да, это святое, я тоже только ею одной и живу; но что значит «деятельная»? Всей деятельности в камере – писать что-либо, благо есть ручка, бумага и работающая голова. Но – на что-либо вне камеры не влияет ничто нами написанное абсолютно (как и наши плакаты на площадях не влияют ни на что в мире). И как быть? Все эти (и не только эти) вопросы я Кириллу задал в ответном письме. Посмотрим, что дальше...

А матери, как и обещал, отвечать не стал. Пусть как хочет теперь. Впрочем, там и не на что особо отвечать, – информации в ее письмах нет практически никакой.

14.3.17., 6-50

Бывает такое состояние, когда горя так много, оно так подавляюще, безгранично, глубоко, неизбывно – что человек уже не может плакать: слезы кончаются, высыхают; и все мысли чувства притупляются, замирают, человек впадает в какое-то горестное оцепенение... Вот и со мной сейчас примерно то же самое. Помня и каждый день с утра до вечера повторяя себя, что скоро опять АД, что скоро меня все-таки вывезут отсюда, – я не могу уже ощутить в душе тот дикий, леденящий ужас перед этой перспективой, который испытывал по утрам в сентябре-октябре 2016 г., ожидая первого судилища. Не могу, даже если бы и хотел. Всё застыло, замерло, оцепенело внутри; нагрузка оказалась слишком велика и тяжела,

чтобы душа могла так же остро, как в первые недели, реагировать и дальше. Страх, видимо, притупляется так же, как и боль, если в этом страхе живешь постоянно, день за днем, месяц за месяцем, год за годом...

Но всё же я борюсь с собой, чтобы не оцепенеть и не расслабиться окончательно. Больше всего я боюсь этой подлой, расслабляющей мыслишки: мол, два раза не получилось у них – и сейчас опять не получится, Рома опять что-нибудь найдет, так что бояться, нервничать, психовать, ждать дня «суда» как дня казни, как это было со мной в те два раза, – незачем. Я знаю точно: вот если только я позволю себе расслабиться, уверовать в то, что «всё будет хорошо» – вот в этом-то случае не ожидаемой мной легкомысленно решение и падет на меня вдруг, как нож гильотины на шею!.. Не веря ни в какую мистику – я, тем не менее, каким-то шестым чувством ощущаю: мои чудовищные душевные муки, ужас и смертная тоска в ожидании таких событий, как «суд», или шмон, или еще что-то мерзкое и неотвратимое – прямо связаны с тем, что в конце концов всё так или иначе обходится благополучно (если обходится, конечно). А вот если бы я расслабленно и легкомысленно ждал их, заранее будучи уверен, что всё обойдется, не думая заранее ни о чем плохом (как обычно и советуют доброхоты) – вот тогда оно точно не обходилось бы, последствия этого легкомыслия были бы каждый раз совершенно ужасными; это я ощущаю всеми внутренностями и всей кожей...

На завтрак дали пшенку, полтарелочки. Нет бы, как вчера капусты, полную... Осталось 979 дней, два года и восемь месяцев. Послезавтра кончается ШИЗО – и 17-го, в пятницу, есть смутная надежда хоть что-то купить в ларьке, хоть что-то поесть... На кашах и капусте я просидел месяц – и явно ощущаю, как сползают брюки, в пору нормального питания бывшие мне как раз впору...

17-58

Завтра – еще один такой же бесконечный пустой день, как сегодня. Страшно даже подумать об этом. А скоро... скоро меня вывезут в АД...

Утренний шмон был сегодня на час позже обычного. Нет бы вчера так, – я бы успел помыться... Вышел на работу белокрысый упырь – видимо, из отпуска; давно этой мрази не было...

15.3.17., 5-50

Опять тот же анекдот: забыли меня поднять!! :)))))) Второй раз уже за короткий период. Но сегодня опомнились раньше, чем в тот раз. Не сами, конечно, опомнились: им звонят из штаба, куда выведена видеокамера у меня под потолком, сами-то они вообще никогда не вспомнят, эти олухи!.. :)) Прибежал сейчас с криком белокрысый упырь, отпер дверь, – но его

отчаянный крик было слышно и из-за двери еще! :)) Хохот просто... Оставляют на потом, после всех – и забывают! :)))) В отбой хоть видно, что у меня одного еще лежит под дверью матрас, да и я стучать и требовать начну, если забудут; а в подъем – забывают, и всё! :)))) Правда, в отбой вчера, слава богу, матрас мне дали вовремя, сразу после «двойки».

12-35

Еще утренний шмон не кончился, десяти часов не было – вдруг отпирают мою дверь. Я уж думал – опять прутся шмонать. Нет, – стоит мразь Безукладников! Оказалось: в дате на том заявлении в «суд», что я написал и отдал ему 6-го, была какая-то помарка («вы почеркались», – так это сформулировало безграмотное длинное чмо Безукладников :) , – и «суд» не принимает! :)) Так что он пришел сказать, чтобы я написал новое такое же заявление.

Забавно, ничего не скажешь! :) Написал, конечно, отдал, – и сейчас оно, видимо, уже в Чусовском «суде», эта длинная мразь, небось, и повезла. Но – нежданно-негаданно удалось таким вот образом выиграть неделю! :) Раз он повезет сегодня – то и назначат они через месяц (надеюсь, не раньше!), считая от сегодня, а не от 7-го! А т.к. они любят назначать на утро понедельника, а 15-е – это суббота, то ближайший понедельник будет – 17-е апреля, т.е. – день, когда ко мне уже можно приехать на свиданку! А Роме так же, как и полгода назад, в октябре, неудобно попадать в Чусовой утром, а только к обеду. Было бы просто отлично, если бы опять повторилась ситуация полугодовой давности, 17 октября: утром Рома не успевает, «суд» откладывают на после обеда, а тем временем ко мне приходят на свиданку, по этой причине я на «суд» не иду – и его переносят еще дней на десять (да хоть бы и на неделю!). :) Увы – это слишком уж было бы удачно, чтобы сбыться еще раз в точности по тому же сценарию. :(Хотя – если 24-го или 27-го приедет Феликс, если его еще и пустят! – я попытаюсь через него передать на всякий случай этот сценарий Роме и Глебу.

Ровно год назад был последний день моей голодовки. Но – пухнуть с голоду я продолжаю и сейчас, даром что никаких голодовок с тех пор не объявлял. Уже месяц на одной баланде – и КАКОЙ баланде!.. :(Утром была опять какая-то говнокаша, т.е. – опять 15 часов я, поев вчера в девять вечера, ждал сегодняшнего обеда. На обед: гороховый «суп» (вода с кучей лавровых листьев), капуста с микроскопическим кусочком курятины – и черняга! На обед черняга!!! То бишь – я сегодня вообще без ужина, даже такого жалкого, как все эти дни! Есть чернягу со сгущенкой я не буду: вкус этого дерьма не заглушит никакая сгущенка, будет не только не сытно, но и адски противно. Еще с колбасой, с ветчиной – я съел бы и чернягу, как делаю обычно, когда

серого хлеба не хватает. Но со сгущенкой – нет! То бишь – если завтрака утром опять не будет, то я без еды, на одном утреннем чае, 18 (!) часов!! А если, не дай бог, и на ужин сегодня будет «уха» – то на вечернем и утреннем чае, вообще без еды, придется сидеть целые сутки, с сегодняшнего обеда до завтрашнего! Но – тут уже пошло дело на принцип: лучше я вообще околею с голода, чем оскверню свой рот отвратительными кашами, «ухой», чернягой и всей этой жуткой по составу и на вкус дрянью!..

16.3.17., 5-20

Вчера так и лег спать без ужина. Впрочем, голода ночью, к счастью, почти не чувствовал, спал более-менее нормально. Сейчас пришли, подняли, мрази – еще и четверти шестого не было. Сиди, кукуй 16 часов на табуретке...

Вчера был действительно страшный день, один из самых страшных за весь мой срок. Абсолютно пустой, бесконечно длинный, тягучий, нескончаемый... Читать я не мог, прочел было кое-как, через силу, две страницы после обеда – и бросил. Не до того, – так невыносимо тошно на душе, а книги эти, что у меня лежат, так бесконечно далеки от моих насущных проблем... Весь день просидел и проходил туда-сюда, разговаривая вслух сам с собой, поминутно усмехаясь над полным крушением всех своих надежд, всех жизненных планов – и личных, и общественных, и всяких прочих... Хорошо бы пошли вчера, наверное, только газеты, и я всё ждал, что, м.б., эти суки принесут их, – нет, не принесли! Об актуальной политике я бы почитал с удовольствием... А так – только написал вчера утром заново это проклятое заявление в проклятый «суд» – и всё; в остальной день прошел абсолютно бессмысленно, без каких-либо полезных или интересных занятий. Это-то и страшно: сидеть и сходить с ума весь день, не имея душевных сил, чтобы хоть чем-то заняться ради отвлечения от тяжелых и тоскливых мыслей... Сегодня, без сомнения, будет то же самое: единственное предстоящее дело – написать после обеда заявление на завтра, на магазин. С питанием, по-видимому, тоже будет так же, как и вчера: черняга на обед (т.е. на весь день) – это явление долгое, ее могут давать и неделю, и дольше; так что ужинать сегодня после отбоя опять будет попросту нечем...

Убивать, убивать, убивать!!! Мочить безжалостно всю эту мразь, засадившую и держащую меня тут!..

6-37

Ну да. На завтрак – овсянка и черняга. Т.е., почти 18 часов, от вчерашнего ужина до сегодняшнего обеда, – на кружке чая... Съедобных завтраков за последнее время опять почти не стало. :(((

11-53

Да, и на обед опять черняга. Т.е. – я опять без ужина вечером, после отбоя... :(((

16-34

Пришла все-таки ко мне та крашенная девица-психолог, – не прошло и месяца, надо же! :) Я был страшно удивлен. Хотели сперва посадить меня говорить с ней в «дежурке», но я настоял на конфиденциальности, – посадили в кабинете. Из разговоров выяснилось, что она 1985-го года рождения; что в их психологической службе сейчас остались только она (в качестве начальницы) и та старая мымра в майорских погонах, что была начальницей и ходила ко мне в 2015-м. Беседовали почти час, минут 50, в целом неплохо (по крайней мере, лучше, чем сидеть в четырех стенах и не знать, чем заняться). Она, как обычно, расспрашивала про мать, про детство (темы, на которых все обычно расслабляются, уходят в сентиментальность, проще устанавливать контакт), советовала во всем – и даже в том дерьме, которое вокруг меня сейчас – искать что-то положительное. Тут, по ее мнению, положительное то, что я не «в общем массе», не на бараке, среди уголовников. Так-то да, без «советского народа», как писала мне в 2015 Ольга Исаева. Но – за что же я вообще сижу? За буковки на экране монитора? За высказанное вслух собственное мнение? На это она не нашлась что возразить. Вообще же – при долгом и доброжелательном разговоре видно, что она не имеет понятия ни о чем: ни о недавней нашумевшей истории с пытками Дадина, ни о том, что в РПЦ советских времен все иерархи назначались лишь с одобрения КГЮ (о вызовах священников в зону тоже зашла речь по некоторой отдаленной аналогии с психологами); ни даже о том, что на строгом режиме с уголовниками сидеть всё же чуть попроще, чем на общем, – она думала, что мне, наоборот, тут на бараке жить было бы тяжелее, чем на общем режиме тем сроком. Ну и – обещала приходить раз в неделю, по четвергам, – посмотрим, но верится что-то слабо...

18-17

На ужин – капуста (с жуткой, совершенно несъедобной куриной требухой) и черняга. Итак – отплываю в тотальный голод на ближайшие 18 часов (ибо на съедобный завтрак не надеюсь). Утром подсчитал процент съеденной баланды за первые 15 дней марта, – вышло 55% с копейками. Меньше, чем когда-либо до сих пор в этом лагере.

17.3.17., 15-45

Голодный марафон длиной в 18 часов таки состоялся! Как я и думал: на кружке утреннего чая – прямо до 12-ти утра сегодня, до обеда!

Магазин, вопреки моим предчувствиям, состоялся тоже, но – дурацкий и, как уже было не раз, почти не тот, что нужен! Утром дневальный писал

список товаров – колбасы не было (в списке ее нет). Я написал на 2500 р. всякой ерунды – семь кексов на ужины, кучу печенья и пр. – но, уже зная, как может быть, сказал завхозу: если колбаса всё же будет – возьми мне семь батончиков, на неделю. Колбаса и впрямь оказалась, и этот дурак взял – шесть, а не семь, из которых – пачка из двух полукопченых колбасок (по совести – всего на два бутерброда, не больше), пачечку крохотных сосисок, шесть штук, – по совести, на три бутерброда, хотя если извратиться и каждую разрезать вдоль – выйдет и шесть, но жалких, тощих. Вот же суки на этом кунгурском мясокомбинате – производят всё крохотное, фасуют по чуть-чуть, но зато стоит вся эта продукция дороже, чем в Мордовии стоили большие пачки и батончики!.. :(А этот урод завхоз – понятное дело, что он под шумок купил себе и не две пачки сигарет, а больше, т.к. проверить я не могу, цен на колбасу у меня нет. Притащил он и то, что я вроде бы указал в списке, но... Будь он проклят, этот идиотский магазин: майонез по максимальной цене – в байзерах (ведерках) вместо пластиковых пачек, а сгущенка – в пластиковых бутылках!! Из которых дико неудобно наливать ее, которые и не спрячешь никуда, если что... В общем, маразм! С ужасом думаю, если вдруг 17 апреля мне привезут передачу 20 кг – и в тот же день дадут тюрьму и быстро отправят на СИЗО – как я поволоку баул с передачей, да еще с этими бутылками сгущенки и здоровенными байзерами майонеза! Их три – значит, майонеза у меня теперь три литра, хоть залейся! За месяц, м.б., я один байзер его съем, но – вряд ли больше. Сгущенку хорошо бы в кофе, но – где брать кипяток?

У мразей, похоже, сейчас опять готовятся или начинаются «крестины».

Да, забыл еще. От безысходности (2500 р. – и нет колбасы!) в кои-то веки решил купить тут в магазине сок. И видел его как-то раз тут, – обычный сок в коробках, как в Москве. И вот – сок мне завхоз тоже взял, три штуки. Но – это оказался не сок в коробках, а какая-то бурда: «сокосодержащий напиток» в пластиковых бутылках! Ну почему, почему мне всегда достается дерьмо?!

18-56

Ни «крестин», ни ужина до сих пор! Зэки сидят в бане несколько часов в ожидании «крестин» и временами долбят в дверь (по крайней мере, еще в начале седьмого долбили). Беспредел, полный беспредел.

19.3.17., 5-35

Вчера в завтрак сунули в «кормушку» вместе с пшенкой наконец-то и прессу: журнал и шесть газет. Вот и сидел, читал их весь день, кроме полутора часов в бане (а в баню погнали на сей раз только полтретьего дня). И то – прочел во всей прессе только самое интересное, многое еще осталось

на сегодня. Оказалось – самые важные для меня новости – что выпустили не только Дадина, но и – по УДО – Таисию Осипову, НБП-шницу, а на Бывшева, поэта из Орловской области, опять за его стих – на сей раз «На независимость Украины» – завели уголовное дело по 282-й, за разжигание якобы вражды к русским. Газетенка эта – «Новая» – не подумала, разумеется, стих опубликовать, но корреспондент съездил в это село Кромы, поговорил с Бывшевым, сделал большой репортаж. Между прочим (и на прошлом процессе в 2015 это пытались выставить как смягчающее обстоятельство), в оппозиционера-то и антиимперца Бывшев этот перековался только недавно, с захватом Крыма, а еще в 2013 у него, оказывается, вышел сборник из 200 (!) стихов, посвященных их второй гражданской 1941-45 гг. с колорадской ленточкой на обложке!..

А из Дадина, да, слепили абсолютного героя – и всё только потому, что его в карельской зоне били, пытали – и он об этом не промолчал. Встречать его из зоны в этот Рубцовск, чудовищную даль, аж на границе с Казахстаном, поехали и русские журналисты (из той же «Новой» хотя бы), и английский из Би-би-си, и немецкие, и черт их знает какие еще!.. И ждали его там несколько дней, пока бумажку из Верховного «суда» спецсвязью везли до лагеря. Меня встречать никто, кроме матери и Агафонова, не приехал в тот раз – и никто, разумеется, не приедет и в этот, хоть из тюрьмы я буду освобождаться, хоть откуда, со всеми моими сроками, судимостями, текстами, книжками, дневниками, и пр. и пр. и пр. Я им всем категорически не интересен, а вот Дадин... Хотя – у меня есть какие-то свои идеи, взгляды (на их вкус – неправильные, чем и объясняется информационная блокада), а об идеях и заслугах Дадина, помимо висения на наручниках в зоне, ничего как-то не упоминается – ни то, что в 2013 он участвовал в акции в море за защиту и получил за это семь суток ареста; ни то, что в 2014 ездил в Киев, на революционный тогда Майдан; упоминается лишь, что сел – подумать только!! – за одиночные пикеты, беспредел какой!.. Мазохисты хреновы: то пытаются абсолютно людоедскую власть пронять и усювестить одиночными пикетами (на любимую тему «соблюдайте конституцию», ага!), то теперь вот Дадин уже обещает, что будет бороться с этим лагерным беспределом и пытками именно в Карелии – а как? Не говорит, но – раз уж его печатает «Новая газета», он находится, так сказать, в поле ее легальности (в отличие от меня) – подразумевается, что бороться он будет писанием жалоб по инстанциям и обращениями в путинские «суды», иного-то легального пути в России нет. Мазохисты несчастные, идиоты, ничтожества! Мало вас, дураков, бьют, как Дадина, и убивают, как Немцова! Давно пора начинать стрелять в ответ, а они всё жалобы пишут, всё

сюсюкают про конституцию!..

20.3.17., 19-10

Были после обеда «крестины» – и вот до сих пор нет ужина, хотя, похоже, всех уже давно рассадили по камерам. Но – в бане сидит какой-то хмырь, время от времени начинает молотить в дверь, ему открывают – и он хрипло, с кавказским (но не грузинским) акцентом начинает орать, что он тут сидит уже два часа, грозить всякими проверками, приездом комиссий, вплоть до какой-то «европейской» (?). Ему то говорят, что ждут звонка дежурного (ДПНК), то – ждут начальника, и т.д.; его-то крики тут хорошо слышно, а вот слова вертухаев в разговоре с ним – не очень. Судя по тому, что его держат в бане одного и что до начала «крестин» тот же голос упорно – пока не отзовутся – орал тут в коридоре: «АУЕ, босота! АУЕ, кича, как вы?!» – и прочие ритуальные их фразы – похоже, это и есть тот самый вор в законе, о приезде которого мне еще в январе говорил сосед из 5-й. Ингуш, – да, по акценту похож; но вот что ему 26 лет – не похоже абсолютно, голос как у 50-летнего, старый, грубый и хриплый.

Ужина, пока пишу это, так и нет. Даже звуков никаких нет, – ни бачки не гремят, ни тележку не слышать в коридоре. Не то чтобы мне прямо так уж нужен был их дерьмовый ужин, вполне могущий оказаться несъедобным, – но всё же... Восьмой ведь час уже, а обед был в 12...

А еще до «крестин», но после обеда, заходило какое-то незнакомое чмо в камуфляже. Типа, «разъясняло» мне порядок получения книг наложенным платежом: оказывается, о получении книги надо заранее писать заявление начальнику, и в нем просить снять с моего счета деньги за нее. Это полный бред, т.к. я не знаю заранее ни о самом факте отправки мне книги, ни ее название, ни цену, ни стоимость доставки, и т.д. Хмырь этот хотел, чтобы я сейчас прямо написал ему какое-то заявление – видимо, по поводу той книги, что прислал Землинский и что со 2 февраля ДО СИХ ПОР еще, по брошенному вскользь замечанию хмыря, лежит тут, на всесвятской почте. Но она не может до сих пор лежать, я не верю в это и писать ничего не стал, тем паче, что это существо назвать мне, например, необходимую для ее оплаты сумму даже не пыталось. Зато так же вскользь упомянуло, что, мол, «вы написали жалобу...», а когда я ответил, что никаких жалоб не писал, – «ну, значит, ваш адвокат». Но Рома темой книг тоже тут не заморачивался, я его писать об этом и не просил (да и забыл вообще про это, когда они приезжали). Не сомневаюсь, что жалобу написал упорный маньяк Землинский, фанатик «закона».

Блатной хмырь так и долбится в дверь бани. Уже 19-25. Ужина так и нет...

21.3.17., 18-15

Утром, после шмона, опять приходил этот вчерашний гондон – требовать, чтобы я написал, что с порядком получения наложенным платежом книг (то бишь, вроде как, по его версии, «оказания дополнительных услуг») я ознакомлен. Ну да, – ему надо отписку на жалобу, вчера им упомянутую, дать, – видимо, Землинский накатал жалобу в ГУФСИН. (По жалобам в прокуратуру ведь обычно приезжает разбираться прокурор.) Я сказал, что если он принесет готовое, напечатанное – я подпишу, а сам писать – я не буду, тем паче – и не знаю, что и как надо писать. Он обещал принести. Видимо, завтра явится опять, чмо тупое...

11 лет сегодня, как арестовали первый раз; шесть лет, как освобожден из Буреполома...

22.3.17., 6-00

Еще одно тоскливое утро... Страшно, лежа до подъема на нарах, даже подумать о том, как протянуть, промотать еще один этот бесконечный день, эти 16 часов, проживаемые каждый раз как целая жизнь. И страшно подумать о том, как же я поеду, когда все же закатают меня вскоре в АД, – через бесчисленные шмоны, таскание неподъемных баулов по лестницам, сидение вместе с уголовниками, слушание их мерзких разговоров... Тоска, дикая, безысходная, невыносимая тоска – от этих перспектив и от мысли, что жизнь окончательно и бесповоротно прошла...

23.3.17., 5-44

Как принес мне вчера утром, еще во время шмона, мразь Безукладников письма – так до вечера и сидел я, отвечал на них, а потом еще читал до отбоя майсуряновские распечатки. Вечером опять были «крестины», так что ужин привезли – рекорд!! – аж в четверть девятого; однако же – каким-то образом вертухаи сумели дать матрас (как минимум мне) еще до девяти, в положенное время. Но я долго не мог заснуть, да и вообще мало спал в эту ночь.

Прежде всего потому, что почти сразу вслед за письмами вчера принесли и другую бумажку – из «суда». Очередной «суд» по переводу на тюрьму назначен на 10-е апреля, на 11-30. А не на 17-е, как я думал, – не сработало, значит, то, что спустя неделю мне пришлось еще раз писать туда ходатайство о личном участии. :(Торопятся, мрази! Осталось 17 дней, последний отсчет пошел... :(На сей раз, боюсь, они и в самом деле закатают меня... Да еще и – 10-е, как и 17-е, – понедельник; то бишь – Рома не успеет приехать, допустим, накануне, как в тот раз, и внимательно изучить все их бумаги, ему придется это делать прямо в тот же день, перед заседанием. Как бы он не пропустил чего-нибудь, за что можно было бы опять зацепиться, чтобы получить еще одну отсрочку...

И, как нарочно, именно вчера в одном из майсуряновских писем получил я и очерк Кирилла Подрабинека «Беспредел», написанный еще в мае 1991 г., а до того – еще пока он сидел, в начале 80-х, но тогда рукопись попала в КГБ и пропала. Жуткий очерк про елецкую крытую тюрьму, где сидел он в конце 70-х, – а тюрьма эта действует и до сих пор. Про пресс-хаты, про то, как там беспрестанно избивают, насилуют, «ломают» блатных, а вертухаи потом заставляют подписывать бумагу, что он, мол, исправился, отказался от воровских традиций, готов честно работать, и зачитывать это на магнитофон, чтобы потом крутить по внутрилагерному радио... Да что пересказывать!.. Сплошной тотальный мрак, и не зря в начале очерка Подрабинека называет эту елецкую крытую – «красную», «сломанную» уже к тому времени – «филиалом ада на земле»...

И хотя я себя убеждал – и не без успеха – что с описанного в очерке времени почти 40 лет уже прошло, всё сильно изменилось, и работать сейчас вроде не заставляют особо (а там и в «пресс-хатах» ээки еще и работали!), а Рома Качанов вообще упоминал, что из елецкой крытой сейчас уголовники выкладывают фотки в интернет, сидя там, значит, с телефонами; да и я ведь не уголовник, и не такой молоденький, как описанные Подрабинеком уголовники (в основном лет по 30 где-то), и ездить ко мне будут, ничего скрыть всё равно не удастся, я ведь молчать не буду, если что, – а всё равно, всё равно тошно и муторно на душе. Вот так вот попадешь – и куда деваться, что делать? Максимум тюремного ада, что я видел, – это 1-я сборка на пятом централье в 2007 г., тем сроком, в которой я провел два месяца. Там тоже был пахан и его кодла, которые по заданию начальства били, кого им поручат, но меня, слава богу, не тронули, я сумел как-то отговориться от них. Конечно, такого ада, как описывает Кирилл Подрабинека, там и близко не было, – все-таки это СИЗО, да еще и как транзитная эта камера тоже использовалась. Но всё равно – мутить и тошнить от такого чтения будет еще долго. Новый срок заработать там себе некоторые старались, только чтобы уехать с елецкой крытой в любой лагерь, куда угодно... Тошно, отвратительно на душе... 10-го закатают, боюсь, – и поеду я тоже в АД. Ада в любом случае и на мою долю хватит, сколько бы лет ни прошло после описанного Подрабинеком и другими. Пермские лагеря, тоже в СССР знаменитые, как-то обошлись, не смогли меня сломать, – что ж, теперь за этим и отправляют так упорно на крытую... :((

А письма... Два опять от матери, на которые я опять не стал отвечать (но из одно видно, что моя реакция по поводу ее наездов на Веру уже через Горильскую до матери дошла – и та негодует, конечно, и всячески меня обвиняет в «предательстве» за то, что я ее против Веры не поддерживаю);

три от Землинского, три от Майсуряна, по одному от Мананникова и Воробьевского. Успел вчера ответить всем, слава богу. Да, и ответ от Натальи Г. в одном из майсуряновских писем. И опять он пишет, что получил сразу пять моих писем, – за весь февраль, короче. В начале марта где-то получил, пишет об этом 10-го. Опять эти суки где-то долго изучают мои письма к Майсуряну и через него, вместо того, чтобы вовремя отправить их... :(((

Мать тоже пишет, что Феликс должен приехать 24-го или 27-го. Что ж, я буду завтра ждать, сходить с ума от нетерпения... Еще и с передачей морока: вроде бы Вера и Феликс собираются прямо 17-го, в первый день, как будет можно, везти ее. Дай бог, к тому времени уже можно будет что-то узнать: упекли меня на тюрьму или нет, увозят на СИЗО или нет... Хотя – увезти-то могут и позже, пока все свои бумажки подготовят... Самое жуткое будет, если всю или почти всю эту передачу – 20 кг – только полученную, мне придется брать с собой на этап в СИЗО, тащить еще один неподъемный баул – впридачу к вещевому... Не дай бог! И один-то тяжелый баул не представляю, как поволоку по лестницам, столыпиным, автозакам...

12-35

Обед: суп с макаронами (одна вода, макарон очень мало) и капуста с водой и куриными костями. Да и капусты этой ублюдок баландер положил чуть-чуть, на доньшке тарелки. И чуть-чуть мяса я соскреб с костей... Кормят, короче, суки, так, чтобы только с голоду не подохнуть. На ужин у меня нет вообще ничего, кроме хлеба (мякиш маленькой серой горбушечки) с майонезом. Мрази...

Тоска дикая, что с едой, что (еще сильнее) без еды. «Жизнь» в ожидании неизбежного этапа в АД... Уже полгода длится это ожидание, полгода ужаса в душе, чудовищных предчувствий... :(((

24.3.17., 5-25

Пятница. Пустят ли сегодня ко мне Феликса и удастся ли купить что-нибудь в магазине? Вот основные вопросы дня. Заявление на магазин отдал сейчас, в подъем. Что Феликс приедет – почти не сомневаюсь, хотя он обещал то ли сегодня, то ли 27-го. Но вот пустят ли его эти мрази?..

На душе – ужас, ад, отчаяние, безнадега... Как и обычно по утрам здесь, а уж теперь – особенно. Еще недавно я писал, что, мол, нет уже душевных сил так же паниковать, так же отчаянно бояться тюрьмы и этапа до нее, как это было со мной осенью и зимой. Но – в это время еще не был назначен очередной «суд»; тогда, казалось, мне уже как-то безразлично, что со мной сделают и куда упрут... А вот сейчас, когда он уже назначен (на 10-е апреля), когда опять отсчитываются, утекают оставшиеся до него немногие дни, как песок в песочных часах, – я остро ощущаю, как прежнее оцепенение и

безразличие в душе сменяется опять острым, тошным, знакомым уже ужасом, смертной тоской, отчаянием по утрам...

По радио сказали вчера, что в Киеве застрелен Вороненков, бывший депутат Думы от КПРФ.

25.3.17., 5-30

Магазин вчера был, а Феликс – нет. :(Не пустили, суки... Вероятность того, что он приедет 27-го, о котором тоже заранее шла речь, на мой взгляд, процентов десять, не больше. Готовился, ждал, записывал для него вопросы и просьбы целых две недели почти каждый день...

Магазин тоже... на 2500 р. удалось купить на неделю колбасы (а 31-го, увы, откажут, – третий раз уже будет за месяц, – так что еще неделю придется сидеть без колбасы, на бутербродах с майонезом...), печенья, наконец-то конфет шоколадных и шоколад в плитках, даже этот дурацкий сок в бутылках опять, разбавленный водой. Но – один из трех видов колбасы, два небольших батона, оказались... просрочены еще аж с 15 февраля!!! Это рекорд, – раньше бывала ну неделя просрочки, ну от силы дней десять, не больше. А тут – месяц с лишним. Упакованы еще 16 января – и до 15-го февраля срок годности! Вот, мрази, чем торгуют!! И – сделать ведь ничего нельзя!.. Приедут ребята – скажу им, пусть озвучат этот факт в интернете.

Принесли вчера зато газеты и журнал, осталось чтиво еще и на сегодня. А потом, где-то часа в четыре, вдруг приходит мразь Безукладников – и выдергивает меня к психологу, той самой крашеной девице 1985 года рождения. Ведет в кабинет, сажает, как всегда, в клетку – и тут же говорит ей: давайте, мол, минут десять, не больше! То бишь – сколько психологу общаться со мной, определяет не психолог, а это длинное чмо в погонах. Полнейшая профанация; и похоже, что и сами психологи тут к своей работе с з/к относятся не всерьез тоже...

26.3.17., 5-50

Воскресенье. Библиотекарь вдруг опять явился вчера, в субботу, после обеда. Хорошо что я в это время не был в бане, – повели туда все-таки утром, хоть и не с самого подъема, – часов в семь. Принес библиотекарь, как обычно, гору всякого барахла, плюс – хорошие книги, но уже мной не раз читанные, в том числе и здесь, в этой камере. Лежит у меня гора книг, а почитать нечего...

967 дней осталось. Дикая, невыносимая, нечеловеческая тоска. Два и восемь еще... За что?!! И этот АД, надвинувшийся опять вплотную, эта крытая тюрьма, которая уже давно ждет меня, чтобы бить, пытаться, калечить... Прошлую ночь спал плохо, и днем вчера опять слипались глаза, не мог даже читать, так сильно клонило в сон несколько часов. Эти безумно

длинные, бесконечные дни по 16 часов, гигантские, – под вечер каждый раз ощущение, что целая жизнь прошла за один этот прошедший день, с полшестого утра... Невыносимо, невыносимо... Куда же деваться?!. В последнем «New Times», кстати, был материал про мнимую (и редакция это понимает, что мнимую) «оттепель», ряд освобождений политзэков досрочно за последнее время. Дадин – досрочно, Чудновец – тоже, Осипова из НБП – по УДО, Севастиди – помилована Путиным, хотя о помиловании и не просила; еще не «осужденные» – Соколовский в Екб (опять) и Бученков в Москве – из СИЗО переведены под домашний арест. Да уж, и впрямь может показаться, что «оттепель» настала... Это – результат того, что об этих политзэках писали в СМИ, говорили на встречах с Путиным, на его пресс-конференциях и т.д., что была достаточно мощная кампания в их защиту. В случае с какой-нибудь Чудновец или даже Севастиди (семь лет за «госизмену»!) это сработало сейчас даже легче и быстрее, чем в 2013 с «Pussy Riot» и с частью «болотников». Если бы мрази-«правозащитники» вроде пономаревых, «мемориалов» и пр., вместе с писаками из «New Times» и «НоГи», писали бы и обо мне, вели бы кампанию и в мою защиту на том же уровне, как по поводу Дадина или Чудновец, тоже во весь голос говорили бы, что Стомахин сидит ни за что и должен быть освобожден, – кто знает, м.б., сейчас и я уже был бы на свободе досрочно! Так что – как ни крути, а часть (и немалая) вины за мои мучения лежит и на этих мразях, особенно – «журналистах» из крупных СМИ типа «НоГи», устроивших вокруг меня форменный заговор молчания...

27.3.17., 16-30

Эти мрази не пустили Феликса. Еще в пятницу, это ясно. Вот уже и понедельник прошел – и тишина... Я-то, дурак, две недели тут ждал его, готовился, целый лист вопросами и поручениями для него исписал. Не пустили – и всё тут! И делай что хочешь, протестуй как хочешь... «Как поленом по лицу» (с) Галич. Хоть башку об стену разбей – не пустили, и ничего ты не сделаешь...

И скоро АД. Эти ФСИН-овские черти уволокут меня по этапу в свой АД. Мрази, с каким наслаждением я бы всех, всех вас перестрелял лично, своими руками!.. Убивать, убивать, убивать!!!

28.3.17., 7-48

Уходят, уходят дни... Не до освобождения, нет, – до АДА, до 10-го апреля... :(АД этот заслоняет в моем сознании волю, до которой меньше 2 и 8 уже осталось, – да и будет ли она еще после крытой? Выживу ли я там?.. Зачем я пишу всё это, зачем загромождаю дневник этим беспредметным нытьем? Сам не знаю. А время уходит, уходит... В любом случае мое освобождение

будет заметным событием (хотел сперва написать: «праздником») исключительно для меня самого и ни для кого больше. (Ну разве еще мать, если она доживет...) Крытая заслоняет в моем сознании перспективу освобождения, до которого 965 дней осталось, не зря: на воле меня никто и ничто не ждет. Ну выйду – и что? Что буду делать? Доживать, бессмысленно и незаметно, если удастся выбраться из проклятой России; а если не удастся – то вскоре опять тюрьма (хотя бы за тот же надзор). Жизнь прожита совершенно бессмысленно. Боролся-боролся, глядь – а уже и время твое подходит к концу, а победы так и нет, наоборот – налицо поражение, все забились по щелям, поле битвы опустело. И ты не можешь смириться с этим, пойти на поклон к победителю – но и бороться в одиночку не можешь; а следующего большого всплеска борьбы, когда будет окончен этот круг и начнется новый – не рассчитываешь уже дожидаться. Да если бы вдруг и дождался – там воевать будут уже другие, молодые, ты будешь для них никто, – ветеран, старая развалина, осколок прошлого, живой экспонат из музея... И советов твоих, как надо тут воевать, они слушать не будут, – молодые никогда не слушают советов.

Вот и получается, что зря, зря прошла жизнь. В сухом остатке – ноль, пустота... Будущего нет, – как в известном стихотворении времен WW2: «Я убит и не знаю, /Наш ли Ржев наконец». Вместо победы погибнуть в бою – нелепо, бессмысленно, но еще бессмысленнее – выжить и понять, что дело, которому ты отдал жизнь, как-то само собой рассосалось, ушло, как вода в песок, и не поражения, ни победы, а просто – пустота... Хотя у тебя еще есть и силы, а уж желанья-то воевать дальше – хоть отбавляй!.. Но в одиночку не повоюешь...

Еще один бесконечный, бессмысленный пустой день предстоит. Шмон, потом ожидание обеда, обед, в четыре – полдник (печенье), ужин... Читать нечего, делать нечего, от мыслей тошнит... Не пустили Феликса, суки, и я не знаю никаких даже новостей с воли. Будущего, как ни крути, нет, только АД впереди. Жизнь кончена. Всё теперь – ни к чему, и я не нужен сам себе, только вот никак не могу от себя избавиться, не хватает духу...

И за всю-то жизнь – не нажил себе никого, теперь совсем один. Друзья друзьями, но... Близких людей нет, ждет меня одинокая старость. Никому не нужен, как и себе. Это последнее, о чем я грущу, но всё же... Иной раз оказывается, что хочется кого-то любить, на кого-то тратить эту за всю жизнь нерастрченную нежность, но – нет у меня никого. Если выживу, выберусь из этой проклятой страны – заведу себе кошку. Серую, длинношерстную, сибирскую, – такую, какой была моя буреполомская Маня, в память о ней. Вот и достанется ей вся эта моя стариковская любовь

и нежность, за всю жизнь накопленная. Всё достанется ей. Она будет снисходительно позволять мне ее обожать и служить ей... :)

Жизнь прошла, окончательно и бесповоротно прошла. И впереди – АД, и деваться некуда. Не просто тошно на душе, – тошнѣхонько, как говорится в одной песне на стихи Некрасова.

29.3.17., 5-41

Всё же не совсем пустым оказался вчерашний день: в обед принесли вдруг письма, а еще позже, часа в три – выдернули вдруг опять к этой девице-психологу, крашеной. Пришла всё же во вторник, не обманула. Правда – и тут опять мразь Безукладников заявил: десять минут, не больше, – т.к. вскоре после этого начинались у этих мразей опять «крестины». Профанация, короче, полнейшая, а не психология, – как, собственно, и всё у этих ублюдков. Обещала она мне под конец разговора, что на этой неделе придет и выдернет меня еще раз, – ситуация, вообще говоря, небывалая, обычно не больше одного раза в неделю они вызывают. Что ж, посмотрим, как сдержит она теперь это обещание.

А письма... Два от Землинского, два от матери, по одному от Корба и Гудзенко (который Вальтер Ким, из Луховиц). Мать наконец-то получила мое последнее письмо, о разрыве моих с ней отношений, и пишет: мол, ну и хорошо, мне только легче будет, если я о тебе не буду ничего знать. Ну и прекрасно, на здоровье. То-то до этого постоянно писала мне: пишу, мол, каждые три дня...

Письмо Корба зато потрясло меня, просто убило. Оно датировано 21-м марта – и он, кроме прочего, пишет: издательский проект, мол, закончен, я уже видел фото нескольких книжек (про насилие), а коллеги, мол, ГОТОВЯТ ПРЕЗЕНТАЦИЮ. То бишь, презентации, которую мудака Агафонов в последнем письме обещал мне твердо на 13-е марта, не было еще и 21-го, он ее только «готовил» всё еще! И – не будет уже, по-видимому, никогда... Положись на это быдло, доверься только ему – и вот тебе результат...

И еще одной новостью поразил меня Корб. Ему, оказывается, написал Бородянский, соб. корр. «НоГи» в Омске, и сообщил, что Петр Винс, учредитель журналистской премии имени Сахарова, с чего-то вдруг решил в этом году номинировать на премию меня. И какие-то мои пять материалов они вроде бы ему уже послали (об этом и мать с чьих-то слов упоминает), не знаю уж, какие. Хотя – по условиям конкурса, которые Корб мне тоже прислал, там надо, чтобы тексты были в СМИ опубликованы, хотя бы в электронных, – едва ли мой блог может считаться полноценным СМИ; да плюс еще – срок публикации с 16.10.16 по 15.10.17, а у меня после 16.10.16 едва ли два-три текста всего там, в блоге, опубликовано. Что ж, послали –

молодцы, я целиком «за», а уж что там из этого выйдет, кроме капельки дополнительного пиара, – бог весть. Точнее, конечно – ничего не выйдет, догадаться не трудно. Других вариантов никто не предлагает; а с переводом на тюрьму, как пишет Корб, теперь срабатывает «эффект пастушка», – на новые сообщения о новых попытках уже никто не откликается, отвечают всё больше в духе: вот когда убьют (упрут на крытую, то бишь), тогда мы и поможем. В дополнение к этому и мать – ей, видите ли, звонить и голосом просить кого-то обо мне очень трудно из-за волнения и давления – отдала телефон Масюк, данный ей Каретниковой, Землинскому; а тот звонить не стал, конечно, а – написал Масюк обо мне в ее блог на сайте СПЧ (как я понял с его же слов во вчерашнем письме). Ясно, что на запись в блоге он ответа не получит, такие вопросы надо решать исключительно голосом, в личной беседе; и таким образом, обращение к Масюк по поводу меня, к чему так стремилась мать, оказалось по ее же, матери, воле полностью профанировано...

А меня скоро упрут в Ад, да. Осталось сидеть мне 964 дня. И скоро уже «суд», скоро...

13-53

Еще одно маленькое смешное событие. Перед обедом, в 12-м часу, вдруг выдернули меня к приехавшему типу из аппарата Марголиной, пермской казенной уполномоченной по правам человека. А перед тем, сразу после шмона, именно он, видимо, ходил по некоторым камерам и принимал жалобы, ибо раздавалась в коридоре грозная команда: «Форму одежды привели в порядок, построились!», а потом кому-то голос мрази Безукладникова сказал: «Осужденный, вас услышали!..» – типа, заканчивай уже поскорее.

А мне, открыв дверь, данный длинный козел сказал: «К вам ОНК». Но это оказалось не ОНК, хотя – этот парень напомнил мне, что именно он приезжал с Исаевым, тогдашним главой ОНК, в ноябре 2014, когда вообще я с Исаевым впервые познакомился. Так что оказалось – этот приезжий помнит меня еще с тех пор. Сказал он мимоходом, что им звонила мать; говорил с ней вроде бы Шевченко – тоже приезжавший ко мне в конце 2014 г. сотрудник аппарата Марголиной. То бишь, ему дано было, видимо, отдельное поручение – приехав в И К-10, поговорить лично со мной.

Что ж, я рассказал ему подробно про все эти попытки отправить меня на крытую тюрьму. Он был удивлен, узнав, что я, в общем-то, ничего не требую и готов здесь же, в этой же камере, от сидеть свои оставшиеся два года восемь месяцев. Обещал вроде бы какое-то содействие, хотя я понимаю, что всё это туфта, уж эта-то казенная правозащита точно не в

силах меня спасти. В целом поговорили хорошо, вежливо, доброжелательно. Он даже знает Глеба и вспомнил, что тот был моим защитником в 2014 г. (я об этом тогда при нем говорил Исаеву), обещал ему и Роме на всякий случай написать дополнительно, что у меня 10-го апреля «суд».

30.3.17., 5-37

Улетают, улетают, стремительно уносятся дни. Это – самое страшное здесь, когда просыпаешься уже окончательно ночью, часа в три, в начале четвертого, – и вспоминаешь, что всё меньше, меньше дней остается до АДА... Вот уже всего дней осталось, – а ведь совсем недавно был еще целый месяц, когда только первый раз пришли ко мне за очередной бумажкой в «суд»...

Уносятся стремительно дни, когда ждешь с ужасом этих «судов», ждешь АДА, – это я уже хорошо усвоил с прошлого сентября. И того, что и до воли остается тоже всё меньше дней, я в это время не чувствую, – Ад заслоняет мне волю эту призрачную... Страшно, – день тянется невыносимо, бесконечно долго, когда пытаешься уставшее, ноющее тело хоть как-то поудобнее пристроить на табуретке, хоть как-то его расслабить, пристроить голову на руку и закрыть слипающиеся глаза, хоть чуть-чуть подремать, отдохнуть... а недели пролетают стремительно, вчера еще 20 дней оставалось до ада – сегодня уже 10! Этого парадокса я никак не могу себе объяснить, хоть он и не нов, не мной открыт, еще Буковский писал об этом. Но это очень, очень страшно – наяву видеть, как день за днем ты всё ближе придвигаешься какой-то неведомой, незримой силой к зияющему, черному краю бездонной пропасти. От этого ужасом сжимается – буквально сжимается, это не метафора – сердце в эти три, четыре часа ночи, когда возникают вновь эти мысли – и прогоняют сон...

Сегодня – последний день, когда на ужин еще что-то есть, кроме майонеза. Единственное предстоящее дело на весь этот бесконечный предстоящий день, 16 часов, – это написать после обеда заявление на завтра, на магазин. Заявление, которое все равно не будет подписано (как же, только два раза в месяц теперь магазин для ПКТ-ЕПКТ, суки, хотя и раньше формально он был два раза в месяц!..), а если вдруг и подпишут – не будет отоварено. Но я ничего не теряю, кроме тетрадного листа в клетку, и поэтому задумал всё же написать его на завтра.

Мать в одном из двух вчера полученных мною писем приводит адрес кизеловского СИЗО – слава богу, хоть это сделали, узнали заранее, как я просил! – и уточняет, что транзитным в СИЗО никакие передачи не положены. Да, действительно, ведь и в 2007 в Нижнем у Дмитриевского не

приняли для меня передачу, я как-то забыл об этом. То бишь, если 10-го числа навесят мне всё же «крытку» и вывезут на СИЗО – там я месяца три буду сидеть, ждать апелляции, полностью голодным, на одной баланде и черняге (которую я не ем), – ни передач, ни магазина не будет... Да и на самой «крытке» вряд ли 6000 р. в месяц на магазин, прописанные в УИКе, обеспечат мне на практике, а не на бумаге, хоть какую-то сытость... :((((

19-45

Ужина опять нет вот до сих пор (обычно бывает в шесть или полшестого). «Крестин» сегодня вроде не было, но этого полоумного блатного крикуна, с его вечными «ауе!» и «босотой», опять зачем-то посадили в баню, непонятно зачем. Он бешено орет, ругается на кого-то, колотит в дверь. Временами его оттуда выпускают, он орет «ауе!» и инструкции блатным в конец коридора: всё нормально, никаких «кипешей», на крайние меры не идти, на провокации не поддаваться и т.д. Видимо, это действительно вор в законе, судя по тому, что, услышав его ругань с кем-то из вертухаев в «дежурке» (выпустили туда из бани?), блатные в конце коридора начали колотить в двери сразу нескольких камер. Он, услышав это, выскочил в коридор, стал орать им «ауе!!!» (раза три :)) , узнавать, что случилось, а когда понял, что это стучат в его поддержку – строго запретил им это. Смех и грех: им в коридор орет, что «всё нормально», а после этого с кем-то (не пойму только, с кем и за что) в «дежурке» ругается так яростно, что сразу становится ясно, что ничего не нормально. Когда всё нормально – так исступленно не орут и не матерятся. Судя по голосу, по манере орать, по лексике – типичный псих, е..нашка, человеком называться никак не могущий; животное (если это не оскорбление для животных). А вот сейчас, в сегодняшних его криках, ярко проявилась и более глубокая его суть, уже не форма, а содержание. Оно мне хорошо знакомо еще по Буреполому: блатной (до самой высшей их верхушки, как видим) будет защищать и страховать администрацию зоны от возможной агрессии уголовников. Блатной – в острой ситуации – всегда на стороне «мусоров», всегда призывает «не поддаваться на провокации», «никаких крайних мер», и т.д. То бишь – никогда и ни за что власть не атаковать, в угол ее не загонять, по-настоящему с ней не бороться... Мразь и нечисть, короче. Такая же, как была в Буреполоме. О роли «воров в законе» (истинной, а не в восторженных разговорах о них «босоты») отпали последние сомнения, если и могли какие-то сомнения до сих пор на этот счет быть...

20-15

Ужин привезли только в восемь вечера! На сей раз мрази просто превзошли самих себя: второй раз в день – капуста!! В обед на второе (с

куриными костями) и на ужин (с куском вонючей соленой селедки). Прежде такого все-таки не бывало: если в обед капуста – то на ужин картошка, или хоть каша какая-нибудь, и наоборот. Теперь они вовсе потеряли всякий стыд и совесть. Что я за день ел сегодня? – суп и две порции капусты, вот и всё «питание». На завтрак была мерзкая овсянка, ее я не ем. А остальное – капуста, капуста, капуста... Ее можно есть, да. Только очень уж несытно. Это – не еда...

Как же все-таки быть с тем, что они скоро повезут меня в СИЗО и на «крытку»? Снова и снова я вспоминаю об этом, ужасаюсь, вновь и вновь думаю: как же быть?! – и не нахожу ответа...

31.3.17., 14-35

Разумеется, заявление на магазин, отданное утром, вернули сейчас назад: какое-то блядво в чине «майора внутренней службы», но без фамилии, одна подпись, нацарапало сперва нечто неразборчивое, а ниже – «отоваривался 17/03 2500 = 24/03 2500 =». Ни ссылок на ПВР, ничего, – мол, то, что отоваривался, вроде как уже само по себе достаточный повод, чтобы больше не отовариваться. Мразь, мразь, какая же мразь...И откуда это чмо могло знать, когда и на сколько я отоваривался? – ведь эти сведения есть только в бухгалтерии. Туда, значит, звонил? Суки, ублюдки, гондоны сифилисные, всех бы вас перестрелял своими руками, и майоров, и полковников, и генералов!.. На ужин, кроме хлеба с майонезом и аджикой, всю неделю, до следующей пятницы, нечего будет есть. Счастье еще, что майонезом удачно запасся... Мочить вас, ублюдки!! 962 дня осталось, и через девять дней – уже «суд» и АД... :(((Проклятая эта страна свиней!..

Написал это всё, что выше, взял еще раз в руки возвращенное заявление. Присмотрелся. А ведь я не прав: отказал-то мне не майор! Почерки разные – у него и ниже. Оказывается, майор-то написал, если я правильно разобрал его каракули, «по положенности», подписался – а это, значит, в самом магазине уже мразь бухгалтерша, посмотрев в лицевой счет, написала эти даты и суммы. Вот сука старая! – так бы и задушил эту мразь своими руками! Да, завхоз был прав: теперь в самом магазине отслеживают эти вот «два раза в месяц», чтобы не чаще, хотя еще в том году на это не обращали никакого внимания. Суки, суки, суки, будьте вы все прокляты!.. Мрази, грязные свиньи, недочеловеки, вонючие сгустки биомассы, – из-за вас, блядей, я опять должен голодать неделю!.. А дурачок дневальный сейчас еще список товаров мне притащил – не знал, что мне отказано в праве отовариться!.. :))) Суки, суки, суки! Как я страстно мечтаю убивать вас своими руками!!

АПРЕЛЬ 2017

1.4.17., 7-30

Первоапрельские шуточки, короче. Повели первым в баню, без 20-ти шесть было. И – не было горячей воды! Полтора часа ее ждал, раз 20 стучал в дверь. Отвечают: только что звонили (в котельную), уже пустили, подожди десять минут. Полтора часа!!! В конце концов плюнул и ушел – как раз и дверь вдруг на очередной мой стук открыли. Как раз планировал сегодня побриться, постирать вещи... Суки, мразь, ублюдки, держат ни за что – и даже приемлемых условий обеспечить не могут... Теперь, видимо, до вторника, – если и дадут горячую воду, не факт, что они поведут еще раз; а уж после обеда я и сам не пойду – вдруг опять библиотекарь явится сегодня, а пропускать мне его не хочется... Короче, полный п-ц!.. И скоро АД, эта мысль довлеет надо всем, днем и ночью, не отпускает меня...

2.4.17., 5-27

В баню водить вчера эти мрази начали только где-то после 11-ти утра – когда, видимо, все же пошла горячая вода. Вместо белобрысого упыря к этому времени заступили почему-то косоглазые быдлотатарские ублюдки – оба сразу. Воссоединились наконец-то... А порядок смен этой нечисти, кто за кем тут дежурит – всё время меняется. После обеда несколько раз то мигал, то вообще отключался свет во всем здании, один раз – довольно долго не было света. Было зато много суеты, беготни, стуков в «кормушки» и раздраженных, злобных воплей косоглазых. Вызвали электриков-зэков из лагеря. Библиотекарь пришел около полтретьего – и на мой вопрос подтвердил, что приходит теперь по субботам. То бишь, каждый раз будет опасность пропустить его из-за бани, – если только меня вскоре не вывезут отсюда или не сделают мне баню по другим дням. Впрочем, книг он опять принес мало – и опять ужасное барахло, в основном никчемные позднесоветские книги никому не известных авторов. После его ухода я мог свободно идти опять в баню, отказываться было уже незачем. Но повели меня туда только без пяти минут шесть. Вернулся через полтора часа, как обычно – как раз к окончанию сбора тарелок после ужина, в точности как и утром. И что же? На ужин – овсянка и кусок вонючей соленой селедки! И даже хлеб – опять черняга, хотя несколько дней, до вчерашнего утра еще, опять весь день давали белый (серый) хлеб. То бишь, я остался вообще без ужина. После отбоя поел опять хлеба с майонезом и аджикой – хорошо еще, что две пайки, утренняя и обеденная, а не одна. Вот и всё питание. А т.к. на завтрак вчера была пшенка – ясно, что сейчас на завтрак будет какое-нибудь дерьмо (тут последнее время, кроме пшенки, пошло одно дерьмо на

завтраки), и хлеб – черняга. То бишь, вечером на ужин – одна обеденная пайка, не более пяти (а скорее меньше) тоненьких бутербродов с майонезом и аджикой для запаха.

Нечего жрать. Нечего читать. Нечего делать. Не пустили Феликса. И отправляют упорно меня в АД, на «тюремный режим». Магазин теперь – только дважды в месяц, библиотека – совпадает с баней... Всё отвратительно, во всем торжествует идиотизм и маразм. Проклятая страна... Проклятая моя жизнь... Нелепая, неудачная, не нужная никому – да и мне самому уже давно не нужная. Будь всё проклято, пусть сдохнут все мрази, кто засадил меня сюда и кто держит здесь. Всё бессмысленно, жизнь прошла зря. Осталось мне еще 960 дней этого плена...

18-40

Итак, сегодня – без завтрака и без ужина. То и другое – несъедобные каши. Поел только обед; ну и – после отбоя опять хлеб с майонезом. Пайка только обеденная, как я и писал вчера. Утром и вечером – опять дают чернягу, ее я даже с майонезом есть не хочу.

Что еще? Не знаю даже, зачем я вообще взялся сейчас, вечером, опять за дневник, ЧТО хотел сказать. О сегодняшнее говённое меню – можно было ведь, в конце концов, и не писать. Просто – очень страшно... Вот еще один день прошел. Осталось их еще семь, всего лишь семь, а там – «суд» и, видимо, на этот раз уж точно – АД. Не могут же отсрочки длиться вечно; когда-нибудь эти мрази сумеют, увы, оформить все свои бумажки как положено...

Очень это страшно – что вот катятся, катятся, летят, уходят дни, их не остановить, и ничего нельзя сделать, ничего нельзя ни предотвратить, ни изменить... И никак мне не удастся заставить себя думать, что уменьшается количество дней до воли, а не до крытой тюрьмы. О, как было легко и беззаботно на душе, пока длилась последняя, почти два месяца, отсрочка! Вот тогда действительно я каждый день радовался, что еще на один день стало меньше до освобождения. Но крытая тюрьма заслоняет мне эту призрачную волю, до которой – тут-то, уже зная все местные условия и приспособившись к ним, я имел все шансы дожить, а вот доживу ли там, в «крытке»? Впрочем, если и нет, потеря небольшая...

По радио сообщают в новостях, что вчера умер поэт Евтушенко на 85-м году жизни, а сегодня менты в Москве задержали 29 человек (на самом деле наверняка больше), якобы «нарушавших общественный порядок» тем, что попытались провести «несогласованную» с мэрией акцию. Вообще, я был сильно удивлен, когда еще в конце марта по тому же радио в новостях смутно заговорили о каких-то несанкционированных митингах в разных городах, – бог знает, сколько лет их уже не было, «несанкционированных»-

то, и при этом – крупных, хоть сколько-то массовых, а не пикетов на пятьдесят участников, как у Веры (хотя с Верой и выходят люди героические, честь им и слава). А потом – принесли «НоГу», где упоминалось подробнее, а м.б., и по радио мелькнули какие-то детали, не помню уже – и оказалось, что митинги эти собираются по кличу Навального и его компашки. Оказалось, они недавно сняли и выложили в интернет какой-то фильм, разоблачающий Медведева в том, что у него есть какие-то дворцы, виллы, яхты и пр., причем – формально не ему принадлежащие, что он, короче, слишком роскошно живет, всю эту роскошь ему в виде коррупции обеспечивают какие-то структуры, зависящие от решений правительства, и т.п. И вот – негодование «оппозиционного» быдла оказалось так велико, что по призыву этого гондона Навального (уж не знаю, личному или нет) оно побежало на площади под дубинки! Позорное и омерзительное зрелище! На Путина замахнуть, рот открыть – у этих говнюков навалых и пр. кишка тонка, отыгрываются на Медведеве! То, что им позапрещали всё на свете, напринимали тоталитарных законов, ни о чем рот раскрыть нельзя (будь то Крым, «чуйства верующих», реальная история WW2 и пр.) – на это им глубоко плевать, тогда как в Украине революция в 2014 произошла после того, как Рада приняла закон об «экстремизме». Здешние рабы с этим законом живут вот уже 15 лет – ничего, не морщатся, всё нормально! Тем паче, что и на нем, и на всех прочих преступных законах с 2000 г. стоит подпись Путина – а трогать этого кумира быдла, героя 86% населения Мордора, им страшно, кишка тонка! А вот какие-то дворцы и яхты Медведева – это самое то, тема относительно безопасная, Путина впрямую не затрагивающая, но позволяющая набрать у того же, пропутинского, не только «оппозиционного», быдла «оппозиционные» же очки. О Путине, я уверен, они всё равно не заикнутся, ни на какие площади никого не позовут, сколько бы дворцов и яхт у Путина вдруг не обнаружилось... В общем, мерзость из мерзости, еще одно подтверждение той черты национального характера москальского быдла, о которой веками писали многие (например, хоть и довольно мягко, Амальрик в 1969 г.): русские (москальское быдло, то бишь) больше огорчаются не своим неудачам, а успеху соседа; они не будут особо рваться из сил, чтобы жить лучше – но с удовольствием подожгут дом соседа, который выбился из нищеты и стал жить лучше их. Для них иметь что-то, чего у них нет – означает «украл», иного источника они себе представить не могут, судя о других по себе. И не то чтобы жалко эту мразь Медведева, которому крах всех надежд 2008-11 гг. прощен никогда не будет, – но не за то, не за то они его поносят; да и – кишка тонка на главного-то бандита свою пасть раскрыть, довольствуются шестерками, как и положено

ничтожному, трусливому, завистливому, пенсионерской армии всех этих навалых, яшиных и прочих лжеоппозиционеров, любителей и умельцев напоказ, для быдла, считать в чужих карманах...

3.4.17., 5-30

Понедельник. Господи, господи, как же тошно и тоскливо здесь по утрам, когда только проснешься! Как чудовищно быстро, с космической скоростью, улетают дни до «суда» – и какой АД ждет на сей раз после него!.. Уж на сей-то раз точно, увы... Какой ужас – представлять себе с самого утра, на нарах еще, все эти этапы, шмоны, битье и уголовников на крытой...

Лег вчера ровно в девять вечера, первый раз проснулся пол-одиннадцатого, потом – в начале первого, кажись (уже точно не помню), последний раз – в три, как обычно. Два часа просто лежал и поневоле представлял себе весь этот ужас. Прошла жизнь, и нет ничего ни позади, ни впереди, и никого нет близких, совсем никого, и уже не будет, как не будет и вообще уже ничего хорошего в жизни. Полное одиночество, пустота и бессилие что-либо изменить; совершенно непонятно, как жить дальше (если и доживу до воли), а главное – зачем... Осталось 959 дней.

18-10

Офигенная, просто потрясающая новость сейчас по радио!! Днем, после обеда (раньше не сообщали) вдруг – взрыв в питерском метро!!! На перегоне между «Сенной» и «Технологическим институтом» в вагоне. Погибших всего десять человек, взрывное устройство какое-то очень маленькое – 300, что ли (не помню точно), грамм в тротиловом эквиваленте.

Ну наконец-то!!! Респект!!! Браво!!! Брависсимо!!! Главное – что сегодня как раз в Питере находится Путин – и связь этих двух фактов очевидна и несомненна! Это – сочная, смачная оплеуха по путинской харе, точная и меткая! До сих пор Москва или (чаще) Кавказ, Питер не трогали еще никогда. Что ж, так и надо!! Молодцы! Погибших абсолютно не жалко, – жалеть в этой стране вообще некого и нечего, это не люди. И – это наконец-то, спустя четыре года и три месяца, первый взрыв на территории РФ (не Имарата Кавказ) с декабря 2013 г., с тех двух волгоградских взрывов, за которые мне добавили полгода. :) И – я могу слово в слово повторить всё то, что писал в том заявлении о них из Медведковской тюрьмы, опубликованном в январе 2014. Кто бы это ни сделал, даже если гэбуха (что крайне маловероятно) – подделом и этой проклятой стране, и ее тупому рабскому быдлонаселению! Гэбухе это невыгодно, ибо взрывы и любая такого рода активность только дестабилизирует, раскачивает обстановку в стране в целом, подрывает власть Путина, а задача гэбухи – как раз ее охранять. А если рассматривать это как такой специальный повод для усиления репрессий и «закручивания

гаек», – а кого, собственно, репрессировать-то? :)) В Питере что, есть боевое подполье, способное на что-то подобное, да еще и достаточно массовое?! Нет, конечно же. Гайки же и так уже закручены до упора, дальше просто некуда: только в том году были приняты скандальные, нашумевшие «антитеррористические поправки» Яровой, включающие срок за недонесение и много чего еще – и, как видим, не помогли, хе-хе! :))) Обосрались, жидко обосрались в очередной раз все «антитеррористические комитеты» и прочие ГБ-шные структуры! :) Нет сомнения, что и жалкая, вонючая «оппозиция» имени Немцова тоже будет, заливаясь слезами и жалобно всхлипывая, носить цветочки жертвам, проклинать злобных «террористов» и – де-факто, как всегда, если не де-юре – солидаризироваться в этом с властями Они наивно верят, что тут вообще, в принципе, можно что-то изменить к лучшему, да еще и – без насилия, без взрывов, одними беззубыми митингами в ментовских загонах да участием в фальшивых «выборах». Идиоты...

Что ж, в добрый час! Надеюсь, это не последний взрыв, будут и еще, пока я сижу. Есть, значит, ещё в этой говенной стране отчаянные, решительные люди! И пусть их будет побольше! С прежних времен я знаю две радикальные силы в РФ, способные на что-то подобное: это, условно говоря, «исламисты» и «скинхеды», На «исламистов», конечно, думаешь в первую очередь – по старой памяти, еще с чеченских войн, когда жив был Басаев... Но – кто знает? Очень бы хотелось, очень мне было бы приятно, если б это оказались, например, радикальные украинцы, решившие наконец-то отомстить за Крым и перенести навязанную им Москвой войну на территорию противника. Если на днях сообщат, что ответственность за взрыв взяло на себя «Исламское государство», я буду несколько разочарован, но, в общем-то, не удивлен. От этих ждешь в первую очередь. И кто бы ни организовал эту акцию – молодцы, герои, так держать! Шесть погибших «гвардейцев» недавно в Чечне, теперь вот Питер... – м.б., какая-то раскачка, дестабилизация всей этой мрази таки пойдет?..

5.4.17., 5-46

Перед ужином вчера принесли письма (не могли, суки, отдать раньше, хотя до этого они еще на ручке двери снаружи успели полежать). Три от Землинского, по одному от Феликса, Веры, Майсуряна (№173) и Лены Кондрахиной из СПб. Землинский подтверждает, что Феликса в марте не пустили ко мне (а самого Феликса письмо написано еще до того, 11 марта), и сообщает, что на 17-е апреля поездку ко мне запланировала Света! Бред какой-то – не хватало еще, чтобы ее приезд совпал со свиданкой, а потом ее еще год не допросишься приехать! Вере, Землинскому и Майсуряну, слава

богу, успел я ответить еще вчера, а уж остальным – сегодня; боюсь, что не успею уже никак влезть в эту ситуацию, помешать Свете приехать одновременно с Верой и Феликсом.

Принесли после обеда еще «НоГу», одну. С подробным описанием «гуляний» по Тверской 26 марта, по призыву Навального, с наездами на «коррупцию» Медведева. «Путин – вор!» – скандировали. Не забывают, значит, и Путина. Только – кишка тонка сказать, что он убийца и палач, кричат, что вор. Уголовная тактика: сесть за менее тяжкое преступление, а за более тяжкое – ответственности избежать. Много школьников, пишут, было на тусовке этой, – типа, новый этап, проснулась молодежь, по возрасту не успевшая на Болотную в 2011-12. Ну, м.б. Но – движение явно не в ту сторону (не в «коррупции» главная беда, не в дачах Медведева), и – эта молодежь еще успеет показать, что и она безнадежна, т.к. генетически ущербна, от родителей.

19-10

Перед обедом совершенно неожиданно приехали ребята. Я-то их ждал только завтра после «суда». Но «человек предполагает, а бог располагает»: они, оказалось, заняты по горло. То процесс Соколовского в Екб, который Глеб снимает на видео и выкладывает в интернет; то в Нижнем Тагиле административные «суды» по задержанным на этих «прогулках» по зову Навального (оказалось, в огромной куче городов вышли люди, молодежь в основном). Роме даже удалось добиться оправдания одного из них – это уж подлинное чудо!). В результате вместо четырех часов они пробыли тут только два – торопились на электричку, чтобы на перекладных ехать в Нижний Тагил. Про следующий раз – сказали, что только если «суд» 10-го кончится до обеда, то успеют приехать, а если позже – уже нет; самое же печальное – что на следующий день, 11-го, у Ромы один «суд», у Глеба – другой, так что остаться до 11-го в Чусовом они не смогут. Впрочем, нет, это еще не самое печальное. Самое – это то, что сказал мне Рома: оказывается, сегодня-то они приехали не столько ко мне, сколько – знакомиться с делом в Чусовском «суде» – и на мой вопрос, как там и что, Рома ответил, что вроде бы всё написано более-менее нормально. То есть – на третий раз они таки оформили свои бумаги так, что придраться Роме будет не к чему. Я и так ясно предчувствую, что на этот раз они меня закатают... :(((Это, видимо, совершенно неизбежно.

Кроме того, Глеб рассказал мне реальную причину недопуска Феликса в марте. Оказалось, это не отказ пускать по доверенности, как ему и Вере обещали еще 3-го февраля. Оказалось, он просто забыл выложить из сумки какой-то старый мобильник, которым и не пользуется даже. Ему подписали

пропуск, он вошел в зону, дошел до ШИЗО, видимо, – и тут у него при шмоне нашли этот телефон! И не только не пустили ко мне, но и составили на него административный протокол; так что теперь у него тоже должен быть «суд» по этой теме, только я не понял – неужели тут, в местном «суде», неужели он ради этого специально поедет сюда опять?!

Хоть что-то привезли заодно мне и поесть (в том числе некую очень вкусную выпечку с маком, привезенную Глебу, по его словам, ... Санниковой! Она, оказывается, как православная приезжала выступать в «суде» в защиту Соколовского; а сама она сейчас – что-то вроде адвоката-стажера в конторе Трепашкина, но еще не полноценный, значит, адвокат. Наелся я так, что оставленный в камере обед есть не стал. Хотел было второе оставить на ужин, как в прошлый приезд ребят (или в позапрошлый?). Но – стоит ли оставлять капусту с куриными костями? Выбросил. А на ужин – отвратная крупчатая каша с ними же. Тоже пришлось вывалить. Главный же сюрприз – что опять на обед черняга, и весь день, разумеется, тоже. Вот мрази!.. На крупку эту не хотелось мне даже майонез тратить, хоть его и много еще; а на бутерброды с майонезом – хлеба нет, эту чернягу я разве что с колбасой могу есть (и то противно!). То бишь – классно наелся вместо обеда от щедрот ребят, но – в два часа дня они ушли, и это – до отбоя; а после отбоя – есть еще шоколадный батончик из ларька, типа «Твикс», но не «Твикс», две палочки; последний батончик, купленный еще в середине марта, по-моему. Вот им и поужинаю, больше нечем.

Радуюсь, когда они приезжают; сразу шуточки, смех, бурное веселье. Но вообще – я сильно, очень сильно подавлен тем, что придется-таки ехать на «крытку», на этот раз уж точно упекут. :(((Куда мне деваться?.. 136 останется на день «суда», 10-го апреля. 136 из 365-ти. Казалось бы, уже не так много, 37% каких-то. Но... и их надо пережить, пережить под битьем, пытками, дубинками, голодом, холодом в ледяных карцерах, под травлей и провокациями уголовников, натравленных и самодеятельных... и что там еще будет? Заранее не угадаешь, но ясно, что абсолютно ничего хорошего. И эта перспектива отравляет мне существование и заслоняет и волю, уже не столь далекую, и саму жизнь...

Сказали также ребята, что презентация в Киеве таки прошла и даже вроде бы транслировалась в интернете. Но – число не назвали, не запомнили. Что э, хоть что-то хорошее...

6.4.17., 5-10

Вчера в отбой беру матрас – и вдруг говорят: пройдите, мол, в «дежурку», ознакомьтесь с документом. Спрашиваю, с каким, – не говорят. Иду – ну так и есть: опять дали мне 15 суток ШИЗО! Вчера, пока я общался с Глебом и

Ромой, оказывается, были «крестины», на которые меня и не позвали даже. И за что же 15 суток? А – опять та же стандартная ложь: разговаривал, мол, грубо и на «ты».

И с кем же это я так разговаривал? Действительно, забыл даже вчера написать: приходил утром, после шмона, Шрек уже давно тут не дежуривший, в сопровождении еще каких-то двух хмырей. Звал... катать пальцы! Третий раз уже, пока тут сижу, с 2014 года. Показал мне бумагу, пришедшую им: мол, откатать у меня пальцы – и послать почему-то в Медведковскую тюрьму в Москве! Почему именно туда – непонятно, но, во всяком случае, именно это СИЗО-4 в Москве там упоминалось. Я прочел – и отказался идти катать; а когда приехали ребята – то сразу сказали мне: нам, мол, опера сейчас говорили, что ты отказался, грозили, что могут применить силу.

Вот за это и дали мне эти ублюдки 15 суток, но – не могли же они так прямо написать, что, мол, отказался катать пальцы. Написали стандартную ложь: мол, «грубо и на «ты»».

Следствий этого два: опять голодать без магазина еще две недели (в сумме с последнего магазина, как кончилась еда, будет уже три) и – опять на свиданку 17-го Вере и Феликса не пустят. Слава богу, в запасе еще целых десять дней; я тотчас, как узнал про ШИЗО, уже после отбоя, написал об этом короткие записки Вере и Корбу, сейчас, по подъему, отдал. Если б точно знать, что 10-го после «суда» ребята опять приедут, я б не волновался, передал бы через них. Но – едва ли они успеют приехать. Так что – придется 10-го по этой конференц-связи, как только дадут слово, чтобы я представился «суду», сказать про это новое ШИЗО Роме и попросить передать Вере. Надеюсь, сбоя не будет, опять зря ехать им не придется.

То бишь – опять голодные марафоны по 18 часов, без ужина и завтрака, на одном чае... Опять 15 шмонов, сидеть в тоскливом ожидании, что сейчас сломятся – и заберут ВСЁ!.. Опять, опять весь этот ад на две недели, накладывающийся на АД крытой тюрьмы, если только не увезут в СИЗО сразу после «суда». «Суд» 10-го, а ШИЗО кончается 20-го. Еще неизвестно, успеют ли Вера и Феликс 21-го меня застать...

Из-за всего этого почти не спал эту ночь. Лег еще в девять, но заснул только после десяти, а уже в десять минут второго проснулся, сразу всё это вспомнил – и уже не мог заснуть до подъема. Даже три часа за ночь не проспал... Косоглазый же ублюдок из быдлотатарской смены поставил сейчас рекорд: поднял меня ПЯТЬ минут шестого! Раньше бывало 15 минут, ну 10, но сегодня – рекорд раннего вставания, опять сидеть голодным весь день со слипающимися глазами, ждать «суда», этапа, всех грядущих ужасов,

сходить с ума от тоски и отчаяния... Господи, когда же всё это кончится? Неужели только вместе с жизнью?!

Ровно год назад было последнее письмо от Мани. Теперь уже, скорее всего, я не буду ей отвечать, даже если она мне и напишет...

13-45

На обед второй день – капуста с костями. И – сегодня я и без завтрака (овсянка), в отличие от вчера. Опять на обед и черняга. Сколько же это продлится, интересно? Придется, видимо, как-то (не знаю уж, как) преодолев отвращение, есть на ужин с майонезом и аджикой чернягу. Аджики побольше, и для вкуса, и для запаха, чтобы заглушить вкус черняги. Пока не отобрали майонез – надо хоть его есть, но, кроме черняги, не с чем. Еще 14 шмонов утренних осталось пережить (если не увезут до 20-го). Пальцы катать пока что больше не зовут.

7.4.17., 15-43

Пятница. В баню – по ШИЗО-шному расписанию банных дней – меня не ведут и, похоже, вести даже не собираются. Остальное ШИЗО водили еще утром, до шмона. Забыли обо мне?

Тихо, спокойно, ни начальства, ни беготни... (Ни еды, – ведь из-за ШИЗО заяву на магазин я сегодня не отдавал.) Читаю, но как только отвлекусь от книги – ужас охватывает с новой и новой силой. Страшно даже представить, что всего лишь два дня осталось – выходные – а в понедельник судьба моя будет сломана, исковеркана еще раз, еще сильнее, чем до сих пор... Практически нет сомнений, что на этот раз они точно закатают меня в «крытку», и даже на короткую отсрочку, как в те два раза, нет надежды: у Ромы, как назло, нет никаких «судов» и пр., что можно было бы удостоверить документально и просить отложить заседание 10-го. Ужас бытия... Всё так тихо, спокойно и хорошо, можно расслабиться, читать и ни о чем не думать – но за этой тишиной и покоем я нутром, душой чувствую ужас, какой-то другой ужас, которого еще не видел до сих пор, за все годы заключения. М.б., я и его смогу пережить, кто знает... но ожидание и предвкушение его страшнее издали, чем сам он вблизи; а не думать об этом и не предвкушать я не могу, от меня эти мысли не зависят...

8.4.17., 5-25

В баню, конечно, вчера так и не повели, да и сегодня (ЕПКТ-шный день), похоже, не собираются. Проснулся сегодня без четверти три – и до утра опять не спал. Впрочем, и это хорошо – всё же не в час, как недавно. Просыпаюсь, вспоминаю всё – и душа опять замирает от ужаса, как каждое утро... От ужаса, что вот уже послезавтра, ПОСЛЕЗАВТРА, что остался всего лишь один день... М.б., я в итоге переживу и это, этот АД крытой тюрьмы, но

– каким ужасом предчувствия сжимается сердце сейчас, в ожидании его, этого никакими словами нельзя описать...

6-55

Третий день подряд без завтрака. Одну и ту же говнокашу дают и вчера, и сегодня – а пшенку, допустим, с осени 2015 ни разу не давали два дня подряд на утро...

О бане и помину нет, ясное дело. Уже повели кого-то другого. А эта мразь – крашенная эта девица-психолог – между прочим, была здесь и вчера, и позавчера (то я слышал ее каблучки и голос в коридоре, то вертухай говорил кому-то, что, мол, психолог наверху, в СУСе) – но меня вызвать даже и не подумала. Провалитесь вы все, мрази, свиньи, чтоб вам тут сдохнуть всем!..

13-25

Один день – вчера – дали на обед белый (серый) хлеб, и вот сейчас – опять черняга... Хорошо, что майонез и аджика пока еще есть, но отобрали – три шмона из 15-ти (ШИЗО) не зашли ко мне...

Весна. Весна на улице... Слышен шорох: снежный панцирь за окном потихоньку уже осыпается где-то (но не перед моим окном, увы). Весна... Манящее, зовущее, будоражащее всю кровь время... Сколько буду еще жив – всегда, каждый год, наверное, буду я подсознательно, помимо воли и сознания, вспоминать в апреле, под лучами весеннего солнца, себя не то что молодым даже, а – лет 12-ти, м.б., и еще меньше. 80-е годы, школа, солнце, лужи и грязь по дороге домой... Тогда не думалось, что вот, мол, вся жизнь еще впереди, как, мол, она пройдет, и т.п. Просто – от апрельского солнца я помимо воли ощущаю то же, что и тогда – бодрость, свежесть, веселье...

Точнее, буду ощущать каждый апрель, если доживу до воли. Послезавтра... Господи, неужели уже послезавтра?! Неужели конец, окончательный конец всем отсрочкам?! «Сейчас должно предписанное сбыться»... Полдня сегодня, день завтра и еще одна ночь – последняя... Ощущение как перед казнью, в разных книгах описанное – от цвейговской биографии Марии Антуанетты до «Овода» или «То, чего не было» Савинкова. Перед казнью... 954 дня еще осталось, но маячащая где-то там, вдалеке, свобода представляется какой-то абстракцией, чем-то смутным, призрачным, нереальным... Единственная реальность – тюрьма, нынешняя и грядущая крытая... Чувство абсолютной безысходности, обреченности, хоть об стену головой бейся – ничто не поможет... :(Некуда деваться. Жизнь захлопнулась, как западня, и от дразнящего через решетку и снеговой панцирь апрельского солнца – только еще тоскливее и невыносимее делается на душе... Как будто меня должны принести в жертву, зарезать, как жертвенного барана, – и баран этот всё понимает, и в глазах у него смертная

тоска, но вырваться и убежать он не может, не судьба ему... Кто же приносит эту жертву, кому и во имя чего? И как так получилось, что жизнь довела меня до этой роли – жертвенного барана? Как это всё так вышло? Вот уже больше десяти лет, с первого срока еще (когда все же были еще какие-то надежды, теперь уже давно рухнувшие), ищу я ответ на этот вопрос – и не могу его найти...

Будет ли сегодня библиотека, интересно, или нет? В тот раз хмырь-библиотекарь ответил четко: по субботам. Приходил он последние две субботы как раз вот в это время, между часом и двумя. Но вот нет его пока что, а уже почти два часа.

Интересно, в чем надо будет идти на «суд» послезавтра? В тапочках – это уже понятно, т.к. моих ботинок нет с того года еще, а чужие я не надену. Наверняка мрази будут заставлять одеть еще телогрейку и шапку, благо они-то есть. Не знаю уж, сколько градусов тепла на улице, но формально у них, по-моему, зимняя форма одежды до 15-го апреля. Дойду и без телаги, нет никакого желания ее надевать.

Изложишь всё это, всю эту тоску в дневнике – и вроде становится чуть-чуть легче. Но этого недостаточно, конечно. Ситуация тупиковая: в третий раз уж они постарались оформить свои гнусные на меня бумажки по всем правилам, отзывать не придется. А при рассмотрении их по сути – «судья» проштампует их не глядя, автоматически. Она и в октябре бы еще проштамповала... За что мне всё это, за что?! Почему всё так вышло в моей идиотской, нелепой жизни?.. Весна на улице, а на душе тоска, – в неволе весной от этого яркого солнца и капли обычно делается еще тоскливее... Апрель – лучшее время в году, на мой вкус, и уже пятый апрель (только этим сроком, не считая того) провожу я в плену, в неволе. Почему всё так вышло? И куда же мне деваться? Куда? Лучше бы я умер тогда, в 2006-м, разбился... Нет выхода, нет спасения, одна неволя и тоска... Жизнь прошла, ее уже не вернуть... Третий час, библиотекарь так и не идет...

18-30

До чего надо дойти, насколько оголодать, чтобы капусте с костями на ужин – радоваться?! А вот поди ж ты... Вполне на этот раз съедобная капуста, тушеная, без этого отвратительного привкуса, часто бывающего, костей мало (мяса, правда, на них еще меньше :) , а что касается воды – поразительно, но воды в тарелке почти не было! Шикарная капуста, короче! :))) – я бы с удовольствием сейчас съел еще две-три тарелки такой (но, увы, кто мне их даст...). Главное же счастье, которое я испытал, увидев ее, – что не «уха»! А то какой-то такой звук до этого слышался из коридора, как будто разливают по тарелкам суп, – и я уже приготовился к худшему. Вот бы

почаще так ошибаться!! – и если уж суждены в жизни сюрпризы, то пусть они будут приятными.

Библиотекарь все же пришел, наконец-то принес более-менее приличные книги. Читать запоем, с утра до вечера, уставая до смерти – лишь бы не думать о том, что будет послезавтра. Думал, что завтра, последний день, будет для меня пустым, бесконечным, днем ужаса, смертной тоски, метаний туда-сюда по камере в бессильном отчаянии, – нет, дай бог, он весь пройдет в чтении, только бы не думать... Хлеб и майонез на вечер; конфеты и шоколад потом на закуску – и вот день окончен, я лежу на нарах, жую кусочек конфеты, я еще живой, осталось мне не так уж и много, еще, м.б., всё как-то наладится... вот так каждый вечер, перед сном, жизнь искушает меня принять всё как есть и поверить, что всё не так уж плохо. Утром я горько усмехаюсь, вспоминая эти вечерние мысли.

9.4.17., 5-45

Мрачные юбилеи... Вчера – ровно 1600 дней, как я сижу. Сегодня – ровно полтора года, как сижу в этой одиночке. А завтра – АД, АД, АД!.. Тупое отчаяние, беспросветный мрак в душе... И – главное – во имя чего всё это?! Пыточная эта тюрьма, потерянные эти, вычеркнутые из жизни годы – во имя чего?! Ради того, чтобы число друзей в фейсбуке поднялось с 250 в 2012 г. до целых 300-т в 2020-м? И всё?! Больше-то ведь рассчитывать не на что, абсолютно не на что. Ну, пусть уж абсолютно запредельный успех – не 300, а 400 их будет! И это всё, ради чего я мучаюсь, голодаю, мерзну, не сплю ночами, вот уже сколько вынес унижений за эти годы – и сколько их еще впереди за оставшиеся 953 дня?! Потому что более заманчивых перспектив после (если) освобождения нет абсолютно никаких. Лучше бы я сдох тогда!.. Нет того, во имя чего стоило бы терпеть все эти мучения, в душе ад, ужас – и нет стимула жить...

Годовщина побоища в Тбилиси в 89 году сегодня. День национального траура в Грузии. Ольга Исаева оттуда мне так и не пишет, разочаровалась во мне. Всё бессмысленно, перспектив нет вообще никаких...

Позавчера здешние мрази шмонали ПКТ, вчера – ЕПКТ. Сегодня и все ближайшие дни будут шмонать ШИЗО. Если зайдут ко мне и заберут майонез с аджикой – придется натуральным образом голодать...

16-33

О, как это чудовищно, невыносимо, какой в этом есть адский садизм: сидеть и ждать ужасного будущего; ждать неизбежной беды!.. Садизм тех, кто меня на это мрачное будущее обрек. Оцепенение, ступор, душа как будто окаменела, проникнутая неизбывным ужасом... В тот раз, в декабре-январе, я, по-моему, в похожих выражениях описывал свое состояние; но – третий

раз есть третий раз, три – это магическое число. И некуда убежать, и негде спрятаться от неизбежного... И не с кем поделиться всем этим, не у кого просить сочувствия и моральной поддержки, – всем наплевать. Ну, если и не наплевать, то, во всяком случае, ни на одно из такого рода писем не получил я ответа такого, как мне бы хотелось. От Паши Люзакова не получил вообще, хотя он уверяет, что ответил мне – и что, раз письмо его (якобы) где-то затерялось, он сделает всё, чтобы оно до меня таки дошло. ЧТО сделает – догадаться нетрудно, но до сих пор вот почему-то не сделал...

Невыносимая тоска на душе. Будь оно всё проклято, – во имя чего же я мучаюсь?! Во имя чего?! Тяжкий, тернистый крестный путь, ведущий в никуда... Выжил, отмучился, освободился – ну возьмут, м.б., пару интервью, как в тот раз, и всё. Дальше – сам, один, ты никому не нужен, как не был нужен и в тюрьме. А много ли ты можешь один, да еще и (если повезет) в чужой стране?

10.4.17., 5-25

Опять спал только до трех часов ночи. Потом – бессонница и рой мелких мыслей: как буду собираться на этап, куда что положить, проверить, чтобы не забыть ничего...

Итак, сегодня АД. Опять...

Баня, шмон, «суд». Вот расклад на сегодня. Не в такой, м.б., последовательности, не знаю уж. В баню уже кого-то завели, грохнули дверь. Не факт, что поведут вообще, как и в тот раз.

Они сломали всю мою жизнь, исковеркали... 952 дня еще осталось, а что потом? Вот и дожил я до того, о чем раньше только слышал: отсидел зэк свой (очередной) срок, вышел – а идти ему некуда, нет ни дома, ни семьи, ни родных... Даже если и попаду в Украину – где там жить и на что? А в радужные сказки, что, мол, кто-то возьмет на себя всю заботу обо мне – я не верю. Дураков нет; у каждого хватает и своих проблем, чтобы еще чужие взваливать...

И в том, что нет у меня совсем никого – тоже виновата эта мразь путинская, это проклятое государство. Кроме матери – но мать не в счет, с ней не было у меня ни близких, ни доверительных отношений никогда, с самого детства. А остальные... Тюрьма отобрала у меня всех и всё; кто и был еще на воле, с кем можно было общаться – в тюрьму не стали мне писать, или быстро бросили, и уж конечно я не возобновлю с ними отношений, даже если доживу до воли...

Прошла, прошла жизнь. Ничего и никого вокруг; ни впереди, ни позади – ничего, пустота. А впереди – лишь АД, крытая тюрьма на два с лишним года. Сегодня меня упекут туда окончательно...

8-20

В баню повели в 7-20, в восемь как раз уже вернулся. Вышел в коридор – и вертухай как раз пошел за ключом от ящика, чтобы достать мою палку. Пользуясь его отсутствием, я взял да и стер с пластмассовой таблички на моей двери надпись «ШИЗО». Хотя – от шмона это не поможет, конечно... Но оказалось, что косоглазый быдлотатарский ублюдок – другой вертухай, стоявший в дальнем конце коридора вместе с еще раздававшим завтрак баландером, это заметил. Подошли к каптерке с тем вертухаем – и он тому стал говорить: мол, посмотри, он что там, стер табличку, что ли?! Служебное рвение какое, охренеть!.. Шел обратно из бани – «ШИЗО» на двери опять пока не написали, – м.б., забыли? Хорошо бы. Но всё равно – втемяшилась вдруг мысль: а что, если они мне за эту табличку сегодня или на днях навесят еще ШИЗО? Сегодня я скажу Роме прямо по видеосвязи: мол, пусть Вера приезжает только 21-го, после ШИЗО, – а тут мне еще добавят, они с Феликсом опять обломаются, как в том октябре?! Не дай бог!.. Баня прошла, из программы понедельника остались шмон и «суд», будь он проклят!..

12-55

Прямо хоть возьми да и уверуй в чудеса! – хотя всю жизнь я знал, что чудес не бывает...

Заседание «суда» продлилось недолго. Перед началом я сказал Роме то, что хотел, – про ШИЗО и Веру. Заметил при этом, что мрази Безукладникова вроде как нет, прокурор сиротливо сидит один. Но – не заметил, что рядом с Ромой, напротив прокурора, сидит еще какая-то мелкая вошь в синем ФСИН-овском мундире. Она и близко слишком к камере сидела, плохо было видно.

Начали заседание, я заявил о непризнании их «суда», как обычно. И тут эта синяя вошь встает, начинает что-то тихо говорить, и я слышу слово «отзыв». Настораживаюсь, не верю сперва своим ушам...

Третий раз с моим участием и впрямь оказался последним, финальным. По собственной инициативе, а не из-за нарушений в оформлении, как в прошлые два раза, лагерная администрация отозвала свое ходатайство о переводе меня на тюрьму!..

Мне, честно говоря, и до сих пор еще не очень верится...

Первые мысли, конечно – что случилось настоящее чудо и что это – последний раз, что больше до конца срока пытаться меня перевести на тюрьму они не будут. Но, по зрелом размышлении, в последнем выводе я сомневаюсь всё больше. Как бы это не оказалось очередной передышкой; правда, о конце ее я узнаю, как узнавал уже 25 ноября и 6 марта.

Очень огорчило меня, правда, что ребята отказались ехать из «суда» сразу

ко мне, как обещали в прошлый раз, 5-го апреля. Пообещали, что в этом месяце непременно заедут как-нибудь, – дай то бог! Свежо предание, да верится с трудом... Подкинули-таки ложку дегтя в сегодняшнюю внезапную бочку меда. :(Глебу надо завтра к девяти утра в «суд» над Соколовским (покемонщиком) в Екб, а Роме – тоже к девяти в «суд» Нижнего Тагила (по тем же административным задержаниям в связи с Навальным и Медведевым, видимо). Жаль, очень жаль, – я у них первых первым делом спросил бы: что они думают о моей сегодняшней неожиданной удаче, отсрочка это или финал и – чьё может быть влияние? На Бабушкина и «Мемориал» они плевали, подали уже после их обращений снова. Последний, с кем я говорил об этом и просил хоть какой-то помощи – это тот парень из аппарата Марголиной, пермского казенного «омбудсмена». Ведь глупо думать, что эта бесправная, казенная, системная Марголина повлияла так на зону и ГУФСИН в мою пользу, правда? Последняя по времени... ведь не из-за нее же это, черт возьми, произошло?! Вот ребят бы спросить... хотя они, в общем-то, тоже едва ли знают что-либо, только догадки.

Что ж, пока можно опять немного расслабиться, пусть даже только на месяц. Сосредоточиться на выживании в условиях ШИЗО. Осталось еще десять утренних шмонов, – надеюсь, что и они ко мне не зайдут. А вот майонеза, боюсь, на все эти десять дней мне не хватит (хотя вроде его еще порядочно). Что ж, если хотя бы в обед будет белый (серый) хлеб – буду есть его со сгущенкой.

Выводили из барака – белобрысый упырь говорил кому-то, что сегодня «крестины». Что ж, посмотрим, дернут ли меня за стертое с двери слово «ШИЗО». :))) По идее, не должны, – «объяснение писать будете?» не спрашивали. И – приходит мысль, не связан ли их сегодняшний отзыв с тем, что 19-го, как мне говорил Рома, назначено обжалование двух предпоследних моих ШИЗО, причем – в Екб, по месту жительства Ромы, где таких связей, как здесь, эти начальнички не имеют. Хотя – вряд ли, конечно. И – между прочим, извещение об этом «суде» в Екб мне до сих пор еще так и не принесли.

11.4.17., 16-40

Что-то не осталось уже почти ничего от вчерашней радости, – быстро же она закончилась! Наверняка это какой-то подвох, очередная временная отсрочка; а через месяц-другой – опять!.. Да даже если и нет – от перспективы здесь, в этой камере, просидеть еще 951 день, два года и семь с лишним месяцев – можно с ума сойти! К хорошему, увы, быстро привыкаешь: еще вчера утром я дорого бы дал, чтобы меня оставили тут до конца срока; а теперь вот... Да еще идиотская эта коллизия с проклятым

ШИЗО, свиданкой и передачей: приедут Вера и Феликс 21-го, смогут ли, или же нет? Роме и Глебу я вчера всё сказал, как и хотел, так что Вере-то передадут. Если б точно знать, что они приедут и привезут жратву, 20 кг, – я бы не стал тогда заказывать магазин, потому что 21-е – это как раз пятница. Вот так вот неудачно всё совпало в этот раз... Если привезут – то мне на фиг не нужна здешняя просроченная колбаса. Но если я понадеюсь на их приезд, не напишу заявление на магазин, а они не приедут (и это станет ясно уже только после двух-трех часов дня, когда заявление писать уже будет поздно) – я останусь еще на неделю без еды; да и майонез мой к тому времени уже точно кончится. Так что, видимо, придется рискнуть потратить 2500 со счета, – если только на свиданку дернут раньше, чем завхоз принесет список еды и лицевой счет, тогда я скажу ему, что брать мне в магазине ничего не надо. А при этом, с другой стороны, я же не знаю, что будет в списке: уж сока (пусть даже разбавленного, как тут продают) и сливочного масла мне в передаче точно не привезут. При этом, если меня на свиданку уведут прежде, чем придет завхоз со списком – вряд ли его туда, в здание КДС, пустят, чтобы вручить мне список и счет. Вот такие вот идиотские сложности и проблемы, так вот нелепо устроена тут жизнь (если это можно назвать жизнью, конечно)...

Маленькая, но радостная все же новость: наконец-то сегодня осыпалась верхняя часть снежного намордника прямо перед моим окном, торчавшая там с 18-го января. Теперь, по всей видимости, мне предстоит провести в этой камере лето (или хоть часть его), так что свет и особенно солнце в окно – имеют значение. Так приятно было год назад, в мае-июне, лежа в ожидании подъема, видеть солнечный луч и тень от решетки, через которую он проходил, на стене!.. Летом все же было тут поприятнее, чем зимой – могу сказать это на основании опыта одного лета и двух зим в этом каменном мешке. Единственное отличие – тем, прошлым летом мне не вешали ШИЗО вообще (хотя и без них жрать порой было нечего – то магазинщица в отпуске, то еще что-то); теперь же – будут и ШИЗО, и голод, и всего лишь два магазина в месяц... :((

18-37

Между прочим, коротенькая традиция нескольких последних недель опять перестала соблюдаться: вот опять прошла неделя с 4-го, а писем не несут. Сколько ждать – опять две, три недели?..

12.4.17., 19-08

В пять часов вечера прорезался вдруг опять мой соседка из 5-й камеры, – больше месяца молчал, с 9-го марта. Радио опять сломалось, ему скучно, у него нервоз – вспомнил обо мне. :) Просил газет, как и раньше. Сообщил

между делом, что был завхозом тем сроком (в Удмуртии) – значит, «красный», то-то отдельно от блатных сидит; и что предложил здешним начальничкам, что может стать завхозом ШИЗО, т.к. нынешний завхоз освобождается в июне.

Но самое интересное из сообщенного им – не это. Оказалось, что ему опять вместо давно обещанного ЕПКТ дали три месяца ПКТ – и мразь Баяндин сказал ему: на крытую, мол, пока не едем. То бишь – ходатайство о моей отправке отозвали позавчера не случайно, это не из-за того, что именно меня решили не отправлять. Это какой-то мораторий для всех здесь, видимо – и теперь ясно, что это опять временная отсрочка, а не то что отвязались от меня совсем. Т.к. ему дали три месяца (а могли шесть) – это какой-никакой ориентир: м.б., через три месяца начнут отправлять по новой (но не его, а меня). Как раз в июле, когда останется мне треть срока, два года и четыре месяца.

Помянул и про этого дагестанского вора в законе. Я угадал: хриплый, страшный голос, вопящий в коридоре «АУЕ, босота!!!», принадлежал именно ему. А сейчас, оказывается, его увезли на раскрутку: на 8-й зоне (где, видимо, он до этого сидел) он вроде бы что-то железное воткнул в ногу «мусору», изувечил, типа :) – и вот на раскрутку. Судя по голосу и крикам, тип, конечно, неприятный, но что воткнул – сделал, конечно, правильно.

14.4.17., 5-20

Позавчера, 12-го, принесли сперва газету с журналом, в а ужин – еще и письма (не могли, суки, отдать раньше, – ведь принесли-то их явно задолго до ужина!). Всего четыре письма: два от Землинского, одно – от Шведовского, с подробным описанием того, как его не пустили ко мне 24-го марта, и одно от Гедройца.

И вот в одном из писем Землинского, где-то в постскриптуме сбоку листа, я прочел вдруг, что якобы Света собирается ко мне 13-го апреля, а Феликс с передачей – 17-го (про мое ШИЗО с 5-го по 20-е тогда еще на воле не знали). Не то чтобы я на 100% этому поверил, но всё же был несколько настороже вчера утром, готовился ждать где-то после обеда.

И вдруг, только утренний шмон закончился, открывается дверь – и этот омерзительный вертухай, не знаю даже, как его и называть, знакомый мне еще по 2014-му году, говорит: «К адвокату!». Все-таки приехала Света именно 13-го, с ума сойти!..

Что ж, посидели, поговорили. Почему-то вдруг ей (не только ей, видимо) Amnesty International поручила какой-то опрос про этапы, с точки зрения того, насколько далеко от дома могут в России отправить сидеть. Так что я долго и красочно рассказывал про этапы, которыми ездил с 2007 года, Света

задавала вопросы и записывала ответы. Особых новостей она не привезла, упомянула, правда, про эту волну несанкционированных шествий 26 марта, за которые кучу народа сейчас административно «судят». Упомянула, что начинается у нее процесс по Бученкову, у которого 100% алиби, что он в мае 2012 не был на Болотной, но, естественно, обвинению на это просто плевать.

Пятница. У ШИЗО – баня. Слышу сейчас, как быдлотатарское чмо в камере напротив говорит кому-то: мол, в две бани сразу будут водить, два – в ближнюю, два – в дальнюю... Суки, опять мне подгадают так, что поведут в баню как раз во время шмона, как месяц назад было! Это вот хуже всего, – слава богу, половина этой «пятнашки» уже прошла, но зайти и выгрести всё могут и в последний день, им-то плевать, и потом затаскивай это всё обратно, если оно вообще не пропадет...

Радио так и не работает, сосед мой нервничает и негодует по этому поводу (вчера перед ужином опять стучал мне в стенку и говорил со мной). Мать теперь тоже мне не пишет – вот уже второй принос писем в апреле был, 4-го и 12-го, и от нее ни одного письма (а раньше по два, по четыре даже порой каждый раз). Да, собственно, переписываться с ней и не о чем по большому счету. Хорошо еще – Света сообщила мне вчера, что Феликсу, когда он приедет, мать обещала дать десять тысяч, чтобы он положил мне на счет. Это мало, конечно, но хоть что-то. Сама Света у матери была давно, еще в марте, а с тех пор они общались только по телефону, и о том, что я прервал всю переписку и общение с матерью, Света даже и не знала, пока я вчера ей не сказал.

Осталось 948 дней, 135 недель, два года и семь месяцев. Как я дотяну их – просто не знаю...

18-17

В баню повели сегодня, к счастью, уже после шмона, в начале 11-го, – последним (потому что теперь и ШИЗО, оказывается, водят сразу в две бани). В обед явился какой-то «мусор» и принес мне возражения здешнего начальничка зоны и – черт его поймет – те же самые возражения, но как бы уже от имени администрации вообще – на жалобу Ромы в «суд» в Екб. Две абсолютно идентичных бумаги, но одна подписана мразью Новоженовым, а другая – нет. Продиктовал этот принесший мне за них расписку и сказал, что сейчас отправит ее в «суд» – по факсу, видимо. Рома, оказалось, обжаловал не только два моих ШИЗО – от 23.1.17 и 1.3.17 – но и то, что трижды во время их ко мне визитов в этом году меня запирали в клетку («диаметром менее одного квадратного метра», как там сказано, – как будто клетка круглая! :))). Начальнички же в ответ (в своих «возражениях») ссылаются на УИК, ПВР, рапорта акты (ими же самими написанные и подписанные) – и

требуют РOME во всем отказать! Логика у них де-факто такая: если есть бумажка под названием «рапорт» или «акт», то всё, что в ней написано, по умолчанию является истиной, не подлежащей сомнению. Я офигел, прочитав, что, оказывается, когда в отбой 1-го марта мразь курточник Панин отказался меня ознакомить с постановлением о ШИЗО – я при этом «категорически отказался» подписывать это постановление (которое я и в глаза не видел!) – и об этом был составлен «акт»...

Сосед за стеной сказал сейчас, что вора в законе привезли, оказывается, обратно. Черт его знает, как он всё это узнаёт, сидя в камере и общаясь разве что с дневальным через дверь...

16.4.17., 12-46

У всех этих гнид, оказывается, сегодня пасха. Узнал я об этом вчера чисто случайно: когда начали поздравлять по радио (слушатели друг друга по СМС) и какой-то уголовник тут по пути в баню заорал в коридоре «с наступающим». Но – «праздничек» абсолютно не чувствуется. :) В том году на пасху (как раз 1-го мая она была) хотя бы давали перед обедом по четвертушке кулича, – черствый, мне вообще не нужен, но хоть что-то, хоть какой-то признак. Сегодня – абсолютно ничего. Меню тоже как обычно: говенная каша на завтрак (за полмесяца эти всего пять раз я завтракал), куриные кости на обед... Жиденькой гречки гондон-баландер еще и положил буквально совсем на доньшке; да и супа – всего полтарелки. За эти полмесяца, 1-15, подсчитал вчера – съел я всего лишь 60% их баланды; в том месяце за этот же период было еще меньше – 55%. Майонез мой кончается – дай бог, чтобы его хватило на сегодняшней ужин, а уж завтра, видимо, придется есть тот же серый хлеб уже со сгущенкой. Опять день за днем эти голодные марафоны по 15 часов: с 9 вечера до 12 дня; утром, около семи, вместо несъедобного завтрака – лишь стакан чуть теплого чая... Майонез ел я эти три байзера по 900 грамм каждый – целый месяц, куплены они были – случайно, по незнанию – 17 марта; офигеть, как мне тогда с ними повезло!.. Оголодал уже настолько, что – теперь, когда хотя бы временно отодвинулась на какое-то время опять угроза «крытки» – я ловлю себя на том, что всей душой жду Веру и Феликса с передачей, с этими несчастными 20-ю кг еды, – хоть на время, на месяц, успокоиться, что есть каждый день и завтрак, и ужин (и нормальный, а не майонез!), и сладкое... Просил их приехать 21-го, в пятницу, но скорее они приедут лишь в понедельник, 24-го. В любом случае минимум еще четыре дня без еды, без завтраков, без ужинов, на жиденьком, тощем обеде – главной трапезе дня... Поневолe поднимается в душе такое остервенение, такая лютая ненависть, что сами собой сжимаются кулаки... Тех, кто так испоганил, сломал мою жизнь, довел до такого вот убожества, до

голода, до ковыряния в каше с костями и прятанья сгущенки от шмона, дабы хоть что-то осталось на ужин – я бы тысячами, миллионами убивал бы лично, своими руками, расстреливал бы из автомата, пулемета, сжигал бы живьем в печах, бомбу ядерную сбросил бы на эту проклятую страну, если б только она у меня была, на всё это вонючее тупое быдло и его кровавых мразей-вождей, которым быдло с таким упоением лижет жопу. Мочить, убивать, кровью по колено залить тут всё, всю землю, – кровью этой мрази, быдла, нечисти, презренных рабов, ордынских наследничков, посадивших очередного тирана на шею не только себе, но и мне. Крови, крови, крови!..

15-17

Вот и наступило оно опять – лучшее время в году, вторая половина апреля. По крайней мере, в климате Москвы оно лучшее, да и здесь, думаю, тоже, в этом проклятом Пермском краю. Я отлично помню, что и год назад я писал об этом в дневнике; но – куда же деваться от тоски, вызываемой этой порой года, проводимой в неволе?.. Светает уже совсем рано, еще е шести утра нет; темнеет после девяти, дни всё длиннее... Яркий свет в окно целый день. Воля, недоступная воля манит, небо, почти уже просохшая земля (ну, дней через десять просохнет, сейчас-то еще рановато), ветер, свежий воздух, воля... В это время мне особенно невыносимо тут, в клетке, в этом каменном мешке; в Буреполоме было так же, а м.б., и еще тяжелее, – там ведь это вольное небо и землю я видел не из-за решетки, ходил по лагерю – и понимал, что это плен, что до настоящей воли, когда идешь куда хочешь и делаешь что хочешь, еще далеко... Тоска, невыносимая тоска душит и мучает: невольно я всё время представляю себе – себя на воле, в городе, будь то Москва, Киев, еще что-то; всё время представляю себе, как я вдыхаю полной грудью этот вольный воздух – и какое же это неопишемое наслаждение!.. Тот душевный подъем, который всегда бывал у меня в это время еще в юности – он невольно, сам собой, возникает и здесь, но натывается тотчас на эти стены и решетки... Не могу успокоиться, никак не могу: не должен, не должен я весной, в эту лучшую пору года, сидеть в неволе уже который год!.. Будь прокляты все, кто засадил меня сюда!..

По радио всё зачитывают бесконечные поздравления с пасхой – и это звучит откровенным глумлением. Тоска и боль от неволи не находят себе выхода...

17.4.17., 6-08

Понедельник. Еще один бесконечный, бессмысленный день предстоит. Сегодня должна была бы быть свиданка, если бы не... Опять водят в обе бани сразу, а гнида дневальный в коридоре сейчас два раза повторил кому-то: сегодня, мол, в баню водят на 8-й отряд. Прикалывается, что ли? С него

станется; на 8-м отряде никакой бани нет, он так же точно ходит в общую баню, как и все прочие отряды. Я, во всяком случае, никуда дальше СУС-овской бани не пойду. И опять – ждать, прислушиваться, нервничать: первым, ублюдки, не повели, начали с того конца коридора, с больших камер; теперь главное – чтобы не повели перед самым шмоном, как тогда, 13-го марта...

Бесконечный, бессмысленный день. Еще 945 их осталось, ровно 135 недель. Не так уж и много вроде, но... Душа тоскует и томится в этой клетке, а за окном – весна... Жизнь прошла, это уже ясно, и мысль о воле, где я буду никем, никому не буду нужен, буду лишь прозябать, где ждет меня одинокая старость – вызывает тоскливый ужас...

11-50

В баню так и не повели – и, похоже, не собираются вести вообще. Всё прочее ШИЗО уже помылось, – водили одновременно в две бани опять. Если позже будут «крестины» (наверняка) – то уж точно будет не до одного не помытого из всего ШИЗО.

То ли из-за этих готовящихся «крестин», то ли – непонятно с чего, но мрази вдруг опять вернулись к расписанию прежних времен. Все последние месяцы обед давали не раньше 12 часов дня, скорее даже позже – и вдруг сегодня приволокли в 20 минут 12-го! Да какой обед!.. Отвратительное на вид мутное хлёбово, в котором было чуть-чуть картошки, чуть-чуть пшена, – это «суп!». Даже морковки не было – опять она, видно, на всё лето у них кончилась, до нового урожая. На второе – картофельная жидкая болтушка с куриными костями, как обычно, – ее мразь баландер положил вообще на доньшке, почти пустую тарелку мне дал. (Супа тоже налил только полтарелки.) Каждый день почти, и сегодня, и вчера, и постоянно – вид этого обеда, количество его в тарелках и процент там же куриных костей (особенно во втором) приводят меня помимо моей воли и желания в такую ярость, в такое остервенение, что долго, долго уже и после этого говнообеда я не могу успокоиться. Единственное желание, слепое, непреодолимое, овладевающее при виде этих помоев всем моим существом, – убивать, убивать, лично, своими руками убивать, мочить, расстреливать их всех, мразей, – и тех, кто эту дрянь готовил, и тех, кто развозит, кто разливает, кто загнал меня сюда, кто держит здесь на таком пайке!!! Я мечтаю лишь об одном в оставшейся мне жизни: убивать их лично, своими руками...

14-04

Повели все-таки в баню после обеда. И – как чувствовал, что только выйду из бани – ждет уже какая-нибудь пакость. Точно!! Убирал в каптерке банный пакет в баул – вперлись вдруг Шрек и молоденький опер, которого я много

раз видел, разговаривал, но даже по имени не знаю. Сперва спросили, мол, откатывали ли мне пальцы в Медведковской тюрьме и если да (я сказал, что да) – почему они прислали этот запрос откатать и послать к ним. Потом опер начал подъезжать: мол, в чем проблема откатать пальцы? Я высказал им обоим часть (только часть) того, что я о них думаю. Шрек на мой прямой вопрос подтвердил, что это он написал на меня лживый рапорт, что якобы я говорил с ним «грубо и на ты», за что я и досаживаю сейчас очередные 15 суток. На мои слова, что это откровенная ложь, что он врет в глаза – только мычал что-то нечленораздельное, открыто врать, что я таки говорил с ним на «ты», не осмелился, мразь. Оперок на мою фразу, что уж кроме этой камеры им меня больше (т.е. хуже) посадить некуда – начал было уверять, что, мол, есть куда, это я просто не слышал. И вообще, говорил меньше, чем Шрек, но всё смеялся, ублюдок, гнида бледная, так бы и раздавил его, как гниду!.. Но силой тащить меня в кабинет не стали, хотя сначала сказали что-то типа «сейчас пройдем в кабинет». Ушел, обойдя Шрека – эту тушу, загородившую мне дорогу, и ничего, не пытались меня тормозить.

Итак, сухой остаток. Заставить меня не пытаются – понимают, что это будет трудно. Но – будут, скорее всего, пакостить привычными им методами, исподтишка. Совершенно не удивлюсь, если прямо сейчас (ну, или через день, в среду) дернут на очередные «крестины» (не пойду, разумеется) – и окажется, что я или опять с ними обоими разговаривал на «ты», или же «нарушал форму одежды» (конечно, в баню я ходил без робы, а если бы и в робе – на ней всё равно нет бирки). То бишь – приезд Веры и Феликса 21-го апреля опять окажется напрасным, их не пустят из-за нового ШИЗО – и я уже никак не успею их об этом предупредить, увы. В тот раз я и письма послал, и по телемосту сказал Роме и Глебу, и Света приехала вовремя, а сейчас... :(((

18.4.17., 5-10

«Крестины», да, были вчера, как же без них!.. Меня пока не тронули, но это именно «пока». Сейчас быдлотатарская мразь подняла в пять (!) минут шестого. Если бы не эти вот строки, за которые я почти сразу же сел – то, значит, предстояло 55 минут, до шести утра, ходить туда-сюда по камере, преодолевая мучительную боль в пояснице (почему-то она болит у меня именно утром, в это вот время, а потом, днем, хожу ли я, сижу ли – уже не болит).

Тошно до безумия, просто невыносимо, хоть бейся головой об стену... С одной стороны – изголодался, просто не могу больше жить на таком пайке... Вчера начал сгущенку – тот дырявый пакет, что прятал все эти дни от шмонов под тумбочку, протекший уже давно. Весь перемазался, пока поел,

все руки липкие... Глумление, а не еда, – но, увы, кроме сгущенки, больше ничего не осталось; обеденная пайка, разрезаемая на четыре-пять ломтиков, поливаемых затем сгущенкой – вот и вся еда. Это глумление, а не еда, конечно; если опять сорвут свиданку, навесят новое ШИЗО – просто не знаю, что буду делать. Видимо, чем ковыряться в куриных костях и выбрасывать в «дальняк» эти говнокаши (вот сейчас опять привезут, опять сидеть без завтрака до 12 часов!!) – лучше уж объявить голодовку...

С другой стороны – на воле весна, а я – здесь... Это еще добавляет тоски, обостряет ее, усиливает... Весной острее чувствуется неволя, и полное мое бессилие что-либо изменить, и вся моя пропащая, погубленная, изначально обреченная жизнь. Впрочем, у меня нет чувства, что если бы я что-то делал иначе, то и вся жизнь сложилась бы по-другому и я бы сейчас тут не сидел. Нет, видимо, это было запрограммировано с самого начала – нелепая, заведомо неудачная жизнь, ни в чем не знающая успеха. Ни в личном, ни в политическом; никого близких, хотя вроде бы и большой круг общения; много амбиций, да мало амуниции... Так это было предрешено с самого начала (не знаю только – кем...), что ни делай – всё было напрасно и 30 лет назад, только тогда – кто решился бы произнести такой прогноз вслух, даже если и понял бы его? Уж во всяком случае не мои мать и бабушка...

И что же теперь? Не знаю. Терпеть еще сколько-то лет (даже, м.б. десятилетий) эту вот бессмыслицу и безнадегу, браться за что-то – заведомо зная, что успеха не будет? Впрочем, есть хороший и логичный выход: прервать это никчемное, брэнное существование уже на воле, где это сделать куда проще, чем здесь. Кроме матери (если она доживет), плакать по мне никто не будет.

То обжалование моих «судов» в екб «суде», что затеял Рома, уже завтра (в последний их приезд он говорил мне, что назначено на 19-е), а бумажку мне так и не принесли. Значит – вопреки моему ходатайству (написанному, конечно же, с подачи Ромы и Глеба), никакого телемоста со мной этот «суд» решил не устраивать и слово мне не предоставлять; обойдутся показаниями одного Ромы, которых, конечно же, недостаточно для полной картины. Из «возражений» мрази Новоженова и пр. на днях узнал, что оказывается, прошлое ШИЗО, 1-го марта, когда меня мразь Панин в отбой даже не ознакомил с постановлением – выписали мне за то, что когда 22-го февраля после обеда приходил ублюдок Чертанов и при нем вертухай, открыв дверь, велел мне «представиться» – я якобы отказался представляться. Хотя я не то чтобы отказался, а – сперва спросил, что вообще случилось, чем вызвана такая торжественность; а после этого сказал, что вообще-то карточка со всеми моими данными висит снаружи на двери, а кроме того – уж кто-кто,

но мразь Чертанов-то меня знает очень хорошо, просто как облупленного, так что представляться нет необходимости. Так что это была просто очередная провокация, подлое их подлавливание – потребовать совершить бессмысленный ритуал, которого никогда ни от кого не требуют – и навесить ШИЗО не за отказ даже, а – за вполне естественное удивление, зачем вдруг это понадобилось. Такие вот подлые мрази, которых я мечтаю лично, своими руками убивать, жечь, стрелять, резать – да, видно, не судьба... :(((Едва только отступает назад непосредственная угроза «крытки» (очередная временная передышка, не более того) – сразу выступают на первый план бесконечные провокации этих мразей здесь, в лагере. Мне было бы наплевать с высокой башни на них и их ШИЗО, если бы не одна мелочь: каждое ШИЗО – это невозможность купить себе что-то поесть в магазине (а эта возможность и без того теперь, с 2017 г., урезана этими здешними суками до двух раз в месяц). То бишь – элементарно морят голодом, к этому сводится всё их «наказание» в моем случае...

18-00

Итак, сегодня – без завтрака и без ужина. Утром – опять та же говнокаша (много дней подряд), вечером – «уха». Т.е., за весь день еды – только обед и после отбоя – обеденная же белая (серая) пайка со сгущенкой. Жду Веру с Феликсом и с передачей – и с грустью думаю, что вряд ли они приедут в пятницу 21-го. Самое раннее – 24-го, в понедельник...

19.4.17., 5-35

Вчера в отбой белобрысая мразь, как и всегда в ее смену, выдала мне матрас самому последнему, после всех. Лишних 15 минут заняло это ожидание. Зато сейчас поднимать явился напарник белобрысой мрази, который насчет меня таких предрассудков не имеет, – и поднял меня сразу после 2-й камеры! То бишь, хорошего – жди дольше других, зато плохого – получай быстро и сполна, без задержки...

Завтрака опять не будет, уверен. В «суд» на телемост с Екб так и не поведут – бумажку не приносили.

20.4.17., 12-50

Всё сразу вдруг... Сейчас, перед обедом, дергают вдруг: сперва в «дежурку» получать последние решения Чусовского «суда» и письмо от Бабушкина (копию, а вообще – послание обо мне во ФСИН; в качестве адресата указано просто: «ФСИН России»), а оттуда – к психологу. Наконец-то эта яркая блондинка обо мне вспомнила, – за несколько минут до этого я как раз слышал, как по коридору простучали каблучки – и сразу подумал, что это она. Впрочем, кроме расспросов и пустых разговоров, ничего эти ее визиты не дают. Знала или не знала (делала вид, что не знает), но сразу спросила, не

в ШИЗО ли я сейчас – и тут в кабинет зачем-то на минуту вперся Шрек; пользуясь этим, я у нее спросил его фамилию – и она назвала: Чудинов. Уж не родственник ли той «судье» Чудиновой, которая последний раз, 10-го апреля, хотела переводить меня на тюремный режим? Не из-за этого ли вдруг и ходатайство отозвали? Рассказал я этой психологу, как мразь эта, Чудинов-Шрек, написала на меня лживый донос, по которому мне дали 15 суток, – а толку-то что? Она ничем не помогла бы, если бы и хотела; а о том, чтобы она этого захотела, ясное дело, не приходится и говорить. Да и мне эти ее визиты никакого даже морального облегчения не приносят. Посмотрим, через сколько недель она теперь вспомнит обо мне опять...

Но главный сюрприз ждал меня в камере, когда я туда вернулся. Обед уже стоял. На второе – СЕЧКА!! Вот суки, а... Значит, на одном супе и хлебной корке – до ужина, до шести часов вечера...

21.4.17., 14-03

Не приехали... Ни Веры, ни Феликса, ни свиданки... Ждал-ждал, и вот – дождался... Когда же теперь? В понедельник, 24-го? Света что-то мельком упоминала о понедельнике в свой приезд 13-го, – что, мол, пятница короткий день, лучше в понедельник... М.б., Феликс и Вера этой логикой и руководствуются? Но что-то подсказывает мне, что уже без толку ждать и в понедельник, – события вышли из-под моего контроля, и узнать я ничего не могу, если только ждать месяц – пока дойдет письмо, пока придет ответ...

Магазин тоже не несут, – впрочем, еще только в два часа он открывается с обеда. Хорошее, что я, не будучи уверен, что приедут и привезут передачу, написал заявление на магазин. Впрочем, заявление – еще вовсе не гарантия, что на ужин будет что-нибудь, кроме купленной месяц с лишним назад сгущенки...

Тоска ужасная, смертная, уже который день... (И который год.) Всё это было бы куда легче переносить, если б знать, во имя чего; если б была хоть какая-то надежда на будущее, на то, что после этих мучений ждет меня хоть что-то светлое, хоть что-то такое, ради чего стоит жить. Но вот этой-то надежды и нет совершенно, увы...

Девять дней, как нет писем. Некоторым, кто давно уже не пишет, хотел еще неделю назад написать сам, но – раздумал. Раз не пишут, значит – я им не нужен. Стоит ли навязываться?..

14-53

Магазина так и нет. Похоже, его и не будет вообще сегодня. Что ж, ужинаем опять сгущенкой с хлебом – по крайней мере еще три дня, если надеяться, что хотя бы в понедельник все-таки будет свиданка и передача. Сгущенки может хватить еще недели на две, если экономно расходовать. А

вместо магазина – сейчас, без четверти три, вдруг открывают мою дверь – за ней стоит некий в штатском – здоровенный лысый качок, а за ним – мразь Баяндин. Качок говорит: вот, мол, Борис Владимирович, хотели посмотреть на вас, как, мол, условия содержания? Я спрашиваю, кто он вообще такой, – отвечает: да неважно. Нифига себе... Я говорю ему: не хотите представляться – я и говорить с вами не буду. В ответ он говорит: до свиданья, мол! – и захлопывает дверь. Видимо, какая-то очередная гэбуха, кто еще мог не захотеть назваться? Да еще в сопровождении мрази Баяндина, начальника оперотдела, ходить? М.б., решили тут вместе мою судьбу...

22.4.17., 5-15

Как безумно нелепо и обидно всё получилось вчера! Впрочем, могло быть и хуже, – по умолчанию я рассчитывал на гораздо худший вариант.

В пять вечера были очередные «крестины» – уже третьи по счету за неделю. Принесли мне газетку. Я был уверен, что сейчас навесят мне опять «пятнашку» – и прощай свиданка 24-го... Открывается дверь... и косоглазый быдлотатарский вертухай не говорит, а лает, как они обычно: «Получать передачу!!».

В полном изумлении иду в «дежурку». Там сидят свиданщик – начальник КДС, с 2014 г. уже хорошо мне знакомый в лицо – и завхоз. Рядом со свиданщиком стоит большой белый пластиковый мешок, в какие кладут принятые передачи.

Спрашиваю у него, почему же не пустили Веру и Феликса на свиданку. В ответ он несет какой-то явный бред: мол, я их два часа уговаривал зайти за стекло, объяснял, что могу предоставить только такую свиданку (через стекло), но они, мол, не захотели. На мой вопрос: а чего же тогда они хотели, на какую иную свиданку претендовали?! – он не ответил ничего внятного, что-то промычал. Уже когда он ушел, пришла мне мысль, жалею, что не успел его спросить: наверное, опять, как и год назад, в апреле 2016, не работали телефонные трубки – и Вера с Феликсом хотели, именно по этой причине, возможности говорить не через стекло, чтобы было хоть как-то слышно. Зря, конечно, они не согласились, если моя догадка верна, – хоть что-нибудь да услышали бы, а главное – я бы не нервничал так, сидя здесь в ожидании... Но узнать точно, что же произошло, теперь можно будет только из ответов на мои письма, что я намерен сегодня им написать, то бишь – через месяц где-то, не раньше... :(((

Завхоза я тоже спросил, почему он не пришел с магазином. Ответ его был поразителен в своей простоте и безнадежности: а магазин не работает! Причем, по его словам, уже третью пятницу (или неделю? Уже точно не помню). Жалею, что не спросил, а почему, собственно, он не работает, – но

едва ли там вообще снисходят до объяснений.

Затем – сцена в коридоре. На мое счастье, быдлотатарский ублюдок в это время был один, притом – тот, что все-таки чуть-чуть помягче. Как я и предвидел задолго, он ни в какую не хотел пропустить всю мою передачу в камеру: мол, бери, что нужно, а остальное неси в каптерку. Это вместо того, чтобы в камере всё разложить, посмотреть, посчитать, разобрать – и потом уже, в отбой, вынести ненужное, как я делал до сих пор. Варианты были: отобрать (немножко) необходимого или в «дежурке», или в каптерке, или же – видя, что я не соглашаюсь – идти с передачей в кабинет и там сидеть, ждать Баяндина, который якобы сейчас должен прийти. (И который мне предложит там, в кабинете, сделать то же самое, ага! В том-то и дело, что в камере я оставляю не немножко, как они разрешают, а почти всю передачу, 90% ее, и незачем делать это под их контролем.) Но тут уж я уперся: встал с мешком в коридоре у своей камеры и заявил быдлотатарину, что не пойду вообще никуда, кроме камеры, пусть что хочет делает. Тут как раз из «дежурки» вышел, собираясь уходить, свиданщик. Я сослался на него, что, мол, он уже всю мою передачу смотрел, там всё «положенное» и разрешенное – и что он, косоглазый, не доверяет своему коллеге, что ли?! :) Свиданщик в ответ сказал косоглазому, что, мол, там (в моей передаче) нет ни чая, ничего такого... – и ублюдок этот наконец-то решился взять на себя такую ответственность, пропустить весь мешок в камеру. :) Конечно, сыграла роль моя непримиримая позиция – никуда, кроме камеры, не пойду, и всё тут! – но, оказывается, вот чего они боятся, суки, – чая!! Хотя в их же новых ПВР запрет на чай и кофе в ПКТ/ЕПКТ уже отсутствует, – но им на это плевать, вряд ли даже они удосужились эти новые ПВР внимательно прочесть...

Унес остатки передачи я после отбоя, – еще пришлось ждать этих тварей, пока они «отобьют всех остальных, из-за чего я не мог вовремя сесть ужинать. Лена Маглеванная разочаровала меня, конечно: я ей написал, что можно взять НЕМНОГО шпрот или сардин, впридачу к основной, самой лучшей у них там рыбе – горбуше в больших плоских банках. Она же этой горбуши купила всего лишь три банки, а то, чего я просил взять немножко – у нее пошло как основное по количеству... :(

Спал тоже плохо этой ночью, никак с вечера не мог заснуть, долго ворочался, взвинченный всем произошедшим за вечер, сочинял мысленно письмо Феликсу... Проснулся очень рано, лежал без сна. Мразотная эта смена подняла сейчас, как всегда, в пять минут шестого. Открыли дверь – а около нее, оказалось, лежит серый кот, наконец-то я его увидел, до этого только слышал; матрас, получается, надо бросать прямо на него. :) Бросил рядом,

нагнулся, потрогал слегка его спинку, косоглазая вчерашняя мразь, разумеется, на меня заорала...

А ублюдок этот, соседка за стеной, который еще неделю с лишним назад обещал, звоня своим по казенному таксофону, по подписанному начальником заявлению, набрать также Вере или Феликсу (специально спрашивал у меня их телефоны, сам всю эту идею мне предложил) и спросить, приедут ли они и когда, – так и не подумал ничего узнать, сучонок! То ли не водили его вообще звонить (это дело долгое, можно с уже подписанным заявлением ждать несколько дней, пока выведут), а скорее – водили, но он и не подумал позвонить моим. В общем, за всю прошедшую неделю он не постучал мне в стену, как обещал, и ничего не сказал. Я же несколько раз хотел уже постучать ему сам и спросить, но что-то удерживало, – с этой уголовной нечистью я брезгую общаться практически так же, как и с вертухаями (тем паче, что между теми и другими разницы особой и нет). А еще – приходила мне мысль: не для оперчасти ли он спрашивал телефоны и брал на себя такое поручение? Более чем вероятно, что сообщил мрази Баяндину. И – не по этой ли причине и не состоялась вчера свиданка?

23.4.17., 5-20

Воскресенье. Белобрысый упырь Лезгин, мразь, так и не повел меня вчера в баню. Напрасно я готовился после 13 часов заявить ему, что, мол, не пойду, пока не придет библиотекарь (чтобы его не пропустить) – и, скорее всего, отказаться от бани совсем. Отказываться не понадобилось: он вообще не повел. Забыл, видимо. Я, разумеется, не стал ему напоминать. Это уже четвертый, если не пятый раз за те полтора с небольшим года, что я безвылазно сижу в этой одиночке.

И еще одна коллизия повторилась сейчас, вот уже второй, если не больше, раз. Мразь Лезгин в свою смену вечером, в отбой, традиционно выдает мне матрас последнему, после всех, практически все эти полтора года (сейчас две смены из четырех делают именно так). Утром, в подъем, он и забирал у меня матрас у последнего, а один раз, в этом уже году, даже забыл обо мне вообще. Но теперь подъемы с этого конца коридора начинает не он, а его помощник, который не имеет таких предрассудков на мой счет – и забирает у меня матрас по порядку, сразу после 2-й камеры. Т.е., я ложусь спать последним, а встаю – одним из первых. Ублюдки...

И еще одна неприятность случилась вчера. Ни с того ни с сего сломалось вдруг зеркальце, маленькое, карманное, сделанное по типу пудреницы в железном корпусе, которое еще в 2014 г. привозила мне сюда в передаче мать. Железная рамка, на которой держалось одно из зеркал, отклеилась от

корпуса, а само зеркальце (одно из двух) – от рамки. Корпус при этом перестал закрываться. Долго я пытался вчера починить эту нехитрую конструкцию, но так и не смог (да и клея же нет, приклеить все эти части нечем, а держались они на клею). И, главное, как назло: если б хоть несколькими днями раньше – я бы Свете сообщил, когда она была тут, могли бы мне в передачу положить новое зеркальце. А теперь – что делать, кого просить? Глеба разве что, – но когда еще он приедет... Пользоваться, в принципе, можно и отклеившимся зеркалом, без корпуса, но – и неудобно, и непременно разобьется, если уронишь...

11-й день сегодня, как нет писем. Физически чувствую, как чахну и засыхаю здесь без информации, без общения со своими. Света никаких новостей не привезла, Вера и Феликс – пролетели... Ни киевских новостей от Натальи, ничего... Тоскливо ужасно, одиночество душит меня. И – увы, то же самое ждет и на воле через оставшиеся 939 дней... :(((

9-10

Новый сюрприз! Белобрысый упырь приперся сейчас, без 20-ти девять: в баню! Спрашиваю: почему сегодня, а не вчера? – По ПКТ! Оказывается, они считают, что ЕПКТ у меня уже кончилось – и я сижу в камере по тому старому, недосиженному ПКТ от октября 2015 года! Ловкий ход! – но только законам-то их он всё равно не соответствует. Если считать ЕПКТ вместе с 70-ю сутками ШИЗО – то оно еще не кончилось. А если без них же считать и то ПКТ, то оно тоже уже истекло – я всего-то не досидел тогда полтора месяца, а с формального конца ЕПКТ (без ШИЗО), т.е. с 24 февраля 2017 г., прошло уже больше.

Так-то, конечно, мне всё равно. Теперь, по такой логике, они могут вскоре навесить мне опять год «ешки» – и дай бог, чтобы оставили в покое, не отправляли на тюрьму.

24.4.17., 13-12

Второй день подряд на обед, на второе – перловка. Второй день я, можно сказать, без обеда, на одном супе. А если считать вместе с 20-м апреля (сечка) – то три раза. С ума сойти – три раза без обеда менее чем за неделю! И раньше-то было не ахти, но ощущение такое, что с получением мной передачи местное «питание» сразу и резко ухудшилось... :(((

Вера и Феликс, конечно, не появились. Глупо было и надеяться, чтобы они стали сидеть тут два выходных дня после неудавшейся свиданки, до понедельника... И всё же – продолжаю недоумевать, почему они и от свиданки вроде как отказались (ну, допустим, трубки не работали, другой причины я вообразить не могу), и по доверенностям сюда ко мне тоже не пришли? Короткий день? Не захватили доверенности? Но ведь Вере я писал

еще 5-го, в последнем, срочном письме (про ШИЗО), чтобы взяли их обязательно... Да и сами они – взрослые, опытные люди, не раз уже тут бывавшие... М.б., по доверенностям их просто отказались пускать, как обещали еще 3-го февраля? Но Феликсу-то 24-го марта проход ко мне подписали... В общем, нелепая какая-то и странная история, и пока не придет хотя бы от одного из них письма с разъяснением – не будет мне покоя.

А между тем, всё острее ощущаю я тоску и тревогу из-за отсутствия всяких вестей из дома. Глеб и Рома были в начале месяца, 10-го не приехали, свиданка 21-го тоже сорвалась, писем не несут вот уже 12 дней, с 12-го числа, хотя долговязая мразь Безукладников, обязанная их приносить, сегодня была здесь, трубный глас ее слышался в коридоре... Хотя – это всё эмоции, а с другой стороны – умом я понимаю, что хороших вестей с воли ждать точно не приходится, так что – потеря не такая уж и большая. Но всё равно – давит и давит где-то там, глубоко в душе, эта тоска – по воле, по людям, которых я считаю своими друзьями...

Понедельник. Часов в пять, в шесть наверняка будут «крестины» (достаточно вспомнить, что на той неделе эти полоумные мрази устраивали их ТРИ раза!). Как и год назад, той весной и в начале лета, я нервничаю теперь каждый день, по будням, слыша под вечер звонки в дверь и шмяканье двери бани, когда уже все давно помылись, – признаки того, что приводят из лагеря на «крестины» и сажают в баню. Особенно теперь, когда, как случайно выяснилось, эти ублюдки вдруг стали считать, что у меня опять ПКТ. Остается лишь ждать очередной провокации их для того, чтобы «законно» навесить мне очередной год ЕПКТ (а вдруг опять полгода ПКТ?). Опять будет или «нарушение формы одежды» (не одел робу – или же даже и одел, но она без бирки!), или же – «не представился», «не доложил по форме» и т.п. Другого-то выдумать они не сподобятся, скорее всего.

25.4.17., 12-25

Всё чудесатее и чудесатее... Вчерашний ужин – картофельное пюре и кусок рыбы – дали сейчас на обед, на второе. Всю жизнь рыба – в любых видах – давалась здесь строго на ужин, и вдруг... Впрочем, за те полтора с лишним года, что я сижу в этой одиночке, как-то раз они и картошку дали на завтрак.

Хуже, что вместо хлеба опять на обед черняга – это при том, что я своими глазами сейчас видел гору белых буханок, лежавших на баландерской тележке. В общем, если бы не привезли эту передачу – неведомо, что бы я вообще сейчас ел. Чернягу со сгущенкой – не принимает душа, лучше уж не ужинать вообще; как-то в марте пару раз и пришлось тут лечь без ужина –

марафон в 18 часов от казенного ужина до обеда ...

Предчувствие какой-то беды, очередной какой-то подлости со стороны местных мразей в погонах не оставляет меня с утра, хотя пока вроде ничего и не происходит. Писем так и нет, вот уже 13-й день, хотя долговязая мразь, обязанная их носить, бывает на работе ежедневно. Впрочем... какие письма, от кого и – главное – о чем? Одним из наиболее сильных впечатлений последних лет, года с 14-го, с 15-го, из наиболее важных фактов и выводов моего печального жизненного опыта была эта бурная переписка с друзьями и близкими людьми. Мать, Вера, Лена Маглеванная, Глеб, паша Люзаков, Маня... Всем им я пытался объяснить весь тот ужас, всю ту безнадегу и безысходность, которые у меня на душе вот уже пять лет, еще с доарестных времен. Боль, отчаяние, тоска, ужас перед неизбежным... Кто отмолчался, отвечая о чем-то своем, ; кто писал гору оптимистической чуши, как мать; кто вообще не ответил, либо, как Маня, не утруждая себя писанием каких-либо писем, делом доказал свое истинное отношение... Поддержать меня по-настоящему не смог или не захотел никто. Ответа, которого я ждал, который годился бы один-единственный к данному случаю, – не прозвучало...

Что ж... Одиночество – это мой финиш, окончательный и бесповоротный диагноз, вердикт, не подлежащий обжалованию. Всё по Гегелю: тезис – антитезис – синтез. Когда-то, 20 с лишним лет назад, в 90-е, уже было одиночество, тоже тяжелое, но всё же не такое окончательное и безнадежное. Я как мог боролся с ним; одолеть его не смог, а – плюнул и решил просто не замечать, а там – будь что будет. И долго не чувствовал его потом, забыл даже самое это слово. Работа, борьба – заменили неудавшуюся личную жизнь. И вот – никакой борьбы больше нет (по крайней мере, для меня); и одиночество вернулось – уже не как личное, а как глобальное, когда друзья только кажутся друзьями, но по сути – не понимают тебя и даже не очень-то стараются понять; когда впереди нет ничего, кроме пустоты и одинокой старости, а лучшим избавлением от одиночества кажется идея завести кошку – сибирскую, длинношерстную, наподобие моей буреполомской Мани, такую же серую с зелеными глазами, – и пусть вся моя нерастрченная любовь и нежность, так никем и не востребованные в этой жизни, достанутся ей... Только вот – если придется уезжать куда-то из дома надолго (из нового дома – и где-то он еще будет? Дай бог, чтобы в Киеве!..) – куда ее девать? С собой же не повезешь...

Писал-писал – и вдруг принесли пачку писем. Что ж, почитаем ...

26.4.17., 5-13

Отстали вдруг ночью, в начале четвертого, часы, – почти на 20 минут. Не

успел потрясти их вовремя, – видать, долго спал. :) С прошлого года таких казусов не случалось, когда еще были у меня те часы, ныне сломанные и спрятанные.

Письма вчера – четыре от Землинского, по одному от Майсурия (№175 – а 174-го опять нет!), Ирины Владимировой и Григорьянца. На сей раз хоть что-то хорошее я в этих письмах вычитал. Майсурия, собственно, лишь переслал мне письмо Горильской, где она сообщает: 10-го апреля, как раз в день моего «суда», они в Киеве устроили по мне круглый стол, пришел Корчинский и очень хорошо выступил. А чуть позже в одном из писем и Землинский мне пишет: мол, речь Корчинского (говорившего по-русски) Вам, наверное, кто-нибудь пришлет. То бишь, всё это есть в интернете и, видимо, достаточно заметно, раз Землинский, вряд ли заранее зная об этом круглом столе, тем не менее увидел речь Корчинского. Наталья пишет еще, что ждали Хмару, но он не пришел; а на 13-е (ее письмо от 12 апреля) готовят еще какой-то круглый стол. И про офис по мне, который она давно обещала, что-то не очень понятное пишет: мол, его построили, даже с кухней, но никак не получим разрешение сделать из него второй выход; мол, к осени разрешение должно быть. При этом как-то не совсем понятно: сейчас-то, без этого второго выхода, офис работает или нет...

А Владимировая, кроме своего, прислала мне еще мартовское письмо к ней от Рафиса Кашапова, где он ее просит передать мне привет и всякие теплые пожелания, вспоминает, как когда-то раздавали они народу «РП» в Татарстане. И от себя Ира предлагает: мол, напишите Рафису письмо, а я ему перешлю.

Даже трудно представить, как мне было это приятно – что он помнит обо мне и передает привет, сам, первый, без всяких с моей стороны обращений и напоминаний о себе. Я написал тут же ему письмо, – правда, не знаю уж, пропустят его там, или нет, т.к. по тексту ясно, что оно с зоны. Кроме того, уж не знаю, понравится ли оно самому Кашапову, поскольку я в нем изложил свои давние сомнения – есть вообще сейчас татарский народ или нет, или его окончательно раздавили и втоптали в это имперское дерьмо. Достаточно вспомнить дикое количество татарстанских подписей под знаменитым письмом «интеллигенции» в 2014 г. в поддержку захвата Крыма; достаточно посмотреть на всю эту быдлотатарскую мразь, работающую здесь, в этой зоне, вертухаями, – в их собачьей преданности колониальным властям не остается никаких сомнений. Да и – много ли самого Кашапова защищали в Татарстане, когда его посадили? А ведь он – фактически лидер, глава национально-освободительного движения (о чем я ему тоже написал), – и что? Штурмовать СИЗО, чтобы его, лидера, оттуда вытащить, желающих не

нашлось и не могло найтись. Так есть он вообще, татарский народ, или же он спекся окончательно?.. Посмотрим, что ответит Кашапов – правда, если начальство обоих лагерей пропустит такого рода переписку, что далеко не факт.

Опять началась морока с проклятой баней, теперь уже по ПКТ-шному расписанию. Косоглазый упырь, открыв «двойку», я слышал, обитателям ее сказал – сейчас, мол, сделаем подъем и сразу в баню. По логике, после них должны вести меня. Но – как всегда с этими тварями, уверенности ни в чем нет. Во всяком случае, хоть какая-то надежда сходить в баню и вернуться до наступления девяти утра, до шмона, еще не совсем умерла.

Вчера опять только обедал – и то без рыбы и черняги, только суп и картошка. На ужин дали опять перловку – завезли ее этим мразям, теперь они ее каждый день то в обед, то в ужин пихают, да еще в самом отвратительном виде, со слизью этой! Голод, типичный голод... Если бы не привезли мне 21-го передачу – на такой баланде, да еще без магазина, я бы тут просто окошел бы с голоду...

14-24

В баню повели без 20-ти восемь, до шмона, слава богу, успел помыться. Радио опять не работает весь день. Часов в 11, после шмона, отпирают вдруг мою дверь – на пороге стоит мразь Баяндин, за ним – один из косоглазых ублюдков и еще какая-то харя. Мразь Баяндин сперва протягивает мне два письма – от Землинского и Манацковой – а потом вдруг спрашивает, буду ли я расписываться за то, что они изъяли у меня письмо.

Я сразу догадался, о каком письме идет речь. Требую для прочтения их «акт» – точно: от Майсуряна, № 174 (и номер там указали, с ума сойти! Раньше номер ни за что не хотели писать), сам «акт» составлен еще 19-го апреля (валялся у них где-то целую неделю). И – в графе о причинах изъятия написано: «Копии фотографии казни граждан на стр. 2, 4, 5». То бишь – видимо, опять Майсурян решил мне что-то разъяснить о зле исламизма и, как уже делал раньше, для примера взял фотки казни исламистами каких-то людей. Но – судя по «акту», Майсуряна теперь самого можно считать сторонником ИГИЛа, здесь же не принято вникать и разбираться, за ты или против... :))) А дальше, за «актом» об изъятии, уже напечатанный и степлером к нему прикрепленный, следует «акт» о том, что я такого-то числа во столько-то времени «категорически отказался» подписывать «акт» об изъятии письма! :))) Знают, суки, уже, что не подписываю я их поганых бумажек – так что не считают грехом слегка приврать: написать заранее о том, чего еще не было...

Написал сразу же Майсуряну письмо, привел цитату о фотках «казни

граждан». :) Может гордиться: их «акт» – это вроде медали на грудь, знак отличия! С октября 2015-го эти суки не изымали официально писем у меня; в 2016-м их просто тихо крали. Тогда, в 2015-м, забрали сразу 102-е и 104-е майсуряновские письма, это я помню до сих пор. И вот – опять... :((Особенно жаль, если там были распечатки обо мне; остается лишь надеяться, что Майсурян как-нибудь сумеет в дальнейшем распахать информацию из этого пропавшего теперь письма в следующие, как уже он несколько раз делал, не привлекая особого их внимания.

Среда. Долговязая мразь тоже здесь. Наверняка будут «крестины». Помимо воли нервы у меня опять напряжены тревожным ожиданием...

27.4.17., 17-40

Принесли очередную бумажонку – возражения представителя зоны на иск Ромы Качанова в екатеринбургский «суд» о недопуске психолога Халяпина ко мне 27.12.16. Хмырь, который ее принес и диктовал мне за нее расписку, что-то такое сказал мельком (в ответ на мои слова о том, что по предыдущему иску Ромы заседание было еще 19-го) про 27-е – я не понял, имел ли он в виду, что заседание 27-го, или что 27-м помечена эта бумага. Скорее второе, т.к. 27-е-то сегодня, а возражения эти еще только сегодня после обеда, часа в четыре, мне принесены и требуется моя расписка в «суд». Как я понимал заранее, ребята, разумеется, не приехали в апреле больше, хотя 10-го по «ВКС» Рома мне это и обещал. Так что не у кого даже узнать, когда это новое заседание будет. По поводу же вердикта заседания 19 апреля – этот посыльный (морда его мне знакома, – помнится, годах в 14-м, в 15-м он приходил утром в составе шмонобанды шмонать мою камеру) сказал, что бумагу с решением они до сих пор еще не получили.

Что-то часто ночью стал вдруг отключаться свет в камере – сегодня уже второй раз за несколько дней. Просыпаешься – темно. Конечно, спать лучше в полной темноте – если бы не надо было утром просить вертухаев, чтобы включили. К счастью прошлый раз свет через минут 20, как я проснулся в темноте, вдруг включился сам. Я ждал такого же и сегодня ночью – но нет, с начала третьего до пяти так и пролежал в темноте. К счастью, вертухай попался утром еще относительно приличный (не злобный и не глумливый, как большинство их) – тот самый, что сейчас работает в паре с белобрывым упырем Лезгиным и поднимает меня утром сразу после «двойки», тогда как Лезгин вечером неизменно выдает мне матрас самому последнему, после всех.

С ночи еще болит слева во рту – то ли зуб, то ли один корень от бывшего зуба, не могу понять.

28.4.17., 12-40

Утром, в десятом часу, выдернула меня вдруг эта девица-психолог. Вспомнила наконец-то!.. Впрочем – пустой разговор, ни о чем. Шмона почему-то не было сегодня вообще, хотя стада быдла, судя по голосам, приходило и в коридоре галдело. Дай бог, чтобы никогда этих шмонов вообще не было. Магазин таки работает; принесли мне большущий список – пожалел, что только 2500 р. использовал, надо было 3000 написать в заявлении. Сок, сливочное масло, майонез – всё то, чего мне в передаче не привезли (точнее, майонез привезли, но чуть-чуть).

Но самое сильное впечатление – от обеда сейчас! «Уха», сечка и черняга! Редкое сочетание, надо отдать им должное!.. Все-таки, при всех передачах и магазинах, на казенный обед я здесь всегда рассчитывал, это была основа дневного рациона. И вот – целиком без обеда!.. Не есть же «уху» в обед, когда я год с лишним выливал ее в ужин!.. А сечку вообще с 2007 года я не ем... В общем, всё веселее и веселее...

29.4.17., 17-05

Суббота. Библиотекаря нет. :(Белобрысый упырь в коридоре ответил кому-то через дверь: «он в санчасти». Я не уверен, что правильно расслышал вопрос, но – по-моему, спрашивали как раз про библиотекаря. Хорошо еще, что несколько пригодных для чтения книг у меня лежит, за неделю одну-две из них как раз успею прочесть.

Вчера в отбой – апофеоз маразма. Нагнувшись, затащил матрас в камеру, взял уже его обеими руками – и успел мельком глянуть вперед и вверх, в коридор. Ёлки зелёные! – там стоит хмырь в бронежилете и в ШЛЕМЕ на голове!.. В таких вот точно шлемах в Москве ОМОН-овцы всегда разгоняют митинги, их за эти шлемы с пластиковым забралом на физиономии зовут «космонавты» (реально напоминает шлем от космического скафандра). И вот такое чучело, во всем черном, стоит в коридоре! – ЗАЧЕМ??? Какая реальная надобность тут в нем? Как будто бедные ШИЗО-шники вот сейчас, вместо того, чтобы брать свои матрасы, нападут на вертухаев и всех их перебьют (а хорошо было бы!..)!.. Впрочем, а какая реальная надобность на КАЖДЫЙ отбой КАЖДЫЙ день приводить сюда громадную служебную собаку – и весь отбой держать ее на поводке и даже прижимать к стене, чтобы она ни на кого не бросилась и не покусала?.. Совсем ополоумели, суки, мразь двуногая, сами хуже собак злобы больше, а мозгов – меньше. «Космонавт» же вчерашний – это, я предполагаю, часть традиционного «усиления», которое бывает всегда во всех тюрьмах и лагерях перед всеми крупными «праздниками» (типа майских и Нового года).

Да, забыл дополнить про библиотекаря. Узнать бы самому поточнее, но – я настолько брезгую разговаривать с этой белобрысой гнидой, что не стал

даже спрашивать. Нет – ну и хрен с ним...

30.4.17., 12-45

На обед опять перловка, да еще со слизью, – самый отвратительный ее вид. (И, разумеется, черняга, уже больше недели, по-моему.) То бишь, весь мой обед сегодня – гороховая вода без гороха, но с мелко нарезанной картошкой, так называемый «суп». Завтрак, разумеется, тоже был дерьмовый – хорошо, что у меня пока есть свои завтраки. Мрази, ублюдки, свиньи, гондоны сифилисные... За то, чем эти бляды здесь кормят, я бы лично всем, ВСЕМ им перерезал бы глотки собственными руками!.. Как земля носит этих выродков – и будет ли у меня хоть когда-нибудь шанс расквитаться с ними ЗА ВСЁ?!!!...

Утром белобрысый упырь, мразь, повел меня в баню после соседа из 5-й, уже почти перед шмоном, как я и думал. Беда в том, что не сегодня у меня были запланированы стирка и бритье. Терпеть не могу что-либо делать второпях, в спешке, но тут уж пришлось. Без 20-ти восемь он пришел за мной – и минуты три девятого я уже вернулся в камеру, успел быстрее, чем за обычные для таких занятий в бане полтора часа. И – не зря нервничал и торопился: как я и предчувствовал, шмонали сегодня ПКТ. Опять долго разбирались с соседкой моим из 5-й, – он орал и требовал начальника, как всегда. Ко мне, к огромному моему счастью, не зашли. Наверное, просто еще не усекли, что у меня теперь тоже ПКТ (скорей бы оно уже сменилось на ЕПКТ, если так у них запланировано насчет меня!). Другого объяснения этой милости судьбы я не вижу.

М-да... Размышляю, над всем этим, над своей жизнью... Как ни крути, а жизнь-то прошла. :(Прошла, уже не вернуть и не наверстать... Из писем последних знаю, что вот 10-го на круглом столе в Киеве Корчинский обо мне хорошо говорил. А в 15-м году – Павленский в интервью на «Эхе», в январе 16-го – Вербицкий в интервью «Свободе». Корб теперь этим козыряет, – вот, мол, какие именитые люди тебя признали! Признали-то признали, но... из слов, даже и хвалебных, шубу не сошьешь. Хвалят за то, как я мужественно сижу... а на воле у меня не будет никаких возможностей, кроме личного блога и ФБ на 200-300 человек (и тех еще надо дожидаться; в 2012 250 человек читателей в ФБ у меня набралось за год с лишним). Ни трибуны, ни команды, ни перспектив – не будет. :(Абсолютное одиночество – идейное, политическое (т.е. организационное) и личное, – вот он, итог жизни, он же и главная моя проблема на ее остаток...

МАЙ 2017

1.5.17., 5-35

Вчера в подъем отдал, как обычно, в стирку наволочку – просто кинул сверху на матрас. В отбой она, сложенная вчетверо, лежала там же. Взял ее, стал надевать на подушку – и вдруг что-то меня смутило. Присмотрелся – да она же нестиранная!! Как была темная (от двух недель спанья на ней), с желтыми полосами, – так и есть! С днем стирки ошибиться я не мог – специально высчитал его через две недели от прошлого раза; только тогда это была суббота, по ЕПКТ, а сейчас воскресенье, по ПКТ. Дневальный, собирая вчера утром матрасы, тоже мне ничего не сказал (что, мол, стирки сегодня нет, – она же раз в две недели всего). Но – тем не менее... Разговоров вертухаев (обращенных к тому же дневальному) после звонка в дверь с улицы – что, мол, «там за бельем пришли» или «белье принесли», я тоже вчера не слышал. Конечно, свет у меня в камере (ночник) не настолько мощный, чтобы рассмотреть эту грязную тряпку; но все же – было вчера вечером четкое ощущение, что она именно грязная, в стирке так и не побывала. И что с этим теперь делать – неизвестно. Спрашивать это быдло – дневального – бесполезно: он от всего отопрется, скажет, что отдавал – и поди его проверь, сидя в камере!.. :(((Тупик; как и любая бытовая мелочь здесь – тупик...

На душе тоска, тоска невыносимая... Оставшиеся мне еще 931 день, ровно 133 недели, – это никогда, НИКОГДА!.. :(((«Праздников» в будние дни на этот раз – только 1-е, 8-е и 9-е; завтра уже рабочий день. Что меня ждет в обозримом будущем, в мае уже? Скорее всего – очередная загодя подготовленная провокация, записываемая на регистратор. Очередная попытка выдернуть на «крестины» (не пойду!!), срочное, наспех, прятанье всего, что можно спрятать; целый вечер нервного ожидания – ознакомят ли в отбой с их поганой бумажкой («постановлением») и ЧТО в ней – ШИЗО или ЕПКТ... Суки, проклятые суки, засадили меня сюда на семь лет, исковеркали всю жизнь!.. Убивать, убивать, убивать!!!

2.5.17., 5-25

Вчера в отбой – омерзительное и эпохальное (по моим здешним ничтожным меркам) событие. Узкоглазая мразь из быдлотатарской смены, та самая, что с 2014 г. всегда и неизменно выдавала мне матрас по очереди, сразу же после «двойки», единственная смена, с которой хоть этой проблемы никогда не было, – вчера пошла общим путем... Я с изумлением слушал: «двойка», потом «четверка», «шестерка», «пятерка» и т.д., до конца коридора! Мне – после всех, когда в коридоре возле соседних камер матрасы

уже не лежали...

Но это еще не всё. Вы будете смеяться, но всё случилось точно, как я предположил тогда же, вчера в отбой, слушая хлопанье дверей в коридоре. Эта же самая узкоглазая и косоглазая мразь сейчас вот, в подъем, забирать матрас у меня явилась, как ни в чем не бывало, у второго, в очередь – сразу же после «двойки». Вот так вот!..

Тем не менее, выдаче мне его после всех – это, конечно, не случайность. То, что и последняя смена, еще этого не практиковавшая, теперь тоже стала так делать, – лишнее доказательство, что это установка, данная им всем, всей этой нечисти, их начальством.

Сегодня рабочий день уже. Нервное напряжение моё всё растёт. Перед подъемом сейчас опять полтора или два часа не мог спать. Оприходуют ли они меня уже сегодня? Или на этой неделе? Или на следующей – еще более короткой, чем эта (среда-пятница)? Устроят ли для этого новую провокацию с регистратором? Или опять воспользуются записями с видеокamеры, как в феврале 2016, – о том, что я в камере хожу без робы и – тем более – без бирки?..

Но жаловаться некому, никто не поймет и не поможет. С сентиментальностью, со слезами в чью-то жилетку, с надеждами хоть на чье-то понимание и моральную поддержку пришлось завязать, и это один из главных уроков этого срока. Нет в окружающем мире ни надежды, ни понимания, ни любви, ни душевного тепла. Нет их, – лишь холод, мороз и лютый ветер... Вера пишет очень редко, Наталья – очень коротко. Глеб не пишет совсем. Маглеванная – вот уже несколько месяцев тоже не пишет, получив целую кучу моих писем от Майсурия. Паша Люзаков, я уверен, и не подумал ответить на мое ноябрьское большое письмо – а написал, что, типа, отправил письмо, а оно, мол, не дошло... С матерью я сам прервал переписку – и жалеть о ней не приходится, ибо на понимание матерью рассчитывать уж точно нечего, в этом я убедился за целые годы переписки с ней (хотя и так знал). Никого и ничего. Холод и пустота...

Вчера около четырех часов принесли две газеты. Вчера же я успел их прочесть. Сегодня делать абсолютно нечего, нечего читать... Схожу тут медленно с ума. Тоска, одиночество, пустота, бессмыслица...

11-44

На обед опять сечка и (какой уж день) черняга. Сам обед почему-то привезли почти на час раньше, чем возили все последние месяцы. Опять я до ужина – на одном супе. Зато съем их завтрак. :)

Не оставляет нервное напряжение, предчувствие какой-то близкой беды, как минимум – неприятности. Сейчас уже май – можно начинать ждать

ребят, с 5 апреля они у меня не были. Но – увы, на скорый их приезд, по опыту последних трех лет, рассчитывать не приходится... :(((

Бессмыслица, тоска, одиночество, пустота... 930 дней мне осталось. Кончатся ли они когда-нибудь – и что будет потом, после них?..

17-25

Ожидал несчастья, а вышло наоборот, – всегда бы так! Неожиданно на короткую свиданку приехал Феликс! К сожалению, без Веры – говорит, она промерзла в тот раз, когда они долго ждали тут на морозе, – теперь болеет. Жаль, очень хотелось бы и ее увидеть.

Но, конечно, новости он привез не слишком радостные. Никакие мои письма ни до кого не дошли, о том, что вместо 17-го надо ехать 21-го, они узнали от Глеба и Ромы. И – сделали глупость, конечно, которой я никак не ожидал. Трубки-то работали, а просто Вера и Феликс решили сразу вместо короткой свиданки через стекло зайти ко мне по доверенностям. Им всё подписал начальник, дали пропуск, всё вроде было нормально. Но часа через три, когда, видимо, они тут и замерзли, – вдруг вышел к ним мразь Баяндин и заявил: я, мол, вам не могу предоставить свой кабинет! Сука такая... И, естественно, предложил им свиданку через стекло. Они обо всем этом созванивались и консультировались с Глебов и Ромой – и Глеб им сказал, что раз уже есть разрешение на свидание в кабинете – отступить от этого и соглашаться на «через стекло» нельзя, а то, мол, они и его (Глеба) потом тоже за стекло загонят. Резонно, конечно, что говорить. И вот так-то они и не попали на свиданку. Спасибо, что хоть сейчас, на 11-й день, Феликс приехал и всё это рассказал.

Остальные новости тоже не очень. Света ему (Феликсу) так и не позвонила, они не встретились, хотя я ее так просил!.. В Киеве отказали в идее разместить рекламу с моей физиономией на коммерческой основе в эскалаторную туннелях метро. Почему – непонятно, обоснования вроде как вообще не привели, но – нельзя даже за деньги...

Про выступление Корчинского Феликс сказал, что это была вроде как пресс-конференция (хотя Наталья пишет, что круглый стол, и в присланном ею плане работ это называлось так же) и чуть ли не в УНИАНе, хотя вроде бы все-таки не в нем. Но, во всяком случае, прозвучало, видимо, достаточно громко, и то хорошо. Сам Ф. уже завтра едет опять в Киев, причем – только ради своего Солдатова, редактора портала «Credo.ru», который там живет уже давно. Есть силы у Феликса ездить в такую даль так часто, раз в месяц-два, как он мне сказал. М.б.. хоть какие-то подробности всей работы киевлян узнает у Натальи и мне пришлет. Единственный человек фактически, на кого я теперь могу положиться, о чем-то просить и быть уверен, что если он

уж пообещал – то сделает. До сих пор, если честно, не могу прийти в себя от изумления, что он вообще приехал. Короткой свиданки ведь я теперь и не ждал раньше октября, через полгода. А теперь она отодвигается уже на 2-е ноября, если я еще буду тут; хорошо, что передача будет положена раньше, чем свиданка, а не наоборот.

Выходил отсюда – у бани уже лежала куча пакетов с кружками и пр. Значит, готовились «крестины», куда ж без них... Пришел – уже ничего не лежит, всех, видимо, успели рассадить по камерам; а на двери 5-й висят две карточки – опять, значит, к моему соседушке посадили второго, который уже сидел там зимой с ним, но потом они разругались и разъехались.

Много и интересно говорили мы с Феликсом. Был бы в будущем от этих разговоров толк!..

3.5.17., 13-10

Белобрысый упырь Лезгин, мразь, так и не повел меня в баню. С самого утра сводил 2-ю камеру, потом – 5-ю, потом все прочие ПКТ-шные камеры по коридору, до самого конца. Меня же оставил в наследство уже следующей смене – где работает еще большая мразь, чем он. Пока мылся (достаточно быстро) – раздали обед; мне, разумеется, не положили – пришлось ждать, пока тележка-говновозка эта проедет назад, собирая тарелки. Обед съедобный, и даже, к моему удивлению, не успел совсем уж остыть, но – черняга и не думает кончатся...

Вышел из камеры в баню, подошел к шкафчику за своей палкой – и из «дежурки» вдруг вылез и выпялился на меня тот самый лысый качок в штатском, что заглядывал с мразью Баяндиным ко мне в камеру 21-го, пока я ждал свиданку. (Мразь Баяндин и сегодня тоже был тут, сидел в «дежурке».) Ни слова не сказал, только пристально посмотрел. Больше всего он со своей лысиной и в спортивном костюме похож на блатного уголовника, из лагерной блатной верхушки; внешность настолько типичная, что если бы он тогда, 21-го апреля, не обратился ко мне по имени-отчеству, я бы, наверное, так и подумал. Но – если он пасется здесь и сегодня, то, скорее всего, он и не ФСБ-шник, как я тогда подумал, – гэбня не паслась бы тут так часто, я думаю.

Матрас после всех, баня после всех, а если я в бане – то и баланда тоже после всех. Подумал тут: по сути, они относятся ко мне так же, как уголовники, живущие «массой», относятся к «обиженным» в своей среде. Те тоже баланду в 132-м СУСе получали после всех, я это чуть не ежедневно там наблюдал. Так-то мне, конечно, плевать, тем более, что этих каст и деления на категории у уголовников я категорически не признаю. Но – это еще раз подтверждает старый тезис (еще у Буковского, по его лагерному опыту

встречающийся), что уголовники и их охрана в лагерях – едино суть, т.е. одно и то же, одна и та же нечисть по всему своему «мировоззрению» (если это можно так назвать), «понятиям», представлениям о мире и духовным «ценностям». Единство тех и других настолько полное, что (как и пишет Буковский) переодень одних в робы, а других в камуфляж – и не отличишь...

4.5.17., 5-43

Лег вчера в десять, спал почти всю ночь (под шум разразившегося еще до отбоя ливня), но всё равно – сейчас, перед подъемом, дико хотелось спать, с удовольствием поваялся бы еще часика два... Вчера после ужина опять были «крестины», – каждый день, каждый день эти мрази «крестят», сажают за всякую ерунду уголовников в ШИЗО... Ужин, кстати, вчера был тоже безумный: сперва баландер клал в тарелку какую-то кашу (типа той, что дают по утрам), а потом сверху заливал ее вонючей «ухой». Есть эту дрянь, разумеется, было невозможно. Уже несколько недель отчетливо видно: идут какие-то нелепые эксперименты с баландой, – то ужинное меню с рыбой дадут в обед, то еще что-нибудь, то вот такое дерьмо, как вчера... Повар ли у них там поменялся, или зав. столовой, черт их разберет, но жрать всё это их экспериментальное творчество совершенно невозможно...

Еще позавчера, вернувшись со свиданки с Феликсом, обнаружил: отключили отопление. Как раз была уже теплынь на улице, всё просохло, хотя – на обочинах и газонах еще лежали толстенные снежные шапки, скопившиеся, видимо, от сгребания туда снега за зиму. Батарея же – как и в том году – теперь лишь едва-едва теплится, еле ощутимо, и в таком режиме, видимо, как и год назад, будет до 15 мая, когда ее отключат совсем. Ни стираное посушить, ни согреть руки, если опять будет холодно в камере... Уже и до позавчера несколько дней влага в моей кружке после споласкивания стала высыхать гораздо дольше, чем зимой, – значит, стало холоднее в камере. Точно так же она подолгу не высыхала и тем летом.

Написал вчера письмо матери – первое с 7 марта, почти за два месяца. Хотя мне страшно не хотелось ей писать, и переписка с ней, в общем-то, и раньше носила достаточно пустой характер, да и не факт еще, что она ответит, но – можно считать, что уговорили меня друзья. Феликс, по-моему, с этого и начал разговор на свиданке, это была одна из самых первых его просьб: мол, и Вера, и Наталья, и он сам – все меня просят написать все же матери. Ну да, жалеют ее; они-то от нее не зависят, им легко проявлять жалостливость и гуманизм...

16-25

«Крестины» третий день подряд!.. Просто охренеть!.. Конвейер работает вовсю, дверь бани хлопает беспрерывно... Особенное омерзение берет, когда подумаешь, за какие вздорные, ничтожные «провинности» сажают они третий день подряд в ШИЗО уголовничков – как раз накануне своего «великого праздника победы», который они там и проведут. Нет, этих мразей – весь этот ФСИН, всех этих вертухаев, тюремщиков и их начальников – надо убивать, мочить без всякой жалости, отстреливать! Жить эта нечисть на свете не должна...

После обеда приходила девица-психолог – уже другая!! :))) Брюнетка и в очках, а та была блондинка. Видимо, какая-то новая, – на мое замечание, что психологи тут часто меняются, она ответила, что, мол, просто не все приходят в ШИЗО. Но ведь блондинка говорила мне где-то в марте, что в здешней «психологической службе» осталась лишь она сама да старая майорша, бывшая начальница службы, – остальные, мол, все уволились. Значит, этой очкастой еще в марте тут не работало. Говорила она со мной через решетку двери, стоя в коридоре. Когда я спросил, нормален ли для нее такой формат разговора, – ответила, что, мол, потом обязательно вызовет для нормального разговора (т.е. в кабинет), а сейчас, мол, обстоятельства мешают (или как-то так). Какие обстоятельства – не уточнила, и из ее ответа это не было ясно абсолютно. Т.е. – пустая отговорка.

На обед была «уха»! :))) Вчера – на ужин, а сегодня – на обед. На ужин, вероятно, будет сечка (картошка на обед уже тоже была). С питанием здесь становится все хуже... :(

16-57

Еще новость! Только что приперся косоглазый быдлотатарин-мразь, открыл дверь (я уж думал – дергают на «крестины!»), сообщил: сейчас ему звонили из КДС, сказали, что мне пришла бандероль, но вместо 2 кг – 2 кг 400 г, перевес, и поэтому, мол, ее отправляют обратно. Ценности в такой информации – никакой, т.к. от кого бандероль – косоглазый, разумеется, не знает. Феликс позавчера на свиданке спросил меня, что положить мне в бандероль, но я сказал, что подумаю и напишу потом. И то же самое написал вчера в письме матери. Скорее всего, она послала что-то сама, по своему (идиотскому) разумению, ни с кем не советуясь и даже не дожидаясь моего ответа через Феликса. Скорее всего – послала книги, отсюда и перевес. И еще – дополнительное предположение, куда менее вероятное: очередная бандероль от ФЕОР, к еврейской пасхе, давно уже прошедшей! :) В тот раз, в октябре 16 г., тоже ведь ФЕОР прислал бандероль к еврейскому Н.г. – и перебил эту возможность всем остальным. Хотя – к пасхе они могли коробку мацы послать разве что, которая уж точно не весит 2 кг 400 г. Скорее

всего, это мать – и, м.б., к получению моего письма уже и бандероль успеет получить назад, так что в ответном письме сможет про это упомянуть. Впрочем, от нее-то и не приходится ждать, чтобы она сумела точно отвесить ровно 2 кг, не больше, чтобы ее и второй раз не вернули...

5.5.17., 5-35

Вчера вечером, перед отбоем, укокошил еще одну мышшь – уже третью по счету! Технология та же: она залезла в умывальник, потом, когда я встал, шмыгнула в слив и там спряталась (со второго раза только – в первый я не заметил), а я заткнул тряпкой тот конец трубы, что выходит в «дальняк», и включил воду. Но – в отличие от тех двух – эта тварь от первого удара тапком не сдохла, всё ползала по дну умывальника, пришлось тем же тапком довольно долго ее добивать. Не жалею об этом совершенно, туда этим грызунам-нелегалам и дорога, а то всю еду в железный бак от них прятать приходится, а из тумбочки – по ночам в пакет и на табуретку, чтобы они не достали. Поневоле мечтаю вот так же убивать дичь покрупнее мыши и – двуногую, к примеру, хотя бы вот этих здешних вертухаев, всех этих мразей вроде Безукладникова, Баяндина, Лезгина, Мазитова [старший из двух быдлотатар. – прим. 2020 г.] и пр. и пр. и пр...

Быдлотатарская узкоглазая смена, кстати, вопреки моим ожиданиям, дала мне вчера в отбой матрас как положено – сразу после «двойки», как они делали всегда. Хорошо хотя бы это, пусть и мелочь.

Нечего делать, нечего читать, а библиотека только завтра после обеда (если вообще придет). Писем нет уже восемь дней, но т.к. впереди – четыре (!) выходных, то в среду, 10-го, в первый рабочий день – будет уже ровно две недели без писем (и едва ли их в первый рабочий день сразу принесут). На душе тоска, как обычно. Осталось 927 дней – и я не могу дождаться, когда же они закончатся...

12-35

Эксперименты с питанием продолжаются. На обед сегодня – два супа. Да-да! На второе дали то, что еще на днях давалось тут на первое под маркой «суп гороховый». Та же самая гороховая вода (без горошин, но, м.б., процента на три погуще), заправленная мелко резаной картошкой, лавровым листом и – на сей раз – единичными волокнами курятины. То бишь, типичный суп, по-другому это блюдо назвать нельзя, как, разумеется, нельзя и наестся им. Что бы я делал, если б не запас хоть какой-то еды с передачи и магазина (а в магазин сегодня писать заявление не стал – оставляю на конец месяца, 19-е и 26-е, т.к. теперь всего два раза в месяц можно отовариваться) – не могу даже представить. Околел бы с голоду, видимо...

Принесли журнал и газету – слава богу, на этот раз хоть утром, в 11 примерно, а не под вечер, так что сегодня успею прочесть. И – хоть день не будет таким абсолютно пустым, как я боялся утром.

6.5.17., 11-50

Обед (опять полдвенадцатого): «уха» (вылил, естественно), чуть-чуть картошки с куриной шкуркой (но без мяса) и черняга. То бишь, вот эта капля картошки, на доньшке тарелки – это весь мой обед. И – без завтрака, естественно (хорошо, что еще оставался магазинный сыр). Суббота. Остается ждать библиотекаря, но – придет ли он?...

7.5.17., 17-45

Голод и холод. На обед опять была черняга – уже 13 дней, с 25 апреля. С окна опять чудовищно дует – так, что вся паутина на нем (покрытая пылью, так что ее хорошо видно) постоянно трепещет на ветру. Батарея чуть-чуть теплая; что будет, когда ее на днях выключат – страшно даже подумать. Ветер в щели окна дует вполне зимний, холодный; судя по нему – на улице тут, похоже, нет и 10° тепла... Читать сидеть просто невозможно; тепляк и два свитера поверх футболки еще кое-как греют, но – страшно мерзнут руки и ноги в тоненьких носках (а тащить сюда в мае теплые – так куда их потом, летом, девать от шмонов?).

В баню сегодня опять повели только в начале 12-го, перед обедом, – старая смена целенаправленно оставляет меня в наследство заступающей (сегодня – быдлотатарской). Библиотекарь, слава богу, вчера наконец-то пришел как положено.

8.5.17., 6-53

По проклятому этому радио «Милицейская волна» сразу же, как прошло 1-е мая, попер бешеный, неукротимый вал победобесия. Сперва каждый час без четверти (даже глухой ночью, круглосуточно) стали крутить стишки «о войне» тогдашних высочайше одобренных и разрешенных «поэтов» в исполнении нынешних артистов и певцов; после каждого стиха – песня тех же лет, тоже перепетая нынешними горе-исполнителями. Меня тошнило и тянуло плевать уже и от этого, но потом еще начались некие «письма победителям» от слушателей – с благодарностями, естественно, рабам-«ветеранам» за нашу нынешнюю «свободу» (sic!) и т.п. А рекламируя какой-то концерт в Митино вечером 9 мая, они так и говорят ничтоже сумняшеся, с очаровательной наивностью: мол, концерт по случаю «главного праздника великой страны». Великой лишь своими великими преступлениями, ага... Будьте вы все прокляты, бессмысленное, рабское, тупое быдло в N+1 поколении, с вашей ублюдочной «победой» красного фашизма!!!

Быдлотатарская мразь в кепочке, как всегда, подняла меня сегодня в 11

минут шестого. 16 часов на ногах...

9.5.17., 12-27

Черняга, черняга, черняга... «Праздники», не «праздники» – всё равно одна сплошная черняга вот уже 15 дней, три раза в день, начиная с 25 апреля. Времена, когда целыми месяцами (!) по три раза в день давали белый (серый) хлеб – кажутся теперь какой-то фантастикой, небывальщиной, сказкой...

На утро, кстати, была ПРАЗДНИЧНАЯ сечка! :))) Что ж, какие «праздники» – такое и питание. А мой рацион, несмотря даже на полученную 21 апреля передачу, заметно сократился: после обеда я ведь съедал корку этой серой горбушки – с майонезом мог съесть даже горелую, противную, а если вдруг попадалась беленькая и хоть немного хрустящая, то съедал и без майонеза, если его не было под рукой. Само собой, о поедании черняжных корок, хоть с майонезом, хоть без, не может быть и речи.

10.5.17., 5-45

Главный сюрприз вчерашнего «праздничка» обнаружился только в отбой. С изумлением слышу вдруг, что мою дверь отпирают сразу после «двойки» – и за дверью вижу вдруг гнусную харю ублюдка Панина, курточника!!. Ту самую харю, при одном взгляде на которую мне хочется залепить по ней кулаком или ногой так, чтобы превратить ее в кровавую лепешку. А я-то еще недавно вспоминал и радовался, что нет больше здесь этой мрази, не ставят, мол, его сюда дежурить уже давно... То ли это четвертую смену опять восстановили, то ли еще что, но – опять пойдут эти отбой с унижительной муштрой: «Куртку наденьте!»... :((Вчера – уже; эта псина верна себе. Правда, сейчас, в подъем, она не открывать мне дверь для матраса под предлогом (не)одевания куртки уже не пыталась, – крепко я ее отучил тем летом, в июне 2016-го, надолго запомнила, мразь!..

Итак, «праздники» прошли. Сегодня – уже 14 дней без писем (и уж точно их сегодня не принесут). И сегодня же под вечер непременно будут «крестины» (а м.б., и все три дня, как совсем недавно были, до следующих выходных, благо сегодня уже среда).

Сегодня, кстати, и ровно месяц с последнего «суда» по переводу на тюрьму. Пришла мрачная мысль: а не потому ли они тогда отозвали свое ходатайство, что Рома затеял этот «суд» в Екб по обжалованию моих ШИЗО? Феликс сказал мне на недавней свиданке 2-го мая, что «суд» этот отложили именно потому, что не было подтверждения того, что меня своевременно известили о дате заседания. Известить никто и не подумал – ни до 2-го мая, ни после. Но если отсрочка с тюрьмой связана только с этим «судом», то – как я и предчувствовал, она недолго продлится. Вот уже месяц прошел; а

«суд» ведь не может откладываться бесконечно. Приехали бы ребята (уже месяц не были!) – хоть что-то, м.б., узнал бы у них. Но – ясно, что скоро опять надо будет готовиться к этапу, здесь всё равно не оставят... :(((

10-20

Случилось именно то, чего я боялся: эти мрази повели в баню перед самым шмоном, где-то без десяти минут девять, по-моему. Да еще и оказалось, что в предбаннике не горит свет, что-то у них такое с ним происходит (вроде бы лампочки уже меняли), только падает чуть-чуть из самой бани, так что раздеваться надо фактически в темноте. Слава богу, и на этот раз я успел: сполоснулся наскоро и вернулся в камеру как раз перед приходом шмонобанды. По-моему (насколько я понял), шмонали сегодня дальний конец коридора; ко мне, к счастью, опять не зашли.

Попутно выяснил и насчет четвертой смены. Это не четвертая, это ублюдка Панина добавили в ту третью, которая уже и была, к тому омерзительному подонку, что уже там работал, взамен его прежнего напарника. Получилась смена из двух недочеловеков, давно и открыто меня ненавидящих. Желая им обоим сдохнуть в корчах и муках как можно скорее!!.

11.5.17., 5-30

«Крестины» вчера были, да. Меня пока не тронули.

Я в это время писал письма. В обед принесли свежую почту, к моему удивлению. Три письма от Землинского, два – от Майсуряна в одном из которых – письма от Маглеванной и Горильской. И – всё! Больше я никому не интересен. Даже старики-политэки типа Мананникова и Кирилла Подрабинека пропали куда-то, давно не пишут.

Смутное, противоречивое какое-то чувство осталось от вчерашней почты, даже не знаю, как его выразить. То ли плакать хочется, то ли – смеяться горьким смехом. И бешенство, и досада, и изумление ... – всё сразу, короче. А сделать отсюда ничего не можешь, полное бессилие... :(

Конченный идиот Землинский пишет, что опять, в четвертый (!) уже раз заказал мне наложенным платежом ту же книгу, которую мне так и не отдали в предыдущие три раза. Я в ответ написал ему, что получать ее, писать доверенность на снятие денег с моего счета для оплаты – не буду, и всё тут, раз он по-хорошему не понимает. В прошлый раз я его просил больше ничего без согласования и предупреждения мне не посылать – и он вроде понял, согласился. И вот – опять. Короче, полный кретин (впрочем, по его письмам, особенно по его борьбе против абортот, я это знал уже давно; история с этой книгой – только лишнее подтверждение).

Маглеванная написала крохотное письмецо, на полстранички, в самом

начале которого откровенно пишет, что, собственно, делает это только по просьбе моей матери. Т.е. самой Лене я вообще не нужен, она несколько месяцев мне вообще не писала. Вот они «друзья». Убеждает меня начать снова писать матери, помириться с ней и т.д. В частности, мол, ну не хочет моя мать общаться с Верой – ну и пусть, это ее дело, зачем из-за этого ссориться. А про то, что мать моя пыталась Вере заблокировать возможность ездить ко мне – об этом Лена, видимо, не в курсе просто. Ну конечно, кто же ей об этом расскажет, не мать же сама, – а с Верой, видимо, она тоже не общается, не считает нужным уточнить и перепроверить информацию.

Горильская тоже уговаривает меня простить мать и начать опять ей писать. Пишет: «Устала я очень по вечерам слышать ее крики, вопли и обвинения! Видимо, дано мне такое испытание Сверху!» Но при этом звонить этой психопатке каждый день зачем-то упорно продолжает. Мазохизм какой-то... Как хотите, но я этого понять не могу...

Почитал майсуряновские распечатки обо мне. После «суда» 10 апреля Рома, видимо, сразу позвонил Вере, сказал про мое ШИЗО и заодно про результат «суда», но, очевидно, не акцентировал как надо (что на сей раз они по своей инициативе отозвали ходатайство) – и Вера, по инерции прошлых разов, дала неверную информацию на «Грани», – что, мол, опять отозвали после критики их бумажонок Ромой как неверно оформленных. Т.е. – главная-то сенсация осталась незамеченной. Только «Кавказский узел», который, видимо, каждый раз после этих «судов» звонит Роме и берет у него кратенькое интервью, опубликовал всё точно как было, упомянув, что на сей раз они отозвали уже сами.

Прислал Майсурян и последний номер их «Свободного слова». Это уж вообще финиш, а говоря по-простому – п-ц! На первой полосе напечатали два моих стиха 2015 года. Во-первых, оба с идиотскими опечатками, – это Лена Маглеванная так их набивала, черт бы ее побрал! Одну опечатку я уже давно заметил, написал ей, она ответила, что исправила – но исправила, видимо, только в блоге, сайт-то мой для обновлений недоступен, а Паша Люзаков (или кто?) брал стихи, видимо, с сайта! Идиотизм, короче, полный, – идиотские опечатки, портящие всю картину, отвратительная досадная нелепость. А во-вторых – прочел сам номер и стало попросту стыдно, что мое имя присутствует в такой газете, наполненной таким диким бредом. Практически весь номер составлен из текстов Майсуряна и Старикова. Майсурян, как всегда, хвалит СССР, поносит «контрреволюцию», «буржуев», Солженицына (которого не читал!) и даже Толкиена. Стариков, как обычно, клеймит «либералов» и «демшизовскую» пропаганду, пишет, что, мол, никаких невинно посаженных политзэков в России нет (вот мразь, а?!) – и

при этом нахваливает РПЦ и ее «патриарха»! В общем, этот помойный листок и стыдно, и противно просто в руки брать! Подумать только, во что выродилась старейшая оппозиционная газета, со славным именем, основанная в героические времена, осенью 1988-го, печатавшая Новодворскую и других!.. :(((Позор, позор и еще раз позор! Противно до отвращения – и печататься вместе с этими подонками, да еще и с идиотскими опечатками постоянно! Хотел было сегодня написать еще одно письмо Майсуряну – бегло пройтись по всем его бредовым статьям в этой газетке, но, видно, не буду: и слишком много чести, и все равно впрок не пойдет, человека, не моргнув глазом на черное говорящего «белое», уже не переубедишь... :(((

Между прочим, вчера весь день после 11-ти мне по голосам казалось, что заступила быдлотатарская смена вертухаев, как обычно. Но и в отбой вчера, и сейчас на подъем приходила какая-то совершенно другая харя (жуткая, – сразу, издали видно, что недочеловек!). Так что – м.б., все-таки четвертую смену опять тут восстановили, не пойму пока что.

И, кстати, из майсуряновских распечаток выплыла вчера еще одна версия того, почему Веру и Феликса 21-го апреля не пропустили ко мне. Сам Феликс говорил мне 2-го мая на свиданке, что, мол, мразь Баяндин отказался предоставить для этого свой кабинет. А Вера в отчете о поездке приводит слегка иную версию: мол, пропуска им выписали – но якобы не смогли найти ни одного свободного «мусора», который провел бы их внутрь зоны! Это уже вообще за гранью... Ясно, что тут решили просто саботировать их свиданки со мной по доверенностям, в том числе и такими вот простыми, но действенными способами: нет кабинета, нет провожатого и т.п. Цинизм этих ФСИНовских мразей безграничен – и опять, в 1001-й уже раз, подтверждает мою старую мысль, что их надо убивать и только убивать, безжалостно и беспощадно, ибо никаких слов и уговоров они не воспринимают, а на любые «суды» и «законы» (свои же собственные) им просто плевать!..

7-15

Итак, на завтрак сегодня – полная тарелка белой воды (цветом, видимо, должствующей изображать молоко). Когда я ее вылил – на дне оказалось две или три макаронины, целых или же кусочками. Вот и весь «завтрак». Это настолько неприкрыто нагло и цинично, настолько феноменально, что должно войти в анналы...

12.5.17., 5-30

Вчера в отбой случилось маленькое чудо. Во-первых, сам отбой почему-то начался не в полдевятого, как обычно, а в 20-20. А главное – белобрысы!

упырь Лезгин вдруг сам, лично открыл дверь и выдал мне матрас не последнему, как делал это всегда и неизменно, а почти в нормальном порядке: сразу после «двойки» и «четверки», как я понял. Уж не знаю, с чем это связано (волк в лесу сдох, наверное!) и, главное, будет ли он теперь делать так каждый раз в свою смену. Напарник его сейчас тоже поднял меня после 2-й и 4-й – матрасы их уже лежали в коридоре на полу – но напарник-то делал так и раньше.

Еще один бесконечный, тоскливый, холодный день впереди, еще 16 часов топтаться по камере, сидеть на табуретке... Батарея еле-еле, но еще греется. А с окна дует так, что я околеваю, не могу сидеть читать, настолько холодно. Руки и ноги ледяные, согреть ладони не получается, даже прижав их к батарее. На улице судя по звук, который день льют дожди; холод такой, что вертухаи в своей «дежурке» сидят в бушлатах (хотя и у них уже давно «летняя форма одежды»). Вот он – тот самый «очень тяжелый североуральский климат», о котором писал Буковский в мемуарах в 1978 г. Впрочем, судя по прогнозам погоды по радио, в Москве тоже холод, от силы 9° тепла сегодня вот уже пообещали; а вчера говорили, что из-за холода и отопление в Москве будут отключать не с 10 мая, как обычно, а с 15-го.

920 дней мне осталось. Тоска страшная. Боже, когда уже наконец всё это кончится?! 920 – это тоже еще очень много... Кончилась привезенная из Москвы колбаса, вчера перешел на рыбу (консервы). Как же отвратительно есть их с чернягой!! Но – хотя белый сандвичный хлеб из передачи еще остался, ем с чернягой: она сытнее. Магазины сегодня опять пропущу.

13.5.17., 6-51

В ночь с позавчера на вчера, видимо, опять хлорировали здесь водопроводные трубы – и вот уже второй день вода из крана невыносимо воняет хлоркой, пить ее совершенно невозможно. Даже когда просто открываю кран – помыть руки – уже задыхаюсь от этого запаха. Счастье, что запасена у меня была заранее вода в литровой бутылочке из-под сока – на случай отключений. Думал эти несколько дней, пока хлорка не выветрится (уже так бывало) перебиваться кое-как этой водой и казенным чаем. Но – со вчерашнего дня и чай приобрел какой-то отвратительный резкий лекарственный привкус, – вот такой, помню, в детстве был запах в аптеке, когда в нееходишь с улицы. А тут такой вкус, точнее, даже послевкусие. Хотя всё равно, конечно, это лучше, чем хлорка, так что пью через силу эту гадость. Кроме того – такой же лекарственной дрянью пахло вчера и от гречки на второе в обед, – видимо, тоже варили на такой же вонючей воде. То ли лекарственный привкус получается от кипячения воды с запахом хлорки, то ли еще от чего – хрен поймешь. Но что такое их казенное

питание, казенная забота этих ублюдков о ээках – я вижу тут во всей красе каждый день...

14.5.17., 10-23

Опять эти вертухайские мрази повели меня в баню незадолго до шмона. Везет мне, как утопленнику!.. С белобрысым упырем Лезгиным в этот раз в одной смене тот ублюдок, который все последние месяцы был в смене после него, – вот уж действительно, собрали двух недочеловеков вместе!.. Впрочем, они тут все недочеловеки, нормальных среди вертухаев тут нет.

Если б просто помыться – я бы не переживал, времени до шмона было достаточно. Но – предстояли еще стирка и бритье, а переносить их мне не хотелось. Где-то без 20-ти девять завели в баню. Решил на этот раз не торопиться, довериться своему чутью – и будь что будет. Чутье подсказывало мне, что сегодня должны шмонать ШИЗО, а не ПКТ, да и – собственно, ничего «запрещенного» (для ПКТ) у меня в камере нет. Ну заберут еду (ее не так-то и много уже осталось, разве что консервов из передачи еще 16 банок), ну буду опять сидеть голодным до пятницы, до магазина (а сегодня воскресенье) – мне не впервой! Да и нельзя же все время бояться, постоянно трястись...

Пока брился и стирал – шмонобанда явилась и начала шмон (через дырочку в двери бани их видно в «дежурке»). Помылся очень быстро, кое-как, вышел – и тут в коридоре кричат: «В «шестерке» – шмон!». Слава богу, ШИЗО шмонают, не ПКТ! Потом крикнули еще и из 14-й. Услышав крик из 6-й, подумал было: не пойти ли еще постоять под душем, благо одеться еще не успел? Но не стал, бог с ним, с их тюремным душем! И не жалею, что поторопился, лишил себя на сей раз этого удовольствия: душевное спокойствие важнее. Если бы я вышел из бани в предбанник позже – я не услышал бы этих криков и все остальное время, пока одевался, пока ждал, что выведут из бани в камеру – нервничал бы, не находил бы себя места от мысли о том, не зашли ли все-таки, вопреки моим предчувствиям, на этот раз ко мне.

Между прочим, ублюдок этот вертухайский, поставленный вместо отдельной смены дежурить вместе с упырем Лезгиным, памятный мне еще по 2014 г. (прибегал по ночам узнавать, почему у меня в камере затемнена лампочка, а ночников тут тогда еще не было) и люто меня ненавидящий, выдумал новую фишку. Ему, видите ли, не нравится запах в камере [несуществующий, разумеется. – Прим. 2020 г.] – и он сегодня, ведя меня и в баню, и из бани, стал угрожать, что, мол, если я не буду открывать окно и проветривать – он мне сам выбьет в окне стекла. Открывать окно из-за наваренного в камере на окно целого громадного ящика из железных полос

(решетка с крохотными отверстиями, два пальца едва просунешь) абсолютно невозможно; да даже если б и было возможно – открывается-то оно наружу, кто его потом с улицы будет закрывать, да еще и залезая при этом как минимум на табуретку, иначе не достать? Этот выbleядок, что ли, полезет? Да и ясно, что «запах» – для него только предлог; недочеловеки безошибочно чуют во мне чужака и используют любой предлог и любую возможность, чтобы напасть. Между тем, если оно, это существо, и впрямь выбьет мне окно, это будет фактически катастрофа, ибо надо будет приложить невероятные усилия, чтобы заставить местных начальничков вызвать эков-стекольщиков и его вставить. Тут даже, когда забивается у кого-нибудь «дальняк» – стучат в двери и требуют вызвать сантехников, бывает, по целому дню, а те не идут и не идут, им плевать (или же плевать здешним вертухаям, которые должны звонить и их вызывать сюда). При моей брезгливости к ним ко всем, при том глубочайшем отвращении, которое я испытываю при любом контакте, любом разговоре с ними – мне эту толщу не пробить, не сдвинуть с места... Остается лишь надеяться, что выbleядок этот свою два раза повторенную угрозу не реализует, да утешаться старой мудрой формулой: «Кто говорит – не делает, кто делает – не говорит»...А этого ублюдка я уж точно с удовольствием привязал бы к двум автомобилям и разорвал бы надвое без малейших угрызений совести...

15.5.17., 5-46

Вчера уже после восьми вечера, где-то за полчаса до отбоя – вдруг новость: завхоз меняет бачки для воды в камерах! Сперва они гремели в коридоре – и я еще думал, что это ведра (а откуда вдруг в коридоре перед отбоем ведра?!). Потом слышно было, как он объяснял моим соседям в 5-й (по-прежнему сидят там вдвоем), что, мол, поменять бачки ему велел Саньч (Гондоныч; иначе – мразь Безукладников). Отпирают и мою дверь, завхоз из коридора протягивает мне новенький, весь блестящий бак (они же здесь, на зоне, и делают) – и тянет руку за старым. Пришлось на глазах у него и отпершего дверь вертухая (низенький, с бессмысленной и свирепой харей, – настоящий недочеловек; работает сейчас в быдлотатарской смене вместо одного из косоглазых – тот возможно, в отпуске) перекладывать всё из старого бака на табуретку, – всю еду, которую я там держу и от мышей, да и – в тумбочку всё равно вся она не влезла бы. Хорошо еще, что обмен этот не пришелся на моё очередное ШИЗО, когда никакой еды, да и вообще ничего, кроме ложки, кружки, мыла и туалетной бумаги, по их скотским правилам, в камере быть не должно. Неизвестно, как посмотрел бы на наличие чего-то «лишнего» низенький недочеловек – хотя вообще-то шмонать и следить, что есть в камере, чего нет, – забота не его, а

ежеутренней шмонобанды. Но утром он мог бы науськать ее идти шмонать меня...

При этом весь вечер вчера голова не то что болела, но была тяжелой, как будто свинцом налитой, особенно затылок. Давление, видимо. Особенно мучительно в этой ситуации то, что нельзя лечь. Я пытался как-то пристроиться, вытянув ноги, на табуретке, боком опершись о тумбочку, а голову уперев на руку или об стену, но помогало мало. Зато сразу, как лег после отбоя, почувствовал, что стало легче. Что ж... Прямо по курсу – если всё так и будет продолжаться – insult. Если никто меня не убьет – по крайней мере, заранее знаешь, от чего подохнешь. Вопрос только – когда...

Понедельник. Осталось 917 дней, ровно 131 неделя. Давно уже не было свежих газет и журналов, – м.б., сегодня принесут? С окна продолжает дуть, так что я с ужасом вспоминаю вчерашнюю угрозу этого ублюдка разбить мне окно, – тогда я тут вообще околею. Жду ребят, – уже давно пора бы им приехать; но, увы, вполне возможно, что они появятся только в июне, как это было в том году. Пропустить месяц – для них дело обычное, ничего страшного (для них). Думаю, м.б., посоветоваться с ними насчет этой угрозы разбить мне окно? Но ЧТО они могут сделать, куда жаловаться особенно – на одну лишь угрозу, пока оно еще не разбито?..

Понедельник – а значит, к вечеру, часа в четыре-пять, неизбежно будут «крестины». Заранее подготовленных провокаций пока вроде не было, но – долго ли умеючи? К тому же вспомнил тут на днях: если опять решат отправлять меня на тюрьму, то сперва должны вызвать меня на свой «административную комиссию» (в отсутствие протокола которой их однажды уже уличил Рома), а уж потом – потребовать ходатайство об адвокате в «суд». 1-го марта так и было: комиссия – 1 марта, а ходатайство – только 6-го. И если, как было тогда, кто-нибудь из вертухаев или оперов, отперев дверь, не соизволит произнести слово «административная», то я и знать не буду, вызывают ли меня насчет перевода на тюрьму – или же насчет 15 суток здесь. Впрочем, за отказ идти на эту административную комиссию могут тотчас же выписать и 15 суток...

18-25

Только вспоминал! – и сегодня утром, после шмона, принесли-таки журнал и две газеты. Читал одну из них и журнал почти до самого ужина (вторую, спецвыпуск к 9 мая, можно хоть вообще не читать). За это время – после обеда, часа в два-три – была очередная паника с криками в коридоре: «Идут в нашу сторону!», «Заходят к нам!!!» и т.п., – опять, видимо, приезжало какое-то начальство ходить тут по камерам. Это, кстати, объясняет вчерашнюю неожиданную и странную замену бачков для воды. Мразь

Безукладников весь день, с утра, торчал здесь, на работе, и сам посылал дневального «прогнать» (подлинное выражение!) блатным, что, мол, «идут в нашу сторону».

После этого, где-то часу в пятом, были, конечно, «крестины», как же без них!.. Меня, слава богу, не тронули опять. Когда ждешь, эти мрази не трогают, они всегда приходят, когда расслабишься и не ждешь. Вообще, хочется написать парадоксальную фразу: день прошел нервно, но спокойно. :) В том смысле, что, конечно, нервы напрягаются, даже помимо воли, когда начинается вдруг в коридоре беготня, крики, лихорадочное открывание одна за другой камер, – словом, какая-то суета. Поневоле ждешь, что сейчас влезут с очередным каким-нибудь дерьмом и к тебе. Но успокаиваешься, когда суета и беготня стихают и вновь становится тихо. Кстати, насчет хлопанья дверьми: моих соседей из 5-й, а м.б., одного из них, то и дело выводят куда-то, в течение дня по сто раз открывается и закрывается именно эта дверь, которую я отличаю не только по звуку, но и по сотрясению стены, когда там захлопывают решетку. Но соседи эти в коридоре не кричат, как другие, куда их повели, так что – хрен узнаешь.

16.5.17., 15-20

Принесли, наконец-то, решение ёбургского «суда» по моим ШИЗО и по клетке на свиданиях с адвокатом. «Суд» этот затеяли ребята в последний свой приезд, и я тогда же им говорил, что это без толку, хоть и в Ебурге подавать, а не в Чусовом, результат будет тот же. Нет, им хотелось попробовать – а вдруг получится?! И вот результат...

Во-первых, ромина хитрость не прошла, – в решении сказано, что «суд» разделил его иски по ШИЗО и по клетке. По клетке рассмотрел сам, т.к. Рома в иске написал, что нарушено его право на юридическую помощь мне, а прописан Рома в Ебурге. По ШИЗО же – отправил «по подсудности» в Чусовской «суд». Результат ясен заранее на 200%! Я туда просто не пойду, даже если там вдруг и решат вызвать меня на телемост, как изначально ходатайствовал Рома еще перед «судом» в Екб.

Во-вторых же – насчет клетки, разумеется, «суд» Роме тоже отказал. :) Нагромождены, конечно, в решении, как у них всегда, тонны текста из УПК, ПВР и пр., но – логика очень простая и очень циничная: ни в УИКе, ни в ПВР нет запрета на помещение осужденного при оказании ему юридической помощи в запираемое решетчатое помещение! НЕ ЗАПРЕЩЕНО! – значит, можно запиравать, а слова из иска Ромы о том, что это унижает мое человеческое достоинство, в «решении» даже не прокомментированы никак.

Зато прокомментировано там мнение Ромы, что клетка мешает ему

оказывать мне юридическую помощь. Ответ «суда» вкратце: нет, не мешает, т.к. сами-то свидания проходили, длительность их не сокращалась; а если в клетке нельзя писать (и подписывать, уточняет еще Рома) документы – так не беда, адвокат и гражданский представитель «не лишены возможности» писать эти документы за осужденного и согласовывать с ним их содержание...

Короче, апофеоз цинизма. Плевков в лицо, смачный такой плевков. Читая это «решение», так и видишь перед собой глумливую вертухайскую усмешку: всё равно, мол, мы сильнее, и всегда, везде, по всей России любой «суд» будет решать только в нашу пользу...

Ребятам, конечно, без толку это объяснять, да и не виноваты они, что они такие. Кроме как писать бумажки в «суды» и получать в ответ эти смачные плевки в физиономию, они ведь ничего не умеют. :(Тут с одной стороны Сталин и его банда, выжегшие каленым железом всё стоящее и способное хоть к какому-то сопротивлению в этой стране; а с другой – Есенин-Вольпин, будь он проклят на том свете, и его тусовка, включая и молодого Буковского: это ведь с них пошло поветрие, что, мол, силой, оружием действовать низ-з-зя, ни-ни, и так слишком много крови пролито, а надо, мол, «по закону», тихо и мирно, – по закону, написанному советской властью для своего удобства, но отнюдь не для граждан...

Хорошо, много лет знаю я Глеба и Рому, хорошие они люди, золотые, сколько они сделали для меня... но читая сегодняшнюю бумажонку, я так и слышу бодрый голос Ромы: «Будем обжаловать!!» – и не могу не сказать про себя: простите, друзья, я очень многим вам обязан, но – мазохисты вы, черт вас побери, как и абсолютно все в этой стране, даже самые лучшие ее люди... Обжаловать, ага! – ответ будет тот же самый. Нравится, что ли, вам, когда плюют вам в лицо и макают головой в дерьмо? Ведь такие ответы – это плевков в лицо, больше ничего. Раз в УИК и ПВР не запрещено – значит, можно сажать в клетку, а на мое человеческое достоинство – наплевать!.. В этом разница между мной и русскими «правозащитниками», даже самыми лучшими из них, как Глеб и Рома. Я вот, зная, что кроме хамства, мата, глумления, ничего от здешних вертухаев не услышу, к ним ни за чем и не обращаюсь. Ну, разве что свет в камере вырубится – тогда волей-неволей приходится стучать в дверь. А так – нет; я лучше уж потерплю, обойдусь без чего-то даже необходимого, чем иметь дело с этой камуфлированной нечистью, общаться с которой и слушать которую я просто брезгую. По той же самой причине, сидя с уголовниками, я ни за чем не обращался и к ним, даже за телефоном, – приходилось матери звонить каждый день самой, если она хотела со мной общаться.

А ребята вот не брезгают, радостно идут в это отхожее место, на котором в России вешают вывески «суд», несут туда свои «исковые заявления», «ходатайства» и пр., и с надеждой думают: ну и что, что уже 1000 раз отказали, – вдруг на 1001-й все-таки получится!.. Что это – идиотизм? Мазохизм? Упертость и нежелание ничего менять в своей жизни? Глебу, положим, уже полтинник, но Роме-то всего 35, не поздно еще поменять-то методы правозащитной деятельности, перестать каждый раз утираться после очередного «суда»... Нет, говори с ними, не говори (пробовал уже) – всё без толку...

Теперь вот жду с нетерпением, когда же они наконец приедут – уже больше месяца не были – и выскажу им всё это, накипевшее. Отведу хоть душу... И так ждал, писал только вчера, по-моему, об этом, но теперь жду еще сильнее. А они, похоже, не торопятся... :(((

18.5.17., 5-45

Ну что ж, вот и еще один рубеж 2017-го года взят, – уже второй. Сегодня осталось мне ровно 2,5 года, 914 дней.

Ну и нанервничался же я вчера с этой проклятой баней!! Будь он проклят – тот, кто придумал в новых ПВР прописать баню для эков «не реже двух раз в неделю»! Раньше нервничал на этот счет, что просто долго не ведут, до самого вечера порой; теперь стало еще хуже.

Со сменами – чехарда, неразбериха; вчера, как оказалось, дежурили тут Колобок (давно его не было) и с ним еще какой-то мордovorот. Погнали в баню, суки, опять после того, как уже помылись следующие за мной по коридору камеры; после 2-й же меня ВСЕ смены без исключения аккуратно пропускают. Уже без 20-ти десять было, когда повели; я думал, судя по гомону в коридоре, что шмонобанда уже пришла. Но оказалось – нет, в коридоре пусто, в «дежурке» – только эти два хмыря. Я радостно решил, что, м.б., и совсем не придут, как всё же изредка бывает, или же опоздают опять на целый час...

А эти суки явились, как раз когда я уже был в бане, где-то примерно без десяти минут десять! И чутье меня не обмануло: слышно было, как один из них задает обычный вопрос: ЧТО, мол, смотрим? – и мразь Безукладников, тоже уже явившаяся, ему отвечает: общите, мол, «двойку». То бишь – ПКТ, как я и предчувствовал заранее на вчерашний день («двойка» – это ведь ПКТ). После «двойки» же, т.к. было уже без пяти десять, они пошли «загонять прогулку», как обычно, – и ко мне, слава богу, не полезли. Но, когда я понял, что они всё-таки приперлись, мыться пришлось, как обычно теперь, наскоро, – мало ли что, лучше побыстрее оказаться в камере, чем проплескаться час – и потом найти там погром...

Зато когда я вышел из бани – на ручке моей двери и еще на некоторых были уже расставлены и разложены свежие письма. Я и не ожидал их так скоро – неделя всего прошла с прошлой почты. Мне, разумеется, писем было больше всего, но всё равно опять мало по сравнению с прежними временами: четыре от Землинского, по одному от Григорьянца и Сергея Крюкова (который только 28-го апреля ответил на мое письмо от 7 марта, – не столько, думаю, шло мое к нему письмо, сколько он тянул с ответом).

Главное (для меня) событие вчерашнего дня – присланное Землинским выступление Корчинского на том самом круглом столе в Киеве 10 апреля по поводу моей книжки. Потрясло меня, конечно, это выступление. Заняло оно у Землинского целиком страницу А-4, пересказывать его тут целиком я, конечно, не буду; основной тезис: Стомахин – это флаг. Как Бандера в свое время был флагом, символом, хотя руководили армией и войной другие люди (да, Шухевич командовал УПА, а Бандера-то сидел в Заксенхаузене); как Дудаев был флагом для чеченцев. Исключительно лестные, конечно, для меня сравнения, Да еще и с цитатами из библии и корана Корчинский, как верующий, всё это подает. Потрясающее, конечно, выступление, – обо мне говорит человек, который для меня – живая легенда, один из главных в жизни учителей! Землинский, верный себе, тут же начал перечисление всякой грязи: мол, Корчинский и с Дугиным дружил, и на Селигер ездил, и якобы даже поручения ФСБ выполнял (но КАКИЕ поручения – не пишет! :), и т.д. То ли не знает ничего, кроме этого, то ли уж такая патологическая любовь ко всякой грязи и к копанию в ней...

Но праздник был сильно подпорчен – узнал я из писем Землинского и новость крайне неприятную. Феликс, оказывается, так и не сделал то, что я его просил, не съездил к Свете – ни до поездки в начале мая в Киев, ни, видимо, после. А если и ездил – ведь Феликс человек обязательный, надежный, мне странно представить, чтобы лон мог так меня подвести – значит, где-то там, еще на каком-то этапе, непонятная задержка. Это мне сильно отравило радость от речи Корчинского. :((Написал ему обо всем этом короткое письмо, попросил съездить и всё сделать, обо всем мне написать, – а что толку-то?.. :(

Отопление еще не выключили, поразительно! С утра вчера и сегодня батареи вообще горячие! – но к середине дня остывают до чуть теплых. Сегодня надо писать заявление на магазин на завтра.

19.5.17., 5-42

Настроение отвратительное, хуже некуда. По ночам опять стали отключать воду, как и тем летом. Батарея сегодня с утра уже совсем холодная. Главная же проблема – опять разлезлись по шву брюки на

заднице. Зашивал их, зашивал уже сколько раз – и всё равно... Таскаю вот уже семь месяцев, с прошлогодней октябрьской свиданки и передачи, в которой их мне и привезли, – но они даже года не выдерживают этого ежедневного сидения на табуретках по 16 часов. Предыдущие выдержали год (зато и порвались не по шву, а по складке на зад, что гораздо хуже). А эти вот... Позавчера еще, в бане, смотрел – была прореха только в одном месте; а вчера уже разъехался весь шов. Нитки у меня крепкие (счастье, что они вообще есть, что их не забрали до сих пор!), но проклятая ткань не держит их, лезет, лохматится; прямо видно, как дырочка, в которую проходит нитка, расширяется до размеров прорехи на ткани... Что делать? Зашивать просто так уже очевидно бессмысленно, только переводить нитки. На «куртке х/б», которую мне в 2015 дал дневальный тогдашний по моему (тогдашнему) размеру и которая с тех пор висит у меня как запасная, с непрорезанными даже петлями, есть внизу ремешки, застегиваемые на пуговицы, – вот думаю отрезать их и пришить поверх этого разодранного шва в качестве заплаток. По длине шва вроде должно хватить. Понятно, что это тоже сугубо временная мера, что скоро всё равно и заплатки эти оторвутся. Но другого ничего придумать нельзя; запасные штаны, в той же прошлогодней передаче привезенные, я все же хочу поберечь. Если их начать носить сейчас – до ноября, до следующей свиданки, они тоже снесутся и порвутся; а мне, м.б. (скорее всего), предстоит еще на этап ехать – вот тогда их и надену. Тем паче, они, заранее знаю, велики, специально расширены этой чертовой Тамарой, сама же она тогда, в октябре 2016-го, на свиданке мне об этом и сказала. В общем, куда ни кинь, везде клин; да причем ведь еще и время для этого зашивания надо выбрать – или прямо с утра, или перед отбоем, когда уж точно никто не припрется и никуда не поведет.

А одиночество... что ж одиночество... Вчера додумался и сформулировал наконец для себя окончательно (и довольно-таки утешительно :)) . Одиночество ужасно и мучительно только по сравнению с той хрустальной мечтой, с тем идеалом, который я (начитавшись книжек и насмотревшись фильмов) когда-то, в ранней юности, себе выдумал – и некоторое время в него верил и жил им. Но – идеал недостижим, мечты не сбываются; это, собственно, главное, чему учит жизнь. Помню, впервые я понял это и решил плюнуть на мечту и жить, как живется, как раз ровно 18 лет назад, в мае 1999 г., еще и 25 лет мне не было. Потом, правда, случались рецидивы (да и нынешняя тоска – м.б., тоже рецидив), но – уже не такие острые, как глупые юношеские мечты в самом начале 90-х. Мне, можно сказать, еще повезло – я сумел не надеть тогда глупостей, непоправимых или

труднопоправимых, за которые казнил бы себя каждый день сейчас, в тюрьме. Потому что мечта несбыточна, а по сравнению с тем адом земным, в который обычно выливаются попытки ее все-таки реализовать – так одиночество есть просто счастье! По сравнению с этим адом оно обозначает свободу и отсутствие многих и многих совершенно нелепых, идиотских проблем. Так что – на самом-то деле положение, в котором я буду после (если) освобождения, еще очень даже завидное!.. :)))

18-47

Прямо праздник какой-то сегодня получился. Пришел утром, после завтрака (пшенку дали, ура! Не один, похоже, месяц ее не было) эти два ремешка к штанам, на заднице. Вышло вроде ничего, неплохо, но сейчас, после ужина, пощупал пальцами – нижний с одного угла уже оторван. Черт его побери!.. Пришлось снова доставать нитки, укреплять. В магазине купил всякой еды – и, что удивительно, принесли счет и список в начале 12-го и просили успеть всё написать до обеда. Какая их муха укусила?! :) – обычно дай бог часам к трем... Были в магазине на этот раз даже чипсы! – но, увы, не было аджики, к которой я привык и которой уже мало осталось. Самое же поразительное – была некая «грудка копченая» по 518 (!) рублей. Стал я стучать, звать дневального, который ходило в магазин писать эти списки, чтобы спросить, что это за грудка, не в банке ли (он ответил – в вакуумной упаковке), годится ли на бутерброды и т.п. И заодно – спросил, сливочное ли масло у него в списке, в конце, по 114 руб. Я был уверен, что сливочное – ну, подорожало на четыре рубля, подумаешь! – и хотел взять аж четыре пачки, чтоб не экономить его на бутерброды. И тут он говорит: подсолнечное; если б было сливочное, я бы так и написал. Вот бы я, дурак, влип! – хорошо, что спросил!.. Убрали эти 400 с лишним руб. из списка – как раз хватает и на грудку. Торопят, да я и сам хочу получить всё до обеда, – написал список и отдал, даже не пересчитав, на сколько там вышло. Посчитал уже потом, пока ждал, – блин, еще 200 с лишним рублей свободных остались!..

И вот тут мне повезло. :) Ничего лучше эта продавщица не придумала, как – на эти деньги дать мне еще одну грудку! Получилось две – и еще колбаса двух сортов, больше чем на неделю (и, слава богу, еще не просроченная). Я раньше и не видел таких никогда: куриная грудка, прямо со шкурой и костями, вырезана из целой курицы и с копченом виде запаяна в вакуумную упаковку, в полиэтилен. Вещь вкуснейшая, конечно. :) А главное – мне всё это принесли как раз одновременно с обедом, где на второе была... правильно, сечка! :) И вот тут-то я решил: что курятине лежать, портиться, а мне сидеть на одном супе, – тем паче, что запасено еды больше, чем на

неделю, до следующего магазина точно хватит, да еще 11 банок консервов из передачи осталось, про запас, на черный день. И взял да съел я одну из этих грудок вместо второго, положив в тарелку, отдаваемую назад баландеру, все кости и шкуру. А сейчас на ужин съем и вторую – ибо это даже не колбаса, чтобы это счастье могло дольше одного-двух дней пролежать без холодильника и не испортиться, я не верю. Вот такой вот получается куриный день. :) Плюс – половинка сухого торта на завтрак после пшенки (ее совсем каплю дали); плюс – чипсы, и хорошие, на «полдник» в четыре часа. Праздник живота, короче, весь день; буду вспоминать его, когда опять всё кончится и нельзя будет даже с деньгами ничего купить. Увы, за оставшиеся 2,5 года я, несомненно, еще успею тут наголодаться, как успел уже не раз до сих пор...

Поневоле, правда, возникает вопрос: а что же такое я праздную, в честь чего весь этот разгул? Уж не в честь ли того, что я лишние девять уже живу на свете, а должен был бы лежать в земле? Ведь сегодня ровно девять лет с того дня, который я назначил себе в 2008, в Буреполоме, чтобы прекратить эту ненужную, в глухой тупик зашедшую жизнь. Назначил, уже заранее при этом зная, ясно понимая, что не смогу, не смогу решиться... Вот так и прожил эти девять лет – только потому, что не хватило духу тогда, да и потом – уже этим сроком – несколько раз...

«Крестин», слава богу, сегодня нет, – весь день я нервничал, ждал их. Ломит башку с левой стороны, как почти каждый день теперь, не очень сильно, но всё же неприятно, особенно когда двигаешь головой.

20.5.17., 6-00

Эти дебилы – белобрысый упырь Лезгин и его напарник – опять сейчас, в подъем, забыли меня поднять! :))) Оставляют на самый конец, после всех – а после всех забывают; уже не первый раз такая история. :) В результате кто-то из них приперся только в 5-45, когда, видимо, им сказал дневальный, – он же собирает из-под дверей матрасы и раскладывает их в каптерке в определенном порядке, так что сразу должен был увидеть, что моего матраса нет.

Мыши (или крысы?) водятся теперь уже и в канализации, – последние дни несколько раз я слышал там их возню, видел даже мелькнувшую тень. Пожирают, видимо, каши, которые я туда выбрасываю. И вот сегодня, проснувшись второй раз ночью 20 минут третьего (до этого просыпался в 11), я обнаружил, что они прогрызли затычку для «дальняка» (зэковскую, самодельную, бог знает сколько лет назад и каким зэком сделанную), которую тут называют «якорь». Она традиционно есть во всех камерах – вроде как для защиты от запахов. Меня же волнуют не столько запахи,

сколько шум бурлящей воды, – когда включена вода в бане, можно и новостей по радио не разобрать (если оно тоже включено), и разговоров в коридоре, и уж тем более неудобно под этот водопад в канализации спать – поэтому на ночь я ее затыкаю. А тут берусь за веревку – и поднимаю на ней только верхнюю часть чехла; а сам груз (песок в пакете, или что уж там, не знаю) – остается в дыре.

Ругнувшись про себя, ложусь снова, решив найти новый пакет и привязать затычку в нем заново к веревке. Но, пролежав всего пару минут, вдруг вскакиваю, – пробила меня мысль, почему бы не сделать это сейчас, благо там работы всего на пару минут, зачем откладывать до утра? Встал, сделал – действительно, очень быстро (хотя и не до конца, – утром еще обмотал ручки пакета ниткой) – и в полтретьего уже лег опять. Но – увы, эта работа почему-то прогнала весь сон, заснуть снова я так и не смог, провалялся три с половиной часа без сна. Да еще и есть хотелось после этой курятины на ужин, – увы, оказалась она не очень –то сытной; маленького батончика сырокопченой колбасы (или половинки большого) хватало мне еще недавно на всю ночь, до утра, а тут – только до трех часов, нате-ка!..

Вот такие дела. Что ж... Сегодня суббота («царица-Суббота» :) ; осталось мне 912 дней, 130 недель. Сегодня должен прийти библиотекарь, буду ждать его. По крайней мере, до понедельника я без ШИЗО.

21.5.17., 5-27

Воскресенье. Утро. Опять предстоит нервотрепка с баней. О, боже, как же я устал и за...лся!! Будь она проклята, эта баня, которая теперь два раза в неделю – и для меня непременно совпадает или почти совпадает по времени со шмоном!.. Я прекрасно успевал бы помыться не то что до девяти, но даже и до восьми если бы эти вертухайские мрази водили меня в баню В ОЧЕРЕДЬ, как положено, – сразу после «двойки», по порядку номеров камер! Но нет – они, суки, оставляют меня на самый конец, после всех – и нервы мои дико истрепаны этим ожиданием, прислушиванием, подсчетами минут – сколько их еще осталось до шмона, успею или не успею... Будь прокляты навеки все, кто меня сюда засадил ни за что и держит здесь!..

22.5.17., 5-48

Ночью, четверть второго, по-моему, опять отстали проклятые часы непонятно почему, – с вечера, как обычно, я их тряс для подзавода достаточно долго. Я-то думал – на 15 минут, ну на полчаса отстали; я ведь и просыпаюсь обычно где-то в начале второго. Но в подъем выяснилось: на час с лишним! Когда в пять утра здесь зазвонил звонок на подъем – на моих несчастных часах было всего лишь без семи минут четыре утра... :((

В баню вчера, вопреки ожиданиям, сходил удачно: погнались сразу после

шмона, без пяти минут десять; шмонобанда, шмонавшая «ешку» (дальний конец коридора), успела уже уйти. Можно было, никуда не спеша и не нервничая, помыться как следует, – всегда бы так! Но – всегда явно не получится; в среду с утра здесь будет дежурить белообрый упырь Лезгин – и чутье подсказывает мне, что шмонать в среду (а нынче понедельник) эти мрази будут как раз ПКТ. :(Не знаю уж, каждую неделю они его шмонают, или нет, – ведь именно ПКТ («двойку», коей и ограничились) шмонали в прошлую среду.

Батарея холодная, отопление отключили окончательно. На улице каждый день дожди. Тот самый «очень тяжелый североуральский климат», о котором писал еще Буковский, – зимой лютые морозы, летом бесконечные дожди. В камере холодно, вчера сидел читал – так замерз, что пришлось снова поддеть «теплек». С окна дует.

Сегодня понедельник – значит, неизбежно будут под вечер «крестины», тем паче, что их не было уже долго, с прошлой среды. Заранее подготовленных, на регистратор снимаемых провокаций против меня пока не было (и, между прочим, вчера исполнился уже месяц, как не было очередных ШИЗО, – что-то они долго тянут, выходят из графика!.. :)), но ведь в любой момент может проклюнуться и «административная комиссия» для последующего перевода на тюрьму...

Мне осталось 910 дней, ровно 130 недель, 2,5 года. Это означает – никогда...

12-37

Просто великолепно!.. Второй день обедаю одним супом: на второе – сечка!.. В камере опять лютый холод, как и в том году в это время, когда выключили отопление. Сидеть читать невозможно: дико мерзнут руки и ноги. Холод, сечка и черняга (уже почти месяц)... Всех, всех этих мразей, выблядков сучьих, кто меня засадил сюда и держит здесь, всю эту нечисть, быдло и говно, от Путина до последнего здешнего вертухая – всем им я выпустил бы кишки своими руками, всех их перестрелял бы!..

23.5.17., 17-40

Утром, в подъем, с изумлением обнаружил, что батарея – ГОРЯЧАЯ!!! Вот так! 23-е мая, неделя до календарного лета осталась – отопление включили опять! (И слава богу, – в том году я околевал тут еще сильнее, чем вчера, а отопления не было и в помине!) Вот он, «очень тяжелый североуральский климат»... Перед обедом показалось мне, что жарко, снял «теплек» из-под свитера. Но это когда ходишь, двигаешься – становится жарко. А сел читать – с окна-то дует по-прежнему, хоть и послабее, чем вчера. Однако – в двух свитерах и футболке – продувает, спине ощутимо холодно (особенно если еще и к стене прислоняться). Короче, теплек пришлось поддеть под свитер

опять. Конец мая, блин...

После обеда – новое потрясение. Из «дальняка» вдруг вылезла крыса. Не мышка, нет, – здоровенная крыса! Вот, оказывается, кто там последнее время лазит, шебуршит, жрет все каши и чернягу, что я туда бросаю! Громадная, отожравшаяся... Я заметил ее лупу, когда она обнюхивала площадку с «унитазом» на «дальняке», встал посмотреть – и ахнул! Она медленно, неповоротливо улезла в отверстие «унитаза». Такая туша, ясное дело, ни в какие дырочки в полу, откуда вылезают мыши, и близко не пролезет. На ночь я, положим, опускаю затычку, но – она легко может и прогрызть ее опять, да, наверное, и вытолкнуть наверх, если захочет. Что теперь делать – совершенно неизвестно. При этом я на 100% знаю, что как-либо добиваться официальных мер по истреблению тут, в здании, крыс и мышей (что уже советовал мне Рома) – абсолютно бесполезно, нечего и пытаться.

Все эти дни, целую неделю, забывал написать. Еще в прошлую среду, 17-го,

[Пока начал писать про 17-е, – услышал вдруг тот же звук с «дальняка». Встал, подошел взглянуть – так и есть! Эта жирная мразь опять тут, что-то обнюхивает на поверхности! Придется, видимо, теперь и днем держать отверстие закрытым...]

Так вот, в прошлую среду, 17-го, когда после бани я отвечал на письма, приходила после обеда опять эта чума – крашенная блондинка-психолог. Говорила со мной через решетку, стоя в коридоре. И пообещала, что для более обстоятельного разговора выдернет меня во вторник. Я еще сказал (уже не в первый раз): мол, если нет полной уверенности – не обязательно заранее назначать точный день. Нет, во вторник; м.б., даже с утра.

И – что же? Да ничего. :)) Как я думал, так и вышло. Не пришла, разумеется. :)

Про батарею эту горячую с утра – забыл я написать еще, что весь день она постепенно остывала и сейчас уже лишь слегка теплая. На улице солнце, – должно быть тепло, как и должно быть в мае. Ветра особого – если судить по моему окну – вроде бы тоже нет. Но – увы, полноценно наслаждаться майским теплом и солнцем я смогу лишь в 2020 году, не раньше... :(((

Ребята так и не едут, это начинает меня уже сильно раздражать. Если судить по расписанию их поезда Екб-Соликамск – то в мае им осталось только два дня: четверг 25-е и вторник 30-е, по другим дням этого поезда нет. Но – как я вспомнил только сегодня, 25-го они уж точно не приедут: ведь именно на 25-е назначен в Екб «суд» по поводу уже повторного недопуска ко мне их психолога Халяпина. Участие Ромы, естественно, обязательно. Значит, если они не решат разориться на такси или их никто

не привезет (как в 2016 один раз было) – остается лишь 30-е. И я крайне мало верю, что 30-го они появятся. Когда нужны позарез – вот именно тогда их и не дождешься... :(((

24.5.17., 5-40

Белобрысая мразотина сейчас в подъем опять забыла меня поднять, прибежала уже потом, отдельно, из своей «дежурки», судя по звону ключей и решеток. Вот так вот они работают, выполняют свои «служебные обязанности», эти недоноски!.. Правда, на этот раз вспомнил он быстрее, чем в прошлый: всего лишь полшестого было, когда он прибежал.

И опять, и опять – бесконечный, бессмысленный, пустой день впереди. Опять нервотрепка с баней (среда), – опять, бляди, поведут меня туда в девять часов, под самый шмон, ПОСЛЕ ВСЕХ! (Если б водили в очередь, после «двойки», я бы не позже семи утра там оказывался и не позже полдевятого уже выходил бы оттуда.) Несомненно, будут «крестины», – в понедельник их то ли не было, то ли какие-то совсем уж быстрые и короткие, я так и не понял; вчера не было точно. Опять, значит, ждать «административную комиссию» – и тюрьму!.. Писем сегодня не будет вот уже неделю, с прошлой среды; но – долговязой мрази Безукладникова оба прошедших дня не было слышно, и, видимо, про него-то и сказал вчера кому-то белобрысый упырь Лезгин: мол, «на больничном». (Вот сейчас, пока пишу, этот выродок уже завел в баню из одной камеры – и крикнул другой: «Собирайтесь в баню!». Если завел из 2-й – то, по-честному-то, собираться должен был бы крикнуть мне. Но нет, я – последним, после всех, в девять, под самый шмон!..)

Ни писем, ни – вот уже давно и газет не несут. Пустота, тоска, читаю только дурацкие библиотечные книги... 908 дней мне осталось – 908 дней этого пустого, бессмысленного прозябания здесь (или куда еще увезут...). Ненависть, лютая ненависть к ним ко всем жжет мне душу! Убивать, убивать, убивать их всех, мразей, недочеловеков, ублюдков, говорящее говно!.. Резал бы, расстреливал бы их тысячами, миллионами – лично, своими руками, хоть с утра до ночи, круглосуточно уничтожал бы их, чтобы эта проклятая страна была залита их мусорской, чекистской и вертухайской кровью вся, без исключений; топил бы их в их собственной крови! Бомбить, бомбить эту проклятую страну, эту мразь Россию, лучше всего – ядерными бомбами, чтобы вообще ничего, кроме стекловидной спекшейся массы, от нее не осталось! За мою поломанную жизнь – и ядерная бомба для вас, мрази, еще слишком мягкое наказание!..

10-25

Всё именно так и вышло, как я предвидел утром. Белобрысая мразь Лезгин, у...бок, повел меня в баню в четверть десятого, когда ближняя баня

уже минимум полчаса как была свободна, а дальняя, по-моему, еще дольше. Подумалось тут вдруг: м.б., вести меня в баню он так же забывает, как забывает утром приходиться за матрасом? Оставляет на самый конец, после всех – и забывает... В общем, повел в 9-15, а в 9-20, едва я успел зайти в предбанник – явилась, как обычно, шмонобанда! И пришлось мне, как тогда, во время «сухой бани» 13.3.17, полураздетым стоять минут 15 в предбаннике, смотреть на всю эту камуфляжную мразь через дырочку в двери и слушать их галдеж в «дежурке». И только когда кто-то из них сказал, что шмонать банда идет ШИЗО, после этого грохнул засов на одной двери, через минут пять – на другой (а у меня-то на двери засов остался открытым, им грохнуть нельзя) – я успокоенный пошел мыться. Слава богу, хоть помылся, не торопясь, как следует, на этот раз. Ко мне мрази действительно не заходили.

Почему этот белобрысый ублюдок Лезгин водит меня в баню после всех и под самый шмон каждый раз? Почему дает мне матрас после всех? Бесполезно его даже спрашивать об этом (как и вообще заговаривать с этой и ей подобной нечистью о чем бы то ни было): кроме хамства и мата, не получишь в ответ ровно ничего. Поневоле я предаюсь сладостным фантазиям: например, представляю, что я – один из примерно десяти людей, которые вместе забивают белобрысую мразь Лезгина бейсбольными битами. Мы убиваем его тщательно, на совесть, без всякой жалости – так, как этот упырь и заслужил своими дежурствами по ШИЗО; я лично, своей битой, крушу его гнилой череп, мозги летят в разные стороны... Под конец этой веселой экзекуции от мрази Лезгина остается только мешок, наполненный переломанными костями, одетый во все тот же, но на сей раз основательно залитый кровью камуфляж. А другой раз я как будто наяву вижу, как привязываю этого связанного упыря к двум грузовикам, чтобы его разорвало на две кровавые половинки. Поделом тюремщику и мука!.. Но – увы, всё это лишь мечты... :((Хуже всего в моей жизни то, что отомстить всем этим выблядкам и недочеловекам В РЕАЛЕ у меня нет шансов. Я один, помогать никто не будет; те же самые два грузовика – где их взять? И кто сядет за руль, чтобы разрывать ими мразей напополам? Нужна команда, группа, тусовка таких же, как я, хлебнувших по самое некуда и мечтающих о мести – а тусовки-то как раз и нет. Все забились по щелям и сидят, трясутся, разводя теории и не делая ровно ничего...

Бессмыслица, бессилие, безнадега. Эти три слова полностью исчерпывают мое настоящее и будущее (а значит – обесмысливают и прошлое). Абсолютно бессмысленно всё, что происходит со мной сейчас, уже 4,5 года (ведь всё равно же я не «исправлюсь», не стану меньше

ненавидеть Систему и Путина :) . Я бессилен и отомстить за себя, и что-то вообще изменить – как в своей жизни, так и в общей. Бессилен, например, организовать себе после 2019 г. хоть какую-нибудь личную жизнь – и бессилен инициировать, раскатать активное движение против путинщины и империи – хоть в России, хоть, например, в Украине, хоть там Корчинский и назвал меня флагом. То бишь – ни смысла, ни надежд нет у меня в будущем, как и в настоящем. То бишь – мы логическим путем приходим к этому выводу – жить мне незачем, раз нет у меня никаких перспектив в этой жизни...

25.5.17., 5-40

Эти мрази вчера превзошли самих себя. Устроили «крестины» где-то в районе пяти вечера, – так после них ужин дали даже не в полвосьмого, как уже бывало, а почти что в восемь, где-то без десяти минут, что ли. Да и что это был за ужин! – сечка и черняга. И на завтрак вчера была какая-то говнокаша, так что – за весь день из казенной баланды съел только обед.

Батарея вчера с утра была если и не горячая, то – существенно, ощутимо теплая, и опять медленно остывала весь день. Сегодня с утра она ледяная. Видимо, именно с сегодняшнего утра, 25 мая, отопление выключили окончательно. Значит, еще намерзнуть – ведь особой жары тут, мягко говоря, не бывает и летом, особенно – если сидеть безвылазно в этом ледяном каземате...

907 дней осталось. Началось фактически (я не по календарю их считаю) лето 2017 года. Еще два их осталось – лето 2018 и лето 2019.

Я знаю тут всё, знаю досконально. По каким дням «крестины», баня и магазин. Во сколько подъем, отбой, шмон, реклама по радио. Какая смена (хоть они и часто меняются) дежурит после какой. Во сколько бывают пики активности у начальничков, когда можно ждать неприятных сюрпризов по будням (с 10 до 12 и с 4-х до 5). Чего же мне не хватает? Безмятежности. Тут постоянно ждешь какого-нибудь нового дерьма, какой-то очередной беды, предвиденной (как перевод на тюрьму) или непредвиденной (как поломка водопровода дня на три). Впрочем, так же было и в Буреполоме, хотя там – в основном из-за окружавших меня уголовников. Возможности сидеть спокойно, не ожидая всё время беды – вот чего не хватает больше всего.

Газет вчера так и не принесли. Проверил – и ахнул: последняя газета была еще за ПЯТОЕ мая! То бишь – опять приволокнут толстенную пачку, которую придется читать дня три без перерыва...

26.5.17., 5-40

Болит с ночи еще башка, с левой стороны. Проснулся – уже болела. Это очень плохо; если болит с вечера, то за ночь, пока спишь, проходит; а тут –

наоборот... Таблетки еще есть, но – тратить их боязно: вдруг потом заболит зуб, да сильно, так, что придется принимать по две штуки сразу, да не один раз; зубная боль ведь куда страшнее головной...

К моему большому удивлению, вчера после шмона принесли свежие письма. Но – не дали сразу, суки, разложили опять снаружи на ручки дверей, как обычно (слышно шуршание, когда кладут), отдали только в обед, через два часа. Ответила мать на мое письмо. Прислал 178-е и 179-е письма Майсурян, причем в 178-м повторил 174-е, в апреле изъятые, но распечатки из которого мне всё же уже вернули раньше. Два письма от Землинского с новостями. Письмо от Веры: оказывается, она мне, как и я ей (и Феликсу), написала сразу же после возвращения отсюда с неудавшейся свиданки в конце апреля, описала всё произошедшее, – и ни ей мое, ни мне ее эти письма не дошли!! Пару открыток прислал Канунников, причем одна из них подписана Дмитрием Кипиани, – видимо, тем самым другом Карамьяна, о котором когда-то (еще до первого моего ареста) он мне не раз говорил. Т.к. на открытке этой был и адрес, хоть и без индекса, – я написал ему в ответ, спросил, тот ли он Кипиани, или не тот; если он знает Карамьяна, то на его фамилию, надеюсь, должен среагировать. Прислала несколько своих пражских фотографий Лена Кондрахина из СПб; и – самое неожиданное – написала Лариса Володимерова из Амстердама, тоже на открытке. Письмо ее шло больше месяца; пишет, что еще в апреле говорила обо мне с их голландскими представителями Amnesty и ПЕН-клуба, у них это одни и те же люди и там и там. Пишет, что даже видео какое-то мое им показала (какое – не пойму), что они «обещали заняться». Что ж, посмотрим. До сих пор, как известно, Amnesty меня не жаловала, несмотря на все попытки друзей меня там рекламировать, и политэком меня «не признавала» (как будто я нуждаюсь в их признании!).

906 дней осталось, рубеж 1-го июня (900 дней) уже близок. Пятница; и самое интересное – удастся ли сегодня магазин, тем паче – на 3000 р. (+1000 к месячному лимиту в 5000 р.).

15-40

Магазин таки состоялся. Но... Я не зря всегда готовлюсь к худшему. Так и вышло, как я думал: вместо 3000 р. мне выписали только 2000 р. – остаток лимита за май. А 1000 р., оставшаяся с февраля (о чем я, как обычно, написал в заявлении) – фиг! Их же УИК, статья 88 ч.3 – им не писана! Абсолютное бессилие, – ничего я им, мразям, не могу отсюда, из камеры, сделать! Перестрелял бы всех, рука бы не дрогнула – хрен, не достать их, ублюдков!.. :(От абсолютного бессилия изменил я своим принципам – а с другой стороны, решил проверить их правильность на опыте: написал жалобу на

это на всё в прокуратуру по надзору, в Кизел. Отдам в воскресенье вечером, в заклеенном виде. Нет ни малейших сомнений, что: 1) здесь расклеят и прочтут; если все же решат отправить – должны будут принести мне бумажку, что отправили; 2) еще меньше сомнений в том, что прокуратура всё равно выкрутится и ответит, что нарушения закона нет. Я, собственно, потому и считал всегда для себя неприемлемым писать какие-либо жалобы, что ответ на них всегда известен заранее. Но – тут уж слишком яркий, бесспорный, не дающий возможности для увиливания случай, статья УИКа нарушена ГРУБО. Что ж, посмотрим, каким именно образом они выкрутятся на сей раз, дабы не обидеть своих...

Попутно выяснились еще всякие интересные подробности. В частности, то, что вареная колбаса, неделю назад указанная в списке по 175 р., сегодня фигурировала уже по 269! То ли мухлюет дневальный, пишущий эти списки... не знаю. В списке под словом «колбаса» фигурировала только одна колбаса, за 269. М.б., он не указал другую, по 175, и взял дешевую вместо дорогой? (Точнее, взял завхоз, а не дневальный.) Подорожать на 94 рубля за неделю вареная колбаса едва ли могла, когда тут и ветчина, когда она есть, стоит всего 239. Так или иначе, а 188 рублей у меня вылетело просто так, на эти деньги мог бы себе купить конфет или чипсов... Хитрые мрази, жульё – и не найдешь концов, и ничего нельзя сделать...

27.5.17., 13-40

Великолепно: пришел сейчас библиотекарь – и сразу объявил, что книг у него на этот раз немного, т.к. остальные – под заказ! Ну да, носит блатным; им-то он носит, а мне – хрен принесет что, хотя и говорит: напиши, мол, список, что тебе надо. Короче, где-то штук десять книг он принес – и брать из них оказалось вообще нечего. Часть я уже тут читал, часть – просто барахло. Нечего будет читать всю неделю. Вроде запасы книг у меня на этот случай постоянно хранятся, но – такое барахло!.. А газеты, суки, так и не принесли на этой неделе, – уже за 22 дня должны быть газеты, с 5-го мая, за три недели, – прямо как в том году, в июне 2016, тогда их тоже три недели не несли, со 2-го по 23-е июня...

Суббота. Неделя прошла, а эта блондинистая фифа-психолог, обещавшая быть еще во вторник и уверявшая, что она, мол, приходит ко мне каждую неделю, – так и не пришла, разумеется. А когда придет – естественно, и не подумает ни извиниться, ни вообще вспомнить свои несдержанные обещания...

Завтра опять предстоит эта проклятая нервотрепка с баней и шмоном – и предчувствие подсказывает мне, что шмонать завтра пойдут именно ПКТ. :(А мне предстоит еще и бритье, и стирка – в сумме на всё это надо часа

полтора; что делать, идти, если опять поведут перед самым шмоном, или плюнуть и отказаться, я не знаю...

На второе в обед – полужидкая гречка без ничего. Последнее время они уже перестали делать вид, что в обед и ужин они дают кашу/картошку С ЧЕМ-ТО. С курятиной там, или с мясом. Нет, просто каша, без каких-либо дополнений вообще. Конечно, хорошо, что из нее теперь не приходится выбирать куриные кости, но... И, разумеется, черныга – уже второй месяц.

Нечего читать, нечего делать, тоска и скука. Башка болит и сегодня с утра, уже второй день. Хорошо хоть, еда пока есть, но с середины июня по 7 июля – будет голод! :(((Осталось 905 дней. Сегодня ровно месяц и неделя, как кончилось мое последнее ШИЗО, – что-то долго уже! :))

28.5.17., 5-28

Со вчерашнего отбоя нет воды, – руки после ужина вчера пришлось мыть из бутылки. Хорошо, что я запас заранее, именно на такие случаи, две литровых бутылки из-под сока, два-три дня смогу на них продержаться. Как будет сегодня с баней – пока неясно, ибо какая же баня, если нет воды? Дай бог, чтобы ее часов до десяти не включали, пока не закончится ежеутренний шмон. Но это вряд ли, конечно. Опять нервотрепка и ожидание на всё утро...

Вчера перед самым отбоем, замучившись от двух дней непрерывной головной боли, решил наконец-то принять таблетку. Она помогла почти сразу, через считанные минуты... на полчаса! По прошествии которых та же боль возникла снова, хотя, м.б., немного послабее. Потом, когда поужинал и лег, прошла опять (вот что на самом-то деле необходимо, – возможность лежать днем!). Потом, еще не заснув, вроде бы опять почувствовал ломоту там же, в левой половине черепа... В общем, сейчас вроде как и не болит, но всё же временами я ощущаю некоторую тяжесть с левой стороны головы. Давление, ничего не поделаешь. Впереди по курсу – инсульт, это самое неприятное, но, увы, видимо, неизбежное. :(Дай бог, чтобы это хотя бы случилось уже на воле, а не здесь...

На улице сплошные дожди каждый день, по многу раз. В камере чуть потеплее, чем было 25-го, в день отключения батарей, но всё равно холодно, сильно дует с окна.

7-00

Воду всё-таки дали – перед самым завтраком, где-то около полседьмого. Значит, сейчас опять начнется этот нервоз – вождение меня опять под самый шмон... Завтрак – сечка; хорошо, что у меня есть сыр из ларька. Голову не очень сильно, но продолжает ломить, особенно чувствуется это, когда ею двигаешь или сам встаешь или нагибаешься, например.

11-39

Прошел шмон. Шмонали ШИЗО. В баню так и не думают вести до сих пор. Вот так вот: раз на раз не приходится – и не угадаешь... Только нервы истрепаны страшно после всего этого.

29.5.17., 5-27

В баню вчера повели только 35 минут четвертого. Зато наконец-то сделал всё как надо, – помылся, побрился и постирал вещи без спешки, в кои-то веки. Полтора часа это заняло, как и бывало всегда. Правда, вода вместо горячей была чуть теплой.

И вот – понедельник. Опять всё по новой, по кругу. Сегодня под вечер – непременно «крестины», как же без них! Значит – всю неделю опять ждать новых провокаций и вслед за ними – 15 суток (давно, ой давно, второй месяц уже их нет!..). Сегодня и все следующие «крестины» на этой неделе ждать «административную комиссию и начало новой отправки на крытую тюрьму. В среду и следующее воскресенье всё утро, до десяти, опять нервничать по поводу бани. В пятницу – ждать магазина, предпоследнего перед великим голодом, когда три июньских пятницы подряд теперь нельзя будет ничего купить, – по новым ПВР отоваривание для ПКТ/ЕПКТ только два раза в месяц! Суки!.. (А м.б. – опять, как в прошлом июне, из-за отпуска продавщицы и/или бухгалтерши магазин просто закроется недели на две.) В субботу – ждать библиотекаря, отдать ему очередной (четвертый! с осени 2015 г.) список нужных мне книг и попытаться хоть что-то взять почитать. Всю эту неделю читать нечего, если только не принесут наконец газеты и журналы; их не несут уже, по-моему, с 15 мая, т.е. ровно две недели. Впрочем, в том году их как-то не несли, помнится, и месяц.

Ну и – ждать ребят, хотя на их появление особой надежды уже нет. Если не появятся завтра, когда их поезд ночью прибывает сюда по дороге в Соликамск, – значит, пропустили май, как и в том году. Ждать вторжения в дверь с бумажкой, в которой я должен буду расписаться за отправку моей несчастной жалобы в прокуратуру (вчера отдал ее в отбой. Впрочем, вероятность того, что ее таки отправят, мизерна. А если вдруг и отправят – эту сопроводилку в 2015 г., когда они с нею точно так же отправляли мое письмо в здешнюю ОНК, мне, помню, принесли расписаться только через 18 (!) дней после отдачи письма...

Мотать, мотать, мотать как-то день за днем эти безумные, бесконечные 16 часов на ногах, во время которых нельзя ни прилечь, ни забыться, ни согреться... Холод в камере по-прежнему чудовищный, но ни кипятка, ни чая/кофе, ни отопления, ни лечь и накрыться с головой – ничего низ-з-зя! Ходить туда-сюда или сидеть на табуретке, протирая до дыр штаны и

зарабатывая нарывы на заду от бесконечного сидения. Нечего почитать – да и какое чтение в этом холоде; руки отмерзают так, что не можешь держать книжку... Из вечера, за час или полчаса перед отбоем, утро кончающегося дня кажется каким-то безумно далеким и неправдоподобным, как будто оно было где-то на другой планете, в другой жизни, – неужели всего лишь 16 часов прошло, как я выкинул матрас, поднял нары, стал ходить по камере до шести утра?? Да не может быть!.. Чудовищно долгие, бесконечные, изматывающе пустые дни, которые нечем занять, кроме горьких мыслей да тяжелых предчувствий, что вот сейчас ворвутся – и погонят куда-то, на «комиссию», на «крестины», к мрачному какому-нибудь визитеру (вроде следователя с новым уголовным делом), что вот сейчас вдруг, неожиданно еще ухудшится (и резко!) твоя судьба...

10-48

Весь день – в самом буквальном смысле – на ногах; уже устал бегать туда-сюда по камере, взад-вперед. Сидеть почти совсем невозможно: холод пронизывающий, мерзнут и руки, и ноги, и тело сквозь четыре слоя одежды (в том числе итальянский чисто шерстяной свитер от Горильской). Башка опять болит. За день убегаюсь тут, похоже...

В обед опять засунул в «кормушку» свое поганое рыло Стекольщик и опять пообещал мне – уже сегодня вечером, время точно обозначил! – выбить стекло в камере, если, мол, я ее не «проветрю» (что технически невозможно из-за устройства окна). Я его и стал про себя называть Стекольщиком после первой такой угрозы 14 мая. Что делать с этой мразью? Тут и так невозможно находиться, по камере ветер гуляет, а если он и впрямь еще окно разобьет?.. Позарез тут нужны мне ребята, но они всё никак не едут, черт бы их побрал!.. Придется самому делать что-то по той же методе, которой всегда пользуются они – официальной. Бить окна – это вообще-то хулиганство, тем паче – должностным лицом при исполнении служебных обязанностей. Хотел написать заявление в ГУФСИН на эту мразь (которой не знаю даже фамилии – только даты заступления на дежурство, 13 мая и сегодня) – дык нет у меня ни одной бумаги с адресом ГУФСИН! Остался с прежних времен (2014) адрес ОНК – написал заяву им с просьбой переслать в ГУФСИН, что они сделали бы и без моей просьбы, т.к. это единственное, что они вообще могут. Отправлю не сегодня, а завтра – вдруг и правда вечером он разобьет окно, тогда уж надо будет писать жалобу на сам факт хулиганства, а не на угрозы. Да и самой же этой гниде письмо о ней же, пусть и заклеенное, отдавать вечером не хочу. К тому же – 1% вероятности, но вдруг завтра приедут ребята! Мало верится, конечно... Само собой, что здешние мрази (оперчасть) вскроют и прочтут жалобу, как они

делают это всегда. Абсолютно не факт, что отправят, но хотя бы будут знать сами – и вдруг да сами решат принять какие-то меры, успокоить этого у...бка Стекольщика.

Заодно напишу завтра и Роме на тему – где же они? Глеба может опять не быть в городе.

Да-да, как ни противно обращаться во все эти структуры преступного государства – прокуратуру, ГУФСИН и пр. – но другого выхода нет. Да и эти обращения едва ли помогут...

30.5.17., 5-45

Ублюдок стекольщик (много чести будет – писать его с большой буквы!) вчера, слава богу, так и не разбил мне окно. Вместе с ним в паре дежурит мразь курточник – и в отбой, разумеется, скомандовал мне: «Куртку наденьте!», показал свою власть еще раз. Сейчас вот думаю, стоит ли отправлять вчерашнюю жалобу на стекольщика, пытаюсь преодолеть налетающую временами, когда проходит первый порыв, нерешительность. «И вянет как цветок решимость наша в бесплодии умственного тупика». С недавней жалобой в прокуратуру ведь тоже так было. Надо, надо все-таки отправить, хотя бы попытаться как-то воздействовать на ситуацию, – хотя на 99% уверен, что они это письмо в ОНК вскроют, прочтут, не отправят – и сами тоже ничего не предпримут, все мои попытки, как обычно, не приведут ни к чему. Ну что ж, отправлю вечером – и посмотрим...

Холод по-прежнему страшный, сатанинский, чудовищный. Вчера днем додумался надеть старые, с прошлой осени вышедшие из употребления шерстяные носки, с тех пор и лежавшие в качестве смягчающей подстилки на железной табуретке. Две пары шерстяных носков (из которых нынешние, присланные в том году Маглеванной, – совсем тоненькие) – только так и удалось кое-как согреть ноги. Если б эти суки не заставляли все вещи держать в каптерке, а не в камере, если б не постоянная угроза шмона и выноса ВСЕГО – я бы так не околевал бы от холода, в бауле у меня достаточно вещей, чтобы согреться, даже одев их на себя в пять или в десять слоев...

902 дня осталось, 129-я неделя от конца срока сегодня пошла. И – еще одна веха: сегодня ровно 600 дней, как я непрерывно, с октября 2015, сижу в одиночке...

Голова вроде так не болит, как болела все эти дни, но – всё равно, даже с самого утра, что-то такое болезненное, там, в левой стороне черепа, слегка ощущается. Днем усилится, несомненно.

19-13

Перед обедом принесли неожиданно письма. Всего четыре штуки за пять

дней: от Землинского, Кондрахиной, Мананникова и Гудзенко.

По совпадению оба последних в начале мая были в Киеве или вообще в Украине. Но Гудзенко-то – украинец с Полтавщины, ездил на родину. А Мананников – укрыться, как он пишет, от российских майских «праздников» и особенно от победобесия. Очень заманчиво описывает он Украину, Киев, тамошнюю жизнь, – победнее, чем в Москве, но это жизнь, она бурлит, запретов минимум, у Михайловского монастыря стена памяти павших героев АТО, в спальнях районах Киева – тоже уже памятники им... Доведется ли мне когда-нибудь всё это увидеть своими глазами?..

Шикарную цитату приводит Мананников из Саяны Монгуш (в связи, как он пишет, с обсуждением в рунете ответа миллионера Усманова Навальному). Всю не буду приводить, но вот самое главное: «Почему политзэк Борис Стомахин никогда не станет «вторым Борисом», его не будут пихать локомотивом либеральные круги России вместо Навального? Никогда. Ни за что. [...]

А все дело в том, в чем постыдно сознаться. Навальный говорит ровно то, с чем боролся и за что сидит Стомахин. [...]

Как говорится, в самую точку...

Ответил всем еще до ужина, заклеил и положил в отправляемую почту и жалобу на стекольщика. Расписаться за отправку жалобы в прокуратуру (что-то :))) не несут. Ребята так и не приехали. :(Пропустили, значит, май, как и в 2016 г. Едва ли они пожалуют завтра, в последний день, – поезд их шел сюда ночью на сегодня (вторник). По-прежнему дикий холод, уже и в двух парах шерстяных носков мерзнут ноги. Завтра опять предстоит нервотрепка с баней. Газеты и журнал так и не несут, суки!..

Еще забыл: прислал мне Мананников тоже речь Корчинского обо мне – и пишет, что оно было на пресс-конференции в Укринфо. Значит, все-таки пресс-конференция, а не круглый стол.

31.5.17., 5-33

М-да, печальная истина состоит в том, что голова у меня теперь не проходит и за ночь. Боль не сильная, чувствуется, только если резко двинуть головой или корпусом. Но тем не менее... Вот уже дней пять подряд не проходит; сегодня чувствовал ее и ночью, когда просыпался. Началось ускоренное движение к инсульту...

Думаю, как быть сейчас, утром, с баней. Инстинкт подсказывает, что будут шмонать ПКТ. Вчера под вечер они делали в ближней бане какой-то ремонт – и после этого в нее не водили, только в дальнюю (судя по звонкам оттуда и отсутствию хлопков дверью ближней бани). Можно, если погонят в 8-30 или позже, сказать: нет, давайте позже, часа через два-три, сейчас

плохо себя чувствую. Со вчера дежурит смена косоглазых быдлотатар, 99,9%, что они откажут: или сейчас иди, или не пойдешь вообще! Да, вот такие здесь порядки... Что ж, тогда не пойду вообще, черт с ней, с этой баней, я мылся только три дня назад – и совсем не так сильно тут пачкаюсь, чтобы мыться каждые три дня.

14-40

Человек предполагает, а бог располагает... Шмонали ПКТ, да, но... в начале второго, после обеда, когда я и думать уже забыл ждать шмона! Вот-вот должна была ехать обратно говновозка, собирать тарелки – и вдруг рядом со мной тут какую-то камеру открывают и не закрывают сразу, как обычно, когда кого-то выводят. И стоят в коридоре, разговаривают. Я насторожился непроизвольно. Минуту три или пять прошло, закрыли – открывают другую. Слышу, один голос спрашивает: у вас сегодня что, банный день был? – а другой говорит: да. Елки зеленые, шмон!!! Банный-то день сегодня как раз у ПКТ! Но ко мне каким-то чудом эта нечисть опять не зашла – наверное, по старинке думают, по инерции, что у меня ЕПКТ.

А утром, в десятом часу, ждал-ждал, прислушивался-прислушивался – нету! Каждый раз теперь в это вот время, ожидая шмона, думаю я с тоской: блин, на что же я трачу свою жизнь?! – на прислушивание к ходьбе и галдежу в тюремном коридоре: идет мразь шмонать, или не идет, и кого именно шмонать!.. Боже, до чего я докатился!.. :(Так вот – не идут, тишина. Без десяти минут десять приходит косоглазый быдло татарин: в баню! (Он всегда говорит отрывисто, командирским тоном.) Думал уж я – раз тихо, то не понадобятся мне ухищрения; но тут – только пойду, а они придут! Уже ведь бывало такое. Сказал ему: давайте попозже, сейчас плохо себя чувствую, не могу. По крайней мер, он, к моему удивлению, не заявил, как я ожидал: мол, или идешь сейчас, или не идешь вообще! Закрыл молча дверь и ушел.

После 11-ти уж я расслабился, рассупонился – думаю, всё, шмона, видать, сегодня нет вообще. Без трех минут 12 приходит второй вертухай – щекастый, красномордый хомяк низенького роста (тоже татарин, по-моему, но не ярко выраженный, – однако два голоса в коридоре вчера (не первый уж раз) болтали по-татарски, его голосок я уже хорошо узнаю). «В баню!» Тут уж я, хоть и думал идти после 11-ти, если предложат, говорю: давайте после обеда, сейчас ведь обед будет! Молча закрыл дверь и ушел. Обед привезли еще только через полчаса, в 12-30 (макаронны на второе опять без ничего!); после него был вот этот короткий шмон ПКТ, а сразу после этого косоглазый, торчавший до сих пор на работе, повел-таки меня в баню.

Ближнюю баню, оказалось, штукатурят внутри (дверь открыта, видел,

идя мимо). Погнали в дальнюю – а там, суки, даже табуретку куда-то дели, сесть не на что или таз поставить, если стираешь. Таза, кстати, тоже нет, вместо него – этот громадный квадратный пластиковый бак из-под чего-то.

Вышел на работу белобрысый упырь Лезгин – а я-то думал, что он в отпуске, несколько смен он вроде бы пропустил. Приперся спрашивать, помылся я или нет, перед тем, как я уже сам собирался звонить, чтобы пришли и открыли. Я, дурак, слыша это, вообразил, что, м.б., приехали ребята и ждут меня. Но вывел он меня из бани – ничего подобного! Поворчал, мразь, на меня, что я не бегу сам ставить палку в их запираемый ящик, закрыл в камеру – и всё! Закончилась на ближайšie три дня эпопея с баней. Больше всего во всем происходящем меня раздражает и бесит то, что не едут ребята. Не были с 5-го апреля – и то лишь потому, что тогда приезжали в Чусовской «суд» читать дело о переводе на крытку, ко мне заехали уж так, по пути, да и ушли раньше времени. И всё – пропали, черт бы их побрал. Ходят по «судам», ясное дело...

ИЮНЬ 2017

1.6.17., 16-02

Незадолго до ужина вчера принесли наконец прессу: сразу семь номеров газеты и один журнал. Не сомневаюсь, что это лишь потому, что накануне в письме Лене Кондрахиной я написал, что их уже третью неделю не несут, и просил ее об этом написать в фейсбучную группу обо мне. Утром это прочла цензура – вечером газеты принесли, связь очевидна, по-моему. Читал их сутки, но пока прочел только наиболее важное и интересное, процентов 40 еще осталось на сегодняшний вечер, на завтра и на полсубботы, до прихода в третьем часу библиотекаря. Как раз уложусь (еще придет ли он?..).

Грандиозное и радостное событие: в обед опять дали белый хлеб! С 25 апреля по 1-е июня его не было. Боже, до чего тут докатываешься, какой фигне начинаешь радоваться!.. Заодно сразу пошел в ход (с белой коркой от пайки) майонез, уже давно купленный в ларьке и несколько недель лежавший даже невскрытым. А бутербродов с полукопченными колбасками, увы, сегодня будет опять четыре, а не шесть, как я сделал вчера, потому что мякиш белого длиннее (выше) мякиша черняги.

Вот он и рубеж – 1-е июня, ровно 900 дней осталось. И – лето началось. Лето 2017-го, пока что жутко холодное, судя по тому, какой колотун продолжается в камере. Какой уж день – продолжаю буквально околевать тут, хотя вчера, во время утренних банных страданий, мне с чего-то вдруг и почудилось, что стало чуть-чуть теплее. Нет, не стало, черта с два!..

Еще четыре больших рубежа осталось в этом году: 18 июля (2/3 срока), 9 сентября (останется 800 дней), 18 ноября (два года) и 18 декабря (100 недель, 700 дней). Есть к чему стремиться...

У мразей опять, слышу, намечаются «крестины». Видимо, баню закончили ремонтировать и в нее можно снова сажать «крещаемых» уголовничков. Хоть бы меня не тронули, мрази! А колотун такой, что я не могу даже дальше писать: всё тело дрожит, руки тоже, холод просто собачий в камере...

2.6.17., 5-25

Проснулся последний раз ночью в 2-10 – и всё, больше так и не смог заснуть. Ночью время летит настолько же космически быстро, насколько медленно тянется днем: глянул на часы – а уже без 20-ти пять, оказывается! Холод по-прежнему дикий, невыносимый, пронизывающий, так что теперь подъем противен не только сам по себе, но еще и этим вылезанием на холод. Только ночью, с головой закутавшись и завернувшись со всех сторон в одеяло, можно согреться, и то не сразу. Днем же – бегать туда-сюда,

тогда, по крайней мере, теплее ногам. Сидеть же за каким-либо делом – писать или читать, – дико отмерзают, прежде всего, пальцы на руках, ноги в двух парах шерстяных носков (одни тонкие, правда), корпус в четырех слоях одежды тоже пробирает, хотя и не так сильно. Кончится этот морозильник, по опыту прошлого лета здесь, лишь когда потеплеет на улице, но когда это будет и будет ли вообще – неизвестно.

Остались еще газеты на сегодня, дочитывать второстепенные материалы в них, так что день как-нибудь продержусь, а там – уже выходные, конец недели, библиотека заодно. Вчера, надо сказать, был день сенсаций – хотя и незаметных, маленьких. Белый хлеб дали не только в обед, но и в ужин! А главное – на ужин дали гречку, в которой, вопреки обыкновению, не было черноты! Просто с ума сойти: обычно ее не столько ешь, сколько выбираешь эти черные коробочки с зернами (которые, помню, в детстве выбирали мы с бабушкой дома); а вчера их вдруг не оказалось НИ ОДНОЙ в тарелке!!! Просто невероятно – кто ж их теперь выбирает-то здесь?! Неужто ээки?! Потому что сами собой исчезнуть все до одного эти черные зерна не могли ну никак!

3.6.17., 5-50

Опять та же история: проснулся около двух часов ночи (второй раз) – и с тех пор уже не спал. Или, м.б., все-таки задремывал ненадолго, – сам даже не могу сказать. Но вроде бы нет.

Вчера в обед, совершенно неожиданно – опять письма! Главное событие в местной загробной «жизни»... На этот раз от всех только по одному письму – даже от Землинского, а также от матери, от Горильской через Майсуряна, от Кирилла Подрабинека, от Мкртчяна и от Ларисы Володимеровой из Голландии (но это уже второе, – она почему-то по два одинаковых письма всегда шлет, только открытки разные вкладывает). И – никто ничего важного или радостного не пишет, никаких хороших новостей. Нет плохих – но и только. Майсуряну, Горильской, Землинскому и Кириллу Подрабинеку успел ответить еще вчера, матери и Мкртчяну – займусь сегодня. Всё равно суббота, отдавать – только завтра вечером.

Был вчера и магазин, слава богу. Оказалось, до сих пор они так и продают эти копченые куриные грудки в вакууме, из той же партии, срок годности которой – до 20 мая! Уже сколько раз я их брал, еще с середины мая – а они всё не кончаются (не говоря уж о том, чтобы снять с продажи из-за истечения срока годности. И будут продавать до упора, пусть уже и совсем протухшие...). Следующий магазин – 9 июня, а потом – только 7-го июля, по новому порядку «два раза в месяц». Консервы из передачи на ужины, а с неделю где-то, когда они кончатся, – белый хлеб со сгущенкой (если он

опять не пропадет). Чипсов вчера в ларьке уже не было, набрал на «полдники» себе дешевых (и дрянного качества) удмуртских вафель по 12 штук в пластиковых коробочках. Жаль, не хватило денег на сок, – если б эти мрази отоваривали мне дополнительные деньги с прежних месяцев, как по их же УИКу положено, то хватало бы каждый раз. А жалобу мою на эту тему в прокуратуру, разумеется, так и не отправили, – неделя прошла, но бумажку – расписаться за отправку, как у них положено, мне так и не принесли...

Когда еще лежал, ждал подъема, – показалось опять, что в камере вроде бы стало чуть потеплее. Но, похоже, это иллюзия, пишу сейчас – левая рука, лежащая на столе без дела, опять ледяная. По-настоящему потеплеет тогда, когда ночью м не станет жарко под одеялом с головой, как бывает обычно зимой, когда здесь топят. Но сейчас об этом и речи нет. Когда двигаешься, что-то делаешь, мысли отвлечены – вроде холод не так сильно чувствуется, но стоит сесть, взять в руки книгу/газету – всё, п...ц!...

Суббота. 898 дней, 128 недель мне осталось. Завтра опять нервотрепка с баней до десяти утра...

14-21

Обрадовался, дурак, в тот раз, неделю назад, составил список книг для библиотекаря, как он предложил; выложил его сегодня после шмона из тумбочки, чтобы был на глазах, под рукой...

А вместо молодого пацана-библиотекаря, который это предложил – явился сейчас мрачный хмырь (постарше), который носил книги зимой. Какой уж тут список – этот, ясное дело, ничего мне искать не будет (да и тот – не факт, что стал бы на самом деле, хотя и сам предложил). Где молодой – я даже спрашивать не стал...

А этот, главное, принес книги – ну такое дерьмо, просто обалдеть! :(Теперь опять всю неделю нечего читать, хотя я и взял две дурацких книжки – какие-то советские романы...

Холодно. Порой невыносимая боль в голове. Дочитаю газеты – и делать вообще нечего...

14-40

Не успел дописать предыдущее, убрать тетрадь – открывается дверь. Стоит та же жирная харя, что замещала мразь Безукладникова (его опять нет) еще зимой. И вдруг эта харя говорит мне: мол. у вас закончилось ПКТ, вас в 132-ю бригаду переведут.

Я чуть не упал! Конечно, сразу ответил, что никуда не пойду, – спрашивает: напишете заявление? Подумав – говорю: хорошо, напишу.

Сглупил, дурак! Пришел белобрысый упырь Лезгин, открыл «кормушку»

– заявление отдать. Я стал спрашивать его, где этот жирный хмырь. А он, оказывается, уже ушел. Я хотел его спросить: пока буду сидеть тут без ПКТ/ЕПКТ – сколько лимит на магазин, по каким дням баня и пр.

И белобрысый урод зовет какого-то хмыря, открывает дверь... и хмырь, видя меня, тут же начинает спрашивать, почему это я «нарушаю форму одежды» – сижу в камере без робы. Толкует про то, что у меня есть какие-то «обязанности» – и спрашивает, напишу ли я объяснение. Я говорю «до свидания» – и он уходит.

То бишь – заявление я так и не отдал, но теперь в понедельник – то ли опять ШИЗО, то ли ПКТ или ЕПКТ. Хорошо, если (Е)ПКТ, а то опять не жрать ничего...

16-30

Никак не могу успокоиться. Надо же, опять на ровном месте выхватить ШИЗО, опять 15 дней ждать по утрам шмонов, нервничая и трясясь... Пытаюсь внушить себе, что мне на все это наплевать, что и осталось уже не так много – 898 дней, что я не свожусь к обитателю камеры №3, отбывающему в ней очередное ШИЗО, что не исчерпывается этим моя жизнь, что меня знают, говорят обо мне (тот же Корчинский), пишут, берут интервью... Но получается это самовнушение плохо. Ощущение собственного ничтожества и бессилия перед лицом этих мразей, для которых ты просто кусок мяса, просто «осужденный», который им всё время что-то «обязан» – оказывается, увы, сильнее. Нервы истрепаны, расстроены, тоска, бессилие, и хочется поплакаться кому-то в жилетку, рассказать всё – и чтобы поняли (о, «счастье – это когда тебя понимают!») – да некому...

С другой стороны – это не была заранее спланированная провокация (они ведь не знали, что я буду задавать вопросы, что придется кого-то звать, на регистратор не снимали, – м.б., обойдется? 1% вероятности из 100... И – не стоит ли считать предложение отправиться в 132-ю бригаду (они же не знали, что я откажусь) косвенным свидетельством того, что на крытую тюрьму отправлять меня больше не планируется?.. Вряд ли, увы...

Тошно, одиноко, и нет ни поддержки, ни тепла, ни сочувствия ни от кого...

4.6.17., 5-15

Всё хуже и хуже... На этот раз проснулся еще раньше – в начале второго – и так и не спал больше. Тошно на душе – дальше просто некуда, – и от вчерашнего, и вообще. Опять ШИЗО, опять полмесяца трястись каждое утро; если вдруг всё заберут – голодать... За что мне всё это?! Ради чего эти мучения??? Нет ответа... Еще 897 дней, а потом – одиночество, пустота, такое

же бессилие, как и здесь... Всё абсолютно бессмысленно.

Вроде с вечера стало чуть теплее в камере, уже не такой колотун. Хотя, м.б., это только кажется, не знаю. Я в такой прострации, в таком ступоре, что не замечаю ничего, ни в чем не уверен, не могу ни о чем думать. В голове продолжает чувствоваться боль. Хоть бы сдохнуть уже!..

12-36

Опять сейчас, в обед, вертухай – уже другой – стал требовать заявление об отказе от СУСа. На мой вопрос о дальнейшем моем статусе – сказал, что завтра, мол, придет начальник и будет решать. То бишь – завтра меня в любом случае выдернут на «крестины», даже если – чудом! – на меня и нет доноса за вчерашнюю робу. Не пойду!!! Ничего хорошего ждать от них не приходится в любом случае, так что представлять пред светлые очи начальства совершенно незачем. Пришла тут мысль, когда вертухай сказал, что «начальник будет решать»: а ну как он откажет – и решит меня насильно выдворить отсюда в СУС?! :) Маловероятно, конечно, но – ничего нельзя исключать.

М-да, новые испытания, новая буря в этом море говна. Где взять сил, как всё это вытерпеть, вынести, – вот вопрос. Итожил тут утром, перед шмоном, всё главное, понятное мной к 43-м годам после 9,5 лет лагерей и тюрем. Коротких выводов немного. Что никакой награды за все перенесенные мучения от людей, от судьбы, никакой даже компенсации – мне не будет. Если останусь жив – это и будет главной наградой: сама жизнь. Что одиночество, как и многое в этом мире, следует классической гегелевской триаде. Сперва было личное одиночество, в юности я пытался с ним бороться, но проиграл эту битву – и плюнул. Потом, уже после первого срока, возникло одиночество политическое, которое я всячески пытался преодолеть, но тоже не преуспел. А вот сейчас, уже в тюрьме, вернулось и одиночество личное, оно объединилось с политическим, создав для меня полную безнадегу и отсутствие всяких перспектив в этой жизни. Ну, и наконец – что личное одиночество так горько и тоскливо лишь в сравнении с красивыми историями из книг, которых я начитался с самого детства – и долго верил, что они и есть подлинная жизнь. Теперь же, видя, какова жизнь на самом деле, – понимаю, что личное одиночество по сравнению с тем, чем оно в этой жизни обычно сменяется, есть скорее громадное преимущество, обозначаемое этим сладким словом: свобода. Так что грустить, в сущности, особо не о чем. :)

5.6.17., 5-30

Как по нотам всё... А я, дурак, еще сомневался: идти ли на «крестины», не идти ли...

Вчера минут за десять до начала отбоя явилась мразь Чертанов собственной персоной. Повод – ознакомить меня с очередным «актом» об изъятии очередного письма. На этот раз – от Айвара Гедройца из Латвии. Поводы – «антироссийские лозунги» (выражающиеся, как там было процитировано, в том, что он «Рашу», как правило, называет «ПаРашей» :))) – и правильно делает, конечно!), «поддержка теракта в Петербурге» (тоже правильно, полностью присоединяюсь!) и, наконец, какие-то нехорошие слова в адрес работников лагеря (увы, не процитированные).

Бумажонку эту я прочел, подписывать отказался, а также отказался куда-либо идти с мразью Чертановым, – он вроде хотел меня опять вывести в кабинет. Зачем – не сказал, но и так было понятно. Тогда он тотчас докопался до того, почему это я не поздоровался с ним – и буду ли на этот счет писать объяснение? Поистине, бесстыдству и подлости этих мразей пределов нет. Если бы он, когда открылась дверь, поздоровался первым, как это обычно бывает, – я бы ему ответил, чисто автоматически, как отвечаю обычно всем. Но он тогда промолчал, а потом, за неимением лучшего, решил использовать хоть это как повод для ШИЗО. По быстроте и деловитости, с какой он от подписывания «акта» перешел к писанию объяснения – было ясно, что это и было целью его прихода, а «акт» и изъятное письмо – только предлогом.

Я, уже сидя на своей табуретке, успел ему ответить, что не поздоровался с ним, так как не хочу лицемерить: здороваться – это желать здоровья, а в данном случае это неуместно. (На самом деле я этой мрази желаю лишь одного: сдохнуть как можно скорее и смертью как можно более мучительной; увы, этого я ему почему-то не сказал). После этого я повернулся к нему, стоящему в коридоре перед моей второй дверью (решеткой), спиной – и стал читать старое письмо, которое читал до его прихода. Слышал, как этот тощий ублюдок у кого-то из вертухаев в коридоре взял регистратор, включил его – и стал мне в спину грозно :) говорить, чтобы я подошел к нему. Но – спина моя на его призывы не реагировала. :) Поснимав ее минутку-другую, он констатировал, что, видимо, мое молчание означает отказ писать объяснение, – и ушел.

То бишь, сроки будут как в апреле – с 5-го по 20-е, – а сама суть истории – как в феврале. Тогда тоже сперва вертухай докопался, почему я не в робе, – но это не было заранее подготовленной провокацией; а уж потом, с заранее подготовленной, являлась мразь Чертанов – и ШИЗО мне давали именно по итогам этой заранее подготовленной провокации. Только в феврале то и другое уместилось в один день, а сейчас – растянулось аж на три.

Без сомнения, этот упырь знает, что у меня кончилось последнее ПКТ – и

сейчас нет никаких оснований держать меня в камере, кроме моего собственного желания. Казалось бы – надо срочно дать мне новое ПКТ или ЕПКТ и на полгода или год успокоиться. Однако же – я не сомневаюсь, что дадут сегодня 15 суток ШИЗО. Зачем? Почему? Но требовать от всей этой бессмысленно-тупой нечисти какой-то логики и здравого смысла – дело абсолютно безнадежное. Так что – опять полмесяца тоскливых ожиданий по утрам. На белом хлебе теперь – я кое-как продержусь, даже если вынесут всю оставшуюся еду, но – все равно это будет тоскливое, мрачное существование до 20 июня. И ребята не едут, как назло!..

А заявление об отказе от СУСа я после этого даже не стал отдавать, как хотел сперва. Все равно теперь оно ни к чему – еще минимум 15 дней из камеры меня не выпустят и так.

18-37

Дергали, мрази, на свои е...е «крестины». Не пошел, разумеется. Теперь, как обычно – и не думают сообщить, сколько дали, ознакомить с постановлением. Дай бог, чтобы в отбой хотя бы, а то – только по бане и судить: не поведут завтра или послезавтра (дни ПКТ и ЕПКТ), – значит, ШИЗО.

Начали водить с бани, хлопали дверью – но там как-то совсем мало сегодня было народу. Потом повели новичка из 4-й камеры, пару дней уже там сидящего, после него – меня. Тот тип, как потом выяснилось, получил ПКТ. Слабенькая-слабенькая надежда, что и мне тоже дали именно (Е)ПКТ. Но – логика тут не работает, это не тот случай, не те люди (точнее, они и не люди, конечно). Интуиция, шестое чувство – подсказывают, что мне-то уж наверняка ШИЗО. Хотя, казалось бы – ну пройдут эти 15 суток, и куда меня потом? Опять придумывать какое-то «нарушение», включать регистратор, писать бумагу для очередных «крестин»? Ну что ж, посмотрим. Не позже, как через двое суток, к послезавтрашнему отбою, я буду это знать точно. :) Чуть-чуть греет душу лишь то, что осталось всего 896 дней, – уже «восьмерки», всё меньше остается...

6.6.17., 5-39

Бред какой-то... В отбой спросил у этого как раз краснощекого хомяка: почему меня не ознакомили с постановлением? Он в ответ: «А постановления нет. У вас продолжается ПКТ». Вот те раз!! Я ушам своим не поверил! Конечно, до какого же времени это ПКТ будет у меня «продолжаться» – он не знает; ссылается, как всегда, на то, что вот, мол, придет «начальник отряда» и всё скажет (ага как же! А я спрашивать эту нечисть тоже не собираюсь). Под конец разговора я еще специально спросил у хомяка: нет ли ШИЗО? – и он ответил: «Нет». Ну что ж, поверим ему на

слово, – ведь так легко верится в то, во что хочется верить! Невероятно – но выходит, позавчерашние усилия здесь мрази Чертанова, его съемки на регистратор моего затылка и спины, – неужто всё это пропало даром?! Впрочем, пока не пройдет десять дней (т.е. до 14-го) – эта его провокация еще вполне может всплыть на любых ближайших «крестинах» и таки послужить поводом для 15 суток ШИЗО.

То ли эти уроды наконец-то правильно сосчитали – что от ПКТ 2015 года у меня оставались на момент выписки мне ЕПКТ не полтора месяца, а три, включая все полученные за время этого ПКТ сутки ШИЗО. Но тогда и конец ЕПКТ они мне неправильно посчитали: с учетом всех ШИЗО оно должно было кончаться 5 мая, а не 5 апреля, как они, видимо, решили. Идиоты, короче... То ли это вчерашнее событие (точнее, как раз его отсутствие) надо записать в категорию «чудо», как и последний отзыв ими ходатайства о тюрьме 10 апреля. Но чудес, как известно, не бывает... Более, чем я, легковерный человек, м.б., и поверил бы в чудо; больше всего соблазняет меня сейчас версия, объясняющая эти последние два случая – 10 апреля и вчера – тем, что обычно всё, даже мучение, долго и тяжело тянущееся, под конец становится всё же полегче. М.б., и у меня началась уже эта полоса, – заключительная, когда уже от тебя постепенно отстают, когда уже виден конец всего этого ада на горизонте? Не знаю, не знаю. Знаю только одно: что расслабляться опасно, беда всегда приходит именно в тот момент, когда ее не ждешь... Во всяком случае, если верна гипотеза про эти вдруг нашедшиеся еще полтора месяца ПКТ, то следующее «окончание ПКТ» и предложение переехать в СУС должно последовать аккуратно 18 июля, когда мне останется ровно последняя треть срока, или в один из ближайших к этой дате дней. Если, конечно, в это время у меня не будет ШИЗО или до тех пор мне не успеют уже навесить новую «ешку»...

7-20

Между тем, в камере после отключения батареи не только до сих пор страшный холод, но и повышенная сырость. В том году, видимо, это тоже было, просто не было так заметно. Целыми сутками не сохнет тряпка, которой я вытираю мокрые руки; от обеда до ужина не высыхает влага в сполоснутой кружке, – это было и тем летом. Но когда я вчера обнаружил, что отсырела соль в спичечном коробке и оставленная во вскрытой упаковке половинка бульонного кубика – только тогда понял, что сырость и влажность без отопления явно повышаются. Соли у меня прошлым летом не было, а бульонные кубики я привез отсыревшими, причем даже в невскрытых обертках, еще из Москвы...

13-47

Еще какой-то очередной бред... Заглядывает в «кормушку» вертухай, спрашивает: пойдете к психологу? Соглашаюсь. Ведет он меня не в тот кабинет, где клетка, а в... медкабинет! И сидит там не эта блондинка крашенная, а вообще незнакомая тетка, рядом стоит хмырь в красной куртке – местный «врач», вот эта харя мне знакома. И тетка спрашивает, согласен ли я на беседу с... психиатром!

Я сразу вспомнил, что Айвар Гедройц, тот самый латыш, чье письмо недавно забрали, советовал мне избегать всего, начинающегося на «псих». М.б., я еще пожалею, что пренебрег его советом, – черт знает, зачем я вообще согласился. Сказал ей, что в психиатре вообще-то не нуждаюсь, что у меня есть четыре справки, что я психически вменяем; она сказала, что для беседы и для лечения нужна моя подпись, – я подписал... дурак. Лечение – обещала назначить amitriptilin для улучшения сна; попробовав его зимой, когда давал тогдашний сосед из 5-й, – едва ли я буду его пить; по крайней мере, если перед сном не взвинчены нервы и есть надежда, что засну сам. Вот если опять решил отправлять на тюрьму – тогда да, тут он пригодится... Спросил я – она сказала, что приехала с другой зоны, т.к. тут нет своего психиатра, и вызывает не только меня, а еще несколько человек, – карты их, показала, лежали у нее на столе. То бишь – вроде это не внезапное намерение упрятать меня в психушку; ну ладно, посмотрим. Расспрашивала, как они всегда, о школе, о семье, о детстве, я вкратце отвечал. Узнав, что я из Москвы, спросила, почему я здесь, а не в Бутырке. :))

А ребята так и не едут, вот уже два часа дня... Просто охренеть... М.б., им и впрямь не на что приехать, в этом всё дело? Потому что в противном случае это становится уже совершенно нетерпимым.

15-55

В принципе, еще могли именно меня отобрать на прием к этой психиатрше потому, что я ведь писал раньше матери и др. в письмах, что плохо сплю, а вот только недавно, в двух последних – что болит голова, даже ночью не проходит. Всё это внимательно читается и, весьма вероятно, где-то фиксируется.

8.6.17.. 5-27

Два месяца прошло – и вот... Сперва эти мрази вчера перед обедом подловили-таки меня с отпечатками пальцев. С 5 апреля не могли, а тут... Мразь Безукладников, вернувшийся с больничного, выдернул на «беседу» с ним (сроду со мной не беседовал!) – а там, в «дежурке», их уже целая толпа, в том числе и мразь Чертанов! Можно, наверное, было, как только этот длинный ублюдок сказал про отпечатки, сорваться с места и выйти вон, не стали бы они удерживать! – хотя кто знает... Очень жалею, что не сделал

этого, упустил момент. Опять я оказался недостоин того высокого тона, которым говорил Корчинский... Откатывал пальцы мне лично мразь Чертанов, – о, как мне хотелось садануть чем-нибудь по его узкой тощей головенке, пока он там писал предварительно бумажки, на которые надо было откатывать! Если б мог – перебил бы всех этих выроdkов лично, своими руками!..

А уже потом, когда я обедал в камере – явился опять мразь Безукладников, во-первых, с доверенностью опять на книгу от Землинского (она, оказывается, до сих пор тут, но я писать отказался) – и, главное: напишите заявление с «суд» о переводе на тюремный режим!

Вот так вот! Прав я оказался: это была всего лишь очередная отсрочка, оставлять меня тут до конца они и не думали! Как в воду смотрел! И, главное, вчера утром, до шмона еще, как раз подумал: почти два месяца прошло – что же дальше? Неужто не будут дальше пытаться вывезти меня? И вот – ответ на этот вопрос не заставил себя ждать...

Заявление я написал сразу же, но эта долговязая мразь его вчера так и не забрала. Явится, небось, сегодня в десять, после шмона. Зато под вечер вчера, когда я писал письма, открывается вдруг дверь: «пройдите на административную комиссию!». Я не пошел, естественно; но – значит, и впрямь новая попытка, на все 100%, без всяких шуток...

Только услышав вчера от мерзкой дылды Безукладникова про заявление, решил написать про это коротко матери, Роме Качанову, Корбу, Вере... А тут, собирая уже тарелки после обеда, сунули в «кормушку» вдруг и письма! Два от Землинского, по одному от Феликса, Григорьянца и Елены Ильиной из Германии. Так что весь вечер (исключая поход в баню в районе двух часов) сидел я, писал всем, – успел и ответить, и сообщить о тюрьме всем, кому хотел. Землинский со слов матери (а та – со слов Горильской) сообщил: Рома Качанов потерял где-то свое адвокатское удостоверение, этим, видно, и вызвана задержка с их приездом ко мне. Ну конечно! Вот она, причина, – а я-то сижу, жду, как дурак, понять не могу, куда они провалились!.. Идиотизм, иначе и не скажешь. И – именно сейчас, когда они позарез нужны, никаких даже предположений, когда же они все-таки появятся... :(((

Феликс пишет, как разговаривал в Киеве с Агафоновым: тот «железобетонно» (выражение Феликса) убежден, что украинский сборник надо выпускать только к WSD в августе, не раньше: иначе, мол, он будет лежать мертвым грузом на квартире, а так, под шумок WSD, хоть сколько-то разойдется. Какой идиот, просто нет слов! Он уже заранее себя и других программирует на то, что всё будет лежать... А сборник, по его словам, уже полностью готов, нет только предисловия, которое им никто так и не

написал. Речь Корчинского там в качестве предисловия подходит просто идеально; я написал Феликсу, что на этом варианте настаиваю, – даст бог, они хотя бы в этом прислушаются ко мне...

Что ж... Новая, четвертая (а в целом – уже пятая, с августа 2016) попытка отправки на тюрьму. Опять у меня цейтнот и мрачные, тяжкие предчувствия... Этот «суд», если он где-то в начале июля будет, – как раз за неделю примерно до того, как останется мне 1/3 срока. Сейчас, издали, эта дата, этот рубеж кажется таким манящим, – за ним, там, дальше, ничего, мол, уже не страшно, ведь до дома остается всё меньше! – но я по опыту знаю, какой дикой тоской, каким мрачным отчаянием мысль об этапе и тюрьме будет отзывать во мне и после этого рубежа...

Убивать, убивать, убивать их всех, всех, ВСЕХ!!! Мочить всех этих тварей в форме и погонах! Даже описать нельзя, какая ярость, какая лютая ненависть клокочет сейчас в моей душе!.. О, если б дорваться наконец – и лично, своими руками убивать их всех, лично!.. За тюрьму, за лагерь, за все ШИЗО, за подъемы, за вонючую баланду, за ледяную камеру, за всё, за всё, за всё!!! О, как люто, смертельно я их ненавижу!!! Как мучает меня это бессилие, невозможность ничего сделать им, невозможность отомстить достойно!..

И нет ни поддержки настоящей, ни сочувствия, мне некому даже рассказать всё это – так, чтобы рассчитывать на настоящее понимание, сочувствие и человеческое тепло...

10-35

Никакого лекарства, выписанного позавчера психиатром, мне, кстати, вчера не дали. Оно мне и не нужно, просто – так, к слову: вот как полагаться на их обещания, на их «медицину»...

Вспомнил запись здесь, в этом же дневнике, от 10 апреля, своё тогдашнее изумление и недоумение: неужели чудеса все же бывают? Взяли – и САМИ отозвали... Леню лезть перечитывать, смысл ее я помню и так. А вот – вчера – и ответ: нет, чудес не бывает на свете, бывают только передышки по два месяца. Утром сегодня, часов в восемь – отпирают вдруг дверь, в коридоре стоит жирный вертухай, мразь, в руке держит заранее на меня наставленный регистратор: будете ли, мол, писать заявление на тюремный режим? Всё снимают на видео – для чего?? Чтобы, если что, представить это как «доказательство» в «суд», который они и без того (до появления регистраторов) всегда выигрывают – просто за счет того, что они госучреждение? Отдал этому куску вонючего мяса заявление – хоть, слава богу, избавился от необходимости еще раз видеть долговязую мразь Безукладникова. О, с каким наслаждением я перестрелял бы их всех!..

Землинский пишет, что ребята 25 мая опять выиграли в ЕКБ «суд» по недопуску ко мне их психолога Халяпина. Ну и что? Всё равно его опять не пустят, хоть он 100 «судов» выиграй! Да и мне нужен сейчас не столько незнакомый психолог, сколько они сами. Опять начинается этот марафон – месяц сходить с ума, жить механически, в полном ступоре, ожидая неизбежной отправки в АД... Осталось всего 1/3 срока – но она будет веселой!..

13-10

Незадолго до обеда – цок-цок-цок каблучки по коридору, и слышу вопрос вертухая: значит, его к вам, да? И отпирают мою дверь. Понятно, что психолог (настоящая, а не психиатр :)). Открывается дверь – и тот самый щекастый хомяк на вопрос «куда?» – отвечает: к начальнику ЕПКТ! Я едва не плюнул и не отказался, – уж этой-то мрази с меня более чем хватило вчера. Выхожу в недоумении – и то только потому, что каблучки всё же слышал. В кабинете крашенная наша блондинка-психолог сидит за столом, а дылда стоит рядом и что-то ей объясняет.

Поговорить нам это чмо дало офигенно долго – минут 20, наверное. Ну, а красotka эта – что она может мне ответить на мои рассказы о моих последних новостях? Искусно задает вопросы, цепляясь к любому случайно сказанному слову, дабы я рассказал о том, что мне интересно или хорошо известно (об Украине вот с моей случайной о ней обмолвки надолго зашла речь) и отвлекся бы от того, о чем хотелось бы говорить мне (о моем горячем желании лично убивать представителей администрации, желательно – всех :)))). Ловкие эти суки, учат их ловким приемам...

Делать абсолютно нечего. Читать даже нечего, хотя книг – барахла! – лежит 11 штук. Вот приехали бы ребята, был бы настоящий праздник, четырех часов навряд ли хватило бы всё обсудить! Но – нет, не едут. Тоска страшная; бессмыслица и пустота вокруг. Прострация. Ступор. Жизнь прошла, увы... :(((Опять пошел этот отсчет – месяц, день за днем, ночь за ночью (бессонной!) – пока не получил бумажку с датой «суда», потом, когда уже получил... Боже, какая тоска! Опять, опять всё это по новой, весь этот ад предчувствий, тоскливых ожиданий, с космической скоростью пролетающих оставшихся еще дней!.. Нет ничего в душе, тоска и пустота, и даже воля через 893 дня не маячит на горизонте, не утешает...

16-53

Никак не могу прийти в себя. Хожу по камере, разговариваю сам с собой – и как будто все жду чего-то. Как будто вот-вот что-то должно произойти. То ребят всё ждал, м.б., приедут, – но сейчас уже поздно. Но как будто вот-вот произойти что-то должно, да еще и – хорошее (размечтался! :))...

Подсознательно жду; а когда включается сознание – удивляюсь, не могу понять, что же это со мной. То ли это от того, что заняться весь день нечем, кроме как ходить, размышлять, рассуждать да перечитывать старые письма. Но нет – конечно, это не от безделья; это от вчерашней сокрушительной новости, разом обесмыслившей опять всё мое существование здесь (как минимум – в ближней перспективе). Что же теперь? Мотать тупо день за днем – тянущиеся адски долго, а пролетающие – один за другим – стремительно, – в ожидании «суда» и этапа? А что еще можно делать, что вообще можно делать, зная, что впереди, через небольшой промежуток времени – грубо говоря, смертная казнь?! Разом всё теряет смысл и интерес – и прошлое, и будущее – когда это узнаешь... Неужели так вот и сидеть месяц, в ледяной камере, без всяких занятий, кроме перечитывания писем, в ожидании этой казни? А с другой стороны, особенно ясно ощущаю я сейчас, что больше всего мне не хватает именно общения с близкими и их поддержки, участия и внимания с воли, от нормальных людей (которые об этой вчерашней попытке ведь и не знают еще! И когда теперь узнают...). Потому и письма; потому я и жду ребят так безумно, жадно, самозабвенно... Что-то же должно случиться, ну хоть что-нибудь, что спасет меня от этого ада – сидеть наедине со своими жуткими мыслями и предчувствиями...

Вот поэтому и возникает, когда не сосредотачиваешься на окружающем и текущем моменте, это странное чувство – что что-то должно вот-вот произойти, видимо. Хуже всего то, что оно – обман, что ничего, я знаю, не произойдет. Тоска, безнадега и безысходность... А ведь еще позавчера у меня было чувство чуть ли не эйфории :) – от того лишь, что не оказалось того нового ШИЗО, в получении которого я был уверен весь понедельник, 5-е июня! Как мало, оказывается, надо для счастья!.. Но как много – девять с половиной лет – надо просидеть, чтобы это понять...

9.6.17., 5-43

Ночью опять сильно болела голова (да и сейчас еще). Спал мало, плохо, всё время просыпался. Снилось – в одно из засыпаний – почему-то Новодворская: как будто я общаюсь с ней у нее дома как свой человек, завсегда. (В реале я был у нее всего два раза в начале 2001 года.)

Холод, опасность голода, опасность нового ШИЗО, опасность утренних шмонов – всё, всё оказалось отодвинуто этой новой попыткой перевода на тюрьму, всё разом потеряло своё значение. Ни о чем другом, кроме их пятой (!) попытки, я не могу думать. Конечно, я понимаю, что этой тетради мне не хватит не то что на год – и на полгода, если записывать все ощущения, чувства и переживания на эту тему. Но что ж поделать: поскольку у меня

нет совсем никого, кому я мог бы всё это рассказать – и получить ту реакцию, на которую рассчитываю, – приходится доверять свою душу и всё, что в ней есть, общей тетради в клеточку... Я пережил уже три больших, долгих, грандиозных – как их назвать? Войны? Кампании? Ожидания казни? С 13 сентября по 27 октября 2016 г.; с 25 ноября 2016 по 13 января 2017 г.; с 6 марта по 10 апреля 2017 г. Три попытки меня упечь туда же, на крытую тюрьму. Я испытал такие состояния, о которых даже не могу адекватно рассказать, полноценно описать их: ступор, полное оцепенение души, могильный холод, заживо охватывающий и ледящий еще живую душу, потерявшую способность к сопротивлению, надежду на спасение... Три раза я прошел этот ад, три раза за восемь месяцев! Но тогда, по крайней мере, не было так сатанински холодно в камере; не болела круглосуточно, днем и ночью, голова; не задерживались так надолго (третий месяц!) ребята... Я не знаю, что делать. Я не могу ни о чем думать, кроме этого будущего АДА – этапа и крытой. Не могу думать, не могу читать, не могу не ждать ежеминутно, ежесекундно, что вот, м.б., приедут ребята, или еще какое-нибудь чудо случится... Я боюсь, что их новую попытку я просто не выдержу – сдохну (это было бы еще счастьем!) или сойду с ума. У меня совершенно нет больше душевных сил, нет сил заново проходить то, что было уже трижды (!) пройдено с прошлого сентября. Будь всё проклято! Господи, дай мне тихо умереть тут!..

Осталось 892 дня, 127 недель (с хвостиком). Примерно месяц до очередного «суда». Всего 2 года и 5? месяцев – казалось бы, не так уж много, чуть больше 1/3 срока осталось...

7-20

Собирают тарелки после завтрака – вдруг вертухай заглядывает в «кормушку» и спрашивает: «В баню пойдете?» – «А почему сегодня?» – «ШИЗО». Вот мрази – значит, тихонько навесили вчера или, скорее, позавчера – и даже слова мне не сказали! Ублюдки, выблядки сучьи! Не жрать теперь до 30-го июня, доедать то, что осталось, – конец «пятнашки» будет как раз пятница, 23-е, магазин еще только через неделю после этого...

19-55

Да, погнали в баню сразу после шмона, в начале 11-го. Хотя в этом удача! Спрашивал вертухая: где постановление? – «у начальника отряда» (врет, 100%!)). Сказал только, что 15 суток, – меньше я и не ждал!

Помылся уже – и тут, еще не успел выйти в предбанник, слышу: кто-то в баню заглядывает и орет. Выхожу – белобрысый упырь, только заступивший, заглядывает снова и говорит: к вам приехали, одевайтесь! Вот он, момент огромного, захватывающего счастья: ребята приехали!

Наконец-то!

Проговорили мы с ними ровно четыре часа, ничего особенного я не узнал, рассказал им все свои последние приключения. Мразь Чертанов тоже явился и сопровождал меня в кабинет. Демонстративно первый поздоровался со мной, когда увидел, но я столь же демонстративно ему не ответил. Пусть еще 15 суток ШИЗО вешает, если хочет, – плевать! Поразительно, но уже туда, в кабинет, сперва завхоз принес мне расписаться за мою отправленную жалобу в прокуратуру, – изучили и решили, значит, отправить! :) А после этого дневальный приволок лицевой счет и список еды из магазина. Офигеть: несмотря на ШИЗО, заявление на магазин мне подписали! Но когда я спросил, а пропустят ли мне, раз у меня ШИЗО, товар в камеру – белокрысы упырь ответил: на сумку (т.е. в баул, стоящий в каптерке) – и я отказался подписывать. Не знаю теперь, как быть в следующий раз: сумма выписана, но моей подписи нет, т.е. – заявление новое вроде бы не нужно, – кто пойдет в магазин, вообще неизвестно (нынешний завхоз на днях освобождается), дадут ли ему мой лицевой счет без заявления – тоже не факт. Говорить об этом тут абсолютно не с кем, все вертухаи и дневальные – тупое быдло, которому плевать на всё...

В общем, умеренно позитивные результаты от приезда ребят; Глеб говорит, что завтра утром вернется домой – и уже вечером уедет на заработки (водить какие-то походы по Пермскому как раз краю). На «суд» в начале июля, однако же, обещает приехать. Даже книжку он мне не привез – не успел взять (поехал ко мне, тоже только что приехав откуда-то еще), а скорее – просто не додумался. Жаль, очень жаль...

Когда вывели сперва их, а потом меня – я еще успел окликнуть Глеба и при нем спросить открывавшего камеру вертухая, где же постановление и с какого все-таки числа у меня ШИЗО. Постановление он так и не показал, а число – сказал, что со вчера: вам же, мол, ВЧЕРА предлагали пройти на административную комиссию. Но в том-то и дело, что это было ПОЗАВЧЕРА, а вчера начальник сюда не приходил вообще (я бы услышал беготню по этому поводу). То бишь – я думаю, что с позавчера все-таки, но он настаивает, что со вчера. Разница – один день – та самая пятница, 23-е, когда можно (или нельзя, если не кончилось ШИЗО) что-нибудь купить в магазине. Узнать фактически негде и не у кого. Ребятам я сказал, что уже два раза – 1 марта и вот вчера или позавчера – не ознакомили с постановлениями; назвал даты и суммы отказов в дополнительных тратах в магазине; м.б., напишут жалобы.

10.6.17., 5-40

Спал всего четыре часа, проснулся около полвторого. Думал – это уже всё,

но потом, ближе к четырем часам, все-таки задремал еще ненадолго, видел во сне себя (условного) с незнакомыми людьми, в каких-то непонятных местах. Такой кайф был – лежать, уже совсем незадолго до подъема, накрывшись с головой, в тепле, темноте и покое, – и вот, если бы не надо было вставать, если б этот покой и тепло – на воле, а не в тюрьме... А есть захотелось практически сразу, как проснулся полвторого, думал уж, из-за одного этого не засну больше: ужинал вечером тарелкой казенных макарон с курятиной (и – к изумлению – без костей!), оставшейся от казенного обеда, пока я общался с ребятами. Её и на четыре-то часа диво, что хватило. А на завтра сегодня уже ничего нет – и придется маяться до обеда на одном чае, т.к. весь июнь на завтрак дают какую-то поганую кашу, которую я не ем. И до самого 24-го – без завтраков. Больше всего теперь я оставшиеся почти две недели буду переживать, как же теперь 23-го будет с магазином: надо будет настропалить с утра дневального, чтобы он, пойдя в магазин писать список товаров, взял бы там и мой лицевой счет, т.к. мне вчера выписали уже по подписанному заявлению 2500 р., но я за них даже не расписался – и, главное, надо, чтобы ему там согласились мой лицевой счет ДАТЬ! Чтобы для этого не потребовалось писать никакого нового заявления, хватило бы вчерашнего, – а в этом я совсем не уверен. Идиот, из-за каких пустяков нервничаю! на что гроблю свою жизнь! – но от этих пустяков зависит возможность как минимум целую неделю кушать еще хоть что-нибудь, кроме баланды... И поймать тут утром 23-го этого козла дневального, чтобы поговорить с ним и всё объяснить – будет задачей отнюдь не легкой; а уж дадут ему мой лицевой счет или нет – это вообще неизвестно; и тошнее всего от того, что я совершенно бессилён хоть как-то на это повлиять...

Маётся душа... Так, по крайней мере, это называлось в старину. Я понимаю, что тетрадка закончится очень быстро, если я буду записывать в нее всю эту маету моей души. Но – нет сил терпеть молча, а сказать всё это мне некому, не от кого ждать в ответ того сочувствия, которого бы мне хотелось. Приходится делиться всем этим с дневником. На самом деле, какой психический срыв был у меня вчера утром, когда я узнал про ШИЗО, – страшно вспомнить! Смесь бессильной ярости и острого отчаяния, когда не можешь уже сдерживаться и не знаешь только, ЧТО именно сделать: то ли себя располосовать лезвием, то ли при первом же удобном случае напасть на кого-то из них... На мразь Чертанова, эту мелкую, тощую гниду, на этого мозгляка – вот на кого мне особенно хотелось бы! О, как бы я его убивал, шваркал с размаху головенкой об пол, пробивал бы чем-нибудь тяжелым череп, месил бы его в его поганое брюхо, чтобы он не мог разогнуться... Вчерашнее ШИЗО – ведь целиком и полностью его работа...

Неужели не даст бог шанса рассчитаться за всё с этой гнидой? Я бы тогда уверовал в боженьку, если бы он дал мне этот шанс. :))) Еле пришел в себя вчера утром. Но – все равно ШИЗО это только на время отвлекло меня и заслонило собой более грозную проблему – очередной перевод на тюрьму. Очень успокоительно звучали вчера фразы Ромы, что там еще много зацепок, он подумает и поищет еще, как бы отклонить очередной наезд. Вообще, приезд ребят подействовал на меня, конечно, успокаивающе и расслабляюще, тем паче – я их так долго ждал. Но всё равно – тяжело от мрачных, ужасных предчувствий...

11.6.17., 5-35

Опять не спал как минимум с двух часов ночи (точнее не помню уже). В камере по-прежнему лютый, пронизывающий холод. Вчера весь день я буквально околевал; ни писать, ни читать (после обеда принесли газеты) было просто невозможно. Руки еще хоть как-то согреешь, сунув под мышки, но ноги – абсолютно ледяные, несмотря на две пары носков, в том числе – шерстяные (в июне!). Тут сколько ни надень на себя – не поможет. Результат – уже вчера к вечеру болело в горле, был заложен нос, – ясное дело, простудился. Начал и чихать по несколько раз подряд. Сейчас, с утра, вроде получше, хотя из носа течет.

Более чем странное предложение вчера вечером, перед самым отбоем, от дневального. Стучит мне в дверь и тихонько предлагает... купить у него телефон за 10000 руб. Да еще и сказал-то не сразу, чего хочет, – типа, я сам должен догадаться, что именно мне «нужно», а то он слово «телефон» там в коридоре боится даже произносить.

Конечно, первым делом я подумал, не провокация ли это, – от мразей вроде здешних чертановых и баяндиных всего можно ожидать. Но дневальный уверял, что просто ему срочно нужны деньги, – типа, это он СВОЮ «трубу» продает (в чем я сразу же усомнился). Перевести ему эти 10000 р. тоже куда-то на телефонный номер – и он будет уже заряженную класть мне ее на ночь в матрас, а утром – забирать. Разумеется, первое, что я ему сказал – что меня скоро могут увезти отсюда, на что он мне уверенно заявил: в ближайшие полгода тебя никуда не увезут! Спрашиваю, откуда он это знает, – говорит: я, мол, видел документы. Верить или не верить этому? Как минимум, всё это очень сомнительно и подозрительно; расслабляться нельзя ни в коем случае! Если в ближайшие полгода не думают увозить – зачем же на днях начали опять очередную попытку перевода меня на тюрьму?

В больших сомнениях я в конце концов ответил через дверь, что если он на эту ночь сунет мне в матрас телефон, то я попробую найти эти 10000 р.,

но не обещаю. Думал позвонить Феликсу, чтобы он поговорил с моей матерью, – если она согласится, то Феликса же попросить и съездить к ней за деньгами (больше ведь всё равно некого). И что же? Телефона в матрасе не оказалось! :) Теперь думаю: что это было? Не мистификация ли? И будет ли продолжение, или вопрос уже закрыт?

Не дай бог тут разболеться, – кроме двух таблеток аспирина и нескольких – обезболивающего, лекарств у меня нет, а к местным «врачам» я обращаться не стану, хоть подышать буду. Забавно, что назначенный на днях amitriptilin мне так и не дают. :) Забыли? Или это (разговор с психиатром и назначение таблеток от бессонницы) тоже была мистификация?

Всё забываю упомянуть, что Глеб дал мне в недавний приезд ребят распечатку с сайта «The New Times»: бумажная версия журнала перестает выходить, т.к. на нее нет денег! Разумеется, этот текст будет опубликован и в последнем бумажном номере, но мне его пока еще не принесли. Не то чтобы я был такого уж высокого мнения об этом журнале, особенно после того, как Альбац еще до моего ареста в 2012 г. публично и официально отказалась меня защищать. Но – тут, в глухой изоляции, любой источник информации ценен, даже такой, как этот полинявший за последние годы журналчик...

В голове, с левой стороны, так и продолжает отдаваться болью при каждом резком движении, хотя сама по себе голова вроде бы последние дни не болит.

12-10

Какой-то бред опять, сплошной, тотальный... Обед – вдруг на час раньше обычного, в 20 минут 12-го, как было когда-то, в 2014-м. Но на вопрос из «двойки» – сколько времени? – баландер им отвечает, что 20 минут первого. Не могли же у меня вдруг, ни с того ни с сего, на час отстать часы, если в подъем они шли правильно?! А радио всё утро играет песни, не говоря ни времени, ни новостей, ни (местной) рекламы, – я был абсолютно уверен, что включили другое радио, т.к. на «Милицейской волне» время и новости есть и в выходные обязательно. И вот сейчас вдруг, в пять минут первого, оно начало после каждой песни говорить «Милицейская волна»!.. Бред, в общем...

Да, еще милая подробность: на первое второй день – вонючая «уха», которую я выливаю.

19-15

Это полоумное радио «Милицейская волна» устроило себе выходной: ни времени, ни новостей весь день, и даже самое себя между песнями опять перестало называть с обеда. Что за чертовщина?! Ведь всегда, и прошлым

летом, например, по всем выходным и «праздникам» время и новости были. Бред какой-то... Хорошо, что хоть часы у меня есть .

Из носа льет ручьем, в горле побаливает, а вот сейчас, к вечеру, похоже, поднялась и температура. :(Положим, она не очень большая, но все же... Вроде лоб и не такой горячий, да еще ведь и руки весь день были ледяные, хрен пощупаешь такой рукой... Но вот то, что сейчас я наконец-то согрелся, руки уже теплые, холодными остались только ноги, –я отношу за счет именно температуры, а не внезапного потепления в камере. На крайний случай есть две таблетки аспирина, на ночь можно принять, если будет хуже. Одно (левое) ухо пылает, второе – холодное, и так уже не первый раз, – что бы это могло значить? Оказался за эти почти десять лет лагерей я крепче, чем думал; но всё равно – загнуться без медпомощи тут легче легкого, а медпомощи-то и нет. Лекарства мои, как сказал «врач» во время недавнего приема у психиатра, долго еще валялись в 132-й, когда я был уже здесь; м.б., они и сейчас там... Своих же лекарств у этих тупых мразей в их ФСИН е не бывает вообще (об этом и из других регионов эки свидетельствуют в статьях Масюк). Амитриптилина, скорее всего, тоже нет, почему его и не дают. Пищу – и чувствую, как начинает учащенно, неровно биться сердце, – явно под действием температуры, как было в школьные годы. Осталось 890 дней. Дождусь ли я этого конца?..

12.6.17., 5-35

Если и была вчера температура, то, слава богу, быстро прошла. Ночью ее точно не было, даже удалось сколько-то проспать. Всё на том же уровне: резь в горле (не очень сильная) и насморк. А сейчас вот предстоит еще баня – и я не знаю, идти ли в нее, не простужусь ли уже окончательно. По крайней мере, если опять погонят перед самым шмоном – это хороший предлог не ходить.

С ночи (в Москве только четвертый час утра) радио стало говорить и погоду, и гороскоп. :) Что с ним было вчера – остается пока загадкой. Все эти страдания – и с простудой, и с радио вчера – как будто отодвинули, заслонили от меня на время главную беду – ожидание «тюремного режима». Тем тяжелее возвращаться к этой действительно большой и страшной беде от временных и нестрашных...

Осталось мне 889 дней, ровно 127 недель... чуть больше двух лет и пяти месяцев

13-00

Температуры вроде бы нет, но – черт ее разберет... В баню хотели вести, как и обычно – без четверти девять! Я отказался; а шмонобанда сегодня не пришла вообще! По крайней мере, в коридоре всё утро было тихо. Даст бог,

они уже и не придут, как недавно – после обеда!

Делать нечего, читать – только всякую муть; в камере по-прежнему холодно, из носа по-прежнему течет. Жизнь прошла, это ясно, и ее уже не вернешь. Всё абсолютно бессмысленно...

13.6.17., 5-28

Насморк продолжается во всю силу, из носа льет и днем и ночью. Та или другая ноздря постоянно заложена. В камере по-прежнему холодина, хотя, м.б., и чуть теплее, чем до этого (сегодня дышать под одеялом мне под утро уже было чуть-чуть жарковато). Холод в камере, впрочем, обусловлен холодом на улице: вчера на отбой и сегодня на подъем вертухай приходил в верхней одежде. Так что, боюсь, и следующая баня в пятницу (сегодня вторник) будет чревата простудой еще большей.

Больше всего я нервничаю по-прежнему насчет 23-го – удастся ли поговорить с мразью и стукачом дневальным (позавчера, когда утром шмонобанда шмонала ШИЗО по той стороне коридора, я слышал, как он сказал им, причем без всяких вопросов, что, мол, ШИЗО и у Стомахина), чтобы он без всякого нового заявления принес мне мой лицевой счет, ДАДУТ ли ему там этот лицевой счет. Если не дадут, то будет совсем беда: жратвы у меня осталось как раз ровно до 23-го, 11 баночек консервов (сардин) от Лены Маглеванной, из моей апрельской передачи; потом жрать будет нечего совсем, разве что – неделю ужинать таким сомнительным блюдом, как хлеб со сгущенкой. К тому же – неизвестно, кто будет новым завхозом после освобождения старого 17 июня, не придется ли в этом качестве иметь дело по поводу магазина с такой мразотой, как нынешний баландер...

Все эти бытовые/пищевые заботы, как ни глупо, забивают даже мысли и страхи по поводу «тюремного режима», предстоящего в начале июля. :(Приучил уже опыт четырех раз, что всё у них срывается, меньше стал страх, который был абсолютно чудовищным в первый раз, в прошлом сентябре. Это очень плохо, расслабляться в таких случаях очень опасно: вот когда совсем не ждешь, расслабишься – вдруг и случится беда! Так что я пытаюсь заставить себя не расслабляться, помнить об опасности всё время. Но получается не очень: видимо, сказывается бесконечная усталость от этих 4,5 лет, бесконечная усталость, переходящая поневоле в тупое безразличие. Наступает неизбежно момент, когда бороться просто нет больше сил, духовных и физических, и хочется одного – сдохнуть и хоть так освободиться... Усталость и измотанность моя от всего этого не поддается описанию, а тут еще проблемы со здоровьем, которые, к счастью, до сих пор бывали редко... Мне осталось 888 дней, 127 недель.

11-25

А вот теперь, похоже, попер и бронхит. :(На третий день только. Раздражение слизистой пока не сильное, но постоянное, ясно ощущаемое. Еще вчера его не было, я специально прислушивался...

14.6.17., 7-44

Да, бронхит, постоянное раздражение и боль глубоко внутри, заставляющее все время кашлять, чтобы добраться до места раздражения. Всё как обычно... Но в камере неожиданно потеплело, – всё утро я практически не мерзну, даже руки. Не иначе, потеплело на улице (ну да, в окошко – солнце). А я дохою тут – и сколько дней это еще продлится?..

Е...нутое это мусорское радио опять – уже в будний день! – устроило себе выходной. Ни время не гудит, ни новостей, ни рассказов о героических мусорах, ни бесед с мусорами – ничего нет! И главное, что особенно возмущает, – что это всё без всякого предупреждения! Одни песни, и всё, – и если бы они накануне хоть предупреждали бы об этом, суки!..

Жизнь прошла. Впереди – лишь пустота. Точнее, ближайшее мое будущее – это АД крытой тюрьмы, скорее всего. В этом я даже не сомневаюсь. А дальше – пустота, бессмыслица. Одинокая (собачья, как про это говорят) старость. Впрочем, долго маяться всем этим не обязательно, на воле, к счастью, можно прервать опостылевшее существование в любой момент. Это, по крайней мере, лучше, чем инсульт и паралич одной стороны тела...

12-50

Ровно две недели продержался белый (серый) хлеб – и сегодня на обед опять черняга!.. Если надолго, как в тот раз, и 23-го я не куплю в магазине хоть какой-то жратвы, – это полный голод!.. :(

Обрадовался, дурак, утром, что теплее стало, – после шмона опять холод! Не такой, правда, как 10-го, когда я простудился, но всё же. Кашляю я почти непрерывно, там, глубоко в глотке, так и колет, так и колет от проклятого бронхита... А по радио таки начали говорить время и давать передачи, но только с девяти утра (то бишь, с семи по Москве).

16.6.17., 16-35

Почти не о чем было писать эти два дня. Вчера сразу после шмона приходила эта казенная крашеная блондинка-психолог. Говорила со мной из коридора через дверь-решетку даже дольше, чем обычно в таких случаях. Сказала, что кабинет опять занят: там другой психолог беседует с кем-то еще (чему я мало верю). Сегодня – банный день ШИЗО – с утра не было горячей воды в бане, так что водить начали лишь около восьми часов утра. И то, как я понял, не всех (то ли опять вода пропала, то ли еще что, – черт их разберет!). В четыре были «крестины», сейчас «окрещенных» рассаживают по камерам. Скорее всего, лично меня в баню уже не поведут

(да мне и плевать на нее!); а впрочем – посмотрим; тут бывало, что водили – меня последнего – и после «крестин», уже перед самым отбоем.

Девять дней без писем (с 7-го), пять – без газет (с 10-го – если не путаю).

Кашель почти прошел, эпизодическую эту простуду вроде бы можно считать оконченной. Но в камере, хоть и потеплее, чем было, всё равно достаточно холодно (руки и ноги у меня опять ледяные), да еще и ощутимо сыро. На улице льет дождь, как практически каждый день здесь. Впрочем, судя по радио, в Москве тоже холодно и сыро, выше 20° вообще там не поднимается температура этим летом.

Прошла простуда – вернулась головная боль. Вместе они, видимо, не уживаются. :) Пока чихал и кашлял – голову почти совсем не чувствовал, сейчас вот – наоборот. Сильная боль прошла, но всё равно ломота с левой стороны головы ощущается, особенно при резких движениях. Амитриптилин, выписанный больше недели назад, так и не думают давать. :)

17.6.17., 5-27

Ни в какую баню, разумеется, вчера не повели. Смена Колобка, чтоб им всем сдохнуть, мразям!.. Сегодня суббота, – остается только ждать после обеда библиотекаря: м.б., и вправду принесет что-нибудь из моего списка, отданного ему неделю назад. Да и хоть что-нибудь вообще принесет, – читать нечего совсем. Ни писем, которых нет уже десятый день, ни газет, скорее всего, в субботу не принесут (хотя и таки случаи тут бывали).

Какой ад творится в моей душе каждое утро перед подъемом, я писал тут уже не раз. Это худшее время за целые сутки. Тоска, отчаяние, страх, ощущение полной бессмыслицы всего настоящего и полного отсутствия будущего... Осталось 884 дня, два года пять месяцев, вроде не так уж много, но, увы, ближайшее мое будущее – это мучительный этап, а потом – «тюремный режим» года на два. АД крытой тюрьмы вроде того, что описывал Кирилл Подрабинек. Именно сейчас, на пятый раз, когда поневоле уже все привыкли, что страхи не сбываются, что в итоге мрази сами же и отзывают свое «представление», вот именно сейчас, когда на такое мучительное, оцепенелое, предсмертное ожидание, как в те разы, у меня просто нет уже душевных сил, – вот именно сейчас-то, на пятый раз, в начале июля (10-го?) они и закатают меня!!! Вопреки всей (всеобщей) невольной расслабленности и ожиданию, что и сейчас всё кончится как в те разы, – вот сейчас-то «тюремный режим» неожиданно для всех и будет мне выписан! И дай бог еще, чтобы хоть на СИЗО не вывезли (м.б., в целом там было бы и лучше, чем здесь, но – если только сидеть одному, а там одного меня едва ли посадят). Всю эту неделю, с понедельника, я ждал бумажку из

«суда» о назначении дня заседания, – странно, что ее так и не принесли. Но ничего – принесут на следующей неделе, м.б., уже в понедельник... :((Так или иначе, а жизнь всё равно уже прошла... :(((((((

18.6.17., 12-49

Еще до обеда предчувствовал, что полноценно пообедать сегодня не удастся. И точно: на первое – «уха»! В «дальняк» ее, естественно!! На второе – жидкая гречка. Гречка тут вдруг стала постоянным блюдом на второе, ее дают уже с неделю в каждый обед. Но все эти дни они хотя бы не была жидкой!.. Ну и, разумеется, черныга! – тоже уже пятый день, с 14-го. Опять, наверное, месяц будут ее давать на обед вместо белого хлеба. То бишь, весь мой сегодняшний обед – один черпачок жидкой гречки, и всё! До ужина, который тоже еще неизвестно, из какого дерьма будет состоять. На завтрак, разумеется, была опять какая-то говнокаша, которую я смыл тотчас в «дальняк». Хорошо, что еще оставался сандвичный хлеб из передачи и масло из ларька, – съел очередные два кусочка хлеба с маслом. Того и другого осталось еще ровно на один раз – на завтра, последние два ломтика хлеба и совсем чуть-чуть масла. За 18 дней июня съедобная каша (пшенка) была пока только один раз, 11-го числа.

Воскресенье. Писем нет уже 11 дней. Осталось мне 883, 126 недель. Кроме их поганой жратвы, собственно, не о чем даже и писать. По-прежнему, как всегда, как и пять, и десять лет назад, владеет мною одно пламенное, жгучее желание, сжигающее дотла всю душу: убивать, убивать, убивать их всех. Лично, своими руками, из автомата – или же с помощью кнопки от установки с ядерными ракетами!!! Всех – ВСЕХ!!! – и ФСИН-овских тюремщиков, и чекистов, и «нацгвардию», и «обычных» ментов, и всех «судей» этой проклятой страны, всех ее прокуроров, судебных приставов, и всех здешних «силовики», каких только еще удастся найти!!! Всех, всю эту мразь в погонах и без погон, всю мразь, из которой состоит эта Система и которая ее охраняет. Убивать, убивать, убивать их всех! МОЧИТЬ!!! Не жалеть никого – ни их жен, ни детей! Я мечтаю крошить этих ублюдков – «силовики» всех мастей – в кровавый фарш ЛИЧНО, собственными руками! О, боже, дай мне такую возможность, умоляю!!!

20.6.17., 5-30

Позавчера принесли наконец: газеты и журнал (последний номер, с извещением, что на бумаге он пока что больше выходить не будет) – после обеда; письма – отдали только в ужин, мрази, не могли раньше... От Землинского четыре письма, от Майсуряна – два (и в одном из них – письмо от Лены Маглеванной), одно от матери – и всё! Негусто... Плюс – в этой же почте оказалось и несколько моих прежних писем – тоже к матери,

Майсуряну, Землинскому, одно к Роме Качанову (когда я узнал про очередной перевод на тюрьму) – для доплаты вернули! На письме к матери, уже заклеенном, стоял штамп цензуры: 5-е июня. А принесли мне только 18-го! Цензорша, мразь, написала и приложила даже на отдельной бумажке официальное сообщение: что цены повышены с 3-го июня, и номер приказа Минсвязи, и даже все новые тарифы (простое письмо, до 20 г., на три рубля подорожало, с 19 до 22 р.)! – а возвращенные для доплаты письма, сука такая, вместо того, чтобы сразу же принести мне сюда (как один раз уже было), просто сунула в общую кучу вместе с входящими – и они валялись там, какие 13 (!) дней, какие поменьше, пока кто-то (в воскресенье, что поразительно!) не принес их сюда. Наклеил дополнительные марки, отправил в отбой, а отвечал уже назавтра, то бишь вчера.

Новостей особых не оказалось. Разве что – в письме Землинского, а потом прочел на целую полосу материал и в «Новой» – покушение недавно в Киеве на Адама Осмаева. Жена его, как только киллер начал стрелять, выхватила свой пистолет – наградной, полученный от Авакова (ничего себе!) – и три пули всадила в киллера, тяжело его ранив! Герои оба, и сам Осмаев, и жена его, Амина Окуева, молодцы, настоящие герои! В 2012, когда Адам сидел в Одессе по обвинению в покушении (подготовке покушения, точнее) на Путина (!) – Амина, к моему большому удивлению, писала в интернете даже мне, прося о помощи. Текст ее в защиту мужа я на сайте «Спротивление» тогда опубликовал, но – больше-то помочь Адаму ничем не мог, увы. :((Амина еще просила, чтобы я по ее делу написал в ФБ Березовскому – но у того в аккаунте любые возможности ему написать была наглухо заблокированы, он никаких обращений ни от кого не принимал. В 2014, пишет «Новая», обвинения в покушении сняли, Адама выпустили – и они с женой сразу же пошли воевать за Украину, молодцы! И вот – в письме Землинского сказано, в газете этих сведений еще не было – в раннем киллере, втершемся к ним в доверие под видом французского журналиста, был опознан один из штатных киллеров Кадырова, уже засветившийся в этом качестве в 2009 г. в Вене, куда их, несколько киллеров, послали убить сбежавшего туда бывшего кадыровского охранника (Исрапилова, кажется).

Еще одна новость – в майсуряновском письме: недавно мрази в «Думе» приняли поправки в закон о надзоре за освободившимися из лагерей. Теперь надзор автоматически устанавливается за отсидевшими по «экстремистским» и «террористическим» статьям (в списке из моих указаны 282 и 205.2, а вот 280-й почему-то нет). Ну что ж, для меня от этого ничего не меняется: как я не собирался соблюдать их надзор как «злостный нарушитель», точно так же не намерен его соблюдать и как «экстремист-

террорист». Проще говоря: идите-ка на хуй, мрази, со своим надзором!!!

Ответил вчера всем, написал еще короткую записку Горильской, в отбой всё отдал. В баню вчера белобрысый упырь Лезгин, мразь, повел меня аккуратно перед шмоном, в десять минут десятого, как он обычно делает, чтоб он сдох, ублюдок! Стоял там, в бане, прислушивался через дверь (боже, на что я трачу свою жизнь! На прислушивание, не идут ли шмонать!..), – шмонали ШИЗО, но ко мне не зашли, обошлось.

Остался 881 день, идет 126-я неделя от конца срока. Бумажку с датой очередного «суда» что-то не несут, я ждал ее еще вчера. Должно быть, притащат сегодня. По идее, «суд» должен быть где-то числа 10-го июля, – посмотрим, насколько я уже изучил их систему, насколько способен угадывать даты. На завтрак сегодня уже нет вообще ничего – последний хлеб и масло я доел вчера. Тоска, беспросветность, пустота, бессмыслица... Голод и холод, – в камере опять ощутимо холодно, вчера и сегодня...

16-30

После обеда опять приезжало к ним какое-то начальство, вроде бы даже ИЗ МОСКВЫ!!! Опять беготня, паника, крики: «Подъехали!», «Заходят!!!» и т.д. Ко мне, слава богу, не заходили, хотя в «глазок» какое-то чмо, как раз когда их водили тут по камерам, заглянуло. Не знаю уж, из-за этих ли высоких начальничков, или из-за отсутствия фантазии у поваров, но обед был сегодня оригинальный: на первое и на второе практически одно и то же блюдо! Макароны с, типа, тушенкой; некоторое (небольшое) количество мяса и вправду там присутствовало. В супе было больше макарон и меньше воды, во втором – наоборот. М.б., я их просто перепутал? :) Во всяком случае, баландер обычно сперва наливает суп, потом кладет второе, в таком порядке я обычно и ем. Было, в общем-то, неплохо, сытно, а если подсолить слегка – то можно сказать, что и вкусно. Хоть наелся как следует казенной баландой, – тут это со мной случается совсем не часто. Но, конечно, если уж блюд два – хотелось бы все-таки большего разнообразия. :))

Она улице опять ливень, как практически каждый день. В камере опять холодно, – значит, и на улице не жарко. Пару раз выбивало автомат – нас свет, приходилось стучать, чтобы эти дебилы подошли, выслушали и включили. Были (похоже) уже «крестины» около четырех часов дня, но какие-то короткие и тихие, без шума и беготни, как они бывали тут иной раз. Слава богу, еще одно ШИЗО поверх еще не кончившегося прежнего мне навесить не попытались (а от них ведь всего можно ждать). Тоска, скука и безнадега...

21.6.17., 5-40

Все письма написаны и отправлены, все газеты дочитаны еще вчера... и

опять тоска, тоска, тоска... Делать абсолютно нечего, – разве что библиотечные книги читать. Да еще – размышлять, бродя по камере, от своей неудавшейся жизни, об одиночестве, грядущей старости, полном отсутствии перспектив... Осталось мне 880 дней, – о, это еще очень долго, поверьте! Это, можно сказать, НИКОГДА. Особенно если все эти 880 дней будет нечего жрать, вот как сейчас. С ужасом и омерзением думаю все время о том, как уже послезавтра с утра надо будет через дверь, по голосу, вылавливать эту нечисть дневального – и говорить с ним о его походе в магазин за моим лицевым счетом. Он наверняка будет отказываться и перекладывать на кого-то другого (уж не знаю, кто тут сейчас завхоз); а в итоге, скорее всего, ничего я так и не получу послезавтра на эти еще 9-го июня мне выписанные 2500 р. Придется как минимум неделю перебиваться на ужин чернягой с майонезом и аджикой, – а на завтрак нет ничего уже сейчас, со вчера еще. Казалось бы, ничтожная проза жизни – жратва; но без нее – никуда...

12-35

Вот тебе и пообедал... На второе – сечка! Суп, правда, как вчера, – макароны с тушенкой. И на завтрак были макароны под белой водой, долженствующей изображать молоко. Когда я слил полную тарелку этой воды – макарон на дне оказалось совсем капля, горсточка. Но всё же это лучше, чем совсем без завтрака. Видимо, им завезли много макарон – и кроме макарон, сечки да гречки, у них сейчас другого ничего и нет!

И опять какие-то «ГОСТИ», как орал сейчас в коридоре долговязый упырь Безукладников. «Гостями» тут называют всякое приезжее начальство. А «крестин», похоже, вчера все-таки не было, – я, видимо, ошибся. «Не было начальника», – говорил сегодня кому-то в коридоре вертухай. Значит, могут быть сегодня...

Тоска ужасная – от мыслей, что жизнь прошла, и ничего от нее не осталось, и нет у меня никого...

14-45

Я всё угадал точно. Сейчас принесли-таки бумажку: да, «суд» именно 10-го июля, как я и думал! В 11-30. Боюсь, что это уже последний, окончательный «суд»... На этот раз, когда уже привычно стало, что у них никак не получается, уже пятая попытка – вот на этот-то раз они и закатают меня в АД...

22.6.17., 5-40

М-да, вот когда мне стало по-настоящему плохо: после вчерашней бумажки. Теперь весь дневник опять будет только об этом, как и раньше. Какой это ад: просыпаться в третьем часу – и до пяти утра, до подъема,

лежать без сна – и думать только об этом, – что со мной там, в крытой, будут делать уголовники и начальство... Представлять ад этапа – в набитых общих камерах, с животными на двух ногах, без еды и сна... Страшно, смертная тоска охватывает от этих мыслей – а сделать ничего нельзя... Жизнь моя кончена, и впереди – одно дерьмо, только одно дерьмо!.. Единственная зацепка для измученной души, единственная светлая точка во мраке – что остается, по сути, всего 1/3 срока, а после «суда» через неделю будет уже ровно 1/3, а пока апелляция – уже, м.б., и два года я разменяю, да после апелляции ведь еще, наверное, должны они послать запрос в Москву и оттуда получить направление, в какую именно тюрьму меня везти, это всё тоже не в один день, так что до зимы я эту крытую едва ли увижу, – но эта единственная добрая мысль, что конец мучений все-таки не за горами, тоже не радует. Тоска, тоска, невыносимая тоска... Не знаю, куда мне деваться, за что мне всё это, как жить дальше – и надо ли... О, если бы я мог покончить с собой, если бы у меня хватило на это мужества! – тогда никакое приближение воли не остановило бы меня! Ибо на воле тоже ничего хорошего меня не ждет...

Похоже, подходит к концу моя многомесячная борьба с самим собой на тему – написать еще раз Мане или нет. С этого года я решил полностью вычеркнуть ее из своей жизни; раз не отвечает на мои письма – значит, я ей не нужен, а бегать за ней я тоже не собираюсь, упрашивать, умолять, тем паче – отсюда, из тюрьмы. Но – всё оказалось не так просто, и мысль все-таки написать ей снова упорно возвращалась, раз за разом, месяц за месяцем, день за днем. И вот, похоже, наступает конец этой борьбы, я сдаюсь, я не могу больше... Не знаю, о чем ей писать, какими словами умолять ответить все-таки; а если не хочет общаться со мной – то, как Маргарита мысленно говорила Мастеру: «ты отпусти меня», чтобы я о тебе не думал всё время... Хуже всего то, что я заранее знаю: она не ответит и на это письмо, всё равно будет молчать, что бы я ни написал ей. Эта новая затея – писать ей в заклеенном конверте, просить Глеба переслать это письмо бумажной почтой Феликсу, а того – отвезти его Мише Агафонову, чтобы тот дал Феликсу адрес либо же сам отнес Мане письмо, – эта затея так же бесполезна и бесплодна, как и все прежние, как и сама моя жизнь... Но и не сделать этого я не могу, я измучился за последние полгода сопротивляться этой тяге – написать ей, а еще больше измучился от банального одиночества. Вот жизнь прошла – и нет у меня никого... Абсолютное, глухое, тупое, тотальное одиночество – вот что на самом деле заставляет меня унижаться еще раз, еще раз писать ей и умолять, умолять на коленях все-таки ответить...

Сегодня, между прочим, День Красного Драпа. О, как они драпали, эти красные суки, чекисты, партаппаратчики, сельсоветчики, коммуняки и пр. и пр., как они драпали без оглядки 76 лет назад, в этот день и во все последующие, всё лето, всю осень, от наступающих, идущих победным маршем немцев!!! :) Теряя пушки, оружие, штабы своих армий, в страшной панике и неразберихе, обезумевшей толпой бежали их драные войска, – «Красная Армия всех сильнее», ага-ага!.. А штатские, сама вот эта советская власть на местах вместе с ВКП(б) – тоже лихо драпали, вывозя собственное барахло из роскошных квартир, теряя архивы, документы, не помня себя от ужаса перед неожиданным этим ударом... Ну да, думали сами напасть на Германию, – а тут Гитлер их опередил, в пару часов уничтожил всю их авиацию на аэродромах, застал их врасплох!.. О, какая у них была паника в тот день!.. Не ради немцев, а ради позорного этого бегства красной людоедской мрази с ее колхозами, раскулачиваниями, чистками, депортациями и расстрелами, расстрелами, расстрелами... – я праздную для себя каждый год этот День Красного Драпа!..

18-25

Без завтрака и без ужина сегодня. Только обед. На ужин сейчас – сечка; на завтрак утром было еще какое-то дерьмо...

После шмона, часов в 11, принесли вдруг письма. По одному от матери, Землинского, и Майсурия, (№183), плюс – открытку от Лены Кондрахиной, где она пишет, что получила сразу два моих письма и передает привет от Данилы Александрова! Оказывается, они вместе ходят на курсы украинского! Обалдеть! Вот разбирает людей учить украинский НА КУРСАХ, – что там учить-то?! Будь у меня память получше – я бы свободно говорил на нем без всяких курсов. А сама Лена пишет 12-го июня, что занята в штабе помощи идиотам, пошедшим опять на безоружную глупую «прогулку» против «коррупции» по призыву Навального. Дикая новость об этом же пишет из Москвы Землинский: 700 задержанных в Москве! Но 26 марта было 1000, по-моему. Клинический мазохизм и идиотизм...

Ответил им всем, больше делать нечего. Написал и Мане письмо, еще утром, но, без сомнения, еще не до конца, буду дописывать еще, что будет приходить в голову. А вот когда и как это отправлять, да и надо ли вообще, – не знаю, не уверен. Жалко и глупо как-то, что так я и не выдержал опять своего обета – вычеркнуть ее с 2017 совсем из моей жизни, забыть навсегда...

Да, полетели-покатились денечки до «суда», теперь быстро пройдут. Вот уже только 17 их осталось (10-е я не считаю, естественно). Короткая передышка, а потом – АД... А завтра с утра, до шмона желательно – еще одна мучительная задача предстоит: подавляя отвращение и брезгливость к ним

ко всем, как-то выцарапывать через дверь дневального и разговаривать насчет магазина...

23.6.17., 5-30

М-да... За «странным предложением» последовало вчера и «странное продолжение». Но, к счастью, странным оно не оказалось. Дневальный этот, предупредив через дверь, закинул и впрямь мне вчера в матрасе телефон (смартфон с надписью «МТС» на корпусе, – МТС теперь выпускает и смартфоны, обалдеть! Страшно бестолковый и неудобный в обращении). Я поверить не мог, когда он предупредил вечером, – почти два года уже, как в глаза ничего такого не видел, с тех пор, как в октябре 2015 привели сюда из СУСа! Что ж, получилось всё не так плохо, хотя – не совсем так, как я думал. Дневальный этот сказал, что и за 5000 р. будет по ночам, когда мне надо, давать мне телефон (правда, гарантий, что не обманет, нет никаких). Телефон Феликса, которого хотел я попросить съездить за этими деньгами к моей матери, оказался выключен. Позвонил Вере, она поверить не могла, когда услышала! Продиктовал ей номер, всё объяснил, она обещала сегодня всё передать Феликсу. Пробовал набрать Лене Маглеванной – не получается, говорят: неправильно набран номер». Что за ерунда?! М.б., с этих расейских смартфонов вообще нельзя за границу звонить? :) Попробовал тогда Глебу, – он снял трубку, я попросил перезвонить – и тишина! Звоню ему еще раз – опа, на счету не хватает денег! СМС пробую послать – черт знает, послалась она или нет, так и не понял. А после этого специально еще раз набираю Вере – и денег вполне на это хватает! Хотя в Москву должно быть дороже звонить, чем в Ебург! Вера, молодец, за это время, после моего первого звонка уже успела узнать, что ребята, может быть, приедут 4-го июля знакомиться в «суде» с делом по переводу на крытку (и, естественно, зайдут ко мне) – я ей объяснил, что этот лишний их визит необходим. Так что – хоть это узнал, и то спасибо дневальному местному! :) Теперь остается от него же ждать сведений, кинул ему Феликс деньги или нет. Надеюсь, всё получится, так что пребывание мое тут будет хоть скрашено возможностью пообщаться наконец с близкими и друзьями. Надеюсь, у матери эта весть вызовет восторг, так что с деньгами проблем не будет. Дневальный сказал вчера, что три-четыре месяца, по его сведениям, меня отсюда не отправят, – ну да, пока не пройдет апелляция в краевом «суде» насчет тюремного режима. То есть, он уверяет, что хоть на СИЗО в Кизел не отправят, – что ж, дай бог, и то хорошо, все-таки до зимы досидеть тут.

Да, забыл еще: оказалось, почему он так странно заглох после того, первого предложения 10 июня. Я тут и от вертухаев, объясняющих кому-то, слышал вчера эту новость: со вчерашнего дня мразь Баяндин ушел в отпуск!

:)) Вот, значит, чего дневальный ждал, почему вышла задержка. Хотя чем ему эта мразь так уж сильно мешала – непонятно...

16-30

Проблему вылова дневального и получения из магазина жратвы на свои 2500 руб. я решил – сказал ему еще вчера, когда он вечером говорил про телефон. Он посоветовал все же написать новое заявление, я так и сделал. И вот, в итоге...

В списке были и вафли, и вафельные торты, – и вдруг эта чума дневальный открывает «кормушку» и говорит, что, мол, вафель нет, на эту сумму надо что-то другое. В итоге оказалось, что и вафельных тортов тоже нет, так что я опять без завтрака...

Колбасы в списке нет, одна только ветчина. Хорошая, но дорогая – 239 руб. Взял я ее семь штук, – на неделю, как обычно. Вместо вафель – еще одну, плюс еще одну упаковку масла, большую, 500 г., зато всего по 100 рублей. И – вместо тортов, как сейчас выяснилось, дали мне еще одну. Итого, значит, девять.

А тут вдруг открывается дверь, стоит в коридоре коробочка, в ней – три ветчины, одна упаковка масла и плавленый сырок за 15 рублей. Т.е. – на 800 с чем-то рублей всего, из 2500 р. Приходит дневальный, спрашиваю, что это значит. И тут он меня огорошивает: мол, остальное – в холодильнике на втором этаже, так приказал «Саньч» (мразь Безукладников)! Завтра, мол, какая-то комиссия опять...

В ярости говорю этому козлу дневальному: неси, мол, всё срочно сюда! По каким там еще холодильникам я буду бегать, брать всё это (имеется в виду, что баландер должен приносить по моей просьбе, меня-то, конечно, не поведут). Он отвечает: хорошо-хорошо, мол. И через минут десять приходят оба эти ублюдка, хорек и хомяк – сегодняшние косоглазые вертухаи, нечисть е...я. Один открывает «кормушку» – а другой в нее показывает мне на дне большой коробки шесть упаковок ветчина и одну – масла. И они вдвоем меня убеждают, что, мол, продукты питания у «осужденных» в ЕПКТ должны содержаться в холодильнике. Но сразу же буксуют, когда я спрашиваю, где это написано.

То бишь – теперь эту жратву непонятно как выцарапывать. И очень может быть, что и вообще никак. И еще вероятнее, что часть ее (если не всю) кто-нибудь там, на втором этаже, и сожрет, пока я буду безуспешно просить всю эту нечисть мне ее принести. Тем паче, что допроситься – дело не только трудное само по себе, но еще и не прямое: мне придется просить этого дневального, который в надежде на мои деньги за телефон стал со вчерашнего дня очень предупредителен, но – т.к. он, видите ли,

«обиженный» (как и все дневальные в ШИЗО, я уже убедился), то он сам, лично, мне продукты нести не может, а должен это передать баландеру (с которым сам я не хочу иметь дел вообще, и даже говорить о чем-то, т.к. это исключительное хамло и мразь). Пропала, короче говоря, еда на сумму более чем 1500 рублей! Да плюс – т.к. тортов вафельных на сумму 392 руб. не оказалось в наличии, то в магазине дали еще одну ветчину за 239 руб. В результате 75 рублей из 2500 куда-то подевались. Видимо, пошли на сигареты этому злобному упырю баландеру...

18-06

Сведения так и сыплются из этой местной эковской обслуги, стоит с ней заговорить, – а я, нервничая, даже забываю их записывать. Дневальный утром, перед завтраком, когда пришел спросить, написал ли я заявление (офигенная любезность!), сказал на мой вопрос, что завхоза сейчас тут, в ШИЗО, нет вообще (прежний освободился 17.6.), что баландер нынешний не хочет идти в завхозы, а моего соседа за стеной, в «пятерке», который хотел, – не берут! :) А сейчас вот, в ужин, заглянул в «кормушку» этот самый баландер – и чуть ли не впервые, после всего своего хамства за глаза (т.е. за дверью, так, чтобы я слышал) в мой адрес, разговаривал нормально, не злобно. Что, мол, ублюдок этот длинный – «Саньч» – убрал мою «колбасу», т.к. грядут проверки (но не сказал, что завтра, а вообще, мол, в любой момент, даже ночью), а он, мол, если всё будет спокойной, мне ее (ветчину, то бишь, а не колбасу) завтра принесет. Дай бог! – хотя верится в это очень мало. Главное же, что меня поразило: на мой вопрос о местонахождении холодильника он ответил: там у меня, наверху, где раньше был СУС». И на мой изумленный вопрос подтвердил: да, СУСа сейчас нет! Вот так вот! А я и понятия не имел (хотя, конечно, с другой стороны – какое мне до этого дело, есть тут второй СУС, 130-я бригада или нет?).

24.6.17., 5-25

Всё настолько плохо, тошно, отвратительно – нет слов... Вчера перед самой раскладкой матрасов этот дневальный мне через дверь сказал, что деньги ему на счет так и не положили. Было это полвосьмого, а по Москве, значит, только полшестого. Но я не догадался сказать ему это (вдруг, мол, еще положат), а сказал лишь, что попробую еще раз дозвониться самому Феликсу, – пусть, мол, он мне еще раз положит «трубу» в матрас. Он вроде согласился, ушел – а в отбой никакой «трубы» в матрасе не оказалось! Ну да, дураков нет – давать на халяву то, за что полагается платить деньги, хотя бы пять тысяч, если не первоначально запрошенные десять... Почти не сомневаюсь, что мать отказала Феликсу в этих 5000 р., да еще, как обычно, узнав, что я звонил, бурно возмущалась и обижалась, что я звонил НЕ ЕЙ!

Хотя я звоню не ей по таким (денежным) вопросам лишь потому, что она не может сразу же найти в телефоне этот входящий номер и перезвонить. И вот – связь только поманила меня, подразнила заманчивой возможностью иметь отсюда, из этого ада, регулярное общение с близкими людьми, – и накрылась медным тазом! Правда, остается еще эфемерная возможность, когда приедут ребята, дать цифры этого козла им – и, если они найдут 5000 р., позвонить ему предварительно, договориться о связи для меня и тогда уж эти 5000 р. ему кинуть... 70%, что мать не дала Феликсу денег – и 30%, что он просто не успел вчера к ней съездить, либо даже попросить съездить эту свою мулатку Элю, о которой упоминает в письмах мать. Так или иначе, связи опять нет, а зато есть веселая перспектива разговаривать с мразотой баландером, дабы как-то выцарапать у него мою ветчину и масло, и всё это – не позже как через сутки, в завтрашний завтрак, ибо имеющейся ветчины мне хватит на сегодня и на завтра – и всё!..

Все эти горести и мерзости вчерашнего дня даже заслонили от меня на время главную грядущую беду, несравненно более ужасную, – перевод на тюремный режим. Близящийся АД... Осталось мне 877 дней, или 125 недель и два дня. Доживу ли я до этого конца?..

12-25

На обед, на первое – опять «уха». Т.е., я – без завтрака и на одном втором в обед: гречка с водой. Попала куда-то не в то горло, – еле откашлялся...

Суббота. Делать абсолютно нечего, только – сходить с ума и ждать библиотекаря. Тоска дикая, невыносимая, она давит меня с самого утра, как проснулся, и от нее некуда деваться. Вот как всё обернулось... Закатали ни за что на семь лет, а всего – на 12... Жизнь кончена, впереди – лишь пустота... Телефон, значит, пролетел мимо меня; ветчину забрали, ее надо выцарапывать (сейчас в обед баландер, конечно, и не подумал мне ее принести. Сожрут – и всё...); тюремный режим ждет меня уже через 15 дней, и дни эти стремительно, со свистом улетают... Проклятая, безумная, е...нутая страна, чтоб ей провалиться в тартарары, суке, чтоб ей ни дна, ни покрышки!.. Ветчину забрали, лекарства забрали, часы тогда, в Москве, забрали – и так и не отдали... Абсолютное, тотальное бесправие в этом их е...чем ГУЛАГе – и абсолютное бессилие что-либо изменить... Будьте вы все прокляты, мрази, вся эта свинская, тупая, блядская страна!!! Ненавижу! Ненавижу!! Ненавижу!!!

25.6.17., 5-15

Бред какой-то, идиотизм... Вроде бы все проблемы вчера под вечер неожиданно и успешно разрешились, но... всё равно что-то скребет на душе. Слишком уж хорошо тут всё быть не может...

Но, по крайней мере, с ветчиной и маслом проблема действительно решилась на все 100%! :) Всего-то понадобилось – в ужин сказать баландеру, чтобы принес, – он обещал после того, как вынесет на улицу пустые бачки из-под баланды; но, тем не менее, пришлось (преодолев в себе сильнейшее отвращение к любым контактам с этими хамами) еще после ужина стучать в дверь и подошедшего вертухая просить баландера этого позвать. И вот уж тогда он пришел – и сразу всё отдал. Наконец-то!.. Прямо гора с плеч.

А дневального позвал я к своей двери еще перед ужином, услышав, что он говорит тут с кем-то из соседей неподалеку. Хотел спросить, не пришли ли все-таки деньги. И тут, к моему изумлению, он вдруг говорит: я же, мол, тебе еще вчера сказал, что пришли! Я не мог сперва поверить! – оказалось, вчера вечером он мне сказал коротко, что деньги ему ПОЛОЖИЛИ, а я почему-то разобрал его полусшепот за дверью так, что их ему НЕ положили! И весь день придумывал способы, как бы эту проблему разрешить (думал даже просить помочь Глеба, когда они с Ромой приедут)! Вот такой вот испорченный телефон, даже еще хуже...

Тогда почему же он вчера не положил мне «трубу»? Тут оказался новый подводный камень. В (быдло)татарскую смену и в следующую за ней (белобрысого упыря) он не может, т.к., оказывается, в эти смены дежурный проверяет матрасы. Остается только смена Колобка (которого, понятно, кроме меня, Колобком тут никто не называет), которая заступит сегодня в 11. И вот только в эту смену можно, получается. Раз в три дня. Конечно, это лучше, чем ничего, но... Как бы не оказалось впереди еще много всяких столь же неожиданных препятствий.

Воскресенье. Банный день ПКТ. На подъем приперся белобрысый упырь Лезгин, мразь. Поднял он меня уже десять минут шестого. Мало того, что теперь все подъемы начинаются с этого конца коридора, а не с того, как раньше. Но вдруг и упырь этот поднимать меня пришел не после всех, как делал раньше, а по порядку, сразу после «двойки». Хотя в отбой вчера пропустил меня, матрас дал, сучка, после всех. Спрашиваю его: будет ли сегодня парикмахер? Молча пожимает плечами. Ничего-то эти вертухайские мрази не знают, ни за что не отвечают, ничего от них не добьешься! Но стричься все-таки надо, и так я уже поставил рекорд за оба срока: не стригся с 14-го февраля!

12-15

В камере опять жуткий холод. Не только сидеть читать, но и ходить холодно, околеваешь. На улице с утра льет; сыро и промозгло. В баню пока не ведут, а у меня на сегодня как раз запланированы стирка и бритье. На обед – опять «уха», на второе – чуть-чуть полужидкой гречки, буквально на

донушке тарелки (столько положил эта мразь баландер). То бишь, эта гречка – вся моя еда с полдесятого вчерашнего вечера и до шести вечера сегодня. (Завтрак, естественно, был дерьмовый.) Негусто, надо честно признать, негусто! И черныга, разумеется, на обед...

О стрижке, естественно, никто и не вспомнил, какая уж там стрижка! Парикмахер сегодня, видимо, не приходил. Я не удивлюсь, если эта быдлосмена забудет и в баню отвести.

16-50

С ума сойти, какой сервис!.. :))) В 20 минут третьего они повели меня не только в баню, но и – к парикмахеру, вызванному, похоже, для меня одного! (Постригли, кстати, насадкой 9 мм – то бишь, не совсем налысо.) Значит, белобрысый упырь Лезгин, уходя в 11 со смены, не забыл обо мне, а завещал своим сменщикам вызвать для меня парикмахера, о котором я спрашивал утром. Офигеть, какая предупредительность и заботливость!.. :))) Но благодарить мне почему-то не хочется. :) Я по-прежнему предпочел бы, чтобы они – все эти «мусора», вертухай, сколько их есть в лагерях и в всем их ФСИНе – подошли бы страшной смертью, в корчах и муках. Не говоря уж – выпустили меня отсюда домой, вместо всего своего банно-парикмахерского сервиса...

26.6.17., 5-40

Апофеоз идиотизма... Сперва он мне вчера дал «трубу» уже какую-то другую, и она запрашивает вдруг пин-код, чтобы звонить, – а пин-код-то он не дал!!! Хорошо, что, встав в полном отчаянии с нар, я услышал его где-то рядом в коридоре говорящим с кем-то из соседей, постучал, позвал – и он дал мне этот пин-код! А то бы – еще три дня ожидания... Потом час говорил с матерью – и она с первых же минут, как всегда, стала бесить меня своей тупостью, идиотизмом и непониманием элементарных вещей. Поневоле, говоря с ней и прорываясь сквозь ее трескотню, я повышаю голос, – и дневальный, не сумев мне дозвониться (я и не знал, что он звонит), в ужасе прислал СМС: говори потише, а то и в коридоре слышно, и за стеной, – и сосед мой, оказывается, уже настучал вертухаям, но они, слава богу, почему-то не приняли во внимание. Стукач поганый, мразь!.. С Феликсом, таким образом, пришлось говорить уже шепотом; да между матерью и Феликсом еще прозвонилась Вера, которая в это время, оказывается, в лесу с компанией отмечала день рождения одной из девушек, ходившей, как оказалось, ко мне на «суды». А мать сообщила, что с этим местным дневальным уже говорила, он сказал ей, что может мне тут купить собственный телефон (который по факту все равно будет его, т.к. мне-то ни хранить, ни заряжать его негде) – и мать послала ему на это еще 9000 р.

Офигеть!..

Ребята приезжают 4-го июля. Феликс едет в Киев 10-го. Так что, если ребята согласятся, я через них успею передать Феликсу свое огромное письмо для Мани.

27.6.17., 5-25

Перед обедом вчера выдернула меня опять эта блондинистая красотка-психолог. Опять быдлотатарский вертухай, открыв дверь, сказал не «к психологу», а «к начальнику отряда» (или «к начальнику ШИЗО», не помню уже точно), так что первым моим импульсом было – не ходить! Но всё же, догадавшись, пошел. Долговязый ублюдок Безукладников, конечно, был с нею там, в кабинете, закрыл меня в клетку, входил и выходил туда-сюда – и в какой-то момент вдруг обратился к ней на «ты». Негромко, но я услышал, – и в ту же секунду вдруг подумал: а может, это его жена? (Кольца на пальцах, да, у обоих.) Меня чуть не вырвало от отвращения! – теперь уже от такого же отвращения и к ней, как к нему. До сих пор я с ней в основном потому и разговаривал более-менее нормально, что она – лицо штатское, хоть и работает вполне добровольно в этом ГУЛАГе; для меня она была, так сказать, неким средним типичным представителем этого путинского большинства, среднего типичного быдлонаселения, при Путине уже сформировавшейся его части (ведь в 2000 г., когда упырь стал президентом, ей было всего 15 лет). А тут вдруг... Да, м.б., для женщин мразь Безукладников и привлекателен своим ростом, статью и, так сказать, потенцией, не спорю. Но для меня он прежде всего – мразь, подонок, лжец и лицемер, зачитывавший еще в 2015-16 на «крестинах» на меня лживые рапорта так, будто это правда... Впрочем, это только мое предположение, что она его жена, точно я этого, конечно, не знаю. Зато уж в этот раз я сказал ей всё, – не только о том, что я сижу ни за что и что не может быть преступления без потерпевшего, но и о том, что это государство – преступное, что права на существование оно не имеет вообще и что его надо бомбить, как Сербию бомбили в 1999 г.!

Выхожу из кабинета – дверь моей камеры открыта настежь; захожу внутрь – дверца «дальняка» открыта, а затычка вытащена из «унитаза» и лежит справа от него, хотя я автоматически кладу ее только слева. Да и дверцу я никогда открытой не оставляю. Что за черт? Шмонали, видимо, лазили в мое отсутствие. Смотрю вокруг – больше вроде никаких следов шмона нет, ничего не пропало, даже часы. Еще через некоторое время, после обеда уже, открывается вдруг «кормушка», заглядывает быдлотатарский вертухай и просит спички. А «после проверки» обещает вернуть. Ничего не понимая, спрашиваю: «Какой проверки?» – «Опергруппа». Я решил, что

кому-то из уголовничков понадобились спички, и дал ему коробок. Проходит еще минут десять – открывается дверь, за ней стоит опять мразь Безукладников и говорит: гражданин осужденный, у вас вон там – показывает на полочку над умывальником – спички лежат, они, мол, не положены, вынесите их «на сумку» (то бишь в каптерку).

Вот, значит, кто здесь лазил без меня!!! И углядел, мразь, спички, озаботился, ублюдок!.. Ей-богу, с каким наслаждением я лично пристрелил бы эту тварь! Это он, значит, продолжает готовиться к посещению подведомственного ему заведения всякими «проверками», комиссиями и пр., – в прошлую пятницу ветчину мою запретил мне отдавать в камеру, сейчас – спички заметил, и т.д... Вот урод, просто нет слов! Бдительный придурок... Я взял большую часть этих коробков, которые мне из магазина на сдачу еще год с лишним назад приносил тогдашний завхоз, и понес их в каптерку. Положил в основном в банный пакет, чтобы в ближайшую же баню (завтра) занести обратно. Когда надо что-то как следует рассмотреть, или что-то мелкое падает на пол и надо искать, или когда вообще отключают свет – спички тут как раз очень полезны, я не раз радовался, что у меня их такой солидный запас – коробков 20. Хорошо еще, что те два коробка, где еще год назад спрятал я обезболивающие таблетки, вынося все прочие, смог не захватить, так что таблетки остались у меня, не придется их искать потом по всем коробкам.

Еще попозже принесли вдруг письма. Всего четыре штуки, но я был рад и им, конечно. По одному письму от матери, Крюкова, Землинского и Веры. Никаких новостей, ничего вообще особенно важного не оказалось в этих письмах, но, по крайней мере, было мне занятие – до ужина (пока у мразей с четырех часов шли «крестины») сидеть отвечать на них.

14-10

Итак, одна из проверок, в ожидании которых тут все тряслись, состоялась: перед обедом ходил с обходом прокурор.

Зашел он, к моему удивлению, и ко мне (точнее, говорили мы через решетку, как обычно) – и оказался, когда я спросил его фамилию, Мусабириным, непосредственно кизеловским прокурором (а не кем-то из помощников или замов, как обычно бывает). Спросил, какие жалобы, я коротко назвал (от трат в магазине – до отправки на крытку), и он спросил, не хочу ли пойти к нему на прием. Инстинктивно я согласился, не думая, надо это мне или нет, и, разумеется, ничего от его приемов не ожидая.

На прием он меня выдернул сразу, как закончил обход. Здесь же, в кабинете, в клетке, как обычно. За это время я успел подумать, что надо подчеркнуть перевод на тюрьму как ГЛАВНЮЮ мою претензию, и с нее

начал. Он, разумеется, пытался меня уверять, что это я сам во всем виноват, так как «нарушаю», и не верить в то, что есть установка ФСБ насчет меня. Но убедить меня в этом ему не удалось. :) Зато, когда я упомянул, что «суд» назначен на 10-е июля и что их представитель там непременно будет, вдруг Мусабириков заявил, что, возможно, там будет он сам лично. В общем-то, мне наплевать, конечно, итоги «суда», если он рассмотрит вопрос по сути, известны заранее. В конце концов он сказал, что разберется с моими взысканиями (в том числе с той «незаправленной» шконкой 9.10.2015, о которой я ему рассказал), оформит всё от меня услышанное как жалобу и даст мне ответ. И ушел из кабинета. Оказалось, что из всего ШИЗО/ПКТ ЕПКТ на личный прием он, получается, вызвал только меня... Ясно, что лучше от него не будет, но и хуже, думаю, тоже.

16-05

Еще один сюрприз. Открывается дверь – стоит начальник КДС, перед брюхом держит в руке наставленный на меня включенный регистратор. Сообщает: оказывается, на почте лежит на мое имя посылка в пять кг. Но т.к. она мне не положена до ноября – ее отправляют назад. От кого – он не знает, в квитанции не написано. Сам он на эту почту, разумеется, не ходит (видимо, ээки из хозобслужбы). На мои просьбы там, на почте, попросить вынести саму посылку и переписать, от кого она, – ноль реакции. На предположение, что это, м.б., книги (а это вполне может быть!), то бишь должны принять вне лимита – тупо твердит, что, мол, пять кг, посылка, не положено. (А в их УИКе, по-моему, нет разницы, сколько книг по весу, – все равно вне лимита.) Не дослушав меня, уходит. Тупая мразь, скот бессмысленный, как все они, это русское быдло, в погонах и без. От кого пришла эта посылка – я не имею никакого понятия, а это уже второй случай, в мае было 2 кг 400 г от кого-то – и, значит, не смогу ничего выяснить, если эта мразь не узнает на почте об отправителе.

28.6.17., 12-00

Среда. В баню сегодня повели относительно удачно – в полдевятого, так что до традиционного времени прихода шмонобанды (9-20) я успел помыться и вернуться в камеру. А шмона – не было! Это уже раз второй или даже третий за последние месяцы – и именно по средам! С чем уж это связано – не пойму. Обычно среда везде в таких местах – как раз режимный день, наряду с четвергом. М.б., слишком заняты, шмоная в другом месте, перегружены? :)

В обед сейчас со мной, заглянув в «кормушку», дружески поздоровался... тот старый очкастый баландер (Юра, кажется), который на моей памяти уже был тут баландером два раза, ушел последний раз где-то в ноябре или

декабре 2016 – и вот опять! А того злобного дебила, что был баландером все последние месяцы, значит, всё-таки сделали завхозом, – я всё угадал точно!.. Пользуясь случаем, я только успел сказать этому очкастому этаким шуточным, добродушным тоном: ну тогда, мол, клади мне побольше, раз давно меня знаешь, – и тут он сует мне миску со вторым, где этого второго (гречки) буквально на доньшке! Как раз я ему и сказал, что ж, мол, так мало? – и он добавил второй черпак. Вот так-то: с паршивой овцы – хоть шерсти клок, а с этих паршивых уголовников, давно знакомых, – хоть гречки черпак... :)))

17-30

Вот что значит иметь знакомого баландера! :) Сунул мне сейчас, в ужин, вместо одной пайки, как положено, целую буханку черняги! Мол, чтобы не тащить на сдачу, – видимо, жратвы ему привозят больше, чем тут сидит народу. Я сперва не хотел брать, но – в конце концов, можно будет пару кусков завтра на завтрак съесть с маслом, благо купил я его в последний раз много и дешево! :) Если не брать на завтрак – то, похоже, с одним только полукилограммовым брикетом масла я смогу съесть все девять батончиков ветчины, купленных в последний магазин, 23-го. А кроме него есть ведь и еще один такой же брикет!.. Надеюсь, до магазина 7 июля мне масла хватит.

Зато, черт возьми, все приемы пищи теперь будут опять на час раньше, как с этим старым баландером всегда и было. Обед сегодня – еще и полдвенадцатого, по-моему, не было; ужин сейчас – в начале шестого уже, а у того баландера обычно бывал в шесть или позже. Пока ждешь баланду – вроде и не так тоскливо, и время идет, все-таки ждешь чего-то; самое тоскливое время для меня тут наступает ПОСЛЕ еды – обеда, а особенно завтрака, когда два часа с лишним сидишь и тупо ждешь шмона...

29.6.17., 5-35

Этот гондон дневальный не положил мне вчера телефон в матрас. В тот самый день, который он сам заранее назначил, в ту самую (колобковскую) смену, когда, по его словам, матрасы вечером не проверяют, – не положил, и всё! Без объяснений. Еще когда я услышал, что он уже раскладывает матрасы – и перед этим не подошел к моей двери, как делал это 22-го и 25-го, не постучался тихонько и ничего не сказал, – я сразу заподозрил неладное. Стал прикидывать в уме, какова вероятность, что он просто положил и ничего не сказал, по уже имеющейся предварительной договоренности, – 50 на 50 или 1 из 100. И всё, как ни крути, у меня выходило, что 1 из 100, – хотя так хотелось надеяться на лучшее... В общем, за эти два-три часа перед отбоем у меня было время морально подготовиться.

Что ж, я давно знаю, что я неудачник, еще с 2006 г. У меня давно уже нет

сил бороться с судьбой, – тем паче, я знаю, что все равно эта борьба бесполезна. Недолго музыка играла: сидение мое тут, в камере, со связью продолжалось ровно четыре дня – 22, 23, 24 и 25-е, когда я звонил матери и Феликсу последний раз. Что успел – то успел (узнать про приезд ребят 4-го июля, например), а уж остальное... Пусть мать, переславшая этому мудаку кучу денег, теперь сама звонит ему и спрашивает обо мне, – на мои стуки в дверь и призывы (до отбоя – не очень громкие, но он-то был рядом; после отбоя – погромче) он вчера не реагировал, не отзывался. Ну да, получил денежки, дал «трубу» два раза – и всё, больше я ему не нужен, достать же его отсюда, из камеры, я никак не могу, он неуязвим. Разве только – сдать его начальству, что у него тут аж две «трубы» есть, – но их еще надо найти, он же их не в кармане носит. Да и потом, если их заберут у него, мне уж точно не с чего будет звонить; разве что – моральное облегчение. Но от одного морального легче мне не станет...

В общем, вот так вот. Нагло, без объяснений. Лох – это судьба, как говорится.

В камере по-прежнему лютый холод, днем я просто околеваю. Тепло только ночью под одеялом, но – ночи пролетают стремительно, а дни тянутся бесконечно. Сейчас закатают на тюремный режим 10-го, – в этом я уже не сомневаюсь. Неудачник, увы, как и было сказано. Всё бессмысленно... Жизнь прожита зря, в этом надо честно себе признаться...

7-10

Спросил сейчас этого гондона, когда он мел коридор под моей камерой. Говорит: ночью здесь была комиссия. Это явное вранье, отговорка: ночью комиссия не будет же заходить в камеры – а тогда что ей тут делать? Говорит – на мой вопрос: когда? – мол, сегодня вечером. (Ночью?) Что будет вечером – то ли он телефон положит, то ли просто поговорить подойдет, – непонятно. А учитывая, что сегодня, как он объяснял раньше, будет смена, которая вечером шмонает матрасы, – так ясно, что ничего не положит он и сегодня. Надул как лоха, короче...

30.6.17., 5-37

Разумеется, вчера тоже никакого телефона. Всё, отзвонился... Можно забыть. Эта мразь и не подумала подойти к моей двери вечером, да и я, честно сказать, не слышал даже, как она раскладывала матрасы.

Спасло меня вчера наверное, только то, что перед обедом вдруг принесли опять письма – от матери, Григорьянца и Землинского, три штуки – а как только я закончил на них на все отвечать, уже после обеда, – принесли и газеты, сразу шесть штук. Так что сидел читал их до самого отбоя, еще весь день предстоит читать сегодня, да на завтра еще хватит. Спасло – в том

смысле, что было чем занять голову, чтобы не думать о самом худшем, что мне предстоит – АДЕ крытой тюрьмы, об одиночестве и бессмыслице жизни...

Питание вчера было потрясающим! :) Утром и вечером – мерзкая белесая говнокаша, которую этот новый-старый баландер наконец-то определил одним точным словом – геркулесовая! На первое в обед – «уха». То бишь, за весь день я съел из казенной баланды только тарелку жидкой гречки в обед на второе; ну и – еще чернягу на ужин...

Остался 871 день, 124 недели. АД всё ближе и ближе. Но даже бояться его у меня уже нет сил...

11-00

Итак – очередные рекорды!! Обед – без пяти минут 11 (так рано он не был вообще никогда, сколько я с 2014 сижу в этом лагере). На завтрак – какое-то дерьмо вроде жидкой овсянки, что ли; на обед – «уха» и сечка! :))) То бишь – дай бог, чтобы съедобным оказался хотя бы ужин, а то пока что, с полдесятого вчерашнего вечера, я – на столовском чае и «компоте». Если ужин будет часов в пять, то, значит, нынешний голодный марафон продлится 19 с половиной часов, а если нет – то сутки. Хлеб, разумеется, только черняга. Есть еще масло и две пачки ветчины, но они – на ужины на два дня, да и хлебом с маслом предстоит еще ужинать четыре дня – до ближайшего магазина 7 июля.

12-30

Теперь хоть понятно, почему обед сделали так безумно рано: как только баландер собрал тарелки, начались «крестины». И идут еще вот до сих пор.

Ради чего всё это? Ради чего я мучаюсь? Ходил в полном шоке от сегодняшнего меню по камере, размышлял об этом. В первый раз нашел хоть какое-то подобие ответа: ради сохранения самоуважения. Относится это, конечно, в первую очередь к отказу от сечки и пр.: чтобы не поганить ей рот. Чтобы не стать самому себе невыносимо противным за жалкий – под влиянием голода – отказ от собственных принципов.

С остальным – сложнее. Можно ли говорить о самоуважении, согласившись жить в неволе, когда единственным вариантом от неволи избавиться оказался суицид? На мой личный вкус – вряд ли. Зато уж ни об одной написанной мною строчке – из тех, за которые меня два раза арестовывали и три раза «судили» – я не жалею абсолютно! Тут тоже самоуважение: если можешь сказать – скажи, не молчи! Не быть себе самому противным из-за трусливого стремления – заткнуться, наступить себе на горло, лишь бы не сесть снова... «Хлебом не корми – дай сказать», – так называлась когда-то, лет 20 назад, статья Минкина.

ИЮЛЬ 2017

1.7.17., 5-28

Сегодня днем заступает колобковская смена – и, по идее, этот ублюдок дневальный должен положить мне телефон, т.к., по его словам, только эта смена не проверяет матрасы. Но – не положит, конечно, об этом нечего и думать. Вероятность этого даже не 1%, а 0,00001%. Лох, как и неудачник – это судьба; отдал деньги – и о тебе забыли, благо ты сидишь в камере и из нее все равно не можешь ничего сделать, ничего добиться. Вчера вечером – сам не знаю, зачем – вдруг попробовал позвать эту мразь, когда она подходила тут рядом еще к чьей-то камере. Прекрасно слышит, конечно, что я стучу и зову – но не реагирует и тотчас же уходит молча в свой конец коридора, к себе в каптерку, откуда мне ее никак не достать. Нет, всё кончено, это ясно...

Ужин вчера оказался съедобный (макароны + рыбная котлета). Газеты все прочел тоже еще вчера. Эта шальная история с телефоном, начавшаяся 22 июня, я заметил, практически вытеснила из моего сознания на время близящуюся главную, большую беду – «перевод на тюремный режим» 10 июля, т.е. АД. Вчерашняя неожиданная голодовка с подъема и до пяти вечера вытеснила даже горечь от пролета с телефоном. А пока сидел читал за столом газеты и ждал ужина – дикий, лютый по-прежнему холод в камере (руки, скрестив и засунув под мышки, еще кое-как удается согреть, но ноги ниже колен – абсолютно ледяные!!) постепенно вытеснил даже голод. Не столько есть хотелось, сколько согреться хоть как-нибудь. Съел единственное, что было «свободного» (не предназначенного на ужины) – плавленый сырок за 15 рублей, купленный в последний магазин, – удивительная дрянь! Сейчас вот уже с подъема и холодно опять, и жрать хочу, но – позавтракать не светит. Опять будет сечка, геркулес или еще какое-нибудь говно...

Вот и прошла половина 2017-го года. Полгода в 2017-м, целый 2018-й и еще 2019-й почти весь, кроме 43-х дней, – вот что мне осталось. 870 дней, 2 года и 4,5 месяцев. А там, дальше, если и освобожусь, – тоже ничего хорошего, и это убивает больше тюрьмы, голода и холода. Если не удастся быстро выбраться из этой проклятой страны – то опять тюрьма, как минимум за игнорирование надзора, а в том, что удастся выбраться, я совсем не уверен. Прошла жизнь, и нет ничего впереди, и каждый день, который приближает меня к концу срока, и я радуюсь этому, – приближает ведь и к могиле...

Психологические вытеснения и замещения, да. Прямо чистый Фрейд... Когда я думаю о том, что ведь 10-го меня на этот раз неминуемо закатают, – мысль сразу соскальзывает на то, что ведь еще до 10-го, 4-го июля, совсем

скоро уже – должны приехать ребята, а потом, по всей видимости, еще 11-го, после «суда», – какое счастье!..

17-55

На ужин опять сечка, поганая рыба с костями и черняга. То бишь – я опять весь день только на обеде, плюс – съел утром яйцо (его дали впервые за несколько месяцев!). На ужин мой после отбоя есть последняя ветчина и масло, так что – яйцо уж оставлять не стал, съел с голодухи на завтрак. Еще – в обед дали хлеб темно-серый, с отвратным кислым запахом, но, по моему, все-таки не чернягу. Так что – впервые с 13 июня – съел еще и корку от этого хлеба с майонезом (иначе вкус такой, что есть их невозможно).

По-прежнему в камере холодрыга, хотя, м.б., чуть полегче, чем вчера. Но всё равно... Голод и холод, голод и холод... По-прежнему лезет в голову назойливый вопрос: ради чего я мучаюсь? Ради чего терплю всё это?? Ответа нет... «ЗА ЧТО» – я еще более-менее могу ответить: не за «оправдание терроризма», конечно, а потому лишь, что довелось родиться в этой проклятой стране. Только в этом настоящая причина всех моих бед, всей несложившейся жизни. А вот РАДИ ЧЕГО??? Ведь ничего же не будет, никакой награды, никакой справедливости... Тоска и пустота...

18-27

Мразь дневальный раскладывает матрасы под дверями камер к отбою. К моей двери не подошел и ничего не сказал. То бишь, телефона не будет. Банальное кидалово. ЧТД. Второе уже кидалово с телефоном за этот срок, – первое было в 2014 в Медведкове.

Что ж, лох, как и неудачник – это судьба... Представляю, как переживает дома мать...

2.7.17., 5-35

Вчера в отбой вместо «трубы» неожиданно получилась от ее владельца записка в подушке. Пишет он следующее: мол, когда той ночью (25 июня) сосед за стеной услышал мои разговоры по телефону и стукнул вертухаям – на дневального после этого «наехали» как следует, а матрас мой якобы теперь постоянно проверяют металлоискателем. И, мол, «когда всё утихнет», он мне сразу же положит телефон снова. Когда это будет, и будет ли вообще, правда, непонятно. А уж как это может быть, что ко мне в ту ночь сразу не вломились, телефон – единственную вещественную улику – не забрали, даже не попытались забрать, а зато потом «наехали» на дневального, который формально как бы вообще ни при чем, вина которого ничем не доказана и не зафиксирована, – вообще не поддается объяснению. Но, по крайней мере, нечто реальное в его записке есть: что звонила ему моя мать и спрашивала, какие таблетки мне нужны. (А о таблетках

обезболивающих я в прошлый раз просил Глеба.) Так что мать хотя бы знает, что со мной и почему я после единственного за почти два года звонка ей вдруг опять пропал.

Что ж, верится во всё это не очень, но другого объяснения нет. Тем более, что и это предоставлено мне не по моему требованию, – я же этого козла звать с позавчера уже перестал, считая, что он меня кинул, и видя, что от моего стука он сразу убегает.

Воскресенье. На улице с ночи дождь и хмарь (тут буквально каждый день дожди). Лечь бы сейчас, закутаться в одеяло, угреться – и спать дальше... Но нет – мрази подняли опять четверть шестого; топчись 16 часов, сиди на табуретке, околевай от голода и холода... Опять баня, опять, суки, или поведут под самый шмон – или ждать ее полдня!..

Абсолютно непонятно, как могут ВСЁ ВРЕМЯ проверять мой матрас металлоискателем, если каждый день тут разные смены. Допустим, сосед мой настучал одной – а потом они по цепочке передают друг другу, что надо меня проверять, что ли? Или те сообщили оперу, а уж он – остальным? Но тем, кого сегодня нет на службе, что ни сообщит – им плевать, они всё равно или забудут, или вообще внимания не обратят, – а всё, что тут было вчера, не в их смену, им вообще абсолютно по барабану, так что зэк ничего от них добиться не может...

15-07

Опять появилась этак мразь Стекольщик! Вышел, видать, из отпуска (как и его напарник). Ну да, я глянул в свои записи – как раз с конца июня его не было, ублюдка. В баню после этого меня повел именно он. Влезли, гниды, оба, вместе с напарником, в каптерку, пока я доставал банный пакет и новые шерстяные носки (околеваю тут) – и стала эта мразь до меня докапываться. Мол: а ты, оказывается, ДАЖЕ в интернете есть! (Нашел, урод, ту запись нацистов-малолеток после митинга 15 сентября 2012 г.). А почему ты камеру не проветриваешь? (Я объяснил, почему.) Ну тогда я тебе стекло выбью. В ответ я пообещал ему неприятности уже только за одни эти угрозы, сказал, что не пас с ним вместе свиней, чтобы он обращался ко мне на «ты» (но этот ублюдок упрямо продолжал «тыкать» мне и дальше) – и под конец, выходя из каптерки, посоветовал следить за своим языком. По улыбке напарника (все время молчавшего), адресованной Стекольщику, я понял, что этот раунд я могу считать выигранным. Моральная победа, короче.

17-25

Вечер, – долгий и пустой. Ноги мерзнут и в новых носках. Ужин теперь привозят ровно в пять; он, к счастью, оказался съедобным: гречка + рыбная котлета. Котлету надо было бы оставить на ужин после отбоя, – ведь, кроме

крохотной баночки сардин, последней, – нет ничего. Но я не смог удержаться, съел ее – и теперь корю себя за это...

Тоска, тоска, тоска... Холод, голод, неволя, бессмыслица... За что мне всё это? Лишь за то, что родился в этой проклятой стране? А главное – РАДИ ЧЕГО??! Я долго держался, долго; но вот – что-то последние дни стало совсем невмоготу... Прямо как в старом мультфильме: «Держаться нету больше сил»... Когда же всё это кончится??! Конечно, сильнее голода и холода в камере убивает неизвестность, неопределенность ближайшего будущего, и не столько даже неопределенность, сколько уверенность, что 10-го меня таки закатают на тюрьму, в АД... И это, и голод, и холод постоянный, непереносимый, вот уже второй месяц; и – если б даже знать, что оставят досиживать здесь, – постоянные ШИЗО, раз за разом, каждый месяц, которые эта мразь Чертанов прямо сюда, в камеру, приходит мне оформлять... И – понимание того, что будущего-то всё равно нет, выйду, если доживу, на волю, – и что??? Фейсбук и пара сотен читателей? И за это вот, только ради этого я и просидел, выходит, 12 лет? (Да даже хоть и нынешние уже почти десять.) А другого-то не будет ничего, – я одиночка, чужак для всех, я «ничей», как написал в 2014 Агафонов... И – нет у меня никого, вот уже, считай, жизнь прожил – и никого у меня нет. Друзья вроде есть, но – и их участие во мне ограничено, а таких, кто бы меня искренне любил – нет. И кого мог бы любить я... Умрет мать – и наступит полное, тотальное одиночество; не знаю, как я тогда буду жить. Если будут деньги жилье (не в России, естественно, в том-то и проблема), как-то налажен быт, – я, собственно, не боюсь одиночества, мне будет чем заняться. Но всё равно тоскливо...

Жалобы, жалобы, жалобы... Я не хнычу, не жалуясь на жизнь, да и – кому жаловаться? Нет у меня никого, кому можно было бы поплакаться в жилетку, всё откровенно, искренне рассказать – и кто бы понял... Беру дневник – и хочу каждый раз оставить в нем что-то важное, существенное, значительное, чтобы не стыдно было потом, на воле, и перечитать самому, и опубликовать для других. А что выходит? Тоскливые, унылые жалобы на жизнь, хныканье и плач Ярославны... По крайней мере, многие, наверное, именно так и подумают, прочтя вышеизложенное. Хотя разговариваю-то я тут сам с собой – и откровенно, без утайки, перечисляю всё, что делает невыносимым мое нынешнее существование, все причины моих мук – как душевных, так и физических. От холода в июле до одиночества по жизни... В конце концов, разве я виноват, что именно так, нелепо и несчастливо, сложилась моя жизнь? Куда же мне деться? И кто решит осудить меня в будущем за жалобы и хныканье – пусть сам просидит сперва в одиночке эти

633 дня, как я...

Невыносимая тоска и пустота в душе. Длинный холодный вечер... Одна надежда: послезавтра приедут ребята.

3.7.17., 5-56

Лежу – уже без одеяла, жду подъема, – вроде ничего. Встаю – опять холодина жуткая!..

Вечером вчера – очередная записка от дневального в подушке, ответ на мой ответ на его первую записку. Объясняет ход событий он так: в тот вечер, после отбоя 25 июня, когда стукач за стенкой услышал, что я говорю по телефону, – они ему не поверили и ко мне не зашли. Но, как он пишет, они же (насколько я понял, именно они, а не сам стукач) утром сообщили эту информацию, которой сами же не поверили, долговязой мрази Безукладникову. Эта мразь тут же вызвала дневального и спросила, давал ли он мне телефон; тот, естественно, от всего отперся. И – уж не знаю, совпало ли так, что тут оказалась эта блондинка-психолог, или он ее специально вызвал – но, пока я сидел и беседовал с ней в кабинете, запертый в клетку, эта поганая дылда, ищейка вонючая, поперлась шмонать у меня в камере, – искать телефон! Вот, значит, почему, когда я вернулся от психолога, дверца «дальняка» была открыта, а затычка вытащена, да еще не на ту сторону положена, куда ее обычно кладу я! Эта долговязая гнида сразу же полезла в «дальняк», зная по опыту, что в камерной этой системе телефон обычно прячут туда (мой сосед за стеной еще в 2014 г., потом ставший здесь завхозом, именно там и прятал, он сам мне говорил). Поганая ищейка, короче. Причем больше по камере это чмо нигде не лазило, – если б тут было где заряжать телефон, я бы мог его спокойно хранить совсем не в «дальняке».

14-20

Обед дали аж без пяти минут 11 (слава богу, весь съедобный), но «крестин» почему-то нет до сих пор, в бане моются. Я сижу, читаю, проклиная эту проклятую страну и свою жизнь, жду... Настроение мое может в иную секунду показаться даже веселым, – но это исключительно от мысли о завтрашнем приезде ребят, от предвкушения его. Я жду только их. И стараюсь не думать (безуспешно, впрочем, стараюсь) о том, что после их отъезда мне уже нечего будет больше ждать. Дальше – через еще пять пустых дней – только «суд» и АД. Загонят куда-нибудь в Минусинск – и привет! Будешь два года куковать там, ждать, как манны небесной, приезда Ромы или Светы, потому что остальных туда хрен будут пускать. От этой мысли каждый раз такой мрак, такой ужас накатывает на душу, не описать словами... и деваться мне некуда, и даже мысль о том, что время-то бежит,

время как-никак работает на меня, что, будь я здесь или в Минусинске, а всё меньше и меньше дней мне остается, – не приносит облегчения.

Нет, эти пять дней будут не совсем уж пустыми, я ошибся; передо мной стоит великая и трудная задача: 7 июля, в пятницу, купить себе в здешнем ларьке хоть что-нибудь поесть! К тому времени у меня как раз закончится сливочное масло. А первую трудность этой покупки я – по прежнему опыту – предвижу в том, что по случаю летнего отпуска продавщицы и бухгалтерши магазин может быть просто-напросто закрыт!..

19.7.17., 5-23

Очередной бурный день был вчера, да плюс к тому – рубежный: осталась мне ровно 1/3 срока.

Перед обедом выдернули вдруг в местную «дежурку», к мрази Безукладникову который сидел с кипой официальной почты. Вручил мне решение «суда» в Екб в поддержку психолога Халяпина, извещение из Чусовского «суда» о рассмотрении обжалования моих ШИЗО на 31-е июля (на которое я не пойду) и письмо от Бабушкина, причем – впервые! – заклеенное, не прошедшее цензуру! Заодно я спросил этого мразоида, почему две недели не было магазина и никакой реакции на мои заявления. Ответил: мол, была ревизия и отпуск продавщицы (?) на неделю. В эту пятницу, говорит, магазин будет. Ну ладно, посмотрим... На обратном пути забрал еще два письма – от Землинского и матери – лежавших около камеры. За шесть дней – всего два письма; как я и думал, как только прошла весть о перережиме – количество писем сразу резко упало...

После обеда явилась мадам Петухова, казенный психолог. :) Выдернули к ней – в кабинет (хорошо хоть, не через дверь опять беседа). Ей я про магазин тоже рассказал, она простерла свою любезность до того, что пошла позвонила «мусорам» на вахту (тут это называется, по-моему, «надзорка») – и ей узнали в магазине, что сейчас он работает, но с 1 августа уходит в отпуск на три недели. Великолепно! С отоваривания 28 июля, конечно, на первые дни августа что-нибудь да останется; но к концу их отпуска я опять буду голодать... Зато смогу в последнюю пятницу августа отовариться сразу на весь лимит, на пять тысяч (а то даже и шесть, если признают мою «тюремный режим»).

Ответил на письмо Бабушкину, сидел писал матери – и вдруг ровно в три приходят опять: к адвокату! Рома приехал, и опять один. И тут же объяснил мне, почему один сегодня и почему они оба не приехали 11-го: Глеб болен, у него, оказывается, почечнокаменная болезнь, сильные боли, в «суде» 10-го июля ему было очень плохо, настолько, что не могло быть уже речи о поездке ко мне, а домой отпустить его одного Рома тоже не мог. И вот он

болеет до сих пор и, по словам Ромы, не ответил ему вчера даже на звонки. Очень мрачная новость, конечно; дай бог, чтобы к 31-му он поправился и они приехали бы вдвоем.

Мрачные новости привез Рома и от Горильской. Ее замечательный Юра Мельничук, оказывается, бросил заниматься мной (за зарплату 200\$ от Горильской) и пошел торговать медовухой, – типа, больше этим заработает, что ли. А брошюру о насилии Юра так ни в какие книжные магазины пристроить и не смог. :((Наталья спрашивает, не перевести ли мой украинский сборник на украинский (не дай бог, вместо срочного выпуска после ГОДА ожидания – надумает еще переводить, очередная отсрочка еще бог знает на сколько!..) и просит меня написать письмо Агафонову, чтобы убедить его пойти на эту (платную) должность ее штатного помощника по мне. Нахваливает его при этом сверх всякой меры. Абсолютно нет у меня никакого желания ему писать, как и никакого доверия ему после того его фортеля в январе 2014 г.; тем не менее, против того, чтобы он ей помогал на постоянной основе, я не возражаю, конечно. Если бы Агафонов хотя бы извинился за ту свою подлость, было бы гораздо проще...

Еще Горильская просит, чтобы я написал письмо Дадину (которого я абсолютно не знаю), а то она хочет его попросить написать статью обо мне, но боится, что он откажет (а что он обо мне может написать, тоже совсем меня не зная?). Плюс – хочет использовать его контакты с теми, кто защищал его, для обращений к ним насчет меня (ага, так я им и нужен, как же! Ведь я-то не с плакатиком про конституцию стоял, как Дадин!..).

Вот такие вот грустные и глупые дела. Ничего у них там в Киеве не выходит по мне, не говоря уж об обещаниях Горильской пробить тему обо мне в итальянских СМИ, об этом и думать нечего! Хоть бы уж этот несчастный украинский сборник выпустили к WSD, как обещал Агафонов...

Опять сейчас баня, опять ее ждать (если только не считают кончившимся уже мое ПКТ от 2015 г.). На завтрак макароны под «молоком» (белой водой). К счастью, сегодня их все же не такая мизерная горсточка оказалась, как в прошлые разы. Значит, в обед и ужин дерьмо какое-нибудь дадут. Пока писал все это, прерывали столько раз (завтрак и пр.), что дописываю вот уже в 20 минут седьмого почти что. Задолбался, устал страшно от отсиженных почти пяти лет этим сроком – а ведь впереди еще АД крытой тюрьмы! Осталось мне 852 дня – это еще адски много!.. :(((

8-26

Всё и всегда у них вот так, у этих тварей, в этой проклятой стране!.. Если в баню ведут вовремя, утром, до шмона (сегодня вот 20 минут восьмого повели) – так вода холодная! 1-го апреля, помню, час с лишним прождал –

она вообще холодная была, ушел не мывшись; а сегодня – еле-еле теплая. Точнее, сперва еще была ничего, хотя не сказать, что по-настоящему горячая; а под конец – уже почти что холодная, совсем никакая. Можно было бы еще под душем постоять, времени было только около восьми; но под ТАКИМ – что за удовольствие? Будь проклято это тупое, никчемное государство!!..

18-17

Опять какая-то сраная комиссия приперлась после ужина и лазила тут по камерам, хотя ждали ее еще с обеда. Ко мне, к счастью, ее не повели. А на ужин опять была перловка со слизью.

20.7.17., 18-10

Не было ни гроша, да вдруг алтын!.. :))) Но это – не провидение, конечно, не забота обо мне доброго боженьки, в которого я не верю. Это просто случайность, точнее, цепь случайностей, как и вся наша жизнь, вся история – тоже всего лишь цепь случайностей...

Сегодня, как ни странно, второе на обед и ужин оказались съедобны; на первое – «уха», на завтрак какая-то говнокаша. Тем не менее, после отбоя ужинать нечем, кроме очередной рыбной котлетки (второй день подряд ее дают, класс!). Макароны плюс эта котлетка – вот был ужин. Майонез вчера кончился, едва ли там даже на один бутерброд наскребется. Поел макароны, жду очкастого старого баландера, едущего назад со сбором тарелок, – спросить, не осталось ли у него чего, хоть макарон (на котлеты не рассчитываю, понятно). Хотя, честно сказать, нелегко мне переломить себя, заставить у них что-то спрашивать, тем паче – просить, да еще – зная, что 99% откажут...

И вдруг открывается дверь – и вертухай говорит: пошли, мол, бандероль получать! А я как раз позавчера в ответ на сообщение матери в последнем письме, что Феликс еще 4-го июля выслал мне бандероль (колбасу), ответил, что бандероли до сих пор нет – видимо, отправили назад, как обычно.

И вот – вот она, бандероль! И в ней – я просил четыре, но мать написала, что влезли только три батона колбасы. Но – это не маленькие батончики, которые как раз хорошо идут на один раз, а большие – такие, которые я даже в хорошие времена (получив посылку 21 апреля, точнее, передачу), делил на два раза. То бишь, при нынешней голодухе, когда не будет три недели в августе магазина, – можно будет их и на четыре части делить, на 12 ней (то бишь, ужинов после отбоя) хватит мне этого счастья!

Правда, не факт, что оно долежит до августа. Завтра пятница – и, хоть мне и даны заверения, что магазин работает, но если опять будет тишина, как в прошлые два раза, то придется есть ее уже завтра вечером.

Вернулся с колбасой в камеру, решил все же дождаться баландера (он еще не проезжал), спросить. Подъехал он, открылась «кормушка» – смотрю, все бачки набиты пустыми тарелками. Значит, макарон нет, это сразу ясно. Спросил его все же, не осталось ли чего, он вроде сказал «нет», предложил мне только кисель этот химический, который я вообще не пью. Я отказался, естественно. Он возится там у своей тележки в коридоре, а «кормушку» мою почему-то не закрывают. Не могу понять, в чем дело. И вдруг он мне на каске хлеба дает в «кормушку» еще одну рыбную котлету! Вот уж я не ожидал!.. :)) То бишь, вот у меня их уже две на ужин – на четыре бутерброда. И н/з в виде колбасы. Хоть что-то, немножко расслабиться, а то я оголодал тут уже настолько, что сил нет, – и нервничаю ведь всё время, найдется ли хоть что-то пожарать, или так и сидеть весь день на одной тарелке гречки, 18 часов (с ужина до обеда) вообще без всего...

21.7.17., 18-07

Итак, после долгих, мучительных изматывающих, полдня занявших ожиданий, стуков в дверь, переговоров с уродцем дневальным – магазин есть! Ура!!! :)) Хотя ничего особенного в нем на сей раз не оказалось: ни сливочного масла, ни вафель, ни сока... Дневальный этот еще, оказалось, припас для меня четыре последних упаковки хорошей варено-копченой колбасы по 220 р. (а была не так давно по 180), которую продавщица – для меня, видимо – убрала с прилавка в холодильник. А на прилавке осталась одна вареная, ее тоже взял три штуки.

На улице всю хлещет ливень, – давненько, кстати, не было тут дождей, уж с неделю-то точно. Вечер. Спокойствие. Большущая, толстая книга наконец дочитана, завтра ее можно будет отдать библиотекарю. Появился запас еды – сразу легче, спокойнее стало на душе. Интересно, за эти месяцы, оставшиеся до апелляции, будут ли еще мне навешивать ШИЗО? Скорее всего – да, неизбежно будут, хотя, казалось бы – зачем? Ведь дело-то уже сделано, тюремный режим мне оформлен. Осталось мне ровно 850 дней.

22.7.17., 11-10

Долговязый этот старый очкастый гондон баландер опять приволок обед без четверти 11. Всё раньше и раньше; хочет, сука, побыстрее отделаться и уйти. Говорить ему об этом – бесполезно. Хорошо еще, что обед оказался съедобным (в отличие от завтрака, который он привез без десяти минут шесть).

Тоска, скука, пустота... Тоска на душе ужасная, безысходная тоска. Сидеть, ждать библиотекаря (сегодня суббота, его день), если, как обычно, он придет в час или около того, – вот и всё, что осталось. Прошла жизнь, кончилась, и нет уже никаких планов, никаких надежд, ничего, ради чего

стоило бы хотеть выжить и жить. Тоска и пустота... написал утром обо всем этом письмо Горильской, но не знаю – отправлять ли его, надо ли это ей; ответить ведь ни о чем таком она всё равно не ответит, уже знаю по опыту. Всё – ни к чему, ни о чем; полнейшая внутренняя опустошенность. Кроме всякого дерьма, кроме ужасов АДА, крытки, – ничего мне уже не предстоит, ни в ближайшем будущем, ни в более отдаленном, после (если) освобождения, – вот это я знаю точно. И нет во всем этом непроглядном мраке ни одной светлой точки, ни одного, даже самого маленького, лучика света, никакой надежды... :(((

Опять приехала какая-то «серость» (начальство), теперь уже моего соседа-стукача о ней персонально предупреждают вертухай. «Заходят!» – один сказал около моей двери только что.

11-43

То, что мое длинное письмо к Мане (в которое столько души, боли, слез было вложено) не попало к ней, потому что вовремя не попало к Феликсу, – это ведь еще одно доказательство того, что я неудачник. Не стоило его и писать; ведь как я не хотел, сколько месяцев боролся с собой!.. Думаю (точнее, предчувствую), что к Мане оно так и не попадет уже никогда.

16-35

Не пришел библиотекарь. Не знаю, почему. М.б., завтра. Вертухай сказал кому-то про что-то в коридоре – мол, «в воскресенье» – но я не знаю, про что.

Впрочем книг у меня еще полно. Пробовал читать – не могу, так тошно, что ничего не лезет в голову. Бесконечный, пустой, тягучий, мучительно тоскливый день...

17-45

На ужин – «уха» из кильки! Это хоть можно есть... Наконец-то завезли эту кильку в томате, – больше года, по-моему, ее не было. Но вообще-то, конечно – что это за ужин такой: пустое хлебово (и того – полтарелки, даже не целая), в котором плавают редкое пшено, еще более редкая картошка и зеленый (!) лук, а килька эта – попалась одна-единственная крохотная рыбёшка?!

23.7.17., 15-25

Очень удачно повели утром в баню – ПЕРВЫМ, без четверти семь! Так что всё сделал в кои-то веки не торопясь (побрислся и постирал вещи). Когда шел по коридору в каптерку – увидел, что не некоторые двери по левой стороне (т.е. где я) наклеили скотчем печатные листы с обозначениями: «ПКТ» и «ЕПКТ» – и краской написали, сколько квадратных метров в каждой камере. Ну да, готовились к одной из недавних комиссий! Квадратных метров у меня в камере оказалось всего лишь два (т.е., как я понимаю, это

положенное пространство на ОДНОГО, хотя камера-то – двухместная), а никаких букв мне на дверь не приклеили. И на пластмассовой табличке на двери тоже ничего не обозначено. О том, что ПКТ мое, с 2015 еще оставшееся, уже должно было кончиться, максимум 20-го числа, мне никто не говорит ни слова, на двери ничего не пишут, но в баню водят пока по ПКТ-шному графику (среда-воскресенье). Так-то мне наплевать, конечно, по какой категории я у них сижу в камере; деваться-то мне всё равно некуда, не к уголовникам же рваться...

16-50

Е..нутый этот гондон-баландер ставит всё новые рекорды: привез сейчас ужин в 35 минут пятого!! Совсем рехнулся, скот, в своем стремлении поскорее отделаться и свалить! В Буреполоме хоть только по воскресеньям ужин был на час раньше, а тут – и каждый день, и больше, чем на час. На ужин, правда – наконец-то! – картошка. Сверху ее поливают той же самой килькой в томате (на первое в обед сегодня опять была «уха» из нее же), а в самое картошке еще и торчит какая-то требуха, не то куриная, не то хрен поймешь какая. Идиоты, не мешали бы уж одно с другим! И картошка, не пойму, по-моему свежая, хоть и нарезана, как обычно режут сушеную – мелкими продолговатыми кусочками.

25.7.17., 5-40

Три письма принесли вчера после обеда – от матери, Землинского и Григорьянца (быстро стали приходить его письма, и отвечать он стал быстро). Мать описывает ужасы своей жизни в письме, – я и вчера весь день, как прочел, и всё утро, как проснулся, под впечатлением этого рассказа. В какой-то из дней недавно у нее утром закончилась вода в комнате, а идти на кухню она боялась – как бы не начался приступ (не сердечный, а легочный, какие стали у нее часты в последнее время, – следствие ее легкомысленного отказа от лечения у пульмонолога еще в 2015 году). И вот она без пищи и воды сидела в своей комнате с утра и до шести вечера, пока кто-то (причем с опозданием на пару часов против назначенного) не пришел к ней... Кошмар какой-то... И при этом она упорно отказывается и слушать про больницу, мол, хочу умереть дома, а не на больничной койке; а я отсюда ровно ничем не могу ей помочь... В шоке от всего этого, не знаю, что делать, как быть... Про приезд Ромы 18-го мать в письме пишет (хотя и упоминает его приезд вместе с психологом, который в итоге не приехал), а вот про приезд Феликса 28-го, ею же тоже раньше анонсированный – не упоминает ни словом. А мне – чего еще осталось тут ждать, чем мерить всю еще оставшуюся мне тут «жизнь»? Приездами Феликса, Глеба с Ромой, м.б., когда-нибудь – и Веры... Так или иначе, очень жду Феликса в эту пятницу,

28-го, но – увы, нет никакой уверенности ни что он соберется приехать, ни – что его пустят ко мне...

За шесть дней – всего три письма... Шесть дней – это мало, конечно, но и писем, как я и боялся, стало очень мало. Землинский пишет, что 11-го и на «Гранях», и на «Каспарове. ру» прошло сообщение об итогах «суда» по переводу меня в крытую. Конечно, теперь все будут бояться, что их письма меня уже не застанут, и ждать появления уже нового моего адреса...

Началась 121-я неделя до конца. Ровно 846 дней мне осталось. Доживу ли я до воли?..

26.7.17., 6-00

Гондон баландер привез завтрак (говнокашу) без четверти шесть. В шесть ровно я как раз уже позавтракал (мини-рулетиками из магазина). Остаются долгих, пустых три часа до шмона, минут 30-40 из которых (а когда и час!) раньше, при других баландерах, были заняты ожиданием завтрака. Правда, за эти три часа могут (и дай бог, чтобы пораньше, до шмона) погнать в баню.

Каждое утро, лежа на нарах в ожидании подъема, я думаю о том, что можно было бы записать в дневник, но обычно не записываю эти мысли, – иначе они одни и заняли бы весь дневник целиком, для событий в нем просто не осталось бы места. О том, как эти мрази, это проклятое государство, закатали меня на семь лет ни за что за мифическое «оправдание терроризма» (поделом вам, мрази, пусть вас взрывают как можно больше, сильнее и чащею все ваши метро, поезда, вокзалы, любой транспорт и вообще все, что угодно, так вам и надо!!!); о том, как проклятое, свинское, ублюдочное это государство сломало мне жизнь, искалечило, исковеркало – и с каким наслаждением я бомбил бы его за это ядерными бомбами, по одной на каждый их областной город на каждый ж/д узел, как счастлив был бы я, оставив за все мои страдания этих уже десяти лет неволи ядерную пустыню на месте этой проклятой страны; как теперь вот еще предстоит ехать на крытую тюрьму, какой это ужас – этап, с какими мразями будут сажать в камеры пересылок, будет ли там ночью гаситься свет, какой будет хлеб (не хуже бы еще, чем здесь!), как я буду (смогу ли?) там спать; какой АД будет на крытой тюрьме, – ледяные карцера, само собой, а еще ведь наверняка и битье в обычном, так сказать, камерном режиме; и требования опять всё те же – дежурить, расписываться за дежурство (и не подумаю, пусть хоть убьют!), заправлять постель «по установленному образцу» и днем даже не садиться на нее, если днем не будут, как здесь, отбирать матрас и пристегивать нары к стене; и могут же еще докапываться к внешнему виду, к моим усам, к тому, что не брит каждый день... Словом, всего не угадаешь, но уже ясно, что ничего хорошего

меня там не ждет, как и вообще – нигде и никогда уже... С мыслью, что жизнь прошла, просыпаюсь утром и жду подъема, с ней же засыпаю вечером, особенно если ужин был ничтожный, вроде бутербродов с майонезом; с ним же, с этим убеждением, живу день, жду завтрака, обеда, ужина, отбоя, бани, писем, этапа, рубежа в 800 дней (сейчас осталось 845) и в 100 недель... Но разве это можно назвать жизнью?

Жизнь ушла, как вода в песок, и результатов от нее – ноль, и надо как-то доживать... :(

11-08

О...вший этот баландер привез обед 37 где-то минут 11-го (!!). Всё раньше и раньше... Слава богу, обед этот хоть оказался съедобным, и даже сам он на обратном пути предложил мне еще одну тарелку картошки, бывшей на второе. Что ж, и на том спасибо.

18-20

В баню так и не повели за весь день. То ли опять забыли (что уже не раз бывало), то ли – я у них уже не числюсь за ПКТ, т.е. баня по другим дням. Второе кажется мне вероятнее, – в самом деле, не может же это ПКТ 2015 года тянуться бесконечно. М.б., поведут завтра? – в четверг моются обычно б/с-ники, а мой непонятный статус, м.б., только на эти дни – понедельник и четверг, когда моется б/с, и можно оставить? Спрашивать у этой нечисти, естественно, я ничего не спрашиваю – противно до смерти, особенно у мрази Стекольщика, который как раз сегодня дежурит.

Ужин, против теперешнего обыкновения, запоздал почти на час, – без четверти шесть его привезли. Баландер сейчас, забирая тарелки, сообщил, что, оказывается, в бане сидят 15 человек, – ждут «крестин»! То эти мрази «крестили» еще до обеда, то опять надумали после ужина... Не пришли бы еще ко мне с очередным ШИЗО, – как раз сегодня я подумал, что давненько что-то его уже не было, больше месяца опять...

Тошно до такой степени, – не объяснить даже. Вся моя жизнь – псу под хвост!.. :(((

27.7.17., 14-05

Ни в какую баню не повели, конечно, и сегодня. Не знаю, что всё это значит. Видимо, наплевательское отношение к своим обязанностям Стекольщика (вчерашней смены). Всё по тому же образцу, что и вчера: на обед – опять картошка; опять вторая ее порция от очастого баландера. Время сидения на одной тарелке гречки в день, видимо, хоть ненадолго, но прошло. На завтрак была пшенка на молоке – офигенное событие!! Сколько ее не было? Месяц? Больше? Пятый или шестой съедобный завтрак за весь июль. Завтра ожидаются два грандиозных дела: приезд Феликса и магазин.

Какое из них имеет больше шансов сбыться? Пожалуй, все-таки магазин. Феликс-то не только может не приехать – его могут еще и не пустить, как уже было два раза. Уж о том, чтобы они приехали вместе с Верой, я и не мечтаю; тем паче, по опыту 21 апреля сего года, это надо было бы намечать не на пятницу.

17-35

Едучи назад после ужина и собирая тарелки, старый этот баландер САМ, без всяких моих просьб, выскреб мне из бачка остатки – целая тарелка (!) набралась шикарной кильки в томате, да еще сдобренной луком! Нельзя даже выразить, какое грандиозное это для меня событие, какой праздник!! – после сидения на тарелке гречки или супа в день, после сечки, геркулеса и перловки, которых, слава богу, последние дни уже не дают! И я всё представляю, как дико будет этот мой восторг выглядеть в глазах тех, кто когда-нибудь, даст бог, будет читать этот мой дневник на воле. Дико, нелепо, смешно, низко, – как будто я живу только позывами и радостями брюха, ничего важнее в мире для меня нет. Но – уважаемые критики, поголодайте с моё, посидите с моё лет десять ни за что, почти два года в одиночной камере, в каменном мешке, – тогда, быть может, вы на всё это взглянете по-иному... Да и мне самому, наверное, будет смешно перечитывать, воскрешать в памяти все свои восторги по поводу картошки и кильки (тарелка того, тарелка этого как раз сегодня на ужин после отбоя), когда я буду этот дневник набивать. Не то что за подачи мне я счел бы этого уголовника-баландера нормальным (и вообще) человеком, равным мне, или простил бы ему эти обеды в 10-40, на полтора часа раньше, чем надо... Но всё же за эту подкормку, особенно по ЕГО инициативе (он уже усвоил, что мне нужно, что нет, а просить всегда так невыносимо противно!) я ему искренне благодарен. Тревожусь только, не начала бы портиться плесневеть, полукопченая колбаса, которую благодаря этой подкормке я второй день уже оставляю про запас, на черный день. Тем паче, что завтра в магазине рассчитываю все-таки купить и еще колбасы.

28.7.17., 5-42

Почти не спал эту ночь. Сперва – потому, что в ужин объелся этим счастьем (килькой, смешанной с картошкой), а потом, когда давление в брюхе все же упало – видимо, за это время я уже успел внушить себе мысль, что в эту ночь так и не засну. Да плюс – еще с вечера начал вдруг меня бить озноб, какой бывает при температуре; когда я лег, он только усилился. Лежал и вспоминал, что в Буреполоме в 2008 г. со мной было то же самое – среди летней жары вдруг непонятно с чего температура по вечерам... Короче, после 11-ти я все же, видимо, заснул, но просыпался очень часто и

после каждого просыпания и вставания засыпал опять очень ненадолго.

Температуры с утра, слава богу, нет, самочувствие вроде нормальное. Отдал заявление на магазин. Теперь, до двух дня как минимум, единственная надежда – что приедет всё же сегодня Феликс, что его пустят; к сожалению, по прежнему опыту – вряд ли он попадет сюда ко мне раньше двух (когда кончается мусорской обед), а в пять уже погонят отсюда, т.к. пятница – короткий день, а он ездит почему-то только по пятницам. Жду и надеюсь.

16-38

То ли не пустили Феликса, то ли не смог приехать... :(Вот так, – готовишься-готовишься, ждешь-ждешь, записываешь вопросы, что тогда, в марте, что сейчас, – и вот... Действительно, как поленом по лицу! Столько всего хотел я у него узнать... Эх, суки!..

Магазин был. Но почти пустой, увы. Понятно, перед отпуском они не заказывают товар, завоза нет. Одна, правда, случилась маленькая победа, очень меня (в моей грусти по Феликсу) порадовавшая: все-таки вместо 2500, как тогда, в мае (остаток от лимита в 5000 р.), подписали 3500 р.! Подействовали-таки, значит, жалобы! 1000 р., за февраль, значит, согласно третьей части 88-й статьи их УИКа удалось мне тут истратить! Наконец-то, – и, как назло, именно тогда, когда нечего брать! Набрал семь больших пакетов какого-то печенья, десять батончиков «Марс», конфет, десять банок владимирских (!) шпрот, – это вместо латвийских и эстонских теперь их делают сами, на Владимирщине! :) Впрочем, это не первый уж год, в 2014 я их тут уже брал, – к счастью, теперь наконец-то эти владимирские лапотники научились делать банки с кольцом на крышке, чтобы открывать их без открывалки. Что ж, теперь следующий магазин только 25-го (!) августа, можно будет сразу на все 5000 р. отовариться. А до тех пор – три упаковки п/к колбасы еще осталось с того магазина (благодаря столовской рыбе и картошке), три больших батона с/к, присланных Феликсом, придется делить каждый на четыре части, плюс десять банок шпрот – и все равно три дня у меня пролетают, ужинов до 24 августа мне не хватит. Остается надеяться, что еще будет на обед или ужин картошка, а м.б. и килька (да ведь и гречки можно попросить добавки, она тоже идет в качестве ужина), и что баландера за этот предстоящий месяц не поменяют.

Вот такой облом сегодня!.. Тоска дикая, ужасная, невыносимая. Осталось мне 843 дня.

29.7.17., 5-32

Как отвратительно всё... Писать особо не о чем, но – как же отвратительно у меня на душе!.. Сама эта мысль – что человека, специально приехавшего

ко мне, могут просто не пустить, и ничего нельзя с этим сделать, и ничего нельзя даже узнать, – она буквально убивает, от этой мысли не хочется жить, такая охватывает безнадега ... Ничего нельзя сделать. Я неудачник, я давно это понял – и вот они, подтверждения на каждом шагу. А разве судьба моего длинного письма к Мане – не подтверждение этого же? Я был уверен, что он успеет получить его до 10 июля и отвезти в Киев. Но нет – вмешалась опять судьба, мое вечное невезение – и вот теперь я даже не знаю (а вчера как раз думал спросить у Феликса) судьбу этого письма, не знаю, понимает ли Феликс, что с ним надо делать – да и вообще, получил ли он в конце концов его, или нет! Будь проклята такая судьба и вся моя дурацкая жизнь!..

Теперь остается только ждать, приедут ли Глеб и Рома (или хоть один Рома) 31-го или хоть 1-го, – после обжалования моих ШИЗО еще за январь-март в Чусовском «суде» 31-го июля. Надежда на это, честно говоря, слабенькая, после всего уже произошедшего (всех обломов) – верится в это не очень. Невезение мое, как я знаю еще с юности, носит тотальный характер...

Принесли вчера – сразу после магазина – и газеты, три штуки. Принесшая их мразь – что-то вроде зам. или зав. воспитательным отделом – вдруг (впервые за всё время здесь) вздумала интересоваться, сколько у меня есть при себе книг, в том числе и в баулах. Заглянула через «кормушку» в камеру, увидела библиотечные книги, спросила и про них. Видимо, решили мне еще ужесточить и возможности держать тут книги, прижать и в этом. Слава богу, что свои личные книги я все, до последней, давно уже отдал ребятам, у меня тут их не осталось.

А в газете – сплошной юбилей старой карги «правозащитницы» Людмилы Алексеевой – 90 лет! Обсуждается какой-то якобы фейковый ролик на три секунды, появившийся в интернете, где пришедшему к ней Путину (!) она, эта старая мымра, целует руки. Она сама утверждает, что это фейк, Однако самый факт, что поздравлять ее приходил Путин – и она не побрезговала, приняла его! – похоже, никого не смущает. Как никого, кроме Новодворской, не смутил и букет цветов, принятый этой старой мымрой от Путина еще десять лет назад, в 2007-м, в президиуме Гражданского конгресса. И всё прочее, что десять лет она делала – принимала знаки внимания от Путина и его администрации (например, с приема в Кремле в декабре 2013 г. по поводу Дня прав человека (!) доехала на машине Володина в Сахарницу, чтобы продолжить отмечание там). Говоря грубым уголовным жаргоном, она просто старая путинская х...соска – и по-другому тут просто не скажешь! Старая мразь, по недоразумению до сих пор именуемая «правозащитницей» и позорящая это высокое звание!..

Прервали на завтрак, пока писал – и вот опять мини-сенсация! Кроме говнокаши, наконец-то впервые за месяц или больше дали ЧАЙ! Забывал написать, что все последние недели поили три раза в день этим розовым химическим «киселем», который я неизменно выливал; а в последние несколько дней стали давать весь день темный отвар типа «компот», раньше дававшийся, ясное дело, лишь на обед. Это я кое-как заставляю себя выпивать, и – о чудо! – в это варево наконец-то стали класть побольше сахара, вкус стал поприличнее! Теперь вот вернулся наконец чай. Хорошо бы еще вернуть наконец и белый хлеб, хотя бы на обед, – всё это время постоянно дают чернягу. Будь всё проклято, вся эта жизнь!.. Осталось мне 842 дня.

16-56

Господи, какая тоска на душе! Когда же это всё кончится?!.. Е...нутый этот баландер привез ужин аж в 25 или 27 минут пятого! Я же говорю, скоро он в три часа дня будет его привозить! (Зато в пять, вот сейчас, когда только начинать «кормить» должен, – он уже закончил, ушел на барак.) Всё время одно и то же, одно и то же. Опять тарелка картошки (с каким-то подобием мяса даже) дополнительно после обеда; опять чуть меньше полтарелки кильки в томате сейчас на ужин; опять я всё это смешиваю и съем после отбоя, и опять беспокоюсь, не испортились бы те две упаковки ларьковской колбасы, что у меня еще остались с 21-го (и чей срок годности 25-го, что ли, уже прошел, но обычно такая колбаса не портится после этого еще довольно долго).

Но какая же тоска на душе, господи! После жуткого здесь голода июня и первой половины июля, после сечки и перловки – вот наступил относительно сытый период, даже с добавками баланды, чего у меня за два срока никогда не было. И сразу, как только перестаешь тупо думать про брюхо, слегка хотя бы приходишь в себя – начинает мучить эта тоска, эта бессмыслица бытия, невозможность ничего изменить. Ублюдох этот – местный дневальный – вторую пятницу подряд обещал мне вчера «всё написать» (и положить в матрас, естественно), но – ничего, конечно, не написал, а на мои сегодняшние призывы к нему через дверь (утром и вот сейчас, только что) – упорно не подходит. Ни узнать про вчерашнее отсутствие Феликса, ни про возможный приезд ребят в понедельник-вторник – ничего я не могу. Читаю газеты – и только тошнее от того, что на воле идет жизнь, проходят чередой события, появляются на сцене новые персонажи, вот уже в политическую жизнь вошло поколение, родившееся тогда, когда я уже давно был весь в ней, с головой... а я всё сижу тут, кисну, и никому не интересен, и никто даже не упоминает обо мне. Вышел в тираж

раньше срока, когда и сил еще не так мало, и желаний... а вот возможностей уже нет. Как, представляю, тошно мне будет в Киеве весной 2020 года, если в конце 2019-го я всё же смогу выбраться туда, до весны хоть как-то устроиться, хоть немного оклематься... Тошно именно от того, что когда брюхо сыто и тело в тепле – обостряется душевная жажда, потребность в успехе, в самореализации, в признании, в смысле жизни (которого нет), хоть в каком-то подобии смысла... :(

30.7.17., 5-40

Наконец-то вчера вечером – хоть какие-то вести от этого местного демона дневального. Причем – мою записку, лежавшую там же, он вообще не заметил и, соответственно, моих просьб (связаться с Ромой и Феликсом) не выполнил. Видимо, вчера (или позавчера?) он говорил с матерью, т.к. пишет, что якобы Феликс только 28-го приехал из Киева. Естественно, выдумать сам про Киев он не мог. И пишет, что Феликс вроде как может приехать 31-го, – будет особенно прелестно, если это совпадет с приездом ребят из Екб! Про которых он, кстати, ничего не пишет. Но из его упоминаний, что к матери заходила Света, которая обещает при первой возможности приехать ко мне, и что, по словам матери, у меня часто боли голова, – ясно, что с матерью моей он все-таки говорил.

И еще пишет, что, мол, он попытается узнать, куда меня отправят, и что, по его мнению, скорее всего это будут Харпы. Не знаю уж, как он может это здесь узнать, – ведь, согласно их УИКу, на крытые тюрьмы распределяет Москва, так что даже здешнее начальство вряд ли будет это знать. А Харпы – вот уж АД так АД, действительно! – но я никогда не слышал, чтобы там была крытая тюрьма. Там знаменитая «Полярная сова», зона для п/ж, – но, впрочем, всё меняется каждый день, м.б., теперь там и тюрьма. Не помню даже точно, где эти Харпы, где-то на Севере, – Ямало-Ненецкий округ, кажется; даже область, в которой этот округ, не помню. В общем, не дай бог! – и я очень надеюсь, что ни на какие Харпы я все же не попаду (хотя этот источник информации и пишет мне, что, мол, «там не плохо, просто всё по режиму» и что он там провел не один год, – но, думаю, всё же не на крытой тюрьме. Рома-то всё надеется, что меня во Владимирский централ отправят, куда им с Глебом будет удобно ездить ко мне через Москву...

Сейчас – воскресенье – опять жду баню, опять непонятно, будет она или нет. Перед подъемом сейчас было слышно, как молоденький вертухай, приходящий на подъемы именно в эту (колобковскую) смену, спрашивает у старших: мол, забирать у него матрас, у него же не б/м? И после этого сразу отпирает мою дверь. Я-то сперва думал, м.б., он о ком-то в «двойке» говорит, – но нет, обо мне. То бишь, статус мой тут изменился, когда было ПКТ – он

не спрашивал, забирать матрас или нет. Изменился статус – значит, изменился и банный день; но за всю прошедшую неделю, с прошлого воскресенья, в баню не водили ни разу, и не говорят, суки, ничего. В какой-то из дней стучали по коридору каблучки (в четверг, что ли?) – значит, приходила эта психолог, мадам Петухова (а м.б., какая-нибудь другая), но меня выдернуть не изволила, я бы хоть у нее мог что-то спросить. Не говорят ничего, суки, а мне смертельно противно у них вообще что-то спрашивать (тем паче, сегодня в 11 заступит мразь Стекольщик).

15-37

Ни в какую баню, конечно, не ведут – и, видимо, уже не поведут. Водить вообще начали только после шмона, но сейчас уже довольно давно опять не водят, – видимо, весь ПК помылся. А я, значит, уже не ПКТ... Надо бы постучать, спросить, но мне омерзительна даже сама мысль об этом, а не то что их хамские безразличные голоса за дверью, их вечные крики издали: «КТО???!», «КАКАЯ???!» – так они выясняют, какая камера их зовет. Черт с ней, с баней, не уголь я здесь разгружаю, не так уж сильно испачкался за неделю, потерплю! Еще будет некуда деваться от этих бань на этапах, добровольно-принудительных, когда торопят – и негде потом сушить полотенца...

31.7.17., 6-05

Поразительно, но в баню вчера всё же повели! Мразь Стекольщик явился лично без пяти минут семь, примерно. Значит, я всё еще числюсь за ПКТ, с 2015 года оставшимся, хотя оно закончилось самое позднее 20-го июля. И – теперь я не сомневаюсь, что в среду эта же смена обо мне просто забыла, потому и не повела в баню. Они и вчера явно забыли, у них еще днем все помылись, дверь бани перестала бухать, – но около семи вечера каким-то чудом они обо мне всё же вспомнили. Вот и вся разгадка моих переживаний о бане.

В отбой вчера – еще порция новостей из того же нелегального источника, что и накануне. Мать, оказывается, звонила ему дважды – позавчера и вчера, – и вчера сообщила, что Феликс уже точно приедет 4-го августа (опять пятница!), она ему уже выделила на это деньги. Что ж, очень хорошо, ждем-с! :) А вот Роме он не дозвонился – пишет, что тот не брал трубку. Очень жаль, что не удалось узнать, приедут ли ребята сегодня или хотя бы завтра. Мне теперь кажется – вряд ли.

Еще важное, что сообщает этот агент :) что, мол, меня увезут отсюда только дней за пять до этапа! Это очень важно, т.к. от этого сильно зависит вопрос, просить ли в октябре везти мне сюда очередную передачу, успею ли я до этапа ее съесть, т.к. физически не в силах буду увезти ее с собой. Мразь Чертанов объяснял Роме в июле так, что после апелляции меня вывезут на

СИЗО-1 в Пермь – там ждать распределения на тюрьму (приходящего из Москвы, т.е. – не меньше месяца ожидания). А этот пишет, что вроде как этот месяц ожидания я проведу ЗДЕСЬ, а в Пермь меня вывезут, уже когда распределение из Москвы будет получено. Это очень хорошо, просто отлично – если б только на эти сведения можно было бы на 100% положиться! Но я все-таки очень боюсь попасть впросак, доверившись такому источнику полностью. Хотя – он поразил меня тем, что тем сроком сам провел два года на крытой в Харпах! Глядя на него, такого примерного, усердно выполняющего тут весь «режим», в это невозможно поверить, – впрочем, как и глядя на мои ПКТ, ЕПКТ и крытый режим сейчас, едва ли поверишь, что тем сроком я был на облегченном режиме... Статья у него оказалась 327-я – по-моему, это подделка документов. Интеллигентный уголовник, короче, который со мной говорит и пишет вполне прилично, а с некоторыми здешними сидельцами, стараясь, должно быть, выглядеть внушительнее, разговаривает сплошным матом... И еще он написал – на мой вопрос – что до Харпов их везли трое суток этапом, нигде не выгружая. Это тоже отличная новость!

Сегодня «суд» по обжалованию моих ШИЗО в 10-30, но я на него (на ВКС) не пойду.

АВГУСТ 2017

1.8.17., 7-30

Никто, разумеется, вчера не приехал, зато – принесли после обеда письма. Одно от матери, два – от Майсурия (в одном – коротенькое письмо от Горильской), четыре – от Землинского, а еще одно – от Ларисы Володимеровой из Голландии. Шлет она мне очередные две открытки, которые мне абсолютно не нужны, и пишет, что, мол, из ПЕН-клуб, очень влиятельная у них организация, занимается мной, «делает, что может». Это значит, разумеется, что не может он ничего; по крайней мере, ни о каких результатах его деятельности по мне (еще с весны!) Лариса не пишет. Землинский в одном из писем поздравляет с номинированием на премию имени Сахарова («За журналистику как поступок») – значит, номинирование все-таки состоялось. Корб, который должен был бы как координатор КЗС «официально» мне об этом сообщить, не пишет, между тем, с марта. Мать в коротком и достаточно пустом письме пишет, кроме прочего, какой-то бред: мол, ее деньги все теперь у Феликса, но об этом не знает ни Феликс (!), ни Крюков, который еще в июне писал мне: мол, с деньгами этими улажено, Феликс мне всё расскажет. Увидеть бы его еще, ага... Завтра уже три месяца, как виделись последний раз, на короткой свиданке. Хоть бы и впрямь приехал пятого... Мать пишет, что в Киев он ездил 21-го, вернулся, как я теперь узнал, 28-го, – м.б., всё же успел получить в Москве и отвезти туда мое длинное письмо Мане?..

Ответил Майсуриану и Землинскому вчера еще, почти до самого отбоя писал. При этом стало мне так плохо, так невероятно устал, как никогда еще со мной не бывало. Вынужден был, когда дали матрас, сперва лечь, полежать немного, а уж потом встать для ужина (паршивой картошкой, набранной с обеда; а вместо кильки на ужин вчера дали вечером ВТОРОЙ раз за день «уху» из этой кильки, т.к. сначала ее давали на первое в обед). Никогда мне от писания писем не становилось так плохо, тревожный симптом, – но, кроме как сдохнуть и не ехать ни в какую крытку, я ничего не хочу. Уже август, время бежит неумолимо – и не к освобождению, а к АДУ, увы. Сейчас, как встал, написал ответы матери и Володимеровой, как раз в завтрак их отдал, – а завтрак почему-то привезли только в полседьмого, почти что по старому расписанию! Башка с подъема не болела, но сел за письма – начала опять, – похоже, это надолго. :((Есть 1% вероятности, что вдруг сегодня таки приедут ребята, после вчерашнего «суда» (приходили аж три раза, то просто так, то с регистратором, как я и думал, а третий раз, Стекольщик и какая-то старая нечисть с испитой харей вместе с ним совали

мне чистый лист – написать письменный отказ, якобы «для суда». Я отказался, естественно. А когда зэки, в ШИЗО сидящие, у них просят листок, чтобы написать заявление, – эти мрази неизменно отвечают, что у них листков нет, приносите, мол, свои!). 1% вероятности – но они не приедут, конечно...

17-50

Нет, не приехали ребята. Второй раз в течение месяца обломали меня (первый был 11 июля)... Что ж, остается ждать Феликса в пятницу, 4-го числа. Даст бог, хоть он не обманет, приедет. Хотя – лучше было бы мне сдохнуть еще до этой пятницы и не видеть этого ничего, не ждать ни этого АДА в крытой, ни последующей никчемной своей судьбы... Тоска дикая, мучительная, неотступная, убийственная тупая тоска... И не о чем мне писать – не о чем, кроме этой тоски, и о ней только и предстоит писать мне тут все эти оставшиеся два-три месяца, пока еще есть возможность вести дневник...

Поразительно, но вот уже два дня ВСЯ баланда за день – съедобна (кроме черняги, естественно)! А еще так недавно я голодал... Кормежка весь день сегодня – попозже, чем еще недавно была, этих рекордов с ужинами в полпятого, смотрю, больше нет. (Собственно, ужин и вчера был в седьмом часу вечера, пока я писал письма, но это, м.б., потому, что вчера-то были «крестины»). Привозит тот же баландер, но минут на 20 попозже положенного часа, 11 дня или 5 вечера, скажем. С чего бы это? Не иначе, ему высказали недовольство этой ранней кормежкой. Кто? Кроме блатных, по-моему, некому. Вертухаям-то это всё равно.

Еще любопытнее другое. Картошку в обед я не стал брать у него вторую порцию на вечер, – надо все-таки доесть последнюю ларьковскую колбасу, а то испортится. (Да и поднадоела уже эта картошка.) А вот кильку сейчас, в ужин, спросил, – ее можно есть и вместе (после) с колбасой, да и особо много ее не бывает. И вдруг – баландер этот очкастый мне говорит, что, мол, нет, не осталось – и захлопывает «кормушку»! Абсолютно не могу поверить, что все эти дни оставалось, а сегодня вдруг – нет. Похоже, перо мои добавочные порции ему тоже кто-то высказал недовольство. (Но уж это-то явно вертухаи или начальство еще повыше.) Что ж, завтра проверим, – спрошу и картошку в обед, и кильку в ужин. Про картошку он мне сам вчера сказал, что ее остается много, т.к. никто почему-то не берет (а картошка вполне приличная, хоть и сушеная, – уж всяко лучше, чем была в Буреполоме!). Если завтра и картошки вдруг «не останется» – всё будет ясно без слов...

Крутая, отрадная новость сейчас по радио: днем была вдруг перестрелка (!) в Московском областном «суде»! Пострадал кто-то из «пёсгвардии». Не

разберешь это бормотание по радио, да еще в коридоре постоянно галдят и шмякают с лязгом дверями, но – по логике – похоже, что кто-то попытался отбить заключенных! Наконец-то! Хотя кто-то нашелся решительный и не трусливый!!! Пусть даже это бандиты (разобрал по радио, что сегодня там слушалось дело какой-то банды). Пусть даже бандиты, – уж всяко они не хуже бандитов в камуфляже и при погонах!

Тоска, тоска, тоска...

2.8.17., 12-47

Воды опять нет – второй раз, как и позавчера, выключают ее днем, то ли ремонт какой-то, то ли профилактика. В предвидении этого и в баню (дальнюю) повели сегодня рано, еще и семи утра не было. По-прежнему в баню меня водят по ПКТ-шному графику, – м.б., взяли, да и выписали новое ПКТ, и ничего мне даже не сказали? Гондон баландер опять привозит баланду до положенного часа – завтрак на 15 минут раньше, обед на 10, так что, видимо, мои вчерашние заключения насчет него оказались ошибочны. Мадам Петухова, местный психолог, так и не появляется вторую неделю, – видимо, ушла в отпуск.

Вечером вчера – еще одно расстройство. С чего-то надумал я вдруг проверить, в каком состоянии те три присланных Феликсом батона колбасы, – и точно! Как и в тот раз, в апреле, когда была передача у одного батона на вакуумной упаковке оказался небольшой надрез – и внутри уже плесень! Немного, к счастью. Но – ума не приложу, как и почему лопаются эти толстые полиэтиленовые упаковки, как это с ними происходит. Небольшой надрез, как будто ножом сделанный... Теперь придется съесть срочно этот батон, вместо четырех частей разделить, дай бог, на три... В сущности, при этом никакого дополнительного ужина и не нужно, но – добавку кильки я все-таки спрошу, если кильку дадут на ужин. Проверю, кончилась уже лафа с добавками, или еще нет.

17-10

Демон этот очкастый опять приволок ужин в 35 минут пятого! Но зато немного кильки все же я с него получил – значит, оба мои вывода вчера оказались ложными: и про время трапез и про запрет добавок для меня (почаще бы так ошибаться!).

На душе тоска, черным-черно. Упекли, суки, закатали!.. Осталось мне 838 дней.

3.8.17., 5-35

Полетели, полетели денечки, один за другим, как осенние листья с дерева... Не до освобождения денечки, нет – до этапа в АД, и это-то самое страшное. Их не остановить; и думать об этом так же тошно и страшно, как

утром, лежа перед подъемом – о том, что весь день, 16 часов, нельзя будет лечь... Вот уже и август распечатан сегодня уже третье число... Он пролетит незаметно, утечет, как вода сквозь пальцы; там еще сентябрь, а потом – всё, кончилось моё времечко! Кончилось... Досидеть здесь до 18 ноября, разменять два года – становится мечтой, такой же, как в январе было – разменять здесь 1000 дней. Но тогда помогли обстоятельства, а сейчас – мечта, увы, явно несбыточна... Освобождение если и не отменяется вовсе, то – заслоняется, вытесняется всей этой грядущей жутью: неподъемными баулами, шмонами, решеткой «столыпина», сечкой с чернягой (когда уже нет никакой своей еды) и обществом уголовников, от которого за два года я порядком отвык...

Грядет такая жуть, что страшно, невыносимо, мучительно и тоскливо даже думать о ней, особенно лежа в ожидании подъема. И – главное – ради чего всё это? Ради чего?! Иногда мне в голову приходят наивные мысли: всё не так плохо, я буду бороться (на воле, разумеется), кое-какие плюсы, кое-какая известность всё же у меня есть; плюс, конечно, биография. Назавтра с утра я сам смеюсь над этими вчерашними вечерними (как правило) мыслями. Да, конечно, биография и прочие плюсы позволяют мне что-то предпринимать в политическом смысле, обращаться к разным известным людям, – словом, делать ПОПЫТКИ. Но – они будут проваливаться раз за разом, а люди не будут откликаться на мои обращения. Я неудачник, и никакого будущего у меня нет. Осталось мне 837 дней.

4.8.17., 18-22

Ну суки! Ну мразь!.. Просто негде пробу ставить!.. Феликс приехал – и они посадили его за стекло, на короткую свиданку со мной, а не в кабинет, как раньше !!! И, по его словам, мразь Баяндин заявил ему, что, мол, вообще надо было бы отказать, – памятуя тот мартовский случай с забытым в сумке телефоном. Феликс перед самой этой свиданкой со мной позвонил Глебу – и тот ему, как я понял, сказал, что это все-таки лучше, чем если откажут совсем, и Феликс согласился на этот «аквариум». Надеюсь, что это хотя бы не будет засчитано мне как очередная короткая свиданка раз в полгода, так что 2 ноября, если я еще буду здесь, они смогут с Верой приехать.

Планы мои, таким образом, все пошли кувыркком, всё, что я готовил – насмарку. Посидели, поговорили. Мне он тогда сказал, что едет в Киев 10-го июля – а на самом деле поехал только 21-го, про 10-е не помнит вообще, чтобы мне что-то говорил. Моё письмо Мане взять не успел, оно пришло позже; поедет сейчас 15 (или около того) августа – обещает захватить. Больше и новостей-то никаких хороших мне не привез оттуда, говорил очень коротко с Крюковым и Агафоновым (вроде сказали, что Корчинский

наконец-то написал коротенькое предисловие к моему украинскому сборнику, – зачем было его просить, когда уже была его шикарная речь 10 апреля, непонятно!), потом основное время был в каком-то их буддийском монастыре в Карпатах; если я смогу попасть в Украину, зовет меня там погостить. Я, разумеется, приеду с огромным удовольствием, если в Украине окажусь. Глеб сказал, что они с Ромой, оказывается, были так заняты, что 31 июля и не ездили на этот «суд» по обжалованию моих ШИЗО! Офигеть! А я-то думал, почему не заехали ко мне... И вроде бы, по словам Глеба, в августе они уже не приедут, сам он сегодня уезжает опять на месяц на заработки, а приедут только в сентябре! Я очень просил Феликса как-то пробить, чтобы на 24-е приехала Света, – надеюсь, мать ее тоже будет сподвигать к тому же; ну и – сошлись мы на мысли, что, м.б., если по доверенности приедет Вера, не скомпрометированная нахождением в ее сумке телефона, то ее посадят не за стекло, а в кабинет, – всё дело только в деньгах ей на дорогу; 5 тысяч в одну сторону самолетом, да 3,5 на такси – в сумме выходит 17 тысяч. Я сказал, пусть Феликс тратит на это те деньги, что отдала ему мать (доллары и евро, бывшие у нее дома наличными, а с ее вкладами в сбербанк ситуация так и остается нерешенной). Остается надеяться, что Вера таки сподобится приехать и ее пустят.

Я страшно благодарен Феликсу, что он приехал; но все-таки – этого мало. Только травить душу – разговаривать через два стекла, и неизбежно разговор съезжает на то, как вышло, что жизнь пришла ни к чему, к пустоте, к полному отсутствию перспектив на воле и мотивации за эту волю бороться... Ни о чем другом, собственно, я не могу давно уже ни говорить, ни думать.

На свиданку эту, кстати, набилось необычно много народу. Когда меня привели, сидел там уже один – оказалось, ЕПКТ-шник из 16-й; узнал меня по фотке, висящей на моей двери наклеенной на карточку, и спросил, «миновала ли угроза крытки». Очень удивился, когда я сказал, что как раз наоборот, – но, во всяком случае, не общаюсь с ними вообще – а они все эти подробности знают! Сказал – на мой вопрос – что у них там, в их конце коридора, и шестиместные камеры есть; сам, сказал, родом с Пермского края, хотя сам явный кавказец, имя соответствующее. Спросил, есть ли у меня новые ПВР, что, мол, в них нового. Я ответил про чай/кофе и про часы. Он сообщил, что по поводу чай и кофе ГУФСИН запросил (уж не помню, у кого) разъяснений, – типа, им мало, что в ПВР нет прежнего запрета, т.е. по факту чай и кофе разрешены, им надо, чтобы им еще раз разжевали, что можно, можно чай и кофе в ЕПКТ! – а про часы, он сказал, политика их прежняя: можешь их иметь в каптерке в бауле, а в камере – нет! То бишь, не

зря я, прочитав статью Олега Навального в «New Times» еще зимой, решил не менять привычный порядок обращения с часами, зная нравы этой камуфляжной нечисти.

Утром сегодня был яркий эпизод. Судя по грохоту бачков, заносимых в здание и ставимых на пол, обед сегодня привезли в четверть 11-го! И – видимо, баландер хотел тотчас ехать «кормить», потому что – Стекольщик, судя по голосу – ему объяснял раздраженно, что «время десять часов», а обед – в 11-30! То бишь, это не блатные, значит, а вертухаи тут могут затормозить этого очкастого торопыгу! Но всё равно не в 11-30, а сразу же в 11 они поехали-таки «кормить».

Порадовал еще Феликс хотя бы тем, что все три моих видеointервью, взятые у меня Глебом и Ромой, в том числе и последнее – комментарий к перережиму, взятый Ромой в его последний приезд – были вывешены на «Гранях». Хоть кто-то их там увидит.

То бишь, теперь полная неопределенность. То ли 24-го ждать, чтобы кого-то увидеть, то ли уж сразу сентября (но какого именно числа сентября?!). Тоска и безнадега...

5.8.17., 17-56

Килька, похоже, кончилась. :((На ужин опять рыбная котлета (полностью горелая с одной стороны). Лишней для меня, разумеется, не нашлось: кладут, мол, по счету (хотя один-то раз, к моему изумлению, нашлась!). Плохо, очень плохо... Сушеная картошка эта всё более черная, гниет прямо на глазах; да и – холодная она какая-то противная, не хочу я ее второй раз в день есть, хватит и одного...

Демон этот – дневальный – вчера вечером сам подошел к моей двери, открыл «глазок» (видимо, рядом никого не было) – хотел узнать, виделся ли я с Феликсом, видимо. Говорил со мной довольно долго. Врал (!), что еще «не всем» позвонил о смене своего номера из тех, кому я просил позвонить позавчера. Ясное дело, что не звонил никому, кроме, м.б, моей матери, о номере которой меня и спрашивал (откуда я и узнал, что у него сменился номер). Феликс, по крайней мере, мне сказал, что ему никто не звонил. Кроме того, сообщил мне еще раз этот демон, что магазин закрыт на три недели – и вдруг предложил воспользоваться услугами имеющегося в лагере барыги! То бишь, а лагере-то это легко и просто: берешь у него список товара и цены, выбираешь, звонишь домой, сумму за товар просишь положить на его телефон – и он тебе отдает товар. Но здесь-то кто будет звонить? Разве что дневальный этот – и абсолютно непонятно, насколько легально я буду хоть отдавать ему список выбранного (тоже в подушку, что ли, совать?) и насколько легально баландер, как он сказал, потом отдаст мне

купленное. Просто не представляю себе, чтобы вертухаи вот так просто это допустили и не воспротивились! Хотя когда тут при всех по дверям камер ШИЗО пакеты с сигаретами и чаем раскладывал тот же баландер, они на это, запрещенное по их ПВР, дело смотрели абсолютно спокойно и не мешали. Но всё равно – пока нет веских подтверждений, всю эту идею с барыгой я считаю пустым трепом.

6.8.17., 6-08

Подняли сегодня РОВНО в пять утра, – абсолютный рекорд за весь срок! С меня начали, как у них теперь обычно, подъем. Чудовищные 16 часов бессмысленного сидения и мотания туда-сюда по камере...

На завтрак – гречка «на молоке». Каком-то полусладком на вкус, как они теперь варят все эти «молочные» каши по утрам. Гадость ужасная, особенно когда это – гречка. (Хотя и пшенка с этим сладковатым вкусом – тоже противно.)

Очередное, как теперь каждое воскресенье (и каждую среду тоже) ожидание бани, да плюс сегодня еще со стиркой и бритьем, в неведении, будет она вообще или нет.

Собственно, теперь я уже жду только этапа. Этапа в АД, на крытую тюрьму. Апелляции не жду совершенно, даже не думаю о ней, – это пустая формальность. До этапа же, по моим прикидкам, осталось меньше трех месяцев. Максимум – начало ноября. Едва ли мне дадут разменять здесь два года... На сегодня осталось 834 дня до конца срока.

Единственное приятное событие, которое (заочно) предстоит мне в близком будущем – это совсем скоро, в середине августа, когда Феликс в Киеве, я надеюсь, найдет время и лично (как я его просил позавчера при встрече) вручит Мане мое длинное письмо к ней. Приятно, что хоть вручит; немного жаль, что ответа всё равно не будет...

10-52

В баню погнали в полвосьмого, – как раз всё успел до девяти, до шмонного часа. Кончился баллон пены для бритья, начатый здесь же, в этой проклятой зоне, в августе 2014 г. в карантине, когда привезли первый раз.

Е...нутый этот старый баландер привез обед ровно в пол-одиннадцатого! Всё раньше и раньше!.. Ни одной лишней минуты не хочет эта мразь тут задерживаться: как только привезли бачки с баландой – отбарабанил своё и свалил! Да и – явно наметился опять поворот к голоду, мало-мальски съедобное питание не продержалось и месяца. Килька уже явно кончилась; остались только сушеные овощи, видимо. На второе сегодня – отвратительная перловая размазня с добавлением сушеной морковки. Естественно, я смыл это дерьмо в «дальняк» и сижу опять, как и месяц

назад, на одном супе вместо обеда. В качестве бонуса дали кусок свежего огурца (оставлю на свой ужин после отбоя, кусочки можно класть сверху на бутерброды с колбасой). Да еще – опять появился Этот химический крашенный говнокисель, которого пару недель (после трех раз в день) вроде не было вообще. То бишь – опять начинается голод, причем как раз тогда, когда и магазина нет...

Делать нечего, читать неохота. Тосковать, сходить с ума, проклинать весь мир, ждать этапа...

7.8.17., 12-15

Около 11-ти выдернула-таки мадам Петухова, местный казенный «психолог». Я угадал, что она в отпуске – но, по ее словам, пока ей дали только две недели из положенных четырех. Мразь Безукладников, который неизменно торчит около нее в кабинете, когда туда выдергивают меня, спросил ее, сколько времени ей надо (на меня), – она ответила: минут 20. Всё те же пустые вопросы: как здоровье, как настроение, как мать, общаюсь ли я с ней, хожу ли на прогулки и почему нет, и т.д...

Другой долговязый гондон – баландер – обед в этот раз подал по расписанию, в 11-30. Видимо, это потому, что мразь Безукладников здесь, – другого объяснения после вчерашних 10-30 я не вижу. Полтарелки супа налить – это как обычно, это для него норма. Но и второго – сухой этой, получерной, полугнилой уже картошки с маленьким кусочком мяса и требухой – он положил буквально на доньшке тарелки, совсем мало! Вот сука!.. И это, я уверен, не то что специально, из нерасположения ко мне, а просто – ему плевать, ем ли я вообще и сколько я ем. О чем угодно думает, накладывая баланду, только не об этом. Слава богу, последние дни начали опять вместо тотальной черняги давать серый хлеб, и даже не только на обед. Съел по старой памяти, после большого перерыва, корку от этой серой горбушки с майонезом.

Видимо, будут, как обычно по понедельникам, «крестины». В камере опять холодно, надо снова поддевать тепляк. Мадам Петухова, кстати, говорит, что холодает и на улице. Кстати, всё забываю написать: как стало теплее в июле в камере (а значит, и на улице) – исчезли мыши! Перестали появляться, давно уже их не видно. По-моему, так же было и в то лето: видимо, как теплеет на улице – они идут промышлять туда, а не в камеры. :) Но если на улице опять холодает – значит, скоро появятся... Осталось мне 833 дня.

Забыл, кстати, еще: писем сегодня нет уже ровно неделю. Долговязая мразь Безукладников их опять не принесла. Хотя сейчас их приходит мне явно меньше, чем раньше. :(((

8.8.17., 15-53

Как удачно я сделал, что не пошел тогда, 31-го июля, на «суд» по обжалованию моих ШИЗО!.. Сегодня приволокли и вручили наконец – сперва решение этого «суда» (выдерживали после обеда к мрази Безукладникову в «дежурку»), а чуть позже и о переводе на тюремный режим (принес завхоз в «кормушку»).

Так вот: 31-го, оказалось, не приехали ни Глеб, ни даже Рома (о чем я уже знал от Феликса), но зато был их («мусоров») представитель, а в качестве свидетеля допрашивали мразь Чертанова! :) Устроили там, короче, междусобойчик (и в отмене ШИЗО, естественно, отказали); так что слава богу, что я не унизился даже до молчаливого присутствия на нем, не говоря уж об участии!..

Одновременно – дали подписать бумажку, что моя жалоба на неотчет по заявлениям на магазин в июле таки отправлена, – я как раз недавно вспоминал ее и думал, что, видимо, ее похоронили уже; ан нет! Но еще поразительнее – что завхоз принес и ответ этого кизеловского прокурора Мусабинова на мою еще майскую жалобу, когда мне в магазине не дали потратить лишнюю 1000 р., плюс – всё то, что я устно излагал ему потом здесь, в кабинете, после его обхода в июне. И что же? Не конкретизируя, о чем именно речь, он пишет, что при проверке нарушения «уголовно-исполнительного законодательства» таки были найдены! И что начальнику ИК-10 было направлено представление об их устранении, а больше, мол, никаких мер и не требуется! То бишь – не смогли выкрутиться, суки, вынуждены были признать, что запрет тратить положенные по их же УИКу лишние деньги – это грубое нарушение! Недаром же в последний магазин мне всё же дали наконец потратить эту несчастную февральскую тысячу, – «представление», видать, подействовало. Уж того, что этот Мусабинов найдет нарушение в том, как они грубо фабриковали мне тут – прямо с доставкой на дом, в камеру – «нарушения» их режима, ни за что давали ШИЗО/ПКТ/ЕПКТ и пять раз пытались спровадить на крытую тюрьму, я и не ждал.

Кроме того – от чего ушли меньше месяца назад, к тому и пришли опять: на обед – «уха» из вонючей селедки и жидкая гречка. То бишь, опять тарелка жидкой гречки – всё питание... Правда, на завтрак дали пшенку – это воспринималось как чудо, ей-богу! Будет ли, интересно, съедобен близящийся ужин?.. :)

Сутки (кроме ночи) ушли на чтение газет, четыре штуки принесли вчера около четырех, во время или сразу после «крестин» (как обычно бывает. Зацепило там лишь одно: совместное обращение матерей Клыха,

посаженного в России на 20 лет якобы воевавшего в Чечне бывшего УНСО-вца, и Агеева, русского оккупанта-контрактника, недавно взятого украинцами в плен. Омерзительно это вечное стремление паршивой этой «Новой» газетенки к дружбе и примирению всех со всеми, при котором и жертву политического террора ничего не стоит поставить на одну доску с бандитом и оккупантом, представителем той же Системы, что посадила ни за что на 20 лет Клыха, и матерей их объединить в одно, причем обе они по умолчанию обращаются – спасти их сыновей – к Путину. Что Путин сделать, чтобы спасти Агеева из украинского плена? Надо было Агеева просто в Украину в качестве оккупанта и захватчика не посылать – но об этом говорить уже поздно. А что же он теперь реально может сделать? Только еще больше усилить агрессию против Украины, чтобы силой отбить и вытащить оттуда своего Агеева, – ничего иного из омерзительной «миротворческой» и «мир-дружба-жвачка» логики новогазетчиков не вытекает. Только крайне тяжелым и угнетенным психологическим состоянием матери Клыха можно объяснить то, что она согласилась в этом нелепом обращении участвовать. А состояние ее, кроме прочего, объясняется, видимо, и тем, что, по ее словам, она уже полгода ничего не знает о сыне кроме того, что он находится... в Верхнеуральской тюрьме!

Конечно, даже если я сам именно в Верхнеуральск и попаду, шансы встретить там Клыха у меня исчезающе мизерные. Видимо, ему тюрьма назначена по приговору «суда», а не как мне, за «злостные нарушения», так что держать будут в любом случае отдельно ту и другую категории.

9.8.17., 17-24

Повезло: в баню утром повели меня первого, в полседьмого! (И после большой тарелки пшенки на завтрак, – везение вдвойне! :)). Говорили, что опять отключат воду, торопили меня, а потом и других, но воду так и не отключили.

Больше, увы, везений не было. Писем нет вот уже девять дней – несмотря на вчерашнее обещание мрази Безукладникова. «Связной» мой – демон этот, местный дневальный – во вчерашней записке написал, что, мол, отовариться тут у «барыги», находящегося в лагере, – плевое дело; однако – не видно никаких признаков того, чтобы он сделал для этого хоть что-то практическое. Продолжаю пока считать эту возможность пустым трепом.

День был весь «съедобный» – ел всю баланду, кроме хлеба. Зачем-то разобрало меня сейчас, в ужин, съесть даже жареную рыбу, которую я перестал тут есть с апрельской передачи 2016 г., почти полтора года уже! На вкус-то она хороша, но – кости, кости!.. Слава богу, обнаружил, что это уже не та отвратительная рыба с миллионом костей, что давалась еще с

прошлого года, а что-то попримечнее. И – еще более слава богу! – ни одна кость во время этого опасного эксперимента мне в рот не попала.

10.8.17., 5-30

Разумеется, это дневальное говно не написало мне вчера ни строчки, не ответило ни на один мой вопрос. «Отовариться у барыги», ха-ха!.. Смешно и думать об этом. В этой проклятой стране даже с деньгами ничего нельзя купить, это одно из ее базовых, имманентных свойств. Принял жесткое решение (вчера же, перед сном): не обращаться больше ни с чем к этой мрази, не стучать и не звать ее. До 25-го, единственной в этом месяце пятницы, когда возможен будет официальный магазин, он мне не нужен; чем получать каждый раз эти несбыточные пустые обещания – лучше молчать! Кончится вся жратва – буду последние дня перед 25-и есть на ужины хлеб с майонезом, как я и рассчитывал изначально. Если мать дозвонится ему, сообщит что-то важное (м.б., про приезд Светы 24-го) – пусть пишет сам, а я больше ни о чем спрашивать это говно, заботящееся тут обо всех и помогающее круглосуточно всем, кроме меня, не собираюсь. Хватит, попробовал очередных доверительных отношений с уголовником, выводы сделал, больше не хочу!..

В камере опять холодно. Тоска, делать нечего. Десятый день сегодня, как нет писем. Осталось мне 830 дней. Ненависть, лютая, смертельная ненависть к ним ко всем, которые упекли меня сюда и держат здесь, душит, не дает дышать, особенно по утрам, перед подъемом, – но сделать я им ничего не могу, увы... О, как я расстреливал бы их собственными руками, сжигал бы живьем, рубил топором на куски, привязывал к двум авто, чтобы разорвать пополам – если бы только началась здесь какая-нибудь гражданская война, или революция случилась, или любая заваруха, всё равно – и у меня был бы хотя бы свой отряд, своя вооруженная сила, чтобы не чувствовать себя слабее других... Убивать, убивать, убивать этих мразей, всех «силовиков» и носителей любых погон!.. Я мечтаю мочить их собственными руками, убивать их тысячами – но, боюсь, мечте моей не суждено сбыться... :(

17-56

Долговязая мразь Безукладников приходила – но писем так и не принесла! Десять дней так и нет писем, – хотя утром я втайне надеялся, что сегодня будут. От другой мразоты, обещавшей мне возможность «отовариться у барыги», тоже ни слуху ни духу – и ясно, что не будет и после отбоя. Целый день бегают, дергают ее постоянно то вертухай, то ээки, то с одним, то с другим, – ясное дело, что тут не до меня и моих проблем, не до данных мне зачем-то обещаний. Поганое трепло, которое обещает, но не

выполняет, – вот с кем я по глупости связался.

Ужин прошел (с опозданием минут на 40!) – и сейчас, видимо, будут «крестины». Кажется, баландер уже кому-то про них говорил; да и – «крестин» не было с понедельника, а нынче уже четверг, так что пора, пора!.. Чтоб вы все сдохли, мрази!..

Жуткий, безумно тоскливый, абсолютно пустой день, немного заполняемый время от времени лишь чтением какого-то дикого бреда из библиотеки. Ужасная тоска, протрация, иногда ощущение такое, что я схожу с ума... Ни о чем не могу думать, кроме того, что эти твари сломали, исковеркали всю мою жизнь – и теперь мне ничего уже не светит и на воле, надеяться не на что, да и жить, в сущности, уже незачем. Одиночество и тоска...

11.8.17., 5-33

Пятница. Магазины нет (отпуск). «Крестин» вчера так и не было, – видимо, будут сегодня. Если не принесут письма или хотя бы одну газетку (после «крестин», как обычно) – день будет еще более пустой и безумно тоскливый, чем вчера. Заняться абсолютно нечем. Библиотека только завтра; книг лежит куча, а почитать нечего. Только бродить туда-сюда до изнеможения, шесть шагов в одну сторону, шесть в другую, или отсиживать зад на табуретке... А денечки-то летят, летят, – вот уже ровно месяц прошел с решения «суда» о тюремном режиме. Летят дни не до воли, нет – до этапа, и об этом очень страшно думать, страшно даже представить себе, как проклятой, наконец наступившей этапной ночью я, взяв в обе руки баулы, выйду за все решетки – на проклятую лестницу, ведущую из ШИЗО во двор, и начну, как было в декабре 2014 уже, неуклюже (руки-то заняты!) спускаться по ней... Страшно до боли, до жути: ведь впереди – АД!..

Опять стало не жарко лежать с головой под одеялом, полностью им укутавшись, хотя еще несколько дней назад я не выдерживал этой духоты. Это значит, что в камере существенно похолодало. А на ужин мой сегодня – только шпроты.

Проклинаю весь этот мир и всю свою нелепую, дурацкую жизнь. 829 дней осталось.

12.8.17., 5-50

Вчера угадал всё точно: вечером были «крестины», после них принесли аж две газеты – а писем так и не было! Суки, мразь!.. 12-й день сегодня уже без писем.

На улице льет как из ведра, еще с ночи. Проснулся последний раз в три часа – и уже не мог заснуть. (Под одеялом с головой, кстати, опять стало жарко.) С тоской, с тоскливым ужасом в душе – лежал и в 100000-й раз

представлял себе, какой АД ждет на крытой, особенно – если посадят с уголовниками. Привезут зимой – и это будет как раз самый разгар сезона «проветриваний»! Эти мрази ведь любят в любой мороз открывать окна, им не холодно... Да еще, м.б. и «дорога» через окна будет действовать, тогда тем более – хоть ты простудись, заболей, хоть околеешь – им плевать, они будут тупо делать, что им надо!.. И некуда будет деваться... И – тоже в тысячный, наверное, раз представляю себе, что если в камере все будут мне ровесниками, а то и постарше – запросто могут положить на второй ярус, чего со мной не было еще НИ РАЗУ за два срока и десять лет заключения! А тут – положат на свободную, а свободен только верх, и все тоже больные, и уступать тебе низ никто не обязан, и как хочешь – так и выживай!.. Наверх-то тяжело будет лазить, а уж слезать вниз – еще тяжелее, почти невозможно, рискуя просто сорваться и грохнуться... Ужас от таких предчувствий ранним утром, перед подъемом – это самое тоскливое, самое страшное, что только может быть в жизни. Ожидание беды, которое хуже самой беды...

Забыл еще про вчера: ужин из-за «крестин» был в шесть часов – и на ужин дали опять кильку в томате! Единственная вчера хорошая новость. Так что ужинал я после отбоя этой килькой, добавочной ее порцией, – частью в виде бутербродов (обеденная пайка вчера была почти уже белая!), частью так. Шпроты пока что лежат в качестве н/з, благо могут лежать. А от мрази дневального так и нет никаких вестей – ни про «барыгу», ни из дома от матери, вообще ничего. Глухое молчание...

Оглядываясь назад, я поражаюсь этим совпадениям, выстраивающимся в сплошную цепь. Ожидание беды, тоскливый ужас предчувствий сопровождают меня практически всю мою жизнь. Отлично помню, как 30 (!) лет назад, в августе 1987-го, особенно к концу его – я ждал с ужасом 1-го сентября, необходимости опять идти в проклятую школу, к омерзительной, глумливой рабоче-крестьянской (но я тогда этого еще не понимал) лианозовской шпане. Это, надо сказать, было сильное испытание для 13-летнего подростка, – смертную эту тоску я хорошо помню. 30 лет прошло – и я опять так же, с теми же ощущениями, жду отправки уже в другое место – но опять к такой же отвратительной, глумящейся, античеловеческой мрази. Можно сказать – к тем же самым моим соученикам по лианозовской школе, но только выросшим, как вырос и я сам.

Да и в промежутке, собственно, было всё то же самое. В 90-е, после смерти бабушки еще в 1988-м, когда так же начались проблемы с сердцем и у матери – мой постоянный безотчетный страх и ожидание беды были, видимо, связаны со страхом именно за мать, с возможностью, что с ней случится что-то ужасное, что она тоже может умереть, как бабушка, от

инфаркта. Знать бы тогда, что страшное если и случится, то нескоро, лет через 20 только, или около того, – вот сейчас, когда ей стало совсем плохо, и то не от сердца, а – неожиданно – от легких, и что во всяком случае еще через 20 лет, в 2017-м, она будет жива... Я бы, м.б. не нервничал так тогда, м.б., картина мира представлялась бы мне более позитивной, но... прошлого не воротишь. Потом, в нулевые уже, после первого обыска у меня и других 13 февраля 2001 г., начался страх ареста, ныне реализовавшийся, причем даже дважды. Помню огромное облегчение, как будто камень с души упал, когда то, первое самое, дело закрыли, вернули мне компьютер и бумаги... Но уже вскоре, в 2002-м, стало ясно, что это ненадолго, что события всё нарастают и нарастают, обстановка всё усугубляется... В 2004-06 я вообще жил под международным розыском, тут уж и говорить нечего, – просто тупо ждал ареста, только не знал, что он будет сопровождаться падением с четвертого этажа и переломом позвоночника... Так что – «сейчас должно предписанное сбыться» – все эти ожидаемые ужасы, увы, сбываются, и даже зачастую еще страшнее, чем их ждешь. Я не знаю, что будет со мной на «крытке», знаю только, что это будет очень страшно – м.б., намного страшнее, чем я себе представляю тут уже почти год, не в силах под утро заснуть. И – главное – не знаю, для чего и ради чего всё это. Такими страданиями сопровождается ведь путь не к славе, не к бессмертию, не к каким-то сияющим вершинам, – а путь к смерти, забвению и небытию. Так зачем же страдать по дороге столько лет, если конец в любом случае ждет тот же? Зачем длить эти страдания?

Пока писал еще про 90-е – прервали завтраком. Опять та же говнокаша, второе утро уже подряд. Так что опять весь завтрак – полкружки водянистого пойла, завариваемого здесь под видом чая. Вот и всё. Всё предreshено заранее: что на завтрак будет дрянь, что увезут в Минусинск, что там придется лазить на второй ярус... Так для чего же мучиться еще годы и годы, страдать, ожидая неизбежной смерти как освобождения от всех страданий? Если б только у меня хватило наконец мужества!..

Сегодня – дочитывать вчерашние газеты, ждать после обеда библиотекаря (если его пустят сюда) – и тосковать, тосковать! Ждать нечего, жизнь кончена... Осталось мне 828 дней, но каждый раз, как чувствую радость от убывания этой цифры, я напоминаю себе, что и там, за сроком, никто и ничего хорошего меня не ждет...

13.8.17., 11-23

Воскресенье. Опять этот безумный старый баландер приволок обед без 20 минут 11. И опять на обед этот – вонючая «уха» из селедки (?). Вчера вообще, считай, был рыбный день: «уха» из кильки на обед (не шибко вкусно, но

съедобно), рыбная котлетка на ужин и банка шпрот на мой ужин после отбоя (плюс та самая котлетка, разрезанная на два бутерброда для сытности). Шпроты владимирские :) на вкус вроде ничего, но как ужин – легковаты, конечно, – хотя, надо признать, рыбешек там и больше, и они крупнее, чем в тех, что присылала мне Лена Маглеванная. Самое противное – что кислый, отвратный вкус хлеба ни рыба эта, ни масло заглушить полностью не в состоянии. Не знаю уж, кажется это мне, или и впрямь финские шпроты этот вкус заглушали совсем? Если не будет кильки на ужин (баландер сказал, что вроде какая-то «рыбная подливка» к каше грядет) – значит, придется опять есть шпроты, вторую банку уже из моего н/з.

В баню, слава богу, погнали минут 20, что ли, восьмого, – как раз в восемь вышел оттуда одеваться. Книг приличных вчера у библиотекаря не было, одно барахло, так что – читать, по сути, нечего всю неделю, хотя лежит целая стопка начатых книг...

Сегодня вроде настроение чуть-чуть получше, полегче, вчера оно весь день было совершенно ужасным. Хотя – реальность-то не меняется, как в виде грядущего этапа в АД, так и в виде отсутствия сколько-нибудь утешительных вестей с воли и перспектив там же после срока. Этим сроком стало окончательно ясно и очевидно, что всему, что я делал целую жизнь, особенно же упорно и сознательно с 1999 г. – грош цена. Ну писал тексты, ну кто-то их читал, на «КЦ» их даже тысячи человек в день читали. Однако вот посадили меня первый раз, второй – и никакой бури не поднялось, никакого катаклизма не произошло. Не все, мягко говоря, и заметили-то. И из тех, кто и заметил, далеко не все (а наоборот – маленькое меньшинство) согласились защищать. И вот написанную в камере-одиночке книжку, комплиментарную к Украине и резко отрицательную к России – в этой самой свободной Украине, жертве российской агрессии уже три года, не взял на реализацию ни один книжный магазин... Это всё – к вопросу о том, чего (и сколько) я стою на самом деле, каково мое реальное значение и влияние в этом мире. Целая жизнь ушла на борьбу – и вот итог... Негусто, м-да, более чем негусто... И беда в том, что силы-то еще кое-какие остались, и не так уж много для этой (за компьютером в основном) борьбы – 45 лет; и желаний еще хоть отбавляй (и не только политических, – седина в бороду, бес в ребро, хоть и не знаю, насколько уместно это в отношении человека, дожившего холостяком до 45 лет :) – а вот возможностей, судя по имеющейся картине интереса и поддержки – ноль! :(((Нет ни возможностей, ни интереса, что изумляет меня вот уже не первый год, ибо в совершенно аналогичных ситуациях с другими людьми, хоть до 1991 года,

хоть после, будь то Буковский в 1976, Григорьянц в 1987 или «Pussy Riot» в 2012-13 – поддержка и внимание были очень большими. Получить дулю там, где все и всегда, десятилетиями, гарантированно получают роскошные (и заслуженные, конечно же) призы – это, видимо, и значит быть неудачником?

14.8.17., 12-06

Опять всё то же самое: длинная мразь Безукладников явилась, гавкала что-то в коридоре под всеобщую беготню и суету – но писем опять нет! Ровно две недели уже... Перед обедом что-то вроде зашуршало в коридоре, – думал, кладут письма, как обычно, на ручку двери снаружи, чтобы отдать в обед. Но – обед прошел, а писем так и нет. Показалось, значит. :((

На завтрак вдруг, непонятно с чего, дали маленький кусочек сливочного масла. Обычно-то его дают только диетчикам, так что за два срока это для меня впервые. Съел его, кое-как намазав на два бутерброда (еле-еле хватило). Но на вкус это маргарин, а не масло, – смешно думать, что зэкам дату настоящее масло, если можно дать маргарин...

Тоска, безнадега, полная внутренняя опустошенность. 826 дней, ровно 118 недель осталось...

18-20

На ужин – «уха» из кильки в томате. Пара крохотных кусочков самой кильки, чуть-чуть сухой картошки, горсть крупы, много воды. То бишь – это значит остаться без ужина, что ел, что не ел. Но, получается, кильки сколько-то еще у мразей осталось, в натуральном виде они ее не дают, а закрашивают ею это пустое хлёбово...

День прошел совершенно впустую. Писем так и нет; ехать тоже никто не едет ко мне. Тоска и безнадега... Ужасно жалко каждого дня жизни, вот так вот бессмысленно прошедшего – а ведь он мог бы быть занят борьбой, ознаменован достижениями в ней... Невыносимо жалко, тошно, нелепо и глупо всё это, но – деваться некуда. Представляю порой, – если бы шла война, я мог бы набрать себе подразделение, воевать с путинской мразью, – как бы я их казнил, лично стрелял бы, на куски живьем распиливал пленных...

15.8.17., 5-30

Как страшно, господи!.. Как страшно, лежа еще под одеялом на нарах, думать о том, в какой АД загонят, какой жуткий будет этап, камеры с уголовниками, открытые в мороз окна, лазанье на верхний ярус... И так же жутко представить, что опять впереди – безумные, бесконечные 16 часов очередного абсолютно пустого дня, который нечем заполнить...

Продолжаю ждать писем, сегодня уже 15-й день, как их нет. Больше

ждать нечего, приезда Светы – в лучшем случае 24-го (вероятность менее 50% в любом случае). А вот письма – они должны быть, они здесь, рядом! Хотя – много ли их?.. Там могут быть уже и чьи-нибудь поздравления с д/р, от матери, как минимум, хотя – разумеется, они мне абсолютно не нужны.

17-44

Длинной мрази нет – и писем нет! То бишь, неважно, в сущности, есть долговязая мразь на работе или нет, – писем всё равно нет!!. Уже 15 дней. Суки, мрази, ублюдки... Ненавижу их лютой ненавистью, мечтаю убивать своими руками – а сделать ничего не могу...

Короче, еще один день прошел совершенно впустую. Дочитал единственную книжку, которую еще хоть как-то можно было читать. Теперь, если не принесут письма и газеты, до обеда субботы, три с половиной дня, делать абсолютно нечего. Медленно схожу с ума... Уходит время, проходит срок, но и жизнь проходит. Вот уже пол-августа прошло – а кажется, только вчера еще он начался, было 1-е число... Главное – улетают денечки до этапа, этапа в АД, до того ужаса, который начнется уже в автозаке, здесь, в «шлюзе» лагеря...

Дикая, невыносимая тоска. Конечно, бывает и хуже. Пока еще я в одиночке, а не в общем камере «крытки», сплю на первом ярусе, а не на втором, меня никто не бьет, даже не шмонает (с 6-го июля), да и мать еще, дай бог, жива... Но все равно – тошно невыносимо от одного сознания того, что все эти ужасы очень запросто могут ждать впереди, уже в этом году. Не говоря уж – ради чего все эти мучения, после которых будет просто пустота...

Феликс, по его словам, должен был сегодня уехать опять в Киев, повезти мое длинное, безнадежное письмо Мане. Зря я, наверное, всё-таки не удержался, написал его... Какой смысл? Если бы Маня в будущем, на воле, была со мной – насколько краше и веселее смотрелось бы будущее, несмотря на ее жуткий характер. Все-таки, учитывая, что она моя близкая единомышленница и в какой-то мере ученица (была до 2012 г., по крайней мере) – не было у меня никогда в жизни никого ближе нее. Это факт, который нельзя не признать. Я бы жил для нее, если б ей оказалось это нужно. Но – ее молчание свидетельствует, что ей это не нужно ни сейчас, ни в будущем, и что никакой надежды нет. Ответа на это письмо я даже и не жду изначально...

По радио сообщают, что доблестная ФСБ все время кого-то ловит и арестовывает: вчера в Подмосковье – четырех «террористов» из ИГИЛ, сегодня в Крыму – «украинского диверсанта» из СБУ. :))) Смеюсь, слушая этот блеф. Почему-то после взрыва в питерском метро больше нигде ничего

не происходит, всё тихо-спокойно – а «террористов» и «диверсантов» арестовывают пачками, причем они, разумеется, все тотчас признают свою «вину» – и «суд» проштамповывает им арест В ЗАКРЫТОМ РЕЖИМЕ!!! :)))))))))

Хоть ложись и помирай, – такая тоска. Безделье здесь тоже действует на нервы пагубно. Книг нет, читать нечего, – только и сиди, пиши письма, так нет... Мрази, суки е...чие!.. Какое это мучение – проводить здесь, тоскливо повторяя про себя, что жизнь прошла и перспектив нет никаких, невыносимые эти часы – от завтрака до шмона три часа, от обеда до ужина пять, теперь вот еще и от ужина до отбоя... Действительно, от мыслей, предчувствий, тоски, одиночества и полной изоляции я медленно схожу тут с ума. Не знаю даже, как буду общаться с людьми на воле, если доживу до нее. Последняя надежда – что приедет, м.б., 24-го Света, но уверенности в этом нет. Да и ее приезд вряд ли принесет мне настоящее облегчение...

16.8.17., 5-32

Наконец-то вчера в отбой – вести от этого местного демона, с которым я не общался с 10 числа – и думал, что сам он уже никогда не всплывет. Нет, всплыл; пишет, что говорил с моей матерью и что та обещает приезд Светы. Число почему-то не указал; я надеюсь, что это будет 24-е, и написал ему цифры Светы, дабы он уточнил; бьюсь об заклад, что он и не подумает ничего уточнить. Вообще, линия у него такая, что он бы и рад мне всё делать, но куча обязанностей и постоянные тут «серости» (т.е. ожидания комиссии) ему мешают. Зато обещает мне свое главное богатство, с которого вся история и начиналась, на 24-е. Мать, видимо, упростила; как уж он преодолел свою трусость – не знаю. Но – этим ясно показал: может дать 24-го – значит, может и в другие дни, никакого особо бдительного надзора, если он и был в июне-июле, давно уже нет. Что и требовалось доказать, собственно. Кроме того, написал мне наконец-то про товары и цены местного «барыги». Выбор, надо сказать, бедноват: майонез, колбаса какая-то копченая (всего один вид, как я понял), рулеты, печенье, халва, шоколад... Шоколад по 100 руб., как и в ларьке (но я не знаю, – м.б., плитка меньше, чем в ларьке), остальное, естественно, дороже. Написал ему, что и сколько мне нужно, чтобы он СРОЧНО матери, она кому-нибудь дала положить «барыге» на телефон деньги, чтобы покупка состоялась без промедления (и я успел бы ее съесть до официального магазина 25-го), но – боюсь, так в это время ничего и не состоится, а позже мне уже не будет нужно...

Опять сейчас ждать, когда эти суки погонят в баню – до шмона или после. Опять совершенно пустой, тоскливый день. Писем нет уже 16 дней. Осталось мне 824 дня.

16-50

Никаких писем, уже 16 дней. Баня – после обеда. Обед этот гондон баландер привез около часа дня (по-моему, его только тогда привезли из столовой), зато ужин – 35, что ли, минут пятого. На ужин – та же самая говнокаша, что и на завтрак, плюс – кусок костлявой жареной рыбы. То бишь, я весь день – на одном обеде (если говорить только о баланде): полтарелки супа из сушеных овощей + тарелка сушеной картошки с сушеной же морковью. Такое вот у них тут «питание»... От уродца, приславшего мне вчера цены от «барыги», тоже за весь день ни слуху, ни духу. Глядишь, через месяцок он и дозреет мне впрямь что-нибудь там приобрести; а пока – жрать нечего...

17.8.17., 18-08

На завтрак и на второе в обед – серые говнокаши, зато в ужин, вместо ожидаемой мною «ухи» с костями – сухая картошка с килькой! :) Роскошный ужин, что и говорить; всегда бы так ошибаться!.. :)) Однако – надеждам моим на добавку кильки и ужин после отбоя не суждено было сбыться. Спрашиваю – и вдруг старый этот козел баландер мне говорит стандартную фразу: мол, такие вещи не остаются, – как будто это невесть какое лакомство! (Для уголовников главное рыбное лакомство – рыба жареная, которую я не ем из-за костей.) Но раньше-то – говорю – оставалась! – Ну, сегодня мало полОжили. Ага-ага, как же, мало... Учитывая, что в прошлый раз, пару дней назад, он мне так же точно отказал в добавке серой молотой рыбы, которую раньше, до этого, тоже давал, – не иначе, как дали ему негласное распоряжение не давать мне никаких добавок. Так что сегодня после отбоя на ужин – опять те же самые шпроты, вкусные, но несытные, с отвратительной на вкус кислой чернягой, вкус которой даже шпротное масло не заглушает...

Вчера вечером, уже после «крестин», принесли вдруг письма... заказные! Аж четыре штуки – все без конвертов и на сей раз даже без оторванных от них клочков с обратными адресами. От Корба, Мананникова, а остальное – поздравительные открытки с д/р: целая стопка – от Ирины этой Владимировой плюс еще каких-то женщин, которых я не знаю; а еще одна – неожиданно – от Санниковой, с припиской в конце: «Не обижайтесь на меня». Т.е., она и сама понимает, что неписание мне писем и даже открыток в течение почти двух лет, с ноября 2015 – это повод для обиды.

Вчера, разумеется, отвечать было уже некогда, всего час до отбоя, так что занялся этим сегодня с самого утра. Неожиданно долго – три часа почти! – писал ответ Корбу, получившийся на трех листах, и как раз в девять утра успел его отдать, чтобы забрали в цензуру сегодня же, через десять минут, как забирают всегда. Увы, Корб ничего особенно радостного и нового не

пишет, кроме только того, что уже, можно считать, произошло мое номинирование на Сахаровскую премию, о чем я уже давно знаю от Землинского. Зато Ира Владимировна в письме уже бурно поздравляет меня не только с д/р, но и с ПРИСУЖДЕНИЕМ этой премии, и лишь в конце поправляется, – мол, не присудили, а выдвинули, но мы надеемся, что и присудят. Ага, как же, сейчас!.. :((Неудачник – он неудачник и есть, во всем, от премии «За журналистику как поступок» и до кильки на ужин... Остальным всем ответил уже после шмона, провозился с этим до третьего часа дня (с шести утра!!), но – куда мне спешить? Читать нечего, делать тоже... Остальные, увы, тем более ничего нового и хорошего мне не сообщили, хотя добрые пожелания, конечно, приятны.

Вот так. А обычных, не заказных, писем нет вот уже 17 (!!) дней. Там только от матери должно быть их штуки три, в том числе – открытка к д/р, которую она шлет всегда заранее, задолго. Кстати, все эти заказные были написаны еще в середине июля, месяц назад – и, значит, валялись тут недели три невоскресными, т.к. из Москвы больше недели идти не могли. Проклятые мрази, суки, никак не приучатся письма вовремя отдавать. Санникова поступила очень предусмотрительно, послав мне открытку к д/р еще 15 июля, – как чувствовала...

От мрази дневального, разумеется, ни слова, ни звука, ни намек. Если тупой хрыч баландер перестанет вообще давать мне добавки на ужин (или его заменят), и с «барыгой» тоже ничего не получится, то, исчерпав по пять тысяч за август (за один раз, 25-го) и за сентябрь за два раза, я в конце сентября – а в нем пять пятниц – опять буду голодать.

18.8.17., 17-05

Никаких писем, уже 18 дней... Нет и нет, и то, что я в паре ответов на заказные упомянул, что простые не несут уже 17 (на вчера) дней – не помогло, хотя до этого порой такой прием срабатывал: цензура все мои письма читает очень внимательно.

На завтрак – говнокаша, как обычно; обед – съедобный (гнилая сухая свекла и сухая картошка с гнилью); на ужин сейчас – ожидаемая мною еще вчера с обреченностью «уха», только и облегчения, что на этот раз она из кильки и поэтому съедобна, без костей. Шпрот осталось на ужины пять банок; последние два дня перед магазином, 23-го и 24-го, придется есть хлеб с майонезом. Впрочем, магазин вовсе не гарантирован, – может не быть завоза, или просто так, без объяснений, закрыт, или некому подписать заявление... Всё может быть в этой проклятой стране, где даже с деньгами невозможно ничего купить. От местной дневальной мразоты по-прежнему абсолютно никаких вестей, ни устных, ни письменных, – впрочем, я уже их

и не жду.

Осталось 822 дня, ровно два года и три месяца. Будь трижды проклята вся эта жизнь!..

19.8.17., 17-55

Никаких писем, естественно (суббота), уже 19 дней. На завтрак – говнокаша плюс крохотное яичко (давно их не давали); обед – съедобный; на ужин – мерзкая жидкая сечка и килька в томате. Слава богу, старый хрыч баландер не кинул мне кильку в сечку, а положил в отдельную тарелку. Вопреки мрачному предчувствию, на обратном пути дал и добавки рыбы, – не очень много, полтарелки примерно, но – на ужин мне хватит, да плюс еще то яичко с утра я оставил на вечер. Съем, а шпроты – на потом; только один день, 24-е :)) , значит, будет у меня на одном хлебе с майонезом, если не окажется на ужин опять та же килька или молотая рыба. От ублюдка, обещавшего мне «барыгу», конечно, никаких вестей. Остался мне 821 день, 32, 14% срока. Да, забыл, кое-что интересное таки удалось взять в библиотеке, на неделе хоть будет что почитать, а не только сходить с ума от бесконечных, по кругу, мыслей о том, что жизнь прошла и будущего нет...

20.8.17., 6-10

Вместе с мразью Стекольщиком вчера, оказывается, поставили сюда дежурить ублюдка курточника – Панина. Давненько этой гниды не было видно; открывает вчера дверь на отбой – и тычет, как всегда, вялым пальцем: «Куртку...». Власть свою показывает, мразь, единственный из всех смен, дежурящих здесь. Эх, с каким бы наслаждением я ударил бы его со всей силы кулаком в его поганую харю, повалил бы, опрокинул, забил бы ногами, затоптал, переломал бы ему все ребра, отбил бы печень, почки, все его поганые потроха!..

Воскресенье. На завтрак опять та же бледно-белая говнокаша, – видимо, только она одна у них и осталась, ни пшенки, ни гречки, ни даже геркулеса давно нет. Плюс – опять кусочек (столбик) такого же бледного маргарина. На сей раз я оставил его на ужин, а то в тот раз из-за него мне едва хватило хлеба на шпроты и масло от них (а это все же повкуснее маргарина). В баню уже водят, но начали не с меня, – похоже, в пристройке («аппендиците», как это дурачьё выражается) у них теперь тоже сидят ПКТ-шники, начали, похоже, оттуда. Сегодня бриться и стирать, по-хорошему надо полтора часа на всё это, – нет, суки, наверняка погонят в баню под самый шмон, в десятом часу... Правда, шмону и брать-то у меня сейчас нечего, даже еды практически не осталось. А м.б., оставят меня косоглазой быдлотатарской смене, те поведут в баню уже после обеда, – на самом деле, так было бы даже лучше.

17-20

Итак – 20 дней без писем. Будут ли они хотя бы завтра, в понедельник?..

В баню повели ровно в восемь, до начала десятого, до шмона, как раз успел помыться, побриться и постирать вещи. Начал новый баллон пены для бритья, – интересно, на сколько времени его хватит? Хватит ли до конца срока, или нет?

Меню такое же, как вчера, только сечка на ужин – густая, а рыба – серая молотая, причем дурак баландер кинул мне ее прямо в сечку. Почти не удалось ее оттуда достать, – слава богу, на обратном пути у него осталась еще эта рыба, наложил мне целую тарелку добавки. Ужин обеспечен, а шпрот оставшихся теперь хватит до 24-го, до пятницы и магазина, даже если больше никаких добавок за эти дни не будет. Баландер эту молотую рыбу ругает, удивляется, как я ее ем, и говорит, что если б даже его обещали сейчас же за это отпустить домой (он 16 лет уже тут сидит, еще три осталось) – не стал бы ее есть. По-моему же, рыба вполне нормальная (да еще в нее в нее сейчас сушеной морковки напихали), главное ее достоинство – отсутствие костей.

Утром под одеялом с головой было жарко, значит – в камере тепло. Пришел из бани – уже холодно, вместо обычного после бани пота на лбу – озноб! Мерз, вполне реально и сильно, целый день, до ужина, и то – не теплее стало, а отвлекся мыслями об этой рыбе, сечке и пр. Август, а у них, мразей, опять холод собачий...

Отдал Феликсу это длинное письмо для Мани (интересно, доставил ли он уже ей его?) – и теперь помимо воли о ней все время думаю. Не писал восемь месяцев ей никаких писем – так и не думал, а тут вот разобрало... Прекрасно понимаю умом, что всё это зря, что Маня уже в прошлом, всё кончено, что ее одно письмо в 2016 г. и ни одного в 2017 – говорят сами за себя; понимаю, стараюсь себя в этом убедить, но – всё равно глупые мысли лезут и лезут в голову. Одиночество, личное и политическое – вот главный итог моей жизни накануне 43-хлетия. Один остался на свете – и никому на фиг не нужен, а жизнь-то уже прошла, – вот и весь итог. Не повезло ни в чем, – ни в личном, ни в общественном, и это уже так и останется... Пришла вчера вдруг мысль: если быт наладится, где-нибудь в Киеве если осяду – не завести ли собаку, щенка какого-нибудь? Кошку, конечно, мне проще и понятнее, я ведь кошатник с детства, но – кошку всё равно я буду любить больше, чем она меня; они ведь, кошки, такие, – снисходят до тебя – и уже считай себя осчастливленным! А вот собака сама любит хозяина, искренне и бескорыстно. Хоть кто-то будет меня любить, раз уж с людьми не сложилось... Идея неплохая, можно попробовать; только я совершенно не

знаю, как с собаками обращаться.

21.8.17., 15-50

Очередной невероятный сюрприз: приехала Вера! Когда я уже и не ждал... И – эти суки, конечно же, не пустили ее в кабинет, посадили за стекло, как в тот раз и Феликса . (А мразь дневальный, которому она звонила и предупредила, конечно, даже не подумал мне это сообщить, сука этакая!..) Просидели четыре часа, проговорили; но – Вера настояла, что для оказания мне юридической помощи необходимо передавать документы от нее ко мне и обратно – и мразь Баяндин ей пообещал, что они будут передавать. И этого хмыря, начальника КДС, она заставила сперва от нее ко мне передать чистую бумагу и ручку, а потом обратно – мое обращение к друзьям, поздравлявшим меня с д/р (Вера говорит, что просили ее передать мне поздравления очень многие) и... обращение к Порошенко с просьбой об украинском гражданстве, хотя я не уверен, надо ли к нему вообще обращаться, да еще и публиковать это обращение: ведь оппозиция в самой Украине считает, что это новый Янукович (и, похоже, так оно и есть, особенно после лишения гражданства Саакашвили). Передал, даже читать не стал, – но всё равно это не то, что наедине в кабинете, конечно.

Сказала также Вера, что на днях должна приехать и Света, и Рома – чуть ли не в один день! Уж не знаю, сможет ли Вера, обзвонив их обоих, как-то урегулировать этот вопрос, развести их хотя бы на неделю. Глеб, она говорит, недоступен, – видимо, на заработках; с чего вдруг Рома решил ехать ко мне один, совершенно непонятно. Если только опять по дороге откуда-то...

Порассказывала Вера о том, как они по-прежнему продолжают заниматься темой крымских татар; говорила, что готовится что-то на 24-е в Москве, что вроде бы Кавказ-Центр снял обо мне какой-то фильм, где упоминается перевод на крытую, и т.д. Не поверю, пока не увижу распечатки хоть пары кадров. :) Смотрела, говорит, видео, где Корчинский произносит ту речь обо мне 10 апреля, – значит, есть и видео. Жаль, не знает она, вышел ли все-таки в Киеве наконец украинский сборник.

А писем так и нет, уже 21 день! Когда вывели на эту свиданку, за калиткой ШИЗО стояла мразь Баяндин, упырь Лезгин и пр; заставили меня стоять в открытой уже калитке и ждать – и я видел, как на свиданку провели Веру. Мрази Баяндину я, разумеется, тут же сказал про письма, он ответил, что их должен носить начальник отряда (мразь Безукладников), он на больничном, и понес дальше какую-то пургу, что это не его обязанность, что я скоро поеду на крытую и т.д. Вот только что, пока писал про него – принесли четыре свежих газеты, зашваркала опять дверь бани – значит,

сейчас будут «крестины». А писем так и нет. Вера упоминала, что писала мне что-то не так давно – я, разумеется, не читал. То бишь, ее письмо тоже валяется где-то там, в цензуре. Суки... Огромная, конечно, радость – ее приезд! Хотя очень грустно, что пускают только за стекло; что Вера так и не общается с Натальей Г. (причем по вине последней) – тоже... Глядя на всю эту мразь, на их методы, на их бесцеремонность, на эту давящую всё живое катком Систему – еще и еще раз с очевидностью понимаешь: их можно только бить, мочить, убивать; никакими словами их не пронять, им плевать на любые наши слова. Только безжалостно убивать любого и каждого, кто в погонах и на службе в «силовых структурах»!!!

Осталось мне 819 дней, ровно 117 недель.

22.8.17., 18-00

Итак – 22 дня без писем, кроме заказных! Четвертая неделя пошла... Мрази явно идут на рекорд. Я не упомяну 22 дней без писем за всё время, что сижу тут, в этой проклятой зоне – как раз сегодня ровно три года! Ублюдох Баяндин так и не принес, да и никому другому не поручил принести после моего вчерашнего напоминания. («Крестин», кстати, так и не было ни вчера, ни – во всяком случае, пока – сегодня.) И – ничего нельзя сделать. :((Ну сказал вчера Вере; придет (если придет) послезавтра Света – скажу ей. Могут – в лучшем случае – упомянуть это на «Гранях» в отчете о поездке. А тут это ровно никак не отзовется. Голодовку, что ли, объявить за эти проклятые письма?.. М.б., и подействовало бы, но – и то не факт, плевали же они на ту мою голодовку... Да и противно до омерзения вступать с ними в какой бы то ни было контакт, даже по поводу голодовки. Это – пожалуй, главное препятствие к ней.

Мразь дневальный по-прежнему глухо молчит. Надежды на его помощь уже нет ни малейшей (в лучшем случае – трепло поганое, в худшем – провокатор), а ведь это чмо обещало узнать и сообщить, в какую именно тюрьму меня повезут. Не узнает, конечно, ничего.

Мадам Петухова, местный «психолог», тоже не появляется, если только не была вчера, пока я общался с Верой. Сказал бы я ей про письма – а что толку (уже неделю назад говорил)? Спросил бы, заработал ли магазин, был ли завоз, – но она 99%, что не знает. А больше обращаться вообще не к кому... Проклятая страна, как же я ее ненавижу!.. Почти прошел уже август, этап всё ближе. Этап в АД...

Забыл вчера еще приятное сообщение от Веры. Сказала, что Коцюбинский написал обо мне положительную статью в «Новой газете в Санкт-Петербурге». «Новая в [каком-либо городе]» – это вроде как отдельные фирмы от московской «НоГи», как я понимаю, – недаром до

недавнего времени (а м.б. и до сих пор, не знаю) в Нижнем ее издавал Прилепин (!). Только этой отдельностью, видимо, и можно объяснить выход статьи обо мне (если она и впрямь вышла), т.к. в московской «НоГе» мое имя – абсолютное табу. Очень бы хотелось, конечно, подержать в руках саму питерскую газету, бумажную, прочесть именно в ней... Возможно, что распечатка из интернета этой статьи есть в очередной майсуряновской подборке... валяющейся в цензуре вот уже 22 дня!..

Пока писал – ехавший обратно баландер, забирая тарелку, САМ (!) спросил меня, не нужен ли мне добавок картошки. Сухой, которую тут все ненавидят, – «я же знаю, – говорит, – что ты ее любишь». Если б не много гнили в ней, даже сухой, она была бы куда лучше, но – в принципе, она вполне съедобна; уж точно лучше сечки!! Рыба, увы, сегодня на ужин была в виде куска жареной селедки (?) с костями, так что картошка и дополнительный ломоть серого хлеба – единственное, чем он мог меня угостить. Значит. На ужин эта картошка и два бутерброда с утренним маргарином (дают его подряд уже третье утро!). Оставшиеся четыре банки шпрот из ларька так пока и остаются неприкосновенным стратегическим запасом. :)))

23.8.17., 14-27

Очередные безумные новости... Шмон начался где-то полдесятого – и, по звуку судя, был повальным. Начали с того конца; уже 11-й час, а они всё не уходят, галдят в коридоре. И тут вертухай в «глазок»: собирайтесь к адвокату! Открывается минут через пять дверь – шмонобанда стоит уже около 5-й, а мне показывают опять в направлении выхода на улицу: опять на короткую свиданку!

Сперва я поверить не мог, что и адвоката со статусом, не с доверенностью только, они посадят в «аквариум» на свиданке. Но – они смогли!.. Хорошо еще, что, не ожидая такого финта, я заранее взял с собой папку с бумагами. На свиданке тамошний начальник посадил меня к ней в «аквариум» для родственников, там мы и сидели одни. Она ушла на час раньше, ее уже ждала к двум часам машина. Но поговорить более-менее успели.

В понедельник, позавчера, была она у Мохнаткина в Архангельской области. Говорит, что по 319-й и 321-й добавили ему полгода. Теперь до конца – два, почти как мне. Рассказывает ужасы про мать – была у нее только вчера, вернувшись поездом от Мохнаткина, а ночью уже вылетела ко мне. Сказала, что вынуждена у матери моей просить денег вперед за следующую уже поездку ко мне – так что, даст бог, не через полгода, а пораньше приедет еще; м.б., даже застанет меня еще здесь.

Порассказала кое-что про эту мразь – местного дневального.

Оказывается, он тянет с матери деньги даже за то, чтобы предупредить меня о том, кто и когда ко мне едет – но не предупреждает, разумеется! Ублюдок... Про Веру знал – и не сказал ни слова; про Свету точно так же – мать сообщала ему, видимо, просила передать (сама Света, похоже, с ним не говорила). Про «барыгу» Света от матери не слышала, но не исключаю, что он вытянул уже денег и под этим предлогом. Мне же – ни слова, ни записки, ничего вот уже больше недели, с 15-го, что ли, числа...

Еще – оказалось, что завтра приедет Рома! То густо, то пусто, черт бы побрал! М.б., это и неплохо, счастье еще, что не в один день, поговорить всегда есть о чем, но – Света хоть вперед плату получила, может еще приехать, а – когда потом еще дождешься Рому?! О Глебе вообще речь не заходит, я не видел его с 9-го июня. И, м.б., до этапа уже и не увижу, а это значит – м.б., и до освобождения, ибо в «крытку» его пустят едва ли.

Света сказала, что завтра, оказывается, освобождается Бубеев. Давно ли гремел шум по поводу его ареста, потом «суда»? Все освобождаются, только я один сижу бесконечно. А какого-то человека из Тверской области [Владимира Егорова из г. Торопец. – прим. 2020 г.], имевшего подписку по 280-й за картинку о Путине в интернете и сбежавшего в Украину – СБУ, по рассказу Светы, выдворило оттуда через неделю (!) – в Беларусь, где тамошнее КГБ, разумеется, тотчас выдало его Москве, сейчас он в тюрьме.

Посидели, поговорил. Света засыпает, как всегда, – после бессонной ночи в самолете. Впрочем, тут спят на ходу, посреди разговора, и другие, – и Феликс, и Рома, а не только одна Света. Посидели, поговорили, жаль, ушла она раньше времени. Попросил я ее поговорить обо мне с знающими ее хорошо журналистами «НоГи» – Челищевой, Букваревой, , которые ведут там рубрику «судовой журнал» – о политрепрессиях. Попросил, но знаю, что и журналисты эти ничего не пробьют: табу на меня установлено в «НоГе» сверху...

А писем, между тем, так и нет, вот уже 23-й день! Я в шоке, в ярости, но – что можно сделать? Сказал об этом Свете, завтра скажу и Роме. Интересно, сколько продлится у мразей этот печальный рекорд?..

15-52

Забыл еще упомянуть: Света сказала, что Карпюк, получивший 20 (или больше?) лет якобы за участие в первой русско-чеченской войне УНСО-вец, герой, в 2014 зам Яроша в «Правом секторе» – сидит во Владимирской тюрьме. А Клых – по данным его матери в «НоГе» – в Верхнеуральской. У обоих, значит, по приговору «суда» часть срока в тюрьме. Упомянула она также, что была недавно вместе с (козлом) Верховским в гостях на «Эхе Москвы», причем упоминали в разговоре и меня. Что ж, хорошо, что хоть

изредка меня упоминают.

Вообще, общение с ребятами, а еще в большей степени со Светой, как я ни рад их всех видеть, производит в некотором смысле тяжелое впечатление. Я-то сижу тут в полной изоляции, думаю в основном о своей нелепой судьбе; о творящемся в мире сужу в основном по «НоГе» да по письмам. А тут приезжают люди, целиком погруженные в современную правозащиту, посвятившие ей всю жизнь, – и вываливают на меня сразу целый ворох информации о других политзэках, новых в том числе, о новых безумных законах путинской мрази, о разгуле репрессий, преследований, – огромный ворох новостей, и все в основном мрачные. Но дело даже не в том, что они мрачные. Просто – политзэков столько, что среди них я теряюсь, становлюсь уж совсем незначительной, мелкой величиной, тем паче, что многих из них, сидящих впервые и с куда меньшими сроками, защищают и вытаскивают из тюрем и лагерей куда активнее, чем меня. :(То бишь, размышляя о себе и в 10000-й раз вспоминая и анализируя свою жизнь, я вижу, что всё у меня очень плохо и надежд на лучшее нет. А приезжает Света – и оказывается, что и у других не лучше, что вообще в этой стране всех окончательно закатали в асфальт, всякая протестная активность и борьба – умерли, все панически боятся, и даже как из этой жопы по имени Россия выбраться, когда, даст бог, освобожусь, – непонятно. Полная, короче, тотальная безнадега, хоть сейчас в петлю. Просто финиш, п-ц... При этом, как правило, ни Света, ни Глеб с Ромой ничего утешительного не говорят. А что тут скажешь?..

Пишу, а в батарее бурлит бешеный поток, заглушая радио: готовят к скорому включению, видимо. В баню так и не ведут – м.б., мрази Стекольщик и курточник опять забыли обо мне? А ткнуть пальцем – «Куртку...» – ублюдок курточник в отбой не забудет, нет! Эх, как же я всю эту мразь ненавижу, как мечтаю убивать ее лично – кто бы знал!..

17-54

В баню таки повели, – с шуточками-прибауточками глумливые эти мрази вдвоем, Стекольщик с курточником Паниным. Ублюдки... Повели в дальнюю, – у ближней уже стоят пакеты с вещами; значит, привели уже на «крестины», посадили, ждут... Помылся быстро, – успел даже к ужину. Добавка мне – полтарелки той же серой молотой рыбы, уже аж ЖИДКОЙ!.. Что ж, шпроты ждут...

Захожу после бани в каптерку положить банный пакет в баул, – вышедшая оттуда мне навстречу злобная мразь завхоз, бывший раньше, до июня, тут баландером, таким начальственным тоном говорит мне, – мол, надо прибраться (??) в баулах и сделать опись. А то, мол, комиссия приедет –

и их вообще выбросит. (А потом кому-то еще тут он говорил, вроде бы, что комиссия УЖЕ приехала. Вечная история...) Я ответил: мол, пусть попробуют (выбросить). А эту тварь, как всякое это злобное быдло (по тому сроку еще помню), лишь пуще злит, если ему вообще осмеливаешься возражать, а не кидаешься исполнять его приказ. Что я мог этому животному сказать? Дай мне, говорю, баулы в камеру – я напишу опись. Хорошая идея, если что – я буду на ней стоять. Мразь пока ничего не ответила.

По радио говорят, что Серебренникова посадили под домашний арест за якобы «мошенничество». Ну да, «мошенничество» того же сорта, что у меня «призывы». Но Серебренников – это ведь не я, это режиссер с уже мировым именем. Е...нутые мрази, дай бог, чтобы мировое театральное сообщество и вообще люди искусства показали теперь этой путинской мрази, что она мразь, дали жару, как было и с Pussy Riot в 2012...

Подумалось тут: я же послезавтра собираюсь еды на целых 5000 р. в ларьке покупать; приносить-то ее должна мне как раз вот эта вот самая злобная тупая мразь. Допустим, что завоз был, жратва в магазине есть, – а тут как раз ждут комиссию! Так эта мразь может, если ей прикажут, опять мне в камеру дать этой жратвы чуть-чуть, а остальное уволочь куда-то, как уже было в июне. Не дай бог, конечно. Тогда это был прямой приказ мрази Безукладникова – тоже ждали кучу комиссий; сейчас мразь Безукладников то ли еще на больничном, то ли уже вышел (утром, в начале шмона, чей-то очень похожий голос звучал в коридоре), не знаю. Но предчувствия, как всегда, у меня самые мрачные. Наголодался тут – и еще предстоит... :(

Предчувствия, предчувствия... Приучила жизнь заранее просчитывать самые худшие варианты – и по-другому я уже не могу, хотя переживать все эти ужасы заранее, в неизвестности и тревоге, – страшно мучительно. Это и есть ПОДЛИННОЕ наказание мне от судьбы за все ошибки, а вовсе не их сраные приговоры и срока в лагерях... С крыткой увы, не обошлось, но что помельче – пока вроде обходится не самым страшным. Ждать апелляции хоть на СИЗО не увезли, уже хорошо. С Верой позавчера получилось очень глупо – опять через стекло, а я надеялся, что посадят в кабинете!.. Но самое-то страшное – что и сегодня со Светой заставят общаться через телефонные трубки – слава богу, обошлось. Когда я пришел, она, кстати, уже писала жалобу на этот случай, уже даже наполовину написала ее. :) Не понадобилось, уф-ф!.. Дай бог, чтобы Рому завтра хоть там, на свиданке, посадили со мной вместе. Кстати, пока говорили со Светой, забавная мысль пришла мне в голову: сажая в кабинет, они неизменно запирали меня в эту проклятую клетку – якобы ради безопасности приехавших ко мне, тем паче

если приезжает женщина! А сегодня-то – посадили вместе в один «аквариум», и никакой безопасности!.. :)) Забыли, суки, одно свое вранье ради другого, нового...

Как же я их всех ненавижу!.. Может ли кто-нибудь хотя бы представить себе настолько лютую, смертельную ненависть, какую я испытываю к ним ко всем, в погонах и без погон, ко всем этим ублюдкам – от вонючего вертухая Стекольщика и до Путина?!. Убивать, убивать, убивать!!! Мочить всю эту мразь любыми способами, любыми, какие подвернутся! Уже хотя бы за одно то, что я вот уже 23 дня сижу без писем, и всем абсолютно наплевать на это, включая и цензуру саму, видящую, как лежит и постепенно растет эта кипа писем, – даже за одно это уже весь их ФСИН стоило бы перестрелять, весь до единого ублюдка, сколько бы тысяч ублюдков в нем ни служило!..

Истекает август. Даст бог, сентябрь еще впереди целиком; дай бог, апелляция эта не раньше середины октября. И невозможно описать, как жутко и тоскливо будет мне опять завтра утром, до подъема еще, после четырех, когда, лежа под одеялом, я буду ждать подъема – и, как каждое утро, с тоскливым ужасом представлять, какой АД ждет меня впереди...

24.8.17., 6-33

Вот оно наконец, проклятое это 24-е августа, день рожденья. Лучше б я не родился тогда вовсе, чем мучиться всю жизнь. Из моих 43 лет – уже десятый д/р я встречаю в неволе... :((

Спал с вечера – и сразу до начала третьего ночи, а потом, перед подъемом, после полпятого уже – вдруг пошли нелепые какие-то сны, – значит, задремал опять. Еще с того срока все сны у меня – про тюрьму, где сижу я не один, а с уголовниками, а то вдруг и мать тут с чего-то оказывается; и во всех снах эта тюрьма у меня выглядит совершенно экзотически, на реальные тюрьмы и лагеря, мной виденные, абсолютно не похоже.

Вчера вечером, перед (?) «крестинами», принесли еще одну свежую газету. Потом – явился вдруг мразь Баяндин, приволок мне какое-то извещение из Чусовского «суда» – по-моему, о том, что сроки обжалования их последнего решения от 31 июля передвинуты, – я не вникал, подписался и отдал назад. Конечно, увидев эту поганую харю, опять сказал ей про письма – и опять эта мразь Баяндин мне отвечает: я вам не обязан! Добавив еще, впрочем: мол, « так получается». Суки, ублюдки, у них «получается» грубое нарушение моего права получать письма, предусмотренного их же УИК-ом!..

Жизнь кончена, зашла в тупик – и деваться некуда. Это самое ужасное, от этого тоскливее всего, особенно в такой день. Я многого хотел, у меня была

в жизни куча планов – но одних лишь моих сил не хватило, а никто не поддержал. Итог: у меня никого и ничего нет, нет никаких перспектив, и зачем мне жить дальше – вообще непонятно...

19-10

Веселый выдался д/р, ничего не скажешь!.. Рома так и не приехал, – не знаю уж, почему. Света твердо обещала, что сегодня он будет.

Ждут комиссию, суки, как же, – опять повальный шмон утром. Меня они оставили на самый конец, – прошмонали весь коридор, потом вернулись ко мне. Зашли аж втроем – и началось! Чистые вещи для бани, остатки еды, посуду всю, салфетки, бумагу писчую и туалетную (один рулон оставили), тетради, старые газеты (а на окне их огромная кипа – не заметили, дурачье!), мочалку, зеркальце, мыло, вторую робу (хорошо, что надел новую, на вешалке оставил старую), – в общем, абсолютно всё, что видели, они забирали! Отдавали в коридоре мне – мол, иди класть в каптерку «на вещи». И врут, суки, прямо в глаза: мол, позовете инспектора, он вам выдаст. Я одному, что держал регистратор, так на это и сказал: вы врете! А про еду говорят: мол, она выдается только на время приема пищи. Ага, сейчас баландер бросит тележку и попрется в каптерку – искать там без меня мою еду, чтобы мне ее «выдать»! Бред, дикий, безумный бред, короче – и непрошибаемая наглость, ибо их толпа, а я один. И впрямь – «апофеоз тоски и униженья», «тупых служак тупое торжество», 100%. Первое, что вынесли – это книги, слишком, мол, их много. Унесли, суки, в свою «дежурку», оставили две снизу пачки – самых никчемных, завалящих. Я в ярости потом выкинул в коридор и их – м.б., и зря, . Завтра, в пятницу, почитать будет нечего, в субботу только библиотекарь придет (если его пустят).

Короче, погром, полный погром! Оставили пустую тумбочку, голую камеру. Даже уж явно положенное (зубные щетки те же) – если есть больше одного экземпляра, они всё «лишнее» забирают, оставляют один экземпляр. У меня в коридоре уже в руках куча пакетов, в них уже ничего не лезет, куча вещей еще на полу. Я стою, ругаюсь с этими мразями – и думаю: сейчас понесу всё в каптерку, там быстро отберу еду и пр., без чего сидеть не могу – и заявлю им: пока это не отдадите, в камеру не пойду, из каптерки вообще не выйду! Упрусь – и буду стоять насмерть, а там будь что будет! Но чтобы моя еда валялась в каптерке, а я тут голодал, не было чем поужинать – я согласиться не могу!!!

И в разгар этого хая – вдруг идет мразь Баяндин с пачкой писем в руках!!! :))) И спрашивает, что, мол, такое. И я ему в запале, в бешенстве, не помня себя, ору прямо в лицо, что я сейчас тут устрою им страшный скандал, мне терять уже нечего!

Не знаю уж, что он им сказал, не слышал, пропустил я, видимо, – но в итоге вместо того, чтобы сортировать вещи наскоро в каптерке, я с молчаливого (?) согласия мрази Баяндина с этой же целью занес все вещи обратно в камеру, сложил на стол. Один из ублюдков остался у открытой двери – ждать и следить за мной. Я, делая вид, что разбираю своё барахло, стал быстро ныкать по углам и прочим местам всё, что можно было – второй раз ведь они шмонать не полезут. Этот, у двери, сперва прикрыл ее – я сразу стал прятать быстрее, в бак, под тумбочку, в тумбочку и т.д. Еще несколько минут прошло – слышу, он запирает дверь. Надоело, видимо, стоять, или сказали уходить. Они еще довольно долго галдели в коридоре, а я – распахивал что можно было поскорее. Сперва прятал, а потом, поняв, что они уже не придут, просто разложил всё кое-как по старым местам. Ничего, слава богу, не пропало, выноса в каптерку удалось избежать. Но нервов мне это стоило – даже представить нельзя, сколько. Весь мокрый, упаренный, взвинченный, – и до сих пор еще, наверное, не пришел окончательно в себя...

Обед был очень поздно, я успел всё кое-как разложить – и сел читать письма. Их, как я и думал, было мало. Четыре – от Землинского, два плюс открытка к д/р – от матери (опять поливает дерьмом Веру и пр.), от Кондрахиной, от Ланы Фрик – открытка, в которой про Йонатана – ни слова. От Ирины Владимировой, – пишет, что мое письмо Кашапову она давно переслала, но от него ответа нет; сама писала мне в июне и июле, но я не получил. И из Питера от некой правозащитницы Эфрос, 57 лет, координатора проекта «Сказки и истории для политзаключенных», читавшей мои стихи, что мне особенно приятно. Прислала мне подробный очерк истории дела Ронкина, Хахаева и др. в 1965 г. Они были, оказывается, коммунисты, вместо диктатуры бюрократии – за «диктатуру пролетариата», этого я не знал.

И вот сидел весь день, отвечал на эти письма, успел ответить всем, слава богу. Землинский еще нашел мне адрес Светозарского в Троице-Сергиевой лавре, сам ему писать не стал, предлагает мне – но о чем? Я едва ли буду ему писать, тем паче – адрес скоро поменяется.

Сегодня обошлось, но каков-то будет завтрашний шмон? Дикой и смешной после сегодняшнего кажется идея купить завтра в ларьке еды на 5000 р. и всю получить в камеру. Но – попробую, деваться мне некуда. Хуже уже не будет. Шпроты и майонез – вот всё, что у меня осталось, да еще приправы.

816 дней осталось. Дикая, чудовищная нервная встряска эта не пройдет мне даром... В Буреполоме бывали вот такие вот погромные шмоны, с

выносом на улицу абсолютно всех своих вещей и баулов. А здесь с ТАКИМ масштабом погрома я сталкиваюсь первый раз: особенно если вспомнить, сколько раз с 2016 у меня ничего не забирали и ни разу не заходили шмонать, даже навесив мне ШИЗО... Я и впрямь до сих пор еще, за весь день, не пришел в себя, никак не могу успокоиться. Суки, мрази, ублюдки, будьте вы все прокляты!..

Первая мышь за долгое время сейчас обнаружилась в «дальняке». Давно их не было, с холодов на улице. Странная какая-то: неторопливо так движется, изучает «дальняк», как будто не боится ничего. Ну, ее дело, бояться или нет. Я прихлопнул ее там тапком, да и вся недолга...

20-10

Какой же все-таки козел этот Миша Агафонов!.. Всё тянул с украинским сборником до WSD, до 24-го августа, хотя я еще зимой настаивал срочно выпускать! Он всё хотел, чтобы за счет WSD сколько-то сразу разошлось, а то, мол, будет лежать. Презентацию непременно совместить с WSD хотел. И вот – по радио передают: в Киеве на ул. Грушевского сегодня был взрыв, трое пострадавших. (Работа Москвы, естественно.) То бишь – пролетел Миша с презентацией: всё внимание прессы тотчас же – на взрыв, презентации тотчас же становятся никому не нужны!.. Во сколько был взрыв – не сказали, но едва ли они успели провести презентацию раньше. :(

25.8.17., 6-31

Опять проснулся без четверти два – и не мог заснуть уже до подъема. До сих пор не могу успокоиться – всё стоит перед глазами картины вчерашнего погрома (как проснулся – тотчас вспомнил, потому-то и не спал больше): как они накинудись, суки, на мои вещи, как из камеры одни ублюдки пошли-пошли-пошли неостановимо передавать другим ублюдкам в коридор всё моё барахло: салфетки (меня это особенно почему-то поразило: за весь срок никто еще ни разу салфетки забрать у меня не пытался; а эти упыри на вопрос, чем же вытирать руки, отвечают: у вас туалетная бумага есть!), сменку для бани, мочалку, зеркальце, жратву, всё-всё-всё... Суки! Суки, мрази е...чие, бляди! Ненавижу!!! Убил бы своими руками всю эту мразь, перерезал бы им горла, перестрелял бы в упор!.. И – ведь сейчас, через три часа, всё может опять повториться, и, скорее всего, так и будет!.. Повезло, что это не позавчера, когда я был у Светы, случилось, – а я-то, наивный, еще ТОЛЬКО за часы там сидел переживал!.. Пришел бы – а тут ничего, тумбочка пустая, съестного ни крошки, выцарапывай потом это с «вещей» как хочешь!.. Кроме унесенных книг, таки пропали еще и пакеты для мусора, – там их всего-то два или три в сверточке оставалось, еще с 2015 года, из Москвы их привез. Слава богу, в бауле у меня этих пакетов много

лежит, но – ведь оттуда еще надо их взять, принести, найти в бауле сперва... Больше всего меня поразило, что даже не попытались забрать висящий открыто на стене ФЕОР-овский календарь – а я-то его столько раз прятал, когда ждал к себе шмон, во время ШИЗО и пр.! :) Тряпку (кусок одеяла), лежащую на железной, без деревянного покрытия, табуретке, на которой я обедаю, – взяли, посмотрели, размотали, проверили – и оставили! Но больше всего, конечно, меня потрясло полное, тотальное забирание всякой еды, даже приправ – и это притом, что я не в ШИЗО, а в ПКТ, где продукты питания разрешено и приобретать, и хранить! – с наглым обещанием, что, мол, мне их будут выдавать (кто?!) «во время приема пищи»!..

Конечно, нервов чудовищно много выматывают и забирают такие события; вот уже почти сутки прошли – а я до сих пор еще не успокоился до конца (тем паче – жду сейчас повторения). Писал письма весь день, семь штук их вчера написал – а думал всё равно об этом, перед глазами всё равно стояли эти мерзкие картины – как отдают мрази в коридоре яркую пачку моих салфеток... Не удивительно, что уже вечером вчера вдруг почувствовал головокружение, которого давным-давно у меня не было, а второй раз – уже сегодня утром. Как мать любила (да и сейчас иной раз) повторять: все болезни – от нервов... Теперь еще одна нервотрепка сегодня: ждать магазин весь день, то бишь – часов до четырех, когда уже окончательно ясно будет – есть он или нет. Или – три банки шпрот и довольно много майонеза на неделю (если их очередной шмон сейчас не унесет!). Ублюдка дневального, эту лживую мразь, я теперь даже насчет магазина ждать и спрашивать не хочу, – его словам веры больше нет ни на грош. Разумеется, вчера в отбой дать мне телефон, ясно в записке обещавшее, что даст мне его 24-го, это чмо и не подумало! Постоянный риск полного голода и выноса самых необходимых вещей – вот каким будет остаток моего пребывания здесь, в этой проклятой пермской зоне. Прошел, считай, август, этап в АД уже близко... Мне осталось 815 дней, 116 недель.

26.8.17., 11-25

Шмона не было вчера вообще, а сегодня – только ШИЗО, коротко, как всегда. Комиссия, как оказалось, да причем московская (!! – для уголовничков и начальничков) была тут, в самом здании ШИЗО/ПКТ, и позавчера, в день тотального шмона-погрома, и еще днем раньше – а вчера наконец уехала, блатные объявили (это я слышал сам) «с серостью расход» – и волна безумия схлынула до следующей комиссии.

Зато вчера после обеда, когда я уже и не ждал, появился-таки наконец Рома. Очень удачно пришел: начали мы в час дня, так что как раз укладывались до 17 часов – вчера была пятница, короткий день. Сказал, что

хотел и впрямь приехать 24-го, но помешали срочные семейные дела, форс-мажор какой-то. Да и вчера-то – привез его их екатеринбургский правозащитник Соколов на машине, а вчера как раз был день рождения у матери Ромы – он оставил даже ее в такой день, дабы выполнить обещание насчет меня, за что я очень ему благодарен.

Он совершенно убил меня главной из привезенных им новостей: оказывается, ему уже звонили из пермского краевого «суда» и сказали, что апелляция назначена на 14-е СЕНТЯБРЯ!!! Вот тебе и «три месяца», которые он мне по умолчанию обещал на апелляцию, а я втайне надеялся, что, м.б., выйдет еще дольше... Всё, отсчет пошел, дело к концу, к этапу в АД движется стремительно и неудержимо, хотя мне еще даже не принесли официальное уведомление.

В этот день, 14-го, в Екб какое-то движение или ассоциация беженцев проводят какую-то конференцию по поводу 100-летия объявления в России республики, введения гражданства вместо подданства и т.п. Не знаю уж, почему, но выступить на этой конференции для Ромы настолько важно, что он не хочет ехать на мой «суд», что мне, разумеется, только на руку. Никакой другой процесс у него на этот день тоже не назначен, уважительной причины не прийти нет – и он придумал финт. Он не придет, а я в начале заседания заявлю, что соглашение с Ромой расторгнуто, у меня будет другой адвокат (Света) – и буду просить отложить заседание, дабы она успела ознакомиться с делом. Дать-то скорее всего отсрочку дадут, хотя – от силы недели на две, не больше, а то и на десять дней. Дело, однако, в том, что мне смертельно противно вообще о чем бы то ни было разговаривать с ними, делая вид, что я признаю всю эту мразь за настоящий, всамделишный суд. К тому же – вроде бы в какой-то их бумажонке, не так давно мне принесенной на подпись, я написал в соответствующей графе, что «хочу» участвовать лично в заседании, но точно я этого никак не могу вспомнить – было ли это и о чем оно было. А отдельного ходатайства, как в Чусовской «суд», о личном участии я тут не писал. То бишь – сказать про нового адвоката и попросить отсрочки я смогу только в случае, если меня выведут на эту проклятую ВКС, что не факт. Однако если выведут – попрошу, другого выхода у меня нет...

Уже в час дня, идя к Роме, сказал дежурному вертухаю про магазин. Потом по моей просьбе еще и Рома сам выходил раза три, спрашивал и напоминал им. И очень хорошо, что я его попросил об этом: часа в три выяснилось, что они еще не знают, где мое заявление! Потом всё же раскочегарились, подписали заявление, послали дневального в магазин за списком и счетом. Потом он их принес, я лихорадочно стал пытаться

подсчитать, что я беру на свои 5000 р., то и дело отвлекаясь на беседу с этим козлом.

А козел еще тот! О-о, какая тварь!.. Разумеется, как я и предсказывал, он во всем съезжал на эту московскую комиссию. Мол, из-за нее все телефоны отдали «мусорам», те их вынесли за зону – но сейчас уже вернули обратно! По его словам, оказалось, что он ходит с телефоном в кармане и по ШИЗО, что я сам вчера и увидел, и по зоне, когда туда идет, и сам с него звонит «мусорам» (зачем??). Когда я спросил, почему он полностью пропал еще с 15-го числа – он тут же сообщил, что якобы эту комиссию как раз с 15-го и ждали; про барыг сказал, что они – я не понял толком – не то не работают, не то в ШИЗО, в общем, ни одного барыги, кто ему мог бы что-то продать, не оказалось; да плюс – по его словам, и мать моя не захотела дать на это денег под тем предлогом, что у меня и так есть деньги на счету, – вот это похоже на правду. На вопрос, почему не предупредил о приезде Веры – начал в глаза мне врать, что она ему на звонила (хотя она-то спрашивала, сказал ли он мне о ее приезде)! Сука какая, слов нет... Ну и – апофеоз! – обещал вчера вечером, когда уже на комиссию не съедешь, положить наконец мне вечером телефон в матрас – и конечно же не положил!..

Под эти разговоры я кое-как считал свой магазин, где выбор был не ахти, ни шоколада, ни конфет, зато было аж копченое сало (!) – получилось у меня на четыре с чем-то тысячи, а на остальное просил их взять огурцы и помидоры. Отдал; через короткое время он прибегает с моим листком опять – и заявляет, что по нему насчитали в магазине аж на шесть с лишним тысяч! И что надо побыстрее, т.к. уже пятый час, магазин скоро закроется. Только уже потом я сообразил, что это была разводка, т.к. я при нем сказал, и до этого, бывало, говорил, что с трудом считаю в уме. Кое-что (сало :)) из своего списка я вычеркнул, кое-чего сказал им взять поменьше. В результате после ухода Ромы принесли полную коробку: вроде много всего, но – не всё то, что я просил, оказалось даже лишнее (халва, которую я не ем); «марсов» – пять вместо 20-ти; оказалось аж три куска вычеркнутого сала, оказались и помидоры, и огурцы, о которых я уж и не мечтал; две бутылки вычеркнутого лимонада (завхоз сказал, что это последние); колбаса оказалась, но не столько, сколько я просил (одного вида, маленькие колбаски, на два бутерброда одна упаковка, – аж десять штук!); пряники – да, а овсяное печенье, бывшее тоже в моем списке и НЕ вычеркнутое – нет. В общем, я посчитал – на две недели ужинов мне хватит, из огурцов и помидоров на четыре ужина хватит еще и салат делать (сегодня после казенного ужина займусь); плохо, что на завтраки – всего лишь два кекса (которых в списке у этого козла вообще не было!) – а сегодня как раз,

впервые за долгое время, дали на завтрак пшенку! Майонез и шпроты (владимирские) я постараюсь сберечь до этапа, т.к. на передачу, положенную 23 октября, рассчитывать не приходится – до тех пор уж точно увезут... Посчитать толком ничего нельзя, список с ценами забрали, в списке одни товары, в коробке – другие, – и я всё думаю: интересно, сколько из моих 5000 р. эти козлы – дневальный и завхоз – украли и потратили на свои сигареты...

Привез мне Рома и распечатку статьи обо мне, вышедшей (в сокращенном виде) 14 августа в «НоГе в СПб», распечатка из ЖЖ Коцюбинского. Автор – не сам Коцюбинский, как я думал, он там обо мне дает комментарий автору – некой Серафиме Таран. И, конечно, идиотские мои фото с продления ареста весной 2013, где я выгляжу отвратительно, – эти именно фотки все мои «защитники» очень любят потому, что на них я в клетке сижу, отчетливо видны прутья и решетки. Им всем кажется, что так впечатление сильнее – не просто политзэк на фото, а именно в клетке; при этом мнение самого политзэка, какие бы свои фото он хотел видеть в СМИ, никого не интересует. Что ж, для изданицы, которое обо мне вообще никогда ни слова не писало, хотя писало о Тесаке, Горячеве и пр. – статья вполне приличная; в начале там упоминается перевод на крытую, но в основном разбирается вопрос, политзэк я все-таки или нет, т.е. идет открытая полемика с точкой зрения «Мемориала». Комментарии нескольких питерских «легальных правозащитников», Коцюбинского – и московского Давидиса от «Мемориала»! Рома весьма резонно предположил, что появление этой статьи в этом издании – ответ на мой комментарий о перережиме, что Рома у меня взял (на видео) 18 июля, – я там как раз говорил, что обо мне упорно не пишет «НоГа» (правда, я имел в виду не региональные ее редакции, а центральную), пишущая о Тесаке и пр., и упоминал Давидиса лично с его позорной формулой: мол, если Стомахина внести в список пзк, то, м.б., повысится общественное сочувствие и поддержка Стомахина, но понизится – пзк в целом. Что ж, очень хорошо, если так, если Рома прав и это – ответ на ту речь. По словам Ромы, ее и расшифровали, повесив в мой блог на «Гранях» под заголовком «Придут и за вами, господа!» (последняя фраза речи), и в виде ролика «Грани» повесили у себя, и вообще она достаточно широко разошлась. Очень хорошо, если на питерскую «НоГу» подействовал мой упрек: всегда бы получать такую вот реакцию вместо глухого, непрошибаемого молчания!..

Значит, скоро, скоро в путь-дорожку!.. :(В АД. Наталья так и не пишет ничего определенного о моем выезде после срока из этой проклятой страны, – отделяется пустыми фразами, что, мол, всё произойдет раньше,

чем я думаю, будет амнистия , и т.д. Ага, как же, держи карман шире!.. А в Италии, наконец-то она ответила определенно, ей не удалось обо мне ничего пробить, оказывается, потому, что редакции СМИ этого ее друга под 90 лет, медиамагната, по своим каналам «раз и навсегда» решили, что я «повязан с терроризмом». :)))) Излишне говорить, что источником этой информации в такой форме могло быть только российское посольство. А про то, издан или нет наконец нормальный украинский сборник, который дурак Миша непременно хотел дотянуть с февраля (!) до 24 августа, до WSD-2017, – не пишет Наталья ни слова, из чего легко догадаться, что он так и не издан...

Еще прикольную новость прислал Корб. Винс, организатор премии имени Сахарова, сам предложивший меня на нее номинировать, теперь предлагает сделать меня «почетным членом жюри» этой премии, – мол, для всего их жюри это будет честь! Ясно, что это лишь вежливый съезд с темы премии, им же предложенной (мне и в голову не пришло бы никого о ней просить); дается понять, что на премию рассчитывать нечего. Корб от нового предложения в восторге и заранее уверен, что я соглашусь; я, однако, просил Рому передать ему для Винса, что я решительно предпочел бы премию! Если есть хоть какая-то вероятность – гораздо лучше получить хоть какую-то, хоть третье место, но премию, и этот факт останется в твоей биографии навсегда, чем быть ни на что не влияющим «почетным членом жюри», о чем завтра же все и навсегда забудут. В общем-то, и тут ясно проявляется судьба: я – неудачник (хотя это слово очень возмущает Горильскую :))), так что всё, что хотя бы издали манит, предоставляется как шанс, что от доброго сердца обещают твои друзья – всё равно не сбывается совсем или сбывается в совершенно исковерканном, профанированном, никчемном виде. Грузинское гражданство в 2013, украинский сборник в 2016, итальянские публикации в 2016-17, премия Сахарова в 2017... Не будет уже ничего хорошего в жизни, ничего такого, ради чего стоит жить – это я понял уже давно...

Писал всё это целых полтора часа, глаза слипались, почти не соображал и не видел, ЧТО пишу. Так у меня бывало дома, ночами, в два, в три часа, за компом, еще лет 15 назад, до первого ареста, когда было еще много надежд... Забыл и про библиотекаря, а он вдруг пришел, принес хоть что-то, что можно почитать, наконец-то, после этого безумного шмона позавчера, забравшего у меня все книги... Читать, есть еду из ларька, делать салаты, пока есть из чего, да ждать этапа, – больше ничего мне не осталось...

27.8.17., 5-38

Этот убудок дневальный вчера даже не забрал из подушки мою

записку, которую сам же просил в присутствии Ромы меня написать: с телефонами матери, Веры, Глеба и пр. Но – подушка оказалась растрепанной, а я-то всегда наволочку вминаю внутрь, в середину, стараюсь подушку взбить, чтобы лежать было повыше. А этот хмырь, когда лезет класть или доставать записку, никогда потом не возвращает наволочку в такое же примятое положение, так что я сразу вижу, лазил он или нет. То бишь – вчера залез, прочел и засунул обратно, так, что ли?? В общем, похоже, мразь конченная, хитрая, умеющая втираться в доверие и ловко съезжать на комиссии и всякие прочие объективные причины, когда спрашивают в глаза и припирают к стенке. Случай со звонком Веры, о котором он позавчера врал, что она ему, дескать, не звонила, вполне основательно убедил меня в этом, больше и не надо никаких доказательств...

Надо сказать, после дня рождения, после безумного этого шмона и стресса, с ним связанного, а главное – после новости от Ромы о 14-м сентября стало мне еще хуже. Еще тоскливее, тошнее и страшнее. Особенно, конечно, по утрам, перед подъемом, как было вот сейчас, час назад. Самый тоскливый и тяжкий час суток для меня. И то – первое время, в июле, когда только что оформили мне этот перерезим, было все-таки не так тяжело, было как-то полегче. А сейчас стало совсем плохо и тошно... Не знаю, куда деваться... тошнит от одной мысли, что скоро придется опять полтора суток (!) провести в столыпине, пока довезут до Перми, куда нормальной езды отсюда – два часа... Даст бог, хоть на 29-ю не закатают, – о, как я ненавижу ее, эту проклятую 29-ю, этот тамошний ТПП!.. Но и на централье в Перми наверняка посадят с уголовниками – это первое дерьмо, омерзительное и неотвратимое, которое меня ждет после отъезда отсюда... А про всё дальнейшее не хочется даже думать, – хочется умереть, чтобы ничего этого не увидеть и не услышать...

После казенного ужина вчера сделал себе салатик из огурцов и помидоров, как и планировал. Возился довольно долго, а получилась небольшая тарелочка всего лишь. Помидоры маленькие, но мясистые, хорошие, вкусные, их ложкой не очень-то и разрежешь. Еще на три раза осталось огурцов и помидоров. И не знаю даже: эта работа, к которой я, в отличие от матери, никакого отвращения не испытываю – сидеть и резать себе же салат, – она отвлекает от мрачных мыслей, или же, наоборот, заняв руки, предоставляет им в голове полную свободу сводить человека с ума...

Воскресенье. Опять ждать проклятую баню. Сейчас еще смена Колобка, в 11 заступят мрази Стекольщик и курточник. В тот раз они, суки, только перед ужином повели меня в баню, – убудок Колобок не мог сводить утром, оставил меня им в наследство. Видно, так же будет и сейчас. Уже едет

говновозка с кашей...

6-25

Про отвратительную эту магию чисел забыл добавить хоть пару слов. 14-е сентября, окончательный вердикт – назначен на следующий день после 13 сентября, когда годом раньше, в 2016, мне в первый раз сказали, что меня отправляют на крытую тюрьму. А если перенесут хотя бы на пару недель – то, вполне возможно, отъезд на этап придется как раз на те числа, когда в том году в первый раз этот перережим рассматривал Чусовской «суд» – между 17-м, когда отложили из-за моей свиданки с Верой, и 27-м, когда отозвали ходатайство. Именно этот период, ожидание уже непосредственно этапа, будет максимально тяжелым – учитывая, что эти суки заранее про этап никогда не говорят, только в тот же день, помню по опыту декабря 2014 г. – каждый раз по понедельникам, средам и пятницам, когда в ночь идет поезд из Екб на Соликамск, придется нервничать до самого вечера...

12-17

Нажрался перловки... Черт его знает, зачем; сам не пойму... М.б., только потому, что, когда, придя из бани, хотел выкинуть – она успела загустеть, эта вечная слизь выглядела не такой отвратительной, не знаю... Да плюс еще и пахла мясом!.. :))) Все равно дерьмо эта перловка, даже если в нее намешать и майонеза, и аджики, – свидетельствую...

В баню повели эти два недочеловека – курточник Панин и Стекольщик – именно в тот момент, когда говновозка с обедом уже стояла под моей дверью, баландер успел мне сунуть все эти помои – суп из перловки и перловка на второе. Мол, «пока баня свободна», а то потом опять отключат воду, и т.д. На самом деле – просто из вредности, конечно, из желания напакостить хоть по мелочи, ущемить хоть в чем-нибудь (вместо обеда – в баню, а потом – жри всё холодное). В тот раз вели с шуточками-прибаутками, сегодня – с какими-то вздорными, нелепыми претензиями. На самом деле, эта нечисть, биомасса, куски говорящего говна (и не только эти двое) абсолютно ничем не отличаются от пасомых ими здесь уголовников. Абсолютно тот же гопнический, быдлацкий стиль во всем – в словах, в поступках, в мышлении (если считать, конечно, что у них есть чем мыслить...). Действительно, переодень их в робы – и не отличишь от уголовной швали. Тупая пермская гопота, по стечению обстоятельств попавшая в лагерь не эками а вертухаями. Но суть тех и других – одинаковая на 100%. Еще до бани начала почему-то вдруг сильно болеть поясница, причем не по центру, а где-то ближе к правому боку, и оттуда боль множеством тупых уколов, как веером, расходится по ногам, по бедрам, до колен и даже ниже. Это вот тупое колотье в ногах, осыпающее их,

как дробью, множеством уколов одновременно, даже мучительнее, чем боль в самой спине.

28.8.17., 5-40

Спина так и продолжает болеть, хожу с трудом, хотя, слава богу, колотье в ногах прекратилось еще вчера. Всё представляю себя вот в таком состоянии, с болями в пояснице – на этапе, с двумя неподъемными баулами в руках, которые еще и надо с земли забрасывать в автозак... Вообще, не могу ни о чем думать, кроме ужасов предстоящего этапа (точнее, весь он, в целом, является для меня и с физической, и с психологической точки зрения одним сплошным ужасом). Неумолимо приближается этот жуткий день, о котором – о, проклятые мрази, выродки, недочеловеки!!! – никогда и ни за что не предупредят заранее, хотя бы дня за два, а только в тот же день, да еще под вечер, всего за два-три часа... Вот уже и дата апелляции – первая, по крайней мере – назначена; ну перенесут ее, назначат вторую, а что потом?! Потом наступит вообще настоящий ад: каждый понедельник, среду и пятницу, после которых в ночь здесь проходит поезд на Соликамск, – я буду с замиранием сердца ждать, что откроется дверь... а то и просто «кормушка», и «закажут» меня на этап. И надо будет еще ждать до самого отбоя – только тогда эти мрази позволят взять из каптерки баулы, чтобы собирать в них вещи; и всё надо будет складывать, распахивать, перебирать – скорей-скорей, от волнения путая и забывая половину... Проклятые ФСИН-овские ублюдки! Проклятая страна, населенная рабами ФСБ!.. И опять – полтора суток в столыпине, в основном не едущем, а стоящем, – до Перми; в смысле путешествий таким способом СИЗО в Кизеле гораздо предпочтительнее, до него всего несколько часов езды, до утра... Не могу, хотя и заставляю себя, думать о том, что каждый прошедший день приближает к освобождению; нет, меня он сейчас приближает лишь к аду этапа, к неподъемным баулам, которые надо как-то волоочь из последних сил, и к камерам, набитым мерзкой бессмысленной биомассой – уголовниками с которыми посадят, не слушая никаких моих просьб и протестов...

29.8.17., 11-55

Вчера после обеда, часов около двух, принесли вдруг опять пачку писем. Так быстро я не ожидал – а оказалось, это вообще за июль и за начало августа! То бишь, когда мразь Баяндин 24-го приволок мне пачку писем – там были не все, еще почти столько же остались где-то валяться – и до вчерашнего дня! Три письма от матери, три – от Землинского, по одному – от Феликса, Гедройца, Кирилла Подрабиника, Мкртчяна – словом, от всех, от кого я давно ждал. Какие суки, нет слов, – даже письма не могут принести

по-человечески, все сразу за месяц!..

Пока шли вчера традиционные «крестины», успел ответить Феликсу, матери, Подрабинеку и Гедройцу. Остальным – сегодня с утра. Новостей никаких для меня важных эти письма, увы, не содержат, устарели уже все их новости... Феликс пишет, что он, оказывается, живет в том самом доме, в котором подворотня, ведущая дворами на улицы Правды!..

После шмона сейчас принесли бумажку – апелляция назначена-таки на 14 сентября, только на 14-30, как мне сказал Рома, а на 10-20, что еще противнее (только-только закончится, дай бог, шмон). Как я ненавижу их всех, всю эту мразь, всё это проклятое государство, все его «суды», ФСИНЫ, ментов, гэбню, какой лютой смертельной ненавистью я всё это ненавижу – всё, что хоть как-то связано с этим проклятым государством!!! Опять всколыхнулось всё это в душе, залило, затопило мозг при виде этой поганой бумажонки с гнусными, лживыми словами «суд» и «судья»!.. Какой там к черту суд!.. Бить, стрелять, взрывать, из пушек в упор расстреливать надо все ваши «суды», ментовки, тюрьмы, лагеря, все ваши «силовые структуры», безо всякого исключения, бить, уничтожать, предавать огню и мечу!!! Трудно даже вообразить, какая лютая, страшная, бешеная ненависть бушует в моей душе, как только я слышу или нюхом чую хоть один мундир или камуфляж, хоть один орган этого проклятого, поганого, ублюдочного государства, сломавшего мне жизнь!.. 14-го сентября соберутся доламывать, – впрочем, не «соберутся», в бумажонке написано, что дело будет слушаться единолично. То бишь – одним-единственным упырем в черном балахоне, ломающим ту комедию, что будто бы он «судья»... Но – придется, господа, отложить еще дней на 10, на 14, – я обломаю вас, потребую переноса заседания. И пожелаю вас всем сдохнуть, бляди!..

Опять поганая перловка на второе в обед. Повадились, суки... Но, правда, в этот раз – без слизи, почти что сухая. Опять нажрался этой дряни с майонезом и аджикой, – вот на что я перевожу майонез... Сегодня, кстати, в шесть вечера, как и три предыдущих дня, буду делать себе салат из двух огурцов и четырех маленьких помидоров – последний. Какая это роскошь здесь, в этом аду – салат из овощей, с ума сойти! По-настоящему регулярно, на постоянной основе, этим наслаждаются только блатные.

Осень скоро, а недавно еще была весна... и потом опять будет. Не знаю даже, ЧТО именно я хочу написать, как облечь чувства в слова. Залитая солнцем даль... Луг, а за ним – лес, и сверху – безоблачно-синее небо. Я представляю себе эту картину почему-то, не знаю, почему и с чего. Даль луга, леса, неба... Даль моей жизни... Сколько мне еще отпущено? Я представляю себе эту опушку леса на солнце, листья уже начали желтеть, –

осень... Увижу ли я это когда-нибудь наяву? Мне кажется, что – нет, что эти каменные мешки и столыпины – навсегда... Или потом буду вспоминать всё это как страшный сон, как кошмар, гуляя по солнечному осеннему сентябрьскому лесу? Сколько лет должно пройти, чтобы зарубцевались эти раны в душе, чтобы прийти в себя? Не знаю... Где-то светит солнце, поют птицы, желтеют опять листья... а я здесь, и впереди, увы, лишь еще худший АД, еще 811 дней отсидки в плену ни за что, лишь за высказанное вслух личное мнение... :(((

30.8.17., 5-36

По-прежнему продолжает болеть поясница, особенно сильно – когда встаешь с нар ночью и утром. Уже четвертый день, с воскресенья, по-моему, с прошлой бани. А сегодня уже новая баня, опять ждать, когда они поведут, соблаговолит ли повести эта смена (белобрысый упырь Лезгин), или оставит в наследство следующей (мрази Колобку)...

Невыносимое, дикое отчаяние и тоска каждое утро, пока не сплю уже, жду подъема, а просыпаюсь я обычно в два, максимум в три ночи где-то. Невыносимая тоска, хоть башкой об стену бейся, хоть разбей ее совсем, насмерть... Теперь мне уже все равно, я могу писать об этом сколько хочу, не боясь забить весь дневник одними этими своими переживаниями: всё равно даже эту тетрадь я не испишу до конца, скоро писание дневника закончится! Этап, а там сидение с уголовниками... тут уж не до дневника будет, не придется ничего записывать, даже если – что не факт! – «мусора» в крытой, как и здешние, не будут интересоваться тем, что это я там такое пишу... Дикая, мучительная, смертная тоска – и даже сказать об этом некому. Нет у меня никого, за всю прожитую жизнь – никого... Когда становится совсем уж невыносимо тошно на душе, начинаю по привычке думать: кому бы написать письмо об этом, поделиться, облегчить душу... Но – каждый раз теперь прихожу к одному и тому же выводу: нет, некому мне писать, некому... Матери, Вере, Мане, Глебу, Лене Маглевой, Паше Люзакову, Феликсу – кому только я ни писал уже об этом. Но – никто не может помочь, никому не интересно это читать. Мать не понимает, Маня – вообще вне зоны доступа ... Человечнее всех отозвался раз или два (вот как раз в позавчерашнем письме в том числе) Феликс – но что же грузить его этим раз за разом? Нет уж, хватит. Тем паче, что, кроме теплого и дружеского тона, каким он отвечает мне, помочь он всё равно ничем не может.

Пока писал это – заглянул в «глазок» вертухай, ну прямо сама любезность: интересовался, пойду ли я в баню сейчас или после завтрака? С ума сойти, какая предупредительность!.. Но – не стоит обманываться: это тот самый

вертухай, что 24-го, отперев дверь, сказал мне: мол, одевайте куртку, выходите на обыск. Всё в точности как писал Буковский: могут и говорить вежливо, и даже сочувствие изображать, но скажут такому нас расстрелять – расстреляет, рука не дрогнет...

6-25

Развитие сюжета про баню: после завтрака явился белобрысый упырь Лезгин, я уже было взял всё для бани – и вдруг он заявляет: сегодня придется идти без палки, – оказывается, эти уроды не могут найти ключи от ящика, куда они ее запирают. Я, естественно, сказал, что без палки не пойду, пусть ищут ключ где хотят (там здоровенный порог, прыгать через него без палки мне слишком трудно). Этот ублюдок ответил: ну и не ходи, – закрыл дверь и ушел. И – как я слышал по лязгу двери – уже загнал в баню кого-то другого. Вот так у них всё, у этих мразей. Хотя, конечно, мне сто лет не нужна эта их баня, – вот так вот закажут на этап, и тоже не будет ключа от ящика, и заставят ехать так, без палки, два года прыгай потом по лестницам как хочешь без нее... Мрази, сучьи выблядки, как же я вас всех, всех, всех ненавижу!.. Будь всё проклято!..

17-52

Ключ эти упыри всё же нашли, в баню повели меня без десяти минут восемь с палкой – причем в дальнюю, бывшую СУС-овскую, где палка не нужна! Выводя из камеры, этот же упырь, что приходил на шмон 24-го – сейчас именно его ставят напарником ублюдка Лезгина – спросил, а есть ли у меня разрешение на палку. Никаких «разрешений», разумеется, вообще не должно быть – но я полез, достал ему мое заявление на палку, подписанное тогдашним начальником санчасти, – и, разумеется, этот недочеловек вполне ожидаемо заявил, что разрешение это недействительно, т.к. подписано еще в 2014 г., а надо якобы каждый год получать новое. Я эту их мульку помню еще по тому сроку: якобы все их же разрешения действуют только на тот год, в который выданы; но это, разумеется, полный бред, т.к. если на документе не обозначен срок его действия – то по умолчанию он действует бессрочно.

С ужином опять угадал: «уха» из кильки!»! Так и думал заранее: либо «уха», либо перловка. Полтарелочки жидкого пустого хлёбова: чуть-чуть рыбы, чуть-чуть сушеной картошки, чуть-чуть крупы. Этого – предполагается – должно хватить на 12-13 часов, до завтрака в шесть утра... На самом деле этого и на два часа не хватит. Такой вот у этих мразей «ужин»...

Ничего не делал весь день, – немного читал, немного дремал, как обычно, оперев голову на ладонь; довольно долго ходил туда-сюда по камере,

размышляя. Тем не менее, измотался, устал страшно, как будто вагоны разгружал весь день. Физически измочален этим топтанием по камере, этой проклятой табуреткой, невозможностью лечь, расслабиться. Если бы можно было лечь и лежать – насколько легче было бы... Суки, выродки, гондоны дырявые, – вот они, наяву, в полный рост, те действительно пыточные условия, в которых вы меня держите!..

31.8.17., 5-31

Вчера хоть баню ждал с утра, а сегодня вообще делать нечего весь день, только читать библиотечное барахло, которое лезет с трудом. Разве что газеты принесут, их уже десять дней нет, с 21-го августа. Тоскливо, как обычно по утрам, и сокращение срока совсем не ощущается в душе. Лежал сейчас перед подъемом – и думал, какой это будет кошмар, если в Перми на централье засунут в камеру к уголовникам. Даже пусть на несколько дней всего, до ближайшего этапа – всё равно, нервы помотать мне они успеют... Да и само это путешествие отсюда в Пермь – погрузка в столыпин в 12 ночи, пока шмон, пока туда-сюда – одна бессонная ночь. Вторая – в том же столыпине, можно подремать, если будет место лечь и что-то подходящее под голову вместо подушки, но – едва ли я в такой обстановке засну. В Пермь тогда, в 2014, привезли отсюда уже под вечер – тоже пока прошмонают, пока рассадят... Надо бы поужинать перед сном, но – сразу вытащить на глазах у уголовников все свои припасы – значит очень быстро с ними и расстаться, эти твари будут требовать «угощения» постоянно, до тех пор, пока всё не кончится. То бишь, предстоит таскать баулы на себе на голодный желудок и без сна, – вот и весь первый круг этого нового АДА, в который мрази меня отправляют. Да, этап еще не завтра, еще, даст бог, месяца полтора пробуду здесь – но всё равно тоскливый ужас охватывает при одной мысли о том, как всё это будет, при воспоминании о том, как это было в прежние разы...

Пшенку дают то на обед (вчера), то на ужин, но упорно не дают на завтрак. Поэтому я сижу без завтраков, – двух кексов, которые на мои 5000 р. мне взял в ларьке ублюдок завхоз, увы, хватило всего на два дня, они уже съедены. Ни макарон опять, ни гречки, ни риса, ни гороха нет в их убогом меню, – только эти отвратительные говнокаши, сечка да ячка... И точно! – сейчас на завтрак опять какая-то говнокаша...

Поясница тоже по-прежнему продолжает болеть – не по центру, а слева, ближе к левому боку. Особенно болит с утра, как встаешь, днем боль эта уже особо не чувствуется, не то что в первый день...

12-45

Вот и всё... Вызвали в обед – местная психолог и начальникек по воспитательной, по-моему, работе. Сказали: умерла мать. Я сперва никак не

мог поверить, просто не мог... Звонила, как я понял, Света, сообщила, и, сказали, в ближайшее время должен приехать Рома, оформлять генеральную доверенность – не знаю уж, на кого.

Всё, отмучилась мать. Не дождалась... Сколько ругались с ней, а сейчас вот – хоть волком вой, хоть башкой об стену бейся... Не дождалась, не увидела; в августе 2015 в Москве была у нас последняя свиданка. Теперь я ничей, сам по себе; теперь я взрослый, – мать, помню, говорила, что человек остается молодым, пока живы его родители... Не знаю, что и делать-то теперь. Нет перспектив. Теперь, если сам доживу, домой – только за книгами и бумагами, а так – некуда деться... И два года еще в этом аду... Да, второй этот арест полностью сломал мою жизнь, ничего не осталось... Будь она проклята, эта страна, не описать словами, как я ее ненавижу... Никого теперь нет, никого... Если б хоть Маня... но и на Маню уже нет надежды. Я думал сейчас, когда повели ради исключительных личных обстоятельств на таксофон, спросить Феликса, видел ли он ее, есть ли ответ... Нет денег на карточке, не смог даже позвонить никому... Психолог обещала еще раз зайти в пять вечера.

СЕНТЯБРЬ 2017

1.9.17., 5-55

Весь день вчера и сегодня как проснулся – в тягостном оцепенении, в состоянии, как будто схожу с ума, мысли мечутся... Психолог здешняя, мадам Петухова, надо сказать, проявила истинно человеческое отношение, какого я даже не ожидал. Пришла не в пять, а около трех, долго говорила со мной в кабинете, уверяла, что моя-то жизнь продолжается, что всё теперь зависит только от меня. Что не так, конечно. Говорила, что, м.б., освободившись, я найду себе «единомышленницу» и не буду совсем один, ведь я такой умный, начитанный и т.д. Я не хотел сперва, но потом все же сказал, что одна такая уже есть – уехала в Киев и не пишет уже полтора года. Мадам Петухова удивилась – думала почему-то, что из Киева письма вообще сюда не доходят. Эх, Маня-Маня, где ты?..

Тоскливое, тягостное оцепенение – и в то же время мысли бегут безостановочно, воспоминания всплывают одно за другим. В основном я вспоминаю ее молодой еще, в 80-е годы, – как приходил к ней в школе, как мы ездили отдыхать. Столько миллионов этих воспоминаний, этих ярких цветных кадров... Где теперь это всё? Как часто, за десятилетия еще до смерти, она говорила: «Вот когда я умру...» или «Вспомнишь, когда меня уже не будет...». И вот – ее нет. Что теперь вспоминать? Плохое или хорошее? Как она заставляла меня ходить в школу, которую я ненавидел? Как рвала жилы, искала деньги, бегала по школам в 80-е, в 90-е, пока еще не была на пенсии, как мы с ней возили в ломбарды не только золото (ее два кольца, – где-то они сейчас, кто их найдет?), но и серебро столовое и даже хрусталь? Для чего всё это было, для чего она стояла по полдня в очередях в этих ломбардах, сидела по целому дню с учениками, когда они еще были, чернела от горя и страха перед завтрашним днем, когда не было периодами достаточного заработка? Ради чего всё это было? Ради того, чтобы заработать денег, чтобы прокормить меня, тогда еще школьника или студента? Ну вот, прокормила – и что теперь? Теперь я сижу тут на казенном обеспечении – а ее вообще больше нет. Мне осталось еще от силы лет 30, как и ей 29 после смерти ее матери – и всё, меня тоже не станет, и все усилия, муки, страхи, вся ее прожитая жизнь, как и моя – пойдут прахом. Прошла по земле – и умерла, не оставив следа, и помнить будут еще два-три десятилетия немногие – я, да Леня, тот ее ученик, что ходил к ней все последние годы, да, м.б., Света Сидоркина, которая и позвонила сюда, Лена Маглеванная, Наталья... А потом всё равно всё исчезнет, те, кто помнит сейчас, тоже умрут, память сотрется, всё забудется, вся наша семья – бабушка, мать и я, такие

счастливые на этой памятной фотографии 1976 года в Евпатории, у моря – исчезнет без следа, темные воды забвения сомкнутся над нами всеми навеки... Вот он, неизбежный итог, тщета человеческой жизни, которой не видит за повседневными заботам и о которой не думает обычно человек. Всё оказывается в конечном итоге бессмысленно, жизнь обрывается – и ничего нельзя сделать, и единственный, любимый сыночек, о котором она так заботилась всю жизнь – выжил, пережил ее и через какое-то время тоже умер, и история семьи на том и закончилась. Для чего же было это всё – все эти ее усилия, мучения, бессонные ночи, заботы и тревоги о том, где взять денег на жизнь, о том, чтобы я хорошо закончил школу, поступил в институт, окончил его... Ну окончил – и вот уже 17 лет лежит дома мой диплом, не пригодился и уже едва ли когда пригодится мне. Ну и что? Из-за чего были все тревоги и мучения Мать могла бы при жизни, и 10, и 20, и 30 лет назад жить гораздо счастливее и веселее, не думай она постоянно обо всем этом, о деньгах, о заработке, об учениках... Для чего же было это всё? Для одного меня, который тоже отнюдь не вечен и обречен умереть через какое-то время? Сколько я ни думаю об этом – но понять не могу. Вижу теперь итог, к которому пришла вся жизнь матери, прошедшая на моих глазах – и не могу понять, зачем всё это было нужно; и то, что ей тогда казалось сверхважным – ночей не спала, вся убитая ходила, когда отбирали часть нагрузки в школе, когда грозили увольнением из-за жало родителей, когда уходил ученик и оставалось мало денег на жизнь, – где теперь это всё??? Прошло 20, 30 лет – и где теперь все эти заботы, мучения, бессонные ночи, и где она сама? Не осталось ничего – и даже вспомнить про всё это некому, кроме меня. Для нее было страшным горем, что я сижу, один раз, второй раз, – но всё же, пожалуй, она гордилась тем, что я не уголовник, а достаточно известный политзэк, что ей звонят и хвалят меня люди типа Натальи, а особенно – что у меня выходят книжки, две из которых ей довелось видеть и держать в руках. Вот, пожалуй, единственный значимый итог всей ее жизни – увидела, как единственный и любимый сыночек, можно сказать, вышел в люди – пишет книги, сидя в тюрьме, и они издаются на воле. Это – единственное, что ей довелось увидеть в качестве плода всей своей жизни и всех своих трудов, мне кажется. Не слишком ли этого мало? Увы, очень мало, особенно если учесть тиражи этих книжек и полное их отсутствие в магазинах...

Слез нет, но – ступор, тоска, какой-то паралич сознания, мыслей, воли. Мать умерла – а я по-прежнему здесь, в камере, по-прежнему в девять вечера отбой и в пять утра подъем, по-прежнему ходят за дверью вертухай, ездит тележка с баландой, опять сейчас, в девять утра, будет шмон... А ее уже

нет... Всё так же, как было – и я не могу понять, что же случилось, почему ее нет – а ничего не изменилось, и есть ли оно, это моё горе, или оно вчера только приснилось мне. Войду в квартиру в Москве – та же старая мебель, те же обои, те же старые ковры на полу – а матери нет. Нет – и никогда уже не будет. Как же осознать это, как смириться с этой мыслью? И как жить дальше без нее, совсем одному? Сколько бы мы ни ругались – а всё же единственный родной человек, пусть давно уже не близкий духовно, но всё равно любивший меня, – она любила меня сильнее, чем кого бы то ни было за всю ее жизнь, и она была единственным за всю мою жизнь человеком, кто меня по-настоящему любил, кто по-настоящему, не для виду только, не между другими делами, переживал за меня. Куда там Мане с ее уверениями в любви!.. Одна мать и любила меня за всю мою жизнь, хотя порой и «странную любовь», эгоистической, чересчур эмоциональной, пытаюсь навязывать мне против моей воли то, что она считала для меня благом. Это вызывало у меня естественный протест, как всегда бывает у молодежи, – но теперь, оглядывая мою и ее жизнь как целое, как длинный, но уже законченный (ею) путь – я вижу, скольким я ей обязан (тогда-то, 20 или 30 лет назад, не обращал внимания, хотя она и тогда мне про часто говорила – тоном попрека, увы...) и как права она была, когда в письмах все эти последние годы писала мне: радуйся, что у тебя еще мать жива. Я понимал, впрочем, что это огромное преимущество – и радовался, да. А теперь вот – ее нет, и я искренне не знаю, что мне делать. Есть друзья и близкие люди – Вера, Наталья с Сергеем, Феликс, Глеб, Рома, отчасти, м.б., и Света, Лена Маглеванная, Корб, Майсурян. Кроме Ромы, по-моему, у всех уже матери умерли, а у многих – и отцы. Или нет, у Светы мать еще жива, по-моему. Все эти люди прошли через горе, постигшее меня, – и не пропали, выжили, продолжили свою прежнюю жизнь и свое дело. Тот же Глеб вернулся из Америки, похоронив отца – и ездил ко мне, живя уже один, без родителей, мать его, по-моему, умерла еще раньше. Родителей Майсуряна тоже обоих уже нет, и матери Феликса тоже... Мы с матерью тоже за 29 лет не пропали – после того, как, по ее рассказу, бабушка в последнюю ночь, когда ее увозили на «скорой», несколько раз с ужасом спрашивала: как же вы будете без меня?.. Не пропали, прошло еще почти 30 лет – и вот передо мной снова стоят эти же проклятые вопросы: как же я буду жить без матери, теперь уже совсем один на свете? И насколько могу я положиться на друзей, у каждого из которых, кроме моих, полно и своих проблем? Я тоскливо думаю об этом – и боюсь думать, не нахожу ответа, предполагаю, как обычно, самое худшее... Я не знаю, как мне жить дальше.

Почему-то, часто думая последние годы, что мать очень плоха и может

умереть, я был уверен, что ее поддерживает и будет поддерживать желание во что бы то ни стало увидеть меня, дожидаться, будет придавать ей силы сознание того, что надо непременно дожидаться и что она нужна мне. Она сама несколько раз говорила, что это только и придает ей сил. Я, если честно, наивно рассчитывал на это, – на силу ее духа. Но, вопреки всем уверениям мадам Петуховой, не сами мы определяем свою судьбу, не от нас зависит всё в нашей жизни, да и вообще – ничего, по большому счету, не зависит. Не дождалась мать, не хватило ее силы духа, чтобы продержаться еще два года, и не закрыть ей глаза, ни присутствовать на похоронах – мне не довелось. Я считаю, что ее, без всякого преувеличения, убил этот путинский режим, вся эта мразь в погонах, и в штатском, и в судейских мантиях, это проклятое государство, – да, именно оно исковеркало не только мою, но и ее жизнь, превратив в ад последние 16 лет, с тех пор, как в 2001 ко мне приперся первый обыск; оно, это проклятое государство, отняло меня у нее – один раз, потом второй раз, причинило ей страшное горе (только смерть моя для нее была бы горем еще худшим), послужило причиной столь быстрого и острого развития всех ее болезней – ишемии, стенокардии, сердечной недостаточности... Она сама всегда говорила, что «все болезни от нервов», так что если бы не проклятая эта путинская мразь, посадившая меня, – мать еще могла бы жить. Это государство активно приложило руку к ее смерти – и это тоже записано уже мной в счет путинцам, чекистам и всем «патриотам России» – счет, который когда-нибудь, я надеюсь, будет всё же предъявлен к оплате. Они исковеркали теперь мою жизнь еще сильнее, чем раньше, это проклятое государство, эти чекисты и тюремщики, ускорив уход из жизни моей матери, фактически – убив ее постоянными страданиями и страхом за меня...

Про Рому мадам Петухова вчера сказала, что он приедет 4-го или 5-го, в понедельник или вторник. Это – единственное, чего мне остается ждать в моей скорби, тоске и протрации этих дней.

2.9.17., 5-40

Вчера вечером – после «крестин», как обычно – принесли четыре свежих газеты. Читать их сегодня весь день – и хоть один этот день забыться и не думать ни о чем, ни о том ужасе, который случился только что, ни о том, который еще предстоит...

Между прочим, как окажусь на крытой, всё как-то устаканится – и там ведь мне захочется получать эту чертову газетку, – к хорошему ведь быстро привыкаешь. А за чей счет теперь ее выписывать? Раньше мать просто давала деньги Землинскому...

Написал за вчера и позавчера письма – к Наталье Горильской, Феликсу,

Мане и – наконец-то решился с тех пор, как недавно Землинский нашел мне в интернете адрес – Светозарскому. Сам не знаю, зачем – всё равно ведь он не ответит. Он адепт этой гэбэшной РПЦ, да и вообще, скорее всего, путинист. Хотя – мать-то мою он 100% должен помнить. Впрочем, письмо Мане я тоже числю по разряду бесполезных – так, для очистки совести, чтобы потом мочь сказать себе, что сделал всё возможное, исчерпал все способы докричаться и достучаться...

Какая тоска, господи!.. Об этой пустой квартире в Москве я не могу теперь думать без ужаса и отвращения. Да и о самой Москве тоже. Нет уж, «отсидеть – и уехать», в этой проклятой Москве никого у меня больше нет, а каждая улица, каждый знакомый дом – будут лишь напоминанием о прошлом, о том, что могло бы сбыться, да не сбылось... Мои любимые места в Москве – платформа Красный Балтиец, Большая Академическая улица, по которым столько лет ходил я домой, действительно каждый дом в этом районе знал, так хотелось порой за этот срок увидеть их снова, – теперь мне и вспомнить их тошно, самая мысль об этом обо всем ненавистна! Ведь десятилетиями, в 90-е и в нулевые, я шел по Б.Академической в сторону дома, где ждала меня мать. Ждала, нервничала, когда появились мобильники – звонила и спрашивала, где я... А теперь у меня в ТОЙ СТОРОНЕ нет никого, никто меня там не ждет, мне туда больше не нужно, незачем и не к кому... «Будь она проклята, Москва!» (с) Алина из «Самгина».

807 дней осталось, 115 недель. Скоро увезут, в Минусинск, скорее всего – но мне теперь уже все равно, куда. Матери нет, а остальные – доберутся как-нибудь, прилетят, если им надо будет. Хотя с Глебом и Ромой мать разругалась с осени 2016, но со Светой дружила – и всё время уговаривала ее поехать ко мне, просила, дергала, напоминала. Кто ей, с ее-то занятостью, будет напоминать теперь?..

4.9.17., 5-46

Понедельник. Опять с утра, точнее, еще с ночи, льет и грохочет за окном, – гроза. Опять холодно в камере, вчера мерз весь день, сегодня без одеяла сразу замерз перед подъемом. Опять порвалась вчера вечером, после отбоя уже, затычка для «дальняка», прогрызаемая снизу крысами, хотя я очень хорошо, на совесть, сделал ее только 18-го августа! Пришлось сейчас, с утра, чинить ее опять – но теперь, увы, надо всё экономить, в том числе и пакеты для мусора, новых теперь мне едва ли кто привезет... Так что я взял тот же, уже продраный в нескольких местах, и кое-как всё же сумел завернуть груз в него и обвязать веревкой.

Опять сквозь оцепенение, смертную тоску, совершенный ступор первых дней по поводу смерти матери проступает и мой прежний ужас о том, что

совсем скоро уже придется ехать на крытую тюрьму. Да, если сам не умер, то надо как-то жить дальше, реальная жизнь грубо вторгается и в твои эмоции, и в твои планы на будущее. Вот только – НАДО ЛИ на самом деле, жизнь ли это? Кому она нужна, такая жизнь? – тем паче в неволе. На воле Наталья Горильская обещает мне в Киеве и жилье в ее квартире, и средства на жизнь, и вообще все блага, но – надо, во-первых, еще попасть в этот Киев через укрепленную в последние годы границу; во-вторых же – мало ли бывало случаев, когда люди отказывались от заранее и не раз данных ими обещаний, ссылаясь на изменившиеся объективные обстоятельства, а то и вовсе без объяснений??? Так что, если не брать в расчет зыбкое пока для меня обстоятельство – обещания Натальи, – то по факту, в сухом остатке – мне попросту нечего будет жрать на воле, будь я в России или в Украине. Не говоря уж – два года придется полностью зависеть от друзей: приедут или не приедут, положат или нет денег на счет, найдут ли деньги подписать мне газету, сподобятся ли, найдут ли деньги собрать мне передачу и что именно в нее положат; а если чего-то не положат, или я забуду попросить – следующая передача в крытой только через год, и обходись как хочешь... Не то чтобы мать, будь она сейчас жива, могла как-то сильно повлиять на это положение, не выходя сама никуда из дому; но – ей, по крайней мере, я мог ясно и четко всё написать – и она звонила всем, дергала, напоминала... Теперь беспокоиться обо мне некому, уввы.

Самый главный вопрос – приедет ли сегодня Рома с нотариусом. Мадам Петухова сказала, что он обещал приехать в понедельник или вторник – делать генеральную доверенность, только вот уж не знаю, на чье имя. Светы, скорее всего, если ей это надо. Кроме нее, Веры и Феликса – других кандидатов в Москве и нет...

12-08

Тишина. Никого нет, – ни Ромы, ни даже этой мадам Петуховой, которая точно обещала сегодня прийти. Впрочем, день еще не кончен...

Тоска дикая, невыносимая, изматывающая. Тоска и страх. Всё-таки у матери я был один, я был ее и главной, да и вообще единственной заботой, пока она могла хотя бы держать в руках телефонную трубку и давать приходящим к ней деньги – на поездки ко мне, на магазин и т.д. А все прочие – и ребята из Екб, и Вера, и пр. – защищают вовсе не меня одного, у них еще куча подзащитных и подопечных. То есть – придется ждать, когда до меня дойдет очередь, а дойдет она, как показывает опыт, нескоро. Тут же Свету мать постоянно дергала, тормошила просила, напоминала, – без этого, скорее всего, Света вообще не приехала бы сюда ко мне ни разу. Кто теперь будет ей напоминать?? – у меня и адреса-то ее домашнего нет, а

офисный – мог давно поменяться... У Феликса куча работы, поездки в Киев регулярно; у Натальи голова занята стройкой, это ее главная забота вот уже не первый год. Можно писать через кого-то, просить, напоминать... но и те, кому пишешь, тоже заняты своими делами, тоже работают, им тоже не до меня. Маглеванная работает в магазине – и всё, объем ее участия и помощи определяется свободным от этой работы временем. Пока есть деньги на счету, есть конверты, бумага, ручки, можно купить что-то, можно написать и попросить ответить на пришедшее письмо... Но что будет дальше? В следующем году, в этой проклятой крытой?? Пожалуй, тревожиться о будущем мне свойственно даже больше, чем покойной (не могу писать это слово спокойно!..) матери. Осталось два года – не так много, да, но и их надо прожить, надо что-то кушать каждый день – и желательно не ту отвратную перловку, что опять дали сейчас на обед, я опять заранее угадал! (Хорошо еще, что сухую, без слизи, так что с майонезом и аджикой я кое-как съел ее.) Наголодавшись, хлебнув горя этим сроком – я не могу относиться к этому вопросу легкомысленно, не могу не думать наперед, как буду мотать эти два года. Вот без медицинской помощи кое-как научился обходиться, два года в этой камере – практически не обращался к здешним «врачам». Но обходиться без еды, точнее, сидеть на одной лишь их мерзкой баланде – никак не могу... А для этого так или иначе нужны деньги, и на то, чтобы, приехав сюда, положить их мне на счет, тоже нужны деньги (а для поездок – еще и свободное время). Просить же их – и стыдно мучительно, до слез, да и – у кого, кроме Натальи, они есть, деньги-то?..

Писал всё это больше 20 минут, но никто так и не появился за это время.

17-26

Мадам Петухова появилась лишь без 20 минут пять, – на три минуты через решетку, как обычно, т.к., по ее словам, кабинет был занят. Кем уж он всегда занят – не знаю... Ни Рома, ни тетка из «соцзащиты» местной, которую мадам Петухова еще на той неделе просила ко мне зайти, – не пришли. (Пишу «тетка», т.к. обычно там работают одни тетки; мадам Петухова сама предложила позвать ее и уточнить, когда я сказал, что зэков теперь выписывают из квартир, так что как теперь мне отсюда вступать в права наследства на эту квартиру – непонятно.) Мрачное предчувствие, что Рома не появится и завтра. Или, м.б., он ждет Глеба, который, по его словам 25-го августа, как раз вот сейчас, в начале сентября, должен вернуться с заработков? А ведь, поскольку, как мне было передано, едет он(и) делать генеральную доверенность, не знаю уж, на кого, – им ведь еще надо будет, по идее, заехать и к нотариусу, как было в тот раз, почти год назад. А до того – по логике – еще и ко мне, чтобы спросить, хочу ли я этому лицу давать

генеральную доверенность или нет. Так что езды и работы со мной тут у них будет много, но – мне почему-то уже не верится в их приезд...

Прошел в обычное время ужин – и сейчас, похоже, у мразей намечаются «крестины». А у меня такое ощущение, что я схожу с ума. Ступор, оцепенение, мысли, кружащиеся весь день вокруг одного и того же, по кругу, без выхода, без просвета... Ни о чем, как только бросаю книгу, не могу думать – кроме матери и своей погибшей жизни. Полный жизненный крах – вот как это называется. Полный, тотальный... Всё время вспоминаю себя молодым, – то времечко не вернуть уже, эх, не вернуть... Да и мать – эпохи 80-х, 90-х гг., в ее парадном синем костюме и белом жабо на груди – на линейке 1 сентября перед школой, это еще первая половина 80-х... Будь проклята вся моя жизнь!.. Да плюс – еще одна беда: опять стал дико болеть с правой стороны язык – ранится об края зубов. У меня так уже было тут – не помню точно, в начале 2016, что ли, я сильно и долго мучился, пока наконец прошло. И вот – опять...

805 дней осталось, ровно 115 недель. Будь же всё проклято, проклято, проклято!!!

5.9.17., 5-48

Опять не спал полночи: лег в десять, проснулся где-то в начале второго – и всё! Опять будут днем слипаться глаза. Холод в камере такой, что самое лучшее было бы – лежать с головой под одеялом весь день. Но нет, нельзя – приходят суки и поднимают чуть свет...

Тоска, тоска... Лежал и думал, мучительно, неотступно: кому же теперь достанется всё то, что остается в этой квартире, где мы жили? Книги в первую очередь. Вспоминал, как в 80-е, еще при жизни бабушки, мать покупала за большие деньги, как нечто крайне редкое и ценное, роскошные иллюстрированные альбомы: «Фонтаны Петродворца», «Сокровища Алмазного фонда», сборники картин каких-то художников... Роскошно изданные, отпечатанные в той типографии Внешторгиздата на Илимской, где у нее работала родительница (Романова, как сейчас помню) – альбомы эти и по сей день стоят у нее в книжных полках, в ее комнате. 30 лет прошло – и кому они сейчас нужны? Я уеду, даст бог, – и куда пойдет это всё? Шансов, что удастся хотя бы какой-то статус получить в Украине, после чего найти деньги на перевоз туда всей библиотеки из Москвы, – крайне мало. Так, видимо, и сгинет всё, о чем тогда мать заботилась, радовалась этим покупкам, тряслась над этими альбомами и книгами, а бабушка ругала ее за зряшную трату денег... Сгинет всё, без следа, как иллюстрация к Экклезиасту: всё – суета сует, и что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Грустно читать это в библии, но когда

видишь это воочию, на практике, видишь, как исчезает, превращается в ничто, в пыль и прах весь труд, все заботы, надежды, стремления, всё, чем 40 лет жили два поколения твоей собственной семьи, – охватывает просто дикая тоска...

Вспомнил, лежа ночью без сна, что у матери ведь где-то должны лежать ее два золотых кольца, которые все мое детство и юность она бесчисленное число раз закладывала и перезаклаживала в ломбардах, десятилетиями нас выручали и кормили эти ее кольца, она работала на ломбард, платила проценты – но потом, когда с 2000 г. мы стали жить получше, выкупила их, и они лежали у нее где-то в комнате, она их не носила. Одно – с рубином, найденное (!) ею где-то в 70-е еще слишком для нее широкое; поэтому она прижимала его вторым – толстым обручальным кольцом, носила их (когда-то, когда еще было куда их надеть) всегда вместе. И вот – она умерла, а кольца эти где-то лежат в ее комнате, в какой-нибудь вазочке, как обычно. Для меня. разумеется, это прежде всего память о ней, но – при крайней нужде за них можно получить и некоторую сумму денег, сколько-то времени прожить, Где они – и кому достанутся; долежат ли эти два года, пока я смогу прийти в эту квартиру сам? Или – попросить Феликса найти их и забрать? Если квартира не опечатана, конечно, и есть доступ...

Приедет ли хоть сегодня Рома? Вот главный вопрос, который меня волнует.

16-05

И опять угадал. Рома не приехал сегодня. Почему я всегда угадываю такие вещи? Не приехал – значит, есть поважнее дела, чем я... Приходила лишь девица из «соцзащиты» (вместе с другой, из спецчасти, – после обеда меня выдернули к ним обеим в «дежурку»). Она ничего не знает, – даже не в курсе, выписывают ли сейчас эков с постоянных адресов после ареста. Записала все мои вопросы, обещала узнать и зайти на следующей неделе. Что ж, ждем-с!.. :))))))

6.9.17., 5-50

Проснулся опять полвторого, но, по-моему, до трех засыпал еще ненадолго...

Собственно, это то, чего я ждал и боялся еще в 2013г. – как предчувствовал. Хорошо помню, как еще в начале мая, в Медведкове, просыпаясь по утрам, лежал и думал об этом: пройдет несколько лет срока, мать умрет – и обо мне просто забудут, благо всегда есть новые политзэки, свежесаженные, есть кем заниматься. Дай бог, раз в год кто-то приедет, наведается – узнать, жив ли я вообще... Тогда я судил еще по опыту Буреполома, не знал ни о 700 днях в одиночной камере (завтра как раз исполняется), ни о переводе на крытую.

И вот – похоже, всё сбывается: матери нет, Рома в им же, как я понял, обещанные дни не приехал, Глеба я не видел уже три месяца... Пока была мать – всё хоть как-то, пусть со всё бОльшим и бОльшим скрипом, но крутилось. Сейчас – надо готовиться к тому, что не будет ничего. Ни приездов адвокатов, ни передач, ни денег на счет... Хорошо, что еще есть кое-какие ресурсы, денег, если по шесть тысяч на крытой тратить, должно хватить до лета; есть запасы туалетной бумаги, трусов, носков, мыла, шампуня, бритвенных лезвий, конвертов, ручек (самые быстрорасходуемые, – не знаю уж, на сколько их хватит)... Надо готовиться к самому худшему, к тому, что не будет никакой поддержки эти два года в крытой, будут, скорее всего, бить, а на воле – быстро окажется, что все эти пышные киевские обещания, данные моей матери, если и не были блефом с самого начала, то теперь невыполнимы по вполне объективным причинам...

Среда. Опять ждать проклятую баню. Мне осталось 803 дня. В камере жуткий холод.

7.9.17., 5-45

Уже хотел было вчера в четыре часа дня взять дневник и записать, что никто так и не едет ко мне – и вдруг в самом начале пятого открывается дверь: к адвокату!..

Глеб, которого я надеялся увидеть, так и не появился; по словам Ромы, он еще ничего и не знает. Приехал же не только сам Рома, но и – этот самый психолог Халяпин, который два раза судился, чтобы только его пустили ко мне. Несмотря на трагическую и мрачную причину встречи, я рад был наконец лично познакомиться с ним. Он оказался старше, чем я думал, – годам к 70-ти уже, наверное; и – оказалось, что он член ОНК Свердловской области, так что условиями моего тут содержания он интересовался вполне профессионально.

Оказалось, что из-за очередной страшной комиссии (а вчера тут, в ШИЗО, тоже была с утра паника и «полная серость»!) им сразу же сказали, что пустят не раньше четырех часов дня, так что, пробыв достаточно долго у нотариуса и привезя ее на машине сюда, они вынуждены были отвезти ее назад в Чусовой, т.к. в три часа у нее назначена была какая-то сделка. Потом, пока мы разговаривали с Ромой и Халяпиным, она приехала еще раз, они оба вышли, я подписал эти доверенности – не генеральные, но с большими полномочиями, включая получение денег и распоряжение квартирой, в том числе ее сдачу внаем, – мне и в голову не приходило ее сдать, пока я сижу! – на Феликса и Свету, оказавшуюся 1965 года рождения (а по виду мне всегда казалось, что она никак уж не старше меня). Плюс – на Халяпина

была тоже выписана юридическая доверенность (видимо, такая же, как у Ромы, Глеба, Веры и Феликса, – читать внимательно, вникать и сравнивать у меня в тот момент просто не было душевных сил; нотариус обещала позже прислать мне копию); а Рома решил обновить свою доверенность, а то она у него запачкалась или как-то еще повредилась, – и я подписал и ему новую, всего четыре штуки.

Привез Рома и вести от друзей и близких. К сожалению, свара, затеянная матерью, продолжается и после ее смерти: Наталья Г. возмущенно пишет, что, мол, приход Веры ко мне домой – после смерти матери – это, мол, «толстокожесть» и бесцеремонность в духе красных комиссаров. Я и не знал, что Вера приходила, но – раз приходила, значит, позвали ее, попросили (Феликс, наверное, больше некому) – и от этого могла быть только польза для дела. Наталья явно неправа, когда пишет об этом с негодованием за себя и за Крюкова (и попутно клеймит и Санникову, написавшую, что мать моя, мол, не оставляла никаких распоряжений не пускать Веру в ее квартиру), но – боюсь, задача примирить Наталью и Веру (что серьезнейшим образом влияет и на мое тут положение, ибо напрямую до Н. не дотянуться) окажется невыполнимой и после смерти матери.

Мкртчян переслал Роме для меня соболезнование и от МFF, что было мне крайне приятно само по себе. Особенно же приятно было прочесть в этом коротком соболезновании слова «я тебя жду» и «для тебя уже всё готово». Что ж, посмотрим. Не то чтобы я страдал такой уж легковерностью :) – но все же, зачем МFF поднимать уже второй раз эту тему (что для меня после срока что-то, зависящее лично от него, уже готово), если в реальности делать он ничего не собирается? Никто же за язык не тянет, в конце-то концов. Что ж, будем иметь в виду, – вдруг и впрямь не «великое», как он пишет, но хоть какое-то будущее на воле, в Украине, если я туда попаду, меня все-таки ждет?..

Еще приятнее было получить ответ от Вадима Штепы на мое летнее письмо, про которое я, конечно, давно забыл и ответа уж никак не ждал. А между тем, Штепа, написавший это письмо еще 25 августа, за пять дней до смерти матери, не только выражает мне самые дружеские чувства, но и предлагает сотрудничество в некоем их новом антиимперском интернет-проекте уже сейчас – а я-то его спрашивал, не найдется ли у него для меня какой-либо трибуны после освобождения, в 2020-м! Да плюс, оказывается, за тексты на этом их антиимперском сайте они еще и платят гонорары! Так что есть стимул работать :) – а кроме того, и важнее любых денег – что-то такое, осмысленное, писать, править, собирать разрозненные мысли по этой теме – м.б., поможет мне в ближайшие дни отвлечься от тягостных мыслей

о смерти матери и о предстоящем этапе...

Рома оказался настолько любезен, что согласился остаться тут – и сегодня прийти ко мне еще раз, надеюсь, уже на полные четыре часа; а Халяпин отправился домой. Из поразивших меня вестей – оказалось, что похорон матери еще не было, они будут только завтра, в пятницу 8-го сентября! Я-то думал, что уже давно, – на третий день, как обычно... Они даже предложили мне написать заявление, чтобы меня отпустили на похороны как-никак самого близкого мне человека, – отпустить не отпустят, естественно, но, по словам Ромы, такие жалобы (на неотпуск на похороны) удовлетворяются в ЕСПЧ. Об этом можно будет спросить еще и сегодня, но, боюсь, если похороны завтра, то требовать меня на них отправить уже поздно. С этой проклятой системой – даже в случае благоприятного решения – на всякие бюрократические согласования в ГУФСИНе (не говоря уж – в ФСБ! :) уйдет гораздо больше, чем один день.

Так что сегодня опять ждать Рому, но уже зная точно, что он здесь и придет. Это гораздо приятнее того тоскливого ожидания в неизвестности, которое было вчера, позавчера и третьего дня. Он тоже, как и я раньше матери, объяснял мне вчера, что люди заняты не только мной одним, у всех есть и другие дела. Я это прекрасно понимаю, не предъявляю претензий всем, как мать, ругавшаяся из-за этого со всеми, но – видимо, характер у меня в чем-то такой же, как у нее. Когда долго нет никаких вестей от друзей и близких, а тем паче когда явно нарушается чье-то уже данное обещание приехать – у меня аж опускается всё внутри; для меня это каждый раз служит новым подтверждением давней грустной уверенности, сформированной жизненным опытом, – что никому верить и ни на кого полагаться нельзя, что всем, даже тем, кто называется себя моими друзьями, на меня по большому счету наплевать – и не зря же я в 2006 еще понял, что я неудачник! И я не знаю, ЧТО нужно, дабы победить в моей душе эту грустную уверенность навсегда хотя бы в отношении самых близких людей...

23.9.17., 5-24

Так быстро и не ждал, услышав от Ромы на «суде» – а обещанная им Света приехала уже вчера, на следующий день после «суда». На мой вопрос о ребятах – ответила, что они, наверное, уже ко мне сюда не успеют, хотя я предчувствую, что могли бы еще успеть. Рассказала, как после смерти матери они убрали с Феликсом квартиру, какой там был ужас; как Феликс, ища там, где я ему написал, удостоверение могилу, нашел в книжном шкафу матери еще 170000 рублей – почти 3000\$, очень кстати! Оценили они (с тем же Феликсом, видимо) весь наш хрусталь и фарфор, статуэтки,

подаренные за много лет матери учениками, и прочий хлам в ее комнате, тысяч в 200-300 рублей, если это всё продать, чем я был очень удивлен, – по моему, большинство этого хлама не стоит вообще ничего. Главное же – Света предложила врезать замок в дверь моей комнаты (чего я сам за всю прожитую там жизнь так и не сподобился сделать!..), снести туда все фотографии, альбомы, документы и прочее ценное для меня из комнаты матери, запереть – а остальную квартиру сдать за 25000 р. в месяц, чтобы мне было денежное подспорье на эти два года. Мол, она и сама так живет, уже третью съемную квартиру меняет, причем сдают ей нелегально, не платя налогов, и для меня они с Феликсом, мол, берутся подыскать на таких же условиях жилья. Что ж, я согласился, деньги лишними уж точно не будут, на те же поездки ко мне (которые, правда, черт еще знает, будут или нет, т.к. тормозить и напоминать ездящим теперь некому, раньше это делала так или иначе мать). Правда, я думал, что сдать ее лучше после моего (если доживу) освобождения и отъезда из России, когда все нужные мне вещи будут уже из этой квартиры вывезены; но – что ж, если люди берутся найти жилья и заработать на этом денег, почему бы и нет. Правда, Света еще сказала, что тысяч на 30 понадобится косметический ремонт в кухне, в ванной, м.б., побелка потолка в комнате. Жаль тратить еще и на это деньги, но – что поделать; отсюда я ничего изменить не могу...

Наталья сообщает тем временем, что так и застряла – уже больше месяца – в Монако, решая проблемы с налогами, которые она как гражданка Монако платит именно там; а тем временем 21-го сентября, в день моего очередного «суда», в Киеве, по словам Натальи, должен был пройти очередной круглый стол в «Укринформе», с участием Муждабаева, освободившегося недавно и уехавшего туда Бубеева, Амины Окуевой (приславшей через Свету привет, поздравление с д/р и написавшей, что они с Адамом Осмаевым помнят, как в 2012 я взялся помочь его защищать, когда он сидел в Одессе за якобы подготовку покушения на Путина, хотя всё, что я тогда мог сделать – это повесить информацию о нем, подготовленную Аминой, у себя на сайте), и на этом круглом столе должна быть и презентация второго издания моего украинского сборника, хотя изначально Миша планировал провести презентацию 24-го августа, в ходе WSD. Кроме этих новостей, привезла Света мне на подпись и отпечатанное на украинском заявление с просьбой об украинском гражданстве. Я подписал, разумеется, и даже, по совету Агафонова, подписал еще три чистых листа – на случай, если что-то придется им там переделывать; хотя и само Агафонов весьма здраво пишет, да и без него я прекрасно понимаю, что гражданство не дадут. Наталья в письме заодно еще рассказала, как в

интернете случайно нашла обсуждение Николаем Кавказским (Трибунусом, бывшим «болотником») и Ларисой Романовой моего летнего письма Бабушкину, где я упоминал о здоровье, в частности – о болях в спине. Кавказский, оказывается, как я понял, работает у Бабушкина в «Комитете за гражданские права», там-то к нему это письмо и попало.

Свету пустили, как всегда, уже в начале 11-го, так что ушла она в два часа дня. Белобрысый упырь, выведивший меня из клетки обратно в камеру, на мой вопрос ответил, сто мое заявление на магазин подписано, дневальный в курсе и т.д. В три часа дня – только я хотел уже стучать и спрашивать – принесли список товаров и лицевой счет. Тут оказалось, что выписали не 5000 р., как я просил в заявлении, а 4500 р. Потом завхоз объяснил мне, что это он отдал в ларек еще то, прошлое мое заявление, подписанное, как оказалось, мразью Баяндиным еще неделю назад, 15-го сентября, – там и впрямь я писал 4500 р. То бишь, заявление подписали, а т.к. магазин в тот день не работал (и всю ту неделю), то заявление осталось и подписанным где-то лежало неделю, а новое, где я написал 5000 р., завхоз, как он сказал, выкинул. Всё это он делал, не спросив меня, не сообщив в прошлую пятницу, что магазин закрыт, и т.д., по своему личному усмотрению. Правда, о том, что выписано не 5000 р., а только 4500, жалеть не пришлось: из списка товаров следовало, что, кроме консервов, жратвы в продаже нет вообще никакой! Ни колбасы, ни ветчины, ни сала, ничего!!! :(((Правда, была еще тушенка, свиная и говяжья, но – на мой вопрос дневальный ответил, что банки без кольца для открывания (а у меня тут открывалку, присланную матерью в бандероли, забрали еще осенью 2014, сразу, как вскрыли бандероль); да и будь там кольцо – в тушенке обычно столько жира и требухи, мяса так мало, да и греть это всё надо, холодным его вообще противно есть, а греть мне тут не на чем, – короче, я бы и с кольцом, и с открывалкой не стал бы это брать...

В результате, увы, пришлось опять взять десять банок шпрот с кольцом, – как кончится сливочное масло с прошлого магазина, буду ужинать ими, что останется – возьму на этап; пять бутылок сока, давненько я его тут не пил; десять пачек овсяного печенья, которое, в принципе, кроме полдников, можно есть и на завтрак, т.к. ничего другого все равно нет, а сидеть голодным до обеда, имея столько жратвы, глупо; 20 «баунти», оказавшихся, увы, не одним батончиком в упаковке, а двумя маленькими – «конфетами», как там написано; взял довольно много просто конфет; две банки китайского лечо, которое в списке-то было давно, но мне никогда не хватало на него денег, – и оказавшегося очень вкусным; и – вместо написанных в списке четырех пачек лапши б/п этот гондон дневальный

принес мне всего две! Один мой ужин на этапе, таким образом, пролетел; 50 рублей за две эти непринесенные пачки, да 20 оставалось на сдачу – и на 70 рублей, по-моему, он уже вполне мог купить себе за мой счет очередную пачку сигарет...

А на обед и ужин, два раза в день, вчера была перловка! Какие свиньи, каким дерьмом кормят! Перловка, перловка и перловка!.. Хорошо, теперь и Света привезла кое-что поесть из Москвы, что-то вроде печенья с начинкой, так что без этой отвратительной перловки на обед я легко обошелся. И главное – оба раза, суки, сварили ее со слизью, нет бы сделать сухую, как давали на днях, тогда бы я смог ее есть.

6-55

Забыл еще написать: сегодня ночью разбудил меня крик в коридоре одного из здешних блатных дебилов, о котором я слышал и раньше, – прощальный крик перед отъездом на этап. Было 2-20 ночи. Вот, значит, во сколько отсюда выводят на этап; до этого с отбоя можно собираться и даже немного полежать, как я успел тогда, в декабре 2014 г. Вчера ночью был этап сюда, сегодня – тем же поездом – в обратную сторону. Как часто они бывают? Раз в неделю, наверное, или реже? Если бы знать это точно... А то ведь могут угнать отсюда уже через неделю, в ночь на 30-е сентября... Это будет очень рано и очень неудобно мне.

Забавная получилась коллизия с питанием после вчерашнего магазина: выкидывать по утрам овсяную кашу и завтракать овсяным же печеньем. :))

24.9.17., 17-33

В баню та же смена погнала опять первым, с самого утра. Надел наконец новые брюки, почти год пролежавшие в бауле (и не увеличены они по объему оказались, не знаю уж, что мне рассказывала год иди почти год назад на свидании Тамара, будто бы одну из двух пар брюк она расставила в поясе), подпоясался, пришел опять вторую пуговицу, чтоб и без подпояски, если ее заберут, не очень спадали, – всё, теперь можно и на этап! :(((Приготовления той стадии, когда день этапа еще не известен, на сём закончены. Между прочим, мадам Петухова, местная «психолог», на истекшей этой неделе так и не пришла ко мне. Видя более-менее лояльное ее отношение, даже некоторую помощь (в рамках дозволенного, разумеется) – пришло мне в голову спросить ее, не может ли она узнать, когда точно меня отправят и куда. Естественно, не более 1%, что она узнает и скажет, но – попытка не пытка. Иногда она приходила по понедельникам; завтра как раз понедельник, так что буду ждать. Ребята-то едва ли придут...

Как только перед обедом заступила смена Стекольщика – урод за стеной, мой сосед-стукач из №5, стал колотить в дверь и орать, чтобы ему опять

включили ту идиотскую радиостанцию, которую эта же смена включала в прошлый раз. И вот – целый день с тех пор и долбит эта дурацкая «танцевальная» музыка, нелепая, без слов, без смысла, без времени и новостей. Дебил за стеной, наверное, счастлив. Я же надеюсь лишь на то, что завтра перед уходом, в 11, смена Стекольника это дерьмо выключит и переключит опять на «Милицейскую волну», как сделали в тот раз. Не потому, разумеется, что я так уж люблю мусорское радио, а исключительно из-за времени (я и в течение часа уже знаю, что там во сколько идет) и новостей.

Жуть и тоска, вызванные смертью матери, уже как-то притупились слегка, поблекли – и на первый план опять, как и до этого, вышел ужас перед близящимся этапом и обществом уголовников. Тоска, тоска, тоска... Этап всё ближе... Осталось мне 785 дней.

25.9.17., 11-46

Совершенно невероятное событие, просто не могу поверить!.. Открыл сейчас кран – помыть ложку после обеда – а из крана идет горячая вода!!!

Просто невероятно! Я сижу тут три года, с сентября 2014, а само здание, как говорила как-то раз мадам Петухова, построено еще в 30-е годы, – и никогда никакой горячей воды тут не было. И вдруг!.. Два года назад, когда меня перевели сюда из СУСа, говорят, вскоре после этого там сделали горячую воду, – и то сперва мне не верилось. А уж в камере...

Что ж, с точки зрения стирки и всяческой гигиены оно, конечно, неплохо. А вот что теперь пить – это вопрос интересный. Кран-то один, идет только горячая вода, холодной, значит, нет вообще. Ждать, когда остынет; а если, как часто тут бывает, идет вообще кипятком, – в бане-то есть и холодный кран, можно смешать, а тут – обжигайся, руки мой кипятком, ибо кран один...

12-20

Ха-ха, размечтался!.. :))) Будет тебе в камере горячая вода, как же!.. Попробовал сейчас – а она уже опять холодная! Видимо, это был просто какой-то глюк, сбой в местной котельной. Так что всё остается по-старому.

Между прочим, сегодня уже 11 дней, как не несут письма, как бы мало их теперь ни было, – в преддверии скорого отъезда отсюда. Дай бог, отъезд еще не сегодня, но... в пятницу, 29-го, через неделю после прошлого этапа, могут уже увезти...

26.9.17., 12-10

Очередное крупное событие. :) На обед сейчас наконец-то дали свежую картошку! Конец сентября уже, наконец-то!.. И впервые с тех пор, как я с июля спрашиваю у очкастого баландера добавки – этой картошки, по его

словам, на обратном пути не осталось, добавки он мне не дал.

Уже 12 дней без писем. Впрочем, едва ли их там, в цензуре, лежит много, т.к. все уже знают, что мне скоро на этап, и выжидают, когда появится новый адрес.

Бессмысленно прошла жизнь... Тоска, тоска, беспросветная тоска на душе и омерзение ко всему окружающему. Посадили, закатали, упекли, сломали жизнь, умерла мать... Я до сих пор не могу поверить, что матери нет. И что не светит мне уже ничего в этой жизни – знаю, но не могу смириться...

Одиночество, одиночество... С Маней ничего (как я и думал) не вышло, остался я совсем один. Сейчас посадят на пересылке с уголовной мразью, даже если и ненадолго – всё равно... Жить незачем, не для кого, не для чего, но и смерть меня не берет. Завис между небом и землей, ни туда ни сюда... :(((

17-50

Второй раз за день эта старая очкастая мразь (баландер) не дала мне добавки – на сей раз кильки, традиционной на ужины. Вообще не соизволила ответить, молча захлопнула «кормушку», когда я спросил, не осталось ли. Хотя, когда это чмо везло мимо меня тележку, было ясно видно, что там на дне еще осталось – если не рыба, то хотя бы эта томатная жижа, в которой она плавает (ее и всегда в любой порции этой кильки минимум половина). Вот так вот связываться с этой уголовной мразью, с этими русскими свиньями и недочеловеками, быдлом, путинскими холуями-жополизами и верить хоть на одну минуту, что с кем-то из них возможны хоть сколько-то нормальные, приятельские, дружеские и т.п. отношения, хоть что-то хорошее с их стороны...

27.9.17., 5-37

Опять не спал полночи, даже больше. И – опять ночью прибыл этап, е...нутый голосочек того самого вора в законе, что бузил здесь в первой половине года, орал в коридоре: «Ауе, крыша!». Значит – меня, скорее всего, сегодня ночью уже и увезут, этапы у них бывают сразу и в ту, и в другую сторону. 90% вероятности, что увезут, хотя точно я, конечно, не знаю. Ни бумажку окончательную из пермского «суда» я не получил еще, ни ботинки так и не выдали... Первую половину дня ждать баню, будь она проклята, а вторую – этапа... И ничего, нигде, ни у кого нельзя узнать. И писем нет вот уже 13-й день. Будь она проклята, эта Россия и вся эта тюремно-гэбэшная Система!..

28.9.17., 5-40

Не повезли. Принесли вечером, после «крестин», как всегда, три свежих газеты, – читал до головной боли весь вчерашний вечер, еще и на сегодня

осталось много. Только бы забыться – и не думать ни о чем, хотя бы на время!..

В баню вчера тоже повели удачно – сразу же после шмона, в начале десятого. Не пришлось, как я было уж собирался, врать, что мне сейчас плохо и я не могу идти в баню; а про свою идею потребовать парикмахера (действительно, три месяца уже не стригся) и на этом основании переждать шмон в камере – я попросту забыл...

На этап опять увозили четверть третьего, как и в тот раз. Стало быть, сразу после отбоя собрав за час-полтора все вещи, я мог бы успеть еще поспать какое-то время. Но – разве заснешь в таком состоянии, когда так взвинчены нервы...

Сколько еще мне осталось здесь? Дни? Недели? Очень надеюсь, что завтра, в пятницу, этапа не будет, что они здесь не чаще раза в неделю. Значит, не раньше понедельника, 2-го октября; останется как раз ровно 111 недель. Сколько же еще будет у меня здесь этих понедельников, сред и пятниц, наполненных мучительной неизвестностью, томительным ожиданием и тоскливыми предчувствиями? И что останется после них от моей нервной системы, и так измотанной донельзя?..

Ровно две недели сегодня, как нет писем, с 14-го. Масло вчера кончилось, сегодня уже придется ужинать шпротами (сверхлегкий ужин). Остался мне 781 день или 111, 5 недель.

11-32

Не этап – так шмон!!! Опять у них «серость», опять все эти мрази ждут какое-то начальство – и опять с утра тотальный шмон по всем камерам, как 24 августа! Я опять под самый конец, на закуску. В этот раз пострадал я меньше, чем тогда, забрали сперва только одну книгу из шести, – мол, можно только пять (хотя, разумеется, это вранье, по их же УИКу можно десять). Но – одним из трех ублюдков, впёршихся шмонать мою камеру, была мразь курточник (Панин). А еще одному из них, светившему фонариком в тумбочку, другой из коридора пару раз сказал: мол, посмотри бак. И, разумеется, найдя в баке остатки моего магазина (печенье овсяное, конфеты, «баунти» и майонез), они тотчас объявили, что всё это низ-з-зя держать в камере, а только в каптерке, «на вещах», и ублюдок Панин подхватил бак и вынес его в коридор. Я в ответ отошел от камеры подальше и заявил им, что в камеру не зайду, пока они не отдадут мне мои продукты. Минут пять один из них мне приказывал идти в камеру, но не тут-то было. Наконец, они снизошли до того, что то, что мне, по их обещаниям, будет «выдаваться», надо оставить мне прямо сейчас. Под этим предлогом я взял бак и с ним вошел в камеру, но, в отличие от 24-го августа, на сей раз

ублюдок курточник вперся за мной. Едва я успел выложить из бака пакет майонеза, пачку конфет и три пачки печенья, из которых одна была начата утром, как он схватил бак и утащил!

Перед тем, как они приперлись ко мне со шмоном, опять выбило автомат в коридоре и погас свет в камере, так что всё это происходило еще и в темноте. После ухода мрази Панина с баком я тут же стал долбить со всей силы в дверь – и чтобы включили свет, и чтобы отдали бак, который должен стоять в камере, а заодно и содержимое бака.

12-03

Прервали, как всегда, – привезли обед. Так вот, свет включили, а на мои дальнейшие стуки в дверь насчет бака – явился завхоз, открыл окошечко с «глазком» в двери и через него пообещал мне, что, мол, пусть этот начальник (даже не сказал, кто именно) сегодня пройдет – и вечером, часов в семь-восемь, он мне сам всё отдаст. Разумеется, я не поверил этой гниде на слово – жизнь приучила не быть легковерным, – но делать было нечего. Стало ясно, что так просто и новая, заступающая в 11 смена мне мою жратву не отдаст. Сейчас вот, как только дали обед и тележка с баландой поехала дальше, начал скандалить мой сосед-стукач из 5-й: у него этот же шмон опять забрал ложку! (И куда-то унес, так что, видимо, есть нечем.) Услышав голос дневального, я стал стучать и звать его – и это чмо, лихо заграбаставшее себе полученные от моей матери 25 тысяч на лекарства, на сей раз всё же соизволило подойти. (Обычно-то оно не подходит – боится, видимо, что я буду спрашивать про эти деньги.) У него я узнал, что, оказывается, пустой бак поставили около моей двери, а всё, что в нем было, завхоз уволок в каптерку и где-то там положил.

И вот только что, пока писал про это – мразь Стекольщик открыл дверь и отдал мне наконец-то бак, мельком сказав про остальное, что, мол, «вечером всё будет». Не будет ничего, разумеется, о чем с этими блядами говорить. Но хоть сам бак отдали, остатки жратвы на ночь положу туда, чтобы мыши не сожрали ночью (хотя последнее время они что-то не появляются).

Вот только что тот же самый завхоз приволок и письма – и еще раз пообещал, что вечером отдаст мне пищу. На данный момент потери: две пачки овсяного печенья; два пакета майонеза; три пакетика конфет, из которых один начатый; а главное – пять батончиков «Марс» и 19 «Баунти» из 20-ти, которые я рассчитывал если не все целиком, то хоть частично взять с собой на этап, чтобы было что поесть в столыпине.

29.9.17., 5-31

Слава богу, завхоз отдал-таки мне вчера вечером эту изъятую жратву, даже не пришлось стучать и напоминать (только один раз я попробовал

дозваться гондона дневального – безуспешно, разумеется). Так что – потерь нет; но – сколько еще будет тут таких вот повальных шмонов до моего отъезда на этап? И – что останется от моей нервной системы в результате всего этого?..

Весь день, с обеда до отбоя, отвечал вчера на письма, но ответить успел только Феликсу, Вере, Землинскому и Наталье Горильской через Майсурия. А были еще письма от Гудзенко, от Лены Кондрахиной, от давно забытой, но вдруг всплывшей с соболезнованиями Полины Кузьминой, от пары человек вообще незнакомых...

Главное, самое важное письмо из вчерашних – от Феликса, конечно. Он рассказал, что еще успел увидеть, в какой позе умерла мать, – на коленях, лицом в пол, как будто молилась. Упала, видимо, сидя на диване, вперед. Рассказал, как им чинили препятствия менты, до вечера в тот день, 30 августа, продержали их с Тamarой в ОВД «Бибирево», сняли отпечатки пальцев, сфотографировали анфас и в профиль, никак не хотели давать разрешение на похороны (я и не знал, что это зависит от них), и т.д. и т.п. Пишет еще, что все мои фотографии, мой комплект «РП», вообще всё, что я просил отсканировать, он вместе со сканером забрал к себе, – так, мол, дело пойдет быстрее. Так-то оно так, быстрее – это да, вот только – не пришли бы теперь с обыском и к Феликсу, не выгребли бы у него всё это. Будет страшно жаль, если всё пропадет. Еще написал Феликс, что Эдик Рудык был на похоронах (кремации), и приводит его адрес; однако пишет, что со своей винницкой родней (Гройсманами) он вроде бы поругался и не общается, – а я-то хотел через него найти для Натальи выход на нынешнего украинского премьера Гройсмана, он тоже ведь Рудыку родня!..

Землинский прислал ответ пермского ГУФСИН на жалобу о том, что 7 и 14 июля два моих заявления на магазин были тут полностью проигнорированы, т.е. мое право на отоваривание (ч 1 ст. 88 их УИКа) нарушено. И что же отвечает ГУФСИН? Без тени стыда отвечает, что, мол, 7 и 14 июля от Стомахина НЕ ПОСТУПАЛО заявлений на магазин! То бишь, если ты жалуешься, что твои заявления игнорируются – значит, ты и не писал никаких заявлений (благо, тут некого просить расписаться на копии и поставить штамп «принято» и дату). Убойная логика!.. Хоть ссы в глаза – всё божья роса!.. Наглые, циничные твари, мразь, ублюдки – и кто-то еще будет уверять, что есть какие-то иные, более мягкие способы разговаривать с ними, кроме автомата Калашникова, гранатомета и горящего напалма, которым давно уже пора залить всю эту проклятую, свинскую, совершенно неисправимую страну!..

Забыл еще, что прислала соболезнующую телеграмму Санникова. Это,

видимо, вместо ответа на мое последнее письмо – т.к. в споре со мной о допустимости насильственных методов борьбы с этим проклятым государством ей явно нечего сказать, из последнего ее письма это видно ясно и четко. Соглашаться со мной ей не позволяет гордость, а аргументов против меня – тоже нет, так что лучше всего – не писать писем, а лишь короткие телеграммы и открытки.

Вера пишет, что на похороны матери приехал (и у Веры ночевал) тоже изрядно забытый мною Михась из Беларуси, – фамилия его, оказывается, Панков. Он объявился матери, как мой сторонник, еще пока я был в Буреполоме; в 2011 я пару раз говорил с ним по телефону – и мне он показался не вполне адекватным (то, что о нем пишет Вера, хоть и хвалебно пишет, этот мой вывод подтверждает). Когда летом 2011 мать поехала отдыхать в Беларусь, на озеро Нарочь (и я, дурак, очень жалею теперь, что из-за Мани тогда не поехал с ней!), он по предварительной договоренности встречал ее в Минске, помогал нести вещи, сел на автобус до дома отдыха, и т.д. Потом он пропал, я и забыл о нем – и вот объявился вдруг, приехал на похороны! Еще – оказалось, что был на похоронах даже Дадин, который, по моему, мать мою вообще не знал и живой ни разу не видел; а вот многих, кто ее хорошо знал, хоть того же Фрумкина, не говоря уж о ее учениках, – не было...

Наталья пишет (еще 6 и 8 сентября), что по возвращении в Киев из Монако хочет начать общаться теснее с Маней – видимо, помня мои слова, что одно время Маня была для меня самым близким человеком. Я написал ей в ответ, что теперь это уже не нужно, т.к. после ее упорного молчания полтора года, даже после смерти матери, когда я очень просил ее откликнуться, – я больше не хочу Маню знать вообще. А Данила, по словам Натальи, часто ездит в Киев – вот этого я не знал, спасибо!..

12-00

Успел до шмона написать еще четыре письма, в том числе Рудыку (успеет ли он ответить мне сюда?). Осталось еще два до вечера воскресенья, 1-го октября.

Что еще отвратительного сообщил Землинский: мое письмо от 7 сентября (четверг), которое он получил, было со штампом цензуры от 8 сентября (пятница), а почтовый штемпель Всесвятского стоял – аж от 13 сентября (следующая среда)! То бишь, забрали и прочли мое письмо в пятницу – и вместо того, чтобы отнести на почту в тот же день, или уж хотя бы в понедельник, 11-го, – мурыжили до 13-го, лишних пять дней, ну как минимум два – 10-е и 11-е!.. Суки какие!.. Из-за этого письмо и идет отсюда гораздо дольше. А м.б., не просто валялось оно у них 10-го и 11-го, а – послали

копию в компетентные органы» и ждали оттуда разрешения отправить.

14-20

И еще забыл. Эта нечисть – курточник Панин, мразь! – забрала у меня вчера при шмоне даже дверцу от верхней части тумбочки, оторвавшуюся еще почти год назад, 9-го октября 2016 г., и с тех пор стоявшую за тумбочкой. Ни один шмон за это время ее не забирал (хотя никто и не подумал вызвать эка-плотника, дабы он ее приделал, а вот этой мрази – понадобилась. Ею, этой дверцей, можно было, по крайней мере, забить до упора гвоздики, держащие заднюю стенку тумбочки, – они время от времени вылезают, т.к. я кладу что-то в тумбочку и непроизвольно давя на эту стенку. Теперь и гвоздики эти забить нечем. Правда, бог уж с ними, с гвоздями, – мне недолго тут осталось...

30.9.17., 16-55

Суббота. Библиотекарь опять не пришел. То ли опять болен, то ли, как уже не раз было, не пускают его сюда. Книги, правда, пока какие-то есть, если очередной шмон их опять не заберет. Второй день я без ужина: перловка! Вчера – с килькой (налитой, разумеется, прямо поверх перловки – пришлось кое-как соскребать), сегодня – с рыбной котлетой. А по утрам – овсянка... Так что всё как всегда у этих мразей: ни духовной пищи – нормальной и вовремя – ни физической. Обед + пачка овсяного печенья – вот и вся моя пища за весь день, до отбоя, вчера и сегодня.

Осталось мне 779 дней, 111 недель, два года и полтора месяца. Ненавижу эту страну, будь она проклята!!!

ОКТАБРЬ 2017

1.10.17., 7-05

Новый финт! Всё у этих тварей вот так, в этой проклятой стране, – через жопу!.. Еще шести часов не было, только прошел подъем, – слышу, сука дневальный почти под самой моей дверью говорит вертухаю: мол, бани сегодня не будет, так как нет вообще горячей воды, и стирки тоже не будет. А я как раз по подъему отдал в стирку наволочку (кинул на матрас, как обычно) и собирался в бане и бриться, и стирать... И вот, на тебе!.. Суки... Потом кто-то, слышу, открыл дверь ближней бани, вода течет – и говорят, что она, мол, чуть теплая. И действительно, вот уже восьмой час утра – в баню не водят, дверью ее не шарахают, как обычно по утрам...

Вот и 1-е октября. Прошло уже три четверти года. Этого страшного года, унесшего мать...

Насмотришься (еще в детстве) фильмов, читаешься книжек – и наивно пытаешься жить по ним, по вбитым ими наивным представлениям. И каждый раз обламывает тебя жизнь. Впрочем, я уже и не огорчаюсь особо. Ну подумаешь, не ответил мне Светозарский, – ну и что? Я ведь и не думал всерьез, что он ответит... Больно ему надо, через 30-то лет, тем паче – стоит только в Википедии прочесть обо мне, что я противник РПЦ, которой он – верный слуга, да плюс еще пару сочных из меня цитат... :) Ну не ответил – и черт с ним, пусть он горит в аду (раз он во всё это верит). А про этого Бабкина, моего так называемого троюродного брата – Феликс, которого я просил найти его в «Контакте», пишет в последнем письме, что это оказалось не так-то легко, т.к. слишком много там таких, с этим именем и фамилией, а отчество, оказывается, теперь вообще не пишут; хотя я дал Феликсу и точную дату рождения – не знаю, найдет он или нет, будет ли вообще дальше искать. А самое забавное – если и найдет, будет ли этот братец со мной общаться, нужно ли ему вообще это будет – знаться с таким опасным родственничком, сидящим уже десять лет по тюрьмам и лагерям. :))) 99,99%, что нет, это ясно заранее.

17-13

Баня все-таки состоялась – после обеда, когда таки дали горячую воду. Но у этих свиней – всё как обычно: напор горячей воды – слабенький, а холодной – вообще еле-еле течет. В результате пришлось мыться фактически кипятком, отрегулировать краны так, чтобы на это количество холодной воды приходилось бы такое же количество горячей, никак не получалось.

На обед – сухая перловка с, типа, мясом; на ужин – картофельное пюре и

– впервые за долгий уже срок – добавка кильки в томате. Да еще радость – два дня подряд на ужины дают наконец-то настоящий чай – достаточно крепкий, достаточно сладкий, имеющий вкус настоящего чая, а не какой-нибудь отвратительный привкус, как эта обычно даваемая тут под видом чая слабенькая, чуть подкрашенная, полусладкая, чуть теплая бурда. Так уже, помню, тут было: два-три раза дадут на ужины нормальный чай, а потом – опять эта бурда. На завтрак же бурда как была, так и есть. Да, вот чему приходится тут радоваться, каким житейским мелочам, – радости мизерные, в основном гастрономические, ничтожные, а горе – такое, как смерть матери...

Подумал сейчас: чеченец, говорят, некий, или кто уж там, смонтировал на YouTube два ролика обо мне, которые вроде бы опубликовал «Кавказ-Центр», я с 23 августа слышал об этом от нескольких людей – Светы, Натальи, Феликса. Что же там, в этих роликах, интересно? Говорят, что я там представлен прямо-таки героем, мать была счастлива, успев незадолго до смерти их посмотреть. Но – я не сомневаюсь, что «героизм» мой там подразумевается лишь в том, что я уже столько лет сижу – и при этом не каюсь, продолжаю придерживаться прежних взглядов. Только и всего. Овца, которую тащат на бойню, тоже упирается героически – но от нее, увы, ее судьба не зависит, как и моя – от меня. А о том, что составляет действительно мою настоящую заслугу – о тех некоторых мыслях и выводах, которые я ПЕРВЫМ сформулировал за всю историю общественной мысли и общественных дискуссий в России, – об этом, я не сомневаюсь, никто из моих воспевателей не говорит и не скажет никогда.

2.10.17., 5-33

Да, действительно: баня вчера была, а вот казенной стирки – не было! Наволочку, которую я утром положил на матрас, это чмо дневальный засунуло мне внутрь матраса (вместо того, чтобы тоже положить вечером сверху, как кладут стиранные) – и ясно видно, что ее никто не стирал, за две недели она с одной стороны уже почти черная. Теперь – только в следующий стирочный день ПКТ, через две недели, т.е. 15-го октября – но не факт, что я до того времени еще буду здесь.

Ночью приветственных криков в коридоре не было (а я опять с трех не спал, до этого проснулся в час ночи). То бишь, м.б., сегодня не будет и обратного этапа (хотя ведь не каждым этапом и сюда приезжает кто-то из камерных и СУС-овских сидельцев, которых в карантин сажают сюда же, в ШИЗО, – м.б., этап и был, просто именно сюда, в ШИЗО, из него никого не привели). Между прочим, до сих пор я еще не получил поганую бумажонку из пермского «суда» о 21.9.17. с их «решением» обо мне. Черт его знает –

надеюсь, что и лагерное начальство, значит, тоже ее не получило – и не могло, значит, еще послать в Москву бумаги обо мне для распределения меня уже на крытую тюрьму... Но – предчувствие подсказывает мне, что сегодня или завтра мне эту бумагу принесут. Посмотрим.

На мое заявление о выдаче казенных ботинок и свитера, отданное еще 5-го сентября, разумеется, ответа так и нет. Хотел сегодня отдать еще одно – №2 – но с вечера вчера забыл его написать. Впрочем, ясно, что и на №2 реакция будет такая же. Мадам Петухова, здешний «психолог», которую я просил узнать о судьбе первого заявления, не появляется с 15 сентября! Вот так вот у них поставлена «психологическая «работа» с зэками! – а вольного психолога они упорно не хотели пускать... Хуже всего другое – что ребята, Глеб и Рома, вполне успели бы еще приехать ко мне – но, видимо, не собираются. :((

3.10., 17., 5-26

Вчера около пяти вечера были «крестины», перед ними принесли две новых газеты. Всё как я и думал. Ни ребята ни едут, ни мадам Петухова не появляется, ни бумажонку из «суда» не несут. Тоска, пустота, одиночество... Вчера весь день у мразей опять была какая-то «серость», опять ждали какое-то начальство – но шмон ко мне, слава богу, не зашел. Теперь это у них уже беспрерывно; на шмон надо всё, что можно, прятать, и это страшно напрягает (после шмона дернут куда-нибудь – и не успеешь выложить, если только это не в выходные). Печенье овсяное вчера кончилось, ел его десять дней, – и сегодня завтракать, увы, нечем (а уже сейчас хочу есть, – придется терпеть до 11-ти, до обеда). Календарь ФЕОР-овский тоже кончился с концом сентября – и без него в камере стало еще тоскливее. А новый не получить никак: новый если и послали мне, то бандероль с ним и чем там еще (новогоднюю) 100% отправят (-или) назад: до января мне тут бандероль «не положена». Сегодня хоть не ждать этапа: вторник. Если мое пребывание тут затянется, а ребята так и не приедут, боясь меня не застать, кончится подписка на газету (она осталась только на октябрь), да еще и писем не будет, все будут выжидать, пока узнается мой новый адрес, – я просто сойду тут с ума от одиночества и тоски. Между прочим, Горильская еще 6 сентября написала мне, что послала пять (!) открыток – видимо, из Монако, где она была в то время. То бишь, послала еще до 6-го, в самом, видимо, начале сентября, если не в августе. Сегодня пятый день, как приносили письма, новых, м.б., еще и не набралось много, но открыток этих, похоже, нет; уже прошел месяц, они вполне могли прийти. И узнать не у кого...

Осталось 776 дней. Невыносимо долго еще... Будь всё проклято, вся моя жизнь!..

14-45

Появилась-таки мадам Петухова. Выводить к ней пришло косоглазое быдлотатарское чмо – то самое, что дежурило тут раньше, до лета. Да еще и мразь Чертанов, как оказалось, караулил за дверью. Я даже сдуру поздоровался с этим ублюдком, точнее – ответил, когда поздоровался он. Но – оказалось, что надо еще и представиться этим тварям, а я не представился. :))) И тут же был спрошен, буду ли я писать объяснение по данному поводу. То бишь – присутствие мрази Чертанова не позволяет считать всю эту историю случайностью, это явно новые 15 суток ШИЗО завтра или через день-два. Но зачем? Похоже, не так еще быстро собираются они меня отправлять на этап, иначе – не было бы и смысла давать новое ШИЗО. Суки, мразь, своими руками давил бы этих ублюдков, расстреливал бы!.. А мадам Петухова добила меня окончательно: явилась в форме! Оказывается, у них прошла переаттестация, теперь она лейтенант ФСИН! Тьфу, мерзость!..

В ближайшие же «крестины» надо готовиться, что за мной опять придут!.. :)))

17-57

Ну что ж, вот и бумажонка из «суда» прибыла! Тот же узкоглазый ублюдок-вертухай к той же мрази Чертанову в «дежурку» меня за ней и выдернул. И месяца не прошло!.. :) Если предположить, что и свой экземпляр они получили сегодня, а не только мой – то, значит, вот только сейчас, завтра они смогут послать в Москву запрос обо мне. Пока дойдет, пока там решат, куда меня слать, пока придет ответ – уж две-то недели точно пройдет, если не больше. Так что 15 суток получить и отсидеть я еще прекрасно успею. :)))

Отдал мне ублюдок Чертанов и письмо (невскрытое) от Бабушкина. Причем письмо не мне, а – копия его, Бабушкина, обращения к главе СПЧ Федотову (путинской подстилке – тьфу! – имеющей у упыря статус советника) с просьбой, чтобы СПЧ обратилось во ФСИН на тему: поместить меня на крытой в одиночную камеру и не искать специальных поводов для отправки в карцер. Так Бабушкин ответил на вопрос в моем июльском письме: сможет ли СПЧ пробить, чтобы меня посадили в тюрьме одного и не прессовали специально? – и тогда я как-нибудь уж досижу и там, что поделать. Бабушкин на это мое письмо (называя его «обращением») и ссылается. Что ж, не знаю уж, захочет ли Федотов от СПЧ обращаться во ФСИН; но если и захочет – огромный вопрос, послушает ли его ФСИН, можно ли будет добиться от них хотя бы такой малости...

4.10.17., 5-35

Проснулся десять минут третьего – и больше уже не спал; разве что

задремывал минут на десять около полпятого. (И опять снилось, что я сижу на общем бараке.) Узкоглазая быдлотатарская мразь подняла, как всегда, – еще и десяти минут шестого не было...

Не спал, лежал – и поневоле думал о вчерашнем. Как удар кнута, как ожог... только не тела, а души. Хладнокровно подготовленная заранее и хладнокровно осуществленная провокация прямо на ровном месте, «с доставкой на дом», в камеру, как обычно. А я-то, дурак, по наивности думал, что уж это-то время, до этапа, когда уже не нужно ни перед кем изображать меня «злостным нарушителем» и т.п. – они оставят меня наконец в покое. Нет, – с июня, по-моему, не трогали, и вот сейчас, когда не нужно уже ни для чего, – опять! Если за эти 15 суток хоть один шмон припрется ко мне в камеру – они заберут всю еду, я буду опять сидеть голодный, на одной их говнобаланде; а если «крестины» будут не сегодня, а завтра – то кончится эта «пятнашка» как раз 20-го, в пятницу под вечер – и я, скорее всего, и 20-го не смогу купить ничего в магазине, придется голодать еще неделю до 27-го (если до тех пор не увезут, конечно. Если они вынесут всю мою бумагу, конверты и папку с документами – я не смогу ни написать письмо, ни ответить, если вдруг мне принесут письма; а прятать их под бак, как я делал раньше, – опасно, эти мрази на последнем шмоне, 28-го сентября, ведь просто унесли весь бак, увидев, что в нем лежит еда. Остается только сложить тетрадь вдоль, вложить туда конверты – и, если шмон, пихать под брюки спереди и выносить с собой из камеры – и уж стоять за них насмерть, не отдавать ни за что, если и обнаружат... Вот какие мысли одолевали меня полночи, да и сейчас тоже; а иголки я, как встал, воткнул обратно в нитки: до этапа они еще не раз понадобятся, а папку с документами и ручками ведь при ШИЗО тоже любой шмон заберет, она же тоже «не положена» в камере...

Господи, за что же я так мучаюсь, за что?!! Десять лет я ищу ответ на этот вопрос – и не нахожу; но этим сроком тоскливые эти размышления стали еще горше, чем были в Буреполоме. Тогда я считал, что у меня есть перспектива, и неплохая. Сейчас ее нет. За что же все муки и для чего? Для того, чтобы потом прозябать на воле, будучи никем? Сознать и там, в Киеве, или уж куда меня занесет, свое полное бессилие, невозможность отомстить всей этой мрази?!..

Вонючая овсянка на завтрак, потом ждать баню (среда), после обеда, часам к четырем-пяти – «крестин»...

5.10.17., 5-38

«Крестины» были вчера вечером, как я и думал, – после ужина, в шесть часов. Но, вопреки ожиданию, меня не тронули, не пытались туда выдернуть. Хотя – не исключено, что, зная по опыту, что я на их «крестины»

не хожу и никаких их бумажек не подписываю, они могли вынести мне 15 суток и заочно и даже с постановлением не ознакомить, как уже не раз не знакомили. Тогда это узнается только завтра, в пятницу, когда (если) они меня погонят в баню, т.к. в пятницу моется ШИЗО.

А перед самыми «крестинами» местный демон дневальный постучал вдруг мне в дверь и сказал, что если я собираюсь отовариваться в магазине, то заявление надо написать и отдать на день раньше (т.е. уже сегодня, в четверг), т.к. теперь – как я понял с его слов – заявление надо подписывать лично у начальника, так что предусмотрительнее подать его на день раньше. Пользуясь случаем, я попытался у него узнать, есть ли я в списке на «крестины», а он, не поняв, сказал сперва, что меня нет в списке на этап (тоже хорошо!), а когда понял – сказал, что сейчас спросит и мне скажет, – и больше уже не подходил, козел! Так что пришлось мне ждать, прислушиваясь к хлопанью двери бани, пока не раздались, как обычно, крики: «Кича, БУР, здорово были!..» – свидетельствующие о том, что процедура кончена и «окрещенных» выводят из бани.

Что ж, временно, хотя бы до конца недели, я надеюсь, можно слегка расслабиться: нет ни ШИЗО, ни этапа. Вот еще купить бы еды завтра – и знать, что шмон не придет опять и не будет ее выносить вместе с баком... Иголки надо будет убрать обратно, на «этапный вариант»; а тем временем – опять продрался сзади, справа, мой «теплек» от нижнего белья, носимый с 2014 г., с «Медведкова» еще, – продрался в том самом месте, где я постоянно правой рукой одергиваю его и свитер вниз (слева пока еще не рвется, хотя и там ткань истончилась, конечно). Самый худший вариант: зашиваешь, а оно через пару дней опять рвется; значит – вещь пора выбрасывать, отслужила, а – где взять другую?.. Предчувствую, что по прибытии на крытую оба моих вольных свитера и теплую спортивную куртку («олимпийку», как говорят уголовники) заберут и положат на «вольный склад»; а драный казенный свитер, если тут (усилиями мадам Петуховой) не выдадут мне новый, я хочу оставить тут, ехать в вольном, – и, значит, этот уже драный «теплек» останется единственной у меня теплой вещью. Если до лета меня уже начнут там засовывать в карцер (что несомненно) и если в карцере будет, особенно при уже выключенном весной отоплении, такой же холод, какой бывает здесь (что более чем вероятно) – не представляю, как я это выдержу... Если ребята быстро приедут, можно будет попросить Глеба купить теплое нижнее белье (он по таким вещам специалист) и послать в Москву, чтобы мне привезли его с передачей. Но – приедут ли они?..

Вчера с овсянкой на завтрак я угадал; несомненно, что и сейчас будет это же дерьмо. Счастье еще, что днем вчера давали картошку, на ужин

макароны с килькой, – хоть не голодаю, как летом! Осталось мне 110 с половиной недель, 774 дня. Вроде немного уже, но срок кажется бесконечным; нервы страшно, нечеловечески измотаны ожиданиями то «крестин», то шмона, то этапа в АД; «а прошлое кажется сном»...

6-40

Нет, на завтрак сегодня оказались пшенка и яйцо. Обалдеть!!! Им опять завезли пшенку! Ну наконец-то!..

А ровно год тому назад в этот день они сорвали мне свиданку с Верой и Феликсом, дав за несколько дней до этого очередное ШИЗО под очередным целиком сфальсифицированным предлогом («не доложил» во время подъема). Это было одно из самых сильных моих переживаний 2016 года, да и всего второго срока...

12-57

Вот дерьмо!.. Сейчас, после обеда, прошлась тут по ШИЗО-шным камерам тетка из ОНК; слышны были сперва грубые окрики Колобка про «форму одежды», а потом женский голос: «...наблюдательная комиссия Пермского...». Не хотел сначала, но, подумав, я даже достучался в дверь до проходившего мимо вертухая и попросил его сказать этой тетке, чтобы подошла и ко мне. Думал попросить ее позвонить Глебу или Роме, сказать им, чтобы обязательно приехали до моего этапа, время еще есть, можно успеть. И что же? – так никто и не подошел. :)) :(((

Первая мысль: вот что значит нет матери. Она постоянно всех дергала, тормошила, просила – и в результате сразу же, как я приехал сюда в 2014, из ОЕК приехал их глава Исаев с персональной просьбой поговорить со мной (хотя в итоге так и не поговорил, но Глеб сказал мне тогда при встрече, что просил его об этом). А теперь вот – не только по своей инициативе, но и по моей просьбе никто и не думает подойти, вызвать, спросить, не надо ли мне чего, как у меня дела и т.д. Ребятам тоже, по большому счету, всё равно, – я у них всего лишь один из многих их подзащитных, несмотря на долгое знакомство с Глебом, первый случай перевода в крытку и т.д. Сбывается, видимо, мое грустное предвидение мая 2013 г.: постепенно обо мне все забудут, приезжать будут дай бог раз в год, останусь я на всем казенном, буду голодать... Несмотря на заманчивые обещания Натальи – видимо, последние два года срока так и будет...

6.10.17., 11-23

Завезли горох. С год, наверное, его не было, если не больше. Так сейчас на второе эта мразь баландер, старое чмо, положил мне даже не половину тарелки, а треть. Едва прикрыл доньшко, короче. Сука, что получше – горох ли, или свежую картошку – кладет чуть-чуть, и добавки не остается (якобы);

а вот черную, жуткую сухую картошку с водой – он накладывал мне целыми тарелками! Впрочем, добавки гороха я даже просить не буду: и всё равно не даст, и унизительно, да и не такое уж это лакомство, чтобы его просить. «Уха» из кильки (каждый день, уже недели две), с добавлением прямо туда вбитого яйца на этот раз, и вот эта капля гороха на второе, – что обедал, что не обедал...

Заступила смена мрази Стекольщика – и по собственной уже инициативе принялась крутить радио, даже без просьб моего соседа-стукача. Несколько раз переключили, сейчас вроде по радио играет что-то мелодичное, даже порой со словами, а не то отвратительное «танцевальное» бряканье, что было в прошлые разы (переключения). Но ни времени, ни новостей, скорее всего, опять до завтрашнего шмона (когда они переключают обратно на «Милицейскую волну») не будет.

Опять тоскливое, безнадежное ожидание магазина. Сегодня пятница; заявление отдал еще вчера в подъем, как сказал мне ублюдок и жулик дневальный (тихо присвоивший 25 тысяч рублей, посланные еще матерью мне «на лекарства»); спросил потом его через дверь – он подтвердил, что видел мое заявление. И вот – ждем-с. С 12 до 2-х там обед, так что – не раньше трех пока он сходит туда после обеда, переписет на бумажку товар, возьмет у бухгалтерши лицевой счет... Останется два часа до закрытия (там до пяти вечера, а иногда и раньше). Будет? Не будет? Черт его знает; но – по моему грустному двухлетнему почти опыту – скорее нет, чем да. Есть еще шпроты на ужины и конфеты, с голоду еще неделю (если пробуду ее тут) не помру, но, право же, шпроты с хлебом на ужин – это совсем не сытно, да и на завтраки хотелось бы чего-нибудь...

Между прочим, сегодня уже восемь дней без писем. Проклятые свиньи, мразь, ублюдки, недочеловеки, засадили меня на столько лет ни за что!.. Будь она проклята, эта страна, чтоб ей сдохнуть!!!

17-22

Магазин состоялся, да. Опять «обули» меня на более чем приличную сумму, где-то рублей 280, не меньше. Ублюдок дневальный принес список за прошлую неделю (о чем сам мне и сказал), исправив его сегодня после обеда, – и всё равно половины жратвы в нем не оказалось! Из того, что я написал – не оказалось сливочного масла (кончилось), вафель (м.б., их и не было), а всё данное взамен – оказалось совсем не на ту сумму, как отсутствующее. Вот где-то рублей 280 и вышла разница, – этим уродцам на сигареты, как раз по пачке каждому. Плюс – сегодня же смена ублюдка Стекольщика, а в тот раз, 28 сентября, когда утром на шмоне мразь курточник вынес у меня бак с едой, – именно Стекольщик заступал и

возвращал мне этот бак пустым. Так что сейчас, отдавая мне всё купленное через открытую (!) дверь, он сразу грозно заявил, что, мол, в отбой унесешь половину в каптерку! Не знаю уж, он ли будет проводить отбой, или его напарник, не забудут ли они вообще обо мне, но на всякий случай я собрал всё то, что мне тут не нужно, да и хранить (от мышей) особо негде, ибо бак опять забит овсяным печеньем: часть шпрот, сгущенку, еще три пачки лапши б/п, сегодня купленные, батончики «Марс» и «Баунти», часть конфет и майонеза. Опять предстоит питаться овсяным печеньем – и слава богу еще, что была колбаса (причем не та, что написал этот урод в списке а – ветчина по 239 р., которую он вычеркнул как отсутствующую. И – пока я говорил с ним через «кормушку» про этот список, он успел сказать, что документы на меня уже готовятся, осталось две-три недели до этапа).

7.10.17., 5-33

Мразь Стекольщик так и не повел меня выносить еду в каптерку, – ни вчера в отбой, ни сейчас в подъем я его вообще не видел, приходил оба раза его лысый напарник. Вечером они начали отбой рано, минут в 35 девятого, – пришлось даже лечь и ждать, пока они всех «отобьют» и уйдут, а уж потом садиться ужинать: уж больно не хотелось, чтобы эта нечисть приперлась прямо во время еды со своими глумливыми шуточками-прибаутками. Но нет. Забыла, видимо. Вот оно, их служебное-то рвение!.. :))) Что ж, перед шмоном разберу обратно этот собранный вчера на вынос пакет. Кое-что – обратно в тумбочку; плохо, что кое-что действительно дня два-три, пока в баке не станет посвободнее, придется держать наверху, никуда оно толком не влезет. Опять эти уроды купили мне пачку халвы, которую я не люблю и никогда не беру. Три пакета лапши б/п, да пакет с «Марсами», их уже довольно много, штук девять или десять. Собственно, лапша б/п, консервы (хорошо бы, все же часть шпрот осталась) да эти вот батончики «Марс» – и есть мой главный запас пищи в дорогу, то, что можно есть в «столыпине» вместо их отвратительного казенного сухпайка.

После всей нервотрепки вчерашнего дня никак не мог заснуть, долго ворочался, думал уж, что опять не усну до утра, что пропала ночь, как это было в прошлом декабре две ночи подряд, 1-го и 2-го. Но нет, потом всё же уснул – не раньше 11-ти, я думаю, и проснулся ровно в три часа ночи. Если по опыту я знаю, что сплю за ночь не больше четырех часов, то, значит, заснул не раньше 11-ти, скорее даже позже.

Часто вспоминаю по ходу раздумий – и до сих пор не могу поверить, что матери больше нет...

12-05

Уже хотел опять написать много нехороших слов про этого баландера: на

второе у него каждый раз ДВА черпака картошки составляют меньше полтарелки, из которых больше половины – жижа, сами кусочки картошки по пальцам можно сосчитать. Хотя, конечно, виноват не только он, но и те, кто ее так готовит, что в бачке, похоже, 2/3 жидкости, если не больше. Абсолютно без всякой надежды, чисто для проформы решил все же не обратном его пути спросить, не осталось ли картошки. Вероятность – 1%, да нередко он, скотина, даже ответом не удостоивает на этот вопрос, просто захлопывает «кормушку» – и всё!

И тут вдруг оказалось, что немного картошки все же осталось – и он мне начерпал еще полную тарелку! :))) Вот бы всегда так ошибаться!.. :))) Попутно я сказал, как бы между делом, что, мол, нафига ее так готовить, с одной водой, – и баландер этот, работавший, как я слышал, тут раньше в столовой, стал мне популярно объяснять, что это не вода, а соус, что его и должно быть больше, чем самой картошки, и т.д. – но закончил все равно тем, что картошки у начальничков на складах мало (потому, ясное дело, ее и разбавляют водой так жидко). :)))

С ужасом думаю: чем, какими пустяками, вздором, мелочами занято мое сознание, о чем я думаю и пишу, что вчера, что сегодня, – а между тем, предстоит что-то страшное, ужасное, под названием «этап», и уже совсем скоро; и жизнь прошла, и мать умерла, и впереди – пустота...

19-35

Около двух часов, уже после библиотекаря – вдруг начал отключаться свет во всем здании. Один раз, другой, третий... Дебилы в «дежурке» (уж не знаю, кто еще там был, кроме двух быдлотатарских вертухаев) поняли, что это оттого, что они там, в «дежурке», включают чайник. Не выдерживает сеть, видимо. Сразу после этого откуда-то появились эки-электрики, стали менять провода, – свет оставили только в коридоре а в камерах его не было до пяти, три часа!!! Если б не ужин – м.б., так и возились бы до сих пор. Я, бродя по темной камере, вспоминал буреполомские сидения без света – то весь день, то аж полтора суток, блуждания по темному барраку...

О чем я всё время думаю? Скоро ехать в АД... Там будет еще хуже, чем здесь. И как быстро я успокоился, привык, что нет больше матери!.. Каждый день я с ужасом вспоминаю об этом... Написал Эделеву, хотя и понимаю, что это бесполезно, они не приедут (дай бог, чтобы хоть на новое место приехали!). Всё более остро встает перед моим сознанием вопрос, для чего я, собственно, живу.

8.10.17., 5-20

Узкоглазая вертухайская гнида явилась и подняла меня аж в семь минут шестого. Так бы и исполосовал всю эту мразь ножом, прострелил бы

автоматными очередями в сотне мест, чтобы одни лохмотья от этой поганой тушки остались!.. Впрочем, семь минут – это еще не рекорд, у этих быдлотатарских ублюдков бывали за два года подъемы и в пять минут шестого, и вообще в пять часов ровно...

Опять ждать проклятую баню – а эти мрази 100% всегда начинают водить с дальнего конца коридора! Так что опять нависает шмон – и вынос всей жратвы, пока я буду там. Три с половиной месяца не стригся уже – вот и пусть вызывают мне парикмахера сперва, если надумают, как обычно, вести в баню перед самым шмоном!..

Зашивал опять «тепьяк» от белья вчера вечером, там около уже прежде зашитого опять возникла маленькая дырочка. Но только зашил, одел, стал, как обычно, оправлять, оттягивать сзади вниз – бац! – и опять там же продралось, опять большая дыра! Это уже не зашить, за годы (с 2014, с Медведкова еще ношу этот «тепьяк») ткань на этом месте сзади истончилась от моих оправлений и оттягиваний до предела, надо выбрасывать. В этом вот вчерашнем письме Глебу написал, чтобы он купил мне новое нижнее белье, он знает какое-то хорошее, теплое, сам носит такое; но – купит ли, нет ли – неизвестно, а ведь передач на крытой всего одна в год. Пропустят, забудут что-то – и жди еще год, обходись как хочешь.

Спал эту ночь опять мало, проснулся, по-моему, без четверти два – и уже больше не спал. Раньше от этого ночного недосыпа глаза у меня сами собой начинали тут слипаться после обеда, где-то в час, в два часа дня; а теперь уже и до обеда, пока сижу и жду его – уже засыпаю, перестаю соображать что-либо, слышать радио и т.д.

Опять ужасные мысли: как же я поеду, как поташу баулы, как буду сидеть с уголовниками на пересылке... Но теперь я уже меньше думаю об этом, чем год назад : появилось чувство тупой обреченности, неизбежности, неотвратимости всего этого ужаса... :(((

11-45

Баня опять, как и в прошлый раз, сразу после шмона, в 10-10. Быдлотатарская смена верна себе. Заодно унес конфеты и майонез в каптерку, положил в баул, а самое главное, что надо было туда положить – пакет с «Марсами», чтобы есть их в столовине, – забыл, идиот! Выложил зачем-то вчера в тумбочку из общего пакета с конфетами и пр. – и сегодня, разумеется, забыл сунуть обратно!.. :(

Добавки картошки на второе сегодня, конечно же, не оказалось. Хорошенького понемножку. :) Сегодня этот гондон баландер положил ее чуть-чуть побольше, самую малость так что уровень воды оказался чуть выше полтарелки. Но – пока он мне ее накладывал, я, нагнувшись, увидел в

«кормушку», КАК именно он накладывает. Вот уж действительно гондон: да, он вроде кладет два черпака, но второй – только вода, он специально зачерпывает из бака и вливает в тарелку. Понятно, что если он будет класть хоть по полтарелки одной картошки – ему и на половину камер ее не хватит, в бачке быстренько останется одна вода. Под стать второму, кстати, был и суп: опять килечный, но кильки попался мне уж совсем крохотный кусочек, по которому я едва определил, что за бурду я ем; плавало там еще чуть-чуть картошки и – довольно много белых лохмотьев от вбиваемых прямо в горячую кастрюлю супа сырых яиц (здесь такая странная манера готовить, в еду просто вбивать яйца!). Твердое содержимое этого супа составляло, я думаю, максимум 10% от объема воды в нем, – короче, не суп, а практически одна вода! Вот чем эти мрази кормят за казенный счет в своих казенных домах. В целом обед был похож просто на издевательство, на глумление.

Пока мылся в бане, вспомнил почему-то Бяльон, старинную коллегу и приятельницу матери, на десять лет ее моложе. Они были знакомы еще с начала 80-х, с 655-й школы, Бяльон еще помнила (мать пересказывала мне с ее слов), как бабушка приходила туда за мной в 1-2 классах. С матерью они последние годы были в ссоре (мать, как всегда, разобиделась, что та позвонила поздравить ее с д/р на пару дней позже, – и порвала все отношения). Найти бы ее сейчас, сообщить, что мать умерла... но как? Вряд ли у нее в ее 64 года есть аккаунты в соцсетях, а по-другому, по одним ФИО и году рождения – где искать? Написал я об этом Глебу, чтобы он переслал эту просьбу Феликсу, а уж тот поискал, но – едва ли найдет. К тому же, еще году в 2005 мать что-то говорила, что Бяльон поменяла фамилию (эта-то у нее по мужу, который уехал в Израиль).

9.10.17., 5-40

Вчера, собирая тарелки с ужина, эта старая очкастая дылда – баландер (по кличке, как недавно тут выяснилось, Малыш, – ну да, всякий амбал, дылда и громила у уголовников обязательно Малыш!) вдруг сама спросила меня, почему это я не интересуюсь у него про остатки кильки. Давали третий (!) день подряд пшенку с этой килькой – нелепейшее сочетание! – и я не стал спрашивать, т.к. до отбоя мне этого вполне хватало, а после отбоя меня ждала ветчина и ДВА яйца с завтрака. Но он спросил – т.е., у него там осталась килька, и еще удивился: мол, когда не остается, я спрашиваю, когда остается – не спрашиваю... Что ж, упускать такой случай не стоило, в другой раз не предложит, а может понадобится. У него этой кильки с томатной жижей оказалась полная тарелка еще, – что ж, съел я и эту дрянью. За три часа до отбоя – ничего, нормально, она как раз успела перевариться. :) То густо, то

пусто. Не будь ветчины, я, конечно, оставил бы эту тарелку кильки на ужин после отбоя. Боюсь, на крытой не раз еще, особенно в карцере, доведется мне вспомнить с грустью это неожиданное изобилие...

Грустные, грустные даты... Сегодня ровно два года, как я в этой камере. Ровно 40 дней, как умерла мать. Как сказала мне в последний приезд Света, сегодня они зароят на Ваганькове урну с ее прахом. Феликс, Вера, Санникова, не знаю, кто будет еще, и сама Света выкроит ли время, совсем не факт. Не знаю, удалось ли им дозвониться до Лени Эмдина, единственного ученика матери, все последние годы к ней ходившего и помогавшего ей, – телефон я вспомнил и дал Свете в последний ее приезд, она обещала найти и позвать его. 40 дней... а кажется, что год уже прошел. А эпизоды 80-х годов с участием матери, которые я вспоминаю все эти 40 дней – кажется, что были только вчера...

Ровно 770 дней, 110 недель мне осталось. Каждое утро, до подъема еще, я испытываю мучительный, леденящий, неопиcуемый ужас от предстоящего этапа, который всё ближе и ближе. Неопиcуемый, тягостный, тоскливый ужас, каждое утро, изо дня в день, без исключений. Перетаскивание неподъемных баулов, шмоны и сидение с уголовниками (дай бог, чтобы только на пересылках, а не на самой крытой!) – вот что вызывает этот ужас. Потом, в течение дня, особенно к вечеру, становится чуть полегче на душе, приходит ощущение тупой покорности судьбе, – всё равно же деваться некуда, так что ЧТО об этом и думать! – а с утра, как проснусь, всё начинается с начала...

10.10.17., 5-35

Вчера в обед отдали наконец-то письма (а потом, перед «крестинами», как обычно, принесли еще и две газеты). Три письма от Землинского, остальные – по одному: Кондрахина, Эфрос, Санникова, Лана Фрик и – неожиданно – открытка от Шесткова из Берлина! Так и нет, разумеется, ни слова от Мани, нет ответов ни от Светозарского, ни от Миши Рахманова, – что ж, я и не ждал особо, – а от Рудыка, м.б., нет потому, что ему я писал только 28-го сентября, м.б., ответ еще не успел до меня дойти.

Самое противное – не оказалось в конверте той книжки, которую мне послала Кондрахина! То ли брошюра, как было уже недавно, то ли распечатка, – она даже не написала. Зато написала, что автор – узник еще сталинских лагерей, так что вряд ли его книга затрагивать Путина и вообще современность. Есть еще вариант, что, м.б., просто забыли ее вложить обратно в конверт, когда цензурировали письмо, – но это как-то странно и не очень все-таки вероятно. Что ж, напишем Лене, что ее книжка не дошла, м.б., на новое место пошлет ее еще раз.

Эфрос поразила меня тем, что она, оказывается, дочь писательницы Нины Катерли (которую я не читал, но много слышал); описала еще, как в свои лучшие годы работал питерский ДС, где она состояла (вечные проблемы с кворумом на собраниях). Шестков пишет, что на его слова я реагирую «воспаленно» :)), – это, видимо, про мой ответ на прошлую его открытку, полученную, по-моему, еще в марте. Страстно агитирует меня после освобождения уехать из этой страны – с таким напором, как будто я яростно возражаю! Еще по его комментариям на «Гранях» два-три года назад я понял: он воображает меня таким фанатиком «выхода на площадь» и вообще политической борьбы тут, внутри, не понимающим, что она тут безнадежна. Как его в этом разубедить, пока я еще физически здесь – я не знаю, хотя и пытаюсь в каждом письме. А о том, КАК уехать, не имея загранпаспорта – он не пишет, для него этой технической стороны эмиграции не существует вообще, – видимо, судит по себе и своему 1990 году отъезда.

Ну и наконец эта Лана Фрик, мне практически чужая и малознакомая – с упоением пишет на трех страницах о своих четырех детях, об их учебе, лечении, кружках, секциях, о своей работе и ночных поездках с нее домой – и ухитрилась ни единым словом не упомянуть о Йонатане Гордоне, который меня с ней заочно и познакомил, – хотя в прошлом письме я ее спрашивал, куда он пропал, почему с зимы уже не пишет.

И вот я сидел, как обычно, до вечера, но всем им успел вчера ответить, ура! :) Да, еще забыл: наконец-то принесли все пять открыток, посланных мне Горильской из Монако, о которых она уже давно в одном из писем упоминала, что она посланы.

Старый этот баландер вчера в ужин спросил вдруг у меня большой (А-4) конверт, – ему, оказывается, нужен «для приговора», чтобы послать его «на поселок». То бишь, собирается подавать на перережим, чтобы вместо лагеря выпустили его на поселок. Три года ему осталось, насколько я знаю, 16 уже просидел (всё время эту цифру упоминает). Не сомневаюсь, что его и выпустят, – он же не «злостный нарушитель», как я! :) Меня увезут, а вскоре не станет тут и его, – м.б., оно и к лучшему, что меня увезут, а то все равно без него кто мне давал бы тут добавок кильки или картошки? :) Пришлось бы сидеть на одной тощей порции. Хотя – на крытой придется сидеть на ней всё равно...

11.10.17., 18-40

Всё-таки они пришли за мной!.. Уж думал, не закажут ли сегодня на этап; прошли «крестины», отхлопала дверь бани – и вдруг... Открывается моя дверь – и узкоглазый ублюдок вертухай командует: «К начальнику!». Я,

разумеется, всё понял – и не пошел, повернулся к этой мрази спиной, а она продиктовала в регистратор: «...отказался выйти на дисциплинарную комиссию». То бишь – опять 15 суток! :) И за что же? Кроме той провокации мрази Чертанова 3 октября, когда я «не представился» этому же узкоглазому, больше никаких провокаций не было; а о той – я, дурак, уже забыл, расслабился, а десять дней-то еще не прошли! И они все-таки решили использовать эту домашнюю заготовку.

19-00

Прервали на ужин (горох с килькой, бред!..). Для чего ж они, суки, это делают, дают еще сутки, когда уже пора на этап? Единственное, что я могу придумать – м.б., уже и новое, даже не объявленное мне формально, ПКТ у меня кончается? Оно где-то с апреля или с мая, я даже не знаю точно. Видимо, не приходит никак еще из Москвы бумага, куда меня везти, на какую тюрьму, вот они и продлевают мне это ПКТ за счет ШИЗО, – не выпускать же меня из камеры! Никакой другой версии просто не могу придумать, – этап на носу, все «суды» уже давно прошли – а они опять за старое; почти четыре месяца ведь не было у меня ШИЗО, с июня месяца...

Значит, магазин послезавтра пролетает – и будет только 27-го, если, конечно, я еще буду здесь. Наверняка выгребут всё, что осталось от прошлого магазина, – теперь они по утрам заходят шмонать всех, у кого бывает ШИЗО, и по этой стороне коридора, – и 5-ю, и 7-ю... Если только добавки кильки на ужин, ими спастись... Тошно, невыносимо, просто не могу... Всегда пакость случается тогда, когда ее не ждешь, – а тогда, назавтра после провокации, когда я ждал вызова на «крестины», был на 100% уверен, – вот тогда как раз и не случилось ничего... Суки, суки, суки! Убивал бы своими руками!.. Опять не жрать ничего, ждать шмона-погрома по утрам...

12.10.17., 5-40

Лег вчера только в десять вечера, окончательно проснулся в 2-10 ночи – и больше не спал...

В отбой вчера, как я и думал, узкоглазая быдлотатарская мразь по фамилии Мазитов повела меня «знакомиться» с постановлением. Ну да, всё точно так, как и планировалось: 3-го во столько-то времени не представился вот этой самой гниде Мазитову, «отказался». Хотя гнида Мазитов меня не просила представиться, а – уже когда я надел робу и собирался выходить (к психологу мадам Петуховой), вдруг спросила: «почему не представились?». Хотя и раньше, с самого 2014, я ему никогда не представлялся – и он никогда этого не требовал. То бишь, в чистом виде подлавливание, самое подлое и циничное, какое только бывает. В любой момент можно подловить: «не представился», «не доложил» и т.п. – и пожалуйста, 15 суток ШИЗО как с

куста!..

Лютое, нечеловеческое желание убивать их, лично, своими руками всех их мочить – и тюремщиков, и гэбню, и ментов, и всё это их поганое государство, всех, кто ему служит!!! Они совершенно неисправимы, эта нация подонков, – и жить на свете они не должны! Ядерную бомбу сбросить на их Россию – мало, мало! Одной бомбы – мало, надо на каждый их крупный город по бомбе, на каждый ж/д узел! Надо их выжечь, всю эту мразь, как клопов, как тараканов! – ибо они, конечно, не люди...

С тоской думаю, как пережить 15 утренних шмонов. Еду, писчую бумагу, конверты, блокнот – они заберут всё, всё, если только зайдут сюда. В ШИЗО ведь низ-з-зя ничего...

Сидел, размышлял... Да, очевидно, это ШИЗО – только для того, чтобы продлить мне сидение в камере, другой причины быть не может. Если учесть, что провокация была 3-го, «крестины» – на следующий день, 4-го, но тогда меня не дернули; с тех пор было еще несколько «крестин», вот только в понедельник, 9-го; вчера были уже вторые «крестины» на этой неделе, а третьих – завтра, в пятницу, когда истекают положенные десять дней со дня провокации, – может и не быть. То бишь, протянули еще неделю, плюс – две недели после ПКТ за счет этого ШИЗО. Видимо, и впрямь, 3-го они получили, как и я, решение «суда» – и две-три недели им нужно, как и сказал мне 6-го сука дневальный, две-три недели на то, чтобы Москва получила их запрос и прислала им ответ. А ПКТ у меня, видимо, кончается, – я же о нем узнал в апреле, уже полгода прошло; и после конца ЕПКТ в апреле, видимо, они не прежнее, с 2015, ПКТ посадили меня досиживать, как я думал, а сразу же выписали новое, на все полгода – и даже, суки, об этом не сказали ни слова! И вот теперь оно кончается (я ж не знаю точно, с какого оно числа), а запрос на этапирование еще не пришел. Вот эти ублюдки, конкретно мразь Чертанов, и явились 3-го с провокацией, отложили ее по максимуму, на восемь дней из десяти, а вчера – использовали! И из-за их технических нужд во времени я должен буду сидеть голодным, а м.б. – вообще в голой камере, без ручек, бумаги, блокнота...

Есть ли в мире хоть что-нибудь, что было бы для этой Системы и этой проклятой страны чересчур, слишком, «перебор», как говорила Новодворская? Нет, нет и нет! Их не жалко, они не люди, они никогда, НИКОГДА не будут жить нормально, цивилизованно, без этой государственной подлости и цинизма. Их не только можно – их НУЖНО убивать и только убивать!!! Сбросить ядерные бомбы на все их города, или выжечь напалмом, или залить им отраву в водопровод, чтобы они дохли тысячами, или взорвать плотину под Москвой, чтобы ее затопило, и т.д. и

т.п., и взрывы их метро, поездов, самолетов в воздухе – ничто, ничто не будет против этой русской мрази слишком, ничто не будет чересчур! Как сформулировал в свое время Буковский, тоже от них хлебнувший: «Нет больше в этой войне запрещенных приемов!».

18-05

Как ни удивительно, но – шмона не было вообще! Сегодня – шмонный день по всей зоне, четверг: наверное, шмонали бараки и так были заняты, что не успели вышмонать ШИЗО, и так шмонаемое каждый день! :) После десяти утра какая-то толпа вроде бы приходила, и даже был чей-то крик: «Поехали!» – но шмона так и не было. Зато уж завтра... страшно (и противно) даже представить... И шмон, и баня ШИЗО – всё предстоит завтра.

Перед обедом открыл вдруг дверь помощник белобрысого упыря Лезгина, только что заступивший: мол, там мне что-то принесли из спецчасти, бумаги какие-то. Иду в их «дежурку». Там сидит за столом девица с бумагами, а около нее – первое, на что падает взгляд – лежит пачка писем мне.

Я хочу их взять – и тут вдруг этот же вертухай, что ходил за мной – хватает их и говорит: мол, у вас сейчас ШИЗО. Три года тут сижу – всегда отдавали и в ШИЗО, и вдруг!.. Хватает – и перекладывает от меня подальше; пытаюсь подойти и взять – эта мразь меня не пускает! И спрашивает, сколько суток мне дали, – типа, до конца ШИЗО не дадут, будут валяться у них (и на пятый день пропадут, ага!..).

Сажусь на табуретку, думаю, что делать (отказаться получать бумаги из спецчасти – это первое!). Не помню уж, что сказал мне этот вертухай, но я, сидя на табуретке, ему резко сказал: мол, я сейчас лягу на пол, да и всё! (Я же так однажды сделал, в начале 2000 г., когда два мента в штатском, вызволив по контактному телефону, хотели арестовать меня в метро за антипутинские листовки, которые мы клеили тогда, перед «выборами», по вагонам и которые назвала тогда «гениальными» Новодворская!)

Короче, говорю, что лягу на пол, он отвечает: мол, ложись. Недолго думая, я с табуретки брыкаюсь на пол, на спину, руки под голову, ногами к выходу. Лежу. Вертухай этот стоит возле меня; смотрю – потихоньку начинает брать и рассматривать мои письма. Одно, другое... Ну, думаю, хороший знак. :) Девица сидит и занимается пока не моими бумагами. Тут входит белобрысый упырь, обалдевает от такого зрелища – и начинает грубо, на «ты», хамски мне угрожать. Мол, я тебя сейчас за ногу утащу, и т.д. Тащи! – говорю. . Ему девица тоже что-то объясняет про чьи-то бумаги, он уходит.

Помощник его пытается мне командовать: мол, встаньте и идите в камеру! :) Пытается обмануть: мол, пойдете в камеру – тогда вам дадут

письма. :) Нет, говорю: вот когда отдадите, тогда пойду!

Видимо, подействовало на него, когда девица из спецчасти сказала: ну, я тогда пойду, мне некогда ждать (меня, имелось в виду :) . И этот урод сразу отдал мне письма, я встал (минут десять, наверное, всего пролежал), получил бумаги: это оказался возврат мне жалобы от моего имени, написанной Ромой на решение Чусовского «суда» по поводу моих ШИЗО еще 31-го июля, когда Рома и на заседании-то не был. Жалобу эту ему и писать-то не стоило; кстати, в бумагах сказано, что на его официальный адрес в Екб, на Латвийской ул., это всё высылалось заказным письмом, но он не получил, письмо вернулось в «суд». Куда же он делся, что и письмо не получил, и ко мне они с Глебом, похоже, так и не думают ехать7..

Пришел в камеру, посмотрел письма. Два – от Землинского, с новостями; одно – от какой-то незнакомой женщины, которая пишет, что обо мне узнала от Феликса; с одной стороны, выражает мне сочувствие, с другой – прочла, видимо, из меня только те цитаты из некролога Масхадову, что висят в Википедии, ужасается и спрашивает, неужели я и в самом деле так думаю?! :) И вот почти до ужина сидел отвечал им обоим: сперва ей, а потом и Землинскому, хотя там особо и не на что было отвечать.

На ужин опять горох с добавлением кильки, – идиотское сочетание! А пшенка сегодня была она завтрак. Подвезли, значит, наконец им продуктов. Тепляк мой старый начинает уже рваться и слева сзади, где я три года оттягиваю его вниз; а справа сзади – уже большая дыра, хотя я два раза, если не три, зашивал там... А новое белье взять негде, если Глеб, получив мое письмо, не купит и не вложит в передачу на крытку...

Писать полдня письма было так классно: в это время забываешь и о ШИЗО, и о завтрашнем шмоне, и о близком этапе... А когда вспоминаешь, как и утром, в четыре часа, – ад, ад в душе, невыносимая, невыносимая тоска и бессмыслица.

Ради чего я мучаюсь, РАДИ ЧЕГО??? Нет ответа... А жизнь прошла... Осталось мне сидеть 767 дней.

13.10.17., 18-38

Рабочая неделя прошла – а ко мне так никто и не приехал. Хотя – по всем расчетам Корб уже должен был получить мое письмо от 3 октября, сразу же после провокации, где я просил его передать ребятам, что жду их. Похоже, здесь, на старом месте, я уже не дождусь их – и когда-когда еще дождусь на новом!.. (Если дождусь вообще.) Рахманов, Светозарский, Маня и, похоже, Рудык – так и не откликнулись. Никому я на не нужен. Подумал еще: сколько есть народу из моих бывших «друзей», кто знал мою мать, мог бы вполне прийти на ее похороны – и не пришел. Михась этот, давно и ею, и

мною забытый, аж из Минска автостопом приехал, а эти... Тарасов, Фрумкин, Гиляров, Евстифеева, Люзаков, Акименков...

Шмон утром был, но ко мне не зашел (как и в 5-ю, где, похоже, до сих пор тоже ШИЗО). Дай бог, чтобы оставшиеся 13 шмонов тоже ко мне не зашли!!! В баню повели десять минут третьего, после обеда (и полной добавочной тарелки картошки :) , – в дальнюю баню, ибо ближняя была опять занята «крещаемыми». Суки, третий раз за неделю, через день «крестят»!..

16.10.17., 5-33

Поразительно, но два дня – выходные – было не о чем писать. То по странице в день, а то... Приходил в субботу библиотекарь – вот и все события. Шмоны были, но ко мне, к счастью, не заходили (да и вообще шмонали не ШИЗО). Я и сейчас-то взялся за перо в основном затем, чтобы отметить эти даты и факты – вдруг сегодня эти мрази зайдут и заберут у меня ВСЁ – бумагу, конверты, блокнот, папку с документами и дневником, остатки еды... Четыре шмона пройдено, но 11 еще осталось, до конца этого проклятого ШИЗО.

А до конца срока мне осталось 763 дня, ровно 109 недель, два года и месяц. Дни уходят, уходят потихонечку недели, но – это не радует. Мучительные, тоскливые размышления каждое утро, без исключения, на нарах, перед подъемом. Жизнь прошла, это уже ясно, и впереди нет ничего. Стоит ли длить ее, такую жизнь, состоящую из одних лишь мучений?..

10-11

Быдлотатарский ублюдок Мазитов – тот самый, что устроил мне провокацию 3-го октября – явился-таки без трех минут девять: «В баню!». Пришлось сказать, что я плохо себя чувствую и не могу сейчас, – это уже второй раз приходится так отсрочивать баню перед шмоном, первый был 31-го мая. Ничего хорошего в этом нет, разумеется, – тем более, что утром пятницы, когда следующая баня, опять будет дежурить эта же мразь. Но уж лучше так, чем, как было 13 марта, я буду сходить там, в бане, с ума от беспокойства: зашли эти ублюдки шмонобанда ко мне или нет, вынесли всё или не вынесли... Слава богу, сегодня обошлось, не зашли, – это уже 1/3 ШИЗО пройдено, пять шмонов из 15-ти. Но как дико выматывает нервы это ожидание, это напряженное прислушивание, это рассчитывание по минутам, что сказать и что сделать, чтобы не влипнуть и не потерять всё свое жалкое барахло, – страшно даже сказать. Я чувствую себя совершенно опустошенным, как выжатый лимон, за эти годы – и ясно, что на крытой будет еще хуже...

Имел глупость сказать ублюдку Мазитову, что пусть, мол, он скажет обо мне следующей смене. Теперь те – белобрысый упырь Лезгин и его

помощник – если и поведут, то едва ли раньше, чем после обеда, но легко могут и забыть повести вообще.

11-36

Нет, в баню и второй раз погнал все тот же ублюдок Мазитов, под самый уже конец своей смены. Причем эта гнида вертухайская не заглядывает сперва в «глазок», или, даже открыв уже дверь, не спрашивает, МОГУ ли я сейчас идти в баню (поскольку знает, что мне до этого было – якобы – плохо). Нет, такие нежности у этих мразей не в чести; ублюдок Мазитов, блядин сын, так же, как и всегда, открывает дверь – и отрывисто командует: «В баню!». Быдло, тупое, бессмысленное быдло; как же я ненавижу таких!.. Перестрелял бы своими руками всю эту нечисть, всех этих верных служак, путинских рабов!!!

Повел он меня – было без десяти 11; мылся я совсем недолго, просто постоял под душем, – не было настроения особо плескаться и нежиться. Вышел – слышу: уже «кормят», ездит тележка с баландой, открываются «кормушки». Хотел сперва расстроиться, что могу пропустить добавок картошки на второе, который давал мне старый очкастый баландер последние два или три дня. Но потом подумал: чёрта ли мне в этой картошке?! Снявши голову, по волосам не плачут; были в моей жизни и покрупнее потери; да и сама жизнь уже, считай, кончена! Да и неизвестно, что там на второе сегодня, – может, и не картошка вовсе...

Нет, оказалась картошка. Но – опять старая, сушеная, нарезанная характерными ломтиками, новую так не режут. И вместе с жижей этой картошки – на самом доньшке, даже треть тарелки не наберется. А на первое – осточертевший уже этот килечный суп, «уха», да к тому же еще и совершенно пустой, – два-три кусочка кильки, два-три зернышка перловки и столько же – вот этой самой старой сушеной картошки, остальное – вода. Полная тарелка фактически одной воды.

Мне так противно, до омерзения, было всё это, так тошно и муторно было на душе от того, что вот – прошла уже моя жизнь, прошла бездарно, бессмысленно, и ничего не осталось от нее, и ничего уже не изменить, не вернуть, и что вот теперь остаток ее я трачу на то, что с замиранием прислушиваюсь: идет или не идет шмон, ко мне идут или мимо; и так это противно, и так унижительно – ждать, прислушиваться, думать о них, зависеть от них, тратить годы на вот это бессмысленное прозябание, ничего в жизни не добившись, – так тошно и мерзко было на душе от всех этих мыслей, что этой паршивой картошки не стал я даже спрашивать добавок, хотя можно было. Пусть сами ее жрут, пусть подавятся ею, суки!.. Когда баландер забрал тарелки, я слышал, как он в коридоре говорил белобрысому

упырю Лезгину: мол, что-то Боря не спросил картошки, а у меня, мол, осталось. Предложить само – видимо, это чмо считает ниже своего достоинства, что ли...

Вот такие вот тоскливые дела. Боже, на что я трачу свою жизнь, свое время, нервы, силы, свою душу!.. На ежеутренние прислушивания, идет ли шмон, идет ли он ко мне или мимо меня... Это настолько унижительно, настолько невыносимо, – аж слезы из глаз, как подумую...

По идее, к вечеру должны быть «крестины» – и мне, как обычно во время «крестин», должны принести газеты. Штуки три-четыре, хватит на вечер и почти на весь завтрашний день. Что ж, посмотрим, оправдается ли этот прогноз.

Понедельник, началась рабочая неделя – и я невольно, подсознательно жду, что, м.б., все-таки приедут ребята. Уж Корб-то 100% должен был уже получить мое письмо от 3 октября и сообщить им, что я прошу их приехать. Но умом я понимаю, что – по крайней мере, сюда – они уже не приедут. А м.б., и вообще не приедут. Мать умерла – а больше я никому в мире не нужен... Осталось 763 дня, ровно 109 недель.

17.10.17., 5-30

Ошибся вчера только в том, что вместо трех-четырех газет принесли всего две. А так – всё точно. И ужин у меня после отбоя был вчера, так сказать, только из лагерных продуктов: два бутерброда с цилиндром маргарина, данным еще на завтрак, и полтарелки кильки в томате (ужасное дерьмо, если честно!). А ребята так и не приехали...

Всё думаю: как же я буду там, на крытой, в карцерах? Лечь днем – только на пол, а если он бетонный? Часы уж 100% отберут, даже если чудом оставят при приезде на тюрьму. Письма – только после выхода, а если назавтра опять карцер? Жрать – только баланду и местный хлеб, а если он будет такой же говённый и несъедобный как здесь?..

7-40

Но, допустим, я даже выживу в этих карцерах, как-то дотяну эти два года и освобожусь. И что же? Как бы там ни сложилась жизнь, заберут ли меня к себе Горильская с Крюковым, как они (она) сейчас обещают, главное, что меня ждет на воле, – это невозможность отомстить этой проклятой стране за мою поломанную, исковерканную жизнь, полная невозможность нанести ей хоть какой-то ущерб, хоть как-то расквитаться. И это-то самое горькое. Это и доказывает, что я мучаюсь вот уже десять лет – ЗРЯ.

9-38

Вот и пришли ко мне со шмоном! Влезли толпой в коридор – и слышу за дверью голос: «А чё «тройка»-то?..». Думал – пройдут мимо, как часто уже

бывало, но нет – открывают суки! Выхожу – стоят штук семь этих упырей в камуфляже, недочеловеков, как обычно. Эх, положить бы их всех одной очередью из автомата!.. Один из них обшманывает, как всегда, меня сзади руками по бокам и ногам, а второй ушлёпок заходит в камеру – и их начальник (видимо) прикрывает, тоже как всегда, за ним решетку и держит ее рукой. Хорошо, думаю, что один зашел, а не трое, как в те разы. Что ж, побыл он где-то с минуту – и вышел. Захожу я обратно – слава богу, ничего не разгромлено. Порылся слегка в полотенцах, лежащих на батарее, посмотрел газеты вчерашние на столе – а в тумбочку и бак, где остатки еды, не лазил вообще. Какое счастье! (И как мало надо для счастья..)

Закрыли они дверь – и я слушаю, куда они дальше пойдут. Пошли они сразу в конец коридора – и я понял: шмонали-то они меня как ПКТ-шника! :))) Они и не знали, что у меня ШИЗО. Благо, на табличке с наружной стороны двери усердный мразь дневальный просто забыл, видимо, вместо «ПКТ» написать «ШИЗО». Вот так вот. Просто повезло, короче – ибо ведь в последние два шмона, в августе и сентябре, у меня и по ПКТ эти ублюдки забирали всё, что видели, в том числе всю жратву.

Начал это всё писать – и вдруг женский голос за дверью, близко. А-а, ясно, ждем-с!.. Но – открывается не дверь, а только «кормушка» – и в нее заглядывает не мадам Петухова, а другая психолог, брюнетка, которая один раз уже как-то заходила ко мне. Спрашивает, как у меня дела – и, услышав мой ответ, начинает, как они все и всегда, настраивать меня на «позитив» (ибо ответ-то мой далеко не «позитивный»). Обещала, кроме того, что сегодня ко мне зайдет другой психолог и выдернет в кабинет. Что ж, посмотрим, зайдет или не зайдет... Толку от них всё равно никакого; посмотрим, сможет ли мадам Петухова тут пробить, чтобы мне хотя бы выдали казенные ботинки к этапу.

18.10.17., 5-35

Опять не спал полночи – с полвторого где-то – и опять, как обычно, после долгой бессонницы стал задремывать под утро. Задремал минут на 10 или 15, проснулся – было только полпятого; лег ждать подъема – и проспал его!!! Первый раз за весь этот срок, по-моему, со мной такое: проснулся, когда уже открывалась дверь камеры! Хорошо, что у меня все было собрано, свернуто: быстро вскочил, не придя еще в себя, выкинул матрас в коридор; времени оказалось уже 5-15!

Вчера приехали наконец ребята. Дружно возражали и разуверяли меня, когда я сказал о своем мрачном предчувствии, что после смерти матери ко мне не очень-то будет кто-нибудь ездить. Глеб напомнил – справедливо, в общем-то – что они приезжали и до знакомства с моей матерью, еще в 2010

г., ко мне в Буреполом. Да, и впрямь приезжали, хотя всего лишь два раза, уже под конец того срока. А сейчас – и сами они хотели, и, как я понял с их слов, подталкивала их и Наталья, ссылаясь на мои письма об этом, – значит, Корб получил и переслал ей мое последнее письмо, но сам – а его я тоже просил – ничего им о поездке не написал. В общем-то, никаких особо важных вестей они не привезли, разве что текст обращения к Порошенко и Верховной Раде о придании мне украинского гражданства, подписанный Корчинским, Муждабаевым, Аминой Окуевой, Татьяной Близнюк и др. Очень приятно было прочесть это свидетельство того, что моя судьба там, в Украине, кому-то не безразлична, тем паче – людям с именами, как Корчинский, хотя понятно, увы, что гражданства все равно не дадут. :(

Еще Рома рассказал, что, благо и.о. начальника, всё тот же Новоженков, оказался на месте и быстро подписал им пропуск – они поговорили с ним, спросили, когда и куда меня увезут. Он ответил, что увезут (как я и думал), когда придет наряд из Москвы, а из возможных мест – назвал Владимир, Верхнеуральск, Златоуст и Минусинск; что же касается Енисейска, ребята поняли так, что это ужасная жопа и что туда, к счастью, отсюда не возят.

Вскоре, как вернулся я в камеру – открывается опять дверь и запускают ко мне какого-то старого хрыча в эковской грязной и потертой телогрейке – явно работаю с «промки». И он начинает изучающее рассматривать стену над входной дверью, где ночник и видеочамера. А на мой вопрос, в чем дело, стоящий в коридоре вертухай говорит, что, мол, «намордник будут делать» – и на мои недоуменные вопросы, что за намордник, кивая на старика, говорит: «Он знает». Какая мразь, трудно просто ответить на вопрос!.. У старика я спрашивать не стал, это явно было еще более бесполезно. Кроме той решетки, которой уже давно, с ремонта два года назад, наглухо загорожен ночник, – я не представляю, какой еще намордник и на что можно там присобачить.

Кстати, вчера была колобковская смена, но без самого Колобка, этого злобного дебила. Два хмыря, которые в разное время были его напарниками, дежурили вдвоем, но без него. Уж не знаю, кто из них был при этом старшим.

Ночью сегодняшней тоже было весело, неудивительно, что я полночи не спал. Оказалось, пришел этап из Перми (значит, этой ночью, с сегодня на завтра, будет обратный этап в Пермь; надеюсь, меня еще не закажут!). Привезли какое-то полоумное блатное чмо с крытой, кавказское или азиатское, судя по крику «Салам алейкум, крыша!» – и оно колобродило и бесновалось всю ночь, закрытое в «этапку» (камеру у самого входа в здание). То ли у него какие-то вещи на шмоне хотели отобрать, не знаю, – судя по его

крикам кому-то, что, мол, с описью вещей надо подождать до утра, когда придет бухгалтер (причем тут бухгалтер??). То ли уж не знаю, в чем было дело; но это животное не могло сидеть спокойно, оно орало, есть кто-нибудь или нет, пока какой-то не спавший хмырь из 14-й не начал ему отвечать. Потом оно с яростью начало колотить в дверь, греметь, должно быть, внутренней – за дверью – решеткой и орать: «Поехали кататься!!!». Подошел кто-то, и это существо выясняло с ним отношения и громко сообщало кому-то (м.б., этому типу из 14-й, что разговаривает с «Васильичем», – м.б., это была мразь Баяндин, ее тут обычно так и называют. Самая мрачная и грустная мысль была, пока я лежал без сна и слушал всю эту вакханалию, – ЧТО будет, если вот с такой вот полоумной обезьяной на этапе или на самой крытой посадят в одну камеру...

Ну, а сейчас – что ж... Ждать очередного говнозавтрака, он уже вот-вот приедет, а после этого – очередного шмона. Боже, пронеси, чтобы этот шмон ШИЗО не зашел ко мне!..

19-17

«Крестины» были, а газеты новой так и не было. С утра бренькает по радио эта отвратительная «танцевальная» музыка, как всегда теперь в смену Стекольщика. На ужин – капля картофельного пюре, залитого томатом от кильки; сегодня килька какая-то совсем жидкая, пара кусочков рыбы, остальное – жижа. Мой – для проформы – вопрос, не осталось ли ее, это чмо баландер даже не услышал, – ругался с кем-то в коридоре, был в ярости и злобно захлопнул, не отвечая, мою «кормушку». Сижу, перечитываю в 100-й раз старые письма, думаю о своей идиотской, неудавшейся жизни, потихоньку схожу с ума. Невыносимая тоска. Невыносимо остро...ло всё...

19.10.17. 15-50

Сидел, обедал – вдруг открывается дверь, является мразь Баяндин и говорит: собирайся, переезжаешь в «двойку», а тут, по этой стороне, будет ремонт!

Мрази, ублюдки, грязные свиньи, не могли дать досидеть спокойно до этапа!.. Это всё я пишу сейчас уже в «двойке». Тут ужасно, просто беда! Самое главное – нет вообще ночника, только белый бешеный свет, да белые стены; при таком свете черта с два я усну ночью!.. Пытался дозваться урода дневального, чтобы он взял лампочку из «тройки», из ночника, и поставил сюда. Но – его нет, звать его узкоглазые быдлотатарские ублюдки (сегодня опять их смена) не хотят; а если его и дозваться – 99,99%, что он ничего делать не будет; да и – там же, в «тройке», это единственная лампочка, а ремонт делать надо тоже при свете. В общем, безнадега, тоска, смертная

тоска... Полочки над умывальником, даже крючка для робы – тут нет ничего, все вещи придется так и держать в пакетах. Впрочем, держать недолго: завтра же, в лучшем случае послезавтра шмон заберет у меня всё и унесет. Всю мою жратву, всё, всё утащат; там про запас, на крайний случай, всё же четыре банки шпрот были у меня спрятаны; а тут – прятать абсолютно негде, тут просто голая камера...

Вот и начались они, мои мытарства, даже еще прежде этапа. Если там успеют сделать ремонт, всё покрашенное просохнет, а меня еще не будут вывозить на этап – наверняка вернут обратно в «тройку»; все-таки там два места на меня одного, а тут – шесть. Но намучаюсь, наголодаюсь я до тех пор, спать не смогу нормально при этой лампе... За что мне всё это, за что – и ради чего?..

Сидел, с 12-ти до трех дня ждал этого переезда. Боже, какая тоска!.. Хотел написать Наталье про Маню, про мое отношение к ней и мысли про нее. Не знаю, надо ли, да и – успею ли, ведь любой шмон может унести недописанное письмо, бумагу, ручки... Сколько раз уже я вычеркивал Маню из своей жизни, как давно уже я понял, что с ней каши не сварить, сколько горькой обиды у меня на нее за ее упорное молчание – а вот поди ж ты, опять я думаю о ней, просто не могу, и ничего мне так не хочется, как – чтобы она была сейчас рядом, утешила меня, обняла, сказала что-нибудь ласковое...

Одиночество, как ты тяжело... Тошно, невыносимо на душе. 760 дней осталось.

А по поводу тумбочки – узкоглазая мразь, разумеется, мне заявила, что раз я в ШИЗО, тумбочка не положена. Как вольготно было два года в «тройке», даже в ШИЗО, с ума сойти!..

20.10.27., 5-15

Всё очень плохо, просто отвратительно. Сучий выблядок дневальный весь вечер вчера – сперва обещал поменять мне в этой камере лампочку, то отговаривался тем, что занят, а под конец, за полчаса до отбоя – нагло заявил: «Я не электрик!»... И узкоглазая вертухайская мразь тоже что-то вякнула насчет того, что, мол, завтра придет электрик, тогда... Хотя какой, к черту, нужен электрик, чтобы выкрутить из патронов две лампочки и поменять их местами?! Так и не поменяли, суки, и на ночь я остался всё с тем же круглосуточным бешеным ярко-белым светом.

Что делать, – попробовал, понял, что так я не смогу спать. Взял свое зеленое полотенце, обмотал им голову, как делал это в Москве, на «пятерке», в 2015 году, – вот это другое дело, свет не мешает, получилось достаточно комфортно.

Тем не менее, за этот жуткий вечер нервы, видимо, были уже измотаны так, что – увы, заснуть я так и не смог. Ворочался всю ночь, понял, что сна нет, что ночь пропала – и только около четырех утра уже вдруг задремал на какие-то считанные минуты, что-то начало сниться.

Пока ворочался без сна – пришла мысль об этой видеокамере, висящей и тут над входной дверью (вчера я забыл упомянуть про нее). Ужасно бесило меня, что они и тут успели повесить камеру – а я-то думал, что буду хоть лежать днем на столе в свое удовольствие... И где-то четверть третьего ночи я встал, подошел, попробовал залезть на внутреннюю дверь-решетку, – с трудом, но получилось! Кое-как, одной рукой держась за эту же решетку, я оторвал вторую руку от нее, нашарил идущий от камеры в отверстие бывшего ночника провод – и дернул. Ура, провод оторвался!!!

Решетка, когда я на нее залез, залязгала, загремела. Я уже успел слезть, когда узкоглазый ублюдок прибежал из своей «дежурки», заглянул в «глазок». Но ничего не увидел, в том числе и меня на нарах. Я подождал еще – но никаких грозных прибеганий на тему «зачем сломал камеру» не последовало. Из чего я заключил, что она, видимо, и не работала. Да и красные огоньки, которые обычно у работающих камер горят вокруг глазка, тут не горели. Что ж, это единственная хорошая новость. Хоть и впрямь можно будет лежать днем на столе, ибо ходить и сидеть на этих лавках, как в автобусе, не имея возможности облокотиться как следует и расслабить спину (на самом деле в автобусе и то можно сесть гораздо удобнее) – я просто не в силах.

Но самое худшее – это шмон, который грядет сегодня, как обычно, полдесятого – и, без сомнения, заберет все мои вещи и еду, в том числе и папку с этим дневником.

21.10.17., 10-20

Временно, относительно, кое-как – но пока оно всё же как-то наладилось. Вчера и сегодня шмоны ко мне не заходили, хотя оба дня шмонали ШИЗО. Начинили с «четверки». Предполагаю, что им всё же дано какое-то указание насчет меня, – и это просто замечательно! В баню узкоглазый ушлёпок вчера повел меня после шмона, сразу же, – прикидываться опять больным не пришлось. Помылся как следует, не торопясь, а когда вышел и зашел в камеру – опер Чудинов (Шрек, раньше дежуривший по ШИЗО) вручил мне пачку писем.

Пользуясь случаем, я его тотчас спросил, где же обещанный электрик, чтобы поменять лампочку в камере. Он удивился, что электрик не приходил; но, видимо, он участвовал в идущем напротив, в «тройке» (и вообще по всему зданию, в коридоре) ремонте, ибо возиться в отдушине, где

должен быть ночник, он начал буквально через пять минут. Вопреки брехне урода дневального, ночник в эту камеру вполне себе проведен; так что вместо вкручивания в потолок лампочки из «тройки», как я хотел накануне, этот электрик починил ночник и ввернул в него лампу накаливания. (Это значит, что она сгорит через несколько дней, то и дело мигает; дай бог, чтобы продержалась, пока я сижу в этой камере.) Пытаюсь ее отодвинуть слегка назад, – я, во время вчерашних «крестин», свалил ее, прямо горящую, внутрь этой отдушины, – для ночи свет стал очень хорош, но днем читать при нем невозможно, – и, слава богу, на этот раз мразь дневальный не обманул-таки – полез с коридора и рукой вернул патрон с лампой на прежнее место. Ночью я еще накинул на выступ, в виде решетки, закрывающей эту лампу, кусок одеяла, захваченный с собой из «тройки», получилось очень хорошо, в глубине камеры, где мои нары, почти совсем темно – и я спал до трех утра (с перерывом, правда, а может, и с двумя, не помню), а с трех до пяти лежал и размышлял.

После «крестин» принесли вчера еще две свежих газеты. А я с обеда и почти до отбоя, как бывало много раз и в прежней камере, сидел и отвечал на письма. Два письма от Землинского, одно – от Феликса, куда вложено и письмо наконец-то от Маглеванной, письмо от Полины Кузьминой, от Манацковой, от незнакомой мне активистки Рябиковой, хорошо знающей Веру и др., и письмо от Гедройца.

Феликс прислал и 16 фотографий с похорон (кремации) и поминок матери. В том числе и просто ее в гробу. Я уж надеялся, что мне не придется этого увидеть. Мучительное зрелище, внутренне меня всего аж передернуло. Как будто рукой касаешься открытой, незажившей раны... Феликс же сообщил и самое грустное известие: он не нашел у меня дома золотые кольца матери! :(Важные мне в первую очередь не как материальная ценность, а как память. Все 80-е, все 90-е, часть нулевых – она десятки, сотни раз закладывала и перезаклаживала их, а я ждал ее во дворах ломбардов; на полученные деньги мы жили. Помню, после долгого перерыва она все же не удержалась, заложила их летом 1989-го, несмотря на мое недовольство этим, – опасалась, что не хватит денег, не на что будет жить несколько дней... Феликс предполагает, что их могли украсть те же врачи со «скорой», что вытащили деньги из кошелька матери, найденного потом пустым. Но я не верю в это: откуда им про эти кольца знать, они же не лежали на виду, как мог лежать кошелек. Надеюсь, что Феликс просто плохо искал и в ответ я его прошу поискать их еще раз: вдруг найдутся!..

Пишет он еще, что с этим Бабкиным, моим доселе мне неведомым троюродным братом, он списался, нашел-таки его в «Контакте». Но –

спросил его, не родственник ли он Регины Леонидовны; а тот ответил, что нет, – м.б., он о моей матери и не помнит, тем паче по имени-отчеству ее. Я написал Феликсу все, что знаю об отце, тетке и бабушке этого Бабкина, попросил их ему перечислить, – посмотрим, что он на это ответит, когда прочтет! Но на стабильное общение с ним я все равно не надеюсь.

Еще сообщил Феликс, что связался через Фейсбук с Карамьяном – тот пообещал быть на Ваганькове при захоронении урны с прахом моей матери, если успеет к тому времени выписаться из больницы: у него был гипертонический криз. Дал свой e-mail Феликсу для связи со мной – а сам мне писать, конечно, и не думает! Я в ответ написал Феликсу, что пусть Карамьян мне пишет сам, если хочет, я отвечу, а первый ему писать не буду: слишком уж активно он набивался ко мне в друзья, когда я был на воле, и слишком резко оба раза терял интерес, как только меня сажали... И – познакомился Феликс не только с Леней Эмдиным, учеником матери, столько лет к ней ходившим и носившим ей деньги, но и – через него – с Таней Штангей, тоже ее ученицей, два-три раза на моей памяти приходившей к матери на д/р. Оба они обещали, пишет Феликс, тоже быть на кладбище при захоронении урны.

Полина Кузьмина рассказывает свою жуткую историю: оказывается, в 2013 ее из хирургической больницы непонятно с чего вдруг принудительно отправили в психушку (где вроде бы она бывала и раньше), держали там, кололи, у нее произошли какие-то сбои (гормональные, кажется? Не помню точно), она набрала лишних 20 кг, до сих пор окончательно не разгребла все эти проблемы. Так вот куда она тогда, в 2013, исчезла вдруг, перестала звонить матери, та еще удивлялась!..

Сегодня суббота; сегодня и завтра – спокойные дни: этап не грозит; если только шмоны и дальше не будут ко мне заходить – то всё хорошо. А что будет дальше – не хочется даже думать... Жизнь на краю вулкана, за секунды до начала извержения...

Осталось мне 758 дней. В камере этой – после двух лет в моей «тройке» – страшно неудобно, но что поделать. Радио отсюда слышно еще хуже, – динамик висит в отдушине 5-й. Гадаю, успеют ли меня заселить обратно в отремонтированную «тройку». Думаю, что да.

12-50

Спихватились, мрази, ублюдки е...чие, чтоб им всем сдохнуть!.. Пришли сейчас два эка, монтеры, видимо: почему не работает камера, не закрыта ли она чем? Зашли сюда, один полез на лестницу, обнаружил, что провод оторван, приделал его заново. Вертухай, правда, сказал им, что оторвал его электрик, делавший здесь свет, так что ко мне претензий не предъявили. Но

всё равно – только успел вчера обрадоваться, расслабиться, как, мол, хорошо жить без камеры... Даже на столе не успел днем полежать: вчера – весь день писал письма, сегодня – читал (дочитывал) газеты. Суки, будьте вы прокляты... Еще интересный момент: когда монтер приделал провод, вертухай по его просьбе пошел смотреть, показывает или нет. То бишь, пошел вот сюда, в оперской кабинет тут же, в ШИЗО, в котором я общаюсь с ребятами, с психологами и т.д. То бишь – м.б., она только туда и выведена, на стоящий там монитор? Это было бы очень здорово, т.к. в кабинете-то бывает кто-нибудь далеко не всё время и обычно не затем, чтобы смотреть на этот монитор. Но – не верится, это было бы уж слишком здорово! В «тройке», я хорошо помню с 2014 г., камера была выведена куда-то вовне, на вахту, видимо, и когда я ночью затемнял лампочку – оттуда сразу же звонили сюда. Проклятые суки, как же я вас всех ненавижу с вашими камерами, видеокамерами и всем прочим дерьмом! Как же я мечтаю вас всех убивать лично, своими руками!.. Только чуть-чуть расслабишься, подумаешь, что стало чуть легче, можно хоть на стол днем лечь, расслабить спину – и на тебе!..

Опять овсяная говнокаша на завтрак, опять очкастая мразь баландер (который уж раз!) не удостоил даже ответом на вопрос про добавку картошки в обед... Суки, суки, суки!..

22.10.17., 5-50

Только вечером вчера, часа за полтора всего лишь до отбоя, удалось подозвать этого мразоида дневального (раньше – он не подходил, хотя прекрасно слышал, что я зову его!), чтобы он выключил проклятый верхний свет в камере, включенный ублюдком вертухаем еще после обеда, когда пришли чинить тут видеокамеру. Если честно, я и не думал, что большой верхний свет будет меня так утомлять и раздражать, – привык уже в «тройке» к маленькой ночниковой лампочке за полтора-то года, с апреля 2016-го...

Одновременно вкратце спросил этого козла дневального насчет моих перспектив. Новости очень неутешительные. Говорит, что меня до этапа так и оставят в этой проклятой «двойке», где сесть и облокотиться нормально нельзя; но если бы даже и вернули в «тройку» – там, по его словам, вчера повесили ДВЕ камеры! То бишь, там вообще скрыть от мразей будет ничего нельзя, как я до сих пор умудрялся кое-что скрывать. Где уж там вешать две – не представляю; одна-то над «дальняком», как и была, а вторая? Над окном, по идее, чтобы видеть дверь и «дальняк»; но на окне там такая решетка, что над ней трудно что-то повесить, а повешенное легко загородить. В общем, не знаю; боюсь, что всё же придется еще лично

познакомиться с расположением этих двух камер.

Сказал он мне также, что до этапа осталось неделя-две. Если бы проклятый «суд» в Перми не два, а три месяца рассматривал бы апелляцию – то я мог бы аж только в декабре отсюда уехать, а так, видно, получится в ноябре, не разменяв тут даже двух лет. Больше всего сейчас меня интересует, успею ли я 27 октября, в пятницу, «купить еды в последний раз» в местном ларьке. Увезут – что ж, возьму с собой, ибо, кроме лапши и тунца в банках, никакой особой еды я с собой не везу, шпроты, похоже, кончатся еще тут (мразь баландер не дает мне больше добавки кильки в ужины). А потом, следующая пятница, 3-е ноября – видимо, будет выходным, так как у этих ублюдков – не в зоне только, а во всей их ублюдочной стране – 4-го, в субботу, праздничек, день народного паскудства, так что они непременно должны компенсировать быдлонаселению то, что он выпал на субботу, и сделать еще один выходной, – ясное дело, в пятницу!..

Опять вонючая овсянка на завтрак (вот только что). Опять, значит, от ужина в девять вечера до (мизерного) обеда в 11 утра, а то и позже, – на одной кружке чая...

23.10.17., 10-53

Узкоглазая быдлотатарская х...ятина, еще только явившись на смену и даже еще официально не заступив, тотчас же заглянула ко мне в глазок – и тотчас же зажгла верхний свет, который по подъему два дня забывали, слава богу, включать две предыдущие смены. Завхоз обнаружил, что в «тройке» не горит свет, разорался; тотчас был вызван электрик – и я слышал, как он только что вкрутил там верхнюю лампу, которая у меня, слава богу, с небольшим перерывом не горела полтора года. То бишь, если меня опять запихнут туда, то и там будет бешеный свет 16 часов в сутки в крохотной свежепобеленной камере. И узкоглазая х...ятина будет неизменно его включать, не только по подъему, а в любое время, заметив, что он не горит. Тогда уж лучше остаться здесь, в «двойке»: можно лежать на столе, можно отрывать хоть каждый день провод видеокамеры – и, кроме того, «намордник» (решетку) вокруг лампы на потолке можно, залезши на стол, обмотать черной робой – и свет заметно убавится; а в «тройке» до потолка не доберешься иначе, как с помощью всегда пристегнутых к стене верхних нар.

Вот такие вот мелкие, почти уже не замечаемые мытарства. Да, меня очень нервирует сильный свет, который я сам не могу регулировать, я его терпеть не могу. Но – что ж теперь делать, снявши голову, по волосам не плачут. Можно звать мразоида дневального и просить его отключить лампу с коридора, один раз он уже это сделал по моей просьбе, но – кто знает, будет

ли делать еще за то время, что мне тут осталось? Мразь баландер – тот отказался сразу же: мол, «инспектор не разрешает»...

Баня сегодня неизвестно когда: работает почему-то только одна – и в ней с утра моется ШИЗО, еще не всё помылось, хотя – леек там работает две, а водят их по одному. Так что шмон сегодня прошел, вот уже обед едет – а в баню меня еще не водили. Следующая же – только в воскресенье (сегодня понедельник), уже по ПКТ.

24.10.17., 6-19

В баню погнали вчера только в начале пятого вечера, и сразу же после этого начались «крестины», так что и вывели-то оттуда не сразу, пришлось несколько раз стучать. Куда они сажали на это время «крещаемых» – в «этапку», что ли, – непонятно. А газетку, кстати, свежую на эти «крестины» мне так и не принесли.

По подъему узкоглазая гнусавая вертухайская мразь, как она одна всегда и делает, переключила мне свет – зажгла верхний и выключила ночник. После этого очень быстро я засёк под дверью мразоида дневального, подозвал его и попросил переключить свет обратно. Он сделал – и тут как тут вдруг эта узкоглазая крыса! Низ-з-зя, мол! Услышала, сволочь!.. Дневальный, конечно же, тотчас опять зажег верхний, убрал ночник – и ясно, что больше он так подставляться не захочет, даже и с другими сменами, эта-то крыса в 11 уйдет на трое суток. А верхний этот белый свет меня страшно нервирует, раздражает, да и не хочу я зависеть от них, от их переключений из коридора. Остается одно. Поскольку, к счастью, лампа на потолке не в плафоне из толстого стекла (как это было в «тройке»), то можно влезть на стол, просунуть что-нибудь твердое сквозь имеющиеся в «наморднике» две большие дыры – и разбить, а лучше только чуть-чуть надбить эту проклятую витую спиралью лампу, так, чтобы снизу повреждений видно не было, а гореть она бы перестала. Я, конечно, рискую тем, что от постоянных скачков напряжения и в ночнике скоро перегорит лампочка, – там-то она старая, с вольфрамовой нитью; могу, разумеется, остаться тут вообще в темноте. Но – уж не так и долго мне тут осталось сидеть, черт с ним, пока не найдут какую-нибудь замену – потерплю, посижу в темноте; в темноте, да еще лежа на столе, даже лучше думается. Надо будет сделать это перед шмоном, в девять утра, зайдут шмонать – им как раз будет темно, а ночник попросить включить уже следующую смену, которая знать и подозревать ничего не будет.

Тоска, тоска, тоска... 755 дней осталось. На что я трачу свою единственную, неповторимую жизнь: на прислушивание, не идет ли шмон, на войну с лампочками... Тошно донельзя. На завтрак опять вонючая полужидкая

овсянка, – опять, значит, 14 часов я без еды... Вроде и немного осталось, меньше 30% срока, но – не отпускает тоска. Как тошно и страшно, что нет больше матери, и я – как потерявшийся пёс, не приспособленный к дикой жизни на улице... Жизнь кончена, – и я никому на свете не нужен, жить мне попросту не для кого... :(((

11-40

Всё удалось даже лучше, чем я думал. Разбивать эту лампочку не пришлось; оказалось, патрон закреплен в потолке не жестко, а кое-как. Тыкаешь в лампочку – она подается вместе с патроном. Ткнул посильнее своим инструментом из газеты – и где-то там оторвался, видимо, провод, свет потух. Ур-р-ра!.. :)

Такова одна неожиданная, маленькая и редкая удача среди океана моих неудач (семь лет срока, перевод на крытую, смерть матери и т.д. и т.п.). Впрочем, и она еще может обернуться большой неудачей, если лампочка в ночнике сгорит, – на замену, естественно, у этих блядей в погонах лампочки не окажется...

Явилась мразь Безукладников – оказалось, из отпуска, сегодня первый день (в коридоре кто-то спросил: «Как отпуск?»). Давно этой долговязой гниды не было, хоть отдохнул я от нее.

Что ж, значит, день – вторник – сегодня до вечера мой! Этапа сегодня не будет (вот завтра, в ночь на послезавтра, может быть), свет не мешает, еда на ужин есть, есть даже что почитать, чем занять себя (а то я больше письма перечитываю по 20 раз). Но – всё равно на душе тоска... 755 дней еще, больше двух лет... Казалось бы, я еще год с лишним назад, в сентябре 2016, отстрадал и отмаялся этим тоскливым предподъёмным ужасом: «Господи, как же я поеду?! Как потащу вещи???!». Казалось бы, от судьбы не уйти – и, значит, нечего об этом и думать, и горевать, – надо идти ей навстречу, всё равно ведь деваться некуда. Что ж, год с лишним я страдал, маялся и по утрам тоскливо леденел внутри ужасом от этих мыслей и предчувствий. Если этим я не искупил ужасы реального этапа, если он и впрямь будет таким же чудовищным, как мне представлялось по утрам год с лишним назад, – значит, нет в жизни не только счастья, но и справедливости. Впрочем, о чем это я?! О том, что ее нет, я знаю уже лет 20 с лишком. Ее нет, и потому-то не сложилась, несмотря на все усилия, моя жизнь.

17-02

Какая же мразь, просто нет слов!.. Какая потрясающая, невероятная, феерическая, чудовищная, невместимая разумом, конченная (точнее, наоборот, бесконечная) мразь, нечисть, падаль!.. Хочется уже не ругаться, не проклинать их, не желать им лютой смерти, – хочется смеяться в голос,

неудержимо хохотать!.. Я опять угадал днем: на ужин сейчас опять бала «уха»! Опять это пустое хлёбово, полтарелки жидкости, в которой плавало: свежей картошки кусочками – относительно (относительно кильки в томате) много, это была на сей раз основа «ухи»; рыбы – всего два или три совсем крохотных кусочка, ни одной целой рыбешки; ну и – для запаха было положено немножко свежего репчатого лука (запах действительно чувствовался издали). Даже морковки не было в этом вареве – а ведь, было время, они пихали морковку даже в пшенку и макароны!..

Полтарелки пустого хлёбова на ужин, привезенный раньше срока – без четверти пять. Немного картошки и много воды – вот, по сути, и всё «блюдо». По умолчанию предполагается, что на этой полтарелке хлёбова, плюс ломтик отвратительного на вкус хлеба, плюс кружка чая, человек должен прожить 13 часов – с пяти вечера сегодня (ужин) до шести утра завтра (завтрак). В действительности после такого «ужина» есть захочется уже через два часа.

По своему десятилетнему опыту заключения, по всему виденному за это время и по всем сделанным из увиденного выводам, по силе своего опыта, возраста и здравого смысла – я выношу последний, окончательный, не подлежащий никакому обжалованию приговор. А именно: всех их, всю эту феерическую мразь – и тех, кто придумывает подобные «меню» (суп на ужин, тогда как всю жизнь везде и всюду супы давались только на обед); и тех, кто непосредственно эти помои готовит (варит, в частности, суп так жидко и с такой явной нехваткой компонентов); и того, кто разливает этого хлёбова всего по полтарелки вместо полной; и всех, всех их – тех, кто годами держит меня (и не только меня) на таком, с позволения сказать, «питании», рассчитываемом по принципу «лишь бы с голоду не умереть», –

так вот, я утверждаю, что сжечь всех их, вышепоименованных, в крематорской печи живьем ЦЕЛЫМИ, не подвергая предварительно – живьем же – разрубанию топором на части, – было бы актом величайшего милосердия и гуманизма по отношению ко всем этим мразям и тварям, отвратительным ублюдкам и недочеловекам!

Приговор, повторяю, окончательный и обжалованию не подлежит.
25.10.17., 5-30

Вчера что-то поздно, после шести уже (когда кончается у них рабочий день) пришла девица из спецчасти (за стеной, в «дежурке», слышен был ее голос), и только около семи где-то меня выдернули получать у нее очередные бумаги. Очередной раз зачем-то «апелляционное

постановление» по поводу тюремного режима (уже присылали), еще раз тот же ответ на неизвестное обращение, что она уже приносила 17-го, когда здесь были Глеб и Рома (я им сразу же и отдал) и – наконец-то ответ на мою жалобу в местную прокуратуру еще от 14 июля – что 7-го и 14-го июля, две пятницы подряд, тут никак не отреагировали на мои заявления на магазин, тем самым нарушая мое право по ч.1 ст. 88 УИК (на приобретение продуктов питания). Землинскому на его аналогичную жалобу месяц или два назад тот же ГУФСИН (куда их пересылает прокуратура) ответил, что, мол, 7 и 14 июля я с заявлениями НЕ ОБРАЩАЛСЯ :))) . Мне же (впрочем, обращаясь даже не ко мне, а к и.о. начальника зоны – типа, для передачи мне) пишут, что... короче, просто перечисляют суммы, потраченные мной на магазин за 2017 год, по месяцам, с января по сентябрь (примечательно, кстати, что ответ, датированный 15 сентября, я получил только 24 октября, – типа, он из Перми шел больше месяца?) – и на этом основании заявляют, что, мол, моя жалоба не подтвердилась. Факт траты денег на магазин в глазах этих циничных мразей опровергает тот факт, что мне дважды в июле (и даты названы!!) не отвечали на заявления (о чем, собственно, и была жалоба). Циничные ублюдки, не люди, как настаивает Санникова, а мразь, просто мразь, подлежащая уничтожению!

Ответ на неизвестно чье обращение, кстати, тоже очень характерен. Подумав, я решил, что, видимо, это ответ на то обращение СПЧ, о котором (в присланной мне копии) Бабушкин просил Федотова, главу СПЧ, – обратиться во ФСИН насчет того, чтобы на крытой меня посадили бы одного и не искали бы, как здесь, специально поводов засунуть в карцер. Больше обо мне в московский центральный аппарат ФСИН обращаться вроде бы некому. И что же отвечает МНЕ (даже не упоминая, кому еще!) это «главное оперативное управление» ФСИНа? Что в случае перевода на крытую (типа, они сомневаются, будет перевод или нет? :)))) – «распределение будет осуществлено согласно требованиям законодательства Российской Федерации».

То бишь – не ответили попросту ничего. Все свои преступления – от бомбежек Чечни до посадок на долгие годы таких, как я – эта мразь, этот режим совершает неизменно «согласно требованиям законодательства Российской Федерации», которое (законодательство) сам же себе и пишет! И получается, что замордовать, угробить, стереть любого в лагерную пыль в этой стране можно строго по закону. По ИХ закону. И только уж в совсем экстраординарных случаях, когда преступление слишком чудовищно и его нельзя оправдать ни одним из их «законов» (типа взрывов домов в Москве в 1999 г.) – тогда уж они вешают свое преступление на кого-нибудь другого,

обычно – первого попавшегося...

Еще одна неприятная новость. Позавчера еще вечером, когда после отбоя сел ужинать, вдруг опять почувствовал боль с левой стороны, пониже сердца, где-то под ребрами, – там же, где болело у меня в 2014 году. Тогда еще по наивности я пытался с этим обращаться к местным «врачам»; они только щупали это место пальцами, упорно спрашивали, не связана ли боль с приемом пищи (не связана, в том-то и дело; позавчера начало болеть, когда еще я только сел и есть еще не начал) – и стали давать панкреатин. Вроде боли прошли, но – не уверен, что под действием панкреатина, а не сами по себе. В июле, когда мою карту читали в «суде» по поводу перевода на крытую, оказалось, что у меня и диагноз появился – «панкреатит». То бишь, не мудрствуя лукаво, приписали первое и самое простое, что пришло в голову...

Между тем, с едой и желудком это вовсе не связано, болит время от времени само по себе. Какой-то внутренний орган болит, не знаю, какой. Слава богу, сейчас боли намного слабее, чем в 2014 году. Тогда я писал об этом матери – и она очень переживала, что бы это могли быть за боли. Теперь – сообщать о них некому; точнее, написать-то я могу хоть всем, с кем переписываюсь, – но с их стороны участие будет чисто внешним, формальным, так переживать, как мать, естественно, никто из них не будет.

13-47

Сейчас сказали: сегодня ночью этап, – и дали забрать вещи из каптерки. Вот и всё, заканчивается мой пермский дневник. Вертухай – еще самый приличный здесь, но в феврале тоже участвовавший в чертановской провокации против меня – сказал, что еще не знает, куда именно меня повезут, но как узнает вечером – скажет. Что ж, посмотрим. Прощай, Пермский край, и будь проклят во веки веков!

19-55

Еще пара слов напоследок, вроде P.S. Мразь Баяндин, как и следовало ожидать, обманул меня. Ремонт оказался ни по какой не по всей той стороне, а – только в одной моей «тройке», и сегодня ее уже заселили. Поселили туда какого-то блатного кавказоида – видимо, того самого, который неделю назад, в ночь на 18-е, приехал сюда с крытой – и орал полночи, сидя в этапке. Всё, дождался я, что уже при мне камера, в которой осталась часть моей души, моей жизни, где стены навек пропитаны моей тоской, болью, отчаянием – покрашена, побелена и заселена следующим жильцом... Зуб болел адски, сорвали свиданку, по месяцу не было писем, умерла мать – всё, всё было в этой камере, где я провел два года и десять дней.

Собирались долго, перебрал все вещи, выкинул испорченное, поеденное молью (шерстяные носки – к счастью, не единственные). Возился с двух до шести, но всё собрал. Лежу на столе, тоскливо размышляю о своем будущем, жду этапа.

Мразь дневальный, естественно, и не подумал сказать, как обещал, мне ни вообще об этапе, ни о том, куда именно я поеду. Уголовная мразь – она мразь и есть! 39 тысяч получил с моей матери летом, разводя ее, что купит еще один телефон, лекарства для меня, и т.д. Мадам Петухова тоже обещала узнать, прийти сказать и т.д. – и с 3 октября ее нет как нет...

26.10.17., после ужина

Ну и мразь! Какая же совершенно невероятная, невыносимая, феерическая мразь!.. Кизеловский централ, СИЗО-3 сегодня с утра... Они забрали ВСЁ, абсолютно ВСЁ: часы, щипчики для ногтей, нитки, иголки, всю пластиковую посуду, пену для бритвы, шарфы всю жратву, кроме лапши б/п: майонез, кетчуп, сгущенку, консервы; всё это, кроме консервов, на полном серьезе собирались уже выдавливать в пакеты – остановило их только то, что я сразу же отказался эти пакеты забирать. Они порезали ножами – долго, упорно, усердно – ВСЮ мою туалетную бумагу, а у меня ее был большой запас. Искали, суки, не спрятаны ли в ней наркотики... Все пакеты с кофе, с конфетами, с лапшой б/п – они повскрывали и пересыпали в целлофановые пакеты, с конфет еще и посдирали все обертки. Из еды мне осталась только лапша б/п, и ее много, но – не в чем ее готовить, посуда вся забрана, казенную тут после еды забирают (да и она такая, что в ней не приготовишь ничего). Хорошо, уже собирая вещи после этого погрома, подобрал с полу глубокую коробочку от плавленого сыра, в которой раньше хранил мыло, – сегодня вечером, попробую в ней заварить немного лапши, много-то туда не влезет... Они забрали на каптерку даже несколько старых газет 2015 года, которые я взял, чтобы стелить на стол – есть и писать (одну я потом все же подобрал с пола, они ее прохлопали, – и сейчас на ней пишу).

Посадили в двухместную карантинную камеру одного, но – через несколько дней переведут куда-то еще, раз это карантин. В коридоре весь день грохочет радио, но – время не говорит, новостей тоже нет. Туалет в отдельной кабинке с дверью, но сам он – совершенно жуткий, допотопный, вот уж подлинно РУССКИЙ, иного слова не подберешь. Две лампы накаливания в камере: одна на проводе болтается над дверью, вторую сегодня уже при мне зэк-электрик приладил к потолку. Лампы абсолютно одинаковые, но та, что под потолком, считается дневной, а та, что над дверью, – ночником. Что тут сказать? Только пожалеть плечами: медицина здесь бессильна! Централ настолько безумный, что больше напоминает

психушку, чем тюрьму; когда я поневоле говорил это утром шмонобанде, усердно портившей мои вещи и продукты, это им очень не нравилось... :))

Кстати, Глеб говорил уже мне, но сам я столкнулся сегодня впервые: один из них, наиболее тупой с виду, с узкоглазой азиатской рожей, усердно потрошил мои письма, коих у меня сотни, сотни с собой, за два-то года; читал, удивлялся, вытаскивал из конвертов и сосредоточенно изучал (не всегда кладя обратно в конверт). Видно было, что ему это тяжело, что он такого не встречал – и явно не хватает интеллекта, чтобы понять. Кончилось это просто феерическим курьезом: тот, который сидел за столом, оформлял квитанции на всё у меня отобранное и читал по временам те из моих бумаг, которые ему подсовывали остальные, – спросил, не состою ли я в какой-нибудь секте: почему, мол, тут (в письме Агафонова от августа сего года) говорится, что меня назначат губернатором Московии? Вот уровень их понимания: «состоять в секте» – это максимум того, что они могут выдумать, столкнувшись с чем-то неизвестным и непонятным! :)))))) Я внутренне просто ржал, слыша это: дебилу в камуфляже попало в письме Миши цитируемое им полностью предисловие Корчинского к второму изданию моего украинского сборника! В конце концов главный дебил в камуфляже вынес вердикт: это (письмо Миши) полегит на каптерке, потому что это «пропаганда!» :)))))) Стоило заехать в глушь, в жопу мира, в Кизел, чтобы услышать этот перл казенно-служебного глубокомыслия...

Короче, ситуация ужасная. Есть нечего, кроме чая и конфет (впрочем, сахара очень мало, а тот, что на зоне два года лежал в бауле – куда-то исчез без следа!). Полную продуктов сумку тащить у меня просто нет сил – но вместо того, чтобы я ел их тут и облегчал сумку, – продукты забраны и лежат на каптерке! Поеду дальше – их вернут, опять будет неподъемный баул... Ужинать нечем, а казенный ужин сегодня где-то в пять вечера – вода с картошкой и парой волокон тушенки, следами ее, короче. Ночью я просто не засну от голода, да еще при таком безумном свете («ночник», конечно, можно дотянуться и выкрутить, тем паче, камеры в камере нет, но – похоже, они и впрямь постоянно, круглые сутки заглядывают в «глазки», даже ночью...).

Хуже всего то, что, когда я собирал после этого погрома вещи и сперва набил тряпья в большую сумку – то чуть не треть писем у меня в торцевой карман не влезла, хотя ночью в столыпине, при тоже тягостном и иезуитски-доскональном шмоне они влезли. Придется, видимо, вытряхать из сумки опять всё тряпье, чтобы сперва набить эти письма. Хорошо, в бауле у меня с Москвы еще лежали два больших пакета-сумки с ручками, в один из них я и набил эти не влезшие письма.

Выводя из камеры, на полном серьезе заставляют вставать лицом к стене, класть руки на стену, если даже они чем-то заняты – и охлопывают бока и ноги. Ебанашки, иначе их не назовешь; централ совершенно ебанутый – как, впрочем, и вся страна. Едва завели в камеру – потащили к «врачам», тоже в камуфляже; начальница их медчасти взвешивала меня, мерила температуру, давление (140 на90) и нудно расспрашивала, есть ли хронические болезни. Потом, часа в четыре (часов-то нет!) повели в баню. Сменную одежду я за этим безумным шмон-погромом, разумеется, взять забыл; но хуже всего, что без следа пропала и старая моя синяя мочалка, купленная еще Агафоновым в 2013 и с тех пор служившая верой и правдой! Я внимательно оглядывал весь завал брошенных мразями на пол оберток, драных пакетов и пр. – если б мочалка там была, я не мог бы ее не заметить. Тем не менее – ее нет; осталась одна, большая, кирпичеобразной формы поролоновая, которой спину, увы, не потрешь. Баня у них жуткая: шесть леек прямо с потолка в пустом зале, нет даже намека на столик, полочки или хоть что-нибудь, куда можно положить мыло, шампунь и т.п. – только на пол! Кранов тоже нет, вода, как потом оказалось, включается из коридора, регулировать ее никак нельзя. Вертухай постоянно заглядывал в глазок, торопил; увидя, что я уже вытираюсь – спросил, выключать ли воду; пока я одевался, он заглянул еще раз пять. Но когда я, еще голый, но уже помывшийся, поскользнулся на мокром кафельном (?) полу предбанника, грохнулся на пол, сильно подвернув правую руку, и долго барахтался на полу, пытаюсь этой онемевшей от боли правой рукой уцепиться за лавку и встать, – вот в это время ни одна вертухайская собака не заглянула и помочь даже не подумала...

Вот такие вот дела. Сплошной ужас – и это только начало. Ехать еще далеко, шмонов впереди еще очень много, и даже думать об этом мне страшно. Однако самое худшее – то, что постоянно приходит мне на ум, пока я размышляю обо всем этом ужасе, – это то, что нет матери, единственного человека, которому я мог бы всё это описать – и встретить настоящий, стопроцентный, тотальный живой интерес и горячее сочувствие...

27.10.17., после обеда

Вчера я еще не всё упомянул, оказывается. Они забрали все пакеты для мусора (а сколько у меня их было! Несколько упаковок!..), соль, забрали зеркальце, отклеившееся от моего старого, в 2014 матерью еще привезенного двойного раскладного зеркальца в металлической оправе. Но – и на старуху бывает проруха! – точно такое же раскладное зеркальце, но целое, отданное мне Светой в ее последний приезд и лежащее в черном бархатном мешочке

от прежнего зеркальца в самом углу черного кармана сумки, – эти твари не заметили! :))) Хотя одна ценная вещь у меня сохранилась! – тем паче, что в камере хотя и есть крохотное зеркальце над умывальником, но в него практически ничего не видно, оно испорчено хуже, чем было в бане на «десятке».

Обход утром не в восемь, как кто-то говорил вчера, а уже ближе к десяти. Входят быдломрази с киянкой, требуют завернуть матрас, спрашивают, буду ли я расписываться за дежурство по камере! :))) Давненько мне не предлагали расписаться за дежурство, с Москвы весной 2015 года – и вот опять... Впрочем, уже по форме и тону вопроса понятно, что расписываться у них тут если кто и соглашается, то очень редко. На завтрак – какая-то говнокаша, перловка, что ли, я такие не ем. Хлеб они тут дают по утрам на весь день – кусок белого и кусок черного, белый можно разрезать на два ломтика, а черный – даже на три. Белый хлеб, впрочем, на вкус ничего, съедобен, – что ж, по вечерам мне теперь делать бутерброды не из чего, так что буду этой белой пайкой завтракать. А черный придется утилизировать в «дальняк», как бывало по утрам в лагере.

Со вчерашнего дня играет «Дорожное (долбёжное) радио», когда меня вчера только привели, было какое-то другое. Но ни то прежнее, ни это «Дорожное» – не говорят время! И новостей тоже нет! Погода и реклама – и всё! Что за проклятье, нарочно они, что ли, включают такие радиостанции, которые не говорят даже время?!

Правда, время можно спрашивать у вертухаев, но мне любое общение с ними до омерзения противно. Милая подробность: видеокamеры тут нет – так они чуть не поминутно, по нескольку раз в час, днем и ночью, заглядывают ко мне в «глазок»! Вот суки!.. Видимо, сказали им из-за суицидного профучета меня караулить – они и караулят, твари, причем именно меня одного: бряканье железных заслонок на этих допотопных «глазках» отлично слышно, если б куда-то еще заглядывали – они брякали бы и там; но нет, не брякают. Почти не сомневаюсь, что после карантина (вот посмотрим, – наверняка это будет в понедельник, 30-го) они засунут меня в камеру с видеонаблюдением, дай бог еще, если одного.

Зачем они привезли меня сюда? Видимо, ждать, пока соберется этап тех, кто еще едет на крытую (а ни на какое не на «распределение», конечно). Увы, теперь почти уже нет сомнений, что еду я в Красноярский край – Минусинск или Енисейск; в лучшем случае – в Челябинскую область, в Златоуст или Верхнеуральск, туда тоже дорога через Ебург. Впрочем, в какую сторону этап, на восток или на запад, легко будет определить по времени посадки в столыпин: из Ебурга в Кизел поезд «Екатеринбург-Соликамск», к

которому и цепляют столыпин, приходит, как я вчера убедился, в восемь утра, а по пути из Соликамска в Ебург он проезжает Кизел вечером, часов в шесть или семь. Сразу будет ясно направление этапа. Впрочем, я вовсе не думаю, чтобы тюрьма во Владимире, Ельце или Балашове была чем-то предпочтительнее: они ужасные ВСЕ, потому что это АД... :((((

28.10.17., 10-й час вечера

Прямо клинит меня: на проверках – а их тут две, утром и вечером – никак им, мразям в форме, не удастся меня заставить встать мордой в стену, да еще и – смех!!! – свободную от палки руку требуют держать за спиной! :)))) Ну уж нет, ребята, обойдетесь! :) Не держу – и не буду держать, и стоять буду только боком, привалившись к стене, заставить меня – у вас ручонки коротки! Могут, конечно, суки, засунуть меня за это в карцер (хотя не думаю, что у них тут много карцеров, тем паче – карцеров свободных, чтобы за всякую ерунду туда сажать, когда и на «Медведкове» меня ни в один из их 29-ти карцеров за 20 месяцев ни разу не посадили). Собственно, мне теперь плевать на это: матери нет, переживать за меня некому, если приедут вдруг ребята – меня к ним поднимут и из карцера. Немножко лапши по вечерам (а в коробочку из-под сыра много и не влезает), чай с сахаром, которого у меня всего чуть-чуть, да пара-тройка конфет – не та ценность, ради которой стоит жертвовать своим достоинством, подчиняясь этим мразям тюремщикам. Терять мне, по сути, уже нечего, еду я уже на крытую, какая-то мразь в СИЗО мне еще будет что-то навязывать!.. Если засунут на «пятнашку» в карцер – вознагражу себя тем, что ни одного дня не выйду из него ни на одну проверку, которые там ведь тоже бывают. Самое интересное – пробуду ли я в этом проклятом Кизеле столько, чтобы ребята хотя бы получили мои письма, узнали, что я тут – и всем сообщили. В их приезд сюда верится мне всё же слабо. Да еще ведь вчера пришла местная какая-то баба в форме, спросила, кому из родственников послать извещение, что я тут, – я дал адрес Веры. Но уж это-то вообще не факт, что пошлют, мать в 2006 и 2014 не получала никаких извещений.

29.10.17., после завтрака (начало 8-го утра)

Опять полночи не спал, как и на зоне. Все та же история, только часов теперь нет, не знаю, во сколько проснулся. По ощущениям – часа за четыре до подъема (т.е., в два часа ночи), лежал без сна, только, м.б., как и в зоне, под утро чуть-чуть задремал.

Подумать только, что я сберег эти часы за два года сидения в зоне «под крышей», сберег от всех шмонов, «серостей», опергрупп, утренних шмонов, не отдал тогда, 5.11.15, специальному шмону с опером Пьянковым во главе... короче, во всех перипетиях этих тяжелых двух лет в камере часы

неизменно были со мной! А тут какая-то мразь у меня их просто отобрала – и не факт, что отдадут при выезде; скорее всего, будет так же, как в 2015 в Москве: пошлют спецпочтой вслед за мной – и на руки до конца срока уже хрен отдадут, суки! Не знаю даже, что тогда делать, – голодовку, видимо, смертельную за них объявлять...

Тут-то терять мне уже нечего: думал, пока не спал сегодня ночью, что если они таки засунут меня в карцер – даже не подумаю не только не проверки выходить, но и матрас утром выносить и нары поднимать. Пусть кто хочет их поднимает. Правда, в Москве на «пятерке» для этого специально и ходил с вертухаями по подъему ээк-дневальный, поднимал нары, запирали их. Вот и тут пусть сами...

Воскресенье. Сердце мое чует завтра, в понедельник, какие-то пакости: или карцер, или перевод из карантина в общую камеру к уголовникам, или еще что-нибудь. Как раз завтра же День политзаключенного в СССР, 30-е октября, – вот они меня и поздравят, эти мрази тюремщики!.. 750 дней мне осталось – и я, право, не знаю, как их уже дотянуть...

30.10.17., после завтрака

Понедельник. День политзаключенного в СССР.

Что я опять не спал полночи или больше – это уж само собой, даже не стоит упоминания. Когда всё же спал – снилось, что мы с матерью, как было всегда, вдвоем, она еще не старая, в 90-е, опять нашла какую-то новую работу и, волнуясь, готовится к разговору с новым начальством. Сколько их было, этих поисков работы, этих разговоров, волнений, нервов – и где теперь это всё, и где сама мать, и где я?..

Сегодня наверняка будет какое-то говно. Предчувствие подсказывает мне это совершенно четко. Или карцер на 15 суток, или переселение из карантина куда-нибудь к уголовникам, или еще какое-нибудь дерьмо. Если посадят и после карантина одного (как, вообще-то, мои статьи и предполагают), или если за отказ от дежурства у них тут, как в Москве, даже на громадном медведковском центральном с 29-ю карцерами, предусмотрен лишь выговор, – я буду очень удивлен. Здесь-то, я думаю, централ не такой большой, карцеров не 29, а поменьше, если за всякую фигню туда запикивать – куда же сажать самогонщиков и прочих реально провинившихся?.. Так или иначе, а что-то будет сегодня, должно что-то быть, – какая-то очередная пакость.

Между прочим, сколько я думал о пропавшей моей старой синей мочалке, – ну не могла она пропасть сама по себе! Я очень внимательно весь этот погром осматривал, когда собирал свои вещи после него, а мочалка – она ярко-синяя, заметная. Видимо, эти мрази ее тоже забрали, как пакеты

для мусора и т.п. – и точно так же не указали даже в своих квитанциях! Ну да: они забрали шарфы, а и мочалка, и пакеты по форме похожи тоже на шарфы, этикие длинные; при идиотском богатстве их дегенеративной фантазии им, видимо, кажется, что на бытовых предметах такой формы можно повеситься – и они из предосторожности всё забирают! Е...нутые гниды, ублюдки, мразь, говно говорящее! В Москве я мылся этой мочалкой на двух централах – и никому даже в голову не пришло забирать ее, не говоря уже, что пакеты для мусора как раз и продавались на «пятерке» в тюремном ларьке...

749 дней осталось, ровно 107 недель. Я еще жив пока что. Есть некая отличная от нуля возможность дожить и до конца срока (если только его еще не добавят). Вот только – зачем? Сны ли я вижу, где мать еще молодая, или просто вспоминаю свою прежнюю жизнь, – не знаю уже, было ли всё это наяву или только приснилось мне...

после вечерней проверки

Не тронули сегодня. Всё утро и полдня толпами бегали и галдели в коридоре, переводили каких-то моих соседей из одних камер в другие, заказывали кого-то с вещами, без вещей... но меня так и не тронули! Сидеть и, страшно нервничая, напряженно прислушиваться к их ходьбе и галдежу в коридоре и готовиться в любой момент к самому худшему, – нечего сказать, достойно я провел тут День политзэка в СССР!..

Хорошо, что не тронули сегодня, но – плохо, что с тем большей вероятностью тронут завтра. Это ведь откладывается, но не пропадает, увы. Карцер – с меньшей вероятностью (неужели у них так много свободных карцеров и так мало ума?..), переезд из карантина – с куда большей (хотя я совсем не против постоянно сидеть и тут, а на «Медведкове» тех, кого надо было изолировать, бывало, держали в крайней камере карантина, – трансгендеров, например). Нервы, нервы, одни сплошные нервы каждый день, – о боже, как они уже истрепаны у меня за эти пять лет, никто не может даже представить!..

Плюс – утром вертухай в коридоре отвечал кому-то, что, мол, баня будет во вторник, то бишь завтра. В тот раз в четверг меня, видимо, повели потому, что приехавшим этапом баня положена в тот же день. Да сейчас еще, на очередной проверке, надумал вдруг спросить у этих недочеловеков в форме про здешние библиотеку (делать совсем нечего, сегодня весь день сходил с ума!) и магазин. Оказалось, библиотека будет завтра же, во вторник, – то бишь, как бы мне с этой баней ее не пропустить! А на магазин надо просто, сказали, написать заявление, список товаров принесут. Что ж, отдам завтра утром, посмотрим; хорошо бы еще, если б купленное приносили не

через месяц, а пораньше...

31.10.17., после завтрака

Проснулся среди ночи – и слышу: в коридоре, совсем рядом со мной, что-то ритмично, громко стучит, наподобие как палкой по железу. И часто, практически раз в секунду. Лежал, слушал поневоле этот стук... Мне, проснувшись ночью, и так-то не уснуть уже, даже без всяких стуков, а тут... Слыша, что звякнула заслонка на «глазке» – значит, вертухай очередной раз заглянул в камеру (они бдительно стерегут меня и ночью!) – крикнул ему, спросил, что это стучит. Оказалось – «вода капает»! И тут я вспомнил, что в первый день, когда меня водили тут по коридору, – в одном месте, вроде как на пересечении с другим коридором (не уверен, т.к. место было почему-то темное), стояли на полу два таза – так, как их обычно ставят, когда течет с потолка. У этих дебилов попросту протекает крыша!! Причем в самом буквальном смысле. :) Вчера как раз всё таяло, за окном была сплошная капель, с крыши корпуса напротив сошел весь снег. Вот и подставили, значит, ночью таз под дыру в потолке, – и спать стало невозможно. Я спросил этого вертухая, можно ли что-то сделать, чтобы стук не мешал спать, он с шумом передвинул по полу таз – и капель не стало слышно. Но, разумеется, до утра я уже так и не заснул...

На завтрак – сечка, как и на вчерашний и позавчерашний ужин (зато картошку с 26-го не давали больше ни разу). Вместе с сечкой в «кормушку» просунули лист с двумя галочками, где расписаться: мой лицевой счет с деньгами, 48 ? тысяч! (Интересно, на сколько этого может хватить при нынешних ценах?) Наивно, наверное, думать, что это ответ на мое вчерашнее заявление (где я среди прочего спрашивал, могу ли я пользоваться своим счетом). Скорее всего, это просто совпадение; с их стороны было бы уж слишком любезно хоть на один вопрос ответить так быстро, – еще и суток не прошло. На сегодняшнюю проверку я уже подготовил и заявление на магазин – но всё же пока что пользование здешним магазином представляется мне сплошной утопией и иллюзией. Что ж, посмотрим...

Еще один бесконечный 16-часовой абсолютно пустой день предстоит, как и вчера. Ждать баню и библиотеку, а также – карцера или переезда к уголовникам – вот и всё содержание этого дня. 748 их осталось, 107-я неделя пошла с конца. Ради кого, ради чего все эти мучения?! – вот что не дает мне покоя, терзает больше всего. Ведь надо иметь очень-очень сильную мотивацию, чтобы терпеть всё это, когда выход – в виде суицида – открыт, открыт хотя бы более или менее (сейчас, под их неусыпным надзором через «глазок», он открыт, конечно, куда меньше, чем был в «тройке» последние

два года в лагере). Ради чего?.. Ведь вот остался я совсем один, никого у меня нет, жить мне, в сущности, не для кого. Если только кошку и собаку завести на воле, – кошек я больше люблю и больше в них понимаю, а собака будет любить меня... :) Какой пустотой, бессмыслицей, каким тотальным поражением кончились все юношеские надежды и мечты, страшно даже подумать!.. И вот – тотальная пустота, полная лишь бессмысленных мучений и унижений... Ради чего я терплю всё это? Чтобы летом просыпаться под пение птиц в домике у Натальи, на их хуторе на берегу Днепра? Или в буддийском монастыре в Карпатах, куда меня звал Феликс? Это всё, конечно, будет прекрасно, если сбудется, но – не мало ли этого? Да и – сбудется ли оно? Ты еще попади в эту Украину...

2-й час дня (после обеда)

Поразительно, как тут всё быстро получилось с магазином, просто невероятно! В утренний обход отдал заявление – через полчаса уже пришел зэк со списком товаров и бланком заявления – сразу после обеда, в час (спросил время у вертухая) уже принесли сам товар! Не то что в проклятой зоне, где я ждал список до последнего часа работы магазина.

Но – тут же начались и традиционные русские выкрутасы. Жрать в магазине этом нечего: ни колбасы, ни консервов, абсолютно ничего мясного нет! Много всяких кондитерских изделий, сигарет и т.п., а мясного нет! (И даже хорошее из кондитерских изделий – рулеты, например – тоже вычеркнуты как отсутствующие.) Написано было: «сыр костромской» и «сыр плавленый», я взял, чтобы хоть что-то поесть. «Костромской» оказался – пачка тонко нарезанных ломтиков, а плавленый – «продукт с сыром», а не собственно плавленый сыр! Но – на приличный завтрак пачки этого «продукта» вроде должно хватить, как раз со всем утренним хлебом. Вафли по 42 рубля – видимо, барахло и дешевка такая, что просто упакованы в целлофан, ни город, ни производитель, ничего не указано. Вместо пяти пачек этих вафель – почему-то дали две, но зато еще два пакета шоколадного «глазированного десерта» (впрочем, очень вкусного). Почему надо того, что заказано, положить меньше, а впридачу дать то, что не заказано, – непонятно (разве что эти две пачки были последние). В результате вместо 1412 руб. получилось 1455 руб., – ладно, бог с ним, не так уж и много; и 4700 с копейками осталось. Первая мысль: вот с такими расходами на магазин можно жить, не то что в зоне! Вторая: ведь я же поесть практически ничего не купил, одно сладкое да сыр двух видов... Ограничений по сумме и количеству обращений в месяц тут нет, можно хоть каждый день заявления писать... но столько сладкого мне точно не нужно! В результате получается как всегда: потеря качества при выигрыше

темпа. Тут быстрее – но жрать нечего; там было дольше – но ассортимент куда лучше (колбасы, ветчина и пр.).

Бани, похоже, нет. Приехали уже какие-то новые этапники, требуют баню, на обходе какой-то из обходивших хмырей в погонах им ответил: мол, в четверг, в пятницу помоешься! Мне-то всё равно, единственное – после бани снятое надо будет стирать, и не в бане, как в зоне было, а в камере, и греть воду кипятильником в корыте, – процедуре долгая, сложная и муторная, особенно если думать при этом, что в любой момент могут заказать с вещами на переезд, а то и в карцер запихнуть...

Библиотеки тоже нет, по крайней мере, пока. Наличие физической пищи компенсируется отсутствием духовной, увы. Жаль, не спросил я еще, есть ли тут ФСИН-письмо электронное; хотя – т.к. сам я даже с деньгами заказать его не могу, только с воли, то, зная, что оно тут есть, наверное, переживал бы еще больше, видя, что мне никто не пишет. Мое письмо Корбу перед выездом из зоны, где я упомянул СИЗО в Кизеле, уже наверняка должно было дойти. А м.б. – и не только Корбу.

НОЯБРЬ 2017

1.11.17., после завтрака

Главное, насчет чего я вчера ошибся, – это костромской сыр. :) Он оказался не пачкой нарезанных ломтиков а одним толстым ломтем, запаянным в целлофан. Что ж, на завтрак такой сыр годится куда лучше, чем ломтики, но еще лучше было бы сразу два-три таких вот толстых ломтя на завтрак...

Страшно, мучительно неудобно без часов! Ночью (опять, как всегда, полночи не спал), слыша, как вертухай заглядывает в «глазок», но еще не стучит, не включает радио, чтобы разбудить, и т.д., я радуюсь: значит, еще как минимум 15 минут можно лежать. Обходы с заглядыванием у них формально каждые 15 минут, а железная эта шторка на «глазке» звякает так, что может вполне разбудить, если спишь). Хуже вечером, уже после их проклятой проверки: лежишь и ждешь их проклятого отбоя в виде отключения радио, а его всё нет и нет! Вчера мне казалось, что, м.б., уже и больше, чем десять вечера, что, м.б., эти твари вообще забыл про отбой, – а оказалось, было только где-то полдесятого. Всех, всех их – и тех, кто забрал часы, и тех, кто приходит на проверки, и всех вообще, кто только носит погонны в этой проклятой стране – я бы с наслаждением, без всякой жалости перестрелял, сжег, утопил, перерезал бы им глотки лично, собственными руками!!!

Ни бани, ни библиотеки, но зато – по-прежнему нависает угроза карцера и переезда. Я знаю эту хитрую подлость судьбы: они сбудутся именно тогда, когда ты расслабишься, подзабудешь про них! Вот тогда-то тебя и возьмут тепленьким, и закажут с вещами... Впрочем, сидение на этом центре ведь не вечно: могут, так и не вызвав ни разу ни к какому начальству, ни слова не сказав – отправить уже дальше на этап, на крытую! Не сказав, разумеется, куда именно. И будет еще задача – почти безнадежная – выцарапать у них мои часы перед выездом, чтоб не почтой за мной послали, как в 2015 из Москвы. И ни ребята не успеют приехать, ни напишет мне сюда никто...

Я проклиная и ненавижу эту омерзительную страну, калечащую судьбы людские сажающую на долгие годы за мысли и слова, и свою нелепую, неудавшуюся жизнь в ней... :(((

перед обедом

Порадовали, суки, бляди е...чие, вонючие тупые свиньи в камуфляже, недочеловеки!.. Вскоре после проверки явились еще и со шмоном. Целая толпа, штук семь этих у...бков; всё перевернули, всё вышмонали: и баулы, и телогрейку, и с матраса содрали простыню с одеялом... Ничего не забрали, слава богу, но погром полный. Одно чувство после этого: страстное желание

взять автомат – и из него крошить всю эту ФСИН-овскую и прочую «силовую» своими руками, очередями!..

Как всегда: чего ждешь – того не случается, а чего не ждешь – пожалуйста, на тебе! Этапа, перевода в другую камеру, карцера – всего ждал эти три уже дня, а вот шмона – нет... :) :(((

3.11.17., после завтрака

Вчера было всё сразу. Баня – достаточно рано с утра, еще до проверки успел вернуться. Соседняя с той, где я был неделю назад, поменьше, всего шесть леек, и столь же отвратительная. Тоже ни полочек, не кранов, вода еле-еле течет, зеркало в стене – замазано черной краской! Опять упал там, поскользнувшись, но на этот раз – в самой бане, а не в предбаннике, и без таких ушибов, как в тот раз, так что и встал быстрее и легче. А постельное белье, оказывается, чтобы поменять – надо тащить с собой туда, в баню, там у них рядом и бельевая, в камеру его тут не принесут, как везде, и, получая новое, три раза расписываться в журнале: за наволочку и две простыни! :))) Идиотский ритуал, которого еще ни в одном СИЗО я не видел за десять лет сроков...

Пришел – целый час кипятил воду своим маленьким кипятильником в жестяном корыте, чтобы постирать снятое тряпье. Большие сюда не пропускают, да у меня и не было; второй тоже включить – нельзя, т.к. розетка всего одна. Час, не меньше, грел и перемешивал воду в корыте, но – нагрел, постирал, еще до обеда развесил всё на батарее сушить; батареи тут горячие, всё высохло еще до вечера. Тоже удача, черт возьми, что на этапе удалось постираться, хватило условий этой проклятой тюрьмы: и корыто, и розетка, и батареи, плюс – у меня были кипятильник и порошок. Не на каждом этапе и не в каждой тюрьме найдешь все условия, чтобы постираться...

Ну и – кульминация дня! – вскоре после обеда носили книги! Я сразу подумал, что, м.б., и в прошлый четверг их тоже носили, но меня-то как раз тогда, обессиленного после этапа, повели в баню – и пришлось, пропустив, целую неделю сходить с ума от безделья! Взял я три книжки – и старик-зэк, местный библиотекарь, их записал в журнал и дал мне в нем расписаться. Тоже невиданно строгий учет для тюрьмы!.. И вот – полдня, до самого отбоя, сидел читал, наконец-то дорвавшись.

Заглядывают в камеру ко мне, я отметил, они теперь уже пореже. Не то что стали мне доверять, а – лень им, или заняты чем-то, могут по часу или два не подходить вообще, а потом, вспомнив или освободившись, опять начинать совать свое рыло в «глазок» каждые 10-15 минут. Причем не только ко мне – лязгают и другие «глазки».

Видимо, сегодня выходной – пятница, но ведь завтра, в субботу, у них «праздничек», День народного паскудства. Что ж, остается надеяться, что за эти три выходных, до понедельника (6-го ноября) никакого говна со мной тут не случится, не переведут в другую камеру, не отправят на этап, не засунут в карцер... Осталось мне 745 дней, чуть больше 106 недель.

после обеда

Вот и попёрло, как обычно, – когда не ждал... Выдернули вдруг из камеры, завели куда-то в кабинет, – сидит толпа этих блядей в камуфляже, за столом – тупая (тупее не придумаешь) начальственная харя. Ну ясно, местные «крестины», комиссия, будь она неладна... И понеслось, как всегда: сперва «встань нормально!» (я ж опираюсь на стену), потом – представься... В итоге: сперва огласило это чмо за столом донос, что я руки за спину не брал на какой-то, видимо, их проверке, – и предложило 15 суток! :) К изумлению моему, начальница санчасти местной, с которой мы беседовали в первый день (если это она, в лицо-то я не помню ее) отстаивала меня решительно, – что куча противопоказаний и что нельзя в карцер. Причем это быдло тупое за столом еще и не хотело ее слушать, отмахивалось. Вердикт: трое суток ШИЗО. Слава богу, что хоть не 15... :) Потом – еще донос: мол, не расписался за дежурство... – еще дискуссия на эту тему, могу ли я убираться в камере, обслуживать себя и т.д. Начальничек этот главный усиленно строил из себя идиота, задавал мне всякие глумливые вопросы, так что под конец я попросту отказался говорить с ним. Был там и другой, видимо, один из замов, разговаривал покультурнее, поосмысленнее, я в итоге больше уже к концу отвечал ему (а так-то они говорили оба, одновременно). Но – за отказ от дежурств не добавили вроде бы ничего, по крайней мере, вслух не сказали, только про трое суток я и слышал. Привели обратно в камеру, оставили в покое... пока. :) То ли нет свободных карцеров и трое суток еще впереди, то ли – как на «пятерке» тогда, в 2015, только на бумаге будет это ШИЗО, не знаю. Заодно еще один интересный вопрос выяснился: быдлоначальник сказал, мол, подберите ему какого-нибудь сокамерника, чтобы убирался (если не путаю причину, по которой предложил подобрать) – и тот, второй, попрличнее, ему ответил: мол, тюремный режим, нет никого с тюремным режимом, чтобы посадить. Но быдлык за столом настаивал: мол, а среди «петухов» тоже нет? Оказалось, что есть, – это поразительно само по себе, среди «обиженных» такой уровень неповиновения, чтоб на крытую закатывали, я не встречал ни разу! – и это животное предложило его ко мне и посадить. На всякий случай они меня спросили, согласен ли я, – я ответил, что нет. Теперь вот и не знаю, чего ждать: то ли в карцер на трое суток в любой момент дернут, то ли –

сокамерничка посадят, что будет значительно хуже. Вот так вот... Только в обед или перед ним посмеивался над собой и говорил себе: не расслабляйся, любое говно может случиться в любой момент... А так хотелось расслабиться: пятница, выходной... Но – раз комиссия у них работает, значит, сегодня, м.б., и не выходной, – и спросить не у кого. И еще: как и на зоне, противная эта мысль: ведь хотел в понедельник купить себе опять поесть в здешнем ларьке, лапши-то запас у меня не бесконечен... а тут позволят ли? Хотя – ведь если я физически не в карцере, а в камере, то и ограничений быть не должно. Это ж не лагерь, где я два года все режимы в одной и той же камере отбывал...

4.11.17., после вечерней проверки

Не дергают пока никуда, ни в карцер, ни в другую камеру, ни на этап. Сегодня уже десять дней, как я тут – в карантине, в этой (осточертевшей уже) камере, в этом проклятом Кизеле... За окном – только руку протянуть – чуть не вплотную стоит новый (кирпичный) корпус тюрьмы, но вправо он кончается, так что, если отогнуть голову как можно дальше влево, к краю окна – за корпусом, вдали, виден уже город. Разбросанные по какому-то, кажется, холму унылые мелкие домишки, много-много белых заснеженных крыш, низкое, мутное серое небо над ними... С каким удовольствием я залил бы всё это горящим напалмом – и этот Кизел, и все эти пермские, челябинские, забайкальские и пр. и пр. края, всю эту жуткую, дикую, абсолютно бессмысленную страну! Суки, мразь, быдло, свиньи, тупые ублюдки!.. Подумать только: два года, ДВА ГОДА в лагере, на «ешке», я хранил и прятал часы, нитки, иголки, – прятал от всех шмонов, от непонятной внезапной активности в коридоре, от всяких случайностей и превратностей тюремной судьбы... и сохранил, уберег! Два года не было с часами и ремонтом одежды проблем. А тут, в этом е...чем Кизеле, в этой дыре, эти тупые служаки моментально, в первые же два часа после приезда, у меня всё это отобрали!! И вот теперь сижу как дурак – ни времени не знаю весь день, ни пуговицу к штанам нечем будет пришить, если, не дай бог, она оторвется! Суки, суки, суки, собственными руками мочил бы вас!..

5.11.17., после обеда

Проклятая страна... Мразь, быдло, говно, недочеловеки, тупые смерды, холопы, блядво, мразь... Всю 1/7 суши, все эти перми, сибиряки, уралы, москвичи, от Балтики и до Тихого океана – выжиг бы с наслаждением радиацией, горящим напалмом, чем угодно...

«Обед». На первое – тарелка бурды, своим бледно-розовым цветом долженствующей, видимо, изображать борщ. 95% содержимого тарелки – вода, остальные 5% – ошметья картошки и моркови. На второе – всё тот же

бесконечный, ежедневный здесь «горох», жидкий как вода, но с трбухой от тушенки. И, вопреки тому, что я уже им однажды говорил, ублюдки-баландеры, тут их аж двое, молодые и абсолютно бессмысленные сгустки биомассы, кладут каждый день этого «гороха» буквально на самом донышке тарелки, микроскопическую лужицу. Если бы и в то, и в другое говно я не положил бы изрядно майонеза – есть было бы практически нечего; одна тарелка с водой до краев, другая – с водой на донышке. То бишь, по сути-то я питаюсь здесь на обед одним майонезом из здешнего же ларька, ибо без него – тут кормят просто водой... Как хотите, господа, а я нерушимо убежден, что за такую кормежку, причем не один-два раза случайно, а систематическую, представляющую собой НОРМУ, – надо убивать! Сжигать в крематорской печи живьем и тех, кто сочиняет это «меню», и тех, кто его готовит, и тех, кто развозит по камерам и накладывает микропорции...

Проклятая страна свиней, всё в ней через жопу, буквально всё... Между прочим, окно в моей камере – пластиковое, без всяких щелей на улицу, которых полно было в ШИЗО-шной «тройке». Но, тем не менее, сегодня с окна этого дует почти так же сильно, как дуло и там. Вот проклятые ублюдки, ничего не могут сделать по-человечески: готовить берутся – так только портят продукты, а дай им в их кривые руки пластиковое окно, которое специально и придумано для герметичности, – у них с него будет дуть всюду!.. Свиньи, что еще сказать, быдло тупое! Сидел читал – замерзли прилично ноги в шерстяных носках; да и самому мне, в двух шерстяных свитерах и «тепляке» от белья – не сказать, что так уж тепло. Это, в общем-то, еще можно перетерпеть, но вот с питанием здесь, похоже, дело швах! :) Оно еще хуже, чем было в зоне. «Горох»-вода, да еще вонючие каши, – опять, вчера я заметил, стало выходить так, что за день из баланды я ем только обед, а на завтрак и ужин – несъедобные говнокаши (да еще вечером дают крохотный кусочек рыбы, в которой, как обычно, костей больше, чем самой рыбы, но я всё же умудряюсь что-то съедобное из него выковыривать). Спасает пока лишь то, что, в отличие от зоны, тут дают (с утра только и на весь день), кроме черняги, еще и белый хлеб, достаточно приличный на вкус, и я вместо завтрака или ужина казенного съедаю его.

Обиднее всего, кроме этих бытовых мерзостей, что вот уже 11 дней тут – и нет ни писем с воли, не приезжает никто... Дошли ли хоть мои предыдущие письма, где я упоминал этот проклятый Кизел, знает ли кто-нибудь вообще, что я здесь?? Или они там привычно решили, что я, как и многие пзк до меня, «потерялся на этапе» – и спокойно, не слишком-то нервничая, ждут, пока я «найдусь»? В общем, ясно уже, что никаких особых

забот, волнений и тревог ни мои исчезновения, ни появление, ни мои письма, ни вся вообще, в целом, моя судьба ни у кого из людей, именующих себя моими друзьями и сторонниками, не вызывает и никогда уже не будет вызывать. А мать – умерла... :((

6.11.17., после утренней проверки

Понедельник. Разумеется, как я и думал, у этих быдломразей, рабов ФСБ от Кенигсберга до Камчатки, сегодня выходной. «Праздник» был в субботу, 4-го, и им перенесли его (то лишь, сделали дополнительный выходной, благо есть повод бухать и не работать) не на пятницу, 3-е, что было бы всё же как-то логичнее, а на сегодня. Я верно угадал это, попав на «крестины» тут в пятницу, которую до этого считал выходным днем. Значит, сегодня магазина нет (заявление я приготовил еще со вчера), а на ужин сегодня после отбоя – хлеб, утренняя пайка белого хлеба, и больше ничего. Лапши есть еще два больших пакета, один из которых я вчера начал, но – нужно поберечь лапшу: никто ж не знает, сколько дней и суток еще придется провести в столыпиных, где вообще никакой еды, кроме этой лапши и консервов (если их тут отдадут мне), не будет. Если не удастся подзакупиться еще лапшой в ларьке (вроде бы она там в тот раз была, но точно я не уверен) и не будет на ужины колбасы, ветчины или хотя бы «продукта с сыром», как в тот раз, – что ж, значит, ужинать тут и впредь, до отъезда, придется одним хлебом, благо он тут, в отличие от зоны, съедобный и даже белый. Вопрос, правда, что же я буду тогда есть в шестом часу вместо казенных ужинов, состоящих, как правило, из ужасной несъедобной говнокаши. До сих пор, кроме мизерного количества обычной ужинной рыбы, я как раз в это время утреннюю белую пайку и съедал. Что ж, придется, значит, довольствоваться одной рыбой или ждать вообще голодным до десяти вечера, до отбоя...

Черт его знает, где и как – но вчера уже успел тут простудиться! Насморк, чиханье, заложен нос и и т.д. Не дай бог, начнутся еще кашель и температура, как в июне было...

после ужина

Какие циничные, хитрые, наглые мрази!.. Просто слов нет... Если на обед сегодня гороховая вода была на первое под именем «суп» (абсолютно пустой, совершенно, космически пустой, только одна вода!) а на второе была овсянка с видимостью тушенки, – то, значит, гороховая жижа, вчера шедшая в обед на второе, идет сегодня на ужин!! Так или иначе, но гороховую воду или жижу они впарят вам два раза в день. Видимо, горох – это основное, чем забиты сейчас их склады; но – вместо того, чтобы дать один раз в день ГУСТУЮ гороховую кашу, эти ублюдки дают дважды в день

воду или жижу со вкусом гороха. То бишь – оставляют по сути без обеда/ужина.

7.11.17., после ужина

Наконец-то огромное, радостное событие среди всей здешней тоски: приехал Рома! С утра выдернули к нему, даже магазинщика со списком я не дождался. Глеб не приехал: понятно было заранее, что в СИЗО его не пустят. Оба они получили мои письма – Рома 3-го ноября, в пятницу, а Глеб вроде бы днем раньше, и оба выложили их в фейсбук, так что народ, по крайней мере, уже знает, где я.

Привез Рома вести, радостные и печальные. Радостная – что, вопреки всем моим ожиданиям, мне все же дали Сахаровскую премию! Поразительно, не могу поверить до сих пор! Тем паче – за текст еще аж 2014 г. (о Крыме), а не последнего, как это вроде бы положено по их правилам. [На самом деле, как потом выяснилось, дали вовсе не премию, а некую медаль «За мужество», учрежденную тем же учредителем, что и премия, и вручаемую как бы от имени жюри премии, но никакого официального статуса не имеющую. – прим. 2020 г.]

А грустная новость, в которую тоже я до сих пор не могу поверить, – 30 октября в Киеве убита Амина Окуева! :(((Хотя я ее лично не знал, но меня это сообщение просто подкосило, оглушило, я просто в шоке... Мешала она, понятное дело, прежде всего Кадырову, больше и не на кого думать, хотя – Наталья Г. почему-то считает, что это какие-то денежные разборки и что героев в этой истории нет...

Посидели, поговорили с Ромой, я порассказал про здешние порядки и условия. Оказалось еще, что Леня Эмдин отдал Феликсу срочный вклад моей матери – 210000 р. Уж не знаю, как он очутился у Лени, когда она успела его снять и отдать ему, не выходя последний (примерно) год вообще из дома. Что ж, очень хорошо, более-менее есть теперь деньги на срочные расходы, если что. А председателем жюри Сахаровской премии, оказывается, с этого года вместо Алексея Симонова стал Каспаров. Возможно, этой переменой и объясняется еще летом высказанное желание Винса, основателя премии, меня на нее номинировать, да и сам факт ее присуждения. Под председательством Симонова, думаю, мне ее едва ли бы дали.

Порядки тут, в СИЗО этом, идиотские: с 12 до 13-30, когда у начальничков обед, – адвокатов и эков тоже выгоняют из их помещения! В Москве просто запирали нас – и сиди себе (некоторые адвокаты, помню, всё норовили успеть уйти до этого). А тут – меня отправили в камеру, тоже как раз приволокли обед (всё тот же жидкий горох, но суп на сей раз погуще), а Рома

поехал на такси в какую-то столовую. Потом, после их обеда, он снова приехал, меня опять к нему вывели – и мы сидели с ним до пяти часов вечера. Кабинетов для адвокатов тут, похоже, всего два, без видеокамер, но с решеткой посередине, между мной и адвокатом. Кабинеты эти – в том корпусе, где меня шмонали в день приезда, идти туда надо через улицу (впервые вижу, чтобы в СИЗО переход между корпусами был по улице, между двух заборов, а не под землей или над землей на колоннах, как в «Медведкове» и «пятерке» в Москве).

Магазин находится как раз между этими корпусами, вывеска его отлично видна, но – зайти туда, разумеется, нельзя. Зэк-магазинщик зашел до обеда, не застал меня. Я спрашивал – нет, зайти ко мне туда, где я сижу с Ромой, ему низ-з-зя ни в коем случае! В итоге он пришел после обеда еще раз, меня опять не застал, оставил список и бланк заказа – и завтра утром их заберет.

Я почитал список, – ужас!! Не только не было завоза, но и из того скудного набора продуктов, что был в прошлый раз, кое-что уже исчезло! «Сыра плавленого», из которого течет вода, уже нет. Нет и вафель, которыми я четыре дня завтракал. Есть вафельный торт, мини-кексы, «баунти» (возьму одну штуку попробовать), есть какая-то лапша б/п пол 16 руб. – видимо, пачки маленькие и качество низкое. Есть опять сыр «Костромской» – видимо, опять теми же брикетиками по 200 г. А также – есть лапша и сухая картошка, но, похоже, большими пачками, а лапша к тому же, похоже, не б/п, а ее надо варить. Из хозяйственных товаров есть много всего – кипятильники, стиральные порошки, даже резиновые перчатки, но нет ни тарелок пластмассовых, ни вообще чего-либо, похожего на посуду. Возьму десять пачек этой лапши – а сам на ужины буду есть ту, что у меня уже пересыпана в пакет, готовя ее в коробочке из-под плавленого сыра, больше все равно ничего не остается. Интересно, бывает ли в этом магазине вообще завоз? И – финальный аккорд идиотизма: открыл сегодня второй пакет майонеза, купленный тут еще неделю назад, стал выдавливать – и оказалось, что упаковка чем-то прорезана в одном месте, из разреза тоже при нажатии выдавливается майонез (и пачкает руки).

8.11.17., после ужина

Безумный, бредовый какой-то централ... И библиотека, и баня – всё вдруг оказалось сегодня, в среду, хотя на той неделе было в четверг! Старика-зэка, носящего книги, я спросил, по каким же всё-таки дням библиотека, – говорит: среда и четверг; я, мол, человек подневольный. Типа, когда ему скажут – тогда и несет, что ли? Но всё равно не иметь одного четкого дня для книг – это бред какой-то, за десять лет тюрем и лагерей я вижу такое в первый раз. Да еще и увидел сквозь щель в «глазке», в какой крохотной

сумочке он эти книги носит! По сравнению с тем, сколько приносили в зоне – количество их просто мизерно; это поистине чудо, что я уже второй раз из этого мизера нахожу себе, что почитать на неделю!

В бане – чудо, что на этот раз не грохнулся на пол! Страшно скользко, пол мокрый, покатый, даже палку прислоняю к стене – а она едет и норовит упасть! Вода из «леек» еле течет. Вообще, такую говенную баню тоже вижу впервые за два срока, исключая разве что баню в карцере московской «пятерки» в 2015 году.

Да еще, ко всему – не упомяну, в какой момент, но вдруг начала дико болеть поясница! Обострение!.. Еле-еле хожу даже по камере; а уж ходить в таком состоянии по лестнице, держа в одной руке палку, а в другой – банный пакет (то бишь, даже на перила опереться левой не можешь), или по мокрому и поктому полу в бане – испытание не из легких... Как я не грохнулся, не могу понять...

Только долго спустя после проверки забрали наконец вчерашний магазинный заказ. После обеда приволокли товар. Майонеза нет. Кончился!!! У меня осталось чуть-чуть больше полпачки, еще с той недели, да еще пачка эта продрана. Кончится – есть придется одну гороховую жижу и вонючие каши, даже майонезом не сдобренные. :(

Вместо четырех брикетиков костромского сыра по 200 г. – принесли только три, последние! Сучья страна... Завоз у них вообще неведомо когда; спрашиваю – отвечает что-то вроде: на неделе. На этой или на следующей – понять невозможно, а эта – уже на середине, среда на дворе. Хорошими оказались, правда, вафельные торты, – точно такими же, как я брал (когда они еще там были, весной или летом) в зоновском магазине на Всесвятской. Но понятно, что в следующий раз не будет уже и этих тортов.

На обед – опять гороховая жижа, чуть-чуть тушенки в ней. Дык на этот раз мне дали ее в маленькой (!) жестяной мисочке, вроде собачьей (соггу, все-таки алюминиевой, а не жестяной). Видимо, чтобы за счет уменьшения тарелки их ничтожная порция казалась больше, что ли? Но и в этой собачьей мисочке она всё равно казалась маленькой. Глумятся, короче, суки, – не столько баландеры даже, сколько повара и сочинители меню. На ужин – наконец-то вместо говнокаши картошка, вареная, ужасная какая-то на вкус (посолить бы – но они, по-моему, отобрали соль), и при этом плавающая в воде, которой больше полтарелки! Чтобы начать есть, пришлось ее выливать сперва. И, разумеется, кусок вареной рыбы в этой же воде лежал.

9.11.17., после завтрака

День кончился вчера неожиданной бедой. Когда я после отбоя кипятил

себе воду для ужина, для лапши, – прямо у меня на глазах вдруг сдох кипятильник! Вода вскипела уже – и вдруг кипение прекратилось само собой, как будто я вытащил вилку. Похоже было, что выключили розетки, но нет – второй кипятильник, который я достал из баула и включил, работал.

Еще мать в 2013 по-моему, году, на «Медведкове», заказывала мне в тамошнем магазине эти кипятильники. Матери уже нет, а я еще пользуюсь ими... Пользовался я мало, т.к. на «Медведкове» почти всё время был чайник, на Всесвятской два года не было розеток, а «пятерке» в 2015 в карцере их – тоже не было. Так что пользовался я ими только на этапах, как вот и сейчас. Две недели ровно вчера исполнилось, как привезли, посадили в эту камеру, – и вот один кипятильник уже сдох! Есть еще второй, запасной, но его, ясное дело, тоже ненадолго хватит.

Как чувствовал прямо, – позавчера изучил все непищевые, хозяйственные товары в списке местного магазина и особо отметил там кипятильник за 90 рублей. Еще подумал: м.б., купить про запас? – но он, скорее всего, совсем маленький, еще меньше моих; м.б., кружку воды на чай им еще можно вскипятить, а уж корыто воды на стирку – и думать нечего! Вот теперь, уже сегодня, надеюсь, мне доведется это узнать: только что написал уже второе на этой неделе заявление на магазин, специально ради этого кипятильника. Надеюсь, он будет еще в продаже, удастся его купить. Хотя понятно, что за 90 рублей в наше время ничего хорошего купить невозможно...

после обеда

Рыбный суп с диким количеством плавающих в нем костей – заправленный резаной кубиками картошкой и... овсянкой. Вкус такой отвратительный, что и без костей даже я бы не смог это есть. Поковырял слегка рыбу, в нем плавающую, а само варево пришлось выплеснуть. На второе – опять все тот же неизменный «горох», на сей раз в нормального размера тарелке, но еще более жидкий, чем прежде. Это уже даже не жижа, а просто вода желтого цвета, с несколькими волоконцами тушенки в ней. Фактически – я остался без обеда, ибо «суп» несъедобен на вкус, а второе – одна вода.

Тот, кто долго жил на ФСИН-овском казенном питании в тюрьмах или лагерях России – о, с каким наслаждением должен он мечтать убивать, резать, стрелять, собственноручно казнить лютой смертью всех этих ублюдков тюремщиков, независимо от пола, должности и звания, за всё то говно, которое они привозили ему три раза в день под видом завтрака, обеда и ужина!!! Убивать, убивать, убивать!!!

Когда чмошник-зэк из магазина принес мне опять список по моему заявлению – я спросил его, какие там у них кипятильники. Он показал рукой: ну конечно маленькие! Еще меньше моего нынешнего 0,5, – видимо, 0,3, только-только кружку воды им вскипятить, пока не сгорит... :(((

примерно 4-й час дня

Нет, все же кипятильник оказался 0,5 кВт и побольше, чем я думал, хотя – с коротким шнуром. Но по мощности такой же. Сделал в Дагестане, в г. Кизляр, на тамошнем, видимо, электромеханическом заводе. Купить в Кизеле кипятильник из Кизляра – это забавно и само по себе, а к тому же – это прямое опровержение известной фразы гондона Крылова, бывшего главреда «Спецназа России», на митинге в 2011 году, что, мол, «Кавказ производит только кавказцев», а никакие промышленные товары якобы не производит.

Сел пить кофе – вдруг вертухай через дверь: «Стомахин, на выход без вещей!». С утра было предчувствие, что случится сегодня какая-нибудь гадость – и вот... Спрашиваю, куда? – «В санчасть!». В санчасть я, понятное дело, не записывался. Думаю: м.б., в карцер, но сразу не говорят; м.б., опять на крестины, м.б., еще какое-то дерьмо... Ведут по лестнице куда-то вниз, спрашиваю конвоира, м.б., что-нибудь из вещей взять надо было (имея в виду карцер) – и тут он произносит слово «флюшка». А-а!... Сразу легче на душе, – флюшка дело обычное, привычное по тюрьмам. Пока делал, толстуха медсестра успела рассказать, что у них в Кизеле закрыли вообще больницу (хотя это райцентр) – и теперь будут возить в Губаху. Впрочем, вы же, господа, хотите непременно медицину бесплатную, страховую, – ну так хозяин барин, захотел – дал больницу, захотел – отнял...

Повели на эту флюшку, между прочим, на новый корпус – и он стоит сзади старого, где сижу я; а то, что я принял во дворе за новый корпус, когда позавчера водили к Роме – это, видимо, корпус следственный. Вели переходом, но они стоят почти вплоты, не зная, что это переход – так и не заметишь. На входе в новый написано: подследственные, женщины, несовершеннолетние, – то бишь, у них тут все, и женщины, и малолетки сидят, и вряд ли не то что корпус, а даже этаж отдельный под женщин или малолеток отведен. Нумерация сплошная, с этого корпуса на тот – и там на втором этаже видел 89-ю камеру. То бишь, если всего камер на этом централье и больше 100, то не намного больше. Маленький такой, уютный центральныйчик... если только не считать, что провинциальные эти морлоки-тюремщики тут, в такой глухомани, еще более свирепые, злобные, тупые и преданные своим правилам, нежели в Москве, где особо не заставляли ни руки за спиной при ходьбе держать, ни мордой в стену становиться, не

говоря уж о том, чтобы испоганить и позабирать все вещи так, как это было тут со мной при заезде 26.10.17...

10.11.17., после обеда

Гороховая вода сегодня – на первое, и в ней – немного картошки кубиками и тушенки, т.е. – не совсем пустая. На второе – говнокаша, в ней тушенки уже побольше, приличные куски. Вот что значит выскребать со дна, – тут мне привозят баланду одному из последних на этаже, когда бачки уже практически пустые, а в зоне-то с меня начинали «кормить» ШИЗО и ПКТ. Мяса порядочно, но зато каша – отвратительная, мелкая, со слизью, ячка, что ли, она называется. Без майонеза я такую вообще есть не могу, – счастье просто, что майонез еще у меня не кончился, т.к. в магазине-то уже кончился. ...

После недавней простуды обострился, разумеется, мой проклятый хронический бронхит, дня три я мучительно кашлял. Пригодились привезенные еще из Москвы в 2015 леденцы от кашля, хотя – уезжая со Всесвятской, я сперва не хотел их брать с собой; но потом подумал: вдруг пригодятся! – и взял. Пригодились, точно! :) За эти два с лишним года они окаменели, слиплись намертво, ссохлись; бумагу с них я кое-как отдираю по полчаса ногтями. Но зато помогают от раздражения в горле они по-прежнему очень хорошо. Утром сегодня еще был этот кашель, но к обеду, похоже, уже прошел. Хуже другое: со вчерашнего вечера заметно и довольно ощутимо стал болеть зуб с правой стороны, причем я даже не разберу толком, сверху или снизу. Но, похоже, все-таки снизу, – видимо, тот, на который уже довольно давно мне больно было есть, точнее, даже не больно, а противное такое было ощущение при жевании на эту сторону. Но болеть он вроде не болел. А вчера – по-моему, чай я пил, что ли, после отбоя; и от горячего чая заболел он очень сильно; но потом всё равно прошел. И вот сегодня с утра – то начинает ныть и колоть, отдаваясь в ухе и где-то около уха, то затихает. Болит пока что не так уж сильно, терпимо, но – это предвестие намного худшего, вот чего я боюсь. Не хватало мне еще, чтобы тут, в этой дыре, в этой жопе, на этапах, пересылках и т.д., у меня зуб болел! Тем паче, что не болели у меня зубы с ноября 2015 года, я уже и забыл об этом «счастье», не ждал уже этим сроком опять такого испытания... :(

На утренней проверке сегодня (которую они здесь называют «обходом») гондон этот в форме, которого я вижу уже в первый раз, который шмонал меня после ухода Ромы 7 числа и который, как я понимаю, возглавляет местную оперчасть, спросил меня вдруг, почему я так расстроен смертью Амины Окуевой. Или, м.б., не «почему», начала вопроса я не помню, но что-то именно связанное с ее смертью. Скорее всего – просто чтобы показать,

как внимательно он читает мои письма: я как раз написал позавчера Корбу, что прошу по возможности передать мои соболезнования Адаму Осмаеву, мужу Амины. Собственно, я потому и счел его сразу начальником оперчасти, что еще на «крестинах» 3-го ноября он упомянул мое письмо (Роме, видимо) так, что сразу стало ясно, что он его читал. Идеологический цензор, мля!.. :)

11.11.17., после завтрака

Только успел вчера после отбоя съесть лапшу б/п – лампочка над дверью («ночник») со звоном погасла. Сгорела, зараза... Зажег свет в туалете, открыл дверь из него, – потемнее получилось, но все же еще более-менее достаточно света. Вскипятил себе чай, только сел его пить – идет с обходом вертухайское чмо сует свое рыло в «глазок», как обычно, и докапывается, почему я не сплю. Один раз подошло, второй... Сперва я думал, оно не замечает, что освещение в камере слабее, но куда там!.. Привело еще кого-то, по голосу судя – старика-зэка, слышу, говорит за дверью: ну, мол, значит, сгорела лампочка!

А этим тварям же нужно за мной постоянно, круглосуточно следить! :)) Допиваю чай, гашу свет в туалете, ложусь на шконку – и думаю: что будет? :))) Проходит пять минут – то же вертухайское чмо является опять, заглядывает в «глазок» и начинает тем же противным голосом нудить: Стомахин, включите свет! Но когда я со шконки его спокойно спросил: «Зачем?» – этот вопрос поставил его в такой ступор, что оно только и могло беспомощно повторять: «Что значит «зачем»? Что значит «зачем»?». Я про себя умер со смеху, а эта чума, так мне на вопрос и не ответив, говорит: ну, значит, мы сейчас зайдём. Уходит. В коридоре, в отдалении, какие-то голоса. Лежу и думаю: вот черт, вместо того, чтобы спать, – ждать это говно! Сейчас они приведут электрика (зэка), он вкрутит ОБЕ лампочки, опять начнут эти суки переключать, днем одна, ночью другая...

Но когда я услышал (и отчасти увидел), что это животное в камуфляже явилось опять, но вместо отпирания двери открывает «кормушку» и светит в нее фонариком на своем видеорегистраторе, – я понял, что электрика ночью оно прочему-то привести не смогло (хотя едва ли вертухаев смущает то, что электрик уже спит в своем хозотряде и что рабочий день его уже кончен). Понял, что можно спать, причем этакий кайф – хоть одну ночь поспать в темноте (только из окна – слабый свет, так что мрак в камере все-таки не полный, об стенку не расшибешься, если что). Но – это легко сказать: спать! Как всегда, когда нервы у меня взвинчены, – заснуть я не могу! Думал, так и проваляюсь всю ночь без сна; но потом – судя по тому, что снилась несколько раз какая-то ерунда – всё же засыпал, хоть и ненадолго; но и без

сна тоже провалялся достаточно. Собственно, услышав в первый раз открывание «кормушки», я подумал, что и пытаться заснуть бесполезно: этот грохот все равно будет меня будить. Но вертухайское чмо придумало – не мне, конечно, а себе! – облегчение: не запирайте «кормушку» на засов, так кто ее можно достаточно тихо приоткрыть, заглянуть – и снова закрыть. Но и это я. разумеется, слышал, спал очень мало. А это быдло с фонариком в начале ночи и впрямь приходило примерно каждые четверть часа, но потом и над ним ночь взяла свое: стало появляться где-то примерно раз в час, а то и реже. Видимо, тоже дрыхло в промежутках.

И вот – развязка истории. :) Завтракал я при свете из туалета, естественно. Только выбросил говнокашу, ободрал корки с хлеба, добавил в казенный еле сладкий чай лишний кусок сахара и хотел приняться за сыр, – едет, собирая тарелки, тележка-говновозка, приближается ко мне, но за дверью я слышу не баландерские, а вертухайские голоса – и говорят они про мою лампочку! Открывается не «кормушка», а дверь, за ней – толпа этих дебилов в камуфляже, среди них тот, маленького росточка и в шапке, которого я чуть не каждый день вижу на проверках. И среди них – зэк в белом каком-то одеянии до пояса: баландер. Спрашиваю, отдавать ли тарелку и кому, они говорят – вынести в коридор, там у меня ее забирает второй баландер; а первый тем временем по их приказу, зайдя в камеру, залезает на такое каменное возвышение у двери, выкручивает сгоревшую лампочку – и на ее место вкручивает новую. Ура! Свет восстановлен, теперь следить за мной опять можно круглосуточно и без всяких помех!! :))) Главное же везение – что они так и не стали звать электрика и чинить ОБЕ лампочки !

Вот таким вот бредом, такими ничтожными бытовыми заботами – о лампочках, о кипятильниках и т.п. – я тут «живу», если это можно назвать жизнью. Через неделю «жизни» такой исполнится ровно десять лет. Десять лет у меня уже отсижено, – с ума сойти!.. Осталось 737 дней, два года и одна неделя ровно.

13.11.17., после завтрака

Еще одна фишка местной говнокухни и говнобаландеров: чай, или хлеб (в завтрак), или компот (в обед) будет «попозже». Сразу всё привезти на своей говновозке они почему-то не могут, раздают эти помои аж в два захода. До сих пор «попозже» значило: когда будут собирать тарелки. Но сегодня эти гниды превзошли самих себя: когда собирали тарелки, опять сказали, что чай будет «попозже». Такое ощущение, что чай этот им везут с китайской границы, через всю Сибирь, по Транссибу, и поэтому к завтраку никак не успеть... Лишь еще минут через пять после сбора тарелок приволокли его – и что ж вы думаете?! – чай был абсолютно холодный!! Не

просто чуть теплый, почти остывший, как у них часто бывает, – нет, ПОЛНОСТЬЮ холодный, как вода из-под крана! Видимо, пока везли по Транссибу, успел остыть...

Понедельник. Чутье подсказывает, что сегодня может случиться какое-нибудь дерьмо. После того, как не состоялись переселение из карантина и посадка в карцер – главным дерьмом здесь, собственно, остается отправка на этап, дальше, на крытую. Я с ужасом думаю о том, что она всё ближе и ближе, о том, как поволочу в двух руках баулы... Осталось 735 дней, ровно 105 недель.

после ужина

Ну блядская страна! Ну свиньи тупые, мразь, ублюдки, недочеловеки чтоб вам всем сдохнуть в корчах!.. И как же, черт побери, мне всё это осточертело! И находиться среди этих ублюдков, в их полной власти, и то, что каждый их шаг, даже малейший, я знаю наперед...

В обед сегодня, увидев горох только на первое, в виде пустого (как всегда) супа, а на второе – овсянку с мерзкой слизью и следами тушенки, – я сразу четко понял и сказал себе: гороховая жижа, которую все эти дни давали на второе, сегодня будет на ужин! И так и оказалось!!! Опять я угадал, черт возьми, чтоб им сдохнуть в муках, всем этим столь легко предсказуемым свиньям!!! Да, очередная гороховая жижа, точнее – по консистенции – просто вода со следами разварившихся на 90% горошин, но зато – поскольку во второй тарелке дали, как обычно на ужин, кусочек отвратительной костлявой рыбы – жижа даже без следов тушенки, как это бывало в обед! Просто вода, и всё тут. На ужин – желтая вода, и делай с этим что хочешь. Хочешь – хлебай ее, а хочешь – вылей... Наверное, волк таки сдох в лесу: баландеры, два дебила, на сей раз налили мне этого хлёбова побольше, чем наливали в обед, почти что полную тарелку.

Их всех надо сжечь, сжечь, сжечь!!! Напалмом, а еще лучше – ядерным огнем. И тех, кто посадил меня ни за что, и тех, кто держит в этом плену, и тех, кто возит этапами, шмонает, будит по утрам, кто готовит эту их мерзкую вонючую баланду, разливает ее и раздает, и всё население этой проклятой быдлостраны, язвы на теле планеты, – сжечь, уничтожить, испепелить, исключить из числа живых уже за одно то, что они позволили всё это делать со мной, и не только со мной за то, что они – не только молчаливые соучастники, но и – на самом-то деле – ЗАКАЗЧИКИ всех преступлений путинщины!..

Всё забываю написать. С первого дня, как я здесь – вертухайская мразь, дежурящая в коридоре, независимо от смены (т.е., из всех смен, что доказывает неслучайность, то бишь – приказ начальства) при любом

открывании не только двери моей камеры, но и «кормушки» – неукоснительно включают заранее регистратор. Его писк очень хорошо слышен за дверью – и только после этого открывается «кормушка» и подается баланда. Сегодня в два часа дня (включили на час с небольшим «Радио России», поэтому я знаю время) приволокли вдруг – в какой уж раз! – решение Чусовского «суда» от 31 июля, об отказе на жалобу Ромы по поводу моих ШИЗО и клетки. Не знаю, на кой хрен эта мразота все свои поганые бумажонки рассылает по нескольку раз; но – и перед тем, как для вручения этой бумажонки открылась «кормушка», как обычно, прежде за дверью пискнул регистратор... Принося этого дерьма я никак не ожидал, а сперва подумал: м.б., письма? Но писем, увы, так и нет, – видимо, электронные здесь не предусмотрены, иначе б уже кто-нибудь написал, а бумажные еще, видать, не дошли.

Еще из черного юмора: на мою дверь, помимо всех стандартных замков и засовов, они вешают здоровенный амбарный (навесной) замок! :))) Один раз меня откуда-то (от Ромы?) привели – и я, стоя в коридоре, наблюдал, как его снимали. Обычно же – его снимают перед обеими проверками, утром и вечером, после которых неукоснительно вешают снова. На других дверях, разумеется, ничего такого нет, да и – когда вертухайское чмо подходит и с грохотом снимает его заранее, а потом уходит, – не слышно, чтобы оно снимало такой же замок с таким же грохотом хоть с одной из дверей поблизости от меня...

14.11.17., после завтрака

Адская, чудовищная боль уже сутки в левом боку, со стороны спины, чуть повыше талии. Вчера утром было такое ощущение, что болит вся поясница, вся спина, да еще нога больная впридачу, так что встать не мог со шконки. Но в течение дня стало ясно, что болит в основном вот там, в левом боку, сзади, остальные боли более или менее прошли. А об этой я вчера забыл написать – так был возмущен здешней кухней и развозом баланды. :) Да и – вечная, с детства еще, надежда, что само пройдет как-нибудь, тем паче – за ночь. Но вот ночь прошла, а болит в боку/спине, пожалуй, еще сильнее, чем вчера. Это не внутренний орган болит и не позвоночник, – нет, боль именно в самом теле, в самом боку, как будто туда крепко ударили ногой или дубинкой. Мышечная какая-то боль: вроде встаю, двигаюсь, все более или менее – и вдруг как будто мышца какая-то, до того расслабленная, вдруг напрягается в этом месте – и всё, в глазах чернеет от боли, приходится хвататься за что попало, чтобы не упасть!.. Особенно весело будет, если в таком вот состоянии закажут на этап, – не то что вещи тащить, сам-то еле двигаюсь; и нет особой надежды на этот пресловутый психический фактор

– что, мол, перед лицом такого экстремального, сверхтяжелого испытания, как этап, организм сам собой соберется, настроится соответствующе, на самый экстремальный режим, и все болячки пройдут или затихнут на время сами собой. Только на это весь и расчет, иначе этапа мне просто не выдержать, – но особой-то надежды, что все так и будет, увы, нет. До сих пор как-то проносило, а сейчас... А уж тут, на тюрьме этой проклятой, пока еще этапа нет, – и вовсе немисливо ничего с этой болью сделать – только терпеть и ждать, пока пройдет само. Как следует из бумажонок с «информацией», наклеенных на стену в камере, – у них тут даже не санчасть, не медсанчасть и т.п., как обычно бывает, а – «здравпункт». Т.е., самый низший разряд их тюремной «медицины», куда обращаться заведомо бесполезно.

после обеда

Отдал утром заявление на магазин – и тишина! Никакой реакции. То – где-то 11, в начале 12-го приносили список товаров, а тут – полная тишина. Что бы это значило? М.б., в магазине завоз товаров, новый список еще не распечатан? Верится в это с трудом. Спрашивать вертухаев – тошнит от одной мысли о разговорах с ними, да и – они всё равно не знают и едва ли будут звонить узнавать. В принципе, еда еще есть, сгущенка к кофе – тоже. Пока мне не горит... Но сам факт очень примечателен: ни на кого и ни на что в этой проклятой стране нельзя положиться, даже если поначалу кажется, что всё работает идеально, как часы...

Часов в 11 кого-то где-то рядом, в одной из соседних камер, заказали на три часа на этап. Слава богу, пока не меня. Сегодня вторник, значит – поезд Екб-Соликамск проходит тут в сторону Екб. То бишь, этапы туда идут хотя бы прямо отсюда, а не через Пермь (надеюсь, что так). Хотя – в последний свой приезд Рома говорил, во сколько уходит его поезд, тот самый: что-то часов в семь вечера, не раньше. На кой же черт выводить на этап в три часа дня? Шмонать до шести, что ли?

На обед сегодня – поразительно! – не было вообще гороха. Зато – была сечка! :))) С отдельными волокнами тушенки, как обычно, и с тушеночным запахом. Тем не менее – пришлось ограничиться «борщом», – бледно-розовым, чуть теплым, полупустым, да и налили его, как обычно, на доньшке. Этот «борщ» и составил весь мой сегодняшней обед. :(А сечку я в рот не беру уже десять лет.

В боку слева так и продолжает болеть. То ничего, более-менее, но вдруг – какое-то неуловимое, неощутимое неверное движение, сокращение этой проклятой мышцы (как мне кажется), какая-то неуловимая, на долю секунды, потеря равновесия на ходу – и резкий рывок боли! Больше суток

уже, и всё не проходит (хотя, конечно, такое и раньше у меня бывало, еще с детства, и даже этим летом, помню, не мог, сидя на табуретке, достать из-под тумбочки часы на Всесвятской, тогда дикая боль два или три дня была, наоборот, с правой стороны). Хожу, заложив руки за спину, по камере, на это сил еще хватает, – и чувствую ясно, как меня скособочило, перекосило, плечо с больной стороны стало явно выше, чем с другой, справа. Поневоле оберегаю больную левую сторону от всех нагрузок и рисков, сам не замечая того, подсознательно, – отсюда и такой перекосяк.

Ощущение беды, какого-то нависшего, близкого несчастья, и вообще-то мне очень свойственное еще с юности, не оставляет меня. Хотя наиболее вероятное и острое несчастье – смерть матери – уже произошло, а отправка на этап, в общем-то, несчастьем как таковым не будет, ибо ради этого я тут, на СИЗО, и сижу. Что еще может случиться страшного? Наматывают еще срок, добавят еще года два-три, – хуже ничего в голову не приходит. Смертельно больных и сильно пожилых среди близких мне людей теперь нет, так что ничьей смерти бояться вроде бы не приходится...

А писем так и нет. Борюсь с желанием написать Роме еще одно письмо, – он обещал, я полагаюсь на его слова, но, видимо, ФСИН-письма тут нет, а обычное... Только я отправлю ему письмо, что от него ничего нет, – на завтра придет его письмо, и надо будет писать снова. Так всегда и бывает, по закону подлости. А конвертов с марками хотя и вполне достаточно пока, но тратить их без счету всё-таки не очень желательно...

между обедом и ужином

Не знаю уж, как, но как-то преодолел отвращение – спросил одного из этих вертухаев насчет магазина. Сперва он, естественно, говорил, что не знает, но сказал, что магазинщик (зэк) по этажу сегодня не ходил. А попозже все-таки принес сведения более точные. Оказалось, женщина, которая у них собирает заявления и всё оформляет, – на больничном. То бишь, магазина нет не только сегодня, но и завтра не будет, и вообще неизвестно когда. Самый худший вариант, какой вообще может быть: даже у отпуска есть точный срок, а вот у больничных их – нет. :(((

Завтрак есть еще на три дня. Сахар – на восемь (плюс жалкие остатки с 2015 г., что еще с Москвы лежали у меня, но там тоже очень мало). Много чая, но без сахара он не нужен. Лапши б/п тоже вроде бы еще достаточно, но – ее придется поберечь, а то, не дай бог, в столыпине есть будет совсем нечего, особенно если отправят в поездочку на два-три дня. Не знаю даже, что буду есть, как и чем обходиться. Хлебом разве что, благо здесь он съедобный – но даже и съедобный хлеб отнюдь не улучшается за 16 часов лежания в пакете, а выдают его тут только в завтрак, в шесть утра...

Проклятая страна, в которой даже с деньгами ничего не купишь...

С утра почти что неотступно думаю о том, как брэнна, коротка и бессмысленна жизнь. Уже сейчас, когда я вспоминаю детство, юность – большинство тогдашних моих надежд, стремлений, мечтаний, включая самые сокровенные, кажутся мне пустыми и ненужными. То, что тогда жгло душу, было самым важным для меня в мире – теперь стало пустой шелухой, гонимой ветром... Сейчас, в 43 года, никаких желаний у меня, по сути, уже не осталось, всё стало более или менее безразлично. Хорошо бы, конечно, успеть еще пожить на воле, выбравшись из этого проклятого плена, походить по зеленой траве, погреться на солнышке, посмотреть в синее, чистое, бескрайнее небо не через решетку, а так – напрямую... Но и это вовсе не так уж важно, тем паче – я не уверен, что мне это удастся. В неволе ли, или дома, пораньше или попозже – всё равно конец один... А когда я буду умирать (если буду при этом в сознании) – какой совершенно бессмысленной, ненужной, никчемной будет казаться мне вся прожитая жизнь, вся, с первого дня и до последнего! «Как мечтал, с кем дружил – просто несколько высохших слов»... Всё, чем я жил до сих пор и чем живу сейчас (как ни мало его осталось) – покажется совершенно ненужным, каким оно, собственно, всегда и было. Момент расставания с иллюзиями... Да, собственно, и сейчас у меня уже не осталось этих иллюзий (о хоть какой-то моей значимости хоть для кого-то в этом мире, например), но – ЧТО можно сделать, даже всё до конца поняв? Ничего. Разве только по причине полной и абсолютной бессмысленности жизни – покончить с собой, на что у меня, увы, хронически не хватает духу... :(((

Думал: если буду всё же писать Роме – не написать ли через него заодно вот об этом обо всем Наталье Г.? Я знаю, что ей это не нужно, что она на подобное никогда даже и не отвечает (только вот мое самоопределение «неудачник» ей не понравилось). Но больше-то вообще никому, абсолютно и безнадежно НЕКОМУ! Ни спорить со мной, ни ругать меня за мои настроения никто не будет – просто в глухую промолчат все, кому бы я об этом ни написал. В общем-то сам этот факт – что я, прожив жизнь, всю ее проведя в определенных тусовках, десять лет просидев, все меня знают, даже уважают в тусовках этих многие, – что я не нахожу, кому бы можно было сообщить то, что меня волнует больше всего, и быть услышанным и понятым, – сам этот факт лучше всего говорит о том, насколько пустой, никчемной и бессмысленной была вся моя жизнь... :(((

Наталье, конечно, не буду я ничего этого писать. Незачем.

15.11.17., после завтрака

Спросил вчера на вечерней проверке у низкорослого начальничка в

шапке еще раз насчет магазина. Ну да, всё так и есть: на больничном (он даже и не знал, ответил опять тот, дневной вертухай); как выйдет с больничного, так и будет; нет, заменить нечем; да, заявление (мое вчерашнее) действительно. Всё как я и думал. Суки проклятые, ублюдки, мразь, всё у них в этой проклятой стране – через жопу!.. Если вертухай заболит – его есть кем заменить, двери продолжают вовремя отпираться, а вот магазинщицу почему-то заменить нечем – что в лагере, что здесь! Ублюдки... Лапши в пакете вчера оказалось только на один раз – правда, много, если б еще поэкономнее класть позавчера, можно было бы кое-как и на три раза разделить – но кто ж знал, что не будет магазина!.. Доел этот (второй уже, как приехал сюда) пакет; осталось еще прилично, но – кто знает, куда повезут, сколько продержат в столыпиных; придется лапшу побережь, а самому на ужин – уже сегодня – жрать хлеб, лежалый с утра... :(((

Сразу после вечерней проверки принесли вдруг письмо – первое здесь! – от Кирилла Подрабинека. Нет бы сукам принести его раньше! – я бы на этой проверке уже отдал бы ответ, а так только сегодня вечером. Раз письмо заказное – заставили за него расписаться в журнале; смехота, да и только! Оказалось, оно пришло 3-го ноября на Всесвятскую (да и писал его автор 27-го октября, когда я уже был здесь), было там, судя по штемпелю, получено – а 9-го ноября, судя по другому всесвятскому штемпелю, возвращено обратно для «досылки» мне сюда, в Кизел. Слава богу, что хоть так, хоть с задержкой, но всё же дошло; а простые письма там, скорее всего, сперва вскрывают, а уж потом только определяют, что адресат уже выбыл, так что ни о какой «досылке» не может быть и речи, так и пропадут там эти письма... Как раз до отбоя вчера отвечал Подрабинеку на это письмо – и почти всё его успел написать, кроме нескольких прощальных фраз; время до отбоя пролетело, ура, незаметно!..

после обеда

Чудовищные, страшные, совершенно невыносимые боли вот там, в левом боку, где непонятно с чего возникли они вдруг позавчера утром. Вчера во второй половине дня они почти было прошли, я обрадовался, но к ночи появились опять. А сегодня с утра это уже даже не боли – это спазмы. Ясно чувствую, как напрягается в этом месте мышца – и боль такая, что я кричу в голос и хватаюсь за всё, что есть вокруг, даже если лежу! (Оно, естественно, болит и лежа.) Потом, через одну-две секунды – мышца явственно расслабляется, боль отпускает. А спазм этот происходит от малейшего неосторожного движения левой рукой или всем телом, от вдоха, от того, что кашлянул, даже, кажется, от того, что мысленно представил себе движение тела, которое хочешь совершить... Я надеялся, что пройдет,

но пока что – всё хуже и хуже; нес тарелку с баландой (на обед мрази дали сечковый суп и – опять любимый горох, куда ж без него, без этой желтой воды!..) – прихватило, конечно же, и в этот момент, не знаю уж, как я с тарелкой добрался до стола. В общем, сегодня я неожиданно уже приблизился к грани, за которой начинается состояние, называемое «неспособность себя обслуживать». Боль – адская! – буквально от каждого движения...

Под впечатлением веселенького предчувствия, что в таком вот состоянии меня могут выдернуть на этап – записался к местной врачихе (точнее, конечно, фельдшеру) на прием. В основном – узнать, не может ли она, зафиксировав, что я болен и нетранспортабелен, создать этим хоть какую-то формальную преграду вывозу меня на этап в таком состоянии. Ни минуты не сомневаюсь, что и она не сделает ничего, и ФСИНу глубоко плевать на все болезни этаплируемых, да и по – молодому и звонкому – голоску этой врачихи уже без слов понятно, как мало ее волнует здоровье эсков. Записался просто от отчаяния, чтобы сделать хоть что-нибудь, точнее – то единственное, что в моих силах и формально мне «положено».

Что ж, ждем-с. Прием, сказали утром, будет «в течение дня». До обеда ее голосок был слышен тут где-то совсем рядом, к ней водили какие-то жуткие уголовные рожи. С 12 до 2-х – у них у всех обед (не жирно ли – два часа обедать?) Сейчас где-то около часа дня, так что – ждем-с, примет ли она меня вообще, или нет (я не уверен, – мало ли, вдруг забыла меня записать, или еще какая накладка). Разговор в любом случае предстоит неприятный – как и любой разговор с человеком, приходящим просто отбывать повинность ради зарплаты, а вовсе не ради тебя...

В баню не водят вообще. Интересно, когда же поведут? – или опять завтра, в четверг? После бани я хотел еще стирать, опять час греть воду в железном корыте, – сейчас, в таком состоянии, что может быть приятнее? :) Еще вроде могут или должны принести библиотечные книги – опять неопределенность, то ли сегодня, то ли завтра, – но пока тишина. Всё как и с баней. Те, что брал неделю назад, я уже прочел, сейчас – делать нечего совершенно. Только – сидеть и размышлять...

после ужина

Только налил себе кофе, начал размешивать сгущенку, – включается регистратор, открывается дверь, выдергивают в санчасть. Кофе из полной до краев кружки разливается лужей по столу... Ах, будьте вы прокляты!..

Вместо молоденькой, звонкой – принимала меня та самая начальница их «здравпункта», с которой я говорил в первый день по приезде сюда, а потом она же, к моему удивлению, защищала меня от тупого дебила Горелкина, их

и.о. начальничка. Сказал, что адски болит бок, – она дала мне мази «ибупрофен» и пару таблеток диклофенака (который у меня был и свой, но на Всесвятской мрази еще в 2015-м его забрали. Сказала, по одной в день, после еды, лучше на ночь. Дома, в 2011-12, я принимал его, когда после долгой ходьбы сильно болела и опухала сломанная нога – и помогал он, кстати, неплохо. Насчет же того, как бы воспрепятствовать внезапному этапу – сказала мне авторитетно, что пока меня никуда не везут, им (врачам) бы сообщили. Что ж, очень хочется верить, что не везут пока, это было бы просто прекрасно, но что-то подсказывает, что верить любым видам тюремщиков – очень опрометчиво...

Пришел от нее, выпил кофе, намазал бок мазью. Сперва сразу стало гораздо легче, практически совсем прошла боль. Я обрадовался, походил туда-сюда, лег – лежать тоже могу свободно, а не как утром, от каждого вздоха при этом лежании сводило этот проклятый бок...

Но радовался я рано. Прошло какое-то время. Принесли, кстати, книги – опять всякое барахло, да еще и без половины страниц некоторые. Уже когда я, нагнувшись, возился с книгами этими – опять довольно явственно почувствовал прежнюю боль в боку, но все же заметно слабее утренней. А сейчас вот, получал в «кормушку» ужин – дык свело опять проклятый бок всюю, практически на 90% от утреннего, я еле дотащил до стола тарелку. Проходит время – и все эти лекарства перестают действовать, а если продолжать на них сидеть – они и вообще действовать перестанут даже сразу после приема/намазывания. Сейчас допишу – намажу еще раз, на ночь приму таблетку, утром посмотрю, что будет.

На ужин, мрази, стали теперь в воду вместе с картошкой класть какую-то капусту, мелко и тонко настроганную, типа кислой, что ли. В смысле сытости от нее – совершенно ничтожную, разумеется. И сейчас вот получил я от ублюдков, недочеловеков (это ясно видно по их лицам) баландеров «ужин»: этой вот воды с капустой – на доньшке тарелки, плюс в воде этой плавало четыре или пять половинок (!) маленьких, чуть побольше грецкого ореха, картошек. И в другой тарелке – крохотный кусочек рыбы, как обычно. То бишь – фактически – остался без ужина. Помог делу только ломоть белого хлеба, лежавший с утра, – съел его, а после отбоя придется ужинать черным, который вроде бы и съедобен здесь, и не намного хуже белого, но который все равно все эти три недели тут я выбрасывал. Ларька нет, а остатки лапши надо поберечь, пригодятся – и вот придется ужинать этой дрянью и чаем с конфетами – и остатками сахара...

Еще до похода к врачихе видел днем в дырочку около заслонки «глазка»: сперва четверых, потом еще троих под конвоем повели в тот коридор, что

напротив меня (там камер десять, что ли – и все пустые, судя по тому, что говновозка с баландой туда вообще никогда не заезжает). Там зато – лестница, ведущая в коридор первого этажа, где бани. Потом четверых вели назад – у одного, по-моему, даже полотенце на плече висело. Тем не менее, когда меня после врачихи завели в камеру и я спросил про баню – ответили: там, мол, что-то чинят, так что сегодня бани нет, завтра. Вот брехуны!..

16.11.17., после ужина

Бани так и не было! Хотя по их же бумажонкам, всяким ПВР-ам, УИК-ам и пр., они обязаны обеспечивать экам гигиену; а тут уже вторую неделю не водят в баню. Кто-то спросил – слышно было, как объясняют, что, мол, воды нет...

Зато ожил вдруг магазин!! :) Сегодня четверг – и я раньше понедельника никак не ждал, да и то сомневался. И вдруг приносят список...

Завоз у них, несомненно, был, – слава богу! Самое поразительное из еды, что я обнаружил в их списке, – СОСИСКИ! :) Глазам своим не поверил: вписаны в конце от руки, по 111 рублей. Взял их три пачки на пробу, а надо было взять побольше, теперь жалею. Оказалось, это пачки по шесть крохотных, коротеньких сосисочек, всё той же марки «Телец» с того же самого кунгурского мясокомбината, что весь последний год (?) продавались и на Всесвятской. Ужин на три дня – бутерброды с местным хлебом, да еще с майонезом вместо масла, майонез тоже купил – только жаль, что очень скудный...

Зато – сюрприз! – в магазине совсем не оказалось сахара. Ни рафинада, ни песка, которые были до этого закрытия на бюллетень. Что ж, от пачки рафинада, купленной еще 31 октября, остается еще на девять дней сахара, если пить чай один раз в день, как я и пью, и класть по шесть кусочков, – меньше, увы, мне не сладко. А уж добавлять кусок утром и вечером в казенный столовский чай, крепкий, но явно недослащенный, сахар там еле-еле чувствуется, – уже не хватает, увы. Лучше лишний вечер попить чай после отбоя. Так что в ужин сейчас столовский чай я уже не подсластил. :(

Боль в левом боку от мази (сегодня тоже мазал уже три раза) и таблеток почти что прошла, но всё-таки немного еще ощущается. На прием завтра неохота.

Еще важное забыл. Утром, вместе с завтраком, принесли еще одно письмо от этой Арешевой, которую я не знаю, но которая знает меня с подачи Феликса. Тоже заказное, пересланное со Всесвятской, заставили расписаться за него в журнале. Так-то письмо ни о чем (обещает, что меня отпустят по амнистии и уверяет, что они – не биомасса, не Мордор и т.д.); но самое грустное в нем – что она так и не получила мой ответ на первое ее письмо,

то самое, ради которого мне пришлось лечь на пол в «дежурке» у ШИЗО-шных вертухаев на Всесвятской, не желавших мне его иначе отдавать. Обратный адрес этой Арешевой – д/в, так что, м.б., все же она его, мой первый ответ, еще получит, а то жаль писать эти письма, в которые я каждый раз душу вкладываю, в пустоту...

Заказные письма они еще со Всесвятской худо-бедно пересылают, уже второе. А вот простые, судя по тому, что их так и нет ни одного, – или возвращают назад, отправителям, или просто выбрасывают. :(И от Ромы так и нет обещанного письма...

17.11.17., после ужина

Бани так и нет. Утром кого-то рядом со мной водили, было хорошо слышно громкое и грозное: «В баню!». Но меня – так и не повели. Видимо, эта неделя будет без бани ...

Целый день, целый день под дверью, тут, в этом конце коридора – столпотворение, беготня, галдеж, передвижение каких-то гомонящих толп, хлопанье дверей и «кормушек». То приводят толпу к врачихе (я не стал записываться – бок уже фактически не болит, разве что слегка чувствуется иногда), то кого-то приводят, уводят, заказывают с вещами, то проходит куда-то стадо вертухаев... Невозможно описать, как это нервирует, как выматывает всю душу, все нервы! Сидишь – и поминутно, слушая этот галдеж под дверью, ждешь какой-либо пакости, помимо воли думаешь, что это пришли за тобой, что сейчас тебя тоже закажут с вещами, переселят куда-нибудь к уголовникам, отправят на этап, в карцер, выдернут на «крестины» или еще какое-нибудь говно случится, которого ты не можешь заранее ни предсказать, ни предвидеть... Это вот постоянное нервное напряжение, постоянное, по 16 часов в сутки, с подъема до отбоя ежедневно, ожидание какой-то беды, ведомой или неведомой, невозможность расслабиться, отдохнуть, хоть на минуту стать самим собой, спокойно углубиться в свои мысли, перестать постоянно ждать беды – самое тяжкое, самое мучительное во всех этих лагерях и тюрьмах, то, что выматывает сильнее всего. Единственное облегчение по сравнению с Буреполомом – что в одиночной камере я хотя бы не жду пакостных сюрпризов еще и от уголовников, как ждал там, – типа выбрасывания моих вещей, переселения в приказном порядке в другой проходняк и т.п... В конце концов с лязгом поднимается железная шторка на «глазке», в него заглядывает вертухайский глаз (так бы и выколол, сука!) – и ты с облегчением вздыхаешь, что тварь отошла от «глазка», никуда тебя не заказав и ни к чему не велев «быть готовым»...

Хотя, надо сказать, эти их постоянные заглядывания тоже нервируют

страшно! За десять лет и два срока я впервые попадаю в такую тюрьму, где так по-советски, неотступно, каждые 15 минут или даже чаще, лязгают шторкой «глазка» и любопытно пялятся в камеру. Я просидел под видеонаблюдением два года на Всесвятской, до этого на Медведкове и на «пятерке» в 2015 (3,5 мес. в карцере) – и, право же, там я чувствовал себя гораздо свободнее; на Всесвятской я вообще достаточно быстро понял, что всерьез никто за мной в эту камеру не следит. По крайней мере, последние полтора года из этих двух лет никто меня, посмотрев видеозаписи из моей камеры, не беспокоил. А тут!.. Тюрьма советская, в самом худшем смысле этого слова : на видеокамеры денег у них, что ли, нет , не знаю уж; а зато со старорежимным советским (и досоветским еще тоже) усердием эти мрази ходят и заглядывают в камеры. Хотя никто не стал бы их уличать, если б они этого не делали. Помимо воли, слыша это бряканье железных шторок (всё равно, днем или ночью, хотя ночью от этого звука вполне реально проснуться), я произношу почти каждый раз несколько коротких энергичных слов, содержащих самые теплые пожелания подглядывающим вертухаям, их ФСИНу и всему их проклятому государству. Обычно они этих моих слов не слышат и не реагируют; но нервы вся эта здешняя обстановка выматывает настолько, что, боюсь, скоро я буду под этот железный лязг орать им всё, что я о них, недочеловеках, думаю, прямо в полный голос...

18.11.17., после завтрака

Опять какой-то новый бред. С самого утра, еще до завтрака, приволокли вдруг мне – расписаться! – постановление их быдлоначальничка Горелкина, этой тупой гопоты, о моем... одиночном содержании! От вчерашнего числа!!! :)) То бишь, не прошло и месяца, как я у них сижу один – спохватились, решили оформить это специальным постановлением, хотя с моей стороны вроде бы протестов не поступало. Срок одиночного содержания там был указан – «до прибытия лиц данной категории», или как-то так, и из слов вертухая, принесшего эту бумажку, я уловил, что это скорее лица с моими статьями, чем с тюремным режимом. Каюсь, как обычно, будучи слегка ошеломлен неожиданностью и ожидая, что она будет, как всегда, неприятной, я хоть и прочел эту бумагу, но с одного прочтения уловил не все содержащиеся в ней нюансы. Зато сразу увидел, что они почему-то написали, что я 1978 года рождения. Спасибо, конечно, скинули мне четыре года, слегка, так сказать, омолодили. :)) Из бумаги этой, написанной на 23-й день моего тут сидения, я понял, во всяком случае, что держать меня тут предполагается еще достаточно долго, иначе ее просто незачем было бы сочинять. Что ж, я вовсе не стремлюсь на крытую и вообще никуда не спешу, могу посидеть и тут, хотя, конечно, условия здесь скотские

– начиная от заглядываний в «глазок» и кончая тем, какой отвратительный, тесный и неудобный туалет у них в этой проклятой камере.

А между тем, осталось мне сегодня ровно два года, 730 дней. Еще один огромный рубеж преодолен, наконец-то. Долго, тяжело, мучительно шел я к нему – но наконец-то дошел, дополз; такой большой рубеж теперь остался еще только один: через год, когда будет разменян и последний год. А в этом, 2017-м году, остается мне еще только один большой рубеж: 100 недель, 700 дней, ровно через месяц, 18-го декабря.

после ужина

Неожиданно после обеда, часа в два, погнали-таки в баню – причем сразу и меня, и какую-то из соседних камер. Тут же выяснилось, что, несмотря на все их непонятные якобы ремонты, из-за которых со среды дотянули до субботы, вода в бане у них по-прежнему льется еле-еле. Считается, что в бане (маленькой, куда на сей раз меня запихнули, – а побольше, видимо, соседям) три «лейки», но хоть как-то течет только из одной, ближе к выходу трубы из стены. Из остальных – просто капает чуть-чуть, и только. Трубы новенькие, пластиковые, в коридоре – краны, такие же, как при мне поставили в 2016 и на Всесвятской, – красные металлические ручки, должны регулировать смешение горячей и холодной воды очень чутко. Но на Всесвятской они в самих банях установлены, а здесь – на кой понадобилось ставить их в коридоре?!

Нагрел опять воды кипятильником, придя в камеру, кое-как постирал вещи. Дай бог здоровья и долгой жизни этому последнему (из двух) «медведковскому» кипятильнику 2013 г! Теперь только им одним можно греть в корыте воду для стирки: новый, кизлярский, здесь в ларьке купленный – не достает, шнур слишком короткий!.. :((Сгорит тот, старый, с длинным шнуром (если до тех пор меня не увезут еще отсюда) – не знаю, что и делать. Под розеткой есть довольно высокое каменное возвышение, не знаю, зачем. На него я ставлю деревянную урну, которая, на удивление, тут имеется от казенных щедрот, на нее сверху – корыто (тазик) с водой, и тогда шнура старого кипятильника хватает, даже с избытком. Новый – придется, наверное, использовать, еще под эту урну положив две-три толстых библиотечных книги, если на тот момент они (надеюсь) будут. Но конструкция получится тогда настолько шаткой и неустойчивой – даже думать про этот вариант не хочется. Урна эта не то чтобы квадратная, а слегка коническая, расширяющаяся кверху, и под ее нижний, более узкий конец надо будет класть эти книги, которые явно более узкие, чем ее днище, а сверху ставить здоровенное, широкое, тяжелое это корыто...

Пришла тут мысль – спросить, не берут ли они и тут вещи в стирку в

своей казенной прачечной, как брали в Москве. Но если и берут – скорее всего, как и в Москве, за деньги, которые, как и там, будут через бухгалтерию (в 2015 на «пятерке» так было) проходить черт знает сколько. К тому же – на эти деньги я тут живу, а пополнять их никто не торопится, как не торопится никто и ехать ко мне сюда (а кроме Ромы, кого сейчас и пустят? Веру и Феликса на свиданку, как родственников, разве что?). А еще пуще того – не хочется этих мразей ни о чем спрашивать и вообще с ними ни о чем разговаривать, – зная их хамство и любовь к таинственности и неопределенности, это заранее смертельно противно.

Поймал себя на том, что не могу без внутреннего смеха, проявляющегося порой на лице произвольной улыбкой, смотреть на всю эту нечисть в камуфляже: вот они, ВОТ ОНИ, НЕДОЧЕЛОВЕКИ!!! :)))))) Как будто, к примеру, живых орков, описанных Толкиеном, вдруг увидел: читал о них, сам о них не раз писал, приводил в пример, сравнивал – и вот наконец они живьем, перед тобой! Сильное зрелище, конечно, – даже если забыть о том (или ОСОБЕННО если забыть?), что ты полностью в их власти, на их территории, у них в лапах... Воочию, своими глазами, каждый день два раза выходя из камеры, я вижу перед собой мразь, нечисть, нежить, которую нужно мочить, убивать, не давать ей существовать безнаказанно и калечить жизни других, нормальных (крайне редких, увы, в этой стране) людей, как они уже искалечили мою. Это отдельный биологический вид, гораздо низший на лестнице эволюции, который, по чести и по совести, людьми считать нельзя!

19.11.17., после ужина

Второй день уже на ужин начали давать отвратительную, совершенно несъедобную рыбу. Кроме основного хребта, в ней еще тысячи мелких костей, просто чудовищное их количество. Селедка, что ли, не знаю; в общем, дерьмо наподобие того, что всё последнее время (месяцы, если не год) давали на Всесвятской. Вчера я по наивности попытался было сперва хоть что-то съесть из этой рыбы, хоть как-то повыбирать кости. Сегодня просто сразу выкинул ее в туалет, как полтора года выкидывал на Всесвятской. Без рыбы же здешний ужин – это полтарелки мутной воды, в которой плавают три-четыре половинки маленьких картошин и некоторое количество вот этой вот мелко нарезанной капусты с примесью морковки. Хлёбово безвкусное, несолёное, абсолютно никуда не годное в смысле сытости, чтобы не просто формально поужинать, а действительно поесть и почувствовать, что НАЕЛСЯ... Этой бурдой не наешься, даже съев пять таких тарелок подряд. Для хоть какого-то улучшения вкуса очень кстати было бы ее посолить – но эти мрази на шмоне, когда привезли сюда, забрали, среди

всего прочего, и соль...

21.11.17., после ужина

Эту ночь опять спал мало, полночи лежал, ждал подъема, слушал звяканье «глазка», когда заглядывал вертухай. Всё как на Всесвятской (и поясница утром болела так же, как болела и там), только вот отобрали часы – и не знаю, во сколько просыпаюсь, учитывая, что отбой тут на час позже. Скорее всего, всё равно где-то около двух ночи.

На удивление, обед и ужин сегодня были малость попроще, чем всегда. На обед – борщ и пшенная (!) каша с тушенкой, никакого гороха! :) На ужин – та же картошка с капустой и водой, но на сей раз положили заметно больше, чем вчера, хоть почувствовал, что что-то съел. Правда, вкус у этой смеси по-прежнему такой же отвратительный – пришлось куриной приправой посыпать, чтобы можно было есть. Да еще – рыбу на ужин дали опять ту же, что и раньше, с самого моего приезда и до последних дней, а не эту недавнюю (вчера еще) селедку с кучей костей. Увы, тут день на день не приходится, завтра опять на обед/ужин будут всегдашние помои, да и тех – едва на донышке тарелки, как обычно...

Заказывали сегодня в обед опять на этап. Меня, слава богу, не заказали. Да, на этап в сторону Ебурга, – сегодня вторник, вечером поезд проходит туда из Соликамска. Говорят «к трем», а на самом деле – уже в шестом часу, когда развозили ужин, какой-то блатной вдруг начал орать в коридоре свое вечное «Здорово!» и громко сообщать, что он поехал на этап в Чусовой. Который находится отсюда как раз в ту сторону, ближе к Всесвятской (она же – Чусовского района!) и Екб. То бишь, в шестом часу его еще из камеры только что вывели, он тут же и заорал в коридоре. Поезд где-то в восьмом часу, не то в восемь, – не помню, Рома называл мне точное время.

Вечером вчера, после проверки уже, где-то за полчаса до отбоя – вдруг открывается «кормушка» и в нее протягивают письма. Наконец-то! Одно от Гудзенко, два – от Землинского, все адресованы уже сюда, в Кизел. Гудзенко, кроме горячих поздравлений с Сахаровской премией, пишет, что послал мне в зону письмо 21-го октября. Естественно, я его не получил, плюс – эти подонки доказали, что если заказные письма они еще худо-бедно пересылают за мной вслед, то простые – и не думают даже! Гудзенко сюда писал мне 11-го или 12-го ноября; за это время его письмо со Всесвятской уже успело бы прийти к нему назад, – но не пришло! И мне тоже не переслали. Очевидно, простые письма мне, идущие туда еще какое-то время после моего отъезда, тамошние мрази-начальнички и цензоры просто выбрасывали.

Шикарнейшую новость сообщил Землинский: из этой проклятой страны

удалось бежать – из-под домашнего ареста, но без браслета – Бученкову, последнему фигуранту «болотного дела», подзащитному Светы вот уже, наверное, год, не меньше. Он в тот день, 6-го мая 2012, вообще был в Нижнем, на своей родине, но ублюдки из «следственного комитета» нашли кого-то отдаленно похожего на него на видео – и «судили» Бученкова за то, что якобы это он на Болотной бил ментов, бросал в них камни и т.д.

Ответил утром обоим – Гудзенко и Землинскому, днем написал еще длинное послание на поздравительной открытке с Новым годом Наталье, написал также и письмо Роме еще утром – и сейчас отдал это всё на вечерней проверке. Не зря с Ромой и Натальей я подождал лишний день, сперва хотел еще вчера написать им. Землинский написал мне 9-го – видимо, прочтя утром помещенный накануне отчет Ромы о поездке ко мне 7-го, – письмо это дошло сюда 16-го; после выходных, вечером в понедельник, 20-го, его отдали мне. Вот именно так, по таким же датам, я ждал и от Ромы обещанного им письма. 8-го утром приедет от меня, к вечеру всё у всех узнает, 9-го напишет письмо и отправит мне – и вчера, в понедельник, я ждал, что получу его. Черта с два, так и не дождался. У Ромы есть дела поважнее, чем писать мне письма...

после вечерней проверки

Совершенно ебанутый централ, абсолютно, клинически безумный, другого слова просто не подберешь!.. Отдавал сейчас письма – теперь уже другое чмо прицепилось: вместо инициалов, своих и адресата, везде писать имена и отчества полностью! Только то чмо мне врало, что, мол, почта не принимает, а это сказало как есть: тут, в тюрьме, письма регистрируют – и вот для этого им нужны везде полные имена! Мрази, ебанутые, совершенно ополоумевшие, обнаглевшие от безнаказанности мрази, ублюдки, тупые свиньи! На всех тюрьмах, во всех лагерях всегда регистрируются исходящие письма – и всегда всем хватало для этого инициалов; тем паче, что и входящие ведь тоже регистрируются, и если там стоят только инициалы, то уж ничего не поделаешь, придется регистрировать как есть. И только тут эти обнаглевшие от безнаказанности недочеловеки вдруг требуют писать все имена полностью. Мрази. Убивать их, свиней, убивать, убивать, убивать!!! Мочить из любого оружия, включая ножи, топоры и молотки, в любом месте, где для этого представится возможность.

22.11.17., после ужина

С утра сегодня – и где-то часов до трех они водили всех в баню. В «глазке» на моей двери есть дырочки, в них видно всех, кто идет по тому коридору – напротив меня, ведущему к лестнице вниз, в баню. Весь этаж: и большие камеры, человек по пять, и маленькие, по двое (с обеих сторон от меня, в

частности), – все сходили. Но меня они не повели!!! Одного со всего этажа – не повели! Какие суки, а?!. Какая феерическая, фантастическая мразь!.. Не то чтобы мне так уж позарез нужна была эта баня, не так уж сильно я тут пачкаюсь, не вагоны же разгружаю; да и – был я в субботу, а сегодня среда. Но – ПОЧЕМУ??? Почему одного меня эти суки не повели? В субботу тоже ведь ходил не я один, я слышал, как заказывали в баню кого-то еще. Положена она тут, в СИЗО, раз в неделю – но на этой-то неделе теперь вряд ли, – кто ж в четверг теперь ради одного меня будет эту баню раскочегаривать!.. (А я слышал тут на днях касательно бани слова какого-то вертухая: «Дров нет». То бишь, она у них на дровах, автономно, значит, от города. Боже мой, XXI-й век на дворе, эта страна мир учит с высоких трибун, как жить надо, – а у самих...). Не умру я эту неделю без бани, я и дольше, бывало, в нее не попадал. Но – чтобы знать, какая ОНИ все мразь и не забывать этого никогда, сколько бы лет на воле ни прошло, и всегда, во веки веков их ненавидеть той же лютой смертельной ненавистью, которой я ненавижу их сейчас!..

Сейчас за кем-то поблизости пришли, вот вывели, дверь закрылась, «мусор» галдит в коридоре. Я слышал, как этот же поганый голос заказал тут кого-то еще днем на этап на завтрашнее утро – и велел после ужина быть готовым к переводу в... ЭТАПКУ!!! Суки такие, не могут из обычной камеры забрать, еще в этапки свои сраные переводят, ночуй там, в этом дерьме, да еще с каким-нибудь быдлом... Завтра в 7-40 поезд Екб-Соликамск проходит здесь в сторону Соликамска. Значит, если меня все же решат отправить во Владимир или куда-то на юг (Балашов, Елец, да и в Ульяновской области есть крытая) – тоже, скорее всего, с вечера запихнут в «этапку», хотя я и буду сопротивляться этому всеми силами...

Сегодня дежурящий тут на этаже вертухай заглядывает в камеру все же пореже, чем вчерашний. Вчера, надо сказать, это поминутное звяканье и заглядывание за целый день довело меня просто до исступления. Казалось, еще немного – и я просто не выдержу, начну во весь голос посылать на х...й этого ублюдка каждый раз, как он заглянет, и вообще – популярно объяснять ему, что надо сделать с ними со всеми – тюремщиками из ФСИН... Пока эта крайность всё же остается про запас, на самый уж крайний, невыносимый случай. Увы! Нервы у меня измотаны, истрепаны страшно всем этим существованием в плену у недочеловеков, но умом я всё же понимаю, что одним лишь громким матом, да и вообще – в одиночку никак и ничем эту систему не победить. Они всё равно будут так же заглядывать, выполняя свою инструкцию, куда бы и как бы громко я их ни посылал; а меня они ладно еще, если только в карцер засунут, а то могут еще и

раскрутить за «оскорбление» этих блядских «представителей власти» (которых оскорбить нельзя в принципе, а зато можно – и нужно! – только убивать!), по 319-й ст. добавят еще месяц-другой, больше-то вряд ли. Безднадега, вызванная полным бессилием... И – по-прежнему только одна мечта в душе: убивать, убивать, убивать их всех, мразей, лично, собственноручно, стоящих со связанными руками и ногами у стенки: и ФСИН, и МВД, и ФСБ, и «судей», и пёсгвардию, и всех-всех-всех «силовики»... Мочить!!!

23.11.17., после ужина

В баню эти ублюдки повели только сегодня, около 11-ти. Почему, спрашивается, было не повести вчера, вместе со всеми, когда я заранее настроился на баню и ждал? Сегодня оно мне было абсолютно не вовремя и не в кайф (но, тем не менее, пошел). Отвратительная баня, одна из худших, что я видел за десять лет тюрем и лагерей. Не только вода еле-еле течет тонкой струйкой, без всякого, разумеется, разбрызгивателя, но и – мыло, шампунь и пр. абсолютно некуда положить, нет ни полочки, ни столика, ничего! Только на пол – или на батарею, которая от «леек» далеко, надо ходить по скользкому, покатоному полу за своим мылом или мочалкой; да еще и батарея такая, что на ней ничего не удерживается, норовит упасть. Пришел из бани полдвенадцатого, – магазинщика-зэка еще не было, а я утром отдал заявление на магазин. Думал, опять закрыт, опять жрать вечерами хлеб вместо лапши, на завтрак завтра уже нет вообще ничего, сахара осталось на два дня... Хотел уже после обеда, в два часа, преодолев омерзение, спрашивать о магазине у ублюдка-вертухая, опять поминутно звякающего «глазком». Но вдруг – открывается «кормушка», как раз около двух, магазинщик протягивает мне бумажки! Говорит: мол, начальница (выписывающая все эти заказы и списывающая со счета деньги) ждет ревизию, а та всё не едет; так что – заказ он заберет сегодня, а товар принесет завтра. Ну что ж, хоть так, – хотя, значит, завтра с утра я без завтрака, на одном лишь несладком чае. Читаю список. Сахара по-прежнему нет. Суки!.. Зато по-прежнему есть сосиски, вписанные от руки, – те же самые, видимо, что и в тот раз, судя по цене: 111 руб. за крохотную пачечку с шестью крохотными, коротенькими сосисочками. Взял их пять пачек сразу, плюс – сгущенка к кофе, майонез, завтраки... Всего вышло на полторы тысячи с копейками – очень много, учитывая, что ехать и класть мне деньги на счет ни Рома, ни кто-либо другой не торопится. Но, между прочим, списывая с ведомости (или откуда?) сумму на моем счету, магазинщица эта, я заметил, ошиблась в мою пользу на 300 рублей: вместо 4 написала 7, видимо, спутала, похоже было по написанию. Посмотрим завтра, заметит она (скорее всего :(((

) эту ошибку или нет. Лишние 300 рублей были бы мне очень кстати. Это чуть больше половины всей суммы за сосиски, 555-ти рублей (если, конечно, эти сосиски еще не кончились и действительно есть в продаже). Сосиски, конечно, можно было и не брать, брикетик лапши б/п в этом магазине стоит всего 26 рублей, а порой и меньше, – но, честно говоря, уж больно надоело за почти месяц здесь, в этом проклятом Кизеле, ужинать одной этой лапшой, тем более – без ничего.

Тем паче, что и казенная баланда отнюдь не радует высоким качеством. На обед – «уха», то бишь рыбное варево. Собственно, резанная кубиками картошка, рыба и вода – вот и весь «суп». Вкус отвратительный, соли нет вообще... На второе пшено со следами тушенки. Это хоть более-менее можно есть. На ужин сейчас – несколько половинок мелких картофелин в воде, тоже с двумя-тремя волокнами от тушенки (слава богу, раз рыба уже была в обед). Даже шинкованной этой капусты почти нет, – картошка, чуть-чуть мяса и вода. Прежде чем есть, я ее просто вылил в умывальник. Всё это по «простоте» и незатейливости блюд сильно напоминает рассказы и мемуары зэков еще сталинского ГУЛАГа о том, как готовили в тюрьмах и лагерях тогда. Еще, правда, для полноты картины эту вот картошку на ужин можно было бы варить и прямо в кожуре...

Перед самым ужином – вдруг где-то рядом опять гулкие удары колотушки (киянки) по решеткам окон и нарам, потом – голос мне в открытый «глазок»: «Закатайте матрас!». Открывается дверь. «Выйдите на коридор!» В дверях – утренний (?) длинный дятел с колотушкой в руке. Выхожу, а он заходит всё простукивать. Внеплановое простукивание, обычно это шоу бывает каждое утро. Лучше бы эти гондоны в мундирах своими киянками стучали бы себе по башкам!..

Стоял в коридоре, пока это чмо тут долбило киянкой – поневоле смотрел на стоящего у моей открытой двери сегодняшнего дежурного по этажу вертухая. Молодой – лет 25, но уж точно не больше 30-ти; уродливый – тощий, низенький и какой-то горбатый, сзади, пониже шеи, явный небольшой горб; как его такого взяли сюда? Белобрысый, – какой-то, по моему, угро-финн, из местных, коренных, видимо.

«Вот он, вот он, недочеловек!!! Вот он, орк е...чий!!!», – думал я помимо воли, глядя на это чучело. Интересно, чувствовал ли он (оно) мои мысли, мое отношение к нему? Неужели не ощущают они ничего, ни флюида моей смертельной ненависти, когда я на них смотрю?!! Впрочем – конечно же нет, эти твари толстокожи... А я смотрел на его харю в профиль, на его голову – и представлял себе, как половчее ударить наотмашь, со всего размаха, по этой голове и по этой харе казачьей шашкой или саблей какой-нибудь

старинной. Как сразу потоком хлынет кровь, как будет почти что разрублен надвое череп (впрочем – м.б., и на самом деле удалось бы сразу, одним ударом его разрубить совсем?), какой это будет кайф – видеть смерть этого ФСИН-овского уродца тюремщика, посмеявшегося ни за что держать меня в плену... Тем паче, что именно это вот белобрысое горбатое чмо, заступив сегодня, опять весь день нервирует меня поминутными заглядываниями в «глазок». О, как бы я лихо разделался с ним, будь у меня сабля и не будь поблизости его коллег!! Зарубил, затоптал бы, освежевал, всю кровь выпустил бы из его тушки... Проблема даже не в том, чем он конкретно виноват передо мной – в сегодняшнее дежурство или вообще, – а проблема в том, что это (население этой страны) – действительно недочеловеки, орки, другой биологический вид, похожие на людей лишь с виду упыри, на самом деле для людей по определению крайне опасные и подлежащие безжалостному и безоговорочному истреблению. Что-то вроде ядовитых пауков или змей, с которыми нельзя ужиться на одной территории, нельзя пытаться их образумить и перевоспитать, а можно лишь истреблять их целенаправленно, методично и беспощадно. Не в одном Путине проблема, отнюдь, и не в окружающей его банде чекистов. Проблема именно вот в этом сброде упырей, которых миллионы и вождем которых является Путин. Пока эта нечисть существует, населяет 1/7 земной суши, сажает инакомыслящих в тюрьмы и изготавливает новые ядерные ракеты – человечество не может ощущать себя в безопасности и спать спокойно!

26.11.17., после завтрака

Воскресенье. Пишу эти строки уже в другой камере - №20, на первом этаже. Одноместный жуткий каменный мешок, совершенно ужасный. По сравнению с ним №59 наверху, где я просидел месяц – просто хоромы! А тут – крохотная узкая камера, треть которой загромаждена шконкой, столиком и лавкой, – даже походить туда-сюда негде. Окно не откроешь: ниша оконная в три раза глубже, чем была в 59-й, и к ручке окна не привязана даже веревочка, как там. А само окно выходит на глухую стену того же здания, что и в 59-й было напротив моих окон, – но там за его краем, справа, был все-таки немножко виден город... Тут – глухая, безнадежная стена. Слив на «дальняке» тут не работает (кран не открывается), просил вчера починить – даже не подумали, а какая-то из этих мразей на вечерней проверке мне в глаза заявила, что, мол, кран работает, всё ОК! Столик крохотный, жутко неудобный. И т.д. и т.п.

Спал я этой ночью совсем мало, всего, наверное, какой-нибудь час. После этого уже – ни в одном глазу; так и провалялся всю ночь без сна... :(((

Хронология событий, если вкратце, такова. Позавчера, в пятницу, сразу

после подъема принесли четыре письма. За день я ответил на них. Вечером, после отбоя уже, когда я ужинал – принесли вдруг еще целую пачку писем! Все – пересланные со Всесвятской, октябрьские еще, одно заказное – от Корба – остальные простые.

Я быстро пробежал их, попил чаю и лег спать. Утром, сразу после завтрака, сел отвечать. Но еще не успел дописать первое, большое письмо – Землинскому – как вдруг входит шмонобанда! Шмон! – с 1-го ноября у меня его не было, и вот, пожалуйста!.. Три ублюдка-недочеловека вышмонали все мои баулы, устроили настоящий погром, всё барахло вместе из обоих баулов свалили мне на шконку; размотали, суки, опять все носки!.. Трое мразей рылись, а четвертый – стоял и снимал процесс на регистратор. Собрал я после них опять всё в сумки, сел дописывать письмо – и после проверки вскоре вдруг: собирайтесь с вещами! Ах, суки, мразь, тупые ублюдки, гондоны сифилисные, будьте вы прокляты!..

Думал еще: то ли в другую камеру (что скорее всего), то ли в карцер, то ли – друг на этап?! – хотя в субботу, по-моему, не бывает этапов. Вместе с дежурным вертухаем пришел за мной, похоже, опер, разговаривал слегка пожеливее, чем они тут обычно. Оказывается – переводят в одноместную на первый этаж, т.к. я двухместную камеру один занимаю. Суки, у вас полтюрьмы свободно; напротив меня целый коридор на втором этаже, десять камер – пустые, туда ним говновозка с баландой не ездит, ни проверка не ходит!..

И вот – упекли сюда, в этот ужас. Если бы не розетка и не кровать с матрасом – это чистый карцер, в Москве на 5-м центре одиночные карцера почти такого же размера. Едва привели – какое-то уголовное быдло начало стучать в стену и жаждать со мной пообщаться. Но – это не та стена, где дальняк, а через коридор его почти не было слышно. Долго долбил в стену и что-то орал, не разберешь. Во время обеда затих, потом, попозже, начал снова. Я думал, он стену продолбит – а что именно он там орет, кроме: «Два-ноль!!!» (номер моей камеры) – никак не могу разобрать. Наконец он заорал во всю мощь, так, что я даже через стену услышал. Оказывается, это чмо интересовалось: «мужик» ли я :)))) – чтобы в случае утвердительного ответа спросить, есть ли курить. :)))) Когда я крикнул, что не курю, – оно тотчас отстало.

Такие вот дела. Тихий ужас, короче. Дописывал вчера весь остаток дня письма уже на новом месте, ночь не спал... Сегодня ровно месяц, как привезли в этот проклятый Кизел. И 722 дня до конца, 103 недели. Между прочим, и вчера, и сейчас вот, утром, да и ночью – тут все-таки пореже лезут тарашиться в «глазок», чем это было наверху. А камера – из «глазка»

просматривается вся целиком, в ней нет даже такого укромного уголка, как там, в 59, был в туалете и за ним, возле умывальника. И – ночью все заглядывания, штук пять, были исключительно ко мне, я ясно слышал: больше ни у кого «глазок» и не звякал. Вечером вертухай еще позаглядывал к другим, сказал, что, мол, отбой, ложитесь спать, а ночью – только ко мне. Какая честь, черт возьми!.. :)))

перед обедом

Сейчас сказали, что в 16 часов у меня сегодня этап!!!

Ну, суки, как ловко облапошили! Ведь знали, ясное дело, загодя. Для того и пересадили вчера сюда, вниз...

29.11.17., 20-40

И вот – сбылось оно, всё, что наводило на меня такой ужас еще в сентябре 2016, при первом известии о крытой. Сбылось буквально, полностью, без исключений. Жуткий этап с неподъемными баулами и бессонными ночами – и куда же?? На 29-ю пересылку, в Пермь, на эту ТПП ИК-29, которую думал я уже никогда в жизни больше не увижу!.. Приехали – и почти четыре часа сидели, ждали шмона в этапной (№1) камере. И вот тут-то от соседа, приехавшего со мной с Кизела, которого там, на тюрьме, я видел в щель «глазка» 59-й камеры, я узнал, на какую крытую я еду: в Балашов!!! Не в Минусинск, к которому я всё готовился, а в Балашов! Этого соседа, старика, когда выводили на этап, то вертухай ему сказал: тут, мол, один едет в Саратов, поедешь вместе с ним. А из всего этого этапа за пределы Пермского края ехали только он (в Казань на больницу) и я. Сразу после нас зашел в 1-ю камеру еще этап из Кирова – и один из приехавших, кавказец, стал спрашивать: кто, мол, тут едет на крытую в Балашов? Так что место назначения теперь ясно.

Сбылось всё, чего я боялся, весь ужас, вплоть до: вот уже третий день я сплю на втором ярусе!!! Мне и самому не верилось, что это будет, а вот же – сбылось! Шмонали меня самым последним в ночь приезда, уже в начале первого ночи, после шмона – повели к начальнику ТПП, поговорить о том, куда меня сажать, т.к. об отказе идти в общую камеру я заявил сразу же, как только приехал. Начальник ТПП, оказалось, меня помнит по прежним поездкам здесь; но – сообщил, что свободных камер нет, всё занято, вот завтра многие уедут на эта п – тогда, мол. Сегодня я опять его видел: уехали, но мало, завтра едут больше, тогда переселим, мол... Кормит, короче, завтраками, сука. А с ночи приезда нашел он, кроме общих камер, только один вариант: в 13-й сидит один по медпоказаниям, камера двухместная, – вот к нему.

Этот постоялец 13-й, увидев меня, сперва был очень недоволен, но

позвали начальника ТПП, он пришел, надавил – и этот хмырь согласился. Вот и сижу уже почти двое суток с этим говорящим куском говна. НА четыре года меня моложе, девятая ходка, сидит, ждет экспертизы на инвалидность по диагнозу «шизофрения»! И вот это вот абсолютно бессмысленное чмо, хотя ему и тогда, и сегодня утром говорили даже вертухайи – преспокойно осталось спать на нижней шконке, а мне предоставило верхнюю. Хотя видит, что я с палкой, да и на вид старше его. Нет, все эти бессмысленные мрази – основа населения РФ – жить на свете не должны, их надо выжигать каленым железом. Такого образчика биомассы, которого ничто на свете не волнует, кроме чая (я имел глупость сболтнуть, что у меня чай есть, – теперь упорно клянчит!) – еще поискать. Гнида бессмысленная... А я с диким, чудовищным усилием, каждый раз рискуя то ли сорваться, то ли удариться лицом прямо о дужку, разбив нос и губы, забираюсь на второй ярус, ибо делать тут больше нечего, кроме как лежать, укутавшись одеялом (в камере холодина!), сидеть же внизу тоже негде и не на чем. Крохотный шаткий столик, микроскопическая скамеечка к нему. Первым утром здесь, т.е. вчера, на проверке врача по своей инициативе измерила мне давление, увидела 170, дала какие-то таблетки – и выписала постельный режим, теперь утром матрас можно не сдавать, лежать весь день... на втором ярусе! Злая ирония судьбы, иначе не скажешь... Жуткая крохотная камера в стиле ГУЛАГа 30-40-х гг., жуткий «дальняк» типа «дыра в полу», ничем (вопреки их же сучьим правилам!) не загороженный; пользоваться им для меня – мучение из мучений. Холод, голод (каши + капуста, которой я давно, с весны, нигде не ел; порции – микроскопические); сосед – бессмысленная мразь, попрошайка, и - не сомневаюсь, если меня не уберут отсюда срочно, ползет ночью рыться в моих баулах, искать чай и пр. И в перспективе – Балашов, тюрьма в веселой Саратовской области, про которую (область) еще десять лет назад ходили легенды про ужасы ФСИН-овского беспредела в тамошних зонах и тюрьмах... Да, ужасы сбываются, – самые страшные ужасы, в которые всё равно до самого конца не веришь в душе. Сбылась смерть матери; теперь вот – сбился тот самый жуткий, лютый этап, который леденил мою душу по утрам всю осень 2016 года... Холод, голод, неподъемные баулы, быдлосокамерничек (еще хорошо, что один!), шмоны по всем пересылкам (слава богу еще, что за сутки этапа из Кизела в Пермь шмонать так и не стали: для этого просто не было пустых купе!). И т.д. и т.п. Ад, ад, ад... 719 дней осталось, как их прожить, продержаться? Еще счастье, что в Кизеле при выезде отдали часы, хотя тоже заходила уже речь: мол, пошлем почтой. Когда же всё это закончится?..

30.11.17., 19-25

Еще день прошел – и ровно никаких изменений! Всё тот же ужас... С утренней проверки и до ужина спрашиваю у вертухаев про начальника ТПП, – нет его! Нет и нет весь день, а без него они, видите ли, решить не могут, хотя в одной из соседних камер каких-то двух сегодня переводили и без всякого начальника в другую камеру.

И вот уже трое суток лазаю на «пальму», на второй ярус шконки, чего не случилось со мной за все десять лет, за два отсуженных срока. Вот – дожил... Трое суток уже сижу в обществе говорящего куса дерьма, двуного без перьев существа, которое никак невозможно назвать человеком. Бессмысленный кусок биомассы, нечисть, особь совершенно другого биологического вида, чем люди. Яркий пример русского быдла, за законное отвращение к которому меня сколько раз пинали всякого рода чистоплюи, не видевшие и близко таких его ярчайших образчиков, как этот вот или как мразь Гусев в «Медведкове», свидетельствовавший против меня на процесс 2015 года. А Корб, ничего этого и близко не видевший, уверяет, что в стране, на 99% населенной такой вот биомассой, якобы есть аж 20% (!) людей, способных к «альтернативной гражданской самоорганизации»... Смешно. Не знаю, как выбраться из этой ловушки: уже трое суток в этом дерьме, куда я был посажен ублюдком-начальником ТПП якобы «на одну ночь» (ну да, нет же ничего более постоянного, чем временное!), без него переселить не могут, а в ближайшие дни, если даже вдруг и переселят – могут уже увезти, так что одиночеством и возможностью быть самим собой я не смогу даже насладиться, не успею... :)

Дерьмо, дерьмо, дерьмо... Надо же было так попасть... Нижний Новгород тем сроком, Пермь, теперь – Саратов, Балашов... Ничего из того ужасного списка, который уже был у меня сформирован по предыдущему и началу этого срока в «Медведкове», перед этапом сюда 2014 года, не удалось мне избежать. Киров, Саратов, да и Соликамск еле-еле проскочил, хотя сейчас-то там уже не бьют... Еще месяц, но меня всё тянет подводить итоги этого года, – этого проклятого года, унесшего мать... Пассив – мать, крытая тюрьма; актив – две книжки в Киеве мизерными (одна) тиражами, два (или три?) ролика на «Запрещенном Кавказе», Сахаровская премия, пока еще не врученная (а вдруг переиграют?!). Вот такие вот итоги.

Между прочим, эти вот прошедшие трое суток – событие знаковое, эпохальное для меня. Это лазание на второй ярус, которого не было еще ни разу за десять лет. Вспоминается «Медведково», февраль (?) 2013, когда еще в 408-й уголовное блатное быдло первый раз заставило меня мыть «дальняки», чего тоже не было за весь первый срок ни разу. Когда не было, не было – а потом вдруг раз! – и стало, – это ломает человека, ломает,

унижает, втоптывает в грязь, в дерьмо. И после этого со стыдом, с горечью, с тоской говоришь сам себе: м-да, вот и сломали меня опять, унизили еще больше; теперь вот и наверх лазил, а какая-то гнида, моложе тебя, да вдобавок неполноценная, умственно отсталая, совершенно бессмысленная – не пустила тебя на нижний ярус, и ты ничего не мог сделать: не драться же тебе с этим чмом, только зайдя в камеру!.. Вот и сломали меня еще раз, «опустили» еще ниже (причем совсем не специально, а, так сказать, естественным ходом событий) – и стал я, если вспомнить плакат в кабинете Крестобаля Хунты из «Понедельника», нужен себе еще меньше, чем нужен был до этого. И что с этим теперь делать? Не нужен я себе, честно говоря, совершенно – и давно уже! Только вот деться мне от себя некуда, а умереть (выход-то есть!) – не хватает духу, увы... :(

Пишу я всё это, пока лысое чмо – соседка – уходит после ужина гулять. Тут, по старой памяти, как и в 2014 г., прогулка – после ужина (маразм!). Лежит, мразь, дрыхнет днем, а ночью – не спит, тарашится, когда я после отбоя ужинаю, копошится почти до утра; а я полночи этой, как назло, не могу заснуть, еле-еле под утро. Ужасный этот, тяжелый, убогий, примитивный быт, этот «дальняк», холодная вода, крохотный шаткий столик и скамеечка, дикий холод в камере (сегодня еще холоднее, чем вчера), этот второй ярус, когда, залезая наверх, чуть не ударяешься мордой о дужку, – всё это выматывает страшно, нечеловечески, всю душу выматывает, все силы отнимает, и душевные, и физические... А тут еще это плешивое чмо, любитель чая (выклянчил уже вчера у меня – и второй день озабоченно спрашивает весь день у вертухаев и баландеров, чтобы ему принесли его «грузА» с чаем из какой-то камеры, где они весь день лежат). Всё вот это – от туалета и холода до плешивого недочеловека на нижнем ярусе и меня на верхнем – никакими словами, никакой публицистикой не описать, насколько всё это унижительно для человеческого достоинства! И почему это, интересно, при виде уголовных гнид типа этого плешака – у меня не возникает никаких чувств типа того, что, мол, он несчастный, его надо пожалеть, помочь, разглядеть-таки в нем человека? Многие, почти все правозащитники России грешат этим глупым, слюнявым нелепым гуманизмом к мразям. А по-моему – это всего лишь уголовные мрази и гниды, которых надо давить беспощадно...

ДЕКАБРЬ 2017

1.12.17., 16-30

Первый день зимы – и наконец-то взрывное решение проблемы! С утра написал я еще одно заявление начальнику ТПП, чтобы он вызвал меня, – еще одна попытка переехать с его разрешения от лысого ублюдка. Открылась дверь, я взял это заявление, вышел на проверку в коридор, отдал заявление старшему из трех вертухаев – здоровенному мордвороту, спросил, будет ли сегодня начальник. Оказалось – начальник ушел на больничный, вместо него кто-то другой. И пока я разговаривал с этим вертухаем – лысая мразь, сосед-шизофреник, который, я заметил, из камеры на проверки вообще не выходит, вдруг, подойдя к двери, пнул стоящую около нее урну ногой так, что та повалилась и весь мусор высыпался. Одновременно это чмо завизжало мне что-то, – мол, почему я не выношу мусор (а я в это время как раз разговаривал с вертухаем). А ОНО само, видите ли, выкинуть мусор не может – надо, чтобы непременно именно я! В общем, уже не просто шизофрения, а буйные припадки какие-то. Мордворот, видя это, зашел в камеру, немного пожурил лысого психа, а выйдя, вдруг говорит мне: собирай, мол, вещи. Я с радостью кинулся собирать; через пять минут он меня уже вывел из этого гадюшника – и говорит: пойдешь, мол, в этапную камеру пока ((то бишь, в ту самую, №1, в которой мы в ночь приезда часа три или четыре ждали шмона); придет, мол, опер – будем решать.

Минут через десять этот же мордворот приходит опять и говорит: пошли, мол, назад, в 13-ю, я с ним (лысым ублюдком) поговорю. Оказалось, опер еще вчера не со мной, но (с кем-то) обо мне уже говорил – и, разумеется, решил вопрос не в мою пользу (разве можно этих мразей, эту Систему, хоть о чем-то просить – и надеяться хоть на какое-то их понимание, хоть на что-то человеческое в них!..). На деле на моем тоже не написано, что меня надо держать отдельно (однако и на Всесвятской два года, и в Кизеле месяц – держали!); а кроме 13-й и затопленной 5-й – сажать меня (якобы) абсолютно некуда, и даже этого лысого упыря (якобы) некуда перевести, чтобы меня без него назад в 13-ю.

Короче, как мордворот этот ни давил морально – идти назад к лысому я отказался наотрез, категорически! Хотел сходить – без вещей сначала – посмотреть на эту 5-ю, насколько она затоплена, но это чмо заявило: что, мол, еще за экскурсии тут! – и заставило пойти туда сразу с вещами.

В этой 5-й я ночевал в августе 2015, когда ехал после добавки из Москвы. Тут был начат ремонт, на полу посреди камеры – бумажный мешок с

цементом, по всему полу – каша из смешанного с водой цемента и отбитой со стен штукатурки. Над самым входом и около умывальника – слава богу, рядом со стеной, не посередине камеры – активно капает с потолка; вся стена от двери до умывальника – сырая, в разводах.

Но, слава богу, дальний конец, у окна – сухой, там не капает ничего. Затащил вещи – и тут же извозил все брюки в этой белой известковой каше, долго их оттирал с помощью воды из-под крана. Нашел тряпочку, протер ту шконку, на которой решил лечь, протер стол, одну лавку из двух, застелил ее большим пакетом, – жить можно!!! :) Плохо, но можно!.. По крайней мере, гораздо лучше, чем с этим лысым говном, образцовым русским быдлом-недочеловеком. Кстати, шконки здесь еще старые, неудобные, с низеньким вторым ярусом, а не такие новые, с высоченным (о, как я оценил эту высоту за трое суток!..), как у него в 13-й. Лег, лежу. С окна, хоть оно и закрытое, и пластиковое, – изрядно дует. Свет, естественно, не выключается. Вода громко капает с потолка и течет из крана, полностью он не закрывается, – что ж, на ночь можно будет беруши вставить в уши. Однако – удивительная вещь: часа через три после моего водворения – перестало совершенно капать с потолка над умывальником, просохла каша на полу, только над дверью еще продолжает – несильно – капать. Сижусь и с юмором думаю: неужели это мое присутствие так повлияло на протечку потолка и сырость пола, что они исчезли сами собой?.. :)))

Вишенка на торте: обед дали сегодня только в четыре часа, недавно. Было тут уже за три дня и в полпервого, и в два, но чтобы в четыре!!! Причем – без всяких объяснений, как будто это в порядке вещей. Сижусь вот теперь и жду: поведут ли меня сегодня в баню (там с утра активно водят, сегодня же второй на неделе банный день, т.к. тут живут по лагерным ПВР 2016 года) и что будет вообще со мной дальше... В баню не всех за день успевают сводить, так что кто-то поневоле остается и назавтра.

А сегодня, между прочим, осталось мне 717 дней – уже ГОД и 11,5 месяцев!..

2.12.17., 12-30

В баню вчера неожиданно погнали уже в начале десятого вечера, – видимо, последним за день. И – повезло! – колотил я в дверь бани, чтобы потом выпустили оттуда, не так долго, как мывшиеся весь день до меня, а всего каких-то 10-15 минут. Здесь, видите ли, и завести, и вывести из бани имеют право только ТРИ сраных «инспектора» вместе, никак не меньше, а дожидаться прихода всех трех разом – целая проблема.

Лить с потолка вчера в этой моей камере еще пару раз начинало и переставало; но за ночь этот водопад разгулялся вовсю. От двери и от умывальника к моей шконке стала узкими дорожками подтекать вода, –

видимо, пол имеет уклон к окну, не заметный простым глазом. Конечно, это ерунда, всерьез меня не затопит; самое главное – что не капает над головой, а только вдалеке, в той половине камеры, и что пока гниды эти камуфляжные не делают попыток переселить меня еще куда-то (ибо, разумеется, любая смена условий тут будет к худшему).

На завтрак – овсянка, на обед – перловка, плюс еще «борщ» (пустой) в совсем уж плоской тарелочке, поместиться в которую больше пары ложек еды просто не может. Ну, плюс еще съел я корку от белой обеденной горбушки (весь хлеб – и белый, и черный – мне дают исключительно горбушками). Если бы у меня не осталось еще кое-что из собственных запасов пищи (на завтрак) – получилось бы, что я весь день только на этой микротарелочке «борща» и на этой корке хлеба. Питание постоянно, во всех тюрьмах и лагерях этого вонючего, е...чего Пермского края дается такое, что выжить на нем одним абсолютно невозможно.

Тоска, тоска, тоска. Тюрьмы, лагеря, этапы... И это – жизнь?!! 716 дней осталось...

4.12.17., 10-50

Прошло трое суток – и с утра, так же по проверке, перекинули меня обратно в 13-ю камеру этого проклятого ТПП. Ублюдка лысого, который сидел здесь, оказалось, уже нет (то-то, я заметил, он не откликался эти последние ночи на еженощные блатные переключки) – уехал. Камера пуста. Что ж, буду сидеть опять здесь. Тоскливая, холодная, маленькая камера, даже походить в ней негде, – квадратная, от окна до «дальняка» всего лишь четыре шага. Яркий свет, от которого некуда деться, круглые сутки (там, в 5-й, лежа на допотопном низком этом шконаре, мне всё же удавалось кое-как от него хотя бы частично завеситься на ночь). К тому же, тут бегают мыши, это я знаю еще с первого заезда сюда; баул с едой пришлось – от них подальше – закинуть на верхний ярус шконки, что может вызвать недовольство «мусоров» при проверке уже завтра. К тому же – продукты понемногу расходуются, увы. Завтраков осталось еще на четыре дня, потом – только хлеб (половинка!! ломтика белого, даваемая тут на завтрак). На ужины – доев кизеловские сосиски, вчера взялся за всевятские еще шпроты. Ем их с хлебом: в столыпине лапшу б/п можно, на худой конец, есть и без консервов, а вот консервы без лапши (тем паче такие, как шпроты, с которых течет масло) там не очень-то поешь... Осталось еще пять банок этих шпрот; если за эти дни не увезут – придется браться за лапшу и за оставшиеся (еще с октября 2016, с тогдашней передачи!) семь банок тунца. А купить тут что-либо – нереально: дело мое не вскрыто, лицевой счет упакован в нем, пользоваться им я не могу. На днях, позавчера, кажется,

ночью (почти сразу после отбоя), когда по требованию блатных из ПКТ со второго этаже (ТПП на первом) тут опять переписывали по всем камерам всех постояльцев – я услышал, что этот старик, с которым мы приехали сюда из Кизела и который тут первым сказал мне про Саратов и Балашов, еще здесь, в 19-й, что ли, камере. Он оказался аж 1947 года, т.е. 70 лет, – я думал, ему лет 60, – и «арестантское имя», как тут выражаются, то бишь погоняло, у него якобы – Дед. Значит, он, видимо, и впрямь поедет вместе со мной; чего же эти уроды ждут – еще пассажиров в сторону Ижевска/Казани/Саратова, что ли? Не то чтобы я сильно торопился а АД, на крытую – но всё же там я буду наконец уже на постоянном месте и доступен для писем и посещений, а не в дороге, неведомо где. Да и – хотя бы чисто теоретическая возможность купить что-то съестное там будет, а здесь ее нет.

С насмешкой – над самим собой – думаю постоянно, что вот, между прочим, сейчас как раз могли бы и освободить: момент удачный – декабрь, как было и тогда, в 2013, когда выпустили МБХ, «Pussy Riot» и четырех «болотников», и на носу – опять большое событие: тогда – Олимпиада, сейчас – ЧМ по футболу; правда, не через два месяца, как тогда, а через полгода, но всё равно ведь скоро; да и Умерова с Чийгозом выпустили и вывезли в Украину ведь не зря, ведь что-то же это значит!!! И как раз удобно было бы: я – на этапе, никто точно не знает, где именно я в каждый данный момент... Но нет – нечего и надеяться: такие вещи раз в жизни, м.б., и случаются, когда о них не думаешь и их не ждешь, совершенно неожиданно. А когда ждешь – то ничего не происходит...

Забыл еще: единственной потерей от трех суток в протекающей и тотально белой от побелки стен 5-й камере оказались мои вдрызг изгвазданные в этой побелке брюки. Черт бы ее побрал: чуть мазнешь – и уже никакой водой она не отмывается, моментально въедается в ткань и оставляет бледный, но всё равно заметный белесый след. Жаль, конечно, но – в конце концов, черт бы с ним! В столыпине стирать негде при всем желании; на крытой, а до нее – еще ведь и в саратовском СИЗО непременно! – я надеюсь все же сидеть один, без этих уголовных чистюль. Постираю уже на месте, если – важная деталь! – их не отберут при заезде туда как вольные. Ради этого стирать уж точно не стоит!.. Правда, если мне их оставят, то непонятно, в чем же ходить, постирав их: ведь спортивные – единственные еще у меня брюки – 200%, что отберут! Да и – силёнки еще нужны на стирку...

6.12.17., 15-14

Вчера, во вторник (официальный тут банный день, один из двух) в баню меня повести не успели, конечно: пришел вечером этап. Погнали сегодня

прямо с утра, как забирали матрасы. И – 35 минут после этого пришлось колотить в дверь бани изнутри, пока пришли эти три демона в камуфляже и открыли. Так тут колотят все, целыми днями слышна из бани эта глухая дробь: их запустят туда – и уйдут, а если кто из вертухаев и придет – говорит, что один их вывести не может, нужны еще двое. Страна идиотов... Во всех тюрьмах и лагерях – двое присутствуют при открывании камеры, от Москвы до Всесвятской, и только тут почему-то нужны трое...

Впрочем, я ничего не пропустил. В виде завтрака меня ожидала омерзительная овсянка, уже остывшая. Выбросил ее, конечно. на обед – каша (ху)ячневая тоже отвратная, со слизью; но эту всё же я смог съесть, залив майонезом и добавив аджики, а то – весь день до ужина на одном супе, которого тоже капля? Майонеза еще, оказывается, пять полных пачек – три со Всесвятской, а две куплены уже в Кизеле; но вообще – тревожно, что припасы потихоньку кончаются. Доем шпроты – надо браться за лапшу с консервами; если успею все консервы съесть тут (а их там после шпрот еще семь банок) – что потом есть в столыпине? Одну лапшу? Или ту дрянь, что они дают в сухпайках (теперь там каша рисовая с чем-то, консервированная, греть не нужно, и т.п.)? Вообще, непонятно, чего они ждут: десять дней я уже тут, если считать и вечер 27 ноября, когда привезли. Вчера кто-то из приехавших орал, что, мол, приехал он и еще двое из Казани, – не этим ли поездом Новороссийск-Пермь? Я, услышав, насторожился и стал думать, что сегодня могут заказать на этап и меня. Но нет – вот уже почти полчетвертого, и тишина. Только что, пока писал про Казань, судя по грохоту и топоту многих ног по деревянному настилу в коридоре, зашел с улицы очередной этап. Еще один орал сегодня утром из бани кому-то (в 14-ю, которая рядом с баней?), что он из Дагестана – и едет из Махачкалы этапом в Мурманск. Ничего себе расстояния! Почему его не оставили сидеть в Дагестане, – неужто тоже из-за 205-й статьи, как у меня? Но и с 205-й в Дагестане последние годы затишье – все активные уехали в Сирию воевать, мочить дагестанских ментов, видимо, стало некому... :(((

В общем, чего я жду тут – непонятно, но сижу как на иголках, и чем дальше – тем сильнее нервничаю, ожидая ежедневно с утра, после обеда и после отбоя, что вот сейчас придут и закажут на этап...

7.12.17., 9-35

Пришла сейчас врачиха выдавать мне очередные таблетки от давления, как каждое утро, – и вдруг вертухай, ее сопровождающий, не мне, а ЕЙ говорит там, в коридоре: «Он сегодня уезжает». Вот те на! Стал переспрашивать – он подтвердил и мне, и сейчас вот еще раз напомнил на проверке; а врачиха этих таблеток дала аж на пять дней вперед, даже

справку о них для конвоя написала.

Что ж, прощай, Пермский край, и будь проклят веки! На этот раз, я надеюсь, прощание это уже окончательное и навсегда!.. Знать бы еще точно, куда повезут, – сразу в Саратов, или... Во всяком случае, недавно кто-то орал тут, что приехал с Казани, – дай бог, чтобы хоть до Казани сразу довели, а не только до Ижевска! Во всяком случае, 100 недель 18 декабря я, скорее всего, встречу уже в Саратове – на централье, а м.б. – на такой же вот пересылке, ТПП, как вот эта, пермская. Всего лишь 711 дней остается до конца срока – но как их пережить, как?! Во всяком случае, ясно одно: ребята ко мне на крытую приедут не раньше конца января, – до 9-го вообще «праздники», да и им со всеми их делами не собраться раньше; да и – куда им спешить-то? Если при заезде отберут все «вольные» теплые вещи – до февраля, а то и марта, пока не приедут с передачей Вера и Феликс (а передачу ведь еще собрать нужно!) – я буду околевать там, на крытой, особенно – если засунут в карцер... :(((

1041 сторінка

+ Сторінки під вихідні дані і документацію

190x230 мм

3мм виліт під обріз

Шрифт: PermianSerifTypeface 11

Заголовки: **DINPro, bold, 16**